Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

9.

(Содержаніе Р. Архива 1880 г. см. на обор.).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885.

3.

Въ 1885 году „Руссій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

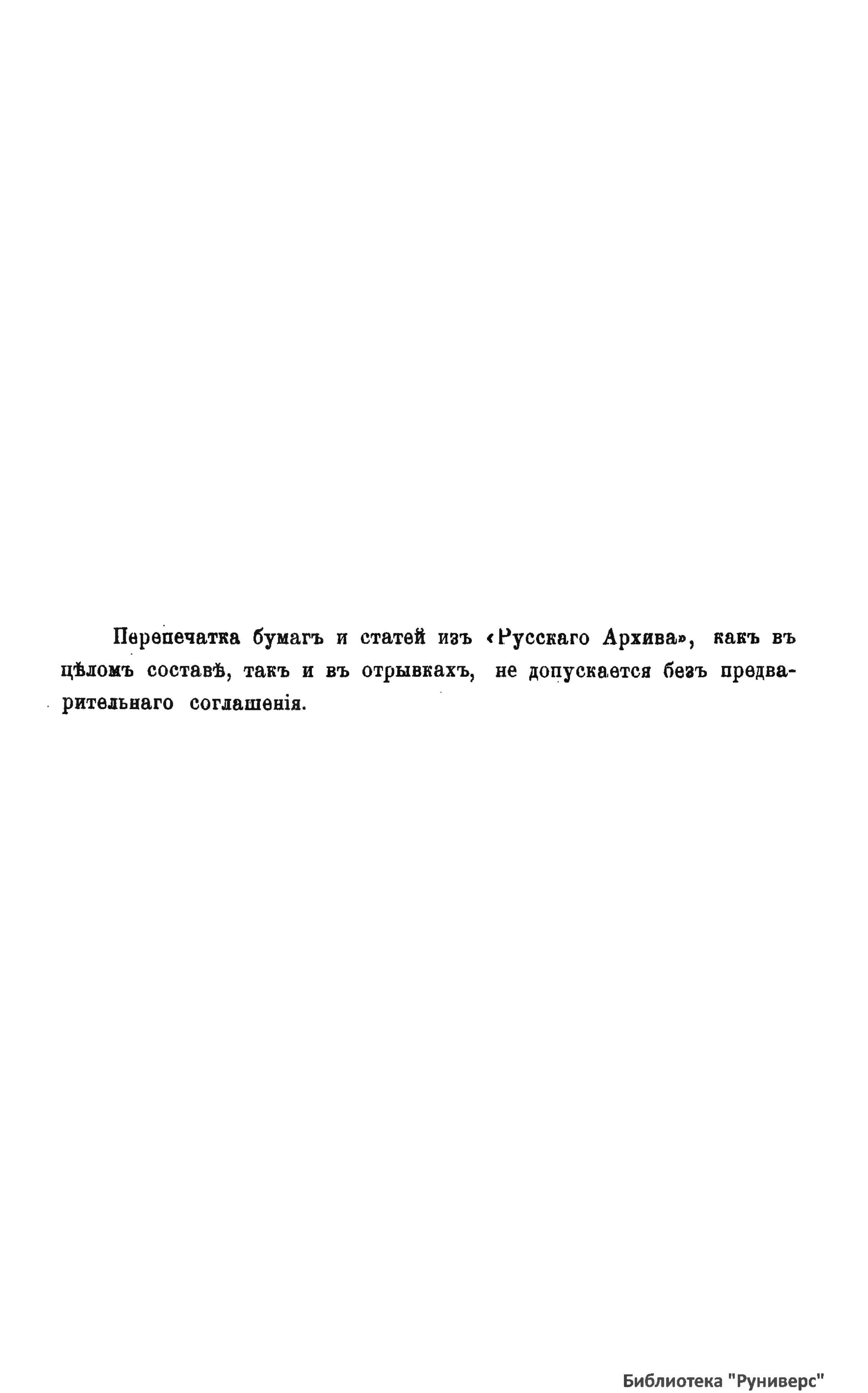
....Многое, бывшее чудомъ минувшихъ лѣтъ,
видитѣя намъ въ величавыхъ развалинахъ...

Жуковскій.

1885.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Со времени опредѣленія въ службу до выступленія въ походъ.

1811—1812.

(Писано въ Петербургѣ въ 1815 году).

Родился я 14-го Іюля 1794 г., воспитывался и учился въ родительскомъ домѣ. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1811 г. отецъ привезъ меня въ Петербургъ для опредѣленія въ военную службу.

Я не имѣлъ опытности въ обращеніи съ людьми, обладалъ порядочными свѣдѣніями въ математикѣ, не имѣлъ понятія о службѣ и желалъ вступить въ нее. Уже четыре года былъ я влюбленъ. Сначала я бывалъ только у своихъ родственниковъ, т.-е. у братьевъ и двоюроднаго брата Александра Мордвинова. Съ симъ послѣднимъ и со старшимъ братомъ дѣтскія ссоры довольно часто разстраивали наше согласіе; въ дѣтствѣ ссоры эти вызывали между нами драки, въ описываемое время кончались упреками, иногда горькими; теперь же спором и смѣхомъ.

Братъ Александръ былъ годомъ меня старѣе въ службѣ. Въ день пріѣзда моего въ Петербургъ, онъ возвратился изъ Волыни, куда былъ командированъ для съёмки. Увидѣвъ его въ офицерскомъ мундирѣ, я сердечно порадовался при мысли, что скоро самъ его надѣну. Дня три послѣ его пріѣзда, отецъ повезъ меня рекомендовать къ капитану Сулимѣ, а сей послѣдній къ г.-адъют. князю Петру Михайловичу Волконскому, который, исправляя тогда должность генералъ-квартирмейстера, исключительно занимался преобразованіемъ генеральнаго

*) Печатаются съ подлинныхъ своеручныхъ тетрадей, сохранившихся у дочери Н. Н. Муравьева, Александры Николаевны Соколовой. П. Б.

штаба, называвшагося тогда свитою Его Величества. Наступилъ страшный день, назначенный для экзамена. Полковникъ Хатовъ и подполковникъ Шефлеръ, которые меня экзаменовали, первый въ фортификаціи, а второй въ математикѣ, знали менѣе моего; я хорошо выдержалъ экзаменъ, они остались довольны и донесли о томъ князю, который поздравилъ меня колонновожатымъ и приказалъ мнѣ немедленно явиться въ Семеновскій полкъ къ полковому адъютанту Сипягину для обмундированія. Я прибѣжалъ домой, запыхавшись, и обрадовалъ отца, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ рѣшенія (Подагра его удерживала въ постелѣ). То было въ Пятницу. Мнѣ не терпѣлось надѣть братнинъ киверъ и саблю и, поѣхавъ въ Семеновскій полкъ, я заказалъ себѣ мундиръ, который надѣлъ въ Воскресенье поутру.

Первое происшествіе, сопровождавшее вступленіе мое въ свѣтъ и на службу, ознаменовалось пощечиной, не у мѣста, но правильно данной. Не похвалюсь симъ поступкомъ, но полагаю горячность свою извинительною, во уваженіе молодости моей и неопытности; ибо я не воображалъ себѣ, что неблагопристойно было въ хорошемъ обществѣ дать заслуженную пощечину. Конечно, пощечина дается только въ той крайности, когда противникъ другой обиды почувствовать не умѣетъ; иначе, давшій ее подверженъ получить подобную же; но въ настоящемъ случаѣ послѣдствія показали, что пострадавшій мало огорчился. Приступимъ къ дѣлу.

Надѣвъ мундиръ, мнѣ слѣдовало идти къ присягѣ и явиться къ князю Волконскому. Но, разсудивъ, что въ Воскресенье никого дома не застанешь, я отложилъ явку свою до Понедѣльника. Въ тотъ же день у адмирала Н. С. Мордвинова былъ балъ и маскарадъ. Я увижу Н. Н., она меня увидитъ въ мундирѣ; что̀ могло быть увлекательнѣе! Батюшка страдалъ подагрой и остался дома, а меня ввечеру отправилъ съ братомъ къ Николаю Семеновичу. Промѣнялъ ли бы я Турецкій или Гишпанскій костюмъ на колонноважатскій мундиръ? Я пріѣхалъ съ кивером въ рукахъ, не снималъ сабли и стучалъ шпорами, часто спотыкаясь. Поляки, Турки, гусары, рыцари—всѣ казались мнѣ ниже меня. Переодѣтая Н. Н. явилась съ двумя рыцарями. Сем. Никол. Корсаковъ и братъ ея Сашинька обнажили мечи и дѣлали примѣръ боя; одинъ изъ рыцарей упалъ, а другой увелъ ее танцовать. Я сталъ въ углу и завистливыми глазами глядѣлъ на счастливаго Корсакова. Вблизи меня въ первой парѣ стоялъ Михайловъ, переодѣтый въ гусарское платье штабсъ-ротмистра Фигнера *), одѣтаго Туркою и тан-

*) Николай Самойловичъ Фигнеръ—братъ знаменитаго партизана въ Отечественную войну.

цовавшаго во второй парѣ съ своею невѣстою, сестрою Михайлова. Михайловъ, подойдя ко мнѣ, насмѣшливо сказалъ:—«А унтеръ-офицеръ танцовать не смѣетъ» и, не давъ мнѣ времени отвѣчать, поспѣшилъ къ своей дамѣ, съ которою удалился. Кровь во мнѣ закипѣла. По окончаніи экосеза, я подошелъ къ Михайлову и, напомнивъ ему сказанныя слова, хладнокровно, учтивымъ образомъ, просилъ у него объясненія. Онъ замѣшался; на то время подбѣжалъ Александръ Мордвиновъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, шуткою сказалъ Михайлову: «Что̀ вы армейскіе! Знаете-ли, что всякій колонновожатый достоинъ бо̀льшаго уваженія, чѣмъ вашъ поручикъ?» — «Согласенъ» отвѣчалъ мнѣ Михайловъ, «что вашъ корпусъ почетный, но и я также выдерживалъ строгіе экзамены». Затѣмъ онъ сталъ распространяться въ названіяхъ наукъ, ему извѣстныхъ. Похваля знанія его, я возразилъ ему, что нимало въ томъ не сомнѣваюсь, но прошу объясненія первыхъ его рѣчей.— «Что же, отвѣчалъ Михайловъ, я вѣдь, знаю вашихъ офицеровъ, потому что служилъ съ ними въ Молдавіи; я самъ свидѣтель того, какъ одному полковнику вашего корпуса однажды приказали выстроить мостъ, и такъ какъ онъ сего не умѣлъ сдѣлать, то принуждены были командировать къ постройкѣ моста пѣхотнаго поручика; посудите сами, если у васъ полковники такіе ослы, то почему колонновожатымъ не быть хуже?» Пощечиной отвѣчалъ я Михайлову при всѣхъ. Не выражу того, что̀ я въ эту минуту чувствовалъ. Я былъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, но взволнованъ и находился въ такомъ необоронительномъ положеніи, что Михайловъ могъ меня тутъ же ударить. Сужу теперь, что при всякой ссорѣ надобно имѣть лѣвую руку болѣе въ готовности, чѣмъ правую. «Что̀ вы сдѣлали?» вскрикнулъ центра тяжести лишенный Михайловъ, схвативъ меня за руку.—«Свой долгъ», отвѣчалъ я ему, «и готовъ сей-часъ дать вамъ удовлетвореніе, какое вамъ будетъ угодно. Пойдемте!»—«Знаете-ли вы, что̀ я сдѣлаю?» сказалъ Михайловъ: «Я сей-часъ пожалуюсь Николаю Семеновичу. Вы были свидѣтелемъ, г-нъ Гамалѣй; благоволите утвердить, а вы г-нъ Муравьевъ щенокъ!» — «Ахъ!» вскричалъ я, «подлецъ, тебѣ и этого мало; такъ постой-же!» Я вздрогнулъ отъ бѣшенства и побѣжалъ въ другую комнату искать по угламъ какой-нибудь трости, чтобъ порядкомъ прибить Михайлова. Пока я метался, Михайловъ, въ сопровожденіи Гамалѣя, самъ разсказалъ дамамъ свое несчастіе, ссылаясь на свидѣтеля. Къ счастію, Николай Семеновичъ въ то время сидѣлъ въ кабинетѣ, откуда онъ вышелъ въ гостинную тогда, какъ меня уже не было въ домѣ. Суматоха сдѣлалась страшная: гости стали разъѣзжаться прежде времени. Фигнеръ сидѣлъ въ углу со своею невѣстою, когда безчестіе брата ея до него дошло. Онъ прибѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ меня за

руку, просилъ скорѣе удалиться. На то время подошелъ братъ Александръ, который, увидя меня въ жаркомъ разговорѣ, успокоилъ насъ и вмѣстѣ съ Фигнеромъ уговорилъ меня уѣхать. На крыльцѣ сопровождали меня выраженія удовольствія слугъ, которымъ Михайловъ самъ уже успѣлъ разсказать свое приключеніе. Они не любили его и радовались случившемуся съ нимъ.

Смущенный возвратился я домой и разсказалъ отцу о случившемся. Онъ встревожился, побранилъ меня за запальчивость, но сказалъ, что я долженъ непремѣнно драться, на что я охотно согласился. На другой день пріѣхалъ Корсаковъ и объявилъ о намѣреніе Фигнера вступиться за честь Михайлова. Я на все былъ согласенъ; но батюшка, опасаясь, чтобы я чрезъ поединокъ не пострадалъ по службѣ, пригласилъ письмомъ Фигнера къ нему пріѣхать. Поговоривъ съ нимъ наединѣ, онъ позвалъ меня и сказалъ: «Николай, ты долженъ извиниться, я этого требую. Николай Самойловичъ будетъ посредникомъ». Нехотя, принужденъ былъ я повиноваться, и меня повезли къ Михайлову. «Александръ Михайловичъ», сказалъ я ему, «сожалѣю, что слишкомъ погорячился третьяго дня; но сознайтесь, что вы первые были неправы».—«Конечно, я былъ неправъ» отвѣчалъ онъ, «но и вы не должны были.... Неугодно-ли чаю?»—«Благодарю васъ», сказалъ я, «сей-часъ пилъ дома, прощайте», вышелъ отъ него и уѣхалъ. Фигнеръ, провожая меня, увѣрялъ въ чувствахъ своего уваженія ко мнѣ, а я довольнымъ возвратился домой. Бѣдный Михайловъ, который за нѣсколько дней передъ своей бѣдой только что пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы повеселиться, принужденъ былъ возвратиться въ деревню. Я же былъ осужденъ не бывать больше въ домѣ Николая Семеновича, что̀ продолжалось болѣе мѣсяца. Старикъ былъ непреклоненъ къ просьбамъ моихъ родственниковъ; наконецъ, по ходатайству тетки Катерины Сергѣевны, былъ я снова имъ принятъ. «Mon cher ami», сказалъ онъ обнимая меня, «quand on veut faire la paix, il ne faut plus parler du passé, que tout soit oublié». Такъ все и кончилось. Впослѣдствіи товарищи, узнавъ о случившемся, неоднократно благодарили меня за то, что я вступился за доброе имя корпуса, въ коемъ они служили.

Вскорѣ по опредѣленіи меня на службу, батюшка уѣхалъ обратно въ Москву. Князь Волконскій далъ мнѣ занятія въ своей канцеляріи и, спустя мѣсяцъ, назначенъ былъ мнѣ экзаменъ для производства въ офицеры. Мною остались очень довольны и поставили въ спискѣ къ производству вторымъ; но, къ несчастію моему, за два дня передъ тѣмъ учредили у насъ прапорщиковъ, и такъ вмѣсто подпоручиковъ вышли мы прапорщиками. Впрочемъ радость надѣть офицерскій мундиръ изгладила сію небольшую досаду. Я былъ произведенъ 1811 года Ап-

рѣля 14-го дня, въ день рожденія брата Сергѣя. Однажды, какъ я сидѣлъ за работой, князь подошелъ ко мнѣ. «Муравьевъ, сказалъ онъ, Бетанкуръ увѣряетъ, что въ его корпусѣ послѣдній юнкеръ загоняетъ въ математикѣ лучшаго изъ нашихъ новопроизведенныхъ. Тебѣ заступиться за честь вашу; я тебѣ завтра пришлю билетъ, а послѣ завтра поѣдемъ на экзаменъ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Постарайся загонять ихъ хорошенько, тамъ и наши будутъ». Въ угожденіе князю я занялся эти два дня, затвердилъ самыя сбивчивыя задачи и, приготовивъ себя такимъ образомъ, я прибылъ на экзаменъ. Меня приняли привѣтливо, но ученики смотрѣли на меня какъ на злодѣя, явившагося, чтобъ воспрепятствовать ихъ производству въ офицеры. Начали съ самыхъ слабыхъ. Условленные между профессорами и учениками вопросы и отвѣты спасли ихъ отъ неудачи. Явились и сильные. Бетанкуръ, привставъ, пригласилъ меня экзаменовать. Я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, но удачные отвѣты сокрушали меня. Князь Волконскій мнѣ глазами мигалъ и морщился; наконецъ, въ удовольствіе ему, я задалъ слѣдующее: извлечь $\sqrt[m]{x-1}=$. Этою пустою задачею мнѣ, наконецъ, удалось сбить бѣднаго кандидата, который смѣшался. Самъ Висковатовъ, удивленный замѣшательствомъ ученика своего, всталъ и не умѣлъ сего рѣшить. Князь восторжествовалъ. Предвидя скорое рѣшеніе задачи моей, я поспѣшилъ самъ указать рѣшеніе и тѣмъ не далъ времени раздосадованнымъ противникамъ затруднить меня усложненными формулами; пользуясь своимъ званіемъ экзаменатора, я не переставалъ вопрошать и такимъ образомъ избавился отъ заготовленной мнѣ грозы, ибо въ сущности инженеры болѣе нашего смыслили въ математикѣ. Князь, Бетанкуръ и всѣ свидѣтели поздравили меня съ успѣхомъ, а я, похваливъ учениковъ, болѣе меня свѣдущихъ, не остался лишняго времени и поспѣшилъ домой. Съ тѣхъ поръ духъ соперничества поселился между нашими офицерами и инженерами путей сообщенія, и они получили отъ насъ названіе болотниковъ. Я не сомнѣваюсь однакоже, что они превзошли насъ въ знаніи математики. Въ то время чертежная наша и канцелярія помѣщались въ Михайловскомъ дворцѣ, гдѣ также завелись математическіе классы. Подполковникъ Шефлеръ преподавалъ колонновожатымъ геометрію. Онъ ее твердо зналъ и хорошо преподавалъ; но видно, что занятіемъ этимъ тяготился, ибо онъ съ моего согласія просилъ князя поручить мнѣ сей классъ, что̀ и сбылось. Отобравъ восемь изъ лучшихъ колонновожатыхъ, я, съ согласія Шефлера, пригласилъ ихъ ходить каждый день учиться ко мнѣ на домъ. Я жилъ тогда подъ Смольнымъ монастыремъ на квартирѣ дяди Мордвинова, который лѣто проводилъ въ деревнѣ. Двое изъ учащихся у меня ко-

лонновожатыхъ подлинно успѣли въ математикѣ. Уроки сіи занимали меня. Въ то время какъ я преподавалъ, заводилась у насъ другая школа. Князь Волконскій, при всемъ властолюбіи своемъ и благонамѣренности, началъ подчиняться вліянію приверженцевъ, коихъ достоинства онъ не всегда умѣлъ различить или оцѣнить. Капитанъ свиты Его Величества и, какъ говорятъ, самозванецъ, графъ Фалькландъ, бѣглый изъ Французской службы, получилъ тогда довѣріе князя по части преподаванія математики. Трудно разобрать этого человѣка. Нельзя было ему отказать въ большихъ свѣдѣніяхъ по математикѣ, при томъ онъ говорилъ ясно; но страсть его была учить,—и чему въ особенности? Нумераціи! Полагаю, что разумъ его былъ нѣсколько помраченъ отъ усиленныхъ занятій; страдая сильною чахоткою, онъ не переставалъ кричать и толковать начала ариѳметики по самый конецъ своей жизни. Сначала онъ меня полюбилъ и, чувствуя приближающуюся смерть, хотѣлъ сдѣлать меня наслѣдникомъ своихъ бумагъ и сочиненій; но въ послѣдствіи я не могъ не видѣть оскорбленія подчиненныхъ мнѣ колонновожатыхъ, которыхъ обязали также ходить къ Фалькланду. Я поссорился съ нимъ и чрезъ то избѣжалъ труда разбирать стопы бумаги, измаранной математическими формулами, до коихъ въ сущности я небольшой охотникъ.

Фалькландъ увѣрилъ князя, что никто изъ новопроизведенныхъ офицеровъ не постигаетъ тайны нумераціи. Князь тщетно старался также насъ въ томъ увѣрить; но какъ голосъ его былъ сильнѣе истины, то и стали мы по приказанію его ходить каждый день послѣ обѣда къ графу-самозванцу, гдѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ практиковались въ счетѣ и четырехъ правилахъ ариѳметики по шестеричной, осмеричной и другимъ системамъ нумерацій. Однажды вздумалось намъ побунтовать. По общему согласію, на лекціи, Дурново прочиталъ Фалькланду рѣчь отъ имени всѣхъ товарищей. Всѣ встали со своихъ мѣстъ и, сообща, старались внушить Фалькланду, что, дорожа своимъ временемъ, мы не находимъ нужнымъ тратить его по напрасну на такіе пустяки, какъ изученіе нумераціи, и наконецъ, что офицерскій чинъ избавляетъ насъ отъ несносной скуки къ нему на лекціи ходить; но увы! Фалькландъ былъ хитрѣе насъ: прокашлявши съ четверть часа и выслушавъ насъ съ улыбкою, онъ согласился въ правотѣ нашего сужденія, но ссылался на волю князя, которую обязанъ былъ исполнить. Впрочемъ онъ, вопреки обыкновенію своему, долго любезничалъ съ нами; отпуская же насъ, каждому пожалъ руку и разстался съ нами попріятельски. Мы послѣ узнали, что онъ въ это время ожидалъ къ себѣ князя, который однако не пріѣзжалъ. На другой день князь насъ къ себѣ собралъ и разразился грозою на не-

счастнаго Дуриово. Щербининъ и я стали было говорить, но намъ велѣли молчать, и мы замолкли. Приказали намъ снова ходить учиться, и мы ходили, пока совершенно разстроенное здоровье Фалькланда не позволило ему больше преподавать таблицу умноженія. Признаюсь, мы очень опасались его выздоровленія и каждый день имѣли вѣрныя свѣдѣнія о состояніи его здоровья. Онъ вскорѣ и умеръ отъ чахотки.

Я жилъ близъ Смольнаго монастыря, въ такъ называемой Подгорной, на квартирѣ у дяди Мордвинова. Связи и знакомства мои не были обширны. Особенной дружбы ни съ кѣмъ не имѣлъ, въ пріятельскомъ же кругу бывали у меня сослуживцы Колычевъ и Михайла Александровичъ Ермоловъ; часто видался я также съ Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, служившимъ тогда юнкеромъ въ Семеновскомъ полку. Колычевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ называютъ отчаянными головами; ему было 23 года, онъ имѣлъ свѣдѣнія и былъ вѣрный товарищъ. Онъ сначала имѣлъ неудовольствія по службѣ, потому что поссорился съ начальникомъ; въ послѣдствіи, въ кампаніи 1812 г., онъ присталъ къ партизанамъ и по отличію достигъ чина ротмистра въ Александрійскомъ гусарскомъ полку. Ермоловъ былъ мнѣ ровесникъ. Онъ былъ хорошо воспитанъ, скроменъ и съ познаніями. Товарищи любили его. Онъ перешелъ отъ насъ въ гвардейскій егерскій полкъ, гдѣ также пріобрѣлъ себѣ общее расположеніе сослуживцевъ и начальниковъ. Въ 1813 г. Ермоловъ отличился храбростью въ сраженіи подъ Кульмомъ, гдѣ былъ жестоко раненъ. Матвѣя Муравьева-Апостола я очень любилъ. Онъ благородный малый и прекраснаго нрава; жаль только, что онъ мало учился, черезъ что природныя дарованія его остаются втунѣ; хотя онъ характера легкаго и склоненъ слѣдовать примѣру другихъ, онъ можетъ заблуждаться, но правила чести его безукоризненны. Онъ приходилъ ко мнѣ дѣлить свое горе, ибо имѣлъ неудовольствія отъ своего отца, который не умѣлъ цѣнить счастливаго нрава Матвѣя. Съ братомъ его Сергѣемъ я не былъ такъ близокъ, какъ съ нимъ.

Я жилъ вмѣстѣ съ братомъ Александромъ и двоюроднымъ братомъ Мордвиновымъ. Случалось намъ ссориться, но доброе согласіе отъ того не разстраивалось. Мы получали отъ отца по 1000 р. асс. въ годъ. Соображаясь съ сими средствами, мы не могли роскошно жить. Было даже одно время, что я, во избѣжаніе долга, въ теченіи двухъ недѣль, питался только подожженымъ на жирной сковородѣ картофелемъ. Матвѣй часто приходилъ раздѣлять мою трапезу, ни мало не гнушаясь ея скудостью. Помню, какъ я въ это голодное время пошелъ однажды на охоту на Охту и застрѣлилъ дикую утку, которую

принесъ домой и съѣлъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Изрѣдка навѣщалъ насъ по вечерамъ бывшій экзаменаторъ мой, добрый Шефлеръ. По Воскресеньямъ бывалъ я на вечерахъ у Н. С. Мордвинова, гдѣ танцовали. Страсть моя къ дочери его возрастала; я навѣстилъ адмирала однажды и на мызѣ, въ Парголовѣ, гдѣ онъ проводилъ часть лѣта съ семействомъ. Болѣе я ни у кого не бывалъ и проводилъ время дома. Внѣ служебныхъ занятій велъ я жизнь праздную, вовлекшую меня въ школьныя шалости, которые, можетъ быть, нѣсколько и повредили мнѣ.

Первая попавшаяся мнѣ книга была Compère Mathieu. Нѣсколько разъ прочиталъ я этотъ романъ который мнѣ очень понравился, но разрушилъ всѣ мои религіоныя понятія и чувства; однако книга сія не замѣнила разрушеннаго новыми правилами, и потому она только спутала понятія мои, не возродивъ ничего новаго. Мнѣ тогда было 16-ть лѣтъ. За этой книгой попалась мнѣ въ руки «Новая Елоиза» Руссо. Чувствительность, выражающаяся въ сихъ письмахъ, растрогала мое сердце, по природѣ впечатлительное. Разметанныя первымъ чтеніемъ мысли мои начали приходить въ порядокъ. Нѣсколько разъ прочиталъ я съ большимъ вниманіемъ «Новую Елоизу», и страсть моя къ Н. Н. усилилась. Думаю, что начало это способствовало къ развитію во мнѣ нелюдимости, къ которой я отъ природы склоненъ. Я тогда уже находилъ удовольствіе въ уединеніи, ходилъ по вечерамъ задумываться на *Быки* *), гдѣ просиживалъ до глубокой ночи, ходилъ на охоту и наслаждался своимъ одиночествомъ, когда лежалъ среди лѣса, растянувшись на травѣ вдали отъ свидѣтелей, коихъ, казалось, избѣгали и мысли мои. Предаваясь воображенію, я сравнивалъ положеніе свое съ положеніемъ независимаго человѣка. Слогъ Жанъ-Жака увлекалъ меня, и я повѣрилъ всему, чтó онъ говоритъ. Не менѣе того, чтеніе Руссо отчасти образовало мои нравственныя наклонности и обратило ихъ къ добру; но, со времени чтенія сего, я потерялъ всякую охоту къ службѣ, получилъ отвращеніе къ занятіямъ, предался созерцательности и облѣнился. Я перемогалъ свою лѣнь при исполненіи обязанностей и сталъ уже помышлять объ отставкѣ. Я и теперь лѣнивъ, но не для того однакоже сознаюсь въ томъ, чтобы такимъ признаніемъ предъ собою скрыть множество другихъ недостатковъ, ибо въ лѣности всего легче сознаться.

Мнѣ очень желалось видѣться съ отцомъ и показаться въ Москвѣ въ мундирѣ. Получивъ отпускъ на 28-мь дней, я отправился и былъ хорошо принятъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ прежніе знакомые, обра-

*) Быками называется выстроенная на Невѣ маленькая пристань противъ Таврическаго дворца.

щавшіеся со мною когда-то какъ съ ребенкомъ или учащимся, нынѣ съ любопытствомъ распрашивали меня о Петербургѣ и службѣ. Меня особенно льстила встрѣча со старыми учителями, и не вѣрилось, что я не обязанъ имъ болѣе повиновеніемъ. Мнѣ странно казалось и то, что власть родительская тяготѣла на офицерѣ какъ бы слабѣе, чѣмъ на ученикѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ, что родительскій гнѣвъ въ нѣкоторомъ возрастѣ чувствительнѣе, нежели въ малолѣтствѣ. Гнѣвъ этотъ, возбужденный вмѣшательствомъ моимъ въ дѣла, не подлежавшія моему сужденію, былъ однакоже непродолжительный и остался безъ непріятныхъ послѣдствій. Доброе согласіе между нами не нарушилось.

Въ то время какъ отецъ возилъ меня для опредѣленія на службу въ Петербургъ, братъ мой Михайло, оставшійся въ Москвѣ и сдѣлавшій уже замѣчательные успѣхи въ математикѣ, пригласилъ учителей своихъ или, вѣрнѣе сказать, соучащихся съ нимъ, университетскихъ профессоровъ, составить математическое общество, коего онъ назвалъ себя директоромъ. Цѣль общества состояла въ усовершенствованіи науки. По возвращеніи батюшки въ Москву предложили ему быть президентомъ. Сочинивши уставъ, просили князя Волконскаго принять званіе члена общества, въ которое были приняты и другія лица, въ томъ числѣ и мы, два старшіе брата. Общество сіе, постепенно развиваясь, превратилось въ училище. Нѣсколько Московскихъ молодыхъ людей, познакомившись съ батюшкой, просили его преподавать военныя науки, на что онъ согласился. Братъ Михайло занялся преподаваніемъ математики, профессора же каждый по своей части. Когда я пріѣхалъ въ Москву, то засталъ уже человѣкъ десять учениковъ. Батюшкѣ пожалованъ былъ Государемъ перстень съ изображеніемъ вензеля Его Величества. Въ числѣ учившихся были двое Колошиныхъ, Михайло и Петръ (третій, братъ ихъ Павелъ, былъ еще ребенкомъ). Старшему было двадцать лѣтъ. Скромность его и приличіе въ обращеніи привлекали меня къ нему; мнѣ казалось, что его тревожила скрытая грусть и что онъ искалъ друга, которому могъ бы поручить свои думы. Также и я надѣялся получить его довѣренность. Мы взаимно объяснились въ сердечныхъ нашихъ тайнахъ, послѣ чего подружились съ тѣмъ теплымъ увлеченіемъ души, какое дано намъ ощущать только въ молодыхъ лѣтахъ.

*

(Писано въ Тифлисѣ, въ Октябрѣ 1817 года).

Мнѣ оставалось только три дня жить въ Москвѣ до истеченія отпуска, и я собирался уже выѣхать въ Петербургъ; но у батюшки готовился экзаменъ, и ему хотѣлось, чтобы я былъ свидѣтелемъ, дабы

могъ лично доложить князю Волконскому объ успѣхахъ его учениковъ, почему и поручилъ мнѣ все устроить къ вечеру. Экзаменъ состоялся въ присутствіи многихъ профессоровъ университета и былъ удаченъ. М. Колошинъ особенности отличился своими познаніями. На другой день экзамена я выѣхалъ изъ Москвы; батюшка провожалъ меня за четырнадцать верстъ отъ города и, повидимому, старался ласками своими изгладить впечатлѣніе отъ небольшой размолвки, между нами случившейся.

По возвращеніи въ Петербургъ, я засталъ уже главный штабъ переведеннымъ изъ Михайловскаго замка въ Кушелева домъ, гдѣ изготовлялось помѣщеніе для конновожатыхъ, ихъ классовъ и нѣсколько квартиръ для офицеровъ.

По приведеніи всего этаго въ окончательное устройство переселили туда 24-ре человѣка колонновожатыхъ. Директоромъ сего новаго училища былъ назначенъ полковн. Хатовъ, помощникомъ его подполк. Шефлеръ, а дежурными надзирателями: пор. Окуневъ, подпор. Дьяконовъ и я. Я переѣхалъ на новую свою квартиру и вступилъ въ должность, которая состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за поведеніемъ колонновожатыхъ, живущихъ въ домѣ, ежедневно осматривать одежду у всѣхъ собиравшихся на лекціи 60-ти колонновожатыхъ прежде и послѣ классовъ, въ классахъ блюсти за порядкомъ и тишиною; колонновожатыхъ, живущихъ въ домѣ, водить вмѣстѣ къ обѣду въ общую застольную, увольнять по билетамъ со двора, ввечеру подавать рапортъ о происшедшемъ помощнику, ночью дѣлать рунды по комнатамъ, повѣрять дневальныхъ и дѣлать три раза въ день перекличку. Кромѣ того должно было колонновожатыхъ водить на всѣ парады, гдѣ они выстраивались по ранжиру.

Между колонновожатыми находилось много такихъ, которые уже пять лѣтъ въ службѣ числились, инымъ было уже подъ тридцать лѣтъ отъ роду. Неминуемо было, что многіе изъ нихъ на меня дулись, ибо мнѣ было только семнадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ службы. Я былъ строгъ въ исполненіи своихъ обязанностей и не пропускалъ ни одной вины безъ замѣчанія. Поэтому не полагаю, чтобы всѣ колонновожатые меня полюбили; но повиновеніе сохранилось.

Кромѣ сей должности мнѣ еще поручили экзаменовать въ математикѣ колонновожатыхъ и вновь опредѣлявшихся къ намъ на службу; на мое попеченіе возложили также библіотеку, которую только что начинали устраивать: собрано было пожертвованій около 2000 книгъ, которыя надобно было привести въ порядокъ и сдѣлать имъ каталогъ. Мнѣ тоже было поручено преподаваніе математики въ 1-мъ классѣ, состоявшемъ изъ 32-хъ колонновожатыхъ, въ числѣ коихъ нѣкоторые болѣе меня знали, другіе же лѣнились. Князь требовалъ поряд-

ка и тишины въ классѣ. Изъ осторожности я мало касался въ классѣ сильнѣйшихъ меня въ наукѣ, дабы они не могли замѣтить своего преимущества надо мною; старикамъ же, которые ничего не знали и, повидимому, никогда ничему бы не научились, я снисходилъ. Уваженіе, которое я имъ при другихъ колонновожатыхъ оказывалъ, расположило ихъ ко мнѣ, и они соблюдали должное повиновеніе; такимъ образомъ сохранился между всѣми постоянный порядокъ. Но порядокъ нарушался въ дежурство другихъ двухъ офицеровъ, при коихъ колонновожатые дѣлали большія шалости и смѣялись надъ ними. Нѣкоторые изъ колонновожатыхъ пожелали учиться у меня на квартирѣ. Первымъ назвался Мейндорфъ 2-й, прозванный рыжимъ; онъ у меня учился фортификаціи, которую я съ нимъ прошелъ отъ начала до конца по Noire de St. Paul. Этотъ Мейндорфъ былъ весьма свѣдущъ во всѣхъ частяхъ и человѣкъ благовоспитанный; я съ нимъ коротко познакомился. Не видавшись съ нимъ послѣ того нѣсколько лѣтъ, я встрѣтился съ нимъ недавно въ Петербургѣ, по случаю перевода его въ гвардейскій генеральный штабъ уже штабсъ-капитиномъ. Но какъ онъ измѣнился! Старое близкое знакомство наше не возобновилось, связи и служба развели насъ въ разные концы Имперіи, и мы рѣдко когда послѣ того встрѣчались.

Многіе изъ колонновожатыхъ ходили учиться къ Хатову и Шефлеру. Послѣдній бралъ по 5 рублей за урокъ, но старался и на экзаменахъ былъ безпристрастенъ; первый же до такого совершенства довелъ этотъ порядокъ, что колонновожатые приносили ему впередъ за тридцать уроковъ деньги 300 р. и не заходили къ нему болѣе четырехъ разъ поучиться, на пятый же являлись къ экзамену, гдѣ онъ имъ писалъ самыя лучшія аттестаціи. Порядокъ этотъ до сей поры еще существуетъ на посрамленіе чести нашего корпуса. Хатовъ человѣкъ семейный и бѣдный и симъ способомъ единственно живетъ; князь же, допускавшій сіе, не знаетъ о вошедшихъ въ обычай злоупотребленіяхъ. Когда узнали, что мнѣніе мое вліятельно на экзаменахъ и что я давалъ частные уроки, нѣкоторые изъ колонновожатыхъ пожелали и у меня учиться. Первый явился какой-то Harbouer, длинный, высокій; онъ былъ племянникъ нашего лѣкаря и желалъ опредѣлиться въ службу. Снисходя его просьбѣ, я назначилъ ему придти на другой день и далъ ему первый урокъ; но какъ я удивился, когда онъ, вынувъ изъ кармана билетъ, положилъ его на столъ! Я схватилъ билетъ, изорвалъ его и просилъ подателя болѣе ко мнѣ на глаза не казаться. Послѣ этого приходилъ еще колонновожатый Бибиковъ, съ коимъ родственникъ мой Муромцевъ просилъ меня заняться; но какъ я видѣлъ, что онъ лѣнился, то я ему послѣ нѣсколькихъ уроковъ от-

казалъ. Двое изъ колонновожатыхъ Пейкеръ и Брадке у меня часто бывали, я съ ними также занимался; они были весьма молоды.

Служба моя была трудная: я вставалъ въ 6 часовъ утра, всякій день проводилъ утро въ классѣ до трехъ часовъ, а послѣ обѣда занимался до вечера въ библіотекѣ. Въ третій день доставалось мнѣ дежурство, и тогда уже цѣлый день не оставлялъ я шарфа, и по ночамъ ходилъ рундомъ. Случилось однажды, что адъютантъ князя заболѣлъ, и я тогда цѣлую недѣлю отправлялъ его должность, т.-е. ходилъ за приказаніемъ въ комендантскую канцелярію; такимъ образомъ я былъ цѣлый день занятъ. Князь Волконскій полюбилъ меня и оказывалъ мнѣ довѣріе.

Чахоточный графъ Фалькландъ, о коемъ прежде говорено, сталъ поправляться въ своемъ здоровьи. Князь къ нему ѣзжалъ и принялъ отъ него убѣжденіе, что должно преподавать нумерацію и въ нашихъ классахъ. Въ ожиданіи совершеннаго выздоровленія Фалькланда, мнѣ велѣно было пройти теорію логариѳмовъ и повѣрить логариѳметическія таблицы съ учащимися. Прискорбно было прервать начальный курсъ, чтобы заняться такимъ скучнымъ и безполезнымъ дѣломъ, но я долженъ былъ повиноваться. Такъ какъ злосчастный для насъ Фалькландъ сталъ снова хворать, то я каждый день ожидалъ извѣстія о его смерти; но къ удивленію моему, однажды, какъ я повѣрялъ въ классѣ таблицы, онъ внезапно показался въ дверяхъ залы, напоминая появленіемъ своимъ и видомъ мертвеца Жуковскаго въ балладѣ «Людмила». Вздрогнули сердца учителя и учениковъ! Фалькландъ сѣлъ подлѣ меня и просилъ продолжать урокъ; когда же я его кончилъ, онъ началъ толковать нумерацію пофранцузски. Большая часть слушателей, не зная языка, не понимала его, другая смѣялась. Фалькландъ задыхался, всѣ встали со своихъ мѣстъ и окружили его при доскѣ; ближайшіе прикидывались внимательными, но задніе рѣзвились. Всячески старался я удержать тишину, но безъ успѣха; внутренно же я радовался безпорядку, произведенному появленіемъ новаго учителя въ мой классъ. Многіе изъ колонновожатыхъ надѣялись, что подобныя сцены будутъ ежедневно возобновляться въ классахъ, но ошиблись. Фалькландъ вынулъ изъ кармана бумагу, на которой у него были заготовлены задачи, состоящія въ извлеченіяхъ корней изъ многоциферныхъ чиселъ, написанныхъ по разнымъ: седьмеричнымъ, осьмеричнымъ и прочимъ счетамъ, при условленномъ количествѣ знаковъ. Онъ роздалъ задачи сіи колонновожатымъ по рукамъ, приказавъ имъ принести ихъ разрѣшенными къ слѣдующему дню. Нѣкоторые рѣшили ихъ, другіе же смѣялись и не хотѣли ими заняться. На другой день Фалькландъ опять явился въ классъ и, отобравъ тѣхъ, которые рѣшили

задачи, посадилъ ихъ на первыя мѣста. Онъ хотѣлъ продолжать урокъ, наканунѣ данный, но почти никто изъ слушателей пофранцузски не зналъ; нѣкоторые стали уходить. Еслибы въ эту минуту вошелъ князь, то конечно я остался бы виноватымъ за безпорядокъ, Фальκландъ же остался бы правымъ. Видя, что ему нечего дѣлать, онъ началъ разсказывать разныя приключенія своей жизни, много смѣялся и занялъ всѣхъ до трехъ часовъ. Всѣ хохотали, лазили по скамейкамъ. Помощникъ директора Шефлеръ преподавалъ въ то время во второмъ классѣ и, услышавъ шумъ, пришелъ, чтобы унять его; все стихло, когда онъ взошелъ; но Фальκландъ, вставъ мертвецомъ и подойдя тихимъ шагомъ къ Шефлеру, со свойственною Французу дерзостью, сталъ рукою гладить его по лысинѣ, называя его mon petit caporal. Бѣдный Шефлеръ потерялся отъ такого нахальства и не нашелъ ничего лучшаго, какъ понюхать табаку; потомъ, пожавъ Фальκланду руку, пожелалъ ему добраго утра въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ, пока Французъ продолжалъ гладить его по плѣши, насмѣшливо оглядываясь на присутствующихъ. Я былъ раздосадованъ и вышелъ. Шефлеръ послѣдовалъ за мною, бранясь про себя на Фальκланда, который оставался въ классѣ еще съ полчаса, толковалъ и наконецъ ушелъ. Онъ на другой же день опять занемогъ. Въ началѣ 1812 года зимою Фальκландъ умеръ. Братъ Александръ былъ наряженъ на похороны его съ 20-ю колонновожатыми. Всѣ были рады убѣдиться въ томъ, что Фальκланда не стало и что онъ больше не будетъ насъ мучить. Я опять началъ преподавать по старому и кончилъ уже тригонометрію, когда явилось новое лице.

Кто не зналъ Преображенскаго полка капитана Рахманова, издателя Военнаго Журнала и убитаго подъ Лейпцигомъ уже въ чинѣ полковника? Онъ былъ уменъ, остеръ въ рѣчахъ и обладалъ большими свѣдѣніями, особенно въ математикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ многія странности. Ему не нравилась фронтовая служба, а, кажется, хотѣлось сдѣлаться начальникомъ новаго училища. Зная недостатокъ князя Волконскаго въ образованіи, между тѣмъ и стремленіе его къ усовершенствованію генеральнаго штаба, Рахмановъ воспользовался слабостію князя, коротко познакомился съ нимъ и сталъ съ нимъ ѣздить въ классы. Онъ увѣрилъ князя, что надобно преподавать въ 1-мъ классѣ дифференціальное исчисленіе, а не тригонометрію. Князь слыхалъ, что дифференціалы прекрасная вещь, но не зналъ, какая это наука. Согласившись съ предположеніями Рахманова, онъ далъ ему право выбрать изъ моего класса лучшихъ учениковъ и преподавать имъ дифференціальное исчисленіе, что для меня было крайне обидно: одного прислали учить нумераціи, а теперь другаго—дифференціаламъ, отбивая у меня

лучшихъ учениковъ; но я долженъ былъ повиноваться,и Рахмановъ, проэкзаменовавъ и отобравъ себѣ семерыхъ любимцевъ моихъ, началъ имъ преподавать, но безотвѣтственно за безпорядки, могущіе случиться въ классѣ. Рахмановъ приходилъ учить безъ опредѣленнаго времени, а лишь когда ему вздумается, отчего классы и часы перемѣшались, завелись шалости, и я не могъ болѣе продолжать начатый мною курсъ съ успѣхомъ. Однажды, будучи дежурнымъ, я записалъ на doскѣ имя колонновожатаго Козлова, который сталъ слишкомъ забываться. Рахманову не понравилось, что я управлялся во время его преподаванія, и онъ стеръ съ доски имя Козлова, говоря, что ему мѣста мало для писанія формулы. Я записалъ имя виновнаго на другой доскѣ, но Рахмановъ опять стеръ его, сказавъ, чтобы я болѣе не дѣлалъ сего. Я въ третій разъ записалъ Козлова, сказавъ Рахманову, что онъ не имѣетъ права мѣшаться въ мою должность; но онъ въ третій разъ стеръ имя Козлова. Тогда, сказавъ, что послѣ того ему останется отвѣчать предъ княземъ за безпорядокъ, я вышелъ изъ класса и передалъ все дѣло, какъ случилось, полковнику Хатову. Хатовъ расхрабрился. «Вотъ я его», вскрикнулъ онъ, прибѣжалъ въ классъ; но при видѣ грознаго, устремленнаго на него взгляда Рахманова, онъ сначала не смѣлъ прервать его занятій, наконецъ рѣшился замѣтить Рахманову неприличность въ его поступкахъ, но былъ разбитъ въ пухъ и преслѣдуемъ. Хатовъ пожаловался князю, и съ тѣхъ поръ Рахманову поставили особую черную доску въ библіотекѣ, гдѣ онъ весьма лѣниво занимался со своими учениками; мнѣ же возвратили мой 1-й классъ, въ которомъ оставалось еще 25 учениковъ.

Вскорѣ Шефлеръ отказался отъ 2-го класса и сдалъ его старшему моему брату Александру, который имъ занимался и между тѣмъ дежурилъ съ нами поочередно.

У меня отличались поведеніемъ и науками колонновожатые Мейндорфъ 1-й, Мейндорфъ 2-й, Глазовъ, Данненбергъ, Фаленбергъ, Цвѣтковъ, Лукашъ, Брадке [1]), Дитмаръ, Бутовскій, графъ Апраксинъ и еще нѣкоторые другіе. Первый изъ нихъ теперь служитъ въ конной гвардіи [2]), о второмъ я выше упоминалъ. Глазовъ служилъ капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, но сталъ пить и переведенъ

---

[1]) Брадке, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, отличался постояннымъ прилежаніемъ и благоразуміемъ. Въ Польскую войну 1831 года онъ исправлялъ должность начальника штаба въ корпусѣ Крейца. Потомъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ сенаторомъ, попечителемъ Кіевскаго университета и начальникомъ учебнаго округа въ Остзейскихъ провинціяхъ; всегда пользовался довѣріемъ и уваженіемъ своего начальства.

[2] Нынѣ генералъ-адъютантъ и начальникъ коннозаводства въ Имперіи.

тѣмъ же чиномъ въ пѣхоту; Данненбергъ, Фаленбергъ, Цвѣтковъ и Дитмаръ поступили къ намъ по экзамену изъ лѣснаго департамента; первый изъ нихъ впослѣдствіи служилъ со мной при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и обогналъ меня чиномъ [3]). Всѣ четверо существовали однимъ жалованьемъ. Они терпѣли нужду, но всегда были исправны. Лукашъ человѣкъ хорошій и добрый, въ настоящее время штабсъ-капитанъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ [4]). Графъ Апраксинъ въ 1812 году служилъ съ Мейндорфомъ 1-мъ при князѣ Голицынѣ, и оба перешли отъ насъ въ конную гвардію. Бывшій родственникъ и другъ Апраксина, графъ Строгановъ, также былъ у меня колонновожатымъ: малый добрый, но простой, служилъ при генералѣ Ланскомъ и убитъ въ сраженіи при Краонѣ.

Между лѣнивыми колонновожатыми отличались у меня Бергъ и Кирьяковъ. Первый былъ сынъ одного генерала по квартирмейстерской части, который, войдя однажды въ классъ, напалъ на меня за то, что я сына его посадилъ ниже другихъ, и говорилъ, что не въ знаніи логариѳмовъ заключается достоинство хорошаго офицера. Я защищался сколько могъ, но наконецъ вынужденъ былъ объяснить генералу, что, по обязанности быть безпристрастнымъ, не могу пересадить сына его выше прилежныхъ учениковъ, и старый Бергъ успокоился. Кирьяковъ-малороссіянинъ; опредѣлился въ службу лѣтомъ, тогда какъ я уже былъ экзаменаторомъ, но жилъ еще близъ Смольнаго монастыря. Отецъ Кирьякова, котораго имени я прежде никогда не слыхалъ, привезъ ко мнѣ сына своего съ товарищемъ его Бутовскимъ, прося меня о принятіи обоихъ въ службу. Проэкзаменовавъ ихъ въ присутствіи его, я нашелъ въ нихъ хорошія способности и нѣкоторыя познанія, почему сказалъ старику, что съ удовольствіемъ дамъ имъ нѣсколько уроковъ, дабы приготовить ихъ къ настоящему экзамену. Не знаю, какъ онъ понялъ мои слова, только на другой день вмѣсто учениковъ получилъ я благодарственное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня представить молодыхъ людей князю Волконскому. Но какъ я удивился, когда, поворотивъ листъ, нашелъ въ письмѣ 200 р. Въ сердцахъ написалъ я ему грозное письмо съ воз-

---

[3]) Въ 1833 году командовалъ у меня въ 5-мъ корпусѣ 15-ю пѣхотною дивизіею; потомъ былъ корпуснымъ командиромъ, а въ 1854 г. начальствовалъ войсками въ несчастномъ сраженіи въ Крыму подъ Инкерманомъ.

[4]) До сихъ поръ сохранилась между нами обоюдная дружба молодыхъ лѣтъ. Въ Польскую войну 1831 года онъ командовалъ подъ начальствомъ моимъ Луцкимъ гренадерскимъ полкомъ и получилъ на приступѣ въ Варшавѣ Георгія въ петлицу. Во время намѣстничества моего на Кавказѣ, былъ назначенъ губернаторомъ въ Тифлисѣ. Нынѣ сенаторомъ въ Москвѣ.

вращеніемъ денегъ и запрещеніемъ когда либо переступать ногою за порогъ моей квартиры; заключилъ же письмо изложеніемъ мнѣнія моего, что лѣта не придали ему опытности въ распознаваніи людей, съ которыми ему доводилось имѣть дѣло. Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ болѣе ни слова о старикѣ Кирьяковѣ. Однакоже сынъ его и Бутовскій были приняты на службу. Первый изъ нихъ былъ часто замѣчаемъ въ шалостяхъ, за которыя я съ него нерѣдко взыскивалъ. Въ послѣдствіи онъ былъ переведенъ въ какой-то драгунскій полкъ.

Еще было у меня два колонновожатыхъ, замѣчательные по свѣдѣніямъ ихъ въ математикѣ: князья Андрей и Михаилъ Голицыны. Воспитывались и учились они въ Парижѣ, отчего въ обращеніи своемъ были болѣе похожи на Французовъ, чѣмъ на Русскихъ. Одинъ изъ нихъ служитъ теперь поручикомъ, а другой штабсъ-капитаномъ; первый былъ жестоко раненъ подъ Бородинымъ, а другой легко подъ Люценомъ.

Въ то время терпѣлъ я много нужды въ жизни, ибо тогдашнее жалованье мое было очень малое. Все имѣніе батюшки состояло тогда изъ 140 душъ, а насъ было шестеро: пять сыновей и одна дочь.

До 1801 года мы жили въ Петербургѣ; но вотчимъ отца моего, князь Александръ Васильевичъ Урусовъ, лишившись дочери своей, которая была за барономъ Строгановымъ и желая переселиться въ Москву, пригласилъ къ себѣ батюшку съ семействомъ; насъ тогда было только три сына, изъ коихъ старшему Александру 8 лѣтъ. Князю Урусову было 70 лѣтъ; близкихъ къ нему никого не оставалось; присоединеніемъ къ себѣ семейства нашего онъ, повидимому, заботился о призрѣніи своемъ въ старости. Въ отцѣ же моемъ онъ пріобрѣлъ хорошаго себѣ помощника для управленія своими имѣніемъ и дѣлами. Родители мои не имѣли достаточно средствъ, чтобы дать намъ должное воспитаніе, почему и согласились принять предлагаемую имъ обузу и поступить въ истинную кабалу къ князю Урусову. И такъ мы перебрались въ Москву, гдѣ жили въ домѣ у князя, лѣтомъ же ѣздили съ нимъ въ деревню его Александровское (иначе Долголядье). Симъ только способомъ родители мои могли употребить свои доходы, состоявшіе изъ 5000 р., на наше воспитаніе, крайне умѣряя себя во всѣхъ своихъ издержкахъ; но и при такой умѣренности они не могли избѣжать долговъ, отъ чего доходъ ихъ уменьшился до 4000 р.

Матушка скончалась въ 1809 году. Князь, которому она замѣняла покойную дочь, любилъ ее и былъ ея смертію очень огорченъ. Онъ сдѣлался до крайности упрямымъ, вспыльчивымъ и даже грубымъ, и часто сердился на отца моего, но, чувствуя нужду въ немъ,

удерживался; батюшка же не умѣлъ съ нимъ обойтись, какъ бывало матушка, и потому нѣсколько разъ думалъ оставить его. Князь Урусовъ родился въ бѣдности, составилъ все свое состояніе картами и нажилъ нѣсколько тысячъ душъ (говорятъ однакоже, что онъ честно игралъ). Онъ служилъ въ военной службѣ и вышелъ въ отставку въ генералъ-маіорскомъ чинѣ. У него было много родственниковъ, по большей части люди бѣдные, и почти всѣ безъ особеннаго образованія. Родственники князя навѣщали его и надоѣдали ему. Онъ часто бранилъ ихъ и даже ругалъ при всѣхъ, ибо видѣлъ, съ какимъ они нетерпѣніемъ ожидали смерти его, чтобы завладѣть имѣніемъ, и потому онъ ихъ не любилъ, а они насъ также не любили. Сказывали, что нашъ князь Урусовъ, однажды поссорившись съ братомъ своимъ Петромъ, 30 лѣтъ съ нимъ не видался. хотя оба жили въ одномъ городѣ. Счастье избаловало старика, и онъ часто бывалъ несносенъ.

Такъ какъ имѣніе князя было благопріобрѣтенное, то онъ имѣлъ право располагать имъ по произволу. Князь Урусовъ былъ очень скупъ, но при этомъ иногда помогалъ большими суммами своимъ родственникамъ, напередъ побранивъ ихъ порядочно; намъ же онъ никогда ничего не давалъ. Родители мои, хотя и нуждались, но никогда не просили у него денегъ. Однажды случилось, что батюшка занялъ у него 2000 р., и онъ не имѣлъ покоя отъ старика, пока не возвратилъ ихъ, что̀ принужденъ былъ сдѣлать черезъ пять дней послѣ займа. При жизни еще матушки князь сдѣлалъ свое духовное завѣщаніе, въ которомъ назначилъ намъ часть своего имѣнія. Надѣясь на сіе, отецъ мой сдѣлалъ послѣ смерти матушки небольшіе долги, что́ его еще больше разстроило; посему для него было очень тягостно давать каждому изъ насъ по тысячѣ рублей въ годъ.

Такимъ средствамъ соотвѣтствовалъ и родъ жизни моей. Мундиры мои, эполеты, приборы были весьма бѣдны; когда я еще на своей квартирѣ жилъ, мало въ комнатѣ топили; кушанье мое вмѣстѣ со слугою стоило 25 копѣекъ. въ сутки; щи хлѣбалъ деревянною ложкою, чаю не было, мебель была старая и поломанная, шинель служила покрываломъ и халатомъ, а часто замѣняла и дрова. Такъ жить конечно было грустно, но тутъ я впервыя научился умѣрять себя и переносить нужду.

Обращаюсь къ событіямъ стараго времени, когда бывшій начальникъ Черноморскаго флота, въ третьемъ колѣнѣ матушкѣ родственникъ, адмиралъ Мордвиновъ въ 1807 г. пріѣхалъ съ своимъ семействомъ изъ Крыма въ Москву. Въ то время, по случаю войны съ Франціей, формировалось земское войско, и Мордвиновъ былъ избранъ

въ начальники ополченія Московской губерніи. Батюшка, отставной подполковникъ, былъ назначенъ къ нему старшимъ адъютантомъ. Какъ адмиралъ немного разумѣлъ въ военномъ управленіи, то всѣмъ дѣломъ у него распоряжался мой отецъ. На лѣто адмиралъ помѣстился съ семействомъ и своею главною квартирою въ селѣ Волнителѣ или Полуектовѣ, принадлежащемъ князю Барятинскому и находящемся въ 20 верстахъ отъ села Александровскаго князя Урусова, гдѣ мы жили. Мы ѣздили тогда къ адмиралу, и онъ бывалъ у насъ въ деревнѣ. 14-го Іюля, въ день моего рожденія, онъ пріѣхалъ къ намъ съ семействомъ, и мнѣ понравилась меньшая дочь его, Наталія Николаевна, мнѣ ровестница *). Мнѣ тогда былъ 14 годъ; я тосковалъ, но не смѣлъ никому повѣрить своей тоски, ходилъ по ночамъ въ саду одинъ и писалъ имя ея на деревьяхъ. Одинъ изъ сихъ памятниковъ долженъ еще теперь существовать. Имя ея вырѣзано на березѣ на одномъ изъ островокъ, что на большомъ пруду передъ домомъ. Однажды тайкомъ отправился я ввечеру на островъ, вопреки запрещенія, кататься на плотахъ по пруду; я вступилъ въ бой съ сердитыми лебедями, которые тогда яйца высиживали, и согналъ ихъ своимъ шестомъ, не взирая на поднятый ими крикъ. Вырѣзавъ имя ея на деревѣ и переправившись на противуположный берегъ пруда подъ прикрытіемъ острова, я пришелъ домой другою дорогою, дабы никому не дать подозрѣнія въ моемъ тайномъ заявленіи. Зиму мы проводили въ Москвѣ, и каждое Воскресенье насъ возили танцовать къ Николаю Семеновичу, гдѣ страсть моя усиливалась, что было замѣчено братьями, которые стали смѣяться надо мною; я краснѣлъ, скрывался, но не смѣлъ возражать имъ, дабы не увеличить подозрѣнія.

Въ 1810 году Николай Семеновичъ уѣхалъ въ Петербургъ съ семействомъ; въ 1811 году я опредѣлился въ службу и опять увидѣлъ Наталію Николаевну. Я былъ очень робокъ, и каждое слово мое болѣе и болѣе обнаруживало мои думы. Старики замѣтили сіе, замѣтила и она; но трудно было узнать ея тогдашнее расположеніе; однакоже мнѣ казалось, что она была не совсѣмъ равнодушна.

Дѣдъ мой Николай Ерофѣевичъ Муравьевъ былъ генералъ-инспекторъ во времена Екатерины. Онъ былъ человѣкъ умный и ученый, женился на Аннѣ Андреевнѣ Волковой, коей сестра была за Александромъ Александровичемъ Саблуковымъ, умеръ въ чужихъ краяхъ, гдѣ въ зрѣломъ возрастѣ продолжалъ свое образованіе. Онъ былъ

*) Теперь вдова Александра Николаевича Львова. 1866 г.

также военнымъ губернаторомъ въ Ригѣ и получилъ отъ тамошняго дворянства дипломъ на рыцарство меченосцевъ. Отецъ мой родился въ Ригѣ. По смерти Николая Ерофѣевича, бабка моя вышла за мужъ за князя Александра Васильевича Урусова, который давно ее любилъ; но оба они были вспыльчиваго нрава и съ перваго же дня поссорились, послѣ чего жили врознь, когда же встрѣчались, то продолжали ссориться. Бабка моя скончалась, помнится мнѣ, въ 1806-мъ году. Она была женщина умная, но строптиваго нрава, находилась въ тѣсной связи со вдовою фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышова Анной Родіоновной, извѣстной своей бойкостью и причудливостью.

Отецъ мой былъ нѣкогда записанъ въ Измайловскомъ полку и на 16-мъ году отъ рожденія поѣхалъ учиться въ Страсбургскій университетъ, гдѣ отличался своими успѣхами. Пробывъ четыре года въ чужихъ краяхъ, онъ возвратился въ Россію и вступилъ въ морскую службу, былъ въ 1788 году адъютантомъ у принца Нассау, участвовалъ въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ со Шведами, и когда порученная въ командованіе его галера, избитая ядрами, пошла ко дну, онъ, по спасеніи своего экипажа, послѣдній бросился въ воду съ нѣсколькими матросами. Будучи ловкимъ плавателемъ, онъ, при небольшой на ногѣ ранѣ, полученной имъ отъ корабельнаго осколка, надѣялся достичь одного изъ нашихъ судовъ, но былъ вытащенъ изъ воды Шведами, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стокгольмъ, гдѣ оставался около года. По размѣнѣ плѣнныхъ его назначили капитаномъ фрегата. Въ то время онъ женился на матери моей, Александрѣ Михайловнѣ Мордвиновой, дочери генералъ-инженера Михаила Ивановича Мордвинова. Въ царствованіе Павла Петровича отецъ мой былъ неожиданно переведенъ въ Елисаветградскій гусарскій полкъ маіоромъ и находился съ полкомъ въ походѣ въ Молдавіи, откуда скоро возвратился въ Петербургъ и вышелъ въ отставку подполковникомъ.

Матушка скончалась въ 1809 году Апрѣля 21-го дня, на 39-мъ году отъ роду. Наружность ея соотвѣтствовала прелестнымъ качествамъ души. Причиною кончины ея было то, что она хотѣла, вопреки совѣта врачей, сама кормить брата Сергѣя, дабы не обидѣть его противъ старшихъ пятерыхъ дѣтей своихъ, которыхъ сама вскормила. Кончины ея были еще причиною заботы и труды, перенесенные, почти на исходѣ беременности, при постелѣ старшаго брата моего Александра, находившагося при смерти отъ постигшей его сильной горячки. Матушка похоронена въ Москвѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ; надъ могилой, по желанію ея, посадили любимое ею дерево

акацію, которую окружили желѣзной рѣшеткой—памятникъ, отличающійся простотою, среди окружающихъ его камней и мраморовъ.

До женитьбы своей отецъ мой имѣлъ порядочное состояніе, но не сохранилъ онаго, такъ что у него оставалась только Петербургская отчина сельцо Сырецъ, состоящее изъ 90 душъ, въ томъ числѣ и приданое матушки. Въ послѣдствіи отецъ жилъ очень скромно и, какъ выше сказано, издерживая доходы свои единственно на наше воспитаніе, самъ лично занимался образованіемъ нашимъ. Теперь ему отъ роду 50 лѣтъ, день рожденія его празднуемъ 15-го Сентября. По учрежденіи извѣстнаго корпуса колонновожатыхъ, батюшка нынѣ посвящаетъ время и труды свои на образованіе собравшихся около него молодыхъ людей, которыхъ онъ готовитъ для службы, чѣмъ заслужилъ общую любовь и уваженіе. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы онъ былъ зачисленъ въ квартирмейстерскую часть генералъ-майоромъ. Братъ мой Михайла и Петръ Колошинъ, состоящіе при немъ на службѣ, занимаютъ мѣста ближайшихъ его помощниковъ. Старшій братъ мой Александръ былъ коротко знакомъ съ капитаномъ Сулимою, который принадлежалъ къ масонской ложѣ и уговорилъ его вступить въ ложу, гдѣ онъ въ скоромъ времени былъ возведенъ на степень великаго мастера. Поводомъ къ такому почету былъ его характеръ и увлекательное обхожденіе, которое въ теченіе всей его жизни доставляло ему доброе расположеніе знакомыхъ; но при ограниченныхъ денежныхъ средствахъ онъ въ кругу новаго своего братства тратилъ скудные остатки своихъ денегъ за оказываемый ему почетъ. Не знаю, въ какую именно ложу онъ ѣздилъ; собранія у нихъ были по Середамъ, и Сулима всякій разъ возвращался домой порядочно навеселѣ. Братъ получалъ изъ ложи книги, въ которыхъ объяснялись условные масонскіе знаки, и онъ читалъ эти книги, когда ложился спать. Кровати наши стояли головами вмѣстѣ одна противъ другой. Таясь отъ меня, онъ принимался за книгу, когда полагалъ, что я уснулъ, и тогда начиналъ читать, лежа на спинѣ; но я не спалъ, и потихоньку перевернувшись на животъ, смотрѣлъ къ нему въ книгу черезъ изголовья кроватей. Такимъ образомъ я вскорѣ выучился условнымъ знакамъ масоновъ и удивлялъ брата и Сулиму знаніемъ великой тайны ихъ. Меня они стали приглашать въ ложу, но я отказывался; между тѣмъ братъ, который былъ еще новичкомъ, хвалясь лестнымъ для него довѣріемъ ребячливаго братства и тайнами, въ которыя его посвятили, разсказывалъ мнѣ отрывками объ испытаніяхъ, черезъ которыя онъ прошелъ, когда его принимали.

Въ числѣ частнымъ образомъ у меня учившихся были двое дальнихъ родственниковъ нашихъ Муравьевыхъ, Артамонъ и Александръ, которые вступили тоже въ колонновожатые. Отецъ ихъ Захаръ Матвѣевичъ, прозванный нами сахаръ-медовичъ, въ самомъ дѣлѣ сладко стлалъ въ рѣчахъ своихъ и постоянно разсказывалъ объ осадѣ Очакова, въ которой онъ участвовалъ, причемъ безъ милосердія лгалъ; впрочемъ онъ былъ человѣкъ добрый. Артамонъ и Александръ учились прежде въ Москвѣ, въ обществѣ у моего отца, но оказались лѣнивыми, за что̀ были прозваны у товарищей деревяшками. Оба они были склонны къ шалостямъ и мало подавали мнѣ надежды на успѣхи. Однакоже въ послѣдствіи старшій изъ нихъ сдѣлался внимательнѣе и подвинулся болѣе меньшаго въ изученіи математики. Онъ послѣ перешелъ штабсъ-ротмистромъ въ кавалергардскій полкъ и былъ адъютантомъ у графа Воронцова. Второй числился тѣмъ же чиномъ въ томъ же полку и служитъ адъютантомъ у фельд. Барклая-де-Толли, съ которымъ мать ихъ Нѣмка, Лизавета Карловна, находилась въ родствѣ. Сестра ихъ вышла замужъ за генералъ-интенданта арміи Канкрина.

Мы часто бывали вмѣстѣ, и къ намъ присоединился еще Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, о которомъ я выше упоминалъ. Какъ водится въ молодыя лѣта, мы судили о многомъ, и я, не ставя преграды воображенію своему, возбужденному чтеніемъ Contrat Social Руссо, мысленно начертывалъ себѣ всякія предположенія въ будущемъ. Думалъ и выдумалъ слѣдующее: удалиться чрезъ пять лѣтъ на какой-нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи мои обязывались быть мнѣ помощниками. Сочинивъ и изложивъ на бумагу законы, я уговорилъ слѣдовать со мною Артамона Муравьева, Матвѣя Муравьева-Апостола и двухъ Перовскихъ, Льва и Василія, которые тогда опредѣлились колонновожатыми; въ собраніи ихъ я прочиталъ законы, которые имъ понравились. Затѣмъ были учреждены настоящія собранія и введены условные знаки для узнаванія другъ друга при встрѣчѣ. Положено было взяться правою рукою за шею и топнуть ногой; потомъ, пожавъ товарищу руку, подавить ему ладонь среднимъ пальцемъ и взаимно произнести другъ другу на ухо слово «*чока*». Меня избрали президентомъ общества, хотѣли сдѣлать складчину, дабы нанять и убрать особую комнату по нашему новому обычаю; но денегъ на то ни у кого не оказалось. Одежда назначена была самая простая и удобная: синіе шаровары, куртка и поясъ съ кинжаломъ, на груди двѣ параллельныя линіи изъ мѣди въ знакъ равенства; но и тутъ ни у кого денегъ не оказалось, посему собирались къ одному изъ насъ въ мундирныхъ сюртукахъ. На собра-

ніяхъ читались записки, составляемыя каждымъ изъ членовъ для усовершенствованія законовъ товарищества, которые по обсужденіи утверждались всѣми. Между прочимъ постановили, чтобы каждый изъ членовъ научился какому-нибудь ремеслу, за исключеніемъ меня, по причинѣ возложенной на меня обязанности учредить воинскую часть и защищать владѣніе наше противъ нападенія сосѣдей. Артамону назначено быть лекаремъ, Матвѣю—столяромъ. Вступившій къ намъ юнкеръ конной гвардіи Сенявинъ долженъ былъ заняться флотомъ. Мы еще положили всѣмъ носить на шеѣ тесемку съ пятью узлами, изъ коихъ развязывать ежегодно по одному. Въ день перваго собранія, при развязываніи послѣдняго узла, мы должны были ѣхать на островъ *Чоку*, лежащій подлѣ *Японіи* *), рекомендованный намъ Сенявинымъ и Перовскимъ старшимъ. Въ то время проектъ нашъ никому не казался дикимъ, и всѣ занимались имъ какъ бы дѣломъ, въ коемъ однакоже условные знаки и одѣянія всего болѣе обращали на себя вниманіе. Не такъ быстро подвигалось составленіе общими силами устава общества, котораго набралось не болѣе трехъ писанныхъ листовъ. Всѣмъ членамъ назначены были печати съ изображеніемъ званія и ремесла каждаго; но опять ни у кого денегъ не доставало, чтобы вырѣзать сіи печати, на собраніяхъ же каждый назывался своимъ именемъ, читаннымъ на оборотъ съ конца. Я надѣялся еще включить въ общество Михайлу Колошина, брата моего Михайлу и сына покойнаго Михаила Никитича Муравьева, Никиту. Каждый изъ насъ также представлялъ своихъ кандидатовъ, и Артамонъ Муравьевъ привелъ однажды колонновожатаго Рамбурга, приличнаго молодаго человѣка, служащаго теперь поручикомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ; но Рамбургъ принадлежалъ уже къ другому обществу, и потому онъ не рѣшался вступить къ намъ безъ предварительнаго совѣщанія съ своимъ братствомъ. Членами его общества были также офицеры Дурново, Александръ Щербининъ, Вильдеманъ, Деллингсгаузенъ и еще нѣкоторые молодые офицеры наши; хотя я слышалъ о существованіи сего общества, но не зналъ въ точности цѣли онаго, ибо члены, собираясь у Дурново, таились отъ другихъ товарищей своихъ. По сей причинѣ и Рамбургу не была вполнѣ объявлена наша цѣль. Однажды,

*) Иначе Сахалинъ. По занятіи рѣки Амуръ на семъ островѣ устроились угольныя копи, рыбные и звѣриные промыслы. Находясь въ отставкѣ, я пріѣзжалъ однажды въ Петербургъ, гдѣ видѣлся со старымъ сослуживцемъ моимъ Львомъ Перовскимъ, который тогда былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Перебирая съ нимъ на словахъ былое, мы вспомнили также о предположенномъ удаленіи нашемъ на островъ „*Чока*“. Вѣдь проэктъ нашъ, такъ или иначе, но совершился, замѣтилъ онъ, разсмѣявшись. 1866.

навѣстивъ меня, онъ обнаружилъ желаніе соединить вмѣстѣ оба общества и выразилъ надежду, что можно будетъ согласовать обоюдные виды наши, о чемъ и говорилъ уже сочленамъ своимъ; но такъ какъ изъ числа ихъ Вильдеманъ отъѣзжалъ тогда въ Ригу, то находилъ нужнымъ обождать отвѣта его на посланное къ нему о томъ письмо. Случившійся около того времени походъ 1812 года разстроилъ всѣ наши проекты, погрузившіеся въ полное забвеніе.

Ребяческій бредъ, меня тогда занимавшій, не имѣлъ никакихъ послѣдствій для насъ по службѣ; но онъ превратился въ шутку, непріятную для моего старшаго брата. Сознаваясь въ томъ виновнымъ, я въ послѣдствіи просилъ у Александра извиненія въ причиненномъ ему оскорбленіи. Замѣчая, что мы между собою перешептывались, Александръ старался насъ подслушать. Забравшись однажды въ наше собраніе, онъ смѣялся надъ нами и вывѣдывалъ о томъ, чтò у насъ дѣлалось. Показавъ товарищамъ своимъ заученные мною масонскіе знаки, я выдѣлалъ ихъ предъ братомъ; ему было объявлено, что мы члены обширнаго общества, давно учрежденнаго для истребленія масоновъ; мы пересылались между собою двусмысленными записками, написанными кровью, и перепускали ихъ, будто по неосторожности, къ Александру въ руки. Старикъ Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, дальній родственникъ и давнишній пріятель отца моего и дѣда Николая Михайловича Мордвинова, принялъ участіе въ нашей шуткѣ. Онъ былъ нѣкогда великимъ человѣкомъ между масонами, но, давно уже устранившись отъ ложи, передалъ мнѣ оставшіяся у него масонскія книги и тетради съ разными знаками. Братъ изумился, когда увидѣлъ драгоцѣнности сіи въ нашихъ рукахъ. Тѣмъ болѣе встревожился онъ, когда мы ему разсказали, что собираемся на Выборгской сторонѣ въ какомъ-то погребу, гдѣ ходимъ раздѣтыми на-голо и клянемся истребить всѣхъ масоновъ до послѣдняго. Въ газетахъ было извѣстіе о смерти въ Вѣнѣ какого-то графа *Lichtenstein*, и я увѣрилъ брата, что графъ этотъ былъ зарѣзанъ членами нашего общества, потому что хотѣлъ открыть нашу тайну. Кажется, что братъ объявилъ о семъ въ своей ложѣ. Конечно я заслуживаю всякаго порицанія за то, что имѣлъ жестокость воспользоваться легковѣріемъ брата и выставить его на посмѣяніе среди нашихъ родныхъ.

Едва не поссорился я однажды съ Матвѣемъ Муравьевымъ, котораго въ особенности любилъ. Сестра его была замужемъ за графомъ Ожаровскимъ, управлявшимъ тогда въ Царскомъ Селѣ, съ которымъ мы не были знакомы. Матвѣй, не предваривъ его, пригласилъ насъ къ нему ѣхать. Ожаровскій удивился внезапному появленію у себя въ домѣ общества незнакомыхъ ему молодыхъ людей, принялъ

насъ очень холодно или, лучше сказать, никакъ не принялъ и только что не предложилъ намъ назадъ ѣхать. Мы провели у него съ полчаса въ Царскомъ Селѣ, не знали, что̀ дѣлать и возвратились въ Петербургъ. Дорогою я посмѣялся необдуманному поступку Матвѣя, за что̀ онъ на меня разсердился и пересталъ было ходить ко мнѣ; но вскорѣ мы помирились....

Въ началѣ 1812 года батюшка привезъ въ Петербургъ брата Михайлу для опредѣленія его на службу. Михайла имѣлъ уже отличныя познанія въ математикѣ, въ коей былъ свѣдущѣе своихъ экзаменаторовъ. Его немедленно взяли въ колонновожатые съ порученіемъ преподавать науку въ одномъ изъ классовъ. По прошествіи двухъ недѣль послѣ опредѣленія на службу его назначили экзаменаторомъ и самого произвели по экзамену въ офицеры. Изъ числа произведенныхъ тогда 18 человѣкъ въ офицеры братъ былъ поставленъ въ спискѣ старшимъ, Артамонъ Муравьевъ послѣднимъ; вмѣстѣ съ ними были произведены Апраксинъ, графъ Строгановъ, Лукашъ, Глазовъ, оба Мейндорфы, Данненбергъ, Фаленбергъ, Цвѣтковъ, Дитмаръ, Рамбургъ и пр. Изъ невыдержавшихъ экзамены большая часть осталась колонновожатыми; двое: Бибиковъ и братъ Артамона, Александръ Муравьевъ поступили въ инженеры, четверо въ піонеры (въ томъ числѣ нѣкій Гартъ) и двое въ армію. Мнѣ поручили отвести трехъ названныхъ въ инженерный департаментъ, гдѣ ихъ экзаменовали въ присутствіи генерала Опермана и удостоили офицерскаго чина. Какъ всѣхъ польстило то, что колонновожатые, признанные неспособными для служенія въ нашемъ корпусѣ, найдены годными для офицерскаго званія въ инженерахъ и піонерахъ; колонновожатые-же Парисъ и Шрамъ, люди пожилые, были назначены для поступленія офицерами въ армію; но ихъ предварительно отдали на нѣсколько мѣсяцевъ въ кадетскій корпусъ для обученія фронтовой службѣ, почему и остригли ихъ подъ гребенку. Парисъ былъ добрый малый; онъ ничего не зналъ, но былъ увѣренъ, что лучше всѣхъ знаетъ. Ему казалось на взглядъ подъ сорокъ лѣтъ. Онъ былъ очень дуренъ собою и безъ зубовъ, но постоянно любезничалъ и полагалъ, что всѣ женщины въ него влюбляются. Его произвели въ прапорщики въ 11-й егерскій полкъ, откуда, какъ было слышно, онъ поступилъ въ адъютанты къ графу Паскевичу. Онъ находился въ какомъ-то родствѣ съ директоршею госпожею Брейткопфъ. Парисъ теперь вышелъ въ отставку и намѣревается поступить на службу въ Голандію, откуда онъ называетъ себя урожденцемъ. Шрамовъ было у насъ двое; ихъ называли der junge und der alte kleine Schramm; оба были глупые и добрые Нѣмцы и уже по пяти лѣтъ служили колонновожатыми.

Хотя старшаго изъ нихъ, какъ сказано, тогда перевели въ армію, но полковникъ Толь не выдалъ своего земляка и въ послѣдствіи перевелъ его офицеромъ въ квартирмейстерскую часть. У насъ до князя Волконскаго вообще считался достойнымъ офицеромъ тотъ, который хорошо рисовалъ планы; Шрамы же въ семъ искусствѣ отличались отъ своихъ товарищей, но кромѣ того не имѣли никакого образованія. Люди они были смирные, но очень плохіе.

На другой день производства брата Михайлы въ офицеры, его назначили дежурнымъ смотрителемъ надъ колонновожатыми и учителемъ математики, и онъ занялъ мое мѣсто; хотя ему тогда было только 15-ть лѣтъ отъ роду, но онъ пользовался уваженіемъ своихъ начальниковъ и товарищей. Дежурные смотрители водили колонновожатыхъ учиться фронтовой службѣ въ экзерциргаузъ, гдѣ ихъ ставили во фронтъ для командованія взводами. Это дѣлалось по окончаніи экзаменовъ до объявленія высочайшимъ приказомъ производства въ офицеры. Однажды, когда была моя очередь вести колонновожатыхъ на ученье, былъ приведенъ въ экзерциргаузъ Семеновскаго полка баталіонъ, въ которомъ находился прапорщикъ Чичеринъ, прекрасный собою и образованный молодой человѣкъ. Это случилось зимою, когда въ каминѣ экзерциргауза разводятъ огонь, около котораго офицеры грѣются до начала ученія. На то время огня не было. Семеновскіе офицеры подошли къ камину, и Чичеринъ (съ которымъ я немного былъ уже знакомъ), разговаривая со мною, сказалъ при всѣхъ, что если колонновожатыхъ водятъ на ученье, то надобно бы по крайней мѣрѣ заставить ихъ таскать дрова въ каминъ. Услышавъ сію насмѣшку, я смѣшался и не нашелся отвѣчать Чичерину, но по возвращеніи домой, написалъ ему письмо, въ которомъ напомнилъ дерзкія слова его и просилъ удовлетворенія, съ предоставленіемъ ему выбрать къ слѣдующему дню оружіе и мѣсто для поединка. Между тѣмъ я пошелъ къ нѣкоторымъ изъ представленныхъ въ офицеры колонновожатымъ и, разсказавъ имъ о случившемся, предложилъ, чтобы они, въ случаѣ смерти моей, по очереди дрались бы послѣ меня съ Чичеринымъ, пока его не убьютъ. Товарищи благодарили меня и съ удовольствіемъ приняли мое предложеніе. Но вскорѣ я получилъ отъ Чичерина отвѣтъ, которымъ онъ извинялся на трехъ страницахъ въ сказанныхъ имъ словахъ, сознаваясь, что онъ необдуманно произнесъ ихъ и прося меня показать письмо его товарищамъ моимъ, передъ коими онъ также извинялся, что я исполнилъ и вновь принялъ отъ товарищей выраженіе признательности за то, что вступился за ихъ честь. Послѣ сего я иногда видался съ Чичеринымъ во время похода

и короче познакомился съ нимъ. Онъ умеръ въ Прагѣ отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Кульмомъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1812 года пріѣхали въ Петербургъ Колошины для поступленія въ службу. Они очень успѣшно учились въ Москвѣ у моего отца, отлично выдержали экзаменъ и были приняты колонновожатыми. Колошины остановились у насъ и жили съ нами до выступленія въ походъ. Мать ихъ, Марія Николаевна, упросила князя Волконскаго, чтобы командировали втораго сына ея, Петра, на съемку въ Финляндію, куда онъ и отправился, черезъ что̀ онъ много потерялъ по службѣ, ибо не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года. Петръ Колошинъ въ Москвѣ еще подружился съ братомъ моимъ Михайлой. Онъ хорошо учился, нравъ его тихій, скромный, застѣнчивый и романтическій. Онъ въ особенности любитъ литературныя занятія и, будучи душою поэтъ, легко пишетъ стихи. Пребываніе въ Финляндіи успокоило въ немъ первый порывъ къ военной службѣ, и онъ, по совѣту брата моего Михайлы, принялъ должность помощника въ училищѣ отца моего, гдѣ съ успѣхомъ преподаетъ колонновожатымъ математическія науки, въ которыхъ онъ имѣетъ обширныя свѣдѣнія, и пользуется общимъ расположеніемъ своихъ сослуживцевъ и знакомыхъ.

Французскія войска были уже на границахъ нашихъ. Молодые офицеры мечтали о предстоявшей имъ бивачной жизни и о кочевомъ странствованіи внѣ предѣловъ столицы, помимо часто-досадливыхъ требованій гарнизонной службы. Они увлекались мыслью, что въ бою съ непріятелемъ уподобятся героямъ древности, когда каждый могъ ознаменовать себя личною храбростью. Повѣствованія о подвигахъ древнихъ рыцарей и примѣры воинской доблести, почерпаемой при чтеніи жизни героевъ, дѣйствительно служатъ къ пробужденію воинскаго духа между молодыми людьми. Я слышалъ отъ А. П. Ермолова, что, наканунѣ Бородинскаго сраженія, онъ читалъ съ гр. Кутайсовымъ, убитымъ въ семъ сраженіи, пѣсни Фингала. Понятія о святости обязанностей конечно обезпечиваютъ исполненіе оной, но примѣры отличныхъ подвиговъ украшаютъ сію обязанность.

Гвардейскіе полки выступили въ походъ, помнится мнѣ, въ Февралѣ мѣсяцѣ; многіе изъ офицеровъ нашихъ были росписаны по войскамъ и выѣхали изъ Петербурга. Насъ трехъ братьевъ и старшаго Колошина, Михайлу (который былъ еще колонновожатымъ) командировали въ Вильну въ главную квартиру подъ начальство квартирмейстера 1-й западной арміи генералъ-маіора Мухина. Оттуда Колошинъ назначался къ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, при которой былъ оберъ-квартирмейстеромъ капитанъ Теннеръ, и коею

командовалъ генералъ-адъютантъ Уваровъ. Намъ позволили прожить нѣсколько дней въ Петербургѣ, дабы экипироваться къ походу; но многаго намъ не было нужно. Не имѣя большихъ денегъ, мы не могли имѣть и порядочной обмундировки: сшили себѣ по шинели, по двое рейтузъ, купили по сѣдлу, по парѣ пистолетовъ и просили князя Волконскаго позволить намъ скорѣе отправиться. Князь нѣсколько дней еще задержалъ насъ, наконецъ, обнявъ, отпустилъ. Мы выѣхали изъ Петербурга, помнится мнѣ, 30 Марта въ Середу.

Батюшка прислалъ намъ на экипировку годо́вое положеніе впередъ съ небольшою прибавкою. Меня экипировалъ въ походъ разсчетливый дядя мой Николай Михайловичъ Мордвиновъ. Денегъ потратилъ онъ немного, но за то все купилъ дешевое и негодное кромѣ сѣдла. Дядя называлъ себя знатокомъ по части снабженія въ походъ, ссылаясь на свой походъ подъ Очаковъ, въ который онъ отправлялся съ двумя колясками и удивлялся, что въ нынѣшнія времена не позволяли имѣть телѣгъ. Онъ также находилъ, что нынѣ все стало дороже и купилъ намъ нѣсколько вещей совершенно ненужныхъ, утверждая, что онѣ его спасали во время похода. Безуспѣшны были наши совѣты не дѣлать сихъ покупокъ, ибо деньги были присланы ему отъ батюшки для раздачи намъ; но дядя настоялъ на своемъ и между прочими вещами купилъ намъ чайный погребецъ. Показывая ларецъ, онъ разсказывалъ намъ всѣ выгоды его. «Племяннички» говорилъ онъ, «захотите вы чай пить? Вотъ вамъ чашки» (синеватаго цвѣта, кривыя и величиною нѣсколько поболѣе рюмки). Въ походѣ вамъ водки захочется, вотъ штофъ, налейте въ него эссенціи; вотъ тутъ для держанія чая есть и жестянка, вотъ и стаканъ; смотрите, все есть, цѣлое хозяйство, а ящикъ-то весь желѣзомъ обитъ, такъ что онъ никогда не разобьется; всему же цѣна только 8 рублей, а вы бы 20 заплатили».—«Дядюшка, намъ его некуда дѣвать на вьюкахъ».—«Молчите, племяннички; скажете мнѣ спасибо, вспомните слова мои, вы еще въ походахъ не бывали». Мы благодарили дядю, взяли ящикъ и отправили его, съ другими лишними вещами, въ Сырецкую деревню, замѣнивъ его мѣднымъ чайникомъ и стаканами. У насъ были въ услуженіи молодые нашихъ лѣтъ люди, подготовленные батюшкою, столь же мало опытные, какъ и мы, но усердные и вѣрные: у брата Александра—Владиміръ; мой слуга назывался Николай Воронинъ, половчѣе и нѣсколько постарѣе прочихъ; у брата же Михайлы былъ Петръ Дамаскинъ, почти еще мальчикъ, но грамотный.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Со времени перваго выѣзда изъ Петербурга до втораго въ 1813 году.

Первая кампанія.

(Писано въ Тифлисѣ 16 Ноября 1817 г.).

Отправляясь въ Вильну, мы избрали себѣ старшиною на время дороги брата Александра, какъ личность опытнѣе другихъ въ путешествіяхъ.—Ему предоставлено было назначать ночлеги, обѣды, отдыхи, и мы обязывались исполнять его приказанія. По предложенію Александра всѣмъ были розданы должности: мнѣ поручено было платить за всѣхъ прогоны, брату Михайлѣ носить подорожныя къ смотрителямъ и хлопотать о лошадяхъ, а Колошину заказывать и платить за обѣды и чаи. Между слугами завели очередныхъ, которые должны были смотрѣть, чтобы ямщики по ночамъ не дремали. Все это насъ много забавляло; да иначе и быть не могло: первый еще разъ на свободѣ, и гдѣ же? На большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни начальства, ни полиціи. Не обошлось и безъ нѣкотораго буйства: сворачивали въ снѣгъ встрѣчающіе экипажи, били ямщиковъ, шумѣли съ почтмейстерами и проч.

Пріѣхали въ городъ Лугу, откуда поворотили влѣво проселкомъ, чтобы побывать въ отцовской родовой отчинѣ Сырцѣ. Мы двое старшихъ очень обрадовались увидѣть сіе мѣсто, гдѣ провели ребяческій возрастъ: я до седьмаго года отъ рожденія, братъ же до девятаго. Все еще оставалось у меня въ памяти послѣ десятилѣтняго отсутствія, гдѣ какія картины висѣли, расположеніе мебели, часы съ кукушкою и проч. Первое движеніе наше было разсыпаться по всѣмъ комнатамъ, все осмотрѣть, избѣгать лѣстницы и даже чердакъ, какъ будто чего-нибудь искали. Старые слуги отца обрадовались молодымъ господамъ; нѣкоторыхъ нашли мы посѣдѣвшими, иные представляли намъ дѣтей своихъ, которыхъ мы прежде не видали, и скоро около насъ собрались всякаго возраста и роста мальчики, которые набивали намъ трубки и дрались между собою за честь услужить барину. Старые мужики и бабы также сбѣжались, принося въ даръ куръ, яйца и ово-

пци. Сыскался между дворовыми какой-то поваръ, и поспѣлъ обѣдъ, состоявшій изъ множества блюдъ, все куриныхъ и яичныхъ.

Съ мундиромъ пріобрѣтается у молодыхъ людей какъ будто право своевольничать, и сундуки были отперты. Александръ премудро разговаривалъ то съ земскимъ, то съ ключникомъ, то со старостой и слушалъ со вниманіемъ разсказы ихъ о посѣвѣ и жалобы, не понимая ничего. Ему, какъ старшему, и слѣдовало принять на себя важный видъ, дабы насъ не сочли за дѣтей. Между тѣмъ онъ съ нами вмѣстѣ осматривалъ сундуки, и мы смѣло другъ друга увѣряли, что батюшка за то не можетъ сердиться, потому что мы въ походъ отправлялись. Михайла досталъ какой-то двухъ-аршинный кусокъ краснаго кумача, который онъ долго съ собою возилъ и, наконецъ, употребилъ, кажется, на подкладку. Я добылъ себѣ отцовскую старую гусарскую лядунку, которая у меня весь походъ въ чемоданѣ везлась; послѣ же носилъ ее слуга мой, Артемій Морозовъ (котораго я взялъ съ собою 1813-го года въ походъ и одѣлъ Донскимъ казакомъ). Александръ пріобрѣлъ какую-то Шведскую саблю, которая отъ ржавчины не вынималась изъ ноженъ. Кромѣ того мы еще пополнили свою походную посуду кое-какими чайниками и стаканами. Затѣмъ старый земскій Спиридонъ Морозовъ, опасаясь отвѣтственности, принесъ намъ реестръ вещамъ, оставленнымъ батюшкою въ деревнѣ, прося насъ сдѣлать на немъ отмѣтки. Глядя другъ на друга, мы вымарали изъ реестра взятыя вещи и подписали его. Батюшка впослѣдствіи нѣсколько погнѣвался за наше самоуправство, но тѣмъ и кончилось.

Мы помѣстились въ отцовскомъ кабинетѣ, приказали принести большой запасъ дровъ и, во все время пребыванія нашего въ деревнѣ, содержали неугасаемое пламя въ каминѣ, у коего поставили двухъ мальчиковъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы огонь не погасъ. Къ вечеру перепилась почти вся старая дворня, при чемъ не обошлось безъ дракъ и скандалезныхъ происшествій, въ коихъ намъ доводилось судить ссорившихся и успокоивать шумливыхъ убѣдительными рѣчьми. Иные хотѣли съ нами отправляться на войну, и мы сами не рады были возбудившемуся появленіемъ нашимъ буйному духу.

Обрадованный или испуганный внезапнымъ пріѣздомъ нашимъ, прикащикъ Артемій прискакалъ изъ села Мроктина, гдѣ онъ обыкновенно пребываетъ и уже 15 лѣтъ какъ постоянно находится подъ каплею *), отъ чего, можетъ быть, и сдѣлался заикою. Желая показать первенство свое надъ другими, онъ выступилъ впередъ и собирался сказать намъ рѣчь, но языкъ его не зашевелился; онъ наклонился подъ угломъ 45-ти градусовъ къ намъ, выставилъ одну ногу впередъ,

*) Выраженіе намъ непонятное. П. Б.

дабы не упасть и оказался въ такомъ положенiи, что еслибъ ему одинъ только золотникъ на голову положить, то перевѣсившись, онъ лежалъ бы у насъ въ ногахъ. Лѣвой рукой держался онъ за кушакъ, правой же дѣлалъ различные знаки, желая что-то сказать, но судорожное молчанiе его только изрѣдка прерывалось отрывистыми восклицанiями: «Батюшка Александръ Николаевичъ! Батюшка Николай «Николаевичъ! Батюшка Михайло Николаевичъ! А васъ» (указывая на Колошина) «виноватъ, не знаю какъ зовутъ; того, того, того. «Хлѣбъ сударь того, того, десяточекъ яицъ!—6 курочекъ того, того, «урожай, того, того, того, сударь, оброкъ. Отцы родные! Соколики!» и пр. Мы его уговорили уйти и заснуть; онъ послушался, но на другой день, вставъ до солнца, опять пришелъ и простоялъ въ углу занимаемой нами комнаты въ томъ же нравственномъ расположенiи какъ наканунѣ.

Хотѣлось мнѣ объѣхать старыхъ сосѣдей. Я помнилъ, что была какая-то пожилая сосѣдка Парасковья Өедоровна, которая жила въ двухъ верстахъ отъ насъ, помнилъ даже дорогу къ ней. Приказавъ осѣдлать лошадь, я навѣстилъ ее и нашелъ туже старушку. Въ домѣ ея находилось все въ томъ же положенiи, какъ я за 12 лѣтъ видѣлъ: на стѣнѣ висѣлъ въ круглой черной рамкѣ тотъ же барелiефомъ сдѣланный монументъ Петра Великаго, по окнамъ висѣли тѣже клѣтки съ канарейками, тѣже кошки съ котятами, которыя меня царапали и съ которыми мнѣ играть запрещали—разумѣется потомки прежнихъ канареекъ и котятъ. Я замѣтилъ только, что у Парасковьи Өедоровны выросли сѣдые, рѣдкiе, но довольно длинные усы, чего у нея прежде не было. Проведя у нея около часа, я возвратился къ нашему пылающему камину.

Я навѣстилъ также безрукаго и безногаго сосѣда, барона Роткирха, котораго видалъ въ моемъ ребячествѣ. Онъ тогда жилъ съ женатымъ братомъ своимъ въ другомъ селѣ; домъ и садикъ у нихъ были хорошенькiе. Нынѣ же, послѣ развода брата его съ женою, онъ остался одинокiй. При раздѣлѣ, въ коемъ его, можетъ быть, и обидѣли, ему досталась изба съ небольшимъ участкомъ земли, нѣсколько дворовъ крестьянъ и слуга. Этотъ баронъ Роткирхъ родился безъ рукъ и безъ ногъ; на мѣсто ногъ у него двѣ маленькiя лапки длиною вершковъ въ 6-ть съ пальцами. Туловище и голова его очень большiя. Онъ получилъ нѣкоторое образованiе и около 50 уже лѣтъ сидитъ неподвижно на своихъ лапкахъ, занимаясь чтенiемъ. Листы лежащей предъ нимъ на пульпитрѣ книги переворачиваетъ онъ языкомъ и зубами. Выраженiе лица его прiятное и умное, разговоръ занимательный; онъ хорошо пишетъ своими лапками, даже рисуетъ и вырѣзываетъ изъ бумаги разныя игрушки для дѣтей. Онъ ѣзжалъ къ намъ

на дрожкахъ, сидя на кожаной подушкѣ, съ которою его вносили на ремняхъ въ комнату; слуга кормилъ его, стоя за стуломъ, и давалъ ему даже табакъ нюхать. Когда Роткирхъ жилъ въ своемъ семействѣ съ матерью, которую очень любилъ, онъ не думалъ о своей будущности; кругъ сосѣдей ихъ былъ многолюденъ, и они находили удовольствіе въ бесѣдѣ съ человѣкомъ довольно начитаннымъ. Я навѣстилъ несчастнаго вечеромъ, уже въ сумеркахъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ одинъ безъ свѣчки: слуга его часто отлучался, оставляя его одного на цѣлые сутки, иногда съ отпертыми настежъ дверьми. Слова его ни къ чему не служили, и ему приходилось терпѣть холодъ, ибо никто его не посѣщаетъ. Въ избѣ замѣтна бѣдность, но безпомощный страдалецъ съ терпѣніемъ и въ молчаніи переноситъ свою горькую участь. «Антонъ Антоновичъ», сказалъ я ему, «сочувствую ва«шему несчастію и желалъ бы посѣщеніемъ своимъ, хотя на минуту, «утѣшить васъ».—«Благодарю васъ, Николай Николаевичъ», отвѣчалъ онъ. «И батюшка вашъ не оставлялъ меня. Вы видите мое положеніе «не то, что́ прежде было. Въ теченіи 50-ти лѣтней жизни моей я при«выкъ къ терпѣнію, и что же больше дѣлать? Вотъ уже почти десять «лѣтъ, какъ я заброшенъ, забытъ и десять лѣтъ молчу. Теперь уже «не долго ждать конца: Богъ милостивъ и прекратитъ мою жизнь».

Я возвратился къ камину грустный и засталъ дома другаго сосѣда. Опишу его и видѣнное у него въ домѣ, какъ картину быта мелкаго помѣщика и деревенской его жизни.

То былъ Петръ Семеновичъ Муравьевъ, дальній родственникъ нашъ, человѣкъ лѣтъ 50-ти, когда-то записанный сержантомъ въ Измайловскомъ полку, откуда онъ былъ выпущенъ, какъ при Екатеринѣ водилось, капитанскимъ чиномъ по арміи; вышелъ въ отставку, никогда не служивши, и поселился на житье въ своемъ сельцѣ Радгуси, отстоящемъ въ пяти верстахъ отъ нашего Сырца. Тутъ онъ построилъ себѣ порядочный домъ, копитъ деньги и ѣздитъ каждыя пять или шесть лѣтъ на лошадяхъ своихъ крестьянъ въ Москву; иногда бываетъ въ Петербургѣ, гдѣ останавливается въ Ямской слободѣ у знакомыхъ ямщиковъ, откуда справляетъ въ зеленой тележкѣ визиты къ своимъ родственникамъ, засиживаясь у нихъ по цѣлымъ днямъ, если же не съ ними, то пьянствуетъ съ ихъ дворовыми людьми. Хотя человѣкъ этотъ безъ всякаго воспитанія, но онъ по носимой имъ фамиліи ласково принимаемъ моимъ отцомъ, къ которому имѣетъ большое уваженіе. Обыкновенное общество Петра Семеновича въ деревнѣ состоитъ изъ поповъ и прикащиковъ околодка, съ которыми онъ пьетъ и не рѣдко дерется, при чемъ случалось, что его обокрадывали и пьянаго привозили на телѣгѣ домой безъ часовъ, или другихъ вещей, при

немъ находившихся. Петръ Семеновичъ извѣстенъ также въ околодкѣ своими раскрашенными дугами и коренными лошадьми, на которыхъ онъ иногда тратитъ деньги. Онъ жестоко обходится со своими крестьянами и дворовыми людьми, насильственно безчеститъ дѣвокъ и въ пьянствѣ своемъ палками наказываетъ бабъ, раздѣвъ ихъ прежде наголо и привязавъ къ кресту, на сей предметъ сдѣланному. Такая, покрайней мѣрѣ, неслась о немъ дурная слава. Вмѣстѣ съ этимъ онъ большой хлѣбосолъ. Съ нимъ въ домѣ живутъ баба-наложница, староста и кучеръ Ѳомка; при немъ же находилась и побочная дочь его, хорошенькая дѣвочка, лѣтъ 18-ти, которую онъ часто бивалъ по праву родительскому; говорили, что и она вела жизнь не совсѣмъ скромную. Едва ли проходилъ годъ, въ который не бѣжалъ бы отъ него кто-либо изъ его дворовыхъ людей, съ уворованіемъ денегъ изъ накопляемой имъ казны, которая хранится въ амбарѣ, въ окованномъ сундукѣ за нѣсколькими замками, изъ коихъ первый у него самаго всегда въ рукѣ. Нѣкоторые изъ сихъ бѣглыхъ людей были пойманы и зарѣзались. За тѣмъ изъ дворовой прислуги оставался при Петрѣ Семеновичѣ только одинъ десяти-лѣтній мальчикъ, который за нимъ безотлучно носилъ табакерку и платокъ въ тѣ дни, когда къ нему пріѣзжали гости. Мальчика этого называлъ онъ *Шеръ* и постоянно дралъ его за уши.

Услышавъ о пріѣздѣ нашемъ, Петръ Семеновичъ крайне обрадовался, прискакалъ къ намъ и, приказавъ вытопить у себя баню, звалъ насъ на другой день къ себѣ обѣдать. На другой день мы отправились къ Петру Семеновичу; обѣдъ былъ хорошій. Хозяинъ всячески старался угождать намъ, и хотя то было во время великаго поста, онъ велѣлъ созвать всѣхъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, поставилъ ихъ въ комнату около стѣнъ и приказалъ имъ пѣсни пѣть. Между тѣмъ самъ онъ не переставалъ пить и насъ хотѣлъ къ тому же склонить; но мы были осторожны и выливали вино подъ столъ на полъ. Хозяинъ началъ было плясать, но не будучи болѣе въ состояніи ходить, онъ приказалъ себя по комнатамъ водить, только приплясывалъ и кланялся намъ въ ноги съ поддержкою, разумѣется, старосты и Ѳомки-кучера. Передъ нимъ шелъ наименованный Шеръ съ платкомъ и табакеркою барина, не перестававшаго твердить намъ: «Батюшка вашъ, братецъ мой Николай Николаевичъ, котораго я много люблю и почитаю, сказалъ мнѣ: Петръ Семеновичъ въ тебѣ ума палата! Ахъ не будь я Муравьевъ, дай башмаки къ Царю пойду». Пьяный надѣлъ онъ милиціонную шляпу свою съ зеленымъ султаномъ, препоясался саблею, и въ такомъ видѣ волокли его по комнатамъ. Когда ввечеру

мы въ банѣ мылись, то Ѳомка и староста привели его подъ руки къ намъ пьянаго и еще на голо раздѣтаго.

Было поздно. Мы хотѣли возвратиться домой, но кучера наши были пьяны, а Петръ Семеновичъ не велѣлъ саней закладывать. Александръ остался съ нимъ, мы же разошлись по другимъ комнатамъ и легли на полу, какъ были въ мундирахъ, подложивъ шинели въ голову. Только что мы начали засыпать, какъ Петръ Семеновичъ пришелъ къ намъ съ бабами и приказалъ имъ пѣть; мы вскочили и хотѣли уйти, но онъ громко приказалъ пѣвицамъ молчать, и всѣ замолчали. Тогда, ставъ впереди ихъ, онъ провелъ рукою по воздуху и возгласилъ имъ, при самыхъ наглыхъ выраженіяхъ, что онъ ихъ баринъ. «Такъ ли?» заревѣлъ имъ баринъ».—«Такъ, батюшка Петръ Семеновичъ», отвѣчали онѣ, кланяясь со страху.—«Такъ пойте же гром-«ко и хорошо, а не то я васъ! Гремѣть!» и все загремѣло. Комнаты наполнились пѣвицами, отъ коихъ некуда было дѣваться. Колошинъ шепнулъ на ухо Михайлѣ, что надобно собираться домой, хотя бы то было пѣшкомъ. Петръ Семеновичъ, услышавъ это, напалъ на Колошина: «Что ты по французски-то толкуешь, Калмыкъ, Башкирецъ и «пр. вонъ отсюда!» Колошинъ, опасаясь толчка отъ сумасброда, готовился было предупредить его, но былъ задержанъ братомъ. Послѣ того сосѣдъ нашъ, разсердившись, отпустилъ насъ, и мы возвратились домой очень поздно.

На слѣдующій день мы получили отъ Петра Семеновича записку, въ которой онъ просилъ насъ опять къ себѣ, чтобы извиниться передъ нами. Не желая оскорбить сосѣда, мы поѣхали и застали его на крыльцѣ, окруженнымъ всѣмъ своимъ вечернимъ штатомъ: тотъ же староста съ кучеромъ Ѳомкою держали его подъ руки. Увидя насъ издали, онъ, какъ блудный сынъ, палъ ницъ на ступеняхъ крыльца и вопилъ «виноватъ!» не будучи въ лучшемъ состояніи, какъ наканунѣ. Опасаясь возобновленія прошедшаго, мы провели у него съ полчаса и поспѣшили возвратиться домой; онъ же, по обычаю своему, продолжалъ гулять такимъ образомъ, не выпуская день и ночь бабъ изъ своихъ хоромъ. «Такое у меня сердце!» говорилъ Петръ Семеновичъ.

Послѣ пятидневнаго пребыванія въ Сырцѣ, мы поѣхали обратно въ Лугу, откуда продолжали свой путь далѣе.

Перегоновъ пять за Псковомъ была почтовая станція Синская, на берегу рѣки Великой, черезъ которую намъ доводилось переправиться для перемѣны нашихъ уставшихъ отъ долгаго перехода обывательскихъ лошадей. Мы тащились ночью почти всю станцію пѣшкомъ и, наконецъ, увидѣли впереди огонекъ на почтовомъ дворѣ за

рѣкою Великою, на которой ледъ уже было тронулся, но остановился и снова примерзъ отъ бывшаго въ послѣднія двѣ ночи мороза. На рѣкѣ оставался только слѣдъ стараго пути, котораго извощики наши не знали и потому поѣхали прямо. Первыя сани провалились сквозь ледъ недалеко отъ берега, гдѣ еще не было глубоко, и ихъ скоро вытащили. Ночь была темная, холодная, рѣка широкая и глубокая, опасно было ее переѣхать безъ проводника; но, видя огонекъ, я рѣшился и, приказавъ санямъ дожидаться на берегу, пустился пѣшкомъ ощупью по льду, который подо мною трещалъ. Въ надеждѣ привести съ почты проводника я продолжалъ путь свой, но отошедши сажень двадцать, когда я былъ на самой серединѣ рѣки, ледъ подо мною вдругъ обрушился, и я провалился. На мнѣ былъ тулупъ и сабля, которые меня на дно тащили. Едва успѣлъ я руками опереться о края проруби, какъ ноги стало вверхъ подъ ледъ подымать и волочить по теченію. Я упирался, сколько силъ было, руками объ ледъ, чтобы вылѣзть; но ледъ ломался подъ руками, и прорубь становилась обширнѣе. Теряя надежду вылѣзть, я кричалъ братьямъ:—«Прорубь, прорубь!» но они, не зная, что я въ нее провалился, отвѣчали: «Прорубь, такъ обойди!» Тогда я въ отчаяніи закричалъ имъ: «Братья, помогите, тону!» и, говорятъ, такимъ дикимъ голосомъ, что они испугались. Они всѣ бросились искать меня по рѣкѣ. Александръ прежде всѣхъ нашелъ меня по голосу и, прибѣжавъ къ проруби, не видя меня въ темнотѣ, и полагая, что я уже подъ водою, онъ съ поспѣшностію бросился въ прорубь, чтобы меня вытащить, и ощупалъ меня. Мы держались другъ за друга одной рукой, другою же цѣплялись за ледъ чтобы вылѣзть, но ледъ все ломился. Тутъ подбѣжалъ Петръ, слуга брата Михайлы, который былъ тогда еще небольшимъ мальчикомъ; ледъ выдержалъ его, и онъ намъ помогъ вылѣзть. Между тѣмъ Колошинъ и братъ Михайла, которые бѣжали ко мнѣ на помощъ въ другую сторону, тоже провалились вмѣстѣ; ихъ вытащилъ мой слуга.

Возвратившись на берегъ, мы собрались перекликаясь и пошли въ сторону отыскивать какой-нибудь ночлегъ, чтобы осушиться и обогрѣться. Съ версту тащились мы безъ дороги, по глубокому снѣгу; все на насъ обледенѣло, и мы, наконецъ, добрались до небольшой деревушки, гдѣ забрались на печь и оттаяли. Тутъ и ночевали. На другой день, пріѣхавъ къ рѣкѣ, увидѣли стежку, по которой можно было ѣхать, и переѣхали благополучно. Но прежде сего братъ Михайла отыскалъ проводниковъ, которые на время ростепели назначаются къ сему мѣсту отъ земской полиціи, съ приказаніемъ смѣняться на берегу день и ночь, и которыхъ наканунѣ не было. Онъ, объяснивъ имъ виновность ихъ, приговорилъ къ наказанію и приказалъ

при себѣ же наказать, послѣ чего внушалъ имъ словами, какъ всякій человѣкъ долженъ исполнять свою обязанность и отпустилъ ихъ.

Въ избѣ, гдѣ мы ночевали, былъ небольшой мальчикъ, коего черты и выраженіе лица разительно напоминали мнѣ Нат. Никол. Мордвинову. Набросивъ ликъ его карандашемъ на лоскутѣ бумаги, я не разставался съ симъ изображеніемъ во все время похода. Въ 1815 году съ помощію сего очерка мнѣ удалось съ памяти нарисовать портретъ ея въ миніатюрѣ....

Предыдущій случай на рѣкѣ Великой не придалъ намъ однако благоразумія. Нѣсколько станцій не доѣзжая города Видры, извощики предложили намъ ѣхать кратчайшею верстъ на 8 дорогою по льду чрезъ Браславское озеро, и мы пустились тоже ночью. Извощики заблудились на озерѣ, потому что мятель совершенно занесла дорогу. Мы кружили по всему озеру, перебираясь чрезъ трещины; небо закрылось облаками, и не было видно звѣздъ; караванъ нашъ вдругъ остановился. Коренная лошадь въ передовыхъ саняхъ провалилась, мы соскочили, а извощикъ бѣжалъ. Лошадь его дѣйствительно сидѣла задними ногами и брюхомъ въ проруби, и ледъ кругомъ трещалъ. Долго мы на этомъ мѣстѣ бились, лошадей вытащили; но мы еще съ часъ послѣ того шли пѣшкомъ по озеру, наконецъ прибыли къ какому-то селенію на берегу и закаялись ночью по льду болѣе не пускаться. Мы переночевали въ селеніи, куда и бѣглый извощикъ нашъ явился. Онъ увѣрялъ, что три раза обѣжалъ все озеро, и лежалъ у насъ въ ногахъ. Его простили.

Къ слѣдущей ночи прибыли мы на станцію, расположенную въ лѣсу. Смотритель былъ какой-то Польскій шляхтичъ по имени Адамовичъ. Онъ не хотѣлъ намъ дать ни лошадей, ни жалобной книги. Мужикъ онъ былъ рослый, сильный и грубый. Однако мы собирались съ нимъ расправиться, и ему бы плохо пришлось, еслибъ не догадался уйти *до лясу*, куда увелъ съ собою всѣхъ лошадей и извощиковъ, оставивъ насъ на станціи однихъ. Мы поставили свой караулъ у дверей, чтобы захватить перваго, кто явится; показался староста, его схватили и угрозами заставили привести лошадей. Мы отправились далѣе. Адамовичъ, какъ я послѣ узналъ, вступилъ во Французскую службу, гдѣ былъ гусаромъ.

Мы поѣхали весьма медленно, потому что проѣзжихъ въ армію было очень много, выставлены же были на станціяхъ обывательскія изнуренныя лошади, отчего часто встрѣчались остановки.

Изъ города Видры Александръ поѣхалъ впередъ для приготовленія намъ въ Вильнѣ общей квартиры. Трехъ станцій не доѣзжая Вильны, есть почтовый дворъ въ лѣсу, помнится мнѣ, *Березово*, гдѣ смот-

ритель былъ также шляхтичъ и большой плутъ. Онъ хотѣлъ взять съ насъ двойные прогоны и для достиженія своей цѣли услалъ почтовыхъ лошадей въ лѣсъ, за что былъ нами побитъ, но безъ пользы. Дѣло происходило подъ вечеръ. Видя, что насъ тутъ бы долго задержали, мы отправили брата Михайлу съ Кузьмой, слугою Колошина, верхомъ на собственныхъ лошадяхъ смотрителя въ сторону, искать какого-либо мѣста или селенія, чтобы добыть тамъ какихъ-нибудь лошадей. Къ утру братъ возвратился въ Польской бричкѣ, а передъ немъ Кузьма гналъ табунъ лошадей съ крестьянами. Выбравъ изъ нихъ лучшихъ, остальныхъ мы отпустили; почмейстера же еще побили и отправились въ путь.

Вотъ какимъ образомъ братъ Михайла разжился лошадьми. Со станціи поѣхалъ онъ лѣсомъ по стежкѣ, не зная самъ куда. Проѣхавъ версты 4, онъ прибылъ на фольварокъ и пошелъ прямо къ пану, выдавая себя за полковника, Кузьму же въ мундирѣ деньщика за своего адъютанта. Панъ потчивалъ ихъ и представилъ имъ своихъ дѣтей; когда же дѣло дошло до требованія, то панъ сталъ ломаться, и братъ не иначе, какъ угрозами, могъ вызвать къ себѣ старосту, которому приказалъ привести лошадей, а самъ уснулъ. Поутру староста привелъ 4-хъ лошадей; но братъ, не будучи тѣмъ доволенъ, пошелъ самъ съ нарѣченнымъ адъютантомъ своимъ по деревнѣ, начавъ съ крайняго двора. Они стали выгонять хозяевъ изъ домовъ, и по мѣрѣ того какъ они оставляли свои избы, Кузьма забиралъ со двора лошадей, братъ же расправлялся нагайкою съ собравшеюся на улицѣ толпою, не допуская возвращенія крестьянъ къ своимъ дворамъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали однако противиться и, схвативъ палки, подошли къ Михайлѣ съ угрозами. Тогда онъ выхватилъ пистолетъ и, приложившись на нихъ, закричалъ, что убьетъ перваго изъ нихъ, кто приблизится. Крестьяне испугались и по приказанію брата нарядили извощиковъ къ согнаннымъ лошадямъ, съ которыми онъ явился къ намъ на станцію *).

Подъѣзжая къ станціи Боярели, мы увидѣли въ полѣ ученіе стоявшихъ тутъ двухъ егерскихъ баталіоновъ и на короткое время остановились посмотрѣть различныя построенія войска. Мысли наши обращались къ предстоявшимъ военнымъ дѣйствіямъ, коихъ желали скорѣе увидѣть начало. Въ Бояреляхъ смотритель былъ какой-то старый важ-

---

*) Разсказъ этотъ указываетъ на настроеніе Польскаго шляхетства передъ войною, равно и расположеніе къ Полякамъ молодыхъ офицеровъ. Таковы были и порядки между жителями, съ которыми военные по своему расправлялись. *1866.*

ный панъ; онъ имѣлъ двухъ хорошенькихъ дочерей, за которыми волочились пришедшіе послѣ ученья егерскіе офицеры.

Наконецъ, прибыли мы къ вечеру въ мѣстечко Нѣменчино, откуда оставалось только 30 верстъ до Вильны. Мы остановились ночевать, дабы пріѣхать въ Вильну днемъ. Хозяинъ корчмы, гдѣ мы остановились, былъ Жидъ. Онъ имѣлъ двухъ прекрасныхъ дочерей, изъ коихъ старшая называлась Белла. Братъ Михайла весь вечеръ ухаживалъ за нею съ Колошинымъ. Прелестная Еврейка пріобрѣла знаменитость послѣ поцѣлуя, даннаго ей Государемъ въ проѣздъ его черезъ Нѣменчино. Впослѣдствіи она переѣхала въ Вильну, гдѣ сдѣлалась извѣстною въ высшемъ кругу военной знати главной квартиры.

Мы надѣялись на другой день рано пріѣхать въ Вильну; но лошади попались такія слабыя, что мы дотащились только ночью. Мы нашли у заставы записку отъ брата Александра, а вскорѣ и его самаго, спящимъ въ квартирѣ свиты Его Величества капитана Сазонова. Усталые мы сами тутъ же подремали, а на другой день получили квартиру у пана Стаховскаго въ Рудницкой улицѣ *). Къ намъ присоединился, чтобы вмѣстѣ жить, по производствѣ въ офицеры, прежній товарищъ мой, а тогда адъютантъ князя П. М. Волконскаго, прапорщикъ Дурново **).

Мы явились къ генералъ-квартирмейстеру Мухину. Занятій было мало, и потому онъ приказалъ намъ только дежурить при немъ. Помню, что въ мое дежурство пріѣхалъ въ Вильну Государь и что я просидѣлъ во дворцѣ до 2-го или 3-го часа утра (по полуночи). Мухинъ былъ человѣкъ пустой и, говорятъ, довольно упрямый, безтолковый; образованія онъ не имѣлъ, наружностью же былъ похожъ на состарѣвшагося кантониста. При немъ находился сынъ его колонновожатый, умненькой мальчикъ; адъютантами при немъ состояли свиты Его Величества поручикъ Озерской, человѣкъ очень простой, и прапорщикъ Десезаръ, офицеръ 4-го, помнится мнѣ, егерскаго полка.

Колошинъ явился къ своему начальнику капитану Теннеру, оберъ-квартирмейстеру легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, коею командовалъ г. ад. Уваровъ.

Скоро начались увеселенія въ Вильнѣ, балы, театры; но мы не могли въ нихъ участвовать по нашему малому достатку. Когда

---

*) Находясь въ 1851 году съ гренадерскимъ корпусомъ въ Вильнѣ, я тщетно старался найти домъ Стаховскаго. Дома всѣ перестроились, и Стаховскаго имени никто не помнитъ.

**) Н. Дмитр. Дурново убитъ въ Турецкую войну 1829 года въ званіи бригаднаго командира.

мы купили лошадей, то перестали даже одно время чай пить. Мы жили артелью и кое-какъ продовольствовались. У насъ было нѣсколько книгъ, мы занимались чтеніемъ. Изъ товарищей мы знались со Щербининымъ, Лукашемъ, Глазовымъ, Колычовымъ, ходили и къ Мих. Ѳед. Орлову, который тогда состоялъ адъютантомъ при князѣ П. М. Волконскомъ. Тяжко было такимъ образомъ перебиваться пополамъ съ нуждою. Новыхъ знакомыхъ мы не заводили и болѣе дома сидѣли. Такое существованіе неминуемо должно имѣть вліяніе и на успѣхи по службѣ. Однакоже братъ Александръ съ трудомъ переносилъ такой родъ жизни. Онъ пустился въ свѣтъ и ухаживалъ за дочерью полицеймейстера Вейса. Она послѣ вышла за мужъ за г.-ад. князя Трубецкаго. Мы познакомились съ братомъ ея, который служитъ нынѣ въ л.-гв. уланскомъ полку. Александръ волочился еще за панною Удинцувою, плѣнившею красотою своею всѣхъ офицеровъ главной квартиры. Дурново былъ въ особенности занятъ этою знаменитостію лучшей публики тогдашней Вильны. При всемъ этомъ нужда заставляла и брата Александра умѣряться въ своемъ образѣ жизни. Мы были умѣрены и въ честолюбивыхъ видахъ своихъ. Однажды, въ разговорѣ между собою, каждый изъ насъ излагалъ, какой бы почести желалъ достичь по окончаніи войны, и я объявилъ, что останусь доволенъ однимъ Владимирскимъ крестомъ въ петлицу.

Надобно было покупать лошадей, по одной вьючной и по одной верховой каждому. Братъ Михайла былъ обманутъ на первой лошади Цыганомъ, а на другой шталмейстеромъ какого-то Меклен-, или Ольден-бургскаго принца. Онъ ходилъ о послѣднемъ жаловаться самому принцу; но Нѣмецъ объявилъ ему, что никогда не водится возвращать по такимъ причинамъ лошадей, и что у него на то были глаза. Брату былъ 16-й годъ, онъ никогда не покупалъ лошадей и не вообралъ себѣ, чтобы принцъ и генералъ могъ обмануть бѣднаго офицера; но дѣлать было нечего. И такъ деньги его почти всѣ пропали на пріобрѣтеніе двухъ разбитыхъ ногами лошадей, помочь же сему было нечѣмъ.

Покупая для себя лошадей, я прежде добылъ добраго мерина подъ вьюкъ; подъ верхъ же нашелъ на конюшнѣ у какого-то Польскаго пана двухъ лошадей, которыхъ не продавали врознь. Мы ихъ купили съ Колошинымъ. За свою (гнѣдой шерсти) заплатилъ я 650 р., за другую же—сѣрую Колошинъ заплатилъ только 600 р. При семъ произошла между нами небольшая размолвка, кончившаяся примиреніемъ и тѣмъ, что моя лошадь была названа Касторъ, а его Поллуксъ, въ знакъ неувядаемой между нами дружбы.

Въ Вильнѣ, за замкóвыми воротами, находится отдѣльная крутая гора, съ остатками древняго замка Литовскихъ князей, отъ которой городскіе ворота получили названіе замкóвыхъ. Среди сихъ романтическихъ развалинъ была любимая прогулка моя. Часто ходилъ я туда и просиживалъ на камнѣ, подъ сводами древняго зданія, иногда до поздней ночи. Тутъ въ безпредѣльномъ воображеніи моемъ предавался я мечтамъ о будущей своей жизни, къ чему дѣйствительно способствовала очаровательная мѣстность. Среди ночнаго мрака, сквозь провалившійся сводъ виднѣлось небо, усыпанное звѣздами; между тѣмъ восходившая изъ за горъ луна освѣщала струи рѣчки Вилейки, протекающей у подошвы горы. Въ городѣ по домамъ засвѣчались огни, часовые начинали перекликиваться, городовой колоколъ билъ ночные часы. Конечно не могли быть порядочны мысли, въ то время меня занимавшія; но я считалъ себя какъ бы однимъ во всей природѣ, и ничто не препятствовало моему созерцательному расположенію духа. Помышляя о своей страсти, мнѣ приходило въ голову броситься со скалы въ каменистую рѣчку; и я чертилъ имя ея на камнѣ среди развалинъ. Теперь нашелъ бы еще сіи очерки. Колошинъ хотѣлъ знать причины моей тоски, и я повелъ его на таинственную замкóвую гору, куда мы съ нимъ приходили бесѣдовать. Скоро замкóвая гора сдѣлалась ежедневною прогулкою всего нашего товарищескаго круга, и мы приходили туда любоваться видомъ окрестностей. Во время одинокихъ посѣщеній замкóвой горы я написалъ: *Двѣ ночи на развалинахъ.* Мутныя посланія сіи выражають тогдашнее состояніе души моей и мыслей.

Съ замкóвой горы видны были на обширномъ пространствѣ два форштадта города съ частью ихъ окрестностей. Такъ какъ у насъ не было занятій по службѣ, то въ прогулкахъ на гору пришла намъ мысль снять на планъ окрестность Вильны; но у насъ не было инструмента, и потому надобно было его съ проката нанять. Нашли какую-то старую мензулу, которая, хотя и отдавалась поденно за небольшую плату, но и то, по тогдашнимъ карманнымъ обстоятельствамъ, была для насъ нѣсколько накладна, почему мы пустились на хитрости.

Съ нами жилъ Дурново, человѣкъ съ достаткомъ; о съемкѣ плановъ онъ не имѣлъ понятія. Мы убѣдили его въ пользѣ, которую подобное занятіе принесло бы ему на службѣ, и склонили его быть участникомъ въ нашемъ предпріятіи, къ чему впрочемъ его болѣе всего завлекло то, что пройдетъ слухъ о его прилежаніи къ наукѣ и къ занятіямъ офицера квартирмейстерской части. И такъ онъ принялъ на себя часть расходовъ. Вѣхи, колья и инструменты носили за нами

Жиды-факторы, которые показывали особое уваженіе къ Дурново, за которымъ и мы всячески ухаживали, дабы онъ, соскучившись, не раздумалъ бы участвовать въ съемкѣ. Когда Жиды приставали къ намъ за деньгами, то ихъ направляли къ Дурново, который ихъ щедро награждалъ, почему мы даже называли его дядюшкою, въ шутку. Намъ надобно было имѣть частое сообщеніе черезъ рѣку Вилію, потому что я стоялъ съ инструментомъ на замкȍвой горѣ, а братъ Михайла съ вѣхою забиралъ точки на другомъ берегу рѣки. Дурново былъ прикомандированъ къ брату и платилъ за перевозы черезъ рѣку. Такимъ образомъ помогалъ онъ намъ въ съемкѣ плана.

Совсѣмъ этимъ Дурново ничему не научился; онъ подходилъ иногда къ инструменту, ничего не понимая, и болѣе забавлялся киданіемъ камушковъ въ воду; случалось ему по неосторожности толкнуть инструментъ и двинуть его съ мѣста, что́ очень непріятно; но какъ было не потерпѣть отъ такого щедраго товарища?

Черезъ два дня стало вездѣ извѣстно, что мы занимаемся съемкою окрестностей Вильны, ибо Дурново не замедлилъ похвалиться своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ. Но дорого́й дядюшка скоро отсталъ отъ насъ, когда ему довелось ходить по болотамъ и лазить по крутизнамъ и когда ему негдѣ было присѣсть. Дурново простился съ нами, но мы еще продолжали съемку безъ него. Жиды тоже стали отставать отъ насъ. Скоро мы были вынуждены оставить начатую нами съемку по причинамъ, которыя будутъ ниже объяснены.

Въ то время былъ присланъ отъ Наполеона къ Государю генералъ Нарбонъ, который привезъ мирныя предложенія, но такого рода, что на нихъ нельзя было согласиться. Мѣра сія со стороны Французскаго правительства имѣла, какъ слышно было, цѣлью только оправдать себя въ начатіи предстоявшей войны, и предложенія Нарбона были отвергнуты. Государь, желая показать ему состояніе нашего войска, сдѣлалъ въ присутствіи его смотръ гренадерской дивизіи графа Строганова, которая выстроилась въ одну линію за городомъ, на обширномъ лугу по дорогѣ къ Веркамъ.

Утро было прекрасное, и мы съ замкȍвой горы любовались посредствомъ зрительныхъ трубъ величественнымъ зрѣлищемъ, передъ нами развивавшимся. Былъ и другой смотръ на Погулянкѣ сводной гренадерской дивизіи, гдѣ я также былъ зрителемъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали открытія военныхъ дѣйствій.

Однажды, будучи на съемкѣ, я возвратился на замкȍвую гору для повѣрки нѣкоторыхъ пунктовъ, оказавшихся не совсѣмъ вѣрными. Братъ Михайла находился съ вѣхою на другомъ берегу рѣки Виліи. Государь въ то время прогуливался верхомъ и, увидя квартирмей-

стерскаго офицера съ флагомъ, спросилъ у него имя и что̀ онъ дѣлаетъ? Братъ отвѣчалъ Государю, что мы занимаемся съемкою окрестностей Вильны и указалъ на меня вдали. Государь посмотрѣлъ на гору и, увидѣвъ меня съ инструментомъ, спросилъ у брата, по чьему приказанію мы это дѣлаемъ. Михайла отвѣчалъ, что, не имѣя занятій по службѣ, мы не нашли ничего лучшаго какъ упражняться въ дѣлѣ, касающемся нашей прямой должности, а что, по окончаніи нашей работы, мы представимъ ее начальству. Государь похвалилъ брата и ускакалъ.

Я видѣлъ съ горы все происходившее за рѣкою, и когда Государь уѣхалъ, я подалъ брату знакъ, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ. Пока онъ мнѣ передавалъ разговоръ свой съ Государемъ, я замѣтилъ какого-то штабъ-офицера, пріѣхавшаго изъ города къ подошвѣ горы; онъ слѣзъ съ дрожекъ и махалъ мнѣ шляпой, чтобы я къ нему внизъ сошелъ. Могъ ли я думать, что Государь уже успѣлъ кого-либо прислать къ намъ, для поясненія слышаннаго имъ отъ брата? Напротивъ того, я думалъ, что намъ предстоитъ какая-нибудь непріятность, и потому съ досады уперся и сталъ махать пріѣхавшему, чтобы онъ самъ на гору взошелъ. Думалъ я про себя: «кто бы то ни былъ, не я же его ищу, а онъ меня; пускай же самъ потрудится на гору взлѣзть, если я ему нуженъ; я же дѣломъ занятъ, отъ котораго не вижу надобности отрываться». Правиломъ моимъ было: ни съ кѣмъ знакомства не искать; но если кто бы сдѣлалъ шагъ, чтобъ познакомиться со мною, то отвѣчать ему десятью шагами». Съ такимъ правиломъ конечно немного выиграешь по службѣ. Я продолжалъ перемахиваться съ штабъ-офицеромъ, и мы другъ друга манили къ себѣ. Наконецъ, видя, что я непреклоненъ и хочу воротиться къ инструменту, отъ котораго нѣсколько отошелъ, пріѣзжій началъ подыматься на гору. Увидѣвъ сіе, я сталъ къ нему спускаться; и мы сошлись на половинѣ горы. То былъ Кикинъ, флигель-адъютантъ и дежурный генералъ. Я его видѣлъ нѣсколько разъ, когда носилъ ему бумаги отъ Мухина, но не былъ съ нимъ знако́мъ; онъ же меня не помнилъ. Кикина вообще хвалили, какъ человѣка хорошаго.

«Что́ вы здѣсь дѣлаете?» спросилъ онъ у меня. —«Снимаю планъ»— «Кто вамъ приказалъ?»—«Никто».—«Для чего вы это дѣлаете?»—«Для своего удовольствія»—«Куда этотъ планъ поступитъ?»—«Къ начальству»—«Я пріѣхалъ отъ имени Государя благодарить васъ за то, что вы службой своей занимаетесь. Государю пріятно было видѣть ваше прилежаніе, передайте слова эти товарищамъ вашимъ. Государь желаетъ, чтобы вы продолжали вашу съемку, а мнѣ позвольте посмотрѣть работу вашу.» Я привелъ его на гору и, показавъ ему нача-

тое на бумагѣ предмѣстье города, разсказалъ, на какихъ основаніяхъ намѣревался расположить съемку по роду предстоявшей мѣстности.

Возвращаясь домой, мы сдѣлались смѣлѣе, и какъ у насъ былъ недостатокъ въ длинныхъ вѣхахъ, то приступили къ дому одного мѣщанина, у котораго насильно унесли со двора нѣсколько шестовъ. Нападеніе же было произведено нашими людьми съ помощію расхрабрѣвшихъ факторовъ-Жидовъ. Могли произойти жалобы и для насъ неудовольствія, противъ чего мы не имѣли другаго оправданія, какъ сослаться на необходимость вооружиться шестами для защиты себя отъ злыхъ собакъ, бросавшихся на насъ изъ двора сего мѣщанина; но дѣло такъ обошлось и не пошло далѣе ссоры людей нашихъ съ хозяиномъ дома, шесты же остались за нами.

На другой день князь Волконскій позвалъ насъ къ себѣ и, похваливъ наше предпріятіе, повторилъ отъ имени Государя то, что̀ на канунѣ намъ Кикинъ сказалъ. Для продолженія же начатой работы приказалъ намъ дать какіе-то тяжелые казенные планшеты изобрѣтенія Рейсига (инструментальнаго мастера въ главномъ штабѣ), но мы не успѣли испытать ихъ. Въ тотъ-же вечеръ извѣстіе о происшедшемъ дошло до нашего генералъ-квартирмейстера Мухина, который, призвавъ насъ, намылилъ намъ голову за то, что не предупредили его о намѣреніи нашемъ произвести съемку окрестностей Вильны, присовокупивъ, что занятіе это отвлекаетъ насъ отъ настоящей службы (которой впрочемъ никакой не было) и что съемка сія не можетъ быть хороша, потому что никто изъ старыхъ офицеровъ ею не руководствуетъ. Затѣмъ онъ приказалъ намъ бросить начатое дѣло. Собственныя слова Мухина были слѣдующія: «Я васъ по службѣ замараю, господа, и никогда ни къ чему не представлю». Лучше было молчать, чѣмъ сказать ему, что князь Волконскій насъ поощряетъ къ съемкѣ; ибо въ такихъ случаяхъ младшіе всегда остаются виновными. Мы возвратились домой и рѣшились не обнаруживать поступка Мухина, пока князь самъ не спроситъ насъ, зачѣмъ мы съемку прекратили, и тогда Мухину порядочно бы досталось; но дня черезъ два насъ начали раскомандировывать, и мы возвратили выданные намъ по приказанію князя инструменты.

Колошинъ ѣздилъ посѣтить больнаго двоюроднаго брата своего Фонъ-Менгдена, служившаго полковникомъ въ л.-гв. Финляндскомъ полку, который стоялъ въ Михалишкахъ, въ 30-ти верстахъ отъ Вильны. Я тогда не зналъ Фонъ-Менгдена, познакомился же съ нимъ въ Москвѣ уже въ 1815 году. Служба его шла довольно несчастливо, ибо горячка не оставляла его во время похода. Оставаясь больнымъ, въ Москвѣ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и отосланъ съ прочими во

Францію. Онъ много пострадалъ дорогою отъ дурнаго обращенія съ нимъ Французовъ. Послѣ войны Фонъ-Менгденъ въ Петербургѣ часто къ намъ ходилъ, и мы съ нимъ тогда ближе познакомились; человѣкъ онъ былъ простой и хорошій.

Такъ какъ Мухинъ занималъ насъ иногда назначеніемъ дислокаціи войскъ на картѣ, то я имѣлъ случай узнать кое-что о нашихъ силахъ. Войска были раздѣлены на двѣ арміи. Главная изъ нихъ стояла въ Литвѣ и называлась 1-ю Западною; при ней находилась главная квартира Императора. Сею арміею командовалъ генералъ отъ инфантеріи Барклай-де-Толли. Она состояла изъ корпусовъ: 1-го графа Витгенштейна, 2-го Багговута, 3-го (гренадерскаго) Тучкова, 4-го Шувалова, въ послѣдствіи графа Остермана Толстаго; 5-го (гвардейскаго) великаго князя Константина Павловича и 6-го Дохтурова. Конницы было нѣсколько дивизій армейскихъ драгунъ, гусаръ и уланъ. Гвардейская легкая конница составляла одну дивизію подъ командою Уварова. Одна дивизія кирасиръ, состоявшая изъ пяти полковъ, принадлежала къ гвардейскому корпусу и поэтому была подъ начальствомъ великаго князя; ею командовалъ генералъ Депрерадовичъ; гвардейскою пѣхотою начальствовалъ генералъ-маіоръ Ермоловъ, нынѣшній начальникъ мой. Начальникомъ главнаго штаба былъ Бенигсенъ, генералъ-квартирмейстеромъ Мухинъ, а дежурнымъ генераломъ Кикинъ. Хотя главная квартира и содержала довольное число праздныхъ людей, но она тогда не была еще слишкомъ многочисленна.

Полки первой арміи были разбросаны по кантониръ-квартирамъ, на большомъ пространствѣ, такъ что непріятелю было легко, пользуясь внутреннею линіею, перейти черезъ Нѣманъ въ большихъ силахъ, не давая намъ времени собраться, отрѣзать нѣсколько частей арміи и разбить ихъ по одиночкѣ. Непріятель такъ и дѣйствовалъ, и еслибъ онъ имѣлъ дѣло съ Австрійцами, а не съ Русскими, то война кончилась бы въ нѣсколько дней. Въ сей первой Западной арміи считалось подъ ружьемъ около 95000 регулярнаго войска, артиллеріи много; казаковъ же при ней было только два полка Бугскихъ.

2-я Западная армія формировалась въ Житомирѣ, подъ командою князя Багратіона, котораго главная квартира, при открытіи военныхъ дѣйствій, находилась въ Слонимѣ. Армія его состояла изъ 7-го корпуса Раевскаго и 8-го Бороздина; при ней находились 2-я кирасирская дивизія и нѣсколько легкой конницы; казаковъ при сей арміи было довольное количество. Всего регулярнаго войска считалось у Багратіона до 45 т.

3-я армія, Тормасова, стояла близъ Бреста-Литовскаго, гдѣ она

наблюдала за движеніями Австрійскихъ войскъ; армія сія состояла изъ корпусовъ 9-го Маркова и 10-го графа Каменскаго.

Была еще четвертая армія, поступившая въ послѣдствіи подъ команду адмирала Чичагова, которая расположена была въ Молдавіи; въ то время командовалъ ею еще Кутузовъ.

Отдѣльные корпуса были: *Казачій*—графа Платова, который, кажется, стоялъ на Нѣманѣ. Казаковъ въ немъ считалось болѣе 15 т. *Эртеля*, состоявшій изъ 12 т., который стоялъ въ Мозырѣ и не принималъ прямаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. *Эссена*, въ Ригѣ, небольшой корпусъ, который дѣйствовалъ противъ Пруссаковъ около Митавы и сжегъ безъ достаточной причины предмѣстья города Риги. Симъ корпусомъ въ послѣдствіи командовалъ маркизъ Паулучи. *Штенгеля* въ Финляндіи; корпусъ сей былъ высаженъ около Риги и соединился съ графомъ Витгенштейномъ подъ Полоцкомъ.

Полки въ сихъ арміяхъ состояли только изъ 1-хъ и 3-хъ баталіоновъ; вторые же числились въ резервѣ, были въ большомъ некомплектѣ и находились внутри Россіи. Но и баталіоиы, состоявшіе на лицо, были также неполны. По сей причинѣ, при большомъ количествѣ корпусовъ и полковъ, боевыя силы наши въ дѣйствительности были очень умѣренныя. Были заготовлены большіе хлѣбные запасы, но ихъ много истребили при отступленіи.

Французская армія, расположенная на границѣ, была гораздо сильнѣе нашей. Войска ихъ были старыя и привыкшія къ побѣдамъ. Конницы множество и хорошой, артиллеріи также много.

Во все время 1812 года переправлено было черезъ Нѣманъ Французскихъ и союзныхъ войскъ 640,000 человѣкъ. Французскіе генералы были опытные въ военномъ дѣлѣ; начальникомъ же ихъ былъ самъ Наполеонъ.

Съ нашей стороны распоряжался Государь; но на войнѣ знаніе и опытность берутъ верхъ надъ домашними добродѣтелями. Начальникъ первой Западной арміи, Барклай-де Толи, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ вѣрный и храбрый, но котораго по одному имени солдаты не терпѣли, единогласно называя его Нѣмцемъ и измѣнникомъ. Послѣдняго наименованія онъ конечно не заслуживалъ; но мысль сія неминуемо придетъ на умъ солдату, когда его безъ видимой причины постоянно ведутъ назадъ форсированными маршами. Все войско наше желало сразиться и съ досадою каждый день уступало непріятелю землю, по которой оно двигалось. Что же касается до названіи *Нѣмца*, произносимаго съ злобою на Барклая, то оно болѣе потому случалось, что онъ окружилъ себя земляками, которыхъ поддерживалъ, по обыкновенію своихъ соотечественниковъ. Барклай-де Толли могъ быть

преданъ лично Государю за получаемыя отъ него милости, но не могъ имѣть теплой привязанности къ неродному для него отечеству нашему. Такъ разумѣли его тогда Русскіе, коихъ довѣріемъ онъ не пользовался, и онъ скоро получилъ кличку: *болтай да и только.*

Армія наша, какъ выше сказано, была разбросана и неосторожно расположена на границахъ, по распоряженіямъ Барклая-де Толли. Доказательствомъ справедливости сего сужденія служитъ то, что Французы, переправившись черезъ Нѣманъ, отрѣзали нѣсколько корпусовъ, которые не успѣли даже получить приказанія отъ главнокомандующаго къ отступленію.

Главнымъ и довѣреннымъ совѣтникомъ Государя въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ генералъ Фуль, родомъ Прусакъ, безобразное существо, вызванное къ намъ на службу въ 1810 г. или въ 1811-мъ и слывшее за великаго стратегика. Его планъ кампаніи состоялъ въ томъ, чтобы отступать до Двины, гдѣ остановиться въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Дриссою, имѣя рѣку въ тылу. Согласно съ предположеніемъ его держаться на Двинѣ, начато было строеніе Динабургской крѣпости, для коей мѣсто было избрано, кажется, полковникомъ *Гекелемъ*,—крѣпости, которую никогда не окончатъ, потому что она строится изъ сыпучаго песка. Къ 1812 году былъ готовъ только тетъ-де-понтъ на лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ земля тверже, и хотя окрестъ лежащія высоты командуютъ симъ укрѣпленіемъ, однако оно удержалось противъ корпуса генерала Удино. Динабургская крѣпость о сю пору стòитъ государству милліоны и до 5000 молодыхъ солдатъ, которые около нея погибли на работахъ отъ болѣзней и трудовъ. Другая крѣпость была заложена около города Бобруйска.

Въ 1811 году были посланы квартирмейстерскій полковникъ Эйхенъ 2-й и фл.-ад. Вольцогенъ для обозрѣнія военной линіи на Двинѣ. Изъ нихъ послѣдній построилъ Дриссенскій лагерь на 120.000 войска. Въ 1812 же году, до прибытія нашего въ Дриссу, полковникъ Нейдгартъ построилъ въ семъ лагерѣ еще много батарей, не имѣющихъ взаимной обороны. А. П. Ермоловъ недавно говорилъ мнѣ, что Эйхенъ съ прискорбіемъ показывалъ ему всѣ нелѣпости построекъ въ семъ лагерѣ. Фуля въ арміи ненавидѣли и называли измѣнникомъ. Послѣ 1812 года о немъ не стало болѣе слышно. Когда Французовъ выгнали изъ Россіи, то разнесся слухъ, будто отступленіе наше и сдача Москвы давно уже были предположены; превозносили мѣру сію и изобрѣтателя ея, одобряя сожженіе столицы и разореніе нѣсколькихъ губерній, какъ бѣдствія неизбѣжныя для достиженія успѣха. По сему надобно уже допустить и то, что фланговый маршъ нашъ около Москвы былъ предположенъ еще въ 1811 году, и даже то, что всѣ

движенія непріятельской арміи были предвидѣны. На такомъ основаніи и сожженіе нами огромныхъ магазиновъ, заготовленныхъ на границѣ съ большими издержками, должно уже назвать военною хитростью; также и устроеніе Дриссенскаго лагеря. Явно, что подобное нелѣпое сказаніе могли изобрѣсти только съ цѣлью оправдать неумѣніе наше или оплошность.

Въ 1815 году адмиралъ Мордвиновъ передалъ мнѣ съ большою тайною тетради, писанныя въ 1811 году какимъ-то Французскимъ эмигрантомъ, котораго онъ мнѣ не назвалъ. Въ сихъ запискахъ заключался проектъ кампаніи 1812 года, и всѣ предположенія, помѣщенныя въ семъ проектѣ, согласовались съ дѣйствіями нашихъ армій въ прошедшую войну. Предположена была и сдача Москвы. Николай Семеновичъ увѣрялъ меня, что записка эта, поднесенная ему Французомъ, была тѣмъ же Французомъ лично представлена Государю, который, не разсмотрѣвъ ея, приказалъ передать Барклаю-де-Толли, что̀ онъ и сдѣлалъ. На тетради сей было написано, но другимъ почеркомъ и въ углу: *1811 годъ*. Помнится мнѣ даже и число, въ которое она была сообщена главнокомандующему Барклаю, бывшему тогда военнымъ министромъ; но Николай Семеновичъ не-военный человѣкъ, и онъ явно ошибался, принявъ, какъ мнѣ казалось, позже составленный проектъ Французскаго шарлатана за дѣйствительный планъ кампаніи. Вышеозначенные доводы ясно показываютъ, что дѣйствія нашихъ армій не могли быть столь заблаговременно предусмотрѣны и предположены.

Старались склонить Государя, чтобы онъ самъ началъ военныя дѣйствія, перейдя за Нѣманъ и чтобы въ такомъ случаѣ армія Багратіона дѣйствовала въ тылу непріятеля. О томъ дѣйствительно была рѣчь; но Государь, повидимому, не хотѣлъ быть зачинщикомъ и надѣялся еще сохранить миръ. Судя по расположенію нашихъ войскъ и по первоначальнымъ движеніямъ ихъ, скорѣе казалось бы, что настоящаго плана кампаніи не было никакого. Инерція и нерѣшимость руководствовали нами, когда Наполеонъ, 11-го числа Іюня, неожиданно перешелъ Нѣманъ въ Ковнѣ съ большими силами.

Въ доказательство справедливости сего сужденія можетъ служить то, что, незадолго до вторженія въ наши границы Французовъ, думали еще дать сраженіе впереди Вильны. Такъ какъ непріятель могъ прійти въ Вильну двумя путями, а именно черезъ Лиду и черезъ Ковно, то заботились объ избраніи позиціи, которая бы защищала обѣ сіи дороги, соединяющіяся верстахъ въ 9-ти или 12-ти отъ Вильны. Для того назначенъ былъ квартирмейстерской части полковникъ Мишо; меня же послали къ нему въ помощь. Мишо былъ родомъ Сардинецъ,

человѣкъ добрый и офицеръ опытный, съ Георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ имъ въ Молдавіи; не менѣе того, такъ какъ онъ порусски ни слова не зналъ, то думается мнѣ, что служба его была бы полезнѣе въ иностранныхъ арміяхъ, чѣмъ въ нашей; впрочемъ онъ былъ человѣкъ вѣрный и теперь числится генералъ-адъютантомъ.

Мы съ нимъ отправились, въ сопровожденіи четверыхъ казаковъ, на обывательской тѣлежкѣ по дорогѣ на Ковну, чрезъ Новыя Троки, и пріѣхали въ одно селеніе, лежащее на право отъ дороги. Не помню, панъ-ли сего селенія назывался Яблоновскій или самое селеніе Яблоново; недалеко отъ сего мѣста соединялись обѣ дороги. Мы сѣли на казачьихъ лошадей и поѣхали осматривать позицію, которая дѣйствительно оказалась очень удобною для обороны. Прикрывая обѣ дороги, центръ оной выдавался впередъ до высокаго бугра, командующаго непріятельскими и нашими линіями, почему мѣсто сіе слѣдовало сильно укрѣпить, ибо на сей пунктъ обратились бы главныя усилія непріятеля. Правый флангъ защищенъ былъ рѣкою Виліей, а лѣвый лѣсомъ, который должно было сильно занять пѣхотою. Еслибъ непріятелю удалось занять возвышеніе на центрѣ, то армія наша была бы разбита, потому что непріятельскія орудія могли бы дѣйствовать во фланги изломанныхъ линій нашихъ. Верстахъ въ двухъ назадъ отъ сего мѣста находилась другая позиція, но не столь выгодная, какъ первая. Однако, ни та ни другая позиція не послужили намъ, по случаю внезапнаго отступленія. По осмотрѣ позиціи мы къ вечеру возвратились въ селеніе, гдѣ я сдѣлалъ черновой планъ мѣстоположенію, и на другое же утро мы отправились обратно въ Вильну. Полковникъ прежде меня поѣхалъ верхомъ, а казакъ шелъ за нимъ пѣшкомъ. При выѣздѣ изъ Вильны, я на всякій случай, досталъ себѣ какой-то ранецъ, въ который уложилъ нѣсколько бѣлья, ибо не зналъ настоящимъ образомъ, куда и на долго-ли ѣду. Въ обратный путь я надѣлъ ранецъ на плеча и пришелъ домой пѣшкомъ.

Я передѣлалъ въ квартирѣ у Мишо на бѣло планъ, который былъ представленъ Государю; на планѣ были назначены войска въ томъ порядкѣ, какъ ихъ предположено было расположить. Мишо остался очень доволенъ и полюбилъ меня; я къ нему иногда ходилъ. Его часто посѣщалъ одноземецъ его и старинный другъ графъ Местръ, который служилъ тогда также полковникомъ по квартирмейстерской части. Местръ былъ уже немолодой человѣкъ и лысый, но влюбленъ въ какую-то Загряжскую, сказывали, тоже пожилую женщину. Старые друзья любили вспоминать между собою о прошедшихъ годахъ своихъ и волокитствѣ. Графъ Местръ теперь генералъ-маіоръ по арміи и женился на Загряжской. Сынъ его отъ первой жены служилъ въ кава-

4*

лергардскомъ полку и былъ нѣкоторое время адъютантомъ у Депрерадовича. Старикъ Местръ иногда пѣвалъ съ Мишо дрожащимъ своимъ голосомъ элегію, сочиненную имъ въ молодости на смерть любовницы его въ Швейцаріи.

Adieu, ma paisible demeure,
Mon pauvre chien et mon troupeau;
Adieu, faut que je meure:
Ma pauvre Lise est au tombeau.

*

Je vois sans plaisir la lumière
Briller au lever du soleil.
Cet astre en ouvrant sa carrière
Ne voit plus Lise à son réveil.

*

Reines des fleurs, charmantes roses,
Vous qui lui serviez d'ornement,
Maintenant vous n'êtes écloses
Que pour orner son monument.

Братъ Александръ выучилъ сей романсъ, который слышался иногда и въ нашемъ товарищескомъ кругу.

Въ Маѣ мѣсяцѣ мы всѣ разъѣхались. Меня командировали съ братомъ Михайлою въ 5-й гвардейскій корпусъ къ великому князю Константину Павловичу. Колошину поручено было объѣхать кантониръ-квартиры легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, при которой онъ находился, Александръ же оставался въ главной квартирѣ.

Мы отправились изъ Вильны въ ночь съ лошадьми и всѣмъ имуществомъ своимъ; товарищи провожали насъ до предмѣстья Антоколя. На другое утро пріѣхали мы въ Нѣменчино, гдѣ отдохнувъ поѣхали далѣе. Великій князь стоялъ въ городѣ Видзахъ среди квартиръ конницы; конная гвардія въ самомъ городѣ; кавалергарды въ селеніи Опсѣ, въ 19 верстахъ за городомъ; л.-гв. кирасирскій Его Величества полкъ и кирасирскіе полки Ея Величества и Астраханскій были расположены по деревнямъ въ окружности города Видзы.

Командующій гвардейскою пѣхотою генералъ Ермоловъ стоялъ въ м. Большихъ Даугилишкахъ, войска же его были расположены въ г. Свенціянахъ и въ окрестъ лежащихъ селеніяхъ.

Большія Даугилишки—первая почтовая станція по дорогѣ отъ Видзы къ Вильнѣ, въ разстояніи 29-ти верстъ отъ перваго мѣста. Въѣзжая въ мѣстечко Большія Даугилишки, мы встрѣтили троюроднаго брата нашего Матвѣя Матвѣевича Муромцева, который былъ тогда поручикомъ л.-гв. Измайловскаго полка и адъютантомъ при генералѣ Ермоловѣ. Мы были еще съ дѣтства знакомы съ Муромцевымъ и обрадовались таковой встрѣчѣ среди людей, намъ вовсе чуждыхъ. Въ сраженіи подъ Валутиной горой Муромцевъ былъ раненъ, а въ сраженіи подъ Люценомъ получилъ сильную контузію; по окончаніи войны онъ женился на Бибиковой и, дослужившись до полковничьяго чина, вышелъ въ отставку. Алексѣй Петровичъ любилъ Муромцева, который представилъ ему насъ обоихъ, что̀ случилось въ то время, какъ онъ садился на лошадь, чтобы прогуляться. Я тогда въ первый разъ видѣлъ Ермолова. У него на головѣ былъ киверъ, что̀ мнѣ показалось страннымъ при генеральскихъ эполетахъ. Смотрѣлъ онъ настоящимъ Геркулесомъ; ростъ его, благородная осанка, умное выраженіе лица, широкія плечи и привѣтливый и веселый пріемъ вселяли къ нему особое уваженіе. Онъ принялъ меня очень ласково и, поговоривъ нѣсколько, уѣхалъ. Тогда уже пользовался онъ хорошею славою въ арміи и уваженіемъ старшихъ генераловъ. Служа въ артиллеріи, онъ сдѣлался извѣстнымъ въ Прусскую кампанію 1807 года, будучи только въ чинѣ полковника. Ермоловъ старый служивый; онъ былъ на штурмѣ въ Прагѣ и 18 лѣтъ получилъ Георгіевскій крестъ, ходилъ и за Кавказъ съ экспедиціею, посланною Екатериной противъ Аги-Магометъ-хана; въ то время былъ онъ уже капитаномъ артиллеріи. Въ царствованіе Павла І-го, Алексѣй Петровичъ попалъ въ немилость Императора и былъ сосланъ въ Кострому, гдѣ проживалъ также въ ссылкѣ графъ М. И. Платовъ. Тутъ они другъ съ другомъ познакомились и съ тѣхъ поръ остались въ хорошихъ между собою отношеніяхъ. Алексѣй Петровичъ съ пользою употребилъ время пребыванія въ ссылкѣ, занимаясь усовершенствованіемъ своимъ въ наукахъ, примѣрно учился и въ царствованіе Александра поступилъ опять на службу. Ермоловъ нуженъ Государю, который, хотя и не жалуетъ его, но повѣряетъ ему самыя важныя дѣла въ государствѣ.

Поздно пріѣхали мы въ Видзы и остановились ночевать на почтѣ. На другой день пошли къ разводу и явились къ начальнику штаба, воспитателю великаго князя и любимцу его, квартирмейстерской части полковнику Дмитрію Дмитріевичу Курутѣ, который представилъ насъ Константину Павловичу, при чемъ великій князь спрашивалъ насъ, не родственники ли мы Михайлѣ Никитичу Муравьеву, который былъ кавалеромъ при Государѣ, когда онъ былъ еще цесаревичемъ.

Послѣ развода пошли мы съ конногвардейскими офицерами къ его высочеству; онъ разговаривалъ съ нами съ полчаса и потомъ ушелъ въ свою комнату, что̀ почти ежедневно повторялось. На сихъ собраніяхъ говорилъ онъ иногда очень разсудительно, иногда же, оборотясь къ офицерамъ задомъ, и шутилъ въ неприличныхъ выраженіяхъ, что̀ производило одобрительный хохотъ между присутствующими.

Какъ изобразить тогдашнее положеніе наше? До тѣхъ поръ мы постоянно жили въ кругу братьевъ и близкихъ товарищей, не зная почти никого изъ постороннихъ людей, а теперь очутились въ совершенно чуждомъ для насъ обществѣ, и еще какомъ! Все полковники, генералы, и самъ цесаревичъ! Въ первые дни были мы отуманены и въ большомъ замѣшательствѣ, въ послѣдствіи же нѣсколько обошлись. Кругъ, въ коемъ мы находились, состоялъ вообще изъ людей малообразованныхъ, и хотя обращеніе ихъ было простодушное, но мы, не смотря на привѣтливость ихъ, избѣгали короткаго съ ними знакомства; ибо обычная праздная жизнь ихъ не соотвѣтствовала нашимъ понятіямъ объ обязанности и трудолюбіи, въ коемъ были воспитаны. Общество ихъ было въ высокой степени mauvais genre. Константинъ Павловичъ уменъ и образованъ, сердце его доброе; но въ немъ сильно развито чувство самоуправства. Ему часто случается въ минуту запальчивости забываться противъ офицеровъ; но онъ отъ природы не злобенъ и, успокоившись, извиняется передъ обиженными.

Кавалергардскіе офицеры не любятъ Константина Павловича, и на оборотъ онъ ихъ также не жалуетъ, тогда какъ онъ въ конной гвардіи души не знаетъ. Причиною сему то, что общество офицеровъ кавалергардскаго полка, по образованію своему и приличію, было выше офицеровъ конной гвардіи, среди коихъ постоянно находился шефъ ихъ Константинъ Павловичъ, тогда какъ кавалергардскіе всегда обѣгали его.

Великій князь держалъ тогда при себѣ въ Видзахъ г-жу Фридериксъ. Она родомъ Француженка и жена одного фельдъегеря, который какъ говорятъ, женился на ней по приказанію его высочества, не прикоснувшись ея дѣвственности, за что̀ онъ въ награду получилъ мызу верстахъ въ 10-ти отъ Петербурга на Стрѣльненской дорогѣ. Великій князь имѣетъ отъ нея сына, которому лѣтъ 10 отъ роду и который считается теперь въ конногвардейскомъ полку поручикомъ съ фамиліею Александровъ. Говорятъ, что она умная, любезная и добрая женщина и не дурна собою, хотя ей было уже за 30 лѣтъ. Не взирая на привязанность великаго князя, она не вмѣшивалась въ дѣла до нея не касавшіяся, развѣ только для того, чтобы кому-либо

пособить. Она часто останавливала Константина Павловича въ его горячности и способствовала къ укрощенію его пылкаго нрава.

Квартирмейстерской части полковникъ Д. Д. Курута, родомъ Грекъ, человѣкъ со свѣдѣніями, тонкій и умный, но нисколько не военный. Онъ поступилъ сперва въ кадетскій корпусъ, послѣ воспитывался съ великимъ княземъ и, наконецъ, поступилъ къ нему въ учители Греческаго языка. Это было въ то время, когда Екатерина замышляла о возстановленіи Восточной имперіи и готовила Константина на Греческій престолъ. Курута занимаетъ при великомъ князѣ мѣсто начальника штаба, гофъ-маршала и дядьки, при чемъ совершенно всѣмъ у него управляетъ. Константинъ Павловичъ его часто называетъ учителемъ своимъ, иногда даже цѣлуетъ у него при всѣхъ руку, спрашиваетъ у него совѣта и слушаетъ его; иногда же схватитъ старика и, въ шутку, какъ медвѣдь, начнетъ ломать его, пока тотъ острою шуткою не пристыдитъ своего воспитанника. Оба другъ друга любятъ и боятся. Когда цесаревичъ сердитъ, тогда одинъ Курута имѣетъ доступъ до него; когда же онъ, забывшись, закричитъ на своего дядьку, тогда послѣдній струситъ и спрячется; въ веселую же минуту Греческій человѣкъ уязвитъ его словами въ шутливыхъ намекахъ. Цесаревичъ его всегда называетъ Дмитрій Дмитріевичъ, а тотъ постоянно называетъ повелительнаго воспитанника своего съ Греческимъ своимъ нарѣчіемъ васе висоцество. Они часто говорятъ между собою по-гречески.

Дмитрій Дмитріевичъ роста малаго и съ брюшкомъ—структура шарика; голова у него большая, носъ длинный, лице смуглое, совершенный Грекъ въ каррикатурѣ; волоса его короткіе и кудрявые, какъ бываетъ у Негровъ, ножки у него коротенькія и кривыя, голосъ тихій; по утрамъ онъ жужжитъ, какъ жукъ, а подъ вечеръ пищитъ. Ѣздокъ онъ весьма плохой и даже боится лошадей. Курута большой хлопотунъ и до мелочи аккуратенъ; напримѣръ, какой бы поспѣшности ни требовало отправленіе подписанной имъ бумаги, онъ никакъ не отпуститъ ея отъ себя, не обрѣзавъ сперва ножницами листа кругомъ, такъ чтобы бумага имѣла совершенно правильную фигуру. Онъ часто повѣряетъ спросы свои, посылаетъ навѣдываться объ одномъ и томъ же предметѣ и, наконецъ, самъ поѣдетъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что какая-нибудь бездѣлица, его занимавшая, въ точности исполнена. Походъ ли на другой день, онъ съ вечера призоветъ къ себѣ офицеровъ и держитъ ихъ ночью у себя, разговаривая съ ними въ просонкахъ о пустякахъ; когда же ему крѣпко спать захочется, то отпускаетъ ихъ, прося у нихъ извиненія за то, что задержалъ ихъ напрасно. Лишь только выйдутъ отъ него, какъ онъ вслѣдъ за ними

посылаетъ казака и опять держитъ ихъ у себя въ ожиданіи чего-то, безъ всякаго дѣла. Онъ когда-то служилъ съ отцомъ моимъ во флотѣ и вспоминалъ мнѣ въ Видзахъ о знакомствѣ своемъ съ батюшкою. Съ нами обходился онъ всегда привѣтливо.

Адъютантами при Константинѣ Павловичѣ были: полковникъ конной гвардіи, Николай Дмитріевичъ Олсуфьевъ, человѣкъ шутливый, веселый, но, кажется, не дѣловой; его великій князь въ особенности любилъ, они въ молодыхъ лѣтахъ вмѣстѣ дурачились, и нынѣ случалось тоже имъ ходить обнявшись, произнося неприличныя рѣчи. По производствѣ любимца сего въ генералъ-маіоры онъ все находился при его высочествѣ безъ должности, увеселяя только начальника своего разсказами.

Л.-гв. уланскаго полка полковникъ Алексѣй Николаевичъ Потаповъ, человѣкъ дѣловой и сочинитель кавалерійскаго устава, считался въ арміи въ разрядѣ первыхъ кавалерійскихъ офицеровъ. Со званіемъ адъютанта соединялъ онъ должность дежурнаго штабъ-офицера, и потому управлялъ всѣми дѣлами по корпусу.

Л.-гв. уланскаго полка полковникъ Александръ Сергѣевичъ Шульгинъ, человѣкъ простой и грубый, но исправный и проворный, хотя безъ дальныхъ соображеній; онъ постоянно былъ употребляемъ въ должности полицеймейстера, къ которой онъ имѣлъ особое призваніе. Большой крикунъ, хлопотунъ, любитъ иногда своеручно поколотить, пожары тушить и разсказывать о своихъ подвигахъ въ такомъ родѣ. Шульгинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры по арміи; теперь оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ.

Л.-гв. коннаго полка полковникъ князь Кудашевъ. Этотъ былъ всѣхъ ихъ пообстоятельнѣе, человѣкъ молодой, опытный, расторопный и умный. Я его впрочемъ мало зналъ, и говорю о немъ по тому, что̀ слышалъ. Князь Кудашевъ былъ женатъ на дочери Кутузова-Смоленскаго; ему давали разныя порученія, и онъ командовалъ отдѣльными партіями. Умеръ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ отъ раны, полученной въ одной изъ кавалерійскихъ стычекъ, происходившихъ за два дня до Лейпцигскаго сраженія.

Гвардейскаго экипажа капитанъ-лейтенантъ Павелъ Андреевичъ Колзàковъ, человѣкъ добрый и очень простой. Онъ всѣхъ былъ прилежнѣе въ исполненіи адъютантской должности, и потому его часто совали во всѣ стороны, откуда онъ возвращался съ жалобами на то, что адъютантская должность вся лежитъ на немъ одномъ.

Л.-гв. коннаго полка ротмистръ Палицынъ, Владимиръ Ивановичъ, человѣкъ совсѣмъ простой и столько же безвредный для кого-либо,

сколько безполезный для службы; въ послѣдствіи онъ былъ произведенъ въ полковники.

Л.-гв. коннаго полка полковникъ Жандръ. Его тогда не было при великомъ князѣ. Онъ, кажется, пріѣзжалъ однажды въ Свенціяны, когда великій князь туда ѣздилъ и, пробывъ короткое время, скоро опять уѣхалъ, послѣ чего его я только раза два видѣлъ. Жандра болѣе употребляли для формированія резервныхъ эскадроновъ, и говорили, что онъ при томъ порядочно набилъ себѣ карманы; въ послѣдствіи произвели его въ генералъ-маіоры *).

Л.-гв. коннаго полка полковникъ Шперберъ, который также большею частію находился въ отсутствіи.

Л.-гв. драгунскаго полка полковникъ Сталь постоянно находился въ командировкахъ для осмотра полковъ. Я познакомился съ нимъ только въ Германіи; человѣкъ съ воспитаніемъ и пріятный, чего не замѣчалось ни въ комъ изъ окружавшихъ великаго князя. Теперь Сталь служитъ генералъ-маіоромъ и командуетъ кирасирской бригадой.

Изъ гражданскихъ чиновниковъ находились при великомъ князѣ: правитель канцеляріи Александръ Ивановичъ Кривцовъ. Французъ изъ Эльзаса Зигнеръ (Sugner) для иностранныхъ переписокъ, дерзкій и грубый человѣкъ, котораго никто не могъ терпѣть, при томъ же плутъ, ибо попался однажды въ воровствѣ у товарища моего; но онъ былъ ловокъ, почему Константинъ Павловичъ и держалъ его при себѣ. Старый Нѣмецкій докторъ, котораго я имя забылъ. Еще была одна личность во фракѣ, а именно князь И. А. Голицынъ, который былъ Павломъ выключенъ изъ службы за неблагопристойную его наружность. Онъ постоянно ѣздилъ по гостямъ изъ одного штаба въ другой, не будучи въ службѣ, узнавалъ вѣсти и привозилъ ихъ къ цесаревичу. Человѣкъ этотъ принадлежалъ къ разряду чувствительныхъ и причудливыхъ; онъ часто плакалъ, и съ нимъ дѣлались истерическіе припадки. Иные утверждали, что онъ гермафродитъ; но, можетъ быть, слухъ о томъ былъ пущенъ въ насмѣшку. Какъ бы то ни было, князь И. А. Голицынъ, не будучи въ службѣ и безъ всякихъ заслугъ, получилъ Владимирскій крестъ въ петлицу чрезъ великаго князя. Его въ публикѣ знаютъ подъ названіемъ: Jean de Paris.

Квартирмейстерская часть состояла изъ слѣдующихъ лицъ: полковникъ Курута, который выше описанъ. Капитанъ Брозинъ 1-й, Павелъ Ивановичъ, находился нѣкогда съ посольствомъ въ Гишпаніи,

*) Убитъ мятежниками, защищая дверь кабинета Константина Павловича въ Бельведерѣ во время возстанія въ Варшавѣ въ 1830 году.

чрезъ что̀ воображалъ себѣ, что онъ весь свѣтъ видѣлъ. Бываютъ на свѣтѣ лгуны, но подобныхъ Брозину едва-ли гдѣ сыщется; напримѣръ, онъ утверждалъ, что въ Пиринейскихъ горахъ проскакалъ во весь духъ, въ одну ночь, 80-тъ верстъ верхомъ, и между тѣмъ дорогою спалъ крѣпкимъ сномъ; возможность сего относилъ онъ къ породѣ тамошнихъ лошадей, обученныхъ покойной походкѣ. Онъ часто отпускалъ такіе разсказы. Душа его была подлая и боязливая; нѣсколько разъ онъ подвергался поруганіямъ отъ своихъ товарищей за то, что отказывался отъ поединка, на который его вызывали, чему причиною было его несносное обращеніе; но Брозинъ былъ терпѣливъ въ такихъ случаяхъ и ограничивался принесеніемъ начальству жалобъ. Брозинъ однакоже сдѣлалъ себѣ дорогу, потому что, будучи свѣдущъ въ письменныхъ дѣлахъ, всегда служилъ въ канцеляріяхъ. Въ 1813 году онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, вскорѣ произведенъ въ полковники и посланъ опять въ Гишпанію, гдѣ и теперь находится.

Братъ его, штабсъ-капитанъ Брозинъ 2-й, короткое время находился при великомъ князѣ; я не имѣлъ случая знать его. Его хвалили; онъ былъ тяжело раненъ въ сраженіи подъ Бородинымъ и, кажется, вышелъ въ отставку.

Потомъ были я и, наконецъ, братъ Михайла.

Вотъ весь тогдашній составъ штаба и двора его высочества.

Я имѣлъ рекомендательное письмо отъ Михайлы Ѳедоровича Орлова къ брату его Алексѣю, который служилъ тогда ротмистромъ въ конной гвардіи. Я вручилъ ему письмо; но онъ принялъ меня довольно сухо, и съ тѣхъ поръ я перестал къ нему ходить.

Сначала великій князь долгое время не любилъ Алексѣя Орлова, но послѣ взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Алексѣй Орловъ, будучи уже полковникомъ, вышелъ по неудовольствію въ отставку. Въ 1816 году онъ опять вступилъ въ службу и явился въ Петербургѣ на разводѣ въ общемъ кавалерійскомъ мундирѣ. Государь, увидѣвъ его, взялъ его на другой день въ флигель-адъютанты; недавно же произведенъ онъ въ генералъ-маіоры. Алексѣй Орловъ не имѣетъ большаго образованія, но человѣкъ съ проницательнымъ умомъ, молодецъ собою и силачъ.

Отвели намъ квартиру на берегу рѣчки, раздѣляющей городъ на двѣ части, у трактирщика Зинкевича, въ особенномъ домѣ на площади. Мы сдѣлали договоръ съ хозяиномъ, чтобы онъ кормилъ насъ и людей нашихъ, что̀ намъ стоило около 30 копѣекъ серебромъ за каждаго въ день. Въ издержкахъ своихъ соображались мы со средствами. Получивъ незадолго передъ тѣмъ по 118 рубл. третнаго жа-

лованья, каждый изъ насъ въ состояніи былъ проѣдать со слугою по 60-ти коп. въ сутки.

Я мало занимался, братъ же Михайла цѣлый день трудился. Будучи еще въ Петербургѣ, онъ задумалъ объ устройствѣ въ простомъ видѣ инструмента для измѣренія разстояній не сходя съ мѣста. Тогда еще мало извѣстны были зрительныя трубы съ удвояющимъ кристалломъ или съ перетянутыми въ нихъ накрестъ волосками, при коихъ извѣстная уже высота должна служить основаніемъ треугольника, коего вершина въ самомъ глазѣ. Старанія брата къ достиженію цѣли въ такихъ молодыхъ лѣтахъ безъ сомнѣнія свидѣтельствовали о его дарованіяхъ. Когда мы находились въ Вильнѣ, онъ придумалъ все устройство сего инструмента и даже составилъ заблаговременно таблицы для избѣжанія вычисленій при самомъ дѣйствіи. Въ Видзахъ братъ хотѣлъ на практикѣ испытать свои изобрѣтенія; но, не имѣя довольно денегъ, чтобы заказать инструментъ изъ мѣди, онъ заказалъ его изъ яблонова дерева обыкновенному столяру, который въ нѣсколько дней сработалъ его подъ близкимъ надзоромъ изобрѣтателя. Послѣ того братъ раздѣлилъ кругъ на градусы, означая ихъ рейсфедеромъ и, наконецъ, сдѣлалъ первый опытъ. На разстояніи ста слишкомъ саженей оказалась ошибка только въ двухъ аршинахъ, чему причиною могла быть невѣрность деревяннаго инструмента и дѣленій. Братъ доложилъ о своемъ изобрѣтеніи Курутѣ и при немъ сдѣлалъ опытъ, который также оказался довольно вѣрнымъ. Курута похвалилъ его и довелъ до свѣдѣнія великаго князя, который также словами поощрилъ брата къ занятіямъ. Въ 1814 году князь П. М. Волконскій, которому сей инструментъ былъ поднесенъ, приказалъ сдѣлать его изъ мѣди, механической палатѣ генеральнаго штаба въ Петербургѣ, начальнику сего заведенія Рейссигу подъ надзоромъ брата, который при этомъ усовершенствовалъ еще свой инструментъ, примѣнивъ къ оному способъ опредѣленія, какъ астролябіею, горизонтальныхъ угловъ. Вопреки князю, Рейссигъ, по неблагонамѣренности своей, долго ломался, всячески уклоняясь отъ выдѣлки сего инструмента; но братъ настоялъ и принудилъ его къ исполненію заказанной ему работы. Образецъ сей сохранился въ Петербургѣ въ инструментальномъ депо квартирмейстерской части. Въ нынѣшнемъ усовершенствованномъ видѣ своемъ инструментъ сей можетъ служить съ пользою для военныхъ съемокъ; ибо, при горизонтальномъ положеніи, имъ измѣряются углы, при вертикальномъ же разстоянія. Итакъ, установивъ инструментъ и пославъ человѣка съ вѣхой извѣстной длины, можно, не сходя съ мѣста и безъ употребленія цѣпи, снять планъ окрестнаго мѣстоположенія на всемъ

пространствѣ, доступномъ для зрѣнія, продолжая такимъ же образомъ съёмку со вновь опредѣляемыхъ точекъ.

Въ Видзахъ братъ иногда проводилъ время съ пріятелемъ своимъ Синявинымъ. Алексѣй Григорьевичъ Синявинъ учился въ Москвѣ въ университетѣ, гдѣ довольно коротко познакомился съ братомъ. Постоянное желаніе его было, по примѣру родителя своего, поступить во флотъ, но неожиданнымъ образомъ онъ попалъ въ конную гвардію, гдѣ служилъ тогда юнкеромъ. Онъ имѣетъ хорошія способности и свѣдѣнія и любитъ занятія. Синявинъ вдвоемъ съ братомъ затѣяли было какое-то общество, котораго я не зналъ цѣли; изобрѣли также свою азбуку и часто перешептывались между собою, но съ открытіемъ войны общество сіе рушилось и съ тѣхъ поръ не возобновлялось.

На одной площади съ нами была квартира поручика князя Андрея Борисовича Голицына. У него собирались члены масонской ложи конной гвардіи, подъ названіемъ: l'ordre militaire. Великій князь былъ также членомъ сей ложи, въ которую иногда собирались по вечерамъ, заперевъ напередъ всѣ двери, окошки и ставни. Когда я познакомился съ княземъ Голицынымъ, то онъ звалъ меня въ ложу, но я отказался; впослѣдствіи же слышалъ отъ настоящихъ масоновъ, что ложа эта была шутовская. Vénérable у нихъ былъ огромный Сарачинскій.

Однажды подъ вечеръ сидѣли мы съ братомъ на порогѣ своей квартиры, размышляя объ одиночномъ и какъ бы забытомъ положеніи нашемъ, не представлявшемъ ничего отраднаго въ будущемъ и въ службѣ. Въ деньгахъ мы нуждались, писемъ давно уже ни откуда не получали. У насъ не было ни связей, ни близкихъ знакомыхъ въ шумномъ кругу, среди коего мы находились, и намъ трудно было свыкнуться съ тѣмъ, что насъ какъ бы знать не хотѣли, тогда какъ видѣли между окружающими Константина Павловича много пустыхъ людей, пользующихся его расположеніемъ. Въ это время неожиданно подошелъ къ намъ поручикъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ *) «Bonsoir, messieurs! Il y a longtemps que je cherche à faire votre connaissance, je suis le prince André Galitzine.»

*) Извѣстный подъ кличкою le prince Macarelly; онъ впослѣдствіи былъ флигель-адъютантомъ и потомъ генералъ-маіоромъ. Женился на Нинѣ Ѳедоровнѣ Ахвердовой, сестрѣ отъ другой матери покойной жены моей. Овдовѣвъ предался мистицизму и началъ чудить. Промоталъ большое состояніе, кругомъ задолжалъ и лишился всеобщаго уваженія. Умеръ почти въ нищенствѣ, поддерживаемый сыномъ своимъ и сестрою Татьяною Борисовною Потемкиной. 1866.

Не мы искали знакомства, а онъ искалъ насъ; и потому, согласно съ нашими правилами, мы приняли ласково его. Голицынъ съ перваго раза разсказалъ намъ всѣ свои шалости, сколько онъ тысячъ проигралъ, какъ за него отецъ долги платилъ и проч. Такое обхожденіе было для насъ совсѣмъ новое, но разговоръ его казался намъ довольно любопытнымъ. Однако знакомство сіе скоро надоѣло намъ, ибо онъ сталъ засиживаться у насъ по цѣлымъ суткамъ, повѣсничалъ и мѣшалъ заниматься. Князь А. Б. Голицынъ впослѣдствіи служилъ все по особымъ порученіямъ при генералахъ и сдѣлалъ себѣ хорошую дорогу въ службѣ, вѣрнѣе сказать, никакъ не служа. Онъ довольно простъ и наглъ; впрочемъ казался добрымъ малымъ, какъ про многихъ говорятъ. Голицынъ приглашалъ насъ отъ общества конногвардейскихъ офицеровъ на обѣдъ, который они давали Константину Павловичу въ день рожденія его 27-го Апрѣля. Мы были приняты съ привѣтствованіемъ и познакомились со многими офицерами. На дворѣ и на площади были разставлены столы, за которыми обѣдали нижніе чины конной гвардіи; ввечеру же сожженъ былъ большой фейерверкъ. Въ числѣ гостей было много Поляковъ и между прочимъ графъ Манучи, тогдашній маршалокъ или предводитель дворянства.

Графъ Манучи былъ одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ уѣзда. Помнится мнѣ, что Государь заѣзжалъ къ нему въ деревню Бельмонтъ, находящуюся въ 40 верстахъ отъ Видзъ. За обѣдомъ познакомились мы съ Сарачинскимъ, Солданомъ, Труксесомъ, Андреевскимъ, Арсеньевымъ, Леонтьевымъ, многими князьями Голицыными и съ другими конногвардейскими штабъ и оберъ-офицерами. Первый изъ названныхъ теперь старшимъ полковникомъ въ полку; второй командуетъ Малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ, третій продолжаетъ службу въ томъ же полку, четвертый въ отставкѣ генераломъ, пятый генералъ-маіоръ и командиръ конной гвардіи, шестой (Леонтьевъ) впослѣдствіи командовалъ Глуховскимъ кирасирскимъ полкомъ. Обѣдъ этотъ сблизилъ насъ съ начальствующими лицами, и вскорѣ прислали намъ одного кирасира Ѳедора Кучугурнаго для присмотра за нашими верховыми лошадьми; унтеръ-офицеру же Титаренкѣ поручено было ихъ объѣзжать. (Первый изъ нихъ, находясь въ строю, былъ убитъ въ сраженіи). Стали исправнѣе выдавать намъ фуражъ на лошадей, причемъ л.-гв. казачьяго полка урядникъ Дербенцовъ сталъ менѣе умничать съ нашими людьми при отпускѣ овса. Но льготы и порядки сіи рушились съ выступленіемъ въ походъ.

Князь Андрей Голицынъ продалъ тогда брату гнѣдую Донскую лошадь за дешевую цѣну и тѣмъ оказалъ ему большую услугу. Ло-

шадь отлично ему служила и была убита подъ нимъ въ Бородинскомъ сраженіи.

Въ это время кирасиръ одѣли въ кирасы. Помню перваго явившагося къ великому князю кавалергардскаго полка поручика или штабсъ-ротмистра Киселева.

Дядя мой Владиміръ Михайловичъ Мордвиновъ, проживавшій въ Псковской деревнѣ своей, былъ въ Видзахъ проѣздомъ въ Вильну. Казалось, что онъ хотѣлъ опять въ службу вступить, однакоже не вступилъ. Онъ заѣзжалъ къ намъ и рекомендовалъ насъ г.-м. Николаю Михайловичу Бороздину, командиру Астраханскаго кирасирскаго полка, но мы никогда не пользовались симъ знакомствомъ.

Командиры кирасирскихъ полковъ въ то время были: кавалергардскаго Депрерадовичъ; въ л.-гв. конномъ шефомъ числился великій князь, Его Величества л.-гв. кирасирскимъ командовалъ полк. Будбергъ, Ея Величества л.-гв. кирасирскимъ—полк. Розенъ, Астраханскимъ кирасирскимъ—г.-м. Бороздинъ.

Первый изъ нихъ родомъ Сербъ, малообразованная личность, теперь г.-лейт. и начальникъ 1-й кирасирской дивизіи. Третій аккуратный и глухой Нѣмецъ, содержащій полкъ свой въ отличномъ порядкѣ и любимый офицерами. Четвертый ласковый съ чужими, золъ со своими, дурно обходится съ офицерами, которые его не терпятъ; слышно было, что онъ наживается отъ полка, который въ дурномъ состояніи; къ тому-же не пользуется доброю славою въ дѣлѣ. Будбергъ и Розенъ теперь г.-маіорами. Пятый былъ извѣстенъ по его вспыльчивости.

Братъ Михайла не проводилъ въ Видзахъ совершенно монашеской жизни. На площади нашей стоялъ порядочный деревянный домикъ въ два этажа. Изъ втораго этажа часто выглядывала молодая женщина, не дурная собой, а за нею и другая. Молодая эта женщина цѣлый день сидѣла подъ окномъ, а по вечерамъ играла на гитарѣ и пѣла по-русски всякія нѣжныя пѣсеньки. Математикъ мой былъ тронутъ ея голосомъ; онъ развѣдалъ, что пѣвица была панна стряпчина или жена городоваго стряпчаго; сама она была Полька, а мужъ Русскій, толстый, немолодой человѣкъ и кривой на лѣвый глазъ. Было также узнано, что другія дѣвицы были пріятельницы пѣвицы, которая живетъ одна на верху, а мужъ внизу и съ окнами обращенными въ другую сторону. Предположено было во чтобы то ни стало познакомиться. Ввечеру я съ братомъ и княземъ Голицынымъ пришли стучаться къ дверямъ. «Кто тутъ стучится?» закричалъ изъ-за дверей шипучимъ голосомъ хозяинъ.—«Отворите.»—«Зачѣмъ, что вамъ надобно?»—«Отворите же, мы пришли съ

вами познакомиться».—Испуганный стряпчій (Лежановъ его фамилія) отворилъ дверь, мы вошли въ его комнату, у него былъ накрытъ столъ.—«Здравствуйте, господинъ Лежановъ», привѣтствовали мы хозяина.—«Здравствуйте, господа, прошу садиться; не угодно ли съ нами отужинать?» Жены его тутъ не было, а потому, посидѣвъ немного, мы ушли, чему онъ конечно былъ очень радъ. Но принятая нами мѣра сія была не самая разсудительная для знакомства и ни къ чему не повела. На другой вечеръ мы на площади объѣзжали и обстрѣливали своихъ верховыхъ лошадей. Панна стряпчина, сидя у окна, любовалась всадниками. Скоро она изчезла и, сойдя внизъ, заперла наружную дверь. Мы совѣтовались, какъ бы съ ней познакомиться; тогда князь Андрей Голицынъ подъѣхалъ къ дому и, снявъ съ головы свою бѣлую фуражку, бросилъ ее въ отпертое окно. — «Какъ быть, господа, я безъ фуражки», сказалъ онъ намъ, «пойдемте ее выручать».—«Пойдемъ». — Оставивъ лошадей, мы пошли стучаться къ дверямъ. Стряпчаго не было дома, панна же стряпчина была внизу. Она подошла къ дверямъ, сперва отперла ихъ и потомъ съ улыбкою спросила, что̀ намъ надобно?—«Сегодня поутру забылъ я увасъ свою фуражку», отвѣчалъ князь Голицынъ.—«Вы никогда у меня не бывали».—«Полноте, панна, вы шутите», и вмѣстѣ съ этимъ мы всѣ трое вошли насильно.—«Гдѣ ваша фуражка?» спросила она.—«У васъ на верху».—Не можетъ быть, князь».—«Точно правда, я васъ увѣряю». Стряпчина поняла шутку, рада была случаю и повела насъ вверхъ, вошла въ свою комнату; мы за ней, и фуражка нашлась у нея на постелѣ. Тутъ и она, и мы начали смѣяться. Она увѣряла, что такимъ образомъ знакомиться неблагопристойно, не менѣе того просила насъ посидѣть, взяла гитару, играла и пѣла. Мы получили отъ панны Бригиты позволеніе навѣщать ее; вскорѣ явились и пріятельницы ея панна Іоанна и панна Доминика. Проведя у ней около часа, мы раскланялись и ушли. Съ тѣхъ поръ я былъ у нея раза два; братъ же частехонько ходилъ, но мнѣ о томъ ни слова не говорилъ. Года черезъ два я отъ него же узналъ, что онъ находился съ панною Бригитой въ Видзахъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Вскорѣ я сталъ встрѣчать ее на гуляніи съ Фридрихсшей. Не знаю, какимъ она образомъ съ нею познакомилась, только онѣ вмѣстѣ уѣхали въ Видзы и теперь еще живутъ вмѣстѣ въ Варшавѣ. Панну стряпчину случалось мнѣ нѣсколько разъ видѣть во время похода, когда Фридрихсша проѣзжала въ Германію къ великому князю; она очень постарѣла и подурнѣла. Когда братъ лѣчился отъ раны въ Петербургѣ, то онъ по ночамъ часто къ ней ѣздилъ въ Мраморный дворецъ.

Синявинъ, играя съ товарищими въ городки, получилъ сильный ушибъ, отъ чего слегъ и долго лечился въ госпиталѣ, гдѣ ему дѣлали нѣсколько операцій. Госпиталь былъ почти за городомъ, по дорогѣ къ Вильнѣ и далеко отъ моей квартиры, но я навѣщалъ пріятеля довольно часто и познакомился тамъ съ выздоравливающимъ юнкеромъ Ивановымъ, служащимъ нынѣ въ л.-гв. драгунскомъ полку и адъютантомъ у ген. Чичерина. Выходя однажды изъ госпиталя, Ивановъ зашелъ въ сосѣдній домъ, куда и я за нимъ послѣдовалъ. Въ домѣ было только двѣ комнаты, но опрятно убранныя. Въ углу сидѣлъ сѣдой старикъ въ Польскомъ кафтанѣ и плелъ корзины, въ другомъ углу сидѣла съ письмомъ въ рукѣ дочь его лѣтъ 17-ти, прекрасная собою, одѣтая просто, но чисто. Она имѣла трехъ воздыхателей: Иванова, гардемарина Прокофьева и камеръ-лакея Пономарева.

Великій князь взялъ съ собою изъ Петербурга 4-хъ хорошо учившихся гардемариновъ, для съемки плановъ; но когда открылись военныя дѣйствія, ихъ отправили обратно въ Петербургъ. Впослѣдствіи я познакомился съ Пономаревымъ и не стыдился симъ знакомствомъ. Онъ былъ честный человѣкъ и съ добрыми правилами. Когда мы были въ службѣ, то онъ всячески помогалъ намъ, и деньгами (которыя онъ въ займы давалъ безъ процентовъ), и посильными услугами, никогда не забывая различія нашихъ званій.

Старикъ (по имени, помнится мнѣ, Заборскій) привѣтливо принялъ меня; дочь же сѣла подлѣ меня и ловко занимала меня своимъ разговоромъ. Онъ сказывалъ, что онъ нѣкогда имѣлъ достатокъ, но былъ раззоренъ во время завоеванія Польши, послѣ чего сдѣлался бѣднымъ шляхтичемъ и жилъ своими трудами. Дочь его имѣла переписку съ однимъ офицеромъ, который обѣщалъ на ней жениться. На лицѣ ея выражалась скорбь, вызванная стѣсненнымъ ихъ положеніемъ. Они совершенно одни жили. Я часто ходилъ къ нимъ, просиживалъ вечера, проводя время съ дочерью, которая оказывала мнѣ особое вниманіе. Уважая беззащитность сихъ бѣдныхъ людей, я въ сношеніяхъ съ дочерью не выходилъ изъ границъ приличія, тѣмъ болѣе, что она сама сохраняла въ нищетѣ свое достоинство. Положительно знаю, что дочь его не сдалась никому изъ тогдашнихъ воздыхателей; но когда Французы стали подходить къ Видзамъ, то ее увезъ какой-то коммиссіонеръ въ Друю. Не знаю, вышла-ли она за мужъ. По минованіи кампаніи старика въ домѣ болѣе не было, и хижина ихъ стояла пустая.

По распоряженію князя П. М. Волконскаго приказано было снять городъ Видзы съ окрестностями. Съемку сію поручили сдѣлать старику Брозину, насъ же двухъ прикомандировали къ нему въ помощь. Такъ

какъ не имѣлось порядочныхъ инструментовъ, то братъ Михайла предложилъ новый самый простой инструментъ своего изобрѣтенія въ уподобленіе мензулы, для чего онъ употребилъ обыкновенный столикъ, двѣ простыя линейки и имѣвшійся у насъ компасъ. Такой способъ съёмки во всякомъ случаѣ былъ лучше глазомѣрнаго. Совѣту его послѣдовали, и въ скоромъ времени мы порядочнымъ образомъ сняли городъ съ окрестностями на пять верстъ радіуса.

Однажды, какъ мы занимались съёмкою за городомъ, часовой, стоявшій у магазина, принявъ насъ за непріятельскихъ шпіоновъ, объявилъ о томъ своимъ начальникамъ, которые довели о томъ до свѣдѣнія цесаревича. На другой день Шульгинъ былъ посланъ съ казачьимъ конвоемъ за городъ, чтобы переловить шпіоновъ, и раскакался на насъ, но вскорѣ узналъ, въ чемъ дѣло состояло.

Затѣмъ новыя хлопоты выпали на долю Шульгина. Извѣстно, что въ 1811 и 1812 годахъ во всей Россіи были пожары, и пойманы были поджигатели. Однажды Шульгинъ, прогуливаясь вечеромъ по городу, заглянулъ въ какую-то избушку, которой хозяева были въ отсутствіи и въ которой по полу видѣнъ былъ огненный свѣтъ. Онъ нашелъ разсыпанный фосфоръ и сѣру. Немедленно былъ приставленъ къ избѣ караулъ, и о происшествіи донесено великому князю, который выбѣжалъ на улицу въ своемъ бѣломъ халатѣ. Съ нимъ были нѣкоторые изъ его адъютантовъ, которыхъ онъ разослалъ по всему городу и приказалъ занять казакамъ всѣ выѣзды изъ города. Но какъ нельзя было довольно скоро собрать всѣхъ казаковъ, то офицеры конной гвардіи, осѣдлавъ лошадей, поскакали во всѣ концы. Мы уже сбирались ложиться спать, когда князь Андрей Голицынъ вбѣжалъ къ намъ:—«Господа», вскричалъ онъ, «пожаръ, городъ зажигаютъ, сѣдлайте лошадей, надобно поджигателей переловить», и убѣжалъ. Мы осѣдлали своихъ лошадей и пустились скакать, не зная сами куда. Въ городѣ была большая суматоха. Ночью мелькали скачущіе во всѣ стороны всадники, и всюду отзывался громкій голосъ Шульгина. Я скакалъ на своемъ большомъ бѣломъ конѣ мимо квартиры великаго князя, который стоялъ на крыльцѣ. «Кто идетъ?» вскричалъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ.—«Муравьевъ, ваше высочество.»—«Куда ты, на форпосты, что-ли, съ кирасирскимъ-то конемъ?»—«На форпосты, ваше высочество.»—«Отъ заставы поѣзжай по большой дорогѣ въ корчму и тамъ остановись; всю обшарь и, если сыщешь кого-нибудь, то тащи ко мнѣ.»—«Слушаю, ваше высочество», и поскакалъ. Въ корчмѣ я никого не нашелъ; когда же я возвратился домой, то тиши-

на уже водворилась въ городѣ, я легъ и уснулъ. Были разосланы офицеры въ корчмы по другимъ дорогамъ, но никого не нашли. Причиною всему былъ Шульгинъ, которому хлопоты такого рода были въ охоту. На другой день онъ выпоролъ шестерыхъ Жидовъ безъ причины, а только для примѣра другимъ, какъ онъ говорилъ.

Константинъ Павловичъ также радъ былъ случаю потѣшиться, потревоживъ всѣхъ отъ сна. Случай этотъ однакоже остался необъясненнымъ; можно его конечно приписать нечаянности, и едва-ли тутъ былъ чей-либо злой умыселъ; но странно найти фосфоръ и сѣру въ бѣдной избѣ, изъ которой хозяева на то время удалились.

Я получилъ въ Видзахъ письмо отъ двоюроднаго брата моего Мордвинова, котораго, отъѣзжая изъ Петербурга, просилъ сообщать занимательныя для меня извѣстія. Мордвиновъ передавалъ разговоръ, который онъ имѣлъ обо мнѣ съ Натальей Николаевной; письмо это у меня въ сохранности. Я получилъ также письмо отъ Михайлы Колошина изъ Вильны. Онъ писалъ, что объѣхалъ кантониръ-квартиры своей дивизіи и, проѣхавъ чрезъ Нѣменчино, былъ такъ занятѣ мыслію о Нелединской, что забылъ заѣхать въ корчму, чтобы поцѣловать прелестную Израильтянку Беллу.

Около 12-го или 13-го числа Іюня мѣсяца, мы были командированы по приказаніямъ, полученнымъ изъ главной квартиры, вѣроятно въ одно время съ извѣстіемъ о переходѣ непріятеля 11-го Іюня чрезъ Нѣманъ. Курута однакоже скрылъ это отъ насъ, ибо оно въ началѣ содержалось въ тайнѣ. Гвардейскому корпусу дано было приказаніе собраться подъ Свенціянами, гдѣ стать лагеремъ. Выѣзжая изъ Видзъ по своей командировкѣ, я видѣлъ конногвардейскій полкъ выступающимъ въ походъ по дорогѣ къ Свенціанамъ; но тогда, кромѣ великаго князя, Куруты и нѣсколькихъ другихъ лицъ, никто не зналъ, зачѣмъ и куда выступаютъ.

Кажется, что главнокомандующій намѣревался отступить на м. Козачизну, лежащее въ 30 или 40 верстахъ на Западъ отъ Видзъ, или послать по сей дорогѣ отдѣльный корпусъ; ибо мнѣ приказали ѣхать въ Козачизну, поправляя проселочную дорогу, расширить ее, выровнить и сдѣлать удобною для артиллеріи, для чего построить по всѣмъ рѣчкамъ и топкимъ мѣстамъ мосты и гати; окончивъ же все сіе по большей мѣрѣ въ два дня, возвратиться, не сказавъ куда и не указавъ даже Свенціянъ. Никогда не доводилось мнѣ еще имѣть подобное порученіе, но я былъ доволенъ случаю испытать и показать себя. Брата же Михайлу послали въ мѣстечко Тверичъ для постро-

енія моста. Каждому изъ насъ дали въ помощь по одному дворянскому депутату и по одному кирасиру; но какъ въ обывательскихъ телѣжкахъ не было мѣста, то мы отослали кирасиръ. Изъ двухъ слугъ нашихъ оставался только мальчикъ Петръ, брата Михайлы; мой же заболѣлъ, былъ отданъ въ полковой лазаретъ и отправленъ съ лазаретомъ въ Псковъ. Итакъ, у Петра были на рукахъ четыре лошади и наши вьюки; не постигаю, какъ онъ одинъ могъ съ ними управиться, обовьючивать ихъ и поспѣть въ походъ за конною гвардіею; знаю только, что мы его нашли въ Свенціянахъ расположившимся въ какомъ-то саду, въ голубятникѣ, близъ квартиры великаго князя, на мызѣ у помѣщика Мостовскаго, подъ самымъ почти городомъ.

Отправляясь такимъ образомъ изъ Видзъ уже въ настоящій походъ, у меня всего на всего было денегъ только 10 рублей ассигнаціями, и я не надѣялся что-либо получить прежде Сентябрьской трети.

Не въ лучшемъ положеніи были денежныя дѣла и брата Михайлы. Курута такъ внезапно послалъ насъ и требовалъ такой поспѣшности, что мы едва успѣли зайти къ себѣ на квартиру, чтобы взять на дорогу кусокъ хлѣба; ибо телѣги стояли уже запряженными подъ окнами Куруты, и въ нихъ уже сидѣли Польскіе паны, депутаты и кирасиры. Такъ какъ я нерано выѣхалъ, то въ этотъ день успѣлъ отъѣхать только 15-ть верстъ и остановился на ночлегъ уже послѣ полуночи. Земской полиціи дано было приказаніе чинить дорогу, и отъ капитана-исправника Жилинскаго было уже приказано всѣмъ крестьянамъ выйти на дорогу; но выходить было некому, и я въ одномъ только мѣстѣ видѣлъ на дорогѣ человѣкъ десять дворовыхъ людей съ лопатами. Въ другомъ селеніи, Русскомъ, я нашелъ много крестьянъ (Филипоновъ), строившихъ мостикъ. Съ такими-то средствами приходилось мнѣ сообразоваться для исполненія возложеннаго на меня порученія. Всѣ селенія были въ конецъ раззорены отъ притѣсненій пановъ, и вездѣ былъ голодъ оттого, что въ предшествовавшемъ 1811 году былъ тамъ повсемѣстный неурожай хлѣба; въ 1812 году стоялъ на полѣ обильный хлѣбъ, но некому было его снимать: большая часть крестьянъ была угнана въ подводчики. Нигдѣ почти живой души не встрѣчалось. Въ корчмѣ, куда я на первый день пріѣхалъ, съ осторожностью развѣдалъ я у хозяина Жида о его рабочемъ инструментѣ и узналъ, что у него имѣлось нѣсколько топоровъ и лопатъ; послѣ чего отправился въ ближайшую деревню, чтобы собрать крестьянъ, но обошелъ всѣ дворы (ихъ было 8 или 9) и нашелъ только въ двухъ или трехъ по старику и нѣсколько больныхъ людей, которые лежали; когда же я къ нимъ входилъ, то они просили у меня хлѣба и говорили, что часть селенія ихъ вымерла отъ голода, а другая ра-

зошлась по міру за милостынею; наконецъ, что они, не имѣя силъ подняться на ноги, ожидаютъ себѣ голодной смерти въ домахъ своихъ. Несчастные крайне жаловались на своихъ помѣщиковъ, которые въ такомъ даже положеніи приходили ихъ обирать. Проѣзжая однажды по лугу, я видѣлъ нѣсколько крестьянъ съ дѣтьми, питавшихся собираемымъ щавелемъ. Богатый урожай 1812 года былъ весь вытоптанъ нашими лагерями и истребленъ войсками. Итакъ, въ этой деревнѣ рабочихъ не нашлось.

Возвращаясь къ корчмѣ, я встрѣтилъ какого-то помѣщичьяго прикащика, котораго захватилъ и насильно привелъ въ корчму, гдѣ приказалъ ему забрать у Жида инструментъ. Присоединивъ къ нему двухъ Жидовъ изъ корчмы, я погналъ сборную команду свою по дорогѣ и прибылъ къ Русскому селенію, гдѣ строили мостикъ. Въ Польскихъ губерніяхъ есть много богатыхъ селеній, составленныхъ изъ бѣглыхъ Русскихъ старообрядцевъ (Филипоновъ). Поставивъ къ сему мосту своего депутата и Жидовъ, которыхъ отдалъ подъ начальство крестьянъ, я уѣхалъ оттуда, когда видѣлъ, что мостикъ приходилъ уже къ окончанію. Русскіе крестьяне были очень рады мнѣ, потому что ихъ притѣсняли земскіе чиновники, при исправленіи дорогъ. Я созвалъ старшинъ въ селеніи, взялъ хорошую тройку лошадей и человѣкъ 30 работниковъ, которыхъ повелъ впередъ. Отъѣхавъ нѣсколько, я нашелъ земскаго чиновника, который съ 60-ю человѣками работалъ на дорогѣ. Распросивъ его о состояніи работъ, я объяснилъ ему то, что̀ требовалось и распредѣлилъ крестьянъ по всей дорогѣ до моего ночлега, куда мой панъ-депутатъ пріѣхалъ по совершенномъ окончаніи моста. Тогда только я отпустилъ его домой въ Видзы, потому что у него заболѣлъ глазъ.

Было уже поздно, когда я пріѣхалъ на фольварокъ къ какому-то пану Заневскому, гдѣ въ домѣ уже спали; но я всѣхъ перебудилъ и приказалъ помѣщику нарядить къ разсвѣту подводы, работниковъ, телѣгу для меня и проводника. Работники были съ вечера заготовлены, но, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, разбѣжались ночью. Это было причиною тому, что я не могъ рано выѣхать. Пока панъ бѣгалъ по деревнѣ, собирая крестьянъ, я сидѣлъ съ его сыномъ и дочерью Ниною. Пришли также въ гости панъ коморжій и панъ подкоморжій (землемѣры) съ женами, съ которыми кстати я позавтракалъ ибо наканунѣ утомился до такой степени, что ночью не могъ уснуть, а только подремалъ сидя на стулѣ. Когда все было готово, я взялъ молодаго Заневскаго къ себѣ въ помощники за депутата и погналъ работниковъ на дорогу, гдѣ распредѣлилъ ихъ по мѣстамъ, требующимъ исправленія, съ назначеніемъ въ каждой артели однаго изъ нихъ начальникомъ и

съ возложеніемъ на него отвѣтственности за успѣхъ. Прибывъ такимъ образомъ къ лѣсу, лежащему уже подъ м. Козачизной, я нашелъ, что бывшая чрезъ оный прежде узкая дорога была уже вырублена на три сажени ширины и уровнена. Въ лѣсу встрѣтилъ я человѣкъ 40 работниковъ подъ присмотромъ однаго прикащика. Показавъ ему, что̀ дѣлать, я поѣхалъ далѣе и прибылъ въ Козачизну, гдѣ остановился у какого-то пана Каминскаго. Когда я сталъ требовать работниковъ, то Каминскій указалъ мнѣ на одного артиллерійскаго офицера, для котораго онъ не могъ добыть подводы, потому что изъ его селенія весь народъ былъ высланъ на работу въ лѣсъ; въ сосѣдственныхъ же селеніяхъ крестьяне взбунтовались и не повиновались ни земской полиціи, ни помѣщичьимъ прикащикамъ. Такъ какъ у меня былъ открытый листъ, по которому я вправѣ былъ требовать всякаго вспоможенія отъ воинскихъ командъ, то я его показалъ артиллерійскому офицеру (Каменскому), который мнѣ далъ одного изъ находившихся съ нимъ артиллеристовъ, и я отправился въ селеніе, лежащее верстахъ въ 3-хъ отъ Козачизны, гдѣ уже носился слухъ о переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ. Но я не вѣрилъ сему слуху и, созвавъ старшинъ, погрозилъ имъ наказаніемъ, послѣ чего получилъ человѣкъ 40 работниковъ, которыхъ привелъ въ лѣсъ и отдалъ ихъ подъ присмотръ надзирателю, приказавъ, чтобы, въ случаѣ неповиновенія, наказать зачинщиковъ. Послѣ такого внушенія работа пошла съ успѣхомъ, и дорога подходила уже къ концу, когда я оттуда уѣхалъ.

Въ неповиновавшемся селеніи нашелъ я одного полковаго священника, который нагонялъ свой полкъ, стоявшій на Нѣманѣ. Услышавъ о переправѣ Французовъ черезъ Нѣманъ, онъ хотѣлъ возвратиться; но я не вѣрилъ сему слуху и уговорилъ его смѣло продолжать свой путь къ полку. Можетъ быть, и попался онъ съ моего совѣта въ руки непріятеля, потому что полки наши быстро отступали отъ Нѣмана, не зная даже настоящей дороги, по которой идти.

Изъ лѣса поѣхалъ я назадъ по старой дорогѣ до Русскаго селенія, нашелъ все конченнымъ, похвалилъ крестьянъ и прикащиковъ, взялъ добрую тройку и отправился другою дорогою въ Видзы, куда пріѣхалъ ночью. Городъ былъ уже совершенно пустъ. Я вошелъ въ свою старую квартиру и переночевалъ на скамейкѣ; поутру хозяинъ удивился, найдя меня у себя въ домѣ. Какъ только разсвѣло, я поспѣшилъ къ капитану-исправнику Жилинскому и узналъ отъ него, что великій князь съ гвардейскимъ корпусомъ въ Свенціянахъ. И такъ, вытребовавъ себѣ подводу, я пріѣхалъ въ Свенціяны въ глубокую полночь. Подъѣзжая къ городу, видно было множество огней въ ла-

герѣ гвардейскаго корпуса. Новое для меня зрѣлище бивуаковъ казалось диковиннымъ и вмѣстѣ радовало меня.

Великій князь квартировалъ, какъ выше сказано, на мызѣ у Мостовскаго. Курута и адъютанты помѣстились въ двухъ большихъ комнатахъ, смежныхъ съ покоями Константина Павловича. Иные уже спали, когда я вошелъ; другіе дремали, сидя у камина; иные въ углу перешептывались о политическихъ дѣлахъ; а Дмитрій Дмитріевичъ расхаживалъ по залѣ на цыпочкахъ, курилъ и что-то про себя жужжалъ. При появленіи моемъ со всѣхъ сторонъ послышалось шушуканье. На столѣ свѣчи догорали, и въ каминѣ одно полѣнце то вспыхивало, то загасало; изрѣдка кто нибудь кашлянетъ. Казалось, какъ бы я вступилъ въ какой-то таинственный храмъ, въ которомъ черный Курута, съ чернымъ на головѣ колпакомъ, изображалъ жреца. Подойдя къ нему, я шопотомъ разсказалъ дѣйствія мои. Онъ похвалилъ меня и сказалъ, что также очень доволенъ братомъ Михайломъ.—«Гдѣ братъ мой?» спросилъ я Куруту.—«А вотъ онъ спитъ въ углу; не будите его: онъ бѣдный очень усталъ». Братъ дѣйствительно лежалъ на трехъ стульяхъ, приставленныхъ къ стѣнѣ.—«Да и мнѣ пора спать ложиться», сказалъ Курута, «прощайте Николай Николаевичъ, отдохните и вы». Онъ легъ и уснулъ. Но я, перенесясь воображеніемъ своимъ въ предстоявшія военныя дѣйствія, не могъ спать, досталъ свои пистолеты и началъ ихъ чистить, вышелъ, досталъ кирпичъ, растолокъ его и расположился за работою у камина. Шульгинъ, которому и во снѣ все снились заговоры, всталъ и, увидѣвъ меня сидѣвшимъ въ шинелѣ у огня, подошелъ и выразилъ свое удивленіе моему занятію. Я отвѣчалъ сухо, что не имѣю для того слугъ и не стыжусь самъ заняться этимъ дѣломъ, что считаю за лучшее не имѣть пистолетовъ и бросить ихъ, чѣмъ держать заржавленными, и что во всякомъ случаѣ, если въ нихъ нужды не будетъ противъ непріятеля, то они мнѣ пригодятся для обстрѣливанія лошадей. Шульгинъ отсталъ, одобряя мой взглядъ и сужденіе. Такимъ образомъ въ 1812 году, нѣкоторые, видя наше стѣсненное положеніе, пытались иногда посмѣяться или показать свое преимущество надъ нами, но встрѣчали отзывъ или возраженіе, которое ихъ отталкивало отъ насъ, отъ чего и были мы мало знакомы съ людьми, болѣе насъ достаточными или выше насъ чиномъ.

Двѣ ночи уже прошло, какъ я почти вовсе не спалъ. Сонъ меня склонилъ и, сидя на стулѣ у огня, я крѣпко заснулъ, и только поутру проснулся. Сцена совсѣмъ перемѣнилась: изо всѣхъ угловъ слышались зѣвота и потягиванія; одинъ слугу бранилъ, другой сердился за то, что шумятъ, третій кричалъ «кофію!» Я видѣлъ, что мнѣ

тутъ не мѣсто было, разбудилъ брата, который мнѣ обрадовался, и мы отправились вмѣстѣ отыскивать нашего слугу и лошадей. Братъ мнѣ разсказалъ свои похожденія. Пріѣхавъ въ Тверичъ, онъ увидѣлъ рѣку шириною сажень въ 20 и на срединѣ ея островъ. Матеріалы къ строенію моста были отчасти уже заготовлены. Братъ отыскалъ какую-то старую помѣщицу и собралъ ея крестьянъ. Оставалось привезти вырубленный лѣсъ и начать постройку моста. Онъ нашелъ бабу для вколачиванія свай, велѣлъ въ туже ночь возить лѣсъ и поутру началъ строить мостъ, направляя его черезъ островъ. Мостъ выстроился на сваяхъ въ однѣ сутки и нѣсколько часовъ; но такъ какъ его могло паводкомъ сорвать, то братъ послалъ своего депутата пана Филипа по всѣмъ корчмамъ и помѣщикамъ собирать бочки и веревки, дабы, въ случаѣ неудачи или несчастія, имѣть въ готовности другой пловучій мостъ и, довершивъ эту работу, онъ пріѣхалъ въ Свенціяны незадолго до меня.

Мы нашли своего Петра, сидящимъ въ рѣшетчатой голубятнѣ, на которую взбирались по приставленной лѣстницѣ. Лошади наши стояли привязанными къ дереву. Петрушка плакалъ и боялся подойти къ братниной вьючной лошади Воронку, которая играла и не подпускала къ себѣ мальчика. Ему въ самомъ дѣлѣ трудно было управиться съ четырьмя лошадьми, двумя вьючными, и еще намъ служить. Въ похвалу вышеназваннаго камеръ-лакея Пономарева скажу, что онъ въ трудныхъ случаяхъ постоянно помогалъ нашему Петру.

Погода была дождливая, и мы влѣзли въ сквозную голубятню, гдѣ расположили свою квартиру. Гвардейскій лагерь былъ въ близкомъ разстояніи отъ насъ. Отпросившись у Куруты, чтобы посмотрѣть его, мы пошли отыскивать знакомыхъ. Первый и единый, котораго мы нашли, былъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, служившій тогда юнкеромъ въ Семеновскомъ полку. Насъ обрадовала эта встрѣча, и мы пошли къ нему въ шалашъ. Матвѣй стоялъ съ капитаномъ княземъ Голицынымъ, прозваннымъ Рыжимъ. Тутъ мы съ нимъ познакомились, какъ и съ другими Семеновскими офицерами, которые собрались около насъ, чтобы узнать новости; но мы ничего не знали и потому ничего не могли имъ передать, а порядочно отобѣдали у нихъ и съ удовольствіемъ, потому что нѣсколько уже дней питались чѣмъ попало и были голодны. Во все время похода пища наша большею частью состояла изъ одного хлѣба съ водою; лакомились же картофелемъ и рѣдькою, которые удавалось отрывать на огородахъ, иногда вареною курицею, привозимою съ фуражировки. У великаго князя былъ адъютантскій столъ, которымъ и мы могли бы пользоваться, тѣмъ болѣе, что Курута приглашалъ насъ обѣдать за общимъ сто-

ломъ и даже приказывалъ отпускать намъ съ кухни кушанье; но ни тѣмъ, ни другимъ не могли мы воспользоваться, вопервыхъ потому, что мы почти цѣлый день бывали въ разъѣздѣ, а во вторыхъ потому, что когда мы слугу посылали съ судками за кушаньемъ, то повара̀, озабоченные своимъ дѣломъ, бранили его, и онъ возвращался съ пустою посудою. По сей причинѣ мы предпочли довольствоваться однимъ хлѣбомъ, не подвергая ни себя, ни слугу своего оскорбленіямъ.

Мы возвратились ввечеру къ своему голубятнику, гдѣ застали большую тревогу. Подъ голубятней былъ подвалъ, въ которомъ висѣли копченые окорока ветчины. Кто-то изъ офицерскихъ слугъ увидѣлъ ихъ въ щелку, собралъ товарищей, разбилъ дверь и приступилъ къ очищенію подвала. Когда мы подходили къ ночлегу, то слышали только восклицанія: «Каковы! Измѣнники! Повѣсилъ бы всѣхъ Поляковъ! Шельмы намъ ничего не даютъ, только говорятъ *добродзей пане*, а для Французовъ магазины заготовляютъ; смотри, что̀ они для Бонапарта припасли! На цѣлую его армію достанетъ ветчины!» Видя, что дѣло уже начато, и ничѣмъ нельзя было помочь, мы пустили въ подвалъ нашего Петра, который вытащилъ пару окороковъ, служившихъ намъ долго и съ большою пользою.

Государь прибылъ съ главной квартирой изъ Вильны въ Свенціяны, гдѣ остановился въ большомъ деревянномъ домѣ съ колоннами. Съ главной квартирой пріѣхалъ и братъ Александръ, который, отыскавъ насъ на мызѣ у Мостовскаго, разсказывалъ намъ Виленскія происшествія. Адъютанты великаго князя, увидя новаго пріѣзжаго, обступили его и разспрашивали, какъ водится, о каждой бездѣлицѣ. Александръ сказалъ намъ, что Вильна уже въ рукахъ непріятеля и что онъ былъ свидѣтелемъ маленькой стычки, случившейся за городомъ между нашими гусарами и Французскими. Съ какимъ вниманіемъ мы его слушали, завидуя между тѣмъ, что ему удалось уже слышать непріятельскіе выстрѣлы! При вступленіи Французовъ въ Вильну, нѣкоторые изъ жителей выѣхали изъ города, другіе же и вообще народъ приняли непріятеля съ радостными восклицаніями. Въ числѣ выѣхавшихъ была извѣстная красавица Удинцувна съ ея старымъ дѣдомъ. Братъ Александръ, въ числѣ многихъ обожателей ея, проводилъ ее изъ города.

Французы внезапною переправою черезъ Нѣманъ отрѣзали 6-й корпусъ Дохтурова и летучій казачій Платова. Легкая гвардейская дивизія Уварова, не получивъ никакого приказанія отъ Барклая-де-Толли, едва успѣла отступить и форсированными маршами соединиться съ 1-ю арміею. Дохтуровъ соединился съ 1-ю арміею уже около Дрис-

сы; Платовъ же съ казаками присоединился ко второй арміи князя Багратіона.

Оставляя Вильну, предположено было отступить до Видзъ, гдѣ дать генеральное сраженіе, почему 5-й гвардейскій корпусъ получилъ приказаніе собраться.

Государь хотѣлъ видѣть пѣхоту на походѣ, при вступленіи ея въ городъ Свенціяны. Дождь шелъ проливной, но Государь оставался во все время смотра въ одномъ мундирѣ. Несчастная пѣхота тащилась въ полномъ смыслѣ слова въ грязи почти по колѣно. По дорогѣ было много топкихъ мѣстъ, чрезъ которыя сдѣланы были плохіе мостики, развалившіеся отъ движенія тяжестей. Послѣ гвардейскаго корпуса должны были еще идти по этой дорогѣ армейскіе корпуса.

Курута послалъ меня къ князю Волконскому для полученія отъ него приказаній; князь же приказалъ мнѣ въ туже минуту починить дорогу и мостики, но какъ и кѣмъ?—не сказалъ. Я доложилъ о томъ Курутѣ, который велѣлъ прислать ко мнѣ для работы 8 человѣкъ Астраханскихъ кирасиръ съ топорами. Но что̀ можно было сдѣлать съ сими 8-ю человѣками тяжелыхъ кирасиръ? Я повелъ ихъ въ городъ на площадь, гдѣ засталъ собравшуюся изъ любопытства толпу Жидовъ. Захвативъ изъ нихъ человѣкъ 20, я погнался за разбѣжавшимися и переловилъ еще нѣсколько человѣкъ, не смотря на ихъ крикъ, вопли и плачъ. Я пригналъ ихъ къ мостикамъ и, раздѣливъ на части, началъ работу; кирасировъ же приставилъ смотрителями. Жиды сперва ничего дѣлать не хотѣли, да не доставало и инструментовъ; когда же ихъ стали понуждать побоями, то они принялись за работу: кто грязь руками таскалъ, кто хворостъ собиралъ, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько часовъ мостики были кое-какъ, хотя для вида, поправлены, за что Курута очень благодарилъ меня. Какъ же иначе было исполнить такое безразсудное приказаніе!

Между тѣмъ дождь шелъ проливной, я весь промокъ и хотѣлъ переодѣться, когда Курута меня опять позвалъ и сказалъ, что великій князь приказалъ ему сдѣлать дислокацію для первой кирасирской дивизіи, которая уже выступаетъ въ походъ, и что поэтому мнѣ надобно съ нимъ ѣхать въ с. Большія Даугилишки. Я не имѣлъ еще понятія о дислокаціяхъ, и потому это былъ для меня первый опытъ въ порученіи такого рода. Вышеназванный камеръ-лакей Пономаревъ досталъ на мызѣ какую-то телѣжку и пару лошадей, запрягъ ее, сѣлъ кучеромъ и повезъ меня съ Курутою. Странный порядокъ! Начальникъ штаба не имѣлъ, стало-быть, другаго способа ѣхать для исполненія возложеннаго на него великимъ княземъ порученія. Импровизированный экипажъ этотъ остался въ вѣчномъ и потомственномъ

владѣніи Пономарева. Мы пріѣхали такимъ образомъ въ селеніе Большія Даугилишки и, слѣдуя далѣе еще версты двѣ, остановились по приказанію Куруты въ полѣ. Тутъ онъ сошелъ съ телѣги и сказалъ: «Вы должны сдѣлать дислокацію для расположенія по деревнямъ полковъ первой кирасирской дивизіи; вотъ селенія направо и налѣво, видите вы ихъ? Узнайте о числѣ дворовъ каждаго и расположите полки такъ, чтобы, обратясь къ Вильнѣ лицемъ, налѣво отъ дороги стоялъ бы въ селеніяхъ сперва Ея Величества полкъ, а за нимъ кавалергардскій; направо же отъ дороги, сперва Его Величества полкъ, а за нимъ л.-гв. конный. Для квартиры его высочества назначьте особую деревню, но ближе къ конной гвардіи. Теперь вы знаете, какъ это сдѣлать, и такъ прощайте». Сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ назадъ, присовокупивъ, что чрезъ три часа великій князь самъ прибудетъ съ четырьмя полками.

Астраханскій кирасирскій полкъ былъ въ то время посланъ въ какой-то отрядъ, съ нимъ и братъ Михайла. И такъ я остался одинъ на большой дорогѣ съ порученіемъ довольно труднымъ и безъ всякой помощи. По пріемамъ Куруты можно предполагать, что онъ самъ не былъ практикомъ въ дѣлѣ такого рода, и что, получивъ отъ великаго князя порученіе, едва возможное, по краткости времени, къ исполненію, сложилъ дѣло на молодаго, но ревностнаго офицера, на котораго и ляжетъ, въ случаѣ неудачи, вся отвѣтственность. Какъ бы то ни было, долго думать времени не было. Обратясь лицомъ назадъ, я повернулъ влѣво и пошелъ въ сторону полемъ, увязая въ распустившейся отъ дождей землѣ и раздвигая предъ собою густую рожь, отъ мокрыхъ колосьевъ коей я до костей промокъ. Въ надеждѣ добраться до селенія, я шелъ почти бѣгомъ и очень усталъ. Встрѣтивъ на пути своемъ крестьянскую лошадь, я сѣлъ на нее верхомъ и попалъ въ какую-то деревню, коей записалъ карандашемъ названіе и число дворовъ; взявъ проводника, я поѣхалъ верхомъ на той же лошади и пустился по другимъ селеніямъ, изъ которыхъ крестьяне, завидя меня, уходили.

Пріѣхавъ въ одну деревню, населенную Русскими (Филипонами), которое, помнится мнѣ, называлось Михалишки или Михайловское, я слѣзъ съ лошади, и крестьянинъ, проводникъ мой, бѣжалъ съ нею. Итакъ, я снова остался пѣшій и одинъ. Перебѣжавъ на другую сторону дороги, я опять пошелъ по ржи, нашелъ еще нѣсколько небольшихъ деревень и пришелъ на какую-то мызу, которую назначилъ для квартиры его высочества. Но три часа уже прошло, и я издали услышалъ звукъ трубъ полковъ, проходящихъ чрезъ Даугилишки. Надобно было спѣшить на встрѣчу полкамъ, и потому, распросивъ

на мызѣ объ окрестныхъ селеніяхъ, я заготовилъ записки для полковъ съ названіями деревень, для нихъ назначавшихся, и выбѣжалъ на большую дорогу. Великій князь ѣхалъ верхомъ со своимъ штабомъ впереди колонны. Увидѣвъ меня, онъ остановилъ полки и разспросилъ о дислокаціи и о своей квартирѣ. Я ему все разсказалъ, и онъ, казалось, былъ доволенъ. Къ этому времени слуга нашъ Петръ догадался привести мнѣ лошадь, и я сѣлъ верхомъ.

Адъютанты, уставшіе отъ перехода и промокшіе отъ дождя, обступили меня, распрашивая о своихъ квартирахъ; я имъ показалъ селеніе съ мызою и отправился къ полковымъ командирамъ для раздачи имъ записокъ. Хитрый Грекъ Курута, предвидѣвшій, что тутъ непремѣнно случится что нибудь неладное, къ этому времени исчезъ и ѣхалъ тайкомъ, скрываясь за полками. Я роздалъ записки въ конную гвардію, кавалергардамъ и другимъ полкамъ, послѣ чего они свернули съ дороги, направляясь къ своимъ селеніямъ.

До сихъ поръ шло, какъ нельзя лучше; но когда Константину Павловичу пришлось свернуть съ дороги, чтобы пріѣхать на назначенную для него мызу, то ни онъ, ни адъютанты его не нашли дороги. «Муравьева!» раздался его хриплый голосъ. Всѣ опрометью бросились за мной и привели къ нему.—«Гдѣ моя квартира? Куда ты уѣхалъ, ты долженъ меня вести», закричалъ онъ.—«Ваше высочество, по вашему приказанію я раздавалъ полкамъ записки о ихъ квартирахъ».—«Роздалъ-ли?»—«Роздалъ».—«Я не хочу стоять на мызѣ, до нея далеко ѣхать (всего было не болѣе $1^1/_2$ версты). Хочу остановиться вотъ въ этой деревнѣ, какъ ее зовутъ?»—«Михалишки, она назначена для кавалергардовъ».—«Выгнать ихъ». И онъ самъ туда поскакалъ.

Только что я поѣхалъ назадъ, чтобы перемѣнить дислокацію и отдать нѣсколько деревень полка Ея Величества кавалергардамъ, а полку Его Величества деревню съ мызою, назначенную для великаго князя, какъ вдругъ раздался снова крикъ: «Муравьева!» и вслѣдъ затѣмъ прискакавшіе за мною адъютанты Потаповъ и Колзаковъ предупредили меня, дабы я остерегался, говоря, что онъ недоволенъ тѣмъ, что, пріѣхавъ въ Михалишки, нашелъ уже въ деревнѣ кавалергардовъ, чему я нисколько не былъ виноватъ, потому что не могъ успѣть вывести кавалергардовъ.

Я прискакалъ къ великому князю, который остановился на большой дорогѣ подъ дождемъ. Увидѣвъ меня, онъ сталъ кричать: «И по милости вашей, сударь, вы видите меня на дождѣ! Прекрасный офицеръ! Вы не могли для меня квартиры занять? Михалишки заняты, и я, великій князь, по вашей расторопности ночую на большой доро-

гѣ!»—«Ваше высочество», отвѣчалъ я, «для васъ была отведена мыза; но вамъ не угодно было ее занять, а изъ Михалишекъ я не могъ успѣть вывести кавалергардовъ.»—«Какъ, сударь, вы еще оправдываетесь? Я васъ представлю за неисправность, я васъ арестую, вы солдатомъ будете. Ведите меня сейчасъ на мызу».—«Слушаю, ваше высочество», и повелъ его.

Но что̀ мы съ нимъ увидѣли! Кирасирскій Его Величества полкъ уже вступалъ на мызу, которую я этому полку назначилъ, послѣ перемѣны сдѣланной великимъ княземъ.—«Это что такое?» опять закричалъ онъ.—«Они проходятъ мимо вашей мызы на свои квартиры», отвѣчалъ я, и поскакалъ впередъ. Константинъ Павловичъ пустился меня нагонять, а я отъ него. «*Арестовать Муравьева!*» кричалъ онъ во все горло, остановивъ свою лошадь. Я оглянулся и увидѣлъ, что адъютанты его меня преслѣдуютъ. Думалъ я про себя: если вернусь, то худо мнѣ будетъ; если же поѣду далѣе, то уже не будетъ хуже, а можетъ быть и лучше. Однакоже адъютанты нагнали меня и смѣялись. Прискакавъ къ полковому командиру Будбергу, я объявилъ ему, что на мызѣ будетъ стоять великій князь, а что ему отведутся другія деревни.—«Знаете-ли вы, милостивый государь», говорилъ мнѣ Будбергъ, «что полкъ уже пять дней какъ на дождѣ биваками стоитъ, и что я, а не вы будете отвѣчать за неисправность лошадей? Какъ вы хотите, я отсюда не выѣду и пожалуюсь на васъ его высочеству: какъ можно три раза перемѣнять квартиры?» Видя, что съ нимъ трудно было уладить дѣло, я началъ упрашивать его, чтобы онъ за мною слѣдовалъ, обѣщаясь показать ему богатое селеніе, гдѣ ему будетъ раздолье стоять, при чемъ объяснилъ въ короткихъ словахъ, что не я виноватъ случившемуся безпорядку, а самъ великій князь. Онъ подумалъ и пошелъ за мною со своимъ полкомъ, коего Константинъ Павловичъ засталъ въ деревнѣ только хвостъ, и расположился на мызѣ.

Стало смеркаться, а я еще велъ Будберга, самъ не зная, по какой дорогѣ. «Далеко-ли селеніе, господинъ Муравьевъ?» спросилъ онъ.—«Близко», отвѣчалъ я.—«Какъ оно зовется?»—«На что вамъ знать это», говорилъ я шутя, «вы увидите, какой у васъ будетъ славный ночлегъ».—«Но вѣдь ночь уже на дворѣ»—«Сейчасъ придемъ». Не зная, куда веду Будберга, я опасался, что до перваго селенія могло быть и двадцать верстъ, а между тѣмъ ночь могла застигнуть насъ на дорогѣ; но какъ я обрадовался, когда вдругъ открылась колокольня и большой помѣщичій домъ.—«Видите», сказалъ я Будбергу, «какое мѣсто, какой домъ; тутъ найдете вы конюшень на цѣлый полкъ, и будетъ вамъ славный ночлегъ». Поскакавъ впередъ, я спросилъ названіе селенія и, возвратившись къ полку, сказалъ Будбергу: «Рекомендую вамъ, Карлъ Васильевичъ, мѣстечко Малыя Даугилишки съ

огромной мызой и славнымъ хозяиномъ». Будбергъ былъ доволенъ и благодарилъ меня. Я возвратился на мызу къ великому князю, гдѣ нашелъ брата Михайлу, прибывшаго изъ отряда. Я донесъ Курутѣ о происшедшемъ со мною; онъ улыбнулся и порадовался счастливому исходу, одобряя находчивость, съ которою я вышелъ изъ такого затруднительнаго положенія. Когда въ добрую минуту Курута объяснилъ все дѣло великому князю, то онъ сознался виноватымъ и сожалѣлъ, что погонялъ меня напрасно. Всего болѣе опасался я, чтобы онъ, забывшись, не наговорилъ мнѣ дерзостей; но къ счастію этого не случилось.

На слѣдующій день мы продолжали маршъ свой къ Видзамъ. Слухъ носился, что войска на половинѣ дороги остановятся на позиціи для генеральнаго сраженія. Не доѣзжая десяти верстъ до Видзъ стояла пустая корчма, гдѣ мнѣ приказано было съ братомъ дожидаться Куруты и первой кирасирской дивизіи. Тутъ уже стояла лагеремъ часть гвардейской пѣхоты. Въ корчмѣ застали мы гвард. артиллеріи поручика Аѳанасія Столыпина, который командовалъ двумя орудіями, выдвинутыми на небольшую высоту. Познакомившись, онъ сводилъ меня въ лагерь гвардейскаго егерскаго полка и познакомилъ съ офицерами Крыловымъ, Делагардомъ, княземъ Грузинскимъ и проч.

Тутъ я еще познакомился съ офицерами гвардейской артиллеріи Гордановымъ, Коробьинымъ, Норовымъ *) и Васмутомъ. (Они всѣ были ранены въ сраженіи подъ Бородинымъ). Курута по пріѣздѣ взялъ меня съ собою въ Видзы.

На другой день войска пришли въ Видзы. Не прекращался слухъ, что они станутъ на позицію верстахъ въ двухъ за городомъ, чтобы принять генеральное сраженіе. Курута передалъ мнѣ, какимъ образомъ должно было расположить гвардейскую пѣхоту и приказалъ дожидаться ея у заставы. Я провелъ пѣхоту на лагерное мѣсто, и колонна шла за мною, вытаптывая ржаное поле богатаго урожая. Въ первый разъ мнѣ было совѣстно истреблять такимъ образомъ труды и надежды земледѣльцевъ; но въ послѣдствіи времени я свыкся съ такимъ порядкомъ вещей. Поле все было вытоптано, изъ ржи подѣлали шалаши.

Государь пріѣхалъ въ Видзы, и всѣ были увѣрены, что тутъ непремѣнно дадутъ сраженіе. Ротмистръ Орловъ (Михайла) былъ еще изъ Свенціянъ посланъ къ Наполеону для переговоровъ. Онъ привезъ извѣстіе, что Французская армія претерпѣваетъ нужду, особливо кон-

---

*) Бывшій въ 1856 и 1857 годахъ министромъ народнаго просвѣщенія. 1866.

ница, и сказывалъ, что по дорогѣ видѣлъ множество палыхъ лошадей. По возвращенiи Орлова въ Видзы, Государь пожаловалъ его въ флигель-адъютанты.

Въ одной изъ стычекъ, происшедшихъ около Вильны, казаки взяли въ плѣнъ Сегюра, адъютанта Наполеона.

Помнится мнѣ, что мы дневали въ Видзахъ. Оттуда мы пошли на Дриссу, открывъ непрiятелю дорогу на Петербургъ. Первый переходъ нашъ былъ въ 48 верстъ. Мы шли черезъ Угорьи и пришли къ Замостью. День былъ весьма жаркiй, дорога же вся песчаная, такъ что къ лагерю пришла едва половина людей. Многiе изъ оставшихся по дорогѣ въ усталыхъ не прежде какъ къ полуночи присоединились къ своимъ полкамъ. Нѣсколько солдатъ на переходѣ падали и умирали на мѣстѣ. Когда мы пришли къ ночлегу, то было уже очень поздно. Непрiятель сильно преслѣдовалъ нашъ арiергардъ, которымъ командовалъ, кажется, Коновницынъ. Въ Угорьяхъ есть болотистая рѣчка, съ плохимъ мостикомъ. Переправа въ этомъ мѣстѣ была затруднительная, непрiятель напиралъ, и тутъ произошло сильное арiергардное дѣло, въ которомъ изъ знакомыхъ моихъ были ранены капитанъ Рахмановъ и ротмистръ Марiупольскаго гусарскаго полка, Фигнеръ, съ которымъ я имѣлъ дѣло въ началѣ 1811 года въ Петербургѣ. Онъ поѣхалъ лѣчиться въ Псковъ, куда прiѣхала къ нему жена. Они тамъ оба занемогли и умерли.

Гулъ орудiй былъ у насъ слышенъ. Издали гулъ этотъ наводитъ унынiе. Вечеръ былъ прекрасный, въ лагерѣ пѣли пѣсни, вездѣ блистали огни.

На другой день былъ также сильный и тяжелый переходъ; войска крайне утомились и на мѣсто пришли уже ночью. Мнѣ поручено было поставить гвардейскую пѣхоту лагеремъ. Въ ожиданiи оной я остановился въ лѣсу, слѣзъ съ лошади, легъ отдыхать, привязавъ лошадь къ своему шарфу. Скоро услыхалъ я пѣсни приближающихся полковъ и привелъ ихъ къ мѣсту. Затруднительно было ночью назначать линiи, но я начиналъ уже привыкать къ своей должности; однако поутру увидѣлъ, что линiи были криво поставлены. Окончивъ дѣло свое, ночью же отправился съ братомъ отыскивать квартиру великаго князя и нашелъ ее въ селенiи Иказнѣ. Братъ подошелъ къ великому князю, который сидѣлъ въ корчмѣ, опершись локтями на столъ. «Кто тутъ?» вскричалъ онъ.—«Муравьевъ, ваше высочество».—«Чтó скажешь?»—«Корпусъ пришелъ и расположился уже лагеремъ».—«Хорошо; тебѣ надобно сейчасъ ѣхать; усталъ?»—«Не усталъ, ваше высочество».—«Ты никогда не устаешь; молодецъ, ступай же да отдохни». Но от-

дыха намъ немного было, ибо до разсвѣта мы опять поѣхали на слѣдующій переходъ.

Съ выѣзда нашего изъ Видзъ мы почти все были на конѣ и очень мало спали; питались же кое-чѣмъ и ни одного разу не раздѣвались. Курута употреблялъ насъ иногда и вмѣсто адъютантовъ великаго князя, которые лѣнились ѣздить и просили его кого-нибудь послать вмѣсто ихъ самихъ. Денегъ мы не имѣли, и потому положеніе наше было незавидное; но мы другъ другу даже не жаловались, не воображая себѣ, чтобы въ походѣ могло быть лучше. Лошадей своихъ мы часто сами убирали и ложились подлѣ нихъ въ сараяхъ, на открытомъ же воздухѣ, около коновязи.

Въ аріергардномъ дѣлѣ, случившемся подъ Свенціянами, нашъ Польскій уланскій полкъ былъ отрѣзанъ. Подходя къ Свенціянамъ, онъ увидѣлъ огни Французовъ и, бросившись въ атаку, пробился сквозь Французскія линіи, при чемъ ранено у насъ нѣсколько офицеровъ и рядовыхъ. Полкъ этотъ былъ составленъ изъ Поляковъ; многіе изъ нихъ бѣжали, но тѣ, которые остались, служили вѣрно.

Въ отечественную войну всѣ полки соревновали другъ передъ другомъ, какъ и каждый солдатъ передъ своимъ товарищемъ; усиленные переходы совершали съ терпѣніемъ, и духъ въ войскѣ никогда не упадалъ. Ходили по 40 и по 50 верстъ въ сутки съ пѣснями. Всѣ нетерпѣливо ожидали боя съ непріятелемъ.—Мы скоро достигли укрѣпленнаго лагеря подъ Дриссою, гдѣ стали на приготовленной позиціи. Двина у насъ была въ тылу, и за рѣкою на правомъ берегу ея городъ Дрисса; черезъ рѣку наведено было три понтонныхъ моста. Полевыхъ укрѣпленій настроено было много, но безъ большаго толка. Позиція была разсчитана на 120,000 человѣкъ; у насъ же ихъ болѣе 30.000 не доставало, даже тогда, когда отрѣзанный корпусъ Дохтурова къ намъ присоединился. Онъ прибылъ въ Дриссу на другой день послѣ насъ, отступая усиленными переходами, но почти ничего не потерялъ на походѣ. Въ Дриссѣ только соединилась вся первая Западная армія.

Квартира великаго князя расположилась въ селеніи на правомъ берегу рѣки. Великій князь занималъ избу; адъютанты же его сарай, въ которомъ мы двое имѣли ночлегъ, а днемъ оставались подъ открытымъ небомъ. Главная квартира послѣ насъ пришла въ это же селеніе, съ нею же и братъ Александръ. Онъ тотчасъ же послалъ слугу своего отыскать насъ и къ себѣ звать, потому что самъ былъ боленъ. Братъ Александръ лежалъ на улицѣ передъ окнами квартиры своего начальника ген. квартирмейстера Мухина. Онъ съ трудомъ могъ говорить. Голова опухла, языкъ и десны покрылись язвами.

Вмѣстѣ съ братомъ Михайлою пошелъ я къ Курутѣ просить, чтобы Александра перевели въ гвардейскій корпусъ, хотя на время, для того, чтобы мы могли за нимъ ходить. Курута тотчасъ же пошелъ къ Константину Павловичу, который на то согласился, и черезъ два часа Александръ былъ прикомандированъ къ гвардейскому корпусу. Не знаю, черезъ кого великій князь узналъ о нуждѣ, въ которой мы находились; думаю, что въ этомъ участвовалъ адъютантъ его Олсуфьевъ; только приказано было выдать намъ изъ собственной, говорили, казны его высочества по 100 р. бумажками на каждаго. Хотя мы были безъ гроша денегъ, но посовѣтовались между собою, принимать ли эти деньги или нѣтъ? Разсудили, что, такъ какъ нельзя было великому князю отказать въ пріемѣ отъ него дара и что не было стыда ему обязываться, то деньги принять, и потому приняли ихъ. Давно уже у насъ не было такой суммы: 300 р. у троихъ вмѣстѣ. Мы сдѣлали себѣ небольшой запасъ водки и колбасы и начали жить пороскошнѣе прежняго.

Мы положили Александра въ общій сарай; но, видя, что адъютантамъ великаго князя непріятно было лежать съ больнымъ, мы перенесли его на край деревни, въ квартиру адъютантовъ генерала Ермолова, между коими Муромцовъ и Фонъ-Визинъ намъ были знакомы; съ ними стоялъ и Петръ Николаевичъ Ермоловъ. Добрые сослуживцы приняли брата ласково, дали ему лучшій уголъ, ходили за нимъ, и черезъ два дня онъ началъ уже говорить и сталъ на ноги. Но я заразился отъ него черезъ трубку, которую онъ мнѣ далъ курить; не болѣе какъ часъ спустя послѣ того, показался у меня на языкѣ пупырышекъ, а на другой вся внутренность покрылась сыпью и язвами, такъ что, при выступленіи нашемъ изъ Полоцка, я уже былъ безъ языка и такъ боленъ, что не могъ ѣхать верхомъ. Я не могъ ничѣмъ питаться, кромѣ молока, и эта самая пища послужила мнѣ лѣкарствомъ. При выступленіи нашемъ изъ Витебска я уже былъ опять на службѣ. Болѣзнь эта была, повидимому, цынготная, и хотя я тогда отъ сего перваго припадка поправился, но вскорѣ послѣ того слѣды сей болѣзни обнаружились язвами на ногахъ, отъ которыхъ я долго страдалъ, но перемогаясь, не отставалъ отъ исполненія своихъ обязанностей.

Александръ по выздоровленіи своемъ оставался еще нѣкоторое время при штабѣ великаго князя, состоя при гвардейской пѣхотѣ, которою командовалъ г.-л. Лавровъ. Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба при Барклаѣ-де-Толли. Г-лъ-квартирмейстеръ Мухинъ былъ отправленъ въ Петербургъ, а на его мѣсто поступилъ

квартирмейстерской части полковникъ Толь, офицеръ храбрый, рѣшительный и опытный въ военномъ дѣлѣ. Онъ былъ извѣстенъ по своимъ способностямъ, но не имѣлъ особеннаго ученаго образованія. Толь держался во все время войны на этомъ мѣстѣ и, будучи полковникомъ, распоряжался тогда дѣйствіями всей арміи. Зная, сколько Русскіе не любили Нѣмцевъ, онъ часто порицалъ медленность послѣднихъ; но не менѣе того поддерживалъ и выводилъ въ люди своихъ родственниковъ и земляковъ. Толь хорошо знаетъ порусски, понѣмецки же говоритъ только тамъ, гдѣ нужно. Рѣчь его всегда смѣлая и дѣльная. Однакоже офицеры за его грубое обращеніе не любили его; онъ гордъ, вспыльчивъ, бываетъ даже и золъ; впрочемъ не слышно было, чтобы онъ кого-либо погубилъ по службѣ; напротивъ того, многихъ изъ служившихъ при немъ онъ вывелъ въ чины. Мало спитъ, дѣятеленъ и въ огнѣ особенно неутомимъ. Толь происхожденія незнатнаго. Отецъ его живетъ въ Нарвѣ и, говорятъ, въ бѣдности. Средства къ жизни Толь самъ пріобрѣлъ трудами и службою.

Непріятель не приходилъ къ нашему Дриссинскому лагерю, а пошелъ лѣвымъ берегомъ Двины на Витебскъ. Движеніе сіе заставило насъ поспѣшно бросить лагерь и идти форсированными маршами правымъ берегомъ Двины чрезъ Полоцкъ. Четвертый корпусъ графа Остермана-Толстаго, прикрывая Витебскъ, отступалъ по лѣвому берегу и задерживалъ движеніе непріятеля. Мы шли такъ быстро, что прибыли въ Витебскъ прежде Французовъ, оставя первый корпусъ графа Витгенштейна въ Полоцкѣ для защиты Петербургской дороги. Въ Дриссѣ мы сожгли огромные хлѣбные магазины, заготовлявшіеся тамъ съ 1811 года. При выступленіи изъ Дриссинскаго лагеря я былъ командированъ съ полковникомъ Мишо для рекогносцировокъ дорогъ; а братъ Михайла посланъ по такому же порученію съ артиллерійскимъ полковникомъ Дмитріемъ Столыпинымъ; но полученная въ Дриссѣ болѣзнь обезсилила меня на третьемъ переходѣ до такой степени, что меня повезли на телѣгѣ, на той самой, въ которой я ѣхалъ съ Курутою, когда мы съ нимъ выѣзжали изъ Свенціянъ.

Помнится, что Государь оставилъ армію еще въ Дриссѣ, откуда онъ поѣхалъ въ Москву. Московское дворянство подозрѣвало Барклая-де-Толли въ измѣнѣ, ибо всѣмъ прискорбно было видѣть отступленіе арміи, и еще подъ начальствомъ Нѣмца. Нѣтъ сомнѣнія, что Барклай не былъ измѣнникомъ: онъ болѣе одного раза проливалъ кровь свою въ сраженіяхъ; но онъ былъ человѣкъ нерѣшительный и едва ли когда показалъ искусство въ военномъ дѣлѣ.

По пріѣздѣ въ Москву Государь, созвавъ дворянство, предложилъ собрать ополченіе, что̀ было единодушно всѣми принято, и ополченіе

начали собирать по всей имперіи. Тѣ губерніи, которыя не ставили ополченія, обязаны были доставить продовольствіе въ армію. Говорили, что одна Московская губернія должна была выставить болѣе 40000 ратниковъ. Народъ былъ отборный; но когда военныя дѣйствія коснулись ихъ родины, то многіе изъ нихъ разбѣжались по своимъ селеніямъ. Только 12000 ратниковъ пришли подъ Бородино, гдѣ охотниковъ назначили для уборки раненыхъ во время сраженія, чтò они усердно исполняли и съ участіемъ къ страдальцамъ. Когда Французы начали отступать изъ Москвы, то Московское ополченіе собрали въ Волоколамскѣ, откуда оно было распущено по домамъ, за исключеніемъ части, которую расписали по полкамъ и коей большая половина погибла отъ болѣзней. Кромѣ того формировался еще въ Москвѣ иждивеніемъ Мамонова казачій полкъ. Въ составъ сего полка прежде всего явились офицеры, и многіе изъ нихъ состояли въ штабахъ и при генералахъ, когда не было еще солдатъ. Набиралась всякая сволочь. Наконецъ, полкъ сей сформировался, когда мы были уже въ Германіи или незадолго до того, и едва ли онъ принималъ участіе въ дѣлахъ. Въ послѣдствіи людей сихъ зачислили въ Иркутскій гусарскій полкъ, когда послѣдній формировался изъ драгунскаго. Сформировали также въ Малороссіи четыре казачьихъ полка, названные Украинскими. Эти четыре полка не были распущены; они были въ дѣлахъ противъ непріятеля и вели себя хорошо. Послѣ же войны ихъ переформировали въ уланскіе.

По приходѣ 14-го Іюля въ Витебскъ, мы услышали сильную канонаду Остермана, защищавшаго въ 18-ти верстахъ отъ города дорогу, ведущую изъ Сѣнно. Корпусъ его много потерялъ, но удержалъ мѣсто. Сраженіе это, за исключеніемъ стычекъ, было первое со времени открытія военныхъ дѣйствій. Каждаго раненаго, приходившаго съ боя, окружали и распрашивали о ходѣ дѣла. На помощь къ Остерману послали легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію, которая вела себя отлично, но не могла удержаться противъ превосходныхъ силъ. Лейбъ-гусары послѣ нѣсколькихъ славныхъ атакъ потеряли много людей и уступили; другіе полки, поддерживавшіе ихъ отступленіе, также понесли большую потерю. Ночь прекратила сраженіе, въ коемъ войска наши держались противъ двойныхъ или тройныхъ силъ.

Александръ поѣхалъ изъ любопытства въ дѣло и, возвратившись къ намъ, разсказывалъ о видѣнномъ. Разсказъ его такъ возбудилъ меня, что, хотя я еще не былъ совершенно здоровъ, но на другой день всталъ и явился къ Курутѣ на службу.

Такъ какъ мнѣ не дали никакого порученія, то я вышелъ на большую дорогу и, сѣвъ на камень, смотрѣлъ на раненыхъ и мно-

гихъ распрашивалъ. Вели также довольное число плѣнныхъ, съ которыми я разговаривалъ, также распрашивая ихъ о дѣлѣ; но отвѣты тѣхъ и другихъ не могли удовлетворить моего любопытства. Помню, что между прочими случился небольшой рекрутикъ Кегсгольмскаго полка, который гналъ передъ собою огромнаго Поляка въ красной шапкѣ. Штыкъ у пѣхотинца былъ согнутъ. Я его остановилъ. «Вотъ, ваше благородіе», сказалъ рекрутъ, «я его въ лѣсу засталъ, да и посадилъ ему штыкъ въ грудь; только кость у него такая здоровая, что штыкъ, смотрите, какъ согнулся». Полякъ былъ весь въ крови и очень ослабъ; онъ сѣлъ въ канавку, чтобъ отдохнуть, но рекрутъ поднялъ его прикладомъ и погналъ далѣе. Торжество выражалось на лицѣ молодаго солдата, который утверждалъ, что побѣда осталась за нами, при чемъ разсказалъ по своему весь ходъ сраженія: и нашу потерю, и непріятельскую. Если мальчикъ этотъ въ живыхъ, то онъ долженъ быть теперь славный солдатъ.

Раненымъ доводилось 8 верстъ тащиться до Витебска, и многіе изъ нихъ падали отъ изнеможенія и умирали на дорогѣ; другихъ же, достигшихъ города, Французы захватили, когда заняли Витебскъ, потому что мы небольшое только число плѣнныхъ успѣли увезти съ собою при дальнѣйшемъ отступленіи.

Отъ главнокомандующаго получено было приказаніе послать вторую кирасирскую бригаду на подкрѣпленіе Остерману. Курута самъ повелъ ее и взялъ насъ съ собою. Мы отошли уже верстъ 8 отъ Витебска, когда пришло другое приказаніе—остановить бригаду, которой въ самомъ дѣлѣ нечего было дѣлать, потому что сраженіе происходило въ лѣсистой мѣстности; дрались на полянахъ и большею частію пѣхотою; кирасиръ же перебили бы стрѣлки, безъ всякой пользы. Бригаду свернули съ дороги влѣво и расположили въ колоннахъ на полянкѣ, окруженной лѣсомъ.

Барклай намѣревался дать общее сраженіе предъ Витебскомъ на позиціи, въ двухъ верстахъ впереди города. Пятый гвардейскій корпусъ составлялъ резервъ. Курута поѣхалъ назадъ для принятія лагернаго мѣста. Мнѣ приказано было поставить 1-ю кирасирскую дивизію, коей 2-я бригада должна была возвратиться. Брозину же поручено было расположить пѣхоту. Я дожидался своихъ полковъ, которые долго не приходили. Между тѣмъ Брозинъ, которому для проведенія линіи по лѣсу приходилось прорубить нѣсколько кустарниковъ, требовалъ, чтобы я ему помогалъ. Въ надеждѣ, что конница могла скоро вступить въ дѣло, я не послушался Брозина, которому нисколько я не обязанъ былъ повиноваться. Онъ грозилъ пожаловаться на меня начальству, чѣмъ вызвалъ только непріятные для него

отвѣты съ моей стороны. Послушался же я его тогда только, когда онъ передалъ мнѣ отъ имени Куруты приказаніе помогать ему. Взявъ тогда квартирьеровъ гвардейской пѣхоты, я велѣлъ имъ вырубать тесаками въ кустарникѣ линію, самъ помогая имъ своею саблею. Работа была скоро кончена, послѣ чего я разбранилъ въ глаза нетерпимаго никѣмъ Брозина и ушелъ отъ него, ибо зналъ, что Курута ему ничего не приказывалъ касательно меня.

Стало смеркаться. Изъ кирасирской дивизіи пришла только одна конная гвардія; 2-я же бригада осталась на своемъ мѣстѣ впереди, а кавалергардскій полкъ послали еще далѣе впередъ. Выстрѣлы становились къ намъ все ближе и ближе. Я поѣхалъ на свое мѣсто къ кавалергардскому полку; 2-я бригада нѣсколько отступила, и три полка сіи были поставлены уже ночью, верстахъ въ пяти впереди Витебска, не слѣзая съ коней. Непріятель былъ уже вблизи и пустилъ нѣсколько ядеръ, которыя перелетѣли чрезъ головы.

Когда я явился къ начальнику дивизіи, г. Депрерадовичу, то имъ получено уже было приказаніе отступить съ кирасирами въ лагерь. Ночь была темная. Лишь только мы тронулись, какъ Французы, услышавъ шумъ палашей нашихъ кирасиръ, сдѣлали по насъ съ авангардовъ залпъ ружей изъ тридцати; но разстояніе было велико, и ни одинъ выстрѣлъ не попалъ. Я только видѣлъ огонь и слышалъ выстрѣлы. Говорили, что выстрѣлы эти были дѣйствительно Французскіе, и я остался доволенъ, что хотя нѣчто увидѣлъ изъ военныхъ дѣйствій.

Остерманъ получилъ также приказаніе отступить и занять свое мѣсто на позиціи. Войска его 4-го корпуса отступали, баталіоны были весьма ослаблены, но люди были бодры и пѣли пѣсни. Въ сущности насъ не разбили; напротивъ того, мы удержали мѣсто противъ превосходныхъ силъ. Потеря наша была очень велика, но непріятель не менѣе нашего потерялъ. Раненыхъ было множество; иные, лишась одной руки, въ другой несли ружье. Такое отступленіе вселяло въ насъ надежду одержать на другой день побѣду; но сраженія на слѣдующій день не было.

Главнокомандующій, узнавъ, что непріятель оставилъ противъ насъ небольшой корпусъ, потянулся со всѣми силами къ Смоленску и въ туже ночь отдалъ арміи приказаніе выступить съ разсвѣтомъ и слѣдовать къ Смоленску, чтобы предупредить Французовъ у сего города.

(*Продолженіе будетъ*).

„ХОЛМЪ ЧЕСТИ".

Изъ моихъ воспоминаній.

Въ Александрополѣ, между городомъ и крѣпостью того же названія, находится возвышенность, которая издавна была избрана мѣстомъ для кладбища. До 1853 года эта возвышенность пестрѣлась преимущественно плоскими, изъ разноцвѣтнаго камня, памятниками, съ надписями Армянскими или Грузинскими, и только изрѣдка возвышались пирамиды съ надписями Русскими, которыя указываютъ на мѣсто вѣчнаго успокоенія военнаго или гражданскаго чиновника, служившаго въ этомъ краю. Нынѣ на этомъ кладбищѣ памятники съ Русскими надписями берутъ перевѣсъ надъ плоскими призмами Армянъ или Грузинъ. Отдѣльный песчаный холмъ, находящійся на южной оконечности кладбища и извѣстный нынѣ подъ именемъ *Холма Чести*, на которомъ до войны не было ни одной могилы, теперь уже покрытъ ими весь.

И кто изъ жителей-христіанъ не знаетъ этого холма? Нѣкоторые изъ нихъ разскажутъ любопытному пріѣзжему имена и подвиги лицъ, которыя покоются въ этихъ могилахъ. Кому изъ служившихъ въ дѣйствовавшемъ на Турецкой границѣ корпусѣ не вспоминается «Холмъ Чести», какъ мѣсто вѣчнаго покоя храбрыхъ начальниковъ, товарищей, а можетъ быть и друзей-сослуживцевъ, павшихъ и запечатлѣвшихъ своею кровію поля Баяндура, Башкадыклара, Кюрюкдара и Карса?

1-го Сентября 1856 года, въ 9 часовъ утра, на западной сторонѣ «Холма Чести» происходило богослуженіе въ присутствіи всѣхъ наличныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, при извѣстномъ числѣ нижнихъ чиновъ изъ войскъ, бывшихъ въ то время въ Александрополѣ. Это молебствіе совершалось по воинамъ убіеннымъ на полѣ чести и славы въ минувшую войну въ Азіатской Турціи.

1-е Сентября было избрано не потому, чтобы этотъ день былъ памятенъ какимъ-либо особеннымъ событіемъ; но это былъ послѣдній день пребыванія въ Александрополѣ войскъ дѣйствовавшаго на Турецкой границѣ корпуса, которыя на разставаньи пожелали отдать

послѣдній долгъ усопшимъ братіямъ. На другой день эти войска, послѣ трехлѣтнихъ боевыхъ подвиговъ, должны были разойтись на зимовыя квартиры.

Послѣ панихиды была заявлена мною *) слѣдующая мысль: собрать денежную сумму посредствомъ посильнаго приношенія, и главную часть сбора обратить на сооруженіе иконы, на которой вырѣзать имена всѣхъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ генераловъ и офицеровъ, а проценты съ другой части расходовать на ежегодныя панихиды, на «Холмѣ Чести», въ дни сраженій Баяндурскаго, Башкадыкларскаго, Кюрюкдарскаго, а также штурма Карса. Если же собранная сумма будетъ не велика, то отложить сооруженіе иконы и совершать однѣ панихиды по всѣмъ убіеннымъ, съ поминаніемъ именъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ, павшихъ смертію въ означенныхъ сраженіяхъ.

Это предложеніе было изложено въ письмахъ, разосланныхъ отъ меня ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ частей, находившихся въ дѣйствовавшемъ на Кавказско-Турецкой границѣ корпусѣ.

Въ этихъ письмахъ, было выражено: что цѣнность иконы будетъ зависѣть отъ суммы, составившейся по подпискѣ; что на иконѣ будутъ изображенія Николая Чудотворца, Георгія Побѣдоносца и Архангела Михаила; что икона постоянно будетъ находиться въ крѣпостной Александропольской церкви и только въ дни сраженій 24 Іюля, 17 Сентября, а также 2 и 19 Ноября, при совершеніи панихидъ, будетъ выносима на «Холмъ Чести;» что передъ нею должна постоянно теплиться лампада или горѣть свѣча; что всѣ деньги должны препровождаться къ Александропольскому коменданту, которому на этотъ предметъ выдана шнуровая книга за подписью наличныхъ генераловъ, бывшихъ въ то время въ Александрополѣ.

Для того-же, чтобы во время панихидъ священникъ Александропольской крѣпости могъ знать имена генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, убитыхъ или умершихъ отъ ранъ въ сраженіяхъ Баяндурскомъ, Башкадыкларскомъ и Кюрюкдарскомъ, а также на штурмѣ Карса, начальники частей обязаны были доставить именные списки къ Александропольскому коменданту.

Въ короткое время поступило отъ разныхъ мѣстъ и лицъ 748 р. Изъ нихъ 700 р. отправлено въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, остальныя деньги отданы въ Александропольскую церковь.

Вотъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о лицахъ, покоющихся на «Холмѣ Чести», моихъ сослуживцевъ и знакомыхъ.

---

*) Я былъ начальникомъ корпуснаго штаба.

Начну со старшаго, Петра Петровича Ковалевскаго *), начавшаго службу на Кавказѣ въ 1844 году полковникомъ и командиромъ артиллерійской бригады. Съ того времени Петръ Петровичъ въ чинѣ генералъ-маіора былъ начальникомъ праваго фланга Кавказской линіи, а по удаленіи съ Кавказа, былъ бригаднымъ командиромъ 13 пѣхотной дивизіи, съ которой, высадившись въ Сухумъ-кале и по прибытіи съ Виленскимъ полкомъ въ Ахалцыхъ, былъ тамъ командующимъ войсками. Съ производствомъ въ 1854 году въ генералъ-лейтенанты Ковалевскій былъ назначенъ начальникомъ 13 пѣхотной дивизіи, съ полками которой и находился въ составѣ главнаго Александропольскаго корпуса подъ начальствомъ главнокомандующаго Муравьева. На штурмѣ Карса, предводительствуя одной изъ главныхъ колоннъ, направленныхъ на укрѣпленія, на Шарахскихъ высотахъ, онъ былъ смертельно раненъ.

Командиръ Тверскаго драгунскаго полка генералъ-маіоръ Куколевскій, прибывшій на Кавказъ въ 1854 году, вмѣстѣ съ Новороссійскимъ полкомъ въ составѣ сводно-драгунской бригады подъ начальствомъ графа Нирода. Онъ достигнулъ почетнаго званія командира полка честною, долговременною службою и точнымъ знаніемъ кавалерійскаго строя, какъ отличный ѣздокъ, притомъ былъ хорошимъ администраторомъ и, какъ оказалось на дѣлѣ, храбрымъ офицеромъ; а потому ввѣренный его командованію полкъ былъ въ хорошемъ состояніи, не только въ хозяйственномъ, но и въ боевомъ отношеніи. Лучшимъ доказательствомъ храбрости Куколевскаго служитъ блистательная атака, произведенная Тверскимъ полкомъ въ началѣ Кюрюкдарскаго сраженія. Переживъ эту славную атаку, подъ градомъ пуль и ядеръ, въ которой многіе изъ подчиненныхъ его были убиты и ранены, Куколевскій палъ во время блокады Карса, въ такомъ дѣлѣ подъ Чавтликъ-гаемъ, гдѣ было произведено съ десятокъ орудійныхъ выстрѣловъ изъ крѣпости.

Командиръ Виленскаго полка полковникъ Шликевичъ, храбро павшій впереди охотниковъ ввѣреннаго ему полка, штурмовавшихъ Шорахскія укрѣпленія. Служебная дѣятельность Шликовича до назначенія его полковымъ командиромъ въ 1853 году была Кавказская боевая.

Командиръ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, полковникъ Москалевъ, убитый подъ Карсомъ въ то время, когда при-

*) Его братья: Евграфъ Петровичъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, а Егоръ Петровичъ—извѣстный генералъ горныхъ инженеровъ, путешественникъ по Востоку и литераторъ.

нялъ начальство надъ войсками, составлявшими штурмующую колонну генерала Майделя, послѣ того какъ этотъ генералъ, полковникъ Серебряковъ (командиръ Мингрельскаго полка) и полковникъ Ганецкій (командиръ Ряжскаго полка) должны были за ранами оставить поле сраженія, послѣдовательно передавая одинъ другому начальство надъ колонной.

Командиръ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона полковникъ Лузановъ, убитый во время штурма Шорахскихъ высотъ. Этотъ штабъ-офицеръ, пощаженный смертію въ Башкадыкларскомъ и Кюрюкдарскомъ сраженіяхъ, былъ тоже старый Кавказскій слуга.

Генеральнаго штаба подполковникъ Свѣчинъ и капитанъ Радичъ, оба мои товарища по мундиру, умершіе отъ ранъ: первый отъ ушиба головы при паденіи съ лошади въ Баяндурскомъ сраженіи, послѣдній при штурмѣ Карса.

Ширванскаго пѣхотнаго полка, командиръ баталіона маіоръ Дьяконовъ, умершій послѣ ампутаціи ноги, перебитой ядромъ въ Башкадыкларскомъ сраженіи.

Лейбъ Эриванскаго гренадерскаго полка баталіонный командиръ маіоръ Турчановскій, убитый тоже въ Башкадыкларскомъ сраженіи, во время штурма (четырьмя баталіонами гренадеръ) высотъ, на которыхъ былъ расположенъ правый флангъ Турокъ, и съ занятіемъ которыхъ, какъ ключа позиціи, рѣшена эта славная побѣда.

Останавливаясь на этомъ некрологѣ (потому что иначе мнѣ пришлось бы еще упомянуть болѣе чѣмъ о двадцати лицахъ), скажу только о братьяхъ Аксеновыхъ, вмѣстѣ съ другими покоющихся на «Холмѣ Чести». Аксеновы, ротные командиры Кавказскаго саперного баталіона, были убиты при штурмѣ Шарахскихъ укрѣпленій 17 Сентября 1855 года, т. е. во время перваго штурма Карса, неудачно предпринятаго главнокомандующимъ Муравьевымъ.

М. Я. Ольшевскій.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ СОБЫТІЙ 1861 — 1864 ГОДОВЪ.

Воспоминанія современника-очевидца.

IV *).

Войтъ гмины Гуры-Кальваріи.

Трудная задача лежала на военныхъ судахъ въ Царствѣ-Польскомъ: имъ приходилось съ крайнею осторожностію относиться къ обвиненіямъ и уликамъ, чтобъ не осудить невиннаго, такъ какъ мятежники задались мыслію заставить само правительство наказывать преданныхъ ему людей за вѣрность Царю и несочувствіе мятежу. Къ сожалѣнію, это имъ удавалось много разъ при слабыхъ намѣстникахъ.

Его Императорское Высочество Намѣстникъ первый разгадалъ это коварство и не разъ исправлялъ ошибки судовъ, отмѣняя или смягчая ихъ суровые приговоры. Разскажу одинъ случай.

Съ объявленіемъ края на военномъ положеніи въ 1861 году, графъ Лидерсъ учредилъ при себѣ особую канцелярію по дѣламъ военнаго положенія, въ которой сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ краѣ и изъ которой исходили всѣ распоряженія по усмиренію мятежа. Директоромъ канцеляріи этой былъ начальникъ главнаго штаба арміи генералъ-адъютантъ Крыжановскій. Канцелярія состояла изъ двухъ отдѣленій, административнаго и военнаго. Въ первомъ занимались: тайный совѣтникъ Козачковскій, камергеръ С. Ѳ. Панютинъ, д. ст. сов. Людоговскій, Е. Н. Леонтьевъ и др.; въ военномъ полковникъ генеральнаго штаба Кривоносовъ, два офицера изъ фронта, Дмитріевъ и Курнѣевъ, я и др. Въ послѣдствіи, съ отъѣздомъ графа Лидерса, Крыжановскаго и другихъ, составъ особой канцеляріи

*) См. вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 257.

измѣнился: директоромъ ея былъ назначенъ генералъ Евгеній Петровичъ Рожновъ, а я вице-директоромъ. Въ канцеляріи работали только два чиновника изъ собственной канцеляріи намѣстника и два упомянутые офицера изъ фронта. Въ такомъ положеніи просуществовала она почти весь 1862 и весь 1863 годы, до учрежденія генералъ-полицеймейстерства.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о генералѣ Рожновѣ *), оставившемъ по себѣ память честнаго и справедливаго Русскаго дѣятеля. Онъ былъ человѣкомъ добрѣйшей души, и его не нужно было уговаривать на доброе дѣло: онъ самъ искалъ къ тому случая. Скольким матерямъ и женамъ осушилъ онъ слезы, спасая невинно осужденныхъ! Понимая высокую душу Великаго Князя намѣстника, Рожновъ не разъ доставлялъ Его Высочеству сердечное удовольствіе смягчать строгость военно-судебныхъ приговоровъ надъ истинно-неповинными жертвами мятежа, хотя къ безусловно-виноватымъ Его Высочество былъ неумолимъ. Не смотря на хорошую славу какую пріобрѣлъ Рожновъ въ краѣ, подпольная и заграничная печать продолжала осыпать его бранью и называть полякоѣдомъ. Рожновъ около полутора года завѣдывалъ особою канцеляріею, въ которой, еслибы и хотѣлъ, то не могъ никому изъ Поляковъ сдѣлать зла, потому что къ обязанности ея не относились ни слѣдствія по политическимъ дѣламъ, ни судъ, ни приговоры, такъ какъ для этого существовали слѣдственныя коммиссіи и военные суды. Напротивъ, Рожновъ былъ какъ-бы посредникомъ между Намѣстникомъ и народомъ или, вѣрнѣе, звѣномъ связующимъ ихъ, и могъ только ходатайствовать о помилованіи такихъ ссыльныхъ, которые были дѣйствительно жертвами мятежа, о которыхъ приговоры уже состоялись, и они несли назначенную имъ кару. Между тѣмъ, враждебная намъ заграничная печать чуть не каждый день доказывала, будто Рожновъ, предсѣдательствуя въ слѣдственной коммиссіи въ цитадели, распоряжается въ цѣломъ краю самовольно и деспотически, гноитъ народъ въ казематахъ и каждую ночь множество невинныхъ *топитъ въ Вислѣ*. Изъ этого можно было заключить, какое понятіе имѣла враждебная печать объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ. Безъ сомнѣнія *корреспонденты ея изъ Варшавы* сидѣли за границею за столами редакцій. Рожновъ въ началѣ 1862 года былъ мѣсяца два предсѣдателемъ слѣдственной коммисіи въ цитадели; но утопилъ-ли онъ кого въ Вислѣ, что-то тогда не было слышно, потому что Висла до самаго Кенигсберга не выкинула ни одного трупа: вѣроятно трупы эти какъ-нибудь сухимъ путемъ попадали прямо въ

*) Умеръ въ Варшавѣ въ 1874 году.

конторы редакцій. Мало того, злоба дошла до того, что тѣже газеты преслѣдовали его за то; что онъ, въ бытность Плоцкимъ губернаторомъ, запрещалъ будто бы подавать въ трактирахъ бураки, потому что они имѣютъ «народо́вый колеръ».

Вотъ до какихъ колоссальныхъ глупостей не стыдилась доходить враждебная печать!

Но возвращаюсь къ разсказу.

Въ началѣ Іюня 1863 года, въ *особую канцелярію* вошли двѣ дамы: одна молодая, стройная красавица, въ шикозномъ «народо́вомъ» траурѣ, въ бархатѣ, кружевахъ, со множествомъ золотыхъ и брилліантовыхъ украшеній, похожая на бархатную бомбоньерку въ золотомъ бордюрѣ; другая немолодая и одѣтая бѣдно, въ простомъ черномъ камлотовомъ платьѣ.

Я подалъ имъ стулья; но вторая особа не приняла стула и стала у камина.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ я ее.

— Ничего. Я пріѣхала съ этою госпожею.

Выдавъ справку дамѣ въ *позолоченномъ трауръ* и замѣтивъ, что бѣдно-одѣтая дама плачетъ, я спросилъ ее о причинѣ слезъ.

— Вы, господа, не можете уже мнѣ ни въ чемъ помочь, хотя я и слышала, что вы хорошіе люди. Дѣло моего мужа уже окончено.

— Ахъ, это очень несчастная женщина! вмѣшалась молодая дама. Мужъ ея служилъ гминнымъ-войтомъ *) въ Гурѣ-Кальваріи и страдаетъ совсѣмъ напрасно. Разскажите, пани, свое горе этому господину.

— Нечего разсказывать, ничего не поможетъ, все кончено!... Пропала я съ дѣтьми.... О, я несчастна, ужасно несчастна!...

Женщина прерывала свои слова истерическими рыданіями.

— Галга̀ны (негодяи) не захотѣли ѣсть спокойно кусокъ хлѣба— ойчизны имъ захотѣлось! Не хотѣлось работать, пренебрегли святымъ трудомъ, какой-то лѣсной вольности захотѣлось!... Хорошо было имъ, такъ захотѣли лучше; и вотъ сколько бѣдъ, сколько слезъ, сколько несчастій накликали на край!

— Охъ! Что́ правда, то правда! перебила красавица со вздохомъ

— И что́ я теперь сдѣлаю? Святой Янъ приближается: меня выкинутъ на мостовую, и я останусь съ шестью малыми дѣтьми безъ крова и безъ куска хлѣба!... Сами втянули въ бѣду несчастнаго моего мужа и потомъ отказались отъ всего и все свалили на него!

— Кто же это, сударыня?

---

*) Волостной старшина, или вѣрнѣе бургомистръ.

— Кто же какъ не они, эти непрошеные спасатели отчизны?

— И втянули вашего мужа?

— О, хуже! Они, думая спасти себя, взвалили всю вину на моего мужа. Въ Маѣ явились къ намъ какіе-то три буйные повстанца. «Эй ты, Русскій духъ, давай намъ сейчасъ три лошади; не то пулю въ лобъ!» и пригрозили ему пистолетомъ. У насъ всего было три лошади, которыя составляли все наше богатство. Какъ мы ни упрашивали повстанцевъ не раззорять насъ съ дѣтьми, ничего не помогло! Натормошивъ и натолкавъ порядочно мужа, они сами пошли въ конюшню, забрали лошадей, осѣдлали чѣмъ могли и, выѣзжая со двора, еще разъ закричали: «Эй, ты Московскій духъ, водки! Живо!» Я сама вынесла имъ по шкалику водки, чтобъ только спровадить скорѣе страшныхъ гостей. Но не отъѣхали они 3 или 4 верстъ, какъ были схвачены казаками и отправлены въ Варшаву. На допросѣ негодяи все свалили на мужа, будто онъ самъ уговорилъ ихъ отправиться въ шайку и снабдилъ собственными лошадьми. Когда же мужъ со слезами уличалъ ихъ во лжи, то они, прикидываясь жертвами, начали еще стыдить мужа, будто онъ отказывается отъ своихъ дѣйствій, съ тѣмъ чтобы погубить невинныхъ, которымъ, еслибы не его подговоръ, и въ голову не пришло бы бросить работу и идти бунтовать, и присовокупили: «когда вы насъ снарядили, то въ благодарность поднесли еще намъ по стакану водки». Кончилось тѣмъ, что военный судъ сослалъ повстанцевъ въ дальнія губерніи Россіи, а мужа моего приговорилъ къ заключенію на годъ въ казематъ Новогеоргіевской крѣпости. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ онъ сидитъ въ крѣпости. А между тѣмъ нашъ помѣщикъ объявилъ мнѣ, что онъ избралъ уже другаго гминнаго войта, такъ какъ гмина не можетъ цѣлый годъ оставаться безъ войта. Слѣдовательно, отъ Святаго Яна я должна буду очистить квартиру для новаго войта, и куда я дѣнусь съ моею мелюзгою?... О, я несчастна, страшно несчастна!...

Меня тронулъ этотъ разсказъ. Истинна пробивалась въ каждомъ словѣ, и сомнѣнію не было мѣста.

— Отправляйтесь домой, сказалъ я ей: молитесь Богу и просите святыхъ Его чудесъ.

Женщины ушли.

По пріѣздѣ Рожнова, я передалъ ему весь печальный разсказъ жены гминнаго войта.

— Знаете что? отвѣчалъ Рожновъ. Опишемъ всю эту исторію военному начальнику Варшавскаго отдѣла, барону Павлу Ивановичу Корфу и спросимъ его мнѣнія: заслуживаетъ ли помилованія этотъ войтъ?

Въ тотъ же день было написано къ генералъ-адъютанту барону Корфу, который, не далѣе какъ на другой день, отвѣчалъ, что, по его нравственному убѣжденію, гминный войтъ былъ совершенно правъ; но какъ мятежники сильно уличали его въ сочувствіи мятежу, а войтъ не могъ представить никакихъ доказательствъ правоты своей, лошади же служили хотя и косвенною, но все таки уликою вины его: то онъ и былъ отнесенъ судомъ къ третьей категоріи виновныхъ и приговоренъ къ годичному тюремному заключенію. Къ этому баронъ Корфъ присовокупилъ, что помилованіе Его Высочествомъ означеннаго гминнаго войта было бы дѣломъ высокой справедливости, болѣе справедливымъ, нежели самое осужденіе по строгой буквѣ закона, отъ которой судъ отступить не могъ, и что гминный войтъ вполнѣ достоинъ такой милости.

Докладъ объ этомъ дѣлѣ, съ описаніемъ бѣдственнаго положенія семейства осужденнаго, былъ представленъ Великому Князю Намѣстнику, и Его Высочество собственноручно изволилъ написать на докладѣ: «освободить изъ-подъ ареста и возстановить въ прежнихъ его правахъ и должности».

Генералъ Рожновъ немедленно послалъ телеграмму къ Новогеоргіевскому коменданту, и вечеромъ войтъ былъ уже въ кругу своего семейства.

Жена и дѣти встрѣтили его съ крикомъ радости, перешедшей мгновенно въ испугъ: они вообразили, будто его вывозятъ куда-нибудь и по дорогѣ дозволили только проститься съ семействомъ.

— Скажи мнѣ, спросилъ мужъ, чтó это значитъ, что меня освободили изъ каземата?

— Какъ?.... Освободили?... Совсѣмъ?...

— Совершенно! Сегодня, по повелѣнію Великаго Князя Константина, меня освободили и приказали вступить въ прежнюю должность гминнаго войта.

— Прежде всего возблагодаримъ Пресвятую Дѣву за чудо! воскликнула мать торжественно: Дѣти, на колѣна!

Все семейство повергло сь на колѣни предъ образомъ Ченстоховской Божіей Матери и со слезами благодарило за неожиданное счастіе.

— О, теперь я понимаю, какъ это сдѣлалось! начала мать. Случайно на дняхъ зашла я въ канцелярію генерала Рожнова. Тамъ я должна была—не знаю, самому-ли генералу, или кому-нибудь другому—разсказать всю нашу исторію и бѣдственное мое положеніе. Я ни о чемъ не просила; слушавшій меня военный ничего мнѣ не обѣщалъ, ничѣмъ не утѣшилъ и только сказалъ: «молитесь Богу и про-

сите святыхъ Его чудесъ». Я думала, что этимъ онъ хотѣлъ только отъ меня отдѣлаться. Но я молилась не напрасно, и Пресвятая Дѣва явила надъ нами чудо!

— Ахъ, такъ ты была въ канцеляріи генерала Рожнова! Теперь я все понимаю. Узнаю его благородное сердце, о которомъ говорятъ такъ много. Онъ-то меня и спасъ, хотя меня совсѣмъ не знаетъ. Ты должна со всѣми дѣтьми броситься къ его ногамъ и благодарить. Ты меня спасла, отъ тебя и надлежитъ благодарность заступнику несчастныхъ.

Чрезъ день въ *особую канцелярію* пришла жена войта со всѣми дѣтьми.

— Пане! воскликнула она, прижимая мою руку къ сердцу. Мой мужъ свободенъ!

— Не можетъ быть.

— О, такъ! Вашему ходатайству обязаны мы своимъ счастіемъ. Примите-же слезы благодарности отъ матери и дѣтей.

— Но вы ошибаетесь, сударыня: я тутъ совершенно не при чемъ.

— О, не отказывайтесь отъ своего добраго дѣла! Вѣдь ваши же слова были: «Молитесь Богу и просите святыхъ Его чудесъ?»

— Я чрезвычайно радъ, что вы счастливы снова; но ежели вамъ оказана такая милость, то только Великимъ Княземъ Намѣстникомъ и вѣроятно по личному ходатайству генерала Рожнова.

Въ это время вошелъ Рожновъ; я показалъ его плачущей женщинѣ, та облила его руку слезами благодарности и отъ избытка чувствъ едва могла произнести нѣсколько словъ. Рожновъ, не терпѣвшій никакой благодарности за свои добрыя дѣла, отвѣчалъ, что въ дѣлѣ этомъ онъ не игралъ никакой роли и что она обязана возвратомъ домашняго своего счастія только Его Высочеству.

— Чудные вы люди, господа! замѣтила женщина: дѣлаютъ добро и стыдятся въ этомъ признаться! Такъ позвольте же мнѣ съ дѣтьми кинуться къ стопамъ Его Высочества и поблагодарить.

Желаніе это было исполнено. Ихъ Высочества въ три часа пополудни обыкновенно изволили выѣзжать на прогулку. Къ означенному времени я поставилъ въ сѣняхъ дворца жену гминнаго войта со всѣми шестерью дѣтьми.

— Великій Князь! шепнулъ я ей, указывая на спускавшихся съ лѣстницы Ихъ Высочествъ.

Женщина съ дѣтьми бросилась на колѣни.

— Кто это? спросилъ меня Великій Князь.

— Жена гминнаго войта изъ Гуры-Кальваріи, котораго третьяго

дня Ваше Высочество повелѣли освободить изъ Новогеоргіевской крѣпости.

Ихъ Высочества съ поклономъ прошли къ экипажу.

— Что-жъ, коллега, сказалъ Рожновъ, встрѣчая меня: кажется, это первая изъ Полекъ, которая пришла благодарить насъ за благодѣяніе? Прочимъ мы нужны только тогда, когда имѣютъ до насъ дѣло; а достигнувъ цѣли, избѣгаютъ встрѣчъ съ нами и боятся, чтобы Москаль не обидѣлъ ихъ поклономъ.

— Совершенно вѣрно, Евгеній Петровичъ! Помните ли вы ту Польку, двумъ сыновьямъ которой вы исходатайствовали помилованіе и которая, выходя отъ васъ, сказала такъ, что другіе слышали: «А чтобъ тебя, проклятый Москаль, въ послѣдній разъ въ жизни видѣли мои очи!» Потомъ, когда пришла новая бѣда, она снова валялась у ногъ вашихъ—и вы помогли ей.

— Конечно, помню. Полагаю, не забыли и вы тѣхъ двухъ дамъ, которыя лишились здѣсь чувствъ и такъ напугали насъ, а потомъ, выйдя съ хохотомъ въ коридоръ, насъ же подняли на смѣхъ и хвастались одна передъ другою, которая изъ нихъ искуснѣе насъ, одурачила? Но развѣ для насъ съ вами это новость? Не для благодарности же мы дѣлаемъ добро: награду за это мы находимъ въ собственной совѣсти.

Январь 1864 года.
Варшава.

ИЗЪ ЧАСТНАГО ПИСЬМА О ГЕРЦЕНѢ.

(Парижъ, 1864).

Въ послѣдне время всѣ извѣстія изъ Россіи гораздо утѣшительнѣе; трудная минута перехода, кажется, пережита, и теперь начинается новая эпоха для переродившейся Россіи, эпоха полная надеждъ на будущее благосостояніе. Восторгъ къ Государю въ Москвѣ неописанный, здѣсь все это знаютъ. Одно жаль, по пріѣзжающимъ сюда образцамъ, наша молодежъ куда какъ плоха! Или это только переходное поколѣніе? Бывало, въ наше время мы учились, работали, думали, вѣрили; теперь все геніи, не то Вольтеръ, не то Гегель, не то Герценъ, а такъ какіе-то междоумки, нигилисты, Базаровы, однимъ словомъ просто дрянь. Отъ нихъ Россія не жди ничего, и ничего изъ нихъ никогда не выдетъ. Въ этомъ большею частью виноватъ нашъ Александръ Иванычъ, не тѣмъ будь помянутъ. За то какъ же теперь онъ упалъ; что онъ за дичь несетъ! Часто гадко читать «Колоколъ», который расходился въ числѣ восьми тысячъ экземпляровъ, а теперь расходится не болѣе тысячи, и даже менѣе. Года полтора тому назадъ онъ началъ приходить въ себя, утихать, смотрѣть спокойнѣе. Я сильно напиралъ на совершенное примиреніе; но пріѣздъ Огарева, въ особенности Бакунина, перевернулъ все вверхъ дномъ. Огаревъ—это прокислая размазня, государственный реформаторъ изъ отставныхъ пьяницъ, законодатель изъ спившихся рифмачей. Бакунинъ же звѣрь, гіена; ему только грезятся пожары, топоры и трупы; онъ этимъ живетъ. Къ тому же домъ Герцена открытъ для всѣхъ голодныхъ бѣглецовъ; всѣ ползутъ къ нему если не за чѣмъ другимъ, такъ просто поѣсть; онъ же на столько легковѣренъ, что для всѣхъ кошель открытъ. Разумѣется, за это кажденію и ѳиміамамъ нѣтъ конца. При его самолюбіи онъ себя и въ самомъ дѣлѣ считаетъ Магометомъ. Не смотря на весь этотъ сумбуръ, онъ видимо внутренно страдаетъ; очень замѣтно, что онъ ищетъ покоя, ищетъ мѣста, гдѣ бы отвести сердце. Окружен-

ный своею свитою онъ неизмѣненъ своей ролѣ, но за кулисами онъ совсѣмъ другой человѣкъ. Это совсѣмъ не тотъ страшный, красный, отчаянный возмутитель, а простой, очень, добрый семьянинъ-помѣщикъ. Когда мы были нынѣшнимъ лѣтомъ на Лондонской выставкѣ, то онъ былъ такъ радъ, что бросилъ всѣхъ своихъ политическихъ пріятелей и не оставлялъ насъ ни на минуту *). Видно было, что онъ радъ радехонекъ вздохнуть; водилъ дѣтей моихъ всюду, былъ просто ихъ нянькой, предложилъ мнѣ заняться ихъ воспитаніемъ, что̀ я, разумѣется, отклонилъ съ *величайшею благодарностью.*

Надобно тебѣ сказать, что у насъ произошла великолѣпная сцена. Однажды, у него послѣ обѣда, мы начали хоромъ пѣть Русскія пѣсни. Расходилась его Русская кровь до того, что онъ какъ безумный началъ смѣяться; потомъ я неожиданно заигралъ, и всѣ дѣти запѣли: «Боже, Царя храни». Онъ до того растерялся, что бросился затворять двери и окна, чтобъ пріятели не подслушали. Видно, что въ немъ живы всѣ наши народные инстинкты, но подавлены дикимъ, необузданнымъ своеволіемъ, и *опять Русскимъ своеволіемъ.* Это тотъ же Стенька Разинъ перомъ; ни въ одномъ Европейскомъ публицистѣ, въ какой бы опозиціи онъ ни былъ съ своимъ правительствомъ, не найдете этой дикой необузданности пера̀ какъ въ Герценѣ. Дѣти его отличныя дѣти, въ особенности, Наташа, которая чистый типъ Русской дѣвушки; Саша уже докторъ медицины, очень хорошій малый, только не можетъ найти на чемъ остановиться. Съ убѣжденіями и направленіемъ отца онъ далеко не согласенъ, а противъ отца не хочется ему идти, такъ что онъ какъ на качеляхъ. Женитьба его не состоялась къ удовольствію всѣхъ; это было увлеченіе студента. На дняхъ Наташа и Оля были въ Парижѣ проѣздомъ въ Италію; ихъ выжила изъ дому (какъ кажется) жена N. . . ва, которая теперь полная хозяйка въ домѣ....

(*Сообщено И. П. Хрущовымъ*).

---

*) Писавшій—родственникъ Герцену. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Д. В. ПОЛѢНОВА

во время поѣздки его въ Грецію и службы при тамошнемъ посольствѣ.

1832 — 1835.

Письма эти писаны въ Петербургъ покойнымъ археологомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Полѣновымъ къ его родителямъ. (Отецъ его, извѣстный академикъ, завѣдывалъ Государственнымъ Архивомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ). Въ нихъ живо отразились памятные друзьямъ его основательность сужденій, зоркая наблюдательность, нѣсколько тугой, но за то твердый, надежный и потому привлекательный Русскій умъ. Полѣновъ былъ еще очень молодъ, когда писалъ эти письма; тѣмъ не менѣе они полны содержанія. Мы обязаны сообщеніемъ въ „Русскій Архивъ" этого любопытнаго, можно сказать, дневника зятю Д. В. Полѣнова, Ивану Петровичу Хрущову, который по его стопамъ такъ достойно подвизается въ дѣлѣ распространенія здраваго народнаго просвѣщенія. П. Б.

1.

Одесса, 5-го Августа 1832.

Оправившись послѣ дороги, я тотчасъ поѣхалъ къ градоначальнику г. Левшину *). Онъ оказалъ особенное ко мнѣ вниманіе, немедленно допустивши меня къ себѣ, чего онъ не дѣлаетъ со всѣми, по причинѣ множества занятій. Онъ пригласилъ меня пріѣхать къ себѣ въ тотъ же день обѣдать. Я нашелъ у него нѣкоторыхъ хотя мнѣ незнакомыхъ, но извѣстныхъ лицъ. Тутъ были нѣкто г. Марсенъ,

---

*) Алексѣю Ираклiевичу, котораго запискою „Достопамятныя минуты моей жизни" украшенъ предъидущій выпускъ „Р. Архива". Тогдашній начальникъ Новороссійскаго края графъ М. С. Воронцовъ ѣздилъ въ это время въ Англію, гдѣ передъ тѣмъ скончался отецъ его, графъ Семенъ Романовичъ. П. Б.

служившій въ нашемъ министерствѣ; Перовскій, сочинитель «Монастырки» и нѣкто Тепляковъ, молодой поэтъ съ большими дарованіями.

На другой день я былъ у Стурдзы и отвезъ ему письмо ваше, также заѣхалъ къ старику Персіани, который хотѣлъ со мною познакомиться. Сейчасъ онъ былъ у меня, чтобъ отдать мнѣ визитъ, и пригласилъ меня завтра къ себѣ обѣдать. Стурдза также звалъ меня къ себѣ на обѣдъ. Вообще меня принимаютъ здѣсь очень ласково, особенно Персіани. Еще я познакомился здѣсь съ Катакази и встрѣтился съ Геннади, который пріѣхалъ сюда для свиданія съ родственниками *). При встрѣчѣ съ нимъ я испыталъ, какъ велико удовольствіе увидѣть въ чужой сторонѣ человѣка, котораго зналъ въ родномъ мѣстѣ. Въ Петербургѣ я былъ съ нимъ почти незнакомъ и зналъ только потому, что мы вмѣстѣ служили, но здѣсь мы сошлись, какъ короткіе пріятели.

2.

Одесса, 8-го Августа 1832.

Въ Пятницу, 5-го Августа, я былъ приглашенъ на вечеръ къ градоначальнику Левшину, у котораго по этимъ днямъ бываетъ собраніе каждую недѣлю; въ этотъ разъ я нашелъ у него много гостей, изъ коихъ большая часть были здѣшніе иностранные консулы. Онъ обращался со мною съ особеннымъ вниманіемъ, которое простеръ до такой степени, что предложилъ мнѣ представить меня графу Каподистріи, который былъ у него въ этотъ вечеръ. Принявъ съ радостію его предложеніе, я провелъ около часу въ занимательной бесѣдѣ съ этимъ достопримѣчательнымъ и весьма почтеннымъ человѣкомъ. Разговоръ нашъ былъ о покойномъ его братѣ, о Греціи вообще и о нынѣшнемъ ея состояніи. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ Стурдзы.

На слѣдующій день, въ праздникъ Преображенія, я былъ въ здѣшней Греческой церкви, гдѣ совершалъ обѣдню Адріанопольскій митрополитъ; но въ служеніи его не было вовсе того великолѣпія, которое мы привыкли видѣть въ Петербургѣ при подобныхъ случаяхъ. Это было какъ бы образчикомъ состоянія церкви Греческой въ Турціи.

Вчера, наконецъ, я обѣдалъ у Стурдзы и провелъ у него время съ большимъ удовольствіемъ. Здѣсь я опять встрѣтился съ графомъ Каподистріей. Мы обѣдали въ саду, въ виноградной бесѣдкѣ, что́ мнѣ казалось весьма пріятно. Стурдза сказалъ мнѣ при этомъ случаѣ, что я буду имѣть еще большее удовольствіе въ Греціи, гдѣ часто обѣ-

*) Николай Александровичъ, отецъ извѣстнаго библіографа. П. Б.

даютъ въ густыхъ лимонныхъ рощахъ, наполненныхъ плодами. Какъ пріятно, продолжалъ онъ, употребить плодъ съ самаго дерева, срѣзавъ половину его, а другую оставивъ на вѣтви! Послѣ обѣда онъ занялся особенно мною и по разговору, который я имѣлъ съ нимъ, я долженъ былъ увидѣть, что онъ человѣкъ весьма умный, имѣющій большое образованіе и обширныя свѣдѣнія.

3.

Буюкдере, 21-го Августа 1832.

Мы остановились въ Буюкдерскомъ заливѣ, сошедши съ корабля, подъѣхали на маленькомъ катерѣ прямо къ дому нашего посольства и были тотчасъ допущены къ посланнику, который оказалъ намъ самый дружелюбный пріемъ. Немного поговоривши съ нами, онъ пригласилъ насъ къ столу, ибо мы пріѣхали ровно къ самому времени обѣда. Въ залѣ были собравшись всѣ чиновники миссіи, которые обыкновенно столъ имѣютъ у посланника.

Въ ожиданіи моего отъѣзда я испросилъ у Бутенева позволенія ознакомиться нѣсколько съ дѣлами страны, въ которую отправляюсь, чтобы пріѣхать туда не только не съ пустыми руками, но и не съ пустою головою; и такъ мнѣ доставлены были всѣ дѣла и свѣдѣнія, какія только находятся въ здѣшней миссіи.

Здѣсь я узналъ между прочимъ довольно непріятное для меня извѣстіе. Дѣло о разграниченіи Греціи здѣсь кончено и отправлено на мѣсто для приведенія онаго въ исполненіе; слѣдовательно очень можетъ быть, что я уже не застану въ Наполи Скалоновъ. Онъ долженъ будетъ ѣхать на границы, а жена его вѣроятно переѣдетъ также куда нибудь въ такое мѣсто, гдѣ она можетъ быть поближе къ нему. Объ этомъ я очень сожалѣю. Всѣ здѣшніе чиновники, бывшіе въ Греціи, проповѣдуютъ о нестерпимой скукѣ, которая тамъ постоянно царствуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ единогласно превозносятъ похвалами домъ Скалона. Онъ, говорятъ, единственный тамъ человѣкъ, съ которымъ можно не только быть знакомымъ, но провести время съ удовольствіемъ, котораго я однакоже не буду имѣть.

Я еще не былъ въ Константинополѣ и не знаю, рѣшусь ли еще поѣхать: тамъ ходитъ чума, и потому изъ здѣшнихъ никто туда не ѣздитъ, безъ самой величайшей необходимости. За обѣдомъ, на другой день моего пріѣзда, посланникъ спросилъ у меня, охотникъ ли я ѣздить верхомъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ послѣ обѣда, пригласивъ съ собою одного только Устинова. Мы ѣздили часа два по горамъ, долинамъ и равнинамъ,

Мѣста все были прекрасныя, но дики и запущены до невѣроятной степени. Въ этотъ разъ я видѣлъ одно достопримѣчательное мѣсто—это долину, въ которой останавливался лагеремъ Годфридъ Бульонскій, когда отправлялся въ Палестину во время крестовыхъ походовъ. Бутеневъ, показавъ мнѣ на одну купу высокихъ и густыхъ деревьевъ, сказывалъ, что подъ ними былъ раскинутъ шатеръ рыцаря крестоносца. Получены изъ Петербурга многія бумаги для отправленія въ Грецію. Въ одно же время баронъ Рикманъ *) прислалъ сюда курьера и въ письмѣ къ Бутеневу писалъ, между прочимъ, что онъ уже знаетъ о назначеніи моемъ къ Греческой миссіи и ожидаетъ моего пріѣзда. Нанято Греческое судно, отъѣзжающее въ Спецію, которое и отвезетъ меня на этотъ островъ, а оттуда я переправлюсь въ Наполи-ди-Романію, цѣль моего странствованія. Со мною ѣдетъ нашъ чиновникъ Рашетъ, назначенный при консульствѣ въ Аѳины и отправляющійся также къ своему посту.

Большая же часть коренныхъ здѣшнихъ жителей суть Пероты, занимающіе должности драгомановъ, консуловъ, комерческихъ и почтовыхъ чиновниковъ, въ службѣ разныхъ Европейскихъ державъ. Перотами называются Европейцы, переселившіеся въ Турцію изъ разныхъ странъ, съ незапамятныхъ временъ, и живущіе въ Константинопольскомъ предмѣстіи Перѣ. Они пріѣзжаютъ въ Буюкдере на одно только лѣтнее время, зиму же проводятъ въ городѣ. Этотъ народъ можно поставить немного повыше Жидовъ и Цыганъ. Во первыхъ, это люди, которые не имѣютъ своего отечества, отдались подъ покровительство Турецкаго деспотизма и предпочитаютъ оное всякому другому. Привлеченные въ одно мѣсто каждый своими собственными выгодами, они не ставятъ ничего выше ихъ. Изъ этого происходитъ то, что между ними нѣтъ не только никакого духа общественности, а напротивъ всѣ они проникнуты мелочнымъ эгоизмомъ въ величайшей степени и даже находятся между собою въ величайшей враждѣ. Во вторыхъ, такъ какъ умственная образованность не приноситъ матеріальныхъ выгодъ, то они совершенно ею пренебрегаютъ, и потому большая часть изъ нихъ находятся на самой низкой степени просвѣщенія. По этимъ причинамъ Русскіе, т. е. составляющіе нашу миссію, оказываютъ имъ, если не совершенное пренебреженіе, то величайшую холодность, отъ которой не изъяты и тѣ Пероты, которые находятся въ нашей службѣ. Если наши чиновники и водятъ съ ними знакомство, то это потому только, что не съ кѣмъ свести лучшаго, слѣдовательно изъ одной необходимости. Не смотря однакоже на множество Перотовъ, здѣсь не болѣе трехъ или четырехъ семейныхъ до-

*) Нашъ посланникъ въ Греціи.

мовъ, посѣщаемыхъ Русскими. Въ этомъ числѣ здѣсь находится одно семейство Русскихъ Перотовъ, въ которомъ есть двѣ дѣвушки, подъ названіемъ баронесы Гюбенъ. Ихъ домъ остается однимъ изъ лучшихъ, и дѣйствительно онъ походитъ на что-то порядочное.

Трудно вообразить что-нибудь однообразнѣе здѣшней жизни. Утро всякій проводитъ у себя дома, занимаясь по службѣ, а если нѣтъ такихъ занятій, то собственнымъ своимъ дѣломъ, по крайнему своему разумѣнію и охотѣ. Такъ проходитъ время до 4 или 5 часовъ. Въ это время звонятъ въ колокольчикъ, и всѣ собираются къ посланнику обѣдать. Послѣ этого скоро всѣ расходятся, и тутъ ужъ всякій старается добить остальную часть дня, сообразуясь съ своими склонностями. Сначала всѣ идутъ гулять по набережной, встрѣчаются съ знакомыми, условливаются и какъ скоро настали сумерки, то всякій отправляется исполнить свое предначертаніе. Кто идетъ въ холостую компанію на партію въ вистъ, кто отправляется любезничать къ Пероткамъ, а кто просто уходитъ домой. Я обыкновенно болѣе бывалъ изъ числа послѣднихъ.

Начальникъ миссіи отличный человѣкъ и вамъ, кажется, очень извѣстный. Здѣсь его такъ всѣ любятъ и всѣ чиновники такъ къ нему привязаны, что многіе остаются здѣсь единственно для него. Потомъ большая часть чиновниковъ миссіи также прекрасные люди; почти все Русскіе и живутъ между собою не только ладно, но, можно сказать, дружно. Посланникъ выписываетъ всѣ лучшіе Русскіе журналы и газеты, а также всѣ хорошія новыя книги, такъ что здѣсь всегда можно слѣдовать за ходомъ нашей литературы, которою Бутеневъ очень занимается. Это такая выгода, которую можно найти не во всѣхъ Европейскихъ миссіяхъ. Иностранныхъ же книгъ здѣсь вдоволь, и чтеніе есть общее и главнѣйшее занятіе послѣ службы.

4.

Наполи-ди-Романія, 20 Декабря 1832.

Находясь здѣсь уже около трехъ мѣсяцевъ, я по необходимости начинаю привыкать къ здѣшней жизни. Когда я пріѣхалъ сюда, то ужасы междоусобія и безначалія, которыя продолжаются во всей Греціи со времени кончины президента, прошли, по крайней мѣрѣ въ этомъ городѣ, и до сихъ поръ въ немъ не было нарушено спокойствіе, охраняемое Французскимъ гарнизономъ. Но тишина эта, которая существуетъ въ одной Наполи, только наружная, и единственная выгода состоитъ въ томъ, что теперь можно спокойно ходить по улицамъ, проводить ночь, не опасаясь грабежа или какого-либо смятенія, выходить прогуливаться за городъ. Прежде нежели я сюда доѣхалъ, я ста-

рался собирать на пути моемъ разныя свѣдѣнія о здѣшнемъ житьѣ, и особенно много узналъ въ Константинополѣ. Многіе чиновники тамошней миссіи были въ Греціи и понасказали мнѣ такъ много дурнаго, что я, наконецъ, сталъ сомнѣваться въ ихъ разсказахъ, полагая, что они происходили отъ одного желанія увеличивать вещи и смотрѣть на нихъ не съ надлежащей стороны. Но, проживши здѣсь до сихъ поръ, я долженъ сознаться, что мнѣ говорили правду, а что здѣшняя жизнь скучна до невѣроятности—это неопровергаемая истина. Чтобы объяснить вамъ, дражайшіе родители, причину этого, надобно мнѣ будетъ коснуться немного до политическихъ обстоятельствъ и начать съ кончины президента. Дѣйствительно, все что́ теперь Греція вмѣщаетъ въ себѣ дурнаго, даже до самыхъ малостей, происходитъ отъ того, что не стало одного человѣка. Виновники его смерти, овладѣвши правительствомъ, произвели безначаліе и грабежи. Я не стану описывать вамъ всѣхъ бѣдствій, происшедшихъ отъ кончины графа Каподистріи.—Первое ея слѣдствіе было то, что вся страна раздѣлилась на партіи. Одна осталась приверженною къ правиламъ и памяти покойнаго президента, и ея держатся Русскіе; другая же, противная оной, старающаяся ввести конституцію, имѣетъ на своей сторонѣ Французовъ и Англичанъ. Это раздѣленіе на партіи произвело раздѣленіе и въ самыхъ обществахъ. Такъ какъ партіи находятся между собою во враждѣ, то и общественныя отношенія между ними разрушились. Большая часть Грековъ высшаго сословія, жившихъ семействами, перешли на сторону партіи противной нашей; другіе удалили изъ Греціи свои семейства по случаю безпрестанныхъ безпокойствъ. Такимъ образомъ общество здѣсь уничтожилось, и по сіе время кромѣ одной фамиліи Калержи, я ни съ кѣмъ не знако́мъ изъ Грековъ. Кругъ моего знакомства, или можно сказать общаго знакомства всѣхъ Русскихъ, состоитъ теперь изъ однихъ Русскихъ и двухъ или трехъ Филеленовъ. Изъ этого круга только двое женатыхъ: Персіани, г-нъ секретарь нашей миссіи, и Кюстеръ, секретарь при здѣшнемъ консульствѣ. Къ нимъ-то собирается разъ въ недѣлю, и то изъ одной только необходимости, небольшое наше общество, состоящее большею частію изъ мущинъ и все однихъ и тѣхъ же лицъ и проводитъ время довольно скучно или играя въ карты, или разсуждая вкривь и вкось о прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ дѣлахъ Греціи.

Какъ ни мало число лицъ, составляющихъ наше общество, но, не смотря на то, въ немъ нѣтъ никакого единодушія или тѣснѣйшаго между собою соединенія, и это, какъ мнѣ кажется, главною причиною скуки, существующей въ нашихъ собраніяхъ. Это люди, которые слѣ-

нымъ случаемъ сошлись вмѣстѣ, будучи увѣрены, что тотъ же случай заставитъ ихъ весьма скоро разойтись...

Столъ баронъ Рикманъ имѣетъ всегда прекрасный, во Французскомъ вкусѣ, котораго я никакъ не ожидалъ въ Греціи. Послѣ обѣда баронъ уходитъ въ свой кабинетъ и тутъ, если онъ бываетъ расположенъ, онъ очень много говоритъ и по большей части о предметахъ самыхъ занимательныхъ. Онъ довольно долго жилъ и ѣздилъ по чужимъ краямъ и охотно говоритъ обо всемъ, чтó видѣлъ, прибавляя къ тому и свои весьма здравыя сужденія. Я съ особеннымъ удовольствіемъ слушаю, когда онъ разсказываетъ о происшествіяхъ Греціи, которыхъ онъ былъ самъ свидѣтелемъ и о покойномъ президентѣ; хотя онъ, также какъ и другіе, не находитъ здѣшнее пребываніе слишкомъ пріятнымъ, но говоритъ о происходившемъ въ Греціи и о лицахъ въ ней дѣйствовавшихъ безъ всякаго пристрастія.

До сихъ поръ я говорилъ вамъ, дражайшіе родители, то, чтò относилось болѣе до меня. Скажу вамъ что-нибудь о здѣшнемъ городѣ. Онъ построенъ на небольшой, выдавшейся въ заливъ, возвышенности, которая съ южной стороны или со стороны моря, составляя крутую стѣну, идетъ въ противоположное направленіе или къ Сѣверу покатостію. Къ этой возвышенности примыкаетъ огромная крутая скала, на которой построена крѣпость Паламида. Самый городъ также укрѣпленъ: съ низменной части онъ обнесенъ толстою стѣною, а съ другой стороны на высшей части находится небольшая крѣпость, называемая Ичъ-Кале. Все это труды Венеціанъ, которыхъ памятники, кромѣ стѣнъ и крѣпостей, сохраняются еще въ Наполи и состоятъ изъ нѣсколькихъ развалинъ большихъ домовъ. Судя по теперешнему состоянію города, можно тотчасъ узнать, что онъ былъ подъ Турецкимъ владычествомъ. Трудно представить неправильность его: улицы узкія, кривыя и множество Турецкихъ домовъ. Хотя теперь онъ начинаетъ понемногу поправляться, но еще много надобно времени, чтобы привести его въ положеніе порядочнаго города. Покойный президентъ сдѣлалъ для него планъ, по которому выстроены только двѣ улицы, хотя не очень широкія, но прямыя, и мостовыя въ нихъ сдѣланы укатомъ. Во всѣхъ же другихъ частяхъ города при малѣйшемъ дождѣ такая бываетъ грязь, что невозможно пройти. Со времени кончины графа Каподистріи оставлено всякое смотрѣніе за чистотою, и потому многія мѣста загромождены кучами всякаго сору, который выбрасываютъ изъ домовъ на улицы. Такъ какъ этотъ городъ расположенъ на покатомъ мѣстѣ, то изъ многихъ домовъ, особливо находящихся въ верхней части и изъ нѣкоторыхъ лежащихъ близъ самаго берега, видъ очень хорошъ. На первомъ планѣ видно море, то-есть, часть за-

лива, посреди котораго на небольшомъ островкѣ построена небольшая, но красивая крѣпостца; далѣе вся Аргосская долина съ городомъ Аргосомъ, лежащимъ подъ горою, на которой также есть крѣпость. Нѣсколько вправо, на небольшомъ и вѣроятно искусственномъ холмѣ, находятся развалины Тиринта, одного изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Греціи, состоящія теперь изъ груды огромныхъ камней, по которымъ можно только заключить о его древности, ибо камни, составляющіе остатки стѣнъ, ничѣмъ между собою не укрѣплены. Возлѣ Тиринта стоитъ недавно построенный большой домъ, гдѣ была заведена покойнымъ графомъ Каподистріей образцовая ферма: учрежденіе весьма полезное для здѣшней страны, но къ сожалѣнію существовавшее только при жизни его. Теперь самый домъ со всѣми принадлежащими къ нему строеніями совершенно разоренъ, и въ немъ едва можно найти слѣды и узнать, что это было хозяйственное заведеніе. Во время бывшихъ здѣсь въ послѣднее время междоусобій, туда приходили различныя шайки вооруженныхъ людей, прогонявшія одна другую и изъ которыхъ вѣроятно каждая имѣла участіе въ разореніи этого дома. Въ немъ нѣтъ ни оконъ, ни дверей и ничего деревяннаго кромѣ пола: все было употреблено вмѣсто дровъ. Этого еще мало: домъ былъ обнесенъ пространною деревянною рѣшеткою, и отъ нея также не осталось ни куска дерева. Къ этому надобно прибавить, что испачканныя, избитыя и поврежденныя стѣны свидѣтельствуютъ, какіе люди и съ какими намѣреніями тутъ были. По этому небольшому образцу можно имѣть приблизительное понятіе, въ какомъ положеніи находится теперь вся Греція. Но я отвлекся нѣсколько отъ предмета и позабылъ докончить вамъ видъ окрестностей Наполи. Онѣ оканчиваются Проніею, небольшимъ предмѣстіемъ Наполи, разстояніемъ отъ сего послѣдняго на четверть версты и выстроеннымъ въ послѣдніе годы, вѣроятно по случаю величайшей тѣсноты города, который окруженъ стѣнами и моремъ, и не можетъ распространяться. Всѣ описанные мною предметы расположены по Аргосской долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ гранитными горами, не покрытыми никакими произрастеніями. Голыя сѣрыя горы придаютъ видъ какой-то дикости и составляютъ большой недостатокъ красоты мѣстоположенія.

Недѣли двѣ какъ получили здѣсь достовѣрныя извѣстія о скоромъ прибытіи короля и регентовъ, которые должны пріѣхать сюда въ концѣ будущаго мѣсяца. Новое правительство прислало сюда предварительно коммиссара съ архитекторомъ, поручивъ имъ приготовить все нужное для принятія короля, и поэтому здѣсь вездѣ большія хлопоты. Для королевскаго дворца устроиваютъ тотъ самый домъ, въ которомъ жилъ президентъ, прибавляя къ нему много другихъ. Также

приготовляютъ множество домовъ для регентовъ и для свиты. Король намѣренъ въѣхать въ городъ торжественно въ сопровожденіи всего своего войска. Все это должно быть помѣщено сначала въ Наполи, и это производитъ здѣсь большія безпокойства и неудовольствія. Жители разныхъ сословій, занимающіе дома нужные или годящіеся для регентовъ, должны переходить въ другія жилища и чрезвычайно тѣсниться. Греческое правительство употребляетъ и власть, и силу, чтобы привести въ исполненіе данныя по этому случаю приказанія, но не смотря на то находитъ большія препятствія и неудобства. Мы ожидаемъ величайшихъ перемѣнъ во всѣхъ отношеніяхъ. Говорятъ, что съ королемъ пріѣдутъ сюда тридцать семействъ. Президентъ регентства графъ Армансппергъ ѣдетъ сюда также съ семействомъ, члены котораго составляютъ четыре его дочери, всѣ невѣсты—большое будетъ искушеніе!

5.

Наполи-ди-Романія, 15 (27) Января 1833 года.

Вы можетъ быть подивитесь, узнавши, что въ Греціи, въ странѣ почти еще дикой, можно выписывать книги и заводить библіотеку, какъ я намѣреваюсь это сдѣлать. Но еще болѣе должно показаться удивительнымъ то, что здѣсь въ Наполи есть библіотека Французскихъ книгъ для чтенія и для продажи, впрочемъ состоящая большею частію изъ старыхъ произведеній Французской литературы и нѣсколькихъ новыхъ романовъ. Это одно изъ тѣхъ малаго числа средствъ противъ скуки, которыхъ я не ожидалъ найти въ Греціи.

Для туземцевъ этотъ городъ вмѣщаетъ въ себѣ все что̀ нужно къ удовлетворенію ихъ ограниченныхъ потребностей; но мы, пріѣзжіе Европейцы, привыкшіе къ роскоши и болѣе взыскательные въ своихъ требованіяхъ, находимъ здѣсь крайній недостатокъ и большія затрудненія въ доставленіи себѣ различнаго рода вещей, почитаемыхъ нами необходимыми, можетъ быть, изъ одной только къ нимъ привычки. Всѣ предметы, нужные для употребленія, привозятся сюда изъ Итальянскихъ городовъ, но болѣе всего изъ Мальты. Этотъ небольшой островокъ съ своимъ городомъ сдѣлался для Греціи какъ бы ея кладовою. Но при этомъ надобно сказать, что всѣ вещи, которыя сюда привозятъ, хотя бы то было изъ самой Англіи и Франціи, самаго низкаго качества и, не смотря на это, онѣ въ четверо дороже настоящей своей цѣны. Нуждающіеся въ такихъ предметахъ принуждены бываютъ на все соглашаться, лишь бы только имѣть то, что̀ нужно, и даже спѣшатъ покупкою оныхъ, потому что привозъ сюда товаровъ со-

ставляетъ эпоху, и обыкновенно въ короткое время все бываетъ раскуплено. Если же кто желаетъ имѣть что нибудь хорошее, то непремѣнно должно нарочно выписывать чрезъ посредство небольшаго числа купцовъ, которые, принимая на себя такія порученія, не пропускаютъ случая брать за все большія деньги.

Главнѣйшее неудобство, какъ моего, такъ и всѣхъ вообще домовъ въ Наполи, состоитъ въ томъ, что они чрезвычайно холодны; ибо постройка ихъ дѣлана съ большою небрежностію, происходящею отъ неумѣнья, отъ скупости и отъ бѣдности хозяевъ. Здѣсь не дѣлаютъ двойныхъ рамъ въ окнахъ; одинокія же рамы такъ дурно устроены, что рѣдкое окно плотно закрывается и не имѣетъ въ себѣ большихъ щелей. О Голандскихъ же печахъ, кажется, вовсе не имѣютъ понятія, и здѣсь считается за величайшую роскошь, если кто имѣетъ у себя хотя одинъ желѣзный каминъ, который однакоже мало нагрѣваетъ комнату. Наиболѣе же употребляемымъ здѣсь средствомъ для содержанія въ комнатѣ теплоты служитъ *мангалъ*, какъ кажется, Турецкое изобрѣтеніе. Онъ состоитъ изъ мѣдной особеннаго вида вазы. Въ нее ставится желѣзная глубокая чашка, въ которую накладываютъ горячія уголья, согрѣвающія весьма хорошо комнату.

Чистое и свѣтлое небо, благотворная теплота солнца и особенная пріятность свѣжаго воздуха, который съ жаждою въ себя впиваешь, невольно располагаютъ человѣка къ принятію участія въ этомъ, такъ сказать, радостномъ состояніи природы. Праздники я провелъ безъ малѣйшей разницы отъ простыхъ дней и замѣчалъ ихъ потому только, что слышалъ на улицѣ больше шуму нежели обыкновенно. Греки, т. е. простой народъ, также какъ и въ нашемъ отечествѣ, также, можетъ быть, какъ и вездѣ, поставляютъ необходимою обязанностію предаваться излишней веселости, возбуждаемой не иначе, какъ виномъ. Такъ какъ здѣсь очень много такъ называемыхъ кофейныхъ, сходныхъ съ нашими харчевнями, то по всѣмъ улицамъ, особливо къ вечеру, поднимается чрезвычайный шумъ: крики веселья и нестройныя пѣсни раздаются со всѣхъ сторонъ и продолжаются до самой ночи.

Воспользовавшись однимъ изъ хорошихъ дней, я исполнилъ намѣреніе свое и съѣздилъ вторично къ развалинамъ Микенъ. Дорога къ нимъ ведущая чрезвычайно скучна, и кромѣ четырехъ или пяти небольшихъ деревень ничего другаго по ней не встрѣчаешь; но въ замѣнъ этого она очень спокойна, ибо надобно проѣхать вдоль всей Аргосской долины, занимающей большое ровное пространство. При самомъ почти началѣ горъ, окружающихъ сію послѣднюю, лежатъ означенныя развалины. Но это мѣсто вообще болѣе называется Агамемноновою гробницею, которая находится вблизи Микенъ. Я не могъ еще до-

искаться, кѣмъ дано это названіе и что̀ послужило поводомъ къ оному; но до сихъ поръ оно почитается совершенно произвольнымъ, ибо нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, чтобы тутъ былъ погребенъ царь Агамемнонъ. Какъ бы то ни было, этотъ памятникъ весьма хорошо сохранился. Онъ устроенъ на вершинѣ горы и снаружи не имѣетъ никакихъ признаковъ, такъ что можно подъѣхать къ самому мѣсту гробницы и не замѣтить чего нибудь на нее похожаго. Входъ во внутренность ея находится съ противной стороны той, съ которой подъѣзжаешь. Первый предметъ который обращаетъ на себя вниманіе, когда приблизишься ко входу, это огромной величины цѣльный камень, составляющій верхнюю часть дверей или архитравъ, имѣющій въ длину около полутора сажень и по крайней мѣрѣ одну сажень въ ширину. Внутренность состоитъ изъ большаго круглаго свода или, лучше сказать, конуса, выложеннаго темнымъ гранитомъ. Замѣчательно особенно то, что какъ сводъ, такъ и другія части гробницы не связаны никакимъ укрѣпленіемъ, а камни лежатъ выдаваясь, по мѣрѣ того какъ идутъ къ верху, нѣсколько одинъ надъ другимъ и такимъ образомъ составляя конусъ чрезвычайно правильной фигуры. Свѣтъ проходитъ чрезъ два небольшія отверстія, одно устроенное сверху, а другое съ боку подъ дверьми. На правой сторонѣ отъ входа находится другая дверь, ведущая еще въ комнату, если можно такъ назвать порядочное пространство, высѣченное въ самой горѣ и безъ всякихъ другихъ искусственныхъ прибавленій. Вообще этотъ памятникъ имѣетъ видъ подземной пещеры.

Здѣсь я имѣлъ случай видѣть одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ нынѣшняго состоянія Греціи. Я нашелъ эту гробницу наполненную людьми, женщинами и всякаго возраста дѣтьми, которые въ ней поселились. Деревня, гдѣ они жили, находящаяся неподалеку отъ этого мѣста была раззорена, и 16 семействъ принуждены были искать убѣжища въ этой гробницѣ. Приближаясь къ сей послѣдней, я проѣхалъ мимо этой деревни и дѣйствительно видѣлъ однѣ только стѣны небольшихъ домовъ и тѣ полуразрушенныя. Въ такое состояніе приведена, можетъ быть, большая половина жителей Мореи, которые, потерявъ свои имущества, должны скрываться въ ущеліяхъ горъ и пещерахъ единственно для спасенія своей жизни.

Отъ гробницы Агамемнона я пошелъ къ развалинамъ Микенъ, находящимся напротивъ ея. Это развалины въ полномъ смыслѣ слова. Остатокъ ихъ, такъ какъ и Тиринта, состоитъ большею частію изъ груды камней, расположенныхъ по вершинамъ нѣсколькихъ соединенныхъ холмовъ. По пространству, занимаемому этими развалинами, можно полагать, что это былъ обширный городъ. Между ними находятся

одни ворота наиболѣе замѣчаемыя путешественниками. Они болѣе нежели до половины отъ ихъ основанія загромождены обломками, и на виду осталась только верхняя ихъ часть. Архитравъ оныхъ примѣчателенъ, также какъ и Агамемноновой гробницы, своею огромностію; надъ ними находится большой величины треугольный камень, на которомъ высѣчены два колосальные льва, стоящіе на заднихъ лапахъ и обращенные одинъ къ другому. Верхняя часть камня отломана, и львы не имѣютъ головъ. Какъ ни великолѣпны, можетъ быть, были эти ворота въ свое время, но теперь нельзя пройти въ нихъ иначе какъ ползкомъ сквозь небольшое отверстіе, находящееся съ боку. Кромѣ этихъ воротъ я обратилъ вниманіе на уцѣлѣвшую отъ разрушенія часть стѣны, которая даетъ понятіе какъ о твердости строенія, такъ и о умѣньи строителей. Высота этого остатка теперь будетъ около трехъ саженъ. Эта стѣна, весьма ровная снаружи, составлена изъ большихъ камней гладко высѣченныхъ и плотно лежащихъ одинъ на другомъ; мнѣ показалось только страннымъ, что эти камни не всѣ ровной величины и не всѣ имѣютъ правильную фигуру четыреугольниковъ, но между тѣмъ съ величайшею точностію принаровлены одинъ къ другому.

26 Января 1833 года.

Продолжаю это письмо увѣдомленіемъ васъ о прибытіи въ Грецію короля и регентовъ, послѣ долгихъ и нетерпѣливыхъ ожиданій всего народа. За нѣсколько дней до сего получили здѣсь достовѣрныя извѣстія изъ приморскихъ городовъ Греціи, что въ виду сихъ послѣднихъ прошло множество судовъ, на которыхъ, по вѣрнымъ предположеніямъ, долженъ быть король, регенты и войско, его сопровождающее. 17-го Января во Вторникъ были завидѣны изъ крѣпости Паламиды и даже съ самаго берега, прилегающаго къ Наполи, нѣсколько судовъ въ самомъ началѣ залива. Эта вѣсть разнеслась быстро по городу. Жители спѣшили выдти на означенный берегъ и, полагая, что видѣнные корабли (никто не сомнѣвался, чтобъ это не былъ король) могутъ приплыть въ тотъ же день, оставались тамъ до самаго вечера. Между тѣмъ въ городѣ жители начали дѣлать разныя приготовленія къ принятію короля, какъ-то убирать домы лавровыми и миртовыми вѣтвями и устроивать иллюминаціи. За городомъ поправляли дороги и у въѣзда въ оный оканчивали начатыя уже за нѣсколько дней торжественныя ворота. На другой день, 18 Января, съ ранняго утра, берегъ снова усѣянъ былъ народомъ и, можно сказать, всѣмъ, который только находился въ Наполи; ибо теперь уже фрегатъ

съ королевскимъ штандартомъ находился вблизи и при небольшомъ вѣтрѣ тихо подвигался, ожидаемый, при входѣ въ рейдъ, остановившимися тутъ нѣсколькими другими мелкими судами, прибывшими немного прежде его. Какъ скоро фрегатъ довольно приблизился къ рейду, то, по данному сигналу, стоявшія наономъ военныя суда трехъ союзныхъ державъ и городская крѣпость начали салютовать пушечными выстрѣлами. Этимъ торжественно возвѣщено было о прибытіи короля. Я не въ состояніи изобразить вамъ, любезнѣйшіе родители, великолѣпія той картины, которую я видѣлъ. Королевскій фрегатъ первый вошелъ въ рейдъ и остановился между военными судами; за нимъ начали входить прочія суда вмѣстѣ прибывшія и тѣ, которыя безпрестанно продолжали приплывать. Въ короткое время все пространство рейда передъ городомъ было установлено кораблями, между которыми плавало въ различныхъ направленіяхъ множество лодокъ. Берега и крѣпостныя стѣны города были усыпаны восхищеннымъ народомъ, представлявшимъ для глазъ пріятную пестроту. Къ этому присоединить надобно свѣтлую и теплую погоду, которая была въ этотъ день, и то особенное чувство удовольствія, которое обыкновенно овладѣваетъ всякимъ человѣкомъ при подобныхъ случаяхъ.

Съ этого самаго дня пріѣхавшіе Баварцы начали выходить на берегъ и появленіемъ своимъ произвели въ городѣ большое и пріятное движеніе, которое продолжалось цѣлую недѣлю.

Наконецъ, 25 Января, король торжественно вступилъ въ Наполи-ди-Романію. Церемонія проходила мимо моего дома, и я съ немногими гостями, которые посѣтили меня по этому случаю, смотрѣлъ ее съ своего балкона. Это былъ также день всеобщей радости, увеличившейся до восторга, когда народъ увидѣлъ вблизи своего короля, какъ избавителя отъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій, привѣтствовавшаго съ благороднымъ и ласковымъ видомъ новыхъ своихъ подданныхъ, которые съ своей стороны изъявляли непритворное удовольствіе громкими соединенными восклицаніями. Вообще первое впечатлѣніе, сдѣланное королемъ, какъ на народъ, такъ и на высшій классъ Грековъ, самое благопріятное. Остается только желать, чтобы это впечатлѣніе утвердилось, и несчастная страна выведена была изъ того жалостнаго положенія, въ которомъ она пребывала. Греки еще бѣдны и даже можно сказать дики, а потому и не въ состояніи были оказать большаго великолѣпія. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація, которая продолжается всѣ три дня. Объ ней можно также сказать, что при недостаткѣ вкуса, умѣнья и денегъ, нельзя было сдѣлать много хорошаго.

6.

Наполи-ди-Романія, 14 (26) Февраля 1833 г.

Вотъ уже около мѣсяца, какъ король находится въ Наполи, и прибытіе его произвело большое вліяніе на самый городъ, но не перемѣнило нисколько нашей жизни. Мы были представлены ему на другой день въѣзда его въ городъ; но президентъ регентства, графъ Армансбергъ, на котораго мы болѣе всего надѣялись, удостоилъ насъ принять лишь нѣсколько дней назадъ, и до сихъ поръ никто изъ нашихъ, кромѣ б. Рикмана, не знакомъ еще ни съ кѣмъ изъ Баварцевъ. Вообще должно сказать, что какъ большіе чины, такъ и мелкіе, пріѣхавшіе съ королемъ, находятся въ двойныхъ хлопотахъ. Во первыхъ, каждый изъ нихъ соразмѣрно своему званію занятъ дѣломъ, а во вторыхъ, устройствомъ своихъ домовъ. Кажется, что обѣ эти причины заставляютъ ихъ жить нѣсколько уединенно. Графъ Армансбергъ успѣлъ однакоже сдѣлать у себя два танцовальныхъ вечера, гдѣ присутствовалъ король, о которомъ говорятъ, что онъ большой охотникъ до веселій, и эти вечера были даны единственно для его удовольствія. Только на второй вечеръ были званы три регента, но вообще на обоихъ вечерахъ число гостей было очень ограниченно и соразмѣрно величинѣ комнатъ, въ которыхъ живетъ графъ Армансбергъ. Между тѣмъ увѣряютъ, что онъ отдѣлываетъ другіе покои и приготовляетъ большую залу для пріема большаго числа гостей. Все это однакоже одни только слухи, и мы совершенно не знаемъ, въ какомъ отношеніи будемъ съ Баварцами. Что же касается до занятій ихъ, то можно только предполагать, что они очень озабочены, но до сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ послѣдствій ихъ кабинетныхъ трудовъ въ отношеніи устройства Греціи. И въ этомъ случаѣ, т. е. по медленности, какую они показываютъ въ дѣлахъ, они настоящіе Нѣмцы.

Въ Суботу на масляницѣ, которая Греками, и наиболѣе простымъ народомъ, празднуется въ подражаніе Италіянскимъ карнаваламъ, жители Наполи дали балъ по случаю благополучнаго прибытія августѣйшаго государя Греціи, какъ сказано было въ пригласительныхъ билетахъ. Но сказываютъ, что настоящимъ поводомъ этого праздника было изъявленное королемъ желаніе видѣть и ознакомиться съ здѣшнимъ Греческимъ обществомъ, а особливо съ дамами. Въ числѣ нашихъ Русскихъ я получилъ также билетъ на этотъ балъ, и какъ я ни былъ мало расположенъ веселиться, но любопытство превзошло мое нерасположеніе, и я пошелъ на балъ. Лилъ сильный дождь, и я, не смотря на это, натянувши парадный мундиръ, отправился по грязнымъ улицамъ пѣшкомъ, въ калошахъ и съ зонтикомъ. Впереди

шелъ мой человѣкъ съ фонаремъ. Такимъ точно образомъ собрались всѣ бывшіе на балѣ, исключая короля и графа Армансперга съ дочерьми, которые пріѣхали въ экипажахъ. Стѣны Наполи содрогнулись, услышавъ незнакомый имъ шумъ, раздавшійся, можетъ быть, въ первый разъ въ тѣсныхъ его улицахъ. Не смотря на всѣ предосторожности, я не могъ не запачкать въ грязи ногъ своихъ и не понималъ какъ сдѣлали дамы съ своими длинными платьями, что пришли не замаравши ихъ. Послѣ я узналъ (отъ самихъ дамъ), что онѣ подняли какъ можно выше низы своихъ платьевъ, надѣли сапоги своихъ мужей или братьевъ и въ такомъ положеніи пришли къ мѣсту, предохранившись отъ грязи. Хорошо, что это было ночью.

Домъ, въ которомъ данъ былъ балъ, имѣлъ прежде совсѣмъ другое назначеніе. Турки строили изъ него мечеть и сдѣлали большое и довольно хорошее по наружности зданіе, но, кажется, не успѣли его докончить. Греки устроили въ немъ городскую тюрьму вѣроятно по причинѣ прочности строенія. Въ этомъ же зданіи происходили ихъ національныя собранія и, наконецъ, ныньче тутъ данъ былъ балъ въ залѣ, которая была убрана надлежащимъ для этого случая и довольно приличнымъ для Греціи образомъ. Я вхожу въ эти подробности единственно для того, чтобы представить вамъ, какъ Греки еще бѣдны во всѣхъ отношеніяхъ, особливо въ нуждахъ, происходящихъ отъ общественной образованности.

Я пришелъ на балъ по приглашенію въ 8 часовъ, и зала была такъ наполнена народомъ, что съ трудомъ можно было пробраться въ средину. Кругомъ залы были устроены въ два ряда скамейки, занятыя уже дамами. Любопытство заставило меня обойти вокругъ залы, и я со вниманіемъ разсматривалъ дамъ, стараясь найти какое-нибудь сходство съ тѣми преданіями, которыя дошли до насъ о красотѣ Гречанокъ; но всѣ мои обозрѣнія остались безъ успѣха и, исключая немногихъ дамъ, которыя уже были мнѣ извѣстны, я почти не замѣтилъ лицъ, которыя бы могли обратить на себя вниманіе. Одежда ихъ была та самая, въ которой онѣ ежедневно ходятъ, кромѣ того, что онѣ навѣшали на себя столько бриліантовъ, сколько имѣли и сколько могли найти для нихъ мѣста. Вообще народный нарядъ здѣшнихъ женщинъ самъ по себѣ не имѣетъ ничего хорошаго; но некрасивость его еще болѣе увеличивается отъ недостатка вкуса и неумѣнья одѣваться, между тѣмъ какъ толпа мужчинъ представляла совсѣмъ другое зрѣлище. Красивая и богатая Албанская одежда, которую носятъ Греки твердой земли, перемѣшанная съ простымъ одѣяніемъ островитянъ и со множествомъ Европейскихъ мундировъ разныхъ націй, представляла

пріятное для глазъ однообразіе. Въ половинѣ десятаго часу услышали въ залѣ происходившія на улицѣ восклицанія, возвѣщавшія пріѣздъ короля. Когда онъ вошелъ въ залу, то встрѣченъ былъ тѣми же восклицаніями находившихся тутъ Грековъ, которые къ этому изъявленію радости присоединили еще рукоплесканія. Хотя я находился не въ родной землѣ, между чуждымъ народомъ и въ королѣ видѣлъ нѣкоторымъ образомъ постороннюю для меня особу, но, не смотря на это, чувствовалъ большое удовольствіе, смотря на его пріятное лице, проникнутое выраженіемъ радостной и откровенной улыбки, которая въ молодомъ царѣ столь же хорошій признакъ, какъ (позвольте поэтическое сравненіе) прекрасная заря въ лѣтнее утро, обѣщающая хорошій день.

Вскорѣ по прибытіи короля начались танцы и открыты были, какъ водится въ Европѣ, польскимъ. Король прошелъ только одинъ кругъ этого танца и потомъ во все время оставался зрителемъ. Тутъ желающіе предались удовольствію. Я находилъ его въ томъ, что смотрѣлъ на другихъ, не имѣвши ни малѣйшаго ни желанія, ни расположенія перемѣнить или умножить его принятіемъ участія въ танцахъ. Въ нихъ было важное помѣшательство—это величайшая тѣснота, происходившая отъ множества народа, которымъ наполнена была зала. Вообще можно сказать про этотъ балъ, что онъ отвѣчалъ въ полной мѣрѣ настоящему положенію Греческой націи. Тутъ видно было много желанія, даже усердія; но ощутительный недостатокъ во многихъ предметахъ какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ отношеніи, т.-е. бѣдность и необразованность, поставляли непреодолимыя препятствія къ произведенію чего-нибудь лучшаго. Не знаю, долго ли продолжались танцы оставшихся тутъ охотниковъ попрыгать; но я пробылъ не долѣе полуночи и ушелъ вскорѣ послѣ отбытія короля. Такъ кончился этотъ балъ, котораго я ожидалъ и желалъ видѣть съ нетерпѣніемъ. Онъ удовлетворилъ моему любопытству, но не принесъ никакого удовольствія и не оставилъ по себѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія. Вотъ что̀ значитъ быть на чужбинѣ.

Въ этотъ же день нашъ адмиралъ давалъ небольшой обѣдъ для небольшаго числа Русскихъ, которые здѣсь находятся. Онъ звалъ насъ на блины, и это было для меня гораздо пріятнѣе бала, потому что напоминало Русское обыкновеніе и нашу масляницу. Я не помню, чтобы я писалъ вамъ, дражайшіе родители, что-нибудь объ адмиралѣ Рикордѣ. При этомъ случаѣ скажу вамъ, что онъ пребываніемъ своимъ здѣсь доставляетъ Русскимъ много удовольствія, исполняя по возможности съ точностію отечественные обычаи. Всякій большой праздникъ, церковный или царскій, мы собираемся къ нему на фрегатъ слу-

шать обѣдню и принести ему поздравленія. Можетъ быть, въ Россіи это было бы многимъ въ тягость; но здѣсь, въ отдаленіи отъ родной страны, такія обыкновенія имѣютъ особенную пріятность, собирая всѣхъ Русскихъ вмѣстѣ. Греки, приверженные къ Россіи, особенно его уважаютъ за многія пособія, которыя онъ имъ оказываетъ какъ въ званіи Русскаго адмирала, такъ и въ качествѣ частнаго человѣка; жаль только, что въ первомъ случаѣ желаніе его сдѣлать добро превосходитъ иногда должныя границы и иногда не совсѣмъ бываетъ удачно въ послѣдствіяхъ. Въ другомъ же случаѣ достоинства его неотъемлемы, и ими-то всего болѣе онъ успѣлъ снискать привязанность всѣхъ Грековъ, особенно тѣхъ, которые были привержены къ покойному президенту. Изъ многихъ примѣровъ приведу вамъ одинъ, который показываетъ вниманіе его къ Грекамъ и умѣнье дѣлать добро съ нѣкоторою пользою. Здѣсь находится небольшой остатокъ церковныхъ пѣвчихъ, которые составляли весьма хорошій хоръ при графѣ Каподистріи. Большая половина ихъ разбѣжалась, а остальные едва имѣютъ кусокъ насущнаго хлѣба. Адмиралъ узналъ про ихъ бѣдное положеніе и, желая пособить имъ, онъ заставилъ ихъ пѣть обѣдню, которую приказалъ служить своему священнику и въ Греческой церкви. Между тѣмъ онъ не позабылъ дать знать объ этомъ всѣмъ Русскимъ, чтобы они могли имѣть случай быть у обѣдни. Вы можете себѣ представить, что я не пропустилъ этого случая и былъ весьма имъ доволенъ. Служба отправлялась на Славянскомъ, а пѣніе было на Греческомъ языкѣ, и въ особенности надобно прибавить еще то, что священникъ при поминаніи всей нашей императорской фамиліи помянулъ также царя Греціи Оттона. Здѣсь я имѣлъ случай увидѣть, какъ мало благочинія въ Греческихъ церквахъ и какъ народъ, кажется, мало понимаетъ святость мѣста, въ которомъ онъ находится. Кромѣ того что всѣ Греки во время службы стоятъ въ своихъ красныхъ скуфейкахъ, но и тѣ, которые носятъ Европейское платье надѣваютъ шляпы свои тотчасъ по окончаніи службы, не выходя еще изъ церкви.

Во время проѣзда моего, на возвратномъ пути изъ Аѳинъ, черезъ Поросъ, адмиралъ Рикордъ, который въ то время имѣлъ тамъ свое пребываніе, приглашалъ меня пріѣхать къ нему на праздники. Но б. Рикманъ съ другими гг. резидентами отправился въ концѣ 5-й недѣли поста въ Негропонтъ для участвованія при сдачѣ Баварскимъ войскамъ крѣпостей этого острова, которыя до сихъ поръ находились въ рукахъ Турокъ. Отъѣздъ барона былъ препятствіемъ къ исполненію моего намѣренія.

Приближеніе праздниковъ оказалось тѣмъ, что красныя яица, также какъ и у насъ, появились въ лавкахъ; но этого движенія, этого

всеобщаго безпокойства и пріятныхъ хлопотъ, которыя всегда бываютъ предъ приближеніемъ веселья, какъ то видно у насъ въ Петербургѣ, здѣсь вовсе не было. Греки ограничивались тѣмъ, что таскали въ свои дома купленныхъ ими ягнятъ, которыми они должны были разговѣться. Наканунѣ Воскресенья во многихъ мѣстахъ по городу видно было множество крови; ибо всѣ ягнята были зарѣзаны, а Греки мало безпокоились о томъ, чтобы выбрать для этого мѣсто гдѣ-нибудь въ сторонѣ и потому рѣзали ихъ и приготовляли гдѣ попало. Желая, чтобы этотъ праздникъ хотя сколько-нибудь походилъ на тѣ, которые я проводилъ до сихъ поръ, я заказалъ себѣ пасху и куличъ, объ чемъ Греки не имѣютъ понятія; но куличъ мой, съ виду весьма хорошій и большой, былъ совершенно сырой и весьма дурно испеченъ; пасха же сдѣлана была изъ творогу козьяго, овечьяго, или можетъ быть и ослинаго молока и имѣла такой непріятный вкусъ, что ее невозможно было ѣсть. Между тѣмъ мнѣ удалось видѣть здѣсь церковную церемонію, которая обыкновенно бываетъ въ Великую Суботу по утру. Наканунѣ этого дня баронъ поручилъ мнѣ одно дѣло, которое я долженъ былъ исполнить въ самомъ скоромъ времени, и потому принужденъ былъ работать ночью. Въ 4 часа поутру, продолжая свое занятіе, я вдругъ услышалъ издали звуки музыки и потомъ шумное движеніе на улицѣ отъ ходившаго безпрестанно народа. Музыка становилась явственнѣе, и я вышелъ на балконъ, чтобъ узнать, откуда она происходила. Я живу не подалеку отъ здѣшней каѳедральной церкви, и въ этой сторонѣ раздавались звуки. Немного спустя я увидѣлъ, какъ народъ сталъ выходить съ зажженными свѣчами изъ той улицы, гдѣ находится церковь. Я тотчасъ догадался, что это долженъ быть обрядъ погребенія тѣла Христова и не ошибся; только музыка меня нѣсколько удивила. Процессія прошла мимо моего дома. Ей предшествовали нѣсколько мальчишекъ, которые изо всей мочи и въ разные голоса кричали *Киріе Елейсонъ* (Господи помилуй); они дурачились, шалили своими свѣчами, и никто не думалъ ихъ унимать. Въ нѣкоторомъ за ними разстояніи, занятомъ народомъ, шла Баварская военная музыка, играя довольно веселый маршъ; потомъ слѣдовало духовенство, состоявшее изъ двухъ священниковъ, стольких же дьяконовъ и одного архіерея, за которыми несена была плащаница. Она устроена совсѣмъ иначе нежели у насъ. Величина ея была около двухъ аршинъ въ длину и аршинъ въ ширину, и она имѣла наружное сходство съ нашими амвонами, т. е. сдѣлана была небольшими ступеньками, которыхъ было около пяти или шести; на нижней ступенькѣ были поставлены кругомъ весьма часто горѣвшія свѣчи, а верхняя часть была осыпана цвѣтами. По обѣимъ сторонамъ плащаницы

шли два ряда Баварскихъ солдатъ, которые не допускали бывшій тутъ во множествѣ народъ близко къ ней подходить и около нея толпиться. Въ этомъ порядкѣ церемонія прошла по нѣкоторымъ улицамъ и возвратилась въ церковь. Мнѣ показалось замѣчательно то, что въ этой церковной церемоніи участвовали Баварцы. Должно полагать, что это было сдѣлано для того, чтобы показать народу, что религія Грековъ и церковные ихъ обряды будутъ покровительствуемы Баварцами, не смотря на различіе вѣръ. Вообще же должно сказать, что въ исполненіи обрядовъ Греческой церкви нѣтъ къ сожалѣнію никакого благолѣпія, въ чемъ я могъ еще болѣе удостовѣриться въ первый день праздника и видѣть, въ какомъ упадкѣ находится здѣсь церковь.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья барону дали знать, что король будетъ у обѣдни въ этотъ день, и мы, какъ единовѣрцы Грековъ, были приглашены при оной присутствовать. Поутру въ Воскресенье къ 8-ми часамъ мы собрались всѣ у барона (который, между прочимъ сказать, принималъ всѣхъ по обычаю Русскихъ, т. е. со всѣми нами цѣловался) и съ нимъ пошли въ церковь. Тамъ было уже все готово къ принятію короля. Пять архіереевъ сидѣли во всемъ облаченіи, не подалеку отъ иконостаса. Только одни они были прилично одѣты, священники же и дьяконы, которыхъ число было чрезвычайно мало въ сравненіи съ числомъ архіереевъ, имѣли на себѣ самыя бѣдныя ризы, сдѣланныя изъ бѣлой холстины и изъ ситцу и весьма изношенныя. Отъ входа въ церковь до половины стояли въ два ряда, по одному на каждой сторонѣ, воспитанники здѣшняго военнаго училища. Они были въ киверахъ и съ ружьями. Церковь была полна народомъ, и при этомъ случаѣ я могъ замѣтить большую уже перемѣну къ лучшему, т. е. что всѣ находившіеся въ церкви, кромѣ воспитанниковъ, были съ открытыми головами. Послѣ прибытія короля, который былъ встрѣченъ духовенствомъ на паперти и которому воспитанники отдали военную почесть, началась обѣдня. Но во время службы были такія вещи, которыя меня очень удивили. Напримѣръ, при важнѣйшихъ мѣстахъ обѣдни, какъ-то во время чтенія Евангелія, большаго выхода и проч., воспитанники по громогласной командѣ ихъ офицера дѣлали на караулъ и сильно стучали своими ружьями. Въ этомъ состояла ихъ молитва. Послѣ пѣнія: *Отче Нашъ*, архіерей благословляетъ народъ. Царскія двери въ это время не были затворены, но были закрытыя завѣсою, и совершавшій служеніе архіерей, не показываясь самъ, просунулъ съ боку руку, и такимъ образомъ осѣнилъ предстоящихъ. По окончаніи обѣдни тотъ-же архіерей, прочитавъ отпускъ съ крестомъ въ рукахъ, вдругъ поднялъ вверхъ руку, закричалъ:

Зита! (да здравствуетъ или ура), и весь народъ бывшій въ церкви нѣсколько разъ повторилъ этотъ крикъ. Это хорошо, но только, кажется, вовсе не у мѣста. Главнѣйшее же было то, что архіерей, вѣроятно боясь утомить короля, пропустилъ по крайней мѣрѣ третью часть службы, выпустивъ всѣ эктиньи и многія другія мѣста. Хотя я и не понимаю по-гречески, но зная обѣдню и слѣдуя за ходомъ ея служенія, я не могъ сего не замѣтить.

7.

Наполи-ди-Романія, 10 (22) Мая 1833 г.

Графъ Армансъпергъ, президентъ регенціи, какъ первое лицо въ Греціи и имѣющій семейство, служитъ центромъ всѣхъ собраній и всѣ балы взялъ какъ будто на монополію. Вы вѣрно удивитесь и, можетъ быть, погнѣваетесь на меня, если я вамъ скажу, что я до сихъ поръ не знакомъ съ графинею Армансъпергъ и не бываю у нихъ въ домѣ. Но объясню вамъ причины этого. Чиновники нашей миссіи были представлены ей въ то время, какъ я находился въ Аѳинахъ, и въ это же время начались у нея балы и собранія. Когда же я пріѣхалъ въ Наполи, то мнѣ тотчасъ про нихъ разсказали и, по общему мнѣнію, всѣ отзывались объ нихъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ. На эти балы приглашаемы были безъ разбора всѣ Греки, и между ними находились такія лица, которыя однимъ именемъ своимъ наводятъ ужасъ. Одинъ изъ нихъ извѣстный разбойникъ Грива, который, побывавши на балѣ у графа Армансперга, гдѣ онъ былъ особенно хорошо принятъ и танцовалъ съ старшею его дочерью, вскорѣ послѣ того посаженъ въ крѣпость за сдѣланное имъ въ самомъ недавнемъ времени убійство. Другой, по музыкальнымъ своимъ дарованіямъ, бывъ часто приглашаемъ къ графу Армансъпергу на небольшіе музыкальные вечера и принимаемъ съ величайшимъ вниманіемъ, также недавно посаженъ въ крѣпость, будучи уличенъ въ намѣреніи отравить свою жену. Каково же встрѣчаться въ обществѣ съ такими людьми и еще видѣть, что они тутъ одни изъ первыхъ! Наконецъ, къ этому надобно прибавить, что нашихъ (т.-е. Русскихъ) принимаютъ весьма дурно. Сюда уже вмѣшались политическія отношенія. Графъ Армансъпергъ, по наущеніямъ непріязненныхъ намъ лицъ, смотритъ на Россію совсѣмъ съ противной стороны, нежели бы должно было, и отъ этого, даже въ частныхъ сношеніяхъ съ нами, обходится очень сухо, между тѣмъ какъ противники наши торжествуютъ. Все это вмѣстѣ взятое сдѣлало то, что я, получивъ невыгодное понятіе объ обществѣ гра-

фини Армансбергъ, потерялъ совершенно желаніе быть въ числѣ ея гостей. Я не торопился просить барона, чтобы онъ представилъ меня къ ней, а баронъ самъ не находилъ особенно нужнымъ, чтобы я посѣщалъ ея домъ.

Назадъ тому нѣсколько недѣль, мы узнали, что изъ Италіи отправился пароходъ, на которомъ находилось много путешественниковъ и котораго единственная цѣль была проѣхать по Средиземному морю и Архипелагу, зайти въ Грецію, потомъ въ Константинополь и возвратиться назадъ въ Неаполь. Мы узнали также, что въ числѣ путешественниковъ были Русскіе и Баварскій наслѣдный принцъ, старшій братъ здѣшняго короля. 29-го Апрѣля, въ Суботу прибылъ сюда пароходъ и внезапно распространилъ въ Наполи удивительную живость, которая сохранялась во все время его здѣсь пребыванія. Русскіе путешественники были баронъ Ганъ, тотъ самый, который служилъ у насъ въ министерствѣ и былъ послѣ губернаторомъ въ одной изъ Остзейскихъ губерній, его жена, маленькій ихъ сынъ, и нѣкто г. Вольфъ, молодой человѣкъ. Баронъ Рикманъ немедленно пригласилъ ихъ къ себѣ, а тутъ и я съ ними познакомился. Кромѣ этихъ лицъ б. Рикманъ пригласилъ также Голандскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Моллеріуса, который пріѣхалъ сюда съ поздравленіемъ отъ своего короля къ здѣшнему, находясь между тѣмъ въ числѣ путешественниковъ и съ которымъ б. Ганъ былъ въ короткомъ сношеніи. Когда я былъ представленъ сему послѣднему, то онъ тотчасъ узналъ меня, найдя большое сходство съ вами, любезнѣйшій папинька. Это было большимъ шагомъ къ нашему знакомству, и мнѣ казалось, что я какъ будто былъ давно уже съ нимъ знакомъ. Нужно ли упоминать вамъ, что мы весьма часто и много говорили съ нимъ про наше министерство, про общихъ нашихъ знакомыхъ и про Петербургъ? Я очень скоро познакомился съ баронессою Ганъ и нашелъ, что она была одна изъ тѣхъ женщинъ, исполненныхъ неподдѣльной любезности и ума, приличнаго ихъ полу, которыя этими качествами производятъ надъ нами истинное очарованіе. Она произвела на всѣхъ, которые съ нею познакомились, одинаковое впечатлѣніе, и нашъ важный баронъ Рикманъ, который чрезвычайно разборчивъ въ этомъ отношеніи, въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ ея отъѣзда, отдавалъ похвалы ея любезности, говоря, что и въ Италіи и въ Германіи, онъ немного встрѣчалъ дамъ ей подобныхъ. Наши гости оставались у барона цѣлый день, и мы должны были ихъ увѣдомлять, что достойнаго вниманія находить въ окрестностяхъ Наполи, дабы они могли то осмотрѣть, и тутъ положено было съѣздить въ Аргосъ и къ развалинамъ Микенъ. Это все богатство, чѣмъ мы, жители Наполи, можемъ

подчивать прiѣзжающихъ къ намъ съ разныхъ сторонъ любопытныхъ. Наши разсказы о Грецiи казались прiѣзжимъ весьма занимательными, и при всякомъ названiи какого-нибудь неизвѣстнаго мѣста или лица, баронесса Ганъ обращалась къ Моллерiусу со словами: M-r Mollerius, marquez, je vous prie, cela, и тотъ съ важностiю и любопытствомъ путешественника вынималъ свою книжку и вписывалъ. Разговоръ, по большой части общiй, происходилъ съ величайшею живостiю. Мы не уставали говорить, а гости насъ слушать и дѣлать намъ новые вопросы. Они же съ своей стороны сообщали намъ разныя приключенiя во время ихъ пути. На пароходѣ ихъ находилось около 70 человѣкъ пассажировъ, и въ этомъ числѣ, исключая Португальцевъ, были люди всѣхъ Европейскихъ нацiй, а между единоземцами лица разныхъ партiй; но, не смотря на такое разнообразiе, всѣ были между собою въ величайшемъ согласiи; Голандцы были въ мирѣ съ Бельгiйцами, Карлисты были въ дружбѣ съ Конституцiонистами, Торiи не спорили съ Вигами. Такимъ образомъ прошелъ первый день прiѣзда нашихъ соотечественниковъ, и это былъ первый день, который я провелъ въ Грецiи истинно прiятно. На другой день наши прiѣзжiе и многiе другiе путешественники представлялись королю, а мы т.-е. весь дипломатическiй корпусъ, наслѣдному Баварскому принцу. Въ этотъ же вечеръ графъ Армансъпергъ давалъ балъ, и съ этого времени каждый день были новыя увеселенiя. На третiй день былъ концертъ, на четвертый опять балъ у Армансперга, на пятый обѣдъ у него же и, наконецъ, на шестой балъ данный городомъ, а на седьмой день пароходъ отплылъ изъ Наполи для дальнѣйшаго продолженiя своего пути. Всѣ эти увеселенiя, разумѣется, дѣланы были болѣе для прiѣзжаго принца, который кромѣ ихъ имѣлъ еще другiя, состоявшiя въ ежедневныхъ и продолжительныхъ прогулкахъ съ королемъ, по всѣмъ близъ лежащимъ отъ Наполи мѣстамъ.

На третiй день мы также исполнили преднамѣренную нами поѣздку за городъ. Въ 8 часовъ по утру мы отправились въ путь въ двухъ коляскахъ. Въ первой, которая принадлежала нашему барону и была вывезена въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ онъ ее получилъ изъ чужихъ краевъ (чему есть болѣе года) поѣхали баронесса Ганъ, здѣшнiй Англiйскiй министръ и самъ баронъ. Вторая коляска была наемная, появившаяся здѣсь уже около мѣсяца, и въ нее сѣли г. Ганъ, г. Моллерiусъ, г. Вольфъ и я.

Послѣ этого дня офицеры нашего фрегата, стоявшаго въ это время на здѣшнемъ рейдѣ, давали для прiѣзжихъ большой обѣдъ, на который приглашены были всѣ береговые Русскiе. Даже и наши моряки, которые хотя по большой части прекрасные и предобрые люди,

но живущіе всегда на бакѣ или на шканцахъ и любящіе разговаривать только про свои марсели, да бомбрамсели, даже и тѣ были восхищены любезнымъ обхожденіемъ г-жи Ганъ *).

8.

Наполи-ди-Романія, 20 Іюня (2) Іюля 1833 года.

Завтра оставляетъ насъ б. Рикманъ. Онъ ѣдетъ отсюда въ Константинополь, гдѣ будетъ ожидать отъ министерства дальнѣйшихъ о себѣ приказаній. Я долженъ сказать вамъ, что я очень сожалѣю объ немъ, какъ о весьма достойномъ во многихъ отношеніяхъ человѣкѣ. Почти вся наша эскадра также отплываетъ отсюда. Здѣсь остаются только два брига, которые должны будутъ содержать постоянное сообщеніе между Греціею и Константинополемъ. Отъѣздъ нашей эскадры въ Черное, а не въ Балтійское море, разрушилъ много моихъ плановъ. Въ послѣднемъ случаѣ я намѣревался послать къ вамъ довольное количество пріобрѣтенныхъ мною здѣсь разныхъ предметовъ. Я говорю о древностяхъ, которыхъ я успѣлъ сдѣлать небольшое собраніе, состоящее изъ лампъ и небольшихъ вазъ, которыя древними употреблялись при погребеніяхъ. Они собирали свои слезы въ эти сосудцы и ставили ихъ въ гробницы съ зажженными лампами. Какъ тѣ, такъ и другія сдѣланы изъ красной глины и различаются наружнымъ видомъ, величиною и изображеніями, на нихъ находящимися. Эти изображенія весьма сходны съ тѣми, которыя мы обыкновенно называемъ Этрускою живописью, съ тою разницею, что сія послѣдняя, сколько мнѣ случалось видѣть, имѣетъ изображенія краснаго цвѣта на черномъ полѣ, а въ древностяхъ Греческихъ по красному полю черныя изображенія. Въ моемъ собраніи, которое простирается до 25 штукъ, я имѣю двѣ вазы весьма хорошо сохранившіяся съ изображеніемъ фигуръ. Смотря по различію ихъ формъ и отдѣлки, должно заключить, что онѣ употреблялись людьми по состоянію ихъ богатства. Въ послѣдніе годы ихъ находили болѣе всего на островѣ Эгинѣ, гдѣ я дѣйствительно видѣлъ въ одномъ мѣстѣ глубокія ямы, вырытыя единственно для поисковъ. Лѣтъ пять тому назадъ подобнаго рода древнихъ вещей можно было доставать множество за самую малую цѣну; но теперь или отъ уменьшенія ихъ количества, или отъ того, что Греки увидѣли, съ какою радостію Европейцы ихъ ищутъ и покупаютъ, онѣ чрезмѣрно вздорожали.

---

*) Баронесса Елена Андреевна Ганъ (сестра генерала Ѳадѣева и мать Е. П. Блавацкой) скончалась 27 л. отъ роду. Это извѣстная писательница „Зинаида Р“. П. Б.

Сегодня вечеромъ я отправляюсь вмѣстѣ съ барономъ Рикманомъ на фрегатѣ *Анна* до Пороса, а оттуда уже легко добраться до Аѳинъ. Теперь въ Наполи царствуетъ ужасная пустота. Король снова оставилъ нашъ городъ, чтобы проѣхать по островамъ, гдѣ онъ долженъ видѣться съ братомъ своимъ. Регенты отправились для соединенія съ королемъ и, наконецъ, графиня Армансперъ также недавно уѣхала отсюда съ своими дочерьми. Мы получили здѣсь извѣстіе, что она находится въ Поросѣ и пируетъ тамъ съ адмираломъ, который вѣроятно употребляетъ всѣ способы, чтобы пребываніе графини въ Поросѣ сдѣлать пріятнымъ. Уже около мѣсяца какъ наступили здѣсь тѣ несносные жары, о которыхъ почти съ ужасомъ говорятъ всѣ иностранцы, жившіе и живущіе въ Греціи.

9.

Наполи-ди-Романія, 20-го Іюня (2-го) Іюля 1833 года.

21-го Іюня вечеромъ мы снялись съ якоря и послѣ благополучнаго переѣзда прибыли въ Поросъ на другой день. Нашъ приходъ дополнилъ оставшуюся еще въ Греціи эскадру нашу, состоявшую изъ двухъ фрегатовъ и двухъ бриговъ, и которую адмиралъ Рикордъ съ намѣреніемъ собралъ, чтобы передъ отъѣздомъ своимъ въ Россію дать послѣдній праздникъ по случаю наступившаго дня рожденія Государя.

Островъ Поросъ или, какъ другіе называютъ, Поро, самъ по себѣ не имѣетъ ничего достопримѣчательнаго и представляетъ только голыя скалы, какъ и большая часть видѣнныхъ мною островоъ въ Греціи. Во внутренности его, и то въ немногихъ мѣстахъ, есть положенія довольно пріятныя, украшенныя зеленью; но они скрыты за горами, не заселены и потому кромѣ самыхъ любопытныхъ путешественниковъ никѣмъ не посѣщаются. Говорить ли вамъ, что на одной изъ вершинъ Пороссихъ находился когда-то храмъ, посвященный Демосѳену, въ которомъ положенъ былъ прахъ сего мужа, изгнаннаго изъ Аѳинъ? Можете представить, что́ сдѣлалось съ самымъ прахомъ, когда и храмъ превратился въ ничто, т.-е. въ разбросанные куски каменьевъ, между которыми нынѣ едва можно замѣтить основаніе какого-то зданія. Я посѣщалъ это мѣсто еще во время перваго моего путешествія. О городѣ можно только сказать, что есть городъ. Но главнѣйшая достопримѣчательность заключается не въ самомъ Поросѣ, а на противоположномъ берегу, называемомъ Морейскимъ. На этомъ берегу, не доѣзжая немного до того мѣста, гдѣ на проти-

вулежащей сторонѣ стоитъ городъ, находится прекраснѣйшая роща лимонныхъ деревьевъ. Греція, кажется, вообще не можетъ похвалиться большимъ количествомъ красивыхъ мѣстоположеній; но сколько бы ихъ ни было, эта роща всегда будетъ первымъ мѣстомъ по своей пріятности. Она занимаетъ большое пространство вдоль по Морейскому берегу, усыпанному холмами, возвышающимися по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ моря и оканчивающимися довольно высокими горами. Всѣ эти холмы усѣяны лимонными деревьями, которыя невысоки, но такъ густы и такъ часто находятся одно отъ другаго, что издали представляютъ видъ кустарниковъ, покрытыхъ яркимъ, всегда свѣжимъ цвѣтомъ зелени. Такой видъ имѣетъ эта роща снаружи, когда подъѣзжаешь къ ней со стороны моря. Внутренность же ея заключаетъ въ себѣ неисчислимыя красоты и пріятности. Густота и чаща деревьевъ, не пропуская палящихъ лучей солнца, сохраняетъ всегдашнюю прохладу, растворенную запахомъ листьевъ; множество извилистыхъ тропинокъ, проходящихъ по рощѣ въ разныхъ направленіяхъ и изъ которыхъ многія весьма сходны съ обдѣланными садовыми дорожками, доставляютъ полное удобство для прогулки. Переходы съ одного холма на другой открываютъ безпрестанно разнообразные виды. Однимъ словомъ, это прекраснѣйшій садъ, который, кажется, устроенъ самою природою; рука же человѣческая, можетъ быть, съ того времени, какъ насадила эту рощу, не прилагала объ ней никакого ни попеченія, ни улучшенія, и нынѣ только трудится надъ собираніемъ плодовъ, которые поспѣваютъ два раза въ годъ, весною въ Февралѣ и Мартѣ и осенью въ Октябрѣ и Ноябрѣ и при томъ съ такимъ изобиліемъ, что во время сбора самая земля покрыта бываетъ лимонами, сбрасываемыми вѣтромъ и оставляемыми безъ вниманія, какъ негодные къ употребленію.

Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Поросъ, я переѣхалъ жить вмѣстѣ съ Рашетомъ въ городъ, гдѣ мы нашли квартиру и въ которой только проводили ночи. Мы имѣли свой экипажъ, т.-е. прекрасную четырехъвесельную лодку, на которой разъѣзжали по заливу съ одного судна на другое, иногда для удовольствія, иногда же по дѣламъ службы. По вечерамъ всѣ собирались на адмиральскій фрегатъ, гдѣ каждый день передъ зарей играла музыка.

Поутру 25 го Іюня мы поѣхали на адмиральскій фрегатъ, откуда отправились въ монастырь къ обѣднѣ. Почти вмѣстѣ съ нами пріѣхали Катакази, жившій во время пребыванія своего въ Поросѣ на бригѣ «Аяксѣ» и баронъ Рикманъ, у котораго былъ въ распоряженіи фрегатъ «Анна». Всѣ офицеры и множество матросовъ были уже въ монастырѣ, ожидая адмирала, по пріѣздѣ котораго началась служ-

ба. По окончаніи же обѣдни и молебна, когда мы вышли изъ церкви, была произведена пушечная пальба со всѣхъ четырехъ судовъ. Посмотрѣвши на это зрѣлище, адмиралъ и наши начальники отправились на свои суда; за ними поѣхали остальные катера, шлюпки и другія лодки, украшенныя всѣ Русскимъ военнымъ флагомъ, различныя и по величинѣ, и по виду, и по названіямъ, и которыхъ число простиралось по крайней мѣрѣ до сорока. Прекрасно было видѣть, когда они отплыли отъ берега и по гладкой поверхности моря, усыпаннаго отблесками лучей блиставшаго солнца, разъѣзжались въ разныя стороны, каждая къ своему кораблю. Насмотрѣвшись и налюбовавшись на все это, я отправился съ Рашетомъ домой, въ ожиданіи часа, когда надобно было опять ѣхать на большой обѣдъ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря, на берегу, находится небольшое ровное мѣсто. Тутъ устроена была изъ разноцвѣтныхъ флаговъ красивая палатка, въ которой накрытъ былъ огромный столъ. Съ первыми бокалами, выпитыми за здоровье Государя, при пушечной пальбѣ со всѣхъ 4 судовъ, разлилось и первое движеніе, означающее веселость. За этимъ первымъ тостомъ послѣдовали другіе: за здоровье адмирала, Катакази и барона Рикмана, и каждый тостъ сопровождался выстрѣлами. Адмиралу салютовалъ фрегатъ его «Княгиня Ловичь», Катакази два остающіеся здѣсь брига, а барону Рикману фрегатъ «Анна». За симъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ прочиталъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей письмо къ адмиралу, въ которомъ выражена была ихъ признательность за отличное начальствованіе надъ ними. Громкое и единогласное ура, раздавшееся въ палаткѣ при окончаніи чтенія этого письма, служило какъ бы свидѣтельствомъ, въ истинѣ того, что̀ было изъяснено на бумагѣ. Адмиралъ, давши умолкнуть радостному восклицанію, въ честь его произведенному, обратился къ офицерамъ и въ выраженіяхъ исполненныхъ чувства, съ радостными слезами на глазахъ, благодарилъ ихъ съ своей стороны за хорошее ихъ служеніе и чувство привязанности, которыя они показывали ему во всѣхъ случаяхъ.

Вскорѣ послѣ обѣда зажженъ былъ небольшой щитъ съ прозрачнымъ вензелемъ Государя и горѣлъ до конца праздника. Вмѣстѣ съ этимъ начали пускать потѣшные огни, что̀ продолжалось также во весь вечеръ.

По пріѣздѣ нашемъ сюда, мы узнали, что регентство рѣшилось перемѣнить свое мѣстопребываніе и въ началѣ будущаго года переѣхать въ Аѳины, гдѣ и учредить столицу королевства. Планъ для новаго города утвержденъ, и составлены съ тамошними жителями условія, на которыя регентство намѣревается перемѣститься; но пред-

ложенныя онымъ условія, какъ говорятъ, такъ стѣснительны для Аѳинянъ, что врядъ-ли они согласятся ихъ принять. Регентство же не иначе хочетъ избрать столицею Аѳины, какъ съ большими со стороны жителей пожертвованіями, грозя въ случаѣ ихъ отказа назначить столичнымъ городомъ Коринѳъ.

Недавно прибылъ къ намъ сюда изъ Россіи архимандритъ о. Иринархъ, который назначенъ для служенія при учреждаемой при нашей миссіи церкви. Онъ долженъ быть вамъ извѣстенъ, ибо онъ долгое время находился при миссіи нашей во Флоренціи. Благочестивъ, уменъ, образованъ, имѣя прекрасное образованіе и привлекательную наружность, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества, чтобы быть достойнымъ своего сана. Онъ исполнилъ и другую обязанность, въ которой успѣлъ показать себя съ выгодной стороны, написавъ замѣчанія на постановленіе здѣшняго правительства о независимости Греческой церкви. Вамъ я полагаю еще неизвѣстно, что нынѣшнее правительство (замѣтьте католическое), между прочими своими Нѣмецкими мудростями, признало за нужное отдѣлить здѣшнюю церковь отъ Константинопольской, т. е. ему не хотѣлось, чтобы Греческое духовенство было подвластно патріарху. Оно созвало по этому случаю соборъ изъ Греческихъ архіереевъ, которые, какъ старые козлы, утвердили это раздѣленіе, признавъ главою церкви короля Оттона и учредивъ свой Синодъ. Вообще дѣла Греціи идутъ довольно плохо.

10.

Навплія, 15 (27) Ноября 1833 г.

Пріѣздъ сюда молодаго князя Ливена всѣмъ намъ очень былъ пріятенъ, ибо онъ привезъ намъ много изустныхъ новостей изъ отечества. Это уже второе лице, которое, подъ предлогомъ курьерскимъ, пріѣзжаетъ посмотрѣть Грецію. Мы бываемъ очень рады подобнымъ гостямъ и желали бы почаще видѣть ихъ въ нашей глуши, ибо они пріятно разнообразятъ нашу уединенную жизнь; но къ сожалѣнію Русскіе путешественники здѣсь весьма рѣдки. Мѣсяца два тому назадъ пріѣзжалъ къ намъ секретарь Минхенской нашей миссіи, г. Тютчевъ *), человѣкъ весьма порядочный. При отъѣздѣ его отсюда, поручилъ онъ мнѣ переслать къ вамъ небольшую посылочку, въ красномъ сафьянномъ ящичкѣ, но не приложилъ къ ней письма, желая тѣмъ сдѣлать вамъ нечаянность.

*) Поэтъ Ѳедоръ Ивановичъ. П. Б.

11.

Навплія, 2 (14) Декабря 1833 г.

Калержи, котораго я осмѣливаюсь поручить вашему благосклонному пріему, можетъ поразсказать вамъ довольно, какъ вообще о Греціи, такъ и обо мнѣ собственно, ибо онъ былъ со мною довольно хорошо знакомъ. Онъ уѣзжаетъ изъ Греціи, во первыхъ, для исправленія своихъ дѣлъ, надѣясь въ этомъ случаѣ на помощь своего двоюроднаго брата, живущаго въ Петербургѣ и имѣющаго нѣсколько милліоновъ денегъ; а во вторыхъ, чтобы удалиться отъ здѣшнихъ смутныхъ дѣлъ, понынѣ еще продолжающихся, и отъ притѣсненія, которое дѣлаетъ ему теперешнее правительство. Онъ былъ одинъ изъ приближенныхъ лицъ къ покойному графу Каподистріи и находился при немъ въ званіи адъютанта, но не занималъ важной государственной должности. По кончинѣ президента онъ остался вѣрнымъ его памяти и, разумѣется, сдѣлался ревностнымъ противникомъ партіи, вступившей въ послѣдствіи въ управленіе сею страною. Успѣвши собрать подъ свое начальство небольшой отрядъ войска, онъ долго сражался съ войсками, приведенными въ Морею съ Сѣвера Греціи для утвержденія и защиты революціоннаго правительства и для грабежа мирныхъ жителей деревень и городовъ. Въ этомъ случаѣ, при своей личной храбрости, онъ не имѣлъ большаго успѣха, а только потерялъ все свое имущество. Вотъ въ короткихъ словахъ поступки г. Калержи до пріѣзда сюда короля. Съ этого времени онъ до сихъ поръ оставался въ совершенномъ бездѣйствіи; но не менѣе того, съ самаго начала водворенія здѣсь новаго правительства, онъ подвергся немилости и преслѣдованію регентства, единственно за то, что онъ показывалъ себя прежде и продолжалъ быть въ послѣдствіи приверженнымъ къ Россіи, а это въ глазахъ теперешнихъ правителей Греціи большая вина.

Вы можете представить, какъ желаемъ мы услышать Божію службу на родномъ языкѣ и съ должнымъ приличіемъ. Съ того времени какъ въ Греціи, я былъ только два раза у обѣдни и то благодаря бывшей здѣсь нашей эскадрѣ. Въ Греческую церковь мы ходимъ только по особеннымъ торжественнымъ днямъ, когда бываетъ король. Въ обыкновенныя же Воскресенья, кромѣ того, что обѣдня бываетъ слишкомъ рано, въ 4 часа утра, но при томъ же, видя унизительное состояніе здѣшнихъ церквей и духовенства, право какъ-то отнимается усердіе. Какая бы радость была для насъ, если бы могли устроить нашу церковь къ праздникамъ; но мы получили только рисунокъ иконостаса и болѣе ничего не знаемъ.

12.

Навплія, 27 Января 1834 года.

Въ Новый годъ король дѣлалъ церемоніальный выходъ къ обѣдни въ здѣшнюю каѳедральную церковь, и по возвращеніи своемъ принималъ у себя во дворцѣ обычныя поздравленія, въ коихъ участвовалъ и дипломатическій корпусъ, простирающійся нынѣ до 13 особъ. Мы были приглашены наканунѣ министромъ королевскаго дворца и иностранныхъ дѣлъ. Это поздравленіе устроено было по особому церемоніалу, по которому для нашего собранія во дворцѣ назначена была бѣлая комната, и только изъ этого церемоніала мы узнали, что во дворцѣ, кромѣ тронной залы (гораздо менѣе вашей гостинной) есть еще три пріемныя комнаты, въ чемъ, право, можно было усомниться, смотря на наружность дома, обитаемаго королемъ, и который отъ прочихъ домовъ въ Навпліи, выстроенныхъ въ послѣдніе три или четыре года по Европейскому образцу, отличается только цвѣтомъ темносѣрой краски. Только недавно придѣлали къ нему большой флигель, въ которомъ устроена парадная обѣденная зала.

Скоро послѣ нашего прибытія во дворецъ введены мы въ тронную комнату, въ которой король ожидалъ насъ, окруженный всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ, состоящимъ изъ адъютанта, пріѣхавшаго сюда вмѣстѣ съ королемъ и исправляющаго должность гофмаршала, и двухъ молодыхъ Греческихъ офицеровъ, которые носятъ званіе королевскихъ ординарцевъ и значатъ тоже, что наши адъютанты. Англійскій министръ произнесъ отъ имени дипломатическаго корпуса самую коротенькую поздравительную рѣчь, на половинѣ которой ошибся и остановился. Король въ отвѣтѣ своемъ также немного запутался. Все это однакоже было тѣмъ хорошо, что происходило чрезвычайно скоро. По исполненіи этого обряда, наблюдаемаго при всѣхъ Европейскихъ дворахъ, король разговаривалъ особенно съ каждымъ министромъ, а изъ секретарей подошелъ только къ Стакельбергу и ко мнѣ; въ это самое время Англичане и Французы укусили себѣ губы.

13.

Навплія, 8 Апрѣля 1834 года.

....Хотя изрѣдка, но случаются обстоятельства, которыя такъ много отзываются отечественнымъ, что могутъ заставить забыть, что я въ Греціи. Къ нимъ принадлежитъ учрежденіе церкви при нашей миссіи. Устройство ея послѣ долгаго и нетерпѣливаго нашего ожиданія окончено, и 18 Марта, въ Воскресенье, происходило ея освященіе.

Трудно изобразить вамъ, что̀ я чувствовалъ во время первой службы за всенощной и за обѣдней, и какъ долго послѣ того я испытывалъ особенное удовольствіе. Почти со времени выѣзда моего, не слыхавши Божественной службы, такъ какъ я привыкъ ее слышать, и наконецъ, присутствуя при оной, мнѣ казалось невѣроятнымъ, что я находился въ чужой странѣ, а не въ своемъ отечествѣ и, признаюсь вамъ, давно не молился съ такимъ усердіемъ. Надобно при этомъ сказать вамъ, любезнѣйшіе родители, что церковь наша устроена въ самомъ хорошемъ порядкѣ и со всѣмъ, возможнымъ здѣсь, наружнымъ великолѣпіемъ, приличнымъ священному мѣсту. Архимандритъ и дьяконъ совершаютъ служеніе достойнымъ образомъ, и пѣвчіе поютъ весьма порядочно. Теперь мы продолжаемъ ходить къ обѣдни всякое Воскресенье, Середу и Пятницу.

Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что цѣль учрежденія церкви при здѣшней миссіи была та, чтобы показать Грекамъ примѣръ порядка и благолѣпія, которые должны соблюдаться при церковномъ богослуженіи, и о которомъ здѣшнее духовенство, какъ кажется, вовсе не имѣло понятія; ибо Греческія церкви находятся въ самомъ бѣдномъ состояніи, а служеніе совершается съ величайшею небрежностію. Цѣль наша не могла не быть достигнута, ибо преимущество на нашей сторонѣ слишкомъ очевидно. Наша церковь произвела впечатлѣніе свыше ожидаемаго. Всѣ Греки, которые ее посѣщали и которыхъ множество стекается къ обѣдни всякій разъ, всѣ они въ восхищеніи какъ отъ самой церкви, такъ и отъ служенія. Теперь между здѣшними жителями, особенно въ среднемъ классѣ, нѣтъ другаго разговора какъ про нашу церковь. Каждый, прослушавши у насъ обѣдню, посылаетъ своихъ знакомыхъ, превознося похвалами все видѣнное и слышанное. Этого не довольно. Когда устройство нашей церкви приходило къ концу, то Греческое духовенство, вспомнивъ свои обязанности, начало отдѣлывать болѣе пристойнымъ образомъ здѣшнюю каѳедральную церковь Св. Георгія, которая до этого времени, трудно сказать, на что̀ была похожа. Теперь хотя и не будетъ еще въ ней образовъ, писанныхъ хорошими художниками, и хотя осталось нѣкоторое безвкусіе, замѣтное по пестротѣ красокъ на образахъ, но по крайней мѣрѣ чистота, приличіе и украшенія, свойственныя храму Божію, замѣнятъ бѣлыя стѣны, вѣроятно не подновленныя съ тѣхъ поръ, какъ Турки имѣли въ ней свою мечеть. Однимъ словомъ, должно сказать, что безъ нашей церкви врядъ ли бы Греки догадались привести свою въ лучшее состояніе.

14.

Навплія, 16 (28) Мая 1834.

Въ началѣ нынѣшняго года король ѣздилъ въ Аѳины для закладки одного зданія, которое должно будетъ служить ему временнымъ дворцомъ. Первый камень положенъ самимъ королемъ, но объ второмъ никто не заботится до сего времени. Эта медленность и нерѣшительность правительства охладили усердіе какъ самихъ Аѳинянъ къ улучшенію своего города, такъ и иноземцевъ, прибывшихъ съ разныхъ сторонъ, чтобы помочь Грекамъ строить городъ, а еще болѣе въ надеждѣ поживиться какими нибудь выгодами. По всему этому судя, перемѣщеніе столицы изъ глухой крѣпости Навпліи въ занимательныя Аѳины нескоро еще послѣдуетъ, и я вѣроятно не дождусь здѣсь этого времени, не смотря на безпрестанныя увѣренія и объявленія правительства, которое внутренно, какъ кажется, предпочитаетъ хорошо укрѣпленное мѣсто открытому со всѣхъ сторонъ городу, каковы Аѳины. Заключая по наружному ихъ состоянію, многіе утверждаютъ, что тамошнее пребываніе еще несноснѣе Навплійскаго; но что касается до меня, то самое пріятное препровожденіе времени въ Греціи я имѣлъ тогда, когда бывалъ въ Аѳинахъ. Нынѣшній разъ ожиданія мои также не обманулись. Я провелъ время въ полномъ удовольствіи, раздѣляя его съ самымъ пріятнымъ товарищемъ, Рашетомъ, о которомъ я уже писалъ вамъ однажды. Вставая рано поутру мы отправлялись на наши прогулки, которыя были опредѣлены на подробное разсматриваніе древностей и нынче преимущественно Акрополиса. Мы успѣли его разсмотрѣть въ четыре раза, употребляя каждый разъ по три и четыре часа. Это неудивительно, ибо въ немъ, кромѣ другихъ мелкихъ, но весьма любопытныхъ предметовъ, заключаются остатки трехъ главнѣйшихъ Аѳинскихъ зданій: Пропилеевъ, Парѳенона и небольшаго храма, принадлежавшаго тремъ божествамъ. Осмотрѣвши Акрополисъ, мы обратились къ другимъ памятникамъ и такимъ образомъ провождали утро до 10 и до 11 часовъ,—время, въ которое сильный жаръ заставлялъ думать о прохладѣ и не позволялъ дальнѣйшихъ прогулокъ.

Въ Аѳинахъ недавно поселился князь Катарджи, бывшій послѣ войны 1812 года Молдавскимъ господаремъ и въ прошломъ году пріѣхавшій изъ Франціи, гдѣ онъ провелъ почти все время Греческой революціи. Онъ чрезвычайно богатъ и въ Аѳинахъ считается первымъ лицемъ. У него-то мы бывали два раза въ недѣлю, а въ третій разъ у дочери его, госпожи Артгиропуло, которая, живя отдѣльно, имѣла свой назначенный день. Въ этихъ двухъ домахъ, совершенно Европейскихъ, мы бывали чаще всего.—Здѣшнія дѣла идутъ день ото дня

хуже и хуже. Не знаю, по примѣру-ли своихъ сожительницъ, или по другой, болѣе основательной причинѣ, только и сами регенты между собою раздѣлились. Президентъ графъ Армансцергъ рѣшительно поссорился съ своими товарищами. Бѣдные Греки и безъ того терпѣли много отъ слишкомъ ученаго, Нѣмецкаго управленія, а теперь зло достигло до величайшей степени, и въ недавнемъ времени мы были свидѣтелями жалкихъ послѣдствій этихъ распрей между правителями.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, посажено было въ крѣпость множество разнаго рода лицъ, и между ними были такія, которыя оказали истинныя и большія заслуги своему отечеству и пользовались въ народѣ общимъ уваженіемъ. Главный изъ нихъ и, можно сказать, первый по своей знаменитости и вліянію на свою страну былъ старикъ Колокотрони, котораго во всей Мореѣ не иначе называютъ какъ просто старикъ, и всѣ знаютъ, что это названіе принадлежитъ только одному Колокотрони. Регенты, кажется, испугались такого вліянія и, не смотря, что онъ одинъ изъ первыхъ присягнулъ въ вѣрности королю и правительству, отдалъ сему послѣднему многочисленные военные запасы, которые онъ имѣлъ въ помѣстьяхъ своихъ близъ Каритены, что онъ во все время оставался спокойнымъ зрителемъ новѣйшаго управленія, не смотря, говорю, на все это, его оклеветали въ замыслѣ опровергнуть правительство, взяли его подъ стражу, гдѣ онъ томился 8 мѣсяцевъ, потомъ стали его судить, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ его злополучія, нѣкіимъ Каліопуло и, основавшись на показаніяхъ свидѣтелей, ничего не доказывавшихъ, приговорили ихъ къ смерти. Однакоже правительство не смѣло привести этого приговора въ исполненіе и именемъ короля перемѣнило оный на 20-ти лѣтнее заточеніе. Прекрасная милость для старика, которому подъ 80 лѣтъ!

Я помню, что, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, вы изволили предупреждать меня на счетъ Майнотовъ, слѣдовательно вамъ извѣстно, чтὸ это за люди; но я полагаю, что нѣкоторыя объ нихъ подробности, которыя я вамъ здѣсь сообщу, не будутъ лишними. Майноты дѣйствительно не чтὸ иное какъ совершенные дикари. Небольшая область ихъ покрыта цѣпями голыхъ горъ и, сколько я слышалъ, то на всемъ пространствѣ нѣтъ ни десятины земли способной къ воздѣлыванію и къ какому либо произрастенію. Во время зимы къ нимъ прилетаетъ безчисленное множество перепелокъ, которыхъ они ловятъ безъ большаго труда и приготовляютъ въ прокъ на цѣлый годъ. Въ этомъ состоятъ главнѣйшая ихъ пища и промышленность, ибо избытокъ отъ своего запаса они промѣниваютъ въ сосѣднихъ мѣстечкахъ на оливки и нѣкоторыя другія самыя необходимыя жизненныя потребности. При всей однакоже умѣренности ихъ въ образѣ жизни, они на-

ходятся въ совершенной бѣдности, ибо не умѣютъ или не хотятъ искать никакихъ способовъ, которые бы честнымъ трудомъ доставили имъ возможность жить въ довольствѣ и имѣть немного болѣе чѣмъ дневное пропитаніе. Этому недостатку они помогаютъ грабительствомъ, нападая шайками на сосѣднія деревни и тамъ забирая все, что только можетъ быть забрано, т. е. не исключая простыхъ деревянныхъ дверей и оконныхъ ставень. Но и это средство немногимъ помогаетъ; потому что и самыя деревни, служащія цѣлію ихъ нападеній, не славятся своимъ богатствомъ. Кромѣ всего этого они особенно отличаются злымъ и хитрымъ характеромъ, который весьма много поддерживаетъ склонность ихъ къ грабительству. Каждый Майнотъ считаетъ врагомъ своимъ другаго Майнота, какъ скоро этотъ другой имѣетъ въ чемъ либо хотя малѣйшее преимущество; слѣдовательно обмануть, ограбить и убить своего земляка для Майнота ничего не значитъ, и какъ скоро онъ не можетъ употребить силы надъ своимъ противникомъ, то прибѣгаетъ къ хитрости, пользуясь всякимъ средствомъ и не пропуская никакого случая, чтобы только его одолѣть. Изъ этого происходитъ то, что они ведутъ также и между собою безпрерывную войну, и для защищенія себя отъ нечаянныхъ нападеній отъ враговъ, они вмѣсто обыкновенныхъ домовъ построили болѣе или менѣе обширныя башни и укрѣпили ихъ также каждый сообразно съ своими способами. Такимъ-то образомъ они живутъ съ незапамятныхъ временъ, не зная никакой другой потребности какъ снискивать себѣ пропитаніе, а можетъ быть и удовольствіе, однимъ средствомъ — грабежемъ. Безъ сомнѣнія, подобные граждане въ благоустроенномъ королевствѣ не могутъ быть терпимы. Здѣшнее правительство и обратило на нихъ должное вниманіе; но, чтобы легче было покорить ихъ власти закона и преобразовать, оно признало нужнымъ уничтожить ихъ укрѣпленія: ибо дѣйствительно, пока они имѣютъ въ нихъ свою защиту, то овладѣть этимъ народомъ невозможно. Въ этой-то мудрой предусмотрительности оно послало имъ приказаніе срыть башни. Майноты показали въ этомъ случаѣ много умѣренности и представили посланнымъ, что такъ какъ эти башни служатъ имъ жилищемъ и составляютъ ихъ единственное имущество, то они и не могутъ произвольно лишиться ихъ, не получа соотвѣтственнаго за то вознагражденія. Но правительству этотъ отвѣтъ не понравился, и оно безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій сдѣлало повторительное повелѣніе, и въ этотъ разъ подкрѣпило его войскомъ, которое, въ случаѣ отказа Майнотовъ, должно было употребить силу, чтобы исполнить приказаніе высшей власти. Предположеніе сей послѣдней дѣйствительно сбылось: Майноты отказались повиноваться; но, увидя придвигавшіяся къ нимъ войска, приготовились

къ защитѣ. Королевскіе солдаты быстро двинулись впередъ, но еще быстрѣе отступили назадъ или, говоря истиннѣе, разсыпались и побѣжали, когда Майноты, засѣвши въ своихъ башняхъ или за утесы, начали по нимъ стрѣлять. Отбивши довольно удачно первое нападеніе, они сдѣлались сильнѣе и продолжали свои стычки еще успѣшнѣе; они перехватали въ плѣнъ множество солдатъ и, обобравъ ихъ, какъ говорится, до нитки, отпустили ихъ на свободу. До сихъ поръ это дѣло еще не кончилось; но, какъ бы конецъ его ни былъ выгоденъ для правительства, все оно уже много потеряло при самомъ началѣ, показавши, что оно слабо даже въ физическихъ своихъ средствахъ.

Пока это все происходило здѣсь и въ Майнѣ, Румеліоты, т.-е. жители сѣверной Греціи, другая язва этой страны, также начали производить у себя безпокойства, и повсюду завелось множество разбойничьихъ шаекъ. Одна изъ нихъ перебралась чрезъ Лепантскій заливъ въ Морею и расположилась близъ Патроса. Ограбивши нѣсколькихъ путешественниковъ, она напала на казенную почту и ея не пощадила. Съ того самаго времени, какъ я нахожусь здѣсь, или лучше сказать, съ того дня, какъ прибыло сюда теперешнее правительство, не было ни одного происшествія, которое бы показало, что бѣдствія этой несчастной страны кончились; не было взято ни одной мѣры, которая бы показала улучшеніе ея и утѣшительную ея будущность. Напротивъ того, неистощаемыя партіи, неумолкаемая между ими вражда, слабость или бездѣйствіе регентства, вотъ тема для исторіи Греціи двухъ послѣднихъ лѣтъ. Все это взятое въ своихъ подробностяхъ много отвлекаетъ участіе частнаго лица, которое однакоже при всей своей посторонности все-таки желаетъ видѣть хоть что-нибудь хорошее. Эти мысли, поселившіяся во мнѣ съ самаго начала, нынче утвердились; а между тѣмъ, удовлетворяя мало по малу моему естественному любопытству и видя примѣчательные предметы отдаленныхъ временъ, склонность моя къ разсматриванію ихъ такъ усилилась, что нынче я вовсе пересталъ наблюдать за дѣяніями, происходящими въ сей странѣ и совершенно обратился къ древностямъ. Такимъ-то образомъ я и сдѣлался не ученый, а охотникъ-антикварій.

Всѣ почти улицы завалены каменьями, и вездѣ по серединѣ текутъ ручьи отъ испорченныхъ водопроводовъ. Со мною было два забавныхъ случая. Я долженъ былъ идти къ графу Армансперу на дипломатическій обѣдъ, который онъ давалъ для Австрійскаго министра. Я отправился въ половинѣ шестаго часа, когда уже было темно, и хотѣлъ, разумѣется, выбрать кратчайшую дорогу. Человѣкъ мой шелъ впереди съ фонаремъ. Пройдя довольно далеко, я замѣтилъ, что начинаю отдаляться отъ настоящей дороги. Въ намѣреніи поправить

ошибку, я повернулъ въ сторону, въ первую попавшуюся мнѣ улицу и, продолжая идти очень долго, я вдругъ очутился у своего дома. Въ эту минуту я думаю, что графу Армансперту тяжело икнулось. Въ другой разъ я послалъ своего человѣка поутру выбрать хорошія улицы и заучить потверже дорогу, чтобы безъ приключеній сходить на балъ. Отправясь туда, мнѣ нужно было идти по другой дорогѣ: ибо я зашелъ за Рашетомъ, который хорошо зналъ всѣ Аѳинскіе проходы и выходы. Оттуда-то я пошелъ одинъ, подъ предводительствомъ моего человѣка съ фонаремъ. Пройдя весьма удачно половину пути и слѣдуя по хорошей улицѣ, я вдругъ наткнулся на стѣну, только что какъ будто выросшую изъ земли. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что тутъ, гдѣ поутру была широкая и чистая улица, начали строить домъ и вывели къ вечеру стѣну въ два аршина вышиною. Послѣ такихъ опытовъ у меня совершенно отбило охоту странствовать по вечерамъ, чтò особенно бываетъ непріятно, когда возвращаешься домой усталый отъ скуки и отъ продолжительнаго стоянія на ногахъ.

Не съ такимъ расположеніемъ я провожу танцовальные вечера у нашего посланника, который вскорѣ послѣ Новаго года назначилъ по Понедѣльникамъ пріемные дни. У него собирается все чтó только есть въ Аѳинахъ хорошаго или порядочнаго. Надобно вамъ при этомъ объяснить, что здѣсь очень трудно исключить изъ собраній людей всякаго сброда, которыхъ на президентскихъ вечерахъ очень много встрѣчаешь и которые имѣютъ удивительное искусство вползать во всѣ домы и втираться разными средствами подъ покровительство людей позначительнѣе. Отъ этого-то сброду Катакази умѣлъ освободиться. При всемъ томъ на вечерахъ его бывало до 100 человѣкъ гостей и до 20 танцующихъ паръ. Я могу сказать безъ всякаго пристрастія, что эти вечера несравненно пріятнѣе не только для меня одного, но и для большей части посѣтителей. Такъ говоритъ почти вся здѣшняя публика, и это дѣйствительно видно на оживленныхъ веселіемъ лицахъ гостей. Прекрасный пріемъ со стороны хозяина и хозяйки дома и вниманіе по возможности почти ко всякому лицу много способствуютъ къ распространенію общей веселости и уничтожаютъ ту холодность, которою проникнуто бываетъ тоже самое общество, какъ скоро оно переносится въ комнаты президента. На этихъ вечерахъ у посланника я представляю третью ролю или первую послѣ хозяевъ. Я распоряжаюсь музыкой, устроиваю танцы и пользуясь при томъ совершенной свободой, или участвую самъ въ нихъ съ какою-нибудь выборною Греческою Сильфидою, или наслаждаюсь зрѣніемъ своихъ трудовъ, стоя по срединѣ между двухъ кадри-

лей, въ сообществѣ Рашета, который истощается въ безчисленныхъ и остроумныхъ сатирическихъ замѣчаніяхъ. Если (что̀ и случалось) нерасположеніе къ веселью и вкрадется въ меня, то я стараюсь, хотя на это время, силою изгнать его изъ себя, или придавить его такъ, чтобъ оно замолчало и не выходило наружу.

Нѣсколько дней тому назадъ сюда пріѣхалъ г. Фурманъ, бывшій первымъ секретаремъ въ Римѣ и отправляющійся завтра въ Константинополь, куда онъ опредѣленъ совѣтникомъ посольства. Это еще одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми вездѣ пріятно встрѣтиться и быть въ знакомствѣ, но которымъ еще болѣе поставляешь цѣны, какъ скоро увидишь ихъ въ здѣшней глухой и безлюдной странѣ.

Недавно я сдѣлалъ занимательную прогулку на вершину горы Гимета. Она имѣетъ перпендикулярной высоты ровно 500 сажень и хотя не очень крута, но все-таки надобно имѣть много силы и духу, чтобы на нее взобраться. Мы отправились туда вчетверомъ и до подошвы горы, лежащей на разстояніи около часа ходьбы отъ города, доѣхали на лошадяхъ и потомъ уже продолжали путь пѣшкомъ. Дошедши только до половины высоты, я такъ усталъ, что съ трудомъ могъ рѣшиться идти далѣе. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ затрудненія и усталость увеличивались. Мы шли не по проложенной какой-нибудь тропинкѣ (ибо ея вовсе тутъ не было), но карабкались по утесистымъ и неровнымъ камнямъ, во многихъ мѣстахъ обросшимъ густымъ кустарникомъ, еще болѣе остановлявшимъ ходъ. Почти послѣ каждыхъ десяти шаговъ я садился отдыхать, и только примѣръ Рашета, бывшаго нашимъ путеводителемъ и который съ удивительною скоростію и легкостію достигъ вершины горы,—его говорю только примѣръ и безпрестанныя понуканія идти впередъ, такъ сказать, поднимали меня мало по малу выше и выше, и такимъ образомъ послѣ трехъ часовой и трудной ходьбы я добрался до вершины. Тутъ я забылъ усталость! Видъ, который представился мнѣ съ этого мѣста, достаточно вознаградилъ меня за этотъ трудъ. Я стоялъ на той точкѣ горы, которая приходится почти по серединѣ Аттическаго полуострова и могъ смотрѣть вдругъ на обѣ его стороны, украшенныя зелеными полями и покрытыя небольшими возвышеніями. Далѣе синѣло море, и на немъ поднимались горы острововъ Архипелага. Не смотря на то, что небо было покрыто тучами, мы, между многими другими островами, ясно видѣли Сиру, какъ самый отдаленный изъ тѣхъ, которые намъ представлялись; слѣдовательно зрѣніе наше свободно простиралось на окружность ста пятидесяти верстъ. Я уже не говорю о предметахъ еще отдаленнѣйшихъ, но которые также были намъ видны со стороны твердой земли. Изъ-за горъ возвышались бѣлые отъ снѣга верхи дру-

гихъ горъ Негропонта и Ливадіи. Акрополисъ былъ едва намъ замѣтенъ: такъ онъ казался малъ съ той высоты, на которой мы стояли. Аѳины уподоблялись небольшому лагерю, составленному изъ бѣлыхъ палатокъ.

15.

Аѳины, 27 Марта 1835 г.

Я живу отдѣльно отъ посланника и хотя домъ мой не такъ близко, какъ было въ Навпліи, но въ той же сторонѣ, которая у здѣшнихъ жителей называется верхнею частію. Она дѣйствительно имѣетъ положеніе болѣе возвышенное нежели другія, ибо можно почти считать, что отсюда начинается отлогое возвышеніе, идущее до самой подошвы Гимета, горы, съ которою я уже познакомилъ васъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ отъ 4-го Марта. Эта часть города вообще слыветъ здѣсь самою здоровою, будучи отдалена отъ болотъ, находящихся за оливковымъ лѣсомъ и не подвержена сырости, какъ нижній городъ.

Въ этой-то части я занимаю небольшой домикъ, окруженный, какъ водится, грудами камней. Наружность его довольно странная и не совсѣмъ благообразная. Стѣны его выкрашены яркою розовою краскою съ темносѣрыми ставнями. Такъ какъ здѣсь въ жилыхъ частяхъ города нѣтъ еще названія улицамъ, потому что нѣтъ самыхъ улицъ, то когда у меня кто-нибудь спрашиваетъ, гдѣ я живу?—Въ розовомъ домѣ, отвѣчаю я, не подалеку отъ Пританея (по близости моей дѣйствительно еще существуютъ остатки стѣнъ этого древняго зданія). Хотя многіе утверждаютъ, что это неопредѣлительно, но я увѣряю всѣхъ, что розовый домъ одинъ только и есть въ Аѳинахъ. На внутреннее расположеніе комнатъ моего жилища нельзя совершенно пожаловаться, но постройка его чрезвычайно дурна. Кривыя стѣны, покатый и неровный полъ, весь въ щеляхъ и въ дырьяхъ; потолокъ такой же; тонкія рамы съ промежутками, въ которые вѣтеръ такъ и свищетъ, едва держутся на своихъ мѣстахъ, а массивныя и неуклюжія двери едва поворачиваются на своихъ петляхъ и ни тѣ, ни другія не запираются какъ должно. Чтобы дать вамъ точнѣйшее понятіе о расположеніи комнатъ, прилагаю здѣсь планъ ихъ. Несходство его съ настоящимъ домомъ состоитъ въ томъ только, что у меня сдѣланы вездѣ прямыя линіи, а въ домѣ нѣтъ ни одной такой. И за все это я плачу непомѣрную цѣну: по 18 талеровъ въ мѣсяцъ! Но это здѣсь общая участь со времени переѣзда сюда правительства. Домовъ мало, требованія на нихъ большія, а Греки рады случаю и

стараются пользоваться имъ безсовѣстнымъ образомъ; правительство же не имѣетъ ни физическихъ, ни моральныхъ средствъ этому воспрепятствовать, хотя и само находитъ это большимъ злоупотребленіемъ. Хозяинъ моего дома самъ признавался мнѣ, что квартира, которую я занимаю, стоитъ не дороже 6 талеровъ въ мѣсяцъ, но что онъ долженъ обратить въ свою выгоду настоящее обстоятельство. Теперь однакоже въ разныхъ частяхъ города строится множество домовъ, и конечно черезъ годъ или два должно надѣяться, что все придетъ въ лучшій порядокъ; но я вѣроятно имъ не воспользуюсь, ибо срокъ моего пребыванія въ Греціи приходитъ къ концу.

16.

Аѳины, 13 Апрѣля 1835 г.

Наше духовенство, послѣ нашего отъѣзда изъ Навпліи, не могло въ скоромъ времени перебраться въ Аѳины, ибо здѣсь совершенно невозможно было пріискать для нихъ помѣстительную квартиру. Домъ, въ которомъ они теперь живутъ, едва только былъ конченъ передъ Страстной недѣлей, и сами они пріѣхали въ Вербную Суботу. Другое затрудненіе было съ церковію. Въ столь короткое время никакъ нельзя было устроить домашней церкви такъ, какъ она была въ Навпліи; къ тому же мы не имѣли и хорошей комнаты для ея помѣщенія. Въ этомъ случаѣ мы рѣшились прибѣгнуть къ снисходительности Аѳинскихъ духовныхъ властей и успѣли испросить позволеніе служить нашимъ священникамъ въ одной изъ Греческихъ церквей, которая находилась по близости къ дому посланника. Но ее надобно было много исправлять, ибо она принадлежала къ числу множества старинныхъ церквей, полуразрушенныхъ во время войны. Мы поставили на ней совсѣмъ новый куполъ, колокольню на здѣшній образецъ и привели ее въ положеніе немного почище, нежели какъ она была до сего времени. Кромѣ этого и на случай еслибы намъ надобно было служить обѣдню въ одинъ день съ Греками, мы устроили небольшой придѣлъ, но который такъ малъ, что въ немъ не могли сдѣлать трехъ или по крайней мѣрѣ двухъ дверей, но оставили мѣсто для однихъ царскихъ дверей. Всѣ эти передѣлки кончились только на Страстной недѣлѣ во Вторникъ, и на другой день мы слушали первую обѣдню. До этихъ же поръ служба часовъ, вечерень и всенощныхъ происходила въ домѣ у посланника. Въ Середу вечеромъ мы исповѣдались и въ Четвергъ пріобщались.

Свѣтлое Воскресенье мы встрѣтили такъ сходно съ нашими обыкновеніями, какъ только могли это сдѣлать, хотя и въ единовѣрной, но все-таки въ чужой землѣ. Въ 12 часовъ мы отправились въ нашу церковь и выслушали заутреню, которая продолжалась недолго, ибо въ часъ по полуночи должна была начаться Греческая служба, и мы должны были уступить имъ мѣсто. По окончаніи службы мы пошли къ посланнику, который имѣетъ обыкновеніе разгавливаться тотчасъ послѣ заутрени, и отъ него отправились на сонъ грядущій. Не смотря на такой великій праздникъ, мы остались въ этотъ день безъ обѣдни. Хотя именно для подобныхъ случаевъ мы пристроили придѣлъ къ этой церкви, но какъ кажется мы это сдѣлали только для одной формы. Мы стараемся показать Грекамъ въ самомъ лучшемъ видѣ наше служеніе, а этого нѣтъ средства сдѣлать въ такомъ тѣсномъ мѣстѣ, каковъ нашъ придѣлъ, и потому, какъ скоро намъ нельзя исправить нашей службы, мы должны бываемъ отъ нея отказываться. Намъ также довольно трудно сойтись съ Греками въ самомъ времени служенія. У нихъ нѣтъ того что̀ называется позднею обѣднею, и они привыкли къ самой ранней службѣ, которая обыкновенно начинается въ 5 часовъ и оканчивается въ 7. Наша же обѣдня бываетъ по-петербургски не прежде 10 часовъ. Мы довольны были и тѣмъ, что первый день праздника замѣнили вторымъ днемъ и въ Понедѣльникъ какъ должно отслужили обѣдню. Церковь была полна народа, и всѣ стояли безъ шапокъ, которыхъ Греки не любятъ снимать во время ихъ служенія. Но при всемъ томъ мнѣ кажется, что наша служба не производитъ на нихъ того впечатлѣнія и дѣйствія, какого бы мы хотѣли. Имъ болѣе нравятся ихъ нечесанные и босые священники въ запачканныхъ и изорванныхъ одѣяніяхъ, нежели пристойная одежда нашихъ; также носовое дикозвучное ихъ пѣніе они вѣроятно предпочитаютъ стройности нашего, называя, можетъ быть, все наше великолѣпіе ересью. Съ нѣкоторой стороны ихъ можно въ этомъ оправдать: они удивляются только богатству и наружному блеску нашего служенія, тогда какъ они свое понимаютъ. Конечно всего вдругъ сдѣлать нельзя, тѣмъ болѣе, что настоящее ихъ положеніе не позволяетъ имъ произвести никакихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи: народъ бѣденъ, а духовенство необразовано. Но должно надѣяться, что время поможетъ намъ въ нашихъ стараніяхъ; а надобно желать, чтобъ они не пропали даромъ, ибо мы употребляемъ ихъ много и уже безъ сомнѣнія безъ всякой посторонней цѣли.

Я сто разъ видѣлъ Акрополисъ съ Парѳенономъ и другіе памятники, но не помню, чтобы, вышедши изъ дому съ постороннимъ намѣреніемъ, я не взглянулъ на него, и всегда съ какимъ-то уваженіемъ

и удивленіемъ; а сколько разъ случалось посвящать нарочно нѣсколько часовъ, чтобы насмотрѣться на этотъ изящный и величественный памятникъ природы и искусства! Я видѣлъ его почти со всѣхъ возможныхъ сторонъ, въ разное время дня и всегда съ тѣмъ же или лучше съ увеличивавшимся удовольствіемъ. Я говорю теперь только объ одномъ этомъ предметѣ, а въ Аѳинахъ еще множество другихъ, и всѣ они не столько сами собою разнообразны, сколько даютъ разнообразія чувствамъ. Это даже удивительно, какъ скоро и быстро переходишь отъ восторга, то къ негодованію, то къ сожалѣнію; то, оставляя чувства, принимаешься за изслѣдованіе, за соображенія, за догадки и тому подобное. Но мудрено ли это, если представимъ, что здѣсь почти цѣлая и живая исторія не одного, но многихъ и различныхъ народовъ, изъ которыхъ главные такъ рѣзко отличались между собою, и въ памятникахъ ими воздвигнутыхъ оставили печати своего духа и понятій? Уже одно это воспоминаніе вмѣстѣ съ безмолвными, но выразительными свидѣтелями прошедшаго даетъ пищу самому притупленному воображенію.

Описывать ли вамъ балъ, данный здѣшнимъ Французскимъ министромъ, на которомъ присутствовалъ король? У насъ въ Петербургѣ это вещь слишкомъ обыкновенная, между тѣмъ какъ здѣсь составляетъ важное происшествіе, о которомъ всѣ начинаютъ говорить за двѣ недѣли впередъ и продолжаютъ еще недѣлю послѣ. Впрочемъ это довольно натурально: балъ былъ парадный, и всѣ мы собрались въ мундирахъ. Не смотря на множество народа и тѣсноту комнатъ, все было порядочно.

Между нѣкоторыми лицами, прославившимися во время возстанія, былъ одинъ храбрый генералъ Караискаки. Отличавшійся болѣе другихъ своихъ сподвижниковъ во все продолженіе войны, какъ храбростію, такъ умомъ и честностію, онъ былъ всѣми уважаемъ и предводительствовалъ большимъ войскомъ, ибо въ то время къ храбрѣйшему болѣе приставало и охотниковъ сражаться. Но дурными распоряженіями одного изъ тѣхъ людей, которые бѣгаютъ по свѣту, чтобы искать приключеній и счастія и приносятъ съ собою только бѣдствія, именно иностранца Чорта, названнаго тогда и главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ войскъ, дано было на Аѳинскихъ поляхъ сраженіе. Караискаки находился тутъ со всѣми своими силами, но число Турецкихъ войскъ превосходило, какъ говорятъ, почти въ десять разъ. Генералъ Чорчъ только что прибылъ въ Грецію и съ горяча прямо захотѣлъ видѣть сраженіе между Турками и Греками. Онъ далъ приказаніе Караискаки и другимъ отдѣльнымъ военачальникамъ вступить въ бой, а самъ, какъ главнокомандующій, разсудилъ лучше оста-

ваться на шкунѣ, которая привезла его въ Пирей. Въ началѣ сраженія, Караискаки сбилъ одну изъ Турецкихъ батарей, въ которой остался спрятавшійся Турокъ. Въ числѣ овладѣвшихъ ею Грековъ онъ увидѣлъ одного и по распоряженіямъ, которыя дѣлалъ послѣдній, узналъ въ немъ начальника: то былъ Караискаки. Засѣвшій Турокъ выстрѣлилъ въ него, и Греція лишилась одного, а можетъ быть и единственнаго изъ своихъ героевъ. Его-то память вознамѣрились нынѣ почтить, а съ нимъ вмѣстѣ и товарищей его падшихъ въ этой битвѣ (ибо сраженіе было проиграно съ неимовѣрною потерею со стороны Грековъ). На Аѳинскомъ полѣ, между Фалернзскимъ заливомъ и Пиреемъ, у подошвы того самаго холма, гдѣ Караискаки былъ убитъ, воздвигли надгробный памятникъ, подъ которымъ положили его останки, погребенные прежде въ Саламинѣ и перевезенные нынѣ съ большою церемоніею. На мѣсто памятника собралось съ ранняго утра множество народа и почти, можно сказать, всѣ жители Аѳинъ. Мы пріѣхали вмѣстѣ съ королемъ туда же, и вскорѣ привезены были кости Караискаки, сложенныя въ небольшомъ гробѣ, который окружали теперь посѣдѣлые прежніе сподвижники его въ битвахъ. Двѣ его дочери, 14 и 15 лѣтъ дѣвушки, стояли также возлѣ гроба въ черной одеждѣ, съ распущенными волосами. По окончаніи панихиды одинъ изъ Греческихъ капитановъ, сопровождавшихъ гробъ и близкій родственникъ покойнаго, подошелъ къ королю и сказалъ короткую рѣчь, упомянувъ въ ней послѣднія слова Караискаки, которыми онъ убѣждалъ своихъ товарищей не полагать оружія, доколѣ они не освободятъ своей страны; онъ заключилъ рѣчь, предавъ покровительству короля оставшихся сиротъ. Король сошелъ съ своего мѣста, приблизился къ гробу и произнесъ также рѣчь въ похвалу Караискаки и, снявъ съ себя ленту ордена Спасителя, возложилъ ее на кости. Проговоривъ послѣ того нѣсколько утѣшительныхъ словъ дочерямъ покойнаго, онъ отступилъ немного и далъ знакъ графу Армансpériгу, который подошелъ къ дѣвицамъ и объявилъ, что, по случаю близкаго вступленія въ замужество одной изъ нихъ, король жалуетъ ей въ приданое 1000 талеровъ и 500 стремъ земли по ея выбору (стоющихъ около 25.000 рублей) и тутъ же вручилъ ей указъ, прочитанный въ слухъ министромъ финансовъ. Эти два обстоятельства, состоявшія въ наградахъ, произвели тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, что никто къ тому не былъ приготовленъ; особенно же возложеніе королемъ ордена, снятаго имъ съ себя, глубоко всѣхъ тронуло. Положеніе гроба подъ памятникъ и пальба кончили эту церемонію. Я былъ не въ родной странѣ, но смотрѣлъ на все происходив-

шее съ особеннымъ чувствомъ, какого давно не испытывалъ при другихъ здѣшнихъ торжествахъ. Причину живаго участія, которое я принималъ при этомъ случаѣ, я полагаю въ томъ, что я уже ознакомился съ здѣшними происшествіями и съ людьми и припоминалъ то время, когда рѣшалась судьба цѣлаго народа. Притомъ же это не было какое-нибудь празднество, порожденное лестію, или какая-нибудь придворная церемонія, гдѣ люди собираются сказать чего не думаютъ и произнести нѣсколько общихъ мѣстъ: нынѣшняя была проникнута истиннымъ чувствомъ всего народа.

17.

Аѳины, 25 Мая 1835 года.

Вчерашній день былъ днемъ новаго торжества для Греціи: король вступилъ въ совершеннолѣтіе и принялъ на себя тяжелую обязанность управлять здѣшнимъ народомъ. Ниспошли Богъ ему силы и успѣха въ его предпріятіяхъ въ пользу этой страны! Онъ достоинъ благополучнаго царствованія, даже и за одно намѣреніе доставить лучшую участь этому доселѣ жалкому государству.

Наступленіе этого дня ознаменовали еще наканунѣ, послѣ заката солнца, пушечными выстрѣлами. Въ самый же день празднество началось также пальбою и торжественнымъ ходомъ музыки отъ дворца короля по главнымъ частямъ города. Ни того, ни другаго я не видалъ и не слыхалъ, ибо это происходило съ восходомъ солнца, а я въ такое время бодрственно предаюсь сну. Мы начали наше участіе въ празднествѣ не ранѣе 10 часовъ утра, ибо къ этому времени насъ пригласили присутствовать при молебствіи въ здѣшнюю каѳедральную церковь Св. Ирины. Положеніе ея для подобныхъ случаевъ весьма невыгодное: она находится въ той части города, которая наиболѣе подверглась разрушенію и потомъ застроена была домами безъ всякаго порядка. Для бо́льшаго же удобства въ шествіи короля разломали въ одномъ мѣстѣ нѣсколько старыхъ хижинъ, неправильно расположенныхъ на самомъ пути отъ дворца къ церкви, и такимъ образомъ сдѣлали довольно широкую улицу. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ Аѳинскіе жители собрались смотрѣть эту церемонію; но вездѣ въ самыхъ главныхъ мѣстахъ было такъ просторно, что почти всякій могъ выбрать для себя такое мѣсто, которое хотѣлъ. Только около церкви было немного пополнѣе народа, но все-таки большой тѣсноты не было.

Въ то время, которое назначено было, чтобы намъ собраться, во дворцѣ происходила настоящая причина сегодняшняго торжества;

регенты сняли съ себя должность властителей и вручили правленіе королю. По исполненіи всѣхъ нужныхъ при этомъ обрядовъ и по раздачѣ присутствовавшимъ прокламаціи короля о принятіи имъ правленія, разосланы были по городу герольды для возвѣщенія этого событія народу. Послѣ того король отправился пѣшкомъ въ церковь въ сопровожденіи всѣхъ своихъ чиновъ и двора. Мы дожидали его прихода ни болѣе, ни менѣе какъ цѣлый часъ. Но за то недолго продолжалось молебствіе. Бѣдное Греческое духовенство хотѣло блеснуть пышностію при этомъ случаѣ и выпросило у насъ ризы, крестъ, Евангеліе и нѣкоторую другую утварь. Отъ этого произошла большая несообразность въ одеждѣ всего духовенства. Два священника и два дьякона облачились въ наши парчевыя ризы, а прочіе были въ своихъ старыхъ ситцовыхъ. Не знаю, обратили ли на это вниманіе другіе, а намъ нельзя было не замѣтить такого яркаго различія.

Изъ церкви король возвратился тѣмъ же порядкомъ въ свой дворецъ, а мы другими кратчайшими путями обошли его и прибыли туда же. Тутъ опять мы очень долго дожидали, пока насъ позвали на верхъ, чтобы принести поздравленіе его величеству. Онъ, какъ и во всѣхъ другихъ важныхъ случаяхъ, принималъ въ своей тронной залѣ и говорилъ съ каждымъ изъ насъ безъ исключенія. По окончаніи этой церемоніи мы разошлись по своимъ жилищамъ.

Не знаю отъ чего, но долженъ сознаться, что все это торжество нимало не подѣйствовало на меня. Вообще оно мнѣ казалось чрезвычайно холоднымъ. Правда, народъ производилъ свои обычныя восклицанія при приближеніи короля; но это, можетъ быть, потому, что такъ водится, а истиннаго восторга, который бы, казалось, долженъ былъ одушевлять все собраніе, вовсе не было, или по крайней мѣрѣ я его не могъ замѣтить. Толпа была проникнута только любопытствомъ. Высшія и средняго класса лица, тутъ присутствовавшія, были какъ будто заняты всякій своимъ дѣломъ, и настоящее торжество было для нихъ обстоятельствомъ постороннимъ. Кто думалъ какъ бы удержать за собою занимаемое имъ мѣсто въ правительствѣ; кто, можетъ быть, мечталъ какъ бы подняться выше; многіе хотѣли бы столкнуть того или другаго, чтобы самимъ стать на ихъ мѣсто. Мы.... но мы иностранцы, а притомъ еще дипломаты, слѣдовательно правды не добьешься.

Въ тотъ же день мы были приглашены на балъ, данный городомъ для короля и который можетъ быть только названъ тѣснѣйшимъ. Комната, въ которой должно было танцовать, такъ была наполнена народомъ, что сначала нельзя было въ нее войти, и только для короля могли немного посторониться, чтобы дать ему пройти въ

другую комнату, а послѣ него въ туже минуту все опять слилось въ одну массу. Какъ видно, однакоже тутъ было довольно людей благоразумныхъ, которые, видя тѣсноту и чувствуя сильный жаръ, при самомъ началѣ танцевъ удалились. Самая большая для меня выгода этого бала состояла въ томъ, что его давали черезъ одинъ домъ отъ моего жилища, и я очень скоро воспользовался этимъ удобствомъ.

Слѣдующіе за тѣмъ дни посвящены были увеселеніямъ народа, которыя начались бѣгомъ людей; на другой день происходили разныя гимнастическія упражненія и борьба; послѣ того была скачка на лошадяхъ. Мнѣ удалось вовсе нечаянно видѣть одну только борьбу, и это по новости своей доставило мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Наконецъ, празднества этой недѣли заключились парадным балом у графа Армансперга, который онъ даетъ сегодня. Въ это самое время, какъ я пишу эти строки, у графа Армансперга гремитъ музыка, и танцующіе едва не задыхаются отъ тѣсноты и жара.

Пріѣздъ къ намъ г. Фегезака произвелъ здѣсь пріятное движеніе въ высшемъ кругу. Вамъ вѣроятно извѣстно, что ему поручено было доставить сюда наши ордена для короля Оттона. Говорятъ, что король былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему доложено было объ этомъ извѣстіи, и онъ еще болѣе былъ обрадованъ, узнавши, что ему прислано цѣлыхъ четыре ордена. По этому случаю я дѣйствовалъ въ томъ только, что перевезъ ихъ изъ Пирея въ Аѳины. Король принялъ ордена отъ посланника и изъяснился словами, показывавшими полное его удовольствіе. Онъ пригласилъ Катакази на другой день на обѣдъ, объявивъ ему, что онъ намѣренъ надѣть въ первый разъ Русскіе ордена въ его присутствіи. Посланникъ, пріѣхавши къ обѣду, былъ прежде позванъ во внутреннія комнаты, и король вручилъ ему лично знаки ордена Спасителя 2-й степени или большаго командорскаго креста со звѣздою. Фегезаку же прислали золотую табакерку съ брилліантовымъ шифромъ короля Оттона.

Въ послѣднее время насъ посѣщали здѣсь довольно часто наши соотечественники, пріѣзжавшіе посмотрѣть Грецію. Всякіе такіе путешественники доставляли намъ большое удовольствіе; но посѣщеніе ни одного изъ нихъ не было для насъ такъ занимательно, какъ пріѣздъ Брюлова, прославившагося нашего живописца, творца «Послѣдняго дня Помпеи». Онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ, служащимъ въ нашемъ министерствѣ при Римской миссіи, который предпринялъ большое путешествіе по всему Востоку и началъ его съ Греціи. Онъ пользуется огромнымъ состояніемъ и, кажется, намѣревается выдать въ свѣтъ плоды своего путешествія, которое, если оно ему удастся, должно-быть нѣчто въ родѣ огромнаго и превосходнаго изданія графа

Шуазель-Гуфье. Для этого Давыдовъ пригласилъ Брюлова ему сопутствовать, взявъ изъ Рима Русскаго архитектора Ефимова, пансіонера нашей Академіи.

Собственное мое занятіе въ продолженіе этого времени состояло въ измѣреніи нѣкоторыхъ Аѳинскихъ памятниковъ, изъ которыхъ важнѣйшій есть храмъ *Ѳисевса.* Подъ этимъ именемъ вѣроятно трудно узнать стариннаго знакомаго Тезея; но вольно же было Французамъ перековеркать такъ его имя, а намъ принять его, не заглянувши въ источники, и повѣрить имъ на слово. Но теперь нахожу неумѣстнымъ разсуждать о справедливости и точности Греческихъ именъ, и скажу только, что я успѣлъ разсмотрѣть въ самой величайшей подробности этотъ храмъ, помогая въ измѣреніи его Русскому художнику. По рисунку его, который вѣроятно еще украшаетъ ваши комнаты, видно, что онъ весьма хорошо сохранился, и почти безошибочно можно сказать, что во всей Греціи это одинъ только и есть памятникъ изящной архитектуры, оставшійся до насъ въ такой цѣлости. Какъ я желалъ бы передать здѣсь вамъ красоту наружной формы этого по истинѣ превосходнаго зданія. Я сдѣлалъ надъ нимъ замѣчаніе, которое можно только повѣрить на мѣстѣ или на самомъ вѣрномъ рисункѣ. Всматриваясь въ него нѣсколько разъ чрезвычайно пристально, я находилъ въ самой формѣ его какое-то различіе отъ другихъ видѣнныхъ мною храмовъ, состоявшее въ томъ, что боковой его фасадъ сдѣланъ слишкомъ продолговатъ въ сравненіи съ вышиною всего храма и шириною портика. Это замѣчаніе привело меня на мысль, что онъ болѣе выражаетъ надгробный памятникъ, нежели храмъ. По твореніямъ же древнихъ писателей намъ точно извѣстно, что подъ нимъ погребены кости Тезея, перевезенныя въ Аѳины Кимономъ, который, дѣйствительно ли нашелъ ихъ или только увѣрилъ въ томъ своихъ современниковъ, это остается еще не рѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что художникъ умышленно придалъ ему эту продолговатую форму, которая вмѣстѣ съ храмомъ соединяетъ мавзолей и которая при другомъ назначеніи не соотвѣтствовала бы размѣру прочихъ частей. Описаніе этого памятника довольно правильно сдѣлано въ Анакарсисѣ, но оно несовсѣмъ полно и съ небольшими погрѣшностями, которыхъ Бартелеми не могъ избѣжать, ибо самъ его не видалъ, а описывалъ по книгамъ. Здѣсь я намѣреваюсь сдѣлать подробное и по возможности вѣрное его изображеніе въ двухъ видахъ: такъ какъ онъ былъ первоначально и какъ существуетъ теперь. Надобно начать съ того, что онъ сооруженъ весь изъ бѣлаго Пентеликскаго мрамора и безъ всякаго посторонняго вещества. Онъ состоитъ изъ продолговатаго четыреугольника, называемаго технически

(если не ошибаюсь) нефъ и целла, который обнесенъ со всѣхъ сторонъ отстоящими отъ него на нѣкоторое пространство 34 колоннами, составляющими перистиль и два портика. Все это основаніемъ имѣетъ площадь и съ двумя ступенями отъ земли. Боковыя стѣны нефа были совершенно гладкія и не имѣли никакого отверстія; поперечныя же стѣны вдавались нѣсколько съ обѣихъ сторонъ во внутренность и образовывали открытое углубленіе или нѣчто въ родѣ переднихъ, отдѣленныхъ отъ портиковъ двумя коллонами. Дверь для входа въ храмъ, который главнымъ своимъ фасадомъ былъ обращенъ къ Востоку, была одна съ этой стороны. Стѣна, обращенная на Западъ, была глухая. Портики состоятъ изъ 6 колоннъ, поддерживающихъ легкіе и отличной пропорціи фронтоны. Объ орденѣ, къ которому принадлежитъ храмъ Ѳисѝвса или Тезея, ученые еще находятся въ спорѣ. За 20 или за 30 лѣтъ тому назадъ писатели, упоминавшіе объ этомъ памятникѣ, прямо говорили, что онъ Дорическаго ордена; но новѣйшіе ученые и архитекторы причисляютъ, равно какъ и всѣ подобнаго рода зданія, къ ордену Греческому или Пестумскому. Кому вѣрить, не знаю. Видно только, что во всемъ строеніи соблюдена самая величайшая, но не менѣе изящная простота. Колонны выточены желобками, не имѣютъ базъ и накрыты самыми простыми капителями. Фризъ украшенъ триглифами и метопами, на которыхъ въ портикѣ съ восточной стороны находятся орельефы превосходнаго ваянія. Подобныя же украшенія сдѣланы въ архитравахъ надъ коллонами, входящими въ составъ нефа. Легкость во всемъ зданіи и согласіе всѣхъ частей между собою достигнуты въ немъ до совершенства. Это истинное наслажденіе для зрѣнія, когда смотришь на него, съ какой бы стороны ни было. Онъ всячески прекрасенъ. Трудно представить, до какой степени тщательности отдѣланы части этого храма и не только тѣ, которыя выходятъ наружу, но и тѣ, которыя скрыты. Мраморные куски ихъ составляющіе такъ равны, что не имѣютъ разницы на полъ-линіи. При измѣреніи мы повѣряли его всѣми возможными способами. Мы брали разныя части, то вмѣстѣ, то по одиночкѣ, складывали, вычитали, и вѣрность выходила въ самыхъ линіяхъ. Мнѣ кажется, что если бы два куска положить на самые точные вѣсы, то ни одна бы сторона ихъ не перекачнулась, между тѣмъ какъ эти куски по крайней мѣрѣ имѣютъ полтора аршина въ длину и аршинъ въ толщину. Шатобріанъ, который осматривалъ довольно бѣгло Аѳинскіе памятники, но при всемъ томъ сказалъ о нѣкоторыхъ предметахъ много хорошаго, Шатобріанъ, говорю, пишетъ между прочимъ, что соединеніе мраморныхъ кусковъ такъ тонко какъ разсученная шелковинка, и чтобы примѣтить ее, надобно употребить большое вниманіе. Это совершенная правда. Хри-

стіане, не знаю съ котораго времени, обратили этотъ храмъ въ церковь во имя Св. Георгія. Для этого они его немного попортили. Съ восточной стороны, гдѣ была дверь, они сняли стѣну и коллоны, вывели на мѣстѣ послѣднихъ арку, сдѣлали выступъ подъ портикомъ и устроили тутъ алтарь. Съ западной стороны и съ обоихъ боковъ они проломали двери. Время поступило снисходительнѣе: имъ разрушена малая часть восточнаго фронтона и передвинуты съ своихъ мѣстъ тамбуры почти всѣхъ коллонъ. Только двѣ изъ нихъ остались невредимы. Въ такомъ положеніи, но съ раззоренною церковью, я видѣлъ этотъ памятникъ въ первый разъ по пріѣздѣ моемъ въ Аѳины, и онъ оставался такимъ до перенесенія сюда столицы. Теперь онъ получилъ новое назначеніе, и въ немъ устроиваютъ временный музеумъ для складки древностей, которыя находятся въ самомъ городѣ.

18.

Аѳины, 2-го Декабря 1835.

За нѣсколько дней мы узнали навѣрно, что державнѣйшій отецъ короля Оттона находился уже въ пути и долженъ былъ скоро сюда пріѣхать. Здѣсь начали дѣлать приготовленія къ его принятію: сочинили церемоніалъ, въ который натискали нѣсколько пышныхъ фразъ и все что въ немъ ни написали осталось, какъ здѣсь часто случается, великолѣпно только на бумагѣ; построили нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, обтянутыхъ выкрашеннымъ холстомъ и проч.

Ожидаемый высокій гость прибылъ на Англійскомъ паровомъ фрегатѣ въ Пирей 25-го Ноября поутру. Едва пароходъ приблизился къ Пирею на видное разстояніе, какъ всѣ военныя суда, стоявшія въ этомъ портѣ, начали общую пальбу. Когда же онъ вошелъ и остановился на мѣстѣ, король Оттонъ поѣхалъ встрѣтить своего родителя и только что онъ вступилъ на первую ступень лѣстницы парахода, Баварскій король сбѣжалъ къ нему внизъ, и одинъ къ другому бросились въ объятія. Можно легко представить, дражайшіе родители, что оба они чувствовали въ эту минуту. Это была для нихъ самая конечно великолѣпная часть всего торжества, хотя объ ней и ничего не было сказано въ церемоніалѣ.

Они недолго оставались въ Пиреѣ и отправились въ Аѳины довольно большимъ кортежемъ, состоявшихъ изъ 5-ти или 6-ти экипажей, въ предшествіи и сопровожденіи конвоя. Разумѣется, что при съѣздѣ ихъ величествъ съ парохода имъ отданы были почести отъ всѣхъ судовъ. На самомъ берегу были сооружены первые деревянные или торжественные ворота. У въѣзда въ Аѳины стояли другіе,

только не оконченные и которые изчезли тотчасъ по проѣздѣ экипажей. Въ серединѣ города на одной изъ Аѳинскихъ улицъ наставлены были третьи ворота, у которыхъ короли остановились и были привѣтствуемы духовенствомъ и нѣкоторыми городскими властями.

Сказавши о здѣшнихъ улицахъ, я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе и объяснить вамъ, что до сихъ поръ въ Аѳинахъ существуетъ двѣ улицы, которыя можно назвать этимъ именемъ. Онѣ широки, прямы и продолжительны, и проведены по новому плану со времени учрежденія здѣсь столицы. Половина одной составилась понемногу и, такъ-сказать, сама собою, т.-е. безъ принужденія и усилій со стороны правительства. Появленію другой улицы городъ обязанъ празднеству, бывшему по случаю вступленія короля Оттона въ совершеннолѣтіе. Она понадобилась для торжественнаго хода короля изъ дворца до каѳедральной церкви, къ которой примыкали со всѣхъ сторонъ узкіе и кривые закоулки и, чтобы очистить эту улицу, нужно было сломать нѣсколько домовъ; но владѣльцы ихъ хотѣли воспротивиться этой мѣрѣ и требовали вознагражденія, разумѣется въ десятеро болѣе чтò стоилъ домъ, а правительство давало во столько же разъ менѣе настоящей цѣны. Когда же дѣло пришло до исполненія, то вышли многія жалкія и смѣшныя сцены. Полиція принуждена была силою отнимать тѣ домы, чрезъ которые должна проходить новая улица. Между тѣмъ какъ ломали эти дома, хозяева ихъ съ семействами смотрѣли съ горькимъ плачемъ на уничтоженіе своихъ жилищъ; иные еще продолжали съ шумомъ торговаться, но тѣ и другіе сыпали брань и проклятія на виновниковъ этого раззоренія. Къ счастію что тутъ не повстрѣчалось ни одного большаго строенія, и полиція безъ особеннаго труда срыла нѣкоторыя и отрѣзала у другихъ столько, сколько ей было нужно. Въ одномъ мѣстѣ осталась только половина дома, въ другомъ часть стѣны, тамъ небольшой уголъ, и такимъ образомъ составилась въ Аѳинахъ новая улица, чѣмъ единственно и ознаменовалось одно изъ важнѣйшихъ происшествій этой страны.

Устройство другой улицы, о которой я вамъ сказалъ прежде, происходило почти въ этомъ же родѣ. Она очень велика и тянется чрезъ весь городъ. Но хотя середина ея стала приходить въ надлежащій порядокъ, за то крайнія части были завалены обломками разрушенныхъ домовъ и покрыты неровными насыпями и рвами. Для улучшенія этихъ частей нужно было ожидать другаго важнаго случая, который и представился съ пріѣздомъ сюда Баварскаго короля. Его намѣревались провезти по этой улицѣ, и она была сравнена, очищена и сдѣлана удобною къ проѣзду. Какой-то насмѣшникъ сказалъ по этому случаю, что надобно желать, чтобы Баварскій король пріѣзжалъ

сюда каждыя двѣ недѣли: тогда въ Аѳинахъ по крайней мѣрѣ устроились бы порядочныя улицы. Для полноты этого описанія нужно прибавить, что во многихъ мѣстахъ города видны деревянные столбы съ надписями, означающими названія еще несуществующихъ улицъ. Но забавнѣе то, что такіе же столбы съ надписями разставлены и за городомъ на далекое разстояніе, гдѣ вовсе нѣтъ никакихъ строеній, а только чистыя поля. Что же касается до самыхъ названій, то лучшихъ нельзя было выбрать, чтобы пустить пыль въ глаза: только и читаешь имена Греческихъ боговъ и лицъ, ознаменовавшихъ блистательную эпоху Аѳинскаго существованія. Двѣ улицы, о которыхъ я говорилъ вамъ, называются одна Грифа, а другая Эола. Прочія, т. е. не существующія, носятъ имена Перикла, Сократа, Демосѳена, Софокла, Эврипида и тому подобныя. Впрочемъ за это нельзя осуждать правительство. Оно предвидѣло въ этомъ хотя отдаленную, но большую пользу: лѣтъ черезъ сто жителямъ Аѳинъ не нужно будетъ обучаться изъ книгъ Греческой исторіи; ее можно будетъ знать по городскимъ улицамъ.

Продолжаю слѣдовать за королями, которые во все это время слушали произнесенныя имъ рѣчи, и по окончаніи ихъ поѣхали далѣе прямо ко дворцу, не будучи останавливаемы ни воротами, ни рѣчами. Тамъ они были встрѣчены здѣшними министрами, членами Совѣта и другими высшими властями. Дипломатическій корпусъ имѣлъ честь представляться на другой день поутру.

До сихъ поръ пріѣздъ Баварскаго короля ничего особенно замѣчательнаго не произвелъ, а ожидаютъ многаго. Его величество большой любитель древностей и удовлетворилъ своей охотѣ, посѣтивъ по нѣскольку разъ здѣшніе памятники.

Вы вѣроятно уже изволили слышать или читать о безпокойствахъ сѣверной части Греціи. Они начались недовольными жителями Румеліи, которые сперва стали производить разбои и нападенія на пограничныя селенія. Правительство долго не обращало на это большаго вниманія и не принимало никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ. Оно хотя и посылало для преслѣдованія разбойничьихъ шаекъ нѣсколько регулярнаго войска, но начальствовавшіе имъ, при всякомъ переходѣ или малѣйшей стычкѣ, едва не были захватываемы непріятелемъ. Между тѣмъ эти шайки, становясь болѣе дерзостными, отдалялись отъ границъ и стали проникать далѣе въ Грецію. По мѣрѣ ихъ вторженія число ихъ увеличивалось, и онѣ наконецъ составлялись въ правильный корпусъ. Тутъ, оставивъ видъ обыкновенныхъ разбойниковъ, они принялись за дѣйствія возмутителей противъ настоящаго правительства и, уже безъ грабежа и большаго насилія, проходили черезъ города и

селенія, смѣняли поставленныя правительствомъ власти и учреждали свои. Такимъ образомъ достигли они Миссолонги и тутъ только были остановлены комендантомъ этой крѣпости. Эти успѣхи со стороны бунтовщиковъ произвели самое неблагопріятное впечатлѣніе въ столицѣ. Здѣшніе жители, кто явно, кто тайно, осуждали правительство и внутренно желали бунтовщикамъ успѣха. Умы находились въ большомъ волненіи, и нѣсколько дней было такихъ, что мы могли ожидать возстанія въ самыхъ Аѳинахъ. Тогда только правительство очнулось, начало направлять къ мѣсту дѣйствія небольшіе отряды своего разсѣяннаго по Греціи войска, стало набирать охотниковъ для составленія новаго нерегулярнаго корпуса, чтобы противустать возмутителямъ (которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявило всепрощеніе, если возвратятся они къ своему долгу) и предало анаѳемѣ пятерыхъ начальниковъ. До сихъ поръ еще ничего рѣшительнаго не было, и бунтовщики продолжаютъ держаться станомъ въ окрестностяхъ Миссолонги. Здѣсь говорили, что они прислали къ королю просьбу, въ которой представили причины своего неудовольствія и изложили свои требованія. Главнѣйшія изъ нихъ состояли въ изгнаніи всѣхъ Баварцевъ, начиная съ графа Армансперга, въ принятіи королемъ Греческаго исповѣданія и въ созваніи народнаго собранія для постановленія конституціи.

Недѣлю тому назадъ уѣхалъ отсюда Баварскій король. Онъ долженъ былъ остаться доволенъ Греціею, ибо имѣлъ случай осмотрѣть внимательно здѣшнія древности; въ этомъ, кажется, состояла главная цѣль его путешествія. Но съ другой стороны пребываніе его здѣсь произвело самыя неблагопріятныя послѣдствія въ мнѣніи Грековъ. Они полагались на него, какъ на послѣднюю нить, на которой держалось ихъ благосостояніе и думали, что съ его пріѣздомъ все перемѣнится къ лучшему. Они надѣялись, что онъ займется устройствомъ здѣшнихъ дѣлъ и, приведя ихъ въ порядокъ, дастъ имъ хорошее направленіе; но они обманулись. Теперь Грекамъ уже не на что надѣяться, а это плохое положеніе.

19.

Аѳины, 28 Апрѣля 1836 г.

Сегоднишній день назначенъ былъ для отъѣзда короля Оттона изъ Греціи, но до этой минуты еще неизвѣстно, точно ли онъ отправится. Это обстоятельство имѣло вліяніе и на мое отбытіе. Я также долженъ былъ сегодня выѣхать изъ Аѳинъ на пароходѣ, который довезъ бы меня до Смирны; но посланникъ, находясь въ невозможности увѣдомить министерство положительно обо всемъ, что можетъ относиться до отъѣзда короля Оттона, принужденъ отложить на нѣсколько дней мое отправленіе. Впрочемъ я готовъ совершенно и надѣюсь, что эта задержка не будетъ продолжительна.

МАСКАРАДЫ ВЪ СТОЛИЦАХЪ.

(МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ).

Главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній относительно старинныхъ маскарадовъ служатъ собранія высочайшихъ указовъ Придворной Конторѣ, равно и журналы этой Конторы. Изъ указовъ 1731 г. видно, что въ маскарадахъ при дворѣ принимали участіе и особы императорской фамиліи „въ маскарадныхъ платьяхъ“. Камерцалмейстеръ Кайсаровъ уплатилъ за маскарадъ, данный 15-го Мая 1731 г. въ Москвѣ, 1.935 рубл. 12½ коп. Императрица Анна Ивановна сама посѣщала маскарады, дававшіеся во дворцѣ съ „шутовствами“. Для этихъ баловъ отведена была въ то время особая зала, называвшаяся „потѣшной“. По журналамъ Придворной Конторы, при Елисаветѣ Петровнѣ, видно, что маскарады устраивались разнообразнѣе, съ бо̀льшею противъ прежняго роскошью, съ необыкновеннымъ блескомъ, причемъ приглашеннымъ предлагалось обильное угощеніе. Государыня относилась къ удовольствіямъ этого рода весьма сочувственно и не разъ принимала въ нихъ дѣятельное участіе. Во время празднованія ея коронаціи (25-го Апрѣля 1742 г.) при дворѣ, по ея повелѣнію, было дано восемь маскарадовъ въ теченіи одного мѣсяца, а именно 8, 9, 11, 13, 16, 19, 23 и 25 чиселъ Мая. На эти маскарады приглашены были всѣ знатныя особы, находившіяся въ то время въ столицѣ „мужеска и женска пола“, знатное шляхетство, штабъ-и оберъ-офицеры съ ихъ женами и дочерьми, а также иностранные и Россійскіе знатные купцы, всѣ въ маскарадныхъ платьяхъ. Въ 1748 г. назначенъ былъ „балъ пополудни въ галереѣ при дворѣ“, на 25-е Апрѣля, а на 26-е число въ оперномъ домѣ Италіянское дѣйствіе, пастораль, а 28-го—маскарадъ. При росписаніи этого маскарада сдѣланы приписки: „перегримскаго платья и собственнаго не надѣвать“, а рукою Императрицы: „и арлекинскаго, и въ маленькихъ фажбанахъ быть, а большихъ никому не надѣвать“.

Въ 1756 г. въ Россію прибылъ извѣстный въ то время директоръ театра Локателли, который привезъ съ собой музыкантовъ и артистовъ для устройства оперы-буффъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ такъ прославился въ обѣихъ столицахъ, что съ его именемъ были связаны всѣ общественныя удовольствія и развлеченія.

Въ 1762 г., вслѣдствіе домогательствъ Локателли, ему было разрѣшено устроить въ Петербургѣ пять публичныхъ маскарадовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы никто изъ посѣтителей не имѣлъ при себѣ никакого оружія не только огнестрѣльнаго, но даже и холоднаго и ножей. Въ слѣдующемъ году весной, во время пребыванія двора въ Москвѣ, ему уже не только было дозволено устроивать маскарады въ принадлежавшемъ ему театрѣ, но за устройство таковыхъ собственно для двора платились ему деньги. По журналамъ того времени видно, что за эти маскарады Локателли въ короткое время получилъ немало денегъ изъ Придворной Конторы. Такъ за два маскарада, бывшіе въ томъ году, 19-го Февраля и 22-го Апрѣля, ему уплачено, независимо отъ денегъ, которыя взималъ онъ съ посторонней публики, собственно изъ придворнаго вѣдомства 8.408 р. Съ этого времени маскарады, кромѣ дворцовъ, стали даваться и у частныхъ лицъ, а въ 1783 г. они перешли и на театры. 12-го Іюня того года въ указѣ, данномъ на имя д. т. с. Олсуфьева, 26-мъ параграфомъ повелѣвалось: „въ театральныхъ залахъ давать для приращенія доходовъ дирекціи театральные балы въ маскахъ и безъ масокъ“. Вслѣдствіе сего указа Комитетъ, управлявшій тогда „придворными зрѣлищами и музыкою“, напечаталъ въ № 19 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1784 г. слѣдующее: „Желающіе содержать маскарады, кои будутъ во всю зиму въ каменномъ театрѣ, явились бы въ оный комитетъ 2-го числа Сентября пополуночи въ 9 часовъ, гдѣ и будутъ условія имъ объявлены“.

Первые маскарады въ каменномъ, послѣ пожара вновь открытомъ, театрѣ, нынѣ Большомъ, давалъ нѣкій Итальянецъ Морозини. Дано было восемь маскарадовъ, причемъ входъ стоилъ одинъ рубль. Затѣмъ въ этомъ театрѣ было дано семь маскарадовъ машинистомъ Домпіери въ компаніи съ танцовщикомъ Ганцолесомъ. О своемъ первомъ маскарадѣ они объявляли между прочимъ такъ: „Увѣдомляя почтенную публику, что первый маскарадъ будетъ въ будущій Понедѣльникъ Октября 14-го дня, просимъ покорнѣйше удостоить оный своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ. Впрочемъ будутъ они, Домпіери и Ганцолесъ, стараться, чтобъ удовольствіе почтенной публики соотвѣтствовало ихъ великому къ оной почтенію“. Въ этихъ маскарадахъ для посѣтителей были устроены всякія приманки и удобства, какъ-то роскошное убранство въ Китайскомъ вкусѣ главной залы при великолѣпномъ ея освѣщеніи, отдѣльные салоны и кабинеты для ужиновъ и карточной игры. Ужины, впрочемъ, заказывались особенно желающими у Надервиля, содержателя Французскаго ресторана, и заблаговременно. Въ разныхъ комнатахъ были устроены магазины съ галантерейными и другими вещами для продажи; словомъ, современный базаръ или кермессъ.

Маскарады видимо начинали нравиться столичному обществу. Появилось еще множество частныхъ устроителей, и не только въ городѣ, но и за городомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ, на дачѣ, принадлежавшей одному изъ вельможъ, нѣкто Ліонъ устроилъ публичные маскарады, на которые однако можно было пріѣзжать во

всякомъ платьѣ. Эти маскарады, съ платою по рублю съ персоны за входъ, давались только по Воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и не представляли впрочемъ ничего особенно интереснаго.

Въ виду распространенія вкуса къ маскарадамъ, правительство сочло нужнымъ усилить за ними надзоръ. Въ 1796 г. 22-го Декабря состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы „полиція наблюдала за маскарадами, гдѣ бы они ни давались, на театрѣ или въ частныхъ домахъ“.

Въ концѣ прошлаго столѣтія маскарады на каменномъ театрѣ сданы были на нѣсколько лѣтъ въ оброчное содержаніе иностранцу Фельету. Въ виду этой привиллегіи, коммиссія, высочайше назначенная для разработки вопроса о лучшемъ управленіи театрами, ходатайствовала предъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, на основаніи указа даннаго еще его бабкою въ 1783 г., о предоставленіи исключительнаго права устраивать театральные маскарады дирекціи театровъ. Докладъ коммиссіи по этому поводу удостоился утвержденія 11-го Ноября 1803 г. По переходѣ маскарадовъ отъ Фельета въ веденіе дирекціи, 27-го Августа 1806 г. состоялось высочайшее повелѣніе сбавить цѣны за входъ и впредъ взимать съ персоны только по одному рублю.

Съ 1806 по 1816 годъ, къ маскарадамъ въ столицахъ такъ пріохотились, что когда, по окончаніи Французскихъ войнъ, признано было нужнымъ составить инвалидный капиталъ, то на маскарады взглянули, какъ на одинъ изъ лучшихъ способовъ къ тому. Въ высочайше утвержденномъ 23-го Марта 1816 г. докладѣ графа Аракчеева между прочимъ въ ст. 9-й сказано: „Каждый театръ въ государствѣ обязанъ давать маскарады для увѣчныхъ воиновъ однажды въ годъ. Равно всѣ содержатели клубовъ, маскарадовъ, общество музыкантовъ и разныхъ штукмейстеровъ, временно куда-либо пріѣзжающихъ или постоянно симъ занимающихся, даютъ однажды въ годъ по одному маскараду. По императорскимъ театрамъ деньги доставляетъ въ комитетъ раненыхъ главный директоръ надъ зрѣлищами, который назначаетъ маскарады отъ каждаго театра, сколько бы ихъ ни было въ его вѣдѣніи, въ которыхъ таковые маскарады существуютъ, возвышая при семъ случаѣ цѣну за входъ“.

На основаніи этого повелѣнія тогда же, 26-го Марта, главный директоръ театровъ А. Л. Нарышкинъ назначилъ навсегда для театральныхъ маскарадовъ въ пользу инвалидовъ 6-е Октября—день Лейпцигской битвы.

При Николаѣ Павловичѣ, 13-го Ноября 1827 г., утверждено было новое положеніе для управленія императорскими театрами, по которому управленіе раздѣлялось на пять частей, и каждою частью сталъ завѣдывать одинъ изъ членовъ комитета главной дирекціи, управлявшей тогда театрами. Маскарады были причислены къ 3-й части этого управленія.

Въ 1829 г. дарована привиллегія отставному полковнику Энгельгардту давать въ Петербургѣ публичные маскарады съ платою за входъ въ домѣ его жены на Невскомъ проспектѣ. Эти маскарады посѣщались высшимъ столичнымъ обществомъ, устроивались прекрасно и приносили Энгель-

гардту большой доходъ. Правомъ своимъ онъ пользовался впрочемъ недолго, всего шесть лѣтъ: дирекція театровъ всегда получала отъ своихъ маскарадовъ такой большой доходъ, что не могла мириться съ привиллегіей Энгельгардта. Ей удалось исходатайствовать повелѣніе отъ 13-го Апрѣля 1835 г., по которому привиллегія Энгельгардту была прекращена, и впредъ повелѣно давать маскарады попрежнему въ Большомъ театрѣ.

Въ 1843 г. 21-го Декабря состоялось повелѣніе, которымъ вновь строго подтверждалось, чтобы впредъ „отнюдь не дозволять никакимъ обществамъ и заведеніямъ въ обѣихъ столицахъ давать маскарады, исключая дозволенныхъ здѣшнему Дворянскому Собранію, потому что право сіе принадлежитъ исключительно императорскимъ театрамъ и что подобное дозволеніе, принося упомянутымъ обществамъ или заведеніямъ выгоды, причиняетъ въ тоже время ущербъ въ доходахъ театральной дирекціи". Вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ напечаталъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ" приказъ о недозволеніи обществамъ и заведеніямъ, а также и въ танцклассахъ, давать маскарады; въ дѣйствительности же они были рѣшительно всюду воспрещены во избѣжаніе недоразумѣній и непріятностей, которыя легко могли возникнуть въ то строгое время при малѣйшей неосторожности. Въ обществѣ шепотомъ заговорили объ этомъ неожиданномъ стѣсненіи, вспоминая изреченіе Екатерины Великой по поводу театровъ, что „народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ".... Въ виду этого приказа, 4-го Января слѣдующаго 1844 г. министръ Императорскаго Двора счелъ нужнымъ сдѣлать директору театтовъ и генералъ-губернаторамъ обѣихъ столицъ касательно маскарадовъ слѣдующее разъясненіе: „Поелику высочайшее воспрещеніе давать публичные маскарады обществамъ и заведеніямъ не относится до частныхъ маскарадовъ и танцклассовъ и даже въ клубахъ, коль скоро сіи послѣдніе даются собственно для членовъ оныхъ, а не за деньги для всей публики: то таковые маскарады могутъ быть дозволяемы по сношенію полиціи на основаніи 182 ст. XIV т. Св. Зак. съ театральною дирекціей для назначенія дней и часовъ, и подъ вышеозначенное запрещеніе не могутъ также подходить маскарадные балы, даваемые иногда безденежно въ учебныхъ заведеніяхъ".

Стѣсненія въ общественныхъ увеселеніяхъ весьма чувствительно отзывались въ матеріальномъ положеніи разныхъ благотворительныхъ обществъ въ столицахъ. Въ Ноябрѣ 1844 г. Московскій военный генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о дозволеніи двумъ таковымъ обществамъ въ Москвѣ дать, для поддержанія ихъ, въ продолженіи зимы балы съ томболою или маскарады. Въ основаніе онъ приводилъ соображеніе, что два маскарада не могутъ сдѣлать особаго ущерба доходамъ дирекціи императорскихъ театровъ, а между тѣмъ учрежденія, за которыя ходатайствуется, поддерживались до тѣхъ поръ преимущественно сборами отъ маскарадовъ, которые давались съ этою цѣлью въ прежніе годы. Г. Губернаторъ въ заключеніе своего ходатайства высказывалъ мнѣніе, „что оба учрежденія,

безъ сего пособія, принуждены будутъ прекратить свою общеполезную дѣятельность“. По всеподданнѣйшему о семъ докладу графа Орлова (а не министра двора или дирекціи театровъ) Его Величество 22-го Ноября того же года собственноручно изволилъ написать: „Согласенъ по одному для каждаго и не въ примѣръ другимъ“.

Въ концѣ 1844 г. два Московскихъ клуба, Купеческій и Нѣмецкій, сдѣлали предложеніе дирекціи театровъ платить въ доходъ ея съ маскарадовъ, которые будутъ имъ разрѣшены и въ дни по соглашенію съ нею, четвертую часть сбора за исключеніемъ вечеровыхъ расходовъ. Предложеніе было принято дирекціей не безъ удовольствія, и она поспѣшила ввести эту систему въ обѣихъ столицахъ. Представленіе директора театровъ по этому поводу 18-го Декабря высочайше повелѣно исполнить.

8-го Января 1849 г. повелѣно, чтобы во время маскарадовъ въ Большомъ театрѣ при военной музыкѣ барабановъ не имѣть, а черезъ годъ состоялось повелѣніе во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ оканчивать маскарады одновременно съ прекращеніемъ музыки, а таковую прекращать въ четыре часа пополуночи.

Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ былъ большой любитель маскарадовъ, которые давались театральною дирекціей.

Существовавшимъ запрещеніемъ на маскарады въ половинѣ нынѣшняго столѣтія были недовольны не только общества, клубы, учрежденія и частныя лица, но даже и администрація. Разумѣется, немногіе могли въ этомъ смыслѣ высказываться. Въ 1851 г. Московскій военный ген.-губ. графъ Закревскій рѣшился однако довести до свѣдѣнія министра императорскаго двора о „неблагопристойностяхъ“ допускавшихся по его мнѣнію, дирекціею театровъ въ Москвѣ въ даваемыхъ ею театральныхъ маскарадахъ. Это обстоятельство породило громадную переписку, а также и разслѣдованіе, закончившееся всеподданнѣйшимъ докладомъ, затѣмъ выговоромъ управлявшему Московской Конторой Театровъ, и наконецъ, утвержденіемъ новыхъ „правилъ“ для маскарадовъ въ театрахъ, по которымъ, между прочимъ, „въ нижніе буфеты и отдѣльныя комнаты при нихъ женщинамъ входъ воспретить совершенно“.

Во время переписки и разслѣдованія дирекція до нѣкоторой степени постаралась отмстить генералъ-губернатору, доказывая, что главный присмотръ за публикой и т. п. болѣе зависѣлъ и зависитъ всегда отъ полиціи, „которая одна имѣетъ всѣ средства къ усмиренію буйныхъ и къ удержанію тѣхъ, которые противятся требованіямъ правилъ порядка и благопристойности“. При этомъ было приказано полиціи слѣдить и за туалетомъ посѣтителей театральныхъ маскарадовъ.

Несмотря на существовавшее запрещеніе относительно маскарадовъ, попытки добиваться разрѣшенія устраивать ихъ бывали постоянныя, по большей части всегда неудачныя. Въ 1851 г. графъ Эссенъ-Стенбокъ-Ферморъ возвелъ въ Петербургѣ новое зданіе противъ дебаркадера Николаевской желѣзной дороги по Знаменской площади и обратился въ дирекцію театровъ съ про-

шеніемъ о дозволеніи устроить въ этомъ зданіи, кромѣ вокзала, еще отдѣленіе казино съ правомъ давать въ ономъ маскарады. Директоръ театровъ не только сочувственно отнесся къ этому предположенію, но даже самъ представилъ о томъ ходатайство; однако 8-го Октября онъ получилъ извѣщеніе, что высочайшаго соизволенія на такое новое учрежденіе не послѣдовало.

При Александрѣ Николаевичѣ законъ о маскарадахъ измѣненъ не былъ; лишь въ началѣ царствованія, а именно 7-го Іюня 1855, директоръ театровъ объявилъ конторамъ императорскихъ театровъ, что высочайше повелѣно запрещеніе, существующее относительно маскарадовъ въ столицахъ, распространить „на окрестности оныхъ и на уѣзды".

Въ Январѣ 1865 г. князь Юрій Голицынъ ходатайствовалъ о дозволеніи ему изъ числа разрѣшенныхъ трехъ концертовъ для его капеллы, послѣдній третій, еще несостоявшійся, устроить въ Московскомъ Большомъ театрѣ вмѣстѣ съ маскарадомъ. Это обстоятельство было представлено директоромъ театровъ министру Императорскаго Двора. По прошествіи нѣкотораго времени министръ сообщилъ дирекціи, что давать маскарады на императорскихъ театрахъ частному лицу не можетъ быть дозволено ни въ какомъ случаѣ и не подъ какимъ условіемъ, тѣмъ болѣе, что однажды допущенный примѣръ такого разрѣшенія подалъ бы поводъ домогаться того же и многимъ другимъ. Хотя разрѣшеніе не было дано, но домогательства бывали постоянно, въ такомъ количествѣ и съ такими разнородными условіями, нерѣдко комичными, что переписка по поводу этихъ предложеній могла бы составить не одинъ интересный томъ. Приводимъ примѣръ: въ 1866 г. Московскій 1-й гильдіи купецъ Эрлангеръ вмѣстѣ съ купцами Касаткинымъ и Дроздовымъ задумали устроить съ дирекціей выгодную сдѣлку и предложили ей устраивать во время даваемыхъ ею въ Московскомъ Большомъ театрѣ маскарадовъ розыгрышъ вещей съ лотереею аллегри отъ себя съ тѣмъ, что за это право они будутъ платить дирекціи по 125 рублей за каждый маскарадъ. Какъ ни казалось это выгоднымъ бюрократамъ, но когда предложеніе дошло до министра Императорскаго Двора, то послѣдовалъ рѣшительный отказъ. Министръ находилъ, что такая комбинація была бы противна приличію и потому приказалъ предложеніе немедленно отклонить.

Извѣстно, что черезъ годъ по вступленіи нынѣ благополучно царствующаго Императора на престолъ, а именно указомъ отъ 19-го Марта 1882 г., совершенно отмѣнены статьи законовъ, предоставлявшія исключительныя права на увеселенія въ столицахъ императорскимъ театрамъ, а также вѣроятно уже замѣчена странность, что отъ этой мѣры число маскарадовъ въ столицахъ, въ теченіи года, почти не увеличилось...

С. Танѣевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДАВНОПРОШЕДШАГО.

I.

Прочитавъ въ 7-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» нынѣшняго года статью: «Любопытныя показанія графа Закревскаго», я встрѣтилъ въ ней опредѣленіе моей собственной личности. Отзывъ графа Закревскаго (какъ вѣрно предугадано издателемъ) вызвалъ не только во мнѣ, но и во всѣхъ слушателяхъ, бывшихъ у меня при чтеніи «Русскаго Архива», громкій смѣхъ.

Оправдалась на графѣ Закревскомъ старинная Русская поговорка: «какъ аукнется, такъ и откликнется». Москва казалась ему какимъ-то немирнымъ Кавказомъ, и онъ не разъ говаривалъ мнѣ, что въ Москвѣ нуженъ зоркій глазъ, чтобы знать и вѣдать теченіе частной жизни, и сообразно этому слѣдить за Московскими аулами и засадами. На это я ему, шутя, отвѣчалъ, что опасности никакой нѣтъ, потому что храбрый генералъ Ермоловъ живетъ съ нами.

Въ настоящее время этотъ страхъ графа Закревскаго за возмущеніе въ Москвѣ, могущее произойти отъ того, что гдѣ-либо съѣдутся пять-шесть человѣкъ и засидятся за полночь, не играя въ карты, былъ бы объясненъ словомъ *психопатія*. Въ припадкахъ такой подозрительности воображеніе графа Закревскаго создавало для него разныя небылицы, для разсѣянія которыхъ у него не находилось, въ его собственномъ мышленіи, никакихъ возраженій, и вотъ онъ, какъ человѣкъ убѣжденный въ дѣйствительности предполагаемыхъ страховъ, и, какъ вѣрный слуга по своей должности, и притомъ старый другъ графа А. Ѳ. Орлова, сообщалъ ему свои сновидѣнія, которыя въ сущности были чистѣйшею клеветою.

За то и Москва не щадила графа Закревскаго по части клеветы, разсказывая вездѣ о его личныхъ поборахъ и о займахъ безъ отдачи, которые будто дѣлали его жена и дочь. Прочитавъ теперь (черезъ 25 лѣтъ) взведенную на меня ни съ чѣмъ несообразную и несходную съ моимъ внутреннимъ направленіемъ и образомъ всей моей жизни и дѣятельности напраслину, отвѣчаю на нее громогласнымъ заявленіемъ, что всѣ сыпавшіеся на графа Закревскаго и его семейство упреки въ поборахъ составляютъ чистѣйшую ложь и выдумку. Графъ Закревскій никакихъ денежныхъ интересовъ изъ своей службы не извлекалъ, и я это говорю какъ бывшій Московскій откупщикъ во времена его генералъ-губернаторства; потому что я знаю, что ни графъ Закрев-

скій, ни семья его не составляли для откупа ни копѣйки расхода. Между тѣмъ денежные недостатки на покрытіе долговъ, сдѣланныхъ его дочерью, сильно угнетали графа, и онъ, сознаваясь въ этомъ, предложилъ мнѣ (въ 1851 году) купить за 70 т. р. его Петербургскій домъ (нынѣ графа Зубова, противъ Исаакіевскаго собора). Выразивъ готовность исполнить это, я тогда же возразилъ графу Закревскому, что если оцѣнить домъ этотъ въ 100 т. рубл., то и тогда покупку можно считать выгодною. Графъ отвѣчалъ, что ему болѣе 70 т. не даютъ, и то съ разсрочкою половины денегъ на два года, а такъ какъ ему нужно всѣ 70 т. получить разомъ, то онъ и проситъ освободить его отъ дома. Домъ былъ мною пріобрѣтенъ за назначенную графомъ цѣну и черезъ 4 года послѣ того проданъ вдвое дороже, за 140 тысячъ. Изъ этого ясно обрисовывается честность графа въ денежныхъ дѣлахъ. Послѣ смерти его не осталось никакихъ капиталовъ.

Рядомъ съ этимъ высокимъ достоинствомъ, которое соблюдалъ графъ Закревскій твердо и неуклонно, также твердо существовала другая, такъ-сказать, больная сторона его натуры: это мнимая необходимость вмѣшиваться въ частную жизнь Москвичей и видѣть въ каждомъ малозначительномъ случаѣ потрясеніе правительственной власти. Такъ напримѣръ, Хомяковъ носитъ бороду; это доходитъ до свѣдѣнія графа, и онъ посылаетъ къ нему съ бумагою (1856 года) квартальнаго надзирателя, въ которой сказано, что Алексѣй Степановичъ долженъ обриться. Нужно ли говорить о томъ, какъ это огорчило и покоробило всю Москву? Борода на лицѣ дворянина почему-то казалась тогда протестомъ противъ существующаго правительственнаго строя. Точно также порицаніе крѣпостнаго права и всякое сочувствіе къ освобожденію крестьянъ вызывали не только гнѣвъ, но и безконечную злобу графа Закревскаго на каждаго, кто осмѣливался желать уничтоженія крѣпостной зависимости.

Окончу тѣмъ, что я пользовался отличнымъ расположеніемъ графа Закревскаго около десяти лѣтъ; но оно сразу лопнуло и превратилось въ озлобленіе, лишь только графъ узналъ отъ меня же самаго, что я всею душею благоговѣю предъ мыслію Царя-Освободителя объ уничтоженіи крѣпостнаго рабства.

Когда нибудь я напишу два портрета графа Закревскаго: одинъ по вопросу о бывшихъ въ Москвѣ широкихъ празднествахъ при встрѣчѣ Севастопольскихъ моряковъ, гдѣ увидятъ графа Закревскаго горячимъ патріотомъ, восторгавшимся подъемомъ Русскаго духа. На заключительномъ обѣдѣ означенныхъ празднествъ я произнесъ тостъ «за славное и могучее Русское горе». На другой день

графъ Закревскій пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и предложилъ тостъ за здоровье того, кто въ Русскомъ горѣ видитъ мощь и силу. При этомъ графъ Закревскій сказалъ мнѣ, что митрополитъ Филаретъ къ этому тосту прибавилъ, какъ бы въ подтвержденіе его вѣрности, слова изъ Псалтыри: «въ скорби моей распространилъ мя еси».

Совсѣмъ другой портретъ графа Закревскаго выдетъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Изъ многихъ моихъ разговоровъ съ графомъ по этому вопросу приведу здѣсь слѣдующія слова его: «Развѣ можетъ держаться куполъ, когда столбы, на которыхъ онъ основанъ, будутъ уронены? Ну что̀ вы на это скажете?» Отвѣтъ мой былъ такой: «Если вы хотите уподоблять крестьянскій вопросъ архитектурному зданію, то позвольте сказанное вами выраженіе дополнить. Столбы, поддерживающіе куполъ, должны стоять на твердомъ грунтѣ; но если въ этомъ грунтѣ существуютъ свободные казенные крестьяне и крѣпостные, то послѣдніе невольно, время отъ времени, при неравенствѣ грунтовыхъ слоевъ, произведутъ осадку зданія, могущую повредить столбы и куполъ, тогда какъ при однообразіи грунта столбы будутъ вѣчно твердыми». На это графъ отвѣчалъ: «Все это книжки, а намъ надо жить какъ прежде жили, не слушая говоруновъ».

Я увѣренъ, что еслибы графу Арсенію Андреевичу было прямо и рѣшительно сказано, что освобожденіе крестьянъ должно неминуемо совершиться, но что при этомъ надобно обсудить какъ лучше устроить это дѣло въ смыслѣ сохраненія дворянскихъ и крестьянскихъ интересовъ и еслибы для обсужденія этого вопроса, вмѣсто говоруновъ, былъ назначенъ въ комитетъ самъ графъ Закревскій: то онъ придумалъ бы лучше всѣхъ средство къ упроченію сельскаго хозяйства въ дворянскихъ имѣніяхъ и на крестьянскихъ земляхъ; потому что въ имѣніяхъ графа Закревскаго существовали въ жизни всѣхъ его крестьянъ благоустройство и довольство.

В. Кокоревъ.

2 Іюля 1885.
Ушаки.

Да, еще забылъ сказать, что въ зиму 1857 года, когда я жилъ въ Москвѣ, явилась какая-то пѣгая лошадка въ саночкахъ, которая стояла вблизи моего дома и всюду меня преслѣдовала, куда бы я ни ѣхалъ. Въ саняхъ сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ статское платье. Послѣ оказалось, что это переодѣтый квартальный. Одновременно съ пѣгой лошадкой появился на дворѣ моего дома разнощикъ со спичками, только что входившими во всеобщее употребленіе; разнощикъ этотъ также оказался изъ полицейскихъ. Вотъ въ этихъ мѣропріятіяхъ, вѣроятно, и выражается исполненіе того распоряженія,

о которомъ графъ Закревскій говоритъ въ письмахъ своихъ къ князю Орлову, появившихся теперь въ «Русскомъ Архивѣ».

Черезъ мѣсяцъ или два послѣ учрежденія означеннаго надзора, я написалъ письма къ жандармскому генералу (эту должность занималъ тогда высокочтимый всей Москвой С. В. Перфильевъ) и къ Московскому оберъ-полиціймейстеру, прося дозволить мнимому разнощику, вмѣсто спичекъ, продавать сбитень, который во время бывшей тогда морозной зимы приносилъ бы кучерамъ своего рода пользу, и что сумму, потребную на сбитень, я обязуюсь доставлять впередъ за мѣсяцъ. Послѣ этихъ писемъ, какъ рукой сняло: не стало ни пѣгой лошадки съ переодѣтымъ квартальнымъ, ни спичечнаго разнощика.

В. К.

(*Продолженіе будетъ*).

Мысль о томъ, что, еслибы графъ Закревскій былъ увѣренъ въ безповоротности рѣшенія свыше и еслибы его самаго призвали къ участію, то онъ былъ бы отличнымъ сотрудникомъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса,—есть мысль исторически-вѣрная. Въ этомъ убѣдится всякій, читавшій біографію его друга, графа Киселева, сочиненіе Заблоцкаго-Десятовскаго, наполненное письмами графа Закревскаго. Завзятые враги сего послѣдняго должны были совсѣмъ измѣнить свои понятія о немъ, когда появилась въ свѣтъ эта книга.

Графъ Закревскій умеръ во Флоренціи, черезъ шесть лѣтъ послѣ увольненія изъ Москвы. Тогда пріѣзжалъ во Флоренцію путешествовавшій по Европѣ Наслѣдникъ-Цесаревичъ Николай Александровичъ, которому воспрещено было принять явившагося къ нему на поклонъ графа Закревскаго. Увѣряютъ, что это обстоятельство жестоко поразило старика и содѣйствовало его кончинѣ. Бывшій адъютантъ его (по Финляндскому генералъ-губернаторству) Н. В. Путята помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 года краткое и доселѣ единственное обозрѣніе его служебной дѣятельности, связанной съ важными событіями и свѣтлыми воспоминаніями новой Русской исторіи.

Въ Іюньской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ нынѣшняго года А. В. Фигнеръ изобразилъ графа Арсенія Андреевича съ достолюбезныхъ сторонъ его характера. Графъ Закревскій сообщалъ Фигнеру, что въ мѣрахъ своихъ противъ представителей Московской умственной жизни исполнялъ онъ только приказанія императора Николая Павловича, внутренняя политика котораго, за послѣднее семилѣтіе, напоминала извѣстную комедію Екатерины Великой о Горѣ-Богатырѣ. Не таковъ былъ великій Государь въ иныя эпохи своего долгаго царствованія, какъ это видно и по нижеслѣдующему историческому документу. Позоръ тѣмъ, кто умѣли омрачить свѣтлый его умъ и не допускать до него правды, которой постоянно алкала высокая душа его. П. Б.

ЗАМѢТКА ОБЪ А. С. ХОМЯКОВѢ.

Въ 7-мъ вып. *Русскаго Архива* помѣщена статья подъ заглавіемъ: *Любопытныя показанія о нѣкоторыхъ представителяхъ Московскаго образованнаго общества въ началѣ прошлаго царствованія.* Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, между прочимъ, сказано: «Хомякова спасло отъ ссылки случайное упоминаніе графа Блудова, въ разговорѣ съ графомъ Орловымъ, о томъ, что онъ *богатый помѣщикъ*».

Всѣмъ извѣстно, что покойный А. С. Хомяковъ, какъ и всѣ старые, такъ называемые *Славянофилы*, по своему рожденію, образованію, связямъ принадлежалъ къ нашему высшему обществу; а потому лучшій представитель этого общества, князь Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, и безъ «случайнаго упоминанія» графа Блудова, конечно, зналъ, что Хомяковъ былъ *богатымъ помѣщикомъ*. И не это, конечно, спасало Хомякова отъ какихъ-то ссылокъ.

Въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія хранится документъ, ясно свидѣтельствующій, что наше высшее правительство имѣло самое высокое мнѣніе о Хомяковѣ и вполнѣ цѣнило его прекрасное дарованіе.

Въ 1839 году, Хомяковъ написалъ стихотвореніе *Кіевъ*, для сборника *Кіевлянинъ*, издававшагося въ то время другомъ Хомякова, покойнымъ М. А. Максимовичемъ. «Съ истиннымъ удовольствіемъ», писалъ онъ Максимовичу, «посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала. Пора Кіеву отзываться Русскимъ языкомъ и Русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ». (См. изданныя мною *Письма о Кіевѣ* Михайла Максимовича. Спб. 1871, стр. 15—16). Стихотвореніе свое Хомяковъ оканчиваетъ такъ:

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой,
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ не только обратилъ вниманіе на это стихотвореніе, но даже счелъ долгомъ особымъ докладомъ довести о немъ до свѣдѣнія императора Николая І-го. Вотъ этотъ драгоцѣнный документъ, украшенный собственноручною резолюціею великаго Государя:

«Извѣстный нашъ поэтъ *Хомяковъ*, который, какъ кажется, могъ бы одинъ идти по стопамъ Пушкина, еслибъ постояннѣе занимался своимъ искусствомъ, написалъ нынѣ стихотвореніе, которое я считаю достойнымъ воззрѣнія Вашего Императорскаго Величества. Осмѣливаюсь при семъ всеподданнѣйше представить оное».

«Послѣдніе стихи имѣютъ отношеніе къ другому стихотворенію («Орелъ»), въ которомъ Хомяковъ воспѣвалъ *соединеніе всѣхъ Славянскихъ племенъ подъ хоругвію Россіи*. Эта мысль, которою онъ проникнуть, проявляется въ каждой строкѣ, имъ писанной; глубокое религіозное чувство (въ чемъ Хомяковъ совершенно отличается отъ Пушкина) даетъ этой любимой мысли особую теплоту и возвышенность. Изящество языка и сила выраженій не оставляютъ, думаю, ничего желать болѣе».

Сергій Уваровъ».

№ 156.
30 Сентября 1839.

На этомъ докладѣ рукою Государя начертано: *Не дурно*, а по строкамъ: *въ чемъ Хомяковъ совершенно отличается отъ Пушкина*, тою же державною рукою сдѣланъ росчеркъ карандашемъ, какъ бы уничтожающій эти слова.

И такъ, Хомякова спасло отъ ссылки не «случайное упоминаніе графа Блудова, въ разговорѣ съ графомъ Орловымъ, что Хомяковъ былъ *богатый помѣщикъ*», а то, что высшія правительственныя лица и самъ Государь знали и цѣнили дарованія Хомякова.

Николай Барсуковъ.

18 Іюля 1885 г.
С.-Петербургъ.

*

Помѣщая это любопытное и важное для исторіи Русскаго просвѣщенія сообщеніе, позволяемъ себѣ не согласиться съ нѣкоторыми обобщеніями многоуважаемаго автора. Вопервыхъ, князя (въ то время графа) А. Ѳ. Орлова нельзя называть представителемъ высшаго общества. Не вѣрнѣе ли будетъ назвать его блестящимъ представителемъ служебнаго сановничества? Принадлежностью къ такъ называемому высшему обществу обязанъ онъ былъ не столько родству своему съ Екатерининскими графами Орловыми, какъ собственнымъ дарованіямъ и заслугамъ, въ особенности

въ день 14 Декабря 1825 г., за что̀ и возведенъ онъ былъ въ графское достоинство. Выраженіе „высшее общество“ довольно неопредѣлительно и растяжимо, и конечно Аксаковы (отецъ и сынъ), братья Кирѣевскіе, Еланины, Бодянскій, а болѣе всѣхъ самъ Хомяковъ разсмѣялись бы, еслибы кто имъ сказалъ, что они составляютъ „высшее общество“. Князь Орловъ нѣкогда зналъ Хомякова, служа съ нимъ вмѣстѣ въ конной гвардіи, но потомъ обстоятельства совершенно развели ихъ, и шефъ жандармовъ забылъ про него. Такъ называемый заговоръ Петрашевскаго надолго утвердилъ высшую полицію въ мнѣніи, будто вольнолюбивое направленіе непремѣнно связано съ колебаніемъ собственности и что этого направленія преимущественно держатся люди малоимущіе.

Вовторыхъ, то, что̀ было въ 1839 году, къ несчастію совершенно измѣнилось въ веснѣ 1854 года. Въ то время Хомяковъ уже не могъ ничего печатать, безъ особенныхъ дозволеній. Высылка его изъ Москвы за написанное имъ (и напечатанное лишь въ слѣдующее царствованіе) стихотвореніе, по поводу начавшейся Крымской войны, была почти рѣшена и не состоялась только по энергическому заступничеству графа Д. Н. Блудова и по ходатайству самой супруги графа А. Ѳ. Орлова, которая письменно и словесно содѣйствовала къ разъясненію полной политической благонадежности поэта.

Читатели „Русскаго Архива“ помнятъ письма Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой, писанныя вслѣдъ за кончиною Николая Павловича. Въ нашей печати нѣтъ объ этомъ Государѣ болѣе вѣрныхъ, болѣе сочувственныхъ, можно сказать, болѣе искреннихъ словъ.

Что̀ касается до росчерка на докладной запискѣ графа Уварова (который по деревенскому сосѣдству Смоленской губерніи, зналъ Хомякова съ его дѣтства), то онъ дѣлаетъ великую честь Николаю Павловичу, свѣжо помнившему, какъ христіански умеръ Пушкинъ, и знавшему, что въ устроенной ему гибели не безъ нѣкотораго основанія винили самаго графа Уварова. П. Б.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1885 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени" и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

10.

(Содержаніе Р. Архива 1881 г. см. на обор.).

Приложена картинка, изображающая засѣданіе Государственнаго Совѣта 19 Января 1833 г.: Императоръ Николай Павловичъ награждаетъ Сперанскаго за Полное Собраніе и Сводъ Законовъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1881 ГОДА.

ТРИ БОЛЬШІЯ КНИГИ.

Получать можно въ Конторѣ Русскаго Архива по три рубли отдѣльно за каждую; полный годъ—восемь рублей съ пересылкою.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Современные разсказы и отзывы о Петрѣ Великомъ.—Наставленіе **Елисаветы Петровны** графу Панину, какъ воспитывать Павла Петровича (1761).—Катехизисъ для Павла Петровича. — Письма **Павла Петровича** къ оберъ-камергеру князю А. М. Голицыну.—Записки Нѣмецкаго врача **Дримпельмана** о Россіи въ концѣ прошлаго вѣка.—Русскій паломникъ Барскій, изслѣдованіе **А. К. Гиляревскаго.** — Дружескія сношенія Пушкина, Письма къ нему **Кюхельбекера, Катенина. барона Корфа, А. и Н. Раевскихъ, Алексѣева** и **Гнѣдича,** съ примѣчаніями **издателя.**—Замѣтки на новое изданіе сочиненій Пушкина **С. Г. Чирикова.**—О стихотвореніи Пушкина „Памятникъ", **издателя** со снимковъ подлинника. — Воспоминанія **Н. И. Шенига.**—Воспоминанія графа **М. В. Толстаго.** — Александръ Полежаевъ. Біографическій очеркъ. **Д. Д. Рябиника.** — О Запискахъ княгини Дашковой. (Рукопись, сохранившаяся въ Англіи.) **Князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.**—Историческая картинка, приложенная къ Русскому Архиву: Екатерина Великая съ ея семействомъ и приближенными лицами.—Изъ записокъ Ю. У. Нѣмцевича (о Костюшкѣ). **И. И. Х.**—Возстановленіе Московскаго Университета послѣ Французскаго нашествія 1812 года. **Н. А. Попова.**—Къ біографіи А. Ѳ. Мерзлякова. Сообщено **графомъ Д. А. Толстымъ.**—Письма къ А. С. Пушкину: **Декабриста князя Волконскаго, А. А. Бестужева, княгини З. А. Волконской, П. Я. Чадаева, Фонъ-Фока** и **Сенковскаго.**—Рукописи **А. С. Пушкина:** Стихи къ князю П. А. Вяземскому, письмо о Греческомъ возстаніи, опущенныя мѣста изъ повѣсти: „Дубровскій", нѣсколько новыхъ стихотвореній.

КНИГА ВТОРАЯ.

Канонъ Спасителю, сочиненный княземъ **Г. А. Потемкинымъ-Таврическимъ,** въ Яссахъ 1791 года. Сообщенъ **графомъ А. А. Бобринскимъ.**—Несостоявшееся обращеніе дьякона **Пальмера** въ православіе: Письмо **А. С. Хомякова** къ Казанскому архіепископу **Григорію** и два письма архіепископа **Григорія** къ **А. С. Хомякову.**—Замѣтка **А. С. Хомякова** объ Англіи и объ Англійскомъ воспитаніи.—Два письма **В. Д. Олсуфьева** къ **А. С. Хомякову.**—Замѣтка объ Англійскомъ переводѣ Записокъ княгини Дашковой **М. Ѳ. Шугурова.**—Подымовское дѣло: эпизодъ изъ жизни М. П. Жемчужникова. Записанъ **А. М. Жемчужниковымъ.**—О внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка графа **С. Р. Воронцова.** Съ послѣсловіемъ издателя.—Дай оглянусь. Изъ воспоминаній **графа Д. Т. Знаменскаго** —Къ біографіи **Грибоѣдова:** его письма къ **П. Н. Ахвердовой.**—А. А. Баженовъ. Изъ Кавказскихъ воспоминаній **А. А. Черткова.**—**Николай Павловичъ.** (Автобіографическій разсказъ бывшаго Кавказскаго офицера).— **Изъ рукописей А. С. Пушкина:** разговоръ съ Англичаниномъ о Русскихъ крестьянахъ.—Данныя. Повѣсть собственной жизни. **Записки Г. С. Батенкова.** Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи по дѣлу Декабристовъ.—Современное описаніе 14-го Декабря 1825 года.—Неизданное стихотвореніе **Ѳ. И. Тютчева,** о Декабристахъ.—Разсказы современниковъ о казни Декабристовъ: **1) Шницлера. 2) Н. В. Путяты. 3) В. И. Беркопфа** (Записано **Н. А. Рамазановымъ**).—Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Біографическій очеркъ **В. И.**—Переписка **М. П. Лазарева** съ **княземъ А.С. Меншиковымъ.**—Архіепископъ Аѳанасій Тобольскій, статья **А. Сулоцкаго.** —Записка митрополита **Иннокентія** о дѣтскомъ воспитаніи. 1869.—Письмо **А. Н. Муравьева** къ графинѣ А. Д. Блудовой о сокращеніи приходовъ.—Гергебиль. Воспоминанія барона **Ѳ. Ѳ. Торнова.**—Новыя свѣдѣнія о Полежаевѣ. **Н. А. Попова.**—Четыре статьи **князя В. Ѳ. Одоевскаго** съ предисловіемъ **Я. О. О—ва: 1)** Донъ-Кихотъ XIX столѣтія.- **2)** Записка объ увольненіи крестьянъ.—**3)** По поводу адреса Московскаго дворянства 1864.—**4)** Письмо о томъ же.—Стихотворенія **Соболевскаго:** „Скажи опричникамъ своимъ". — „Наѣвшись щей, напившись квасу".—О Пестелѣ. Отрывокъ Записокъ **А. С. Пушкина.**—Письма **А. С. Пушкина** къ Гончаровымъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Воспоминанія Русскаго дипломата **А. П. Бутенева.** Царствованія Екатерины, Павла и Александра. 1812 годъ. Прибалтійскій край въ 1845—1846 годахъ (изъ дневника Русскаго чиновника) **графа Д. Н. Т.-Знаменскаго.** — Воспоминанія **А. С. Норова.** (Аустерлицъ. — 1812 годъ. — Бородино. — Пребываніе въ Москвѣ, занятой Французами).—Объ историческихъ романахъ. Замѣтка **издателя Русскаго Архива.** — Новонайденныя бумаги **графа Ѳ. В. Ростопчина** (Московскій острогъ въ 1810 году.—Состояніе Москвы передъ нашествіемъ Французовъ.—Москва вслѣдъ за выходомъ Фран-

АВТОБІОГРАФІЯ А. О. ДЮГАМЕЛЯ.

XVIII *)

Вопросъ о расширеніи нашихъ границъ со стороны Средней Азіи былъ снова поставленъ на очередь Оренбургскимъ ген.-губернаторомъ Безакомъ. Составленъ специальный комитетъ для обсужденія этихъ предположеній. Поводомъ для военныхъ дѣйствій противъ Кокана выставлена трудность снабжать провіантомъ гарнизоны построенныхъ въ Сыръ-Дарьѣ фортовъ, между тѣмъ какъ занятіе Ташкента должно было доставить драгоцѣнныя въ этомъ отношеніи средства. Само собою разумѣется, что Милютинъ вполнѣ сочувствовалъ идеямъ Безака. У меня потребовали свѣдѣній, какое количество войскъ я могъ отрядить для содѣйствія завоеванію Ташкента, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приказали составить приблизительную смѣту расходовъ, которыхъ оное потребуетъ. Я въ точности исполнилъ данное мнѣ приказаніе, и, сколько могу припомнить, сумма расходовъ была мною опредѣлена въ 900 т. р. с.

По крайнему моему убѣжденію, не одобряя предположеннаго похода и вмѣстѣ съ тѣмъ желая отклонить отъ себя всякую въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, я написалъ 26-го Мая 1862 г. вице-канцлеру слѣдующее письмо, въ которомъ откровенно изложилъ мой взглядъ на

*) См. первую и вторую книги Р. Архива сего года. П. Б.

этотъ предметъ и указалъ на неудобство такихъ безпрестанно возобновлявшихся походовъ.

„Ваше с—ство! Я только что представилъ г. военному министру (согласно съ оставшимся 9-го Марта журнальнымъ постановленiемъ комитета, которому поручено обсудить вопросы, касающiеся Китая и Сыръ-Дарьинской линiи) подробную записку о средствахъ, которыми я могъ бы располагать въ видахъ содѣйствiя завоеванiю Ташкента. Въ этой запискѣ я указалъ, какого плана военныхъ дѣйствiй слѣдовало бы держаться, съ какими трудностями будетъ сопряжено снабженiе и прокормленiе и каковы приблизительно будутъ расходы на этотъ походъ".

„Я не могу раздѣлять мнѣнiй г.-ад. Безака и г.-лейт. Ковалевскаго касательно необходимости и пользы завоеванiя Ташкента. Я опасаюсь, чтобъ мы не вовлеклись въ невыгодное дѣло, окончательныхъ послѣдствiй котораго даже нельзя въ настоящую минуту предусмотрѣть. Стремиться къ дальнимъ завоеванiямъ вмѣсто того, чтобъ развивать средства За-илiйскаго края, который могъ бы быть приведенъ въ цвѣтущее состоянiе, еслибы его заселяли не казаками, а иными колонистами,—тоже, что отказываться отъ существеннаго и гоняться за призраками".

„Но главное возраженiе, по моему мнѣнiю, вызываемое предположенiемъ г. Безака, относится къ денежному вопросу. Я полагаю, что каждый изъ насъ долженъ прежде всего заботиться о сокращенiи государственныхъ расходовъ, между тѣмъ какъ для всякаго очевидно, что расширенiе нашихъ границъ какъ со стороны Оренбурга, такъ и со стороны Западной Сибири до Ташкента навсегда обременитъ государство огромными дополнительными расходами. Это, подобно Кавказу, пропасть, которая будетъ поглощать всѣ наши доходы".

„Не слѣдуетъ терять изъ виду и того обстоятельства, что съ удаленiемъ изъ страны такой значительной части ея военныхъ силъ, граница Китая останется почти безъ всякаго надзора, между тѣмъ какъ, со времени поднятiя вопроса о проведенiи пограничной линiи, обнаруживается у Китайскихъ начальниковъ смежныхъ провинцiй враждебное настроенiе, которое крайне необходимо сдерживать".

„Въ донесенiяхъ нашихъ консуловъ, живущихъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, равно какъ и начальниковъ, командующихъ на лѣвомъ флангѣ, идетъ рѣчь о Китайскихъ отрядахъ, проникшихъ на наши земли одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Развѣ можно поручиться, что Китайцы, узнавши объ участiи большей части нашихъ военныхъ силъ въ походѣ на Ташкентъ, не предпримутъ открытаго на насъ нападенiя? Вниманiе г. Безака сосредоточено на одномъ предметѣ, тогда какъ слѣдуетъ соображать всѣ обстоятельства въ совокупности".

Отвѣтъ князя Горчакова не заставилъ долго себя ждать; онъ помѣченъ 15-го Іюня изъ Царскаго Села, и я считаю долгомъ привести его вполнѣ:

„Я страдаю, г-нъ генералъ, сильными приступами падагры. Тѣмъ не менѣе не хочу откладывать отвѣтъ на ваше письмо отъ 26-го Мая изъ Омска, въ виду важности его содержанія. Вы извините мой лаконизмъ ради содержанія. Я сообщилъ содержаніе вашего письма Императору. Его Величество изволилъ написать на немъ собственноручно слѣдующія слова: „Это очень основательно и благоразумно". Я присоединяюсь къ этому мнѣнію со всею силою моихъ личныхъ убѣжденій. Я просилъ г.-ад. Милютина замѣнить меня въ этомъ случаѣ о сообщить г. Безаку ваше мнѣніе, одобренное Императоромъ".

Внизу этого письма находился, постскриптумъ, написанный собственноручно княземъ Горчаковымъ по-русски: «Я очень счастливъ, что мы идемъ рука въ руку».

Такъ какъ Государь нашелъ мое мнѣніе основательнымъ и благоразумнымъ, а князь Горчаковъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Его Величества, то можно было ожидать, что всѣ завоевательные замыслы будутъ отложены въ сторону, если не навсегда, то по меньшей мѣрѣ на неопредѣленное время. Однако этого не случилось. Г. Милютинъ не хотѣлъ оставаться въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго неудачу и повелъ дѣло такъ, что черезъ полтора года правительство снова взялось за проектъ наступленія; но для отвода глазъ рѣчь шла уже не о Ташкентѣ, а о соединеніи военныхъ линій Оренбургской и Сибирской.

Нельзя отнимать у г-на Милютина того достоинства, что онъ неутомимый работникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно склоненъ къ новизнѣ. Подъ предлогомъ переустройства, онъ измѣнилъ въ самомъ основаніи прежнюю военную администрацію. Прежде чѣмъ высказывать какое-либо мнѣніе о пользѣ этихъ реформъ, слѣдуетъ посмотрѣть, какъ выдержатъ они опытъ большой войны, такъ какъ то, что̀ кажется хорошимъ въ теоріи, очень часто оказывается негоднымъ на практикѣ.

5 Января 1863 я отправился въ Петербургъ. Въ силу установившагося обыкновенія г.-губернаторы отдаленныхъ областей пріѣз-

жаютъ разъ въ каждые два года въ столицу, чтобъ ускорить окончаніе нерѣшенныхъ дѣлъ и явиться ко двору. Для моей поѣздки былъ еще одинъ поводъ: я желалъ выставить въ его настоящемъ свѣтѣ Михайловское дѣло, о которомъ я уже упоминалъ ранѣе и которому неблагонамѣренные люди старались придать такое значеніе, какого оно вовсе не имѣло. Въ Петербургѣ всегда есть множество генераловъ безъ мѣста, которые ищутъ должности, и немало честолюбцевъ, которымъ очень хотѣлось раздуть это непріятное дѣло для того, чтобъ сѣсть на мое мѣсто. Въ Россіи недостаточно добросовѣстнаго исполненія обязанностей и пользы, которую приносишь на службѣ Государю; чтобъ удержаться на мѣстѣ, необходимо еще постоянно вести борьбу съ врагами, которые скрываются въ мракѣ и которые стараются вредить вамъ коварными внушеніями. Чтобъ разстроивать эти каверзы, надо сдѣлаться такимъ-же пронырою, какъ они, а это было мнѣ вовсе не по вкусу.

Ѣдучи въ Петербургъ, я узналъ въ Нижнемъ Новгородѣ, что, по случаю или скорѣе подъ предлогомъ производившагося въ царствѣ Польскомъ рекрутскаго набора, тамъ вспыхнуло страшное возстаніе, распространившееся оттуда и по Западнымъ областямъ. Хотя я и не былъ призванъ ни къ какому участію въ подавленіи этого возстанія, но оно сильно отразилось на моей служебной дѣятельности, такъ какъ тысячи Поляковъ различныхъ категорій были отправлены въ Сибирь за болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ этихъ волненіяхъ. Трудно составить себѣ понятіе, въ какой мѣрѣ этимъ усложнились мои служебныя обязанности и лежащая на мнѣ отвѣтственность. Съ одной стороны я видѣлъ множество несчастныхъ людей, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія, а съ другой мнѣ приходилось быть на сторожѣ, чтобъ доведенные до отчаянія ссыльные не пустились на какое-нибудь отчаянное предпріятіе, отъ котораго ихъ положеніе могло сдѣлаться еще болѣе тяжелымъ. Мнѣ приходилось принимать мѣры предосторожности, чтобъ не быть застигнутымъ въ расплохъ, и въ тоже время я долженъ былъ избѣгать всякихъ безполезныхъ стѣснительныхъ мѣръ, которыя только довели бы до отчаянія людей, уже раздраженныхъ лишеніями всякаго рода. Все это вмѣстѣ взятое требовало край-

ней осмотрительности и мѣръ предосторожности, которымъ я посвящалъ большую часть моего времени.

Я прибылъ въ Петербургъ среди возбужденія умовъ, вызваннаго Польскими событіями. Государь принялъ меня очень милостиво.

Фортъ Пишпекъ,—это настоящее разбойничье гнѣздо, изъ котораго Коканцы нападали на наши границы,—только что былъ занятъ войсками моего армейскаго корпуса (онъ былъ въ первый разъ взятъ въ 1860, но въ ту пору не былъ вполнѣ разрушенъ). Этотъ военный успѣхъ доставилъ мнѣ изъявленія благодарности отъ Государя и отодвинулъ дѣло Михайлова на второй планъ. По этому случаю я вполнѣ убѣдился, что изъявленій милостиваго царскаго расположенія достаточно для того, чтобъ зажать рты завистникамъ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы васъ очернить.

Въ теченіе 1861 и 1862 годовъ, какъ я уже замѣтилъ ранѣе, вредныя идеи такъ распространились въ Россіи, что можно было опасаться политическаго переворота. Пожары, которые вспыхивали не только въ Петербургѣ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, были роковыми симптомами состоянія умовъ. Въ Польшѣ, быть можетъ, не было бы возстанія, если бы вожаки не разсчитывали на проглядывавшія въ Россіи революціонныя тенденціи и если бы они не надѣялись найти между Русскими помощь для своихъ преступныхъ замысловъ, такъ какъ многіе изъ мечтавшихъ о государственномъ переворотѣ недовольныхъ втайнѣ сочувствовали Полякамъ. Впрочемъ, Польское возстаніе имѣло ту хорошую сторону, что оно очистило политическую атмосферу и доставило всѣмъ живучимъ силамъ Россіи случай сгруппироваться вокругъ престола. Борьба была продолжительна и ужасна, она наложила на Россію тяжелыя жертвы; но результатомъ ея было то, что многія изъ болѣзненныхъ увлеченій разсѣялись, и государственный организмъ окрѣпъ, отбросивъ зловредныя начала, которыми былъ зараженъ.

Надо сознаться, что Польша никогда не имѣла менѣе поводовъ для жалобъ, какъ именно въ то время, когда вспыхнуло возстаніе. Польшею управлялъ братъ Государя Великій Князь Константинъ, а

всѣ его тенденціи были въ пользу Польской національности. Во главѣ гражданскаго управленія былъ поставленъ графъ Велепольскій, выражавшій Полякамъ явное потворство, которое не было тайной ни для кого. Однимъ словомъ, Императоръ сдѣлалъ все что могъ, чтобъ административная автономія Польши была дѣйствительнымъ фактомъ и чтобъ Поляки примирились съ той участію, которую имъ приготовила Исторія. Но всѣ эти мотивы для успокоенія умовъ были не по вкусу Польской эмиграціи, въ которой кроется причина всѣхъ золъ, столько разъ удручавшихъ Польшу. Эмиграція уже давно дѣлала все что могла, чтобъ взволновать умы и подготовить революцію. И патріотическіе гимны, которые распѣвались въ церквахъ, и демонстрація, устроенная по случаю похоронъ архіепископа, и оскорбленія, съ которыми чернь обращалась къ Русскимъ военнаго званія, и другіе тому подобные симптомы—все ясно свидѣтельствовало, что зачинщики ожидали лишь благопріятнаго случая, чтобъ сбросить съ себя маску и взяться за оружіе. Поэтому рекрутскій наборъ былъ только предлогомъ, выставленнымъ для возбужденія къ возстанію, которое вспыхнуло бы и въ томъ случаѣ, если бы вовсе и не было рекрутскаго набора.

Въ тѣ два года, въ теченіе которыхъ продолжалась эта братоубійственная борьба, Поляки не останавливались ни передъ какими преступленіями и прибѣгали безъ всякихъ угрызеній совѣсти къ висѣлицѣ, кинжалу и яду. Когда подумаешь, что число людей, погибшихъ насильственною смертью, превышаетъ три тысячи, то волосы становятся дыбомъ, и невольно предаешь проклятью тѣхъ, кто совершалъ такія преступленія.

Роль, которую играло католическое духовенство во время этихъ событій, была,—я долженъ въ томъ со скорбью сознаться—отвратительная, такъ какъ священники не разъ становились во главѣ шаекъ. Папѣ слѣдовало бы въ самомъ началѣ осудить революціонные происки католическаго духовенства и не дозволять священникамъ заходить за предѣлы ихъ обязанностей. Къ несчастію, этого не было сдѣлано. Напротивъ того, папа, повидимому, сочувствовалъ повстанцамъ, такъ какъ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ скорбѣлъ о притѣсне-

ніяхъ, которымъ подвергалась католическая церковь, а между тѣмъ эти притѣсненія если гдѣ либо и происходили, то были вызваны враждебнымъ образомъ дѣйствій самого духовенства *). Въ Польшѣ католицизмъ такъ тѣсно связанъ съ національными стремленіями, что всякій разъ, какъ Поляки предъявляли требованіе своихъ утраченныхъ правъ, католическое духовенство бросалось очертя голову въ народное движеніе, а эта прискорбная солидарность была причиной того, что даже тѣ католики, которые не принадлежатъ къ Польской національности, всегда были во всей Имперіи предметомъ нѣкотораго недовѣрія со стороны правительства.

При такихъ обстоятельствахъ жизнь въ столицѣ вовсе не была привлекательна, и я сократилъ время моего тамъ пребыванія, на сколько было возможно. Я воспользовался послѣднимъ саннымъ путемъ, чтобъ возвратиться въ Сибирь и прибылъ около половины Мая въ Омскъ, гдѣ моя жена и Юлія ожидали меня съ горячимъ нетерпѣніемъ.

XIX.

Въ Западной Сибири число крѣпостныхъ всегда было очень незначительно, а въ 1861 оно не превышало двухъ тысячъ, такъ что ихъ освобожденіе совершилось съ чрезвычайной легкостью. Но кромѣ того были крестьяне Алтайскаго горнаго округа, которые были подчинены непосредственно Императорскому Кабинету и обязаны отбывать работы въ рудокопняхъ, перевозить уголь, лѣсъ и минералы на довольно большихъ разстояніяхъ. Для крестьянъ этой категоріи былъ составленъ особый уставъ, а для наблюденія за его исполненіемъ назначены мировые посредники. Обязательный трудъ былъ замѣненъ денежнымъ оброкомъ, и такимъ образомъ уничтожены въ Сибири послѣдніе остатки крѣпостничества.

Назначеніе мировыхъ посредниковъ было предоставлено мнѣ; но не могу сказать, чтобъ всѣ они были вполнѣ удовлетворительны, такъ какъ я, по необходимости, долженъ былъ выбирать между тѣми чиновниками, которые находились у меня подъ рукой. Вообще я пришелъ къ убѣжденію, что какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мировые посредники нерѣдко отклонялись отъ пути, котораго они должны были держаться, и это потому, что они не ясно сознавали роль, къ которой они были призваны. Вмѣсто того, чтобъ сказать самимъ себѣ, что имъ слѣдуетъ примирять противоположные и нерѣдко носившіе враждебный характеръ интересы землевладѣльцевъ и крестьянъ и служить для тѣхъ и другихъ безпристрастными судьями, они почти вездѣ выступали въ качествѣ не только защитниковъ крестьянъ, но ихъ адвокатовъ, поддерживали самыя несправедливыя ихъ требованія и нарушали безъ дальнихъ стѣсненій и безъ всякаго зазрѣнія права собственниковъ. Подобно тому, какъ въ Россіи мировые посредники оставляли безъ вниманія жалобы помѣщиковъ, и въ Алтаѣ они безцеремонно нарушали интересы Императорскаго Кабинета, оставляя въ сторонѣ требованія справедливости. Я никогда не допускалъ подобныхъ злоупотребленій и предпринималъ двѣ поѣздки въ Алтай, чтобъ сдерживать юношеское рвеніе мировыхъ посредниковъ и напоминать имъ объ исполненіи ихъ долга.

Обязательныя работы, возложенныя на Алтайскихъ крестьянъ, были главнѣйшею причиной, того, что обязанности главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ и обязанности Томскаго гражданскаго губернатора были соединены въ одномъ и томъ же лицѣ; предполагалось, что сей послѣдній могъ быть какъ-бы помощникомъ перваго въ случаѣ, если бы сельское населеніе не исполняло своихъ обязанностей. Это соображеніе было устранено эмансипаціей крестьянъ и назначені-

емъ мировыхъ посредниковъ; поэтому я сталъ еще болѣе прежняго настаивать на раздѣленіи двухъ должностей.

Генералъ О. былъ наконецъ отозванъ, а Томскимъ гражданскимъ губернаторомъ назначенъ, по моему представленію, д. с. с. Л. Послѣ О—го, котораго всѣ ненавидѣли, всякому новому губернатору не трудно было поставить себя въ хорошее положеніе; стоило только быть вѣжливымъ и любезнымъ съ подчиненными и доступнымъ для всякаго,—словомъ, стоило вести себя съ тактомъ. Но Л. не сдѣлалъ ничего, что̀ могъ-бы и долженъ-бы былъ сдѣлать для пріобрѣтенія не популярности, а того, что̀ гораздо болѣе необходимо—общаго уваженія, и когда, черезъ три года, онъ оставилъ Томскъ, о немъ никто не пожалѣлъ.

17 Апрѣля того же 1863 года появился манифестъ, уничтожавшій тѣлесныя наказанія. Хотя эта мѣра громко свидѣтельствовала о гуманныхъ чувствахъ императора Александра, однако она была въ высшей степени несвоевременна, такъ какъ освобожденіе крестьянъ и безъ того уже ослабило узы повиновенія, а уничтожать послѣднюю узду, внушавшую благотворный страхъ, было и неблагоразумно, и неполитично. Наказаніе плетьми было отмѣнено, а для важныхъ преступленій оставлена только ссылка въ каторжныя работы. За преступленія того же рода, совершаемыя солдатами, перестали наказывать розгами сквозь строй, а велѣно ссылать виновныхъ въ арестантскія роты или на каторжныя работы. Конечно, каторжныя работы могли-бы въ большинствѣ случаевъ считаться достаточнымъ наказаніемъ, если бы онѣ дѣйствительно существовали въ Сибири въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, не то на дѣлѣ, и въ Восточной Сибири, куда направляютъ всѣхъ безъ различія каторжныхъ, нѣтъ рудокопень, гдѣ ихъ можно-бы было заставить работать, такъ какъ работы на Нерчинскихъ заводахъ бо̀льшею частію прекращены по причинѣ ихъ непроизводительности. Отсюда происходитъ, что каторжныя работы существуютъ не столько на дѣлѣ, сколько на бумагѣ; арестантскихъ домовъ едва достаточно для помѣщенія каторжныхъ, и эти дома не представляютъ никакого серьознаго обезпеченія противъ попытокъ къ бѣгству; стало-быть, каторжнику вовсе нетрудно избѣгнуть наказанія. Это и случается ежедневно, а какъ наложеніе клейма раскаленнымъ желѣзомъ отмѣнено одновременно съ отмѣной тѣлесныхъ наказаній, то сдѣлалось положительно невозможнымъ отличать бѣглыхъ каторжниковъ отъ простыхъ бродягъ. Поэтому тюрьмы въ Западной Сибири набиты биткомъ людьми этихъ двухъ категорій, подобранными на большихъ дорогахъ и не имѣющими никакихъ документовъ, которыми можно бы было удостовѣрить ихъ личность.

Неудобства, происходящія отъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, особенно чувствительны въ сферѣ дѣятельности городской и сельской полиціи. До той поры, полицейскія власти, какъ городскія, такъ и сельскія, имѣли право наказывать розгами за незначительные проступки, и такое скорое отправленіе правосудія совершенно соотвѣтствовало характеру и привычкамъ народа. Замѣна розогъ денежными пенями и тюремнымъ заключеніемъ была ошибкою; вопервыхъ потому, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ тюремъ, а тамъ, гдѣ онѣ есть, онѣ находятся далеко не въ удовлетворительномъ состояніи; вовторыхъ потому, что тюремное заключеніе отнимаетъ у простаго народа дорогое время, которое могло-бы быть употреблено съ пользой. А что̀ касается денежныхъ штрафовъ, то виновные большею частію не имѣютъ средствъ ихъ уплатить. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніе розгами было-бы болѣе умѣстно и гораздо болѣе полезно. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать отъ деревенскихъ старшинъ жалобы на то, что съ тѣхъ поръ, какъ уничтожены тѣлесныя наказанія, они лишены всякой возможности обуздывать негодяевъ. Быть можетъ, на это возразятъ, что сельское уложеніе даетъ волостному суду право присуждать къ наказанію 20-тью ударами розогъ; но тѣлесныя наказанія въ гомеопатическихъ размѣрахъ не производятъ никакого дѣйствія. Въ подтвержденіе этого я могу разсказать характерный анекдотъ. Одинъ крестьянинъ Барнаульскаго округа былъ присужденъ за какой-то проступокъ къ наказанію 20-тью ударами розогъ. Выслушавъ этотъ приговоръ, онъ обратился къ волостному начальнику съ слѣдующими словами: «Стоитъ-ли вамъ безпокоить себя изъ-за такихъ пустяковъ! Дождитесь, чтобъ я провинился десять разъ и тогда прикажите отсыпать всѣ 200 ударовъ за-разъ; по крайней мѣрѣ тогда будетъ изъ-за чего̀ трудиться». Наконецъ, каково-бы ни было наше мнѣніе о пользѣ тѣлесныхъ наказаній, не подлежитъ сомнѣнію, что со времени отмѣны этихъ наказаній число проступковъ и преступленій значительно увеличилось въ Россіи и что тюрьмы переполнены арестантами. Даже дисциплина въ арміи пострадала. Отмѣняя наказаніе плетьми, слѣдовало-бы ввести смертную казнь за важныя преступленія, какъ напримѣръ, за убійство; а такъ какъ этого не сдѣлано, то наше уголовное уложеніе оказывается неудовлетворительнымъ, и по необходимости придется его измѣнить.

Въ Январѣ 1864 военный министръ увѣдомилъ меня, что окончательно рѣшено соединеніе линій Оренбургской и Сибирской и что въ началѣ весны я долженъ отправить сильный отрядъ изъ Вѣрнаго въ Авліету, между тѣмъ какъ г-лъ Безакъ съ своей стороны пошлетъ такой-же отрядъ для завладѣнія крѣпостью Туркестаномъ. Впослѣд-

ствіи эти два отряда должны были соединиться, смотря по ходу дѣлъ, гдѣ нибудь между Авліетой и Туркестаномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г-лъ Милютинъ предложилъ мнѣ поручить командованіе отрядомъ экспедиціоннаго Сибирскаго корпуса полковнику Генеральнаго Штаба Черняеву, на что́ я охотно согласился, потому что Черняевъ имѣлъ репутацію способнаго и энергичнаго офицера. Немедленно было приступлено къ необходимымъ приготовленіямъ; тѣ 150 т. р., кото́рые были плодомъ моихъ сбереженій по продовольствію войскъ за послѣдніе три года, назначены на покрытіе расходовъ. Около 25 Апрѣля отрядъ выступилъ изъ Вѣрнаго, и въ первыхъ числахъ Мая онъ перешелъ черезъ рѣку Чу, которая до того времени считалась границей, отдѣлявшей наши владѣнія отъ Коканскаго ханства. Въ началѣ Іюня наши войска достигли Авліеты и взяли эту крѣпость приступомъ, между тѣмъ какъ со стороны Оренбурга также была нами взята крѣпость Туркестанъ. Послѣ развѣдокъ, сдѣланныхъ въ различныхъ направленіяхъ, Черняевъ двинулся на Чимкентъ—пунктъ болѣе важный и сильнѣе укрѣпленный чѣмъ тѣ два, и овладѣлъ имъ, благодаря чрезвычайно смѣлому нападенію, въ расплохъ. Съ той минуты предположенное соединеніе двухъ отрядовъ обезпечилось. Но, какъ и слѣдовало ожидать, на этомъ не остановились, хотя князь Горчаковъ, въ своемъ циркулярѣ къ Русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, и заявилъ формально, что Россія уже достигла предположенной цѣли и не имѣетъ намѣренія расширять своихъ завоеваній. События очень скоро и очень рѣшительно опровергли эти дипломатическія завѣренія вице-канцлера.

Въ слѣдующемъ году мы заняли Ташкентъ, который былъ главнымъ по торговлѣ и самымъ многолюднымъ изъ городовъ Коканскаго ханства, а въ 1866 мы даже перешли за Сыръ-Дарью. Послѣ побѣды, одержанной въ открытомъ полѣ, мы также завладѣли Ходжентомъ и Джузакомъ. Однако, скоро пришлось убѣдиться, что гораздо легче расширять владѣнія и брать плохо защищенные города, чѣмъ вводить правильную администрацію въ завоеванныхъ странахъ. Ни Черняевъ, ни тѣ, которые впослѣдствіи занимали его мѣсто, не имѣли успѣха въ попыткахъ этого рода. Налоги не покрываютъ расходовъ на администрацію; торговля, на счетъ которой ласкали себя столькими мечтами, далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ, какихъ ожидали; а прокормленіе войскъ не сдѣлалось болѣе легкимъ, чѣмъ прежде, такъ какъ, хотя Ташкентская область и доставляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые способы, но число людей, которыхъ приходится продовольствовать, увеличилось въ еще болѣе значительномъ размѣрѣ. Я всегда былъ того мнѣнія, что взятіе Ташкента будетъ необходимымъ и не-

избѣжнымъ послѣдствіемъ нашего наступательнаго движенія и могу только удивляться, что князь Горчаковъ считалъ возможнымъ установить географическіе предѣлы нашей территоріи разсылкою дипломатическаго циркуляра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагалъ, что мы не имѣемъ никакого благовиднаго основанія переходить за Сыръ-Дарью. Намъ слѣдовало-бы остановиться на правомъ берегу этой рѣки, такъ какъ Сыръ-Дарья образуетъ нашу единственную природную границу и со стороны Кокана, и со стороны Бухары. Перейдя на лѣвый берегъ этой рѣки, мы заставили Бухарскаго эмира принять участіе въ борьбѣ; уже происходило нѣсколько кровавыхъ стычекъ между Бухарскими войсками и нашими, и намъ скоро придется выбирать одно изъ двухъ: или присоединить къ Имперія Бухарское ханство, или быть постоянно насторожѣ противъ этого безпокойнаго сосѣда. При такихъ условіяхъ не можетъ процвѣтать торговля, для которой нужны спокойствіе и безопасность, а въ такомъ случаѣ спрашивается: какую-же пользу извлечемъ мы изъ того, что проникли въ глубь Средней Азіи? Англійская періодическая печать высказалась очень сдержанно о недавнихъ успѣхахъ нашего оружія въ этой части Азіи, между тѣмъ какъ прежде она била тревогу при извѣстіи о малѣйшемъ покушеніи Русскихъ проникнуть въ эти страны. Это доказываетъ только, что Англичане отказались отъ своихъ прежнихъ химерическихъ опасеній и начали понимать, какъ мало имѣютъ цѣны наши завоеванія въ Средней Азіи. Вмѣсто того, чтобъ завидовать нашимъ успѣхамъ, они имѣютъ полное основаніе радоваться нашимъ ошибкамъ, такъ какъ для всякаго очевидно, что, расширяя наши владѣнія не въ мѣру, мы только ослабляемъ сами себя и что оттого сильно страдаютъ наши финансы. Къ этому положенію дѣлъ можно примѣнить извѣстное выраженіе барона Луи: ведите хорошо политическія дѣла, и я вамъ хорошо устрою финансовыя. Мнѣ хорошо извѣстно, что и вице-канцлеръ, и министръ финансовъ сопротивлялись воинственнымъ стремленіямъ, которыя мы обнаруживаемъ въ Средней Азіи. Но недостаточно имѣть вѣрный взглядъ на вещи; надо кромѣ того имѣть достаточно силы воли, чтобъ примѣнить его къ дѣлу.

Уже прошло почти три года съ тѣхъ поръ, какъ жена моя выѣхала изъ своего имѣнія въ Подоліи, и управленіе нашимъ помѣстьемъ страдало отъ такого продолжительнаго отсутствія. Поэтому, не смотря на разстояніе, она рѣшилась отправиться туда, лишь только дозволятъ дороги; ея отсутствіе должно было продолжаться болѣе года, а такъ какъ я предполагалъ отправиться на зиму въ Петербургъ, то и обѣщалъ ей пріѣхать въ Носковцы слѣдующей весной.

30 Апрѣля Омское общество устроило въ честь моей жены на прощанье очень хорошенькій сельскій праздникъ, а 2 Мая она выѣхала изъ Омска вмѣстѣ съ Юліей, которая уже дѣлалась большой барышней. Одиночество, въ которомъ мнѣ приходилось жить, конечно, было бы очень для меня тяжело, еслибы я не былъ заваленъ работой: мои занятія умножались съ каждымъ днемъ.

Независимо отъ побѣдъ, одержанныхъ нашими войсками, 1864 г. ознаменовался подписаніемъ протокола касательно установленія нашихъ границъ съ Западнымъ Китаемъ. Переговоры касательно этого предмета начаты за три года передъ тѣмъ, и наши коммиссары неоднократно ѣздили для совѣщаній съ Китайскими коммиссарами въ Чугучакъ, Китайскій городъ, находящійся неподалеку отъ нашей границы. Хотя основанія для проведенія пограничной черты были установлены одною изъ статей заключеннаго въ 1860 году Пекинскаго договора, но они могли быть различно истолкованы вслѣдствіе того, что лица, составлявшія этотъ договоръ, имѣли крайне поверхностныя свѣдѣнія о географическихъ очертаніяхъ этой обширной земли, простирающейся слишкомъ на 2000 верстъ отъ Алтайскихъ горъ на Сѣверѣ до Тянъ-Шанскихъ горъ на Югѣ. Это было причиной многихъ пререканій, доходившихъ даже до враждебныхъ столкновеній на нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей границы, а между тѣмъ вопросъ о разграниченіи не подвигался ни на шагъ къ своему разрѣшенію. Только въ Октябрѣ 1864 г. Китайскіе коммиссары, наконецъ, рѣшились подписать протоколъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ нашими коммиссарами, и настоящую причину такой уступчивости, поразившей насъ удивленіемъ, слѣдуетъ, какъ я полагаю, искать въ болѣе чѣмъ непрочномъ положеніи, въ которомъ находились въ ту пору западныя провинціи Китайской имперіи. Неудовольствіе Китайскихъ магометанъ, извѣстныхъ подъ именемъ Дунганъ, въ тайнѣ усиливалось, и вспыхнувшее въ различныхъ мѣстахъ возстаніе дѣлало быстрые успѣхи, распространяясь все далѣе и далѣе. Китайскіе коммиссары, въ числѣ которыхъ было немало должностныхъ лицъ самаго высшаго ранга, быть можетъ, надѣялись, что изъявивъ свое согласіе на такое истолкованіе трактата, какое было формулировано нашими коммиссарами, они найдутъ, въ случаѣ усиленія возстанія, поддержку со стороны Россіи. Такимъ образомъ всѣ условія Пекинскаго трактата были исполнены за исключеніемъ той статьи, которая касалась учрежденія Русской факторіи и Русскаго консульства въ Кашгарѣ. Эту статью не было возможности исполнить, потому что въ Западномъ Китаѣ господствовала анархія, и власть Пекинскаго правительства надъ Кашгаромъ была чисто-номинальная.

Чѣмъ далѣе отодвигали мы наши границы, тѣмъ труднѣе становилось управлять обширными землями не вполнѣ заселенными. Чтобъ устранить неудобства, проистекавшія отъ такого положенія дѣла, были придуманы различныя комбинаціи, которыя почти всѣ сводятся къ слѣдующимъ двумъ проектамъ: всѣ степи, до сихъ поръ принадлежавшія къ округамъ Оренбургскому и Западно-Сибирскому, соединить съ вновь завоеванными странами и отдать ихъ въ управленіе особому генералъ-губернатору, и за то отдѣлить Енисейскую губернію отъ Восточной Сибири и присоединить ее къ Западной Сибири съ перенесеніемъ центра главнаго управленія изъ Омска въ Томскъ. Я всегда былъ противникомъ этой маніи измѣнять очертанія различныхъ губерній и переносить центры ихъ управленія изъ одного города въ другой, такъ какъ происходящія отсюда выгоды болѣе чѣмъ сомнительны, а независимо путаницы въ дѣлахъ, такія перемѣны сверхъ того требуютъ значительнаго увеличенія расходовъ. Когда спросили моего мнѣнія объ этомъ новомъ проектѣ, я положительно заявилъ, что считаю его неосуществимымъ, такъ какъ пространство, которое тянется съ одной стороны въ восточномъ направленіи отъ Каспійскаго моря и отъ береговъ Урала до границъ Китая, а съ другой стороны въ южномъ направленіи отъ Иртыша до Тянъ-Шана и до Сыръ-Дарьи, такъ громадно, что я нахожу положительно невозможнымъ отдать его въ управленіе одному лицу, тѣмъ болѣе, что въ центрѣ этого пространства нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы основаться новому генералъ-губернатору, и потому онъ былъ-бы поневолѣ обязанъ жить гдѣ-нибудь на границѣ.

Въ половинѣ Ноября я выѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобъ воспротивиться утвержденію вышеупомянутаго проекта, а также, чтобъ обсудить вмѣстѣ съ военнымъ министромъ тѣ мѣры, которыя слѣдовало принять, чтобъ упрочить за нами новыя завоеванія; но, очевидно, имѣлось въ виду лишить меня моего служебнаго положенія и, стѣсняя его насколько было возможно, заставить меня отказаться отъ моего мѣста. Поэтому, отправляясь въ Петербургъ, я твердо рѣшился не возвращаться въ Сибирь въ томъ случаѣ, если военный министръ успѣетъ осуществить свою мысль о раздѣленіи подвѣдомственнаго мнѣ края.

XX.

На этотъ разъ я пробылъ въ Петербургѣ слишкомъ четыре мѣсяца.

Число сосланныхъ въ Сибирь Поляковъ чрезмѣрно увеличилось въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ и причиняло намъ серьезныя за-

трудненія. Какъ было отказать въ вспомоществованіи тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ не было никакихъ средствъ? Нельзя же было оставлять ихъ умирать съ голоду. Впрочемъ и не всѣ они были въ равной мѣрѣ виновны. На тѣхъ изъ Поляковъ, которые были водворены на казенныхъ земляхъ и число которыхъ доходило въ одной Западной Сибири почти до восьми тысячъ, въ сущности не лежало особенно тяжелыхъ обвиненій. Въ спискахъ, которые мнѣ представлялись, эти Поляки обыкновенно значились въ разрядѣ неблагонадежныхъ, то-есть такихъ, на которыхъ нельзя полагаться; а я не знаю, кого нельзя-бы было подвести подъ такую неопредѣленную и эластичную категорію. Въ сущности поводомъ для всѣхъ этихъ переселеній цѣлыми массами служило желаніе удалить однихъ и тѣмъ очистить мѣсто для другихъ. Поэтому дѣло шло прежде всего о томъ, чтобъ, во избѣжаніе произвольныхъ и неразрѣшенныхъ тратъ, установить размѣръ вспомоществованія, на которое каждый имѣлъ-бы право для покрытія расходовъ на пропитаніе и на квартиру.

Вопросъ о соединеніи управленія Оренбургскихъ степей съ управленіемъ Западно-Сибирскихъ степей былъ снова поставленъ на очередь. Начальство надъ этимъ новымъ военнымъ округомъ было предложено генералу Тимашеву, назначенному на мѣсто г-ла Безака въ Оренбургъ. Впрочемъ въ томъ, что̀ касается разстояній, затрудненія не были устранены. Эта комбинація не состоялась, а въ то время, какъ этого всего менѣе ожидали, г-лъ Тимашевъ рѣшительно отказался подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья. Я никогда не могъ понять причины этого отказа; но полагаю, что такъ какъ Тимашевъ находился не въ лучшихъ отношеніяхъ съ военнымъ министромъ, то онъ опасался, что не найдетъ со стороны сего послѣдняго искренней поддержки.

Въ видѣ предварительной мѣры, было рѣшено организовать управленіе Туркестанской области посредствомъ соединенія Сыръ-Дарьинской линіи съ вновь пріобрѣтенной областью, и все это подчинить Оренбургскому генералъ-губернатору. Тѣмъ временемъ Безакъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края, а въ Оренбургѣ его замѣнилъ генералъ Крыжановскій.

Между тѣмъ къ намъ приходили самыя печальныя вѣсти изъ западныхъ провинцій Китая, гдѣ возстаніе Дунганъ дѣлало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожные успѣхи. Мы скоро узнали, что Кульджа взята инсургентами и что были умерщвлены всѣ Китайцы, начиная съ генералъ-губернатора Илійской провинціи Дзанъ-Дзуна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, такой же участи подвергся Чугучакъ; и съ той минуты уже не осталось и слѣда Пекинскихъ

властей въ пограничныхъ съ Россіей Китайскихъ провинціяхъ. Въ то же время на нашей землѣ укрылось нѣсколько тысячъ несчастныхъ которымъ грозила неизбѣжная смерть. Ихъ положеніе было до того бѣдственное, что я былъ вынужденъ снабдить ихъ пищей и одеждой.

Былъ поднятъ вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ Китайскія дѣла, къ которому громко взывало Пекинское правительство, а въ подкрѣпленіе такого мнѣнія указывалось на содѣйствіе оказанное Китайскому правительству Англо-Французскими военными силами во время подавленія возстанія Тайпинговъ. Военный министръ, по своему безпокойному характеру, не желалъ-бы ничего лучшаго, какъ навязать себѣ такую обузу. Я былъ противоположнаго мнѣнія; вопервыхъ потому, что для вмѣшательства безъ всякаго риска были нужны такія военныя силы, какими мы не могли располагать въ ту минуту, а вовторыхъ потому, что въ такихъ раззоренныхъ и опустошенныхъ странахъ, какъ провинціи Или и Тарбагатай, содержаніе войскъ вовлекло бы насъ въ очень большіе расходы, между тѣмъ какъ отъ Пекинскаго двора, по его двоедушной политикѣ, трудно было ждать благодарности за жертвы, которыя намъ пришлось бы добровольно принести. Вице-канцлеръ одобрилъ мое мнѣніе и расположилъ Государя принять оное. Съ той минуты мы стали держаться самого строгаго нейтралитета по отношенію къ Дунганамъ.

Получивъ дозволеніе отправиться на шесть недѣль къ себѣ въ имѣніе, въ Подолію, я выѣхалъ изъ Петербурга около половины Марта и прибылъ 24 Марта въ Носковцы.

Польское возстаніе имѣло самое прискорбное вліяніе на судьбу помѣщиковъ въ Западныхъ губерніяхъ, и не только Поляки, но даже и Русскіе, владѣвшіе въ этихъ губерніяхъ помѣстьями, были поставлены, вслѣдствіе различныхъ административныхъ мѣропріятій, въ самое невыгодное положеніе. Указомъ 30 Іюля 1863 г., всякія обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, были прекращены съ 1 Сентября того же года, и вмѣсто выкупа по соглашенію былъ введенъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ обязательный выкупъ со скидкой 20% съ той оцѣнки земель, которая была введена положеніемъ 19 Февраля 1861 г. Въ замѣнъ избранныхъ дворянствомъ мировыхъ посредниковъ, къ которымъ правительство питало основательное недовѣріе, были назначены мировые посредники изъ чиновниковъ. Выборъ этихъ должностныхъ лицъ былъ въ большинствѣ случаевъ самый неудачный. Кромѣ нѣсколькихъ исключеній, это были негодяи и настоящіе пролетаріи, пропитанные ненавистью и завистью къ дворянству и готовые утверждать за-одно съ Прудономъ, что собственность есть кража. Когда исторія позна-

комитъ насъ съ возмутительными несправедливостями, которыя совершались мировыми посредниками при исполненіи ихъ оффиціальныхъ обязанностей, тогда станетъ понятно, почему какъ Русскіе, такъ и Польскіе помѣщики были такъ глубоко раздражены, и оказалось достаточнымъ нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ разорить земли, которыя до того времени были самыми плодородными и самыми богатыми во всей Имперіи. При видѣ того какъ дѣйствовали мировые посредники, можно бы было подумать, что ихъ единственная задача заключалась въ уменьшеніи платимыхъ крестьянами помѣщику повинностей, посредствомъ самыхъ лукавыхъ придирокъ, а это направленіе было тѣмъ болѣе прискорбно, что на такія возмутительныя дѣянія некому было жаловаться, такъ какъ мировыхъ посредниковъ сильно поддерживала въ столицѣ та партія, которая ненавидѣла въ равной мѣрѣ и помѣщиковъ, и Польскій элементъ.

При постоянно возраставшей требовательности мировыхъ посредниковъ и въ виду тѣхъ тайныхъ инструкцій, на которыя ссылались эти посредники и которыя свидѣтельствовали о добросовѣстности правительства въ столь деликатномъ вопросѣ, очевидно всего лучше было развязаться съ дѣломъ какъ можно скорѣе. Поэтому я согласился на всевозможныя уступки и пожертвованія, лишь бы только достигнуть мирнаго соглашенія съ моими крестьянами. Выкуппая сумма за предоставленныя мною крестьянамъ въ полную собственность 1753 десятины превосходной земли, со включеніемъ огородовъ и садовъ, была опредѣлена въ 75.468 рубл., т.-е. по 43 руб. за десятину, тогда какъ я самъ, пріобрѣтая Носковцы по купчей крѣпости, заплатилъ за каждую десятину, какъ находящуюся подъ лѣсомъ, такъ и годную для хлѣбопашества, по 60 рублей. Это была потеря почти цѣлой трети моей собственности. Изъ 75.468 рубл., которые мнѣ слѣдовало получить въ качествѣ выкупа, двѣ трети пошли на уплату долга, сдѣланнаго мною въ Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ при покупкѣ имѣнія, а одна треть была уплачена мнѣ выкупными свидѣтельствами, которыя продавались въ ту пору на 30% ниже нарицательной своей стоимости.

Не было помѣщика, которому не пришлось-бы понести такія-же потери, и можно-ли послѣ этого удивляться, что слышались обвиненія въ грабежѣ?

Черезъ три недѣли по прибытіи моемъ въ Носковцы, мы получили извѣстіе о смерти Великаго Князя Наслѣдника, окончившаго жизнь въ Ниццѣ вслѣдствіе постигшей его неизлѣчимой болѣзни. Я помню, что, когда я былъ Петербургѣ, въ публикѣ ходили тревожные слухи о здоровьѣ Е. И. Высочества. Только одинъ Государь былъ,

повидимому, спокоенъ на этотъ счетъ; потому что при дворѣ стараются молчать о томъ, что̀ непріятно, пока бѣда не разразится окончательно. Это неожиданное извѣстіе поразило какъ громомъ не только царское семейство, но всю націю, возлагавшую свои надежды на Наслѣдника Престола. Юный Великій Князь снискалъ своей привѣтливостью общую привязанность и хотя сначала его образованіе оставлялось въ нѣкоторомъ пренебреженіи, но потомъ онъ сталъ серьезно учиться и давалъ право многаго ожидать въ будущемъ. Откланиваясь Государю передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я намѣревался возвратиться изъ Подоліи прямо въ Сибирь; но это печальное событіе заставило меня измѣнить это намѣреніе, такъ какъ я поступилъ-бы не совсѣмъ прилично, еслибы не выразилъ лично Государю участія, которое я принималъ въ постигшемъ его несчастіи. Поэтому я возвратился чрезъ Москву въ Петербургъ, а моя жена и Юлія должны были пріѣхать ко мнѣ въ Омскъ въ Августѣ. Государь соблаговолилъ поблагодарить меня за участіе, которое я принималъ въ постигшемъ его тяжеломъ горѣ. Я нашелъ Его Величество глубоко огорченнымъ, а черты его лица носили на себѣ слѣды тяжелыхъ испытаній, черезъ которыя онъ прошелъ. Я присутствовалъ при всѣхъ церемоніяхъ, происходившихъ по случаю похоронъ Великаго Князя. И вечеромъ, и утромъ толпы людей всякаго званія приходили поклониться праху того, въ чьемъ лицѣ Россія привыкла видѣть своего будущаго Государя. Скорбь, выражавшаяся на всѣхъ лицахъ, была непритворная, такъ какъ въ этомъ важномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, нація вполнѣ отождествлялась съ своимъ Государемъ, и несчастіе, постигшее царскую семью, всѣми считалось за общественное бѣдствіе.

Наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, я получилъ отъ временно замѣнявшаго меня въ Сибири г-ла Панова депешу, содержаніе которой крайне удивило меня. Благодаря простой случайности, въ Омскѣ были открыты слѣды заговора, въ которомъ были сильно замѣшаны нѣкоторые изъ казацкихъ офицеровъ Сибирскаго корпуса. Эти молодые безумцы задумали отдѣлить Сибирь отъ Имперіи и образовать изъ нея федеративную республику по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Чтобъ вывести наружу всѣ развѣтвленія этого безразсуднаго и преступнаго замысла, генералъ Пановъ немедленно образовалъ слѣдственную коммиссію, и вслѣдъ за этимъ были произведены аресты въ большей части городовъ Восточной и Западной Сибири, а также и въ Москвѣ. Я сообщилъ военному министру содержаніе этой депеши и сталъ торопливо готовиться къ отъѣзду. Хотя я не усматривалъ никакой серіозной опасности въ тайныхъ проискахъ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей, которые не имѣли никакого корня

внутри страны, но все-таки это служило указаніемъ на расположеніе умовъ и на вредныя тенденціи, которыя были почерпнуты этими низкопробными заговорщиками въ университетахъ и въ школахъ и которыя еще разъ свидѣтельствовали, какъ была у насъ неудовлетворительна система общественнаго воспитанія.

Я отправился въ путь 30-го Мая. До Нижняго я воспользовался желѣзной дорогой, а оттуда отправился на пароходѣ въ Пермь, сначала спускаясь внизъ по Волгѣ, а потомъ поднимаясь вверхъ по Камѣ. Въ хорошее время года это скорѣе пріятная прогулка, нежели утомительное путешествіе. Въ Тюмень выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу Тобольскій губернаторъ Деспотъ-Зеновичъ, чтобъ пригласить меня провести нѣсколько дней въ главномъ городѣ его губерніи согласно обѣщанію, данному мною при отъѣздѣ въ Петербургъ. Въ мое распоряженіе былъ отданъ пароходъ, который доставилъ меня по Тарѣ и по Тоболу въ 24 часа въ Тобольскъ.

Какъ въ Тюмени, такъ и въ Тобольскѣ я былъ принятъ съ явными выраженіями теплаго сочувствія, такъ какъ могу сказать безъ хвастовства, что я пользовался любовью и довѣріемъ всѣхъ классовъ населенія. Чтобъ достигнуть этого, я принялъ за правило дѣлать кому можно добро и никому не дѣлать зла.

Тобольскъ, въ которомъ я не былъ съ зимы 1861—62 года, много выигрываетъ въ лѣтнюю пору. Этотъ городъ, расположенный у сліянія Тобола съ Иртышемъ, частію на равнинѣ, частію на возвышенностяхъ, представляетъ чрезвычайно красивую панораму, если смотрѣть на него отъ подножія памятника, воздвигнутаго завоевателю Сибири Ермаку. Три дня, проведенные мною въ Тобольскѣ, прошли въ празднествахъ и въ обѣдахъ. Могу сказать, что оказанный мнѣ жителями любезный пріемъ вполнѣ вознаградилъ меня за постоянныя заботы объ ихъ благосостояніи. Изъ Тобольска я выѣхалъ почтовымъ трактомъ и прибылъ въ Омскъ 19-го Іюня, ровно чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ моего отъѣзда оттуда.

Я съ горячностью принялся за работу, такъ какъ вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія разрѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ замедлилось. Вскорѣ затѣмъ прибыли въ Омскъ члены коммиссіи, которая была составлена по желанію военнаго министра для изученія Киргизскихъ степей, какъ въ томъ, что́ касается общественнаго устройства бродячихъ по нимъ съ своими стадами кочевниковъ, такъ и въ томъ, что касается всего лучше примѣнимой къ ихъ быту системы управленія, или другими словами, съ цѣлію сдѣлать выборъ между системой управленія, которой были подчинены Сибирскіе Киргизы и той, которой были подчинены Оренбургскіе, и во что бы то ни стало

ввести въ этомъ отношеніи однообразіе. Эта коммиссія состояла изъ представителей отъ военнаго министерства, отъ Оренбургскаго генералъ-губернатора и отъ генералъ-губернатора Западной Сибири и находилась подъ предсѣдательствомъ служившаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, д. с. с. Гирса, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительныхъ нуждахъ страны, но старался всячески проводить идеи г-ла Милютина. Проектъ административнаго устройства, который былъ составленъ этой коммиссіей, могъ бы быть очень легко составленъ въ Петербургѣ безъ всякихъ изслѣдованій на мѣстѣ: такъ онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той программѣ, которая была намѣчена военнымъ министромъ. Эта коммиссія стоила много денегъ, собрала въ своихъ портфеляхъ безконечное множество ни къ чему негодныхъ бумагъ, которыя потребовали отъ насъ усиленной работы, и въ концѣ концовъ не открыла ничего такого, что не было бы и прежде того извѣстно. Для исполненія коммиссіей возложеннаго на нее порученія были назначены два года, и я сказалъ самъ себѣ, что мнѣ придется оставаться въ Сибири не болѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ я нисколько не былъ расположенъ приспособляться ко всѣмъ нелѣпостямъ, какія могли выйти изъ головы г-дъ коммиссаровъ, а между тѣмъ сіи послѣдніе должны были волей или неволей составлять проекты, чтобъ нельзя было сказать, что они даромъ получали деньги.

Съ 1-го Сентября была введена какъ Оренбургѣ, такъ и въ Восточной и въ Западной Сибири и на Кавказѣ, система военныхъ округовъ. Это былъ конекъ военнаго министра, его собственное созданіе, которымъ онъ чрезвычайно гордился. Конечно, отвѣтственность главнаго начальника войскъ (прежняго корпуснаго командира) очень облегчилась, такъ какъ всѣ дѣла впредъ должны были разрѣшаться коллегіальнымъ порядкомъ; но за то самое разрѣшеніе дѣлъ замедлялось. Теперь приходится обращаться къ засѣдающему въ Петербургѣ военному совѣту по такимъ вопросамъ, которые прежде того подлежали вѣдѣнію корпуснаго начальника. Вообще я придерживаюсь того мнѣнія, что для войскъ, расположенныхъ на оконечностяхъ Имперіи, прежній порядокъ былъ лучше.

Моя жена и Юлія пріѣхали ко мнѣ, какъ обѣщали, въ концѣ Августа, и съ Сентября мы открыли наши гостиныя для пріемовъ. По Четвергамъ, разъ въ двѣ недѣли, мы давали танцовальные вечера. Жители Омска еще никогда не проводили зиму такъ весело. Юлія, сдѣлавшаяся тѣмъ временемъ большой и красивой дѣвушкой, очень нравилась; она была царицей всѣхъ праздниковъ, и всѣ за ней ухаживали. Мой адъютантъ, капитанъ Миссори Торріани влюбился въ нее и сталъ просить ея руки, а такъ какъ молодые люди питали взаим-

ное другъ къ другу влеченіе, то ни я, ни моя жена не хотѣли препятствовать ихъ счастію, хотя я находилъ, что Юлія слишкомъ молода для вступленія въ бракъ: ей должно было минуть 16-ть лѣтъ только 17-го Января слѣдующаго года. Торріани принадлежитъ къ очень хорошему семейству, изъ папскихъ владѣній, но постоянно жившему въ Миланской провинціи. По семейнымъ причинамъ, онъ вступилъ въ Русскую службу и служилъ съ большимъ отличіемъ на Кавказѣ. Только за полгода передъ тѣмъ я согласился принять его въ число моихъ адъютантовъ по рекомендаціи военнаго министра; до той поры я вовсе не былъ съ нимъ знакомъ и конечно, когда бралъ его къ себѣ въ адъютанты, никакъ не могъ ожидать, что онъ сдѣлается моимъ зятемъ. Впрочемъ, я былъ счастливъ тѣмъ, что могъ ввѣрить счастіе дочери честному человѣку, характеръ и правила котораго представляли самыя серіозныя для меня ручательства.

Моя жена тотчасъ занялась приданымъ Юліи, которое было заказано большею частію въ Парижѣ и несмотря на громадное разстояніе прибыло во-время. Въ то время, какъ мы были заняты этими приготовленіями, я получилъ утромъ 5-го Апрѣля отъ министра внутреннихъ дѣлъ телеграмму, извѣщавшую меня о покушеніи, которое было сдѣлано наканунѣ того дня на жизнь Государя и отъ котораго Его Величество спасся чудеснымъ образомъ. Эта неожиданная новость крайне изумила насъ, такъ какъ до того времени въ Россіи не случалось ничего подобнаго. Въ теченіе нѣкотораго времени мы не знали, кто былъ виновникомъ этого гнуснаго покушенія, и всѣ полагали, что это, должно быть, было дѣломъ какого-нибудь Поляка. Поэтому, когда стало извѣстно, что убійца назывался Каракозовымъ, то съ моей души какъ будто свалилось тяжелое бремя: не представлялось необходимости прибѣгать къ новымъ строгостямъ по отношенію къ ссыльнымъ Полякамъ, положеніе которыхъ и безъ того уже было очень печально.

Вслѣдъ за покушеніемъ 4-го Апрѣля былъ обнародованъ Императорскій рескриптъ отъ 13-го Мая князю Гагарину. Этотъ рескриптъ былъ принятъ съ одного конца Россіи до другаго съ искреннею радостью, такъ какъ въ этомъ документѣ, исходившемъ отъ лица Государева, въ нѣкоторой мѣрѣ выражалось сознаніе, что до тѣхъ поръ правительство держалось ложнаго пути и что консервативныя начала должны впредъ служить руководствомъ правительственныхъ властей, какую бы они ни занимали ступень въ административной іерархіи. Къ сожалѣнію, этотъ рескриптъ, который стоилъ того, чтобъ быть напечатаннымъ золотыми литерами, не повсюду примѣнялся вполнѣ, и даже нѣкоторые утверждали, будто онъ не былъ предназначенъ для

западныхъ провинцій, точно будто могутъ существовать двое вѣсовъ и двѣ мѣры для того, что̀ разумно и справедливо.

Свадьба Юліи была 24-го Апрѣля 1866 г., въ годовщину нашей собственной свадьбы, происшедшей за 28-мь лѣтъ передъ тѣмъ: Юлія непремѣнно хотѣла, чтобъ ея свадьба праздновалась въ одинъ день со свадьбой ея родителей. Брачная церемонія была совершена сначала въ Греческой церкви, а потомъ въ мѣстной католической.

Я слишкомъ хорошо зналъ характеръ военнаго министра, чтобъ не предвидѣть, что рано или поздно онъ осуществитъ свои преобразовательные или вѣрнѣе разрушительные проекты и что тогда мое положеніе въ Сибири сдѣлается невыносимымъ. Поэтому я обратился 15-го Мая къ г-лу Милютину съ письмомъ, въ которомъ выражалъ желаніе получить другое назначеніе и присовокуплялъ, что самымъ подходящимъ для меня было бы мѣсто Новороссійскаго генералъ-губернатора въ случаѣ, еслибы оно сдѣлалось вакантнымъ. Эта гипотеза не казалась мнѣ неправдоподобной, такъ какъ ходили слухи о назначеніи генерала Коцебу или на мѣсто Великаго Князя Михаила Николаевича на Кавказъ, или на мѣсто графа Берга въ Варшаву.

Въ послѣднихъ числахъ Мая жена моя выѣхала въ Подольскую губернію въ ожиданіи, что я скоро къ ней пріѣду для того, чтобъ болѣе не возвращаться въ Сибирь. Но Юлія и ея мужъ остались при мнѣ и должны были впослѣдствіи сопровождать меня въ Петербургъ. Между тѣмъ я отправился въ началѣ Іюня въ инспекторскій объѣздъ и проѣхалъ сначала черезъ Семипалатинскъ въ Вѣрное, а оттуда черезъ Сергіополь, Кокбекты, Усть-Каменогорскъ и Барнаулъ въ Томскъ. Изъ Томска я выѣхалъ обратно въ Омскъ. Я ѣхалъ очень скоро и надѣялся, что на другой день буду въ средѣ своихъ; но за 300 верстъ отъ Омска мой экипажъ опрокинулся на почтовой дорогѣ, и я имѣлъ несчастіе переломить лѣвую ногу выше лодыжки. Меня кое-какъ довезли до Омска, и по пріѣздѣ на мѣсто я пролежалъ болѣе шести недѣль въ постели, не прекращая завѣдыванія текущими дѣлами, такъ какъ общее состояніе моего здоровья не пострадало. Это несчастное происшествіе укрѣпило меня въ намѣреніи покинуть Сибирь, и почти въ тоже время я получилъ отъ военнаго министра, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 15 Мая, предложеніе занять мѣсто предсѣдателя Главнаго Аудиторіата. Это было совсѣмъ не то, чего я желалъ; но г-лъ Милютинъ, очевидно, поспѣшилъ сообщить Государю содержаніе моего письма не для того, чтобъ исполнить выраженное мною желаніе, а чтобъ скорѣе устранить меня, такъ какъ мое присутствіе въ Сибири стѣсняло его, и мы не могли идти рука объ руку по причинѣ совершенной противоположности нашихъ взглядовъ. Я отвѣчалъ военному

министру, что не отказываюсь отъ должности предсѣдателя Аудиторіата, если такова воля Императора, но что я желалъ бы прежде всего быть назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, подобно всѣмъ другимъ генералъ-губернаторамъ, оставляющимъ свои мѣста по той или по другой причинѣ, и при томъ съ сохраненіемъ того содержанія, которое получалъ до того времени. Вскорѣ послѣ этого я узналъ, что на мое мѣсто назначенъ г-лъ-л. Хрущовъ, и я поторопился приготовленіями къ отъѣзду. Все, что имѣло какую-нибудь цѣнность и было легко перевозимо, было отправлено съ моими людьми и лошадьми въ Подольскую губернію. Все остальное я распродалъ на мѣстѣ, конечно, съ значительнымъ убыткомъ.

28 Октября, по случаю бракосочетанія Е. И. Высочества Великаго Князя Наслѣдника съ принцессой Дагмарою, я былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. О должности предсѣдателя Аудиторіата не было и помину, какъ будто это мѣсто никогда не было мнѣ предложено, а что̀ касается моего жалованья, то оно было уменьшено съ 18 тысячъ рубл. на 10-ть. Въ довершеніе непріятностей, санный путь долго не установлялся. Только въ началѣ Декабря пошелъ снѣгъ, и когда меня увѣдомили по телеграфу, что мой преемникъ прибылъ въ Пермь, я выѣхалъ 6 Декабря изъ Омска съ цѣлію встрѣтиться съ г. Хрущовымъ на полдорогѣ, т.-е. въ Тюмени, на границѣ Западной Сибири. Дальше переѣздъ, который мнѣ предстояло совершить, внушалъ мнѣ безпокойство, такъ какъ Юлія была беременна, и я опасался для нея толчковъ, которыхъ нѣтъ возможности избѣжать на зимнихъ дорогахъ. Я пробылъ въ Тюмени одинъ день, чтобъ дождаться пріѣзда Хрущова и лично переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, а оттуда продолжалъ мое путешествіе въ Петербургъ, куда прибылъ наканунѣ Рождества.

Окидывая взоромъ мою административную дѣятельность въ Западной Сибири, я могу по совѣсти сказать, что не только относительно правильности въ производствѣ дѣлъ, но и относительно честности чиновниковъ, эта обширная, почти равняющаяся цѣлому королевству, область управлялась лучше, чѣмъ большая часть внутреннихъ губерній, гдѣ воровству и хищничеству полный просторъ, въ чемъ я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться въ качествѣ помѣщика Подольской губерніи. Въ особенности Тобольская губернія, благодаря энергической инціативѣ и неутомимой дѣятельности ея губернатора Деспотъ-Зеновича, могла считаться образцовою. Конечно, нельзя было тоже сказать о Томской губерніи, гдѣ уже давно вкоренились важныя злоупотребленія вслѣдствіе соединенія въ одномъ лицѣ должностей гражданскаго губернатора и главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ

заводовъ. Впрочемъ, эти злоупотребленія существовали почти исключительно въ Томскихъ присутственныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ въ остальныхъ частяхъ этой губерніи администрація дѣйствовала довольно правильно. Подъ мое служебное положеніе старались подкопаться сколько могли, и слѣдуетъ по правдѣ сказать, что только Государь отдавалъ мнѣ справедливость и защищалъ меня противъ тѣхъ, которые старались уронить меня въ его глазахъ. Въ числѣ послѣднихъ я могу прежде всего назвать г. Буткова, который находился во главѣ Сибирскаго Комитета и не взлюбилъ меня, не знаю за что̀. Это былъ ограниченный человѣкъ, отличавшійся безстыднымъ цинизмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени честолюбивый. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того онъ сошелъ съ ума, отъ огорченія, что его не сдѣлали министромъ.

Но когда въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе и тысячи Поляковъ были отправляемы въ ссылку въ Сибирь, моимъ противникамъ было не трудно взводить на меня разныя обвиненія. Они стали проповѣдывать на всѣ тоны, что съ Поляками обходились въ Сибири слишкомъ хорошо и что, будучи католикомъ, я питалъ къ нимъ симпатію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я дѣйствовалъ по внушенію человѣколюбія, считая за гнусность всякое преднамѣренное ухудшеніе въ положеніи этихъ несчастныхъ и принимая нѣкоторыя мѣры съ цѣлію предохранить ихъ отъ голодной смерти. Одна газета дошла до того, что обвинила меня въ постройкѣ тринадцати католическихъ церквей на счетъ казны, тогда какъ во всей Западной Сибири было всего три католическихъ церкви, изъ которыхъ одна только построена при мнѣ на добровольныя пожертвованія, а такого небольшаго числа католическихъ церквей, очевидно, было недостаточно для многочисленныхъ ссыльныхъ.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Сибири, мои частныя дѣла, натурально, оставались въ пренебреженіи. Поэтому, на первой аудіенціи, которую я имѣлъ у Императора послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, я попросилъ, по разстроенному здоровью, восьмимѣсячнаго отпуска за-границу и во внутреннія губерніи. Его Величество соблаговолилъ уволить меня въ такой отпускъ.

Я присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ только два или три раза и въ концѣ Января выѣхалъ черезъ Варшаву и Галицію въ Подольскую губернію, въ мое имѣніе. Мнѣ хотѣлось скорѣе отвезти Юлію къ женѣ для того, чтобъ она разрѣшилась отъ бремени въ Носковцахъ, а для того чтобъ не подвергать ее слишкомъ большой усталости, я предпочелъ путь черезъ Галицію, потому что могъ въ этомъ случаѣ совершить большую часть переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ.

Я остановился на два дня въ Варшавѣ, чтобъ видѣться съ графомъ Бергомъ, который при всякомъ случаѣ доказывалъ мнѣ свое расположеніе и неизмѣнную дружбу. Я нашелъ его озабоченнымъ и встревоженнымъ, такъ какъ онъ, заодно со мною, не одобрялъ нашей политики. Онъ въ особенности жаловался на тонъ, которымъ отличалась съ нѣкотораго времени періодическая печать въ Россіи. Она нападала на все, что̀ не было Русскимъ и православнымъ, точно будто она нарочно старалась создать себѣ враговъ на всѣхъ пунктахъ земнаго шара. Съ другой стороны, мы нанесли оскорбленіе всѣмъ католическимъ государствамъ, прервавъ дипломатическія сношенія съ Римской куріей. «Вы увидите», сказалъ мнѣ графъ Бергъ,—«и то, что̀ я вамъ говорю, я счелъ моимъ долгомъ изложить письменно Императору,—вы увидите, что если мы не перестанемъ выражаться такимъ вызывающимъ тономъ и будемъ нападать на всѣ національности и на всѣ религіи, мы возбудимъ глубокую къ себѣ ненависть и доведемъ дѣло до того, что противъ Россіи составится всеобщая коалиція.»

Въ Коломейо мы покинули Лемберго-Черновицкую желѣзную дорогу и наняли экипажъ для переѣзда въ Гусятину, на Русскую границу, гдѣ находилась таможня и куда моя жена прислала намъ навстрѣчу лошадей и экипажи. Мы остановились въ Гусятинѣ только нѣсколько часовъ, чтобъ исполнить всѣ формальности таможеннаго досмотра и прибыли въ Носковцы на другой день, 3 Февраля, въ 10 час. утра. Велика была радость моей жены, когда она могла обнять насъ послѣ столь долгой разлуки, тѣмъ болѣе, что она тщетно ждала насъ въ теченіи нѣсколькихъ дней и не знала, чѣмъ объяснить нашу мѣшкотность.

XXI.

Проведя нѣсколько дней въ бездѣйствіи подъ впечатлѣніемъ радости, которую намъ доставляло наше свиданіе, я сталъ посвящать мой досугъ на изученіе какъ политическаго, такъ и экономическаго положенія страны и столько-же со скорбью, сколько съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ много утратила Подолія изъ своего прежняго благосостоянія. Въ 1859 году, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Носковцахъ и провелъ тамъ безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ, въ окрестностяхъ было много помѣщичьихъ домовъ, окруженныхъ роскошными садами, хорошо обработанными полями, съ гумнами наполненными зерновымъ хлѣбомъ, съ лѣсами походившими на парки, однимъ словомъ, со всѣми признаками общаго благосостоянія. Даже положеніе крестьянъ, которыхъ правительство осыпало столькими милостями, не улучшилось замѣтнымъ образомъ, потому что, давая имъ свободу, имъ не внушили

любви къ труду, и они проводили время въ кабакахъ и въ праздности. Въ теченіе семи лѣтъ все совершенно измѣнилось. Встрѣчалось много покинутыхъ помѣщичьихъ домовъ, владѣльцы которыхъ или эмигрировали или были отправлены въ ссылку. Прекрасные лѣса были вырублены. Вездѣ видны ясные слѣды нужды и бѣдности. Столь пагубная перемѣна въ положеніи страны была послѣдствіемъ главнымъ образомъ слѣдующихъ двухъ причинъ: ожесточенія, съ которымъ правительство преслѣдовало все, что тамъ было Польскаго, и возмутительнаго произвола, съ которымъ вводился въ западныхъ губерніяхъ законъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Въ сущности эти два обстоятельства были тѣсно связаны одно съ другимъ. Понятно, что въ то время, когда Польское возстаніе поглощало всѣ силы Имперіи и налагало на государственную казну увеличеніе расходовъ, имѣнія Польскихъ помѣщиковъ были обложены военной контрибуціею въ размѣрѣ установленныхъ процентовъ съ чистаго дохода въ наказаніе за то, что они обнаруживали сочувствіе къ мятежникамъ и доставляли революціонному правительству денежныя субсидіи. Но все должно имѣть свой конецъ, а продолжая взыскивать военную контрибуцію до настоящаго времени, не смотря на то, что уже прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ въ Польшѣ возстановлено спокойствіе, налагаютъ такое наказаніе, которое несоразмѣрно съ преступленіемъ, падаетъ безъ различія и на невинныхъ, и на виновныхъ, разоряетъ страну и въ концѣ причиняетъ вредъ намъ самимъ, такъ какъ богатство государства зависитъ отъ богатства частныхъ людей, а когда всѣ бѣдны, налоговъ не съ кого и взыскать.

Наблюдая то, что совершалось на моихъ собственныхъ глазахъ, я нерѣдко размышлялъ о причинахъ вѣковой вражды, которая отдѣляетъ Поляковъ отъ Русскихъ и которая вредна и для тѣхъ, и для другихъ. Кто нашелъ бы цѣлебное средство отъ этой застарѣлой болѣзни, тотъ оказалъ бы дѣйствительную услугу обѣимъ націямъ, которыя вмѣсто того, чтобъ мирно жить одна рядомъ съ другой, истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ побороть одна другую. Для этого нужно бы было прежде всего, чтобъ Поляки искренно и навсегда отказались отъ химерической мысли возстановить Польшу, въ старыхъ ли ея предѣлахъ, или въ предѣлахъ болѣе узкихъ. Исторія произнесла свой приговоръ надъ Поляками, и измѣнять этотъ приговоръ было бы тщетнымъ стараніемъ. Для независимой Польши нѣтъ въ Европѣ мѣста, и всѣ попытки воскресить ее привели бы только къ безплодной междоусобной борьбѣ. Уже достаточно было пролито крови, и пропасть, отдѣляющая Россію отъ Польши, уже такъ глубока, что не слѣдуетъ еще увеличивать ее. Поляки давно должны бы были придти къ тому убѣжденію, что они поступятъ всего благоразумнѣе, если искренно присоединятся къ Россіи и безъ всякихъ заднихъ мыслей свяжутъ свою судьбу съ великой судьбой Имперіи, а свои интересы отождествятъ съ интересами великой Славянской семьи. Поляки обладаютъ столькими блестящими качествами, что они никогда не были

бы отодвинуты на задній планъ; они стали бы занимать то мѣсто, на которое имѣютъ полное право, и рано или поздно съ ними пришлось бы считаться. Но съ другой стороны необходимо, чтобъ и Русскіе тщательно старались не оскорблять Поляковъ во всемъ, что̀ касается ихъ языка, религіи и національныхъ привязанностей; въ особенности необходимо, чтобъ Русская періодическая печать не осыпала ихъ ежедневно выраженіями своего презрѣнія и оскорбленіями и не усиливала чувства вражды, еще не успѣвшаго остынуть. Мнѣ на это возразятъ, что въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ были испробованы всѣ системы, и ни одна изъ нихъ не имѣла успѣха, что не удалось привязать Поляковъ къ Россіи ни снисходительностью, ни строгостью. Въ этомъ случаѣ значительная доля вины падаетъ безъ сомнѣнія на фантастическій характеръ Поляковъ, которые легко увлекаются иллюзіями; но, положа руку на сердце, можно также сказать, что Россія нерѣдко вовлекалась въ ошибки въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ и что правительственныя мѣропріятія, которыя предпринимались съ цѣлію загладить прошлое, не всегда достигали своей цѣли, какъ потому что не были задуманы съ искренностью и прямодушіемъ, такъ и потому что дурно приводились въ исполненіе низшими представителями правительственной власти. Словомъ, я желалъ бы, чтобъ Поляки разъ навсегда отказались отъ своихъ неощуществимыхъ иллюзій, и чтобъ Русскіе смотрѣли на нихъ не иначе, какъ на возвращающихся въ стадо заблудшихъ овецъ. Еслибы Русскіе и Поляки по-братски протянули другъ другу руки и, такъ сказать, взаимно дополнили бы одни другихъ, то для человѣчества началась бы новая эра мира и прогресса.

Если мы отложимъ въ сторону политическій вопросъ и посмотримъ только на экономическое положеніе страны, то глазамъ наблюдателя представится вовсе неутѣшительное зрѣлище. Надо питать сильное влеченіе къ общей пользѣ и пренебреженіе къ своимъ личнымъ интересамъ, чтобъ помѣщать въ наше время свои капиталы въ земельной собственности, а не въ процентныхъ бумагахъ. Вся тяжесть налоговъ, всѣ строгости администраціи падаютъ на недвижимую собственность, между тѣмъ какъ съ владѣльцами процентныхъ государственныхъ бумагъ обходятся, какъ съ привилегированными людьми, съ самой большою заботливостью. Однако, всякій добросовѣстный человѣкъ согласится, что тотъ, кто посвящаетъ себя земледѣльческой или промышленной дѣятельности, принимая на свой рискъ какъ хорошія, такъ и дурныя вѣроятности подобныхъ предпріятій, гораздо полезнѣе для государства, нежели тотъ, чьи заботы заключаются только въ полученіи два раза въ годъ процентовъ изъ Государствен-

наго Банка. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что Русскіе капиталисты очень сдержанны въ томъ, что̀ касается пріобрѣтенія имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Немногіе изъ Русскихъ, пустившіеся на эти предпріятія, вообще не въ выгодѣ, а изъ патріотизма конечно никто не желаетъ разоряться. Если во всей Россіи земледѣліе и промышленность находятся въ упадкѣ, то это еще болѣе замѣтно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ экономическое положеніе страны сильно пострадало отъ пагубнаго вмѣшательства мировыхъ посредниковъ. Эти послѣдніе до нѣкоторой степени возстановили хорошую репутацію деревенской полиціи, хотя и та возбуждала много неудовольствій: по сравненію съ вымогательствами, на которыя пускались мировые посредники, даже образъ дѣйствій полиціи сталъ казаться правильнымъ.

Надо прожить довольно долго на одномъ мѣстѣ, чтобъ составить себѣ вѣрное понятіе о вредѣ, который былъ сдѣланъ странѣ мировыми посредниками. Вслѣдствіе того, что они благоволили къ крестьянамъ въ ущербъ помѣщикамъ и принимали безъ провѣрки и не требуя доказательствъ всѣ заявленія крестьянъ, какъ будто это были слова Евангелія, они дошли до чудовищныхъ безобразій. Можно-ли удивляться глубокой деморализаціи крестьянъ послѣ того, какъ имъ постарались вбить въ голову самыя ложныя понятія, послѣ того, какъ ихъ неоднократно увѣряли, что рано или поздно къ нимъ перейдутъ и лѣса, и фабрики, и даже помѣщичьи дома? Мало того, крестьянамъ внушали даже такую мысль, что работать на помѣщика даже за денежную плату постыдно. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безразсудныхъ внушеній, крестьянинъ сталъ предаваться праздности и неразлучному съ праздностью пьянству; а когда онъ, наконецъ, убѣдился, что его убаюкивали химерами и что ему приходится уплачивать ренту за отведенныя ему земли, которыми онъ надѣялся пользоваться безвозмездно, его неудовольствіе стало усиливаться съ каждымъ днемъ, и я нисколько не удивился бы, еслибы онъ сталъ сожалѣть объ инвентаряхъ, подъ которыми жилъ до эманципаціи.

Крестьянамъ были отведены земли въ такомъ размѣрѣ, какимъ они никогда прежде не пользовались; но не смотря на то, что минимумъ оцѣнки этихъ земель доходилъ до смѣшнаго, все-таки на крестьянинѣ лежитъ тяжелымъ бременемъ та сумма, которую онъ долженъ уплачивать казнѣ въ теченіе 49-ти лѣтъ, и уже теперь повсюду накопляются недоимки. Мировые посредники, выказывавшіе такое великодушіе на чужой счетъ, по крайней мѣрѣ могли бы частію смягчить свою вину по отношенію къ помѣщику, еслибы уничтожили черезполосность и настояли на окончательномъ отмежеваніи оставшихся за владѣльцемъ земель отъ тѣхъ, которыя были отведены крестьянамъ,

и тѣмъ предотвратили бы всякіе споры въ будущемъ. Но и въ этомъ случаѣ мировые посредники не оказались на высотѣ своего призванія; они никогда не умѣли подчинить крестьянина своей волѣ, и можно бы было дѣйствительно подумать, что они старались поставить помѣщика въ невозможность вести сколько-нибудь правильное хозяйство. Такъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ крестьянскіе луга находятся внутри дубовыхъ лѣсовъ, такъ что деревья принадлежатъ помѣщику, а трава, которая растетъ между деревьями, принадлежитъ крестьянамъ. Можно-ли представить себѣ болѣе вредное раздѣленіе собственности, и есть-ли какая-нибудь возможность охранять лѣса, когда крестьянинъ имѣетъ право не только косить въ этихъ лѣсахъ траву, но даже пасти тамъ свой скотъ? И можно-ли было не принимать въ разсчетъ того соображенія, что трава растетъ повсюду, тогда какъ дубъ растетъ только на годной для него почвѣ и требуетъ цѣлаго столѣтія, чтобъ достигнуть своего полнаго развитія? Оттого-то истребленіе лѣсовъ никогда не совершалось въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ со времени освобожденія крестьянъ: не имѣя возможности оградить свои лѣса отъ крестьянскихъ порубокъ, помѣщикъ спѣшилъ срубить ихъ и этимъ способомъ спасти хоть долю своего состоянія.

Другой вопросъ, который имѣетъ не менѣе важное значеніе и который былъ разрѣшенъ чрезвычайно дурно, касается заработной платы. Съ той минуты, какъ былъ уничтоженъ обязательный трудъ, приходилось заботиться о работникахъ для воздѣлыванія полей, то есть о наймѣ батраковъ, такъ какъ разсчитывать исключительно на поденщиковъ значило бы подвергать себя опасности, что окажется недостатокъ въ рабочихъ силахъ именно въ то время, когда онѣ всего болѣе нужны. Въ такихъ густо-населенныхъ губерніяхъ, какъ Подольская, нельзя жаловаться на недостатокъ рабочихъ силъ; но тамошніе крестьяне не имѣютъ желанія работать и не исполняютъ добросовѣстно принятыхъ на себя обязательствъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ составляетъ договоръ о наймѣ рабочихъ въ установленной формѣ, съ утвержденія волостнаго начальства и съ выдачей задатковъ, онъ не имѣетъ никакого обезпеченія: работники приходятъ и уходятъ, когда имъ вздумается, и нѣтъ такой власти, которая считала-бы своимъ долгомъ блюсти за исполненіемъ контрактовъ. Жалобы переносятся изъ одной инстанціи въ другую, но все кончается безплодной перепиской; проходятъ недѣли и мѣсяцы, но самыя законныя жалобы остаются безъ удовлетворенія. При такихъ препятствіяхъ развѣ можетъ процвѣтать земледѣліе?

Мнѣ неизвѣстно, какъ идутъ дѣла въ остальной Россіи; но юго-западныя губерніи отличаются тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ никакихъ началъ власти. Здѣсь живутъ какъ въ первобытномъ природномъ состояніи, подъ господствомъ права сильнаго, и съ оружіемъ въ рукахъ надо защищать свою собственность отъ расхищеній. Было бы напрасно полагаться на охрану правосудія, имѣющаго пещись о всѣхъ и одинаково относиться ко всѣмъ; этого правосудія не найдешь нигдѣ, и поневолѣ приходишь къ убѣжденію, что лучше съ терпѣніемъ выносить зло, чѣмъ подавать жалобы, которыя ни къ чему не ведутъ. Въ первые годы вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, многіе ласкали себя надеждой, что сумятица въ экономическихъ отношеніяхъ была послѣдствіемъ перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, и что мало-по-малу все снова войдетъ въ обычную колею. Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ, волненіе умовъ имѣло время стихнуть; но отношенія между крестьянами и помѣщиками все также натянуты и также неудовлетворительны, какъ въ первую минуту послѣ эманципаціи.

XXII.

Наконецъ наступила весна. Какъ великолѣпно пробужденіе природы въ Подольской губерніи! Все зеленѣло, плодовыя деревья покрывались цвѣтами, соловьи и всякія другія птицы пѣли на вѣткахъ. Трудно найти болѣе восхитительную мѣстность, какъ Носковцы; обширный и помѣстительный барскій домъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ комфорта, окруженъ великолѣпнымъ паркомъ, въ которомъ находятся въ изобиліи самые вкусные фрукты. Среди такой прекрасной, такой разнообразной и привлекательной природы, можно бы было подумать, что находишься въ раю, еслибы вамъ безпрестанно не напоминали о печальной дѣйствительности ежедневныя непріятности, съ которыми сопряжено воздѣлываніе земли при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыя поставлено землевладѣніе. Я воспользовался досугомъ, чтобъ собрать мои воспоминанія въ одно цѣлое. Въ теченіе всей моей жизни я имѣлъ обыкновеніе писать отдѣльныя замѣтки; у меня были подъ рукой многочисленные матеріалы, а такъ какъ я сверхъ того одаренъ прекрасной памятью, то мнѣ не трудно было описать самыя достопамятныя подробности моей жизни. Эта работа очень интересовала меня, и я занимался ею съ усердіемъ. Остальное время я проводилъ въ чтеніи, въ прогулкахъ, въ ходьбѣ по полямъ, и дни проходили такъ быстро, что незамѣтнымъ образомъ сталъ истекать срокъ моего отпуска.

Я, конечно, постарался привести въ порядокъ мои дѣла, которыми не могъ серьозно заниматься во время моего пребыванія въ Сибири. Я прежде всего приложилъ стараніе къ увеличенію доходовъ, которые получались съ Носковцевъ. Я заплатилъ за это имѣніе довольно дорого, такъ какъ пріобрѣлъ его покупкой въ 1858 г., когда никто не могъ предвидѣть, что эманципація совершится на такихъ невыгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ, на какихъ она дѣйствительно совершилась. Поэтому я скоро пришелъ къ убѣжденію, что, ограничиваясь производствомъ ржи, я никогда не буду получать такихъ доходовъ, которые равнялись бы процентамъ съ капитала, употребленнаго мною на пріобрѣтеніе этой недвижимости. Къ земледѣлію было необходимо присовокупить такое промышленное предпріятіе, основой для котораго служили бы сельскія произведенія, и въ этомъ отношеніи все указывало на доходность свеклосахарнаго производства. Не только земля въ Носковцахъ годна для разведенія свекловицы, но два необходимыхъ предмета въ свеклосахарномъ производствѣ—топливо и известь обходится тамъ дешевле, чѣмъ въ Кіевской губерніи, гдѣ лѣса

начинаютъ рѣдѣть, а известковой земли вовсе нѣтъ. Къ тому же мѣсто для завода было выбрано тамъ, гдѣ вода находится въ изобиліи, такъ что на лицо находились всѣ условія для процвѣтанія свеклосахарнаго производства въ Носковцахъ. Весной 1860 былъ заложенъ фундаментъ для завода, а осенью того же года этотъ заводъ уже былъ пущенъ въ ходъ. Если добытые результаты не оправдали вполнѣ нашихъ ожиданій, то это потому что въ началѣ всякаго предпріятія представляются трудности, которыя преодолѣваются лишь съ теченіемъ времени, и потому что для каждой отрасли промышленности требуется болѣе или менѣе продолжительная подготовка. Я не останавливался ни передъ какими затратами для пріобрѣтенія нужнѣйшихъ машинъ. Слѣдуетъ замѣтить, что свекло-сахарное производство, къ сожалѣнію, далеко не пользуется со стороны правительства покровительствомъ и заботливостью, на которыя имѣетъ столько правъ, потому что заводы этого рода распространяютъ благосостояніе по меньшей мѣрѣ на 40 верстъ кругомъ. Когда подумаешь, сколько денегъ эти заводы разсыпаютъ по странѣ въ видѣ платы за производство свекловицы, за работу и за перевозку, то придешь къ убѣжденію, что страна получаетъ гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ самъ заводчикъ, потому что этому послѣднему приходится бороться съ разными неблагопріятными случайностями, съ упадкомъ цѣнъ на сахаръ, съ неурожаемъ свекловицы и со многими другими. Поэтому ничто такъ не противорѣчитъ здравымъ политико-экономическимъ теоріямъ, какъ увеличеніе акцизныхъ пошлинъ, которыми безпрестанно облагаютъ сахаръ внутренняго производства. Еслибы у г. Рейтерна были совершенно развязаны руки, то онъ не давалъ бы себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не убилъ бы этой важной промышленности, которую ввелъ въ странѣ на свой рискъ графъ Бобринскій и за которую Россія должна быть вѣчно ему благодарна. Нерасположеніе министра финансовъ къ внутреннему производству сахара основано на томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ эта промышленность получила значительное развитіе, почти совершенно прекратился ввозъ сахара изъ-за границы, а таможенные доходы по этой статьѣ уменьшились въ такой же пропорціи. Но развѣ для выгодъ казны было бы лучше, если бы Россія получала весь свой сахаръ изъ-за границы, уплачивая за него наличными деньгами? Нашъ торговый балансъ и безъ того уже неблагопріятенъ для насъ; но онъ сдѣлается еще болѣе неблагопріятнымъ, если къ другимъ предметамъ ввоза прибавится и сахаръ.

Въ половинѣ Сентября 1867 я возвратился въ Петербургъ и началъ присутствовать на засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

О финансахъ.

Я уже ранѣе слегка упоминалъ о вредныхъ мѣропріятіяхъ, которыя исходили отъ нашихъ трехъ послѣднихъ министровъ финансовъ. Теперь я изложу эти мѣропріятія подробно для того, чтобъ читатель могъ убѣдиться въ основательности моего о нихъ отзыва.

Г-на Брока нельзя упрекать въ чрезмѣрномъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, потому что Крымская война, вспыхнувшая во время его управленія Министерствомъ Финансовъ, требовала громадныхъ расходовъ, а всѣ иностранные рынки, на которыхъ заключаются займы, были для него закрыты вслѣдствіе составившейся противъ Россіи коалиціи. Но его можно упрекнуть за одну непоправимую ошибку, которая имѣла самыя пагубныя послѣдствія,—за то, что вскорѣ по окончаніи войны онъ уменьшилъ съ 4 на 3 размѣръ процентовъ съ тѣхъ капиталовъ, которые были положены на храненіе въ различныя кредитныя учрежденія.

Вслѣдствіе слишкомъ сильнаго выпуска кредитныхъ билетовъ въ банкахъ накопилась масса капиталовъ, и положенные туда на храненіе 400 милліоновъ не находили для себя выгоднаго помѣщенія. Это положеніе дѣлъ до такой степени встревожило г-на Брока, что, для облегченія банковъ отъ лежавшихъ въ ихъ кассахъ капиталовъ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ ускорить сбытъ этихъ капиталовъ путемъ пониженія процентовъ. Но для государства было-бы гораздо выгоднѣе нести въ теченіи нѣкотораго времени ежегодный убытокъ въ 16 милліоновъ, уплачивавшихся въ видѣ процентовъ, нежели выбросить на рынокъ такую массу кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіе этой мѣры не только цѣна кредитныхъ билетовъ сильно упала, но, по невозможности найти для себя помѣщеніе, одна ихъ часть была переведена за границу, а другая пущена въ самыя рискованныя предпріятія. Это было именно то время, когда основывалось множество обществъ на акціяхъ съ цѣлію извлекать доходы изъ какой-нибудь отрасли промышленности. А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти предпріятія были задуманы аферистами и не имѣли солиднаго фундамента, то они не имѣли успѣха, и эти общества должны были ликвидировать свои дѣла. Нѣсколько сотъ милліоновъ затрачены непроизводительно, и это отразилось вредно на государственномъ богатствѣ.

Быть можетъ, въ первый разъ представился странный фактъ, что министръ финансовъ былъ испуганъ огромнымъ количествомъ находившихся въ его распоряженіи денежныхъ капиталовъ. Отчего было

не считать эти накопившіеся въ банкахъ 400 милліоновъ за внутренній заемъ, заключенный за 4%? Послѣ заключенія мира промышленность оживилась-бы мало-по-малу, эти 400 милліоновъ нашли-бы для себя помѣщеніе, и равновѣсіе возстановилось-бы само собою безъ всякихъ потрясеній. Наконецъ, если г. Брокъ желалъ уменьшить бюджетъ расходовъ путемъ пониженія процентовъ, то онъ могъ-бы взяться за это иначе, а именно путемъ изданія указа, что всѣ капиталы, положенные въ Банкъ послѣ обнародованія этого указа, будутъ приносить только 3%, а всѣ положенные ранѣе будутъ по прежнему приносить 4%. Этого, безъ сомнѣнія, было-бы достаточно, чтобъ предотвратить отливъ капиталовъ, хранившихся въ Банкѣ, а новые взносы производились-бы съ условіемъ уплаты только 3%.

Замѣнившій Брока въ званіи министра финансовъ г. Княжевичъ былъ долгое время директоромъ Департамента Государственнаго Казначейства. Онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ графа Канкрина и могъ до нѣкоторой степени считаться его ученикомъ. Но въ этомъ случаѣ оправдалась пословица, что можно блестѣть на второмъ мѣстѣ и оказаться непригоднымъ для перваго. Княжевичу нельзя отказать въ высокихъ и достойныхъ уваженія качествахъ; тѣмъ не менѣе онъ не находился на высотѣ своего положенія. Именно въ его бытность министромъ приступлено къ переустройству кредитныхъ учрежденій; но эта задача была ему не по силамъ, и онъ надѣлалъ много ошибокъ.

Долгосрочный кредитъ, которымъ можно было пользоваться въ Петербургскомъ и Московскомъ Опекунскихъ Совѣтахъ, равно какъ въ Заемномъ Банкѣ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, былъ уничтоженъ именно въ ту минуту, когда вслѣдствіе освобожденія крестьянъ помѣщики наиболѣе нуждались въ кредитѣ. Дѣло шло не о какихъ-нибудь измѣненіяхъ, сдѣлавшихся необходимыми съ теченіемъ времени и благодаря указаніямъ опыта, но о переустройствѣ банковъ на совершенно новыхъ началахъ. Однако прежніе банки безспорно были полезны для государственной казны. Такъ, напримѣръ, Заемный Банкъ ежегодно давалъ чистаго дохода четыре милліона; Опекунскіе Совѣты давали два съ половиной милліона, а Коммерческій Банкъ полтора милліона. Благодаря господствующей у насъ маніи все подводить подъ одну норму, дошли до того, что наложили руку даже на существовавшія въ каждой изъ нашихъ губерній кассы Общественнаго Призрѣнія, которыя были основаны съ благоразумной предусмотрительностью при Екатеринѣ II-й, дѣйствовали въ качествѣ мѣстныхъ банковъ и также выдавали долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Все было разрушено, прежніе банки уничтожены, и основанъ единственный Государственный Банкъ, въ кото-

ромъ сосредоточились всѣ кредитныя операціи, когда-то входившія въ сферу дѣятельности вышеупомянутыхъ банковъ, за исключеніемъ долгосрочныхъ ссудъ подъ недвижимую собственность, которыя отмѣнены и остаются отмѣненными доселѣ.

Я ставлю вопросъ: въ чемъ новые порядки лучше старыхъ, и упрочился ли отъ этой перемѣны государственный кредитъ? Это могло бы случиться только при томъ условіи, еслибы вновь учрежденный банкъ былъ вполнѣ независимъ отъ правительства, подобно банкамъ Французскому и Англійскому. Но такъ какъ или не хотѣли, или не могли заходить такъ далеко, то лучше было не касаться нашихъ кредитныхъ учрежденій, къ которымъ публика привыкла обращаться въ теченіи стольких лѣтъ. Мнѣ неизвѣстно, приноситъ ли новый Государственный Банкъ казнѣ такой же доходъ, какой приносили уничтоженные банки; но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что теперь на обязанности казны лежитъ покрытіе расходовъ множества благотворительныхъ учрежденій, которыя прежде жили доходами Опекунскихъ Совѣтовъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія съ ихъ капиталовъ.

Также въ бытность Княжевича министромъ финансовъ въ первый разъ серьезно поднятъ вопросъ о замѣнѣ откупной системы взиманіемъ акциза съ спиртныхъ напитковъ, хотя введеніе этой новой системы произошло лишь въ бытность министромъ Рейтерна; даже причиной выхода Княжевича въ отставку было разномысліе, возникшее между Княжевичемъ и директоромъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ Гротомъ касательно назначенія разныхъ лицъ начальниками акцизныхъ сборовъ въ различныхъ губерніяхъ. Давно уже было признано, что хотя откупная система и представляетъ очень легкій способъ собиранія налога, но съ нею связано много неудобствъ. Откупщики сдѣлались силой, какъ бы государствомъ въ государствѣ; у нихъ состояли на жалованьи не только городская и сельская полиція, но даже чины администраціи до губернаторовъ; случалось, что они низвергали губернаторовъ, не подчинявшихся ихъ волѣ; и послѣ этого нельзя удивляться тому, что, благодаря своему привилегированному положенію, откупщики могли совершать злоупотребленія всякаго рода. Впрочемъ понятно, что долго не рѣшались уничтожить эту монополію, которая составляла самую важную отрасль государственныхъ доходовъ.

Давая каждому, получившему патентъ, право торговать спиртными напитками оптомъ и въ розницу, правительство имѣло главнымъ образомъ въ виду понизить цѣну водки, сдѣлать ея употребленіе какъ можно болѣе всеобщимъ и собирать въ видѣ акциза не менѣе, а можетъ быть и болѣе того, что прежде получалось съ откупщиковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, внезапное пониженіе стоимости водки на

треть той цѣны, по которой ее продавали откупщики, до крайности усилило пьянство, къ которому Русскіе и безъ того уже склонны едва-ли не болѣе всякаго другаго народа. Послѣдствіемъ этого было развращеніе нравовъ, обнаруживающееся въ постоянно возростающемъ числѣ проступковъ и преступленій. Вмѣсто того, чтобъ работать, люди изъ простонародья проводятъ время въ кабакахъ, которые они повсюду находятъ въ близкомъ разстояніи; ихъ небольшія денежныя средства истощаются, что̀ отражается на благосостояніи государства, какъ это доказываетъ голодъ, отъ котораго пострадала большая часть Имперіи въ 1868 году. Теперь уже дознано, что климатическія условія были лишь второстепенной причиной этого общественнаго бѣдствія.

Если же, не смотря на это, акцизъ, собираемый со спиртныхъ напитковъ, не всегда соотвѣтствуетъ смѣтнымъ предположеніямъ, то это происходитъ не отъ того, что пьютъ меньше, а отъ того, что многіе изъ акцизныхъ чиновниковъ хотя и получаютъ большое жалованье, все-таки безсовѣстно обираютъ казну. Хотя г. Гротъ и воображалъ, что онъ сдѣлалъ изъ акцизнаго управленія образцовое управленіе, но его попытка не удалась; а это служитъ новымъ доказательствомъ, что въ Россіи недостаточно большихъ жалованій, чтобъ искоренить злоупотребленія. По необыкновенной случайности, у меня въ Западной Сибири завѣдывалъ акцизными сборами коллежскій совѣтникъ Делагарди, человѣкъ въ высшей степени достойный и безукоризненно честный. Что̀ же вышло? Онъ не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, потому что противъ него повели всякія интриги и, наконецъ, добились его увольненія отъ должности; а его вина заключалась въ томъ, что онъ не считалъ за долгъ дѣлать денежные взносы въ пользу чиновниковъ Депертамента Неокладныхъ Сборовъ.

Уже шесть лѣтъ г. Рейтернъ стоитъ во главѣ министерства финансовъ и, не смотря на увеличеніе большей части налоговъ, бюджеты постоянно сводятся съ дефицитомъ. Эти дефициты покрывались то внѣшними, то внутренними займами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находились два займа съ выигрышными преміями, каждый въ 100 милліоновъ; они легко нашли для себя помѣщеніе, но они породили спекулятивную горячку и лихорадочную склонность къ игрѣ на биржѣ.

Только такія государства, какъ напримѣръ Австрія, у которыхъ финансы совершенно разстроены, до сихъ поръ прибѣгали къ этому источнику кредита, и министръ финансовъ, который самъ себя уважаетъ, и какимъ былъ Канкринъ, никогда-бы не согласился прибѣгать къ такой глубоко-безнравственной системѣ займовъ.

Но самой грубой ошибкою г. Рейтерна была придуманная имъ мѣра, при помощи которой онъ надѣялся возстановить курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ и которая имѣла самый плачевный исходъ. Никто не отвергаетъ того, что колебанія въ цѣнѣ нашего кредитнаго рубля составляютъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ недуговъ нашей финансовой системы и что намъ оказали бы важную услугу, еслибы возстановили обмѣнъ нашихъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету и *vice versa* въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ началѣ. Г. Рейтернъ придумалъ, что онъ достигнетъ этого результата, занявъ за границей 60 милліоновъ рублей серебромъ и допустивъ обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету съ постепеннымъ возвышеніемъ ихъ цѣны, такъ что бумажный рубль долженъ былъ мало-по-малу достигнуть своей номинальной стоимости. Владѣльцы кредитныхъ билетовъ поспѣшили воспользоваться этимъ распоряженіемъ и обратились въ банкъ за обмѣномъ своихъ бумажекъ на звонкую монету. Эта операція продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; но чѣмъ выше подымалась цѣна нашихъ кредитныхъ билетовъ, тѣмъ болѣе усиливался наплывъ людей, требовавшихъ обмѣна этихъ билетовъ на звонкую монету. Скоро пришлось убѣдиться, что если продолжать эту операцію, то нашъ металлическій фондъ весь уйдетъ на это дѣло, и потому по неволѣ пришлось остановиться и прекратить обмѣнъ бумажекъ на звонкую монету. Немедленно курсъ нашихъ кредитныхъ билетовъ упалъ до той низкой цѣны, въ которой онъ находился до этой операціи, и оказалось, что казна напрасно издержала 50 милліоновъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Изложенныя мною соображенія, конечно, заключаютъ въ себѣ строгое осужденіе финансоваго управленія въ Россіи; но справедливость требуетъ сознаться, что при томъ положеніи, до котораго доведено это дѣло, никакой министръ, даже будь онъ одаренъ самыми большими способностями, не могъ-бы возстановить равновѣсіе между доходами и расходами. Хотя доходы значительно увеличились, расходы увеличиваются еще съ большей быстротой какъ вслѣдствіе вздорожанія всего, что необходимо для жизни, такъ и вслѣдствіе введенныхъ въ Имперіи новыхъ реформъ, которыя требуютъ новыхъ и значительныхъ расходовъ. Министерство Финансовъ было, какъ разсказываютъ, предложено генералу Чевкину, который будто-бы отвѣчалъ

на это предложеніе, что въ Россіи званіе министра финансовъ можетъ принять на себя только безумецъ или чародѣй, но что онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Эти слова, быть можетъ, никогда не были сказаны; но они, очевидно, выражаютъ истину,—до такой степени безвыходно положеніе министра финансовъ въ Россіи.

Впрочемъ, не въ одной Россіи финансы находятся не въ удовлетворительномъ состояніи. Точно тоже мы находимъ въ Австріи, въ Италіи и во Франціи. Пруссія, по меньшей мѣрѣ до послѣдней войны, успѣвала покрывать свои расходы доходами, и только въ одной Англіи финансы представляютъ столь рѣдкое въ наше время явленіе, что доходы превышаютъ расходы. Нельзя не быть озабоченнымъ такимъ положеніемъ дѣлъ и нельзя не сказать, что, продолжая идти по этому пути, Европа приближается къ банкротству. Налоги до такой степени велики во всѣхъ странахъ, что уже нѣтъ возможности ихъ увеличивать, и потому единственное средство возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ заключается въ значительномъ уменьшеніи расходовъ. Но это уменьшеніе расходовъ должно относиться къ морскимъ и сухопутнымъ военнымъ силамъ, потому что именно расходы на содержаніе армій поглощаютъ во всѣхъ странахъ чрезвычайно большую часть государственныхъ доходовъ. Господствующій въ настоящее время вооруженный миръ истощаетъ страну не менѣе, а, можетъ быть, даже болѣе нежели война, которая не можетъ быть продолжительна при усовершенствованномъ оружіи и при удобствахъ, доставляемыхъ желѣзными дорогами. Въ настоящее время всѣ народы вооружены съ ногъ до головы и смотрятъ съ недовѣріемъ другъ на друга, какъ будто находятся наканунѣ борьбы, между тѣмъ какъ, быть можетъ, пройдутъ многіе годы прежде нежели будетъ обнаженъ мечъ *).

Развѣ неудивительно, что въ наше образованное время, когда быстрота сообщеній установила солидарность между интересами всѣхъ народовъ, стоящіе во главѣ главныхъ Европейскихъ народовъ монархи и государственные люди не могутъ проникнуться взаимнымъ довѣріемъ и приступить съ общаго согласія къ всеобщему разоруженію? Еслибы оказалось нужнымъ собрать для этого конгрессъ, то стоило-

---

*) Это было написано въ концѣ 1867 г., когда никто не могъ предвидѣть войны, вспыхнувшей черезъ три года послѣ того между Франціей и Пруссіей, хотя и было положительно извѣстно, что послѣ битвы при Садовой глухая вражда существовала между этими двумя націями. Блестящія побѣды, одержанныя Прусскими арміями, надо надѣяться, дадутъ Пруссіи возможность предписать такія мирныя условія, которыя надолго парализуютъ безпокойныя и воинственныя наклонности Французовъ, и прочный миръ замѣнитъ упорную борьбу, разоряющую лучшія страны нашего материка. Эта ужасная война, быть можетъ, поведетъ ко всеобщему разоруженію, котораго мы желаемъ отъ всей души.

бы труда прибѣгнуть къ этому средству, а международное соглашеніе этого рода составило бы славу нашего времени. Почему-бы нашему министру иностранныхъ дѣлъ не принять на себя иниціативу въ переговорахъ съ цѣлію разоруженія, а если правда, что всѣ желаютъ мира и что никто не желаетъ захватывать чужихъ владѣній, то, приступивъ къ разрѣшенію этого вопроса съ искренностью и съ доброй волей, вѣроятно, можно бы было достигнуть соглашенія. Въ Парижскомъ трактатѣ уже было постановлено, что прежде, нежели обнажить мечъ, слѣдуетъ обращаться къ посредничеству державъ для устраненія затрудненій, которыя могутъ возникать между сосѣдними государствами, а этому принципу можно бы было дать широкое примѣненіе. Еслибы во всѣхъ государствахъ военныя силы были уменьшены на половину, и еслибы благоразуміе правительствъ поддержало миръ въ теченіи по крайней мѣрѣ десяти лѣтъ, то въ бюджетахъ возстановилось-бы равновѣсіе, а правительства перестали-бы прибѣгать къ кредиту и мало-по-малу расплатились-бы съ долгами, заключенными въ трудныя времена, черезъ которыя всѣ они прошли.

II.

Балтійскія губерніи.

Будучи уроженцемъ Эстляндскимъ, я съ глубокой скорбью взираю на страстные нападки, которыми осыпаетъ дворянъ этихъ губерній Русская періодическая печать, конечно безъ всякаго вниманія къ вѣрности и преданности, которыя были выказаны этими дворянами при самыхъ разнообразныхъ и самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Конечно, дворянство ведетъ свое происхожденіе изъ Германіи; но развѣ это помѣшало ему хорошо служить Россіи, какъ въ административной сферѣ, такъ и на поляхъ сраженій? Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подъ оскорбленіями, которыми осыпаютъ Нѣмцевъ, кроется сильное чувство зависти. Ихъ не любятъ за то, что они вообще образованнѣе Русскихъ и находятся на болѣе высокомъ уровнѣ цивилизаціи. Ихъ еще болѣе не любятъ за то, что они занимаютъ нѣкоторыя изъ высшихъ мѣстъ въ служебной іерархіи; но при этомъ не принимаютъ въ соображеніе, что если Нѣмцы и достигаютъ высшихъ должностей, то они обязаны этимъ единственно своей привязанности къ службѣ и добросовѣстности въ исполненіи обязанностей.

Эти соображенія сто разъ приходили мнѣ въ голову; но имъ придало новую силу сочиненіе г-на Самарина *Окраины Россіи*, авторъ котораго какъ будто старался расшевелить еще не вполнѣ залечив-

шіяся старыя раны, внушая правительству, путемъ намековъ, недовѣріе къ дворянству Балтійскихъ губерній. Самаринъ былъ въ числѣ Русскихъ чиновниковъ, состоявшихъ при ген.-губернаторѣ Головинѣ, съ именемъ котораго связаны для Балтійскихъ губерній самыя грустныя воспоминанія. При этомъ ген.-губернаторѣ сдѣланы первыя попытки обращенія Латышей и Эстонцевъ въ Православіе, попытки, которыя встревожили страну, возбудили волненія среди крестьянъ и привели къ тому, что въ настоящее время многія тысячи этихъ несчастныхъ остаются безъ всякой вѣры, не зная, къ какой они принадлежатъ. Эмиссары бродили по странѣ во всѣхъ направленіяхъ; они подъ рукою внушали крестьянамъ, что земли на Югѣ Россіи будутъ безвозмездно розданы тѣмъ изъ нихъ, которые обратятся въ Православіе, и всѣ умы натурально увлеклись неопредѣленнымъ желаніемъ куда-нибудь переселиться. Самаринъ превозноситъ въ своемъ сочиненіи все, чтò было сдѣлано въ ту пору и въ подтвержденіе своей мысли приводитъ выдержки изъ сочиненія нѣкоего Бокка, какъ будто дворянство трехъ губерній могло быть отвѣтственнымъ за мнѣнія какого-то изступленника, который самъ себя осудилъ на изгнаніе и который никогда не имѣлъ кредита среди своихъ соотечественниковъ.

Я не буду утверждать, что Нѣмецкое дворянство Балтійскихъ губерній чисто отъ всякихъ упрековъ. Для его нежеланія знакомиться съ Русскимъ языкомъ нѣтъ никакихъ оправданій. Тоже можно сказать о лютеранскомъ духовенствѣ, которое заботилось только о своемъ благосостояніи и о поддержаніи своихъ добрыхъ отношеній съ дворянствомъ и непростительнымъ образомъ пренебрегало духовнымъ руководительствомъ ввѣренной ему паствы; а это небреженіе много содѣйствовало успѣху православной пропаганды. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ, какъ увѣряютъ, сдѣланы значительные успѣхи, то-есть юношество стало усерднѣе заниматься изученіемъ Русскаго языка, а лютеранское духовенство усерднѣе прежняго озабочено религіознымъ и нравственнымъ воспитаніемъ своей паствы.

Если правительство будетъ дѣйствовать добросовѣстно и сдержанно, оно получитъ все, чего имѣетъ право требовать, и тогда мало-по-малу изгладятся всѣ слѣды того прискорбнаго недоразумѣнія, которое имѣло столь вредное вліяніе на умы, внушая всѣмъ классамъ общества чувства недовѣрія. Въ особенности необходимо внушить жителямъ Балтійскихъ губерній убѣжденіе, что правительство относится къ нимъ безъ всякой задней мысли и что оно ни при чемъ въ томъ потокѣ оскорбленій, который изливается Русской періодической печатью на все, чтò носитъ Нѣмецкое имя. Въ теченіи этихъ послѣд-

нихъ лѣтъ, смѣняли одного вслѣдъ за другимъ чиновниковъ, которые были поставляемы во главѣ управленія Балтійскихъ губерній. Но не людей слѣдовало мѣнять, а самую систему управленія.

III.

Греко-Турецкое столкновеніе.

Послѣ потрясеній, возбужденныхъ войной 1866 года, Европа наслаждалась непрочнымъ спокойствіемъ: ультиматумъ, съ которымъ Турція обратилась къ Греціи, и послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ прекращеніе дипломатическихъ сношеній между этими государствами, неожиданно всѣхъ поразили какъ громомъ и едва не нарушили спокойствія всего міра. Съ точки зрѣнія международнаго права не подлежитъ сомнѣнію, что Турція была права; но вникая въ причины этого столкновенія, нельзя не признать, что, со времени заключенія Парижскаго трактата, Турція ничего не сдѣлала, чтобъ снискать расположеніе христіанскаго населенія и что пока Оттоманская Порта не захочетъ удовлетворять справедливыя требованія райевъ, всѣ палліативныя мѣры, придуманныя Европейскимъ ареопагомъ, не будутъ въ состояніи предотвратить окончательную катастрофу, которая разразится въ такую минуту, когда ея всего менѣе ожидаютъ.

Надо отдать Петербургскому Кабинету справедливость, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ предостеречь Турцію и Европу отъ тѣхъ опасностей, которыми грозитъ всеобщему спокойствію ненормальное положеніе христіанскаго населенія. Но, найдя слабую поддержку со стороны Франціи, Италіи и Пруссіи, и противодѣйствіе со стороны Австріи и въ особенности со стороны эгоистичной Англіи, заботящейся только о своихъ коммерческихъ выгодахъ, голосъ Россіи остался безъ отзвука, и можно сказать, что со времени Крымской войны восточный вопросъ не подвинулся ни на шагъ къ своему разрѣшенію.

Когда возникло Греко-Турецкое столкновеніе, положеніе Россіи сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и я понимаю, что кн. Горчакову пришлось пережить немало тревожныхъ минутъ. Поощрять Грецію къ сопротивленію значило бы возстановить противъ насъ всю Европу, подвергнуть неподготовленное къ борьбѣ Греческое королевство самымъ серьознымъ опасностямъ и вызвать всеобщее потрясеніе, между тѣмъ какъ, дѣйствуя за-одно съ другими державами и производя нравственное давленіе на Грецію, чтобъ склонить ее на уступки, значило бы уничтожать нашими собственными руками наше вліяніе на Востокѣ и ронять значеніе, которымъ до тѣхъ поръ мы пользовались. Однако Императорскій Кабинетъ остановился на этой послѣдней аль-

тернативѣ, и я полагаю, что онъ хорошо сдѣлалъ, что́-бы ни думали о томъ Славянофилы.

Турція находится на пути къ разложенію, и намъ нѣтъ никакой выгоды ускорять ея паденіе: лучше съ терпѣніемъ дожидаться, чтобъ больной человѣкъ умеръ своей естественною смертію. Впрочемъ, съ какой стороны могли бы мы напасть на Турцію съ тѣхъ поръ, какъ Черное море признано нейтральнымъ, нашъ флотъ уничтоженъ, а Дунайскія княжества находятся подъ совокупной гарантіей державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ? Рѣшительно ни съ какой, и если обстоятельства когда-нибудь принудятъ насъ воевать съ Турціей, намъ придется принять за базисъ для военныхъ операцій наши Закавказскія провинціи и дѣйствовать въ Малой Азіи.

Конференція, собравшаяся въ Парижѣ по предложенію Пруссіи, прекратила Греко-Турецкую распрю путемъ декларація, подтвердившей нѣкоторые пункты международнаго права, которыхъ никто не думалъ оспаривать; но можно-ли усмотрѣть въ этой декларація что-либо кромѣ палліативнаго средства, которое въ сущности не устраняетъ ни одного изъ тѣхъ затрудненій, которыми такъ чреватъ восточный вопросъ? Конференція, конечно, доставила на нѣкоторое время спокойствіе Европѣ, а это много при томъ натянутомъ положеніи, въ которомъ находятся кабинеты по отношенію одинъ къ другому; но она конечно не успокоила умовъ.

Въ то время, какъ дипломаты совѣщались въ Парижѣ, пришло извѣстіе о смерти Фуада-паши, скончавшагося въ Ниццѣ отъ болѣзни сердца, и тотчасъ вслѣдъ затѣмъ газеты всѣхъ оттѣнковъ стали оплакивать смерть этого государственнаго человѣка, какъ будто на Турцію обрушилось страшное несчастіе. Я припоминаю, что даже князь Горчаковъ раздѣлялъ общую скорбь, а когда я позволилъ себѣ высказать сомнѣніе на счетъ огромныхъ услугъ, оказанныхъ Фуадомъ-пашой его отечеству, князь Горчаковъ отвѣчалъ мнѣ, что главная заслуга этого министра заключалась въ умѣньи предостерегать диванъ отъ глупостей и что еслибы онъ находился во главѣ управленія во время послѣдняго кризиса, Порта конечно не послала бы того ультиматума, отъ котораго едва не вспыхнулъ пожаръ на всемъ Востокѣ. Что касается отрицательныхъ достоинствъ, я не отказываю въ нихъ Фуаду-пашѣ; но пусть укажутъ мнѣ хоть одну, принятую по его почину мѣру, которая способствовала бы возрожденію Турціи и утвержденію ея внутренняго устройства на болѣе прочномъ фундаментѣ, которая исполнила бы обѣщанія, данныя Оттоманской Портой на Парижскомъ конгрессѣ и которая сдѣлала бы положеніе христіанскаго населенія болѣе сноснымъ? Ничего подобнаго не было сдѣлано, а въ виду не-

прерывно возникавшихъ новыхъ затрудненій, Фуадъ-паша не умѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ прибѣгнуть къ кредиту и вовлечь Турцію на опасный путь публичныхъ займовъ, которые достигли въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ громадной цифры. Конечно, Турецкіе финансы уже давно находились въ печальномъ положеніи, но до 1854 г. тамъ по крайней мѣрѣ не были знакомы съ язвой публичныхъ займовъ. Фуадъ-паша заразилъ свое отечество этой отвратительной болѣзнью, а это болѣе всего другаго ускорило паденіе Турціи.

Въ той главѣ, гдѣ шла рѣчь о моемъ пребываніи и о моей дипломатической дѣятельности въ Персіи, я уже упоминалъ о преобладающемъ вліяніи мусульманской іерархіи въ этой странѣ и о глухой борьбѣ, которую ведутъ между собою власти свѣтская и церковная. Но этотъ антагонизмъ болѣе подробно описанъ въ запискѣ, сообщенной мнѣ однимъ Персидскимъ уроженцемъ, который вполнѣ владѣлъ языками Турецкимъ и Персидскимъ и, по своему общественному положенію, былъ замѣшанъ во всѣ интриги и во всѣ дипломатическіе переговоры, театромъ которыхъ былъ Тегеранскій дворъ въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ. Эта интересная записка бросаетъ совершенно новый свѣтъ на религіозный вопросъ, которымъ регулируются всѣ сношенія между Персіей и Турціей; она заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

IV.

Персія и Турція.

А. Полититическія учрежденія Персіи представляютъ одно изъ самыхъ странныхъ явленій въ исторіи. Принципы этихъ учрежденій до такой степени сложны и прикрыты религіозными мистеріями, а эти мистеріи таятся отъ всѣхъ съ такимъ тщаніемъ, что до сихъ поръ лишь очень немногимъ иностранцамъ удавалось познакомиться съ настоящимъ характеромъ этого необыкновеннаго государства.

Всѣмъ извѣстно, что въ Персіи господствуютъ мусульманскія теоріи, которыя въ своемъ цѣломъ составляютъ то, что̀ называется Шіитствомъ; но чтобъ понять характеръ этихъ теорій, недостаточно знать, чѣмъ было Шіитство въ своемъ началѣ, а необходимо прослѣдить его постепенное развитіе и уловить его значеніе въ той таинственной формѣ, въ которой онъ представляется въ настоящее время.

Эта секта, расходящаяся во многихъ пунктахъ съ Суннитствомъ, имѣетъ основою фундаментальный догматъ, который называется *Имаматомъ* и который признается одними Шіитами. Въ силу этого догмата, царство истины было передано Магометомъ двѣнадцати имамамъ,

которые всѣ происходятъ отъ Али. Во внѣшнемъ мірѣ, политическое управленіе было отнято у нихъ узурпаторами; но въ мірѣ нравственномъ и духовномъ они не переставали царствовать надъ всей вселеной. Эти двѣнадцать имамовъ составляютъ вмѣстѣ съ пророкомъ одинъ и тотъ же свѣтъ истины; они—не Богъ, но они воплощеніе аттрибутовъ божества. Вселенная создана для нихъ, и все твореніе держится лишь при помощи ихъ оживотворяющихъ милостей. Двѣнадцатый имамъ, по имени Мегди, не умеръ. Въ теченіи тысячи лѣтъ онъ невидимымъ образомъ печется о сохраненіи міра. Вся природа подчинена его волѣ. Онъ настоящій властитель эпохи; онъ единственный монархъ теперешняго міра. Этотъ тайный монархъ долженъ скоро снова появиться во всемъ блескѣ своего божественнаго могущества; его царствованіе должно измѣнить внѣшній видъ міра. Трудъ, собственность, религіи и все, что̀ теперь существуетъ, будетъ уничтожено; въ замѣнъ нашихъ теперешнихъ заблужденій и безпорядковъ въ мірѣ будутъ только существовать свѣтъ, радость, истина и счастіе.

Хотя эти вѣрованія совершенно чужды Корану, но они составляютъ въ настоящее время душу Персидскаго Шіитства. Во всей Персіи нѣтъ ни одного правовѣрнаго, умъ котораго не былъ бы постоянно волнуемъ мыслію объ этомъ скоромъ искупленіи. Въ особенности въ это послѣднее время, это религіозное вѣрованіе дошло до національнаго изступленія. Волненія среди народа, междоусобная война и страшная рѣзня, которая была ихъ послѣдствіемъ, превосходятъ все, что̀ могло бы быть придумано самой разнузданной фантазіей. Всѣ эти фанатическія увлеченія были залиты потоками крови, тѣмъ не менѣе надъ умами Персіянъ и до сихъ поръ вполнѣ господствуютъ упомянутыя вѣрованія и самый восторженный энтузіазмъ. По Пятницамъ толпы правовѣрныхъ собираются въ мечетяхъ въ твердой увѣренности, что узнаютъ тамъ добрую вѣсть. Не бываетъ ни одного собранія, ни одной общей молитвы, которыя не оканчивались бы горячимъ взываніемъ ко всѣмъ небеснымъ силамъ о скорѣйшемъ пришествіи властителя эпохи.

Это необыкновенное вѣрованіе могло бы сдѣлаться источникомъ національной энергіи и независимости; но вмѣсто того оно внушаетъ лишь апатію и жалкую уступчивость во всемъ, что̀ касается отношеній съ христіанскими народами. Согласно съ очень распространеннымъ вѣрованіемъ, при приближеніи этого событія на мусульманъ нападутъ невѣрующіе. Поэтому всякая побѣда христіанъ надъ Персіей считается за предвѣстницу счастливой эпохи. Есть даже немало такихъ правовѣрныхъ, которые готовы пожертвовать своею жизнію для совершеннаго уничтоженія магометанскихъ государствъ, чтобъ этимъ спо-

собомъ ускорить наступленіе великой развязки. Всѣ неправды, всѣ жестокости, всѣ бѣдствія переносятся съ терпѣніемъ, потому что неправды служатъ лучшимъ доказательствомъ, что искупленіе необходимо и что оно не далеко.

Нечего удивляться тому, что Европа еще не знакома съ этими странными вѣрованіями во всемъ ихъ объемѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Ожиданіе пришествія этого Мессіи хотя и существуетъ издавна среди Шіитовъ, но оно достигло полнаго развитія лишь въ послѣднее время. Но всякому извѣстно, съ какой мелочной заботливостью Европейцы не допускаются до знакомства съ домашнею жизнію Персовъ. Помимо внушаемаго религіей старанія держаться подальше отъ Европейцевъ, есть еще другая причина, почему въ Персіи скрываютъ отъ христіанъ основную идею теперешняго Шіитства. Въ силу священнаго постановленія, при произнесеніи имени Мегди слѣдуетъ встать и за тѣмъ пасть ницъ передъ невидимой особой этого монарха, а по причинѣ этого стѣснительнаго обряда ни одинъ правовѣрный не рѣшится заговорить объ этой внушительной мистеріи въ присутствіи невѣрующихъ. Вотъ отчего многіе изъ иностранцевъ, проживишихъ въ Персіи нѣсколько лѣтъ, уѣзжаютъ оттуда, ничего не слыхавъ о національномъ ученіи, которое заключаетъ въ себѣ и религію, и жизнь, и душу Персидскаго народа.

Послѣ того какъ мы ознакомились съ основнымъ догматомъ Шіитства, намъ остается разслѣдовать, путемъ какого страннаго сопоставленія понятій Шіиты могли основать политическіе порядки на такой отвлеченной идеѣ, какъ та, которая нами изложена. Такъ какъ абсолютный царь закона, законный властелинъ эпохи, въ настоящее время невидимъ, то онъ по вдохновенію передаетъ свои права замѣстителямъ, которые управляютъ міромъ отъ его имени. Замѣстители, которымъ міръ обязанъ повиноваться безусловно, избираются между Шіитами по особой системѣ, которая требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. У Суннитовъ существуетъ іерархія, неизмѣнно установившая и духъ, и букву всего закона. Теперешніе улемы не могутъ ничего измѣнить: ихъ призваніе заключается въ изученіи и объясненіи священныхъ книгъ въ томъ смыслѣ, какой былъ установленъ начальниками Суннитскаго толка. У Шіитовъ совсѣмъ другое дѣло. Въ силу основнаго правила, умершіе не могутъ имѣть никакого вліянія на то, какъ слѣдуетъ объяснять законъ. Мулла или ученый, какъ бы онъ ни былъ свѣдущъ и святъ, не можетъ придавать никакого легальнаго характера своимъ мнѣніямъ съ той минуты, какъ пересталъ принадлежать къ числу живыхъ. Въ силу другаго Шіитскаго постановленія, дверь для разслѣдованій открыта, то есть всякій можетъ разслѣдо-

вать законъ и истолковывать его по своей совѣсти; только для того, чтобъ пользоваться этой свободой разслѣдованій, надо предварительно сдѣлаться Муштегидомъ. А чтобъ сдѣлаться Муштегидомъ, надо глубоко изучить мусульманскіе законы и получить дипломъ на званіе Муштегида. Всякій Муштегидъ есть замѣститель властителя эпохи и стало-быть законный государь страны. Хотя всѣ Муштегиды имѣютъ одинакія права на верховенство, но ихъ авторитетъ бываетъ различенъ, смотря по степени ихъ личной доблести. Наука и практическое примѣненіе мусульманскихъ добродѣтелей могутъ сдѣлать этотъ авторитетъ почти безграничнымъ. Чтобъ упрочить владычество Муштегитовъ, Шіитство постаралось сдѣлать его столько же необходимымъ для правовѣрныхъ, сколько недоступнымъ для посягательствъ всякой внѣшней власти. Въ силу формальнаго закона, всякій мусульманинъ обязанъ или быть Муштегидомъ, или слѣпо подчиняться волѣ какого-нибудь Муштегида. Нельзя быть Шіитомъ, не подчиняясь этому основному закону. А такъ какъ мусульманское законодательство постаралось регулировать всѣ дѣйствія человѣческой жизни, начиная съ основаній и кончая тѣмъ, какъ стричь ногти, то Мусульманинъ обязанъ на каждомъ шагу обращаться за указаніями къ своему Муштегиду и сдѣлаться настоящимъ рабомъ этого послѣдняго; онъ долженъ и думать, и вѣрить, и жить, и умереть, какъ его Муштегидъ. Но главной опорой для могущества Муштегидовъ служитъ публичная молитва, которую мусульмане обязаны совершать по Пятницамъ позади калифа и которая составляетъ самую существенную особенность магометанской религіи. Шіитъ не можетъ совершать эту молитву иначе какъ стоя позади Муштегидовъ и этимъ публично свидѣтельствуетъ, что они замѣстители властителя эпохи и стало-быть законные монархи страны.

Такъ какъ, кромѣ этой власти Муштегидовъ, въ государствѣ не должно существовать никакой другой власти, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ служители шаха считаются подпорами тираніи, осужденными на вѣчныя мученія и что верховная власть его есть явный и незаконный захватъ. Каждый листъ бумаги, на которомъ написано хоть одно слово въ угоду узурпатору, превратится въ томъ мірѣ въ раскаленную докрасна желѣзную бляху, которая будетъ повѣшена на шею преступнаго писаки. Всѣ добрые мусульмане, принужденные поневолѣ оказывать свое содѣйствіе тираніи, прибѣгаютъ къ различнымъ религіознымъ изворотамъ, чтобъ сколько можно загладить преступность тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ они принуждены участвовать въ угоду узурпатору. Всякое незаконно присвоенное право и всякая незаконно пріобрѣтенная вещь должны быть возвращены настоящему

властителю эпохи и его теперешнимъ замѣстителямъ; поэтому всѣ сокровища и всѣ помѣстья шаха должны считаться плодами узурпаціи и насилія и принадлежать по праву Муштегидамъ. Оттого-то мусульманскіе чиновники, получивъ отъ шаха свое жалованье, относятъ эти деньги къ Муштегидамъ, какъ къ законнымъ собственникамъ и затѣмъ получаютъ ихъ обратно въ качествѣ подаянія. Даже между министрами шаха есть такіе, которые никогда не прикасаются къ своему нечистому жалованью, а поручаютъ другимъ хранить его и тратить. Всѣ безъ различія Персы, передъ тѣмъ, чтобъ отправиться въ Мекку или сдѣлать какой-либо другой чрезвычайный расходъ, обязаны промѣнять полученныя отъ правительства деньги на такія, которыя пріобрѣтены торговлей.

Но удивительнѣе всего то, что самъ шахъ обязанъ подчиняться этимъ религіознымъ обыкновеніямъ, отвергающимъ и уничтожающимъ принципъ его собственной власти. Въ качествѣ Шіита, онъ долженъ прежде всего объявить себя подражателемъ какого-нибудь извѣстнаго Муштегида, то-есть признать этого Муштегида замѣстителемъ властителя эпохи и стало-быть настоящимъ монархомъ страны.

Сверхъ того,—такъ какъ, въ силу удивительнаго мусульманскаго постановленія, ежедневная молитва правовѣрнаго не можетъ быть совершаема на незаконно захваченной почвѣ,—шахъ обязанъ признать передъ Муштегидами, что его дворцы незаконно имъ присвоены и принадлежатъ замѣстителямъ Имама; поэтому, чтобъ пріобрѣсти право молиться, какъ простой мусульманинъ, шахъ вынужденъ нанимать эти дворцы у тѣхъ же самыхъ Муштегидовъ.

Не слѣдуетъ думать, что власть Муштегидовъ по отношенію къ шаху ограничивается этими религіозными отвлеченностями. Въ ихъ рукахъ находится и законодательная власть, и судебная. Они имѣютъ надъ каждымъ право жизни и смерти. Случалось, что простые муллы осуждали на смерть и предавали въ руки палача сотни мусульманъ въ силу своего религіознаго авторитета и не смотря на то, что правительство шаха возставало противъ такихъ чудовищныхъ прерогативъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что десятинный сборъ и другіе установленные мусульманскимъ закономъ налоги поступаютъ прямо въ руки Муштегидовъ.

Понятно, что въ присутствіи такой могущественной Шіитской теократіи, власть шаха-еретика и не велика, и не прочна. Эта власть возникла вслѣдствіе ненавистной узурпаціи, опиравшейся единственно на правѣ сильнаго; она по своему существу враждебна Шіитству и олицетворяется въ иноземной династіи. Поэтому шахъ вынужденъ вести

постоянную борьбу и съ религіей, которую онъ исповѣдуетъ, и съ народомъ, которымъ онъ управляетъ.

Только этимъ антагонизмомъ между завоевательною силой и религіозными принципами можно объяснить рядъ страшныхъ возстаній и переворотовъ, ниспровергшихъ одну вслѣдъ за другой столько различныхъ Шіитскихъ династій, царствовавшихъ въ Персіи. Этимъ также объясняются безпокойство и недовѣріе, склонность къ насиліямъ и жестокосердіе, которыя обнаруживаются во всѣхъ дѣйствіяхъ теперешняго шаха. Ему очень хорошо извѣстно, что въ каждой Персидской деревнѣ есть простые муллы, которые, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ въ нѣсколько дней сдѣлаться самыми страшными мстителями за угнетенную религію. Въ началѣ теперешняго царствованія нѣкоторые изъ муллъ выдержали кровопролитную борьбу съ шахомъ и едва не свергли съ престола его династію. Кромѣ этихъ религіозныхъ претендентовъ, всякій ханъ, всякій начальникъ племени увѣренъ, что, по правиламъ той же религіи, онъ имѣетъ одинакое съ шахомъ право на престолъ. Если онъ повинуется теперь, то единственно преклоняясь передъ силой, и если только эта сила перейдетъ въ его руки, онъ въ свою очередь заставитъ преклоняться предъ собою другихъ. Развѣ не было примѣровъ, что дервиши, евнухи, даже простые разбойники свергали шаховъ съ ихъ престола и основывали новыя династіи?

Среди разныхъ превратностей судьбы, жертвою которыхъ были царствовавшіе въ Персіи шахи, на долю теперешней династіи выпало то счастье, что она создала для себя опору, которой не знали ея предшественницы—союзъ съ Россіей. Послѣ войны съ Персіей въ 1828 году, императоръ Николай сдѣлался настоящимъ повелителемъ этой страны, а отецъ теперешняго шаха былъ возведенъ на престолъ главнымъ образомъ благодаря вліянію Петербургскаго кабинета. Съ той поры вся Персія убѣждена, что царствованіе династіи Каджаровъ было формально гарантировано Россіей путемъ тайнаго договора. На самомъ дѣлѣ такого договора заключено не было, но въ его существованіи глубоко убѣждены не только всѣ Персы, но даже министры шаха, благодаря тому, что это мнѣніе умѣлъ ловко распространить одинъ изъ самыхъ способныхъ министровъ шаха—Мирза-Таги-ханъ. Оно служитъ для теперешняго Персидскаго правительства едва ли не самой надежной опорой.

Воинственныя племена и выдающіеся люди, которые столько разъ свергали съ себя иго различныхъ династій и могли-бы сдѣлать такую же попытку въ настоящее время, удерживаются въ предѣлахъ покорности страхомъ, который внушаетъ имъ Россія, по ихъ мнѣнію всегда

готовая возстановить павшую династію. Поэтому-то шахъ, хорошо понимающій опасность своего положенія, принялъ за политическій догматъ—никогда не уклоняться отъ союза съ Россіей. Инструкція, данная первымъ министромъ шаха отправлявшемуся въ Петербургъ послу Садръ-Дивану-ханэ, оканчивалась слѣдующими словами: падите ницъ передъ Императоромъ для того, чтобъ вся Персія пала ницъ передъ шахомъ.

Все вышесказанное можетъ быть вкратцѣ выражено такъ. Въ теперешней Персіи господствуютъ двѣ различныя власти: одна власть—религіозная, національная, законная и демократическая, но до такой степени разъединенная, что, будучи способна все ниспровергнуть, она неспособна ввести правильную систему управленія; другая власть—военная, незаконная, иноземная, но сосредоточенная въ царствующемъ семействѣ и поддерживаемая престижемъ союза съ такою державою, которая считается непобѣдимой. Для тѣхъ, кто не могъ глубоко вникнуть въ отличительныя особенности этихъ двухъ властей Персія всегда будетъ неразрѣшимой загадкой. Иностранные дипломаты, не имѣющіе никакого понятія о принципахъ Шіитства, воображаютъ, что верховная власть шаха имѣетъ сходство съ тѣмъ, что мы видимъ во всѣхъ деспотически управляемыхъ Азіатскихъ государствахъ, а изъ двухъ властей, одновременно существующихъ въ Персіи, имъ знакома только власть шаха. Авторитетъ Муштегидовъ, который тѣмъ болѣе великъ, что прикрытъ скромною внѣшностью, натурально ускользаетъ отъ вниманія иностранныхъ наблюдателей. Муштегиды не любятъ жить въ столицѣ, избѣгаютъ всякихъ сношеній съ невѣрующими, запираются внутри мечетей и всецѣло предаются религіозной жизни, между тѣмъ какъ пышная обстановка деспотизма, составляющая обычную принадлежность военной силы, бросается въ глаза и обольщаетъ ихъ.

Народы, принадлежащіе къ Суннитскому толку, еще болѣе другихъ заблуждаются на счетъ настоящаго характера власти шаха. Благодаря чистотѣ своихъ мусульманскихъ вѣрованій, они не имѣютъ никакого понятія о таинственной власти Муштегидовъ и не могутъ допустить существованіе какой-либо другой законной власти, кромѣ власти калифа, а потому они и воображаютъ, что шахъ—единственный и неограниченный повелитель Шіитовъ, подобно тому какъ Константинопольскій султанъ—единственный и неограниченный калифъ Суннитовъ. Это важное заблужденіе, заставлявшее на все смотрѣть только съ одной стороны, и было причиной того, что Суннитскіе дипломаты почти никогда не имѣли успѣха въ переговорахъ. Вмѣсто того, чтобъ обращаться къ популярной и законной власти Муштегидовъ, они со-

вершенно не вѣдали про нее и обращались только къ тиранической власти узурпатора. Это заблужденіе было спасительно для Персидскихъ шаховъ, потому что, будучи окружены столькими Суннитскими государствами, они несомнѣнно были-бы свергнуты съ престола, если-бы Суннитская дипломатія лучше ознакомилась съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и постаралась привлечь на свою сторону Муштегидовъ, которые постоянно мечтаютъ о низверженіи нечестиваго иноземца-узурпатора.

Это положеніе Персіи, безспорно, лучше всѣхъ было понято Россіей, такъ какъ съ той минуты, какъ она стала вмѣшиваться въ дѣла этой страны, она всегда относилась къ Муштегидамъ по меньшей мѣрѣ съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ относилась къ правительству шаха. Всякій новый императорскій посолъ, пріѣзжая въ Тегеранъ, привозилъ обычные подарки не только шаху и самымъ вліятельнымъ изъ его приближенныхъ, но также главнымъ провинціальнымъ Муштегидамъ; и эта искусная политика, основанная на стараніи располагать всѣхъ въ свою пользу, примѣнялась чаще всего въ сосѣднихъ съ Имперіей странахъ. Поэтому, ревностные приверженцы Россіи находятся не только при дворѣ шаха, но и въ средѣ Муштегидовъ, и они въ состояніи отдать страну въ руки Императора въ тотъ день, когда Россія пожелаетъ управлять ею непосредственно.

Таково политическое положеніе Персіи.

B. Теперь посмотримъ, каковы должны быть послѣдствія порядка вещей, очевидно столь вреднаго для страны и входящаго въ число элементовъ восточной задачи, которая должна разрѣшиться какимъ-нибудь путемъ.

Матеріальныя средства Персидскаго шаха чрезвычайно ограниченны. Съ своими собственными силами онъ не можетъ ничего предпринять ни противъ одного изъ своихъ сосѣдей, но въ союзѣ съ Россіей онъ можетъ сдѣлаться опаснымъ противникомъ для Турціи. Конечно, легко доказать съ исторіей въ рукахъ, что Персія никогда не угрожала Турціи серьезной опасностью; но было-бы также нетрудно доказать, что въ теченіи послѣднихъ лѣтъ на Востокѣ совершились чрезвычайно важные факты, которыхъ исторія еще не занесла на свои страницы. Во всѣхъ своихъ войнахъ съ Оттоманской Портой Россія до сихъ поръ постоянно нападала на Турцію только со стороны Европы.

Будучи занята гигантской борьбой съ Кавказскими горцами и встрѣчая громадныя затрудненія при удержаніи въ покорности Грузинскаго населенія, мечтавшаго о своей прежней независимости,

Россія была въ состояніи предпринимать изъ Закавказскихъ провинцій лишь незначительныя военныя дѣйствія противъ Турціи, и всѣ арміи, которыя высылались Россіей и на Персію, и на Азіатскую Турцію, всегда были немногочисленны.

Теперь все это совершенно измѣнилось. Дагестанъ, такъ-сказать, пересталъ существовать. Кавказскіе горцы или истреблены, или сдѣлались вѣрноподданными Императора, или до того обезсилены, что не въ состояніи шевельнуться. На Югѣ вмѣсто необходимости бороться съ Персіей или наблюдать за нею, мы имѣемъ въ лицѣ шаха преданнаго союзника, способнаго утроить военныя силы Россіи въ Азіи. Впредъ на Турецкую границу со стороны Эрзерума будутъ нападать не малочисленные отряды, и прочно утвердившаяся на Кавказѣ Россія будетъ выставлять на этомъ театрѣ войны могущественныя арміи. Страна большею частію открыта; кромѣ Карса, нѣтъ ни одной крѣпости, которая стоила-бы этого названія и которую пришлось-бы осаждать; не нужно переходить ни черезъ Дунай, ни черезъ Балканы, и тамъ нѣтъ другой Австріи, которая могла-бы напасть на насъ съ боку или съ тылу. Европа, вѣроятно, не стала-бы равнодушно смотрѣть на наши успѣхи въ Малой Азіи и если Франція еще несовершенно истощена послѣдней войной, то морскія державы, быть можетъ, напали-бы на Россію въ Черномъ морѣ и въ Балтійскомъ, какъ это случилось въ 1853 и 1854 годахъ; но каковы-бы ни были ихъ усилія, онѣ не будутъ въ состояніи воспрепятствовать военнымъ дѣйствіямъ, которыя Россія будетъ вести противъ Турціи въ Азіи и которыми она, быть можетъ, нанесетъ смертельный ударъ своему вѣковому врагу.

Какая-же роль выпадетъ въ такомъ случаѣ на долю Персіи?

Эта страна, какъ было ранѣе замѣчено, не способна одна бороться съ Турціей, такъ какъ если Персія и можетъ безъ большихъ усилій напасть на провинціи Багдадскую и Эрзерумскую, за то Турція можетъ съ своей стороны завладѣть Адербейжаномъ и Таврисомъ, который служитъ для Каджарской династіи настоящей столицей, а это опасеніе вынуждаетъ Тегеранскій кабинетъ быть очень осмотрительнымъ. Но это опасеніе разсѣялось-бы съ той минуты, какъ союзница Персіи Россія предприняла-бы войну съ Оттоманской Портой. Регулярныя военныя силы, которыми могла-бы располагать Порта со стороны Эрзерума, постарались бы прежде всего воспротивиться успѣхамъ Русской арміи, а тогда избавившаяся отъ всякихъ опасеній и увѣренная въ успѣхахъ своего непобѣдимаго союзника, Персія могла-бы смѣло пуститься на всякія предпріятія противъ Турціи.

Кому неизвѣстно, какъ алчно Персія желала, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, завладѣть Багдадомъ? Кому неизвѣстно, что, помимо политическихъ соображеній, религіозныя влеченія побуждаютъ Персію къ занятію этой провинціи, въ которой находятся гробницы всѣхъ имамовъ? Но почти никто не знаетъ того, что привязанность и уваженіе Персовъ къ ихъ имамамъ постоянно усиливались и что этотъ культъ, уже очень распространенный въ Персіи подъ владычествомъ Софіевъ, въ настоящее время достигъ такихъ великихъ размѣровъ и такого значенія, о которыхъ трудно составить себѣ вѣрное понятіе. Сила нѣкоторыхъ національныхъ влеченій, политика царствующей династіи и появленіе нѣсколькихъ новыхъ сектъ превратили культъ имамовъ въ настоящій лихорадочный бредъ. Богъ, пророкъ, царь, отечество— все поглощено поклоненіемъ имамамъ. Въ теченіи всего года, но въ особенности въ теченіи тѣхъ трехъ мѣсяцевъ, которые считаются священными, вся Персія покрывается трауромъ и оглашается плачевными воплями, напоминающими о мученической смерти имамовъ и возбуждающими народъ къ мщенію. Ни въ какой политической войнѣ, ни даже въ томъ случаѣ, еслибы дѣло шло о независимости страны или о самыхъ дорогихъ ея интересахъ, шахъ не нашелъ-бы ни одного добровольца. Но еслибы пришлось двинуться на Багдадъ и на Кербелахъ, туда отправились-бы всѣ, и не найдется женщины, которая осталась-бы жить съ такимъ нечестивымъ мужемъ, который не захотѣлъ-бы стать въ ряды арміи. Тотъ всеобщій порывъ, съ которымъ устремились-бы Персы на завоеваніе Багдада, былъ-бы вызванъ не жаждой славы и не желаніемъ присоединить новую провинцію къ владѣніямъ узурпатора, а единственно желаніемъ сражаться за имамовъ и пострадать за нихъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они мученически погибли для спасенія Шіитовъ.

Очевидно, что при такомъ расположеніи народа, поддержанное союзомъ съ Россіей правительство шаха могло-бы поднять на ноги все Персидское населеніе и устремиться съ нимъ на Азіатскую Турцію.

Это влеченіе Персовъ къ завладѣнію Багдадомъ нашло для себя совершенно неожиданное поощреніе въ политикѣ, которой слѣдуетъ Турція. Взглянувъ на Восточный вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, Порта постаралась отказаться отъ тѣхъ высокомѣрныхъ традицій, которыми прежде руководствовалась въ сношеніяхъ съ Персіей и вступила съ Тегеранскимъ дворомъ въ сношенія болѣе дружественныя и болѣе согласныя съ истинными интересами обоихъ мусульманскихъ государствъ. Эта внезапная перемѣна въ Оттоманской политикѣ совершенно сбила съ толку министровъ шаха. Слѣдовавшія одна вслѣдъ за другой неожиданныя уступки заставили ихъ полагать, что доведенная до край-

ности Турція старается во что бы то ни стало снискать дружбу могущественнаго шаха, а Россіи нетрудно было увѣрить Персидское правительство, что Порта, этотъ исконный врагъ Шіитства, стала такъ любезна съ Персами лишь благодаря дружбѣ Императора къ шаху.

Другимъ, быть можетъ еще болѣе вреднымъ послѣдствіемъ этого поворота въ политикѣ было то, что Порта, стараясь сблизиться съ правительствомъ шаха, во многихъ случаяхъ, сама того не зная, затрогивала интересы и самолюбіе національной партіи въ лицѣ Муштегидовъ. Касательно этого предмета и также касательно новыхъ отношеній, установившихся въ послѣднее время между Турціей и Персіей, можно бы было написать цѣлую и въ высшей степени интересную книгу. Въ настоящую минуту мы ограничимся заявленіемъ того факта, что съ одной стороны вслѣдствіе чрезвычайнаго религіознаго возбужденія и политическихъ влеченій, а съ другой вслѣдстіе поощреній, повидимому, представляемыхъ внутреннимъ положеніемъ Турціи, въ Персіи обнаруживается въ настоящее время очень сильное стремленіе къ захвату сосѣднихъ Турецкихъ провинцій. Безъ поддержи Русской арміи, которая дѣйствовала бы въ Малой Азіи, шахъ, конечно, никогда не разссорится съ Портой; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ тотъ день, когда авангардъ Русской арміи перейдетъ черезъ границу со стороны Эрзерума, ничто не помѣшаетъ шаху устремиться на Турцію со всѣми силами доведеннаго до неистовства народа. Быть можетъ скажутъ, что Персидская армія будетъ разбита Турками. Это могло-бы случиться при обыкновенныхъ обстоятельствахъ; но при описанномъ нами настроеніи умовъ, не придется ни давать сраженій, ни сталкиваться съ непріятельской арміей. Это будетъ нашествіе въ громадныхъ размѣрахъ—настоящее наводненіе, которое разольется отъ Багдада и отъ Бассоры до Алепо, будетъ все опустошать и разорять на пути, распространитъ смятеніе до самыхъ воротъ столицы, между тѣмъ какъ регулярныя Турецкія войска будутъ заняты борьбой съ Русскими. Еслибы Турки, въ отместку, направили своихъ башибузуковъ на провинціи Персидскаго Курдистана, то развѣ такое нашествіе можетъ быть равносильно съ гигантскимъ нашествіемъ двухъ народовъ, изъ которыхъ одинъ располагаетъ большой дисциплинованной арміей, а другой дикимъ мужествомъ многихъ воинственныхъ и фанатическихъ племенъ?

Въ соображеніе слѣдуетъ при этомъ принимать не однѣ только матеріальныя силы, но въ особенности нравственное впечатлѣніе, которое произведетъ этотъ союзъ Россіи съ Персіей; это впечатлѣніе будетъ и глубоко, и губительно для Турціи. До сихъ поръ Турція, подвергаясь нападеніямъ въ Европѣ, могла многаго лишиться, не пере-

ставая существовать на Востокѣ, гдѣ ея владычество простирается отъ Константинополя по Персидскаго залива, такъ что она могла бы сказать удивленной Европѣ, что у ней тамъ есть другая обширная Имперія, которую нужно защищать.

Но еслибы, напротивъ того, во время всеобщей войны, Европейская Турція была отнята у султана или вслѣдствіе иностраннаго нашествія или, что̀ болѣе правдоподобно, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ внезапныхъ возстаній христіанскаго населенія, которыя такъ часто потрясали Оттоманскую Порту въ самомъ основаніи, и еслибы въ тоже время Азіатская Турція была занята, разорена и раздѣлена на части совокупными усиліями Русскихъ и Персидскихъ армій, то что̀ же осталось-бы тогда отъ Турціи и гдѣ пришлось-бы искать Оттоманскую Порту, за которую вступилась-бы Европа? Конечно ни Россія, ни Персія не могутъ считать себя неуязвимыми, соединенныя силы Европы могли-бы жестоко отомстить этимъ двумъ державамъ; но среди этихъ потрясеній Турція перестала-бы существовать.

Тотъ народъ, который выдвигаетъ противъ непріятеля массу людей, принадлежащихъ къ одной національности, говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдующихъ одну вѣру, не перестаетъ существовать во время непріятельскаго нашествія, а послѣ удаленія непріятеля снова встаетъ на ноги болѣе юнымъ и болѣе сильнымъ, чѣмъ прежде. Но тамъ, гдѣ народъ имѣетъ различное происхожденіе, говоритъ на различныхъ языкахъ и исповѣдуетъ различныя вѣры, тамъ, гдѣ онъ собранъ воедино путемъ завоеваній и существуетъ лишь потому, что существуетъ центральное правительство, въ которомъ воплощенъ иноземный элементъ,—тамъ пораженіе и даже временное исчезновеніе правительства почти всегда приводитъ къ распаденію государства, и рѣдко случается, чтобъ такое государство могло возродиться на прежнемъ фундаментѣ и возстать изъ своего пепла. Поэтому, еслибы Турція была уничтожена, она едва-ли могла-бы возродиться. Отсюда слѣдуетъ, что вся политика Турціи должна имѣть цѣлію не терять подъ своими ногами почвы и твердо держаться за свой Азіатскій фундаментъ, такъ какъ только отъ потрясенія этого фундамента могла бы произойти всеобщая катастрофа. Но указанныя нами опасности до крайности усиливаются оттого, что прошлое не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній, которыми можно-бы было воспользоваться. Такъ какъ вниманіе Порты и морскихъ державъ постоянно было сосредоточено на Дунайской оборонительной линіи и на Черномъ морѣ, то никто не помышлялъ серьозно объ опасности, которая грозитъ Турціи со стороны Эрзерума. До сихъ поръ руководствомъ служатъ указанія прошлаго и вовсе не принимаются въ соображеніе новые элементы, со-

вершенно передвинувшіе Восточный вопросъ съ прежняго мѣста и измѣнившіе положеніе дѣла.

Это самообольщеніе Европы и составляетъ главную опасность для Турціи. Чтобъ предотвратить эту опасность, болѣе всего необходимо сознать трудность такого положенія. Въ то время, какъ враги Турціи, пользуясь благопріятными обстоятельствами, проявляютъ неутомимую энергію, вмѣшиваются на всѣхъ пунктахъ Имперіи во всѣ внутренніе вопросы, заводятъ интриги въ средѣ христіанскаго населенія, возбуждаютъ возстанія, проникаютъ въ церкви, въ монастыри и даже въ первоначальныя школы,—развѣ благоразумно и предусмотрительно предаваться бездѣйствію и противопоставлять всѣмъ этимъ проискамъ покорность судьбѣ и неподвижность? Если Турція дорожитъ своимъ существованіемъ и если Европа желаетъ избѣжать на Востокѣ прискорбнаго и страшнаго разочарованія, то и та и другая должны немедленно сбросить съ себя оковы старой политики и, наконецъ, видѣть вещи не такими, какими онѣ были прежде, а такими, какими онѣ представляются въ настоящее время и какими онѣ сдѣлаются въ недалекомъ будущемъ.

V.
На случай войны.

Русская періодическая печать съ нѣкотораго времени входитъ въ большія подробности касательно новаго военнаго устройства, которое предположено ввести въ арміи и которое основано на обязанности всѣхъ классовъ населенія нести военную службу. Мы не намѣрены критически разбирать представленные по этому предмету проекты, но не можемъ не находить преувеличенными тѣ опасенія, которыя высказываются большинствомъ органовъ періодической печати. Судя по содержанію написанныхъ объ этомъ статей, Россія должна немедленно поставить на ноги громадную армію, потому что война неизбѣжна, потому что она можетъ вспыхнуть каждый день и потому что дѣло идетъ о спасеніи Россіи и о ея политической роли въ Европѣ, въ качествѣ великой державы.

Въ виду такихъ опасеній, мы спрашиваемъ, съ какой-же стороны грозитъ Россіи такая опасность, что намъ нужно выставить два милліона солдатъ, чтобъ оградить неприкосновенность нашей территоріи? Между сосѣдними съ Россіей государствами, конечно, не Швеція и не Турція приступятъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Онѣ могутъ быть вовлечены во всеобщую коалицію Европейскихъ державъ противъ Россіи, но по одиночкѣ онѣ никогда не рѣшатся вступать съ ней въ борьбу. Поэтому, говоря объ угрожающей намъ опасности, вѣроятно имѣютъ въ виду Германскую Имперію и Австрію или, быть можетъ, вообра

жаютъ, что эти двѣ имперіи могутъ вступить между собою въ союзъ съ цѣлію раздавить и раздѣлить Россію.

Посмотримъ прежде всего, въ какихъ отношеніяхъ мы находимся къ Пруссіи и къ Германской Имперіи.

Со времени Семилѣтней войны, то-есть въ теченіи слишкомъ столѣтія, Пруссія и Россія всегда жили въ добромъ согласіи, а братство по оружію, установившееся между ихъ арміями въ 1813 и 1814 въ войнѣ изъ-за освобожденія, оставило такія воспоминанія, которыя не изгладились и до сихъ поръ. Русскій императорскій домъ связанъ съ домомъ Гогенцоллернскимъ самыми тѣсными родственными узами, и еще болѣе личнымъ уваженіемъ и искреннимъ доброжелательствомъ, которыя соединяютъ императора Александра II съ императоромъ Вильгельмомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во время Франко-Прусской войны Россія держала себя такъ, что оказала громадную услугу Пруссіи; вѣдь Австрія или вѣрнѣе ея первый министръ Бейстъ не желали-бы ничего лучшаго, какъ воспользоваться борьбой между Пруссіей и Франціей для того, чтобъ отмстить за пораженіе подъ Садовой; если же, не смотря на это, спокойствіе не было нарушено въ центрѣ Европы, то причиной этого была полная увѣренность Австріи, что лишь только она взялась бы за оружіе, Россія съ своей стороны также вмѣшалась-бы въ борьбу. Все это ясно до очевидности, и достаточно припомнить содержаніе телеграммы, посланной Императору Александру въ самый день заключенія мира въ Версали, чтобъ убѣдиться, что императоръ Вильгельмъ вполнѣ сознавалъ, въ какой мѣрѣ былъ для него полезенъ образъ дѣйствій Россіи во время войны и въ какой мѣрѣ онъ способствовалъ локализированію этой войны. И только черезъ два года послѣ этихъ событій, Пруссія будто бы способна, безъ всякаго къ тому повода, устремиться на Россію и даже вступить въ союзъ съ своей старинной соперницей Австріей для того, чтобъ раздробить Россію? Такое предположеніе просто на просто лишено здраваго смысла.

Чтобъ мотивировать жалобы, которыя могли бы быть предъявлены Пруссіей противъ Россіи, указываютъ на Польшу, на принадлежащія Россіи Балтійскія провинціи и на сочувствіе, которое питаютъ въ Пруссіи къ Нѣмецкому населенію этихъ провинцій. Что касается Польши, то политика Пруссіи не можетъ быть иначе какъ солидарной съ политикой Россіи, и конечно ни та, ни другая не имѣютъ желанія пробуждать Польскую національность и возстановлять Польшу. Касательно Балтійскихъ губерній дѣло представляется въ иномъ видѣ. Лифляндія и Эстляндія были присоединены къ Россіи Ништадтскимъ мирнымъ договоромъ, а императоръ Петръ Великій фор-

мально обезпечилъ права и привилегіи, которымъ пользовались эти провинціи подъ Шведскимъ управленіемъ. Что же касается Курляндіи, то она добровольно отдалась Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. Въ этихъ провинціяхъ дворянство и граждане Нѣмецкаго происхожденія; тою степенью цивилизаціи, которой они достигли, онѣ обязаны Германской культурѣ; весьма естественно, что они крѣпко держатся и за свои привилегіи, и за Нѣмецкій языкъ, который ставитъ ихъ въ сношенія съ Германіей, и за лютеранскую вѣру, которую они исповѣдываютъ въ теченіи многихъ столѣтій. Со времени ихъ присоединенія къ Россіи, Лифляндія, Эстляндія и Курляндія доказали свою безпредѣльную преданность Императору, а имена мѣстныхъ дворянъ съ честью фигурируютъ какъ въ рядахъ арміи, такъ и во всѣхъ сферахъ гражданскаго управленія. Но въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, императорское правительство неоднократно нарушало привилегіи Балтійскихъ губерній и прибѣгало къ неумѣстнымъ мѣрамъ для ихъ обрусенія, такъ что даже самыя благотворныя мѣропріятія, какъ напримѣръ введеніе въ употребленіе Русскаго языка, отвергаются тамъ съ недовѣріемъ, потому что въ нихъ усматривается какая-нибудь враждебная цѣль со стороны правительства. Все это возбудило сильное раздраженіе и внушило нерасположеніе, которое трудно будетъ искоренить.

Это очень прискорбно, но мы ничего бы не выиграли оттого, что стали бы скрывать истину. Не подлежитъ сомнѣнію, что населеніе Германской имперіи жалѣетъ какъ о дѣйствительныхъ, такъ и мнимыхъ страданіяхъ живущихъ въ Балтійскихъ провинціяхъ Нѣмцевъ. Но неужели можно допустить, что эти сожалѣнія могутъ когда нибудь сдѣлаться мотивомъ для войны между Пруссіей и Россіей? Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобъ убѣдиться, что Балтійскія провинціи,—все равно довольны ли онѣ, или недовольны Русскимъ управленіемъ,—могутъ принадлежать только Россіи, а образованные знатоки военнаго дѣла, которыхъ немало въ Прусскомъ генеральномъ штабѣ, никогда не посовѣтуютъ предпринимать такія завоеванія, которыхъ нѣтъ возможности удержать за собою, еслибы первыя попытки и увѣнчались успѣхомъ.

Мы, какъ кажется, достаточно ясно доказали, что Пруссія не имѣетъ никакого основательнаго повода объявлять войну Россіи, что всѣ опасенія на этотъ счетъ лишены основанія и что имъ не слѣдуетъ придавать большой важности. Но если самая тѣсная дружба и самыя удовлетворительныя отношенія существуютъ между императоромъ Александромъ и императоромъ Вильгельмомъ и между ихъ правительствами, то нельзя того же сказать о періодической печати объ-

ихъ странъ, которая старается раздувать пламя вражды, пользуясь самыми дурными инстинктами человѣческой натуры. Трудно рѣшить, Русской ли печати или Нѣмецкой принадлежитъ починъ въ этой раздражительной полемикѣ, но самый фактъ несомнѣнно существуетъ, и онъ тѣмъ болѣе прискорбенъ, что обоюдныя оскорбленія возбуждаютъ взаимную ненависть между двумя народами, которые, по своему географическому положенію и по своимъ ежедневнымъ интересамъ, очевидно должны бы жить въ мирѣ и добромъ согласіи.

Обратимся отъ Пруссіи къ Австріи.

Въ нашихъ отношеніяхъ къ этой державѣ мы, конечно, далеки отъ той эпохи, которая настала вслѣдъ за великими войнами Французской имперіи, когда Пруссія, Австрія и Россія, будучи тѣсно связаны Священнымъ Союзомъ, имѣли какъ бы одну душу и одно тѣло и поддерживали одна другую въ борьбѣ со взрывами революціонныхъ страстей. Все это совершенно измѣнилось. Образъ дѣйствій, котораго держалась Австрія во время Крымской войны и во время переговоровъ, предшествовавшихъ въ 1856 заключенію Парижскаго мирнаго договора, очень охладили отношенія между двумя императорскими правительствами, и съ тѣхъ поръ между Австріей и Россіей постоянно натянутыя отношенія. Россія была оскорблена тѣмъ, что Австрія была не признательна за оказанную ей въ 1849 году важную услугу; а Австрія съ своей стороны жаловалась на происки Славянофиловъ, которые имѣютъ своимъ центромъ Россію и создаютъ для Австріи множество затрудненій въ ея отношеніяхъ къ подвластнымъ ей Славянскимъ народамъ. Ни для кого не тайна, что въ Россіи существуетъ Славянофильская партія; но это скорѣе литературная, нежели политическая партія, а, при теперешней свободѣ печати, правительство не можетъ помѣшать органамъ этой партіи публично высказывать ея желанія и стремленія. Но большинство населенія совершенно равнодушно къ судьбѣ тѣхъ Славянъ, которые живутъ внѣ предѣловъ Имперіи, и конечно изъ тысячи человѣкъ не найдется одного, которому было бы извѣстно существованіе Славянъ въ Австріи и въ Турціи.

Если бы наши Славянофилы ограничивались выраженіемъ своихъ симпатій къ Славянамъ, еслибы они знакомили Славянъ съ нашей литературой, распространяли между ними знаніе Русскаго языка и воспитывали ихъ дѣтей въ нашихъ школахъ, не дѣлая различія между тѣми, которыя состоятъ въ Турецкомъ подданствѣ и тѣми, которые состоятъ въ подданствѣ Австрійскомъ,—то не было бы повода ихъ въ чемъ либо упрекать. Но они не довольствуются такою мирною и цивилизаторскою ролью. Посредствомъ своихъ сочиненій, а иногда и

посредствомъ своихъ эмиссаровъ, Славянофильская партія возбуждаетъ неудовольствіе между Австрійскими и Турецкими Славянами, и, внушая имъ обманчивыя надежды, создаетъ серьозныя затрудненія для ихъ правительствъ.

Возьмемъ для примѣра Чеховъ, которые составляютъ самое тѣсно-сплоченное Славянское населеніе Австріи, и припомнимъ, съ какими заискиваніями обращались къ нимъ Славянофилы. Понятно, что эти заискиванія были Чехамъ по вкусу, такъ какъ имъ было очень пріятно, что Россія помогала имъ устроивать ихъ дѣла. Но еслибы имъ предоставили на выборъ—быть присоединенными къ Россіи или оставаться подъ властію Австріи, можно быть увѣреннымъ, что, не смотря на свое неудовольствіе Австріей, они предпочли бы принадлежать ей, а не поступать въ составъ Россійской Имперіи. А то, что́ мы здѣсь высказали о Чехахъ, можетъ быть отнесено къ Сербамъ и ко всѣмъ другимъ Славянскимъ народамъ, находящимся подъ властію Турціи и Австріи. Отсюда слѣдуетъ, что Славянофилы навязываютъ Россіи очень глупую роль. Доведенный до своихъ крайнихъ предѣловъ принципъ національности очень вреденъ и еслибъ онъ взялъ верхъ, онъ открылъ бы эру непрерывныхъ войнъ въ центрѣ Европы и, наконецъ, покрылъ бы ее развалинами и кровью. Никакое благоразумное правительство не захочетъ руководствоваться такимъ принципомъ, и можно быть увѣреннымъ, что императорское правительство не только не сочувствуетъ проискамъ Славянофильской партіи, но напротивъ того очень ими недовольно. Мы полагаемъ, что свиданіе трехъ императоровъ къ Берлинѣ имѣло самыя благопріятныя послѣдствія въ томъ, что́ касается нашихъ отношеній къ Австріи, такъ какъ Вѣнскій кабинетъ пріобрѣлъ тамъ убѣжденіе, что ни Императоръ, ни его правительство отнюдь не поддерживаютъ происковъ, осуждаемыхъ международнымъ правомъ и столько же несогласныхъ съ правилами нравственности, сколько они несогласны съ нашими собственными вѣрно понимаемыми интересами.

Изъ всего сказаннаго, какъ кажется, можно заключить, что опасенія наступательной войны со стороны Австріи такъ же мало основательны, какъ опасенія, которыя высказываются на счетъ Пруссіи и что съ той минуты, какъ Австрія вполнѣ убѣдится въ отсутствіи съ нашей стороны намѣренія поощрять Славянскіе народы къ возстанію, ничто не будетъ въ состояніи нарушить доброе согласіе между двумя сосѣдними Имперіями.

Правда, остается еще чреватый бурями Восточный вопросъ, но интересы всѣхъ державъ предписываютъ не торопиться его разрѣшеніемъ и предоставить его натуральному теченію. Названіе больнаго

человѣка, данное императоромъ Николаемъ султану, въ сущности согласно съ истиной; но есть такія болѣзни, отъ которыхъ не умираютъ или которыя принимаютъ хроническій характеръ и могутъ продолжаться безконечно долго. Это еще болѣе вѣрно по отношенію къ государствамъ, чѣмъ по отношенію къ людямъ, такъ какъ государства, не смотря на нѣкоторые свойственные имъ по природѣ недостатки, имѣютъ такую притягательную силу, что нерѣдко проходятъ цѣлыя столѣтія, прежде нежели они окончательно распадутся на части. Неужели въ виду этой невѣрной и отдаленной случайности хотятъ потребовать отъ Россіи такихъ громадныхъ вооруженій, которыя въ концѣ концевъ истощатъ всѣ источники ея благосостоянія? Мы не видимъ въ этомъ необходимости и даже полагаемъ, что теперешній мирный составъ арміи могъ бы быть значительно уменьшенъ. Этимъ способомъ облегчилось бы бремя, лежащее на финансахъ Имперіи, и менѣе значительное число рукъ было бы отвлечено отъ тѣхъ производительныхъ работъ, въ которыхъ заключается единственный источникъ народнаго богатства.

Но, быть можетъ, скажутъ, что въ случаѣ, еслибы составилась противъ Россіи всеобщая коалиція, ей понадобятся два милліона солдатъ, чтобъ дать отпоръ всѣмъ ея врагамъ? На это я возражу, что въ такомъ случаѣ не достало бы и двухъ милліоновъ солдатъ. И Россія, и всякое другое изъ Европейскихъ государствъ не выдержало бы борьбы со всеобщей коалиціей, такъ какъ не въ натурѣ вещей, чтобъ одна держава съ успѣхомъ боролась противъ всѣхъ. Но коалиціи всегда составлялись по винѣ самихъ правительствъ. Франція была поставлена на край погибели ненасытнымъ честолюбіемъ Лудовика XIV и его высокомѣріемъ. Еще болѣе ненасытное честолюбіе Наполеона I возстановило противъ него всѣ народы вслѣдъ за катастрофой 1812 года. Они возстали тогда, какъ одинъ человѣкъ, для того, чтобъ отстоять свои попранныя права и отмстить за причиненныя имъ страданія. Но, уважая чужія права съ такимъ же тщаніемъ, съ какимъ охраняются собственныя, и принимая за основу политики честность, умѣренность и миролюбіе, никакое государство не будетъ опасаться коалиціи всѣхъ державъ, и этотъ призракъ исчезнетъ самъ собою.

Неаполь, 1 Января 1873.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА *).

Мы пошли къ Смоленску форсированными маршами, а Французы заняли Витебскъ. На первомъ переходѣ Курута выговаривалъ мнѣ обхожденіе мое съ Брозинымъ; я хотѣлъ объяснить ему все дѣло, какъ оно случилось, но онъ мнѣ времени не далъ и ласковымъ образомъ далъ мнѣ почувствовать, что онъ поводъ къ нашей ссорѣ понимаетъ. Въ сущности и я не былъ совершенно правъ.

Изъ Витебска въ Смоленскъ поспѣли мы въ три дня; я находился при кирасирской дивизіи, въ коей познакомился со многими офицерами, особливо въ кавалергардскомъ полку съ Лунинымъ, Давыдовымъ, Уваровымъ и другими.

При вступленіи въ Смоленскую губернію мы увидѣли, что всѣ помѣщики выѣзжали изъ своихъ деревень, крестьяне же уходили съ семействами и скотомъ въ лѣса. Во время похода нашего къ Смоленску, всѣ вообще знали, что непріятель хотѣлъ насъ предупредить въ Смоленскѣ, и отъ того разносились пустые слухи, что нѣсколько непріятельскихъ ядеръ упали на нашу дорогу; иные говорили даже, что видѣли непріятельскую армію, тянущуюся къ Смоленску. Слухи сіи сначала произвели нѣсколько безпокойства, но вскорѣ оказалась ихъ нелѣпость. Однакоже мы шли съ большою неосторожностью. Конница и артиллерія проходили лѣсами безъ пѣхотнаго прикрытія. Легко могло случиться, что отрядъ Французской пѣхоты остановилъ бы насъ въ лѣсахъ. Цѣль Французовъ была не допустить соединенія нашей арміи съ Багратіоновой, что̀ имъ однакоже не удалось.

Не доходя однимъ переходомъ до Смоленска, мы на пути завтракали у помѣщика Волка, у котораго были двѣ прекрасныя дочери лѣтъ двадцати. Слышалось впослѣдствіи, что дѣвицы эти увезены были Французами и обруганы. Подобными неистовствами, часто повторявшимися, Французы озлобили противъ себя народъ.

Придя къ Смоленску, мы стали лагеремъ, въ двухъ верстахъ не доходя города. Квартира великаго князя была на мызѣ. Такъ какъ мнѣ и брату не было никакихъ занятій, то мы отпросились на нѣсколько времени посѣтить знакомыхъ. Братъ Михайла отправился въ Семеновскій полкъ, гдѣ его любили, а я въ кавалергардскій къ Лунину, и мы такимъ образомъ провели дня три. Александръ находился при генералѣ Лавровѣ, командовавшемъ тогда гвардейскою пѣхотою.

---

*) См. выше, стр. 5.

Служба наша не была видная, но трудовая; ибо не проходило почти ни одной ночи, въ которую бы насъ куда-нибудь не послали. Мы обносились платьемъ и обувью и не имѣли достаточно денегъ, чтобы заново обшиться. Завелись вши. Лошади наши истощали отъ безпрерывной ѣзды и отъ недостатка въ кормѣ. Михайла началъ слабѣть въ силахъ и здоровьи, но удержался до Бородинскаго сраженія, гдѣ онъ, какъ самъ говорилъ мнѣ, «къ *счастію* былъ раненъ, не будучи болѣе въ состояніи выдержать усталости и нужды». У меня снова открылась цынготная болѣзнь, но не на деснахъ, а на ногахъ. Ноги мои зудѣли, и я ихъ расчесывалъ, отчего показались язвы, съ коими я однако отслужилъ всю кампанію до обратнаго занятія нами въ концѣ зимы Вильны, гдѣ, не будучи почти въ силахъ стоять на ногахъ, слегъ.

Я жилъ въ кавалергардскомъ полку у Лунина въ шалашѣ. Хотя онъ былъ радъ принять меня, но я совѣстился продовольствоваться на его счетъ и потому, поѣхавъ однажды въ Смоленскъ, купилъ на послѣднія деньги свои нѣсколько бутылокъ Цимлянскаго вина, которыя мигомъ были выпиты съ товарищами, не подозрѣвавшими моего стѣсненнаго положенія. Положеніе мое все хуже становилось: слуги у меня не было, лошадь заболѣла мытомъ, а на покупку другой денегъ не было. Я рѣшился занять у Куруты 125 рубл., которые онъ мнѣ далъ. Долгъ этотъ я чрезъ годъ уплатилъ. Оставивъ изъ этихъ денегъ 25 р. для своего собственнаго расхода, остальныя я назначилъ для покупки лошади и пошелъ отыскивать ее. Найдя въ какой то рощѣ кошмы или вьюки Донскихъ казаковъ, я купилъ у нихъ молодую лошадь. Я ее назвалъ *казакомъ*, и она у меня долго и очень хорошо служила, больную же отдалъ въ конногвардейскій конный лазаретъ.

Курута мало безпокоился о нашемъ положеніи, а только былъ ласковъ и съ привѣтствіями безпрестанно посылалъ насъ по разнымъ порученіямъ. Братъ Михайла сказывалъ мнѣ, что, возвратившись однажды очень поздно на ночлегъ и чувствуя лихорадку, онъ залѣзъ въ шалашъ, построенный для Куруты, пока тотъ гдѣ-то ужиналъ. Шелъ сильный дождь, и братъ, продрогшій отъ озноба, уснулъ. Курута скоро пришелъ и, разбудивъ его, сталъ выговаривать ему, что онъ забылся и не долженъ былъ въ его шалашѣ ложиться. Братъ молчалъ; когда же Дмитрій Дмитріевичъ пересталъ говорить, то Михайла легъ больной на дождѣ. Тогда Курутѣ сдѣлалось совѣстно; онъ призвалъ брата и сказалъ ему: «Вы дурно сдѣлали, что вошли въ мой шалашъ, а я еще хуже, что выгналъ васъ», и за тѣмъ легъ спокойно, не пригласивъ къ себѣ брата, который охотнѣе согласился бы умереть на дождѣ, чѣмъ проситься подъ крышу къ человѣку, ко-

торый счелъ бы сіе за величайшую милость, и потому онъ, не жалуясь на болѣзнь, провелъ ночь на дождѣ. Братъ Михайла обладаетъ необыкновенною твердостью духа, которая являлась у него еще въ ребячествѣ. Константинъ Павловичъ, видя насъ всегда ночующими на дворѣ у огня и въ полной одеждѣ, т. е. въ прожженныхъ толстыхъ шинеляхъ и худыхъ сапогахъ, называлъ насъ въ шутку Тептерями; но мы не переставали исправлять при себѣ должность слуги и убирать своихъ лошадей, потому что никого не имѣли для прислуги. Впрочемъ данная намъ кличка *Тептерей* не сопрягалась съ понятіемъ о неблагонадежныхъ офицерахъ; напротивъ того, мы постоянно слышали похвалы отъ своего начальства, и службу нашу всегда одобряли.

Въ то время былъ еще прикомандированъ къ великому князю для занятій по квартирмейстерской части л.-гв. Литовскаго полка прапорщикъ Габбе, молодой человѣкъ съ Нѣмецкою спѣсью. Онъ ничѣмъ не занимался, имѣлъ однакоже при себѣ въ услугахъ казаковъ, которыхъ намъ не давали, и былъ въ милости у великаго князя оттого, что на глаза ему всегда совался, знался съ его адъютантами, ѣлъ и спалъ вдоволь. Мы съ нимъ никогда не хотѣли сближаться *).

Лунинъ намъ дальній родственникъ: мать его была сестра Михайлы Никитича Муравьева. Лунинъ уменъ, но нрава сварливаго (bretteur). Въ Петербургѣ не было поединка, въ которомъ бы онъ не участвовалъ, и самъ нѣсколько разъ стрѣлялся. Другомъ его былъ кавалергардскаго же полка ротмистръ Уваровъ, который однакоже самъ имѣлъ знаки отъ поединка съ Лунинымъ, а въ послѣдствіи женился на его сестрѣ. Уваровъ человѣкъ непріятнаго обхожденія, отъ чего вообще не былъ любимъ. Къ кругу ихъ принадлежалъ еще Давыдовъ, котораго находили пріятнымъ въ обществѣ; но онъ мнѣ не нравился, какъ и Уваровъ. Былъ еще въ кавалергардскомъ полку Петрищевъ, который мнѣ всѣхъ болѣе нравился. Лунинъ въ 1815 году былъ отставленъ отъ службы за поединокъ съ Бѣлавинымъ, въ которомъ онъ самъ былъ раненъ. Онъ постоянно что-то писалъ и однажды прочелъ мнѣ заготовленное имъ къ главнокомандующему письмо, въ которомъ, изъявляя желаніе принести себя на жертву отечеству, просилъ, чтобы его послали парламентеромъ къ Наполеону съ тѣмъ, чтобы, подавая бумаги императору Французовъ, всадить ему въ бокъ кинжалъ. Онъ даже показалъ мнѣ кривой кинжалъ, который у него на этотъ предметъ хранился подъ изголовьемъ. Лунинъ точно бы сдѣлалъ это, еслибъ его послали; но думаю не изъ любви къ оте-

*) Отецъ или братъ Любовь Васильевны Черкесовой. 1866.

честву, а съ цѣлью пріобрѣсти историческую извѣстность. Мы скоро съ мѣста тронулись, и намѣреніе его осталось безъ послѣдствій.

Общество кавалергардскихъ офицеровъ мнѣ вообще не нравилось; не знаю, по какимъ причинамъ оно такъ прославилось въ Петербургѣ. Ничего святаго у нихъ не было: пересуживали всѣхъ генераловъ, любовь къ отечеству было чувство для нихъ чуждое, и каждый изъ нихъ считалъ себя въ состояніи начальствовать арміею. У нихъ сочинялись насмѣшливыя пѣсни на счетъ начальниковъ и военныхъ дѣйствій; между прочими явилась одна на извѣстный голосъ: Les ennemis s'avancent à grands pas. Стихи эти огласились во всей арміи.

Les ennemis s'avancent à grands pas.
Adieu Smolensk et la Russie!
Barclay toujours évite les combats
Et tourne ses pas en Russie.

N'en doutez pas, car de son grand talent,
Amis, vous ne voyez que les prémices.
Il veut, dit-on, changer dans un instant
Tous ses soldats en écrevisses.

Ses aide-de-camps, trottant à ses côtés,
Jaloux de le suivre en vitesse,
Il leur disait: Oh, mes amis,
Ayez pitié de ma vieillesse.

Во всей арміи солдаты и офицеры желали генеральнаго сраженія, обвиняли Барклая и нещадно бранили его. Сраженіе въ самомъ дѣлѣ предполагалось дать, и никто не полагалъ, чтобы Смоленскъ уступили безъ боя.

Получено было извѣстіе, что графъ Платовъ соединился съ арміею послѣ блистательнаго дѣла, которое онъ имѣлъ подъ Руднею, гдѣ онъ съ казаками опрокинулъ нѣсколько полковъ Французскихъ кирасиръ. Ожидали еще соединенія съ княземъ Багратіономъ, и тогда, по сборѣ всѣхъ силъ, думали дать отпоръ Французской арміи. Съ великою радостью мы, наконецъ, оставили лагерь подъ Смоленскомъ и подвинулись на цѣлый переходъ впередъ къ сторонѣ непріятеля, въ надеждѣ встрѣтить его, но, къ удивленію нашему, никого не нашли. Между тѣмъ Наполеонъ бросился со всѣми силами на Багратіона, чтобы отрѣзать его отъ насъ и послалъ въ Порѣчье небольшой отрядъ въ 6000 человѣкъ, чтобы отвлечь наше вниманіе. Посланные партизаны увѣдомили, что вся Французская армія находится въ Порѣчьи, почему мы поспѣшно выступили въ ночь изъ своего новаго лагеря

опять назадъ. Сперва отошли нѣсколько по Смоленской большой дорогѣ, и потомъ отъ селенія Шаломца поворотили проселкомъ влѣво, вышли на дорогу, ведущую изъ Порѣчья въ Смоленскъ, и расположились лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Смоленска лицомъ къ Порѣчью. Переходъ этотъ былъ очень трудный, дорога узкая, во многихъ мѣстахъ болотистая и вся лѣсистая. Шли ночью, проводниковъ достать было очень трудно, потому что почти всѣ жители разбѣжались. Брату Александру поручено было вести гвардейскую колонну, Михайлѣ корпусъ Коновницына, а мнѣ собрать проводниковъ. Я атаковалъ одно селеніе ночью съ двумя кирасирами и, забравъ нѣсколько крестьянъ, сдалъ ихъ Курутѣ. Порученіе, данное братьямъ моимъ, было весьма затруднительное и сопряжено съ большою отвѣтственностью. При всеобщей суетѣ начальники оторопѣли и сваливали всѣ свои промахи, какъ въ такихъ случаяхъ водится, на офицеровъ генеральнаго штаба. Братъ Александръ долженъ былъ вести гвардейскую колонну, въ головѣ которой шла первая кирасирская дивизія, кавалергардскій полкъ впереди, а предъ нимъ г. Депрерадовичъ. Брату дана была піонерная рота капитана Геча *) для исправленія дороги, и рота сія выступила въ одно время съ полками. Сдѣлалась темная ночь. Нѣсколько верстъ за селеніемъ Шаломцемъ встрѣтился въ болотистой мѣстности плохой мостикъ, который надобно было поправить, ибо онъ много затруднялъ движеніе войскъ. Братъ тотчасъ началъ работу съ піонерами, но для сего колонна остановилась. Братъ нисколько не былъ виноватъ въ семъ замедленіи; но Депрерадовичъ, человѣкъ недальній, не разсудилъ дѣла и напалъ на брата за эту остановку. Сколько братъ ни оправдывался, Депрерадовичъ ничего слушать не хотѣлъ, грозилъ, что заставитъ его идти пѣшкомъ весь переходъ, арестуетъ и начальству о немъ представитъ. Братъ отгрызался, сколько могъ; но видя, наконецъ, что ему дѣлать нечего, онъ по окончаніи моста сѣлъ на коня, далъ шпоры и поскакалъ впередъ.—«Куда ты скачешь, куда ты скачешь?» кричалъ ему Депрерадовичъ вслѣдъ.— «Въ деревню за проводникомъ», отвѣчалъ Александръ, продолжая скакать.—«Да гдѣ же дорога?»—«А вотъ она», отвѣчалъ братъ уже издали и скрылся. Депрерадовичъ послалъ за нимъ въ погоню; но его не нагнали; онъ благополучно ускакалъ и, отъѣхавъ нѣсколько верстъ, повернулъ въ сторону въ лѣсъ, закурилъ трубку и легъ отдыхать. Братъ конечно не былъ правъ, ибо колонна могла сбиться съ дороги,

---

*) Этого Геча нашелъ я въ 1832 году въ чинѣ подполковника командиромъ баталіона внутренней стражи въ Житомирѣ, гдѣ я тогда послѣ Польской войны стоялъ съ командуемою мною 24-ю пѣхотною дивизіею. 1866.

которую онъ впрочемъ самъ зналъ не лучше другихъ; но какъ же было ему терпѣть грубости тогда, какъ онъ свое дѣло дѣлалъ и былъ совершенно правъ? Несчастному піонерному капитану Гечу жестоко досталось отъ Депрерадовича и всѣхъ кавалергардскихъ офицеровъ.

Мы шли не въ порядкѣ и съ большою неосторожностью по едва проходимымъ проселочнымъ дорогамъ; конница пробиралась лѣсами и болотами во многихъ мѣстахъ по одному человѣку, артиллерія увязала въ грязи, и въ прикрытіи ея вовсе не было пѣхоты. Ночь темная, дороги не было видно, и къ тому носился еще слухъ, что Французы будутъ атаковать насъ на походѣ.

Теперь скажу, что̀ въ эту несчастную ночь со мною случилось. Собравъ и сдавъ пойманныхъ проводниковъ, мнѣ никакого дѣла на время перехода болѣе не предстояло, и я ѣхалъ нѣсколько времени съ Курутой, послѣ чего онъ уѣхалъ впередъ, а мнѣ приказалъ оставаться съ колонной, но ничего не поручилъ. И такъ я поѣхалъ съ Лунинымъ, который находился при своемъ эскадронѣ, не зная о томъ, что̀ въ головѣ колонны происходило. Когда братъ Александръ ускакалъ отъ Депрерадовича, и войска остановились, что̀ продолжалось довольно долго, то офицеры, соскучившись, слѣзли съ коней и легли на траву. Пошелъ дождь, и я также легъ на землю, накрывшись буркою. Растерявшійся Депрерадовичъ ѣздилъ взадъ и впередъ и вопилъ плачевнымъ голосомъ:—«Ахъ, Боже мой, что̀ мнѣ дѣлать, куда этотъ Муравьевъ поѣхалъ, что онъ проводника не ведетъ!» Депрерадовичъ мимо меня ѣхалъ, но я молчалъ и едва духъ переводилъ, чтобы онъ меня не позвалъ. Такъ прошло въ первый разъ, но во второй лошадь его въ тѣснотѣ едва не наступила на меня. Онъ остановился, долго смотрѣлъ на мою бурку и, наконецъ, вскрикнулъ:—«Ахъ, Боже мой, кто это тутъ въ буркѣ лежитъ?» Всѣ вскочили и сказали ему, что Муравьевъ. «Ахъ, такъ это ты, братецъ! Куда ты отъ меня уѣхалъ? Такъ-то ты за проводниками ѣздишь? Ты долженъ кавалергардскій полкъ вести, а ты здѣсь изволишь отдыхать? Изволь-ка вести меня, сударь.»—«Не я, ваше превосходительство, долженъ васъ вести». —«Да какой же Муравьевъ меня велъ? Все равно изволь вести».—«Я дороги не знаю, не знаю и куда васъ вести: мнѣ Дмитрій Дмитріевичъ Курута ничего не приказывалъ».—«Веди же!» закричалъ онъ. Видя, что съ нимъ нельзя было сговориться, я сѣлъ верхомъ и, проведя нѣсколько шаговъ колонну, сказалъ ему, что поѣду въ ближайшую деревню за проводникомъ, и поскакалъ. Я уже былъ верстахъ въ пяти отъ колонны, какъ, услышавъ лай собакъ, поворотилъ въ сторону, откуда слышался лай, и въѣхалъ въ какіе-то огороды. Ночь была очень темная, я спрятался въ яму, въ надеждѣ, что по отдаленію отъ дороги меня не найдутъ,

и намѣревался въ этой позиціи пропустить полки, а тамъ примкнуть къ хвосту колонны. Сидѣлъ я такимъ образомъ болѣе часа, когда услышалъ опять стукъ кирасирскихъ палашей и увидѣлъ мерцаніе огня въ курившихся трубкахъ. Я притаился, надѣясь, что вся эта буря мимо меня пройдетъ; но какъ удивился я, когда опять услышалъ подлѣ себя гробовой голосъ Депрерадовича. Лошадь моя заржала. «Кто тутъ? Ахъ, Боже мой!» вскричалъ мудрый Николай Ивановичъ. Я вскочилъ на лошадь и, не говоря ни слова, спѣшилъ укрыться. Лошадь моя въ темнотѣ спотыкалась по ямамъ и грядамъ, но я рѣшился уйти, хотя съ рискомъ себѣ голову разбить, и кое-какъ выбрался изъ огородовъ, преслѣдуемый воплями Депрерадовича: «Муравьевъ! Ахъ Боже мой!» Наконецъ я пробрался кустами назадъ и примкнулся къ хвосту полка. Однако, для вящей безопасности, рѣшился совсѣмъ уѣхать и, отыскавъ Куруту, разсказать ему о случившемся, для чего пустилъ лошадь свою во весь карьеръ и обогналъ въ тѣснотѣ весь кавалергардскій полкъ съ самимъ Депрерадовичемъ, такъ что и лошадь его въ испугѣ дрогнула отъ сего неожиданнаго маневра. Депрерадовичъ однако догадался, что это долженъ быть я, и опять началъ звать меня. Видя, что я не возвращаюсь, онъ послалъ адъютанта своего Бутурлина меня нагонять. Стало разсвѣтать, когда я услышалъ топотъ скачущей за мною лошади. Я шпорилъ свою, но она устала. Оглянувшись, я увидѣлъ Бутурлина, который, нагнавъ меня, уговаривалъ остановиться.—«Очень радъ васъ видѣть», сказалъ я ему, «только назадъ не поѣду, а если хотите, то поѣдемте вмѣстѣ». «Въ самомъ дѣлѣ», отвѣчалъ Бутурлинъ, «генералъ такъ сердитъ, что я самъ уже намѣревался ускакать отъ него, поѣдемте шагомъ.»—«Согласенъ». И мы поѣхали вмѣстѣ шагомъ. Подъѣзжая къ квартирѣ великаго князя, я увидѣлъ брата Александра выѣзжающимъ изъ лѣса, гдѣ онъ скрывался. Мы обмѣнялись разсказами о своихъ ночныхъ происшествіяхъ, посмѣялись и пріѣхали въ селеніе Покарново, гдѣ великій князь уже расположился на квартирѣ. Депрерадовичъ сталъ съ дивизіей въ пяти верстахъ впереди нашего селенія. Вскорѣ прибылъ и братъ Михайла, который передалъ намъ, что онъ велъ корпусъ Коновницина, который остался очень доволенъ имъ. Я разсказалъ все случившееся со мною Курутѣ, который посмѣялся. Депрерадовичъ хотѣлъ жаловаться на меня, однако не пожаловался.

Въ штабѣ 1-й кирасирской дивизіи, куда я былъ наканунѣ по дѣлу посланъ, я имѣлъ случай познакомиться съ Павломъ Ивановичемъ Ко́рсаковымъ, поручикомъ кавалергардскаго полка. Онъ былъ необыкновеннаго роста и сильнаго сложенія, къ сему присоединялъ еще благородную душу (убитъ въ сраженіи подъ Бородинымъ). Тамъ

же встрѣтилъ я еще стараго колонновожатаго Бурнашева, который въ 1811 году у меня въ классѣ учился математикѣ, но безуспѣшно. Когда мы стояли въ Покарновѣ, проѣздомъ зашелъ къ намъ Егоръ Мейндорфъ, еще добрый Петербургскій товарищъ, котораго мы всегда любили. Онъ былъ въ аріергардѣ и уже участвовалъ въ одномъ дѣлѣ, гдѣ Французовъ разбили и гдѣ онъ отличился. Онъ погнался за раненымъ непріятельскимъ знаменщикомъ и отбилъ у него значекъ, который намъ показывалъ; на половинѣ было написано: *Nox soli cedet* *). Мейндорфъ былъ человѣкъ благородный, и хотя онъ не безъ опасности добылъ сей трофей, но говорилъ, что, еслибъ у здороваго отнялъ значекъ, то съ удовольствіемъ надѣлъ бы крестъ, но какъ знамя взято у раненаго, то онъ не будетъ домогаться другой награды, какъ только позволенія полотномъ этимъ обтянуть себѣ дома кресла. Мы едва уговорили его показать полотно великому князю, который много похвалялъ Мейндорфа. Думали, что у него отберутъ значекъ, но онъ взялъ его назадъ, положилъ въ карманъ и уѣхалъ.

Подъ Смоленскомъ въ первый разъ начали разстрѣливать по приговорамъ уголовнаго полеваго суда; говорили, что разстрѣляли семерыхъ солдатъ за грабежъ.

Вскорѣ пришло извѣстіе изъ Порѣчья, что Французы снова показались на дорогѣ, ведущей изъ Витебска въ Смоленскъ, почему, простоявъ четыре дня около Покарнова, мы бросились на старую свою дорогу, ведущую въ Витебскъ. Лагерь нашъ расположенъ былъ въ 40 верстахъ отъ Смоленска, помнится мнѣ, при деревнѣ Гавриковѣ, гдѣ находили, что позиція была очень сильная; но непріятель доказалъ намъ, что позиціонная война не представляла ожидаемыхъ отъ нея выгодъ, потому что можно всякую позицію обойти. Французы насъ не атаковали, мы ихъ тутъ и не видали, но вдругъ услышали гулъ ихъ артиллеріи позади себя подъ стѣнами Смоленска.

Въ бывшемъ лагерѣ при Гавриковѣ, Толь зачѣмъ-то послалъ Александра Щербинина къ Коновницыну. Щербининъ, выйдя на крыльцо и не зная, въ правую или въ лѣвую дверь ему идти, спросилъ Муромцова, тутъ случившагося, и получилъ отъ Муромцова грубый отвѣтъ. Возвратившись къ себѣ, Щербининъ послалъ за мной и просилъ меня быть секундантомъ въ предстоящемъ ему поединкѣ. Муромцовъ мнѣ былъ родственникъ, а Щербининъ старый пріятель. Я не отказался, единственно въ намѣреніи ихъ примирить. Отыскавъ Муромцова, я убѣдилъ его въ неправотѣ. Онъ дѣйствительно не помнилъ, что̀

*) Ночь уступаетъ солнцу.

сказалъ, и согласился просить извиненія у Щербинина; я ихъ въ тотъ же вечеръ свелъ вмѣстѣ, и они помирились. Щербининъ не зналъ до того времени, что я былъ въ родствѣ съ Муромцовымъ.

Прохаживаясь въ тотъ же вечеръ по селенію, я увидѣлъ Михайлу Колошина, лежащаго на улицѣ подлѣ сарая и накрытаго буркою. Съ Дриссы не видалъ я его. Въ предположеніи, что онъ на травѣ расположился для отдыха, я въ шуткахъ бросилъ въ него свою фуражку; но какъ удивился, когда услышалъ стонъ его и упрекъ въ неосторожности обхожденія моего съ больнымъ. Я сѣлъ подлѣ него; онъ былъ въ сильномъ жару и имѣлъ начало горячки; между тѣмъ капитанъ Теннеръ не давалъ ему покоя и хотѣлъ, чтобы онъ еще въ тотъ же вечеръ сходилъ въ главное дежурство для списанія приказа. Колошинъ просилъ меня за него сходить; но скоро приказано намъ было выступить, отъ чего мнѣ не удалось ему услужить. Перемогаясь, онъ самъ сходилъ ночью за приказаніемъ.

По полученному въ то время извѣстію Багратіонъ отступалъ къ Смоленску, удерживая всю Французскую армію. Отступленіе князя Багратіона событіе довольно извѣстное. Французы могли отрѣзать его отъ главной арміи; но Багратіонъ былъ человѣкъ рѣшительный, храбрый, имѣлъ такихъ же генераловъ и вышелъ изъ своего тѣснаго положенія при нѣсколькихъ блистательныхъ дѣлахъ съ непріятелемъ.

Десятая пѣхотная дивизія подъ начальствомъ г. Невѣровскаго, составляла аріергардъ князя Багратіона, который со своею второю Западною арміею вступилъ въ Смоленскъ, поручивъ Невѣровскому прикрывать отступленіе по дорогѣ, ведущей изъ Краснаго къ Смоленску.

Мы выступили обратно къ Смоленску до разсвѣта и съ половины пути нашего услышали гулъ орудій: впереди насъ седьмой корпусъ Раевскаго (2-й арміи) уже вступилъ въ дѣло для подкрѣпленія Невѣровскаго. Опасаясь, чтобы Смоленскъ не взяли до нашего прибытія, кавалерію и артиллерію повели на рысяхъ, посадивъ орудійную прислугу на лафеты и зарядные ящики. Не сомнѣваясь болѣе, что вступимъ въ сраженіе, мы шли очень быстро и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, такъ что почти непримѣтно принеслись къ Смоленску, сдѣлавъ сорокъ верстъ перехода, и непремѣнно приняли бы участіе въ жаркомъ дѣлѣ, еслибъ опоздали: ибо Французы обложили уже городъ и искали бродовъ черезъ Днѣпръ пониже Смоленска, чтобы насъ предупредить. Но броды были глубокіе, или непріятель не отыскалъ ихъ и потому не успѣлъ переправиться черезъ рѣку до нашего прибытія на соединеніе со 2-ю арміею князя Багратіона.

Г-лъ квартирмейстеръ полк. Толь потребовалъ къ себѣ нашихъ офицеровъ для принятія лагернаго мѣста; мы поскакали съ нимъ впе-

редъ, слѣдуя вверхъ по рѣкѣ, по правому ея берегу. Сраженіе же происходило на лѣвомъ берегу. Приближаясь къ Смоленску, мы видѣли Польскихъ улановъ непріятельской арміи, разъѣзжавшихъ по лѣвому берегу и отыскивавшихъ бродовъ. Лагерь нашъ расположился на высотѣ противъ города, на правомъ берегу Днѣпра. На лѣвомъ флангѣ нашемъ поставили нѣсколько орудій, которыя были направлены чрезъ рѣку на непріятеля. Смоленскъ былъ предъ нами, а за нимъ, въ глазахъ нашихъ, происходило сраженіе. Зрѣлище было великолѣпное.

Мнѣ очень хотѣлось побывать въ сраженіи; но корпусъ нашъ не трогался, и мало оставалось къ тому надежды. Посему я рѣшился въ дѣло съѣздить безъ позволенія. Прекратившійся ночью огонь, съ утра опять начался. Я всталъ до разсвѣта, когда у насъ всѣ еще спали. Осѣдлавъ себѣ лошадь, я поѣхалъ въ городъ. Осмотрѣвъ его, я слѣдовалъ далѣе къ Краснинской заставѣ. Тутъ я встрѣтилъ Лунина, возвращавшагося изъ дѣла. Онъ былъ одѣтъ въ своемъ бѣломъ кавалергардскомъ колетѣ и въ каскѣ; въ рукахъ держалъ онъ штуцеръ; слуга же несъ за нимъ ружье. Поздоровавшись, я спросилъ его, гдѣ онъ былъ? «Въ сраженіи», коротко отвѣчалъ онъ. «Что тамъ дѣлалъ?» «Стрѣлялъ и двухъ убилъ». Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ стрѣлкахъ и стрѣлялъ, какъ рядовой. Кто знаетъ отчаянную голову Лунина, тотъ ему повѣритъ. Я выѣхалъ за Малаховскіе ворота, близъ которыхъ былъ построенъ реданъ. На валу лежалъ генералъ Раевскій, при коемъ находился его штабъ. Онъ смотрѣлъ въ поле на движенія войскъ и посылалъ адъютантовъ съ приказаніями. По минованіи редана я увидѣлъ двѣ дороги. Шагахъ въ 200-хъ отъ правой стояли наши стрѣлки; на другой дорогѣ, которая вела прямо, были на разстояніи ¼ версты отъ городской стѣны сараи, около коихъ происходилъ жаркій бой. Французы нѣсколько разъ покушались сараи сіи взять на штыки; но наши люди, засѣвшіе въ нихъ, отбивали атаку. Ружейная пальба была очень сильная. Я направился къ сараямъ шагомъ; пули летали чрезъ меня спереди и съ правой стороны; но я не зналъ еще, что это пули, а узналъ это только тогда, когда увидѣлъ, что онѣ, минуя меня, ударялись объ досчатый заборъ, тянувшійся вдоль дороги, отъ меня въ лѣвой рукѣ. Близко подъѣхавъ къ сараямъ, я немного остановился, посмотрѣлъ и, удовлетворивъ своему любопытству, поворотилъ направо къ первой дорогѣ и поѣхалъ къ стрѣлкамъ. Видно было, что на этомъ мѣстѣ дралась конница, потому что по полю разметаны были поломанные сабельные ножны и клинки, кивера конницы, гусарскія шапки и проч. Прежде всего попалась мнѣ на глаза шашка; я удивился, что ея никто еще не подобралъ, слѣзъ съ лошади, поднялъ и сталъ ее разсматривать; подлѣ лежалъ и убитый. Пока я въ него

вглядывался, пуля упала у моихъ ногъ. Я поднялъ ее въ намѣреніи сохранить, какъ памятникъ перваго видѣннаго мною дѣла съ непріятелемъ, долго держалъ ее въ карманѣ и, наконецъ, потерялъ. Только сталъ я садиться на лошадь, какъ другая пуля пролетѣла у самой луки моего сѣдла. Я сѣлъ верхомъ, поговорилъ съ нашими стрѣлками и поѣхалъ назадъ. Скоро затѣмъ непріятель открылъ по городу огонь изъ орудій, и чрезъ голову мою стали летать ядра; тутъ пришла мнѣ мысль о возможности быть раненымъ и оставленнымъ на полѣ сраженія. Заслуги отъ того никакой бы не было; напротивъ того, могъ я еще получить выговоръ и, поѣхавъ назадъ рысью, я возвратился въ городъ, гдѣ среди множества раненыхъ пробрался въ Королевскую крѣпость: такъ назывался небольшой старинный земляной фортъ съ бастіонами, который служилъ цитаделью и былъ занятъ пѣхотою съ батарейною артиллеріею. Взошедъ на валъ, я слѣдилъ за дѣйствіемъ орудій и видѣлъ, какъ одно ядро удачно попало вкось фронта (en écharpe) Французской кавалеріи, которая неслась въ атаку. Часть эта смѣшалась и понеслась назадъ въ безпорядкѣ. Удовлетворившись видѣннымъ, я возвратился въ лагерь. Курута сдѣлалъ мнѣ за отлучку замѣчаніе, которымъ я впрочемъ нисколько не оскорбился.

Вечеромъ получено было приказаніе къ отступленію, и во всемъ лагерѣ поднялось единогласное роптаніе. Солдаты, офицеры и генералы вслухъ называли Барклая измѣнникомъ. Не взирая на это, мы въ ночь отступили, и запылалъ позади насъ Смоленскъ. Войска шли тихо, въ молчаніи, съ растерзаннымъ и озлобленнымъ сердцемъ. Изъ собора вынесли образъ Божіей Матери, который солдаты несли до самой Москвы при молитвѣ всѣхъ проходящихъ полковъ.

Въ Смоленскѣ оставалась только часть Дохтурова корпуса для удержанія натиска непріятеля въ воротахъ. Такою мѣрой хотѣли дать время увезти раненыхъ и скрыть отъ непріятеля наше быстрое отступленіе. Дохтуровъ защищался въ самыхъ воротахъ противъ превосходныхъ силъ, на него крѣпко насѣдавшихъ. Наша пѣхота смѣшалась съ непріятельскою, и въ самыхъ воротахъ произошла рукопашная свалка, въ коей обѣ стороны дрались на штыкахъ съ равнымъ остервенѣніемъ и храбростью. Послѣ продолжительнаго боя, когда всѣ войска уже вышли изъ города, наши уступили мѣсто и въ порядкѣ перешли чрезъ Днѣпръ. Французы разграбили и сожгли Смоленскъ, церкви обратили въ конюшни, поругали женщинъ, терзали оставшихся въ городѣ стариковъ и слабыхъ, чтобы вывѣдывать у нихъ, гдѣ спрятаны мнимыя сокровища. Во всю эту войну они показались совершенными Вандалами. Въ поступкахъ ихъ не замѣтно было искры того образованія, которое имъ приписываютъ. Генералы, офи-

церы и солдаты были храбрые и опытные въ военномъ дѣлѣ, но дисциплина между ними была слабая. Во Французской арміи было вообще мало образованія, такъ что между офицерами встрѣчались люди, едва знавшіе грамотѣ. Во все время войны, Французы ознаменовали себя неистовствами, оскверненіемъ церквей и сожиганіемъ селъ, черезъ что озлобленный на нихъ народъ вооружался противъ нихъ и побилъ множество мародеровъ, удалявшихся въ стороны для грабежа.

Смоленское сраженіе стоило намъ около 10000 убитыми и ранеными. Непріятель не менѣе нашего потерялъ. У насъ убито два генерала, Балла и Скалонъ; изъ знакомыхъ моихъ былъ тяжело раненъ пулею въ голову Муромцовъ, но онъ совершенно выздоровѣлъ. Изъ офицеровъ квартирмейстерской части ранены: подполковникъ Зуевъ пулею въ голову и колонновожатый Ловейко картечью въ ногу.

Непріятель, переправившись черезъ Днѣпръ выше насъ, отрѣзалъ было часть войскъ нашихъ; но они были выручены графомъ Остерманъ-Толстымъ, который съ 4-мъ корпусомъ держался противъ всей непріятельской арміи, давъ время артиллеріи и войскамъ нашимъ пройти. Дѣло сіе происходило подъ селеніемъ Валутина Гора, верстахъ въ 14-ти отъ Смоленска. Я не былъ въ этомъ сраженіи, потому что нашъ корпусъ прежде всѣхъ отступилъ и переправился чрезъ Днѣпръ при Соловьевѣ; но тѣ, которые въ семъ дѣлѣ участвовали, превозносили храбрость нашихъ войскъ. Мы понесли огромную потерю, но удержали мѣсто и тѣмъ дали время остальнымъ войскамъ отступить. Къ Остерману было послано много полковъ на помощь, между прочими и гренадерскіе, которые также много потерпѣли. Въ семъ сраженіи былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ генералъ Тучковъ.

Изъ-подъ Смоленска великій князь уѣхалъ. Причиною тому были неудовольствія, которыя онъ имѣлъ съ главнокомандующимъ за отступленіе. Такъ какъ штабъ его упразднился, то брата Александра взяли въ главную квартиру, а намъ двумъ Курута приказалъ явиться къ Толю. Толь былъ сердитъ, какъ сподвижникъ Барклая, на всѣхъ штабныхъ Константина Павловича, принялъ насъ сердито и упрекалъ намъ, что мы во все время съ Курутою ничего не дѣлали. Незаслуженный выговоръ намъ не понравился. Мы отыскали Куруту и спросили его, имѣлъ ли онъ причину быть нами недовольнымъ и чѣмъ мы могли заслужить такой оскорбительный выговоръ. Курута успокоилъ насъ, увѣряя, что, кромѣ добрыхъ о насъ отзывовъ, никто никогда другихъ отъ него не слыхалъ.—«Повѣрьте», продолжалъ онъ, «что я никакъ не причиною тѣхъ неудовольствій, которыя вы получили». И онъ не лгалъ. Толь и самаго Куруту пощипалъ, ибо онъ тогда же начиналъ превозноситься своимъ званіемъ генералъ-квартирмейстера.

Правда, что въ то время у всѣхъ въ головѣ кружилось, и онъ одинъ всѣми распоряжался и шумѣлъ на всѣхъ, будучи только въ чинѣ полковника.

Намъ нечего было дѣлать, какъ терпѣть. Помню, какъ мы однажды, собравшись случайнымъ образомъ на дорогѣ всѣ трое вмѣстѣ, отъѣхали въ сторону, сѣли и горевали о всемъ что̀ видѣли и о себѣ самихъ. Какъ было и не грустить? Непріятель свирѣпствуетъ въ границѣ Россіи, отечество въ опасности, войска отступаютъ, жители разбѣгаются, вездѣ слышенъ плачъ и стонъ. Къ сему присоединились еще собственныя наши обстоятельства: объ отцѣ давно ничего не слыхали, сами были мы безъ денегъ, съ плохою одеждою и изнемогали отъ тяжкой службы. Къ тому еще перемѣна начальства и незаслуженный обидный выговоръ........

На второмъ переходѣ отъ Смоленска, я скакалъ съ прочими офицерами за Толемъ (больная лошадь моя выздоровѣла). Братъ Михайла нѣсколько отсталъ; но онъ вскорѣ нагналъ насъ и, со слезами на глазахъ, передалъ намъ о горестномъ положеніи, въ которомъ нашелъ Колошина. Мы воротились и нашли его лежащимъ на телѣгѣ, запряженной плохою крестьянскою лошадью, которую велъ за собою въ поводу слуга его Кузьма, ѣхавшій верхомъ на конѣ своего барина Поллуксѣ. Сзади ѣхалъ драгунъ Казанскаго полка. Соскочивъ съ лошади, я подошелъ къ телѣгѣ и, раздвинувъ вѣтви, коими больной былъ накрытъ, увидѣлъ друга своего Колошина, похожаго болѣе на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка. Онъ открылъ глаза и хотя былъ въ бреду, но узналъ меня, привсталъ, схватилъ мою руку и, крѣпко пожавъ ее, произнесъ сильнымъ голосомъ:—«Ты меня совсѣмъ забылъ, Николай, забылъ, забылъ, совсѣмъ забылъ!» Встревоженный такимъ зрѣлищемъ, я прежде всего хотѣлъ сейчасъ же скакать къ Толю, чтобы выпросить позволеніе оставаться при больномъ; но онъ схватилъ мою руку обѣими своими и держалъ ее такъ крѣпко, что я едва могъ ее высвободить. Онъ вытаращилъ на меня глаза; ротъ его былъ въ судорожномъ состояніи, такъ что онъ болѣе ни слова не могъ выговорить. Въ припадкѣ горячки Колошинъ хотѣлъ вылѣзть изъ телѣги и ухватить меня, но его удержали. Нагнавъ Толя, я просилъ у него позволенія остаться при умирающемъ Колошинѣ. Толь сперва отказалъ мнѣ; но, видя неотступность мою, онъ съ грубостью сказалъ мнѣ:—«Поѣзжайте; вы служить не хотите; сами будете о томъ жалѣть». Я обрадовался позволенію и возвратился къ телѣжкѣ, которую остановили подъ деревомъ подлѣ дороги, потому что больной бился. Испугавшись музыки кавалерійскихъ полковъ, въ то время мимо насъ проходившихъ, Колошинъ, вопреки усилій нашихъ, въ бреду

выскочилъ изъ телѣги. Ставъ на колѣни, онъ поднялъ руки къ небу и хотѣлъ что-то сказать, но не могъ: предсмертныя конвульсіи уже овладѣли имъ. Я его насильно положилъ въ телѣжку и, связавъ шарфомъ своимъ, поѣхалъ съ нимъ далѣе. Онъ успокоился. Отъ слуги Колошина узналъ я подробности о началѣ его болѣзни. По минованіи пароксизма, въ коемъ я его засталъ въ с. Гавриковѣ, лежащимъ подлѣ сарая, онъ пошелъ за приказаніемъ въ главную квартиру и возвратился очень слабымъ; доѣхалъ однакоже верхомъ съ дивизіею до Смоленска, гдѣ, не будучи болѣе въ состояніи стоять на ногахъ, слегъ. Между тѣмъ дивизія, при коей Колошинъ находился, вступила въ дѣло. Онъ было заснулъ, но проснувшись и увидѣвъ, что остался одинъ, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь и отправился въ дѣло къ дивизіи, но не могъ долго остаться на лошади и, по слабости своей, свалился съ нея; его подняли и повезли назадъ; дорогою онъ еще разъ упалъ. Пріѣхавъ на квартиру, онъ уже совершенно слегъ и началъ бредить. Открылась сильная горячка, и на другой день, когда онъ уже не въ состояніи былъ двигаться, и когда началось общее отступленіе, ни генералъ Уваровъ, ни капатанъ Теннеръ о немъ не вспомнили; дали ему одного драгуна для прислуги и бросили. Колошинъ неминуемо остался бы въ Смоленскѣ, еслибъ слуга его не досталъ телѣжки изъ числа заготовленныхъ для раненыхъ. За нѣсколько дней до болѣзни Колошинъ навѣщалъ своего двоюроднаго брата Фонъ-Менгдена, который лежалъ тогда въ жестокой горячкѣ и отъ котораго онъ, вѣроятно, заразился. Драгунъ вскорѣ уѣхалъ, и мы съ Кузьмой остались вдвоемъ около больнаго и лошадей. Ни у больнаго, ни у меня не было денегъ, негдѣ было и лекаря достать. Къ счастію ѣхалъ мимо насъ Орловъ (должно быть Михаилъ Ѳедоровичъ); я нагналъ его, остановилъ и, объяснивъ обстоятельства, просилъ у него денегъ въ займы, и онъ далъ мнѣ 50 р. ассигнаціями самымъ привѣтливымъ образомъ. Не помню, возвратилъ ли я ему эти деньги въ послѣдствіи. На этотъ разъ онѣ мнѣ очень пригодились, ибо я купилъ у маркитанта нѣсколько вина, бѣлаго хлѣба, бульону, чаю, сахару и пр.; но лѣкаря все-таки не было. Съ трудомъ пропускалъ я больному въ ротъ по нѣскольку ложекъ чаю или бульону, но подъ конецъ зубы его были такъ крѣпко стиснуты, что никакой пищи ему нельзя было давать.

Въ первый день мы остановились на лугу; ночь была холодная и сырая. Колошина накрыли, какъ можно было, теплѣе и оставили въ телѣгѣ. Я же съ Кузьмой развелъ огонь, подлѣ котораго мы и легли. Больной былъ безъ движенія и безъ памяти въ теченіи всей ночи; въ такомъ же положеніи находился онъ и поутру, когда мы съ мѣста тронулись.

На слѣдующій день мы прибыли въ село Андрѣевское, 10 верстъ не доѣзжая города Дорогобужа. Тутъ была вся главная квартира и сбирались войска. Армія Багратіона, которая изъ Смоленска отступала по другой дорогѣ, здѣсь уже окончательно соединилась съ нами, почему и располагали дать въ семъ мѣстѣ генеральное сраженіе, но, простоявъ здѣсь дня два на позиціи, перемѣнили намѣреніе и опять продолжали отступленіе.

Въ Андрѣевскомъ я отыскалъ избу для Колошина и, уложивъ его, пошелъ къ Орлову, который просилъ главнаго доктора Геслинга навѣстить больнаго. Геслингъ далъ мнѣ мало надежды къ выздоровленію его, но поставилъ ему двѣ Шпанскія мухи на икры. Колошинъ лежалъ безъ памяти, безъ языка и со всѣми признаками скорой кончины. Въ судорожномъ движеніи рукъ и пальцевъ его проявлялись уже предвѣстники смерти (carfalogie); онъ собиралъ платье свое, иногда лицо его приходило въ конвульсіи, и онъ испускалъ томный гробовой ревъ. Съ пріѣхавшими въ это время братьями мы сидѣли около него, ожидая послѣдней минуты; но мушки подѣйствовали: онъ утихъ и лежалъ безъ движенія.

Въ селѣ Андрѣевскомъ я въ первый разъ увидѣлъ производившуюся возлѣ занимаемой мною избы перевязку раненыхъ, привезенныхъ изъ-подъ Смоленска; въ кучу сбрасывались на улицѣ отрѣзанныя руки и ноги. Зрѣлище это нѣсколько поразило меня, но я слишкомъ былъ занятъ положеніемъ Колошина и недолго останавливался.

По данному мнѣ совѣту, я отвезъ Колошина въ Дорогобужъ; но такъ какъ всѣ дома были разграблены или заняты ранеными, при томъ же должно было опасаться пожара, то я заѣхалъ на какой-то обширный дворъ и положилъ Колошина въ конюшню. Въ домѣ двора сего квартировалъ дежурный штабъ-офицеръ 2-й арміи, полковникъ Зигротъ, котораго я вовсе не зналъ. Уложивши больнаго, я пошелъ къ постояльцу, чтобы просить у него позволенія тутъ остаться. Уже смерклось. Войдя на верхъ, я неожиданно встрѣтилъ Толя, который только что на шаромыгу отужиналъ и былъ, казалось мнѣ, нѣсколько навеселѣ. «А, здравствуйте Муравьевъ», сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ. «Что̀ скажете, что́ вамъ надобно, что́ дѣлаете съ вашимъ больнымъ?»—«Онъ плохъ, очень плохъ, скоро долженъ умереть; я пришелъ просить здѣшняго постояльца, полковника Зигрота, чтобы онъ позволилъ намъ въ конюшнѣ переночевать».—«Вы очень хорошо сдѣлали, что пришли сюда; явитесь сегодня же ввечеру на службу въ село Андрѣевское, а больнаго я поручаю вамъ, любезный Зигротъ. Не безпокойтесь, г. Муравьевъ: Зигротъ лучше васъ за нимъ присмотритъ; онъ мнѣ старый другъ, я его знаю Онъ солдата не

оставитъ безъ призрѣнія, не только офицера, о которомъ я прошу».— Зигротъ поклонился.—«Будьте покойны, Карлъ Ѳедоровичъ», былъ его отвѣтъ. Я хотѣлъ просить Толя, чтобы онъ только позволилъ мнѣ быть свидѣтелемъ смерти близкаго мнѣ товарища; но онъ, возвысивъ голосъ, безжалостно велѣлъ мнѣ ѣхать въ Андрѣевское, присовокупивъ, что самъ туда же возвращается. Я повиновался съ душевною тревогою, но на другое утро пришелъ опять съ тою же просьбою къ Толю, который мнѣ грубымъ образомъ отказалъ. Я пошелъ къ Орлову и просилъ его быть моимъ ходатаемъ, предоставляя ему объявить Толю, что, въ случаѣ отказа, буду рѣшительно проситься въ отставку, не смотря на всѣ послѣдствія, которыя отъ сего могли бы произойти. Орловъ принялъ участіе въ моемъ положеніи, сходилъ къ Толю и, уговоривъ его, объявилъ мнѣ позволеніе возвратиться въ Дорогобужъ.

Я прискакалъ въ городъ, отыскалъ конюшню; но Колошина уже тамъ не было, и никто не умѣлъ сказать мнѣ, куда его повезли. Я искалъ его по всѣмъ дворамъ, но не нашелъ; наконецъ, выѣхалъ на Московскую дорогу и увидѣлъ вѣрнаго слугу его, Кузьму, сидѣвшаго у сараевъ, находившихся въ полверстѣ за городомъ. Я узналъ отъ него, что поутру Зигротъ велѣлъ ихъ выгнать со своего двора и что, не найдя другаго мѣста, онъ его перевезъ въ сараи, гдѣ и положилъ его подъ крышею. Поступокъ достойный пріятеля Толя и Нѣмца!

Посмотрѣвъ больнаго, я пошелъ прогуляться въ поле и пришелъ къ бивуакамъ Смоленскаго ополченія, коимъ начальствовалъ старый, Екатерининскихъ временъ, г.-л. Лебедевъ, поступившій въ запасное войско изъ отставки. Смоленскаго ополченія было до 12,000 человѣкъ; но собранные въ скорости крестьяне сіи еще не были ни обучены, ни вооружены порядочнымъ образомъ. Одну часть изъ нихъ снабдили ружьями, отобранными отъ кавалеріи, другую же вооружили пиками. Офицеры были изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или изъ гражданскихъ чиновниковъ. Никто изъ нихъ не зналъ строевой службы, и несчастныхъ мужиковъ учили только въ ногу маршировать, къ чему тѣ и другіе прилагали усердное стараніе. Въ послѣдствіи Смоленское ополченіе, неизвѣстно какъ и куда, исчезло. Надобно думать, что разбѣжалось по домамъ. Генералъ Лебедевъ просилъ меня къ себѣ въ балаганъ, гдѣ меня обступили офицеры ополченія съ распросами о новостяхъ изъ арміи; но у меня не то было на умѣ: я ушелъ отъ нихъ и провелъ остальную часть дня подлѣ Колошина, которому не было лучше.

Отъ Дорогобужа до Вязьмы было, помнится мнѣ, только три перехода, но очень большихъ, и я совершилъ ихъ съ больнымъ при помощи одного Кузьмы. Мы ѣхали стороною, проселкомъ, потому что

на большой дорогѣ было тѣсно, отъ проходящихъ войскъ пыльно и шумно. Дни были жаркіе и ночи холодныя. Послѣ втораго перехода мы остановились ночевать въ какомъ-то селеніи въ сторонѣ отъ дороги. Больной, лежавшій безъ движенія съ вечера, началъ опять бредить и ночью нѣсколько разъ покушался уйти, но былъ удерживаемъ. Я не спалъ; въ избѣ погасала зажженная нами съ вечера свѣча, какъ вдругъ Колошинъ привсталъ и сѣлъ на постели. Глаза его были томны, не обнаруживая бреда. Онъ очень исхудалъ; желтый цвѣтъ лица его, болѣзненный и страждущій видъ представляли совершенно мертвеца. Въ эту минуту онъ какъ бы, послѣ тринадцати-дневнаго безчувствія, ожилъ—для сознанія своего положенія! Колошинъ ухватилъ меня за руку и слабымъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ:—«Ты здѣсь, Николай? Какъ я боленъ! Ты все за мной ходилъ?» Я старался успокоить его, обнадеживая скорымъ облегченіемъ болѣзни, но безъ пользы.—«Нѣтъ, другъ мой», отвѣчалъ онъ, «я не выздоровлю, чувствую приближающуюся смерть; мнѣ осталось только нѣсколько часовъ жизни». Не менѣе того надежда нѣсколько просіяла въ душѣ моей.—«Гдѣ мы теперь?» спросилъ онъ.—«Близъ Вязьмы.»—«Итакъ я уже матушку не увижу; прощай, Николай, прощай, другъ мой, умираю! Благодарю тебя за твои попеченія; я люблю душевно, страстно люблю ту, которую ты знаешь». Онъ ослабъ и, опустившись на постель, закрылъ глаза и замолкъ, но не былъ покоенъ, ночью еще разъ привсталъ и просилъ пищи; ему дали нѣсколько ложекъ бульону.

Будучи въ послѣдствіи въ Петербургѣ, я старался передать Нелидовой *) о послѣднихъ словахъ Колошина и нашелъ къ тому способъ черезъ Дурново, который съ нею былъ знакомъ, но узналъ, что она, услышавъ о предсмертныхъ словахъ покойнаго, только улыбнулась. Я разсказалъ о томъ сестрѣ покойнаго, Еленѣ Ивановнѣ Колошиной, которая съ Нелидовой была въ близкихъ сношеніяхъ; послѣ сего она прервала связь свою съ Нелидовой.

Въ ту деревню, гдѣ мы ночевали, пришло много раненыхъ и усталыхъ солдатъ. Жителей никого не было. Ночью сдѣлался на сосѣднемъ дворѣ пожаръ, отъ котораго могла и наша изба загорѣться, однако кромѣ загорѣвшагося было двора ничего не случилось. Въ деревнѣ этой было много ульевъ со пчелами; солдаты, добывая по утру медъ, потревожили пчелъ, которыя разлетѣлись по всему селенію и по нашему двору, въ то время какъ мы собирались къ выѣзду. Мы начали запрягать лошадь, но растревоженныя пчелы такъ пристали къ ней, что она кинулась на землю. Пчелы наполнили нашу

*) Въ другомъ мѣстѣ она названа Нелединскою. П. Б.

избу и кинулись на больнаго, у котораго сдѣлались конвульсіи. Мы покрыли его шинелями, сами завѣсились платками и зажгли пукъ соломы на дворѣ, чтобы отдалить ихъ дымомъ; но и это средство не помогло: пчелы были слишкомъ раздражены, ихъ все болѣе прилетало, и потому мы рѣшились вынести изъ избы Колошина и уложить его въ телѣгу, послѣ чего Кузьма сталъ въ оглобли и потащилъ телѣгу за селеніе; я же взялъ лошадь и выбѣжалъ съ нею со двора. Пчелы насъ преслѣдовали болѣе полуверсты; когда же ихъ стало менѣе, то мы остановились, запрягли лошадь и поѣхали далѣе.

Мы скоро выѣхали на большую дорогу, отъ которой мы въ трехъ верстахъ въ сторонѣ ночевали, и какъ въ этотъ день надобно было въ Вязьму пріѣхать, то я не сворачивалъ съ дороги въ сторону. Дорóгою Колошинъ, который все время былъ въ безпамятствѣ, вдругъ очнулся и, приказавъ остановить повозку, сказалъ мнѣ, что настали послѣдніе часы его жизни. Я не совсѣмъ вѣрилъ ему; мнѣ казалось, что въ прошедшую ночь былъ у него кризисъ болѣзни, почему я сталъ обнадеживать его скорымъ пріѣздомъ въ Москву.—«Нѣтъ, Николай», отвѣчалъ онъ, «я матушку болѣе не увижу; умираю, чувствую смерть вотъ здѣсь», говорилъ онъ, показывая на грудь—«здѣсь все горитъ, меня жжетъ, я очень страдаю». У него была уже поражена внутренность воспаленіемъ, но я того не подозрѣвалъ. Послѣ того онъ нѣсколько разъ впадалъ въ безчувствіе и однажды, прійдя въ память, опять приказалъ остановить повозку и повторилъ мнѣ все прежде сказанное.

Мимо насъ проходили полки. Увидѣвъ лѣкаря, я подвелъ его къ телѣгѣ и объяснилъ ему весь ходъ болѣзни Колошина. Лѣкарь не далъ мнѣ никакой надежды; напротивъ того, изъ словъ его можно было заключить, что смерть была неизбѣжна. Онъ однако вынулъ что-то изъ кармана и, свернувъ двѣ пилюльки, велѣлъ одну при себѣ больному дать, а другую спустя нѣсколько времени. «Это опіумъ», сказалъ онъ, «но не безпокойтесь; его тутъ слишкомъ мало, чтобы онъ могъ больному повредить.» Я далъ Колошину первую пилюльку, а черезъ часъ другую; онъ успокоился, и мы въѣхали въ Вязьму еще съ нѣкоторою надеждою на выздоровленіе.

Прибывъ въ Вязьму, я успѣлъ занять избу, принадлежавшую какому-то отставному солдату и съ трудомъ перенесъ въ нее больнаго, который сначала очень бился; его положили на солóму, гдѣ онъ послѣ нѣкотораго времени успокоился, казалось даже, что уснулъ. Наступила ночь. Предполагаемый сонъ Колошина поселилъ во мнѣ еще надежду на возможность его выздоровленія. Я былъ тѣлесно и душевно утомленъ, и мнѣ нужны были отдыхъ и разсѣяніе. Казавшееся облегченіе Колошина утѣшало меня, и потому, отыскавъ братьевъ и

товарищей своихъ въ главной квартирѣ, которая расположилась въ Вязьмѣ, я провелъ у нихъ нѣсколько времени. Возвращаясь послѣ полуночи къ больному, я вошелъ къ нему неосторожно съ шумомъ, ожидая узнать отъ слуги его радостную вѣсть; но Кузьма остановилъ меня, предупреждая, что Михайла Ивановичъ почиваетъ и что онъ не просыпался съ тѣхъ поръ, какъ я ушелъ. Въ горницѣ было темно; я могъ только видѣть, что Колошинъ лежалъ смирно, и полагалъ, что онъ спитъ; но его уже въ живыхъ не было! Постлавъ себѣ соломы, я легъ въ ожиданіи его пробужденія; однако онъ уже болѣе не просыпался.

Я крѣпко уснулъ, но до разсвѣта былъ разбуженъ Кузьмою, который, рыдая, дергалъ меня за ноги. Въ просонкахъ казалось мнѣ, что онъ смѣялся; я вскочилъ, думая услышать что-нибудь пріятное о положеніи больнаго, но вскорѣ узналъ свою ошибку. Кузьма заливался слезами, и я увидѣлъ Колошина, лежащаго въ томъ же положеніи какъ я наканунѣ его оставилъ, на правомъ боку: кулаки его были сжаты, зубы стиснуты, глаза закрыты.

На первыхъ порахъ смерть сія не сдѣлала во мнѣ сильнаго потрясенія; я хладнокровно перенесъ трупъ на скамейку, и не знаю, о чемъ думалъ; грустить же началъ только чрезъ нѣсколько дней. Тяжкое чувство разлуки на вѣки узналъ я только тогда, когда его въ яму опустили. Я накрылъ саваномъ смертные останки моего друга. Черты лица его страшно измѣнились и выражали перенесенныя имъ страданія.

Оставалось похоронить тѣло. Отставной солдатъ вымылъ его, поставилъ въ изголовьи образъ и свѣчку и читалъ Псалтирь. Кузьма пошелъ отыскивать гробъ, что̀ было довольно трудно, потому что жители большею частію уже выѣхали изъ Вязьмы. Но старикъ хозяинъ нашъ показалъ ему домъ, въ которомъ жилъ прежде столяръ, куда Кузьма и побѣжалъ. Все въ домѣ оставалось въ цѣлости, кромѣ хозяина, котораго не было. Онъ нашелъ гробъ, выдолбленный колодою изъ цѣлаго дуба, и принесъ его; въ немъ и схоронили Колошина. Во всемъ городѣ нашли только одного священника, который не хотѣлъ на квартиру прійти, а согласился отпѣть покойнаго въ Ивановскомъ монастырѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Я звалъ товарищей на похороны, но вѣроятно занятія по службѣ не позволили никому изъ нихъ прійти; пришли одни братья мои. Мы одѣли Колошина въ новый мундиръ его и положили въ гробъ, а на крышкѣ гроба привѣсили его киверъ и саблю; похоронную телѣгу везла таже самая крестьянская лошадь, которая отъ Смоленска тащила его больнаго; впереди шелъ старый солдатъ съ образомъ, за гробомъ мы трое,

а за нами слуга покойника велъ его Поллукса. Такимъ образомъ прошли мы большую часть города и пришли въ Ивановскій монастырь. Яма была уже вырыта, Колошина отпѣли и похоронили.

Я вырѣзалъ имя Колошина на яблони, стоявшей въ головѣ ямы, въ которую его похоронили. Можетъ быть, Французы срубили яблоню, но я помню мѣсто и найду могилу, хотя холодный камень не лежитъ на ней памятникомъ. Не теряю надежды когда-нибудь побывать въ Вязьмѣ, гдѣ, отрывъ могилу, вынуть голову Колошина для постояннаго храненія ея въ глазахъ моихъ. Если яблони болѣе нѣтъ, то по крайней мѣрѣ уцѣлѣлъ дубовый гробъ, который не можетъ скоро сгнить.

Въ Вязьмѣ пришло въ армію извѣстіе, что Барклай-де-Толли смѣняется, а мѣсто его заступаетъ Голенищевъ-Кутузовъ. Извѣстіе сіе всѣхъ порадовало не менѣе выиграннаго сраженія. Радость изображалась на лицахъ всѣхъ и каждаго. Г-лъ отъ инф. Михайла Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ служилъ въ войскахъ съ самыхъ малыхъ чиновъ. Онъ постоянно отличался дѣйствіями своими и распоряженіями. Въ особенности же онъ прославился въ войну 1805 года противъ Французовъ при отступленіи до Аустерлица, какъ о томъ судятъ люди свѣдущіе въ военномъ искусствѣ. Въ началѣ 1812 г. Кутузовъ командовалъ Молдавскою арміею и, разбивъ Турокъ, заключилъ съ ними выгодный миръ, —обстоятельство въ особенности благопріятное, потому что мы тогда нуждались въ войскахъ. Государь, истребовавъ Кутузова въ Петербургъ, ввѣрилъ ему начальство надъ большою дѣйствующею арміею. Государь былъ почти вынужденъ къ тому по общимъ желаніямъ всего дворянства, которое требовало его назначенія главнокомандующимъ. На мѣсто Кутузова назначили адмирала Чичагова, который долженъ былъ привести Молдавскую армію на Волынь для усиленія г. Тормасова, едва державшагося противъ соединенныхъ силъ Австрійцевъ и Саксонцевъ.

Кутузовъ былъ человѣкъ умный, но хитрый; говорили также, что онъ не принадлежалъ къ числу искуснѣйшихъ полководцевъ, но что онъ умѣлъ окружить себя людьми достойными и слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Самъ я не могу объ немъ судить, но пишу о способностяхъ его по наслышкѣ отъ тѣхъ, которые его знали. Говорили, что онъ былъ упрямаго нрава, непріятнаго и даже грубаго; впрочемъ, что онъ умѣлъ въ случаѣ надобности обласкать, вселить къ себѣ довѣріе и привязанность. Солдаты его дѣйствительно любили, ибо онъ умѣлъ обходиться съ ними. Кутузовъ былъ малаго роста, толстъ, некрасивъ собою и кривъ на одинъ глазъ. Онъ лишился глаза въ Турецкую

войну, кажется на приступѣ Измаила, отъ пули, ударившей его въ одинъ високъ и вылетѣвшей въ другой (едва-ли не единственный случай, въ которомъ раненый остался живымъ), но онъ только окривѣлъ на одинъ глазъ. Кутузовъ не щеголялъ одеждою: обыкновенно носилъ онъ коротенькій сюртукъ, имѣя шарфъ и шпагу чрезъ плечо сверхъ сюртука. Отъ него переняли въ арміи форму носить шарфъ чрезъ плечо, обычай продолжавшійся до обратнаго вступленія нашего въ Вильну, гдѣ Государь, по пріѣздѣ своемъ въ армію, приказалъ соблюдать установленную форму.

Старость не препятствовала однакоже Кутузову волочиться и любить женщинъ. Онъ имѣлъ въ Польшѣ наложницею Жидовку. Кутузовъ въ сраженіи былъ хладнокровенъ и казался покойнымъ въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Онъ болѣе молчалъ, отдавая приказанія свои повелительнымъ, но тихимъ голосомъ. Такіе пріемы вселяли къ нему довѣріе подчиненныхъ и надежды на успѣхъ.

Когда мы изъ Вязьмы выступили, Барклай еще предводительствовалъ арміею. Предполагалось дать генеральное сраженіе при селеніи Ѳедоровскомъ, лежащемъ въ четырнадцати верстахъ по дорогѣ отъ Вязьмы къ Москвѣ; но предположеніе сіе отмѣнили, на что̀ вообще всѣ много досадовали.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ Вязьмы, я увидѣлъ въ правой сторонѣ въ лѣсу коляску и нѣсколько драгунъ, которые несли женщину. Она была очень хороша собою, но на лицѣ ея выражалось сильное страданіе. У нея были прострѣлены обѣ ноги, что̀ случилось въ Вязьмѣ нечаянно на кухнѣ генерала Корфа, который стоялъ въ домѣ отца ея. Поваръ Корфа мѣшалъ горячіе уголья найденнымъ на полѣ сраженія ружейнымъ стволомъ, который былъ заряженъ пулею и когда прогорѣла засоренная затравка, то сдѣлался выстрѣлъ въ то самое время, какъ молодая хозяйка шла мимо. Пуля попала ей въ колѣно и прострѣлила обѣ ноги. Корфъ посадилъ ее въ свою коляску и приставилъ къ ней въ прислугу драгунъ, приказавъ полковому лѣкарю слѣдовать при коляскѣ.

Мы пришли въ лагерь подъ селеніемъ Царево-Займище, гдѣ въ первый разъ увидѣли Кутузова, прибывшаго въ армію. Старикъ сидѣлъ на стулѣ, поставленномъ на улицѣ и смотрѣлъ на проходящія войска. Толь между тѣмъ разстанавливалъ квартиргеровъ арміи, и, окончивъ дѣло свое, онъ уѣхалъ, приказавъ мнѣ дожидаться одного изъ корпусовъ, дабы показать ему лагерное мѣсто. Корпусъ пришелъ поздно, я разставилъ полки и донесъ о томъ Толю. Такъ какъ и другіе корпуса уже заняли свои мѣста, то Толь послалъ меня къ Барклаю-де-Толли съ докладомъ о прибытіи всѣхъ войскъ. Барклай въ то

время еще не передалъ званія своего Кутузову. Я отыскалъ его въ какой-то избѣ. Когда я ему донесъ о прибытіи войскъ, онъ кивнулъ головой, ничего не сказалъ, сѣлъ къ столу и задумался. Онъ казался очень грустнымъ, да и не могло иначе быть: Барклай слышалъ со всѣхъ сторонъ даваемое ему напрасно названіе измѣнника; на его мѣсто присланъ новый главнокомандующій, и мы были уже недалеко отъ Москвы. Всѣ эти обстоятельства должны были огорчить человѣка, достойнаго всякаго уваженія по его добродѣтелямъ и прежнимъ заслугамъ.

Прибытіе Кутузова въ армію произвело большія перемѣны. Барклай остался начальникомъ 1-й арміи, Багратіонъ—2-й. Къ главнокомандующему обѣими арміями Кутузову назначенъ былъ г-лъ-квартирмейстеромъ, квартирмейстерской части г.-м. Вистицкій, человѣкъ старый, слабый и пустой; надъ нимъ смѣялись. Въ начальники главнаго штаба къ Кутузову поступилъ г-лъ Бенингсенъ, человѣкъ храбрый и, говорили, съ достоинствами, но болѣе теоретикъ, нежели практикъ въ военномъ дѣлѣ. При Барклаѣ оставался начальникомъ главнаго штаба Ермоловъ, а генералъ-квартирмейстеромъ полковникъ Толь.

Братъ Александръ былъ командированъ къ аріергарду, въ распоряженіе г-ла Коновницына, у котораго былъ начальникомъ генеральнаго штаба достойный человѣкъ, полковникъ Гавердовскій, храбрый, распорядительный и любимый подчиненными. Я былъ переведенъ въ новую главную квартиру подъ команду Вистицкаго и очутился въ обществѣ своихъ Петербургскихъ товарищей. Братъ Михайла и Щербининъ были назначены къ Бенингсену.

Мы отступали довольно быстро, но въ большомъ порядкѣ, и пришли къ Колоцкому монастырю, лежащему верстахъ въ двадцати не доходя Можайска. Тутъ опять намѣревались дать генеральное сраженіе, выбрали позицію, но не нашли ее удобною и отступили до села Бородина, лежащаго въ 11-ти верстахъ не доходя Можайска. Главная квартира расположилась въ селеніи Татаркахъ, тремя верстами поближе къ Можайску, на большой же дорогѣ. Барклай остановился въ селеніи Горки, что̀ на половинѣ дороги между Татарками и Бородинымъ; а Багратіонъ—влѣво отъ дороги, въ селеніи Михайловскомъ.

Не знаю настоящихъ причинъ, побудившихъ Кутузова дать Бородинское сраженіе, ибо мы были гораздо слабѣе непріятеля и потому не должны были надѣяться на побѣду. Конечно, главнокомандующій могъ ожидать отпора непріятелю со стороны войскъ, которыя съ нетерпѣніемъ видѣли приближающійся день сраженія, ибо мы были уже недалеко отъ Москвы. Казалось несбыточнымъ дѣломъ сдать столицу непріятелю, безъ боя и не испытавъ силы оружія. Французы

превозносились тѣмъ, что насъ преслѣдовали; надобно было, по крайней мѣрѣ, вызвать въ нихъ уваженіе къ нашему войску. Кутузову нужно было также получить довѣріе арміи, чего предмѣстникъ его не достигъ, постоянно уклоняясь отъ боя. Вѣроятно, что сіи причины побудили главнокомандующаго дать сраженіе, хотя нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ имѣть только слабую надежду на успѣхъ, и побѣда намъ бы дорого обошлась. При равной же съ обѣихъ сторонъ потерѣ, непріятель, и при неудачѣ своей, становился вдвое сильнѣе насъ. Французы имѣли столь превосходныя силы въ сравненіи съ нашими, что они не могли быть на̀-голову разбиты, и потому, въ случаѣ неудачи, они, отступивъ нѣсколько, присоединили бы къ себѣ новыя войска и въ короткое время могли бы снова атаковать насъ съ тройными противъ нашихъ силами, тогда какъ къ намъ не успѣли бы прійти подкрѣпленія. Наша армія также не могла быть разбита на̀-голову; но, потерявъ равное съ непріятелемъ число людей, мы становились вдвое слабѣе и въ такомъ положеніи нашлись бы вынужденными отступить и сдать Москву, какъ то и случилось.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ полагаю, что сдача Москвы была уже рѣшена въ нашемъ военномъ совѣтѣ, ибо и самая побѣда не могла доставить намъ большихъ выгодъ. Полагаю, что цѣль главнокомандующаго состояла единственно въ томъ, чтобы подѣйствовать на духъ обѣихъ армій и на настроеніе умовъ во всей Европѣ. Кутузовъ повидимому съ сею цѣлію рѣшился съ рискомъ дать сраженіе и во всякомъ случаѣ предвидѣлъ значительную потерю людей. Можетъ быть, что онъ тогда уже расчитывалъ на суровость зимняго климата и на народное ополченіе болѣе, нежели на свои наличныя силы, которыхъ не доставало, чтобы противиться столь превосходному числительностью непріятелю.

Мѣсто, избранное для сраженія, было довольно удобное. Линіи наши занимали высоты по обѣимъ сторонамъ дороги; передъ нами было село Бородино, лежащее на рѣкѣ Колочѣ, прикрывавшей фасъ нашего праваго фланга. Правый берегъ оной, т. е. нашъ, былъ гораздо выше лѣваго и крутъ. Колоча впадала въ Москву-рѣку, прикрывавшую оконечность нашего праваго фланга. На томъ же флангѣ была довольно обширная роща, которая оканчивалась при большой дорогѣ кустарникомъ. Середина нашего лѣваго фланга выдавалась впередъ и расположена была на особенной высотѣ, получившей названіе Раевскаго батареи, на которой происходилъ самый жаркій бой. Отъ этого мѣста до конца лѣваго фланга были поляны и кустарники. Наконецъ, лѣвый флангъ примыкалъ къ большому лѣсу, чрезъ который пролегала старая большая дорога, ведущая къ Можайску.

Этою дорогою могли бы Французы воспользоваться при самомъ началѣ дѣла, дабы предупредить насъ въ Можайскѣ или принудить насъ поспѣшно оставить позицію; но, можетъ быть, Наполеонъ, полагаясь на свои силы и зная упорство наше, надѣялся истребить нашу армію на занимаемой ею позиціи. Мѣстоположеніе позади обоихъ нашихъ фланговъ было почти сплошь покрыто кустарникомъ, который близъ селенія Татарки становился лѣсомъ. Отъ лѣваго фланга нашего спускалось нѣсколько овраговъ съ малозначущими рѣчками, текущими въ р. Колочу.

Правый флангъ непріятеля простирался до старой Можайской дороги, гдѣ находились главныя его силы. Лѣвый флангъ его былъ гораздо слабѣе праваго и почти совсѣмъ не дѣйствовалъ; ибо войска съ онаго были переведены на правый, такъ какъ и нашъ правый флангъ оставался во все время сраженія безъ дѣйствія, и войска съ онаго, наконецъ, были переведены на лѣвый флангъ. Село Бородино, находившееся сначала впереди Французскихъ линій, впослѣдствіи осталось среди ихъ.

Въ обѣихъ арміяхъ нашихъ считалось 7 пѣхотныхъ корпусовъ и нѣсколько кавалерійскихъ дивизій; но нѣкоторыя изъ нихъ были весьма слабы отъ урона, понесеннаго въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, Смоленскомъ и Валутиной Горой. Подъ Бородинымъ пришелъ къ намъ г. Милорадовичъ съ подкрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ 8-ми или 10 тысячъ пѣхоты. Еще пришло къ намъ тысячъ до десяти Московскаго ополченія, но оно было дурно вооружено и во время сраженія употреблялось только для уборки раненыхъ. Всего съ ополченіемъ было у насъ на лицо около 110 тысячъ человѣкъ и 750 орудій; у Французовъ же считалось 160 тысячъ и до 1000 орудій, а затѣмъ еще разныя части, шедшія къ нимъ на подкрѣпленіе.

Главная квартира армій расположилась—Кутузова въ селѣ Татаркахъ, Барклая—въ Горкахъ, а Багратіона—въ Михайловскомъ. Войска наши стали въ слѣдующемъ порядкѣ.

Правый флангъ первой арміи: 2-й корпусъ Багговута, 4-й корпусъ графа Остерманъ-Толстаго. За ними одна кавалерійская дивизія. Одинъ егерскій полкъ 2-го корпуса (помнится мнѣ, 4-й егерскій, коего командиромъ былъ полковникъ Ѳедоровъ) занималъ лѣсъ при оконечности нашего праваго фланга; одна артиллерійская рота, принадлежащая ко 2-му корпусу, присоединилась къ сему егерскому полку. Въ лѣсу сдѣланы были просѣки и засѣки; въ первыхъ расположены были орудія, а за вторыми егеря. Артиллерія 4-го корпуса заняла крутой берегъ рѣки Колочи, гдѣ орудія маскировались воткутыми въ землю деревьями. 4-й корпусъ примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ селе-

нію Горки, лежащему на большой дорогѣ. Одну кавалерійскую дивизію поставили за 4-мъ корпусомъ въ колоннахъ, а за нею также въ колоннахъ стояла 1-я кирасирская дивизія, на одной почти высотѣ съ селеніемъ Татарки. На лѣвомъ флангѣ конницѣ невозможно было дѣйствовать по причинѣ кустарниковъ; но ей можно было перейти черезъ дорогу и поспѣть на помощь къ нашему лѣвому флангу, гдѣ были открытыя мѣста, удобныя для кавалерійскихъ атакъ. И такъ, войска наши раздѣлялись на правый и лѣвый флангъ большою дорогою; правый флангъ состоялъ изъ двухъ корпусовъ 1-й арміи. Селеніе Горки лежало на возвышеніи по большой дорогѣ; тутъ сдѣлали небольшой окопъ, который вооружили нѣсколькими орудіями 4-го корпуса. При спускѣ съ горы возвели другой окопъ, вооруженный орудіями того же корпуса; орудія были направлены на село Бородино, въ которое, во время дѣла, пустили только нѣсколько ядеръ, когда войска наши отступили изъ онаго.

Село Бородино было сперва защищаемо л.-г. егерскимъ полкомъ, а послѣ 11-мъ егерскимъ.

Лѣвый флангъ первой арміи: 6-й корпусъ Дохтурова примыкалъ своимъ правымъ флангомъ къ большой дорогѣ при селеніи Горкахъ. За симъ корпусомъ стоялъ въ резервѣ 5-й гвардейскій корпусъ подъ командою г. Лаврова. Къ лѣвому флангу 6-го корпуса примыкалъ второй арміи 7-й корпусъ г. Раевскаго. Корпусъ сей защищалъ батарею, выдавшуюся впередъ и получившую названіе—Раевскаго батарея. За симъ 8-й корпусъ Бороздина, которымъ, помнится мнѣ, во время сраженія командовалъ Паскевичъ. 3-й гренадерскій корпусъ подъ командою Тучкова стоялъ отчасти въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ, а отчасти занималъ старую большую дорогу, ведущую въ Можайскъ. Въ резервѣ лѣваго фланга находились еще 2-я кирасирская дивизія и нѣсколько кавалерійскихъ дивизій.

Резервная артиллерія подъ командою г.-м. Эйлера стояла у селенія Татарки. Она вся была въ дѣлѣ; но г-лъ Эйлеръ сказался больнымъ и не участвовалъ въ сраженіи.

На старой большой Можайской дорогѣ расположились пять полковъ Донскихъ казаковъ подъ командою полковника Сысоева; остальные же Донцы, подъ командою графа Платова, составляли особенный корпусъ, который во время сраженія переправился чрезъ Колочу на нашемъ правомъ флангѣ и долженъ былъ дѣйствовать въ тылъ непріятеля. Къ сему летучему отряду присоединили легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію подъ командою г-ла Уварова; но, отъ дурныхъ распоряженій и нетрезваго состоянія графа Платова, войска сіи, которыя могли бы принести большую пользу, ничего не сдѣлали. Куту-

зовъ отказалъ Платову въ командованіи въ самое время сраженія; способности же Уварова, который послѣ Платова оставался старшимъ, довольно извѣстны. Онъ расположилъ свою конницу подлѣ лѣса, занятаго непріятельской пѣхотой и потерялъ много людей безъ всякой пользы. Уваровъ обладалъ даромъ выбирать для атаки такія мѣста, гдѣ конница не могла дѣйствовать, и отрядъ его, имѣвшій болѣе 10,000 всадниковъ, въ день Бородинскаго сраженія ни къ чему не послужилъ.

Часть Московскаго ополченія расположили на старой Можайской дорогѣ, другую же поставили въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ для уборки раненыхъ. Ополченцы стояли въ колоннахъ неподвижно, теряя много народа отъ ядеръ; когда же ихъ послали за ранеными, то они ходили въ самый сильный огонь для спасенія своихъ соотечественниковъ.

Пѣхотныя дивизіи выстроились въ 3 линіи слѣдующимъ образомъ: въ первой линіи два полка егерскихъ, во второй же и третьей по 2 полка пѣхотныхъ; но, принимая въ расчетъ части, находившіяся въ общемъ резервѣ, какъ и кавалерійскія дивизіи, оказывалось, что войска лѣваго фланга стояли въ шесть и даже въ семь линій. Все протяженіе нашихъ линій занимало верстъ пять въ длину и въ глубину съ версту. По сей причинѣ непріятелю было весьма трудно прорвать нашъ фронтъ; но мы потеряли много людей отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи, коей ядра достигали нашихъ заднихъ линій.

Коновницынъ, начальствовавшій аріергардомъ при отступленіи, имѣлъ нѣсколько жаркихъ дѣлъ съ непріятелемъ; ибо ему велѣно было, какъ можно долѣе, держаться, дабы дать главнымъ силамъ время устроиться. Братъ Александръ, состоявшій при аріергардѣ, говорилъ мнѣ, что сраженіе подъ Гридневымъ было весьма жаркое. 23-го Августа Коновницынъ присоединился къ главнымъ силамъ, и войска его заняли свое мѣсто въ общей позиціи, послѣ чего братъ Александръ поступилъ опять въ главную квартиру, въ кругъ старыхъ своихъ товарищей и подъ начальство Вистицкаго.

Лѣвый флангъ нашъ былъ укрѣпленъ многими шанцами, построенными на скоро и отъ того слабыми. Передъ селеніемъ Михайловскимъ поставлено было нѣсколько редановъ. Раевскаго батарея была обнесена низкимъ валомъ, прикрывавшимъ до 50 орудій; лѣсъ, находившійся при оконечности лѣваго фланга, былъ перегороженъ засѣками и занятъ стрѣлками.

Въ такомъ положеніи находилась наша армія 24 Августа.

Помнится мнѣ, что мы, офицеры генеральнаго штаба, еще 22 Августа пришли въ селеніе Татарки, гдѣ остановились въ сараѣ. У

насъ нечего было ѣсть, да и купить было негдѣ, и потому мы посылали одного изъ товарищей съ фуражирами для добыванія въ деревняхъ съѣстныхъ припасовъ.

23-го Августа поручено было полковнику Нейдгарту 1-му (Павелъ Ивановичъ, квартирмейстерской части) укрѣпить правый флангъ нашей позиціи; меня же назначили къ нему въ помощь. Мы устроили на крутомъ берегу Колочи закрытыя батареи, о которыхъ выше сказано, и назначили сдѣлать засѣки въ лѣсу, находившемся на оконечности нашего праваго фланга. Пока мы разъѣзжали по линіи, главнокомандующій самъ пріѣхалъ осматривать мѣстоположеніе и засталъ насъ на небольшомъ возвышеніи противъ лѣваго фланга 2-го корпуса Багговута. Кутузовъ остановился на этомъ возвышеніи въ сопровожденіи главной квартиры и совѣтовался съ генералами, какъ замѣтили орла, поднявшагося изъ большой рощи, остававшейся у насъ въ правой сторонѣ. Онъ поднимался все выше и выше, наконецъ, величаво поплылъ надъ нами, и какъ-бы остановился надъ главнокомандующимъ. Багговутъ *), его первый замѣтившій, снялъ фуражку и закричалъ: «Ein Adler, ach ein Adler!» Кутузовъ, увидя его, снялъ также фуражку свою, воскликнувъ: «Побѣда Россійскому воинству. Самъ Богъ ее намъ предвѣщаетъ!» Случай этотъ тотчасъ сдѣлался извѣстенъ во всей арміи и конечно способствовалъ къ вящему ободренію войска. Говорятъ, что, когда привозили въ Петербургъ тѣло умершаго князя Кутузова, то орелъ сопутствовалъ церемоніи. Я слышалъ это отъ очевидцевъ.

24-го числа поутру во всѣхъ полкахъ служили молебны; налои замѣнены были пирамидами, составленными изъ барабановъ, на коихъ поставили образа. Сто тысячъ человѣкъ войска, при распущенныхъ знаменахъ, съ колѣнопреклоненіемъ, усердно молились о помощи для истребленія враговъ отечества. Чувство любви къ отечеству было въ то время развито во всѣхъ званіяхъ.

24-го числа вся непріятельская армія находилась передъ нами. Ввечеру Наполеонъ сдѣлалъ усиленную рекогносцировку для избранія выгоднѣйшаго пункта атаки и посему направилъ густыя колонны пѣхоты на Раевскаго батарею. Солдаты его были пьяны. Съ нашей батареи отвѣчали картечью и причинили непріятелю большой уронъ; но Французы повторяли свои атаки, поддерживая ихъ сильной канонадой. Наши батареи продолжали дѣйствовать, и въ короткое время

---

*) Орелъ, ахъ орелъ!

завязался на нашемъ лѣвомъ флангѣ сильный бой, не уступавшій сраженію 26 числа, съ тою только разницею, что 24-го дѣло началось ввечеру и потому не могло долго продолжиться.

Наполеонъ хотѣлъ непремѣнно овладѣть Раевскою батареею и нѣсколько разъ посылалъ на нее огромныя массы пѣхоты, которыя мы подпускали близко и разсыпали картечными выстрѣлами изъ нѣсколькихъ десятковъ орудій. По отраженіи такимъ образомъ одной большой колонны, главнокомандующій послалъ 2-ю кирасирскую дивизію для преслѣдованія разсыпавшагося непріятеля, и наши кирасиры, потоптавъ множество Французскихъ пѣхотинцевъ, занеслись въ непріятельскія линіи и выхватили изъ среды оныхъ, въ виду всей Французской арміи, 7-мь Польскихъ орудій съ ихъ прислугою и лошадьми. Орудія сіи провезли по всему нашему лагерю и отправили чрезъ Можайскъ въ Москву. Пушки эти были взяты Малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ.

Между тѣмъ непріятель сталъ занимать лѣсъ, находившійся на оконечности нашего лѣваго фланга, гдѣ завязалось сильное стрѣлковое дѣло; но мы удержали за собою лѣсъ.

Во время сраженія 24-го числа главнокомандующій находился на лѣвомъ флангѣ въ сильномъ огнѣ. Съ нимъ была вся главная квартира, въ томъ числѣ и я при Вистицкомъ, но не былъ никуда посылаемъ съ порученіями. Непріятельскія ядра, большею частію перелетая у насъ чрезъ головы, ложились въ заднихъ линіяхъ.

Когда смерклось, огонь сталъ ослабѣвать. Французы зажгли селенія, находившіяся среди ихъ линій, гдѣ запылали лагерные костры. Зрѣлище было величественное. Непріятельскій лагерь означался почти непрерывною линіею пламени на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Георгій Мейндорфъ, прозывавшійся у насъ Чернымъ, о которомъ я прежде упоминалъ, былъ раненъ въ дѣлѣ 24 Августа. Его послали въ лѣсъ, находившійся на оконечности нашего лѣваго фланга, чтобы разставить цѣпь стрѣлковъ; онъ подался неосторожно одинъ впередъ, его обступили три Француза, изъ коихъ одинъ приставилъ ему къ боку штыкъ, закричавъ: «Rendez-vous!» Мейндорфъ отбилъ ружье его саблею, но другой ткнулъ его штыкомъ въ ляжку. Мейндорфъ отъ сего удара свалился съ лошади, и его бы убили, еслибъ на крикъ не прискакали два кирасира Малороссійскаго полка, которые, по овладѣніи Польскими орудіями, отбились отъ своего полка и, услышавъ голосъ Русскаго, поспѣшили ему на помощь въ лѣсъ, изрубили трехъ Французовъ и спасли Мейндорфа. Одинъ изъ избавителей его былъ

унтеръ-офицеръ. Мейндорфъ доставилъ ему знакъ Георгіевскаго креста и далъ обоимъ денежное награжденіе.

Потеря наша въ дѣлѣ 24-го Августа была довольно значительная; но со стороны непріятеля, она безъ сомнѣнія, была гораздо болѣе. Густыя Французскія колонны храбро наступали съ барабаннымъ боемъ, но когда ихъ осыпали градомъ картечей, то онѣ не могли держаться, разсыпались и уклонялись, оставляя за собою слѣдъ убитыхъ и раненыхъ. Помилованія конница наша никому не давала, и плѣнныхъ было взято только нѣсколько человѣкъ.

Ночью огонь совершенно прекратился. Побѣда была на нашей сторонѣ, но мы увидѣли преимущество силъ непріятеля.

По прекращеніи дѣла, войска наши, составивъ ружья въ козлы, развели огни и стали варить кашу. Мы возвратились въ свое селеніе Татарки, гдѣ нашли, что сарай нашъ былъ занятъ ранеными, почему мы перебрались на ночь въ крестьянскій овинъ, стоявшій подлѣ самой большой дороги. Тутъ ночевали Щербининъ, я, братъ Михайла, Глазовъ и еще кое-кто изъ людей мнѣ неизвѣстныхъ. Пролѣзали мы въ этотъ овинъ чрезъ маленькое окно въ стѣнѣ, довольно высоко вырубленное, лежали же почти одинъ на другомъ.

Едва забрались мы въ овинъ, какъ заснули. Я лежалъ съ края и какъ-бы во снѣ почувствовалъ, что кто-то ходитъ по моимъ ногамъ, которыя тогда болѣли цинготой и были въ язвахъ; мнѣ въ полуснѣ мерещилось, что лежу на дорогѣ и что 33-й егерскій полкъ, идучи мимо, наступаетъ мнѣ на больныя ноги. На спросъ: «*кто тутъ?*» мнѣ отвѣчали: «*наши*». «Ну если наши, такъ проходите, братцы», думалось мнѣ въ полуснѣ. Однако-же всю ночь кто-то у меня на ногахъ шевелился, а мнѣ все егеря мерещились. Проснувшись на разсвѣтѣ, я увидѣлъ крестьянина, лежащаго на мнѣ. — «Что̀ тебѣ надобно?» вскричалъ я. Мужикъ проснулся и въ перепугѣ хотѣлъ выскочить въ окно. Онъ вынесъ уже одну ногу за окно, но я его за другую схватилъ и крѣпко держалъ. Товарищи мои проснулись на шумъ, какъ и люди наши, спавшіе на дворѣ. Они схватили несчастнаго за вывѣшенную ногу и тащили его къ себѣ. Въ такомъ положеніи держали его и били съ двухъ сторонъ, принимая его за злоумышленнаго человѣка. Но это былъ только ратникъ Московскаго ополченія, который, отставъ отъ своей дружины, не нашелъ себѣ на ночь другаго убѣжища.

25-го Августа дѣло рано возобновилось, но было очень слабое: во весь день выпустили только нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; перестрѣливались по временамъ въ цѣпи на лѣвомъ нашемъ флангѣ, но и тамъ огонь ружейный былъ весьма слабый. Между тѣмъ Фран-

цузы подкрѣплялись подходившими къ нимъ новыми силами, а къ намъ пришло Московское ополченіе.

Давно не имѣли мы никакихъ извѣстій объ отцѣ, а слышали только, что онъ вступилъ на службу въ ополченіе; почему, полагая, что это могло быть въ Московское, я вышелъ на большую дорогу въ надеждѣ встрѣтить отца, но тщетно. Я остановилъ нѣсколько офицеровъ и распрашивалъ ихъ о моемъ отцѣ; но никто мнѣ ничего о немъ сказать не могъ. Офицеры сіи, набранные изъ числа университетскихъ студентовъ, приказныхъ и изъ дворянъ, ради были случаю поговорить съ бывалымъ въ походѣ; они обступили меня и распрашивали о сраженіи 24-го числа, о силахъ непріятельскихъ и о расположеніи нашихъ войскъ. Въ ратникахъ былъ отличный народъ. Они оставляли свои мѣста, окружали насъ и, слушая со вниманіемъ, дѣлали свои заключенія, потомъ нагоняли свои дружины, ушедшія между тѣмъ впередъ.

25-го числа погода была пасмурная, изрѣдка шелъ маленькій дождь. Раненыхъ было въ этотъ день очень мало; но готовились къ бою: ибо со всѣхъ окрестныхъ деревень пригоняли въ Можайскъ множество подводъ для отвоза раненыхъ.

26-го числа къ разсвѣту все наше войско стало подъ ружьемъ. Главнокомандующій поѣхалъ въ селеніе Горки на батарею, гдѣ остановился и слѣзъ съ лошади; при немъ находилась вся главная квартира. Солнце величественно поднималось, изчезали длинныя тѣни, свѣтлая роса блистала еще на лугахъ и поляхъ, которые чрезъ нѣсколько часовъ обагрились кровью. Давно уже заря была пробита въ нашемъ станѣ, гдѣ войска въ тишинѣ ожидали начала ужаснѣйшаго побоища. Каждый горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться и съ озлобленіемъ смотрѣлъ на непріятеля, не помышляя объ опасности и смерти, ему предстоявшей. Погода была прекраснѣйшая, что̀ еще болѣе возбуждало въ каждомъ рвеніе къ бою.

Прежде всего увидѣли мы эскадронъ непріятельскихъ конныхъ егерей, который, отдѣлившись отъ своего войска, прискакалъ на поле, противулежащее нашему правому флангу. Люди слѣзли съ коней и начали перестрѣлку съ нашими егерями, переправившимися за Колочу. Графъ Остерманъ-Толстой приказалъ пустить нѣсколько ядеръ въ коноводовъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки Французскіе егеря отступили; но между тѣмъ непріятель атаковалъ гвардейскій егерскій полкъ, который защищалъ село Бородино. Къ нему послали на подкрѣпленіе 1-й егерскій полкъ, но войска сіи не могли устоять противъ превосходныхъ силъ. Послѣ долгаго сопротивленія они наконецъ уступили мостъ чрезъ Колочу и отступили. Въ л.-г.

егерскомъ полку, послѣ нѣсколькихъ часовъ перестрѣлки, убыло 700 рядовыхъ и 27 офицеровъ. Полкъ этотъ дрался съ необыкновенною храбростью. Тутъ былъ убитъ знакомый мнѣ подпоручикъ князь Грузинскій. Трупъ его, накрытый окровавленною шинелью, пронесли мимо насъ. Князь Грузинскій былъ очень высокаго роста и худощаваго тѣлосложенія; его перекинули чрезъ два ружья, такъ что онъ совершенно въ двое сложился; съ обѣихъ сторонъ висѣли его руки и ноги, едва не волочась по землѣ. Грузинскаго любили въ полку, гдѣ его знали за хорошаго офицера и добраго товарища. Зрѣлище сіе меня на первый разъ нѣсколько поразило; но впослѣдствіи я свыкся съ подобными сценами и съ большимъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на убитыхъ и раненыхъ.

Во время перестрѣлки въ селѣ Бородинѣ, одинъ молодой егерь пришелъ въ селеніе Горки къ главнокомандующему и привелъ Французскаго офицера, котораго представилъ Кутузову, отдавая отобранную у плѣннаго шпагу. Полное счастіе изображалось на лицѣ егеря. Французскій офицеръ этотъ объявилъ, что, когда они брали мостъ, то егерь этотъ, бросившись впередъ, ухватился за его шпагу, которую отнялъ и потащилъ его за воротъ; что онъ при семъ не обижалъ его и не требовалъ даже кошелька. Кутузовъ тутъ же надѣлъ на молодаго солдата Георгіевскій крестъ, и новый кавалеръ бѣгомъ пустился опять въ бой.

Бородино еще было въ нашихъ рукахъ, когда Французы открыли огонь ядрами по селенію Горки. Наши орудія имъ отвѣчали. Пальба сначала недолго продолжалась, но во время сраженія она нѣсколько разъ возобновлялась. Гвардейскіе егеря, по утратѣ села Бородина, присоединились опять къ своему 5-му корпусу. Французы учредили перевязочный пунктъ для раненыхъ въ селѣ Бородинѣ и не атаковали пѣхотою батарей нашихъ, построенныхъ при селѣ Горки. Овладѣніе Французами села Бородина и дѣйствія около Горокъ происходили независимо отъ общаго хода генеральнаго сраженія, исключительно объявшаго нашъ лѣвый флангъ, но служили ему какъ бы вступленіемъ. Впрочемъ дѣло завязалось на лѣвомъ флангѣ, когда Бородино было еще въ нашихъ рукахъ.

Въ началѣ сраженія Наполеонъ находился при правомъ флангѣ своей арміи, на возвышеніи, съ котораго оба стана были видны. Любуясь величественно восходящимъ солнцемъ и началомъ прекраснаго дня, онъ воскликнулъ среди окружавшихъ его: «Voilà le lever du soleil d'Austerlitz!» Слова сіи въ мигъ сдѣлались извѣстными во всей его арміи и еще болѣе возбудили легкія Французскія головы, способныя воспламеняться отъ одного краснаго слова, кстати сказаннаго.

Онъ умѣлъ управлять пылкимъ народомъ своимъ. Наполеонъ отдалъ по войску приказъ, въ которомъ напоминалъ прежнія побѣды и указывалъ на близкую Москву, гдѣ арміи предстояло насладиться всевозможными удовольствіями грабежа и отдыхомъ отъ трудовъ и безпокойствъ, понесенныхъ въ столь продолжительномъ походѣ. Рѣчь сія подѣйствовала, и Французы дрались отчаянно. Воззваніе это начиналось словами: «Rois, généraux et soldats!», и онъ правильно выразился, потому что въ арміи его находилось нѣсколько королей въ должности корпусныхъ командировъ. Достоинство королевскаго званія было до такой степени уронено, что солдаты и офицеры видѣли въ ономъ не болѣе, какъ высшій чинъ военной іерархіи и называли ихъ по старой привычкѣ, вмѣсто le général Murat—le roi Murat, и проч. Мюратъ былъ человѣкъ храбрый и преданный Наполеону, но безъ образованія. Онъ командовалъ авангардомъ. Ему-то Наполеонъ приказалъ начать атаку на нашъ лѣвый флангъ.

Дѣло началось сильною канонадою, обнявшей все пространство, заключавшееся между большою дорогою и оконечностью лѣваго нашего фланга. Въ это время пѣхота перестрѣливалась только въ лѣсу. Наполеонъ намѣревался прежде всего привести нашу артиллерію въ бездѣйствіе, и онъ могъ надѣяться на успѣхъ, потому что у него было въ полтора раза болѣе орудій, чѣмъ у насъ. Затѣмъ предстояло ему занять Раевскаго батарею пѣхотою, и тогда ключъ позиціи остался бы въ его рукахъ; но чтобы удержать за собою эту батарею, ему надобно было оттѣснить нашу пѣхоту, защищавшую лѣсъ, находившійся на оконечности нашего лѣваго фланга, и потому онъ послалъ для занятія сего лѣса сильныя колонны. Мы также стали подкрѣплять сей флангъ, и въ лѣсу завязался ожесточенный бой. Между тѣмъ продолжался по всей линіи частый артиллерійскій огонь; зарядные ящики взлетали на воздухъ, и орудія подбивались, но подобныя орудія немедленно замѣнялись свѣжими изъ резервной артиллеріи. Во многихъ артиллерійскихъ ротахъ были перебиты почти всѣ офицеры и прислуга, почему для дѣйствія при орудіяхъ назначали людей изъ пѣхоты. Войска наши, стоявшія во все время подъ ружьемъ, много потерпѣли отъ артиллерійскаго огня. Наполеонъ, находя, что уже настала пора начать атаку, послалъ огромныя массы, чтобы взять на штыкахъ Раевскаго батарею. Французская пѣхота нѣсколько разъ была на батареѣ, но ее отбивали съ большой потерей. Въ довершеніе натиска онъ пустилъ всю свою конницу въ атаку, чтобы прорвать наши линіи, въ которыя она дѣйствительно вскакала и смяла почти весь 6-й корпусъ. Конница сія заняла съ тыла Раевскаго батарею, на которую вслѣдъ затѣмъ пришла непріятельская пѣхота.

Французскіе кирасиры собирались уже атаковать нашъ 5-й гвардейскій корпусъ, коего полки построились въ карре, какъ выдвинулись наши двѣ кирасирскія дивизіи, которыя ударили на непріятельскую конницу, опрокинули ее и погнали; но новыя силы поспѣшили къ Французамъ на подкрѣпленіе, и нѣкоторые изъ нашихъ кавалерійскихъ полковъ уступили мѣсто. Тогда конница наша, снова построившись, опять опрокинула непріятеля въ оврагъ и гналась за нимъ до самыхъ Французскихъ линій. Между тѣмъ сбиралась наша разсыпавшаяся пѣхота. Въ эту минуту непріятель могъ бы опрокинуть все наше войско; но главнокомандующій, видя, что правый флангъ нашъ не будетъ атакованъ, приказалъ 2-му и 4-му корпусамъ двинуться на усиленіе лѣваго фланга. При переводѣ колоннъ чрезъ большую дорогу, Кутузовъ ободрялъ солдатъ, которые спѣшили на выручку товарищей, отвѣчая на привѣтствія главнокомандующаго неумолкаемыми криками ура! Бенингсенъ лично повелъ главную колонну, и все понеслось рысью. Батарейныя роты поскакали, разсадивъ людей по ящикамъ, лафетамъ и на лошадей, и новыя тучи пѣхоты съ громкими восклицаніями явились въ жесточайшій огонь, гдѣ замѣнили разстроенные полки. Но Раевскаго батарея была уже въ нашихъ рукахъ.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ былъ тогда начальникомъ главнаго штаба у Барклая. Онъ собралъ разбитую пѣхоту нашу въ безпорядливую толпу, состоявшую изъ людей разныхъ полковъ; случившемуся тутъ барабанщику приказалъ бить на штыки, и самъ съ обнаженною саблею въ рукахъ повелъ сію сборную команду на батарею. Усилившіеся на ней Французы хотѣли уже увезти наши оставшіяся орудія, когда отчаянная толпа, взбѣжавъ на высоту, подъ предводительствомъ храбраго Ермолова, переколола всѣхъ Французовъ на батареѣ (потому что Ермоловъ запретилъ брать въ плѣнъ), и орудія наши были возвращены. Сборное войско Ермолова, увлекшись, пустилось къ непріятельскимъ линіямъ; но ему велѣно было остановиться, что́ весьма огорчило Алексѣя Петровича: потому что въ то самое время Платовъ показался съ 10 т. легкой конницы на лѣвомъ флангѣ непріятеля, который обратилъ противъ этого неожиданнаго появленія войскъ часть своей пѣхоты, и всѣ его батареи на время умолкли. Но Платовъ былъ въ тотъ день пьянъ и ничего не сдѣлалъ, какъ и принявшій послѣ него команду Уваровъ ничего не предпринялъ. Внезапный ударъ этотъ могъ бы рѣшить участь сраженія въ нашу пользу.

Симъ подвигомъ Ермоловъ спасъ всю армію. Самъ онъ былъ раненъ пулею въ шею; рана его была не тяжелая, но онъ не могъ далѣе въ сраженіи оставаться и уѣхалъ. Съ нимъ находился артиллеріи г.-м. Кутайсовъ, котораго убило ядромъ. Тѣла его не нашли; ядро вѣроят-

но ударило его въ голову, потому что лошадь, которую послѣ поймали, была облита кровью, а передняя лука сѣдла обрызгана мозгомъ. 27-го числа раненный офицеръ доставилъ въ дежурство Георгіевскій крестъ, который, по словамъ его, былъ снятъ съ убитаго генерала. Крестъ сей признали за принадлежавшій Кутайсову. Кутайсовъ былъ пріятель Ермолову—молодой человѣкъ съ большими дарованіями, отъ которыхъ можно было много ожидать въ будущемъ. Наканунѣ сраженія (мнѣ это недавно разсказывалъ самъ Алексѣй Петровичъ), они вмѣстѣ читали «Фингала», какъ Кутайсова вдругъ поразила мысль о предстоявшей ему скорой смерти; онъ сообщилъ безпокойство свое Ермолову, который ничѣмъ не могъ отвратить думъ, внезапно озаботившихъ его пріятеля.

Французы постоянно усиливались въ лѣсу; посему послали туда на подкрѣпленіе сводную гренадерскую дивизію, л. г. Измайловскій и Литовскій полки и, кажется, л. г. егерскій. Полки сіи храбро вступили въ бой, и лѣсъ былъ удержанъ, причемъ стрѣлки сихъ полковъ потеряли много людей. Г-лъ Храповицкій, командовавшій Измайловскимъ полкомъ, былъ раненъ. Начальникъ 2-й арміи, князь Багратіонъ, былъ раненъ картечью въ ногу и умеръ черезъ нѣсколько дней отъ сей раны, хотя она и не была смертельная; говорили, что онъ не хотѣлъ дать себѣ ногу отрѣзать, отъ чего и лишился жизни. Дохтуровъ, по званію старшаго за нимъ, принялъ начальство надъ его арміею, 6-й же корпусъ его совсѣмъ почти исчезъ.

По отраженіи непріятельской конницы и по овладѣніи Ермоловымъ батареею, сраженіе возстановилось прежнимъ порядкомъ. Полки, пришедшіе съ праваго фланга, заступили мѣсто разстроенныхъ частей, гвардейскую артиллерію выдвинули на батарею, гдѣ она потерпѣла значительный уронъ. Рукопашный бой между массами смѣшавшихся нашихъ и Французскихъ латниковъ представлялъ необыкновенное зрѣлище, въ своемъ родѣ великолѣпное, и напоминалъ битвы древнихъ рыцарей или Римлянъ, какъ мы привыкли ихъ себѣ воображать. Всадники поражали другъ друга холоднымъ оружіемъ среди грудъ убитыхъ и раненыхъ. Отъ атаки непріятельской конницы остались слѣды въ нашихъ линіяхъ, гдѣ лежало много Французскихъ кирасиръ; изъ числа ихъ раненые или спѣшенные были переколоты нашими рекрутами, которые, выбѣгая изъ рядовъ своихъ, безъ труда нагоняли тяжелыхъ латниковъ и добивали сихъ рослыхъ всадниковъ, едва двигавшихся пѣшкомъ подъ своею грузною бронею.

Многими личными подвигами сопровождалось сіе страшное побоище. Конногвардейскій ротмистръ Шарльмонъ (Charlemont), эмигрантъ, у коего убили лошадь, былъ легко раненъ и захваченъ Французами;

но онъ не бросалъ палаша своего; его тащили за лядунку съ требовательнымъ: „Rendez-vous!“ и уже довольно далеко увели, когда товарищи прискакали и отбили его. Еслибъ онъ остался въ плѣну, то былъ бы непремѣнно разстрѣлянъ, какъ эмигрантъ.

Подъ Бородинымъ было четыре брата Орловыхъ, всѣ молодцы собой и силачи. Изъ нихъ Алексѣй служилъ тогда ротмистромъ въ конной гвардіи. Подъ нимъ была убита лошадь, и онъ остался пѣшій среди непріятельской конницы. Обступившіе его четыре Польскихъ улана дали ему нѣсколько ранъ пиками; но онъ храбро стоялъ и отбивалъ удары палашемъ; изнемогая отъ ранъ, онъ скоро бы упалъ, еслибъ не освободили его товарищи, князья Голицыны, того же полка. Братъ его Ѳедоръ Орловъ, служившій въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ, подскакавъ къ Французской конницѣ, убилъ изъ пистолета непріятельскаго офицера передъ самымъ фронтомъ. Вскорѣ послѣ того, онъ лишился ноги отъ непріятельскаго ядра. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали о сихъ подвигахъ, коихъ я не былъ очевидцемъ. Третій братъ Орловыхъ, Григорій, числившійся въ кавалергардскомъ полку и находившійся при одномъ изъ генераловъ адъютантомъ, также лишился ноги отъ ядра. Я видѣлъ, когда его везли. Онъ сидѣлъ на лошади, поддерживаемый подъ мышки казаками, оторванная нога его ниже колѣна болталась; но, нисколько не измѣнившееся лицо его не выражало даже страданія. Четвертый братъ Орловыхъ Михайла, состоявшій тогда за адъютанта при Толѣ, также отличился безстрашіемъ своимъ, но не былъ раненъ. Кавалергардскаго полка поручикъ Корсаковъ, исполинскаго роста и силы, врубился одинъ въ непріятельскій эскадронъ и болѣе не возвращался: тѣла его не нашли.

Послѣ отраженія атаки непріятельской конницы пронесся слухъ, что король Неаполитанскій взятъ въ плѣнъ; но ошибка сія скоро разъяснилась: захваченъ былъ генералъ Бонами, командовавшій кирасирами; подъ нимъ была убита лошадь, и его самого ранили нѣсколькими ударами въ голову. Когда опрокинули непріятельскую конницу, онъ оставался на Раевскаго батареѣ пѣшій и былъ окруженъ нашими пѣхотинцами, которые добивали его прикладами. Онъ упалъ отъ ударовъ на колѣни и, закрывъ себѣ глаза лѣвой рукою, защищался палашемъ въ правой рукѣ. Бонами неминуемо лишился бы жизни, еслибы адъютантъ (говорятъ Ермолова) не спасъ его. Его положили на носилки, и четыре Московскіе ратника принесли его къ главнокомандующему. Я его видѣлъ; лице его было такъ изрублено и окровавлено, что нельзя было различить ни одной черты. Онъ лежалъ на спинѣ безъ движенія и едва могъ произнести нѣсколько словъ.

Главная перевязка нашихъ раненыхъ производилась при большой

дорогѣ, на половинѣ разстоянія отъ с. Горки къ с. Татаркамъ. Изъ собранныхъ лекарей и священниковъ первые рѣзали члены, другіе же съ крестомъ и Евангеліемъ увѣщевали къ смерти тѣхъ, которые не подавали болѣе надежды къ жизни.

Передъ самою атакой кавалеріи я находился съ братомъ Александромъ въ селеніи Горкахъ, какъ прискакалъ съ лѣваго фланга съ какимъ-то извѣстіемъ къ главнокомандующему отъ Семеновскаго полка князь Голицинъ Рыжій, состоявшій адъютантомъ при Бенингсенѣ. Бурка его была въ крови; обратившись къ намъ, онъ сказалъ, что эта кровь брата нашего Михайлы, котораго сбило съ лошади ядромъ. Голицинъ не зналъ только, живъ ли братъ остался или нѣтъ. Не выражу того чувства, которое поразило насъ при семъ ужасномъ зрѣлищѣ и вѣсти. Мы поскакали съ Александромъ на лѣвый флангъ по разнымъ дорогамъ, и я скоро потерялъ его изъ виду. Встревоженный участью брата, который представлялся мнѣ стонающимъ среди убитыхъ, я мало обращалъ вниманія на ядра, которыя летали, какъ пули; осматривалъ груды мертвыхъ и раненыхъ, спрашивалъ всѣхъ, но не нашелъ брата и ничего не могъ о немъ узнать. Вдругъ показалась впереди пыль и Французская конница, которая неслась въ атаку. За собою я увидѣлъ кирасирскую дивизію, спѣшившую въ бой; но едва полки успѣли на всемъ скаку выстроиться, какъ люди и лошади у насъ стали валиться, поражаемые непріятельскими ядрами. Столкнулись конницы, и завязалось кавалерійское дѣло, про которое я выше писалъ.

Участь брата Михайлы тревожила меня. Если его не успѣли вынести съ поля сраженія до сей схватки, то навѣрное не могъ онъ уже быть въ числѣ живыхъ; если же успѣли, то его надобно было искать въ Татаркахъ. Слѣдуя за ранеными, я спустился въ лощину, по коей тянулись они вереницею и куда попадали только непріятельскія гранаты, добивавшія ихъ осколками своихъ взрывовъ. По всей лощинѣ стояли лужи крови, среди коихъ многіе изъ раненыхъ умирали въ судорожныхъ страданіяхъ. Въ такомъ же положеніи находилось множество лошадей, боровшихся со смертью. Картина ужасная! Стонъ и вопль смѣшивались со свистомъ перелетавшихъ ядеръ и лопавшихся гранатъ. Истребленіе человѣческаго рода на семъ мѣстѣ изображалось во всей полнотѣ, ибо ни одного цѣлаго человѣка и необезображенной лошади тутъ не было видно. Можно себѣ составить понятіе о понесенномъ нѣкоторыми полками уронѣ изъ слѣдующаго примѣра. Я ѣхалъ до атаки по полю сраженія мимо небольшаго отряда Иркутскихъ драгунъ. Всего ихъ было не болѣе 50 человѣкъ на конѣ, но они неподвижно стояли во фрунтѣ съ обнаженными палашами подъ сильнѣйшимъ огнемъ, имѣя впереди себя только одного оберъ-офицера. Я спро-

силъ у офицера, какая это команда? «Иркутскій драгунскій полкъ», отвѣчалъ онъ, «а я поручикъ такой-то, начальникъ полка, потому что всѣ офицеры перебиты, и кромѣ меня никого не осталось». Послѣ сего драгуны сіи участвовали еще въ общей атакѣ и выстояли все сраженіе подъ ядрами. Можно судить, сколько ихъ подъ вечеръ осталось.

Выѣхавъ на большую дорогу, я поворотилъ вправо къ Татаркамъ, но никто о братѣ ничего не зналъ; люди наши однако говорили, что видѣли какъ будто его сидѣвшимъ саженяхъ въ 30 отъ большой дороги. Александръ возвратился съ лѣваго фланга и также не нашелъ брата; онъ далѣе меня ѣздилъ, ибо я поравнялся только съ Раевскаго батареею, онъ же доѣзжалъ до конца лѣваго фланга.

Солнце уже садилось, но огонь не прекращался; однакоже къ ночи мы, послѣ жаркаго боя, уступили мѣсто, лишившись нѣсколькихъ орудій. Остатки Дохтурова 6-го корпуса, примыкавшіе правымъ флангомъ своимъ къ большой дорогѣ, еще кое-какъ удержались; но оконечность нашего лѣваго фланга была совершенно отброшена назадъ, такъ что старая Можайская дорога оставалась почти совсѣмъ открытою. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія темноты, которая, съ прекращеніемъ кровопролитія, спасала насъ отъ совершенной гибели, которой бы не миновать, еслибъ день еще два часа продлился. Конечно, не побѣжали бы войска наши, но всѣ легли бы на мѣстѣ; ибо непріятель былъ слишкомъ превосходенъ въ силахъ. Французская старая гвардія еще въ дѣло не вступала, тогда какъ часть нашей гвардіи потеряла уже довольно большое количество людей, и Преображенскій и Семеновскій полки, не сдѣлавъ ни одного ружейнаго выстрѣла, понесли отъ однихъ ядеръ до 400 человѣкъ урона въ каждомъ. Въ Семеновскомъ полку служили два сына Алексѣя Николаевича Оленина. Поднявъ во время сраженія непріятельское ядро, они перекатывали его другъ къ другу; къ забавѣ этой присоединился товарищъ ихъ, Матвѣй Муравьевъ, какъ вдругъ прилетѣло другое ядро и разорвало по поламъ старшаго Оленина, у втораго же пролетѣло ядро между плечемъ и головой и дало ему такую сильную контузію, что его сперва полагали убитымъ. Онъ опомнился, но долго страдалъ помѣшательствомъ, отчего онъ хотя и выздоровѣлъ, но остался съ слабою памятью и съ признаками какъ бы ослабѣвшихъ умственныхъ способностей.

Когда совершенно смерклось, сраженіе прекратилось, и непріятель, который самъ былъ очень разстроенъ, опасаясь ночной атаки, отступилъ на первую свою позицію, оставя Раевскаго батарею, лѣсъ и все то мѣсто, которое мы поутру занимали. Войска наши однако не подвинулись впередъ и провели ночь въ такомъ положеніи, какъ ввечеру остановились. Обѣ арміи считали себя побѣдоносными и обѣ

разбитыми. Потеря съ обѣихъ сторонъ была равная, не менѣе того гораздо ощутительнѣе для насъ; потому что вступая въ бой у насъ было гораздо менѣе войскъ, чѣмъ у Французовъ.

Такимъ образомъ кончилось славное Бородинское побоище, въ которомъ Русскіе пріобрѣли безсмертную славу. Подобной битвы, можетъ быть, нѣтъ другаго примѣра въ лѣтописяхъ всего свѣта. Однихъ пушечныхъ выстрѣловъ было выпущено Французами 70.000, такъ что ихъ приходилось почти на каждаго нашего раненаго или убитаго, не считая милліоновъ выстрѣленныхъ ими ружейныхъ патроновъ и пораженія холоднымъ оружіемъ. Во всей Россіи отслужили благодарственныя молебствія; но какъ должны были удивиться, когда черезъ нѣсколько дней услышали, что Французы уже въ Москвѣ!

Государь приказалъ выдать каждому рядовому и унтеръ-офицеру по пяти рублей въ награжденіе, и добродушные солдаты наши приняли съ благоговѣніемъ сію монаршую милость *).

Во всю ночь съ 26-го на 27-е число слышался по нашему войску неумолкаемый крикъ. Иные полки почти со всѣмъ исчезли, и солдаты собирались съ разныхъ сторонъ. Во многихъ полкахъ оставалось едва 100 или 150 человѣкъ, которыми начальствовалъ прапорщикъ. Вся Можайская дорога была покрыта ранеными и умершими отъ ранъ, но при каждомъ изъ нихъ было ружье *). Безногіе и безрукіе тащились, не утрачивая своей амуниціи. Ночи были холодныя. Тѣ изъ раненыхъ, которые разбрелись по селеніямъ, зарывались отъ стужи въ солому и тамъ умирали. Въ моихъ глазахъ коляска генерала Васильчикова проѣхала около дороги по большой соломенной кучѣ, подъ которой укрывались раненые, и нѣкоторыхъ изъ нихъ передавила. Въ памяти моей осталось впечатлѣніе видѣннаго мною въ канавѣ солдата, у коего лежавшая на краю дороги голова была раздавлена съ размазаннымъ по дорогѣ мозгомъ. Мертвымъ-ли онъ уже былъ, или еще живымъ, когда по черепу его переѣхало колесо батарейнаго орудія, того я не былъ свидѣтелемъ. Лекарей не доставало. Были между ними и такіе, которые уѣзжали въ Можайскъ, чтобы отдохнуть отъ переносимыхъ ими трудовъ, отъ чего случилось, что большое число раненыхъ оставалось безъ пособія. Хотя было много заготовлено подводъ, но ихъ и на десятую долю раненыхъ не досталo. Часть ихъ кое-какъ добрела до Москвы, но многіе сгорѣли въ общихъ пожарахъ, обнявшихъ весь околодокъ.

(*Продолженіе будетъ*).

*) Теперь гораздо болѣе сего расходуется на смотрахъ и маневрахъ. 1866.

**) Воинская доблесть, коею не могутъ хвалиться солдаты нынѣшняго времени, бросающіе ружье своё при легкихъ ранахъ и даже выкидывающіе, въ стрѣлкахъ, изъ своихъ сумокъ боевые патроны. 1866.

ВОСПОМИНАНІЯ ДАВНОПРОШЕДШАГО.

II.

Въ первой статьѣ, помѣщенной въ 9-мъ выпускѣ «Русскаго Архива», мною сказано, что я долго пользовался отличнымъ расположеніемъ графа А. А. Закревскаго, и вотъ по какому поводу.

Между дочерью графа Закревскаго и ея мужемъ графомъ Нессельродомъ были прерваны всѣ отношенія. Разъѣздъ супруговъ послѣдовалъ послѣ рожденія сына, который оставался въ Петербургѣ въ домѣ графа Нессельрода.

Графъ Закревскій ни отъ кого не скрывалъ угнетавшей его скорби по случаю означеннаго разлада и особенно сокрушался тѣмъ, что не можетъ видѣть и ласкать своего внука, которому было тогда около двухъ лѣтъ. Отношенія между графомъ Закревскимъ и старикомъ К. В. Нессельродомъ до того обострились, что ни личныя, ни письменныя объясненія сдѣлались невозможными. Графъ Закревскій такъ сильно желалъ хотя на двѣ недѣли видѣть внука у себя въ Москвѣ, и такъ въ этомъ отчаявался, что разговоръ о внукѣ, котораго онъ никогда не видалъ, заставлялъ его плакать. Я вызвался хлопотать о томъ, чтобы внукъ былъ отпущенъ въ Москву въ гости, и мнѣ посчастливилось этого достигнуть. Когда этотъ внукъ уже сидѣлъ на колѣняхъ у графа Закревскаго въ Москвѣ, то онъ не разъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ сдѣланнаго ему одолженія и при этомъ пожелалъ знать, давно ли я извѣстенъ графу Нессельроду и какими путями достигнуто то, что въ одинъ прекрасный день подъѣхалъ къ дому генералъ-губернатора въ Москвѣ дорожный дормезъ, въ которомъ находились Англичанка и няня съ ребенкомъ-внукомъ и сопровождавшею ихъ прислугой. Я отвѣчалъ, что я не только неизвѣстенъ графу Нессельроду, но даже никогда его не ви-

далъ; но у меня сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что нельзя допустить такой мысли, чтобы извѣстный дипломатъ, какъ графъ Нессельродъ, находилъ нужнымъ передать вражду молодыхъ супруговъ родившемуся отъ нихъ ребенку и черезъ это самое, быть можетъ, лишить своего внука всякаго наслѣдства послѣ отца его матери; и что, напротивъ того, привозъ въ Москву внука высоко подыметъ въ понятіяхъ всѣхъ безпристрастность графа Нессельрода. Все это, по моему указанію, было передано графу Нессельроду въ видѣ совѣта человѣкомъ, котораго онъ близко зналъ и особенно уважалъ. Внукъ прогостилъ въ Москвѣ два-три мѣсяца, и эта незначительная съ моей стороны услуга послужила крѣпкою связью расположенія ко мнѣ графа Закревскаго.

Теперь я коснусь тѣхъ обстоятельствъ, которыя появились случайно, или своимъ постепеннымъ ходомъ и не только угасили ко мнѣ расположеніе графа Закревскаго, но даже въ его понятіяхъ я очутился возмутителемъ, желающимъ безпорядковъ и готовымъ, по выраженію его, на что-то такое — «на всё». Такое заключеніе было имъ передано особѣ, имѣвшей сильную власть, князю А. Ѳ. Орлову, и если все это кончилось только квартальнымъ, разъѣзжавшимъ за мною на пѣгой лошадкѣ, безъ поѣздки на безсрочное время въ какой-нибудь Малмыжъ или Тотьму, то конечно за это я обязанъ благодушію Царя-Освободителя, обязанъ его мудрому и вѣрному воззрѣнію на тѣхъ, въ комъ кроется дѣйствительная виновность противъ власти и въ комъ эта виновность проявляется въ глазахъ отсталыхъ людей отъ одной лишь восторженности къ великой мысли освобожденія крестьянъ, представителемъ которой никто не могъ быть кромѣ Государя.

Восторженность моя по вопросу объ освобожденіи крестьянъ была, такъ сказать, случайно подогрѣта слѣдующимъ событіемъ. Не знаю, ко благу моему или ко вреду, я узналъ еще въ 1856 году, т.-е. за годъ до извѣстныхъ рескриптовъ Виленскому генералъ-губернатору, про намѣреніе Государя освободить крестьянъ. Это случилось такъ. Вскорѣ послѣ коронаціи Государя въ Москвѣ, въ исходѣ 1856 года, случилось мнѣ заѣхать на Пречистенку къ Алексѣю Петровичу Ермолову, у котораго я очень часто бывалъ, и когда я отворилъ дверь его кабинета, то увидалъ, что передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ попечитель Московскаго учебнаго округа Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, цѣлуя его руку и получая отъ него благословеніе. Разумѣется, я тотчасъ же вышелъ изъ кабинета, видя, что происходитъ дѣйствіе какой-то особой важности. Минутъ черезъ пять Назимовъ уѣхалъ, и я вошелъ въ кабинетъ. Ермоловъ, молча подалъ мнѣ руку и указалъ

на стулъ возлѣ своего сосноваго письменнаго стола. Я сѣлъ. Минутъ десять продолжалось молчаніе, и я не посмѣлъ его нарушить; но потомъ Алексѣй Петровичъ всталъ и сказалъ мнѣ: «молитесь вмѣстѣ со мною». Мы сдѣлали поклоновъ десять земныхъ, при чемъ послѣ каждаго поклона я помогалъ рыдавшему огромному старцу подниматься на ноги. Мы сѣли, и опять продолжалось молчаніе, которое чрезъ нѣсколько времени было прервано словами Ермолова: «*зардѣлась заря освобожденія крестьянъ*». Тутъ Алексѣй Петровичъ разсказалъ мнѣ, что генералъ-адъютантъ Назимовъ, получивъ отъ Государя назначеніе въ Вильну генералъ-губернаторомъ и выслушавъ отъ Его Величества для всѣхъ еще сокровенное, но твердое рѣшеніе его освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, пріѣхалъ къ Алексѣю Петровичу, какъ къ своему крестному отцу, получить отъ него благословеніе на предстоявшій великій подвигъ, начало котораго должно было возродиться въ Литовскихъ губерніяхъ.

Вѣроятно, благосклонный читатель согласится, что видъ А. П. Ермолова, съ его львиной головой, покрытой густымъ облакомъ сѣдыхъ волосъ, молящагося земными поклонами, со слезами радости, и потомъ произносящаго слова: «*зардѣлась заря освобожденія крестьянъ*», не могъ не воспламенить кого бы ни было. Изъ дальнѣйшаго продолженія настоящей статьи будетъ видно, что я рѣшился идти на встрѣчу столкновеніямъ даже съ графомъ Закревскимъ, не смотря на то, что онъ былъ генералъ-губернаторъ, а я Московскій откупщикъ, котораго графъ могъ, какъ говорилось встарь, согнуть въ бараній рогъ. Не могу не сказать здѣсь, что, во все время столкновенія, графъ А. А. Закревскій ни разу не проявилъ никакого дѣйствія, относящагося къ стѣсненію моихъ дѣлъ. Графъ былъ всегда чуждъ мстительности по текущимъ дѣламъ; но тамъ, гдѣ дѣло касалось потрясенія крѣпостнаго права, онъ былъ неузнаваемъ и грозенъ. Я совершенно убѣжденъ въ томъ, что и предъ Государемъ въ этомъ вопросѣ онъ не склонялся на его сторону.

Литовскіе рескрипты вышли 20-го Ноября 1857 года; но графъ Закревскій о новомъ вѣяніи по освобожденію крестьянъ сталъ говорить со мной мѣсяца за два до появленія означенныхъ рескриптовъ, тогда какъ появленіе ихъ было предрѣшено разговоромъ Государя съ Назимовымъ мѣсяцевъ за десять, и изъ этого ясно, что графъ Закревскій не зналъ того, зачѣмъ именно поѣхалъ Назимовъ въ Вильну.

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ рескриптамъ, я видѣлся съ графомъ Закревскимъ часто, и онъ каждый разъ

сводилъ разговоръ на освобожденіе крестьянъ, относясь къ этому не только несочувственно, но даже вполнѣ непріязненно. Трудно, разумѣется, по прошествіи 25 лѣтъ, представить эти разговоры въ послѣдовательномъ порядкѣ, и по неволѣ надобно ограничиться только воспоминаніемъ о тѣхъ словахъ, которыя имѣютъ наибольшій интересъ. «Ну, помилуйте», говорилъ графъ, «можно ли вообразить себѣ, чтобы послѣ безславнаго Парижскаго мира Александръ II-й рѣшился сдѣлать то, на что не посягнулъ Александръ I-й послѣ достославнаго взятія Парижа? Все это пустыя басни, нелѣпые разговоры, смущающіе народъ и пригодные только для возмутителей».

При всѣхъ означенныхъ разговорахъ положеніе мое было непріятно и затруднительно: надобно было или молчать, или говорить не то что на умѣ, и я рѣшился просить А. П. Ермолова сказать графу если не все, то хотя часть того, что ему извѣстно отъ В. И. Назимова. А. П. Ермоловъ нашелъ благопотребнымъ это сдѣлать, а я черезъ нѣсколько дней послѣ того отправился къ графу Закревскому, который свой разговоръ прямо началъ съ того, что недобрыя намѣренія въ Петербургѣ ростутъ, и зерна ихъ брошены къ стыду Россіи въ Литву. На это, развязавъ уже языкъ, я сказалъ, что еслибы эти зерна были брошены въ другія губерніи, то едвали бы онѣ дали желаемые всходы и что не лучше ли будетъ теперь плыть уже по теченію и вмѣсто противодѣйствія составить практическій проектъ освобожденія крестьянъ, который по мнѣнію моему лучше самаго графа Арсенія Андреевича составить никто не можетъ.

Въ ту минуту, въ которую произносилъ я эти слова, лопнуло расположеніе ко мнѣ графа. «Что я слышу?» воскликнулъ онъ. «Вы не только себя заявили на сторонѣ Петербургскихъ глупостей, но даже хотите, чтобы и я былъ орудіемъ разрушенія того порядка, на которомъ все держится. Я въ васъ ошибся. Съ какой стати вы суетесь, не будучи дворяниномъ, не въ свое дѣло?»—На это я отвѣчалъ: «Не скрою отъ васъ, графъ, что слухъ объ освобожденіи крестьянъ наполняетъ мое сердце радостнымъ трепетомъ, и этого трепета я удержать не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ 15 тысячъ служащихъ, состоящихъ у меня на жалованьи въ разныхъ губерніяхъ, по моимъ дѣламъ, половина крѣпостныхъ, и мнѣ приходится каждый день встрѣчаться съ доказательствами неудобства крѣпостнаго состоянія».

«Замолчите!» грозно воскликнулъ графъ.

Я понялъ, что долженъ сейчасъ же удалиться и, исполняя это, прибавилъ, что я не буду смѣть являться, пока не получу приглашенія. Я поклонился и вышелъ; графъ не подалъ мнѣ руки.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, именно 18 Ноября 1857 года, пріѣхалъ въ Москву К. Д. Кавелинъ и сообщилъ, что высочайшіе рескрипты къ генералу Назимову объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ выйдутъ 20 Ноября. Радуясь этому, мы (т. е. почти всѣ тѣ лица, которые отмѣчены графомъ Закревскимъ какъ возмутители) устроили семейный обѣдъ, во время котораго была получена изъ Петербурга депеша объ отправленіи вождѣленныхъ рескриптовъ въ Вильну. Тутъ же за обѣдомъ было рѣшено устроить во время Рождественскихъ праздниковъ большой торжественный обѣдъ въ Московскомъ купеческомъ клубѣ, и, чтобы закрѣпить значеніе обѣда въ общей памяти, предположено, чрезъ особыхъ артельщиковъ, угостить разныхъ торговыхъ служащихъ, такъ какъ большинство ихъ было изъ крѣпостныхъ людей. При этомъ, для обезсиленія начинавшихся тревожныхъ толковъ, было предположено раздать въ мѣстахъ угощенія по нѣскольку экземпляровъ записки, начинавшейся вышеупомянутыми словами А. П. Ермолова. Вотъ эта записка:

«Зардѣлась заря освобожденія крестьянъ. Зарю эту не заволокутъ никакія тучи, если помѣщичьи крестьяне будутъ, съ полнымъ повиновеніемъ своимъ помѣщикамъ, смирно и тихо ожидать окончательной развязки. Вся надежда на успѣхъ состоитъ единственно въ томъ, что многіе изъ крупныхъ помѣщиковъ желаютъ дать свободу крестьянамъ. Царь благословляетъ это желаніе и, если крестьяне будутъ держать себя покойно, тогда близокъ день общей радости; но если начнутся смуты и дерзости, въ такомъ случаѣ вмѣсто радости настанутъ новыя бѣды и отдалятъ на долго день свободы. Стойте же крѣпко противъ всѣхъ злокозненныхъ внушеній и помните одно, что сила могущая освободить отъ рабства заключается въ самихъ крестьянахъ, то есть въ смиреніи, терпѣніи и направленіи всѣхъ сердечныхъ помышленій къ вѣрѣ и твердому упованію на милость Божію и Царскую. Разнесите эти слова по всѣмъ деревнямъ и селамъ».

Вѣроятно, означенная записка дошла до какого-то базарнаго села въ Волоколамскомъ уѣздѣ, гдѣ ее читали, и объ этомъ графъ Закревскій упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ князю Орлову, выражаясь будто безпорядки начались уже въ Волоколамскомъ уѣздѣ; но развѣ можно согласиться съ тѣмъ, что записка о смиреніи и терпѣніи подливала масла въ огонь? Далѣе въ письмѣ къ князю Орлову графъ Закревскій, говоря о моихъ статьяхъ, выразился такъ: «къ несчастію, его слушаютъ». Если принять это за истину, то и слава Богу, что на базарѣ вѣрили въ слова записки и слушали ее со вниманіемъ.

Послѣ обѣда 28 Декабря 1857 года, на который К. Д. Кавелинъ вторично пріѣхалъ изъ Петербурга (обѣдъ этотъ подробно описанъ въ Декабрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1857 г.), графъ Закревскій прислалъ за мной и наговорилъ мнѣ въ самыхъ желчныхъ выраженіяхъ такихъ страховъ и ужасовъ и такихъ угрозъ, что я счелъ за лучшее выслушать всѣ ихъ молча, безъ всякихъ возраженій. Потокъ словъ графа продолжался долго (10—20 минутъ) и когда онъ кончилъ, то я ему сказалъ: «Проникаясь значеніемъ вашихъ словъ, прошу позволенія удалиться въ вашу пріемную на полчаса времени, чтобы сообразить то что̀ я долженъ вамъ отвѣчать; потому что я желаю непремѣнно выразить передъ вами откровенно все то что̀ содержится въ моихъ мысляхъ». Графу повидимому понравился мой отвѣтъ, и онъ сказалъ: «Подите подумайте и воротитесь поговорить со мною по душѣ; это будетъ самое лучшее». Очевидно, что графъ ждалъ отъ меня какого-то раскаянія и сознанія въ заблужденіяхъ.

Черезъ часъ я былъ уже опять въ кабинетѣ графа, и нижеизлагаемый разговоръ былъ уже послѣднимъ разговоромъ между нимъ и мною. Послѣ этого разговора я уже графа не видалъ. Я сказалъ ему слѣдующее: «Если разъ крестьянскій вопросъ поднятъ, то остановить его уже нельзя, потому что онъ имѣетъ свойство самовозгаранія, и чѣмъ болѣе будутъ гасить, тѣмъ сильнѣе будетъ горѣть. Вы, графъ, и защитники освобожденія крестьянъ идете къ одной цѣли—тишинѣ и спокойствію; разница только въ пріемахъ. Вашъ пріемъ—отодвинуть вопросъ на безконечное время, а пріемъ защитниковъ—удовлетворить желаемымъ разрѣшеніемъ, т. е. всѣхъ крѣпостныхъ рабовъ перечислить въ общую гражданскую семью Россіи. Примите благосклонно въ соображеніе, что послѣ угнетающаго Русскій духъ Парижскаго мира Государь не отступитъ отъ своего предназначенія поддерживать духъ народа новымъ вѣяніемъ во всѣхъ благонамѣренныхъ его проявленіяхъ. Если вы изволите найдти въ моихъ дѣйствіяхъ уклоненіе отъ общей пользы и несогласіе съ намѣреніями высшей власти, то исполняйте всѣ тѣ мѣры строгости, которыя вы мнѣ высказали. Вы, графъ, не разъ изволили разсказывать мнѣ, какія невзгоды вамъ приходилось переносить въ Отечественную войну. Позвольте же и намъ, сочувствующимъ освобожденію крестьянъ, выразить полную готовность на перенесеніе всѣхъ злоключеній во имя важнаго историческаго значенія переживаемаго нами времени. Вотъ все что я придумалъ доложить вамъ въ отвѣтъ на ваши слова».

Графъ ни слова не промолвилъ и указалъ рукою на дверь, что̀ равнялось выраженію—пошелъ вонъ!

Вѣроятно послѣ этого отвѣта графъ Закревскій и написалъ про меня князю Орлову: «онъ на все готовъ».

Возвратясь домой, я конечно не могъ не думать о всемъ случившемся, и столкновеніе съ графомъ Закревскимъ напомнило мнѣ подобный случай семейнаго столкновенія, бывшаго въ 1830 году между отжившимъ свой вѣкъ началомъ со вновь возродившимися обычаями. Вотъ этотъ случай. Въ Костромѣ у меня была двоюродная бабушка; жила въ изобиліи, но очень просто, ходила въ сарафанѣ и сама стряпала. Она выдала дочь за дворянина, и на свѣтъ явилась внучка, которую воспитывали сначала дома, безъ затѣй, а потомъ отвезли въ Екатерининскій институтъ въ Москву. Послѣ образованія въ институтѣ привезли внучку въ Кострому, и когда она явилась къ бабушкѣ, то немедленно сдѣлала ей самый почтительный реверансъ. Бабушка, въ испугѣ, не обнявъ даже внучки послѣ долгой разлуки, бросилась скорѣе въ кухню, почерпнула стаканъ воды, положила туда три уголька и, набравъ воды въ ротъ, пришла въ гостинную (гдѣ пріѣзжая давай опять дѣлать реверансы) и начала усердно спрыскивать свою внучку изо рта водой, а потомъ, едва усадивъ ее и насильно унявъ отъ покушенія на безпрестанные реверансы, стала ее крестить, приговаривая: «Экъ тебя корежитъ, до родимца довели супостаты! Да не бойся, мое дитятко, пройдетъ; надо только спрыскивать да отчитывать изъ Св. Писанія утромъ и вечеромъ».

Суть дѣла оказалась въ томъ, что бабушка модные реверансы приняла за корчи отъ нечистой силы.

—

Исторія назоветъ Александра II-го реформаторомъ, какъ и Петра Перваго. Въ реформахъ Петра слышно грозное приказаніе Русской женщинѣ слѣзать съ палатей и обратиться въ барыню, чтобы танцовать и вращаться въ обществѣ; въ реформахъ же Александра II-го слышно вѣжливое приглашеніе этой Петровской барынѣ пожаловать на кухню стряпать и затѣмъ навѣщать курятники и скотные дворы для ближайшаго наблюденія за хозяйствомъ. Вся бѣда оказалась въ томъ, что уничтоженіе крѣпостнаго дароваго труда соединилось съ безкредитнымъ удушьемъ и безпросыпнымъ пьянствомъ; потому что одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ были закрыты Опекунскіе Совѣты и разрѣшено безграничное открытіе кабаковъ. Отъ всего этого угнетеніе сельскаго хозяйства было сильнѣе тягостей 1812 года, холеры и т. п. бѣдствій, и у большинства помѣщиковъ скотные дворы и другія усадебныя строенія провалились, не сохранивъ

ни скота, ни домашнихъ птицъ. Вотъ какіе горькіе плоды принесла самая благотворная реформа, потому что переходъ къ новому быту и выработанныя для него основанія сочинены безъ участія такихъ извѣстныхъ хозяевъ, какимъ былъ графъ А. А. Закревскій. Основаніемъ новаго законодательства послужили разныя книжки безъ участія *утробнаго* ума.—Читатель, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ вопросъ, что̀ это такое за умъ, называемый утробнымъ. Это постоянное выраженіе графа Закревскаго про разныхъ лицъ; про иныхъ онъ говорилъ: «у него умъ книжный, вбитый въ него какъ попало», а про другихъ выражался онъ такъ: «у этого умъ утробный, образовавшійся въ то время, когда онъ былъ еще въ утробѣ матери». Далѣе графъ прибавлялъ: «утробный умъ беретъ изъ книжекъ только то, что̀ ему нужно и для дѣла полезно».

Очевидно, что Царь-Освободитель имѣлъ свои причины и основанія вырабатывать положеніе 19 Февраля 1861 года съ преимущественнымъ участіемъ молодыхъ силъ. Быть можетъ, это основаніе заключалось въ томъ, что «вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые». Преклонимся благоговѣйно предъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія, вручившаго довершеніе начинаній Александра II-го Царю-Устроителю Александру III-му. Мы уже ясно видимъ, въ настоящее счастливое царствованіе, начало такого сельскаго благоустройства, которое, поддерживая Русское хозяйство денежными средствами, дастъ возможность землевладѣльцу и земледѣльцу обзавестись не только скотомъ, но и всѣми потребностями, необходимыми для здороваго питанія. Вся Россія привѣтствуетъ это благотворное попеченіе о дѣйствительномъ улучшеніи народнаго быта.

Не надобно, однако, скрывать отъ себя, что заботливыя и мудрыя указанія Государя Императора имѣютъ двухъ страшныхъ враговъ, могущихъ всѣ лучшія побужденія Его человѣколюбиваго сердца обратить въ ничто. Одинъ врагъ называется—кабакъ, задрапированный теперь въ одежду винныхъ лавокъ, харчевень и т. д., другой—неимѣніе мелкихъ сельскохозяйственныхъ винокурень, безъ которыхъ немыслимо ни разведеніе скотоводства, ни удобреніе почвы въ 15-ти сѣверныхъ губерніяхъ, лишенныхъ природнаго чернозема.

Очень естественно, что при описаніи событій, которымъ минуло ¼ столѣтія, многое ускользаетъ изъ памяти, и при новыхъ воспоминаніяхъ приходится *въ догонку* сказаннаго писать дополненія. Такъ случилось и со мной. Впрочемъ, кромѣ дополненій является необходи-

мость и критическаго разбора давнопрошедшихъ взглядовъ и дѣйствій, а такая критика возможна только тогда, когда всякая страстность уже отъ времени полиняла. Хотя нельзя было удержаться отъ воспламененія чувствъ, произведеннаго сценою у А. П. Ермолова, но теперь я не могу не сожалѣть о томъ, что вошелъ въ кабинетъ Ермолова въ ту минуту, когда Назимовъ, стоя на колѣняхъ, принималъ отъ него благословеніе. Эта сцена и потомъ молитва старца невольно вызвали его на откровенность; но если бы я вошелъ въ кабинетъ только двумя часами позднѣе отъѣзда Назимова, тогда Ермоловъ, конечно, не передалъ бы мнѣ сообщенной ему Назимовымъ государственной новости о предстоявшемъ освобожденіи крестьянъ; я бы объ этомъ узналъ изъ газетъ по прочтеніи въ нихъ Литовскихъ рескриптовъ, и тогда бы, оставаясь невоспламененнымъ сценою у А. П. Ермолова, гораздо бы менѣе увлекался и не утратилъ бы расположенія ко мнѣ графа А. А. Закревскаго, котораго природный практическій умъ, соединенный съ твердою властью и быстрою распорядительностію, всегда наполнялъ меня безграничнымъ и чистосердечнымъ къ нему уваженіемъ, которое и было причиною, что я высказалъ графу откровенно мой взглядъ на крестьянское дѣло; но эта-та откровенность составила, какъ показали послѣдствія, мою ошибку: графъ остался непреклоненъ въ своихъ воззрѣніяхъ, потому что въ нихъ, по его убѣжденію, онъ видѣлъ основу государственнаго благоустройства. Кромѣ того, графу казалось, что всѣ разговоры объ освобожденіи крестьянъ составляютъ какую-то шутку, въ которую вовлекается Государь потокомъ говоруновъ; но когда дѣло дойдетъ до рѣшенія стариковъ (членовъ Государственнаго Совѣта), тогда обнаружится вся несостоятельность замышляемаго преобразованія, вреднаго для помѣщиковъ и крестьянъ.

Графъ готовъ бы былъ идти на уничтоженіе весьма многихъ правъ помѣщиковъ по владѣнію крестьянами, но съ тѣмъ, чтобы руководительство крестьянскимъ бытомъ оставалось за помѣщиками. Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ графа слагался изъ его внутренняго совѣстнаго убѣжденія въ томъ, что крестьяне его и его графини живутъ лучше казенныхъ крестьянъ и вполнѣ благоденствуютъ. И дѣйствительно, въ имѣніяхъ графа были школы и больницы, были хорошія просторныя избы и скотные дворы у крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей и коровъ, однимъ словомъ, было полное довольство, выражавшееся на наружномъ видѣ крестьянъ, въ здоровомъ цвѣтѣ лица и приличной одеждѣ. Все это достигалось тѣмъ, что за худо вспаханную и мало удобренную полосу земли и за пьянство полагалось строгое взысканіе. Кабаковъ въ имѣніи графа нигдѣ не допускалось, и въ тоже время для варки корчажнаго пива въ деревняхъ

къ праздникамъ графъ дарилъ крестьянамъ отъ себя хмѣль и въ дни сельскихъ праздниковъ заходилъ самъ къ крестьянамъ пробовать пиво, раздавая при этомъ крестьянскимъ дѣтямъ пряники, чему я былъ неоднократно свидѣтелемъ. По мнѣнію графа, полная свобода должна произвести своеволіе, которое въ свою очередь породитъ пьянство, самодурство и обнищаніе. Къ несчастію, всѣ эти предположенія оправдались. Горькія послѣдствія произошли отъ того, что для новой крестьянской жизни были сочинены правила, продиктованныя умозрѣніемъ безъ всякаго согласованія ихъ съ дѣйствительными потребностями народной жизни.

Какъ изъ этого событія, такъ и изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему большихъ и малыхъ нововведеній, взятыхъ даже за цѣлыя столѣтія, ясно обнаруживается, что общее государственное благоустройство достигается сознаніемъ сдѣланныхъ ошибокъ, и только въ періодъ сознанія можно выдти на путь полнаго исправленія. Въ настоящее время, благодаря заботливости и мудрости Царской, Русская жизнь выступаетъ на спасительный путь сознанія сдѣланныхъ ошибокъ: уничтоженные Опекунскіе Совѣты (замѣненные акціонерными, земельными банками, которые народный *утробный* умъ называетъ мышеловками) вновь образуются въ видѣ правительственныхъ банковъ, дворянскаго и крестьянскаго. Кромѣ того, проявилось еще другое важное сознаніе, это сознаніе безполезнаго водотолченія въ разныхъ коммиссіяхъ, вслѣдствіе чего прекратила свое дѣйствіе, къ общему удовольствію, та громадная толчея, которая посягала на выработку новыхъ уставовъ для Русской жизни. И такъ очевидно и неоспоримо, что мы идемъ къ освобожденію Русской мысли отъ канцелярскаго лжемудрствованія и несомнѣнно достигнемъ берега спасительной простоты, въ которой заключаются и способность познанія нашихъ нуждъ и потребностей, и разумѣніе способовъ къ удовлетворенію ихъ, если только мы доживемъ до дѣйствительнаго освобожденія Русской жизни отъ угнетающихъ осложненій или, говоря прямо, доживемъ до уничтоженія чиновъ.

Василій Кокоревъ.

10 Сентября 1885 г.
Ушаки.

ЭПИЗОДЫ ПРИ ВВЕДЕНІИ ПОЛОЖЕНІЯ 19-ГО ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА.

При объявленіи въ 1861 году высочайшаго манифеста, въ тоже время было разослано Положеніе 19-го Февраля объ освобожденіи крестьянъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Положеніе это читалось и изучалось съ большимъ интересомъ всѣми помѣщиками. Тогда же г. г. дворяне раздѣлились на нѣсколько группъ или партій; одна, самая большая изъ нихъ, получила названіе крѣпостниковъ, а другая, меньшая,—либераловъ, «красныхъ,» какъ называли ихъ въ насмѣшку тѣже крѣпостники. При этомъ, разумѣется, явились и другія подраздѣленія, болѣе умѣренныя.

Крѣпостники старались извлечь изъ Положенія 19-го Февраля какъ можно больше выгодъ для себя, а потому многія статьи Положенія толковали, елико возможно, въ свою пользу, часто съ большими натяжками и ухищреніями. Въ особенности ясно обозначилось это направленіе при написаніи ими уставныхъ грамотъ, гдѣ они употребляли всѣ мѣры, чтобы сохранить свою власть, хотя бы въ имущественномъ отношеніи, или какъ нибудь притѣснить крестьянъ: многіе отводили имъ въ надѣлъ землю худшаго качества, или переводили ихъ на другія усадьбы, оставляя за собой лучшія земли и коноплянники, составлявшіе главный доходъ для крестьянъ, или же, смотря по обстоятельствамъ, изобрѣтали какіе нибудь способы, клонящіеся не въ пользу крестьянъ. Либералы же, напротивъ, старались выказать себя тѣмъ, что, въ представляемыхъ ими уставныхъ грамотахъ, дѣлали крестьянамъ нѣкоторыя пожертвованія, иногда даже довольно значительныя, чего не требовалось отъ нихъ Положеніемъ 19 Февраля; напримѣръ, уступали крестьянамъ лѣса, луга, или отказывались отъ отрѣзковъ земли, которые приходились имъ въ возвратъ свыше высшаго надѣла, назначеннаго

по Положенію для каждаго уѣзда. Они, конечно, не сомнѣвались, что ихъ уставныя грамоты вполнѣ удовлетворятъ крестьянъ и примутся ими съ благодарностью.

Но странное тогда произошло явленіе между крестьянами. Уставныя грамоты, представляемыя крѣпостниками, слѣдовательно написанныя никакъ не въ пользу крестьянъ, большею частью принимались и, какъ безспорныя и по согласію со стороны крестьянъ, тогда же утверждались мировыми посредниками. Не то было съ либералами: какія бы они ни дѣлали въ уставныхъ грамотахъ уступки крестьянамъ, видимо для нихъ полезныя и выгодныя, тѣ не соглашались принять ихъ, а въ свою очередь предлагали свои условія, совершенно не согласныя съ Положеніемъ 19 Февраля; въ особенности, когда видѣли, что «баринъ добрый» и можно было у него еще выторговать побольше и, чѣмъ помѣщикъ былъ уступчивѣе, тѣмъ крестьяне были требовательнѣе и несговорчивѣе.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ эти послѣднія уставныя грамоты должны были поступать въ мировой съѣздъ, какъ извѣстно, состоявшій тогда изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ подъ предсѣдательствомъ предводителя, и, если грамоты были составлены правильно, онѣ на этомъ съѣздѣ и утверждались.

Самолюбіе либераловъ конечно очень страдало. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія ихъ, не только доброжелательныя, но и сопряженныя съ пожертвованіями съ ихъ стороны, подвергались разсмотрѣнію и какъ бы контролю мироваго съѣзда, а главное, что̀ оскорбляло ихъ до глубины души, крестьяне не только не оцѣнивали ихъ пожертвованій, но даже относились къ нимъ крайне недовѣрчиво. Все это ихъ очень возмущало, въ особенности, когда они видѣли, что кто нибудь изъ ихъ же сосѣдей давалъ своимъ крестьянамъ надѣлъ земли видимо невыгодный, обрѣзалъ ихъ, какъ только могъ, и они не только принимаютъ его, но еще благодарятъ.

Происходило все это (какъ послѣ объяснилось) отъ того, что крестьяне желали какъ можно скорѣе раздѣлаться съ «крутымъ бариномъ», освободиться отъ него и отъ обязательныхъ отношеній, которыя еще по многимъ статьямъ требовались въ отношеніи помѣщика Положеніемъ 19 Февраля до разграниченія угодьями, или вѣрнѣе до утвержденія уставныхъ грамотъ, гдѣ уже прямо и положительно опредѣлялись, какъ границы земли, такъ и всѣ обязательства со стороны крестьянъ и помѣщика.

Вотъ нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи при введеніи Положенія 19-го Февраля, почему либо

обратившихъ на себя вниманіе и лично мнѣ извѣстныхъ, какъ бывшему въ то время уѣздному предводителю того уѣзда.

I.

Въ слободѣ Чернявкѣ было довольно большое имѣніе помѣщика Михаила Павловича Щербинина, вполнѣ сочувствовавшаго освобожденію крестьянъ, которыхъ было у него до полторы тысячи душъ. И при крѣпостномъ правѣ крестьянамъ жилось у него хорошо; большею частью они были оброчные, а оброкъ взимался съ нихъ небольшой. Щербининъ не жилъ постоянно въ этомъ имѣніи, находясь всегда на государственной службѣ, прежде на Кавказѣ при князѣ Воронцовѣ, а потомъ, во время освобожденія крестьянъ, сенаторомъ въ Москвѣ. Для написанія уставной грамоты онъ нарочно пріѣхалъ въ слободу Чернявку на довольно продолжительное время, какъ говорилъ онъ мнѣ при свиданіи, съ тѣмъ, чтобы поближе узнать бытъ крестьянъ, а главное помочь имъ устроиться въ новомъ ихъ положеніи, намѣреваясь при этомъ предоставить имъ надѣлъ земли и другія выгоды въ большемъ количествѣ и удобствѣ, чѣмъ требовалось Положеніемъ. Когда онъ говорилъ объ этомъ съ крестьянами, то, разумѣется, они восхваляли его до небесъ, кланялись, благодарили, выражаясь по обыкновенію: «Вы нашъ отецъ, а мы ваши дѣти, только вами и живемъ...» и т. п.

Когда Михаилъ Павловичъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ заключаются его предположенія, то я находилъ, что они несомнѣнно клонятся на пользу крестьянъ, и мнѣ приходилось только удивляться его щедротѣ. Но я тогда же выразилъ ему нѣкоторое сомнѣніе, что крестьяне едва ли рѣшатся принять такую уставную грамоту по согласію: я зналъ по опыту, что, чѣмъ больше дѣлалось уступокъ крестьянамъ, тѣмъ они становились требовательнѣе. «О, нѣтъ, я совершенно увѣренъ въ благодарности крестьянъ и не допускаю даже мысли и непринятіи ими написанной мной уставной грамоты. Вы увидите», говорилъ мнѣ съ гордостію Щербининъ, «что моя уставная грамота будетъ первая, образцовая не только у васъ въ уѣздѣ, но и во всей губерніи; крестьяне будутъ вполнѣ обезпечены навсегда.»

Мнѣ ничего не оставалось, какъ пожелать, чтобы скорѣе исполнились его предположенія. Однако мои предсказанія скоро сбылись. Какъ только Щербининъ предъявилъ крестьянамъ написанную имъ уставную грамоту, дѣйствительно съ широкими для нихъ правами, они тотчасъ же высказали свои весьма неумѣренныя требованія: напримѣръ, отдать имъ лучшія помѣщичьи земли, которыми они даже

никогда не пользовались; просили уступить имъ строевой лѣсъ, составлявшій въ той мѣстности значительную цѣнность, объясняя свое желаніе тѣмъ, что они его сами сберегали во время отсутствія барина; просили также оставить за ними торговую площадь въ слободѣ Чернявкѣ, дававшую помѣщику значительный доходъ отъ ярмарокъ и базаровъ, въ противномъ же случаѣ не соглашались принять и подписать уставную грамоту.

Какъ ни хлопоталъ мѣстный посредникъ, выставляя всѣ выгоды, предлагаемыя имъ владѣльцемъ, онъ ничего въ этомъ не успѣлъ. Крестьяне стояли на своемъ. Щербинина это страшно огорчало и возмущало, но онъ все еще не терялъ надежды добиться ихъ согласія. Я узналъ отъ посредника, что онъ постоянно возится съ крестьянами, собираетъ сходки, угощаетъ ихъ, объясняя имъ при этомъ ихъ пользу; но все было напрасно. Крестьяне, видя такую настойчивость со стороны Щербинина, уперлись и не принимали уставной грамоты по согласію. Я какъ-то заѣхалъ къ Щербинину и нашелъ его видимо страдающимъ и душевно, и тѣлесно; онъ до того перемѣнился со времени своего пріѣзда изъ Москвы, что сдѣлался неузнаваемъ: похудѣлъ, сталъ мраченъ, только и толковалъ, что *о черной неблагодарности крестьянъ.* Жена его говорила мнѣ, что она серьезно боится за здоровье Михаила Палвовича, если онъ будетъ продолжать толковать съ крестьянами, которые своимъ упорствомъ раздражаютъ его.

«Думаю скоро уѣхать изъ Чернявки,» говорилъ мнѣ Щербининъ; «теперь не стану представлять уставную грамоту; можетъ, крестьяне образумятся и сами будутъ просить меня выслать ее и подпишутъ тогда по согласію.»

Однако просьбы со стороны крестьянъ не послѣдовало; а черезъ нѣкоторое время была прислана отъ Щербинина уставная грамота, но уже не съ такими привиллегіями для крестьянъ, какъ прежняя. Разумѣется, и эта была ими не принята; но, правильно составленная, согласно Положенія 19-го Февраля, она была утверждена мировымъ съѣздомъ.

II.

Въ селѣ Коншинѣ жила помѣщица вдова Марьяна Петровна Тинькова. При крѣпостномъ правѣ у нея было немалое количество горничныхъ дѣвушекъ или, какъ онѣ тогда назывались, «сѣнныхъ». Эти сѣнныя не проводили время праздно, какъ бывало у другихъ богатыхъ помѣщиковъ; напротивъ, при разсчетливости и изобрѣтатель-

ности Марьяны Петровны для нихъ всегда находилась работа зимой. Работали въ дѣвичьей и, такъ какъ были мастерицы, то вышивали гладью, ткали ковры, пряли, вязали, словомъ сказать, занимались рукодѣльемъ; лѣтомъ же были заняты на огородѣ, въ саду, а въ страдную пору ходили въ поле жать. По своимъ разсчетамъ Марьяна Петровна рѣдко выдавала за мужъ этихъ дѣвокъ за своихъ же крестьянъ: она находила болѣе выгоды продавать ихъ въ замужество на сторону, такъ называемымъ «выводнымъ письмомъ», безъ совершенія купчей, что тогда часто практиковалось. Для этого нужно было только написать открытое письмо, что «своей крѣпостной дѣвкѣ, такой-то, позволяю выдти замужъ за крестьянина или двороваго такого-то помѣщика»; это письмо отдавалось въ руки лицу, купившему дѣвку, причемъ иногда имя жениха и не обозначалось, такъ что покупщикъ могъ всегда вписать кого угодно по своему усмотрѣнію. Къ этому еще прилагалось отъ приходскаго священника метрическое свидѣтельство о лѣтахъ невѣсты. Многія помѣщицы, въ родѣ Тиньковой, возили своихъ дѣвокъ на Коренную ярмарку, гдѣ всегда съ выводными письмами имъ былъ хорошій сбытъ. Такимъ способомъ обходился законъ, запрещавшій продавать отдѣльныя лица изъ семьи, показанныя въ ревизскихъ сказкахъ.

Марьяна Петровна Тинькова, продавая дѣвокъ, получала вознагражденіе, смотря по качеству дѣвки; обыкновенная тогда цѣна была 25—30 рублей серебромъ; но Тиньковскія дѣвки, хорошія работницы, какъ говорилось, «на всѣ руки», цѣнились гораздо дороже. Когда въ 1861 году, еще до утвержденія посредниковъ въ уѣздѣ, я пріѣхалъ въ ту мѣстность, гдѣ жила г-жа Тинькова, чтобы назначить сельскихъ старостъ, согласно Положенія 19 Февраля по выбору сельскихъ обществъ, въ то время явились ко мнѣ дворовыя дѣвушки Марьяны Петровны Тиньковой съ жалобой на помѣщицу и съ просьбой разъяснить имъ, какъ имъ быть и что имъ дѣлать? Ихъ барыня отказывается одѣвать ихъ и даже отобрала отъ нихъ всѣ платья, выданныя ею прежде (вслѣдствіе чего онѣ и явились ко мнѣ босикомъ въ однѣхъ рубахахъ, съ легкимъ прикрытіемъ), но съ этимъ вмѣстѣ заставляетъ ихъ работать ежедневно, какъ дворовыхъ, ссылаясь на Положеніе. Я разъяснилъ имъ, что Марьяна Петровна обязана кормить ихъ и одѣвать попрежнему, какъ слѣдуетъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, о чемъ я постараюсь сообщить ей; но онѣ за это время должны находиться въ полномъ у нея повиновеніи, согласно положенію. «А можно ли намъ замужъ выходить?» спросила одна дѣвушка побойчѣе. «Разумѣется, можно и за кого угодно», отвѣчалъ я. При этомъ нахо-

дился ихъ приходскій священникъ, который, какъ оказалось, также интересовался этимъ разъясненіемъ. Результатъ оказался тотъ, что въ слѣдующее же Воскресенье восемь Тиньковскихъ дворовыхъ дѣвушекъ вышли замужъ на сторону и тотчасъ же ушли на жительство къ своимъ мужьямъ, оставивъ барыню безъ работницъ и безъ прислуги.

Считая меня виновникомъ этого казуса, М. П. Тинькова подала на меня жалобу въ Курское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, объясняя: что я, вопреки высочайшей волѣ, объявленной въ Положеніи 19 Февраля, освободилъ ея дворовыхъ дѣвокъ отъ двухълѣтней работы, которую онѣ обязаны были неукоснительно исполнять, для чего разрѣшилъ имъ выйдти замужъ безъ ея на то согласія, чрезъ что она, беззащитная вдова съ дѣтьми, должна оставаться безъ прислуги и будетъ терпѣть ущербъ и разореніе въ своемъ хозяйствѣ, ежели губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе немедленно не распорядится ея дворовыхъ бывшихъ дѣвокъ водворить къ ней на жительство и приказать имъ работать на нее два года, какъ слѣдуетъ по Положенію 19 Февраля.

Губернское присутствіе, не имѣя въ Положеніи 19 Февраля никакого прямаго указанія на таковой случай, представило этотъ вопросъ для разрѣшенія министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго вскорѣ послѣдовало циркулярное разъясненіе, что дворовыя дѣвушки, вышедшія замужъ не за дворовыхъ того же помѣщика, не обязаны отбывать двухлѣтней работы прежнимъ владѣльцамъ, о чемъ и была увѣдомлена губернскимъ присутствіемъ М. П. Тинькова.

Вообще было замѣчено, что ни одинъ годъ не былъ такъ изобиленъ свадьбами, какъ знаменательный 1861-й. Невѣсты были неразборчивы: выходили замужъ охотно и за кого попало, лишь бы избавиться двухлѣтней работы на своихъ помѣщиковъ.

III.

Въ деревнѣ Грязной жилъ помѣщикъ поручикъ Петръ Алексѣевичъ Харкевичъ. Въ его имѣніи мнѣ также нужно было назначить сельскаго старосту по выбору крестьянъ. Подъѣзжая къ Грязной, въ которой мнѣ прежде никогда не случалось быть, прежде всего я былъ удивленъ огромнымъ господскимъ гумномъ, наполненнымъ множествомъ скирдовъ разнаго хлѣба; правда, нѣкоторые изъ нихъ были прежнихъ лѣтъ, очень старые, но всѣ въ большомъ порядкѣ. Трудно было даже себѣ представить, какъ можно было изъ сравнительно-небольшаго имѣнія собрать такую массу хлѣба. Затѣмъ, проѣзжая по деревнѣ, я

замѣтилъ, что всѣ хаты были въ исправности, дворы крыты, во всемъ видна заботливость хорошаго хозяина и довольство.

Когда я подошелъ къ собравшимся людямъ этой деревни, мнѣ тотчасъ же бросилось въ глаза, что всѣ они, какъ мущины, такъ и женщины, были народъ видный и красивый, а одѣты не только опрятно, но даже щегольски. Общій видъ этихъ людей сравнительно съ другими былъ особенно пріятный. Вскорѣ мнѣ однако пришлось разочароваться: когда я началъ съ ними разговаривать, то убѣдился, что они ни о чемъ не имѣютъ никакого понятія и всѣ показались мнѣ чрезвычайно странными. Я сталъ имъ разъяснять Положеніе 19 Февраля. Они повидимому внимательно слушали, а затѣмъ оказалось, что они рѣшительно ничего не поняли изъ того, что̀ имъ говорилось. Желая получить какой-нибудь отвѣтъ, я обратился къ отдѣльнымъ личностямъ съ вопросами, близко ихъ касающимися. Они отвѣчали, какъ бы для того, чтобы доказать мнѣ, что они не лишены дара слова; но отвѣты эти и всѣ рѣчи были несвязны и совсѣмъ не соотвѣтствовали вопросамъ. Говорилось только объ усердной работѣ на помѣщика и что они имъ вполнѣ довольны и ничего болѣе не желаютъ. Ничего другаго добиться отъ нихъ не было никакой возможности. Изо всего мною слышаннаго мнѣ приходилось вывести заключеніе, что я нахожусь между какими-то совсѣмъ тупыми людьми.

Со мной былъ мѣстный становой приставъ; я обратился къ нему съ вопросомъ; «не знаетъ ли онъ причины, почему эти люди такъ дико и несвязно отвѣчаютъ?» На это онъ лаконически отвѣчалъ: «Они такъ воспитаны своимъ бариномъ Петромъ Алексѣевичемъ», и замѣтилъ при этомъ, что сами они ни о чемъ не могутъ соображать, кромѣ своихъ работъ.

«Эти крестьяне, говорилъ онъ, «мнѣ извѣстны еще по другимъ случаямъ: безъ Петра Алексѣевича они не могутъ ничего ни сказать, ни разсудить; вѣдь они никогда не выходятъ изъ своей деревни и почти ни съ кѣмъ не имѣютъ сообщенія».

Однако мнѣ не хотѣлось уѣхать оттуда, не добившись отъ крестьянъ хоть какого-нибудь смысла. Но всѣ мои старанія были напрасны: кромѣ безсвязныхъ рѣчей я ничего не получалъ въ отвѣтъ. Пробившись съ ними часъ-другой, я перешелъ, наконецъ, къ цѣли своего пріѣзда, т. е., чтобы крестьяне выбрали сельскаго старосту. Это оказалось еще труднѣе. Мое предложеніе избрать изъ себя того, кого они считаютъ достойнымъ и пользующимся общимъ уваженіемъ, привело ихъ окончательно въ тупикъ. Безмолвно и тупо глядѣли они на меня и не давали никакого отвѣта. Видя, наконецъ, что всѣ мои уси-

лія тщетны, я послалъ становаго пристава просить П. А. Харкевича пожаловать на сходку, надѣясь, что въ его присутствіи крестьяне станутъ понятливѣе и разумнѣе.

Петръ Алексѣевичъ не замедлилъ приходомъ; но видъ его былъ далеко не такой щегольской, какимъ отличались его крестьяне. Я увидалъ передъ собой человѣка пожилаго, одѣтаго въ какой-то засаленый нанковый, не то сюртукъ, не то халатъ. Объяснивъ ему дѣло, я сталъ просить его содѣйствія вразумить крестьянъ, что они должны исполнить высочайшую волу, согласно Положенія 19 Февраля, и избрать изъ среды себя сельскаго старосту. Мрачно выслушалъ меня Харкевичъ, а затѣмъ сказалъ: «Крестьяне болѣе не мои; приказывать я имъ не могу, а самому мнѣ староста не нуженъ.»—«Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ я, «я буду вынужденъ самъ назначить старосту; но, не зная нравственныхъ качествъ вашихъ бывшихъ крестьянъ, я могу впасть въ ошибку; не сочтете ли вы удобнымъ помочь вашимъ указаніемъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ сельскій староста можетъ быть и вамъ полезенъ?»

— «Когда эти люди были мои», съ горечью отвѣчалъ Харкевичъ, «они всѣ отличались высокой нравственностью; каковы же они теперь, я этого не знаю».

Такимъ образомъ мнѣ приходилось самому избрать старосту. Мой выборъ палъ на перваго попавшагося на взглядъ осанистаго мужика, въ глазахъ котораго свѣтилось нѣчто похожее на разумъ. Но выборъ мой не оказался удаченъ: мои рѣчи и разъясненія новому старостѣ были также напрасны, какъ и всей толпѣ. Безтолковыя и безсвязныя слова, вмѣсто отвѣта, которыя я получалъ, убѣдили меня, что я остался попрежнему вполнѣ непонятъ, и этотъ благообразный крестьянинъ также тупъ, какъ и другіе, и исключенія среди этой одичалой толпы не составляетъ.

Такое открытіе деревни Грязной, населенной одичалыми людьми въ нашемъ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, меня тогда и удивило, и заинтересовало. Я началъ узнавать, какими путями послѣдовало это повальное отупѣніе крестьянъ. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя мною отъ старожиловъ той мѣстности.

Поручикъ Харкевичъ, въ молодыхъ годахъ выйдя въ отставку и поселившись въ деревнѣ Грязной, занялся сельскимъ хозяйствомъ, которое было несложно, такъ какъ исключительно состояло въ хлѣбопашествѣ. Всей земли было у него 460 десятинъ, съ поселенными на нихъ крестьянами около 50-ти душъ. Онъ всегда оставался холостякомъ, былъ скупъ, жизнь велъ уединенную, къ сосѣдямъ не ѣздилъ, къ себѣ

никого не принималъ, знался только по необходимости съ кулаками и купцами, которымъ продавалъ хлѣбъ неиначе, какъ по хорошей цѣнѣ, большею частью въ неурожайные года; а на этотъ случай у него всегда былъ готовъ большой запасъ, въ чемъ мнѣ пришлось наглядно убѣдиться, проѣзжая гумно, заставленное множествомъ скирдовъ. Харкевичъ вскорѣ сообразилъ, что ему выгоднѣе обратить всѣхъ своихъ крестьянъ въ дворовыхъ людей (не перемѣняя однако названія въ ревизскихъ сказкахъ, благодаря чему при освобожденіи они получили въ надѣлъ землю), такъ какъ крестьяне обязаны были по закону работать на помѣщика три дня въ недѣлю, а дворовые всю недѣлю: большая разница въ избыткѣ труда и видимая прибыль для помѣщика. Но для этого приходилось содержать дворовыхъ людей на всемъ готовомъ, давать имъ отсыпное мѣсячное продовольствіе, или ежедневное на застольной; при этомъ одежда и обувь должны были выдаваться также помѣщикомъ; кромѣ одежды и продовольствія помѣщику нужно было содержать въ исправности весь свой хозяйственный инвентарь лошадей, земледѣльческія орудія и прочія принадлежности; слѣдовательно, изъ простаго, обыкновеннаго хозяйства оно должно было обратиться въ весьма сложное; но, въ замѣнъ сего, у него являлась двойная рабочая сила, съ которою только нужно было умѣть управиться и ею пользоваться. Петръ Алексѣевичъ все разсчиталъ и не побоялся, что ему придется много трудиться. Онъ такъ и устроился. Всѣ его люди никогда не были праздны и неустанно работали, какъ муравьи. По окончаніи полевыхъ работъ мужикамъ всегда находились занятія по хозяйству; къ тому же нѣкоторые изъ нихъ научились шить обувь и одежду изъ матеріала, приготовленнаго бабами, которыя пряли, ткали холстъ для рубахъ и сукно на кафтаны; все это подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самаго барина сносилось на храненіе въ его кладовыя, откуда имъ же выдавалось и распредѣлялось между всѣми въ достаточномъ количествѣ также, какъ и продовольствіе. Вѣдь помѣщику нужна была здоровая рабочая сила, все равно какъ удобреніе земли для того, чтобы она не истощалась. Польза была несомнѣнная.

Съ этимъ вмѣстѣ Петръ Алексѣевичъ не былъ строгъ къ своимъ людямъ, обращался съ ними хорошо въ томъ смыслѣ, что не наказывалъ ихъ, но за то былъ неутомимымъ: въ какое бы время и гдѣ бы его люди ни работали, онъ всегда былъ съ ними. Въ одно время съ ними ложился спать, въ одно время вставалъ; прогула въ работахъ никогда не было, даже и по праздникамъ. Немудрено, что за такимъ присмотромъ время и труды не пропадали даромъ, какъ у дру-

гихъ помѣщиковъ, на барщинѣ. А такъ какъ всѣ необходимыя потребности для крестьянъ находились всегда наготовѣ у барина и все имъ выдавалось даромъ, то крестьянамъ и не было надобности отлучаться изъ своей деревни. Иногда только, по большимъ праздникамъ, дозволялось имъ ходить въ церковь, но не иначе, какъ по очереди; за то кабаковъ они никогда и не знавали и не посѣщали.

Такою-то системою управленія своимъ имѣніемъ въ продолженіи 25—30 лѣтъ, энергіею и неутомимымъ трудомъ, П. А. Харкевичъ достигъ того, что его крестьяне ко времени освобожденія ихъ совершенно одичали, а онъ самъ изъ сравнительно-небольшаго имѣнія составилъ очень хорошее состояніе для своихъ наслѣдниковъ.

Н. Рѣшетовъ.

22-го Августа 1885.

МНѢНІЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ А. С. ШИШКОВА

о представленномъ въ комитетъ гг. министровъ проектѣ и уставѣ, при коихъ испрашивается утвержденіе Общества подъ названіемъ *Соревнователей просвѣщенія и благотворенія.*

1) Попеченіе объ отечественномъ языкѣ и ободреніе талантовъ есть конечно важный предметъ, на который всѣ благоустроенныя правительства обращаютъ свое вниманіе. А потому, дабы сіе попеченіе дѣйствительно служило къ распространенію истиннаго просвѣщенія и познанія, обыкновенно ввѣряется оное не каждому, кто хочетъ, но избранному обществу, подъ названіемъ Академіи. Сіе общество съ начала учреждается изъ извѣстныхъ въ государствѣ особъ, оно дѣйствуетъ опредѣленными на то достаточными способами, утверждается временемъ, пріобрѣтаетъ уваженіе и довѣренность трудами своими и принесенною пользою. Такимъ образомъ основана Россійская Императорская Академія. Сперва названы были самою Императрицею (Екатериною Второю) извѣстныя и знаменитыя тогда особы, которыхъ санъ, знанія, образъ мыслей, заслуги, таланты, опытность, заслуживали всякую и общую всѣхъ къ себѣ довѣренность и почтеніе. Послѣ сего первоначальнаго и твердаго основанія поручено уже было сему избранному обществу избрать въ сотоварищи свои остальныхъ членовъ до положеннаго числа. На семъ же самомъ основаніи Россійская Академія, утвержденная Государемъ Императоромъ, продолжаетъ и нынѣ существовать.

2) Въ представляемомъ нынѣ проектѣ объ утвержденіи новаго Общества подъ названіемъ *Соревнователей просвѣщенія и благотворенія* отнюдь не такія начала. Здѣсь не видно, кто сіи люди и по какому праву требуютъ они поручить имъ порученное уже Академіи попе-

ченіе о пользахъ языка и словесности. Начало сего общества, повидимому, полагается такое, что нѣсколько человѣкъ, называющихъ сами себя любителями и знатоками языка, судіями книгъ, установителями вкуса, соревнователями просвѣщенія, и проч. и проч., сойдутся вмѣстѣ, назовутъ себя членами, раздадутъ другъ другу дипломы и составятъ Академію. Но почему же будущая и неизвѣстная Академія сія (ибо въ проектѣ ничьихъ именъ не названо) желаетъ прежде быть утверждена, нежели извѣстна? Не есть ли такое желаніе вмѣстѣ и произвольно, и самолюбиво, и даже дерзновенно? Произвольно, что сами себя выбираютъ; самолюбиво, что безъимянные хотятъ имѣть довѣренность; дерзновенно, что безъ всякаго основанія просятъ себѣ правъ, которыхъ иначе дать не можно, какъ уничтоживъ права Россійской Академіи.

3) Общество сіе называетъ себя уже и прежде существовавшимъ подъ именемъ *Любителей Словесности*, объясняясь, что оно испросило у г. С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора дозволеніе собираться одинъ вечеръ въ недѣлю для чтенія и разбора своихъ сочиненій. Таковое дозволеніе было справедливо, и никогда подобныя собранія не воспрещаются; но собираться охотникамъ для чтенія есть совсѣмъ не то, что̀ быть установленнымъ отъ правительства обществомъ для наблюденія пользъ языка и словесности, то-есть быть Академіею.

4) Въ уставѣ Общества Соревнователей предполагаются всѣ тѣ обязанности и должности, какія существенно относятся къ Россійской Академіи: тажъ обязанность объ утвержденіи чистоты и правилъ языка, тожъ стараніе объ издаваніи нужныхъ для сего книгъ, тожъ попеченіе о наградѣ и ободреніи талантовъ и заслугъ по словесности. И такъ это будетъ вторая Академія. Но, не говоря уже о странномъ нѣкоемъ началѣ сей Академіи (какъ выше объяснено), ни о томъ, по какому праву и достоинству сія вторая, изъ неизвѣстныхъ лицъ состоящая Академія, почитаетъ себя лучше первой, давно уже основанной, я во̀прошу только: есть ли примѣръ, чтобы гдѣ нибудь въ одной державѣ были двѣ для языка и словесности Академіи? Худо, когда нѣтъ ни одной; но еще несравненно хуже, когда ихъ много. Это знакъ разномыслія и смѣшеніе вмѣстѣ кривыхъ и правыхъ толковъ, всегда вредное симъ послѣднимъ. Къ чему сіе раздѣленіе? Сіе желаніе особенности? Развѣ для того, чтобъ это были не Академіи, но партіи одна другой враждующія и противурѣчащія? Чтобъ между ними завелись такія же колкости и брани, какія къ сожалѣнію и ко вреду бываютъ иногда между частными писателями? Довольно и отъ сихъ терпитъ языкъ, страдаетъ словесность и затмѣвается просвѣщеніе; что́ же будетъ, когда тожъ самое заведется между Академіями, изъ которыхъ каждая, домогаясь

особаго себѣ покровительства, станетъ кричать: я утверждена отъ правительства! Въ такомъ случаѣ обыкновенно благоразумнѣйшая сторона принуждена бываетъ, потуша въ себѣ всякое къ пользѣ усердіе, уступить той, у которой не голова лучше, но языкъ дерзновеннѣе. Отъ сего, кажется, просвѣщеніе не соберетъ себѣ хорошихъ плодовъ.

5) Общество Соревнователей предполагаетъ завести домъ, содержать оный, печатать книги, награждать ученыхъ людей единовременными и постоянными наградами (то-есть пенсіями) и по смерти ихъ производить оныя ихъ вдовамъ и дочерямъ, и сверхъ сего имѣть воспитанниковъ подъ названіемъ *питомцевъ сего общества*. Прекрасныя обѣщанія! Обширныя обязанности, требующія весьма немалаго попеченія и капитала! Откуда же полагается составить оный и основать ежегодно сіи немалочисленные расходы? Отъ продажи сочиняемаго симъ Обществомъ журнала и театральныхъ піесъ? Да позволятъ мнѣ усумниться въ твердости сего зыбкаго основанія, а потому и въ прочности мнимаго устроеннаго на немъ зданія. Давно уже извѣстна сія истина, что *сказать* и *сдѣлать* суть двѣ совсѣмъ разныя вещи.

6) Можетъ быть, скажутъ, что *Бесѣда любителей Русскаго слова* была на такомъ же основаніи. Отнюдь нѣтъ! Бесѣда, первое, составлена была изъ попечителей, предсѣдателей и членовъ названныхъ, и, слѣдовательно, зная имена ихъ, можно было напередъ судить о степени довѣренности, какую они заслуживаютъ. Второе, Бесѣда никогда не присвояла себѣ правъ академическихъ: она большею частью состояла изъ членовъ Академіи; вся цѣль ея была только та, чтобъ читать предъ публикою (чего Академія дѣлать не могла) избранныя произведенія писателей, доставляя чрезъ то ободреніе имъ и пріятность публикѣ, въ которой старалась она распространять вкусъ и охоту къ отечественной словесности. Бесѣда не искала быть другою Академіею, соперницею, или противницею, или разрушительницею первой. Она не входила въ установленіе грамматическихъ правилъ языка, въ критическіе разборы сочиненій, въ опредѣленіе словъ, и проч.; ибо знала важность сихъ изслѣдованій, и что не всякій тотъ знаетъ языкъ, кто сочиняетъ стихи. Опредѣленіе правилъ языка требуетъ великихъ логическихъ знаній и ученія. О семъ могутъ, пиша, споря, бранясь, заблуждаться, сколько хотятъ, частные писатели; но не двѣ или многія, всѣ отъ правительства учрежденныя, Академіи. Тутъ не выиграетъ, а проиграетъ просвѣщеніе.—Бесѣда въ одномъ только случаѣ сходствовала съ Обществомъ Соревнователей, а именно: она основывала надежду приходовъ своихъ на тѣхъ же самыхъ разсчетахъ, то-есть на складкѣ и на продажѣ сочиненій своихъ и даже не помышляла ни о покупкѣ дома, ни о пенсіяхъ ученымъ людямъ, ни о питомцахъ, а думала только

о содержаніи своемъ, но и тутъ обманулась, такъ что, по недостатку денегъ и по свойственному всякому такому обществу съ начала рвенію, а потомъ охлажденію, разрушилась и упала. Пусть Общество Соревнователей возобновитъ ее: тогда намѣреніе его будетъ дѣйствительно полезно для просвѣщенія. Но къ несчастью это не такъ легко сдѣлать: ибо наполнять разными сочиненіями и печатать журналъ можно долгое время, хотя бы никто его не читалъ или бы не приносилъ онъ никакой пользы; но читать предъ публикою сочиненія есть совсѣмъ иное дѣло. При малѣйшей сухости, не говорю уже о худости сихъ сочиненій, прихотливая публика не поѣдетъ слушать ихъ, и общество останется пусто. И такъ одно другаго легче; но легкость не есть достоинство, и красныя слова о пользѣ, соревнованіи просвѣщенію, благотворительности, часто остаются одними словами, безъ дѣла; часто бываетъ тамъ болѣе дѣла, гдѣ менѣе словъ.

7) Академія должна быть одна, нераздѣльна, съ достаточными способами и покровительствомъ; весь кругъ упражняющихся въ словесности людей долженъ соединиться съ нею. Отличающіеся трудами своими входятъ въ ея составъ; другіе ревнуютъ отличиться и войти. Члены ея избираются согласіемъ всѣхъ членовъ вообще, и слѣдственно достоинство ихъ оцѣняется, сколько возможно, безпристрастнымъ образомъ, а потому всѣ вмѣстѣ заслуживаютъ они довѣренность. Академія, повторяю, должна быть одна: множество Академій произведетъ въ словесности и просвѣщеніи такое же слѣдствіе, какое въ правосудіи произвело бы множество сенатовъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ почитаю я нужнымъ въ прошеніи соревнователей просвѣщенія объ утвержденіи проекта ихъ не только отказать, но и объявить имъ, чтобъ они впредъ на подобныя неосновательныя просьбы не покушались.

Я долженъ былъ мнѣніе мое сказать по разнымъ причинамъ: первое по долгу члена въ комитетѣ господъ министровъ, второе по долгу президента Россійской Академіи, третіе по долгу соревнователя просвѣщенія; ибо когда всякъ почитаетъ себя въ правѣ на сіе названіе, то и у меня, кажется, оное не отнимается. Впрочемъ, не распространяясь далѣе въ моихъ разсужденіяхъ, предаю ихъ на благоусмотрѣніе комитета господъ министровъ.

Вице-адмиралъ **Александръ Шишковъ.**

13-го Сентября
1817 года.

(Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго И. И. Курису).

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, въ молодости своей, при Павлѣ, служившій въ гвардіи, со всѣмъ своимъ полкомъ сосланный въ Сибирь и съ дороги туда возвращенный, разсказывалъ, что на каждомъ высочайшемъ смотру находилось тогда по нѣскольку троекъ съ жандармами. Малѣйшая оплошность вызывала гнѣвъ Императора. Онъ указывалъ пальцемъ на несчастнаго и произносилъ ужасныя слова: «въ Сибирь!» Злополучнаго путешественника сажали въ кибитку и мчали. Всякій офицеръ, отправляясь на смотръ, бралъ съ собою слугу своего, а кто не имѣлъ слуги, то деньщика съ чемоданчикомъ, въ которомъ были припасены деньги, бѣлье и все нужное для дороги. Слуга бросалъ этотъ чемоданчикъ въ кибитку и тѣмъ спасалъ несчастнаго отъ затрудненій въ бѣльѣ и прочемъ. Имѣть же деньги при себѣ не представлялось возможности при существовавшей тогда формѣ: форма одежды столь была стѣснительна, что упавшій не могъ самъ подняться безъ сторонней помощи.

Въѣзжавшаго въ столицу поражала огромнаго размѣра таблица, исписанная разными правилами, которыя обязательно нужно было прочесть для руководства. Тутъ объяснено было, какъ отдавать честь Императору и членамъ Императорской фамиліи и между прочимъ были курьезные два пункта: 1) не произносить слова «курносый», 2) не называть кошки и козы «Машкой».

Вспыльчивость Павла приближенныя лица умѣли обходить. Такъ Бухаринъ слышалъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды осенью Павелъ ѣхалъ по улицѣ, а какой-то господинъ въ гороховой шинели шелъ по тротуару. Завидѣвъ ѣдущаго ему на встрѣчу Государя и не желая пачкать новую шинель, которую требовалось сбрасывать для отданія чести Государю, онъ завернулъ въ переулокъ, гдѣ и скрылся въ

воротахъ дома. Между тѣмъ Императоръ его замѣтилъ и велѣлъ кучеру поворотить въ переулокъ, но гороховой шинели не оказалось. Разгнѣванный вернулся онъ во дворецъ и приказалъ графу Палену непремѣнно отыскать гороховую шинель, убѣжавшую отъ него. Какъ ее было найти, когда гороховыя шинели были въ модѣ? Но ловкій Паленъ нашелся. Онъ прямо отправился въ Англійскій клубъ, преимущественно въ ту пору посѣщаемый иностранцами, вызвалъ владѣльца первой попавшейся гороховой шинели и повезъ его во дворецъ. «Куда вы меня везете?» спрашивалъ озадаченный Англичанинъ. «Не безпокойтесь, отвѣчалъ Паленъ, «черезъ четверть часа вы будете на своемъ мѣстѣ». «Нашелъ?» спросилъ его нетерпѣливый Императоръ.—«Привелъ, ваше императорское величество». — «Кто такой??»—«Англичанинъ».—«Отпусти, отпусти его!»

Императоръ Павелъ, благородный и великодушный, не выносилъ безчестныхъ поступковъ и каралъ ихъ жестоко. Такъ мнѣ памятенъ разсказъ объ одной его резолюціи. Два брата находились на войнѣ. Одинъ возвратился, а другой, почитавшійся убитымъ, исключенъ изъ списковъ. Были они тогда оба въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, поручиками или штабсъ-капитанами. Когда старшій, получившій имѣніе брата, какъ наслѣдникъ, женился и дослужился до полковничьяго чина, то явился младшій, оказавшійся живымъ, но бывшій нѣсколько лѣтъ въ плѣну. Старшій братъ отрекся отъ него и не выдавалъ ему его имѣнія, утверждая, что братъ его умеръ. Сей послѣдній подалъ жалобу Государю, который приказалъ: «Умершаго полковника исключить изъ списковъ; брата же его поручика, возвратившагося изъ плѣна, произвести въ полковники. Имѣніе умершаго брата передать новому полковнику».

Иногда въ поступкахъ Павла проявлялось чудачество. Такъ напримѣръ, когда довѣренный Черниговскаго дворянства И. представилъ ему нѣсколько молодыхъ дворянъ своей губерніи для поступленія на службу, Павелъ былъ очень доволенъ и, обратясь къ И—му, сказалъ: «Сто душъ!». Тотъ упалъ на колѣна и приникъ головою къ землѣ. «Мало? Двѣсти!» Тотъ все лежитъ. «Мало? Триста! Мало? Пятьсотъ!» Лежавшему понравились эти прибавки, и въ его воображеніи уже рисовалась тысяча душъ, какъ вдругъ Императоръ, уже гнѣвно, произнесъ «Мало? Ни одной!!» И это было буквально вѣрно, потому что И. конечно не чувствовалъ тогда въ себѣ и своей собственной.

Государь Николай Павловичъ любилъ кадетъ и былъ чрезвычайно заботливъ объ ихъ воспитаніи. Онъ нерѣдко посѣщалъ кадетскіе

корпуса въ ночное время и обходилъ спальныя комнаты. Замѣтивъ спавшаго кадета скорчившимся, онъ стягивалъ одѣяло. Разъ, въ одно изъ такихъ посѣщеній перваго кадетскаго корпуса, замѣтивъ кадета сидящаго за книгой, онъ прямо подошелъ къ нему, взялъ у него книгу и посмотрѣлъ. Оказалось, что кадетъ приготовлялъ урокъ. «Не время», сказалъ Государь, «теперь надо отдыхать. Ложись, спи!»

—

Когда институтокъ привозили къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, императоръ Николай Павловичъ разспрашивалъ ихъ о семьѣ, о службѣ отцовъ и проч. Разъ, въ бытность тамъ одной моей знакомой (тогда воспитанницы Екатерининскаго института) подали шоколатъ, причемъ дѣвочки сидѣли всѣ на коврѣ вокругъ Императрицы. Государь сѣлъ съ ними же и бесѣдовалъ, а когда вставалъ съ пола, то замѣтилъ: «Эхъ, старость—не радость: садиться-то легко, а вставать трудненько».

—

По преданію, жена Леонида Спартанскаго на замѣчаніе одной чужестранки, что только Спартанки повелѣваютъ мужьями, отвѣчала: «потому что только мы рождаемъ мужей». Этотъ мудрый отвѣтъ, пробѣжавъ вѣка, бьетъ поучительною стороною своею въ жизнь всякаго народа. Первоначальное воспитаніе ребенка, принадлежащее матери, кладетъ основы нравственнаго его склада. Вотъ гдѣ высокая роль женщины. Еще выше эта задача въ царственной женѣ. Предъ нами прошла тихо, какъ бы незамѣтно, жизнь въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны. Память о ней составляетъ священное достояніе царственной семьи; но по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя проникають въ общество, можно съ увѣренностію утверждать, что, по мѣрѣ знакомства съ жизнію почившей Государыни, ея образъ яснѣе и ярче будетъ выдѣляться на исторической картинѣ прошедшаго.

Принявъ православіе въ силу основныхъ законовъ Имперіи, императрица Марія Александровна не удовлетворялась наружнымъ выполненіемъ обрядовъ; она стала изучать церковь и сдѣлалась самою ревностнѣйшею ея дочерью и, можно сказать, защитницею. Ея жажда къ духовному просвѣщенію изумительна. Когда она была уже больна, и доктора предписали ей ложиться въ 11 часовъ въ постель, она отъ одиннадцати часовъ оставалась одна и предавалась чтенію книгъ богословскаго содержанія. Въ послѣдній проѣздъ ея въ Крымъ черезъ Кіевъ, гдѣ восторженно привѣтствовалъ ее народъ, она никого не принимала. Состоявшая при ней г-жа М. прислала отъ ея имени къ

А. Н. Муравьеву списокъ книгъ, прося прислать ихъ Императрицѣ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ не только не оказалось въ библіотекѣ Андрея Николаевича, но даже во всемъ Кіевѣ, гдѣ духовная академія! Муравьевъ вмѣсто нихъ прислалъ другія. Г-жа М. пріѣзжала къ нему и благодарила его отъ имени Государыни [1]).

—

А. Н. Муравьевъ, живя въ Кіевѣ, можно сказать, стоялъ на стражѣ православія. Его трудами и настойчивостію возобновленъ и спасенъ отъ разрушенія великолѣпный храмъ Андрея Первозваннаго. Онъ съ Аѳона привезъ туда ступню св. Апостола, а въ Десятинную церковь икону святителя Николая съ частію св. мощей его. Онъ настаивалъ на возобновленіи Межигорья. По поводу разрѣшенныхъ Безакомъ маскарадовъ по субботамъ въ увеселительномъ саду онъ воевалъ съ Безакомъ, хотя безуспѣшно. Съ самимъ митрополитомъ Арсеніемъ иногда вступалъ онъ въ рѣзкую переписку, напримѣръ, по поводу освѣщенія Лаврской колокольни (что̀ дѣлается только разъ въ году на Св. Пасху) во время ночной прогулки по Днѣпру генералъ-губернатора. И сѐлонъ подчасъ приходился онъ властямъ. Но тѣмъ не менѣе, когда одно высокопоставленное лицо спросило митрополита Арсенія: «какую обязанность здѣсь несетъ Муравьевъ?» — «Защитника православія», отвѣчалъ митрополитъ [2]).

—

Въ началѣ этого столѣтія въ Уфѣ былъ архіереемъ Аркадій. Онъ каждый праздникъ говорилъ поученія безъ приготовленій. Его поученія были обличительнаго характера и касались личностей. Дамы въ то время носили платья по модѣ временъ директоріи. Въ такихъ нарядахъ три-четыре губернскія аристократки являлись въ соборъ, гдѣ ихъ красивыя фигуры привлекали взоры публики. Преосвященный, въ обычное время, вышедъ для поученія изъ алтаря, обратился прямо къ дамамъ со слѣдующею рѣчью: «Вы прихо̀дите въ храмъ Бога живаго не для того, чтобы преклоняться передъ Нимъ въ духѣ и истинѣ, а стано́витесь какъ идолы въ капищѣ, желая, чтобы вамъ поклонялись» [3]).

---

[1]) Отъ Андр. Ник. Муравьева.

[2]) Отъ М. О. Семенова.

[3]) Отъ г-жи Благуниной.

Пріѣхалъ въ Уфу одинъ помѣщикъ, очень толстый, что тогда не было рѣдкостью. Является онъ къ губернатору и говоритъ, что думаетъ съѣздить въ соборъ на архіерейское служеніе.—«Не совѣтую,» говоритъ губернаторъ, «подниметъ васъ на зубъ».—«Да помилуйте, в. п—во, вѣдь онъ меня совсѣмъ не знаетъ».—«Ну, вотъ увидите. Я уже не ѣзжу на его служеніе. Что за охота? Какъ увидитъ меня, такъ непремѣнно на мой счетъ скажетъ проповѣдь». Толстякъ-помѣщикъ на другой день, не смотря на предостереженіе, былъ въ соборѣ и, чтобы ближе видѣть архіерея, пробрался впередъ. Говорятъ: «въ тучномъ тѣлѣ не обитаетъ благодати»; повидимому помѣщикъ далъ тому нѣкоторое доказательство. Класть поклоны онъ не имѣлъ физической возможности, стоять ему было тяжело, и онъ то опирался на рѣшетку, то на трость и при томъ пыхтѣлъ какъ самоваръ. Преосвященный вышелъ для проповѣди, облокотился на жезлъ и, обративъ взоры свои къ шипѣвшему самовару, началъ такъ свое пастырское слово: «О ты, разжирѣвъ, разтолстѣвъ и забывъ Бога живаго» и т. д. Такъ толстякъ-помѣщикъ познакомился со своимъ архипастыремъ *).

—

Въ 1819 году въ Казани былъ сильный пожаръ, истребившій половину города, начиная съ собора. Въ это время бабка моя жила въ Казани для воспитанія моей матери, ея единственной дочери. Квартировала она у соборнаго протодіакона, имѣвшаго въ центрѣ города (на Черномъ озерѣ) каменный двухъэтажный домъ. Хозяинъ передавалъ ей слѣдующее повѣствованіе. Въ соборѣ похоронили одного архіерея (имени его я не помню), послѣ чего святитель Гурій, св. мощи котораго тамъ почивали, неоднократно являлся во снѣ соборному духовенству, говоря съ упреками, чтобы убрали отъ него «пса смердящаго» и что онъ не можетъ лежать съ нимъ. Если вы не послушаете меня, говорилъ строго святитель, уйду отъ васъ. Встаю я утромъ, говорилъ разсказщикъ, и передаю женѣ видѣнный сонъ. Опять, говорю, святитель являлся. Вижу, будто иду въ соборъ къ утрени, а на встрѣчу мнѣ святитель. Я поклонился ему и спрашиваю: «куда святитель грядешь?»—«Ухожу, говоритъ, совсѣмъ отъ васъ. Вы не хотѣли меня слушать, не хотѣли убрать отъ меня нечестивца, а я не могу съ нимъ оставаться и ухожу». Только что я окончилъ разсказывать, надо бы къ утрени звонить, а я слышу набатъ. Я скорѣе выбѣгаю на улицу, вижу въ крѣпости дымъ валитъ. Бѣгу къ собору, а соборъ весь въ пламени, и святителя мы тамъ уже не обрѣли».

*) Отъ нея же.

Долго ходилъ въ Казани разсказъ, что святыя мощи ушли. Всѣ вѣрили этому, не допуская возможности истребленія ихъ пожаромъ. Послѣ того въ серебряной гробницѣ св. Гурія вставлена только частица мощей его въ крышѣ гроба. Деревянный же гробъ святителя цѣлъ и понынѣ служитъ предметомъ поклоненія.

—

Единовѣрцы хлопотали, чтобъ дать имъ особаго епископа. Объ этомъ составлена была замѣтка, въ которой требовалась эта уступка во имя *любви христіанской*. Въ Бозѣ почившій Государь приказалъ записку передать митрополитамъ Григорію и Филарету, чтобъ они предварительно высказали свои мнѣнія. Митрополитъ Григорій отвѣчалъ очень рѣзко и выразилъ полнѣйшій отпоръ при готовности перенести личныя непріятности, а Филаретъ отвѣчалъ: «любы не безчинствуетъ».

—

Про Филарета ходитъ множество разсказовъ, обнаруживающихъ въ немъ высокую житейскую мудрость и глубокое знаніе человѣка. Приходитъ къ Филарету священникъ, совершенно разстроенный. «Владыко, я хочу сложить съ себя санъ.»—«Что̀ тебя побуждаетъ?»—«Я недостоинъ сана, владыко, я палъ...»—«Зачѣмъ же впадаешь въ отчаяніе? Палъ, палъ, такъ вставай!» И дѣйствительно онъ всталъ и не только всталъ, но сдѣлался извѣстнымъ и достойнымъ пастыремъ.

Противъ одного священника было много обвиненій. Журналъ консисторіи о запрещеніи ему служить былъ поданъ Филарету на утвержденіе. Это было на страстной недѣлѣ. Филаретъ проживалъ тогда въ Чудовѣ монастырѣ. Онъ взялъ уже перо, чтобъ подписать журналъ, но почувствовалъ какую-то тяжесть въ рукѣ, какъ будто бы перо ослушалось его. Онъ отложилъ подписаніе журнала до слѣдующаго дня. Ночью видитъ онъ сонъ: передъ окнами толпа народа разнаго званія и возраста о чемъ-то громко толкуетъ и обращается къ нему. Митрополитъ подходитъ къ окну и спрашиваетъ, чего имъ надо? «Оставь намъ священника, не отстраняй его!» проситъ толпа. Впечатлѣніе этого сновидѣнія было столь сильно, что митрополитъ не могъ отдѣлаться отъ него по пробужденіи и велѣлъ позвать къ себѣ осужденнаго священника. «Какія ты имѣешь за собой добрыя дѣла, открой мнѣ,» обращается онъ къ нему. «Никакихъ, владыко», отвѣчалъ священникъ: «достоинъ наказанія.» Но владыка съ настойчивостію убѣждаетъ его подумать. «Поминаешь ли ты усопшихъ?» спрашиваетъ Филаретъ.»—«Какъ же, владыко. Да у меня такое правило: кто подастъ разъ записочку, я ужъ постоянно на проскомидіи вынимаю по ней частицы, такъ что и прихожане ропщутъ, что у меня проскомидія

дольше литургіи; а я ужъ иначе не могу.» Филаретъ ограничился переводомъ этого священника на другой приходъ, объяснивъ ему, кто былъ за него ходатаемъ. Это такъ тронуло священника, что онъ приложилъ стараніе къ исправленію своему и отличался потомъ примѣрною жизнію.

Филарету донесли на одного священника, что онъ поминаетъ самоубійцъ. Владыка призвалъ его къ себѣ и спрашиваетъ, правда ли это? «Правда, владыко.»—«Какъ же это ты такъ дѣлаешь?»—«По любви и состраданію. Богъ не запрещаетъ любить, а помиловать—это ужъ Его воля.» Посмотрѣлъ Филаретъ на священника, прочелъ въ лицѣ его выраженіе высокой христіанской любви и сказалъ со вздохомъ: «молись, братъ!»

—

Гдѣ-то я читалъ объ отзывѣ архіепископа Херсонскаго Иннокентія по поводу его проповѣди о милостынѣ; но разсказано не совсѣмъ такъ, какъ слышалъ я отъ современника. Это случилось въ бытность Иннокентія въ Харьковѣ. Одна дама, зайдя къ нему послѣ обѣдни и его проповѣди о милостынѣ, замѣтила ему: «В. п-во! Да вѣдь вы проповѣдуете коммунизмъ» — «Пожалуй,» отвѣчалъ преосвященный, «только мое ученіе разнствуетъ отъ западнаго. Западъ говоритъ: что̀ твое,—то мое; а я говорю: что̀ мое,—то твое.» [1])

—

О преосвященномъ Филаретѣ Черниговскомъ было пророчество Саровскаго старца Серафима. Старшій братъ Филарета въ молодости имѣлъ намѣреніе принять монашество. Онъ пошелъ за благословеніемъ въ Саровъ къ дивному старцу. Филаретъ тогда былъ еще въ отроческомъ возрастѣ. Старецъ Серафимъ сказалъ ему: «Это только брату твоему Богъ далъ талантъ каждый мѣсяцъ по книгѣ изъ кармана выкладывать, а ты ступай домой и живи какъ Богъ велитъ» [2]).

Знаменитый поборникъ православія, архіепископъ Черниговскій Филаретъ перенесъ, бывъ епископомъ Рижскимъ, такое гоненіе отъ представителей власти въ томъ краѣ, что они не щадили расточать про него клеветы даже передъ Императоромъ. И долго въ Бозѣ почившій Государь имѣлъ предубѣжденіе противъ Филарета. Такъ, назначивъ въ Черниговъ губернаторомъ Шабельскаго, онъ пред-

---

[1]) Отъ А. С. Порчинскаго.
[2]) Отъ А. И. Ханенко.

упреждалъ его о Филаретѣ съ весьма невыгодной стороны. Только когда онъ подписывалъ рескриптъ Филарету на орденъ Св. Александра Невскаго, бывшій оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода объяснилъ ему о заслугахъ Филарета передъ церковью и отечествомъ [1]).

—

Послѣ Польскаго мятежа 1863 года въ Бѣлоруссіи, гдѣ до того были мировыми посредниками Поляки, я, какъ мѣстный Русскій помѣщикъ, въ числѣ другихъ получилъ приглашеніе «именемъ Русскаго Царя и Русскаго народа» принять эту должность. Назначенный посредникомъ, я поспѣшилъ пригласить священниковъ къ открытію приходскихъ школъ и чтобъ подвинуть ихъ на это дѣло, я представилъ къ наградамъ четырехъ священниковъ, которые по личному побужденію ранѣе того завели у себя школы. Губернаторъ Беклемишевъ препроводилъ мое представленіе къ архіепископу Евсевію. Но прошло немало времени, а о наградахъ нѣтъ и слуха. Преосвященный Евсевій былъ вызванъ къ присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ бытность зимою въ Петербургѣ я былъ у него и напомнилъ о наградахъ. «Да вы, гг. мировые посредники, нынче и на права епархіальныхъ архіереевъ посягаете.»—«Какъ, в. п-во? Да я думалъ, что вы довольны будете этой перемѣной.» —«Какъ такъ?»—«Да давно ли было, что хорошаго и полезнаго для церкви и паствы священника мѣшали съ грязью и разными происками добивались его перевода куда-нибудь въ глушь, а дурнаго поддерживали для соблазна прихожанамъ?»—«Да и вѣдь ваша правда,» сказалъ со вздохомъ архіепископъ. И всѣ священники получили награды, къ которымъ я ихъ представилъ.

—

А вотъ обращикъ Польской нетерпимости и фанатизма. Былъ въ Могилевѣ архіепископъ Анатолій, добрый, ласковый, привѣтливый. Но сочиненіе его «объ отношеніяхъ Римской церкви къ прочимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду» какъ кость въ горлѣ стояло у Поляковъ. Объѣзжая епархію, онъ долженъ былъ имѣть ночлегъ въ с. Войнилахъ. Помѣщикъ С. [2]) принялъ его съ почетомъ. Преосвященный на утро, разставаясь съ хозяиномъ, благодарилъ за радушіе и уѣхалъ, призывая на домъ ихъ благословеніе Божіе. Но какъ только онъ выѣхалъ, кровать, на которой онъ спалъ, постель и бѣлье, все было вынесено на дворъ и предано сожженію. И это выполнялось тогда крѣпостною, православною прислугою!

—

[1]) При немъ въ томъ краю конечно бы не состоялась отмѣна предбрачныхъ росписокъ. П. Б.

[2]) За участіе въ мятежѣ сосланъ потомъ въ каторжную работу.

Изъ кабинета Муравьева къ Вильнѣ вышелъ одинъ губернскій предводитель, блѣдный и до того разстроенный, что не могъ произнести ни одного слова, хотя онъ извѣстенъ былъ умѣньемъ владѣть собою. Послѣ него вошелъ въ кабинетъ губернаторъ Беклемишевъ, которому Муравьевъ сказалъ: Передъ вами былъ тутъ *** и на колѣнахъ стоялъ. Я ему объявилъ, что для примѣра его велю повѣсить»... Тутъ уйдетъ душа въ пятки и развѣ потому не ниже, что далѣе некуда.

—

Когда при императорѣ Николаѣ Павловичѣ совѣщались объ освобожденіи крестьянъ, князь Васильчиковъ былъ противникомъ этой реформы, а графъ Киселевъ горячо ее отстаивалъ. Споръ между ними, говорятъ, значительно обострился, и графъ Киселевъ упрекнулъ князя Васильчикова: «Вы потому, князь, *противъ* этой мѣры, что у васъ 8 т. душъ крестьянъ».—«А вы, должно быть потому, графъ, стоите *за*, что у васъ ихъ было 400, да вы и тѣ заблаговременно продали».

—

Въ былое время проживалъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи помѣщикъ С. А. Пальчиковъ, выходка котораго противъ лѣснаго вѣдомства государственныхъ имуществъ (извѣстное объявленіе корнета Атуева) надѣлала немало шуму. Пальчиковъ отличался находчивостію. Поссорившись съ помѣщикомъ А***, онъ назвалъ его скотомъ. Въ то время власть въ провинціи была сосредоточена въ рукахъ губернатора, и всѣ учрежденія состояли въ прямой или косвенной отъ него зависимости, а потому по всякимъ дѣламъ съ жалобами обращались къ губернатору. Обратился къ нему и оскорбленный А***. Губернаторъ потребовалъ отъ Пальчикова объясненія. Пальчиковъ въ объясненіи своемъ, между прочимъ, пишетъ: «что А*** скотъ, того я не говорилъ». Но первыя три слòва онъ написалъ по поскобленному, а въ концѣ сдѣлалъ оговорку, въ той формѣ какъ принято въ дѣловыхъ бумагахъ, а именно оговорилъ: «а что по подчищенному написано «что А*** скотъ», тому вѣрить».

Ну, что̀ было съ нимъ дѣлать?

И. Листовскій.

О КАРТИНѢ БРЮЛОВА „ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ".

Изъ письма Ѳ. В. Чижова къ А. А. Иванову.

На лѣвой сторонѣ этой картины, художникъ, по истинѣ великій, въ противоположность смятенію язычниковъ, находившихся въ отчаяніи отъ всеобщей гибели, представилъ, съ какою преданностію въ волю Божію и съ какимъ упованіемъ на Промыслъ тогдашніе христіане встрѣтили страшное потрясеніе природы. Мысль сію художникъ выразилъ изображеніемъ матери-христіанки въ объятіяхъ своей дочери, и кажется священника или дьячка, уносящаго священные сосуды и церковную утварь. Мать съ дѣтьми представлена стоящею на колѣняхъ со взоромъ устремленнымъ на небо. Хорошо! Но какъ у матери, такъ и у дочерей руки обнажены по самыя плечи. Нельзя сказать, что это случилось отъ суматохи, съ просонковъ; потому что на картинѣ виденъ какой-то язычникъ-женихъ, который успѣлъ въ послѣдній день Помпеи обвѣнчаться по своему языческому обычаю; между тѣмъ какъ изъ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства извѣстно, что нравы тогдашнихъ христіанъ были столь строги, что христіанскія жены и дѣвы не только не обнажали своихъ рукъ, на подобіе язычницъ, но даже не являлись открыто безъ покрывала на лицѣ. Священникъ же или дьячекъ, спокойно взирающій на изверженіе Везувія, изображенъ въ видѣ какого-то драбанта съ обнаженною рукою и ногой почти до голѣни. Развѣ такимъ образомъ ходили когда-либо христіанскіе священнослужители?

Какъ судить о подобномъ своеволіи нашихъ художниковъ, оскорбляющемъ христіанскія чувства? Что̀ сказали бы христіане, пострадавшіе за иконописаніе, взглянувъ на подобныя изображенія? «Не посрамляйте Матери нашей Церкви», взывалъ въ свое время Св. Іоаннъ Да-

маскинъ къ иконоборцамъ, «не лишайте ея украшенія!» Теперь бы онъ умолялъ нашихъ художниковъ: «Не посрамляйте Церкви такими изображеніями; оставьте лучше, сказалъ бы онъ, стѣны храмовъ нашихъ обнаженными. Церковь не престанетъ существовать и безъ вашего искусства, а съ подобными произведеніями принуждена будетъ оплакивать вѣчную погибель дѣтей своихъ!»

Нѣтъ сомнѣнія, что причины указаннаго своеволія живописныхъ произведеній должно искать не столько въ самыхъ художникахъ, сколько въ данномъ имъ направленіи.

Отъ иконописца требуются образованіе и жизнь, соотвѣтствующія понятіямъ христіанскаго ученія. Если иконописецъ, по цѣли своей, есть проповѣдникъ высокихъ истинъ христіанства, то христіанское вѣроученіе требуетъ отъ него, какъ отъ своего служителя, чтобы онъ самою жизнію соотвѣтствовалъ внушеніямъ Евангелія.

Академикъ Медвѣдевъ не иначе приступилъ къ росписанію собора въ Ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ, какъ исповѣдавшись и причастившись Св. Таинъ. Вслѣдъ за симъ, не выходя изъ церкви, онъ взялся за кисть и не вкушалъ никакой пищи, пока не начертилъ лица Спасителя на сводахъ алтаря. Такимъ же образомъ всегда безъ пищи, съ молитвою начиналъ онъ писать образа Спасителя и Божіей Матери.

(*Изъ рукописей А. А. Иванова, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ*).

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ МОСКВИЧАМЪ.

(1865).

Куда себя морочите вы грубо,
Какой у васъ съ Россіею разладъ?
И гдѣ вамъ въ члены Англійскихъ палатъ?
Вы просто члены Англійскаго клуба.

ОТВѢТЪ МОСКВИЧЕЙ.

Вы ошибаетеся грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой,
Сложили, видно, вмѣстѣ съ шубой,
И память о странѣ родной.

Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ;
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчный свѣтъ...

Нѣтъ, намъ парламента не нужно;
Но почему жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать?

ЗАМѢТКА О ГРАФИНѢ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ.

Прочитавъ статью Е. С. Некрасовой (Вѣстн. Европы 1885, кн. 3), я нашла въ ней вѣрное сужденіе о томъ, чѣмъ была наша Русская *поэтесса*, какъ называется она въ этой статьѣ; но *причина*, почему ярко засвѣтившаяся звѣзда померкла, почему помрачился ея первоначально-чистый, такъ много обѣщавшій блескъ, причина этого явленія не высказана... Вѣроятно она не была извѣстна г-жѣ Некрасовой. Постараюсь раскрыть эту тайну, которая прольетъ свѣтъ на жизнь графини Ростопчиной и можетъ въ нѣкоторой степени оправдать, истолковать тотъ ложный путь, на который она вступила послѣ своего замужества и который нажилъ ей обвинителей и враговъ.

Будучи на много лѣтъ моложе графини Ростопчиной, я встрѣчала ее только въ большомъ свѣтѣ въ 1857 году, когда я выѣзжала со старшей, семнадцатилѣтней дочерью, а графиня со своими двумя дочерьми. Мы видались на балахъ и вечерахъ у общихъ нашихъ знакомыхъ, разговаривали, но не ѣздили другъ къ другу. Для графини тогда уже миновала пора молодости; но великолѣпные ея черные глаза еще блестѣли огнемъ и, по видимому, она не признавала за собой приближавшейся старости, одѣвалась какъ молодая женщина, обнажая пышныя свои плечи.... Мнѣ не нравилось, что графиня не держала себя такъ, какъ по моему мнѣнію слѣдуетъ держаться женщинѣ уже не первой молодости: она почти всегда сиживала гдѣ-нибудь въ углѣ, а возлѣ нея гнѣздился какой-нибудь юноша, военный или статскій, весьма польщенный тѣмъ вниманіемъ, которымъ удостоивала его *графиня* и при томъ извѣстная писательница. Въ этихъ tête-à-tête среди бала велся всегда оживленный разговоръ, и я немало удивлялась тому, какое удовольствіе можетъ находить графиня Ростопчина въ обществѣ подобныхъ ничтожныхъ мальчишекъ. Вотъ причина, почему я не искала близкаго съ ней знакомства и предпочитала свой кружокъ, милыхъ, любезныхъ, остроумныхъ маменекъ и папенекъ, съ которыми такъ пріятно коротали мы бальные вечера. Но до моего личнаго чувства дѣла нѣтъ: вѣроятно, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ писательницей, оно измѣни-

лось бы, тѣмъ болѣе, что я знала исторію ея первой молодости и въ то время вполнѣ ей сочувствовала.

Одна изъ лучшихъ, свѣтлыхъ личностей, встрѣченныхъ мной въ жизни, была нѣкто К...., единственный, искренній другъ дѣтства моей матери. Когда я съумѣла ее оцѣнить, она была уже пожилой дѣвицей: любимый ею нѣкогда женихъ былъ убитъ подъ Бородинымъ въ 1812 году, и она, пользуясь хорошимъ состояніемъ и безупречной репутаціей, осталась вѣрна его памяти и не вышла замужъ. К.... была близко знакома съ почтеннымъ семействомъ Сушковыхъ и особенно любила молоденькую Додо́, будущую графиню Ростопчину. К..... почти ежедневно посѣщала мою мать, когда мы по зимамъ живали въ Москвѣ, и не скрывала отъ нея ничего; откровенныя бесѣды ихъ длились безконечно. Я была тогда еще ребенкомъ, но у дѣтей уши чуткія... Въ послѣдствіи, когда я сдѣлалась взрослою, матушка пополнила своими разсказами то, что̀ дѣтскій слухъ не разслышалъ или не понялъ.

Додо̀ Сушкова была прелестная дѣвушка, разсказывала матушка. Долго скрывала она свой поэтическій талантъ, котораго никто въ домѣ не подозрѣвалъ. Но однажды дядя ея Н. В. Сушковъ поднялъ на полу въ коридорѣ нечаянно оброненную тетрадку съ прелестными стихами, узналъ почеркъ племянницы и съ большимъ трудомъ заставилъ ее сознаться, что стихи эти—ея сочиненія. Дядя пришелъ въ восторгъ отъ прочитаннаго и, не обращая вниманія на просьбы и сопротивленіе дѣвочки, сталъ читать ихъ вслухъ въ семейномъ кружкѣ и въ присутствіи близкихъ знакомыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ похвалами своими одобрилъ и поощрилъ зародившійся талантъ племянницы, гордился имъ. Вскорѣ молва о немъ разнеслась по всей Москвѣ, и около дѣвушки появились поклонники всякаго возраста. Ей было тогда шестнадцать лѣтъ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія семнадцатилѣтняя красавица Додо̀ Сушкова стала выѣзжать въ свѣтъ. Въ числѣ ея обожателей первенствующее мѣсто занялъ тогдашній Московскій левъ, князь Платонъ Мещерскій, молодой человѣкъ замѣчательно-умный, образованный и, хотя не красавецъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, но обладавшій весьма пріятной наружностью. Онъ былъ средняго роста, брюнетъ, съ матовой бѣлизной лица и выразительными черными глазами. Князь Платонъ былъ богатъ, остроуменъ, ловокъ, джентельменъ съ ногъ до головы, словомъ пользовался всѣми качествами способными, по его желанію, вскружить голову неопытной дѣвушкѣ. Все свое стараніе пустилъ онъ въ ходъ, чтобъ очаровать Е. П. Сушкову, которая красотой, положеніемъ въ свѣтѣ и ореоломъ поэтессы заняла сразу выдающееся мѣсто въ великосвѣтскомъ обществѣ. Князь Платонъ ее преслѣдовалъ своимъ обожаніемъ; онъ сдѣлался ея тѣнью и, будучи гораздо старше и опытнѣе ея, зналъ, чѣмъ и какъ понравиться ей, почти ребенку.

Е. П. Сушкова страстно полюбила князя Платона; но онъ съ своей стороны держался такъ хитро, что никто изъ родныхъ Сушковой, ни она

сама не могли понять навѣрно, какія у него намѣренія. Ожидали ежедневно всю зиму, что вотъ-вотъ князь предложитъ Додо̀ руку и сердце, а предложеніе это не высказывалось. Молодая дѣвушка стала худѣть, блѣднѣть, задумываться; родные ея тревожились, а кн. Платонъ все болѣе и болѣе хитрилъ и, продолжая ухаживать за Сушковой, не проронялъ ожидаемаго слова....

Огненная ея природа не выносила окольныхъ путей; она рѣшилась переговорить откровенно съ самимъ княземъ Платономъ.

Настала весна 1833 года. Все Московское общество приглашено было на какой-то балъ, чуть ли не къ генералу-губернатору. Съ трепещущимъ сердцемъ и непреклоннымъ намѣреніемъ рѣшить судьбу свою, поѣхала на этотъ балъ Сушкова. Какъ всегда, князь Платонъ отъ нея не отходилъ. Улучивъ удобную минуту, они оба вышли на балконъ. Теплая весенняя ночь дышала надъ спящимъ городомъ; звѣзды блистали надъ ихъ головой, и звуки бальнаго оркестра доносились до ихъ слуха. Князь Платонъ шепталъ красавицѣ слова любви... Она слушала молча и вдругъ, обратившись къ нему и взглянувъ ему прямо въ глаза, сказала: „Знаете ли вы, князь, что за меня сватается графъ *** и что всѣ родные желаютъ моего согласія на этотъ бракъ?“

Князь Мещерскій вдругъ весь измѣнился; что-то холодное, ироническое исказило его красивыя черты. Онъ молчалъ съ минуту.

„Стыдитесь, Додо̀“, сказалъ онъ наконецъ. „*Съ какой цѣлью* вы мнѣ это говорите?“

Эти слова, эта иронія, какъ острый мечъ, пронзили сердце бѣдной дѣвушкѣ. Она съ молчаливымъ укоромъ вскинула на князя Платона свои черныя, выразительныя очи, медленно отвернулась, оставила балконъ и, отыскавъ дядю, уѣхала съ бала. Князь Мещерскій за ней не послѣдовалъ. Нѣсколько дней спустя объявлена была въ Москвѣ ея помолвка.

Къ этой-то порѣ вѣроятно относятся стихотворенія:

И людямъ и судьбѣ я вѣрить перестала,
Я разучилась жить безумною мечтой......

Такъ!... я задумчива, уныла,
Душа угнетена тоской;
Думъ черныхъ роковая сила
Во мнѣ волнуетъ умъ младой....

Бушуй и волнуйся, глубокое море,
И ревомъ сердитымъ грозу оглушай!
О бѣдное сердце, тебя гложетъ горе;
Но гордой улыбкой судьбѣ отвѣчай....

Гдѣ онѣ, гдѣ онѣ.... куда скрылись онѣ,
Тѣ душистыя розы мои,
Что̀ недавно еще улыбалися мнѣ,
Такъ роскошно, такъ пышно цвѣли?...

Уцѣлѣлъ лишь одинъ, неизмѣнный межъ нихъ —
То мой плющъ, плющъ, взлелѣянный мной,
Онъ по прежнему свѣжъ, и на вѣтвяхъ густыхъ
Вьются листья зеленой волной.

Такъ и вы, такъ и вы, шумныхъ радостей рой,
Наслажденій, веселій разгаръ,
Упоительный чадъ, чары жизни младой,
Миновали, изчезли, какъ паръ!

Все, чтò въ лучшіе дни утѣшало меня,
Все прошло съ мимолетностью сна....
Мнѣ осталась вѣрна только дума моя,
Только дума моя спасена.

Вѣроломство страстно любимаго человѣка убило въ Сушковой всѣ юные, чистые идеалы, всю вѣру въ истину, все чѣмъ жила она до тѣхъ поръ. Можно ли ее винить и бросать въ нее каменьями, какъ то дѣлали враги ея, завистники? Еслибы жизнь ея пошла нормальной колеею, не была ли бы она совершенно иною? Съ первой юности безпощадно попранное, искреннее чувство искало забвенія въ буряхъ жизни и не нашло его....

Что же князь П. Мещерскій? Испортивъ жизнь одного неповиннаго существа, онъ этимъ не довольствовался, а продолжалъ свою коварную игру съ другими, такими же неопытными, молодыми сердцами, которыя легче могли попадаться въ его сѣти. Онъ умеръ холостякомъ въ преклонныхъ годахъ.

Въ 1833 году князь Мещерскій разыгрывалъ страстную любовь при близко мнѣ знакомой, милой, молодой дѣвушкѣ ***... Она была недурна собой, умна, образована, отличная музыканша, ученица Фильда. Кстати о Фильдѣ. Оригинальность его высказывалась во многихъ случаяхъ. У него была любимая собака, сопровождавшая его всюду. Однажды вечеромъ, въ Москвѣ. приходитъ къ Фильду знакомый и застаетъ его, какъ всегда, спящимъ на креслѣ передъ топившимся каминомъ. При входѣ гостя, хозяинъ просыпается; поговоривъ немного, онъ опять дремлетъ. Гость замѣчаетъ, что собака таскаетъ по ковру какой-то свертокъ, рветъ его и разбрасываетъ клочки пò полу; онъ нагибается и отнимаетъ у собаки игрушку. То была большая пачка ассигнацій, въ нѣсколько сотъ рублей. Бòльшая часть бумажекъ была уже разорвана въ клочки. „Фильдъ! говоритъ гость, показывая ему изорванную пачку денегъ; посмотрите, чтó ваша собака сдѣлала!“ Фильдъ открылъ глаза, лѣниво посмотрѣлъ на деньги: „Ну что жъ?“ промычалъ онъ, отвернулся и опять задремалъ. Я присутствовала иногда при оригинальныхъ урокахъ этого великаго композитора и пьяниста; не могу не упомянуть о нихъ. Возлѣ рояля стояли большія, покойныя кресла, въ которыхъ возлежалъ Фильдъ всѣмъ пол-

нымъ тѣломъ своимъ *и спалъ крѣпкимъ сномъ*. На рояли, въ мѣстечкѣ, гдѣ обыкновенно ставятся свѣчи, стояла опорожненная учителемъ бутылка шампанскаго, и тутъ же лежала 25-ти-рублевая бумажка, цѣна урока. Трепеща отъ страха, ученица разыгрывала заданный урокъ и, если она ошибется не только нотой, но даже не возметъ ея *указаннымъ* учителемъ *пальцемъ*, Фильдъ мгновенно просыпается и осыпаетъ ученицу Англійской своей бранью. Какъ могъ онъ услыхать во снѣ столь маловажную погрѣшность? Непонятно. Ученицамъ же онъ внушалъ непреодолимый страхъ.

На эту ученицу Фильда накинулъ князь Платонъ Мещерскій свои недостойныя сѣти. Она была сирота, богата, занимала видное мѣсто въ обществѣ, держала себя безукоризненно-скромно; какъ же было ему не искать побѣды надъ недоступнымъ толпѣ, нетронутымъ сердцемъ? Друзья и бликіе родные Настеньки *** предупреждали ее о вѣроломныхъ стремленіяхъ князя Платона, разсказали ей исторію его съ Е. П. Сушковой; но Мещерскій былъ такъ уменъ, такъ лживъ, что все свое поведеніе съ Додо́ С. представилъ новой своей жертвѣ въ искаженномъ видѣ. Настенька въ свою очередь полюбила князя, который въ продолженіе всей зимы, встрѣчая ее въ свѣтѣ, игралъ ею какъ мячикомъ и, не высказываясь самъ, заставлялъ ее отказывать всѣмъ искателямъ ея руки. Недостойное его поведеніе возбудило негодованіе родныхъ молодой дѣвушки. Ни матери, ни отца у нея не было; воспитывали ее тётки, почтенныя во всѣхъ отношеніяхъ личности, страстно ее любившія. Тутъ сталъ свататься за Настеньку среднихъ лѣтъ достойный и хорошій человѣкъ. Тётушки уговорили племянницу выйти за него. Настенька была воспитана въ строгихъ правилахъ благочестія; она не могла искать забвенія среди свѣтскихъ бурь: какъ чистая и нѣжная лилія, она надломилась и поблекла. Я встрѣтила ее въ театрѣ нѣсколько дней послѣ ея свадьбы. Смертная блѣдность покрывала ея лице, глаза ея страшно глядѣли... Весь видъ ея такъ мало шелъ къ богатому ея наряду... Тутъ слышалась фальшивая, дикая, раздирающая сердце нота... Не прошло и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ бѣдная, молодая женщина лишилась разсудка.

Додо́ Сушкова была ея крѣпче; но душа ея также надломилась...

Старушка изъ степи.

Объясненіе приложеннаго рисунка

Императоръ Николай награждаетъ Сперанскаго.

Изображенная здѣсь сцена въ Государственномъ Совѣтѣ, принадлежащая къ числу достопамятныхъ событій Русской исторіи, изваяна на одномъ изъ барельефовъ памятника императору Николаю Павловичу, въ Петербургѣ, именно на той сторонѣ, которая обращена къ бывшему Маріинскому дворцу. Одинъ изъ сотрудниковъ и неизмѣнно-горячихъ поклонниковъ Сперанскаго, Козьма Григорьевичъ Рѣпинскій снялъ съ этого барельефа рисунокъ и, будучи недоволенъ имъ, самъ доставлялъ художнику портреты изображенныхъ на барельефѣ лицъ. Такимъ образомъ нарисовалась картина уже съ бо́льшимъ ручательствомъ сходства. Фотографію съ нея получили оставшіеся въ живыхъ почитатели великаго человѣка, и одинъ изъ снимковъ любезно сообщенъ намъ А. А. Имбергомъ (сыномъ А. О. Имберга, который былъ близкимъ человѣкомъ у Сперанскаго и котораго любопытныя Записки помѣщены въ Р. Архивѣ 1870 года); а благодаря П. А. Ефремову, получили мы, изъ его драгоцѣннаго собранія книжныхъ и графическихъ рѣдкостей, современный печатный листокъ съ означеніемъ 35 лицъ, тутъ изображенныхъ. Вотъ эти главные дѣятели первыхъ лучшихъ лѣтъ Николаевскаго царствованія, по порядку, начиная съ лѣвой стороны:

1. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.
2. Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.
3. Князь Александръ Ивановичъ Чернышовъ.
4. Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.
5. Графъ Юлій Помпеевичъ Литта.
6. Графъ Валентинъ Ивановичъ Красинскій. } Заслонены графомъ Литтою.
7. Александръ Александровичъ Рожнецкій. }
8. Графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.
9. Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.
10. Князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. (Видна тол. часть лица).
11. Графъ Карлъ Өедоровичъ Толь.
12. Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій.
13. Комендантъ Александръ Яковлевичъ Сукинъ.
14. Князь Ксаверій Францовичъ Друцкой-Любецкій.
15. Графъ Петръ Кириловичъ Эссенъ.
16. Сперанскій.
17. Императоръ Николай.
18. Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ. } (Позади стола съ книг. Свода).
19. Графъ Петръ Александровичъ Толстой. }
20. Өедоръ Ивановичъ Энгель.
21. Великій Князь Михаилъ Павловичъ.
22. Василій Александровичъ Пашковъ.
23. Князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ. (За Великимъ Княземъ).
24. Дмитрій Васильевичъ Дашковъ.
25. Князь Викторъ Павловичъ Кочубей.
26. Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.
27. Василій Романовичъ Марченко.
28. Князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ.
29. Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ.
30. Графъ Степанъ Өомичъ Градовскій. }
31. Графъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ. } (Позади графа Канкрина).
32. Григорій Ивановичъ Вилламовъ. }
33. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ.
34. Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ.
35. Князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Фото Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Его Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ

въ Общемъ Собранiи Государственнаго Совѣта 19-го Января 1833 года,

послѣ окончательнаго разсмотрѣнiя и утвержденiя Свода Законовъ Имперiи, вставъ съ Своего мѣста изволилъ подозвать къ Себѣ составителя Свода, Михаила Михайловича Сперанскаго, обнялъ его и снявъ съ Себя звѣзду ордена Св. Андрея возложилъ на него въ знакъ Своей признательности къ его великому труду.

ву, Ю. Θ. Самарину, М. С. Мухановой, Е. П. Попову, С. Т. Аксакову, Е. С. Шеншиной.—О кончинѣ А. С. Хомякова. Письмо сосѣда-помѣщика. — Воспоминанія графини Антонины Дмитріевны Блудовой (заговоръ Тистельвуда въ Лондонѣ въ 1820 г.).— Письмо князя **П. А. Вяземскаго** къ К. С. Аксакову (1857).—Записки **Николая Степановича Ильинскаго** (Н. И. Рязановъ.—Сперанскій въ царствованіе Павла.—Нарышкинское дѣло. — Обольяниновъ. — Случаи Павловскаго времени. — Дольскій. — Радищевъ. — Графъ Завадовскій. — Чиновничье жалованье.—Розенкамфъ).—Декабристъ въ Сибири. Письмо **И. И. Пущина** къ Е. А. Энгельгарду. Съ предисловіемъ **Я. К. Гро а.**— Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой** (Госпожа Сталь.—Графъ Г. А. Строгоновъ.— Эрцгерцогиня Александра Павловна).

Годовыя изданія РУССКАГО АРХИВА 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 годовъ со всѣми приложеніями получать можно по **6** рублей съ пересылкою. 1881 годъ, съ большимъ портретомъ Екатерины Великой и двумя книгами „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, продается по **8** рублей. Русскій Архивъ 1884 года **9** рублей. Остальные года разошлись всѣ.

*

Книги изданныя при Русскомъ Архивѣ:

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ. М. 1873. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISANCF. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAMD CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondence historique 1813—1819. Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1885 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1885 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ съ портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“ и на Васильевскомъ острову, 2-л., д. 7-й, въ книжномъ складѣ Стасюлевича, гдѣ получать можно полное годовое изданіе 1884 года (цѣна 9 р.).

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

11.

Приложенъ портретъ М. А. Балугьянскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

РУССКІЙ АРХИВЪ 1884 ГОДА.

ШЕСТЬ ВЫПУСКОВЪ, СОСТАВЛЯЮЩИХЪ ТРИ КНИГИ.

получать можно въ Конторѣ Русскаго Архива по девяти рублей съ пересылкою.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки Московскаго мартиниста сенатора **И. В. Лопухина.** Новое изданіе съ примѣчаніями и портретомъ.—Страницы прошлаго. **Ѳ. И. Тимирязева.**—Письма **императора Николая Павловича** къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу. 1837.—Императоръ Николай Павловичъ и Петербургскіе старообрядцы.—Ночь съ 17 на 18 Февраля 1855 года. Разсказъ доктора **Мандта.**—Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона.**—Разсказы изъ недавней старины. **И. С. Листовскаго.**—Изъ забытыхъ стихотвореній: Пародія на „Братьевъ-Разбойниковъ".—Къ графу З. (Н. Ф. Павлова).—Русская пѣсня (Чѣмъ я Западъ огорчила).—„Въ патріотическомъ задорѣ".—На б. А. К. М. (С. А. Соболевскаго).—На И. И. Д.—Издателю „Вѣсти" (Ѳ. И. Тютчева).—Некрологи. (Н. П. Розонова, А. Ѳ. Томашевскаго, А. П. Кошелева).—Письмо П. А. Плетнева къ Ѳ. И. Іордану.—О Мятлевскомъ ожерельѣ.—Письма **Екатерины Великой** къ И. И. Неплюеву 1762—1765.—Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковой (1793).—Жертва ревности князя Потемкина (В. Р. Щегловскій).—Письмо **князя Адама Чарторыжскаго** къ Н. Н. Новосильцову. (1812).—Изъ писемъ **Ѳ. В. Чижова** къ художнику А. А. Иванову.—Воспоминанія **Е. П. Самсонова.**—Пушкинъ и Великопольскій. Три новыя письма Пушкина со стихами.—Письмо **А. Г. Родзянки** къ А. С. Пушкину.

КНИГА ВТОРАЯ.

С. Л. Лашкаревъ, дипломатъ Екатерининскаго времени. Біографическій очеркъ, съ письмами **князя Потемкина.**—Старообрядческій богадѣльный домъ въ городѣ Судиславлѣ (1828).—Изъ служебныхъ воспоминаній **В. С. Толстаго.** (Кавказскіе молоканы и скопцы).—Николай Эрастовичъ Лясковскій. Его біографія, написанная его сыномъ **В. Н. Лясковскимъ.** Съ портретомъ. Изъ бумагъ князя И. А. Шаховскаго. (Передвиженія войскъ при Павлѣ).—Генеалогическая замѣтка (дѣти князя Г. Г. Орлова). **Д. К.**—Записки композитора **Алексѣя Ѳедоровича Львова.**—**А. С. Хомяковъ** о сельской общинѣ.—Изъ писемъ **А. С. Хомякова** къ А. Н. Попову (1847—1860).—Память о 1812 годѣ въ обсерваторіи Московскаго Университета. (Сообщено **Ѳ. А. Бредихинымъ**). — Очерки военныхъ сценъ (1812—1814). Записки **князя Н. Б. Голицына.**—А. С. Пушкинъ, по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ. Статья **князя П. П. Вяземскаго.**—А. С. Пушкинъ и С. С. Хлюстинъ. Ихъ переписка (1836) со статьею о Виландовой „Вастолѣ".—Письмо **А. С. Пушкина** къ П. Я. Чадаеву съ опроверженіемъ „Философическихъ писемъ" (1836). Чадаевъ и закрытіе „Телескопа". (Переписка С. С. Уварова съ графомъ Бенкендорфомъ).—Русскій человѣкъ К. С. Безносиковъ. Статья **И. С. Листовскаго.**—Изъ шуточныхъ стихотвореній недавней старины: а) Церемоніалъ погребенія поручика Кузьмина. б) Соболевскій про пѣвца Гулака-Артемовскаго. — Дневникъ **княжны В. И. Туркестановой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Обозрѣніе Кіевской, Подольской и Волынской губерній за двѣнадцать лѣтъ Бибиковскаго управленія (1838—1850), съ послѣсловіемъ издателя.—Достопамятная черта въ частной жизни Сперанскаго. (Дочь Маріанны Злобиной). Изъ письма **графа М. А. Корфа** къ издателю.—Неизданное мѣсто изъ Записокъ **Н. И. Греча.**—Старинная афиша маскарада въ Михайловскомъ дворцѣ.—Императоръ Александръ Павловичъ въ Кіевѣ. 1816.—Письмо **Жуковскаго** о преподаваніи Александру Николаевичу свѣдѣній о бывшей Польшѣ. 1829.—Солдатская пѣсня 1861 года, съ примѣчаніями современника-очевидца.—Похороны Польскаго митрополита Фіалковскаго. Изъ Записокъ современника-очевидца.—Московская холера 1830 года (по письмамъ **Кристина** къ графинѣ С. А. Бобринской).—Наша Китайская миссія въ 1834 году. Письмо **Аввакума Честнаго** изъ Пекина въ Архангельскъ.—Къ исторіи отмѣны крѣпостнаго права. (Негласные комитеты при Николаѣ Павловичѣ). — Рѣчь **императора Николая Павловича** Петербургскому дворянству. 1851.—Remember ***.—Любопытная книга „Лавры и Тернія". И. Х.—Изъ рукописей Пушкина, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.—Письма **А. С. Хомякова** къ Н. М. Языкову, къ графинѣ А. Д. Блудовой и другимъ лицамъ.—Письма къ А. С. Хомякову: а) брата его Ѳедора Степановича; б) Ф. Ф. Вигеля; в) В. А. Жуковскаго.—Шуточные стихи М. П. Погодину.—Стихи **Некрасова** про **.—Анекдотъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.—Острое слово **Н. А. Безобразова.**—Архивная справка (Достоевскій и Тургеневъ).—А. М. Веневитинова. Некрологъ.—Письма **Николая**

ВОСПОМИНАНІЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПОЛЕТИКИ.

„Петръ Ивановичъ напрасно не писалъ своихъ Записокъ. Онъ вступилъ въ службу еще при Безбородкѣ, всегда жилъ въ высшемъ кругу и былъ во многихъ домахъ на хорошей ногѣ, какъ напр. у графа Семена Воронцова въ Англіи, бывалъ въ посольствахъ, много видѣлъ." Такъ говорила про Полетику пріятельница его А. О. Смирнова (ур. Росетти), 21 Марта 1845 года (Р. Арх. 1882, I, 218). Смирнова не знала, что въ это время Полетика уже писалъ свои воспоминанія, начатыя, можетъ быть, благодаря настояніямъ этой прелестной женщины. Воспоминанія сохранились въ современномъ спискѣ у одного изъ племянниковъ и наслѣдниковъ его, извѣстнаго современнаго дѣятеля, Василія Аполлоновича Полетики, которому и обязаны мы ихъ сообщеніемъ. При всей ихъ краткости, они замѣчательны по мѣткой наблюдательности сочинителя, принадлежавшаго къ числу достойнѣйшихъ людей своего вѣка. П. Б.

Мои воспоминанія.

Начаты 16 Января 1843 года.

Наконецъ, ударилъ и для меня часъ отдохновенія и досуга, послѣ сорока-шести-лѣтней, безпрерывной и, могу сказать, довольно дѣятельной и незазорной моей службы: Высочайшимъ указомъ, за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ, отъ 22 Декабря прошедшаго 1842 года я всемилостивѣйше уволенъ вовсе отъ службы, съ ежегодною пожизненною пенсіею по четыре тысячи рублей серебромъ. Таковая монаршая щедрота, при небольшомъ собственномъ моемъ доходѣ, удовлетворяетъ вполнѣ умѣреннымъ моимъ желаніямъ, доставляя мнѣ способы къ умѣренной, но безбѣдной и, что̀ всего дороже по моему понятію, независимой жизни. Причаливъ такимъ образомъ благополучно къ берегу утлый мой челнокъ, первая моя мысль была принести теплыя благодаренія Всевышнему, Коего благость сподобила меня благополучно заключить служебное продол-

жительное поприще. Въ одно время я благодарилъ въ полнотѣ сердца Государя, щедротою коего я былъ достаточно обезпеченъ на остальные дни моей жизни: благодѣяніе великое для всѣхъ тѣхъ, кои, какъ я, ознакомившись съ раннихъ лѣтъ съ нуждою и даже съ бѣдностію, умѣютъ цѣнить сладость честной независимости. Вторая моя мысль была устроить для себя постоянное на каждый день занятіе, не для отогнанія постоянной спутницы праздной жизни, скуки, которая, благодаря Бога, мнѣ всегда была чужда и въ часы продолжительныхъ недуговъ и уединенія, но для поддержанія или, лучше сказать, упражненія мысленныхъ моихъ способностей: ибо опытъ научилъ меня, что для достиженія сей цѣли недостаточны ни безпрестанное чтеніе, обратившееся у меня въ ненасытное влеченіе, ни даже дружеская бесѣда съ умными и просвѣщенными людьми. Дабы не дать угаснуть огню духовной или мысленной нашей жизни, нужно размышленіе и, такъ сказать, частое совѣщаніе съ самимъ собою. Итакъ, отложивъ навсегда и честолюбивые помыслы и корыстныя желанія, я рѣшился обратить взглядъ, по возможности безпристрастно, на прошедшую мою жизнь, не въ наставленіе другимъ (ибо я не имѣю намѣренія писать свои признанія), но единственно для услажденія моего досуга и собственнаго поученія. Что̀ послѣдуетъ съ сими листами послѣ моей смерти, не знаю и не забочусь о томъ, и заключаю сіе слишкомъ длинное вступленіе усерднымъ желаніемъ умереть въ мирѣ съ людьми, съ самимъ собою и съ Творцемъ Небеснымъ.

Первый періодъ моей жизни: рожденіе, младенчество и юношество съ 1778 по 1796 годъ.

Я родился, Кіевской губерніи, въ пограничномъ тогда городкѣ Васильковѣ, 15-го Августа 1778 года, въ два часа по полудни, какъ написано рукою моей матери на образѣ св. митрополита Петра, который и теперь у меня находится и которымъ она меня благословила. Отецъ мой былъ тогда надворнымъ совѣтникомъ и медицины докторомъ при Васильковской карантинной заставѣ. Воспріемникомъ моимъ былъ генералъ-маіоръ Иванъ Никитичъ Болтинъ, извѣстный своими критическими замѣчаніями на Исторію Россіи Ле-Клерка. Родъ нашъ происходитъ отъ древняго Польскаго шляхетства, вышедшаго въ Россію въ концѣ семнадцатаго столѣтія, вслѣдствіе бывшаго тогда въ Польшѣ гоненія на Православіе. Предки мои поселились съ того времени въ Полтавской губерніи, гдѣ и владѣли значительными маетностями, раздробленными потомъ на множество небольшихъ участковъ между многочисленными ихъ наслѣдниками, кои и понынѣ владѣютъ ими въ Ро-

менскомъ уѣздѣ. Медицинское знаніе или ремесло, также и священство, никогда не считались въ Малороссіи предосудительными для дворянскаго достоинства. Это знаютъ всѣ Малороссіяне. Отецъ мой учился медицинѣ въ Голандіи, въ городѣ Гарлемѣ или Лейденѣ, на иждивеніи своего родителя. Мать моя, кроткаго нрава и весьма набожная христіанка, была родомъ Турчанка, захваченная Русскими въ плѣнъ еще въ самомъ ея младенчествѣ при взятіи графомъ Минихомъ Очакова, въ 1738 году *). Попавшись случайно въ домъ бывшаго тогда архіатеромъ и первымъ докторомъ императрицы Елисаветы Петровны, Павла Захаровича Кондоиди (уроженца изъ Корфы), мать моя воспитывалась наравнѣ съ его дѣтьми, отъ чего и произошли тѣсныя, дружескія и, такъ сказать, родственныя связи между двумя фамиліями. Г-да Кондоиди, дѣти архіатера, были въ послѣдствіи постоянными благодѣтелями моими и моихъ братьевъ. Мать моя неоднократно разсказывала мнѣ, что отецъ мой, послѣ рожденія одной за другою пяти дочерей, оказывалъ всегда неудовольствіе при каждыхъ родахъ младенца женскаго пола. Чувствуя себя вновь беременною и опасаясь опять возбудить ропотъ мужа, мать моя прибѣгала къ продолжительнымъ теплымъ молитвамъ и, наконецъ, имѣла видѣніе. Ей предсталъ во снѣ св. митрополитъ Петръ и сказалъ: «Утѣшься, молитвы твои услышаны; ты родишь сына и наречешь его Петромъ». Тоже самое видѣніе представилось ей предъ рожденіемъ младшаго моего брата Аполлона, уже давно умершаго и рожденнаго съ небольшимъ годъ послѣ меня. Насъ было братьевъ и сестеръ, мнѣ извѣстныхъ, девять человѣкъ; изъ коихъ осталось нынѣ только двое: старшій изъ братьевъ Александръ 76-ти лѣтъ **) и я 64 лѣтъ.

Домашнія обстоятельства моихъ родителей и недостатокъ способовъ къ приличному насъ при себѣ воспитанію понудили ихъ домогаться о помѣщеніи насъ въ казенныя воспитательныя заведенія. Старшіе мои братья Александръ и Михаилъ поступили уже нѣсколько лѣтъ прежде, первый въ Артиллерійскій корпусъ, а второй въ 1-й Кадетскій корпусъ. Старшія три сестры поступили въ Смольный монастырь.

Въ теченіе 1782 года и, какъ помнится мнѣ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, мать моя привезла меня въ С.-Петербургъ для опредѣленія въ тотъ же корпусъ, гдѣ находился братъ Михаилъ. Вступленіе мое туда встрѣтило нѣкоторыя препятствія отъ недостиженія мною положеннаго ста-

*) Лица, помнящія П. И. Полетику, сказывали намъ, что въ наружности его бросались въ глаза тонкія черты, обличавшія южное происхожденіе. П. Б.

**) Къ душевной моей скорби сей послѣдній братъ и сердечный другъ умеръ въ Ромнѣ 15 Января 1843 года.

тутами корпуса 6-ти лѣтняго возраста, ибо я не достигъ еще тогда полныхъ 4-хъ лѣтъ; но, стараніями моихъ благодѣтелей и нѣкоторыхъ чиновниковъ, я былъ принятъ въ число воспитанниковъ, какъ имѣющій 6-ть лѣтъ. По статутамъ корпуса, кадеты раздѣлялись на пять возрастовъ и оставались въ каждомъ три года. Что сказать мнѣ о первомъ трехъ-лѣтнемъ пребываніи моемъ въ корпусѣ? Я былъ такъ малъ и такъ слабъ, что едва могъ одѣвать и раздѣвать себя и безпрестанно терялъ то ремешки на башмакахъ, то тряпочку, которая давалась намъ вмѣсто носоваго платка, за что́ и былъ я весьма часто и строго наказываемъ розгами, служанкою Пелагеею, по приказанію начальницы моего отдѣленія м-мъ Лейхнеръ. Претерпѣнныя мною наказанія сверхъ мѣры содѣяннаго запечатлѣли имена ихъ въ моей памяти, и въ теченіе сихъ печальныхъ для меня трехъ лѣтъ я мало сдѣлалъ успѣховъ въ ученіи; но выучился однакожъ читать, писать на двухъ языкахъ и первымъ правиламъ ариѳметики, хотя и весьма недостаточно. Нравственное мое образованіе не могло не имѣть худыхъ послѣдствій отъ частыхъ и неумѣренныхъ наказаній, мною понесенныхъ и суроваго физическаго воспитанія: вскорѣ по вступленіи моемъ въ корпусъ, я едва не умеръ отъ воспалительной горячки, причиненной тоскою по матери.

Переходъ мой во второй возрастъ, или второе трехъ-лѣтіе, былъ въ жизни моей весьма замѣчателенъ по своему вліянію на развитіе умственныхъ моихъ способностей. Переходя изъ 1-го во 2-й возрастъ, мы выходили изъ рукъ женщинъ и поступали подъ надзоръ и руководство наставниковъ, по большой части Французовъ, весьма худо для сего званія приготовленныхъ. Это было въ 1785-мъ году. Одинъ изъ сихъ гувернеровъ, г. Жакино, извѣстный послѣ какъ содержатель весьма хорошо-устроеннаго пансіона *), кроткій и честный человѣкъ, первый пробудилъ во мнѣ умственную жизнь и склонность къ чтенію. Первая книга мною прочитанная была Фенелоновъ Телемакъ и пріятно меня занимала. Съ сего времени вкусъ къ чтенію болѣе и болѣе во мнѣ усиливался, и я видимые дѣлалъ успѣхи въ преподаваемыхъ намъ урокахъ по разнымъ частямъ учебной программы, для насъ предначертанной. За исключеніемъ г. Жакино, прочіе Французскіе наставники наши были невѣжды, люди грубые въ обхожденіи и жестокосердые въ наказаніяхъ, посредствомъ обдѣлываемыхъ ими самими орудій,

*) Объ этомъ пансіонѣ Жакино хранили добрыя воспоминанія нѣкоторые изъ получившихъ извѣстность его воспитанниковъ, напр. поэтъ Батюшковъ, декабристъ князь С. Г. Волконскій. П. Б.

какъ-то карбачей и печушекъ, не считая уже розогъ. Я не могу, однакожъ, относительно къ самому себѣ жаловаться на сію эпоху моего воспитанія. Вообще говоря, она имѣла полезное на меня вліяніе.

Въ 1788 году я перешелъ вмѣстѣ съ другими современниками моими товарищами въ третье отдѣленіе, гдѣ и оставался по 1791 годъ. Въ семъ отдѣленіи насъ одѣли въ сѣрую, вмѣсто голубой, одежду. Вмѣсто Французскихъ воспитателей намъ дали армейскихъ офицеровъ, которые хотя и были не болѣе свѣдущи иностранныхъ своихъ предшественниковъ, но, по крайней мѣрѣ, обходились съ нами человѣколюбивѣе. Говоря о второй эпохѣ моего воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ, я забылъ упомянуть о замысловатомъ способѣ, употребленномъ Французскими гувернерами къ пріученію насъ свободно объясняться на ихъ нарѣчіи. Для сего послѣдовало общее запрещеніе говорить между собою по-русски; за часъ до обѣда, тому изъ кадетъ, который произносилъ хотя одно Русское слово и былъ замѣченъ гувернеромъ, давался шарикъ съ указаніемъ, чтобы онъ старался передать товарищу, коего уловитъ въ произнесеніи Русскаго слова. По наступленіи обѣденнаго времени, тотъ воспитанникъ, у коего находился шарикъ, обѣдалъ, какъ говорилось у насъ, наизустъ. Симъ способомъ употребленіе Французскаго языка было весьма успѣшно, какъ для меня, такъ и для многихъ моихъ товарищей.

Въ сіе время мѣсто главнаго директора корпуса графа Де-Бальмена заступилъ графъ Ангальтъ-Дессау. Управленіе корпусомъ сего добродѣтельнаго и весьма просвѣщеннаго сановника было весьма благодѣтельно для сего общеполезнаго и обширнаго заведенія. Графъ Ангальтъ посвятилъ его благосостоянію неусыпное и, можно сказать, отеческое попеченіе; онъ посѣщалъ ежедневно корпусъ въ неопредѣленные часы и входилъ во всѣ подробности, какъ хозяйственныхъ, такъ и учебныхъ распоряженій. Но главное вниманіе свое онъ обращалъ на возбужденіе въ кадетахъ охоты къ чтенію поучительныхъ книгъ. На сей конецъ въ рекреаціонныхъ залахъ прибиты были къ нарочно-сдѣланнымъ столамъ разныя книги историческія, географическія и по части словесности для чтенія кадетъ въ свободные часы; стѣны увѣшаны были разнаго рода географическими и синоптическими картами. Стѣны довольно обширнаго сада испещрены были моральными сентенціями и астрономическими чертежами. Однимъ словомъ, полезныя, хотя и поверхностныя, свѣдѣнія разнаго рода бросались, такъ сказать, въ глаза ежедневно, такъ что и тѣ изъ воспитанниковъ, кои мало имѣли природнаго расположенія къ ученью, невольно пріобрѣтали нѣкоторыя познанія. Въ послѣдствіи времени изъ всѣхъ надписей или апоѳегмъ, украшавшихъ большой садъ, графъ

Ангальтъ составилъ особую книжечку, которая и была напечатана его иждивеніемъ подъ названіемъ: «Говорящая Стѣна», Muraille Parlante. Книжечка эта и теперь находится въ моей библіотекѣ.

Въ теченіе сего третьяго трехъ-лѣтія, я сдѣлалъ значительные успѣхи въ разныхъ предметахъ. Вкусъ къ занятіямъ ума во мнѣ усилился; поведеніе мое было также порядочное, такъ что я былъ уже на счету хорошихъ воспитанниковъ и не помню, чтобы я былъ когда-либо наказанъ тѣлесно. Въ третьемъ возрастѣ ознакомился я съ многими кадетскими шалостями противъ начальниковъ и учителей, но принималъ въ нихъ весьма мало участія.

1791 по 1794. Переходъ изъ третьяго въ четвертый возрастъ отличался многими важными перемѣнами въ нашемъ воспитаніи. Оно приняло направленіе рѣшительно военное: одежда, дисциплина, упражненіе, за исключеніемъ учебныхъ часовъ, все перемѣнилось; вмѣсто одноцвѣтныхъ кафтановъ сѣраго цвѣта, замѣнившихъ голубые втораго возраста, насъ одѣли въ мундиры зеленаго цвѣта: начали учить фехтованію, волтижировкѣ и другимъ гимнастическимъ упражненіямъ, свойственнымъ воспитанникамъ, готовящимся къ военной службѣ. Въ жизни каждаго человѣка переходъ изъ младенчества въ юношество или, такъ сказать, въ первую молодость весьма важенъ. По совершеніи сего перехода добрыя и худыя наши качества развертываются и дѣлаются видными. Я испыталъ это надъ самимъ собою. Въ четвертомъ возрастѣ, успѣхи мои въ наукахъ по части словесности возбудили во мнѣ неумѣренное самолюбіе и нѣкоторую раздражительность въ нравѣ, которая навлекла на меня много огорченій и уничиженій со стороны моихъ товарищей. Будучи отъ природы наклоненъ къ лѣности, какъ и весьма многіе изъ Малороссіянъ, я читалъ много, думалъ много, но весьма мало размышлялъ, теряясь въ какихъ-то облачныхъ умозрѣніяхъ безъ цѣли. Я помню однакожъ, что чувство всего честнаго и благороднаго наполняло душу мою. Я гнушался всякою подлостію, а всякая жестокость или несправедливость начальниковъ или товарищей возбуждали во мнѣ сильное негодованіе. Здѣсь я долженъ упомянуть, что тѣлесная сила между кадетами нерѣдко отягощалась надъ слабыми; но и тутъ нерѣдко случалось, что другой силачъ изъ кадетъ заступался за слабаго.

Успѣхи мои въ математическихъ наукахъ, рисованіи, гимнастическихъ упражненіяхъ, были весьма неудовлетворительны: сіи послѣдніе по причинѣ моей боязливости, а первые по природной неспособности и неловкости. Мнѣ удавалось только то, что̀ требовало чтенія и памяти. Я не долженъ также умолчать, что въ сіе время я утратилъ первую чистоту нравовъ, что̀ въ послѣдствіи моей жизни

оказалось великимъ для меня несчастіемъ. Вотъ все, что̀ я могу припомнить о сей эпохѣ бытности моей въ корпусѣ.

Мнѣ остается отдать краткій отчетъ о послѣднихъ трехъ годахъ моего воспитанія.

Я поступилъ въ пятый возрастъ въ 1794 году, а въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1796 года, три недѣли послѣ смерти императрицы Екатерины II, я вступилъ въ дѣйствительную службу поручикомъ въ свиту Государя по квартирмейстерской части. Мнѣ было тогда 18 съ половиною лѣтъ. Между шестью товарищами моими, въ одно время со мною вышедшими изъ корпуса, въ одномъ чинѣ и въ одну службу, былъ покойный генералъ отъ инфантеріи графъ Карлъ Өедоровичъ Толь.

Я не припомню ничего особеннаго и до меня касающагося въ теченіе сего трехъ-лѣтняго моего воспитанія. Я продолжалъ съ успѣхомъ тѣ изъ наукъ, кои болѣе соотвѣтствовали природнымъ моимъ наклонностямъ, о коихъ было выше говорено. Поведеніе мое было также порядочное; я считался однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ моего возраста и въ 1795 году произведенъ въ сержанты первой роты. Въ это время скончался ко всеобщему нашему сожалѣнію графъ Ангальтъ-Дессаускій, вельможа обширнаго ума и высокой добродѣтели; мѣсто его заступилъ бывшій тогда генералъ-поручикомъ Михайла Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, прославленный потомъ Турецкою и отечественною войною 1810—1812 годовъ.

Новый директоръ не занимался столь подробно корпусомъ, но былъ ко мнѣ особенно милостивъ, хотя онъ обращалъ предпочтительное вниманіе на математическія науки, въ коихъ я не первенствовалъ. Я помню, что въ это время желаніе быть на свободѣ, т. е. выйти изъ корпуса, сдѣлалось во мнѣ столь сильно, что овладѣло всѣми моими мыслями. Во время уединенныхъ моихъ прогулокъ въ кадетскомъ саду, я ни о чемъ другомъ не думалъ: строилъ воздушные за́мки, кои одинъ за другимъ исчезали, составлялъ планы для будущей жизни, изъ коихъ ни одинъ потомъ не могъ исполниться, питался суетными надеждами, кои не осуществились, а оставили только въ душѣ пустоту, которую могъ бы я лучше наполнить помыслами болѣе полезными для молодаго и весьма бѣднаго человѣка, стоявшаго уже на порогѣ дѣятельной жизни. Вмѣсто того, чтобъ укрѣплять себя въ полезныхъ познаніяхъ, мною уже поверхностно пріобрѣтенныхъ, я бредилъ о невозможномъ.

Наконецъ, наступилъ часъ освобожденія. 6-го Ноября 1796, безсмертной памяти, императрица Екатерина II скончалась; законный наслѣдникъ императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, чрезъ нѣсколько дней, посѣтилъ нашъ корпусъ и осматривалъ его во всѣхъ

подробностяхъ, не исключая даже и отхожихъ мѣстъ. Послѣ втораго или третьяго посѣщенія и какъ помню въ вечеру, когда я находился въ чертежномъ классѣ (т. е. классѣ ситуаціи) Государь Императоръ прибылъ и, осмотрѣвъ чертежи нѣкоторыхъ кадетъ, въ томъ числѣ и мои, весьма посредственные, приказалъ выпустить на службу пятерыхъ первыхъ воспитанниковъ. Хотя я считался вторымъ, если не первымъ, но едва не былъ исключенъ изъ списка выпуска, единственно по той причинѣ, что не отличался въ чертежахъ перомъ. Но М. Л. Голенищевъ-Кутузовъ, принимая живѣйшее участіе въ моемъ огорченіи отъ претерпѣваемой мною несправедливости, вошелъ немедленно съ особымъ докладомъ къ Государю, вслѣдствіе коего я былъ включенъ въ число выпускаемыхъ кадетъ, числомъ шесть. Высочайшимъ приказомъ 26-го Ноября 1796 мы были произведены въ поручики и поступили въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части,—учрежденіе новое, коего мы были первые офицеры и изъ коего въ царствованіе императора Александра образовался Главный Штабъ. Такъ кончилось, къ немалой моей радости, болѣе нежели четырнадцать лѣтъ продолжавшееся мое воспитаніе.

Мнѣ было 18 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Я оставилъ корпусъ съ нѣкоторою начитанностію въ Русской и Французской словесности, съ нѣкоторыми полупознаніями въ разныхъ наукахъ, съ несоразмѣрнымъ моему новому положенію самолюбіемъ и съ довольно испорченными нравами, но съ честными правилами, кои сохранилъ, благодаря Бога, по сей день, не взирая на крайнюю мою бѣдность при вступленіи моемъ на свѣтское поприще, не взирая также на сильное желаніе поставить себя въ лучшее положеніе относительно денежныхъ моихъ способовъ. Можетъ быть, недоставало мнѣ только случаевъ поколебаться въ моихъ правилахъ; можетъ быть, природная моя лѣность избавляла меня отъ всякихъ покушеній на непозволительные прибытки; но я могу однакожъ смѣло сказать, не опасаясь упрековъ совѣсти, что я всегда гнушался корыстолюбіемъ и въ семъ отношеніи былъ всегда чистъ. Воспитаніе мое въ корпусѣ не оставило въ душѣ моей никакихъ пріятныхъ впечатлѣній; я никогда не сожалѣлъ о проведенномъ мною тамъ времени; даже, когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, по вступленіи моемъ въ свѣтъ, случалось мнѣ видѣть во снѣ, что я еще въ корпусѣ, я радовался, открывая глаза, разсѣянію призрака: такъ сильно въ людяхъ стремленіе къ личной свободѣ.

Я долженъ однакожъ упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ лицахъ, даже давно умершихъ, коихъ обращеніе со мною возбудило въ душѣ моей чувство глубокой благодарности, которую и понынѣ къ памяти ихъ питаю. Г. Жакино обходился со мною всегда кротко, ласково и при-

нималъ меня въ своихъ комнатахъ, гдѣ давалъ мнѣ книги. Въ третьемъ возрастѣ поручикъ Ранефтъ, несвѣдущій, но рѣдкой доброты человѣкъ, нерѣдко смягчалъ мою вспыльчивость своею кротостію, когда могъ употребить заслуженную мною строгость. Въ третьемъ и четвертомъ возрастахъ ротный мой начальникъ П. М. Арсеньевъ, капитанъ другой роты Н. А. Цызыревъ, поручикъ И. С. Набоковъ, учитель Французскаго языка, умершій за два года предъ симъ здѣсь д. с. с. Д. Х. Стратоновичъ, оказывали мнѣ всегда много благодѣянія. Но болѣе всѣхъ я помню ласки и сердечное доброжелательство воспитавшагося въ одно время со мною, но въ высшихъ классахъ, Терентія Петровича Черныша, душевнаго друга и товарища покойнаго моего брата Михайла, Черныша, умершаго преждевременно въ Малороссіи на 32-мъ году. По вступленіи моемъ въ службу, онъ былъ моимъ покровителемъ и благодѣтелемъ, какъ о томъ будетъ упомянуто ниже.

Между одноклассными моими товарищами, съ коими я былъ наиболѣе друженъ, я назову В. И. Оленина и Парамонова, коего имени и отечества не помню. Оленинъ вскорѣ сдѣлался извѣстенъ въ арміи, какъ отличной храбрости кавалерійскій офицеръ и за полученными на Аустерлицкомъ сраженіи ранами принужденъ былъ на нѣкоторое время оставить службу. Бѣдный Парамоновъ окончилъ печальнымъ образомъ жизнь предъ самымъ выходомъ своимъ изъ корпуса. Вотъ какъ это случилось. Вскорѣ послѣ моего выпуска былъ другой, довольно многочисленный. Парамоновъ, находившійся, какъ и я, болѣе четырнадцати лѣтъ въ корпусѣ, но весьма отставшій во всѣхъ наукахъ, опять не попалъ въ выпускъ. По кадетскому чувству мнѣ извѣстно было, сколь глубоко Парамоновъ долженъ былъ быть пораженъ сею неудачею, и я часто навѣщалъ его. Наканунѣ его самоубійства, я долго гулялъ съ нимъ въ кадетскомъ саду, стараясь всячески утѣшить и успокоить его. Онъ, по привычкѣ весьма молчаливый, не отвѣчалъ ничего, такъ что я не могъ замѣтить, чтобъ въ душѣ его таилось столь отчаянное намѣреніе. Но на другой день, изготовившись къ выступу въ караулъ, Парамоновъ застрѣлилъ себя изъ своего ружья, заряженнаго пулею, которую, какъ мнѣ сказывали въ корпусѣ, видѣли въ его рукахъ за нѣсколько дней до его смерти и которую будто бы тщательно онъ отдѣлывалъ. Прибѣжавъ поспѣшно въ корпусъ, я не нашелъ уже тѣла несчастнаго страдальца, но видѣлъ на потолкѣ дѣйствіе пули, прекратившей жизнь его. Плачевная кончина Парамонова сильно меня поразила: я очень любилъ его за доброту сердца и кротость его нрава. Качества ума и нрава были совершенно противуположны: онъ учился весьма плохо, а я съ нѣкоторымъ успѣхомъ; онъ былъ истинный агнецъ душею, а я весьма

вспыльчивъ, самолюбивъ и скоръ. Со всѣмъ тѣмъ мы всегда искали другъ друга и, что̀ покажется странно, но нерѣдко случалось, мы по цѣлымъ часамъ гуляли въ саду, не произнеся ни одного слова. Миръ праху твоему, добрый, кроткій Парамоновъ!

Здѣсь помѣщу я нѣкоторыя мои мысли о частномъ и общественномъ воспитаніи и вообще о преимуществахъ частнаго (домашняго), или общественнаго воспитанія въ отношеніи, какъ къ обученію, такъ и къ нравственному образованію. Много было издано какъ педагогическихъ, такъ и чисто-эстетическихъ сочиненій. Мнѣ кажется, и я конечно не первый дѣлаю это замѣчаніе, что для 9/10 частей жителей всѣхъ извѣстныхъ земель, куда проникло просвѣщеніе, этотъ вопросъ разрѣшается закономъ необходимости. Домашнее воспитаніе возможно только для людей пользующихся значительнымъ достаткомъ, ибо для воспитанія и обученія двухъ, трехъ, четырехъ дѣтей, необходимо нужно имѣть наставниковъ, наставницъ и разныхъ учителей, требующихъ большихъ издержекъ. По сей одной причинѣ домашнее воспитаніе недоступно для того многочисленнаго класса людей, снискивающихъ пропитаніе работою рукъ своихъ, т.-е. земледѣльцевъ, ремесленниковъ, мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ чиновниковъ. Къ нимъ присоединить надобно многочисленный вездѣ классъ людей, имѣющихъ независимый, но весьма умѣренный достатокъ, не позволяющій имъ воспитывать дѣтей до́ма. Разсмотримъ теперь вкратцѣ выгоды и неудобства того и другаго воспитанія. Нѣтъ сомнѣнія, что при неусыпномъ надзорѣ родителей за дѣтьми и наставниками ихъ достигается одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ благоразумнаго воспитанія: я разумѣю укрѣпленіе здоровья и постепенное развитіе силъ тѣлесныхъ, предметъ весьма важный для будущности питомцевъ. Сверхъ сего, замѣтить должно, что бдительный и обдуманный надзоръ родителей за ходомъ воспитанія и развивающимся характеромъ дѣтей и склонностями ихъ пріуготовляетъ къ утвержденію ихъ въ нравственности. Но сей успѣхъ является весьма рѣдко. Я знаю весьма многихъ молодыхъ людей, воспитанныхъ до́ма богатыми родителями, со всѣми изысканностями заботливой родительской любви, основательно обученныхъ, но ознакомленныхъ еще въ домѣ родителей съ нечистыми привычками, сообщенными имъ домашнею прислугою. Упоминая о выгодахъ домашняго воспитанія, слѣдуетъ присовокупить, что въ домашнемъ воспитаніи чувства привязанности и любви родителей къ дѣтямъ и сихъ послѣднихъ къ родителямъ, чувства, кои служатъ одною изъ главныхъ подпоръ общественной нравственности, сохраняются лучше нежели въ публичныхъ заведеніяхъ. Но и тутъ потребны со стороны родителей особенное вниманіе

и прозорливый надзоръ надъ питомцами и наставниками ихъ; въ противномъ случаѣ безразсудная нѣжность къ дѣтямъ, сопровождаемая всегда потачкою къ ихъ порочнымъ наклонностямъ, заглушаетъ въ сердцахъ юношей природныя чувства любви и должной виновникамъ своего бытія благодарности. Нерѣдко также случается, что порочные наставники, употребляя во зло неограниченную довѣренность ослѣпленныхъ родителей, сообщаютъ своимъ питомцамъ вредныя свои правила и подаютъ имъ еще болѣе вредные примѣры. Одинъ глубокомысленный, но весьма мало написавшій Французскій мыслитель (Vauvenargues), умершій въ молодыхъ лѣтахъ, сказалъ: L'ingratitude la plus ancienne, la plus commune et la plus odieuse est celle des enfants envers leurs parents *). Мнѣ извѣстны и многіе примѣры, подтверждающіе справедливость этой мысли. Въ публичныхъ заведеніяхъ родственныя связи должны неминуемо болѣе ослабѣвать; иначе и быть не можетъ. Большая часть родителей пріѣзжаютъ сюда изъ отдаленныхъ губерній и, помѣстивъ своихъ дѣтей въ публичныхъ заведеніяхъ, возвращаются домой, за неимѣніемъ способовъ оставаться въ столицѣ до окончанія воспитанія своихъ дѣтей, коихъ они не видятъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Я считаю этотъ недостатокъ весьма важнымъ для нравственнаго образованія питомцевъ. Недостатокъ личнаго за каждымъ воспитанникомъ надзора, касательно тѣлесной чистоты, былъ въ мое время весьма ощутителенъ: шолуди, парши и другія накожныя болѣзни были у насъ весьма часты. Это зло въ домашнемъ воспитаніи легко предупреждается. Что-жъ касается до недостатка въ подобномъ надзорѣ за нравственнымъ образованіемъ воспитанниковъ, то онъ отчасти вознаграждался взаимнымъ надзоромъ ихъ между собою. Многія шалости считались молодечествомъ, какъ-то: похищеніе изъ общей кухни съѣстныхъ припасовъ и даже книгъ изъ корпусной библіотеки, заговоры противъ учителей и воспитателей и уготовляемыя имъ разныя козни съ немалою для нихъ опасностію. Но тоже общее мнѣніе безъ пощады преслѣдовало наушничество, кражу денегъ или нужныхъ вещей, ободряло твердость духа товарища, оттерпѣвшаго тѣлесное наказаніе, иногда весьма неумѣренно удѣляемое, безъ стона или слезъ. Чувство благородной самостоятельности и отвращеніе ко всякой подлости отличали многихъ воспитанниковъ, когда они поступали на служебное поприще и, что̀ странно покажется, нѣкоторые изъ нихъ были первокласными шалунами и

---

*) Самая древняя, самая обыкновенная и самая противная неблагодарность есть та, которую питаютъ дѣти къ своимъ родителямъ.

удальцами во время нахожденія ихъ въ корпусѣ. Къ выгодамъ публичнаго воспитанія причислить можно также духъ соревнованія, возбуждаемый всегда между многочисленными соучениками публичными испытаніями. Въ домашнемъ воспитаніи соревнованіе весьма ограниченно и не можетъ имѣть равнаго вліянія. Соображая то и другое воспитаніе, рѣшительно даю предпочтеніе первому.

Есть еще другой родъ воспитанія, соединяющій въ себѣ выгоды первыхъ двухъ родовъ и въ меньшей мѣрѣ причастный къ ихъ неудобствамъ. Я говорю о тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подобныхъ С.-Петербургской Петровской Лютеранской школѣ, гдѣ питомцы не остаются безвыходно, а приходятъ только въ учебные часы и потомъ возвращаются къ своимъ родителямъ для обѣда и ночлега. Таковое воспитаніе, полупубличное и полудомашнее, соединяетъ всѣ выгоды первыхъ двухъ системъ воспитанія, выше замѣченныя. Но оно не соотвѣтствуетъ большей части Русскаго юношества, готовящагося къ военной службѣ. Въ военныхъ заведеніяхъ, размножившихся въ послѣдніе десятилѣтія и разсѣянныхъ по всему пространству Россіи, физическое воспитаніе, т.-е. опрятность, пища, значительно улучшилось. Надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ и дисциплина также представляютъ желаемое улучшеніе. Извѣстно уже всѣмъ, что всѣ кадетскіе корпуса вошли въ составъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

По вступленіи моемъ въ службу я вскорѣ имѣлъ честь быть представленнымъ вмѣстѣ съ выпущенными со мною корпусными товарищами императору Павлу I-му на парадѣ и цѣловалъ руку его величества. Прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ образовались постоянныя занятія нашего штаба; я былъ безъ всякаго дѣла, но ходилъ ежедневно на парадъ. Свободное время проводилъ я по большей части въ домѣ моихъ благодѣтелей Г. П. Кондоиди и сестры его княгини Е. П. Гагариной, душевнаго друга моей матери. Тамъ принимали меня всегда радушно. Я посѣщалъ также другаго моего благодѣтеля Т. П. Черныша, который состоялъ уже тогда въ значительномъ чинѣ при управляющемъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ графѣ (послѣ князѣ) А. А. Безбородкѣ. Но, наслаждаясь такимъ образомъ личною свободою, я началъ притерпѣвать недостатки бѣдности. При выпускѣ моемъ изъ корпуса, я получилъ отъ матери небольшое количество бѣлья, а отъ корпуснаго начальства довольно грубую обмундировку и сто рублей ассигнаціями, съ коими и долженъ былъ содержать себя до первой трети поруческаго жалованья. Милость конечно великая для бѣднаго молодаго офицера, получившаго уже безденежное воспитаніе, а потому не имѣющаго никакого права на болѣе щедрое воздаяніе.

Но со всѣмъ тѣмъ положеніе мое было очень стѣснительно. Не получая изъ родительскаго дома никакого денежнаго вспоможенія, я скоро издержалъ денежный запасъ на самыя необходимыя потребности перваго заведенія. Чтобъ дать понятіе о тогдашнемъ моемъ положеніи, довольно будетъ знать, что квартира моя вмѣстѣ съ четырьмя моими товарищами, Толемъ и двумя Бибиковыми, состояла изъ двухъ комнатъ и общей съ хозяиномъ дома и семействомъ его передней. Она находилась въ заднемъ переулкѣ кадетской линіи, на Васильевскомъ острову, и была слѣдовательно весьма дешевая, но я цѣны не помню. Завтракъ мой состоялъ изъ двукопѣечной булки и стакана молока, обѣдъ мой и моихъ товарищей состоялъ изъ Русскихъ щей съ говядиною и гречневой каши, за который мы платили, по три рубля въ мѣсяцъ каждый отставному барабанщику кадетскаго корпуса. Пожитки мои состояли изъ кровати, двухъ стульевъ, стола и изъ некрашеннаго дерева сундука. Такъ прошло все время военной моей службы до начала 1798 года.

Я ходилъ ежедневно въ учрежденную для насъ чертежную, гдѣ мы занимались снятіемъ, т.-е. спискомъ съ прежде составленныхъ топографическихъ плановъ: занятіе совершенно противное моимъ способностямъ, такъ что снятыя мною копіи никуда не годились, а подлинные планы оказались испорченными. Самолюбіе мое страдало и возродило во мнѣ желаніе непреодолимое перемѣнить службу въ теченіе 1798 года. Я получилъ отпускъ на 28-мь дней и посѣтилъ въ первый разъ Малороссію, мою отчизну. Полтавской губерніи, въ сельцѣ Аксютинцахъ, отстоящемъ отъ уѣзднаго города Роменъ въ 10-ти верстахъ, я нашелъ добрую, кроткую мою мать и престарѣлую мою тетку. Они жили въ тѣсной Малороссійской хатѣ, послѣ пожара, истребившаго не задолго предъ тѣмъ господскій домъ и всѣ запасы разнаго рода, накопленные для насъ въ теченіи многихъ лѣтъ бережливою нашею матерью. Я видѣлъ повсюду бѣдность и никакой для переда надежды къ поправленію семейственныхъ нашихъ дѣлъ: въ книгѣ судебъ Божіихъ мы были обречены на бѣдность. Свиданіе мое съ матерью и съ старшимъ братомъ Александромъ, который, оставя службу за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, былъ женатъ и жилъ въ Ромнахъ, возбудило во мнѣ прежнія родственныя чувства; но не менѣе того краткое мое пребываніе въ Аксютинцахъ было весьма скучное не только отъ утомительнаго единообразія, но и отъ совершеннаго недостатка движенія на воздухѣ. При нашей хатѣ не было не только садика, но даже огорода, а зима и глубокій снѣгъ были на дворѣ. Мать моя проводила большую часть дня въ молитвѣ, а престарѣлая и страждующая моя тетка рѣдко покидала свою постель. Вотъ почему мнѣ весьма

было пріятно, когда навѣщалъ меня братъ Александръ съ женою, или когда увозили они меня на день или на два въ городъ.

Исторія моей тетки представляетъ всѣ случайности любопытнаго романа. Она была гораздо старѣе моей матери и отъ разныхъ отцевъ или матерей. Попавшись вмѣстѣ съ своею сестрою въ плѣнъ при взятіи Очакова, она проходила изъ одной неволи въ другую. Въ теченіи многихъ лѣтъ тщетныхъ розысканій, наконецъ, по открывшемуся слѣду, стараніемъ архіатера Кондоиди, она была отыскана на кухнѣ фельдмаршала графа Фермора. Тетка моя была характера сильнаго, вспыльчиваго, но благороднаго духа и весьма добраго сердца; она нѣжно любила свою сестру, которая многими годами была ея моложе, и оказывала ей большое уваженіе. Разговоры наши по вечерамъ, въ коихъ и молчаливая по привычкѣ моя мать принимала участіе, были для меня увлекательны.

Со слезами я простился съ родными, послѣ весьма краткаго съ ними пребыванія, и возвратился до истеченія срока къ своей должности въ С.-Петербургъ. Старшая моя сестра Марья Ивановна поручила мнѣ единственнаго своего сына Петра Веленина, десятилѣтняго мальчика необыкновенной красоты. Вскорѣ по прибытіи нашемъ на мѣсто, онъ былъ представленъ императору Павлу, стараніемъ брата Михаила, который находился тогда уже секретаремъ у императрицы Маріи Ѳедоровны и былъ, какъ говорятъ, въ случаѣ. Наружность Веленина сильно поразила Государя, который, осыпавъ его ласками, приказалъ опредѣлить его въ Пажескій корпусъ. Веленинъ служитъ теперь предсѣдателемъ Гродненской Казенной Палаты, въ чинѣ д. с. совѣтника; онъ обвѣшанъ знаками отличія и несетъ на себѣ не одну честную рану, полученныя имъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.

По возвращеніи моемъ въ С.-Петербургъ, нашелъ я новаго для насъ начальника въ лицѣ бывшаго изъ любимцевъ императора Павла, графа Аракчеева, человѣка сдѣлавшагося уже извѣстнымъ по своему весьма крутому и даже свирѣпому нраву и неумѣренной взыскательности. Къ усугубленію непріятности моего положенія присовокупилось еще назначеніе меня въ откомандировку въ Оренбургъ для съемки мѣстоположеній; я былъ въ отчаяніи, чувствуя совершенно неспособность къ сему дѣлу и не зная даже самаго употребленія нужныхъ для работъ сего дѣла математическихъ инструментовъ. Вліяніе брата Михайлы отклонило грозившую мнѣ бѣду. Графъ Аракчеевъ, узнавъ о родствѣ моемъ съ братомъ, приказалъ назначить на мое мѣсто другаго офицера. Освободясь отъ сей бѣды и наскучивъ донельзя безполезными моими занятіями въ штабѣ, я рѣшился, посовѣтовавшись съ родными и благодѣтелями, оставить военную службу и не замедлилъ

подать о томъ просьбу. Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ на парадѣ 26 Февраля 1798 года, я былъ переименованъ въ губернскіе секретари, для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, а 1-го Мая тогоже года поступилъ въ бывшую тогда Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ переводчикомъ, но безъ жалованья. Сею счастливою перемѣною я обязанъ былъ благодѣтелямъ моимъ Григ. Павл. Кондоиди, Терентію Петровичу Чернышу и брату Михайлѣ. Бѣдность и недостатки мои усилились; но по крайней мѣрѣ занятія мои по службѣ были мнѣ по вкусу и не превышали моихъ способностей, ибо я занимался перепискою на бѣло бумагъ и переводами съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ. Во время военнаго моего служенія я познакомился дружески съ Опперманомъ, служившимъ также въ нашемъ штабѣ по инженерной части и умершимъ, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, полнымъ генераломъ, графомъ и Андреевскимъ кавалеромъ. О немъ будетъ еще упомянуто.

По вступленіи моемъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, я не получалъ въ теченіи года никакого жалованья. Недостатки мои были столь велики, что, при наступленіи зимы съ 1798-го на 1799 годъ, я не имѣлъ вовсе теплаго платья. Т. П. Чернышъ подарилъ мнѣ синій на ваткѣ сюртукъ съ мѣховымъ воротникомъ, собственно для меня сдѣланный его портнымъ; но руки мои жестоко зябнули, ибо другихъ перчатокъ у меня не было, кромѣ лайковыхъ. Чувство бѣдности и, можно почти сказать, моей нищеты имѣло весьма вредное вліяніе на мои понятія о вещахъ и людяхъ, вліяніе, отъ котораго я не могъ совершенно освободиться въ продолженіи весьма многихъ лѣтъ. Я сталъ уважать сверхъ мѣры богатство и богатыхъ людей; но, благодаря Бога, не былъ однакожъ никогда ихъ угодникомъ. Можетъ быть, недоставало къ тому только случая. Но какъ бы то ни было, я перенесъ искушеніе бѣдности, не запятнавъ своей совѣсти.

Въ 1799-мъ году я получилъ 500 рублей жалованья и произведенъ былъ въ коллежскіе ассессоры, прослуживъ въ званіи переводчика только десять мѣсяцевъ. Положеніе мое значительно улучшилось. Въ продолженіи царствованія императора Павла, я находился безотлучно въ С.-Петербургѣ—грозное время, продолжавшееся четыре съ половиною года и окончившееся трагическимъ событіемъ, коего подробности въ главныхъ его чертахъ всѣмъ извѣстны. Въ частномъ и весьма скромномъ моемъ быту я не припомню никакого особеннаго случая; но для означенія общаго расположенія умовъ того времени я приведу здѣсь случай, въ коемъ я былъ участникомъ и могъ быть жертвою.

Это было въ 1799 или 1800 году. Въ одинъ день, когда я вышелъ изъ дома князя Безбородки, гдѣ я навѣстилъ больнаго благодѣтеля мо-

его Черныша, и поднимался вверхъ по Почтовой улицѣ къ Малой Морской, я завидѣлъ вдали ѣдущаго мнѣ на встрѣчу верхомъ Императора и съ нимъ ненавистнаго Кутайсова. Таковая встрѣча была тогда для всѣхъ предметомъ страха. Желая избѣгнуть опасности, я успѣлъ заблаговременно укрыться за деревяннымъ, обвѣтшалымъ заборомъ, который, какъ и теперь, окружалъ Исакіевскую церковь. Когда, смотря въ щель забора, я увидѣлъ проѣзжающаго Государя, то стоявшій не подалеку отъ меня инвалидъ, одинъ изъ сторожей за матеріалами, сказалъ: Вотъ-ста нашъ Пугачевъ ѣдетъ! Я, обратясь къ нему, спросилъ: «Какъ ты смѣешь такъ отзываться о своемъ Государѣ?» Онъ, поглядѣвъ на меня, безъ всякаго смущенія отвѣчалъ: «А что, баринъ, ты видно и самъ такъ думаешь, ибо прячешься отъ него.» Отвѣчать было нечего. Я вышелъ изъ засады и продолжалъ свой путь, радуясь избавленію отъ опасной встрѣчи.

Въ сіе также время я сдѣлалъ нѣкоторыя знакомства, имѣвшія сильное вліяніе на нравственное мое развитіе. Я назову только генерала Ѳ. И. Клингера и придворнаго ювелира Дюваля Якова Давыдовича и его почтенное и многочисленное семейство. Оба они были хорошіе пріятели брата моего Михайлы и приняли меня радушно. Въ домѣ Клингера я часто встрѣчался съ разными учеными людьми здѣшней столицы, пользующимися уже Европейскою извѣстностію, какъ-то: профессоромъ астрономіи Шубертомъ, Шторхомъ и другими свѣдущими людьми. Разговоры ихъ были весьма занимательны; но я не могъ принимать въ нихъ дѣятельнаго участія, по недостатку основательныхъ свѣдѣній по всѣмъ частямъ учености. Самолюбіе мое страдало отъ внутренняго сознанія поверхности даже и тѣхъ познаній, пріобрѣтенныхъ мною въ корпусѣ, коими я расположенъ былъ тщеславиться. Но въ одно время возбудилась во мнѣ вновь охота къ ученію: я принялся опять прилежно за книги и ознакомился съ Нѣмецкими. Въ домѣ генерала Клингера я провелъ много весьма пріятныхъ вечеровъ, а иногда приглашаемъ былъ къ весьма вкуснымъ обѣдамъ: обстоятельство весьма важное для бѣднаго, иногда голоднаго молодаго человѣка. Въ домѣ г-дъ Дювалей я встрѣчалъ другое, но не менѣе пріятное общество, состоявшее по большей части изъ Французовъ и Швейцарцевъ. Тутъ познакомился я съ дядею Я. Д. Дюваля г. Дюмономъ, издателемъ сочиненій политическихъ и юридическихъ Іереміи Бентама, извѣстнаго во всей Европѣ. Г. Дюмонъ, пріѣхавшій недавно изъ Лондона, былъ уже въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины и занималъ мѣсто пастора въ здѣшней протестантской церкви. Произнесенная имъ проповѣдь о эгоизмѣ, въ коей находили яко бы намеки на князя Потемкина или самую Императрицу, намеки самые чуждые его мыслямъ,

навлекли на Дюмона много непріятностей и побудили его оставить Россію и возвратиться въ Англію. Тамъ поручили ему воспитаніе нынѣшняго маркиза Лансдоуна, съ коимъ онъ путешествовалъ по Европѣ и проживалъ въ Англіи до окончанія войны въ 1815 году. Г. Дюмонъ былъ человѣкъ обширнаго ума, украшеннаго обширными и разнообразными свѣдѣніями; онъ былъ также добродѣтельный человѣкъ. Я возобновилъ знакомство мое съ нимъ въ Лондонѣ въ 1812 году, когда въ первый разъ я посѣтилъ Англію, на возвратномъ пути моемъ изъ Сѣверной Америки. Бесѣда г. Дюмона была для меня и занимательна, и поучительна.

Въ домѣ г-дъ Дювалей случилось мнѣ обѣдать съ присланнымъ отъ Наполеона адъютантомъ его Дюрокомъ, умнымъ молодымъ воиномъ съ привлекательною наружностію. Частыя сообщенія мои съ иностранцами въ домѣ Дювалей и генерала Клингера возбудили во мнѣ страстное желаніе путешествовать. Изъ всѣхъ моихъ плановъ этотъ одинъ вполнѣ осуществился въ послѣдствіи; но ни отдаленныя и продолжительныя странствія, ни преклонныя мои нынѣ лѣта, не могли совершенно погасить во мнѣ склонности къ путешествіямъ.

Въ 1799 году поступилъ я въ канцелярію бывшаго тогда вицеканцлеромъ графа Виктора Павловича, по ходатайству брата Михайлы и Т. П. Черныша. Причисленіе къ канцеляріи министра считалось тогда, какъ и теперь, большою милостію, ибо открывало путь къ мѣстамъ при миссіяхъ нашихъ въ чужихъ краяхъ, предметъ живѣйшихъ моихъ желаній. Но я недолго пользовался доставленною мнѣ выгодою. Въ концѣ сего года графъ Кочубей, лишившійся не задолго предъ симъ своего дяди и благодѣтеля канцлера князя А. А. Безбородки, впалъ также въ немилость Государя и былъ отставленъ. Я возвратился на службу въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Но въ краткое мое нахожденіе въ канцеляріи, я успѣлъ получить денежное награжденіе, изъ двухъ или трехъ сотъ рублей состоявшее, приходившееся на мою долю за трактаты, заключенные съ иностранными державами. Радость моя была чрезвычайна, ибо деньги эти послужили почти всѣ къ уплатѣ долга моего г-мъ Дювалямъ, коихъ добрымъ мнѣніемъ я весьма дорожилъ. У меня не осталось почти ничего, но я радовался, что оправдалъ, безъ всякаго отъ нихъ позыва, оказанное мнѣ довѣріе, которое было тѣмъ болѣе для меня важно, что я получалъ жалованья только пять сотъ рублей и никакихъ другихъ доходовъ не имѣлъ. Многимъ покажется невѣроятно, но оно не менѣе справедливо, что съ сего времени по настоящее время я не имѣлъ никогда долговъ, коими я всегда гнушался, не взирая на весьма стѣснительное мое положеніе. Меня поддерживала любовь къ личной независимости.

Въ теченіе 1800 года, я не вспомню ничего особеннаго. Братъ Михайла женился въ семъ году на дочери артиллеріи генерала Мордвинова Елисаветѣ Михайловнѣ. Я и братъ Аполлонъ жили вмѣстѣ въ одномъ домѣ съ новобрачными. Служба моя въ иностранной коллегіи не представляла ничего замѣчательнаго; я переводилъ и переписывалъ бумаги и былъ на счету способныхъ чиновниковъ. 1801 года съ 11 на 12 Марта скончался императоръ Павелъ I-й; всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ. Меньшій братъ мой Аполлонъ, бывшій тогда камеръ-пажемъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, долженъ былъ служить по званію своему у вечерняго стола Государя въ Михайловскомъ зàмкѣ. Возвратясь домой въ 11 часу, онъ разсказывалъ мнѣ, что за ужиномъ употребленъ былъ въ первый разъ новый фарфоровый приборъ, украшенный разными видами Михайловскаго зàмка. Государь былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи, многократно цѣловалъ рисунки на фарфорѣ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней въ его жизни. Чрезъ часъ или два его не стало! Послѣ сего разговора мы легли спать и рано утромъ были пробужены однимъ изъ нашихъ мальчиковъ, который намъ объявилъ, къ сильному нашему удивленію, что Государь скончался и что гвардейскіе полки присягаютъ новому Государю на Дворцовой площади. Сошедъ на дворъ къ воротамъ, мы дѣйствительно увидѣли всю площадь покрытую войсками и слышали радостныя ихъ восклицанія. Въ теченіи дня весь городъ былъ въ движеніи, радость была общая. Нельзя однакожъ не сознаться, что положеніе дѣлъ въ послѣдніе годы царствованія Павла I-го было для всѣхъ состояній нестерпимо и могло, наконецъ, возбудить общій бунтъ, коего послѣдствія исчислить не можно. Но объ этомъ предоставляемъ исторіи объяснить подробнѣе.

На второй и третій день трагическаго происшествія я ходилъ въ Михайловскій зàмокъ съ генераломъ Клингеромъ и его сыномъ, которому было тогда отъ 13 до 14 лѣтъ. Вошедъ въ большую залу, мы увидѣли у дверей другой комнаты, въ которую намъ слѣдовало войти, стоявшаго генерала Бенигсена. Юноша, увидѣвъ его, сказалъ: Вотъ нашъ Тезей, скоро мы увидимъ Минотавра. Острыя, но дерзкія слова, за которыя отецъ строго пожурилъ юношу. Вошедъ въ комнату, гдѣ лежало тѣло императора, мы нашли оное лежащимъ въ мундирѣ на походной кровати...

Въ самый первый день новаго царствованія показались на улицахъ круглыя шляпы и фраки, строго до того запрещенные, хотя разрѣшенія не могло еще послѣдовать; полагать можно, что для многихъ, мало разсуждающихъ о государственныхъ переворотахъ, перемѣна одежды была главнымъ наслажденіемъ въ послѣдовавшемъ событіи. Я долженъ

также замѣтить, что природа, какъ бы участвуя въ общей радости, измѣнилась въ погодѣ, которая, бывъ до 12 Марта сырая и пасмурная, совершенно прояснилась и продолжалась прекрасною въ теченіи многихъ недѣль.

Въ теченіи 1801 года я лишился благодѣтеля и, могу сказать, друга Т. П. Черныша. Сія потеря сильно меня опечалила, такъ что и теперь, по прошествіи болѣе 40 лѣтъ, я съ грустію о ней вспоминаю. Когда покровитель Черныша князь Безбородко скончался, Чернышъ поступилъ товарищемъ къ брату Михаилу по дѣламъ при особѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны; но закоснѣлая болѣзнь, снѣдавшая его съ нѣкотораго времени, понудила его вскорѣ ѣхать для леченія въ Малороссію, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ умеръ. Старшій братъ мой Александръ находился при немъ въ послѣднія его минуты. Онъ любилъ душевно брата моего Михайлу и хотѣлъ передать ему все свое достояніе; но братъ Александръ отсовѣтовалъ ему приступать къ тому, увѣривъ его, что братъ Михаилъ не приметъ этого дара. Я не упомню болѣе ничего особеннаго въ теченіи сего года до меня относящагося, а потому и приступлю къ воспоминаніямъ слѣдующаго 1802 года.

1802 г. Сей годъ весьма для меня памятенъ, ибо въ началѣ онаго я началъ дѣятельное свое дипломатическое поприще. Въ началѣ сего года императрица Марія Ѳеодоровна, въ слѣдствіе весьма распространившихся ея занятій по богоугоднымъ и воспитательнымъ заведеніямъ, поручила брату Михаилу избрать себѣ товарища на мѣсто покойнаго его друга, а моего благодѣтеля Черныша. Братъ, объясняясь со мною по этому предмету, говорилъ, что первая его мысль обратилась на меня, но что онъ нужнымъ считалъ предварить меня, что онъ не намѣренъ былъ долго оставаться при Императрицѣ, что по оставленіи имъ своего мѣста положеніе мое сдѣлается мало пріятнымъ; что занятія мои будутъ многочисленныя, но по существу своему мелочныя и весьма скучныя, никакой пищи для ума не доставляющія. Братъ присовокупилъ, что Елисавета Ивановна Ланская, предполагая, что я, можетъ быть, не пожелаю упраздненнаго мѣста, просила онаго для роднаго своего брата Григорья Ивановича Виллямова (служившаго тогда въ чинѣ коллежскаго ассессора при нашей Стокгольмской миссіи канцелярскимъ служителемъ и умершаго за два года предъ симъ въ чинѣ дѣйст. тайн. совѣт., членомъ Совѣта и почти всѣхъ орденовъ кавалеромъ). Въ заключеніе, братъ объявилъ мнѣ, что если, не взирая на все его разсужденіе, я пожелаю означеннаго мѣста, онъ готовъ представить о томъ Императрицѣ. Подумавъ о семъ дѣлѣ нѣкоторое время, я рѣшительно отъ сего мѣста отказался и по-

желалъ замѣнить Вилламова, что̀ въ скоромъ времени и послѣдовало. Хотя я и отказался отъ весьма выгоднаго мѣста (какъ успѣхи Вилламова по службѣ то достаточно доказали), но я не помню, чтобъ я когда-нибудь сожалѣлъ о принятомъ мною намѣреніи, хотя послѣдовавшее мое служебное поприще было сопряжено съ немалыми трудностями и постоянною бѣдностію. Вся тайна состояла въ томъ, что я не чувствовалъ въ себѣ способности къ придворной жизни и всегдашней готовности къ письменной работѣ по первому мановенію.

Въ началѣ сего года братъ мой Михайла лишился своей жены, умершей въ родахъ втораго сына и послѣ двухлѣтняго брака. Печаль его была неограниченная, ибо онъ упрекалъ себя, хотя вовсе напрасно, въ оплошности по сему несчастному случаю. Вся вина, если и была какая-либо вина, падала на акушера доктора Суттофа.

Между тѣмъ я опредѣленъ былъ на мѣсто Вилламова вторымъ канцелярскимъ служителемъ при миссіи нашей въ Стокгольмѣ, куда я и отправился въ Мартѣ мѣсяцѣ. Путешествіе было весьма трудное, даже опасное и продолжалось 17-ть дней. Переѣздъ чрезъ Ботническій заливъ и Аландскіе острова представлялъ ежеминутныя опасности, по причинѣ пловучихъ льдинъ, спершихся между нѣкоторыми островами и нудившихъ насъ переходить съ острова на островъ по хрупкому льду, имѣя въ рукахъ большіе шесты для ощупи льда, а тѣло перепоясавъ веревкою и двигая передъ собою лодку, въ которую и садились тамъ, гдѣ находили свободныя отъ льда мѣста. На одномъ изъ сихъ переѣздовъ сильный вѣтеръ и пловущія льдины принудили насъ причалить къ пустому и голому острову, гдѣ и провели мы ночь безъ всякаго крова; къ счастію нашему, мы нашли на сей скалѣ нѣсколько дерева, которое и употребили на разведеніе порядочнаго огня, посредствомъ коего могли въ теченіе ночи выдержать весьма чувствительную весеннюю стужу.

Начальникъ миссіи нашей въ Стокгольмѣ былъ тогда надворный совѣтникъ Давыдъ Давыдовичъ Алопеусъ (умершій за нѣсколько предъ симъ лѣтъ посланникомъ нашимъ въ Берлинѣ въ чинѣ д. т. с. съ графскимъ титуломъ). Алопеусъ принялъ меня весьма вѣжливо и часто приглашалъ къ своимъ весьма изысканнымъ обѣдамъ.

Но благовидныя наши сношенія недолго продолжались. Напрягая свою память, я не могу и теперь опредѣлить причины сей перемѣны и приведу здѣсь однѣ только мои догадки. Быть можетъ, что Алопеусъ, не пріобрѣтшій тогда никакой по службѣ извѣстности, зная, что я имѣлъ въ братѣ Михаилѣ довольно значительнаго заступника, не могъ увѣриться, чтобъ я рѣшился принять мѣсто втораго канцелярскаго служителя безъ особенныхъ видовъ, могущихъ быть для него

вредными, восчувствовалъ ко мнѣ недовѣріе и счелъ нужнымъ принять свои противъ меня предосторожности. Приглашенія его сдѣлались весьма рѣдкими; всю довѣренность свою и явное предпочтеніе началъ онъ оказывать старшему моему товарищу Семенову, сыну поселившагося въ Стокгольмѣ Русскаго купца Семенова и роднаго брата жены Вилламова.

Это неблаговоленіе ко мнѣ Алопеуса имѣло еще особенную причину: жена товарища моего Семенова, молодая и весьма миловидная Шотландка, вышедшая замужъ по крайней бѣдности, возбудила въ нашемъ начальникѣ любострастныя желанія. Онъ волочился за нею съ большимъ постоянствомъ и, наконецъ, успѣлъ достигнуть своей цѣли, не взирая на весьма непривлекательную свою наружность. Сильная до отвратительности склонность къ пьянству мужа обольщенной Алопеусомъ женщины много способствовала къ ея паденію; предпочтеніе же сего послѣдняго обманутому мужу получало нѣкоторый видъ справедливости отъ рѣшительной поверхности Семенова надо мною въ канцелярскихъ занятіяхъ: онъ писалъ или переписывалъ красиво и безошибочно, шифровалъ также скоро, и во всѣхъ канцелярскихъ продѣлкахъ, какъ-то веденіи журнала, печатаніи пакетовъ и отправленіи почты имѣлъ онъ большой навыкъ и былъ въ служебныхъ занятіяхъ гораздо полезнѣе меня. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ Семеновъ, при кроткомъ своемъ нравѣ, былъ совершенно ничтожный человѣкъ и закоснѣлый пьяница. Я долженъ здѣсь упомянуть о другой причинѣ разлада моего съ Алопеусомъ. Бывшій тогда въ Стокгольмѣ генеральнымъ консуломъ Ипполитъ Ѳедоровичъ Болкуновъ, человѣкъ желчнаго сложенія и сварливаго нрава, но самой строгой честности, жилъ также въ несогласіи съ Алопеусомъ еще до моего туда пріѣзда. Видя себя въ нѣкоторой опалѣ при своемъ начальникѣ, я сблизился съ Болкуновымъ по естественному побужденію человѣческаго сердца и бывалъ у него часто. Это обстоятельство усилило неблагорасположеніе ко мнѣ Алопеуса. Однакоже оно не помѣшало мнѣ свести нѣкоторыя пріятныя знакомства какъ въ дипломатическомъ корпусѣ, такъ и между жителями Шведской столицы. Между первыми я упомяну почтеннаго старца г. Бургоаня, извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своему описанію Гишпаніи и другимъ сочиненіямъ; онъ былъ Французскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ. Онъ былъ всѣми уважаемъ какъ по своимъ обширнымъ познаніямъ, такъ и по любезности своего обхожденія. Г. Бургоань принималъ меня всегда радушно. Я часто позволялъ себѣ съ непростительнымъ самонадѣяніемъ оспаривать сего умнаго и почтеннаго старца, не только по предметамъ Французской словесности, но и по событіямъ Французской револю-

ціи, бывшей еще тогда въ свѣжей памяти. Съ самой юности я былъ рѣшительнымъ противникомъ сего кроваваго переворота, отдаленныя послѣдствія коего недоступны были моему незрѣлому уму. Французскій министръ принималъ всегда мои сужденія весьма снисходительно, ибо политическія его мнѣнія были весьма умѣренныя и даже отзывались нѣкоторою привязанностію къ старому порядку вещей во Франціи. Когда вырывались у меня нескромныя рѣчи на счетъ тогдашняго Французскаго правительства, Бургоань останавливалъ меня словами: vous êtes un cosaque, но никогда не перемѣнялъ обхожденія своего со мною. Въ послѣдствіи окажется, что доброе расположеніе ко мнѣ Бургоаня было причиною сильныхъ для меня непріятностей по возвращеніи моемъ въ Россію и едва не уничтожило всѣ мои надежды по службѣ.

Другое знакомство мое въ Стокгольмѣ, о коемъ я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю, было въ домѣ графа Сентъ-При, отца трехъ графовъ сего имени, бывшихъ въ Россійской службѣ до возстановленія Бурбоновъ. Сей маститый старецъ, съ необыкновеннымъ умомъ и многолѣтнимъ опытомъ въ дѣлахъ, привернежъ былъ къ Россіи, какъ по милостямъ, коими былъ онъ осыпанъ императрицею Екатериною, такъ и по положенію своихъ сыновей въ Россіи. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ Русскихъ, я посѣщалъ оный два или три раза въ недѣлю и былъ всегда принимаемъ весьма благосклонно. Тутъ имѣлъ я случай познакомиться со многими Шведскими знаменитостями, какъ говорится нынѣ. Я былъ также вхожъ въ нѣкоторые Шведскіе дома средняго состоянія. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что сердце мое было дважды уязвлено двумя Шведскими красавицами. Одна изъ нихъ дѣвица Фалькъ, дочь туземнаго купца; другая, также дочь купца или гражданина, называлась Вестинъ. Вниманіе мое къ первой недолго продолжалось; но впечатлѣніе, произведенное второю, было глубокое. Дѣвица Вестинъ была рѣдкой красоты и весьма миловидна; къ несчастію, она была глухонѣмою. Но это обстоятельство усиливало мою сердечную привязанность къ ней, и я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, еслибы пребываніе мое въ Стокгольмѣ продлилось. Я часто навѣщалъ мою красавицу въ домѣ ея родителей и научился разгадывать ея рѣчи и вести съ нею разговоръ. Дѣвица Вестинъ подарила мнѣ локонъ своихъ волосъ, который я и понынѣ сохраняю. Но этотъ романъ недолго продолжался: предметъ моего сердечнаго предпочтенія, не взирая на свои болѣзненные недостатки, не замедлила быть помолвленною за одного г-на Фрелиха, лекаря Шведской службы и вскорѣ по выѣздѣ моемъ изъ Стокгольма, зимою сего же 1802 года, дѣвица Вестинъ приняла имя г-жи Фрелихъ. Въ проѣздъ мой чрезъ Стокгольмъ въ 1812 году я узналъ, что г-жа

Фрелихъ имѣла дѣтей и чрезвычайно растолстѣла. Я не видѣлъ ея, но черты ея и по сіе время пріятно рисуются въ моей памяти.

Въ теченіи лѣта я ѣздилъ въ Далекарлію осматривать тамошніе желѣзные и серебряные рудники; первые въ Данеморѣ, а другіе въ городкѣ Сила. Хотя я и спускался въ отверстія, но поѣздка сія не принесла мнѣ большой пользы, по недостатку моему въ надлежащихъ по сей части свѣдѣніяхъ. Вообще я сказать долженъ, что первый мой выѣздъ изъ отечества и годичное мое пребываніе въ Швеціи немного прибавили къ моей опытности и не ознакомили меня основательно съ симъ краемъ, заслуживающимъ по сосѣдству своему и прежнимъ событіямъ особеннаго вниманія каждаго Русскаго. Я былъ худо приготовленъ къ наблюденіямъ, не зналъ языка, безъ котораго нельзя порядочно водвориться въ Шведскомъ обществѣ и, недовольный положеніемъ своимъ при миссіи, безпрестанно горевалъ по отчизнѣ, чтó было съ моей стороны ребячество. Выше было уже сказано, что Болкуновъ былъ весьма желчнаго нрава, но примѣрной честности. Ознакомившись съ нимъ короче, мнѣ случалось получать отъ него непріятные для моего самолюбія, но полезные уроки. Такъ напримѣръ, журилъ онъ меня однажды за то, что, разсуждая съ нимъ о какомъ, не помню теперь, предметѣ по-французски, я сказалъ ему: Vous avez tort, вы неправы... Болкуновъ находилъ, что это было весьма неучтиво. Въ другой разъ, онъ замѣтилъ мнѣ, что я, разговаривая съ Прусскимъ министромъ, называю его m-r Garrach, а не m-r de Garrach, который этимъ оскорбляется. Я затвердилъ въ памяти эти замѣчанія и не впадалъ болѣе въ подобныя ошибки.

Пребываніе мое въ Стокгольмѣ едва не ознаменовалось для меня поединкомъ. Вотъ какъ случилось. Въ одинъ вечеръ я пришелъ съ Болкуновымъ въ такъ называемый иностранный клубъ; тамъ находилось весьма мало посѣтителей, и между ими г. Корреа, Португальскій повѣренный въ дѣлахъ. Я предложилъ ему играть въ вистъ; онъ сначала отказался, но чрезъ нѣсколько минутъ, подошедъ ко мнѣ и Болкунову, объявилъ, что онъ готовъ играть. Въ короткое весьма время я выигралъ всѣ три роберта. Корреа былъ крайне огорченъ и въ горячности своего гнѣва произнесъ на счетъ моего счастія въ игрѣ весьма грубыя рѣчи. Вышедъ изъ терпѣнія, я сказалъ ему, сохраняя однакожъ наружное хладнокровіе, что онъ самъ не знаетъ, чтò говоритъ. Тогда Португалецъ, подошедъ близко ко мнѣ, въ полголоса сказалъ: вы дуракъ (vous êtes un sôt). На такое оскорбленіе я не отвѣчалъ ни слова и вышелъ изъ клуба съ Болкуновымъ; но, возвратясь домой, не взирая на поздній часъ, написалъ къ г. Корреа записку, требуя отъ него обычнаго дворянскаго удовлетворенія. На

слѣдующее утро, когда я былъ еще въ постелѣ, явился ко мнѣ Корреа съ сильнѣйшими увѣреніями, что ему никогда и въ мысль не приходило называть меня дуракомъ, что вся рѣчь его относилась къ нему самому, ибо весьма глупо было съ его стороны пускаться со мною въ игру, зная постоянное мое счастіе въ картахъ, чтò отчасти имѣло основаніе. Я отвѣчалъ г. Корреа, что при произнесеніи обиды было въ клубѣ нѣсколько свидѣтелей, что я останусь совершенно доволенъ, если г. Корреа повторитъ объясненіе свое въ присутствіи г. Болкунова, на чтò онъ охотно согласился, и въ теченіе того же утра выполнилъ онъ свое обѣщаніе въ комнатѣ нашего генеральнаго консула. Такимъ образомъ кончилось миролюбно и къ полному моему удовольствію первое и послѣднее мое дѣло сего рода. Знакомство мое съ Португальскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ продолжалось по прежнему, и я часто у него обѣдалъ.

Между тѣмъ сношенія мои съ Алопеусомъ становились болѣе и болѣе непріятными. Я бывалъ у него только по почтовымъ днямъ и не получалъ отъ него никакихъ приглашеній на часто даваемые имъ обѣды и вечеринки, чѣмъ и унижалъ онъ меня въ глазахъ и Шведовъ, и дипломатовъ. Наконецъ, и тонкая нить служебныхъ обязанностей, насъ еще связывавшая, была разорвана. Въ одинъ почтовый день, когда я былъ у него, онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и съ строгимъ видомъ сказалъ мнѣ, что я слишкомъ учащаю въ домѣ Французскаго посланника, давая мнѣ выразумѣть, что это было со стороны чиновника Русской миссіи нескромно и неприлично. Я крайне оскорбился таковыми замѣчаніями и отвѣчалъ ему съ жаромъ, что мнѣ извѣстны, столько же какъ и ему, мои обязанности по службѣ и что во все пребываніе мое въ Стокгольмѣ я ничего не сдѣлалъ и не сказалъ противнаго моему долгу. Я прибавилъ въ продолженіи нашего разговора, коего вполнѣ не могу теперь припомнить, что я нахожу замѣчанія его весьма окорбительными. Послѣ сей размолвки, всякое сношеніе между нами было прервано. Наступила глубокая зима и, нѣсколько времени послѣ послѣдняго моего разговора съ Алопеусомъ, онъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ, хочу ли я ѣхать курьеромъ въ С.-Петербургъ. Я съ радостію на это согласился, не взирая на чрезвычайную суровость зимы и сопряженныя съ оною трудности пути. Стокгольмъ давно уже мнѣ опостылѣлъ, и возвращеніе въ Россію было предметомъ живѣйшихъ моихъ желаній. Чрезъ нѣсколько дней отправленіе мое было готово. Надобно было полагать, что г. Алопеусъ столько же желалъ отдѣлаться отъ меня, сколько я разлучиться съ нимъ. Онъ объявилъ мнѣ, что если проѣздъ мой и замедлится нѣсколько, съ меня взыскано не будетъ, ибо ввѣряемые

мнѣ пакеты требуютъ не столько поспѣшнаго, сколько вѣрнаго доставленія.

Наконецъ я выѣхалъ изъ Стокгольма 30 или 31 Декабря вмѣстѣ съ отправляющимся также въ С.-Петербургъ Малтійскимъ командиромъ де-Витри, вступившимъ нѣсколько лѣтъ спустя въ общество іезуитовъ. Онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, строгой честности и высокой, нѣсколько преувеличенной, набожности. Зима была жестокая; двѣ повозки наши состояли изъ открытыхъ саней. Графиня Сентъ-При, изъ дому коей мы отправились въ путь, снабдила насъ зелеными флеровыми покрывалами, для предохраненія лица отъ ознобовъ. Это средство имѣло полный успѣхъ, не взирая на необычайные, сильные морозы, коимъ мы были подвержены въ открытыхъ саняхъ. По прибытіи нашемъ въ Грисельгамъ, для переѣзда на лодкахъ въ Або, чрезъ Аландскіе острова, мы нашли, что Ботническій заливъ покрытъ повсюду густымъ и толстымъ пловучимъ льдомъ. Такимъ образомъ прямой и ближайшій путь былъ для насъ закрытъ на неопредѣленное время. Согласно даннымъ мнѣ предписаніямъ я рѣшился объѣхать заливъ и направилъ путь свой чрезъ Торнео. Дорогою командиръ де-Витри читалъ мнѣ набожныя книги на ночлегахъ и между прочими книгу Крестовый Походъ (Le chemin de la croix). Я помню, что въ Торнео, гдѣ мы ночевали, намъ подали за ужиномъ супъ изъ оленьяго мяса, жареную оленину и сыръ изъ оленьяго молока; впрочемъ, трудное наше путешествіе не сопровождалось никакими особенными случайностями. Я долженъ однакожъ упомянуть къ чести Финляндской нравственности, что, забывъ въ прилѣскѣ близъ большой дороги свои часы и замѣтивъ сію утрату въ нѣкоторомъ уже отъ того мѣста разстояніи, я по данному мнѣ тутъ же совѣту написалъ къ приходскому священнику того мѣста, гдѣ забылъ часы, прося его, буде они отыщутся, переслать ко мнѣ по адресу въ С.-Петербургъ, куда я и прибылъ благополучно около половины Генваря 1803 года. Чрезъ нѣсколько недѣль я получилъ обратно свои часы.

Такъ кончился первый мой дипломатическій опытъ. Удачи не было, но первый мой взглядъ на свѣтъ и на людей не былъ вовсе потерянъ. Въ лицѣ Алопеуса я узналъ, какими средствами сластолюбцы, даже весьма непривлекательной наружности, достигаютъ своей цѣли. Къ Шведскому народу вообще я возымѣлъ искреннее почтеніе.

По прибытіи моемъ изъ Стокгольма въ С.-Петербургъ, въ Генварѣ 1803-го года, я долженъ былъ явиться къ государственному канцлеру графу Александру Романовичу Воронцову, управлявшему тогда Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ. Мнѣ приказано было въ канцеляріи въ самый день моего пріѣзда предстать предъ симъ верховнымъ началь-

никомъ немедленно по сдачѣ моихъ депешей и въ дорожномъ платьѣ. Канцлеръ принялъ меня въ своей спальнѣ и посадилъ меня подлѣ своей постели, гдѣ онъ лежалъ, по случаю нездоровья. Это было первое мое свиданіе съ большимъ бариномъ лицемъ къ лицу. Тутъ были племянники его, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ и Дмитрій Павловичъ Татищевъ, о коемъ еще много будетъ рѣчи впереди. Канцлеръ распрашивалъ меня о Швеціи вѣроятно для того единственно, чтобы узнать мои силы и способности къ дѣлу. Послѣ довольно продолжительнаго разговора канцлеръ отпустилъ меня благосклонно. Я поступилъ опять въ число чиновниковъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и съ прежнимъ жалованьемъ по 500 рублей въ годъ; такимъ образомъ я опять вступилъ на туже самую точку, на которой стоялъ до отъѣзда въ Швецію, и вся выгода, пріобрѣтенная мною отъ сей поѣздки, ограничивалась нѣкоторымъ ознакомленіемъ съ людьми и дѣлами.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Россію Д. П. Татищевъ предложилъ мнѣ служить при немъ, на что̀ я весьма охотно согласился. Онъ былъ въ числѣ членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и пользовался полною довѣренностію канцлера; я могъ надѣяться, что посредствомъ его покровительства положеніе мое можетъ значительно улучшиться. Сначала занятія мои въ канцеляріи Татищева, состоявшей изъ одного моего лица, были ничтожныя, но въ послѣдствіи они сдѣлались довольно отяготительными; мало-по-малу дѣла, ввѣряемыя Татищеву, а отъ него мнѣ, стали умножаться и представляли особенную важность по своимъ предметамъ. Я занимался не только перепискою на бѣло важнѣйшихъ бумагъ, требовавшихъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ особенной тайны, но нерѣдко долженъ былъ составлять оныя по указаніямъ моего начальника; наиболѣе затрудняла меня шифровка и расшифровка получаемыхъ отъ нашихъ миссій въ чужихъ краяхъ депешей. Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ нерѣдко проводилъ я и поступившіе въ канцелярію цѣлыя ночи и даже праздникъ Св. Христова Воскресенія. Д. П. Татищевъ извѣстенъ какъ человѣкъ весьма умный и добрый, его считаютъ по справедливости начальникомъ очень снисходительнымъ; но занятія по службѣ съ нимъ весьма тягостны для того изъ его подчиненныхъ, который пользуется особенною его довѣренностію. Будучи отъ природы дѣятеленъ духомъ, но весьма лѣнивъ тѣломъ, онъ почти никогда не бралъ пера въ руки самъ, а давалъ словесныя приказанія на составленіе самыхъ обширныхъ бумагъ и даже лѣнился поправлять иначе какъ словесно представляемыя ему черновыя бумаги по его приказаніямъ. Но эта самая лѣность Татищева, выводившая меня нерѣдко изъ терпѣнія, была для меня полезною въ послѣдствіи, приспособивъ меня лучше къ сочиненію бумагъ

по чужимъ мыслямъ; впрочемъ я ничего не припомню особеннаго и замѣчанія достойнаго въ теченіи 1803 года.

Перелистывая написанныя предыдущія строки и заглянувъ въ лежащій подъ рукою послужной мой списокъ, выданный мнѣ при отставкѣ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, я вспомнилъ то непріятное обстоятельство, которое постигло меня въ 1803 году, а не въ 1804, какъ я полагалъ. Этотъ случай едва не разрушилъ всѣ мои надежды по службѣ, еслибы благодѣтельное участіе Д. П. Татищева въ моей судьбѣ и успѣшныя его старанія не отвратили грозившей мнѣ бѣды. Теперь, когда я оставилъ съ честію и съ полнымъ довольствомъ продолжительную мою службу, теперь, когда настигнувшая меня старость укротила во мнѣ всѣ порывы честолюбія и всѣ суетныя желанія, кои прежде наполняли мои помышленія, я съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаю оказанное мнѣ въ семъ случаѣ благодѣяніе Д. П. Татищевымъ. Я многимъ пожертвовалъ бы, чтобъ возстановить угасающее зрѣніе сего старца. Вотъ какъ это случилось.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ изъ Стокгольма, Французскій тамъ посланникъ г. Бургоань, столь благосклонно принимавшій меня въ своемъ домѣ, написалъ къ бывшему тогда здѣсь Французскому повѣренному въ дѣлахъ г. Реневалю, спрашивая его, почему онъ не пишетъ обо мнѣ ни слова, возвратившемся уже, какъ онъ знаетъ изъ газетъ, въ Россію и въ одно время отзываясь съ похвалою на мой счетъ. Это письмо было вскрыто по обыкновенію и возбудило въ умѣ императора Александра подозрѣніе на счетъ политическихъ моихъ мыслей. Въ это самое время я представленъ былъ къ чину надворнаго совѣтника, и Государь не только мнѣ отказалъ, но и приказалъ имѣть меня въ наблюденіи, а особливо сношенія мои съ Стокгольмомъ. Письма мои къ единственному моему тамъ корреспонденту были открываемы. Отъ г. Алопеуса потребованы были свѣдѣнія на счетъ моего образа мыслей и поведенія въ Стокгольмѣ. Онъ въ одной изъ своихъ депешей, которую я имѣлъ случай прочитать, оправдалъ вполнѣ и мои мысли, и мое поведеніе, но прибавилъ однакожъ въ концѣ своей депеши, что если я учащалъ въ домѣ Французскаго посланника, то это происходило отъ моего желанія блеснуть школьными моими познаніями. Канцлеръ графъ Воронцовъ съ своей стороны понуждалъ Татищева удалить меня отъ себя, какъ человѣка подозрѣваемаго Государемъ; но онъ упорно защищалъ меня и, наконецъ, сказалъ мнѣ, чтобъ я написалъ къ канцлеру оправдательное письмо, въ коемъ я изложилъ бы родъ моей жизни въ Стокгольмѣ. Написанное мною письмо было представлено Государю, и я полагаю, было прочтено съ благоволеніемъ; ибо чрезъ нѣсколько дней спустя,

я былъ произведенъ въ надворные совѣтники. Производство въ чинъ много меня порадовало и ободрило: оно положило конецъ моей опалѣ, которой причина была сначала мнѣ неизвѣстна и отъ того тѣмъ болѣе мучительна для меня. Благодаря Татищеву, надежды мои по службѣ оживились; но я не могъ не замѣтить самому себѣ, что отъ какихъ пустыхъ случайностей зависитъ часто судьба бѣдныхъ чиновниковъ. Такъ кончился 1803 годъ, одинъ изъ замѣчательныхъ въ моей жизни.

Въ 1804-мъ году я былъ много занятъ по канцеляріи Татищева важнѣйшими дѣлами политическими. Въ это время производилась частная переписка съ Австрійскимъ и Англійскимъ дворами касательно союзной войны противъ Франціи. Всѣ бумаги, до сего предмета касающіяся, всѣ предложенія на счетъ военныхъ дѣлъ были мнѣ извѣстны, и нѣкоторыя изъ нихъ были мною или писаны, или набѣло переписаны. Не входя ни въ какія подробности по событіямъ политическимъ сего года (въ подробности извѣстныя свѣту) я скажу только, что условленный между нами и Австріею планъ военныхъ дѣйствій былъ хорошо обдуманъ и, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ благоразумной и заботливой осторожности, обѣщалъ лучшаго успѣха. Макъ нарушилъ планъ, и несчастная битва Аустерлицкая въ слѣдующемъ году испровергла союзъ.

Въ награду понесенныхъ мною трудовъ я получилъ имяннымъ указомъ прибавку къ жалованью по сорока рублей въ мѣсяцъ ассигнаціями, доколѣ я находиться буду въ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Награда незначительная, но которая по тогдашней моей бѣдности была мною принята съ должною благодарностію.

Въ началѣ 1805 года канцлеръ графъ Воронцовъ удалился отъ дѣлъ и отправился на житье въ Москву; преемникомъ его въ управленіи иностранными дѣлами былъ товарищъ его князь Адамъ Адамовичъ Чарторыжскій, послѣ столько извѣстный въ Европѣ по участію своему въ возстаніи Польши въ 1830 году. Въ самое это время положеніе Д. П. также перемѣнилось и, по желанію его, онъ вскорѣ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при Неаполитанскомъ дворѣ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать туда съ нимъ, предваряя меня однакожъ, что князь Чарторыжскій будетъ предлагать мнѣ вступить въ его канцелярію. Я объявилъ Татищеву, что я рѣшаюсь ѣхать съ нимъ въ Неаполь, и потомъ, когда вскорѣ князь Чарторыжскій, призвавъ меня къ себѣ, сдѣлалъ вышеупомянутое предложеніе, я, поблагодаривъ князя за столь лестное для меня расположеніе его сіятельства, сказалъ, что, будучи столь много обязанъ своему начальнику, я не могу рѣшиться оставить его, когда обстоятельства сдѣлались неблагопріятны ему.

Князь Чарторыжскій одобрилъ мое намѣреніе, и вскорѣ за симъ разговоромъ я былъ опредѣленъ канцелярскимъ служителемъ при миссіи въ Неаполѣ.

Въ срединѣ Марта я выѣхалъ съ Татищевымъ въ Москву, гдѣ мы пробыли двѣ недѣли. Меня приняла въ свой домъ мать моего начальника, почтенная и умная женщина. Во время пребыванія нашего въ Москвѣ, гдѣ я жилъ довольно весело и привольно, я почти всякій день обѣдалъ у канцлера графа А. Р. Воронцова, гдѣ всегда встрѣчалъ князя Андрея Ивановича Вяземскаго, весьма умнаго и просвѣщеннаго барина, отца князя Петра Андреевича Вяземскаго, одного изъ любезнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ моихъ пріятелей. Во время краткаго моего пребыванія въ Москвѣ, я опять едва не на шутку влюбился. Сердце мое тронула молодая дѣвушка Аршеневская (имени и отечества не помню), племянница Д. П. Татищева; она вовсе не была красавица, но миловидна, и самая блѣдность ея лица и слабое повидимому здоровье придавали ей какую-то прелесть въ моихъ глазахъ (меня никогда не прельщали красавицы съ цвѣтущимъ лицемъ). Дѣвица Аршеневская не имѣла достаточнаго состоянія, а я былъ бѣденъ рѣшительно, и такъ любовныя мои мечты не имѣли никакого послѣдствія и совершенно прекратились послѣдовавшимъ вскорѣ отправленіемъ нашимъ далѣе въ путь.

Въ началѣ Апрѣля мы оставили Москву, направляясь къ Кіеву; на дорогѣ мы встрѣтили весьма неожиданныя и сильныя снѣжныя вьюги, которыя заставили насъ останавливаться по два и по три дня въ ожиданіи, пока дорога была нѣсколько расчищена. Такимъ образомъ мы употребили три недѣли на переѣздъ изъ Москвы до Кіева. Продолжая нашъ путь къ Австрійской границѣ, мы принуждены были остановиться на два или три дня въ г. Дубнѣ для починки нашихъ экипажей: скучный и опустѣлый городокъ Волынской губерніи, наполненный неопрятными Жидами и гдѣ предстояла намъ несносная скука за совершеннымъ недостаткомъ всякаго умственнаго занятія. Но здѣсь случилось со мною событіе, которое сохранилось по сіе время у меня въ памяти свѣжо и которое я не хочу пройти въ молчаніи, какъ весьма поучительный для меня урокъ. Въ Дубнѣ былъ городничимъ нѣкто армейскій капитанъ Лутовиновъ, коего имя осталось у меня въ памяти какъ по настоящему случаю, такъ и потому, что онъ въ послѣдствіи вступилъ въ бракъ съ родною сестрою одного изъ лучшихъ моихъ пріятелей и нынѣ сенатора Михайлы Александровича Салтыкова. На другой день послѣ нашего пріѣзда въ Дубно, Лутовиновъ явился къ Татищеву и пригласилъ его къ себѣ отобѣ-

дать, а съ нимъ и меня. Послѣ весьма обыкновеннаго обѣда намъ предложили играть въ бостонъ. Не помню, по какой цѣнѣ мы играли, но очень помню, что я проигралъ сорокъ червонныхъ: потеря весьма чувствительная для бѣднаго чиновника, у коего все достояніе состояло изъ оставшихся у него отъ выданныхъ ему на путевыя издержки денегъ 175 червонныхъ. Но этимъ дѣло не кончилось: по окончаніи столь несчастной для меня игры, мы пошли прогуляться по городу. Лутовиновъ намъ сопутствовалъ и когда, нагулявшись довольно, мы хотѣли возвратиться въ нашъ трактиръ или, лучше сказать, постоялый дворъ, городничій опять пригласилъ насъ къ себѣ на чашку чаю, говоря, что вечеръ будетъ для насъ длиненъ и скученъ; мы согласились. Когда чайная продѣлка была кончена, онъ предложилъ опять играть въ бостонъ, для, какъ говорится, *реваншу*. Видя, что Татищевъ принялъ карту, я сдѣлалъ тоже, какъ будто изъ угожденія къ нему, по истинѣ подстрекаемъ надеждою отъиграться. Не тутъ-то было: я проигралъ опять тридцать пять червонныхъ, такъ что у меня оставалось только сто, а путь былъ еще весьма далекъ. Я былъ въ отчаяніи и потерянъ вовсе. Въ заключеніе нашего угощенія предложено было играть въ банкъ, заложенный изъ ста червонныхъ Лутовиновымъ и бывшимъ тутъ же чиновникомъ провіантскаго вѣдомства Монтрезоромъ, который несомнѣнно былъ въ заговорѣ съ городничимъ. Очертя голову, я рѣшился испытать счастія и спросилъ, позволяютъ ли они поставить тайную карту и когда они на то согласились, я взялъ изъ бывшей въ моихъ рукахъ колоды на выдержку карту въ нѣкоторомъ отъ стола разстояніи и положилъ на оную всѣ оставшіеся у меня сто червонныхъ. Легко себѣ представить можно, въ какомъ я былъ положеніи... Но оно недолго продолжалось: карта моя была король и вторая выпала на мою сторону, банкъ былъ сорванъ, и я, собравъ деньги, объявилъ, что болѣе не играю, къ очевидному удивленію Лутовинова и Монтрезора. Вскорѣ послѣ сего моего подвига, мы возвратились домой, и на пути бывшій у Татищева факторомъ Еврей сказалъ намъ, что мы счастливо отдѣлались отъ сихъ бездѣльниковъ, ибо они всегда играютъ поддѣльными картами, для нихъ нарочно приготовляемыми. Такимъ образомъ я благополучно отдѣлался отъ козней сихъ опасныхъ для неопытныхъ людей мошенниковъ. Къ подтвержденію того, что̀ сказывалъ намъ объ нихъ Еврей, оказалось: всѣ полученные мною отъ нихъ червонцы были подрѣзанные, тогда какъ нами имъ проигранные были полновѣсные. Но я былъ доволенъ, благодарилъ Бога за свое спасеніе и далъ самому себѣ слово въ подобныя продѣлки впредъ не пускаться,—слово, которое сохранилъ я по сіе время ненарушимо.

Выѣхавъ изъ Дубно, мы продолжали путь нашъ безъ всякихъ особыхъ приключеній чрезъ Радзивиловъ, Лембергъ, Ольшкоцъ и Брюнъ. Мы прибыли благополучно въ Вѣну въ теченіи Мая. Не распространяясь на счетъ видѣннаго нами на пути отъ Австрійской границы, я скажу только, что встрѣченное нами въ предѣлахъ Россіи далеко отставало отъ того, что̀ мы видѣли, хотя и съ большой дороги, въ Австріи: тутъ вездѣ находили мы довольно опрятные ночлеги, способы починивать наши экипажи и безостановочный проѣздъ по прекраснымъ дорогамъ, что̀ и располагало сносить терпѣливо весьма медленную въ Австріи почтовую гоньбу. Я былъ въ восхищеніи. Въ Вѣнѣ мы провели двѣ нѣдѣли.

*

Здѣсь къ сожалѣнію, обрывается тетрадь П. И. Полетики. Надо полагать, что и за то время, какое онъ описалъ, эти воспоминанія неполны и что разсказы его были обильнѣе и многорѣчивѣе. Такъ А. О. Смирнова передаетъ, съ его словъ, что онъ гостилъ въ Курляндіи у графа Палена, жена котораго находилась въ тѣсной дружбѣ съ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной и отзывалась Полетикѣ, что еще въ самомъ началѣ брачной жизни она не любила мужа, обращалась съ нимъ презрительно и отвергала всѣ его ласки (Р. Архивъ 1882, I, 218). Очевидно, что Полетика же передавалъ Смирновой подробности о кончинѣ Павла. Вообще старому холостяку было о чемъ разсказывать, и бесѣда его отличалась увлекательностью, хотя, по отзыву князя П. А. Вяземскаго „при большомъ простодушіи и добродушіи имѣлъ онъ какую-то формальность и брюзгливость квакера и Американца“. (Р. Арх. 1868, стр. 1453). Многіе годы провелъ онъ въ переѣздахъ по сушѣ и морямъ, служа въ Неаполѣ, Мадридѣ, Лондонѣ и два раза (съ 1816 по 1819 и съ 1819 по 1822 г.) нашимъ представителемъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, о которыхъ написано имъ въ 1821 г. особое (неизданное) сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Aperçu de la situation intérieure des États-Unis de l'Amérique et de leurs rapports politiques avec l'Europe. Par un Russe“. Въ промежуткѣ между этими двумя посольствами сопровождалъ онъ нашу армію, въ ея движеніяхъ по Европѣ, состоя по дипломатической части при фельдмаршалѣ Барклаѣ-де-Толли и потомъ при Каподистріи на Ахенскомъ конгрессѣ. Лучшіе люди тогдашняго нашего общества скоро оцѣнили дарованія Полетики. Въ Петербургѣ онъ сблизился съ кружкомъ Карамзина, и знаменитый Арзамасъ принялъ его въ свои члены подъ именемъ „Очарованнаго Челна“. Онъ хлопоталъ о сочленѣ своемъ по Арзамасу, поэтѣ Батюшковѣ, съ тѣмъ чтобы перевести его на службу въ Варшаву къ великому князю Константину Павловичу (Р. Архивъ 1867, стр. 1488). Читателей, желающихъ ближе познако-

миться съ образомъ мыслей Полетики и съ его сужденіями о людяхъ и событіяхъ, отсылаемъ къ XXX-й книгѣ Архива Князя Воронцова, гдѣ напечатаны немногія, но вѣскія письма его къ графу С. Р. Воронцову. Въ особенности любопытно письмо изъ Стокгольма, въ Августѣ 1812 года, на возвратномъ пути въ Россію, стонавшую отъ Европейскаго нашествія. По возвращеніи въ Европу, Полетика принималъ участіе въ Веронскомъ конгрессѣ, и только съ 1825 года основался на долго въ отечествѣ: его назначили въ Петербургскій Сенатъ. Можно думать, что какъ нѣкогда въ Швеціи съ Алопеусомъ, такъ теперь не ужился онъ съ графомъ Нессельроде, который сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и повелъ дѣла по пути, которому ученикъ Татищева и графа Семена Воронцова не могъ сочувствовать. Въ Сенатѣ Полетика памятенъ независимостью своихъ отзывовъ и мнѣній. Еще и теперь помнятъ, какъ рѣшительно говаривалъ онъ противъ своего пріятеля, тогдашняго министра юстиціи, графа Д. Н. Блудова. Незадолго до кончины своей онъ ѣздилъ на воды въ Германію и навѣстилъ Жуковскаго во Франкфуртѣ. „Устарѣлъ Петрикъ (пишетъ про него Жуковскій общему ихъ пріятелю Булгакову, 13 Мая 1847), но все тотъ же добрый, милый чудакъ и квакеръ". П. И. Полетика скончался въ Петербургѣ 26 Января 1849 г. П. Б.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА *).

Передъ выѣздомъ моимъ въ 1816 году въ Грузію видѣлся я въ Петербургѣ съ возвратившимся изъ плѣна л. г. Финляндскаго полка полковн. Фонъ-Менгденомъ, который былъ захваченъ больнымъ въ Москвѣ, и я слышалъ отъ него слѣдующія подробности о полѣ Бородинской битвы. Когда его съ прочими плѣнными гнали къ Смоленску черезъ Бородинское поле, онъ увидѣлъ въ селеніи Горкахъ трехъ раненыхъ Русскихъ солдатъ, которые сидѣли рядомъ, прислонившись къ избѣ. Двое изъ нихъ были уже мертвые, третій еще жилъ. Фонъ-Менгденъ проходилъ въ семъ мѣстѣ 18-ть дней послѣ сраженія; ни одно тѣло не было еще убрано. Смрадъ былъ нестерпимый. Оставшіеся послѣ столь долгаго времени въ живыхъ раненые питались сухарями, добываемыми изъ ранцевъ убитыхъ, среди волковъ, питавшихся сотлѣвавшими трупами людей и лошадей. Тѣла на полѣ сраженія оставались не похоронены до того времени, какъ, по изгнаніи Французовъ, земская полиція вступила въ свое управленіе. Тогда пригнали крестьянъ, и трупы складывали въ костры, которые сожигали. Не менѣе того зараза распространилась во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ, отчего померло много жителей. Въ 1816 году я посѣтилъ Бородинское поле сраженія и нашелъ на немъ еще много костей, обломки отъ ружейныхъ ложъ и остатки киверовъ. Батареи наши еще не были срыты. Стоило только нѣсколько взрыть землю на Раевскаго батареѣ, чтобы найти человѣческіе остовы. Я поднялъ одну голову со вдавленнымъ въ одной сторонѣ (вѣроятно картечью) черепомъ и послалъ ее въ Петербургъ къ брату Михайлѣ. Окрестъ лежащія селенія были разорены, и въ колокольнѣ Бородинской церкви видны еще были наши ядра.

Когда въ 1812 году войска наши располагались на позиціи при Бородинѣ, хлѣбъ въ полѣ вездѣ стоялъ великолѣпный и подавалъ надежду на обильный урожай; но всѣ поля эти были потоптаны.

---

*) См. выше, стр. 225.

Въ томъ же 1816 году, проѣжая черезъ городъ Старую Русу, я познакомился съ городничимъ Толстымъ, которому принадлежала мыза Татарки. Онъ увѣрялъ меня, что въ 1813 году некому было засѣвать Бородинское поле, что ни одно зерно не было брошено въ землю, но что земля, столь удобренная кровью и животнымъ гніеніемъ, дала безъ всякой работы отличный урожай хлѣба. Никакой памятникъ не сооруженъ въ честь храбрыхъ Русскихъ, погибшихъ въ семъ сраженіи за отечество *). Окрестныя селенія въ нищетѣ и живутъ мірскими подаяніями, тогда какъ Государь выдалъ 2.000.000 р. Русскихъ денегъ въ Нидерландахъ жителямъ Ватерлоо, потерпѣвшимъ отъ сраженія, бывшаго на томъ мѣстѣ въ 1815 году!

Потеря наша убитыми и ранеными въ семъ сраженіи состояла изъ 26 генераловъ, 1200 штабъ и оберъ-офицеровъ и 40.000 нижнихъ чиновъ. Французы не менѣе нашего потеряли. Лошадей похоронено на полѣ сраженія 19.000 **). Отъ гула 1.500 орудій земля стонала за 90 верстъ. Говорятъ, что даже въ Москвѣ былъ слышенъ гулъ отъ пальбы. Плѣнныхъ взято очень мало, не болѣе 1000 человѣкъ. Французамъ же достались въ плѣнъ съ поля сраженія люди большей частью раненые, и изъ нихъ которые не были въ состояніи слѣдовать были добиты поднявшими ихъ. Подъ Бородинымъ убитъ начальникъ штаба въ аріергардѣ у Коновницына, квартирмейстерской части полковникъ Гавердовскій, подъ начальствомъ коего служилъ нѣсколько времени братъ Александръ. Гавердовскій былъ человѣкъ съ достоинствами и одинъ изъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, какъ по своему уму, такъ и по знаніямъ, опытности и храбрости. Онъ былъ уважаемъ начальниками и любимъ своими подчиненными.

Передавая видѣнное мною подъ Бородинымъ и слышанное о семъ сраженіи, помѣщаю здѣсь частный эпизодъ сего сраженія, разсказанный мнѣ піонернымъ капитаномъ Шевичемъ, съ которымъ я познакомился въ Динабургѣ въ 1815-мъ году.

Въ 1812-мъ году Шевичъ командовалъ піонерной ротой. Желая участвовать въ Бородинскомъ сраженіи, онъ лично просилъ главнокомандующаго ввѣрить ему нѣсколько орудій, при коихъ онъ со своими піонерами предлагалъ исполнять должность артиллеристовъ. Кутузовъ исполнилъ желаніе просителя и велѣлъ поставить его на Ра-

---

*) На Бородинскомъ полѣ сраженія стоитъ нынѣ монастырь, сооруженный трудами и иждивеніемъ вдовы убитаго тамъ генерала Тучкова. Поставленъ и чугунный монументъ на полѣ битвы. 1866 г.

**) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ недавно случилось видѣть, уронъ нашъ показанъ въ меньшемъ размѣрѣ; но показанный здѣсь можетъ быть вѣрнѣе. 1866 г.

евскаго батарею. Шевичъ имѣлъ двухъ братьевъ, служившихъ въ какомъ-то полку, съ которыми онъ 8 лѣтъ не видался. Полкъ ихъ, стоявшій до войны въ Финляндіи, присоединился къ большой арміи, о чемъ онъ, Шевичъ, не зналъ. Для прикрытія его орудій, случайно назначили баталіонъ того полка, въ коемъ братья его служили. Желая познакомиться съ офицерами, онъ наканунѣ сраженія подошелъ ввечеру къ огню, около котораго они сидѣли. Освѣдомившись о названіи полка, онъ спросилъ баталіоннаго командира, не знаетъ-ли онъ брата его Шевича, который въ этомъ полку служитъ. Но какъ они оба удивились, узнавъ другъ друга! Братья обнялись. Шевичъ нашелъ и другаго брата своего, который служилъ оберъ-офицеромъ въ томъ же баталіонѣ. Братья провели ночь у огня, приготовляя себя къ предстоявшей битвѣ. Они выразили взаимную дружбу свою завѣщаніемъ не выдавать другъ друга. Когда Французы взяли батарею, піонерный Шевичъ, схвативъ ружье, отбивался около своихъ орудій; братъ его, маіоръ, бросился къ нему съ баталіономъ на помощь и отстоялъ орудія, но убитъ подлѣ вырученнаго имъ брата, который самъ, раненый пулею въ руку и штыкомъ въ грудь, не оставляетъ своего мѣста. Третій братъ жестоко раненъ; его берутъ четыре солдата и хотятъ вынести изъ огня, но прилетѣвшая граната попадаетъ прямо на раненаго, взрывомъ своимъ разноситъ его члены въ разныя стороны и убиваетъ четырехъ солдатъ, его несшихъ. Это случилось въ виду піонернаго капитана, который въ отмщеніе не даетъ помилованія непріятелю. Французовъ всѣхъ перекололи и освободили орудія. Замѣчательный случай этотъ не имѣетъ, конечно, ничего необыкновеннаго; но подробности разсказа могли бы подвергнуться сомнѣнію, еслибъ Шевичъ не былъ дѣйствительно извѣстенъ въ арміи за человѣка отчаянной храбрости. Впрочемъ говорили также, что поведеніе его было далеко не отличное и что онъ большой буянъ. Кажется, что онъ теперь выключенъ изъ службы за дурное поведеніе.

Ночь съ 26-го на 27-е Августа всѣ провели безъ сна. Разнесся слухъ, что съ разсвѣтомъ сраженіе возобновится. Объ этомъ дѣйствительно судили въ созванномъ Кутузовымъ военномъ совѣтѣ, но не вѣрю, чтобы самъ главнокомандующій о томъ помышлялъ, потому что армія наша была слишкомъ разстроена: неизбѣжно послѣдовала бы гибель нашего войска, еслибъ дѣло на слѣдующій день возобновилось. Скорѣе полагаю, что слухъ этотъ распустили съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поддержать духъ въ войскахъ и не дать имъ замѣтить горестнаго нашего положенія. Во все время сраженія главнокомандующій сохранялъ невозмутимое хладнокровіе. Въ самыя опасныя минуты онъ

не терялся и разсылалъ приказанія свои съ спокойнымъ видомъ, чтò немало служило къ поддержанію духа въ войскахъ.

27-го Августа, братъ Александръ до разсвѣта снова отправился на поле сраженія отыскивать тѣло Михайлы. Онъ проѣхалъ за нашу цѣпь, объѣздилъ все поле и не нашелъ брата. Къ удивленію своему увидѣлъ онъ, что непріятель, оставивъ новую позицію, которою овладѣлъ послѣ битвы наканунѣ ввечеру, провелъ ночь на занимавшемся имъ съ утра до боя бивуакѣ. Александръ первый довелъ о томъ до свѣдѣнія главнокомандующаго.

Очень рано поутру войска наши, оставивъ поле сраженія, начали отступать къ Можайску. Пройдя городъ, остановились на высотахъ. Уменьшеніе силъ нашихъ было на глазъ замѣтно, ибо на походѣ дивизіи скорѣе прежняго смѣняли одна другую. Не менѣе того отступленіе совершилось въ такомъ порядкѣ, что, судя по оному, нельзя бы назвать насъ разбитыми. Пострадали, какъ выше сказано, раненые; нѣкоторыхъ изъ нихъ передавили на большой дорогѣ; тѣ же изъ нихъ, которые добрели до Можайска, сгорѣли въ домахъ при общемъ пожарѣ города. Французы сами были очень разстроены и не рѣшились насъ преслѣдовать; но, занявъ ввечеру Можайскъ, они вступили съ нашимъ аріергардомъ въ перестрѣлку, которая поздно прекратилась. Затѣмъ мы провели ночь безъ тревоги.

Мы полагали брата Михайлу убитымъ; но, въ надеждѣ еще найти его, Александръ на всякій случай выпросилъ у Вистицкаго позволеніе ѣхать въ Москву, чтобы искать брата по дорогѣ между множествомъ раненыхъ, которыхъ везли на подводахъ. Такъ какъ мы во всемъ терпѣли недостатокъ, то мы положили съ Александромъ, чтобъ мнѣ отпроситься въ деревню князя Урусова, село Осташево, чтобы взять оттуда нѣсколько лошадей и продовольствія и, если бы оказалось возможнымъ, то и денегъ. Село сіе лежитъ въ 35-ти верстахъ отъ Бородина и 41 отъ Можайска. Вистицкій отпустилъ меня 27-го числа ввечеру. Я отправился одинъ верхомъ рысью, но, отъѣхавъ верстъ 8, встрѣтилъ казачій постъ, который меня не пустилъ далѣе, говоря, что онъ имѣетъ строгое приказаніе никого не пропускать по этой дорогѣ, потому что непріятель ее уже занялъ, чтò было справедливо; ибо тутъ же приведены были плѣнные Французы разъѣздомъ казаковъ, отъ которыхъ я узналъ, что они взяли плѣнныхъ въ селѣ Бражниковѣ, отстоящемъ отъ нашей деревни (бывшей князя Урусова) на одну версту. И такъ я возвратился ночью назадъ.

Въ наше село Осташево (или Александровское) заходило человѣкъ 60 Французскихъ мародеровъ, которые побили стекла въ домѣ, сорвали съ биліарда сукно и поколотили управителя, но болѣе ничего не

могли сдѣлать; потому что крестьяне, собравшись, часть ихъ выгнали, а другую, по истязаніи, убили.

28-го рано поутру мы снова отправились отыскивать брата Михайлу; ѣхали медленно, среди множества раненыхъ, и всѣхъ распрашивали, описывая имъ примѣты брата; но ничего не узнали. Наконецъ, подпоручикъ Хомутовъ, который мимо ѣхалъ, сказалъ намъ, что онъ 27-го числа видѣлъ брата Михайлу жестоко раненымъ на телѣгѣ, которую везъ Московскій ратникъ, и что братъ поручилъ ему извѣстить насъ о себѣ. Равнодушіе товарища Хомутова, не извѣстившаго насъ о томъ наканунѣ, заслуживало всякаго порицанія, и онъ не миновалъ упрековъ нашихъ. Мы продолжали путь свой и розысканія. Проѣзжая черезъ селенія, одинъ изъ насъ заходилъ во всѣ избы по правой сторонѣ улицы, а другой по лѣвой; но въ этотъ день мы его не нашли. Я остался ночевать въ главной квартирѣ; Александръ же поѣхалъ далѣе.

29-го числа я отправился въ Москву. Въ горестномъ положеніи увидѣлъ я столицу. Повсюду плачь и крикъ, по улицамъ лежали мертвые и раненые солдаты. Жители выбирались изъ города, въ коемъ проявлялись уже безпорядки; вездѣ толпился народъ. Я прискакалъ въ домъ князя Урусова, полагая найти тамъ отца и братьевъ. Старый кучеръ подъѣхалъ ко мнѣ испуганный и, не узнавъ меня, принялъ лошадь. Я вбѣжалъ съ шумомъ, но Александръ, встрѣтивъ меня, остановилъ: «Тише, тише», сказалъ онъ, «Михайла умираетъ; у него антоновъ огонь показался, и теперь ему операцію дѣлаютъ». Осторожно вошедши въ батюшкинъ кабинетъ, я увидѣлъ брата Михайлу лежащаго на спинѣ. Докторъ Лёмеръ (Lemaire) вырѣзывалъ ему снова рану и пускалъ изъ нея кровь. Михайла узналъ меня, кивнулъ головой, и во все время мучительной операціи лице его не измѣнилось. Пріятель его Петръ Александровичъ Пустрослевъ тутъ же находился. Домъ былъ уже почти совсѣмъ пустъ. Князь Урусовъ выѣхалъ съ батюшкой въ Нижній Новгородъ, куда все Московское дворянство укрылось. Въ домѣ оставалось только нѣсколько слугъ нашихъ и тѣ вещи, которыя не могли вывезти въ скорости. Я вышелъ изъ комнаты раненаго. Лёмеръ, окончивъ операцію, подалъ намъ нѣкоторую надежду на выздоровленіе брата, впрочемъ очень малую. Ввечеру Александръ разсказалъ мнѣ случившееся съ Михайлой, по его собственнымъ словамъ. Во время Бородинскаго сраженія Михайла находился при начальникѣ главнаго штаба Бенингсенѣ на Раевскаго батареѣ, въ самомъ сильномъ огнѣ. Непріятельское ядро ударило лошадь его въ грудь и, пронзивъ ее насквозь, задѣло брата по лѣвой ляжкѣ, такъ что сорвало все мясо съ поврежденіемъ мышцъ и оголило кость; судя по

обширности раны, ядро, казалось, было 12-ти фунтовое. Брату былъ тогда 16-й годъ отъ роду. Михайлу отнесли сажени на двѣ въ сторону, гдѣ онъ, не извѣстно сколько времени, пролежалъ въ безпамятствѣ. Онъ не помнилъ, какъ его ядромъ ударило, но, пришедши въ память, увидѣлъ себя лежащимъ среди убитыхъ. Не подозрѣвая себя раненымъ, онъ сначала не могъ сообразить, что̀ случилось съ нимъ и съ его лошадью, лежавшею въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Михайла хотѣлъ встать, но едва онъ приподнялся, какъ упалъ и, почувствовавъ тогда сильную боль, увидѣлъ свою рану, кровь и разлетѣвшую въ дребезги шпагу свою. Хотя онъ очень ослабъ, но имѣлъ еще довольно силы, чтобы приподняться и просить стоявшаго подлѣ него Бенингсена, чтобы его вынесли съ поля сраженія. Бенингсенъ приказалъ вынести раненаго, что̀ было исполнено четырьмя рядовыми, положившими его на свои шинели; когда же они вынесли его изъ огня, то положили на землю. Братъ далъ имъ червонецъ и просилъ ихъ не оставлять его; но трое изъ нихъ ушли, оставя ружья, а четвертый, отыскавъ подводу безъ лошади, взвалилъ его на телѣгу, самъ взявшись за оглобли, вывезъ его на большую дорогу и ушелъ, оставя ружье свое на телѣгѣ. Михайла просилъ мимоѣхавшаго лекаря, чтобы онъ его перевязалъ, но лекарь сначала не обращалъ на него вниманія; когда же братъ сказалъ, что онъ адъютантъ Бенингсена, то лекарь взялъ тряпку и завязалъ ему ногу просто узломъ. Тутъ пришелъ къ брату какой-то раненый гренадерскій поручикъ, хмѣльной и, сѣвъ ему на ногу, сталъ разсказывать о подвигахъ своего полка. Михайла просилъ его отслониться, но поручикъ ничего слышать не хотѣлъ, увѣряя, что онъ такое же право имѣетъ на телѣгу, при семъ заставилъ его выпить водки за здоровье своего полка, отъ чего братъ опьянѣлъ. Такое положеніе на большой дорогѣ было очень непріятно. Мимо брата провезли другую телѣгу съ ранеными солдатами; кто-то изъ состраданія привязалъ оглобли братниной телѣги къ первой, и она потащилась потихоньку въ Можайскъ. Братъ былъ такъ слабъ и пьянъ, что его провезли мимо людей нашихъ, и онъ не имѣлъ силы сказать слова, чтобы остановили его телѣгу. Такимъ образомъ привезли его въ Можайскъ, гдѣ сняли съ телѣги, положили на улицѣ и бросили одного среди умирающихъ. Сколько разъ ожидалъ онъ быть задавленнымъ артилеріею или повозками. Ввечеру Московскій ратникъ перенесъ его въ избу и, подложивъ ему пукъ соломы въ изголовье, также ушелъ. Тутъ увѣрился Михайла, что смерть его неизбѣжна. Онъ не могъ двигаться и пролежалъ такимъ образомъ всю ночь одинъ. Въ избу его заглядывали многіе, но, видя раненаго, уходили и запирали дверь, дабы не слышать просьбы о помощи. Участь многихъ раненыхъ! Не-

чаянымъ образомъ зашелъ въ эту избу л. г. казачьяго полка урядникъ Андріановъ, который служилъ при штабѣ великаго князя. Онъ узналъ брата и принесъ нѣсколько яицъ въ смятку, которыя Михайла съѣлъ. Андріановъ уходя написалъ мѣломъ по просьбѣ брата на воротахъ *Муравьевъ 5-й*. Ночь была холодная; платье же на немъ изорвано отъ ядра. 27-го поутру войска наши уже отступали чрезъ Можайскъ, и надежды къ спасенію казалось никакой болѣе не оставалось, какъ неожиданный случай вывелъ брата изъ сего положенія. Когда до Бородинскаго сраженія Александръ состоялъ въ аріергардѣ при Коновницынѣ, товарищемъ съ нимъ находился квартимейстерской части подпоручикъ Юнгъ, который предъ сраженіемъ заболѣлъ и уѣхалъ въ Можайскъ. Увидя подпись на воротахъ, онъ вошелъ въ избу и нашелъ Михайлу, котораго онъ прежде не зналъ; не менѣе того долгъ сослуживца вызвалъ его на помощь. Юнгъ отыскалъ подводу съ проводникомъ и, положивъ брата на телѣгу, отправилъ ее въ Москву. Къ счастію случилось, что проводникъ былъ изъ деревни Лукина, князя Урусова. Крестьянинъ приложилъ все стараніе свое, чтобы облегчить положеніе знакомаго ему барина и довезъ его до 30-й версты, не доѣзжая Москвы. Михайла просилъ вездѣ надписывать его имя на избахъ, въ которыхъ онъ останавливался, дабы мы могли его найти. Александръ его и нашелъ по этой надписи. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Москву, досталъ тамъ коляску, которую привезъ къ Михайлѣ и, уложивъ его, продолжалъ путь. Пріѣхавъ въ Москву, онъ послалъ извѣстить Пустрослева, который досталъ извѣстнаго оператора Лёмера; но когда сняли съ него повязку, то увидѣли, что антоновъ огонь уже показался. Я пріѣхалъ въ Москву въ то самое время, какъ рану снова растравляли.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сего, Михайла пріѣзжалъ въ отпускъ къ отцу въ деревню и отыскивалъ Лукинскаго крестьянина, чтобы его наградить; но его не было въ деревнѣ: онъ съ того времени не возвращался, и никакого слуха о немъ не было; вѣроятно, что онъ погибъ во время войны въ числѣ многихъ ратниковъ, не возвратившихся въ дома свои. Я слышалъ отъ Михайлы, что въ минуту, когда онъ, лежа на полѣ сраженія, опомнился среди мертвыхъ, онъ утѣшался мыслію о пріобрѣтенномъ правѣ оставить армію, размышляя, что, если ему суждено умереть отъ раны, то и смерть сія предпочтительна тому, что онъ могъ ожидать отъ усталости и изнеможенія, ибо онъ давно уже перемогался. Труды его и переносимыя нужды становились свыше силъ. Если же ему предстояло выздоровленіе, то онъ все-таки предпочиталъ страданія отъ раны тѣмъ, которыя онъ

долженъ былъ чрезъ силы переносить по службѣ *). По сему можно судить о тогдашнемъ положеніи нашемъ! Мы съ Александромъ были постарѣе Михайлы и отъ того могли лучше его переносить усталость и труды; но истощалось и наше терпѣніе.

Пріѣхавъ въ Москву, я раздѣлся, чего давно уже не удавалось мнѣ сдѣлать, и нашелъ себя въ плохомъ положеніи. Въ Смоленскѣ еще открылись у меня на ногахъ цинготныя язвы. Хотя я ихъ нѣсколько разъ самъ перевязывалъ, но въ Москвѣ съ трудомъ можно было отобрать присохшіе бинты. Платье и бѣлье были на мнѣ совсѣмъ изорваны и покрыты насѣкомыми. Я переодѣлся и отъ того одного уже почувствовалъ облегченіе. Однако денегъ у насъ не было ни гроша, а надобно было отправить раненаго брата въ Нижній-Новгородъ къ отцу; надобно было ему достать въ дорогу лекаря и снабдить кое-какимъ продовольствіемъ. Я поѣхалъ къ бывшему тогда въ Москвѣ полицеймейстеру Александру Александровичу Волкову, двоюродному брату отца. У него во всѣхъ комнатахъ лежали знакомые ему раненые гвардейскіе офицеры, за которыми онъ ухаживалъ. На просьбу въ займы денегъ онъ вынулъ бумажникъ и далъ мнѣ счесть, сколько ихъ у него оставалось. Я нашелъ 120 рубл., и онъ мнѣ отдалъ половину. Съ 60 рублями я возвратился домой. Александръ съ своей стороны также досталъ нѣсколько денегъ, и мы отдали ихъ Михайлѣ.

Заложивъ оставшуюся въ сараѣ коляску парой, мы отправили на ней раненаго. За нимъ же ѣхала телѣга съ поклажей, а за телѣгой шли оставшіеся дворовые люди: старики, бабы и ребятишки. Пустрослевъ также отправлялся въ Нижній-Новгородъ; онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ и съ ними извѣстный врачъ того времени Мудровъ, который полюбилъ брата, лечилъ и спасъ его во второй разъ отъ смерти. Александръ проводилъ обозъ сей верстъ 20 за Москву и тамъ простился съ Михайлою, не надѣясь когда-либо съ нимъ опять свидѣться; потому что, когда сняли перевязку, то нашли, что антоновъ огонь вновь открылся. Съ тѣхъ поръ я болѣе ничего о немъ не слышалъ до времени обратнаго занятія нами Вильны.

Домъ князя Урусова оставался почти пустой. Мы пошли съ Александромъ обыскивать его, дабы взять то, что̀ возможно было съ собою увезти. Старый лакей Колонтаевъ показалъ намъ два запечатанные погреба, о коемъ мы еще въ дѣтствѣ слыхали по разсказамъ,

---

*) И такъ вотъ гдѣ зачалась и развилась та героическая настойчивость, которою отличался графъ Муравьевъ Виленскій и въ дѣлахъ межеванія, и въ управленіи министерствами, въ борьбѣ придворной и въ великомъ подвигѣ 1863 года. П. Б.

что князь Урусовъ, лѣтъ 40 тому назадъ, запасалъ въ нихъ хорошія вина, которыя никогда не подавались къ столу. Печати были сломаны, замокъ отбитъ, и мы водворились съ фонаремъ и рюмкой для пробы винъ, разрыли песокъ и нашли зарытыя бутылки съ старымъ Венгерскимъ и другими отличными винами и ликёрами. Многаго увезти нельзя было за недостаткомъ мѣста для укладки, и потому, выбравъ бутылокъ двадцать, мы уложили ихъ въ ящикъ, чтобы съ собой взять. Остальнымъ виномъ угощали мы пріѣзжавшихъ къ намъ товарищей; но за всѣмъ тѣмъ, въ два дня пребыванія нашего въ Москвѣ, мы не извели и четвертой доли всего запаса. Затѣмъ одинъ изъ погребовъ заложили камнемъ, а другіе просто заперли. Французы расхитили одинъ изъ нихъ, другаго же не нашли. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ войны, когда батюшка вступилъ во владѣніе наслѣдства, оставшагося отъ князя Урусова, онъ забылъ о семъ погребѣ. Когда же я къ нему въ отпускъ пріѣхалъ, то просилъ у него позволенія заглянуть въ знакомый мнѣ погребъ. Онъ мнѣ подарилъ его, говоря, что въ немъ не могло ничего хорошаго остаться. Много винъ въ немъ оказалось попорченными; но оставалось еще до 50 бутылокъ хорошаго вина, коимъ я долго угощалъ отца въ его домѣ.

Во время пребыванія нашего въ Москвѣ, прибѣжалъ управитель суконной фабрики князя Урусова Василій Новиковъ. Онъ жилъ въ селѣ Охлебихинѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, и не ожидалъ Французовъ, какъ вдругъ пришелъ къ нему непріятельскій отрядъ и разграбилъ селеніе; Новикова же поколотили и разули. Онъ явился къ намъ босой и съ перепугу разсказывалъ чудныя вещи о Французахъ. Перенявъ у нихъ бранныя рѣчи, онъ какъ бы съ ума рехнулся и не переставалъ объяснять разныя подробности о Французахъ, увѣряя, что народъ этотъ не умѣетъ говорить, а только лепечетъ. Отъ Новикова слышали мы также, что Англинское войско идетъ на выручку Москвы, и что онъ даже самъ видѣлъ Англинскую конницу. Посмѣявшись разсказамъ его, мы однако разсудили, что главнокомандующій могъ не знать о появленіи непріятеля въ той сторонѣ, и потому я поспѣшилъ къ Вистицкому съ симъ извѣстіемъ и нашелъ главную квартиру въ Филяхъ, что́ въ 6-ти верстахъ отъ Москвы.

Начальникъ мой, генералъ Вистицкій, приказалъ мнѣ лично о томъ объяснить главнокомандующему. Я пошелъ къ Кутузову, который сидѣлъ въ креслахъ среди комнаты, окруженный корпусными командирами. Полагаю, что у нихъ тогда былъ военный совѣтъ, на коемъ судили о сдачѣ Москвы. Всѣ говорили, одинъ только Кутузовъ молчалъ. Когда я ему доложилъ, онъ мнѣ отвѣчалъ только: «хорошо», и я возвратился. Видно, что ему уже извѣстны были направленія, по

которымъ пошелъ отрядъ Французовъ. Непростительно однакоже Вистицкому, что онъ того не зналъ; но слабаго и безтолковаго старика сего ни до чего не допускали: онъ боялся даже самъ подойти къ главнокомандующему съ докладомъ.

Я возвратился въ Москву. Слухъ носился, что городъ будутъ защищать; приступили даже къ дѣланію окоповъ для укрѣпленнаго лагеря. Главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ тогда графъ Растопчинъ, который ежедневно издавалъ жителямъ прокламаціи въ простыхъ народныхъ выраженіяхъ. Листы сіи быстро распространялись по городу и всѣми читались. Сими воззваніями Растопчинъ сзывалъ народъ, дабы, соединивъ толпы, идти противъ непріятеля. Онъ приказалъ отпереть арсеналъ и позволилъ всѣмъ входить въ него, чтобы вооружаться. Городъ наполнялся вооруженными пьяными крестьянами и дворовыми людьми, которые болѣе помышляли о грабежѣ, чѣмъ о защитѣ столицы, стали разбивать кабаки и зажигать дома. Растопчинъ старался поддержать сей безпорядокъ и безъ суда обвинилъ напрасно въ измѣнѣ купеческаго сына Верещагина, котораго приказалъ полицейскимъ драгунамъ при себѣ изрубить палашами въ виду всего народа, съ шумомъ обступившаго его домъ. Говорили послѣ, что Растопчинъ пожертвовалъ этимъ молодымъ человѣкомъ для своего личнаго спасенія *). По обвиненіи во всеуслышаніе Верещагина въ измѣнѣ и по нанесеніи ему первыхъ ударовъ палашами, разъяренная толпа, схвативъ несчастнаго, изорвала его на части, тѣло же его оставили на улицѣ непохороненнымъ. Верещагинъ былъ молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ. Онъ зналъ иностранные языки, и вся вина его состояла въ томъ, что онъ, изъ Французскихъ вѣдомостей переведя одну реляцію о дѣлѣ на Русскій языкъ, далъ прочитать переводъ свой пріятелю. Растопчину въ общемъ мнѣніи не простятъ сего поступка. Слышно также было, что онъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти и что тѣнь невинно умерщвленнаго часто представляется ему съ упреками. Кромѣ небольшой части простаго народа, никого въ городѣ не оставалось. Дворянство все почти выѣхало. По каретамъ, въ то время показывавшимся на улицѣ, народъ бросалъ каменьями. Цѣль Растопчина была сжечь столицу, дабы непріятелю не достались запасы продовольствія, находившіеся въ домахъ. Для вѣрнѣй-

---

*) Обвиненіе, какъ извѣстно, вполнѣ несправедливое и выдуманное безчисленными врагами графа Растопчина, которыхъ онъ себѣ наживалъ какъ бы умышленно. Читатель припомнитъ, что Н. Н. Муравьевъ писалъ эту часть своихъ Записокъ въ 1818 году, когда не успѣли еще затихнуть страсти, вызванныя лихорадочною дѣятельностью графа Растопчина. П. Б.

шаго достиженія сего выпустили арестантовъ изъ остроговъ и вывезли изъ Москвы пожарныя трубы.

2-го Сентября войска наши обошли городъ чрезъ Воробьевы горы. Въ аріергардѣ оставался Милорадовичъ, которому приказано было заключить съ непріятелемъ перемиріе на 24 часа, дабы успѣть вывезти раненыхъ изъ столицы. Перемиріе состоялось, но въ госпиталяхъ было до 25.000 больныхъ и раненыхъ, изъ коихъ часть сгорѣла въ общемъ пожарѣ города. Въ Москвѣ также оставалось еще много офицеровъ, которые заѣхали въ свои дома. Нѣкоторые изъ нихъ, не ожидая столь скораго появленія непріятеля, были захвачены въ плѣнъ. Въ плѣнъ попался квартирмейстерской части подпоручикъ Василій Перовскій 2-й. Онъ въ то время выбиралъ изъ отцовскаго арсенала графа Разумовскаго ружья и кидалъ ихъ въ колодезь. Французы внезапно схватили его при семъ занятіи и отослали съ другими плѣнными во Францію *).

Въ этой партіи плѣнныхъ находился также Михайло Александровичъ Фонъ-Менгденъ, о которомъ я выше упоминалъ. Онъ лежалъ въ Москвѣ больной горячкою, въ домѣ тетки своей Колошиной. Услышавъ объ оставленіи нами города, онъ велѣлъ себя вывезти, но едва доѣхалъ до Арбатскихъ воротъ, какъ непріятельскій отрядъ настигъ его и взялъ въ плѣнъ. Фонъ-Менгденъ впослѣдствіи мнѣ разсказывалъ, какъ Французы съ ними дурно обходились. Они убивали тѣхъ изъ плѣнныхъ, которые отъ ранъ или болѣзни не могли далѣе идти, а съ другихъ снимали обувь и одежду, оставляя ихъ босыми и почти нагими.

Я также попался бы въ плѣнъ, еслибъ не прискакалъ къ намъ въ домъ товарищъ нашъ Лукашъ съ извѣстіемъ, что непріятель уже у Дорогомиловской заставы. Я поспѣшилъ съ нимъ къ заставѣ, чтобы о томъ увѣриться и, услышавъ Французскіе барабаны, поскакалъ домой, велѣлъ заложить телѣгу и отправился изъ города, взявъ изъ дома князя Урусова стараго, толстаго и пьянаго повара Евсея Никитича, который во весь походъ до Вильны оставался при мнѣ. Я поѣхалъ къ заставѣ, въ которую аріергардъ нашъ прошелъ, и прибылъ къ арміи; то была, кажется Владимирская застава. Дорогою я увидѣлъ лавку, въ которую забрались человѣкъ десять солдатъ и грабили ее. Купецъ, подбѣжавъ ко мнѣ, просилъ защитить его. Я слѣзъ съ лошади и разогналъ солдатъ; за однимъ изъ нихъ, который унесъ

---

*) Бывшій Оренбургскій генералъ-губернаторъ. Передаю слышанное объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ полоненіе Перовскаго. Обстоятельства сіи иначе изложены въ Запискахъ его, въ журналѣ „Русскій Архивъ“ 1865. *Примѣчаніе* 1866 г.

какую-то добычу, я погнался и ударилъ его обнаженною саблею по плечу, такъ что онъ упалъ на землю. Послѣ я сожалѣлъ, что, вступившись въ дѣло, помѣшалъ солдатамъ попользоваться у купца товаромъ, который достался же Французамъ.

Мы никакъ не могли свыкнуться съ мыслью, что оставляемъ Москву непріятелю, который будетъ обладать и распоряжаться въ нашей древней святынѣ. Съ арміею выѣхало изъ Москвы множество каретъ съ семействами обывателей; безконечный обозъ этотъ остановился на первую ночь по большей части съ главной квартирой и въ окрестныхъ селеніяхъ верстъ на пятнадцать отъ города; на слѣдующій же день укрывавшіяся отъ непріятеля семейства продолжали путь свой далѣе къ Востоку.

Въ Москвѣ оставалось много нашихъ мародеровъ. Во всѣхъ дѣйствующихъ войскахъ нашихъ, по выступленіи изъ столицы, состояло только 55 тыс. человѣкъ подъ ружьемъ. Въ томъ числѣ считался и небольшой отрядъ съ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ, посланный по Петербургской дорогѣ подъ командою генерала Винценгероде къ городу Клину, гдѣ ему назначалось, соединившись съ Тверскимъ ополченіемъ, прикрывать г. Тверь. Французы недалеко подвинулись по сей дорогѣ, и Винценгероде оставался въ Клину во все время пребыванія непріятеля въ Москвѣ.

Наполеонъ думалъ, что сдача Русской столицы совершится такимъ же порядкомъ, какъ сдача Вѣны. Онъ ожидалъ у заставы депутацію съ ключами города, но крайне удивился, когда увидѣлъ, что городъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ горитъ. Войска его вступили парадомъ по запустѣлымъ улицамъ Москвы и, подошедши къ Кремлю, были встрѣчены ружейными выстрѣлами изъ арсенала, куда забралась толпа пьяныхъ, впрочемъ скоро сдавшихся послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ со стороны Французовъ.

Скоро сдѣлался взрывъ пороховыхъ погребовъ, и древняя столица наша подъ вечеръ вся запылала. Наполеонъ приказалъ тушить пожаръ и ловить зажигателей. Ихъ до 200 человѣкъ повѣсили или разстрѣляли; но пожаръ отъ того не прекратился, и Французскіе солдаты разбрелись по городу, грабили, разбивали винные погреба, перепились и, наконецъ, сами стали зажигать дома. Нѣкоторые изъ жителей, въ то время въ городѣ оставшихся, увѣряли меня нынѣ, что среди непріятельскихъ войскъ происходилъ ужасный безпорядокъ: ни начальники ихъ, ни солдаты не находили своихъ полковъ; все было пьяно и перемѣшано. Нѣсколько изъ оставшихся обывателей города были убиты Французами, женщины изнасилованы, церкви осквернены, образа поруганы. Французы вели себя при взятіи Москвы какъ на-

родъ дикій и необразованный. Въ сущности изъ такихъ людей и было большею частью составлено ихъ многочисленное войско. Изъ всѣхъ добродѣтелей, знаменующихъ доблестнаго воина, они сохранили только храбрость. Наполеонъ остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Сильные караулы были поставлены у всѣхъ воротъ, и Русскимъ былъ воспрещенъ входъ въ Кремль. Въ послѣдствіи и императоръ Французовъ, вытѣсненный изъ города пожаромъ, помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ, что̀ въ трехъ верстахъ отъ Москвы по Петербургской дорогѣ.

Многіе находятъ, что Кутузовъ долженъ былъ снова вступить со всѣми силами въ Москву, 2-го же Сентября ночью, въ томъ предположеніи, что онъ непремѣнно истребилъ бы опьяненное войско непріятеля; но мнѣ кажется, что такая мѣра была бы неосторожна, потому что войска наши неминуемо разбрелись бы, какъ и непріятель, для грабежа и пьянства, и армія наша вся бы исчезла, тогда какъ у непріятеля оставалось еще за городомъ по Смоленской дорогѣ нѣсколько корпусовъ, расположенныхъ лагеремъ и въ порядкѣ.

Я выѣхалъ изъ Москвы послѣ полудня и засталъ главную квартиру въ большомъ селеніи, лежащемъ въ 15-ти верстахъ отъ заставы. Оно было наполнено народомъ всякаго рода, отъ чего происходила большая суматоха. Такъ какъ я пріѣхалъ поздно и не зналъ куда явиться, то, сыскавъ товарищей, остановился у нихъ. Потомъ я пошелъ къ полковнику Эйхену 2-му (Ѳедору Яковлевичу), чтобы освѣдомиться о происходившемъ и узналъ, что Вистицкій смѣненъ, а на мѣсто его исправляетъ должность генералъ-квартирмейстера полковникъ Толь, къ которому мнѣ поэтому надобно явиться. Эйхенъ былъ пріятный человѣкъ и хорошій офицеръ, но онъ еще лучше мнѣ показался, когда подпилъ немного моимъ старымъ Венгерскимъ виномъ, котораго я ему двѣ бутылки подарилъ.

Въ тотъ же вечеръ явился я къ Толю. У него были собраны всѣ наши офицеры, и онъ принялъ насъ слѣдующими словами: «Господа, мнѣ надобно теперь послать отличныхъ офицеровъ въ аріергардъ; движенія войскъ нашихъ будутъ требовать большой расторопности со стороны вашей. Господа Муравьевъ и Мессингъ, вы назначены въ аріергардъ къ г. Раевскому; отправляйтесь сейчасъ же и явитесь къ нему; вы тамъ найдете себѣ въ товарищи подпоручика Юнга. Не сомнѣваюсь, что вы поддержите хорошее мнѣніе, которое я о васъ имѣю». Судя по словамъ Толя, кажется, что фланговый маршъ около столицы уже былъ предположенъ. Аріергардъ стоялъ нѣсколькими верстами ближе къ Москвѣ. Мы отправились туда и явились къ г. Раевскому; но какъ въ тотъ вечеръ не предстояло намъ занятій, то, по отысканіи Юнга, мы расположились ночевать на дворѣ. Юнгъ былъ старый офицеръ,

служившій еще въ 1807 г.; происхожденія онъ былъ не знатнаго и воспитанія не отличнаго, но простой и, можетъ быть, добрый малый. Онъ былъ высокаго мнѣнія о себѣ и охотно разсказывалъ, какъ по службѣ обиженъ, жалуясь, что всего имѣлъ только Анненскую шпагу, причемъ разсчитывалъ впередъ на четыре дѣла съ непріятелемъ для полученія четырехъ крестовъ, которые собирался расположить на груди своей симметрическимъ образомъ. Мы скоро замѣтили изъяны Юнга и прозвали его рыцаремъ симметріи и экилибра. Онъ былъ очень скупъ и любилъ ѣздить на фуражировки для поживы на мызахъ, любилъ также отобѣдать или чаю напиться на чужой счетъ. Не миновалъ онъ затѣмъ насмѣшекъ отъ насъ. Мессингъ былъ тоже нѣсколько лѣтъ въ службѣ, но мало ею занимался; онъ былъ хорошій товарищъ, остроуменъ и большой повѣса.

Юнгъ передалъ намъ, что старшимъ офицеромъ генеральнаго штаба назначили къ намъ въ аріергардъ корпуса водяныхъ сообщеній капитана Гогіуса, что́ намъ было непріятно. Въ ожиданіи въ тотъ же вечеръ новаго начальника своего, мы легли въ солому, притаясь сонными, какъ вдругъ пріѣхалъ Гогіусъ, фигура небольшаго роста, толстенькая и неблаговидной наружности. Не слѣзая съ лошади, онъ закричалъ намъ: «Господа!» Никто не отвѣчалъ. Гогіусъ нѣсколько разъ повторилъ свое восклицаніе, но мы захрапѣли. Наконецъ, онъ слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Юнгу и, разбудивъ его отъ притворнаго сна, объявилъ о своемъ назначеніи отъ имени Толя. Юнгъ спросилъ, есть ли у него на то предписаніе. Предписанія не было, и Юнгъ снова захрапѣлъ. Гогіусъ, видя, что ему дѣлать было нечего, сталъ вызывать насъ шутками. Тогда мы привѣтствовали его и уложили его съ собою вмѣстѣ. Онъ недолго у насъ держался; его куда-то отправили; разсказывали, что онъ будто подозрѣвался въ дѣлѣ о передачѣ извѣстій непріятелю *). Онъ получилъ у насъ прозваніе Оріона по созвѣздію, коему уподоблялись три звѣздочки, которыя онъ имѣлъ на эполетахъ, по формѣ уставленной въ корпусѣ водяныхъ сообщеній, гдѣ онъ числился.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ селеніе, гдѣ находился г. Раевскій, сдѣлался въ Москвѣ взрывъ пороховаго магазина. Трескъ былъ ужасный, и городъ, который уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ горѣлъ, почти весь запылалъ. Зрѣлище было грустное и вмѣстѣ страшное. Мы никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы пламя пожирало Москву и

---

*) Слухи, какъ видно, ложные; ибо въ 1820 годахъ я встрѣтился съ Гогіусомъ на Кавказѣ, гдѣ онъ, въ чинѣ полковника, управлялъ округомъ путей сообщенія. 1866.

полагали, что горитъ какое-нибудь большое селеніе, лежащее между нами и столицею. Свѣтъ отъ сего пожара былъ такой яркій, что въ 12-ти верстахъ отъ города, гдѣ мы находились, я ночью свободно читалъ какой-то газетный листъ, который на дорогѣ нашелъ.

3-го Сентября поутру мы увидѣли передъ собою Французскій авангардъ. Такъ какъ мы терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то я отправился съ однимъ изъ нашихъ слугъ и козакомъ, чтобы запастись въ большой барской усадьбѣ, виднѣвшейся верстахъ въ двухъ въ сторонѣ отъ дороги. Впослѣдствіи узналъ я, что домъ этотъ принадлежитъ какому-то князю Голицину. Домъ еще не былъ разграбленъ, стѣны украшались великолѣпными картинами, и роскошная мебель во всѣхъ комнатахъ оставалась неприкосновенною; но во всемъ домѣ и дворѣ не было живой души, и я ничего не могъ пріобрѣсть для продовольствія нашей артели. Вскорѣ послѣ меня пріѣхали на мызу Башкиры и казаки, отъ которыхъ я узналъ, что войска наши отступаютъ и что непріятель идетъ впередъ по большой дорогѣ. Поспѣшно сѣвъ на лошади, я выѣхалъ за садъ и увидѣлъ передъ собою передовую цѣпь Французовъ; пѣхоты же нашей уже не было. На большую дорогу можно было попасть, подавшись еще нѣсколько впередъ, чтобы объѣхать небольшое болото, и я поскакалъ по этому направленію, между тѣмъ какъ Французскія войска приближались. Но, достигнувъ оконечности болота, я круто поворотилъ на лѣво, уже въ близкомъ отъ непріятеля разстояніи и достигъ аріергарда нашего на большой дорогѣ. Французы не поѣхали на меня, вѣроятно, потому что я сначала самъ въ ихъ сторону скакалъ, отчего они могли принять меня за одного изъ своихъ.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ главнокомандующимъ, опредѣлено было обойти Москву фланговымъ маршемъ, дабы занять Калужскую дорогу и прикрыть южныя губерніи, откуда мы могли получать подкрѣпленія и продовольствіе. Между тѣмъ наши партизаны должны были занять всѣ дороги, въ особенности Можайскую, не допуская до Москвы непріятельскихъ транспортовъ, шедшихъ отъ Смоленска. Мы не были въ силахъ выдержать сраженія, и потому намъ надобно было прибѣгать къ инымъ средствамъ для изгнанія непріятеля изъ столицы. Избѣгая генеральнаго сраженія, продолжая между тѣмъ военныя дѣйствія и занявъ Калужскую дорогу, мы могли собрать къ зимѣ новую армію, изготовленную къ зимнему походу, тогда какъ Французамъ, ни откуда не получавшимъ помощи, предстояли всякаго рода нужды въ сгорѣвшей столицѣ и разграбленныхъ окрестностяхъ ея. Наступающіе холода должны были способствовать къ истребленію изнеможеннаго отъ недостатковъ непріятельскаго войска. Для приведенія

сего плана въ дѣйствіе требовалась большая тайна, особенно со стороны офицеровъ квартирмейстерской части, которымъ предстояло вести колонны проселками, и потому Толь, собравъ нашихъ офицеровъ, объяснилъ, по какимъ дорогамъ должно вести войска и запретилъ намъ объясняться по сему предмету съ генералами, которыхъ вели проселками и по дурнымъ дорогамъ въ неизвѣстномъ для нихъ направленіи.

Отступивши верстъ 30 отъ Москвы, армія наша своротила вправо, оставивъ на большой дорогѣ незначительный отрядъ легкой конницы, дабы обмануть Французовъ. Въ первый день мы отошли верстъ 30 въ сторону. Непонятно, какимъ образомъ непріятель потерялъ насъ изъ виду и насъ на семъ пути не безпокоилъ. Онъ могъ бы насъ на походѣ атаковать и нанести намъ большой вредъ. Французскіе отряды, расположенные около Москвы по всѣмъ дорогамъ, иногда видѣли насъ; бывали даже небольшія кавалерійскія стычки; почему мы и опасались, что будемъ на походѣ атакованы всею непріятельскою арміею. Сего однакоже не случилось, и Французовъ увидѣли мы въ силахъ только тогда, когда Калужская дорога была занята нами, и мы стояли уже на позиціи подъ с. Тарутинымъ. Фланговый маршъ нашъ продолжался четыре дня по дугѣ круга, коего центромъ была Москва, а радіусъ имѣлъ около 30 верстъ.

Дымъ отъ пылавшей Москвы обратился въ густое черное облако, которое носилось надъ нашими головами во всѣ четыре дня похода. Казалось, какъ будто тѣнь древней Москвы не оставляла насъ и требовала мщенія. Когда же мы заняли позицію, то тѣнь сія исчезла: вѣтръ разнесъ черное облако.

Раевскій командовалъ аріергардомъ и имѣлъ стычку съ непріятелемъ, помнится мнѣ, подъ селеніемъ Панки, гдѣ съ обѣихъ сторонъ было сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, перестрѣлку же поддерживали одни казаки. Въ этой стычкѣ находился л. г. драгунскій полкъ, и тутъ встрѣтился я съ пріятелемъ моимъ Николаемъ Петровичемъ Черкесовымъ, который опредѣлился въ сей полкъ штандартъ-юнкеромъ.

Мы переправились чрезъ Москву-рѣку по понтонному мосту, пославъ во всѣ стороны сильные разъѣзды; но непріятель нигдѣ не показывался.

Передъ переправою аріергардъ расположился ночью при селеніи, въ которомъ остановился Раевскій со своимъ штабомъ и гдѣ мы, офицеры квартирмейстерской части, занявъ одну избу, также расположились на ночлегъ и уснули. Ночью селеніе это загорѣлось, о чемъ мы узнали чрезъ вбѣжавшаго офицера, который насъ разбудилъ. Увидя пламя, я вскочилъ въ просонкахъ и, думая, что всѣ уже изъ избы выбрались, поспѣшилъ въ конюшню, гдѣ взялъ свою вер-

ховую лошадь въ поводъ и выѣхалъ въ торопяхъ безъ верхняго платья, оставшагося въ изголовьи. Такимъ образомъ прошелъ я версты двѣ за селеніе, гдѣ остановился. Шелъ дождь, и было холодно; войска, поднявшіяся съ бивуака, проходили мимо меня; но, по темнотѣ ночи, нельзя было никого различить. На зовъ мой подъѣхалъ офицеръ Ахтырскаго гусарскаго полка, графъ Сиверсъ, котораго я вовсе не зналъ и который, распросивъ меня, далъ мнѣ свою шинель. Вскорѣ затѣмъ нагнали меня товарищи, которые благополучно выбрались изъ своей квартиры.

Мы пришли къ городу Подольску, лежащему по Тульской дорогѣ въ 30 верстахъ отъ Москвы. Главная квартира остановилась въ селеніи Кутузовѣ. На другой день армія переправилась черезъ рѣку Пахру и продолжала движеніе свое проселочными путями. Аріергардъ же, переправясь черезъ рѣку, остановился версты три за рѣкой при селеніи, гдѣ простоялъ три дня. Нѣсколько казачьихъ полковъ оставались съ Харьковскимъ и Казанскимъ драгунскими полками за рѣкою передъ Подольскомъ. Между тѣмъ армія вышла на большую Калужскую дорогу и, отступивъ по оной еще верстъ 50, остановилась на позиціи за селеніемъ Тарутинымъ.

За переправою чрезъ рѣку Пахру находилось село Дубровицы съ усадьбою графа Мамонова, коего управитель Алексѣй, крѣпостной человѣкъ Катерины Ѳедоровны Муравьевой, охотно угощалъ проѣзжихъ офицеровъ завтраками. Такъ какъ тогда не встрѣтилось занятій, то намъ позволено было на время отлучиться, и мы вполнѣ воспользовались предложеннымъ гостепріимствомъ въ Дубровицахъ, гдѣ порядочно отдохнули, т.-е. спали покойно, хорошо обѣдали и ходили въ баню, отчего больнымъ ногамъ моимъ сдѣлалось полегче.

Наканунѣ выступленія аріергарда въ походъ пріѣхалъ въ Дубровицы командиръ Харьковскаго драгунскаго полка полковникъ Дмитрій Михайловичъ Юзефовичъ, съ которымъ я тутъ познакомился и въ теченіе войны нѣсколько разъ встрѣчался, при чемъ онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторыя услуги въ нуждахъ, многими претерпѣваемыхъ въ тогдашнее трудное время. Юзефовичъ былъ человѣкъ умный и образованный; но говорили, что онъ любилъ пограбить. Онъ дѣйствительно составилъ себѣ на походѣ библіотеку, выбирая книги изъ библіотекъ, находимыхъ на мызахъ и въ усадьбахъ, оставленныхъ по случаю войны владѣльцами. Французы различали два способа стяжанія для военныхъ, называя одинъ способъ *voler*, что̀ они признавали непозволительнымъ, другой же *faire suivre*, который они допускали.

Харьковскій и Казанскій драгунскіе полки, переправясь на нашу сторону рѣки, развели мостъ. Харьковскій пошелъ далѣе, а

Казанскій, коимъ командовалъ какой-то маіоръ, расположился въ саду на бивуакахъ для наблюденія за непріятелемъ. Подъ вечеръ показались за рѣкою Французскіе стрѣлки, съ коими спѣшившіеся Казанскіе драгуны завели черезъ рѣку перестрѣлку, и у насъ было человѣкъ 12 раненыхъ.

Такъ какъ аріергарду назначено было на другой день выступить, чтобы присоединиться къ арміи, то я перешелъ на ночь въ селеніе, гдѣ находился Раевскій. На слѣдующій день меня назначили состоять при г. Иларіонѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ, который командовалъ всей конницей аріергарда. Переходъ былъ до села Поливанова, гдѣ находился большой каменный домъ и гдѣ мы остановились на ночлегъ. Сюда же пріѣхалъ къ намъ съ семьей знакомый Дубровицкій управитель, коего казаки послѣ насъ совершенно ограбили. Г-лъ Васильчиковъ пользовался общимъ уваженіемъ. Онъ былъ извѣстенъ храбростью своею и сохранялъ хладнокровіе въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Обращеніе его съ офицерами было всегда привѣтливое. Я тогда познакомился съ его адъютантами, коихъ теперь забылъ имена, кромѣ одного Баррюеля, поручика Ахтырскаго гусарскаго полка, 13-ти или 14-ти лѣтняго бойкаго мальчика.

Въ селѣ Поливановѣ мы узнали, что за Бородинское сраженіе пожалованы Александръ и я кавалерами ордена св. Анны 3-й степени на шпагу; въ тотъ же день Юнгъ случайно нашелъ на дорогѣ ленточку Станислава Польскаго ордена; мы ее разрѣзали и, подѣлившись, вдѣли въ петлицы къ шинелямъ, въ которыхъ ходили.

На другой день пришло извѣстіе, что непріятель показался. Полки, въ ожиданіи его, выстроились; но никто не приходилъ, и мы пошли далѣе. Ночлегъ нашъ былъ при селеніи въ 5-ти только верстахъ отъ Калужской большой дороги.

Васильчиковъ послалъ меня съ двумя казаками верстъ за 15-ть, чтобы развѣдать о непріятелѣ; но я встрѣтилъ только нашъ разъѣздъ и, пріѣхавъ послѣ полуночи къ генералу, донесъ ему о видѣнномъ. Отправляясь въ сію командировку, я отыскивалъ проводника, чтобы развѣдать отъ него объ окрестныхъ селеніяхъ и, увидѣвъ крестьянина, хотѣлъ взять его для разспроса, но крайне удивился, когда одинъ изъ адъютантовъ подъѣхалъ къ нему и сталъ съ нимъ вѣжливо говорить. Крестьянинъ этотъ былъ извѣстный партизанъ Фигнеръ, родной братъ того, съ которымъ я имѣлъ встрѣчу въ Петербургѣ въ 1811 году по случаю пощечины, данной мною Михайлову въ домѣ адмирала Мордвинова. Фигнеръ служилъ въ армейской артиллеріи штабсъ-капитаномъ. Когда войска наши выступали изъ Москвы, Ермоловъ ѣхалъ мимо роты Фигнера, который, не будучи съ нимъ знакомъ, остановилъ

его и просилъ позволенія ѣхать переодѣтымъ въ Москву, чтобы убить Наполеона. По глазамъ Фигнера Ермолову казалось, что онъ похожъ на сумашедшаго (говорятъ, что Фигнеръ въ самомъ дѣлѣ былъ нѣсколько помѣшанъ); но какъ онъ не отставалъ, то Ермоловъ приказалъ ему ѣхать съ нимъ въ главную квартиру и просилъ Кутузова позволить этому отчаянному человѣку ѣхать въ Москву, на что главнокомандующій согласился. Фигнеръ, переодѣвшись крестьяниномъ, отправился въ Москву поджигать городъ и доставилъ главнокомандующему занимательныя извѣстія о непріятелѣ; въ доказательство же, что онъ дѣйствительно былъ въ Москвѣ, показалъ пачпортъ, выданный ему Французскимъ начальствомъ для свободнаго пропуска черезъ заставу. Въ семъ пачпортѣ онъ былъ названъ cultivateur (земледѣльцемъ). Главнокомандующій, замѣтивъ дѣятельность и отважность Фигнера, поручилъ ему отрядъ, состоящій изъ 100 или 200 гусаръ и казаковъ. Фигнеръ, узнавъ, что изъ Москвы выступало шесть непріятельскихъ орудій, скрылъ отрядъ свой въ лѣсахъ, гдѣ оставилъ его два или три дня; самъ же, возвратившись въ Москву, втерся проводникомъ къ полковнику, шедшему съ орудіями, при коихъ было еще нѣсколько фуръ и экипажей подъ небольшимъ прикрытіемъ. Фигнеръ повелъ ихъ мимо лѣса, въ которомъ была засада и, подавъ условленный знакъ, поскакалъ къ своимъ на Французской лошади, данной ему полковникомъ. Наша конница внезапно ударила на непріятельскій обозъ и все захватила въ плѣнъ. Полковникъ сидѣлъ въ то время въ коляскѣ и крайне удивился, увидѣвъ проводника своего предводителемъ отряда и объяснявшимся съ нимъ на Французскомъ языкѣ. Ермоловъ, къ коему доставили захваченныхъ плѣнныхъ и пушки съ обозомъ, говорилъ мнѣ, что полковникъ этотъ былъ умный и любезный человѣкъ, родомъ изъ Меклембурга и старинный пріятель земляка своего Бенингсена, съ которымъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ вмѣстѣ учился и котораго онъ уже 30 лѣтъ не видалъ. Старые друзья обнялись, и плѣнный утѣшился. Случай сей доставилъ Фигнеру первую извѣстность въ арміи. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно начальствовалъ отдѣльными отрядами и прославился въ Европѣ своимъ партизанствомъ.

Въ концѣ 1812 года появилось уже много партизановъ, но изъ нихъ всѣхъ болѣе отличался предпріимчивостью своею и храбростью Фигнеръ. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ непріятельскомъ лагерѣ, переодѣтый во Французскомъ мундирѣ, и развѣдывалъ о положеніи непріятеля, о силахъ его и объ отправлявшихся отрядахъ, на которые онъ по ночамъ нападалъ, чѣмъ причинялъ частыя тревоги и большое безпокойство Французамъ. Фигнеръ былъ до такой степени страшенъ непріятелю, что имя его служило пугалищемъ для ихъ солдатъ, и голо-

ва его была оцѣнена Французами. Фигнеръ, при всѣхъ достоинствахъ своихъ, былъ жестокосердъ. Въ послѣдствіи времени онъ не отсылалъ болѣе плѣнныхъ въ главную квартиру; говорили, что онъ, поставивъ плѣнныхъ рядомъ, собственноручно разстрѣливалъ ихъ изъ пистолета, начиная съ одного фланга по очереди и не внимая просьбамъ тѣхъ изъ нихъ, которые, будучи свидѣтелями смерти своихъ товарищей, умоляли его, чтобы онъ ихъ прежде умертвилъ. Совершенно ли справедливо такое сказаніе, не знаю. Фигнера сколько нибудь можетъ въ семъ случаѣ оправдывать то, что отрядъ его былъ малочисленъ, и потому ему нельзя было отдѣлять отъ себя людей для провожанія плѣнныхъ и тѣмъ ослаблять себя. Во всякомъ случаѣ, умерщвляя плѣнныхъ, ему надобно было избѣгать жестокости. Поводомъ къ ней конечно служило чувство мести за неистовства, чинимыя Французами въ нашихъ селеніяхъ и городахъ. Фигнеръ погибъ въ Германіи, переправившись за Эльбу съ небольшимъ отрядомъ, гдѣ онъ былъ атакованъ многочисленною непріятельскою конницею. Онъ долго держался; но, потерявъ много людей, ему не оставалось другаго спасенія, какъ броситься въ рѣку, чтобъ переплыть ее; лошадь уже вывозила его на правый берегъ, когда одинъ изъ его гусаръ, выбившись въ водѣ изъ силъ, схватилъ Фигнерову лошадь за хвостъ, самъ утонулъ и утопилъ своего начальника.

Около того времени, какъ мы вышли на большую Калужскую дорогу, Милорадовичъ былъ назначенъ для командованія аріергардомъ, который состоялъ изъ двухъ корпусовъ пѣхоты, составлявшихъ вмѣстѣ едва 9 т. человѣкъ. Конницы было много, и Васильчиковъ оставался начальникомъ оной. Въ числѣ аріергардныхъ начальниковъ находился командиръ драгунской дивизіи и шефъ Псковскаго драгунскаго полка, генералъ Корфъ. Одною изъ бригадъ сей дивизіи командовалъ генералъ-маіоръ Панчулидзевъ, вмѣстѣ и шефъ Черниговскаго драгунскаго полка.

Милорадовичъ пользовался славою храбраго генерала, но я не имѣлъ повода въ томъ удостовѣриться. Иные пологали его даже искуснымъ полководцемъ; но кто зналъ лично безтолковаго генерала сего, то, вѣрно, имѣлъ иное мнѣніе о его достоинствахъ. Корфъ былъ человѣкъ умный и добрый, но слабый, нерѣшительный и не принадлежалъ къ разряду отважнѣйшихъ. Онъ болѣе всего предпочиталъ хорошую квартиру и любилъ напиться спокойно кофе, иногда оставлялъ войско свое и удалялся на сторону въ селенія для удобнаго ночлега. Милорадовичъ же довелъ сей послѣдній обычай до совершенства: ибо ему часто случалось отлучаться на цѣлые сутки, такъ что войска не знали, гдѣ его отыскивать для полученія приказаній и куда имъ идти.

Окружалъ же онъ себя множествомъ адъютантовъ и военными чиновниками, большею частью людьми праздными, частью и пошлыми. Панчулидзевъ также имѣлъ славу храбраго человѣка, но въ то время онъ въ дѣлахъ не поддержалъ этого имени.

Легкая гвардейская кавалерійская дивизія находилась также въ аріергардѣ; ею командовалъ г.-м. Антонъ Степановичъ Чаликовъ, большой крикунъ и шутъ, старый генералъ, добрый человѣкъ и въ иныхъ отношеніяхъ, можетъ быть, и хорошій. Юзефовичъ надъ всѣми сими генералами имѣлъ преимущество, какъ по уму своему, такъ и по образованію, и потому они его опасались и дичились.

Начальниками въ полкахъ Донскаго войска были: г.-м. Николай Васильевичъ Иловайскій (котораго хвалили, но я его зналъ только по его хлѣбосольству) и г.-м. Екимъ Екимовичъ Карповъ. Былъ еще изъ Калмыковъ полковникъ Василій Алексѣевичъ Сысоевъ, человѣкъ храбрый, умный, проворный и опытный, нынѣ служитъ г.-маіоромъ и командуетъ Донскимъ войскомъ въ Грузіи.

Матвѣя Ивановича Платова въ то время въ арміи не было: онъ впалъ въ немилость у Государя за поведеніе его въ Бородинскомъ сраженіи и уѣхалъ на Донъ, гдѣ собиралъ по Высочайшему повелѣнію поголовное ополченіе.

Въ то время, какъ мы стояли подъ Тарутинымъ, пришло къ арміи 30 Донскихъ полковъ, составленныхъ изъ стариковъ, выслужившихъ узаконенныя лѣта. Не менѣе того казаки эти были отличные; они говорили, что пришли выручать своихъ внучатъ, которые воевать не умѣютъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Донскихъ полкахъ доводилось иногда дѣду встрѣчаться съ сыномъ и внукомъ. Присылкою сего ополченія Платовъ оправдался во мнѣніи Государя и передъ всей Россіею.

По прибытіи аріергарда подъ начальствомъ Милорадовича на большую Калужскую дорогу, онъ нѣсколько отступилъ по оной и остановился при селеніи Красной Нахрѣ. Милорадовичъ и Васильчиковъ остановились въ большомъ каменномъ домѣ, подлѣ селенія. Первый по обыкновенію своему раздѣлся и легъ спать, какъ неожиданно вбѣжалъ къ нему адъютантъ съ докладомъ, что, прохаживаясь по саду, онъ видѣлъ за оградою непріятельскую колонну. Милорадовичъ въ испугѣ вскочилъ и бѣгалъ по комнатамъ безъ штановъ въ колпакѣ. Васильчиковъ же сѣлъ верхомъ и поспѣшилъ въ лагерь, гдѣ я съ адъютантомъ его Баррюелемъ нагналъ его. Онъ самъ скакалъ по полкамъ, повторяя, чтобы скорѣе мундштучили и садились на коней. Л.-г. гусарскій полкъ поспѣлъ прежде всѣхъ, построился въ колонну и поскакалъ за нами съ обнаженными саблями, но въ безпорядкѣ. Мы уже далеко были впереди, когда гусары нагнали насъ. Видно было

Французскую небольшую пѣхотную колонну, которая, замѣтивъ насъ, построилась въ карре, но мы продолжали скакать къ ней по срубленному лѣсу между торчащими пнями. Въ правой сторонѣ былъ у насъ высокій кустарникъ, который тянулся до непріятельскаго карре; въ лѣвой же роща, которая могла скрывать отъ насъ силы Французовъ. Колонна, не надѣясь устоять противъ насъ, повернула въ кустарникъ, гдѣ расположилась по опушкѣ въ густомъ развернутомъ строѣ. Намъ невозможно было съ гусарами атаковать Французовъ въ лѣсу, и потому мы промчались мимо ихъ пѣхоты, направляясь къ непріятельской конницѣ, показавшейся нѣсколько подалѣе того мѣста, гдѣ сначала стояло карре. Такимъ образомъ выдержали мы шагахъ въ 50-ти отъ опушки кустарника сильный ружейный огонь, по быстротѣ движенія нашего не продолжавшійся впрочемъ болѣе 2-хъ или 3-хъ минутъ. Мы проскакали въ такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятельской пѣхоты, что можно было почти различать людей въ лицо. Однакоже Французы, повидимому, оторопѣли; потому что отъ множества ихъ выстрѣловъ было ранено у насъ только два гусара, остальныя же пули просвистали мимо нашихъ ушей. Едва стали мы приближаться къ непріятельской конницѣ, какъ она внезапно повернула назадъ и ускакала; облако пыли показывало намъ, въ которую сторону она неслась; но вскорѣ явилось за нимъ другое облако пыли, преслѣдовавшее первое: то были лейбъ-уланы, которые объѣхали рощу, на лѣво отъ насъ находившуюся и, увидя непріятельскую конницу, ударили на нее, нагнали и привели человѣкъ десять плѣнныхъ. Зрѣлище было великолѣпное. Васильчиковъ остановилъ гусаръ и съ кѣмъ-то разговаривалъ, когда два неожиданные пушечные выстрѣла принесли одно въ слѣдъ на другимъ два ядра, которыя пали рикошетомъ передъ самой лошадью генерала. Мы вглядывались въ даль, но не было видно ни орудій, ни конницы, ни пѣхоты непріятельскихъ; все исчезло, и тѣмъ кончилось дѣло. Подоспѣвшая между тѣмъ пѣхота наша пошла въ лѣсъ, но никого уже тамъ не застала. Милорадовичъ пріѣхалъ тогда, какъ уже все было кончено. Во все время, пока мы скакали мимо опушки подъ огнемъ непріятельскимъ, Васильчиковъ былъ замѣчательно хладнокровенъ. Онъ ѣхалъ галопомъ, не обнаживъ сабли и, оглядываясь, кричалъ гусарамъ: «*легче, легче, равняйтесь, гусары!*» Съ сего дня я къ нему возымѣлъ особое уваженіе.

Въ тотъ же вечеръ мы отступили къ селенію Чирикову, гдѣ расположились лагеремъ и простояли одинъ день, остерегаясь, чтобы Французы не отрѣзали насъ отъ арміи, которая находилась уже въ Тарутинѣ. На слѣдующій день непріятель показался въ значительныхъ силахъ. Наполеонъ, узнавши объ обходномъ движеніи нашей арміи,

послалъ изъ Москвы по Калужской дорогѣ сильный авангардъ подъ командою короля Неаполитанскаго.

Мнѣ неизвѣстно, по какимъ причинамъ Васильчиковъ въ это время сдалъ начальство надъ аріергардною конницею Донскому генералу, графу Орлову-Денисову. Орловъ-Денисовъ былъ храбръ, но, говорили, недальній человѣкъ и любилъ выпить. Онъ не занялъ квартиры, но расположился въ чистомъ полѣ у огня. Свита его состояла изъ гвардейскихъ Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ, коихъ было около 8 человѣкъ. Мы явились къ нему; онъ принялъ насъ ласково, посадилъ и предложилъ пить водку. Тутъ съѣхалось нѣсколько казачьихъ полковыхъ командировъ, и всѣ, по Донскому обыкновенію, тотчасъ принялись вмѣстѣ съ своимъ графомъ за водку. Къ вечеру Орловъ перенесъ ночлегъ свой впередъ къ самымъ форпостамъ, гдѣ велѣлъ построить себѣ на большой дорогѣ шалашъ и развести огонь. Я оставался на квартирѣ въ Чириковѣ и славно отужиналъ у Юзефовича.

Поутру мы услышали частую канонаду на оконечности нашего праваго фланга. Полагая, что тамъ находится графъ, я поѣхалъ по направленію, откуда слышалъ выстрѣлы, но нашелъ только шефа Нѣжинскаго драгунскаго полка, г.-м. Сиверса, который, будучи на томъ флангѣ старшимъ, долженъ былъ распоряжаться войсками. Онъ такъ растерялся отъ неожиданнаго нападенія, что скакалъ во всѣ стороны, какъ сумашедшій, и не могъ отъ перепуга двухъ словъ сряду сказать. Однако артиллерія наша и пѣхота стали отстрѣливаться, и завязалось дѣло. Сиверсъ ловилъ всѣхъ проѣзжихъ, чтобы распросить ихъ, гдѣ графъ; такимъ образомъ онъ и меня поймалъ и хотѣлъ куда-то послать; но, видя его слишкомъ оторопѣвшимъ и, казалось, даже пьянымъ, я уѣхалъ къ большой дорогѣ на лѣвый флангъ, гдѣ надѣялся найти графа Орлова-Денисова и гдѣ также завязалось дѣло. Объ этомъ Сиверсѣ носились дурные слухи: говорили, что онъ трусъ и, дѣйствительно, пьяница.

Подъѣзжая къ большой дорогѣ, я увидѣлъ, что Французская конница атакуетъ нашу артилерію, почему мнѣ нельзя уже было попасть на большую дорогу. Между тѣмъ слышно было, что выстрѣлы на нашемъ правомъ флангѣ стали также назадъ подаваться. Я былъ почти отрѣзанъ отъ своихъ, и мнѣ оставалось только пробираться лѣсомъ. Со мною былъ казакъ, и я увидѣлъ другаго, который прокрадывался по кустамъ, то нагибаясь, то вставая на стремена, чтобы на стороны оглядѣться. Мы были такъ близко къ непріятелю, что нельзя было подавать голоса. По данному знаку казакъ ко мнѣ подъѣхалъ, и мы втроемъ пустились лѣсомъ, но подвигались медленно,

потому что лѣсъ былъ очень густой. Хотя мы ѣхали назадъ, но выстрѣлы, судя по слуху, опередили насъ, и я опасался застать непріятельскую пѣхоту въ лѣсу, котораго къ счастью Французы еще не заняли. Послѣ нѣкотораго времени передовой казакъ вдругъ остановился. «Ваше благородіе, Французы», сказалъ онъ. Изъ-за куста, дѣйствительно, виднѣлся киверъ и приложенное на насъ ружье; но я скоро узналъ, что то былъ нашъ егерь и закричалъ ему, чтобы онъ не стрѣлялъ. Егерь остановилъ ружье и, проѣхавъ черезъ нашу цѣпь стрѣлковъ, я скоро выѣхалъ изъ лѣса, гдѣ нашелъ аріергардную пѣхоту нашу подъ командою Милорадовича, который находился очень далеко отъ выстрѣловъ. Выѣхавъ наконецъ на большую дорогу, я поворотилъ на право и нашелъ графа Орлова съ конницею, удерживавшаго натискъ непріятеля.

Одна непріятельская батарея вредила нашей конницѣ. Милорадовичъ хотѣлъ ознаменовать свое появленіе въ дѣло овладѣніемъ орудіями. Какимъ-то глупымъ, гнусливымъ и осиплымъ голосомъ приказалъ онъ одному эскадрону Литовскаго уланскаго полка скакать черезъ лѣсъ и взять непріятельскую батарею; но эскадронъ этотъ состоялъ только изъ 30 человѣкъ, чего Милорадовичъ не предвидѣлъ, и потому, увидя горсть всадниковъ, тронувшуюся въ лѣсъ для овладѣнія орудіями, онъ приказалъ всему полку атаковать. Полкъ пустился, но въ немъ не было больше 200 человѣкъ. Тогда Милорадовичъ приказалъ еще казачьему полку за ними слѣдовать, и сія конница поскакала въ безпорядкѣ на батарею чрезъ лѣсъ, дабы захватить ее неожиданнымъ образомъ съ фланга. Милорадовичъ никакъ не полагалъ, чтобы непріятель догадался занять лѣсъ стрѣлками для защиты своей артилеріи отъ внезапнаго нападенія. Онъ послалъ меня нагнать конницу и донести ему объ успѣхѣ. Мы уже изъ лѣса выѣзжали, нѣкорые изъ людей нашихъ были уже у самой батареи; мы видѣли Елисаветградскій гусарскій полкъ, который несся съ фронта на батарею, какъ онъ вдругъ остановился. Причиною тому была многочисленная непріятельская конница, показавшаяся въ полѣ для защиты своихъ орудій. Литовскіе уланы хотѣли опрокинуть эту конницу. Всѣ офицеры выѣхали изъ лѣса и сзывали уланъ своихъ, но никто не трогался. Уланы остались разсыпанными по лѣсу, смотрѣли на Французскую конницу и кричали: ура! но впередъ не подвигались. Ни побои, ни слова, ни понужденія, ни удары, ничего не помогло; какъ вдругъ появившіеся съ боку непріятельскіе стрѣлки осыпали насъ въ лѣсу пулями и перебили много людей. Въ лѣсу противъ пѣхоты нечего было дѣлать. Всѣ кричали и, шпоря лошадей, удерживали ихъ поводьями. Между тѣмъ Французы свезли свою батарею. Я

возвратился къ Милорадовичу и донесъ ему о происшедшемъ. Казалось, что онъ уже забылъ о томъ, что послалъ атаковать орудія, и ничего не приказалъ. Литовцы сами возвратились съ урономъ.

Становилось поздно, мы не уступали мѣста, хотя силы наши были гораздо слабѣе непріятельскихъ. Цѣлый день шелъ дождь; люди и лошади утомились. Едва стало смеркаться, какъ появившіеся на высотахъ Французскіе фланкёры предвѣщали намъ приближеніе свѣжихъ войскъ на подкрѣпленіе къ непріятелю. Выѣхала новая батарея, которая сыпала на насъ картечью; но Милорадовича тутъ уже давно не было, графъ Орловъ былъ пьянъ. «За мной!» закричалъ онъ, подернувъ усомъ. За нимъ было человѣкъ шесть лейбъ-казачьихъ ординарцевъ, братъ и я; мы пустились съ обнаженными саблями за Орловымъ. Французскіе фланкёры испугались и бѣжали; мы ихъ нѣсколько преслѣдовали, но остановились, когда увидѣли передъ собою массу пѣхоты. Постоявъ немного подъ сыпавшеюся на насъ картечью, мы отступили шагомъ, не потерявъ ни одного человѣка.

Ночь прекратила дѣло подъ Чириковымъ, въ которомъ мы потеряли, какъ говорили, до трехъ тысячъ человѣкъ ранеными и убитыми. Графъ Орловъ забрался къ самымъ передовымъ постамъ, гдѣ сѣлъ у огня и задремалъ, насъ же послалъ сдѣлать рекогносцировку непріятельскихъ ведетовъ. По возвращеніи мы легли въ грязь подлѣ огня, привязавъ лошадей къ шарфу. Дождь шелъ во всю ночь. Французы изрѣдка пускали ядра по нашему огню; но мы такъ утомились, что, не смотря на это, уснули.

На другой день поутру, продолжая отступать къ Тарутину, мы проходили черезъ село Вороново, принадлежащее Ростопчину, который велѣлъ сжечь свой домъ и селеніе, чтобы непріятель ими не воспользовался. Подъ Вороновымъ было тоже сильное аріергардное дѣло, въ которомъ мнѣ довелось только мало участвовать.

Вскорѣ послѣ того графа Орлова-Денисова смѣнили въ командованіи аріергардною кавалеріею и начальникомъ оной сдѣлали г.-м. Корфа, человѣка толстаго, какъ говорили, умнаго, добраго, но совсѣмъ не военнаго и застѣнчиваго въ огнѣ. Мы къ нему явились. При немъ состоялъ квартирмейстерской части капитанъ Шубертъ, умный и ученый, но гордый, непріятный человѣкъ и въ полной мѣрѣ Нѣмецъ. Онъ сначала хотѣлъ забрать насъ въ свою команду, но мы ему не сдались и находились безъ посредническаго начальства лично при Корфѣ. Мы обрадовались, встрѣтивъ тутъ дядю своего, г.-м. Николая Александровича Саблукова *), который, снова вступивъ въ службу изъ

---

*) Оставившаго извѣстныя Воспоминанія о кончинѣ Павла Перваго, напечатанныя въ Русскомъ Архивѣ 1869 г. П. Б.

отставки, состоялъ при Корфѣ безъ всякой прямой должности. Пріятно было увидѣть человѣка, близкаго намъ по родственнымъ связямъ и по сердцу своему всегда готоваго на всякую помощь.

Аріергардъ расположился въ 4-хъ или 6-ти верстахъ не доходя села Тарутина, при которомъ вся армія стояла уже на позиціи.

Непріятель показался и атаковалъ нашъ аріергардъ, коего всѣ войска были въ дѣйствіи, при чемъ произошло жаркое дѣло. Конница наша нѣсколько разъ ходила въ атаку, и мы ни на шагъ назадъ не подались. Въ семъ сраженіи подъ сел. Гремячевымъ (называемымъ также *Корсаковымъ*) мы потеряли, можетъ быть, до 3 т. человѣкъ. Французы атаковали насъ такъ настойчиво потому, что не знали о нашемъ намѣреніи остановиться со всѣми силами на Калужской дорогѣ и упорно защищаться на избранной при сел. Тарутинѣ позиціи. Такъ какъ у Неаполитанскаго короля былъ только авангардъ, то онъ не рѣшился атаковать насъ на другой день и расположился въ виду нашемъ за оврагомъ. Войска наши также остались на своемъ мѣстѣ, посылая сильные разъѣзды во всѣ стороны и разставивъ около себя частые козачьи посты. Корфъ занялъ свою квартиру въ селѣ Тарутинѣ.

Обширное село Тарутино лежитъ при рѣкѣ Нарѣ и принадлежитъ князю Голицыну. Въ этомъ селѣ расположилась сперва главная квартира; когда же аріергардъ нашъ къ оному подошелъ, то Кутузовъ перевелъ свою квартиру въ деревну Леташевку, лежащую верстахъ въ двухъ или трехъ подалѣе на большой же Калужской дорогѣ; но какъ селеніе сіе было недостаточно для помѣщенія главной квартиры, то заняли еще другое селеніе, тоже Леташевку, лежащее на версту въ сторонѣ отъ большой дороги. Тамъ была большая мыза, на которой стояли генералъ Ермоловъ и многіе другіе. Позади Тарутина были высоты, на которыхъ армія наша расположилась въ нѣсколько линій. Въ послѣдствіи времени тяжелую конницу поставили на тѣсныхъ квартирахъ по окрестнымъ селеніямъ. Хотя позиція наша была выгодная, но мы не могли бы удержать ее противъ всѣхъ Французскихъ силъ, потому что полки наши были очень слабы...

Французскій генералъ, пріѣзжавшій для переговоровъ о перемиріи, выставлялъ Кутузову выгоды, которыя могли произойти для Россіи отъ заключенія мира. Кутузовъ прикинулся слабымъ, дряхлымъ старикомъ. Говорятъ, что онъ даже плакалъ. «Видите», сказалъ онъ посланному, «мои слезы; донесите о томъ императору вашему. Скажите ему, что мое желаніе согласно съ желаніемъ всей Россіи. Всего ожидаю отъ милости Наполеона и надѣюсь ему быть обязаннымъ спокойствіемъ несчастнаго моего отечества»...

Предположеніе о мирныхъ условіяхъ были посланы въ Петербургъ съ курьеромъ, но курьеру приказано было попасться въ руки непріятелю, и Наполеонъ увѣрился въ мирныхъ расположеніяхъ Кутузова. Между тѣмъ черезъ Ярославль былъ посланъ другой курьеръ къ Государю съ просьбою не соглашаться ни на какія условія.

Французы стояли передъ нами въ бездѣйствіи и ожидали ежедневно отвѣта о мирѣ. Между тѣмъ Кутузовъ мало показывался, много спалъ и ничѣмъ не занимался. Никто не зналъ причины нашего бездѣйствія; носились слухи о мирѣ, и въ арміи былъ всеобщій ропотъ противъ главнокомандующаго.

Во время сего бездѣйствія, продолжавшагося цѣлый мѣсяцъ, Французы потеряли значительное количество людей на фуражировкахъ. Партизаны наши присылали много плѣнныхъ; другихъ ловили крестьяне, которые вооружились и толпами нападали на непріятельскихъ фуражировъ. Не проходило дня, чтобы ихъ сотнями не приводили въ главную квартиру. Поселяне не просили себѣ другой награды, какъ ружей и пороху, что имъ и выдавали изъ числа взятаго ими непріятельскаго оружія. Въ иныхъ селеніяхъ крестьяне составляли сами ополченье и подчинялись раненымъ солдатамъ, которыхъ подымали съ поля сраженія. Они устроили между собой и конницу, выставляли аванпосты, посылали разъѣзды, учреждали условленные знаки для тревоги. Послѣ такихъ мѣръ, въ непріятельской арміи оказалась большая нужда въ продовольствіи. Французы стали употреблять въ пищу своихъ лошадей; тѣ же, которыя оставались, были такъ слабы, что, когда казаки подъѣзжали къ ихъ передовой цѣпи, то непріятельскіе всадники, занимавшіе форпосты, спрыгивали съ сѣдла и бѣжали назадъ, оставляя лошадей на мѣстѣ неподвижными. Отъ недостатковъ проявились у нихъ между людьми заразительныя болѣзни. Французскіе мародеры приходили даже въ Тверскую губернію и тамъ были побиваемы крестьянами, которые, какъ тогда разсказывали, остервенились до такой степени, что прикалывали своихъ собственныхъ слабыхъ и раненыхъ товарищей, дабы не затруднять себя ими, или чтобы они не попались живыми въ руки непріятелю. Нѣкоторымъ изъ крестьянъ выдавались Георгіевскіе кресты. Всего болѣе отличались поселяне Ельнинскаго и Юхновскаго уѣздовъ Смоленской губерніи, которые подъ начальствомъ капитана исправника причинили много вреда непріятелю.

Въ числѣ партизановъ были, кромѣ Фигнера, Дороховъ и Михайла Орловъ. Первый изъ нихъ съ лейбъ-драгунскимъ полкомъ разбилъ на голову Французскихъ гвардейскихъ драгунъ и на большой Можайской дорогѣ захватилъ непріятельскіе обозы, шедшіе въ Москву. Михайла

Орловъ былъ посланъ съ маленькимъ отрядомъ къ Вереѣ, которую онъ взялъ приступомъ, за что получилъ Георгіевскій крестъ и былъ произведенъ изъ поручиковъ прямо въ ротмистры.

Пока непріятель такимъ образомъ изнемогалъ, наша армія поправлялась. Продовольствіе у насъ было хорошее. Розданы были людямъ полушубки, пожертвованные для нижнихъ чиновъ изъ разныхъ внутреннихъ губерній, такъ что мы не опасались зимней кампаніи. Конница наша была исправна. Каждый день приходило изъ Калуги для пополненія убыли въ полкахъ по 500, по 1000 и даже по 2000 человѣкъ, большей частью рекрутъ. Войска наши отдохнули и нѣсколько укомплектовались, такъ что, при выступленіи изъ Тарутинскаго лагеря, у насъ было подъ ружьемъ 90.000 регулярнаго войска. Числительностью, однакоже, мы были еще гораздо слабѣе Французовъ, и намъ нельзя было рисковать генеральнымъ сраженіемъ; но можно было надѣяться на успѣхи зимней кампаніи, въ холода и морозы, которыхъ непріятель не могъ выдержать.

Тарутинскій лагерь нашъ похожъ былъ на обширное мѣстечко. Шалаши выстроены были хорошіе, и многіе изъ нихъ обратились въ землянки. У иныхъ офицеровъ стояли даже избы въ лагерѣ; но отъ сего пострадало село Тарутино, которое все почти разобрали на постройки и топливо. На рѣкѣ завелись бани, по лагерю ходили сбитеньщики, пріѣхавшіе изъ Калуги, а на большой дорогѣ былъ базаръ, гдѣ постоянно собиралось до тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые продавали сапоги и разныя вещи своего издѣлія. Лагерь былъ очень оживленъ. По вечерамъ во всѣхъ концахъ слышна была музыка и пѣсенники, которые умолкали только съ пробитіемъ зари. Ночью обширный станъ нашъ освѣщался множествомъ бивуачныхъ огней, какъ бы звѣздъ отражающихся въ пространномъ озерѣ

Подъ Тарутинымъ разстрѣляли нѣсколько солдатъ нашихъ, пойманныхъ на воровствѣ; говорили, и одного офицера, который отъ самой Вильны шелъ съ отрядомъ мародеровъ, собравшихся изъ разныхъ полковъ. Онъ дошелъ такимъ образомъ до Тарутина, пробираясь стороною и проселками, помимо большой дороги, и на пути своемъ ограблялъ помѣщиковъ и крестьянъ. Говорили также, что будутъ разстрѣливать офицера л.-гв. Литовскаго полка по имени Сіона. Отецъ его Французъ и занимаетъ какое-то мѣсто въ Пажескомъ или кадетскомъ корпусѣ. Сынъ будто изобличенъ былъ въ передачѣ извѣстій непріятелю. Не знаю обстоятельно этого дѣла, о которомъ много и долго говорили. Потомъ сказывали, что Сіонъ исчезъ, а гораздо позже, что онъ былъ прощенъ. Другіе же говорили, что Сіонъ вовсе не былъ измѣнникомъ.

До того времени бывали частые пожары въ нашемъ лагерѣ и окрестныхъ селеніяхъ, и слухъ носился, будто этими знаками передавались вѣсти непріятелю.

Къ намъ въ авангардъ командировали квартирмейстерской части прапорщика или подпоручика Льва Алексѣевича Перовскаго 1-го *), побочнаго сына графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, бывшаго ученика моего въ училищѣ въ Петербургѣ; человѣкъ умный и со свѣдѣніями, но непріятный въ обхожденіи.

Въ службѣ квартимейстерскихъ офицеровъ аріергарда происходила неурядица. Насъ было пятеро и безъ начальника, почему прислали къ намъ полковника квартирмейстерской части Павла Петровича Черкасова. Наружность сего человѣка умная и порядочная чертами лица: онъ былъ похожъ на изображенія Ѳемистокла. Первые пріемы его были пріятные и разговоръ занимательный; но, по ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, онъ оказывался низкихъ и подлыхъ свойствъ, злымъ, скупымъ, пьянымъ, безтолковымъ педантомъ и трусомъ. Не менѣе того пороки и недостатки сего человѣка не лишили его расположенія Милорадовича, который, по глупости и необразованности своей, легко привязывался къ пресмыкающейся передъ нимъ личности. Черкасовъ оставался во время всего похода при Милорадовичѣ, который любилъ и отличалъ его, тогда какъ Раевскій и Ермоловъ, видѣвшіе его пьянымъ или уклоняющимся отъ ядеръ, безщадно бранили его. Черкасовъ былъ прежде преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ познаній; но, дослужившись до чина полковника, онъ былъ безъ всякой опытности и не умѣлъ обращаться съ благородными офицерами. Какъ его мало знали, то онъ сначала понравился намъ, и мы были рады ему; но когда начались военныя дѣйствія, то онъ весь обнаружился. Презрѣніе было первое чувство, которое онъ къ себѣ вселилъ трусостью; въ послѣдствіи онъ совершенно растерялся и, казалось, даже нѣсколько въ умѣ помѣшался.

Главнокомандующій, находя, что уже настало время дѣйствовать, рѣшился атаковать въ расплохъ стоявшій передъ нами Французскій авангардъ подъ командою Неаполитанскаго короля. Предварительно посланы были офицеры квартирмейстерской части лѣсами и проселочными дорогами для обозрѣнія мѣстоположенія въ тылу непріятеля, что̀ исполнили самъ Толь съ поручикомъ Траскинымъ и прапорщикомъ Глазовымъ. Обстоятельно ознакомившись съ путями, они повели ночью двѣ колонны, подъ командою Багговута и Бенингсена лѣсами. На-

*) Въ послѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ. 1866.

паденіе сіе хранилось въ большой тайнѣ, и потому запрещено было во время движенія говорить, курить трубку, стучать ружьями. Къ разсвѣту колонны должны были стянуться у опушки лѣса, къ которому примыкалъ непріятельскій лѣвый флангъ. По оплошности Французовъ, не занимавшихъ опушки лѣса, наши войска остановились въ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Милорадовичу приказано было выстроить авангардъ впереди Тарутина, не атакуя непріятеля, а съ тѣмъ единственно, чтобы отвлечь вниманіе его. Гвардія, выступивъ изъ своего лагеря, стала въ резервѣ. На разсвѣтѣ Бенингсенъ далъ пушечнымъ выстрѣломъ сигналъ атаковать лѣвый флангъ пребывавшаго еще во снѣ непріятеля. Французы были раздѣты. Пока они одѣвались, Бенингсенъ и Багговутъ открыли сильную канонаду по непріятелю и, выступивъ съ пѣхотой изъ лѣса, захватили 20 орудій, которыя стояли на позиціи. Французы, нѣсколько оправившись, отступили своимъ лѣвымъ флангомъ и устроили сильную батарею противъ корпуса Багговута; но она была скоро сбита, причемъ Багговутъ убитъ ядромъ. Между тѣмъ правый флангъ непріятеля тронулся, чтобы атаковать Милорадовича, но былъ отраженъ нѣсколькими картечными выстрѣлами. Пока сіе происходило, мы увидѣли въ тылу Французовъ Орлова-Денисова, атакующаго ихъ казаками. Атака была блистательная: казаки опрокинули непріятельскихъ кирасиръ и причинили значительный уронъ имъ. Французы стали отступать бѣгомъ; мы ихъ сильно преслѣдовали верстъ десять и, наконецъ, они исчезли, потерявъ большое число орудій и много людей убитыми, въ числѣ послѣднихъ и генерила Ферье.

Войска наши возвратились въ Тарутинскій лагерь съ пѣснями и музыкою. Аванносты наши остались на томъ мѣстѣ, гдѣ непріятель скрылся, Милорадовичъ снова занялъ свою квартиру въ селеніи Тарутинѣ. Сраженіе сіе получило названіе по рѣчкѣ Чернышкѣ, на которой оно происходило; называютъ его также Тарутинскимъ.

Послѣ этого дѣла наши гвардейскіе офицеры пустили на счетъ Наполеона красное словцо, будто онъ, выступая изъ Москвы, сказалъ о Кутузовѣ: *Ta routine m'a dérouté.*

Сраженіе при рѣкѣ Чернышкѣ происходило 6-го Октября, кажется не въ самый ли день взятія Полоцка графомъ Витгенштейномъ. Въ этотъ день, когда авангардныя войска становились на позицію, Черкасову слѣдовало съ нами ѣхать въ поле; но такъ какъ онъ за нами не посылалъ, то мы сами пошли къ нему и сказали, что Милорадовичъ садится на лошадь и что пора ѣхать. Черкасовъ совсѣмъ растерялся. Онъ бѣгалъ по комнатѣ и хватался то за одну вещь, то за другую, вдругъ останавливался и прислушивался. «Господа», говорилъ

онъ, «слышите ли вы? выстрѣлы? а? а? точно, выстрѣлы и непріятельскіе». — «Поѣдемте, Павелъ Петровичъ», повторили мы ему. — «Сей часъ, господа, сію минуту, дайте только собраться; а ты казакъ, мошенникъ, мнѣ дурно лошадь осѣдлалъ, пересѣдлай ее; не такъ, не хорошо, съизнова пересѣдлай, перемундштучь Лыску». Мы внутренно смѣялись надъ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще былъ пьянъ. По настоятельной просьбѣ нашей, онъ наконецъ сѣлъ верхомъ, шатался на лошади и всю дорогу бредилъ; то онъ къ намъ приставалъ, зачѣмъ у каждаго изъ насъ нѣтъ карандаша съ бумагой, говоря, что должность нашего офицера во время сраженія состоитъ въ томъ, чтобы рисовать движенія войскъ; онъ даже хотѣлъ насъ назадъ послать, но былъ уже въ такомъ положеніи, что не говорилъ, а лепеталъ, и мы, по немногу отставая отъ него, отыскали Милорадовича, при коемъ и остались; Черкасовъ же исчезъ и все время сраженія, неизвѣстно гдѣ и какъ время проводилъ. Для насъ стыдно было имѣть подобнаго начальника, котораго и посторонніе видѣли въ нетрезвомъ положеніи. Не менѣе того Черкасовъ былъ избранникомъ Милорадовича, и по немъ можно было судить о избравшемъ его.

Съ начала дѣла я находился при Милорадовичѣ; черезъ насъ перелетѣло только нѣсколько ядеръ. Видя, что авангардъ нашъ въ дѣло не вступаетъ, я отправился съ Перовскимъ впередъ для отысканія происшествій, болѣе занимательныхъ. Мы далеко проникли и попались однажды подъ ружейные выстрѣлы. Въ одномъ мѣстѣ застали Французскій фургонъ и, разбирая его, нашли въ немъ нѣсколько книгъ, которыя взяли съ собою. Мы возвратились ввечеру въ то время, какъ Милорадовичъ вступалъ съ войсками въ свой прежній лагерь. На пути видѣлъ я тѣло генерала Ферье, котораго Французы впослѣдствіи себѣ выпросили для отданія почести. Въ ужасномъ положеніи былъ непріятельскій лагерь, черезъ который мы ѣхали. Кромѣ множества убитыхъ людей, повсюду лежали зарѣзанныя лошади, которыми Французы питались. На квартирѣ, занимавшейся Неаполитанскимъ королемъ, я видѣлъ ободранную кошку, вѣроятно, готовившуюся къ столу. Вездѣ фургоны, нагруженные вывезеннымъ изъ Москвы имуществомъ, оставленные на пути и разграбленные казаками, которые разметали часть вещей по полю. Осталось также много колясокъ и каретъ, которыми поживились въ Москвѣ начальники Французскихъ войскъ. На полѣ сраженія лежало также нѣсколько убитыхъ женщинъ; одну изъ нихъ видѣлъ я пораженною пулею въ глазъ; подлѣ нея лежалъ раненый Полякъ. Онъ былъ безъ памяти, но бился и громкимъ голосомъ ревѣлъ.

Въ сраженіи подъ Тарутинымъ Псковскій драгунскій полкъ, опрокинувъ Французскихъ латниковъ, надѣлъ непріятельскія кирасы, въ коихъ и продолжалъ бой. Въ уваженіе подвиговъ Псковскихъ драгунъ Государь назвалъ ихъ кирасирами, и они сохранили также во всю войну пріобрѣтенныя ими Французскія желтыя и бѣлыя латы.

Во время дѣла встрѣтилъ я одного драгуна, который гналъ предъ собою Русскаго, сильно порубленнаго. Раненый кричалъ и просилъ пощады отъ драгуна, но тотъ не переставалъ толкать его лошадью и подгонять палашемъ. Плѣнный этотъ былъ родной братъ драгуна, ходилъ по волѣ въ Москвѣ и вступилъ въ услуженіе къ одному Французскому офицеру, за что̀ и не щадилъ его родной братъ, который, послѣ строгаго обхожденія съ нимъ, отдалъ его въ число военноплѣнныхъ, собираемыхъ въ главную квартиру. Подобіе Римскихъ нравовъ!

Между ужасами, видѣнными мною на полѣ сраженія, я былъ свидѣтелемъ одной звѣрской сцены, отъ которой чувство человѣческое содрагается. Проѣзжая по тому мѣсту, гдѣ лежали Французскіе кирасиры, я остановился по жалобнымъ воплямъ одного изъ нихъ, и увидѣлъ рослаго и стройнаго латника, лежащаго на спинѣ; бокъ у него былъ вырванъ, какъ бы полуядромъ, но онъ былъ еще въ памяти и, мотая руками, вскликивалъ: *O Jésus, Marie!* Два драгуна, замѣтивъ на немъ хорошіе сапоги, слѣзли съ лошадей, и одинъ изъ нихъ сталъ тащить съ него обувь, но такъ какъ сапогъ съ ноги не подавался, то другой наступилъ ногою лежащему на животъ и выдавилъ ему внутренность изъ раны. Французъ ревѣлъ, но удерживавшій его ногою драгунъ смѣялся и ругалъ его, а другой стащилъ сапоги; и оба уѣхали, высматривая, не будетъ ли еще добычи около другихъ убитыхъ и раненыхъ. Въ другой разъ былъ я свидѣтелемъ случая, болѣе утѣшительнаго въ пользу человѣчества, въ такую эпоху, когда всякое состраданіе къ себѣ подобнымъ, казалось, исчезло среди нашихъ воиновъ, разъяренныхъ бѣдствіемъ отчизны, пожаромъ Москвы и неистовствами, совершавшимися Французами. Въ предположеніи, что въ лѣсу, черезъ который отступала Французская пѣхота, могли остаться какіе-нибудь заблудившіеся стрѣлки, Милорадовичъ послалъ эскадронъ драгунъ для отысканія ихъ. Нашли одного Польскаго егеря, котораго драгунъ хотѣлъ вести въ Тарутино; но повстрѣчавшійся съ нимъ адъютантъ Милорадовича или офицеръ изъ числа состоявшихъ при немъ ординарцевъ приказалъ ему убить Поляка, чтобъ скорѣе возвратиться къ своему полку. Драгунъ отвелъ Поляка въ сторону и, приставя ему палашъ къ горлу, собирался заколоть его, но не могъ рѣшиться и, отведя палашъ, сталъ смотрѣть пристально на Поляка, который, не произнося ни слова, какъ бы съ равнодушіемъ ожидалъ

неизбѣжной смерти.— «Экой проклятый», говорилъ драгунъ, «не сдается». Опять приставилъ палащъ къ горлу и опять принялъ его назадъ, говоря: «нѣтъ, мнѣ видно не убить его». Драгунъ крикнулъ проѣзжавшаго мимо казака: «господинъ казакъ», сказалъ онъ ему, «убейте Поляка; мнѣ велѣно, да рука не подымается». Казакъ хотѣлъ показать себя молодцомъ. «Кого?» спросилъ онъ, «эту собаку заколоть? Сейчасъ». Отъѣхавъ шаговъ на 15, онъ приложился на Поляка дротикомъ и поскакалъ на него. Полякъ не двигался; казакъ же, подскакавъ къ своей жертвѣ, поднялъ пику и, сознавшись, что ему не убить осужденнаго на смерть, поскакалъ далѣе. Затѣмъ драгунъ, разругавъ плѣннаго, погналъ его въ Тарутино.

Въ семъ сраженіи ранили квартирмейстерской части капитана Данилевскаго, который нечаяннымъ образомъ наткнулся на пулю; говорили, что у него самого никогда духу не достало бы сунуться въ огонь. Данилевскій былъ офицеръ съ нѣкоторыми свѣдѣніями, но человѣкъ низкой души. Онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность къ князю Волконскому, начавъ военную службу штабсъ-капитаномъ, теперь же полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба и флигель-адъютантъ. Обхожденіе онъ имѣлъ непріятное и сдѣлалъ много неудовольствій офицерамъ, которые служили подъ его начальствомъ. Вся его военная служба состояла въ письменныхъ занятіяхъ, ему впрочемъ довольно извѣстныхъ.

Изъ знакомыхъ моихъ погибъ въ этотъ день гвард. артиллеріи поручикъ Безобразовъ, большая повѣса, но добрый малый. Онъ наканунѣ прибылъ въ армію и, не явившись еще въ бригаду, поскакалъ по своей охотѣ въ дѣло, гдѣ былъ исколонъ казаками, которые ошибочно приняли его за Француза. Безобразова на другой день нашли и привезли; ни одна рана его не была смертельна, но ихъ было такъ много, что онъ ихъ не перенесъ.

Мы еще дни два или три простояли въ Тарутинѣ, стараясь открыть непріятеля, который совершенно исчезъ. Въ это время пріѣхалъ въ армію какой-то князь Хованскій, который, будучи знакомъ съ Милорадовичемъ, остановился въ Тарутинѣ. Милорадовичъ, желая похвастать Тарутинскимъ сраженіемъ, въ выигрышѣ коего онъ почти не былъ участникомъ, пригласилъ Хованскаго объѣхать поле битвы и по этому случаю приказалъ всѣмъ офицерамъ своего штаба слѣдовать за нимъ одѣтыми въ полной формѣ. Милорадовичъ поѣхалъ на то мѣсто, гдѣ опрокинули Французскихъ кирасиръ; ихъ тутъ множество лежало. Михайло Андреевичъ разъѣзжалъ по раненымъ и убитымъ и хвастался побѣдой предъ Хованскимъ, объясняясь плохимъ Французскимъ нарѣчіемъ и переводя самъ неудачныя объясненія свои на Рус-

скій языкъ. Спускаясь въ оврагъ, мы услышали жалостный стонъ въ сторонѣ; подъѣхавъ, увидѣли человѣка совершенно голаго, лежащаго на спинѣ. Лицо его было такъ обагрено запекшеюся кровью, что нельзя было различить ни одной черты; половина лобной кости была сбита, и часть черепа лежала подлѣ головы въ видѣ чаши; тутъ же лежала и картечь, вѣроятно, снесшая часть черепа *). Глаза страдальца были открыты, но не могли видѣть, потому что были залиты кровью. Стоная, онъ изрѣдка обнаруживалъ движеніе въ членахъ. Въ такомъ положеніи раненый провелъ двѣ морозныя ночи, послѣдовавшія за сраженіемъ. Его расшевелили и привели въ память, распрашивая на нѣсколькихъ языкахъ, и онъ наконецъ отвѣчалъ на Польскомъ: жалониръ (солдать). Ему предложили выпить водки, что̀ онъ съ радостью принялъ, и ему влили нѣсколько водки въ ротъ, ибо онъ почти вовсе не двигался, а только дрожалъ отъ холода. Несчастный, хотя и пришелъ въ память, но не видя и не зная насъ, ничего не просилъ и молчалъ. Молча̀ніе это можно было отнести къ слабости, но оно могло быть и послѣдствіемъ утвердившагося тогда въ войскахъ убѣждененія, что раненымъ суждено умирать на полѣ сраженія, нисколько не расчитывая на помощь даже своихъ соотечественниковъ, чему имѣли безконечный рядъ примѣровъ: ибо солдаты часто видѣли на полѣ сраженія погибающихъ отъ ранъ товарищей своихъ, тогда какъ малѣйшая помощь могла бы ихъ спасти. Лекарь, бывшій съ нами, осмотрѣвъ раненаго, объявилъ, что можно еще спасти его отъ смерти, и Милорадовичъ приказалъ отвезти его въ Тарутино. Взвалили Поляка на драгунскую лошадь и увезли, послѣ чего я его болѣе не видалъ. Милорадовичъ, проѣхавъ по полю сраженія, возвратился въ Тарутино.

На другой день послѣ сего объѣзда, помнится мнѣ, перевели квартиру Милорадовича въ село Никольское, версты три впередъ, куда перешла часть авангарда, и расположились около селенія. Вѣроятно, что въ это время главнокомандующему уже были извѣстны движенія непріятеля и выступленіе его изъ Москвы. Наполеонъ намѣревался идти по Калужской дорогѣ. Въ самый день прибытія нашего въ Никольское или на другой, Милорадовичъ приказалъ всѣмъ квартирмейстер-

*) По впечатлѣнію, до сихъ поръ оставшемуся у меня о семъ раненомъ, помню, что видѣлъ обнаженную часть мозга его съ кровяными на немъ знаками и даже отдѣлившіяся или оторванныя частицы мозга, прилипшія къ внутренности отбитой череповой чашки. Не понимаю, какъ человѣкъ этотъ могъ выдержать въ такомъ положеніи и безъ всякаго пособія два морозные утренника, послѣдовавшіе за сраженіемъ подъ Тарутинымъ. 1866.

скимъ офицерамъ авангарда сдѣлать рекогносцировку непріятеля по Московской дорогѣ и ѣхать какъ можно далѣе. Меня отправили съ Юнгомъ, а Перовскаго съ братомъ Александромъ.

Проѣзжая мимо лагеря казаковъ, мы заѣхали къ Николаю Васильевичу Иловайскому, который тогда командовалъ полкомъ. (Впослѣдствіи онъ занималъ, во время отсутствія графа Платова, мѣсто наказнаго атамана на Дону). Отобѣдавъ у Иловайскаго и, взявъ у него казаковъ, мы продолжали путь свой далѣе и проѣхали за с. Чириково, но никого не видали, встрѣтились только съ братомъ Александромъ и Перовскимъ, и возвратились около полуночи въ село Никольское.

Во время отступленія отъ Москвы, я случайно познакомился съ храбрымъ полковникомъ Адамомъ Адамовичемъ Бистромомъ, который тогда командовалъ 33-мъ егерскимъ полкомъ. Нынѣ онъ генералъ-маіоръ и командуетъ л.-г. Павловскомъ полкомъ *).

При возвращеніи нашемъ съ рекогносцировки Милорадовичъ уже имѣлъ повелѣніе идти чрезъ Полотняные Заводы къ Малоярославцу; ибо непріятель, оставя Москву, бросился со всѣми силами на Боровскъ. Такъ какъ находившіеся тамъ казаки не были въ состояніи держаться, то до выступленія еще Милорадовича направили изъ Тарутинскаго лагеря къ Боровску г. Дохтурова съ 6-мъ корпусомъ; но Дохтуровъ долженъ былъ уступить превосходнымъ силамъ непріятеля и отступалъ до Малоярославца. Кутузовъ, видя, что Французская армія двигалась на Калугу, тронулся форсированнымъ маршемъ со всею арміею и быстро пришелъ къ Малому Ярославцу. Нѣкоторые казачьи полки сдѣлали сей походъ на полныхъ рысяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не поспѣшили защитить Малоярославца, то Французы заняли бы Калугу и расположились бы на зиму въ южныхъ губерніяхъ. Въ Малоярославцѣ произошло сильное сраженіе, въ которомъ отличился А. П. Ермоловъ своею храбростію и распоряженіями.

Я не участвовалъ въ семъ сраженіи, чему виною былъ Черкасовъ, который, желая подслужиться Милорадовичу, послалъ меня изъ Никольскаго, тотчасъ послѣ возвращенія моего съ рекогносцировки, ночью же, на Полотнянные Заводы, а оттуда далѣе, для занятія квартиры генералу до прибытія туда еще главной квартиры. Когда Милорадовичъ прибылъ съ Черкасовымъ и мы заняли квартиры свои, то

---

*) Обстоятельство знакомства моего съ Бистромомъ, вѣроятно упущенное изъ виду въ томъ мѣстѣ, гдѣ о немъ слѣдовало упомянуть, должно быть помѣщено здѣсь, единственно съ тою цѣлію, чтобы назвать человѣка сего, пользовавшагося въ арміи всеобщимъ уваженіемъ по извѣстной храбрости его. 1866.

первый поѣхалъ въ дѣло, а второй неизвѣстно куда, приказавъ мнѣ оставаться въ селеніи и дожидаться его; но онъ возвратился только на другой день поутру, когда все уже было кончено.

Битва подъ Малоярославцемъ продолжалась во всю ночь. Городъ четырнадцать разъ переходилъ изъ нашихъ рукъ въ руки непріятеля. Потеря была съ обѣихъ сторонъ очень велика; но Французы, видя, что вся наша армія была въ готовности вступить въ бой, бросились въ право, ближе къ Можайской дорогѣ на Медынь, гдѣ авангардъ ихъ былъ разбитъ съ потерею 30-ти орудій. Цѣль Кутузова состояла въ томъ, чтобы заставить непріятеля отступить по большой Смоленской дорогѣ, гдѣ все было выжжено, разорено и гдѣ не было никакихъ средствъ къ продовольствію. Авангардъ, подъ начальствомъ Милорадовича, долженъ былъ идти проселкомъ, въ значительномъ разстояніи отъ большой дороги, и, ровняясь съ непріятелями, не вступать въ общее сраженіе, а стараться отрѣзывать непріятельскіе корпуса, замыкающіе ихъ шествіе. Главная армія наша должна была идти также проселкомъ въ большомъ разстояніи отъ Смоленской дороги и, въ случаѣ нужды, поддерживать авангардъ. Вслѣдствіе такихъ распоряженій непріятель неминуемо долженъ былъ придти въ окончательное разстройство и безсиліе отъ недостатка въ продовольствіи и въ квартирахъ, тогда какъ наши войска, слѣдуя стороною помимо большой дороги, не подвергались симъ недостаткамъ.

Для умноженія бѣдствія Французовъ главнокомандующій приказалъ Платову слѣдовать за ними со всѣми казаками по большой дорогѣ и не давать имъ отдыха на ночлегахъ. Отряды казаковъ часто заѣзжали впередъ непріятеля, уничтожая переправы и мостики, дабы затруднить его шествіе. Множество казаковъ, разсыпавшихся по всѣмъ селеніямъ, въ сторонѣ лежащимъ, вмѣстѣ съ вооруженными крестьянами, истребляли усталыхъ Французовъ и тѣхъ, которые удалялись отъ большой дороги для отысканія жизненныхъ припасовъ. Такимъ образомъ проводили Французскую армію до города Краснаго. Въ семъ отступленіи непріятель потерялъ несмѣтное множество народа.

Не помню, котораго числа Октября мѣсяца, Французы выступили изъ Москвы. Они оставили въ древней столицѣ нашей памятники своего варварства. Кремль во многихъ мѣстахъ былъ взорванъ генералъ-инженеромъ Шаслу (Chasseloup) по приказанію Наполеона. Императоръ Французовъ хотѣлъ также подорвать колокольню Ивана Великаго; но взрывъ не удался, а разрушилъ подлѣ стоявшую церковь, башня же Ивана Великаго дала только въ нѣсколькихъ мѣстахъ трещины. Церкви въ Москвѣ были осквернены обращеніемъ ихъ въ конюшни, магазины и госпитали, и среди ихъ валялись конскіе и че-

ловѣческіе трупы. Большая часть домовъ были сожжены или разграблены. Говорили, что изъ 30 т. домовъ, находившихся въ Москвѣ до пожара, осталось послѣ онаго только 900. Все Замоскворѣчье и Арбатъ сгорѣли до тла. Когда я посѣтилъ Москву въ 1813 г., то часто случалось мнѣ ѣхать среди города черезъ пустыри, заваленные кирпичемъ и камнями, изъ грудъ коихъ торчали одни трубы. По выступленіи непріятеля изъ Москвы полиція наша немедленно заняла городъ и стала приводить его въ порядокъ, зарывая мертвыя тѣла, оставшіяся на улицахъ и въ домахъ и водворяя возвращавшихся обывателей въ свои дома. Черезъ два или три мѣсяца послѣ Французовъ народу въ городѣ было уже много, а на другой годъ строились уже дома и весь Гостиный Дворъ за ново.

Въ то самое время, какъ Французы выступали изъ Москвы, Винцингероде стоялъ съ отрядомъ около Клина на Петербургской дорогѣ. Услышавъ объ отступленіи непріятеля, онъ поспѣшилъ со своимъ отрядомъ въ столицу и, удалясь съ адъютантомъ своимъ отъ войскъ, былъ захваченъ въ плѣнъ непріятельскимъ карауломъ, остававшимся еще въ городѣ. Его выручили казаки уже около Борисова.

На другой день послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ авангардъ нашъ продолжалъ движеніе свое и открылъ непріятельскій авангардъ по направленію къ Медыни, около селенія Алексѣева, гдѣ мы издали видѣли Неаполитанскаго короля Мюрата, объѣзжавшаго свои войска. Канонада продолжалась съ часъ, послѣ чего непріятель исчезъ, потянувшись къ Можайской дорогѣ. Мы двигались лѣвымъ флангомъ, держась на одной высотѣ съ непріятелемъ, но въ такомъ отъ него разстояніи, что его не было видно, и къ ночи остановились верстахъ въ 4-хъ или 5-ти, не доходя с. Царева Займища, что̀ на большой Смоленской дорогѣ. Послѣ г-на Багговута, убитаго подъ Тарутинымъ, начальство надъ командуемымъ имъ 2-мъ корпусомъ было поручено принцу Евгенію Виртембергскому, молодому человѣку, отважному и храброму. Его поставили вблизи большой дороги въ то самое время, какъ непріятельскій аріергардъ отступалъ въ большомъ безпорядкѣ. Преслѣдуемые одними казаками, Французы были въ такомъ смятеніи, что побросали много орудій, фургоновъ, экипажей, вывезенныхъ изъ Москвы, и большое количество раненыхъ. Они ночью бѣжали толпой, сбрасывая, въ облегченіе себѣ, аммуницію и оружіе. При всемъ этомъ корпусъ, составлявшій ихъ аріергардъ, кажется, подъ командою маршала Нея, спасся, тогда какъ ему слѣдовало тутъ погибнуть. Спасеніемъ же своимъ Ней обязанъ Милорадовичу, который предпочиталъ спокойствіе свое боевымъ трудамъ. Онъ даже запретилъ Евгенію Виртембергскому, вопреки просьбѣ сего послѣдняго, атаковать непріятеля

и удовольствовался совѣтомъ Черкасова, который въ ту ночь былъ такъ пьянъ, что едва на ногахъ держался и умолялъ Милорадовича не вступать въ дѣло. Графъ Платовъ однакоже дрался съ Французами ночью и нанесъ имъ значительный уронъ. На другой день, когда мы вышли на большую дорогу, то нашли ее во всю ширину и на разстояніи нѣсколькихъ верстъ въ длину заваленною брошенными орудіями, фургонами и экипажами. Убитыхъ и раненыхъ лежало множество, казаковъ же между ними я ни одного не видалъ.

Крестьяне участвовали въ семъ пораженіи, послѣ котораго они удалились въ свои дома и къ утру явились съ лошадьми, упряжью и женами. Я видѣлъ, какъ они, заложивъ четверню своихъ лошадей въ длинный Французскій фургонъ, посадили на нихъ мальчиковъ форейторами, а женъ и ребятишекъ, даже грудныхъ, въ фургонъ, и поѣхали съ восклицаніями, давя раненыхъ и убитыхъ. Они забирали съ собой сколько можно было ружей, пистолетовъ, пороху и кафтановъ, которые сдирали съ живыхъ и мертвыхъ. Радость сіяла на всѣхъ лицахъ. Обстоятельства перемѣнились, и мы начинали торжествовать.

Слѣдующій переходъ былъ по большой дорогѣ до селенія Воронцово, оттуда снова свернули въ проселочныя дороги и около Вязьмы вышли опять на большую Смоленскую дорогу. Главнокомандующій намѣревался отрѣзать корпусъ маршала Нея, составлявшій аріергардъ Французовъ, и для того армія наша поспѣшила предупредить его въ Вязьмѣ. Милорадовичъ долженъ былъ первый выдти на большую дорогу и отрѣзать непріятельскій аріергардъ; но это ему не удалось: Французы пробились сквозь нашу конницу, занявшую было дорогу, и прошли въ Вязьму, защищаясь противъ всего нашего авангарда. Флангъ Французовъ, обращенный къ нашей арміи, былъ закрытъ удобною для нихъ мѣстностью, и они выбрались изъ сего тѣснаго положенія, потерявъ однакоже много людей, орудій и обоза. Авангардъ нашъ занялъ Вязьму ночью. Сражались по улицамъ, причемъ принцъ Евгеній храбро ударилъ въ штыки, лично находясь впереди колонны. Побѣда эта, однакоже, не мало стоила намъ людей. Весь городъ былъ въ пламени, и Французы, спасавшіеся на колокольняхъ и въ домахъ, стрѣляли по нашимъ изъ оконъ. Потеря непріятеля въ семъ случаѣ была огромная; мы захватили въ плѣнъ большое количество раненыхъ и много штабъ-и оберъ-офицеровъ.

Не зная, что подъ Вязьмою будетъ дѣло, я съ товарищами было отсталъ отъ Милорадовича. Услышавъ пальбу, мы поскакали на звукъ и дымъ, но Милорадовичъ уже пропустилъ непріятеля, котораго только тѣснилъ къ городу; къ намъ же изрѣдка только залетали ядра. Тутъ нашли мы исчезавшаго нѣсколько времени нашего полковника

Черкасова, но уже протрезвившагося; онъ увивался около Милорадовича и разсказывалъ всѣмъ, какъ его лошадь убило ядромъ. Не надобно однакоже думать, чтобы Лыска его была подъ нимъ убита; совсѣмъ нѣтъ. Онъ и кончины ея не видалъ. Въ то время, какъ казакъ велъ Черкасову лошадь съ заводными лошадьми Милорадовича, какое-то заблудшееся ядро, попавъ Лыскѣ въ животъ, порѣшило ея существованіе.

На предпослѣднемъ переходѣ къ Вязьмѣ встрѣтился я съ личностью, которую не полагалъ найти въ арміи, а именно съ княземъ Александромъ Петровичемъ Урусовымъ, роднымъ племянникомъ нашего стараго и нынѣ покойнаго князя Александра Васильевича. Онъ былъ безъ образованія и особенныхъ дарованій, уволенъ въ 1807 г. въ чинѣ маіора изъ военной службы за корыстолюбіе и въ 1808-мъ или 9-мъ году женился въ Москвѣ на красавицѣ, дочери вице-адмирала Пустошкина. Этому князю Урусову какъ-то удалось въ 1812 году опять вступить въ службу, и его назначили шефомъ Копорскаго пѣхотнаго полка. Впослѣдствіи онъ нѣкоторое время командовалъ 10 или 11-ю пѣхотною дивизіею и получилъ даже Анну первой степени. При возобновленіи нашего знакомства мы остались ему еще обязанными въ томъ, что онъ выпросилъ у своего дивизіоннаго начальника прощеніе нашимъ людямъ, которыхъ взяли подъ караулъ за намѣреніе поживиться крестьянскимъ хомутомъ изъ избы, въ которой не было хозяевъ.

По занятіи Вязьмы, главная квартира Милорадовича расположилась въ городѣ. Такъ какъ у меня расковалась лошадь, а въ городѣ не было кузницы, то я отпросился въ Харьковскій драгунскій полкъ къ Юзефовичу, чтобы подковать лошадь. Было уже около 11-ти часовъ вечера. Я съ трудомъ нашелъ Юзефовича, который стоялъ съ полкомъ за городомъ на бивакахъ. Онъ принялъ меня необыкновенно привѣтливо и пригласилъ остаться ночевать съ нимъ въ шалашѣ, на что̀ я согласился. На другой день рано поутру я хотѣлъ ѣхать назадъ къ своему мѣсту; но Юзефовичъ, не зная, что Милорадовичъ пойдетъ до Дорогобужа по большой дорогѣ, уговорилъ меня слѣдовать съ его полкомъ, увѣряя, что весь авангардъ за нимъ пойдетъ проселкомъ влѣво. Я согласился съ нимъ идти и отъ того прибылъ къ своему мѣсту только въ Дорогобужѣ. Съ Юзефовичемъ слѣдовалъ какой-то Французъ, по имени Денассъ (De Nass), считавшійся въ нашей службѣ капитаномъ по арміи. Онъ, конечно, принадлежалъ къ числу праздношатавшихся офицеровъ, которые таскались отъ одного мѣста къ другому, не имѣя настоящихъ обязанностей. Денассъ былъ человѣкъ ловкій и дерзкій. Думаю, что подобнаго ему грабителя

во всей арміи не было. Онъ не пропускалъ ни одной мызы, чтобы съ нея чего-нибудь не увезти и въ семъ отношеніи отчасти былъ подъ пару Юзефовичу. Впрочемъ Денассъ былъ великій лгунъ, фанфаронъ и въ сущности пустой человѣкъ. Онъ изъ ничего составилъ себѣ цѣлый обозъ. Была у него славная коляска, набитая разными награбленными книгами и посудою; въ услугѣ онъ имѣлъ Французскихъ плѣнныхъ солдатъ и людей всякаго народа, которые каждый день перемѣнялись или уходили; съ нимъ также были собаки, и въ числѣ ихъ старая моська, которую онъ называлъ Дарю и особенно любилъ. Денассъ былъ весь въ ревматизмахъ и надѣвалъ трое рейтузъ, изъ которыхъ одни были на ватѣ, другіе на мѣху, а третьи подбиты клеенкой; на головѣ носилъ онъ огромную теплую фуражку, а сверхъ оной еще башлыкъ на ватѣ. Кромѣ фуфаекъ надѣвалъ онъ на плечи два сюртука и сверхъ всего еще теплую шинель и шубу; шея же повязана платкомъ; ноги, разумѣется, были у него въ теплыхъ сапогахъ, а уши заткнуты хлопчатою бумагой. Денассъ оставался въ Москвѣ въ то время, какъ Французы заняли городъ. При оставленіи нами Москвы, Милорадовичъ договорился съ непріятелемъ, чтобы не брали въ плѣнъ тѣхъ изъ Русскихъ офицеровъ, которые, въ теченіи 24 часовъ со времени вступленія непріятеля въ столицу, въ ней бы оставались. Не взирая на это условіе, Французы многихъ захватили, но Денасса не тронули, хотя и подозрѣвали, что онъ Французъ; но онъ отдѣлался тѣмъ, что назвалъ себя Назовымъ: въ противномъ случаѣ его бы разстрѣляли, какъ эмигранта. Въ сущности отъ того произошло бы, можетъ быть, болѣе добра, чѣмъ зла; но судьбѣ угодно было оставить его въ живыхъ.

Юзефовичъ, уходя съ полкомъ, просилъ меня остаться съ Денассомъ нѣсколько времени. На ночлегѣ онъ, не знаю отъ чего, промедлилъ. Послѣ полудни уже велѣлъ онъ заложить бричку свою и, наложивъ въ ней много подушекъ, сѣлъ, укутавшись. Такимъ образомъ мы тронулись въ походъ довольно поздно; съ нами было два драгуна, изъ коихъ одного Попова Денассъ по незнанію языка называлъ Паапу. Денассу положили на колѣни женское сѣдло, которое онъ гдѣ-то заграбилъ. Самъ онъ держался одной рукой за рожокъ сѣдла, а другой держалъ на сѣдлѣ свою моську Дарю. Объѣхавъ городъ, мы продолжали путь свой и вышли на настоящую дорогу, когда уже смерклось. Ночь была темная, и Денассъ сталъ бояться. Онъ поминутно перещупывалъ свои вещи и спрашивалъ у Попова, который сзади ѣхалъ, тутъ ли онъ. Осязавъ вещь, о которой думалъ, онъ говорилъ: *Паапу*, скажи, что̀ это сапоги?—«Сапоги, ваше благородіе», отвѣчалъ Поповъ не видавъ. «Хорошо, Паапу; скажи, что̀ это книгъ моя, котора

я надобно взялъ на мызу?»—Книги, ваше благородіе.—«Паапу, скажи, что это женщина сѣдло?» Какъ, ваше благородіе, женщина сѣдло?»—«Да, дуракъ, женщина сѣдло; не знашь, скотинъ, такой больша палка у него?» — «А, женское сѣдло, ваше благородіе»—«Ну хорошо»— И опять сызнова начиналъ свои разслѣдованія и допросы.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ по большой дорогѣ, я увидѣлъ впереди большой огонь и, подъѣхавъ къ оному, нашелъ нѣсколько драгунъ, которыхъ Юзефовичъ тутъ оставилъ, чтобы сворачивать обозы его въ проселокъ, ибо онъ съ полкомъ на этомъ мѣстѣ самъ поворотилъ влѣво. Денассъ отсталъ было, но чрезъ четверть часа онъ нагналъ меня съ бричкою, коей медленное приближеніе было издали слышно. Мнѣ надоѣла возня съ этимъ Французомъ, и потому я не остановилъ брички его, которая мимо меня проѣхала по большой дорогѣ; но драгунъ его Поповъ, подбѣжавъ къ огню и узнавъ, что надобно свернуть налѣво, доложилъ о томъ Денассу, который сперва велѣлъ остановить свою повозку и, нѣсколько постоявъ въ раздумьи, приказалъ поворотить ее назадъ. Кучеръ, при поворотѣ повозки, въ темнотѣ наѣхалъ на камень, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ бричка опрокинулась, и Денассъ изъ нея вывалился: всѣ снасти, его укрывавшія, накрыли его; зазвенѣла посуда, завизжала моська и заревѣлъ Денассъ, котораго отрыли изъ-подъ шубы и посадили опять въ повозку; но старая моська его съ испугу бѣжала и съ тѣхъ поръ, какъ я послѣ узналъ, болѣе не являлась. Грѣшенъ,—я порадовался случившемуся съ Денассомъ, который мнѣ очень надоѣдалъ. Я со стороны видѣлъ паденіе его и болѣе не подъѣзжалъ къ нему, а, проѣхавъ ночью проселкомъ верстъ 8, прибылъ къ селенію, гдѣ Юзефовичъ расположился на ночлегѣ. Я разсказалъ ему о случившемся съ Денассомъ происшествіи, о которомъ онъ, казалось, также не сожалѣлъ. Денассъ присоединился къ нему только спустя три дня.

Къ тому времени составленъ былъ подъ начальствомъ Корфа особый кавалерійскій отрядъ, въ составъ коего поступилъ съ полкомъ своимъ Юзефовичъ.

Въ бригадѣ съ Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ находился Кіевскій драгунскій, котораго шефомъ былъ полковникъ Эммануель. Корфъ шелъ съ симъ отрядомъ въ сторонѣ отъ большой дороги, гдѣ селенія потерпѣли менѣе разоренія, чѣмъ лежавшія на большой дорогѣ. Съ Корфомъ находился неразлучный спутникъ, дядя мой Николай Александровичъ Саблуковъ, который удивился, встрѣтивъ меня въ семъ отрядѣ, и пожурилъ меня за отлучку отъ моего мѣста; но тогда дѣлать было нечего, и я долженъ былъ дойти съ Юзефовичемъ до Дорогобужа.

Мы вышли на большую дорогу, верстахъ въ 10-ти или 15-ти не доходя города у монастыря, въ который заѣхали. Монастырь былъ совсѣмъ разграбленъ; монаховъ въ немъ не было, но онъ былъ полонъ Французовъ, мертвыхъ и умирающихъ; смрадъ былъ ужасный. Большая дорога была также устлана умирающими и трупами умершихъ Французовъ; повсюду разметаны были брошенныя пушки и фургоны безъ упряжи. Юзефовичъ удерживалъ меня отобѣдать, но я не согласился и отправился къ своему мѣсту. По пути въ Дорогобужъ, ѣхалъ я мимо бывшаго непріятельскаго лагеря, гдѣ, кромѣ орудій и обозовъ, оставалось много больныхъ. Они сидѣли въ шалашахъ у огня и были похожи на мертвецовъ. Не будучи въ силахъ двигаться, члены ихъ горѣли по частямъ въ огнѣ, ихъ согрѣвавшемъ, и они наконецъ сами погибали въ шалашахъ, загоравшихся отъ неприсмотра за огнемъ. У самой большой дороги стоялъ шалашъ, построенный изъ прутьевъ, покрытый соломою и обставленный большими, разумѣется, безъ окладовъ, образами, которые Французы взяли изъ монастыря для прикрытія себя отъ непогоды. Подлѣ шалаша горѣлъ огонь, а въ шалашѣ было четыре слабыхъ Француза. Крестьяне, наѣзжавшіе изъ окрестностей, грабили лагерь; нѣкоторые изъ нихъ, замѣтивъ образа свои расколонными на дощечки, приговорили служащихъ въ шалашѣ Французовъ къ смерти, но никто не рѣшался наложить на нихъ руки. Подъѣхалъ какой-то драгунскій офицеръ, который, замѣтивъ раздумье крестьянъ, спросилъ ихъ, о чемъ дѣло идетъ?—«А вотъ, батюшка», отвѣчали они, «нечистая сила ограбила образа изъ нашего монастыря. Мы знаемъ, что они замучили до смерти монаховъ, чтобы развѣдать у нихъ, гдѣ деньги лежатъ. Монастырь былъ небогатый, и отцы положили головушки свои за Бога и царя; такъ теперь хотимъ мы нечистаго Француза убить, да рука не подымается. Мы слышали отъ нашего попа, что людей бить не годится; такъ и не знаемъ, какъ къ дѣлу приступить.»—«Такъ вы, братцы, и не бейте ихъ», отвѣчалъ офицеръ; «пускай бездѣльники сами сгорятъ живые, а который изъ шалаша полѣзетъ, того палкой по головѣ, да сперва раздѣньте ихъ: вѣдь они грабили и дома, и семьи ваши».—«Какъ же, батюшка, совсѣмъ ограбили.»—«Такъ и не робѣйте; ну къ дѣлу; валяйте ихъ, братцы; смотри на эту шельму, еще раздѣваться не хочетъ, ну, его хорошенько.» Въ мигъ Французы были до-гола раздѣты, шалашъ на нихъ придавленъ, обложенъ соломою и хворостомъ. «Зажигайте же», говорилъ офицеръ.—«Слушаемъ, ваше благородіе; царь намъ велѣлъ офицеровъ слушаться.» Шалашъ запылалъ. Двое изъ Французовъ, бывшіе еще въ состояніи двигаться, стали вылѣзать изъ онаго, но они были встрѣчены двумя ударами въ голову оглоблями, которыми

хворостъ въ огнѣ поправляли, и повалились безъ чувствъ въ пламя; ихъ закрыли дровами, и они погибли вмѣстѣ съ товарищами своими въ огнѣ.

Не было пощады для враговъ, ознаменовавшихъ всякими неистовствами нашествіе свое въ нашемъ отечествѣ, гдѣ ни молодость, ни красота, ни званіе, ничего не было ими уважено. Женщины не могли избѣжать насилія и поруганія. Разсказывали, что Фигнеръ засталъ однажды въ церкви Французовъ, загнавшихъ въ нее изъ окрестныхъ селеній бабъ и дѣвокъ. Одну двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку лишали они невинности, пронзая ей дѣтородную часть тесакомъ; товарищи злодѣя около стояли и смѣялись крику дѣвочки. Всѣ эти Французы погибли на мѣстѣ преступленія, ибо Фигнеръ не велѣлъ ни одного изъ нихъ миловать. Въ другой разъ, Фигнеръ настигъ карету, въ которой ѣхалъ Польскій офицеръ; съ нимъ сидѣли двѣ дѣвицы, родныя сестры, обѣ красавицы, дочери помѣщика, котораго домъ разграбили, а самаго убили; дочерей же увезли и безчестили. Фигнеръ остановилъ карету, вытащилъ изверга, который былъ еще зараженъ любострастною болѣзнью. Спутницы его были почти нагія; онѣ плакали и благодарили своего избавителя. Фигнеръ снабдилъ ихъ одеждою и возвратилъ въ прежнее ихъ жилище, Поляка же привезъ къ крестьянамъ приговорить его міромъ къ жесточайшему роду смерти. Мужики назначили три дня сряду давать ему по нѣскольку тысячъ плетей и, наконецъ, зарыть живаго въ землю, что̀ было исполнено. Увѣряютъ, что происшествіе сіе истинное. Многимъ также извѣстно, какъ Французы ругались надъ нашимъ духовенствомъ. Имъ давали пріемы рвотнаго, послѣ чего сосмаливали имъ попарно бороды вмѣстѣ.

Достигнувъ Дорогобужа ввечеру довольно поздно, я заѣхалъ погрѣться на какой-то пустой дворъ, среди коего горѣлъ разложенный огонь. При кострѣ сидѣлъ казачій офицеръ Красновъ, внукъ Донскаго генерала Краснова, который былъ въ теченіи войны убитъ. Познакомившись съ Красновымъ, я съ нимъ поужиналъ и легъ спать у огня. Пока мы разговаривали, пришелъ къ намъ изъ избы раненый маіоръ Коронелли, который назвался, помнится мнѣ, Малороссійскаго гренадерскаго полка; я его прежде никогда не видалъ, а былъ знакомъ съ его братомъ, который въ Петербургѣ игралъ въ нѣкоторыхъ домахъ роль шута Маіоръ былъ въ жалкомъ положеніи; раненый пулею въ грудь, онъ оставался одинъ, брошенный. Коронелли казался какъ бы помѣшаннымъ, можетъ быть, въ бреду отъ горячки; онъ трудно дышалъ, говорилъ скоро, отрывисто и громко; глаза его сверкали, и движенія были быстрыя. Всѣ эти признаки, были, вѣроятно, предвѣстниками скорой смерти. Поѣвши съ нами, онъ поспѣшилъ назадъ въ

избу, гдѣ растянулся на полу. Болѣе я не видалъ его. Коронелли разсказывалъ, что онъ былъ захваченъ около Москвы въ лѣсу мужиками, которые его приняли за Наполеона и, побивъ, представили начальству. Въ самомъ дѣлѣ Коронелли родомъ Италіянецъ, лицемъ смуглый, носъ горбатый, и онъ дурно по русски выговаривалъ *).

На другой день рано поутру я нашелъ Черкасова, который остановился на квартирѣ вмѣстѣ съ артиллерійскимъ полковникомъ Павломъ Ивановичемъ Мерлинымъ, начальникомъ авангардной артиллеріи. Начальникомъ штаба при Милорадовичѣ состоялъ въ то время полковникъ Потемкинъ, человѣкъ благородный. Онъ теперь служитъ маіоромъ, командуетъ Семеновскимъ полкомъ и любимъ офицерами. Должность дежурнаго штабъ-офицера въ авангардѣ исправлялъ маіоръ Дмитрій Павловъ, числившійся въ одномъ изъ Русскихъ казачьихъ полковъ съ мѣдвѣжьими шапками, набраннымъ въ 1812 г. изъ охотниковъ. Павловъ не пользовался доброй славой; говорили, что онъ трусъ и грабитель. Не знаю, куда онъ дѣвался послѣ дѣлъ подъ Краснымъ; говорили, что его за что-то выключили изъ службы. Начальникъ артиллеріи, полковникъ Мерлинъ, былъ кривъ и неопрятной наружности; его вообще не любили; онъ находился въ большой дружбѣ съ Черкасовымъ, кормилъ его и жилъ съ нимъ вмѣстѣ. За дружбу сію требовалъ онъ отъ Черкасова, чтобы наши офицеры употреблялись по его порученіямъ, и Черкасовъ посылалъ насъ, когда Мерлину было угодно.

Адъютантами у Милорадовича были: л.-гв. гусарскаго полка ротмистръ Паскевичъ, человѣкъ несносный своей гордостью, впрочемъ совершенно пустой и безъ дальнаго образованія. Глинка, хохолъ и въ родѣ земляка своего генерала; онъ довольно извѣстенъ своими сочиненіями, въ которыхъ льститъ Милорадовичу. Черниговскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Булгаковъ, человѣкъ ограниченный. Штабъ или дежурство у Милорадовича былъ многочисленный и наполненъ большею частью пустымъ и празднымъ народомъ. Кромѣ сихъ состояло еще при Милорадовичѣ много офицеровъ на ординарцахъ, въ числѣ коихъ находились конногвардейскій князь Андрей Голицинъ и квартирмейстерской части бывшій товарищъ мой Ермоловъ (кажется, Михайла). Оба они ничего не дѣлали, а ѣздили только занимать квартиры; не менѣе того ихъ за каждое дѣло награждали. Ермоловъ забылъ прежнее наше товарищество, и когда я былъ боленъ,

---

*) Разсказъ Коронелли—странный; непонятно, какъ и гдѣ онъ могъ быть раненъ и брошенъ среди передовыхъ нашихъ войскъ. Можно скорѣе полагать, что онъ до войны проживалъ въ Москвѣ, гдѣ научился по-русски и вышелъ оттуда съ Французами. 1866.

безъ лошади и безъ денегъ, ему на умъ не пришло меня навѣстить. Однажды я къ нему зашелъ, но видя, что онъ тяготится моимъ присутствіемъ, я съ тѣхъ поръ болѣе съ нимъ не знался.

Прибывъ въ Дорогобужъ, я узналъ, что братъ Александръ былъ откомандированъ въ отрядъ съ г.-м. Юрковскимъ, шефомъ Елисаветградскаго гусарскаго полка.

Изъ Дорогобужа авангардъ пошелъ опять проселкомъ влѣво. Цѣль главнокомандующаго была предупредить непріятеля при городѣ Красномъ и отрѣзать ему тамъ путь къ отступленію.

Милорадовичъ со 2-мъ и 4-мъ корпусами шелъ между большой арміей и непріятелемъ и наблюдалъ за нимъ, тогда какъ партизаны наши тревожили его, перехватывая у него фуражировъ, отсталыхъ, орудія и обозы.

Армія наша заняла уже г. Красный, когда послѣдніе Французскіе корпуса стали выступать изъ Смоленска. Корпусъ маршала Нея всѣхъ болѣе пострадалъ, наткнувшись на всю нашу армію на большой дорогѣ. Не взирая на сіе, онъ храбро наступалъ, потому что ему для спасенія оставалось только пробиваться сквозь наши силы. Французы отчаянно лѣзли на наши батареи, но были разбиты, разсыпаны и преслѣдуемы нашей конницей, которую они однакоже еще нѣсколько удерживали. Самъ Ней спасся, бросившись въ сторону, и съ нимъ ушло тысячъ до двухъ людей изъ всего его корпуса. Другіе непріятельскіе корпуса имѣли такую же участь, но меньше потеряли, впрочемъ оставили въ нашихъ рукахъ всѣ свои обозы и артиллерію. Казна Наполеона была также отбита, и изъ нея многіе поживились. Говорили, что въ иныхъ полкахъ дѣлили золото фуражками, и солдаты продавали горсти серебра и золота за красныя ассигнаціи. Красненскія дѣла продолжались три дня. Отряды наши, находившіеся ближе къ Смоленску, извѣщали главнокомандующаго о прибытіи непріятеля, и тогда войска наши становились подъ ружье, орудія заряжались картечью, и бой начинался съ увѣренностію въ побѣдѣ. Изъ Смоленска тянулось также несчетное множество отсталыхъ, раненыхъ и больныхъ Французовъ, на которыхъ не обращали вниманія, а только раздѣвали ихъ до гола, и они умирали отъ холода или голода передъ нашими линіями. Подъ Бородинымъ лежало множество труповъ, но на небольшомъ протяженіи подъ Краснымъ ихъ было не менѣе; однако они занимали большое пространство.

Изъ сел. Уварова, гдѣ мы находились, Черкасовъ приказалъ мнѣ ѣхать въ г. Красный съ бумагой и съ какимъ-то изустнымъ порученіемъ къ принцу Евгенію Виртембергскому. Лошадь моя была такъ изнурена, что съ мѣста не двигалась; къ тому же была безъ подковъ.

Отговариваться не слѣдовало, и я отправился пѣшкомъ въ темную и холодную ночь черезъ бывшее поле сраженія. Вездѣ горѣли огни, при иныхъ стояли наши войска, у другихъ ночевали вооруженные Французы, отставшіе отъ своихъ полковъ. Я долго блуждалъ, однако пришелъ въ г. Красный пѣшкомъ, переправляясь черезъ неглубокую рѣчку въ бродъ и проваливаясь сквозь слабый ледъ оной. Отыскавъ квартиру принца Евгенія, котораго засталъ за ужиномъ, я передалъ ему порученіе свое. Онъ приглашалъ меня отужинать, но я не остался, потому что долженъ былъ спѣшить обратно съ отвѣтомъ. Назадъ шелъ я по тому же полю сраженія, безъ дороги, натыкаясь и падая въ темнотѣ на трупы. Однако я добрался до селенія Уварова и доложилъ генералу объ исполненіи порученія.

Въ туже ночь я отпросился навѣстить брата Александра, который былъ боленъ и котораго я давно не видалъ. Лошадь моя отдохнула, и я отправился верхомъ, взявъ съ собою слугу брата Михаилы, Петра, оставшагося съ нами, когда мы изъ Москвы отправили раненаго Михайлу. Проѣхавъ верстъ 5-ть между убитыми, я прибылъ въ большое селеніе, гдѣ стоялъ г.-м. Юрковскій. Все было тихо, потому что всѣ спали. Долго и безуспѣшно отыскивалъ я брата; во всѣхъ избахъ, куда я входилъ, храпѣли; просыпавшіеся же встрѣчали меня бранью, повторяя: «запри дверь,—холодно.» Не допытавшись ни отъ кого о братѣ, я подошелъ къ огню, горѣвшему среди улицы, собираясь тутъ дожидаться разсвѣта. Около огня лежало нѣсколько мертвыхъ Французовъ; одинъ только стоялъ и грѣлся; онъ былъ высокаго роста, въ кирасирской каскѣ и почти совсѣмъ нагой; на лицѣ его выражались страданіе и болѣзнь. Онъ просилъ у меня хлѣба, и я промѣнялъ ему кусокъ хлѣба, который былъ со мною въ запасѣ, на каску, давъ ему въ придачу свой карманный платокъ, которымъ онъ повязалъ себѣ голову. Мнѣ хотѣлось сохранить эту каску для украшенія оною по окончаніи войны стѣны своего будущаго, еще невѣдомаго жилища. Французъ съ жадностію бросился на хлѣбъ и вмигъ пожралъ его. Тутъ на бѣду его вышелъ изъ сосѣдственной избы Маріупольскаго гусарскаго полка маіоръ Лисаневичъ, который не могъ уснуть въ избѣ и отъ безсонницы пришелъ погрѣться у огня. Кирасиръ, примѣтившій его, какъ видно было, еще днемъ, просилъ у него позволенія войти въ избу. Лисаневичъ приказалъ ему молчать и, какъ тотъ не переставалъ просить, то Лисаневичъ, крикнувъ вѣстоваго, приказалъ ему отдѣлаться отъ Француза. Вѣстовой толкнулъ его; обезсиленный кирасиръ повалился и, ударившись затылкомъ о камень, захрапѣлъ и болѣе не вставалъ. Лисаневичъ указалъ мнѣ избу, въ которой братъ находился; я пошелъ туда и, отворивъ дверь,

нашелъ ее полную спящимъ народомъ. Смрадъ былъ нестерпимый. Влѣво у дверей подъ скамьей умиралъ въ судорогахъ отъ горячки Русскій драгунъ. Хозяйка въ домѣ еще оставалась; она держала на рукахъ груднаго ребенка, котораго крики, смѣшанные со стономъ и храпѣніемъ страждущихъ и спящихъ, наводили уныніе. Лучина томно догорала, иногда вспыхивая и освѣщая грустную картину сію.

Войдя въ избу, я громкимъ голосомъ спросилъ: «Муравьевъ, ты здѣсь?» Изъ угла отозвался мнѣ братнинъ голосъ: «что тебѣ надобно?»—«Я братъ твой Николай, пріѣхалъ тебя навѣстить, услышавъ, что ты боленъ.»—«Спасибо, братъ», отвѣчалъ Александръ, «а я въ дурномъ положеніи».

Пробираясь къ нему, я наступилъ на ногу одному Французу, который закричалъ: «Ah Jésus, Marie!» Я отскочилъ и наступилъ на другаго, который также закричалъ. «Что за горе!» закричалъ я брату, «къ тебѣ подойти нельзя.»—«Нельзя, Николай, тѣсно; первый, на котораго ты наступилъ—Французскій капитанъ, которому вчера пятку оторвало ядромъ, и ты вѣрно ему на больное мѣсто наступилъ; второй тоже раненый Французъ, и какъ они добрые ребята, то я ихъ пригласилъ ночевать въ эту избу. Мнѣ самому нельзя вытянуть ногъ за тѣснотою; все раненые и больные, а подлѣ меня лежатъ писаря Юрковскаго, которые ужасно воняютъ. Къ тому же крикъ ребенка, который мнѣ спать не даетъ.»

Драгунъ вскорѣ умеръ, и его вытащили на улицу; другіе потѣснились. Я легъ, закурилъ трубку и сталъ съ братомъ разговаривать.

Свыклись мы въ 1812 году съ подобными зрѣлищами. Александръ сказалъ мнѣ, что онъ участвовалъ во всѣхъ Красненскихъ дѣлахъ съ отрядомъ г. Юрковскаго, но что онъ перемогалъ себя, потому что былъ очень боленъ, а теперь такъ ослабъ, что принужденъ проситься въ отпускъ въ Москву для излѣченія болѣзни. Ноги его, какъ и у меня, были въ ужасномъ положеніи и покрыты цынготными язвами. Во все сіе время онъ былъ безъ слуги, потому что человѣкъ его оставался со мною. Я далъ брату свою кирасирскую каску, чтобы онъ ее домой довезъ, но онъ ее дорогой потерялъ. На разсвѣтѣ я простился съ братомъ, и на долго. Мнѣ нечѣмъ было ему помочь, ибо мы оба были безъ денегъ. Онъ мнѣ далъ кусокъ сукна, изъ котораго я съ помощію казака сшилъ себѣ шаровары и башлыкъ. Я оставилъ у брата пріѣхавшаго со мною мальчика Петра. Пожелавъ другъ другу счастья, мы разстались.

Рано поутру, я возвратился въ село Уварово и былъ вскорѣ посланъ съ какимъ-то приказаніемъ къ генералу Іевличу, шефу Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка. Іевличъ стоялъ съ двумя полками подъ

ружьемъ на большой дорогѣ въ ожиданіи непріятеля; но непріятельскихъ отрядовъ изъ Смоленска болѣе не показывалось, ибо всѣ Французскіе корпуса наканунѣ еще оставили городъ; тянулись только во множествѣ слабые люди, которые валились и умирали отъ голода или холода. Бригада, которою командовалъ Іевличъ, не была тоже въ блистательномъ видѣ: она состояла изъ 4-хъ или 5-ти сотъ человѣкъ, оборванныхъ и голодныхъ людей. По исполненіи своего порученія я возвратился въ село Уварово, гдѣ отдохнулъ, лежа у огня на улицѣ.

Упомяну здѣсь еще объ ужасномъ зрѣлищѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ въ с. Уваровѣ. Подлѣ избы дежурнаго штабъ-офицера маіора Павлова положено было человѣкъ 20 раненыхъ и слабыхъ Французовъ. Дворъ избы былъ разобранъ на дрова, и плѣнные лежали въ сѣняхъ у самыхъ дверей. Они тѣснились къ избѣ, и всякій разъ, какъ дверь отпиралась, она ударяла кого нибудь изъ нихъ; когда же они слишкомъ близко жались къ двери, то часовой разгонялъ ихъ, ударяя прикладомъ въ толпу. Раны ихъ не были перевязаны, и сочившаяся изъ нихъ кровь замерзала на тѣлѣ. Каждый момоидущій солдатъ топталъ и раздѣвалъ ихъ, отдирая рубаху отъ раны, такъ что они, наконецъ, остались почти совсѣхъ нагіе. Скоро прекратилось между ними всякое движеніе: иные замерзли, другіе были убиты; изъ кучи изрѣдка только слышно было стенаніе. Близъ избы была яма, въ которой лежала давно издохшая лошадь съ выгнившею уже внутренностью. Къ сей падали прилипло нѣсколько мертвыхъ, совершенно голыхъ Французовъ, которые влѣзли въ яму, какъ видно было, грызли лошадь и не имѣли послѣ силы оттуда выбраться. Не менѣе того, около сей добычи толпились другіе Французы, которые также валились въ яму и съ жадностію раздирали зубами протухшія кишки лошади. Не имѣя силы вылѣзть изъ ямы, они оставались въ ней и несли участь товарищей. Яма, наконецъ, закишѣла людьми, которые между собою дрались за кусокъ падали и, наѣвшись, засыпали вѣчнымъ сномъ.

Всѣхъ ужаснѣе было слѣдующее зрѣлище. Я шелъ мимо большаго сарая, который былъ безъ крышки, и услышалъ изъ него крикъ, жалобы, стонъ и брань на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Заглянувъ въ сарай, я увидѣлъ толпу неперевязанныхъ раненыхъ, лежавшихъ одинъ на другомъ. Одинъ лѣзъ черезъ другаго, и изъ сей кучи торчали обезчлененныя руки и ноги, на которыя наступали; придавленные кричали, ругались, но получали толчки отъ тѣхъ, которые еще въ силахъ были двигаться. На часахъ стояли два Московскихъ ратника, которые прехладнокровно били прикладами по головамъ тѣхъ изъ несчастныхъ, которые, желая выпросить себѣ хлѣба у прохожихъ, приползали къ дверямъ и высовывали головы. Когда я остановился у

входа, то плѣнные, увидавъ меня, перестали ругаться и обратились ко мнѣ, прося хлѣба. Я бросилъ имъ двѣ или три горсти сухарей, которые намъ только что выдали. Нельзя описать того, что̀ произошло въ сараѣ: мертвые двигались съ живыми въ общей перетасовкѣ; иногда они исчезали, иногда показывались обращенными вверхъ ногами.

Въ срединѣ шевелившейся тѣсноты примѣтилъ я одного Француза, сидящаго, руки сложа, въ рубищѣ, но съ киверомъ на головѣ. Нога его была оторвана, черезъ нее также лазили, но онъ терпѣлъ и молчалъ; ему ни одного сухарика не досталось. Страдалецъ на меня пристально смотрѣлъ, и я спросилъ его, зачѣмъ онъ не добывалъ своей доли сухарей; онъ кивнулъ мнѣ головой въ знакъ благодарности и сказалъ: Monsieur, je suis officier; quand les malheureux auront mangé, et qu'il restera quelque chose pour moi, je mangerai de même. Je ne fais que mon devoir» *). Я удивился его духу и далъ ему еще горсть сухарей, которыми онъ подѣлился съ тѣми изъ раненыхъ, которые не въ состояніи были ихъ себѣ достать. Офицеръ этотъ просилъ меня, чтобы я велѣлъ имъ подать воды, говоря, что они уже дня два не пили. Я упросилъ какихъ-то солдатъ, которые достали ушатъ съ водою и поставили его у входа въ сарай между часовыми. Раненый офицеръ приполозъ къ ушату и хотѣлъ установить порядокъ между своими сострадальцами, дабы каждому изъ нихъ досталось воды; но имъ не до того было: они бросились съ крикомъ къ ушату и, не взирая на повторенные удары часовыхъ, толпа вырвалась изъ дверей, стала драться около ушата и разлила всю воду, такъ что никому ничего не досталось. Достойнаго же офицера своего они смяли въ дверяхъ. Когда воду розлили, они начали за то укорять другъ друга и опять между собою браниться и даже драться; но не трудно было ихъ унять, и часовые втѣснили ихъ прикладами обратно въ сарай, куда перекинули и погибшихъ отъ ударовъ. Послѣ сего въ сараѣ сдѣлалось тише, потому что многихъ уже не стало. Между тѣмъ наши солдаты входили въ сарай и безщадно сдирали съ живыхъ и мертвыхъ послѣднія рубища, на нихъ оставшіяся; и тогда возобновлялся стонъ изъ среды этой груды обезображенныхъ людей. Къ вечеру въ сараѣ все замолкло, и часовые стерегли лишь однихъ мертвыхъ.

Французы имѣли главные госпитали свои и склады въ Смоленскѣ. При отступленіи ихъ изъ города, остававшіяся тамъ послѣднія войска ихъ все разграбили въ конецъ, и съ сего времени число мародеровъ

*) Милостивый государь, я офицеръ; когда несчастные поѣдятъ и для меня что-нибудь останется, я тоже поѣмъ. Я исполняю мой долгъ.

(traînards) умножилось у нихъ до такой степени, что болѣе половины Французской арміи тянулось въ разбродѣ.

Краснинскія дѣла происходили 4-го, 5-го и 6-го чиселъ Ноября мѣсяца. 7-го или 8-го вечеромъ мы выступили для преслѣдованія непріятеля и пришли на ночлегъ въ какое-то мѣстечко, гдѣ столпилось множество Жидовъ. Народъ сей во все время войны оставался намъ приверженнымъ, перенося за то гоненія отъ Французовъ. При выступленіи изъ Краснаго снѣгъ вдругъ стаялъ, отъ чего сани мои съ вещами, поклажею и лошадьми отстали, нагнали же меня только въ Борисовѣ.

Французы уходили такъ быстро, что Милорадовичъ съ авангардомъ болѣе не нагналъ ихъ и даже не поспѣлъ на Березину къ Борисову, гдѣ адмиралъ Чичаговъ долженъ былъ встрѣтить непріятеля. Намѣреніе главнокомандующаго было припереть непріятеля къ рѣкѣ Березинѣ до ея замерзанія. Чичаговъ, выступившій изъ Молдавіи по заключеніи мира съ Турками, имѣлъ до 40.000 войскъ. Соединившись съ Тормасовымъ около Волковиска, онъ принудилъ генерала Ренье, начальствующаго Австрійцами и Саксонцами, отступить, послѣ чего Чичаговъ подвинулся форсированными маршами къ Березинѣ и занялъ Борисовъ, дабы преградить Французамъ переправу; но авангардъ его, переправившійся черезъ Березину, былъ внезапно атакованъ бѣгущимъ непріятелемъ и принужденъ обратно перейти за рѣку. Пока отрядъ Французскій отвлекалъ Чичагова, вся непріятельская армія, построивъ мостъ въ другомъ мѣстѣ, переправилась, встрѣтивъ сопротивленіе только отъ небольшой части нашихъ войскъ, которую Чичаговъ не успѣлъ подкрѣпить.

Между тѣмъ Витгенштейнъ, оставшійся передъ Полоцкомъ съ 1-мъ корпусомъ, усиленный Петербургскими дружинами, занялъ городъ и, преслѣдуя непріятеля, разбилъ его и придвинулся къ Борисову. Онъ долженъ былъ соединиться съ Чичаговымъ и совокупно съ нимъ дѣйствовать противъ главной Французской арміи; но не сдѣлалъ сего, какъ слухъ носился, потому что не хотѣлъ подчиниться Чичагову *).

Общенародно обвиняютъ адмирала въ пропускѣ Наполеона; но многіе полагаютъ, что и Витгенштейнъ былъ тому причиной. Однако онъ взялъ въ плѣнъ цѣлую Французскую дивизію, которая сдалась въ числѣ 8000 человѣкъ. Французы сами сознаются, что, при переправѣ ихъ черезъ Березину, потеря ихъ была несмѣтная: они лиши-

---

*) Слухъ неосновательный и поступокъ несовмѣстный съ благороднымъ характеромъ Витгенштейна. 1866.

лись въ этомъ мѣстѣ почти всей своей артиллеріи и обозовъ; послѣдняя конница, которая у нихъ оставалась, совершенно спѣшилась; множество людей потонуло въ рѣкѣ, померзло или попалось въ плѣнъ. Нѣкоторые корпуса ихъ совершенно исчезли, такъ что Французская армія не была болѣе въ состояніи выставить какого-либо отряда въ порядкѣ для удержанія насъ въ преслѣдованіи. Мы подвигались до самой Вильны, такъ-сказать, среди Французской арміи, коей изнеможенные солдаты, окружая насъ, просили хлѣба. Наполеонъ уѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ, оставя войско свое на произволъ судьбы. Въ сраженіи подъ Борисовымъ захваченъ былъ у насъ въ плѣнъ квартирмейстерской части подпоручикъ Ренненкампфъ, котораго, однако, вскорѣ отбили казаки. Отбили также захваченнаго въ Москвѣ генерала Винценгероде.

Авангардъ нашъ, слѣдуя отъ Краснаго, пришелъ въ Копысь, мѣстечко, лежащее на лѣвомъ берегу Днѣпра, который въ семъ мѣстѣ широкъ и глубокъ. Надлежало построить мостъ, для чего употребили піонерную роту капитана Геча, которая связала плоты и сдѣлала переправу. Между тѣмъ какъ работа производилась, Милорадовичъ съ авангардомъ расположился въ мѣстечкѣ и, какъ ему хотѣлось скорѣе переправиться, то Черкасовъ, подслуживаясь ему, приказалъ мнѣ дождаться на берегу рѣки, пока мостъ поспѣетъ и о томъ немедленно ему донести. Часа четыре стоялъ я у берега и грѣлся у огня съ Гечемъ; когда же работа кончилась, то, желая самъ удостовѣриться въ безопасности переправы, я дождался, когда первый ящикъ переѣдетъ черезъ мостъ и за тѣмъ поспѣшилъ лично передать о томъ Черкасову. «Мостъ уже давно готовъ», сказалъ мнѣ Черкасовъ, «и вы виноваты въ томъ, что ослушались меня, и вмѣсто того, чтобы у рѣки стоять, сидѣли на квартирѣ. Генералъ Милорадовичъ уже давно знаетъ, что мостъ готовъ.» Дѣйствительно какой-то адъютантъ, который мимо ѣхалъ, не разсмотрѣвъ порядочнымъ образомъ дѣла, поспѣшилъ съ пріятнымъ извѣстіемъ къ своему генералу. Я отвѣчалъ Черкасову, что во все время безотлучно оставался на берегу и не замедлилъ ни одной минутой своимъ донесеніемъ. «Неправда», возразилъ онъ, «я знаю, что васъ тамъ не было.»—«Когда я вамъ говорю, что былъ, то вы должны вѣрить, и мнѣ чрезвычайно странно кажется, что вы такъ смѣло увѣряете, что меня тамъ не было, тогда какъ я, несмотря на стужу, простоялъ тамъ все утро и исполнилъ приказаніе ваше въ точности»—«Вы мнѣ грубите, вы не были на мосту».—«Былъ».—«Не были».—«Былъ же, повторяю вамъ, слышите ли? Вы можете думать, что̀ хотите, это для меня все равно, но я отъ того не буду виноватымъ».—«Сейчасъ Милорадовичу пожалуюсь, что вы мнѣ нагрубили,

и вы будете за то отвѣчать».—«Жалуйтесь, какъ хотите, а я вамъ не позволю такъ дерзко со мною обращаться».—Черкасовъ испугался и поспѣшно вышелъ, но жаловался ли онъ или нѣтъ, того не знаю; только Милорадовичъ мнѣ ничего не говорилъ.

Когда войска начали переправляться въ присутствіи Милорадовича, стоявшаго на берегу, то одинъ ящикъ провалился. Черкасовъ сталъ упрекать меня, зачѣмъ мостъ дурно построенъ; но я ему и тутъ не уступилъ, и весь авангардъ благополучно переправился черезъ рѣку. Было уже поздно, такъ что ночь застала насъ на правомъ берегу Днѣпра еще въ сборѣ; но переходъ предстоялъ небольшой, и мы прошли на ночлегъ въ мѣстечко Милославъ, отстоящее только на 10 верстъ отъ переправы.

Полагая, что братъ Александръ уже уѣхалъ изъ арміи, я крайне удивился, когда онъ ночью разбудилъ меня. Братъ, перемогаясь отъ болѣзни, проѣхалъ ночью десять верстъ, чтобы еще разъ увидѣть меня до отъѣзда; ибо въ Копыси, гдѣ онъ получилъ видъ на выѣздъ изъ арміи, онъ меня болѣе не засталъ. Ему удалось занять, кажется, у дяди Саблукова, 100 или 200-ти р. ассигнаціями. Зная, что я нуждался въ деньгахъ, онъ пріѣхалъ, чтобы ими со мною подѣлиться и далъ мнѣ половину своихъ денегъ. Я же ничѣмъ не могъ помочь больному брату и, поблагодаривъ его, простился во второй разъ, не зная, на долго ли. Онъ въ туже ночь поѣхалъ обратно въ Копысь, откуда отправился черезъ Калугу въ Москву.

Мы продолжали походъ свой чрезъ мѣстечко Бобръ и селенія, коихъ названій не помню. Черкасовъ зналъ, что я крайне утомленъ отъ трудовъ, что лошадь моя едва ноги переставляла и что я отъ того большую часть перехода шелъ пѣшкомъ. Онъ зналъ, что я былъ боленъ и во всемъ нуждался. Несмотря на это, онъ часто давалъ мнѣ порученія всякаго рода. Во время сихъ тяжелыхъ и для здороваго человѣка переходовъ, Черкасовъ приказалъ мнѣ однажды безотлагательно ѣхать въ холодную, темную ночь за 30 верстъ впередъ на слѣдующій ночлегъ, куда піонерная рота капитана Геча получила также приказаніе идти для построенія черезъ рѣку мостика; мнѣ же поручалось, какъ и въ Копыси, пробыть при строеніи моста и возвратиться къ разсвѣту назадъ съ донесеніемъ о готовности переправы. Дѣлать было нечего, и я отправился одинъ въ темную, морозную ночь, лѣсомъ, наполненнымъ отсталыми Французами, которые грѣлись около разведенныхъ ими огней. Проѣхавъ версты двѣ рысью, лошадь моя стала, отъ чего я былъ вынужденъ идти пѣшкомъ и тащить ее за собою. По причинѣ худой одежды моей, я могъ на пути замерзнуть, могъ быть ограбленъ Французами, коихъ положеніе было

немногимъ хуже моего, могъ съ дороги сбиться; но возвращаться мнѣ не слѣдовало и, вооружившись терпѣніемъ, я обнажилъ саблю и продолжалъ путь свой пѣшкомъ. Изрѣдка слышалъ я впереди себя идущую роту Геча, кричалъ, чтобы они остановились и подождали бы меня; но они или не слышали моего голоса, или мало думали о призывавшемъ ихъ на помощь и продолжали идти, такъ что я во весь переходъ не могъ нагнать роту. Протащившись часть ночи, я, наконецъ, прибылъ къ селенію, гдѣ нашелъ Геча приступившаго уже къ разборкѣ избы для постройки мостика на небольшой рѣчкѣ, черезъ которую можно было въ бродъ перейти. Мостикъ при мнѣ же былъ конченъ и, какъ я не въ силахъ былъ къ разсвѣту возвратиться къ Черкасову съ донесеніемъ, то рѣшился остаться съ Гечемъ до его выступленія. Мы забрались въ овинъ, гдѣ уснули часа три; вскорѣ Гечъ получилъ предписаніе идти далѣе въ Борисовъ. Милорадовичъ не проходилъ черезъ нашъ мостикъ и ночевалъ въ другомъ селеніи въ сторонѣ, такъ что Черкасовъ напрасно только помучилъ меня и піонеровъ. Лошадь моя, нѣсколько отдохнувшая ночью, опять повезла меня на другой день, и я поѣхалъ верхомъ съ піонерною ротою, но вскорѣ сталъ отставать и, наконецъ, лошадь моя упала; но тогда было свѣтло, и я, нагнавъ Геча пѣшкомъ, просилъ его помочь мнѣ. Коня моего подняли и привязали за кряковку саней Геча, въ которыя онъ меня съ собою посадилъ; но едва мы нѣсколько саженъ отъѣхали, какъ лошадь моя опять упала; ее не могли болѣе поднять, и я, отрѣзавъ подпруги, положилъ сѣдло въ сани и продолжалъ путь, оставя въ лѣсу вѣрнаго «Казака» своего, который мнѣ служилъ отъ самаго Смоленска, когда мы еще отступали къ Москвѣ. Піонеры сорвали съ него подковы и опредѣлили коню моему болѣе не ходить; въ замѣну же подковъ высыпали передъ нимъ горсть овса, котораго, вѣроятно, онъ и не отвѣдалъ. Случалось мнѣ видѣть, что предъ мертвыми лошадьми лежало нѣсколько овса, какъ бы въ знакъ прощанія съ ними хозяевъ и почести, замѣняющей похороны.

Подходя къ Борисову, мы слышали выстрѣлы Чичагова, но когда пришли въ городъ, то нашли въ немъ только плѣнныхъ, убитыхъ и раненыхъ; городъ же былъ совсѣмъ вверхъ дномъ поставленъ.

Поблагодаривъ Геча, я зашелъ въ одно изъ уцѣлѣвшихъ жилищъ и легъ въ углу на землю, думая о своемъ бѣдственномъ положеніи. Я былъ безъ слуги, безъ лошади, безъ денегъ, ибо братниными заплатилъ нѣкоторые долги. Ноги мои болѣли ужаснымъ образомъ, у сапогъ отваливались подошвы, одежда моя состояла изъ какихъ-то синихъ шароваръ и мундирнаго сюртука, коего пуговицы были отпороты и пришиты къ нижнему платью; жилета не было, и все это прикрыва-

лось солдатскою шинелью съ выгорѣвшими на бивуакѣ полами; подпоясывался же я Французскою широкою кирасирскою портупеею, поднятою на дорогѣ съ палашемъ, которымъ я замѣнилъ свою Французскую саблю. Голова покрывалась изношенною солдатскою фуражкою и башлыкомъ, сшитымъ изъ сукна, подареннаго мнѣ братомъ. Въ такомъ одѣяніи случалось мнѣ проводить морозныя ночи, сидя у огня. Былъ на мнѣ еще старый нитяный шарфъ, съ оставшеюся одною кистью, которая служила мнѣ вмѣсто вѣника. Иногда я раздѣвался, садился спиною къ огню, при коемъ парился шарфомъ и тѣмъ облегчалъ зудъ, безпокоившій меня по всѣму тѣлу. Давно уже не перемѣнялъ я рубашки и давно спалъ не раздѣваясь. Платье мое было напитано вшами, которыя мнѣ покоя не давали и которыхъ я, сидя у огня, истреблялъ сотнями. Закручивая рубашку, я по примѣру солдатъ парилъ ее надъ огнемъ и радовался треску отъ сыпавшихся изъ нея насѣкомыхъ. Когда отодралъ я бинты, коими увязаны были ноги, то нашелъ язвы увеличившимися и умножившимися до такой степени, что отъ пятокъ до бедръ едва ли не половина поверхности ихъ была покрыта язвами, въ гною которыхъ кипѣли насѣкомыя. Я ослабъ душевно и тѣлесно, но удержался рапортоваться больнымъ, въ намѣреніи дотянуть походъ до конца. При томъ же мнѣ не отъ кого было ожидать помощи или участія: бросили бы меня въ Борисовѣ въ госпиталѣ. Смерть казалось мнѣ лучшимъ исходомъ, потому что не предвидѣлось улучшенія въ бытѣ моемъ. Я изнемогалъ отъ нужды и болѣзни, когда обстоятельства мои неожиданно измѣнились, и я началъ оживать.

Выспавшись нѣсколько и отдохнувъ, я пошелъ по улицамъ искать не зная самъ чего. Увидавъ домъ, въ которомъ ѣли, пили, смѣялись, я вошелъ въ него. Тамъ нашелъ я г. Корфа, за завтракомъ съ дядею Саблуковымъ и многими собесѣдниками, всѣхъ нѣсколько навеселѣ. Я былъ въ солдатской своей выгорѣвшей шинели и остановился въ комнатѣ, глядя на пировавшихъ. Саблуковъ посадилъ меня, когда узналъ, накормилъ и, разспросивъ о моемъ положеніи, предложилъ мнѣ 400 р. въ займы. Я не хотѣлъ было принять ихъ, потому что не надѣялся быть въ состояніи возвратить сію сумму; но онъ такъ ласково сдѣлалъ мнѣ предложеніе, что я не могъ отказаться. «Отецъ твой мнѣ ихъ отдастъ,» сказалъ дядя, «когда у него деньги будутъ; а какъ тебѣ теперь лошадь нужна, то я тебѣ сыщу и сторгую славную.» Французская дивизія, которая сдалась въ плѣнъ Витгенштейну, была взята со всѣми обозами. Офицеры, нуждаясь въ деньгахъ, продавали своихъ лошадей, и Саблуковъ, тутъ же вышедъ на улицу, сторговалъ мнѣ отъ Французскаго полковника хорошую верховую

лошадь съ сѣдломъ, за которую я заплатилъ 80 р.; остальныя же 320 р. положилъ я въ карманъ, сѣлъ на новаго коня своего, поблагодарилъ дядю и торжественно отправился къ товарищамъ. Я привязалъ лошадь въ сараѣ, убралъ ее, подложилъ ей гнилой соломы, которую сорвалъ съ крыши, разсѣдлалъ и, войдя въ горницу, положилъ сѣдло въ головы и легъ: не высплю ли еще чего-нибудь добраго? Новую лошадь назвалъ я *Французомъ*. Она была крива, стара и разбита, но большая и еще способная къ перенесенію похода. Я ею былъ очень доволенъ, но некому было за нею ходить: слуга мой отсталъ, и давно уже я ничего не зналъ о немъ. Я проспалъ до сумерокъ; проснувшись, увидѣлъ предъ собой человѣка, котораго въ просонкахъ принялъ за вѣстоваго; мнѣ показалось, что меня звали къ Черкасову. Я всталъ, разбранилъ полковника и готовился къ нему идти; но какъ удивился, когда мнимый вѣстовой, подойдя ближе, сказалъ: «Вы, сударь своего Николая не узнали.» Я бросился обнимать своего вѣрнаго слугу, и онъ мнѣ разсказалъ, какими судьбами ко мнѣ возвратился. Николай заболѣлъ еще въ Видзахъ, откуда онъ, какъ выше сказано, былъ отправленъ съ конногвардейскимъ лазаретомъ въ Динабургъ и даже во Псковъ. Его дурно вылѣчили и отправили съ выздоровѣвшими къ арміи въ корпусъ Витгенштейна, который тогда стоялъ предъ Полоцкомъ. Николай былъ малый проворный; онъ сыскалъ подполковника Шефлера, который тогда былъ оберъ-квартирмейстеромъ въ корпусѣ Витгенштейна. Шефлеръ его зналъ и взялъ его къ себѣ слугою. Николай, по ловкости своей, скоро пріобрѣлъ довѣріе Шефлера и офицеровъ его, поручившихъ ему надзоръ за своими обозами. Когда Витгенштейнъ приблизился къ Березинѣ, Николай развѣдалъ, что главная армія находилась около Борисова и, рѣшившись отыскать меня, пустился ночью одинъ, пѣшкомъ, по снѣгу, безъ дороги, среди непріятельскихъ огней, и на другой день къ вечеру пришелъ въ Борисовъ послѣ сорокаверстнаго перехода.

Пока я спалъ, Николай убралъ вновь пріобрѣтенную мною лошадь. Онъ съ собою принесъ изъ корпуса Витгенштейна пару новыхъ сапогъ, которую я тотчасъ же надѣлъ, и предложилъ мнѣ нѣсколько рублей денегъ, которые сохранилъ; кромѣ того онъ принесъ съ собою сухарей и соли; самъ же онъ былъ хорошо и тепло одѣтъ. И такъ, изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ я находился, я вдругъ очутился съ лошадью, съ деньгами, со слугою и сапогами. Этого мало! Какъ только Николай кончилъ разсказъ о своихъ похожденіяхъ, въѣхали на дворъ мои сани съ тремя лошадьми и прислугою. Подвода эта, оставшись отъ безснѣжья въ Красномъ, наконецъ, потянулась, не зная дороги, и долго блуждала среди разоренныхъ и опустѣлыхъ селеній.

Всего стало довольно и, еслибъ я не былъ боленъ, то болѣе ничего не оставалось въ то время желать, какъ только лучшаго полковника начальникомъ.

Отъ возвратившагося слуги моего Николая узналъ я, что съ Петербургскими дружинами, присоединившись къ корпусу Витгенштейна, прибыли подъ Полоцкъ дядя мой Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, двоюродный братъ Александръ Мордвиновъ и родственникъ Семенъ Николаевичъ Корсаковъ, племянникъ адмирала Мордвинова. На другой день прибытія къ арміи Петербургскихъ дружинъ, Витгенштейнъ атаковалъ Полоцкъ и былъ отбитъ; но непріятель, извѣстясь объ отсупленіи Наполеона, ночью оставилъ городъ, и Витгенштейнъ. занявъ его, провозгласилъ побѣду, которую по всей Россіи славили, говоря, что Полоцкъ штурмомъ покоренъ. Такъ по крайней мѣрѣ разгласили офиціальныя свѣдѣнія, частныя извѣстія и слухи о семъ дѣлѣ. Говорили, что мы подъ Полоцкомъ лишились болѣе 8000 человѣкъ.

Дядя мой, камергеръ Мордвиновъ, командовалъ 5-ю дружиною. Ему оторвало ядромъ выше колѣна ногу, которую тогда же отрѣзали. Государь далъ ему за то г.-маіорскій чинъ и Георгіевскій крестъ 4-й степени. Братъ Мордвинова также былъ въ семъ сраженіи и получилъ Владимирскій крестъ. Изъ офицеровъ квартирмейстерской части убиты были подполковники Тилеманъ и Коцебу; раненъ Вильдеманъ, а въ плѣнъ взятъ подпоручикъ Морицъ Коцебу 2-й. *)

Авангардъ нашъ долженъ былъ переправиться чрезъ Березину, чтобы идти къ Вильнѣ; но старый мостъ былъ сожженъ, надлежало новый построить за ночь, чтобы къ разсвѣту войска могли перейти черезъ рѣку. Черкасовъ поручилъ это дѣло мнѣ, для чего и была назначена піонерная рота Геча; но какъ несчастная рота сія потеряла много людей отъ трудовъ и нужды, ею переносимыхъ, то она не была въ состояніи выставить болѣе 50-ти изнуренныхъ работниковъ. Черкасовъ послалъ меня къ принцу Евгенію Виртембергскому, дабы потребовать отъ него людей. Все это происходило ночью. Принца разбудили, велѣно было дать мнѣ изъ какого-то пѣхотнаго полка одну роту съ офицеромъ. Я пошелъ снѣгомъ прямо къ бивуаку полка и, такъ какъ въ назначенной къ работѣ ротѣ состояло только 15 оборванныхъ и истощенныхъ рядовыхъ, то я пошелъ по городу и собралъ Жидовъ, которые вскорѣ всѣ разбѣжались. Наконецъ, около полуночи въ темную ночь народъ мой собрался на берегу рѣки. Надобно было

*) Не во время сраженія, а на какой-то мызѣ, гдѣ его застали Французскіе фуражиры. 1866.

изобрѣсть, какимъ образомъ построить мостъ; ибо стараго, стоявшаго на сваяхъ, оставались одни концы и, еслибы приняться за поправку его, работу эту не кончили бы въ три дня. Рѣка была широкая и имѣла нѣсколько острововъ; по ней шелъ наканунѣ ледъ, который только что остановился, но все былъ еще въ состояніи поднять человѣка. Трудно было придумать прочную переправу, и мы съ Гечемъ рѣшились переложить по льду съ острова на островъ бревна, связать ихъ веревками и по бревнамъ сдѣлать настилку, устроивъ какъ бы пловучій мостъ на льду. Такой мостъ тѣмъ былъ опасенъ, что многіе бревна не были связаны за недостаткомъ веревокъ, и, еслибъ рѣка тронулась, то его снесло бы неминуемо, и всю вину на меня бы сложили. Но намъ иначе дѣлать было нечего и, рѣшившись на сіе предпріятіе, мы немедленно принялись за дѣло. Пѣхотинцевъ я послалъ набирать дрова, чтобы развести огни на берегахъ и островахъ, а піонеры стали таскать бревна для построенія моста. Мы разбирали на лѣсъ и на дрова стоявшую на правомъ берегу рѣки большую корчму, наполненную Французами. Число ихъ безпрестанно увеличивалось новыми жертвами, ибо вновь приходившіе садились на мертвыхъ товарищей своихъ и въ безсознательномъ положеніи ставили пораженныя ноги свои прямо въ огонь, среди кружковъ ихъ горѣвшій. Сими пришельцами умножилось и количество труповъ, устилавшихъ земляной полъ корчмы. Въ дикомъ взглядѣ этихъ несчастныхъ, иногда на насъ обращавшемся, не выражалось ни просьбы, ни отчаянія, и они умирали, не показывая даже страданія: столь притуплены уже были мысли и чувства сихъ движущихся, полузамерзшихъ и почти нагихъ привидѣній. О помощи имъ нельзя было и помышлять, когда мы сами едва были въ силахъ себя выручать. Конечно, лучшая участь пала на тѣхъ изъ Французовъ, которыхъ признавали плѣнными; но кому было заботиться о призрѣніи того множества бродящихъ мертвецовъ, среди коихъ двигалось впередъ наше ослабленное отъ трудовъ и холода побѣдоносное войско?

Желая ободрить уставившихъ піонеровъ, я принялся самъ за работу и таскалъ съ ними бревна; между тѣмъ ледъ все становился крѣпче, и мы начали, хотя съ опасностью, переходить по льду, причемъ мнѣ доводилось быть по колѣна въ водѣ, не взирая на свои больныя ноги и покрывавшія ихъ язвы. Гечъ съ офицерами своими продрогли отъ холода, и они, оставаясь на берегу, грѣлись у огня. Я усердно трудился, какъ вдругъ услышалъ голосъ Черкасова, который меня съ берега звалъ. Я пришелъ на голосъ его съ бревномъ на плечахъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что, пускаясь въ работу съ нижними чинами, я ронялъ достоинство своего офицерскаго званія, на что получилъ въ отвѣтъ,

что я въ томъ никакого стыда не вижу и что, напротивъ того, примѣръ мой нуженъ для ободренія людей. «Вы не исполняете своей обязанности», сказалъ Черкасовъ: «вамъ слѣдуетъ только распорядиться, а отъ того, что вы сами работаете вышло то, что еще ничего не сдѣлано; вы уже 3 или 4 часа здѣсь, а моста и начала еще не видно».—«Вы можете видѣть», отвѣчалъ я, «что лѣсъ уже заготовленъ и постройка моста сейчасъ начнется. — «У васъ огни еще не разведены.» — «Я послалъ людей за дровами, имъ ходить далеко. Огни скоро покажутся». — «Какъ, вы хотите еще оправдываться, не сдѣлавъ ничего? Посмотрите, какъ у меня дѣло пойдетъ. Эй вы», закричалъ онъ на людей съ присоединеніемъ народнаго браннаго выраженія. «Ступайте за дровами, разводите огни!» Казалось, что Черкасовъ былъ пьянъ. Случилось, что въ то самое время посланные мною люди принесли дровъ и начали раскладывать огни. «Видите», продолжалъ Черкасовъ, «какъ только я пришелъ, такъ дѣло въ ходъ пошло».—«Еслибъ меня здѣсь не было», отвѣчалъ я, «то вы прождали бы еще нѣсколько часовъ, пока заготовили бы матеріалъ и развели бы огни; неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, Павелъ Петровичъ, что вашимъ присутствіемъ освѣтилась рѣка?»—«Какъ, вы еще забываетесь предо мною? Вотъ увидите: войска должны до разсвѣта переправляться, и если мостъ къ тому времени не поспѣетъ, то вы будете отвѣчать». Затѣмъ Черкасовъ уѣхалъ, оставивъ меня съ Гечемъ. Разведенные огни показали намъ ужасную картину: по льду и по островамъ валялись трупы лошадей и людей, которые вѣроятно были принесены еще днемъ теченіемъ и вмерзли въ ледъ.

Часа за два до разсвѣта мостъ былъ готовъ, и я поставилъ для караула пѣхотную роту съ офицеромъ, съ приказаніемъ, чтобы безъ моего позволенія не пропускать ни одной повозки черезъ рѣку; самъ же собрался идти къ Черкасову съ извѣстіемъ о готовности моста. Но едва отошелъ я отъ берега, какъ встрѣтилъ графа Ожаровскаго съ партизанскимъ отрядомъ, при коемъ находился и нашъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута, исчезавшій во все время, какъ великій князь отсутствовалъ изъ арміи. Я обрадовался, увидя своего стараго начальника, и возвратился къ мосту, чтобы переправить отрядъ графа Ожаровскаго. Тутъ Черкасовъ опять явился. Ожаровскій приказалъ сперва переходить обозамъ. Нѣсколько повозокъ переѣхало въ порядкѣ; но какъ это долго продолжалось, то фурлейты и кучера стали напирать и совершенно сбили караулъ, мною поставленный. Опасаясь, чтобы мостъ не провалился отъ множества повозокъ на немъ тѣснившихся, и видя, что никто о томъ не заботился, я самъ началъ останавливать ихъ на берегу; но всякій старался скорѣе прорваться, и въ общемъ натискѣ

увлекли меня на самый мостъ, гдѣ я принужденъ былъ сторониться, чтобы не быть задавленнымъ. Ночь была темная, безпорядокъ полный, ледъ трещалъ, всѣ кричали, и я попался въ самый омутъ, гдѣ прорывались повозки и ящики, между коими тѣснились всадники. Мостъ легко могъ провалиться. Однако отрядъ Ожаровскаго прошелъ благополучно, и я возвратился на квартиру, гдѣ легъ отдохнуть, но недолго отдыхалъ, потому что съ разсвѣтомъ авангардъ Милорадовича началъ переправляться. Мы выступили изъ Борисова и прошли въ тотъ день около 30 верстъ.

Послѣ нѣсколькихъ переходовъ мы пришли въ мѣстечко Радушкевичи. Морозъ былъ градусовъ въ 30-ть. Въ Радушкевичи пріѣхалъ главнокомандующій. Такъ какъ уже не съ кѣмъ было воевать, то онъ сдалъ командованіе арміею Тормасову; самъ же собирался ѣхать въ Вильну въ сопровожденіи Толя и подъ прикрытіемъ небольшаго отряда.

Я изнемогалъ. Не будучи болѣе въ силахъ бороться съ болѣзнію при служебныхъ трудахъ, но видя, что военныя дѣйствія уже кончились, я подалъ Черкасову рапортъ, въ коемъ объяснялъ, что не въ состояніи болѣе продолжать службу, а потому просился въ главную квартиру. Черкасову это было непріятно; но дѣлать ему было нечего, какъ донести о томъ Толю, при чемъ онъ на меня нажаловался *). Не менѣе того меня перевели по желанію; Черкасовъ же, призвавъ къ себѣ товарища моего, Перовскаго, старался сблизиться съ нимъ, обѣщая представить его къ наградѣ; обо мнѣ же отозвался ему съ дурной стороны. Подобными средствами Черкасовъ искалъ примиренія со своими офицерами, которые его не любили. Но Перовскій отвѣчалъ полковнику, что онъ напрасно меня обвиняетъ и что если онъ Перовскій заслужилъ награжденіе, то и я тоже самое заслужилъ. Черкасовъ удивился такому отзыву, но еще болѣе изумился, когда Перовскій сталъ также проситься за болѣзнью въ главную квартиру. Черкасовъ не могъ уговорить его остаться и принужденъ былъ его уволить. Вскорѣ за тѣмъ заболѣли и другіе офицеры, такъ что Черкасовъ остался совершенно одинъ въ авангардѣ; къ нему прикомандировали подпоручика Бергенштраля, котораго онъ также не удержалъ.

Однако Перовскій получилъ два награжденія за авангардную службу, я же ничего. Всѣ товарищи мои получили тоже награды. Гораздо позже слышалъ я, что и меня представляли къ Владимирскому кресту

*) Отзывъ обо мнѣ Черкасова не имѣлъ однакоже вліянія на расположеніе ко мнѣ Толя, который до послѣднихъ годовъ своей жизни отличалъ меня на службѣ и постоянно показывалъ мнѣ особое довѣріе. 1866.

4-й степени, но что я лишился сей награды отъ того, что въ общемъ представленіи брата Александра и меня назвали не по номерамъ, а Муравьевыми старшимъ и младшимъ, потому что насъ тогда только двое въ арміи оставалось (о Михайлѣ же, давно раненномъ, не было и слуха, живъ ли онъ или умеръ). Когда представленіе пошло далѣе, то выставили къ именамъ нашимъ номера, старшій былъ Александръ номеръ его 1-й, младшій былъ Михайла номеръ его 5-й, и такимъ образомъ Михайла получилъ мой Владимирскій крестъ, который ему сочли послѣ за Бородинское сраженіе; я же оставался безъ награды за всю авангардную службу. Такъ ли оно точно случилось, того утвердительно сказать не могу; но я не завидовалъ брату, а радовался, что онъ остался живъ и утѣшался своимъ крестомъ, который заслужилъ кровью. Безъ сего случая участь его была бы таже, какъ и многихъ раненыхъ, находившихся въ отсутствіи, или о существованіи коихъ не имѣли свѣдѣній: его бы забыли.

Я отправился съ Перовскимъ изъ мѣстечка Радушкевичей проселочными путями въ главную квартиру, которую мы нашли послѣ двухдневнаго путешествія. Тормасовъ замѣнилъ мѣсто главнокомандующаго. Старикъ графъ Местръ былъ генералъ-квартирмейстеромъ. Мы къ нему явились. Намъ отвели квартиру и не обременяли службой, потому что болѣли мы дѣйствительно. Мы перешли съ главной квартирой въ мѣстечко Ольшаны, гдѣ войска расположились на зимнихъ квартирахъ на десять дней. Между тѣмъ адмиралъ Чичаговъ занялъ 6-го Декабря Вильну, куда вскорѣ прибылъ и Кутузовъ. Говорили, что Австрійскій аванпостъ находился недалеко отъ Ольшанъ. Противъ нихъ выставленъ былъ отъ насъ обсерваціонный корпусъ, который съ ними одиакоже въ дѣло не вступалъ, потому что съ Австріею сдѣлали договоръ прекратить военныя дѣйствія противъ насъ. Австрійцы при началѣ войны вынуждены были вступить въ союзъ съ Французами, но, видя бѣдственное ихъ положеніе, они оставили союзъ съ ними и присоединились къ намъ. Шварценбергъ, который командовалъ Австрійскимъ вспомогательнымъ Французамъ корпусомъ, начавъ свое отступленіе, ежедневно извѣщалъ насъ наканунѣ, куда онъ идти намѣревается, дабы избѣжать столкновенія. Часто форпосты наши встрѣчались съ Австрійскими, однажды даже и пили вмѣстѣ въ какомъ-то мѣстечкѣ. Такимъ образомъ Шварценбергъ оставилъ наши границы и отступилъ въ Галицію подъ наблюденіемъ нашего корпуса.

6-го Декабря, день моихъ именинъ, я провелъ въ Ольшанахъ, созвалъ товарищей и досталъ Жидовскихъ музыкантовъ, которые наигрывали какую-то пѣсню. Пышный ужинъ нашъ состоялъ изъ щей и куска жареной баранины.

Простоявъ десять дней въ Ольшанахъ, главная квартира получила приказаніе идти въ Вильну. Я съ Перовскимъ отправился днемъ ранѣе; послѣ нѣсколькихъ дней путешествія разоренными мѣстами и между мертвыми и умирающими, мы пріѣхали чрезъ мѣстечко Ошмяны въ Вильну.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о моемъ кратковременномъ пребываніи въ Вильнѣ, упомяну опять о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилось Французское войско. Начиная отъ Вязьмы, преимущественно же отъ Смоленска до Вильны, дорога была усѣяна непріятельскими трупами. Изъ любопытства счелъ я однажды, сколько ихъ на одной верстѣ лежало, и нашелъ отъ одного столба до другаго 101 трупъ; но верста сія въ сравненіи съ другими еще не изобиловала тѣлами: на иныхъ верстахъ валялось ихъ, можетъ быть, и до трехъ сотъ. Кромѣ того мѣста, гдѣ Французы ночевали, обозначались грудами замерзшихъ людей и лошадей. Я самъ видѣлъ въ Борисовѣ шалашъ, выстроенный изъ замерзшихъ окостенѣлыхъ тѣлъ,—шалашъ, подъ коимъ умирали сами строители. Корчмы, выстроенныя на большой дорогѣ, были набиты мертвыми и живыми людьми. Отъ разведеннаго среди ихъ огня загоралась корчма, и всѣ въ ней находившіеся погибали въ пламени. Такая была общая, почти безъ исключенія, участь всѣхъ корчмъ и тѣхъ, которые въ нихъ укрывались отъ морозовъ, и по большей части не въ состояніи были выдти, по слабости, ранамъ или болѣзни. Когда наша полиція вступила въ исправленіе своихъ обязанностей, то трупы стали складываться въ костры и, по обложеніи ихъ дровами и навозомъ, сожигались, отчего распространялся отвратительный смрадъ, смѣшанный съ запахомъ жженаго навоза. И теперь, когда я слышу запахъ жженаго навоза, то вспоминаю ужасъ 1812-го года. Однажды видѣлъ я нашего драгуна, хладнокровно грѣвшагося около большаго костра мертвыхъ Французовъ; уходя, драгунъ взялъ еще изъ костра уголекъ и закурилъ трубку. Зима 1812 года была жестокая. Термометръ Реомюра иногда показывалъ болѣе 31 градуса. Холода эти, можетъ быть, предохранили нашу армію отъ заразительныхъ болѣзней, производимыхъ тлѣніемъ тѣлъ. Но такъ какъ много труповъ оставалось еще подъ снѣгомъ, то весною, когда сдѣлалась оттепель, они стали гнить и произвели эпидемію, которая опустошила тѣ губерніи, чрезъ которыя непріятель отступалъ. Я слышалъ, что крестьяне, замѣтивъ какое-нибудь получше платье на мертвомъ тѣлѣ, приносили тѣло въ избу и оттаивали его на печи до состоянія мягкости членовъ, послѣ чего скидывали платье и, обшаривъ карманы, иногда находили въ нихъ деньги. Случалось имъ находить деньги даже въ сжатомъ кулакѣ умершаго, причемъ гнилое

тѣло заражало всю семью, которая вымирала и передавала заразу сосѣдямъ и такъ далѣе. Ополченія, которыя проходили чрезъ сіи мѣста въ 1813 году, лишились во время похода почти половины своего народа. Случалось мнѣ, что, ѣдучи ночью, подвернется замерзшій трупъ между полозьями; отвердѣлыя руки его останавливали сани, такъ что надобно было вылѣзать и вытаскивать мертвеца изъ-подъ саней. Ужасное зрѣлище представляли и различныя положенія, въ которыхъ умирали Французы. Нѣкоторые были совсѣмъ вдвое согнуты, у другихъ лица изуродованы отъ ударовъ объ ледъ при паденіи. Снѣгъ заносилъ тѣхъ, которые лежали въ канавѣ, и случалось видѣть руку съ сжатымъ кулакомъ или почернѣвшую ногу, которая торчала изъ-подъ снѣга. Я видѣлъ одного Француза, замерзшаго, стоя на колѣнахъ, руки сложа въ положеніи просящаго помощи. Казаки наши забавлялись мертвыми: они ихъ втыкали головами въ снѣгъ, ногами вверхъ, врознь, сажали ихъ другъ на друга верхомъ, выставляли ихъ рядами къ стѣнамъ строеній, составляли изъ нихъ группы въ неприличныхъ видахъ, впрягали замерзшія тѣла къ оставленнымъ на дорогѣ Французскимъ орудіямъ, сажали ихъ по нѣскольку человѣкъ въ брошенныя коляски и дрожки. Проѣзжая чрезъ Ошмяны, я видѣлъ одинъ домъ въ два этажа безъ оконныхъ рамъ и безъ дверей, но во всякомъ окнѣ стояло, оперпись на край, человѣка четыре замерзшихъ Французовъ. Голыя тѣла сіи въ отвердѣломъ положеніи своемъ выражали еще страданія, въ которыхъ они умирали. Зрѣлища ужасныя, съ которыми мы тогда свыкались! Въ числѣ замерзшихъ встрѣчались и женщины, тоже нагія. Одну я видѣлъ, лежавшую на спинѣ, ногами врознь, со вставленнымъ между ними вѣтвистымъ прутомъ. Такъ забавлялись казаки. Пѣхотинцы были скромнѣе, ибо ихъ изнуряли переходами; они страдали отъ холода, часто и отъ голода. Старанія ихъ ограничивались только тѣмъ, чтобы поживиться около мертваго шапкой или изорваннымъ кафтаномъ. Когда не могли сего сдѣлать, потому что платье примерзло къ тѣлу, то довольствовались тѣмъ, что спарывали съ нихъ пуговицы. Кавалеристы домогались своего: они сдирали подковы съ палыхъ лошадей. Артиллеристы срывали желѣзо съ брошенныхъ лафетовъ и шины съ колесъ.

Число труповъ, устилавшихъ дорогу, увеличивалось множествомъ Французскихъ офицеровъ и солдатъ, болѣе похожихъ на тѣни, чѣмъ на живыхъ людей, которые брели въ сильнѣйшіе морозы, голые и босые, среди отшедшихъ товарищей своихъ, и къ нимъ по пути валились. На рѣдкомъ изъ нихъ были мундиры, большею же частью накрывались они чѣмъ попало. У многихъ были на головахъ ранцы, вмѣсто шапокъ, у иныхъ оставались на головахъ кирасирскія каски

съ длинными конскими хвостами; сами же кирасиры были голые и накрывались рогожей или обвивались соломой. Я видѣлъ одного изъ такихъ, который, опираясь на палку, велъ подъ руку женщину; несчастная чета едва на ногахъ держалась и просила хлѣба у прохожихъ. «Кліеба, кліеба!» Иные скрывались въ соломѣ по селеніямъ, лежащимъ въ сторонѣ отъ большой дороги. Однажды случилось мнѣ ночевать въ уцѣлѣвшей деревнѣ; слуга мой пошелъ на крестьянское гумно, дабы достать корма для лошадей и, когда онъ сталъ набирать солому, то изъ оной выскочили два голые Француза, которые такъ быстро убѣжали въ лѣсъ, что ихъ не могли остановить. Французы преимущественно толпились тамъ, гдѣ лежала падаль, около которой они дрались и рвали ее на куски. Они обступали нашихъ мимоидущихъ, прося на всѣхъ Европейскихъ языкахъ хлѣба, службы или плѣна. Но какое пособіе можно было оказать симъ страдальцамъ, когда мы сами почти бѣдствовали отъ нуждъ? Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ увѣряли, что они видѣли, какъ Французы, сидя у огня, пожирали члены мертвыхъ товарищей своихъ. Самъ я не видалъ этого, но готовъ тому вѣрить. Многіе Французы почти требовали, чтобы мы ихъ въ плѣнъ брали, и говорили, что мы обязаны были призрѣть обезоруженныхъ людей; но они не имѣли права ссылаться на существующіе между воюющими обычаи, когда сами столь явно нарушали ихъ жестокостями, раззореніемъ и грабежемъ, которые они въ нашемъ отечествѣ производили. Наполеонъ разстрѣлялъ многихъ нашихъ солдатъ плѣнныхъ, когда не имѣлъ чѣмъ кормить ихъ; отставшимъ же отъ его арміи солдатамъ насилія мы не дѣлали: они сами погибали отъ того, что нечѣмъ было ихъ содержать. Изъ нихъ выбирали однако Нѣмцевъ, которыхъ привели внутрь Россіи и сформировали изъ нихъ легіоны, присоединившіеся впослѣдствіи въ Германіи къ Прусской арміи. Посылали также казаковъ набирать плѣнныхъ, которыхъ сгоняли въ одно мѣсто и потомъ отсылали во внутреннія губерніи колоннами, состоявшими изъ 2-хъ или 3-хъ тысячъ человѣкъ; но продовольствія имъ, за не имѣніемъ онаго, не могли давать. На каждомъ ночлегѣ оставались отъ сихъ партій на снѣгу сотни умершихъ. Нѣкоторые на походѣ отставали. Однажды встрѣтился я съ такой колонной, въ которой сдѣлалась драка. Поссорились за то, что одинъ изъ нихъ нашелъ на дорогѣ отрѣзанную лошадиную ногу и, поднявъ ее, сталъ грызть; голодные товарищи, увидя сіе, бросились на него, чтобы отнять добычу, и задавили бы его, еслибы казаки, въѣхавъ въ толпу, не розняли дерущихся плетьми и пиками.

Жесточе всѣхъ обходились съ плѣнными крестьяне, которые зарывали ихъ живыми въ землю. «Пускай онъ своею смертью помретъ»,

говорили они: «мы не будемъ отвѣчать за убійство предъ Богомъ». Иные покупали ихъ у казаковъ за нѣсколько грошей, приводили къ себѣ въ деревню и передавали нечистаго врага (какъ они называли Французовъ) связаннаго ребятишкамъ на умерщвленіе съ истязаніями всякаго рода, чтобы дѣти ихъ, говорили они, разумѣли, какъ истреблять нехристей. Можетъ быть, что дошедшіе до меня разсказы о томъ были преувеличены; но я самъ слышалъ одного крестьянина говорившаго, что «плѣнные вздорожали, къ нимъ приступу нѣтъ, господа казачество прежде продавали ихъ по полтинѣ, а теперь по рублю просятъ».

Въ 1812 году взято было нами въ плѣнъ 180 т. человѣкъ, изъ коихъ едва ли 30 т. возвратились въ свое отечество. Французы оставили въ Россіи 1400 орудій и всю казну, отъ которой обогатились преимущественно казаки. Довольно странно, что нѣкоторые изъ бродящихъ по дорогѣ Французовъ, забывъ опасность, грабили вмѣстѣ съ казаками казну Наполеона и, въ общей суматохѣ, лазили въ фургоны, отъ коихъ, разумѣется, были отбиты. Инымъ однакоже удавалось вытащить нѣсколько золота, которое у нихъ впрочемъ на мѣстѣ же и отбирали *).

Наши солдаты тоже много потерпѣли отъ холода. Потеря наша замерзшими состояла, можетъ быть, болѣе чѣмъ изъ 1000 человѣкъ. Кромѣ того люди у насъ отъ трудовъ сильно ослабѣвали. На переходахъ оставалось по дорогѣ большое количество усталыхъ, изъ коихъ часть впослѣдствіи присоединилась къ своимъ полкамъ, другая же сворачивала въ сторону отъ дороги и бродила по селеніямъ. Помню, что подъ Радушкевичами весь Минскій пѣхотный полкъ состоялъ только изъ 80 человѣкъ нижнихъ чиновъ; въ иныхъ ротахъ другихъ полковъ было только по 7, 8 и 10-ти рядовыхъ. Солдаты ходили въ лаптяхъ, одѣвались въ сѣрые крестьянскіе кафтаны и въ чемъ попало. И офицеры немногимъ лучше одѣвались; многіе ходили въ нагольныхъ тулупахъ и отличались отъ рядовыхъ только остатками нитянаго шарфа, которымъ подпоясывались **).

По прибытіи въ Вильну, числительность нашей арміи значительно уменьшилась. Войско, приведенное изъ Молдавіи Чичаговымъ, нахо-

---

*) Я не сократилъ пространнаго описанія бѣдствій, претерпѣнныхъ въ 1812 году Французскою арміею и оставилъ даже встрѣчающіяся о томъ повторенія, какъ свидѣтельство о впечатлѣніи, оставшемся у меня въ памяти, когда я писалъ сіи записки, шесть лѣтъ спустя послѣ событія, объ ужасахъ, сопровождавшихъ бѣгство непріятеля изъ нашего отечества. 1866.

**) Въ 1812 году серебряные шарфы были замѣнены, по Высочайшему повелѣнію, нитяными, вѣроятно, къ видахъ облегченія офицеровъ въ расходахъ. 1866.

дилось въ лучшемъ состояніи, почему мы расположились около Вильны на квартирахъ, а Чичаговъ продолжалъ преслѣдованіе непріятеля до Ковны, гдѣ онъ и остановился на р. Нѣманѣ.

Послѣ соединенія съ главною арміею на р. Березинѣ, Витгенштейнъ снова отдѣлился для преслѣдованія остатковъ Французскихъ корпусовъ—Удино, Виктора и Сенъ-Сира и для наблюденія за Прусскимъ корпусомъ генерала Іорка, который находился въ Митавѣ. По сдѣланному съ нимъ договору, военныя дѣйствія съ Пруссаками прекратились, послѣ чего они отступили въ свои границы. Затѣмъ послѣдовали съ Прусскимъ королемъ переговоры о вступленіи съ нами въ союзъ. Витгенштейнъ перешелъ за Нѣманъ и взялъ нѣсколько Прусскихъ городовъ, которые были заняты Французами.

Вскорѣ Государь и великій князь Константинъ Павловичъ пріѣхали въ Вильну. Кутузовъ былъ пожалованъ званіемъ свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго и орденомъ св. Георгія первой степени; чиномъ фельдмаршала былъ онъ награжденъ еще за Бородинское сраженіе. Государь, не взирая на заслуги, оказанныя войсками, ознаменовалъ прибытіе свое въ Вильну арестованіемъ нѣсколькихъ офицеровъ гвардейскихъ за несоблюденіе формы въ одеждѣ. Константинъ Павловичъ, по добродушію своему, много заботился объ облегченіи участи Французовъ, погибавшихъ ежедневно сотнями на улицахъ Вильны. Нашъ генералъ графъ Сентъ-При былъ назначенъ для призрѣнія плѣнныхъ, которые называли его своимъ благодѣтелемъ. Въ Вильнѣ встрѣтился я съ родственникомъ, Никол. Аполлон. Волковымъ, съ которымъ нѣкоторое время вмѣстѣ учился у моего отца. Онъ только что опредѣлился на службу изъ камеръ-пажей, откуда былъ выпущенъ поручикомъ въ какой-то егерскій полкъ, изъ котораго Сентъ-При взялъ его къ себѣ въ адъютанты, причемъ перевелъ тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ; теперь же Волковъ уже полгода полковникомъ.

При вступленіи въ Вильну, улицы во многихъ мѣстахъ были завалены мертвыми Французами; вездѣ жгли навозъ для предохраненія города отъ заразы. Оставшіеся въ Вильнѣ Французы во множествѣ бродили по улицамъ полунагіе, испрашивая милостыни у проходящихъ; въ числѣ ихъ были штабъ и оберъ-офицеры. Въ госпиталяхъ ихъ лежало по нѣскольку человѣкъ на одной кровати и подъ кроватями. Мертвыхъ же (иногда и умирающихъ) которыхъ не успѣвали выносить, выбрасывали изъ окна со втораго этажа на улицу. Мы застали еще въ Вильнѣ сформированныхъ Французами изъ мѣстныхъ Поляковъ жандармовъ, которые при насъ еще нѣсколько времени исправляли полицейскія должности. Въ Вильнѣ пріобрѣтены были нами большіе склады оружія, аммуниціи и платья, коего часть продали Прусскому

королю, потому что онъ былъ совершенно обобранъ, и ему трудно было вооружить армію для содѣйствія намъ.

Пріѣхавъ въ Вильну, я остановился съ Перовскимъ на прежней квартирѣ моей, въ домѣ Стаховскаго, въ Рудницкой улицѣ; но Стаховскаго самого въ городѣ не было и, какъ я былъ знакомъ съ Евреемъ, который въ семъ домѣ жилъ со своимъ семействомъ, то я у него остановился въ одной съ нимъ комнатѣ. Еврей этотъ былъ человѣкъ умный, начитанный и гостепріимный. Онъ меня принялъ очень хорошо и далъ мнѣ лучшій уголъ въ комнатѣ, гдѣ лежалъ старый больной отецъ его. Я былъ такъ слабъ, что не могъ выходить. Когда я снялъ съ себя солдатскую шинель, то нашелъ на себѣ только остатки сюртука, когда же скинулъ сапоги, то увидѣлъ вмѣсто носковъ только лоскутки вязаныхъ нитокъ. Я обмылся, очистился и черезъ два дни достигъ до того, что мнѣ только оставалось сапоги перемѣнить. Я вспомнилъ, что въ саняхъ была еще какая-то пара сапогъ, но когда хватился, то не нашелъ ея болѣе: старый мой Московскій поваръ Евсей Никитичъ, по прибытіи въ Вильну, принялся пить и, пропивъ свои деньги, спустилъ туда же и мои сапоги. Евсей Никитичъ только по вечерамъ возвращался домой на четверенькахъ, и какъ онъ не былъ въ состояніи переползти черезъ высокій порогъ калитки, то ночевалъ на улицѣ; когда же переправа черезъ порогъ ему удавалась, то онъ забирался въ сани, спалъ и на другой день снова отправлялся до разсвѣта въ шинокъ промѣнивать пожитки мои на вино.

Однажды сидѣлъ я ввечеру съ Перовскимъ въ единственно освѣщенномъ углу довольно обширной комнаты моей, читая la Henriade Travestie (книга, помнится мнѣ, поднятая послѣ Красцинскихъ дѣлъ на большой дорогѣ, гдѣ часто находились выброшенныя изъ Французскихъ фургоновъ книги, добытыя ими при разграбленіи ими Москвы). Мы смѣялись обороту, который данъ сочинителемъ разсказу о смерти Генриха IV. «A ces mots le roi fit un pet, et ce fut le dernier qu'il eut fait», какъ обоняніе наше было неожиданно поражено самымъ отвратительнымъ запахомъ.

Оглянувшись мы увидѣли въ темномъ углу Француза, стоявшаго на колѣняхъ въ дверяхъ; онъ былъ почти совсѣмъ нагъ. Вмѣсто шапки и обуви, голова и ноги его покрывались отъ стужи телячьими ранцами. Онъ прочиталъ молитву Pater Noster и, вползши въ середину комнаты, расположился на полу, чтобы перевязать отмороженныя ноги свои, отъ тлѣнія коихъ распространялся ужасный смрадъ. Я крикнулъ ему, чтобы онъ убирался; но Французъ, не трогаясь съ мѣста, просилъ пощады. «Ayez pitié de moi, сказалъ онъ; je n'ai que quelques heures à vivre; tout ce que je vous demande c'est de me permettre de

passer un quart d'heure chez vous pour me remettre un peu du froid, et puis je m'en irai crever dans la rue.»

Меня тронулъ голосъ отчаянія, съ которымъ онъ произносилъ сіи слова, и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. На спросъ мой, какого онъ полку, онъ, сидя на полу, приставилъ руку ко лбу и отвѣчалъ: «30-me dragons provisoire, commandant.»—«Votre régiment était-il fort en entrant en campagne?»—«Commandant, il comptait 1000 hommes à cheval.»—«Pourquoi avez vous quitté le régiment?»—«Je n'en pouvais plus de fatigue, de faim et de froid.»—«Restait-il alors encore beaucoup de monde au régiment?»—«Commandant, il n'y avait plus d'officiers, et il ne restait que 14 hommes à pieds.»—«D'où venez-vous en ce moment?»—«Je viens de Molinsky.» (Смоленскъ).—«Et vous n'avez pas vu vos camarades?»—«Commandant, non, je ne les ai pas rencontré; les auriez vous vu par hasard?»—«Vous avez passé devant eux. Ils sont étendus là sur la grande route.»—«Commandant, il est bon à vous de plaisanter; je vous assure que j'envie bien leur sort: ils ne souffrent plus, et moi je devrai encore passer quelques heures dans la rue avant de mourir.»—«Désirez vous vraiment mourir?»—«Commandant, si j'en avais seulement les moyens, je ne différerais pas d'une minute.»

Желая видѣть, какъ онъ на себя руку наложитъ, я подалъ ему свой пистолетъ незаряженный, насыпавъ при немъ порохъ на полку. Драгунъ, сидя на полу, почти вырвалъ у меня пистолетъ изъ рукъ и, взявъ дуло въ ротъ, спустилъ курокъ; но выстрѣла не было. Однакоже онъ, въ ожиданіи смерти, невольно вздрогнулъ. Увидавъ, что пистолетъ не былъ заряженъ, онъ отдалъ его, сказавъ: «Commandant, il est cruel à vous de me duper ainsi! J'attendais avec impatience le moment où j'allais cesser de souffrir; j'attendais ce moment de votre bienfaisance, quand vous me présentiez l'arme; mais elle n'est pas chargée. Allez! Ce n'est pas bien à vous de prolonger ainsi mes souffrances en reculant l'instant désiré de ma mort; je m'en irai geler cette nuit, tandis que tout aurait pu être terminé dans ce moment.» Мнѣ понравилась твердость духа этого несчастнаго. Я ему далъ поѣсть и рубль серебромъ, «pour charger l'arme,» присовокупилъ я, une autre fois que l'envie vous prendra de vous plomber la cervelle.»

Перовскій ему тоже далъ рубль, и сверхъ того я его послалъ съ запиской къ Волкову, чтобы его приняли въ госпиталь и имѣли хорошее за нимъ смотрѣніе. Волковъ, какъ выше сказано, былъ адъютантомъ у гр. Сентъ-При, которому поручено было смотрѣть за плѣнными Французами. Волковъ при свиданіи увѣрялъ меня, что просьба моя была исполнена, почему полагаю, что этотъ Французъ, котораго я впрочемъ болѣе не видалъ, выздоровѣлъ.

Когда я нѣсколько оправился въ силахъ, такъ что могъ выходить, то пошелъ къ кн. Петру Михайловичу Волконскому проситься въ отпускъ въ Петербургъ для излѣченія болѣзни. Князь подробно освѣдомился о состояніи моего здоровья и приказалъ идти къ Толю для полученія отпуска. Такъ какъ я еще въ Радушкевичахъ просился черезъ полковника Черкасова въ отпускъ, то напомнилъ о томъ Толю, сказавъ, что до сихъ поръ не получилъ еще разрѣшенія. Толь отвѣчалъ мнѣ, что Черкасовъ отнесся обо мнѣ съ невыгодной стороны, что, впрочемъ, отпускъ давно отправленъ ко мнѣ по начальству. Толь не сталъ бы разбирать моей ссоры съ Черкасовымъ; а потому, во избѣжаніе новыхъ неудовольствій, я промолчалъ и вышелъ отъ него. Но билета на отпускъ я нигдѣ не могъ найти и уже отчаевался ѣхать въ Петербургъ, какъ неожиданно вошелъ ко мнѣ родственникъ мой, Артамонъ Муравьевъ 3-й, который состоялъ при Чичаговѣ и пріѣхалъ съ Нѣмана въ Вильну, чтобы выхлопотать себѣ также отпускъ въ Петербургъ. Бумаги мои ошибкой къ нему попались, и онъ ихъ привезъ, чему я крайне обрадовался, и мы уговорились вмѣстѣ ѣхать. Въ то же время предъ отъѣздомъ моимъ я получилъ жалованье и фуражныя деньги, такъ что съ тѣми деньгами, которыя у меня еще оставались, собралось у меня до 700 р. ассигнаціями.

1812 года 31 Декабря ввечеру пріѣхалъ я въ Петербургъ прямо къ дядѣ Николаю Михайловичу Мордвинову, у котораго воспитывалась съ дочерьми его сестра моя Софья. Я вошелъ въ комнаты въ дорожной своей одеждѣ, буркѣ и башлыкѣ. Меня не узнали и, какъ тогда были святки, то приняли сначала за кого-нибудь изъ переодѣвшихся дворовыхъ людей. Меня долго осматривали и узнали только тогда, когда я скинулъ башлыкъ. Всѣ бросились меня обнимать, и я былъ истинно счастливъ видѣть себя снова въ кругу близкихъ и любящихъ меня родныхъ, послѣ цѣлаго почти года, проведеннаго въ дали отъ своихъ, въ трудахъ, нуждахъ всякаго рода и безъ извѣстій о своихъ домашнихъ и близкихъ людяхъ. Дѣло, разумѣется, началось съ чая; посадили меня, и всѣ, расположившись около меня, стали разспрашивать. Одна только тетка Катерина Сергѣевна уговаривала меня отдохнуть, предоставляя себѣ удовольствіе бесѣды до другаго дня. Но прежде всего хотѣлось мнѣ распросить объ адмиралѣ Мордвиновѣ и дочери его Натальѣ Николаевнѣ, и я узналъ, что во время вступленія непріятеля въ Москву, онъ уѣхалъ съ семействомъ въ новое свое Пензенское имѣніе. О батюшкѣ имѣлись неполныя свѣдѣнія, ибо онъ рѣдко писалъ. Я узналъ однакоже, что онъ вступилъ въ службу по кавалеріи полковникомъ и формировалъ ополченіе въ Нижнемъ Новгородѣ. Полагали, что братъ Александръ тоже въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Тамъ же находился и братъ Михайла, который выздоравливалъ отъ полученной имъ подъ Бородинымъ раны.

Переночевавъ у дяди, я на другой день переѣхалъ въ казенный домъ Кушелева, гдѣ полковникъ Эйхонъ далъ мнѣ прежнюю мою квартиру. Я началъ лечиться у нашего штабнаго врача Свенскаго, который прописалъ мнѣ купоросныя кислыя капли. Дня два принималъ я ихъ съ водою и оставилъ; скорѣе полагаю, что впослѣдствіи получилъ облегченіе отъ молока, которое постоянно продолжалъ пить.

—

И такъ кончилась моя первая кампанія 1812 года. Я много перенесъ, много трудился и былъ крайне утомленъ; но, переживъ страдальческое свое положеніе, много пріобрѣлъ опытности, хотя много потерялъ по службѣ, ибо товарищи обогнали меня въ чинахъ: я сталъ даже ниже тѣхъ, которые въ 1811 году были колонновожатыми подъ начальствомъ моимъ, уже были поручиками, а я оставался прапорщикомъ. Это произошло отъ того, что я имѣлъ несчастіе служить подъ начальствомъ человѣка негоднаго, который былъ вообще презираемъ и своими начальниками, и подчиненными. Теперь еще не могу хладнокровно слышать имени Черкасова. Онъ былъ причиною, что я нѣсколько разъ провинился по службѣ, хотя не буду и себя въ томъ оправдывать.

Когда я нѣсколько поправился въ здоровьи, то, въ намѣреніи отыскать братьевъ, отпросился въ отпускъ въ Москву. Съ чувствомъ благоговѣнья и горести увидѣлъ я развалины нашей старой Москвы. Я проѣзжалъ пустырями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде возвышались зданія, и на сихъ пустыряхъ торчали однѣ трубы сгорѣвшихъ строеній. Къ тому времени собралось уже много обывателей, но они жили тѣсно, помѣщаясь въ лачугахъ, кое-какъ ими построенныхъ на зиму. Замоскворѣчья болѣе не существовало; Кремль былъ какъ бы выворочень наизнанку: древнія стѣны его во многихъ мѣстахъ обрушены, церкви раззорены. Мы, Русскіе, могли гордиться развалинами нашей древней столицы, принесенной въ жертву для спасенія отечества. Съ увлеченіемъ въѣхалъ я въ уцѣлѣвшій домъ князя Урусова *), гдѣ стекалось такъ много воспоминаній изъ нашего юношества, и спѣшилъ все въ немъ осмотрѣть. Въ большихъ парадныхъ комнатахъ

---

*) Въ семъ обширномъ домѣ, что̀ на Большой Дмитровкѣ, помѣщался нѣсколько лѣтъ Англійскій клубъ. Домъ этотъ, перешедшій по наслѣдству моему отцу, былъ имъ проданъ 1866. *Примѣч. автора.*—Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ г. Рудакову. Впослѣдствіи помѣщался въ немъ славный пансіонъ М. Г. Павлова и въ наши дни Лицей Цесаревича Николая. П. Б.

помѣщался у Французовъ госпиталь; стѣны были попорчены гвоздями, вколоченными для развѣшиванія аммуниціи; мебель была поломана и въ чистую ободрана. На образахъ домовой церкви князя Урусова сдѣланы были похабныя Французскія надписи. Изъ фамильныхъ портретовъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ занимаемыхъ нами комнатъ, только нѣкоторые остались, и тѣ были прорваны. Библіотека отца моего была растаскана, и сочиненія разрознены; вездѣ видны были слѣды грабежа и безчинства, какъ бы послѣ нашествія Вандаловъ.

Случилось, что братъ Александръ прибылъ изъ Нижняго Новгорода въ Москву передъ самымъ моимъ пріѣздомъ. Велика была наша радость другъ друга увидѣть. Я узналъ, что батюшка вступилъ въ военную службу и опредѣлилъ въ оную нѣсколько изъ своихъ учениковъ, которыхъ было уже довольно много; узналъ, что отецъ формируетъ въ Нижнемъ ополченія и былъ назначенъ начальникомъ штаба къ графу Петру Александровичу Толстому, который командовалъ сими ополченіями; что князь Урусовъ былъ очень недоволенъ на батюшку за то, что онъ его оставилъ и даже намѣревался отказать ему отъ наслѣдства; но что батюшка, не взирая на сіе, не оставилъ службы; что у него нечѣмъ было намъ помочь; что князь Урусовъ отказался отъ вспомоществованія намъ и, давъ Александру 500 р., сказалъ, чтобы впредъ мы ничего болѣе отъ него не ожидали. Обстоятельства сіи были не весьма утѣшительны. Проѣздъ мой до Москвы и обратно ложился на мои скудныя средства, а сверхъ того нужны были еще деньги, чтобы возвратиться въ армію. Брату предстояли тѣже затрудненія, и мы пригласили по сему случаю на совѣщаніе пріятеля нашего П. А. Пустрослева, который занималъ тогда мѣсто почтъ-директора въ Москвѣ *). Онъ былъ женатъ на сестрѣ Колошиныхъ, съ которыми мы были дружны.

По совѣту Пустрослева я написалъ самый умѣренный счетъ того, что̀ мнѣ было необходимо, чтобы снова отправиться въ походъ, и послѣ долгихъ преній мы рѣшили, что для подъема нужно было 700 р. кромѣ тѣхъ денегъ, которыя мнѣ надобно было при себѣ имѣть на покупку, по прибытіи въ армію, лошадей. Мы имѣли надежду на дядю Николая Михайловича Мордвинова и на Петербургскую деревню Сырецъ, изъ которой отецъ получалъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ въ годъ дохода. Дядя управлялъ этою отчиною и употреблялъ часть получаемыхъ имъ денегъ на воспитаніе сестры нашей Софьи, которая у него жила. Мы не ошиблись въ предположеніяхъ своихъ, и Сырецъ снабдилъ насъ средствами къ отъѣзду въ армію.

---

*) Авторъ ошибается: Пустрослевъ только служилъ въ Московскомъ почтамтѣ. П. Б.

На обратномъ пути изъ Москвы въ Петербургъ, я своротилъ изъ Новгорода влѣво въ Сырецъ, гдѣ, переговоривъ съ прикащикомъ, возвратился черезъ г. Лугу въ Петербургъ и представилъ дядѣ Мордвинову составленную мною въ Москвѣ съ помощью Пустрослева записку. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій онъ выдалъ мнѣ потребныя деньги, и я снарядилъ себя въ походъ, а затѣмъ у меня оставалось на лицо еще до 80 червонцевъ. Я взялъ съ собою моего вѣрнаго Николая и еще бывшаго кучера Артемья Морозова, котораго одѣлъ въ казачье платье. Слуга онъ былъ тоже вѣрный и старательный, но любилъ выпить. Когда я приготовился выѣхать изъ Петербурга, то на меня навязали двоюроднаго брата моего Николая Мордвинова съ просьбою доставить его въ армію. Отцемъ его былъ родной дядя мой Владимиръ Михайловичъ Мордвиновъ, храбрый генералъ, раненный въ 1807 г. Николай воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ; онъ не былъ лишенъ природныхъ дарованій и ловкости, но, къ сожалѣнію и стыду фамиліи, уже ранѣе обладалъ всѣми пороками, знаменующими преступника: ложь, обманъ, воровство, нахальство и т. п. Онъ пускался во все, что̀ только можно было придумать пошлаго и безнравственнаго. И такого спутника передали мнѣ на руки. Онъ былъ уже нѣсколько разъ наказанъ тѣлесно отцомъ своимъ, который не зналъ болѣе, что̀ съ нимъ дѣлать. Поручая мнѣ своего сына, онъ предоставилъ мнѣ право тоже наказывать его, еслибы я то призналъ нужнымъ. Николаю Мордвинову, тогда только что выпущенному изъ кадетскаго корпуса въ артиллерію прапорщикомъ, не было болѣе 16-ти лѣтъ отъ роду. Онъ дурно кончилъ свое поприще службы и жизни, былъ нѣсколько разъ разжалованъ и, наконецъ, выключенъ изъ службы, сосланъ въ отдаленныя губерніи и погибъ въ кабакѣ. Во уваженіе желанія дядей, я не могъ отказаться отъ такого спутника. При послѣднихъ увѣщаніяхъ, которыя ему дѣлали, онъ прослезился, будто раскаялся; но другаго подобнаго лицемѣра на свѣтѣ не было, и онъ въ пути много причинилъ мнѣ хлопотъ.

Квартирмейстерской части полковникъ Эйхенъ, остававшійся въ Петербургѣ при мѣстномъ управленіи нашимъ штабомъ, отправилъ со мною два ящика съ инструментами для доставленія ихъ къ князю Петру Михайловичу Волконскому.

По вѣдомостямъ видно было, что наша главная квартира находилась тогда въ Калишѣ, что̀ въ герцогствѣ Варшавскомъ, и что Витгенштейнъ былъ уже въ Пруссіи. Такъ какъ по дорогѣ на Ригу было менѣе ѣзды, чѣмъ черезъ Псковъ и Динабургъ, то я, во избѣжаніе задержки въ почтовыхъ лошадяхъ, избралъ себѣ путь черезъ Остзей-

скія провинціи, тѣмъ болѣе что мнѣ хотѣлось видѣть страну сію, въ коей до того не былъ.

Здоровье мое поправлялось и, хотя послѣднія язвы на ногахъ скрылись уже во время похода, но я не замедлилъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга.

Мнѣ было прискорбно видѣть, что отсталъ по службѣ отъ своихъ товарищей, и я спѣшилъ ѣхать въ армію, при ревностномъ желаніи вознаградить потерянное. Но въ сихъ дѣлахъ, какъ и во многихъ другихъ, часто случается, что успѣхъ зависитъ болѣе отъ счастья. Начинанія мои во второй кампаніи были иныя, чѣмъ тѣ, которыми сопровождался первый походъ мой. Хотя и тутъ еще долго не везло мнѣ счастье по службѣ, но я уже былъ нѣсколько постарѣе, опытнѣе; военныя дѣйствія происходили въ Германіи, гдѣ мы не видѣли той нужды, которую переносили въ 1812 году, при отступленіи къ Москвѣ и въ зимнемъ походѣ до Вильны. Я не былъ боленъ и не имѣлъ Черкасова начальникомъ. Кажется, еслибъ я самаго Черкасова увидѣлъ на испытаніи претерпѣнномъ мною 1812 году, то пожалѣлъ бы и о немъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Читатели оцѣнили высокое значеніе Записокъ Н. Н. Муравьева, вполнѣ соотвѣтственное характеру этого поистинѣ достопамятнаго человѣка. О роковомъ тогдашнемъ времени такъ много писано, что можно изъ книгъ, касающихся 1812 года, составить цѣлую библіотеку, и при всемъ томъ Записки Н. Н. Муравьева отличаются свѣжестью и новизною. Это настоящая лѣтопись, правдивая и точная. Дѣло въ томъ, что неутомимый Русскій человѣкъ этотъ имѣлъ обычай вести дневники, и въ свободное время постепенно обращалъ ихъ въ связный разсказъ. Отъ этого Записки его въ своемъ родѣ единственны. Къ сожалѣнію, пересматривая ихъ въ концѣ жизни своей, въ 1866 году, Н. Н. Муравьевъ не только многое зачеркнулъ, такъ что прочитать невозможно, но нѣкоторыя страницы совсѣмъ уничтожилъ. П. Б.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ ГРАФУ П. А. ТОЛСТОМУ. 1812 ГОДА.

Важное историческое значеніе этихъ писемъ опредѣляется положеніемъ, которое занималъ графъ П. А. Толстой въ 1812 году. Братъ царскаго любимца, бывшій посломъ въ Парижѣ и умѣвшій въ личныхъ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ Наполеономъ охолаживать его необузданную наглость, этотъ почтенный человѣкъ въ 1812 г. командовалъ запасными войсками въ Нижнемъ и высылалъ оттуда въ армію вновь составляемыя войска и ополченскія дружины. Это настоящій сотрудникъ графа Растопчина въ великомъ дѣлѣ всяческаго отпора Французскому вліянію и Французскому нашествію. Онъ былъ виновникомъ ссылки Сперанскаго въ Пермь (15 Сент. 1812), передавъ Государю черезъ старшаго брата своего оберъ-гофмаршала и ежедневнаго государева собесѣдника графа Николая Александровича о неблаговидныхъ поступкахъ и неосторожныхъ отзывахъ Сперанскаго въ Нижнемъ на ярмаркѣ, между простонародьемъ и духовенствомъ. Есть извѣстіе, что эта крутая мѣра принята была отчасти и для спасенія Сперанскаго отъ ярости народной: Московскіе купцы собирались убить его, какъ измѣнника. — Трагическое положеніе графа Растопчина ярко отражается въ этихъ четырехъ письмахъ. Въ нихъ встрѣчаются неточности и невѣрности; но, какъ все писанное графомъ Растопчинымъ, они отличаются необыкновенно-живою изобразительностью. Можно сказать, что это уголья, въ которыхъ никогда не остываетъ жаръ исторической минуты. Таковы же его письма къ князю Циціанову (XIX вѣкъ, кн. 2-я) и къ графу С. Р. Воронцову (Архивъ Князя Воронцова, кн. 8-я). П. Б.

1.

(Секретно).

Милостивый государь графъ Петръ Александровичъ!

Отправляю къ вамъ нарочный эстафетъ съ приложенными письмами, въ подтвержденіе коихъ могу увѣрить васъ, что намѣреніямъ

Сперанскаго и Столыпина я вѣрю по дѣйствію мартинистовъ здѣсь; я увѣренъ, что вы примите нужныя мѣры для примѣчанія замысловъ скаредовъ, посягающихъ на отечество. Если же заблагоразсудите, то отправьте и Сперанскаго, и Столыпина сюда [1]).

Князь Кутузовъ пишетъ сейчасъ ко мнѣ, что онъ между Можайска и Гжати намѣренъ дать баталію; у него 134 тысячи войска, у злодѣевъ едва 120 тысячъ изнуренныхъ и больныхъ всего. Но онъ во 150 верстахъ отсюда и, не имѣя инаго въ виду, какъ Москву, надѣется кончить войну или пропасть въ Кремлѣ. Вамъ преданный графъ Θ. Растопчинъ. 21-го Августа 1812 года. Москва.

2.

Доставленные ко мнѣ пакеты отъ вашего сіятельства тотъ же вечеръ я отправилъ съ посылаемымъ отъ меня курьеромъ въ С.-Петербургъ, куда Государь три дня тому назадъ еще не возвратился [2]). Положеніе Москвы дурное. Арміи наши 13 верстъ отъ Можайска, Гжать занята Французами. У злодѣя не болѣе 150 тысячъ, у насъ съ пришедшими войсками 143 тысячи. Милорадовичъ пришелъ, Марковъ съ 23 тысячами тамъ. Кутузовъ пишетъ, что дастъ баталію и другой цѣли не имѣетъ, какъ защищать Москву; непріятель не имѣетъ провіанта, и онъ отчаянно идетъ на Москву, обѣщая въ ней золотыя горы. Витгенштейнъ добилъ въ четвертый разъ армію Удино; сей умеръ отъ ранъ, и въ послѣднемъ дѣлѣ два генерала взяты въ плѣнъ. Въ Петербургѣ довольно спокойны, судя по маранью Гурьева и Козодавлева [3]). Тормасовъ соединился съ Чичаговымъ. Москва спокойна и тверда, но пуста: ибо дамы и мужчины женскаго пола уѣхали.

Прощайте, почтенный графъ, будьте здоровы; сего желаетъ вамъ преданный графъ Θ. Растопчинъ. 24-го Августа 1812 года. Москва.

P. S. Скажите Ник. Селив. [4]), что я отправилъ водою въ Нижній на баркѣ 57 Французовъ; ему будетъ праздникъ видѣть этотъ ковчегъ.

---

[1]) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ, зять адмирала графа Мордвинова, въ то время еще другъ Сперанскаго, лицо крупное въ тогдашнемъ обществѣ. Съ 1809 по 1811 годъ получилъ онъ большую извѣстность, будучи дѣятельнымъ оберъ-прокуроромъ седьмаго департамента Московскаго Сената. Въ 1812 году находился онъ въ отставкѣ и занимался сельскимъ хозяйствомъ. П. Б.

[2]) Изъ Або, гдѣ происходило 16 Августа свиданіе съ Бернадотомъ. П. Б.

[3]) Т. е. министра финансовъ и министра внутреннихъ дѣлъ. П. Б.

[4]) Николаю Селиверстовичу Небольсину. П. Б.

3.

13-го Сентября. Пахра, 35 верстъ отъ Москвы.

Сколь ни тяжело мнѣ писать къ вамъ, почтенный графъ, но я хочу извѣстить васъ о преданіи Москвы и о бѣдственномъ положеніи арміи нашей. Князь Кутузовъ, обѣщавъ мнѣ въ десяти письмахъ, что онъ Москву защищать будетъ, и что съ судьбою сего города сопряжена судьба и Россіи, далъ 26-го при Бородинѣ баталію. Бонапартъ атаковалъ всю нашу позицію съ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера и былъ отбитъ такъ, что обозы отправились назадъ. Мы потеряли убитыми и ранеными 17 генераловъ, до 20 тысячъ рядовыхъ и на другой день 10 тысячъ мародеровъ; непріятелю этотъ день стоитъ близъ 30 тысячъ убитыхъ и раненыхъ; 29 генераловъ, по ихъ письмамъ, mis hors de comptant [5]). Мы у нихъ взяли 10 пушекъ, они у насъ 18. Съ симъ извѣстіемъ отправленъ курьеръ въ Петербургъ съ мѣста сраженія, и Кутузовъ—фельдмаршалъ; мы остались на мѣстѣ, но ночью пошли назадъ. Бенигсенъ искалъ новыхъ позицій и привелъ армію на Поклонную гору. Тутъ я видѣлся съ Кутузовымъ, который повторилъ мнѣ, что онъ дастъ баталію. Я возвратился въ городъ и занимался ранеными, коихъ число въ безпорядкѣ пришедшихъ было до 28,000 человѣкъ, и при нихъ нѣсколько тысячъ здоровыхъ. Это шло разбивать кабаки (въ коихъ вина уже не было) и красть по домамъ. Въ 8 часовъ вечера я получилъ отъ Кутузова письмо, слѣдующаго содержанія: «Получа достовѣрное извѣстіе, что непріятель отрядилъ два корпуса по 20 тысячъ на Боровскую и Звенигородскую дорогу, и находя позицію мою недовольно выгодною, съ крайнимъ прискорбіемъ рѣшился оставить Москву; прошу васъ прислать мнѣ скорѣе проводниковъ—вести войска чрезъ Калужскую и Драгомиловскую заставы во Владимирскую и Коломенскую».

Тутъ мнѣ оставалось вотъ еще что̀ сдѣлать: важное, нужное и драгоцѣнное все уже отправлено было, но должно было потопить

---

[5]) Исключены изъ счету.

оставшійся порохъ 6,000 пудъ, выпустить въ магазинѣ 730,000 ведеръ вина, отправить пожарныя, полицейскія и прочія команды, гарнизонный полкъ и еще два, пришедшіе къ 6 часамъ утра; все сіе сдѣлано было. Войска наши вышли въ безпорядкѣ, и еслибы злодѣй послалъ три полка кавалеріи, то бы вся артиллерія ему досталась. Мюратъ шелъ по Арбату, и мужикъ, выстрѣливъ по немъ изъ окна, ранилъ полковника. Въ вечеру загорѣлись лавки и лабазы близъ Кремля. На другой день во многихъ мѣстахъ загорѣлся городъ, и при сильномъ вѣтрѣ, продолжаясь три дня, огонь истребилъ $^{5}/_{6}$ частей города. Церкви разграблены, и въ соборѣ стоитъ эскадронъ кавалеріи.

Что Кутузовъ не хотѣлъ защищать Москвы, сему доказательство то, что 29-го послано повелѣніе отправить провіантъ во Владимиръ, а Бонапартъ наканунѣ своего входа отдалъ въ приказѣ, какому полку быть на караулѣ. Теперь, пройдя четыре дороги поперекъ, мы стали на старой Калужской въ 35 верстахъ, ничего не дѣлаемъ, не знаемъ что̀ и непріятель дѣлаетъ; а одна лишь партія въ 1,200 человѣкъ на Можайской дорогѣ взяла въ 36 часовъ 1,300 человѣкъ плѣнными, курьера и два транспорта изъ Смоленска. Въ письмахъ изъ арміи непріятельской, захваченныхъ съ курьеромъ, всѣ говорятъ, что грабежу не было, что все вывезено, вина нѣтъ, и провіанта лишь на 8 дней. Кутузова никто не видитъ; Кайсаровъ за него подписываетъ, а Кудашевъ [6]) всѣмъ распоряжаетъ. Бенигсенъ надѣется быть главнокомандующимъ; Барклай совѣтывалъ оставить Москву, чтобы спасти армію, полагая, что симъ загладитъ потерю Смоленска. Армія въ лѣтнихъ панталонахъ, измучена, безъ духа и вся въ грабежѣ; въ глазахъ генераловъ жгутъ и разбиваютъ офицеры съ солдатами. Вчера два Преображенца грабили церковь; по 5,000 человѣкъ въ день разстрѣливать невозможно. Регулярнаго войска изъ Калуги и отъ Лобанова прибыло до 27,000 человѣкъ. Мы стоимъ; что̀ будетъ—никто не знаетъ. Настоящее бѣдственно, но будущее ужасно, хотя непріятель и долженъ здѣсь погибнуть и не выйти изъ Россіи.

Вамъ преданный графъ Ѳ. Растопчинъ.

---

[6]) Зять князя Кутузова, дѣдъ княгини Воронцовой-Шуваловой. П. Б.

4.

От 20-го Октября, Владимиръ.

Остановясь здѣсь принужденно отъ болѣзни, пишу къ вамъ, почтенный графъ Петръ Александровичъ, рапортъ, мои мысли и исповѣдь. Я оставилъ армію въ столь бѣдственномъ и ужасномъ положеніи, что я слѣдствій боюсь гораздо болѣе, чѣмъ Бонапарта самого. Неповиновеніе и попущеніе до того дошли, что въ главной квартирѣ въ глазахъ главнокомандующаго—грабежъ: жгутъ и все отнимаютъ. Безпорядокъ такъ великъ, что не могутъ отъискать генераловъ, а генералы—полковъ и дивизіи ихъ корпусовъ. Кутузовъ самый гнусный эгоистъ, пришедшій отъ лѣтъ и отъ разврата жизни почти въ ребячество. Спитъ, ничего не дѣлаетъ; и судьба Россіи, и Государь зависятъ отъ Кудашева и Кайсарова. Сей послѣдній имѣетъ препорученіе подписывать подъ его руку. Бенигсенъ спитъ до 8 часовъ и ѣздитъ осматривать позиціи, отъ коихъ Москва погибла. Ему хочется быть главнокомандующимъ, но онъ старъ, нерѣшителенъ и слишкомъ занятъ сохраненіемъ мнимой своей славы. Я опасаюсь, чтобы терпѣніе народа не уступило мѣсто отчаянію, и тогда Россія погибнетъ неизбѣжно. Если Кутузова войска поставить на зимнія квартиры, то навѣрно три еще губерніи разорены будутъ. Офицеры ѣздятъ на разбои, позади арміи ихъ бьютъ. Я двухъ билъ плетьми. Г. Левенштернъ и полковникъ Дризенъ, будто раненые, 20-го числа, до полусмерти прибили прикащика Коковинскаго, разграбя имѣніе и требуя 300 рубл. денегъ; два Преображенскіе гренадера пойманы ночью въ церкви, кою хотѣли ограбить. Въ Вороновѣ 15-го числа попъ не хотѣлъ служить обѣдню, потому что наканунѣ во время службы куча солдатъ вошла въ церковь и грабили. Князь Кутузовъ говоритъ: «Когда хорошо кончится, то все забудется; а если дурно, то наказывать некому 5,000 полковъ».

Заставили армію, въ коей 85 тысячъ, отступить 45 верстъ назадъ, и никто ничего не знаетъ, хотя 7,000 казаковъ въ разъѣздѣ. Два дня вся армія съ 5 часовъ утра до 4 вечера стояла въ ружьѣ въ ожиданіи сраженія, имѣя въ двухъ мѣстахъ едва 15 тысячъ непріятеля. Нынѣ слово въ модѣ: *обходятъ флангъ*, и послѣ сего все идетъ назадъ. Но что̀ больше, это то, что Французовъ вездѣ бьютъ, и послѣ взятія Москвы вѣрно до 20 тысячъ истреблено. Однихъ плѣнныхъ отправлено изъ арміи съ 4-го до 20-го числа 9,300; да изъ Калуги 3,100 чело-

вѣкъ; сочтите—чтó побито. Въ Москвѣ нѣтъ колодезя, гдѣ бы нѣсколько тѣлъ не было кинуто. Въ два дня Дороховъ съ 500 гусаръ и 800 казаками на Можайской дорогѣ взялъ 1,900 плѣнными, транспортъ изъ Смоленска съ снарядами, другой изъ Москвы съ грабленными вещами, гдѣ между прочимъ въ обозѣ генерала Campan нашли фуру съ тазами и сковородами; да поймалъ двухъ курьеровъ, изъ Вильны и изъ Москвы въ Парижъ отправленныхъ. Войскà у него едва за 60 тысячъ, а больше если и есть, то не приведетъ, потому что кормить нечѣмъ, и не смотря на всѣ его прокламаціи и лести къ народу, онъ слишкомъ ожесточенъ, чтобъ могъ ему вѣрить. Я мѣшаю своими увѣщеваніями, за чтò получилъ въ награду отъ Наполеона названіе: bouche de feu, чтó отдано въ приказѣ, въ которомъ онъ извиняется предъ своею арміею, что въ первый разъ ее обманулъ, обѣщая въ Москвѣ миръ. Здѣсь говорятъ о перемиріи. Это ничего. А миръ погубитъ Россію на вѣки. Онъ долженъ уйдти едва съ 10 тысячъ, и тогда трудно ему будетъ, потерявъ 400 тысячъ, собрать новыя силы, сохранить прежнее свое владычество въ Европѣ. Государь манифестами, воззваніями къ несчастной Москвѣ и приказами обнародовалъ войну гибельную для злодѣевъ. Онъ вооружилъ всю имперію, и народъ Русской, храбрый и вѣрный, готовъ на смерть. Но если онъ знаетъ, что врагъ его выпущенъ и опять можетъ войдти въ Россію, то я увѣренъ, что сила наша кончится отъ бунтовъ и междоусобной брани.

Я ѣду въ Петербургъ [7]) и употребилъ часы свободные отъ болѣзни на сообщеніе вамъ всего написаннаго. Радовался, услыша отъ Гурьева, что ваше ополченіе готово, и что пушки, изъ Москвы отправленныя, у васъ; дай Богъ, чтобы вы ихъ опять въ арсеналъ поставили. Москвы цѣлой осталось едва восьмая часть, и случайно части нѣкоторыхъ улицъ не сгорѣли. Одинъ Кремль стоитъ невредимъ, хотя соборы ограблены; но я увѣренъ, что онъ, выходя изъ Москвы, подорветъ сіи святые памятники и прахъ царей нашихъ. Блаженны тѣ, кои не были свидѣтели посрамленія Россіи; блаженны тѣ, кои отмстятъ за отечество. Прощайте, почтенный графъ. Богъ съ вами, и дай Онъ вамъ успѣхъ, соразмѣрный чувствамъ души вашей.

---

[7]) Намѣреніе не состоявшееся, вѣроятно потому, что Государь, который всѣмъ сердцемъ ненавидѣлъ графа Растопчина, не пожелалъ его видѣть. Вскорѣ послѣ написанія этого письма, графъ Растопчинъ, благодаря князю Кутузову, котораго онъ такъ позорилъ, могъ ѣхать назадъ въ страшную Москву. П. Б.

Фото Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ
БАЛУГЬЯНСКІЙ.

М. А. БАЛУГЬЯНСКІЙ.

(Записка его дочери, баронессы М. М. Медемъ).

Мои воспоминанія объ отцѣ моемъ Михаилѣ Андреевичѣ Балугьянскомъ.

Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій родился въ Венгріи въ окрестностяхъ Токая [1]). Есть основаніе предполагать, что по происхожденію онъ Славянинъ, а не Венгерецъ, какъ онъ называлъ себя. О его молодости мы имѣемъ крайне скудныя свѣдѣнія; извѣстно только, что онъ окончилъ свое образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ и уже 20-ти лѣтъ занялъ профессорскую каѳедру [2]). Все его родство состояло изъ одного брата, полковника Австрійской службы. Въ 1803 году изъ Россіи былъ сдѣланъ вызовъ профессоровъ для учреждаемаго тогда Педагогическаго Института, и Михаилъ Андреевичъ принялъ это предложеніе въ числѣ трехъ другихъ профессоровъ [3]). Главной побудительной причиной такого рѣшенія было любопытство и сильное желаніе поближе познакомиться съ страною, о которой въ то время за границей ходили чудовищные слухи и разсказы. Но онъ принялъ это предложеніе только на три года, по истеченіи которыхъ разсчитывалъ непремѣнно вернуться назадъ. Совершивъ самое трудное и тяжелое путешествіе черезъ городъ Лембергъ (Львовъ) по крайне-первобытному способу передвиженія, 4-го Февраля 1804 года онъ

---

[1]) 26 Сент. 1709 г. ст. ст. въ Цемплинскомъ комитатѣ; мать Балугьянскаго была Марія Дубинская. П. Б.

[2]) Каѳедру „политическихъ наукъ и куріальнаго стиля". П. Б.

[3]) В. Г. Кукольникъ и П. Д. Лодій. Балугьянскій занялъ въ Педагогическомъ Институтѣ каѳедру политической экономіи. П. Б.

прибылъ въ С.-Петербургъ, и такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ отъ имени Новосильцова, то онъ прямо къ нему и явился.

Съ этой минуты начинается его дѣятельность въ Россіи. Его обширныя научныя познанія и далеко недюжинный умъ дали ему возможность занять довольно видное положеніе. Въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ въ Коммиссію Законовъ, гдѣ впервыя столкнулся и работалъ вмѣстѣ съ Розенкампфомъ и Сперанскимъ. Начало его сношеній съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, «неизбѣжнымъ» Новосильцовымъ и графомъ Строгановымъ, которымъ дано было прозвище «тріумвиратъ», относится также къ этому времени.

По прошествіи трехъ лѣтъ его дѣятельность оказалась настолько значительной и полезной, что его просили продолжить пребываніе въ Россіи еще на три года, потомъ еще на три, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, онъ откладывалъ свой отъѣздъ съ года на годъ; а между тѣмъ его связь съ Россіей все росла и росла, такъ что въ концѣ концовъ онъ настолько сроднился съ нею, что сталъ считать ее своимъ новымъ отечествомъ и оставался въ ней до конца жизни.

1810-й годъ былъ, по его собственному признанію, однимъ изъ счастливыхъ годовъ его жизни и служебной карьеры; кругъ его дѣятельности въ этомъ году значительно расширяется, положеніе въ обществѣ упрочивается, и онъ быстро подвигается впередъ. Въ этомъ же году ему назначена была пенсія въ 3 тыс. рублей ассигнаціями.

Первыя мои воспоминанія объ отцѣ относятся къ тому времени, когда мы жили на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ католической церкви. Днемъ, когда отецъ уходилъ на службу, его скромно-меблированный кабинетъ былъ любимымъ мѣстомъ нашихъ игръ; вечеромъ же это была рабочая комната дѣловаго человѣка. Я какъ теперь вижу отца стоящимъ передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ, въ халатѣ, и работающимъ до глубокой ночи. Когда онъ получилъ назначеніе преподавателя политической экономіи Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, тогда почти все лѣто мы проводили въ Павловскѣ; квартира наша была во дворцѣ, гдѣ старинное убранство и обстановка до сихъ поръ оставили слѣды въ моей памяти. Помнятся мнѣ также прелестный Розовый Павильонъ, колонны, стѣны, окна и потолокъ котораго были перевиты роскошными гирляндами искусственныхъ розъ; и великолѣпный паркъ, въ которомъ Императрица любила иногда проѣхаться верхомъ, сидя на лошади помужски: она находила этотъ способъ ѣзды болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. При этомъ ея роскошный и крайне-изящный костюмъ ловко обхватывалъ ея граціозный станъ и ниспадалъ тысячами складокъ, прелестно драпируясь по бокамъ лошади. По ея же

желанію въ Павловскѣ была устроена ферма, въ которой каждый посѣтитель, конечно безвозмездно, получалъ кружку молока или тарелку творогу или что-нибудь подобное. Ей очень нравилось, когда гуляющіе заходили на ея ферму и пользовались деревенскимъ угощеніемъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна всегда присутствовала на лекціяхъ, которыя читалъ мой отецъ. Однажды молодые князья опоздали къ лекціи и, когда они вошли, то Императрица, ожидавшая уже нѣкоторое время, сдѣлала имъ выговоръ. Великій Князь Николай Павловичъ, посмотрѣвъ на часы, сталъ извиняться тѣмъ, что они опоздали только на пять минутъ. «N'oubliez pas, mon fils, отвѣчала Императрица, que dans cinq minutes on peut perdre un empire» [1]).

При этихъ лекціяхъ вниманіе Великихъ Князей иногда ослабѣвало, и тогда Михаилъ Андреевичъ постоянно обращался къ нимъ съ слѣдующими словами: «Daignez, monseigneur, considérer l'importance de ce sujet». Эта обычная фраза въ такихъ случаяхъ врѣзалась сильно въ память Николая Павловича [2]), и онъ впослѣдствіи встрѣчалъ Михаила Андреевича этими же самыми словами.

Къ этому же времени относится начало сношеній отца съ разными министерствами и почти со всѣми существовавшими въ то время значительными личностями; на него уже возлагаются разнаго рода отдѣльныя работы, которыя очень часто поручались ему Государемъ.

Въ 1819 году Педагогическій Институтъ былъ преобразованъ въ Университетъ. Не умѣю сказать, сейчасъ ли отецъ былъ назначенъ ректоромъ или спустя нѣкоторое время; но въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ уже занималъ эту должность, и вотъ фактъ, который подтверждаетъ это. Однажды отецъ объявилъ намъ, что онъ ѣдетъ на конференцію въ Университетъ и вернется домой къ обѣду. На этой конференціи должно было разбираться дѣло нѣсколькихъ студентовъ и четырехъ профессоровъ, которые въ своихъ сужденіяхъ, взглядахъ и поступкахъ рѣзко отличались отъ сотоварищей. Какъ извѣстно, эпоха мистицизма была тогда въ самомъ разгарѣ, такъ что столкновенія противоположныхъ партій случались весьма нерѣдко. Вопросъ шелъ объ исключеніи изъ Университета заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности и вольнодумствѣ студентовъ и профессоровъ. Отецъ сильно и горячо отстаивалъ обвиняемыхъ, но враждебная ему партія съ Магницкимъ во главѣ одержала верхъ [3]). Онъ возвратился изъ конференціи

---

[1]) Не забывай, что въ пять минутъ можно лишиться имперіи.

[2]) Благоволите, ваше высочество, сообразить важность этого предмета.

[3]) Сохранилось преданіе, что въ одно изъ засѣданій по этому дѣлу Балугьянскій говорилъ съ такою горячностью, что упалъ въ обморокъ. П. Б.

около часу ночи, крайне взволнованный и раздосадованный. На наши разспросы онъ отвѣчалъ, что сложилъ съ себя должность ректора и выходитъ въ отставку. Это рѣшеніе соотвѣтствовало его сильному и независимому характеру; онъ не задумался надъ тѣмъ, что у него большое семейство, а средства ограничены, и ни минуты не колебался пожертвовать своимъ благосостояніемъ для защиты невинныхъ людей. Поведеніе его въ этомъ случаѣ было оцѣнено свыше, и онъ вскорѣ получилъ назначеніе въ члены Коммиссіи Законовъ, которую хотѣли преобразовать на новыхъ основаніяхъ и началахъ.

Въ 1821 году, послѣ нашего выпуска изъ Екатерининскаго Института, отецъ повезъ меня съ сестрой въ Аничковскій дворецъ представить Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій Великій Князь Николай Павловичъ, который присутствовалъ при этомъ представленіи, объявилъ, что желаетъ похвастать своимъ сыномъ и, не смотря на протестъ Великой Княгини, ввелъ всѣхъ троихъ въ спальню сына, отворилъ ширму, разбудилъ спящаго ребенка и вынулъ его изъ кровати, утверждая при этомъ, что солдатъ долженъ быть готовъ во всякое время. Потомъ, поставивши сына на полъ, самъ сталъ рядомъ съ нимъ на колѣни, взялъ громадный барабанъ и подъ звуки выбиваемаго имъ самимъ марша заставилъ сына маршировать.

Осенью 1823 года отецъ со всей семьей переѣхалъ въ домъ Коммиссіи Законовъ, бывшій Миниха, на Литейномъ проспектѣ съ своей прежней квартиры въ домѣ Камеръ-Коллегіи на Екатерингофскомъ каналѣ у Большаго театра. Работы въ Коммиссіи шли не очень успѣшно, потому что предсѣдателемъ этой Коммиссіи былъ Розенкампфъ, несоотвѣтствовавшій этому назначенію. Для Михаила Андреевича же здѣсь, какъ и вездѣ, работы было крайне много, и онъ по прежнему работалъ съ утра до ночи.

Въ 1821-мъ году, въ эпоху сильнаго развитія и распространенія мистицизма, является мадамъ Крюднеръ съ своимъ вліяніемъ на Императора. Всякій день въ шесть часовъ Государь приходилъ къ ней съ нѣсколькими приближенными, въ числѣ которыхъ былъ князь Александръ Голицынъ, Галаховъ и другіе (кажется, и Магницкій) и проводилъ у нея большую часть вечера. Въ ея комнатѣ стоялъ чрезвычайно изящный образъ Покрова Богородицы, нарисованный съ большою бѣлою пеленою; это былъ подарокъ Императора, и здѣсь-то все собравшееся общество проводило время въ молитвѣ и поученіяхъ. Все это мнѣ передавала мадамъ Крюднеръ.

Здоровье императрицы Елисаветы Алексѣевны было подорвано, и доктора предписывали ей южный климатъ. Въ 1825-мъ году Государь поѣхалъ проводить ее въ Таганрогъ съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться вмѣстѣ съ нею. Въ послѣднее время онъ сдѣлался къ ней крайне внимательнымъ, и это сильно ее ободряло и поддерживало. Послѣ ихъ отъѣзда всѣ опасенія были за жизнь Императрицы, и можно себѣ представить, какой страхъ и ужасъ объялъ Россію, когда 27-го Ноября 1825 года въ С.-Петербургъ прибыло извѣстіе о внезапной кончинѣ Императора. Всѣмъ извѣстно, что присяга была тотчасъ же принесена Константину Павловичу, и первый былъ Николай Павловичъ, который присягнулъ вмѣстѣ со всею Россіею своему старшему брату; но тотъ съ своей стороны отрекся отъ престола въ пользу Николая Павловича. Произошло небольшое замѣшательство; начались переговоры, которые длились около двухъ недѣль, и наконецъ 13-го Декабря было рѣшено, что на другой день совершится окончательная присяга императору Николаю Павловичу.

13-го Декабря я пріѣхала навѣстить моихъ родителей и услышала, что Великій Князь Николай Павловичъ присылалъ за моимъ отцомъ и что тотъ отправился къ Его Высочеству. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія отца, чтобы убѣдиться въ справедливости слуха о присягѣ Николаю Павловичу. Вернувшись изъ дворца около полуночи, отецъ разсказалъ намъ о душевномъ пріемѣ, сдѣланномъ ему Великимъ Княземъ. Николай Павловичъ его обнялъ и объявилъ, что завтра взойдетъ на Россійскій престолъ.

Отецъ оставался у него очень долго; но полнаго разговора съ Великимъ Княземъ онъ намъ не передалъ, а сооообщилъ только нѣкоторые отрывки. Вотъ одинъ изъ нихъ, довольно рельефно характеризующій какъ личность, такъ и намѣренія Великаго Князя. «Я желаю», сказалъ онъ, «положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и строгость законовъ». При этомъ, выдя въ другую комнату, онъ принесъ бюстъ Петра Великаго, поставилъ его на свой письменный столъ и съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ: «Вотъ образецъ, которому я намѣренъ слѣдовать во время моего царствованія».

Николай Павловичъ любилъ моего отца, довѣрялъ ему, и коснувшись необходимости возстановить законы, слегка коснулся нѣкоторыхъ проектовъ по этому поводу. Тутъ же впервые было упомянуто имя Сперанскаго. Государь, признавая его обширныя государственныя способности, не особенно довѣрялъ ему и даже не любилъ, такъ что въ этотъ же самый разговоръ было рѣшено, что отецъ мой будетъ сотрудникомъ Сперанскаго при составленіи и пересмотрѣ законовъ

Надо замѣтить, что послѣ возвращенія Сперанскаго изъ ссылки и послѣ его генералъ-губернаторства въ Иркутскѣ онъ никогда уже не былъ приближеннымъ къ императору Александру. Сперанскій чувствовалъ это, огорчался этимъ и оскорблялся, но никакъ не могъ возвратить прошлаго и добиться прежняго вліянія, и только со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича для него начинается новая эпоха дѣятельности и силы.

Вскорѣ явился указъ объ учрежденіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Сперанскому было поручено управленіе, а отецъ назначенъ начальникомъ Втораго Отдѣленія. Съ этого времени началась работа, плодами которой мы пользуемся въ настоящее время. Для отца это было началомъ его ревностныхъ, усиленныхъ и въ высшей степени напряженныхъ трудовъ. Всѣмъ было достаточно работы, но на долю отца приходилось больше всѣхъ; всѣ имѣли какой-нибудь отдыхъ, а онъ никакого; онъ не щадилъ ни здоровья, ни трудовъ и работалъ, работалъ безъ устали съ утра до ночи.

При учрежденіи этой коммиссіи прежде всего было опредѣлено передѣлать самое помѣщеніе, и на это была ассигнована особая сумма. Канцелярію перевели во второй этажъ, а мы спустились въ первый. Къ осени 1826 года работы были окончены, т.-е. ко времени возвращенія Государя изъ Москвы послѣ коронаціи.

7-го Ноября 1826 года вбѣгаетъ нашъ лакей съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Государь Императоръ. Отца моего не было дома, матушка моя немного замялась, а я быстро бросилась бѣжать встрѣчать Государя. Онъ стоялъ у запертыхъ дверей канцеляріи, а я, сдѣлавши ему внизу лѣстницы глубокій институтскій реверансъ, подошла къ нему, извинила отсутствіе отца, освѣдомилась, не угодно-ли Его Императорскому Величеству осмотрѣть канцелярію и если да, то я знаю, къ кому обратиться. Государь отвѣчалъ очень любезно, что онъ дѣйствительно желаетъ взглянуть на сдѣланныя передѣлки, и я тотчасъ же приказала дрожавшему сторожу принести отъ экзекутора ключи. Въ этотъ промежутокъ времени мы ходили взадъ и впередъ, и Государь извинялся, что онъ потревожилъ наше семейство выѣздомъ изъ этого этажа. Когда отворили двери, то онъ вѣжливо требовалъ, чтобы я прошла впереди его. Въ канцеляріи мы вдвоемъ ходили по всѣмъ комнатамъ и Государь разговаривалъ благосклонно и любезно, а я свободно и смѣло, совершенно забывая, что стою предъ властелиномъ всей Россіи. Государь умѣлъ быть любезнымъ такъ, какъ никто. Его посѣщеніе продолжалось около получаса. Когда онъ уѣзжалъ, то я

побѣжала къ окнамъ въ наши комнаты и видѣла, какъ онъ пристально смотрѣлъ въ окна, чтобы поклониться мнѣ.

Когда отецъ возвратился къ обѣду, то я передала ему слово въ слово все случившееся и упрашивала его поѣхать къ Государю въ тотъ же вечеръ. Отецъ отказывался, ссылаясь на то, что онъ не имѣетъ права явиться безъ зова къ Государю; но я такъ настаивала, что онъ, наконецъ, уступилъ и отправился во дворецъ.

Камердинеръ тотчасъ доложилъ о его пріѣздѣ, и Императоръ немедленно его принялъ. Онъ ввелъ его въ комнату Императрицы, гдѣ они втроемъ пили чай, который Императрица разливала собственноручно. При этомъ Государь подробно разсказалъ утреннее происшествіе и, взявъ листъ бумаги, набросалъ карандашемъ всю эту сцену. Себя онъ представилъ Марсомъ, а меня Минервой, вводящей его въ храмъ Мудрости. Картина была красивая; отецъ ее видѣлъ. Государь былъ веселъ, обласкалъ отца и велѣлъ мнѣ кланяться. Съ этой поры при дворѣ Императрицы меня называли Минервой.

Въ 1827 году я вышла замужъ; передъ свадьбой отецъ ѣздилъ со мною въ Павловскъ, чтобы представить меня императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ то время тамъ былъ Михаилъ Павловичъ и по своему доброму расположенію къ отцу требовалъ, чтобы меня вѣнчали въ Михайловскомъ дворцѣ. Онъ былъ моимъ посаженнымъ отцомъ.

Послѣ напряженныхъ трудовъ, въ 1828 году, мой отецъ ѣздилъ въ Карлсбадъ для подкрѣпленія здоровья. Въ эти годы его вліяніе становилось значительнѣе и значительнѣе; многіе заискивали его расположеніе съ тѣмъ, чтобы чрезъ него попасть въ домъ Сперанскаго. Я читала множество записокъ, которыя могли бы служить доказательствомъ этого; но онѣ не сохранились. Нечего и говорить, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла въ Коммиссіи Законовъ.

Въ его канцеляріи служащимъ было очень хорошо: награды такъ и сыпались на нихъ. Отецъ умѣлъ цѣнить трудъ и потому пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы давать награды трудящимся молодымъ людямъ. Осторожный Сперанскій часто не хотѣлъ соглашаться на его представленія; но отецъ настаивалъ на этомъ. Былъ случай, что Сперанскій рѣшительно отказался сдѣлать представленіе изъ боязни отказа Государя и сказалъ отцу: если хотите, то ходатайствуйте сами предъ Государемъ, а я этого не сдѣлаю. Тогда отецъ немедленно написалъ письмо къ Императору и настойчиво просилъ его соизволенія. Государь утвердилъ, и всѣ получили свои значительныя заслуженныя награды. Вообще отецъ мой съ чисто-отеческимъ попеченіемъ заботился о служащихъ и всегда давалъ возможность выдвинуться впередъ талантливымъ людямъ. Онъ мнѣ

указывалъ на Радена, Делянова, князя Урусова и многихъ другихъ, какъ способныхъ и много обѣщавшихъ молодыхъ людей. Впослѣдствіи его предсказанія оправдались, и мы въ этомъ можемъ убѣдиться, припомнивъ, что Замятинъ, бывшій министръ юстиціи, баронъ Корфъ, сенаторъ Цеймернъ, Иванъ Христіановичъ Капгеръ, всѣ они служили во Второмъ Отдѣленіи при отцѣ.

Въ 1845 году здоровье его разстроилось, и зрѣніе стало ослабѣвать. Медики, въ искусство которыхъ онъ такъ искренно не вѣрилъ, послали его за границу; я съ моею дочерью и братомъ сопутствовали ему въ его поѣздкѣ. Мы отправились моремъ въ Гамбургъ. При проѣздѣ черезъ Прагу, со стороны Чеховъ и Славянскаго населенія была сдѣлана ему самая радушная встрѣча. Ганка явился къ намъ и предложилъ всевозможныя услуги. Онъ всѣми силами старался познакомить насъ со всѣмъ развитіемъ и успѣхомъ Славянскаго дѣла, уговорилъ насъ поѣхать на первое представленіе Чешскаго театра (гдѣ, по недостатку мѣстъ, намъ предложили помѣститься за кулисами, на самой сценѣ, но конечно въ сторонѣ, невидимой для публики), посѣтить пріюты, школы, имъ самимъ основанный музеумъ, семейные вечера, на которыхъ читали Лермонтова и Пушкина и всѣ безъ исключенія должны были говорить по-чешски или по-русски, однимъ словомъ старался сдѣлать наше пребываніе въ Прагѣ самымъ пріятнымъ. Съ тѣхъ поръ у отца завязалась съ нимъ переписка, въ которой я также принимала участіе; но къ сожалѣнію она у меня не сохранилась.

Изъ Праги мы отправились въ Теплицъ. Здѣсь отца посѣщали его старые знакомые княгиня Кляри, графъ Фикельмонъ и другіе; большею частію это случалось послѣ купанья, когда отецъ оставался дома, и я ему читала вслухъ газеты. Изъ Теплица мы поѣхали въ Вѣну, гдѣ отецъ посѣтилъ Университетъ, показалъ мнѣ свою бывшую каѳедру и портретъ одного своего профессора, которому, по его словамъ, онъ былъ такъ много обязанъ въ своемъ образованіи. Изъ Вѣны мы поѣхали въ පештъ. На пароходѣ, лишь только услышали фамилію отца, то тутъ же явились Славяне и Венгерцы, которые спѣшили съ нимъ познакомиться и его привѣтствовать. Это радушіе глубоко трогало отца, и онъ съ полною любовью и удовольствіемъ говорилъ по-венгерски то съ тѣмъ, то съ другимъ.

На другой день нашего пріѣзда отцу надо было представиться эрцгерцогу-палатину и для этого одѣться въ парадный мундиръ. Старый камердинеръ отца, Гаврила, сопровождавшій насъ въ путешествіи, получилъ наканунѣ приказаніе приготовить мундиръ и все что слѣдуетъ. Вдругъ онъ является ко мнѣ и въ большомъ смущеніи объявляетъ, что забылъ взять съ собою шпагу и шляпу. Зная вспыльчи-

вость отца, я долго не знала, какъ выпутаться изъ этого дѣла; но братъ положилъ конецъ этому недоумѣнію, купивъ первую попавшуюся шпагу и шляпу, хотя нисколько не подходящую къ Русскому мундиру, и отецъ въ этомъ нарядѣ, не замѣчая превращенія, преспокойно отправился къ палатину во дворецъ. Тотъ его принялъ крайне любезно и радушно, и за обѣдомъ взялъ съ отца слово пріѣхать на будущій годъ для празднованія 50-ти лѣтняго юбилея.

Въ Пештѣ отецъ провелъ время самымъ пріятнымъ образомъ, осмотрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ онъ бывалъ въ молодости, въ театрахъ и т. п. Тутъ же онъ встрѣтился съ своимъ братомъ и его семьей; его единственная дочь, оставшаяся въ живыхъ, была за мужемъ за Першель-Шандоръ (Perzel), братомъ Морица Першеля, извѣстнаго агитатора и товарища Кошута.

На возвратномъ пути въ Россію, при проѣздѣ черезъ Краковъ, намъ былъ сдѣланъ также прекрасный пріемъ; всѣ замѣчательности этого города были намъ показаны Австрійскимъ консуломъ. Между прочимъ были мы и въ Величкѣ, на соляныхъ копяхъ. Осматривая городъ и имѣя своимъ чичероне консула, мы посѣтили Краковскій соборъ и находящееся при немъ кладбище, гдѣ были три могилы, особенно привлекшія вниманіе отца. Онъ остановился надъ первой могилой и разсматривалъ ее съ большимъ интересомъ и уваженіемъ; подойдя ко второй (могилѣ Костюшки), онъ снялъ шляпу и глубоко поклонился. Третья была могила Понятовскаго; взглянувъ на нее, отецъ воскликнулъ: «Ого»! и сильно погрозилъ пальцемъ.... Изъ Кракова черезъ Варшаву, мы возвратились въ Петербургъ.

Въ 1846 году отецъ вторично попыталъ поправить свое здоровье поѣздкой за границу (его провожала сестра Дараганъ); но это путешествіе не возстановило его силъ. Въ 1847 году онъ сильно сталъ хворать, почти потерялъ зрѣніе, слухъ его также ослабѣлъ, и разговоръ съ посторонними сдѣлался для него затруднительнымъ. Чтобы онъ услыхалъ, надобно было сильно возвышать голосъ, почти кричать. Кромѣ того на ногахъ показалась рожа. За недѣлю до его смерти ему предписали ванну, которую онъ любилъ и прежде всегда, сидя въ ней, читалъ газеты. Пять дней передъ его кончиной, въ то время, когда я ему читала по-латыни изъ Библіи главу объ Іовѣ, доложили о пріѣздѣ барона Модеста Корфа, который пріѣхалъ къ нему съ просьбой объяснить нѣкоторыя сомнѣнія и дать нужныя ему справки по ученой части. Весь городъ узналъ, что отецъ былъ сильно боленъ, но даже и въ это время все-таки хотѣли пользоваться его богатымъ запасомъ знаній. Хотя отецъ чувствовалъ себя довольно плохо, но

тѣмъ не менѣе сообщилъ барону Корфу все, что тому надо было узнать.

Въ послѣдніе дни его страданія увеличились; я слышала, какъ онъ тихо читалъ «Отче Нашъ» и отъ времени до времени повторялъ слова: «да будетъ воля Твоя»! Служащіе въ канцеляріи очень безпокоились, что отецъ не заявилъ формально о своей болѣзни и находили необходимымъ доложить Государю, что онъ чувствуетъ себя очень плохо. Отецъ сначала самъ не хотѣлъ дѣлать этого въ надеждѣ скоро поправиться; но теперь докторъ Арендтъ объявилъ, что наступила полнѣйшая безнадежность и въ виду того, что никто не имѣлъ права (изъ присутствующихъ) извѣстить Государя, намѣревался сообщить отцу его смертный приговоръ, для того чтобы онъ самъ написалъ Государю. Я была такъ взволнована намѣреніемъ Арендта, что, не давая себѣ еще отчета, объяснила, что я сама напишу Государю, лишь бы не безпокоили умирающаго отца. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на меня, а я, не долго думая, бросилась къ столу и на первомъ попавшемся полулистѣ бумаги написала Государю нѣсколько строкъ о приближающейся кончинѣ отца. Въ туже минуту мой зять Комаръ отвезъ мое письмо во дворецъ. Черезъ полчаса прискакалъ посланный отъ Государя и Михаила Павловича освѣдомиться о состояніи больнаго. Такое вниманіе сильно порадовало старика, и онъ, видимо желая запомнить этотъ день, спросилъ: «Какое сегодня число?» Это было 3-е Апрѣля. Въ два часа онъ покойно скончался, сидя въ креслѣ, въ присутствіи всего семейства и нѣкоторыхъ сослуживцевъ. Въ эту торжественную минуту, когда онъ испускалъ духъ и всѣ пали на колѣни, моя матушка [1]), которая была очень опасно больна, встала съ постели и приказала ввести себя въ комнату умирающаго, чтобы присутствовать при его кончинѣ.

Онъ похороненъ въ Сергіевской Лаврѣ, и на памятникѣ вырѣзано его любимое изреченіе: «да будетъ воля Твоя!»

Грустно, что осталось такъ мало воспоминаній о Михаилѣ Андреевичѣ, какъ о человѣкѣ и государственномъ дѣятелѣ. Одна изъ причинъ этому лежитъ въ странности или вѣрнѣе оригинальности его характера. Самъ онъ никогда не любилъ говорить о себѣ, не старался быть на виду и не выставлялъ себя впередъ. Онъ не приготовилъ себѣ памятника и послѣ себя не оставилъ ни мемуаровъ, ни писемъ, ни записокъ, которыя бы указывали на его желаніе быть оцѣ-

---

[1]) Антуанета Ивановна, урожд. Фонъ-Гегеръ, происхожденія Венгерскаго. П. Б.

неннымъ по заслугамъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей. Тщеславіе было ему незнакомо. Одно изъ любимыхъ его изрѣченій: «vanitas vanitatum» (суета суетъ) доказываетъ это. Этимъ изрѣченіемъ онъ нерѣдко останавливалъ даже порывы искренности близкихъ ему людей, которые цѣнили его какъ человѣка и когда о лести не могло быть и рѣчи. Михаилъ Андреевичъ, по складу своего ума, былъ въ полномъ смыслѣ философъ, по привычкамъ же и характеру—оригиналъ. Говорилъ онъ всегда прямо, безъ лукавства и лести, иногда даже и рѣзко; поэтому разговоръ его не всегда былъ пріятенъ собесѣднику, хотя и весьма поучителенъ. Вотъ эпизодъ, который передавалъ мнѣ Алединскій, служившій во второмъ отдѣленіи канцеляріи Его Величества. Онъ однажды подалъ Михаилу Андреевичу прошеніе по какому-то дѣлу, тотъ его принялъ, прочиталъ и, обернувшись къ Алединскому, сказалъ: «Ты дуракъ, молодой человѣкъ!» «Я оскорбился,» продолжалъ Алединскій «и готовъ былъ вспылить; но, выслушавъ доказательства своего начальника, я долженъ былъ согласиться съ нимъ. Этотъ «дуракъ», прибавляетъ Алединскій, «послужилъ мнѣ урокомъ и свѣтиломъ въ трудностяхъ жизни, и я нерѣдко съ любовью и благодарностію вспоминаю Михаила Андреевича».

Другой случай, также довольно рельефный, былъ во время преній о правахъ и привилегіяхъ Остзейскихъ провинцій. Когда членамъ канцелярій поручено было разработать этотъ вопросъ, то для этого составлена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ отца. Въ ней участвовали также депутаты, присланные отъ разныхъ городскихъ сословій Остзейскаго края. Рѣчь шла о значеніи города Риги. Конечно депутаты горячо защищали важность вліянія и громадность значенія этого города. Отецъ оспаривалъ это мнѣніе и въ минуту самаго оживленнаго спора вскричалъ: «Ваша Рига ist ein Lump!» *) Эти слова страшно взволновали и разсердили депутатовъ; они съ негодованіемъ встали и объявили, что послѣ такого отзыва имъ здѣсь дѣлать больше нечего, прервали самовольно засѣданіе (безъ согласія на то предсѣдателя) и уѣхали изъ собранія. Черезъ нѣсколько дней, вѣроятно опомнившись и послѣ взаимнаго совѣщанія, они опять собрались на новое засѣданіе коммиссіи. Предсѣдатель занялъ слѣдуемое ему мѣсто и при полнѣйшей тишинѣ и спокойствіи обратился къ депутатамъ съ вопросомъ: «И такъ, милостивые государи, на чемъ же мы остановились въ прошлый разъ?» Всѣ молчали. Отецъ дѣлаетъ видъ, что онъ припоминаетъ и потомъ воскликнулъ: «Ахъ, да! Теперь я припоминаю, мы остано-

---

*) Ветошь, дрянь.

вились на томъ, что Рига ist ein Lump», и послѣ этого приступилъ къ преніямъ.

Наконецъ, вотъ третій случай, также довольно характерный. У насъ въ домѣ былъ принятъ одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Г. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, жилъ долгое время въ Парижѣ (а въ то время каждый, имѣвшій претензію на человѣка образованнаго, считалъ своею обязанностію побывать въ столицѣ Франціи, хотя не на долго) и, окончивъ свои экскурсіи по Европѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Однажды мы пригласили его къ намъ обѣдать. Въ назначенный часъ онъ пріѣхалъ одѣтымъ по послѣдней Парижской модѣ, съ тщательно расчесаной громадной бородой, однимъ словомъ щеголемъ въ полномъ смыслѣ. Отца еще не было дома и, въ ожиданіи его пріѣзда, мы разговорились съ Г. о его странствованіяхъ, впечатлѣніяхъ и т. п. Вдругъ въ комнату быстро вошелъ отецъ; онъ въ первый разъ видѣлъ Г—ва. Не говоря ни слова, онъ остановился передъ нимъ и, упершись руками въ бока, по своей всегдашней привычкѣ, сталъ пристально всматриваться въ его физіономію; потомъ, тронувъ слегка его бороду, онъ спросилъ: «Qu'est-ce que vous avez là, monsieur. Croyez-vous que c'est beau? Mais vous avez l'air d'un moujik!» [1]) Но это оригинальное и даже неучтивое привѣтствіе своего гостя нисколько не помѣшало отцу любезно разговориться съ нимъ за столомъ.

Балугьянскій любилъ своихъ подчиненныхъ, заботился о нихъ какъ отецъ о своихъ дѣтяхъ и стоялъ за нихъ горою. Онъ сдѣлалъ имъ много добра; но всѣ ли помнятъ это? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Напримѣръ баронъ К. и многіе другіе, фамилій которыхъ я не желаю назвать, отпали отъ него послѣ того, какъ исчерпали изъ него все, чтò могло принести имъ пользу и не нуждались болѣе въ немъ при своихъ повышеніяхъ и искательствахъ. Я хорошо помню, какъ баронъ К. осаждалъ его своими изящными записками и безконечными визитами, пока нуждался въ расположеніи и ходатайствѣ.

Какъ я уже сказала, отецъ имѣлъ обширныя научныя познанія и при этомъ обладалъ необыкновенной памятью, такъ что его голова была настоящимъ экциклопедическимъ словаремъ, которымъ всѣ дорожили, какъ кладомъ. Графъ Нессельроде однажды сказалъ мнѣ: «Votre pére était un puits de science, et nous tous allions y puiser» [2]). Лишь только встрѣчалась надобность узнать какой-нибудь историческій

---

[1]) Что это у васъ такое? Вы думаате, что это красиво? Но у васъ мужицкій видъ.

[2]) Отецъ вашъ былъ колодцемъ знанія, и мы всѣ изъ него черпали.

фактъ, случай или просто запастись подробными свѣдѣніями о чемъ бы то ни было, отецъ былъ первымъ, къ кому обращались. Его кабинетъ нерѣдко посѣщали люди самые высокопоставленные и проводили въ разсужденіяхъ долгіе часы. Вообще отецъ имѣлъ громадное знакомство и былъ въ сношеніяхъ со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными людьми своего времени. Графъ Нессельроде любилъ его и хорошо зналъ, потому что они сходились съ нимъ почти ежедневно у его тестя графа Гурьева, бывшаго министра финансовъ; князь Викторъ Кочубей, Уваровъ, Муравьевы, князья Лопухинъ и Хованскій, графъ Мордвиновъ, графъ Лебцельтернъ, графъ Канкринъ, графъ Панинъ, графы Сергѣй и Александръ Строгоновы, Рибопьеръ, Александръ Гумбольдъ, Штейнъ, конечно Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и многіе другіе. Дашковъ и Блудовъ, впослѣдствіи графъ, были также хорошо знакомы отцу. Они оба были секретарями князя Кочубея. Отецъ признавалъ, что Дашковъ по своимъ способностямъ стоялъ выше Блудова. Въ прошломъ 1877 году одинъ изъ сенаторовъ разсказывалъ, какъ однажды *, по всей вѣроятности изъ личныхъ выгодъ, старался убѣдить Государя, устранить отъ дѣлъ отца, въ виду того, что онъ уже старъ и будто бы неспособенъ вести дѣла съ прежнею энергіею. На это Государь отвѣчалъ: «Позвольте, графъ, мнѣ и Михаилу Андреевичу остаться на нашихъ мѣстахъ до нашей кончины!»

Насколько дѣятельность отца была полезна для Россіи, можно судить еще и по слѣдующему. Однажды на раутѣ у графини Разумовской ко мнѣ подошелъ министръ финансовъ Княжевичъ, съ просьбою, нельзя ли отыскать въ оставшихся послѣ моего отца бумагахъ его работу на счетъ освобожденія крестьянъ. При этомъ Княжевичъ прибавилъ, что графъ Гурьевъ нашелъ въ бумагахъ своего отца, министра финансовъ, двѣ первыя части этой работы, но окончательныхъ двухъ томовъ нѣтъ; между тѣмъ изъ письма Михаила Андреевича, приложеннаго къ этой работѣ, надо заключить, что они были написаны, такъ какъ въ письмѣ онъ обѣщаетъ черезъ мѣсяцъ доставить и остальныя двѣ части. Я передала моему сыну Михаилу Николаевичу этотъ разговоръ; онъ отправился къ графу Гурьеву и убѣдился въ подлинности подписи дѣда. Графъ Нессельроде при этомъ случаѣ говорилъ мнѣ, что первые два тома такъ отлично выработаны, какъ вообще все что̀ выходило изъ-подъ пера вашего отца, что заставляетъ желать найти, во что бы то ни стало, остальные два тома. Разговоръ этотъ былъ въ 1861 году. Спустя нѣкоторое время, мнѣ случилось встрѣтиться съ бывшимъ секретаремъ моего отца—Петерсомъ; онъ утверждалъ, что и остальныя двѣ части были переданы имъ же самимъ министру. Надо замѣтить, что работа эта была сдѣ-

лана по личному порученію Государя въ то время, когда объ этомъ въ обществѣ еще ничего не предполагали и не думали. Есть еще одинъ фактъ, который придаетъ этой работѣ важное значеніе. Когда министру графу Киселеву было поручено образованіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, то онъ обратился за совѣтомъ къ отцу, кого назначить начальникомъ канцеляріи. Тотъ рекомендовалъ статскаго совѣтника Клокова, служившаго во II-мъ Отдѣленіи, какъ способнаго занять это мѣсто. Впослѣдствіи этому же министру было поручено устроить комитеты для разработки вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ; въ этихъ комитетахъ принималъ участіе и Клоковъ. Послѣ долгаго времени, я какъ-то разъ обратилась къ нему съ вопросомъ, какъ подвигаются дѣла и работы въ комитетѣ? На это Клоковъ отвѣчалъ: «Послѣ многихъ преній, разборовъ и раздоровъ, мы все-таки, наконецъ, приняли въ руководство проектъ вашего отца». Изъ этого я заключаю, что онъ говорилъ о той самой работѣ, которая была передана Петерсомъ министру.

Репутація отца, какъ государственнаго дѣятеля, выдающагося изъ ряда посредственностей, была также извѣстна сановникамъ Австрійскимъ; напримѣръ, когда мы были въ Вѣнѣ, то Меттернихъ прямо высказалъ мнѣ свое сожалѣніе, что Австрія не сумѣла удержать у себя Балугьянскаго и оцѣнить его государственныхъ способностей.

Въ 1845 году въ Германіи сильно развилась секта подъ названіемъ новыхъ католиковъ, во главѣ которой стоялъ Котта. Мѣстопребываніемъ своимъ онъ имѣлъ г. Магдебургъ, гдѣ, благодаря своему вліянію, ему удалось добиться разрѣшенія, чтобы служба этихъ сектантовъ производилась въ той же католической церкви, только чередуясь съ обыкновенною. Пріѣхавъ въ Магденбургъ, отецъ сильно желалъ имѣть свиданіе съ Коттою, чтобы отъ него самого узнать ученіе этой новой секты. По желанію отца, я отправилась къ Коттѣ съ приглашеніемъ посѣтить насъ, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось уговорить этого новатора пріѣхать къ отцу въ гостиницу, пришлось разсказать о положеніи отца въ Россіи, выяснить то уваженіе, какимъ онъ пользовался въ нашемъ отечествѣ, намекнуть на его преклонныя лѣта и хилость. Наконецъ, Котта согласился и пріѣхалъ къ намъ, гдѣ засталъ въ сборѣ все наше семейство; кромѣ того у насъ собралось нѣсколько Русскихъ путешественниковъ, остановившихся въ этой же гостиницѣ, и всѣ приготовились слушать пренія между отцемъ и Коттою. Всѣ сѣли; отецъ, облокотившись, сѣлъ въ кресло противъ Котты и, обращаясь къ нему, сказалъ: «Прошу васъ, милостивый государь, сообщить мнѣ ваше ученіе; я сильно имъ интересуюсь». Тогда Котта началъ излагать свои мысли и основы ученія очень

долго и подробно. Отецъ молча слушалъ, далъ ему высказать все и, наконецъ, спросилъ: «Вы окончили, милостивый государь?» Котта отвѣчалъ утвердительно. Отецъ продолжалъ: «Скажите же теперь, отчего мнѣ надо вѣрить вамъ, г. Котта, болѣе чѣмъ Апостолу? Гдѣ то право, на основаніи котораго вы хотите пошатнуть авторитетъ Апостоловъ?»... Отецъ возражалъ долго и самостоятельно и такъ безжалостно загналъ своими доводами собесѣдника, что тотъ не зналъ, куда дѣться и повидимому чувствовалъ себя крайне неловко. Всѣ присутствовавшіе убѣдились, что въ диспутѣ отецъ мой одержалъ верхъ и разбилъ на всѣхъ пунктахъ Котту, который уѣхалъ конечно очень недовольный своимъ пораженіемъ. Изъ этого факта можно видѣть, насколько сильны были религіозныя убѣжденія отца. Онъ былъ уніатомъ до послѣднихъ дней своей жизни и въ первый разъ пріобщался Св. Таинъ въ православной церкви (Симеона) за двѣ недѣли до смерти. Это произошло въ моемъ присутствіи.

Въ частной жизни отецъ былъ человѣкомъ въ высшей степени разсѣяннымъ и даже небрежнымъ въ отношеніи своего туалета. Онъ однажды сказалъ: «еслибы я носилъ подтяжки, то давно былъ бы уже министромъ финансовъ». Однажды онъ поѣхалъ съ докладомъ къ князю Виктору Кочубею; окончивъ свою работу и простившись съ нимъ, онъ вышелъ въ переднюю, ожидая, что швейцаръ накинетъ на него плащъ; но каково же было его удивленіе, когда лакей вмѣсто плаща подаетъ фракъ!

— Это что такое?

— Ваше превосходительство изволили въ этомъ пріѣхать?

— Не можетъ быть! вскричалъ отецъ, подкрѣпивъ эти слова своимъ обычнымъ Итальянскимъ Juron.

Но швейцаръ увѣрилъ его, что когда онъ пріѣхалъ, то на немъ дѣйствительно было надѣто два фрака.

Я помню то пріятное время, когда мы съ сестрой вышли изъ института; отецъ самъ занимался съ нами Итальянскимъ языкомъ и впослѣдствіи мы читали съ нимъ его любимыхъ авторовъ: Гольдони, Метастазіо и Торквато Тассо. Передъ обѣдомъ мы каждый день ходили съ нимъ гулять, и во время этихъ прогулокъ онъ знакомилъ насъ съ основами архитектуры, объяснялъ намъ различные ордена ея и подробно разбиралъ постройки Растрелли, которыя всѣ проводили его въ восторгъ.

Въ требованіяхъ жизни онъ былъ очень простъ, но у него сильно развитъ былъ вкусъ изящнаго. Онъ любилъ музыку, часто съ удовольствіемъ слушалъ ее; но артистовъ Германской школы, напр. Бетховена онъ не любилъ и предпочиталъ имъ Итальянскую музыку Рос-

сини и другихъ. Самъ онъ игралъ на флейтѣ. Онъ былъ всегда доволенъ, когда вокругъ него веселилась молодежь и даже самъ иногда принималъ участіе въ ея весельи. Нѣсколько разъ случалось, что онъ увлекался нашими танцами и становился въ наши ряды, чтобы протанцовать Венгерскій танецъ. Иной разъ онъ запѣвалъ свою любимую пѣсню: «ѣхалъ казакъ за Дунай». Вообще онъ былъ веселаго нрава. Политикой онъ занимался постоянно и былъ весь поглощенъ ею; политическія свѣдѣнія онъ имѣлъ самыя обширныя: не было значительной книги или замѣчательной газеты, которыхъ бы онъ не читалъ и не составилъ бы себѣ глубоко продуманнаго критическаго взгляда на нихъ. Онъ ежедневно читалъ: «Galignane Messenger»; «Augsburger Zeitung», «Journal des Débats». Онъ питался преніями всѣхъ Европейскихъ кабинетовъ. Ему также всегда присылались журналы изъ Венгріи, гдѣ всѣ пренія велись въ то время на Латинскомъ языкѣ.

Во время нашего пребыванія въ Гамбургѣ онъ вызвалъ къ себѣ главнаго раввина, человѣка очень почтеннаго, серьознаго и весьма свѣдущаго, который между своими собратьями пользовался великою репутаціею. Жаждущій познаній во всѣхъ отрасляхъ, отецъ вступалъ съ этимъ раввиномъ въ разборъ всей религіи, вѣрованій и т. п. Эти свиданія повторялись нѣсколько разъ.

Отецъ пользовался крѣпкимъ и сильнымъ здоровьемъ, былъ хорошо сложенъ и съ пріятной наружностью; пищу любилъ самую простую и, какъ настоящій Венгерецъ, не отказывалъ себѣ въ полубутылкѣ легкаго вина. Тойкайское вино всегда развеселяло его и напоминало его родину, куда онъ мысленно переносился. Въ то же время онъ вездѣ въ тостахъ пилъ за благоденствіе своего новаго отечества и Государя, которому онъ былъ искренно преданъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, при поступленіи брата Александра на военную службу отецъ принялъ подданство Россіи.

Мнѣ остается разобрать отношенія отца къ Сперанскому. Въ наше время, когда заслуги Сперанскаго признаны всею публикою, когда составлена и біографія его, надо удивляться, какимъ образомъ при этомъ случаѣ забытъ Балугьянскій, который по службѣ стоялъ такъ близко къ Сперанскому.

Заслуги такого замѣчательнаго человѣка, какъ Сперанскій, по законодательству никогда не имѣли бы столь громаднаго значенія или вѣрнѣе успѣха безъ дѣятельнаго участія Михаила Андреевича. Хотя этотъ послѣдній и былъ подчиненъ ему по службѣ, какъ младшій, но тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ его сотрудникомъ. Михаилъ Михайловичъ не мыслимъ безъ Михаила Андреевича. Михаилъ Михайловичъ

могъ и долженъ былъ быть замѣчательнымъ человѣкомъ и государственнымъ дѣятелемъ въ Россіи, а Михаилъ Андреевичъ могъ быть тѣмъ же и въ другихъ государствахъ. Отецъ признавалъ достоинства и великія способности Сперанскаго и часто говорилъ, что Сперанскій былъ бы совершенно великимъ государственнымъ человѣкомъ, еслибы онъ зналъ Германскій элементъ, который къ сожалѣнію онъ игнорировалъ совершенно (онъ любилъ Французскій и Англійскій, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Германскомъ). Это было важнымъ недостаткомъ въ его развитіи, какъ государственнаго дѣятеля. Въ силу этого многія учрежденія Сперанскаго, разработанныя по программѣ Французскихъ, не выдерживаютъ строгой критики. По законодательнымъ работамъ они оба шли постоянно вмѣстѣ; Сперанскій имѣлъ выгоду Русскаго языка, чего былъ совершенно лишенъ Михаилъ Андреевичъ, бумаги котораго вчернѣ писались или по-латынѣ, или по-французски, а только въ послѣдствіи онъ освоился съ чуждымъ ему языкомъ. Они были въ безпрерывныхъ сношеніяхъ и вели часто переписку и разговоры по-латыни. Ихъ обоюдныя отношенія были хороши, но, быть можетъ, въ глубинѣ души Сперанскій не совсѣмъ искренно любилъ отца. Во всякомъ случаѣ Государь любилъ его больше, чѣмъ Сперанскій. Не буду утверждать, чтобы Сперанскій вредилъ моему отцу, о нѣтъ! Но скромность отца, который всегда оставался въ тѣни, въ сторонѣ, была вѣроятно Сперанскому по-сердцу. Когда шла рѣчь о о наградахъ чиновниковъ II-го Отдѣленія, то Сперанскій всегда поощрялъ его къ денежнымъ наградамъ, выставляя на видъ потребности и нужды многочисленнаго семейства Михаила Андреевича. Находясь въ представленіяхъ и докладахъ между отцомъ и Государемъ, Сперанскій всегда старался играть активную роль и отстранять отца отъ непосредственнаго участія въ этихъ докладахъ. До меня дошли теперь слухи, которыхъ я впрочемъ не беру на свою отвѣтственность, что въ Сперанскомъ была всегда маленькая зависть къ моему отцу. По характеру, привычкамъ и внѣшности отецъ и Сперанскій были двѣ противоположности. Сперанскій былъ крайне-остороженъ, молчаливъ, скрытенъ; у него каждое слово было взвѣшено; отецъ же—съ горячею душою, былъ простъ, прямодушенъ, а часто рѣзокъ и очень. Сперанскій вездѣ и всегда держалъ себя съ большимъ тактомъ, отецъ же, напротивъ, не всегда владѣлъ собою. У перваго вездѣ на первомъ планѣ разсчетъ и строгая обдуманность, у втораго же laisser-aller. Сперанскій всегда придворный, элегантный, джентельменъ, отецъ же небреженъ и невнимателенъ къ себѣ. Первый соглашался дѣлать добро не по добротѣ сердечной, какъ Михаилъ Андреевичъ, а только съ цѣлью, съ разсчетомъ. Сперанскій, какъ извѣстно, не имѣлъ система-

тическаго подготовительнаго образованія и только въ позднѣйшее время уже самъ старался пополнить пробѣлы, въ чемъ онъ конечно и успѣлъ до извѣстной степени; отецъ же имѣлъ постепенную, методическую и строго-научную подготовку. Но всѣ эти противоположности нисколько не мѣшали обоимъ жить въ мирѣ и трудиться сообща.

Послѣ окончанія своихъ неутомимыхъ, громадныхъ работъ отецъ получилъ гербъ, въ которомъ находится книга законодательства съ цифрою XV, означающая 15-ть томовъ его работы. Онъ утвержденъ Государемъ, который вполнѣ оцѣнилъ важность и значеніе этого труда.

Чтобы знать и оцѣнить всѣ работы отца по законодательству по министерству Финансовъ, устройству Банка, Американской Компаніи, Финляндскимъ учрежденіямъ, слѣдуетъ обратиться въ архивы соотвѣтствующихъ вѣдомствъ, гдѣ эти труды должны находиться. Но почти всѣ его работы представлялись чрезъ министровъ, а, слѣдовательно, легко можетъ быть, что эти послѣдніе выдавали за свой трудъ то, чтò въ сущности составляло трудъ отца.

Вся жизнь Михаила Андреевича была полна плодотворной дѣятельности; у него всегда и вездѣ на первомъ планѣ былъ самостоятельный трудъ. За славой и почестями онъ не гнался, для него они составляли vanitas vanitatum. Нравственной опорой въ треволненіяхъ жизни ему служила твердая вѣра въ Провидѣніе, и изреченіе: «Да будетъ воля Твоя», которое онъ часто повторялъ, вполнѣ вѣрно охарактеризовываетъ его внутренній міръ.

—

Въ доказательство, какъ глубоко понималъ онъ политику можно припомнить, что лѣтъ тридцать тому назадъ, когда строй общества и правленій былъ совершенно иной, чѣмъ теперь; онъ предсказывалъ, что въ Европѣ совершится громадный переворотъ, причиною котораго будутъ трое: Пальмерстонъ, папа Пій IX-й и король Прусскій. Его предсказанія, какъ показала исторія, были основательны.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія къ этой статьѣ заимствованы нами и приведены въ примѣчаніяхъ изъ біографіи М. А. Балугьянскаго, сочиненной П. И. Барановымъ и напечатанной (въ 4-ку) въ Спб. въ 1882 г. Оттуда же снятъ и прилагаемый портретъ. П. Б.

АПОЛОГІЯ ГРАФА Ѳ. Ѳ. БЕРГА ОТЪ ПОЛЬСКИХЪ НАВѢТОВЪ.

Матеріалы для исторіи.

Въ Краковской газетѣ «Часъ» нынѣшняго года напечатаны статьи *баронессы Иксъ-игрекъ-зетъ*, подъ заглавіемъ *Варшавское Общество*. Въ статьяхъ этихъ, въ видѣ писемъ къ подругѣ, не пощажено Русское общество Варшавы въ 1863 году, и въ особенности оклеветанъ послѣдній намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ. Нѣтъ той грязи, которой бы не погнушалась ручка «баронессы», чтобы замарать это историческое имя.

Казалось бы, Полякамъ надо стыдиться этого безсмысленнаго мятежа, стоившаго имъ такъ много крови и самыхъ непроизводительныхъ жертвъ; но они до сихъ поръ охотно роются въ этомъ мусорѣ, и если такая серьезная газета какъ «Часъ» печатаетъ подобныя статьи, то нечего дѣлать, надобно опровергать ихъ.

Такъ называемая «баронесса» прибѣгаетъ и теперь къ пріему 1863 года, т.-е. увѣряетъ голословно, будто въ Варшавской Александровской цитадели, да и во всѣхъ тюрьмахъ царства, существовали пытки, которыми терзали повстанцевъ и били ихъ до такой степени, что сбивали съ нихъ тѣло, и оставались однѣ кости. «Часъ» чуть не въ каждомъ номерѣ повторялъ эту возмутительную ложь. Теперь «баронесса» доказываетъ, вопервыхъ, будто графъ Бергъ приказалъ, ни зачто ни прочто, «схватить одного Варшавскаго обывателя, влѣпить ему 40 палокъ, а потомъ пригласилъ его къ себѣ на балъ и издѣвался надъ нимъ, спрашивая о здоровьи и удивляясь его блѣдности.» И вовторыхъ, будто Равичъ, повѣшенный въ г. Сѣдльцѣ, былъ, по приказанію Берга, до того избитъ, что трупъ тотчасъ, послѣ казни, засыпали известью, дабы публика не замѣтила, что этотъ трупъ представлялъ одну сплошную рану.

Точь-въ-точь такія же вещи выдумывались и распространялись въ 1861—1863 г. г. Сколько разъ толпы народа бѣжали на «Бѣляны»

на «Мурановъ» посмотрѣть на тѣ «сотни Польскихъ труповъ, которыхъ Москали утопили въ цитадели, а Висла выкинула на берегъ!» Разумѣется, толпа уже не видала труповъ, вѣроятно потому, что Висла не находила удобнымъ долго оставлять на показъ свои жертвы и поглощала ихъ вторично. Повѣрилъ же народъ тому, будто бы, послѣ одного ливня, упала на Красинской площади громадная рыба, побольше всякаго кита, и народъ повалилъ на площадь смотрѣть эту рыбу. Конечно, рыба возвратилась тѣмъ же путемъ откуда пришла, еще до прихода любопытныхъ. Если подобнымъ глупостямъ вѣрилъ простой народъ, то какъ могъ вѣрить имъ «Часъ» и воспроизводить ихъ на своихъ страницахъ?

Припомнимъ «Часу,» сколько разъ, вслѣдствіе его же навѣтовъ, посылаемы были въ цитадель, для обличенія лжи, коммиссіи изъ самыхъ ярыхъ Поляковъ, подъ предсѣдательствомъ самаго злаго Руссофоба, прокурора *Вечорковскаго*, и всѣ эти коммиссіи удостовѣряли въ газетахъ, что политическіе преступники содержатся хорошо, никакихъ притѣсненій и оскорбленій имъ не дѣлается и что никто изъ преступниковъ не только не принесъ никакой жалобы, а, напротивъ, всѣ единогласно отзывались о хорошемъ съ ними обращеніи.

Припомнимъ еще, что, когда «Часъ »распустилъ слухъ, будто бы въ цитадели такъ избитъ «кнутами» арестованный чиновникъ *Замойскій*, что на немъ остались «однѣ кости», тотъ же Вечорковскій удостовѣрялся въ справедливости этого слуха лично и долженъ былъ опубликовать въ газетахъ не только свой протоколъ, но и письменное заявленіе Замойскаго, что распространенный о немъ слухъ есть самая злонамѣренная и гнусная клевета.

На публичномъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Корниловича, когда рѣчь шла о мнимыхъ истязаніяхъ преступниковъ въ цитадели, другой прокуроръ Варшавскаго же трибунала заявилъ всенародно, что все это однѣ выдумки, въ чемъ и завѣрялъ честью своего званія (z powagi mego stanu).

Одинъ изъ политическихъ преступниковъ заявилъ на судѣ, что состоявшій при Варшавскомъ оберъ-полицеймейстерѣ полковникъ *Гацфельдъ* нанесъ ему нѣсколько ударовъ и, хотя тогда же было доказано, что удары эти были нанесены въ борьбѣ, когда преступникъ хотѣлъ проглотить одинъ важный революціонный документъ, не менѣе того Гацфельдъ былъ уволенъ отъ службы и выѣхалъ изъ Царства Польскаго навсегда.

Наконецъ, припомнимъ *Ярошинскаго*, посягнувшаго на жизнь Великаго Князя-Намѣстника: на судѣ онъ публично заявилъ, что съ нимъ въ цитадели обращались кротко и человѣколюбиво.

Графъ Бергъ назначенъ намѣстникомъ Царства въ Сентябрѣ 1863 года, и что онъ нашелъ?

Край походилъ на дымящуюся, окровавленную развалину. Кровь Русскихъ и вѣрныхъ Россіи сыновъ Польши измѣннически проливалась на улицахъ Варшавы и вопіяла объ отмщеніи. На всемъ протяженіи царства путешественникъ съ ужасомъ встрѣчалъ на деревьяхъ тѣла жертвъ терроризма, обгорѣлыя трубы въ сожженныхъ вѣшателями колоніяхъ, свѣжія могилы павшихъ повстанцевъ. Свирѣпый врагъ Польскій «*жондъ народовый*» пожаромъ и кровью писалъ свое имя на растерзанномъ имъ же самимъ и ограбленномъ трупѣ «ойчизны.» Народъ стоналъ подъ игомъ невидимой силы, желѣзная рука которой уничтожала вѣрность къ Государю, вѣру въ силу законнаго правительства, разрушала благосостояніе края. Господствовалъ невидимый врагъ, неумолимый, кровожадный, болѣе свирѣпый, нежели Венеціанскій «Совѣтъ Десяти,» врагъ, который срывалъ съ населенія послѣднюю рубаху, держалъ ножъ надъ его горломъ и только требовалъ крови, крови... Въ католическомъ духовенствѣ народу слѣдовало бы находить утѣшеніе своимъ бѣдствіямъ. Вмѣсто того были одни подстрекательства на исповѣди: «отдай послѣдній грошъ и иди бить Москаля!» Увы, среди этого духовенства нашлось очень много такихъ, которые, измѣнивъ своему евангельскому призванію, разъѣзжали верхами впереди предводимыхъ ими разбойничьихъ шаекъ, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ петлей въ другой, и на безкровномъ жертвенникѣ Христа Спасителя благословляли братоубійственный кинжалъ, чтобы онъ обагрялся невинною кровью человѣка-христіанина. Само духовенство свидѣтельствовало объ этомъ въ послѣдствіи, какъ видно изъ письма одного духовнаго лица (*Dziennik Powszechny 1864 г. № 79*). Народная казна расхищалась въ банкахъ, казначействахъ, на почтахъ, въ соляныхъ магазинахъ, лѣсныхъ кассахъ, таможняхъ, горныхъ и иныхъ заводахъ; частные капиталы исторгались нерѣдко съ жизнью владѣльцевъ и разграблялись изъ ординацій и маіоратовъ. Въ Варшавѣ выходило 13 революціонныхъ газетъ, не считая другихъ листковъ и памфлетовъ тайной печати. Полиція была деморализована въ высшей степени; она предупреждала тѣхъ, у кого слѣдовало производить обыски, выдавала фальшивые паспорты, выводила охотниковъ въ банды, сама дезертировала въ шайки, исчезала съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагалось совершить убійство; наконецъ, участвовала въ убійствахъ, какъ напримѣръ: *Мирзы Туганъ-Барановскаго*, семейства *Вихертовъ*, чиновника *Скоронскаго* и др. Подпольная печать публично заявляла благодарность свою полиціи, говоря, что правительство ошиблось, *разсчитывая сдѣлать изъ полиціантовъ своихъ агентовъ и измѣнниковъ.*

Что же изъ всего этого осталось къ Маю 1864 года?

Графъ Бергъ смѣло попралъ гидру мятежа, и хотя она изрыгнула въ него Орсиніевскую бомбу, но трескъ этой бомбы возвѣстилъ свѣту только о послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ издыхающаго чудовища. Бомбою этою «жондъ народовый» самъ себя взорвалъ на воздухъ и, какъ скорпіонъ, поразилъ себя собственнымъ жаломъ и захлебнулся въ собственной черной крови.

Со времени покушенія на жизнь графа Берга, началось быстрое паденіе подпольной власти. Народъ понялъ, что нѣсколько кровопійцъ самопроизвольно распоряжаются его жизнью и имуществомъ и лишаютъ его достоянія, собраннаго многолѣтними трудами; понялъ, что шайки этихъ разбойниковъ составляются изъ негодяевъ, которымъ нечего терять и которые не могутъ ни вознаградить его потерь, ни защитить отъ справедливой кары со стороны законнаго правительства. Народъ проклялъ этотъ самозванный «жондъ», и графъ Бергъ разумно воспользовался этою минутою.

Тайная печать прекратила свою позорную дѣятельность, и зарево пожаровъ угасло.

Поляки снова сами начали помогать правительству въ задержаніи злоумышленниковъ, указывать скрытое ими оружіе и съ успѣхомъ сформировали изъ своей среды сельскую стражу. Мятежъ въ царствѣ къ Маю 1864 года былъ уже въ сущности подавленъ. Прежняго размѣра банды перестали формироваться вовсе: послѣднія изъ нихъ, образовавшіяся внутри края, подъ начальствомъ *Тѣпора*, *Бóсака* и ксендзовъ *Пшибыловскаго*, *Бенвенуто и Бржоско*, были истреблены послѣ нападенія на городъ Опатовъ, въ началѣ Февраля. Остались мелкія шайки въ нѣсколько человѣкъ, которыя злодѣйствовали еще нѣкоторое время кое-гдѣ, но уже не въ видахъ политическихъ. Изъ этихъ шаекъ, послѣдняя, долго проливавшая кровь подъ начальствомъ ксендза Бржоско была наконецъ захвачена и истреблена извѣстнымъ храбрецомъ, казачьимъ войсковымъ старшиною *Заикъевымъ*, не смотря на то, что ксендза долго не выдавали крестьяне, которыхъ онъ фанатизировалъ тѣмъ, что въ темныя ночи натиралъ себѣ волосы фосфоромъ и молился на колѣняхъ у креста. Кощунство это не спасло его отъ висѣлицы.

Еслибы не вторженіе бандъ изъ Познани, на поддержку которыхъ разсчитывали и разбойничьи шайки, то спокойствіе въ краѣ можно было бы считать упроченнымъ гораздо раньше. Но какъ шайки, такъ и банды, вслѣдствіе зрѣло обдуманнаго расположенія войскъ на стратегическихъ пунктахъ, истреблялись тотчасъ по ихъ появленіи, и разбоямъ былъ положенъ конецъ.

Какими же мѣрами графъ Бергъ достигъ столь благодѣтельныхъ послѣдствій, въ такой непродолжительный срокъ?

Мѣры эти были слѣдующія.

По Варшавѣ. Варшава есть зеркало, въ которое смотрятся Поляки, а потому, нужно было подавить въ ней революцію, чтобы она улеглась и въ другихъ мѣстахъ. Съ этою цѣлью переформирована полиція удаленіемъ изъ нея людей неспособныхъ или сомнительнаго образа мыслей и назначеніемъ изъ гвардіи и арміи дѣятельныхъ и способныхъ лицъ. Послѣдствіемъ этого было открытіе подпольныхъ комитетовъ: *Стрыцкаго* (сосланнаго), *Лавцевича, Богуславскаго*, дѣвицы *Трахановской, Трушинскаго* (приговорившаго къ смерти, въ числѣ другихъ жандармовъ, и роднаго своего отца, жандармскаго полковника) и сестеръ *Гузовскихъ*, со всѣми революціонными департаментами, трибуналами, министерствами, архивами, типо и литографіями, распоряженіями о насильственномъ займѣ, отчетами собраннымъ и награбленнымъ деньгамъ и списками лицамъ всей организаціи. Новая полиція генералъ-полицеймейстера *Трепова*, замѣнившая Левшинскую полицію, положила конецъ уличнымъ убійствамъ въ Варшавѣ, выловивъ почти всѣхъ кинжальщиковъ, бродягъ и тунеядцевъ. Для огражденія полиціи отъ покушеній на нее полиціанты вооружены револьверами и драгунскими саблями, и въ помощь имъ на ночь назначалось отъ войскъ по два человѣка съ заряженными ружьями.

Дальнѣйшими мѣрами для прекращенія уличныхъ убійствъ были:

Публичная смертная казнь убійцъ на всѣхъ площадяхъ, которая произвела ужасное впечатлѣніе на остальныхъ кинжальщиковъ, находившихся еще на свободѣ.

Строгій надзоръ за рабочими, не имѣющими опредѣленныхъ занятій, и возложеніе на мастеровъ отвѣтственности за поведеніе ихъ челяди.

Подчиненіе личной, по военнымъ законамъ, отвѣтственности мастеровъ за выдѣлку рабочими, на ихъ фабрикахъ, всякихъ предметовъ, составляющихъ военную контрабанду.

Наложеніе разныхъ штрафовъ на домовладѣльцевъ за незаявленіе полиціи обо всякой проживающей у нихъ личности.

Возложеніе на домовладѣльцевъ и ихъ жильцовъ личной и всѣмъ имуществомъ отвѣтственности за всякое убійство или покушеніе на оное, совершенное въ домѣ и за незадержаніе преступника.

Конфискація нѣсколькихъ домовъ, въ которыхъ совершились убійства, или въ которые успѣли скрыться убійцы, наконецъ, въ которыхъ открыто оружіе. Революціонеры увидѣли, что городу слишкомъ дорого обходится не только всякое убійство, но и всякое покушеніе на него.

Предписаніе домовладѣльцамъ дѣлать безъ участія полиціи обыски у своихъ жильцовъ для открытія оружія, пороху и вообще военной контрабанды, подъ личною отвѣтственностію хозяевъ, ежели подобные предметы будутъ у кого-либо найдены полиціею.

Закрытіе днемъ и ночью воротъ и наружныхъ дверей въ домахъ, равно проходныхъ дворовъ и внутреннихъ дверей, ведущихъ на дворы изъ разныхъ заведеній, дабы уличные убійцы не могли скрываться въ первые ближайшіе дома. Этою мѣрою кинжалисты были связаны по рукамъ и ногамъ и поклялись отыскать и зарѣзать составителя этого проекта. Недолго пришлось имъ ждать своей жертвы: услужливые чиновники полицейскіе выдали «народовому жонду» насчастнаго *Мирзу Туганъ-Барановскаго*, и онъ палъ подъ ножемъ разбойника на груди жены и дочери, израненыхъ саблею того же убійцы, бывшаго въ мундирѣ и вооруженіи полиціанта.

Другія мѣры, для умиротворенія собственно Варшавы, заключались въ слѣдующемъ.

Римско-католическое духовенство, проповѣдывавшее бунтъ съ каѳедръ, подвергнуто строгому надзору, и монастыри заняты частями войскъ, собственно для того, чтобъ положить предѣлъ сборищамъ въ нихъ подозрительныхъ людей, которые обыкновенно имѣли въ монастыряхъ свои притоны.

Наложена на все это духовенство денежная контрибуція, въ размѣрѣ 12% съ годоваго дохода.

Наложена на домовладѣльцевъ Варшавы денежная контрибуція, сперва въ 8% съ годоваго дохода, а потомъ еще по 3% съ гипотечной стоимости домовъ.

Наложены денежные штрафы на лицъ, виновныхъ въ косвенномъ участіи въ мятежѣ; съ тѣхъ же, которые заплатили такъ-называемую «народную подать», если имѣлись тому доказательства, штрафъ взыскивался вдвое или втрое противъ заплаченной суммы. Такимъ образомъ, невозможностію новыхъ въ пользу революціи взносовъ, отняты у нея послѣднія средства къ существованію.

Объявлено всѣмъ жителямъ, какъ въ Варшавѣ, такъ и въ краѣ, что всякій, кто осмѣлится платить революціонную подать, будетъ, независимо отъ взысканія двойнаго штрафа, преданъ полевому военному суду, какъ соучастникъ мятежа.

Обезоружены вторично всѣ жители Варшавы, и тѣ изъ нихъ, которые не представили оружія въ срокъ, если потомъ оно было у нихъ находимо, подвергались, въ примѣръ другимъ, отвѣтственности по всей строгости законовъ.

Настоятельно приказано снять въ Варшавѣ и во всемъ краѣ манифестаціонный трауръ, который былъ носимъ упорно цѣлые три года. Сила правительства этимъ приказаніемъ до того была возстановлена, что сами революціонеры увидѣли необходимость покориться ей и потребовали въ плакатахъ своихъ снятія траура повсемѣстно.

Положенъ рѣшительный предѣлъ личнымъ сношеніямъ членовъ подпольнаго «жонда» съ заграничными его членами, подчиненіемъ генералъ-полицеймейстеру паспортнаго отдѣленія, которое состояло прежде при правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и выдавало заграничные паспорты безъ разбора. Ѳ. Ѳ. Треповъ началъ выдавать эти паспорты людямъ или извѣстнымъ ему лично, или на основаніи достойнаго довѣрія ручательства.

Удалены отъ должностей во всемъ краѣ неблагонадежные чиновники и служители таможеннаго вѣдомства и желѣзныхъ дорогъ, какъ способствовавшіе провозу мятежнической корреспонденціи и военной контрабанды.

Подчинены строгому наблюденію студенты Варшавской «Главной Школы» (въ послѣдствіи Университета), и ученики всѣхъ учебныхъ заведеній снабжены матрикулами и принуждены носить мундирную одежду.

Приказано всѣмъ жителямъ Варшавы не выходить на улицы, не имѣя при себѣ легитимаціонныхъ книжекъ или другихъ установленныхъ видовъ, удостовѣряющихъ въ ихъ личности.

Наконецъ, снятъ повсемѣстно церковный трауръ, который наложило на костелы мятежное духовенство, такъ какъ оно видѣло въ этомъ послѣднее средство для возбужденія простаго народа къ бунту. Аресты и высылка въ Россію, административнымъ порядкомъ, лицъ подозрѣваемыхъ въ соучастіи мятежа и особенно вліятельныхъ ксендзовъ, довершили остальное.

Внутри края. Царство Польское, за исключеніемъ Августовской губерніи, состоявшей временно въ вѣдѣніи графа Муравьева, раздѣлено на 12-ть отдѣловъ, отдѣлы на 36-ть уѣздовъ, уѣзды на участки. Въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ назначены военные полицеймейстеры.

Военные начальники отдѣловъ и уѣздовъ снабжены особыми инструкціями отъ 8 (20) Января и 14 (26) Февраля 1864 года.

Жандармскимъ офицерамъ, находившимся на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, также даны особыя инструкціи отъ 9 (21) Января того же года.

Военно-уѣзднымъ начальникамъ подчинены вся гражданская власть въ уѣздахъ и всѣ войска, въ нихъ расположенныя.

Войска размѣщены на стратегическихъ пунктахъ и соединены между собою летучими отрядами, высылаемыми съ административною цѣлью, для поддержанія духа жителей страны, и партизанскими отрядами, отправляемыми для открытія шаекъ.

Для болѣе свободнаго движенія нашихъ отрядовъ и воспрепятствованія мятежникамъ скрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ, подѣланы почти вездѣ широкія просѣки.

Самыя желѣзныя дороги предохранены отъ внезапнаго нападенія изъ лѣсовъ, такими же просѣками (по 50-ти саженей въ каждую сторону) тамъ, гдѣ лѣса примыкали къ дорогѣ ближе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ.

Увеличены права военныхъ начальниковъ отдѣловъ, которые, имѣвъ прежде право жизни и смерти, не имѣли права ссылки и представляли дѣла о подлежащихъ высылкѣ въ полевой аудиторіатъ, отчего происходила медленность въ рѣшеніи дѣлъ, и арестантскія напрасно наполнялись подсудимыми.

Дано право начальникамъ отрядовъ судить на мѣстѣ полевымъ военнымъ судомъ предводителей разбойничьихъ шаекъ и иностранцевъ всѣхъ націй, схваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Наложена контрибуція на всѣ города и мѣстечки, за исключеніемъ деревень, въ размѣрѣ 3% стоимости недвижимостей.

Предписано военнымъ начальникамъ, независимо отъ личнаго наказанія участниковъ въ мятежѣ, налагать еще и денежный штрафъ на ихъ имѣнія.

Вообще, денежные штрафы, налагаемые какъ на лица, такъ и на мѣстечки и даже на цѣлыя территоріи въ извѣстномъ пространствѣ, за допущеніе явныхъ убійствъ и другихъ насилій, производили весьма благотворное дѣйствіе и составляли одно изъ надежнѣйшихъ средствъ военно-полицейскаго управленія.

Всѣ безъ исключенія обыватели обязаны были немедленно извѣщать ближайшихъ военныхъ начальниковъ о прохожденіи и расположеніи мятежническихъ шаекъ, подъ опасеніемъ преданія военному суду и взысканія денежнаго штрафа.

Жители мѣстечекъ и селеній обязаны круговымъ ручательствомъ другъ за друга, и за самовольную отлучку одного изъ нихъ—всѣ подвергались денежному штрафу. Сверхъ того, за самовольную отлучку жителей, подвергались денежному штрафу гминные войты, бургомистры и сóлтысы (сельскіе старосты).

Сельская стража, учрежденная повсюду, дѣйствовала съ успѣхомъ. Стражникамъ, равно какъ и всякому, за поимку каждаго вооруженнаго мятежника назначалась награда отъ 5 до 10 р. с., а за

невооруженнаго отъ 3 до 5 рублей. Кромѣ того, особенно отличившіеся награждались золотыми и серебряными медалями за храбрость и усердіе на Георгіевской и Анненской лентахъ.

Введены строгія мѣры относительно выдачи паспортовъ на отлучку съ мѣстъ жительства помѣщикамъ и городскому населенію. Одну изъ важнѣйшихъ обязанностей военно-уѣздныхъ начальниковъ составляло наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто изъ жителей, безъ самой крайней надобности, не отлучался съ своего жительства, вслѣдствіе чего, выдача паспортовъ по уѣзду или изъ онаго дѣлалась съ строжайшею разборчивостью.

Воспрещенъ ввозъ изъ-за границы косъ, рѣзаковъ, тулуповъ и вообще фланелевыхъ и шерстяныхъ издѣлій низшаго сорта, доступныхъ по цѣнѣ своей для бродягъ, укрывавшихся зимою въ лѣсахъ.

Самыя средства сообщенія между собою революціонеровъ уничтожены открытіемъ въ 26-ти уѣздахъ 952-хъ станцій секретныхъ почтъ. Дабы почты этого рода не могли формироваться вновь, во многихъ большихъ имѣніяхъ и на фабрикахъ заведены переписи лошадямъ, и установленъ контроль за ихъ употребленіемъ.

Правительственный органъ въ Варшавѣ «Всеобщій Дневникъ», выходившій на Польскомъ языкѣ, получилъ иное направленіе. Запрещенный подземною властію, онъ подъ руководствомъ благонамѣренной редакціи, состоявшей подъ главнымъ начальствомъ сенатора Николая Ивановича Павлищева, вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, выказалъ предъ народомъ всю ложь дѣйствій революціонной партіи, всѣ ухищренія и обманы, заставилъ его глядѣть на дѣло глазами правды, дискредитировалъ враждебную намъ загранично-Польскую печать, въ томъ числѣ и «Часъ», и достигъ того, что его стали читать на расхватъ даже тѣ, которымъ революціонеры угрожали за это смертію. «Дневникъ» при перемѣнѣ редакціи имѣлъ только трехъ постоянныхъ сотрудниковъ и около 600 подписчиковъ, и то исключительно оффиціальныхъ. Въ 1864 году насъ сотрудниковъ было восемнадцать человѣкъ, кромѣ большаго числа корреспондентовъ, и болѣе 3.000 подписчиковъ. Редакція буквально осаждалась ежедневно бо́льшимъ числомъ покупателей, желавшихъ пріобрѣсти газету въ розничной продажѣ. Въ послѣдствіи Павлищевъ началъ называть газету («Варшавскій Дневникъ»), а потомъ издавалъ ее на Русскомъ языкѣ, подъ каковымъ названіемъ издается она и нынѣ.

Типографіи, литографіи, фотографіи, книжные и эстампные магазины, библіотеки для чтенія и тому подобныя учрежденія подчинены во всемъ краѣ, начиная съ Варшавы, самому строгому надзору и цензурѣ.

Но болѣе всего способствовало уничтоженію шаекъ въ лѣсахъ благодѣтельное постановленіе намѣстника о томъ, чтобы мятежники, добровольно являющіеся къ военнымъ начальникамъ, съ оружіемъ въ рукахъ и приносящіе раскаяніе въ заблужденіи своемъ, были водворяемы на мѣстахъ жительства безъ всякаго наказанія. Вѣсть объ этомъ, какъ звукъ благовѣста, разнеслась по краю, достигла въ самыя отдаленныя трущобы лѣсовъ и вызвала оттуда заблудшихъ, которые почти ежедневно стали десятками являться къ начальству съ повинною головою.

Вотъ заслуги графа Берга въ дѣлѣ усмиренія мятежа. Вездѣ видны его собственный починъ, неутомимая и настойчивая воля.

Съ чего же беретъ «баронесса» будто *никто такъ искусно не умѣлъ сваливать свои вины на другаго, разыгрывать роль Пилата и умывать руки предъ народомъ, какъ Бергъ?* Она сама признаетъ, что *при Бергѣ царство достигало высшей степени экономическаго развитія своего*; но все то, что сдѣлано имъ добраго для края, какъ напримѣръ, открытіе такихъ полезныхъ учрежденій, какъ *Городское Кредитное Общество, Общество Взаимнаго Кредита, Коммерческій Банкъ, Учетный Банкъ* и т. п., «баронесса» приписываетъ не ему, а новымъ какимъ-то вѣяніямъ изъ Петербурга, поддержкѣ министра Рейтерна и самаго Александра Втораго. Отстаиваніе предъ княземъ Черкасскимъ ордена Сестеръ Милосердія и меньшее, сравнительно съ прежнимъ, «преслѣдованіе католицизма «баронесса» относитъ къ безвѣрію Берга вообще и къ вліянію жены его, католички.

Въ одномъ только баронесса Иксъ-игрекъ-зетъ, быть можетъ, не клевещетъ, и то едва-ли сознательно, именно въ томъ, что Бергъ видѣлъ постоянныхъ враговъ своихъ въ пріѣхавшихъ на все готовое въ Польшу *Черкасскихъ, Соловьевыхъ, Самариныхъ, Кошелевыхъ* и пр. Дѣйствительно, графъ Бергъ очень любилъ одного Николая Алексѣевича Милютина, этого необыкновенно-привлекательнаго человѣка, который имѣлъ способность очаровать всякаго, кто побесѣдовалъ съ нимъ хоть нѣсколько минутъ....

Теобальдъ.

16-го Октября 1885.
Вильна.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

VIII.

Барыня — супруга своего крестьянина.

Въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ въ 40-хъ годахъ съ аукціоннаго торга купила имѣніе, слободу Безгинку, въ Воронежской губерніи, Коротоякскаго уѣзда, вдова статскаго совѣтника Вишневская. Въ этомъ имѣніи было 500 душъ крестьянъ Малороссовъ, при нихъ достаточное количество земли и хорошая барская усадьба. Г-жа Вишневская, поселившись въ имѣніи, не сочла за нужное знакомиться съ сосѣдями и вела жизнь уединенную, хотя ей было тогда лѣтъ 35-ть, и она получила довольно хорошее образованіе, чуть ли не въ какомъ-то столичномъ институтѣ. Черезъ нѣкоторое время сосѣди узнали, что г-жа Вишневская выбрала изъ своихъ крестьянъ молодаго, красиваго мужика атàманомъ (такъ во всѣхъ Малороссійскихъ имѣніяхъ называются старосты), которому и предоставила распоряжаться всѣмъ хозяйствомъ.

Новый атàманъ старался оправдать довѣріе госпожи, исполнялъ свою обязанность и ея приказанія въ точности и во всемъ угождалъ ей; барыня съ своей стороны была также имъ очень довольна.

Прошло немного времени, какъ атàманъ былъ переведенъ на жительство въ господскій домъ; тутъ завелась и водка, и всякое раздолье въ снѣдяхъ и напиткахъ; но барыня была очень недовольна, когда атàману приходилось отлучаться по хозяйству, особенно, когда стала замѣчать, что ея атàманъ заглядывается на молодыхъ красивыхъ «*дивчатъ*». Она порѣшила никуда не отпускать его безъ себя, а всегда по хозяйству слѣдовать за нимъ. Когда нужно было осматривать

---

*) См. Р. Архивъ 1885, II, 428.

полевыя работы, она обыкновенно отправлялась туда въ каретѣ, везя съ собой ата̀мана, и оттуда дѣлались хозяйственныя распоряженія. Но не по однимъ своимъ полямъ разъѣзжала г-жа Вишневская со своимъ ата̀маномъ; когда ей случалось отправляться верстъ за 20-ть въ ближайшій городъ Новый-Осколъ за какими-нибудь покупками, то запрягалась карета шестерикомъ, и рядомъ съ барыней садился ата̀манъ, а на запятки становился лакей въ ливреѣ.

Въ то время въ Новомъ-Осколѣ городничимъ былъ переведенный квартальный изъ Петербурга. Онъ возмущался тѣмъ, что мужикъ ѣздитъ въ каретѣ, да еще съ лакеемъ, находя, что онъ не имѣетъ на это по званію своему никакого права. Въ одинъ изъ пріѣздовъ г-жи Вишневской съ ата̀маномъ въ Новый-Осколъ городничій подкараулилъ ее, остановилъ карету среди площади, высадилъ оттуда мужика, спросилъ у него паспортъ, котораго у того, конечно, не оказалось, и распорядился, такъ какъ онъ былъ изъ другой губерніи, отправить его на съѣзжую, не смотря на протестъ барыни. Когда г-жа Вишневская явилась въ городническое управленіе выручать своего милаго, то городничій объявилъ ей, что ѣздить въ каретѣ шестерикомъ по городу предоставлено только высокимъ особамъ извѣстнаго чина, отнюдь же не лицамъ податнаго состоянія, ссылаясь при томъ на указъ императора Павла Петровича, а потому онъ долженъ отдать его подъ судъ, а до рѣшенія дѣла содержать на съѣзжей. Можно себѣ представить отчаяніе г-жи Вишневской! Оно, впрочемъ, продолжалось недолго: по первому же требованію городничаго была уплачена контрибуція въ сто рублей, и при этомъ Вишневская выговорила себѣ право и впредъ свободно пріѣзжать въ городъ въ каретѣ вмѣстѣ съ ата̀маномъ. Послѣ городничій сожалѣлъ, что назначилъ столь незначительную сумму, такъ какъ никто болѣе изъ мужиковъ не ѣздилъ въ каретѣ, и этотъ случай былъ единственный.

Не по нутру пришлась такая барская жизнь простому казаку. Какъ ни сладко ѣлъ онъ и пилъ, «какъ сыръ въ маслѣ катаясь», однако его хохлацкая натура видимо требовала иной жизни, иныхъ ощущеній. Онъ хорошо понималъ, что онъ крѣпостной, принадлежащій такой барынѣ, которая своею любовью и ревностью не даетъ ему ни минуты покоя и свободы. Съ прирожденной хохлацкою хитростью приступилъ было ата̀манъ къ барынѣ съ просьбой, чтобы она отпустила его на волю; но она объ этомъ и слышать не хотѣла, предчувствуя, что, получа свободу, онъ первымъ дѣломъ броситъ ее. Хохолъ былъ терпѣливъ и настойчивъ и при всякомъ удобномъ случаѣ повторялъ свою просьбу, желая, во что ни стало, сдѣлаться свободнымъ. Тогда барыня, чтобы доказать ему свою любовь и облагодѣтельствовать его на всю

жизнь, предложила ему, въ порывахъ нѣжности, выйти за него замужъ, въ томъ разсчетѣ, что, соединясь съ нимъ брачными узами, она пріобрѣтетъ крѣпостнаго мужа, который будетъ всегда ея вѣрнымъ и покорнымъ рабомъ, какимъ былъ до сихъ поръ. Атаманъ никакъ не ожидалъ подобнаго предложенія; однако ему ничего болѣе не оставалось, какъ изъявить согласіе и, затая злобу въ сердцѣ, жениться на своей барынѣ.

Вскорѣ картина перемѣнилась. Какъ только они перевѣнчались, мужъ изъ послушнаго раба сдѣлался деспотомъ и сталъ безпощадно колотить супругу, чѣмъ ни попало, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Онъ не ѣздилъ съ ней больше въ каретѣ, а уже гарцовалъ на конѣ, заѣзжая, куда ему вздумается, и пропадая иногда по нѣсколькимъ днямъ. Бывшая статская совѣтница, какъ ни обуревалась страстями, однако, чувствуя постоянную боль во всѣхъ членахъ тѣла, часто подновляемую новыми побоями, начала, въ свою очередь, изыскивать средства, какъ бы избавиться отъ жестокаго ига, которому подпала.

Наконецъ, представился ей удобный случай сбыть мужа. Производился рекрутскій наборъ, и она рѣшила отдать его въ солдаты. Дѣло было довольно трудное, такъ какъ вся власть въ имѣніи была сосредоточена въ рукахъ у него; необходимо было употребить насиліе, чтобы доставить его въ рекрутское присутствіе, и барыня обратилась для этого съ просьбой къ становому приставу, наблюдавшему за своевременной доставкой рекрутъ. Онъ помогъ со сторонними людьми заковать мужа-атамана, чтобы тотъ не убѣжалъ отъ ставки. Въ то время такой способъ доставки рекрутъ въ рекрутское присутствіе практиковался нерѣдко. Какъ бы то ни было, несчастная жертва любострастія привезла своего супруга въ городъ сдать въ солдаты.

Въ городѣ она обратилась къ предводителю дворянства, прося его содѣйствія и разсказывая про тѣ мученія, которыя она претерпѣла отъ мужа. Предводитель нашелъ нужнымъ прежде всего растолковать ей, что мужъ ея, будучи солдатомъ, имѣетъ право, гдѣ бы ни находился на службѣ, вытребовать ее къ себѣ, какъ свою жену, для совмѣстнаго сожительства, а потому этотъ способъ избавиться отъ него для нея не совсѣмъ удобенъ. Затѣмъ, поговоривъ съ мужемъ, предсѣдатель рекрутскаго присутствія узналъ отъ него, что тотъ ничего болѣе не желаетъ, какъ получить отпускную и, получивъ ее, приметъ всякія условія, какія предложитъ ему жена, только бы не жить съ ней вмѣстѣ. При этомъ предводитель разъяснилъ помѣщицѣ, что выдача мужу отпускной во всякомъ случаѣ необходима теперь же для нея самой, такъ какъ, въ случаѣ продажи имѣнія въ Опекун-

скомъ Совѣтѣ, гдѣ оно было заложено и уже опубликовано, она сама можетъ поступить въ крѣпостныя къ купившему имѣніе съ аукціона; къ тому же имѣніе ея обязательно должно быть продано даже помимо Опекунскаго Совѣта въ силу закона, что владѣльцы, имѣющіе близкихъ родственниковъ изъ крѣпостныхъ того же имѣнія, не имѣютъ права владѣть имъ. Барыня приняла благіе совѣты и немедленно выдала мужу отпускную, чрезъ чтó и сама сдѣлалась не крѣпостною по мужу, имѣніе же свое продала Н. П. Амосову, послѣ чего уѣхала куда-то къ роднымъ на жительство, откуда о ней не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу. При продажѣ имѣнія она не забыла однако своего супруга и дала ему денегъ на покупку земли, которую тотъ пріобрѣлъ въ своей мѣстности и сталъ заниматься хлѣбопашествомъ. Сосѣди-хохлы звали его паномъ Вишневскимъ; онъ за это не сердился, только «ухмылявся,» да по временамъ раздумывалъ свою крѣпкую «думку,» придется ли ему еще разъ когда-нибудь «оженытися.»

IX

Переселеніе на „молочныя воды“.

Въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, на хуторѣ Котельномъ-Плоту, Хитрово тожъ, въ началѣ 40-хъ годовъ, проживала помѣщица Марья Васильевна Хардина. За нею числилось по ревизскимъ сказкамъ 43 души крестьянъ мужскаго пола. Супругъ ея, отставной поручикъ Дм. Петр. Хардинъ, бывалъ часто въ отсутствіи и не принималъ никакого участія въ управленіи имѣніемъ. Г-жа Хардина распоряжалась всѣмъ самолично. Хуторъ ея былъ въ глуши, въ сторонѣ отъ всѣхъ проѣздныхъ дорогъ; ближайшее къ нему селеніе государственныхъ крестьянъ, село Волотово, находилось верстахъ въ десяти.

Въ одинъ воскресный день, весною, Марья Васильевна проснулась въ очень дурномъ расположеніи духа, чтó съ ней нерѣдко случалось. Въ такомъ настроеніи, находясь еще въ постели, громкимъ и сердитымъ голосомъ зоветъ она одну изъ своихъ приближенныхъ горничныхъ: «Машка! Машка!» Но на это возваніе никакого отвѣта не послѣдовало. Зовъ повторяется нѣсколько разъ въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ, но Машка не является. Грозно скликаются другія горничныя, Палашка, Дашка, которыхъ было чуть не полдюжины,—все напрасно: невозмутимая тишина нарушается лишь голосомъ самой барыни. «Чтó это значитъ?» разсуждаетъ разсерженная небывалымъ своеволіемъ Марья Васильевна. Въ гнѣвѣ вскакиваетъ она со своего мягкаго ложа и поспѣшно направляется черезъ корридоръ въ дѣвичью;

не найдя тамъ никого, идетъ далѣе, черезъ сѣни, къ выходной двери задняго крыльца,—заперто; спѣшитъ обратно по корридору, заглядываетъ во всѣ комнаты, все въ домѣ въ порядкѣ, но нѣтъ ни одной души. Въ сильномъ волненіи стремится она къ переднему крыльцу.... О, ужасъ! Оно заперто снаружи. Она бросается къ окнамъ, которыя по обыкновенію на ночь закрывались ставнями; но, сверхъ сего, они также приперты снаружи. Барынею овладѣваетъ отчаяніе; она громко кричитъ, не получая отвѣта, бѣгаетъ по комнатамъ и всѣми силами старается отпереть двери или ставни, но усилія ея въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ остаются напрасными. Тогда она приходитъ въ изнеможеніе отъ своего собственнаго крика и невозмутимой тишины въ домѣ и впадаетъ, по ея разсказамъ, въ какое-то безчувственное состояніе. Только около полудня очнулась Марья Васильевна, услыхавъ подъ окнами чей-то жалобный голосъ: «Подайте, Христа ради!» Это былъ нищій калѣка. На сей разъ сама Марья Васильевна обратилась къ нему съ отчаянной просьбой, ради Христа, отворить ей двери, которыя, какъ оказалось, были приперты снаружи слегами. Этотъ нищій, заходившій и прежде на хуторъ за подаяніемъ, оказался спасителемъ Марьи Васильевны; онъ отворилъ ей двери и окна въ домѣ. Освобожденная изъ заточенія барыня бросается на дворъ въ людскія хаты, надѣясь кого-нибудь встрѣтить,—но и тамъ все пусто. Она направляется въ конюшню: лошади стоятъ безъ корма, на скотномъ дворѣ ревутъ коровы, не выпущенныя въ стадо; но имущество ея по амбарамъ и сараямъ все въ цѣлости. Смущенная Марья Васильевна идетъ на деревню къ крестьянскимъ дворамъ, думая хоть тамъ найти когонибудь. Но и тамъ таже исторія: стоятъ однѣ опустѣлыя хаты, ворота во дворахъ всѣ отворены, но не видно даже ни одной собаки; только одинъ старый котъ, растянувшись на заваленкѣ, грѣлся на солнцѣ. Марья Васильевна и ему была рада; пошла и приласкала его. Котъ помурлыкалъ, но ничего не могъ объяснить ей. Чтó было дѣлать бѣдной помѣщицѣ? Посовѣтовавшись съ нищимъ, она рѣшила дать знать о случившемся становому приставу, который жилъ отъ нея верстахъ въ 25-ти, въ с. Чернявкѣ. Но кого послать? Опять выручилъ нищій: по просьбѣ барыни онъ запрягъ лошадь, отправился въ ближайшее село Волотово и заявилъ тамъ въ волости объ ушедшихъ крестьянахъ г-жи Хардиной. Изъ волости къ ней прислали людей для караула и увѣдомили становаго пристава, который только на другой день имѣлъ возможность прибыть на хуторъ для производства слѣдствія о побѣгѣ людей всего селенія. Между прочимъ становой, ѣхавши на хуторъ, узналъ отъ сосѣдей, что крестьяне г-жи Хардиной давно собирались на молочныя воды и потихоньку заранѣе продавали свои пожитки,

а какіе остались у нихъ уложили на подводы и, забравши весь скотъ, въ ночь подъ Воскресенье, отправились большимъ обозомъ по направленію черезъ сосѣднюю Воронежскую губернію въ Бердянскій уѣздъ, гдѣ протекаетъ рѣка «Молочная», отчего, вѣроятно, само переселеніе туда обозначалось на «молочныя воды» и такъ сильно дѣйствовало на воображеніе крестьянъ.

Становой приставъ, не имѣя права безъ разрѣшенія начальства выѣхать изъ своего стана въ другую губернію, распорядился послать своего разсыльнаго въ погоню за ушедшими крестьянами, снабдивъ его открытымъ листомъ и отношеніями къ сосѣднимъ становымъ приставамъ и прося ихъ содѣйствія въ поимкѣ ушедшихъ крестьянъ. Верстъ за 70-ть этотъ разсыльный дѣйствительно нагналъ людей уже въ Воронежской губерніи при переправѣ на паромѣ черезъ рѣку Донъ, о чемъ заявилъ мѣстному становому, который остановилъ ихъ и далѣе не пустилъ, какъ безпашпортныхъ и подъ конвоемъ того же разсыльнаго отправилъ обратно на мѣсто ихъ жительства. Люди, по прошествіи нѣсколькихъ дней, прибыли обратно въ деревню въ свои пустыя хаты. Марья Васильевна Хардина была такъ довольна возвращеніемъ своихъ крѣпостныхъ, что даже, сверхъ всякаго ожиданія, не приносила жалобы о своемъ заточеніи въ собственномъ домѣ, о побѣгѣ же людей старалась прекратить дѣло, начатое становымъ приставомъ.

Впрочемъ, этотъ случай былъ не единственный въ той мѣстности. Почти въ тоже время, въ сосѣднемъ Старо-Оскольскомъ уѣздѣ, въ большомъ имѣніи графини С. А. Бобринской, въ слободѣ Орликѣ, гдѣ было свыше тысячи душъ крестьянъ, населеніе также собралось на «молочныя воды». Объ этомъ намѣреніи ихъ заранѣе узнали мѣстныя власти и донесли губернатору; между тѣмъ на мѣсто, въ слободу Орликъ, отправилось временное отдѣленіе Земскаго Суда. Оно прибыло въ то время, когда крестьяне укладывали свои пожитки на подводы, собравшись на площади, чтобы двинуться въ путь. Прибывшіе чиновники, исправникъ, становой приставъ и стряпчій, составлявшіе временное отдѣленіе Земскаго Суда, начали уговаривать крестьянъ оставить сборы и не уходить съ мѣста жительства безъ дозволенія начальства и помѣщицы и угрожали имъ въ противномъ случаѣ присылкою солдатъ въ наказаніе за ихъ своеволіе; но ни угрозы, ни увѣщанія не дѣйствовали: крестьяне совсѣмъ приготовились къ отъѣзду. Изъ чиновниковъ болѣе всѣхъ при этомъ хлопоталъ и горячился уѣздный стряпчій С...., прыткій молодой человѣкъ. По невозможности урезонить мужиковъ, онъ обратился къ бабамъ, надѣясь подѣйствовать на нихъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ старался объяснить имъ всю нелѣпость ихъ неразумнаго намѣренія оставлять навсегда родину

и идти въ неизвѣстные края. (Все это говорилось въ возвышенномъ слогѣ). Бабы галдѣли; сначала онѣ не слушали его, занимаясь укладкой на воза своихъ имуществъ, но должно быть краснорѣчивый стряпчій очень надоѣлъ имъ своимъ многоглагольствомъ: бабы, сговорясь между собой, быстро окружили его и начали толкать во всѣ стороны въ видѣ шутки; когда же, чтобы вырваться отъ нихъ, онъ пустилъ въ ходъ кулаки, онѣ схватили его и крѣпко привязали къ колесу телѣги. Это было дѣло одной минуты. Но этимъ еще не кончились страданія стряпчаго: привязанный къ колесу, онъ бился и кричалъ, изображая изъ себя очень жалкую фигуру. Вдругъ одной бабѣ пришла въ голову нелѣпая мысль, чтобъ онъ не горячился и успокоился, помочить его особеннымъ способомъ, что она тутъ же и исполнила; увлекшись ея примѣромъ, не долго думая, другія бабы немедленно сдѣлали тоже. Исправникъ и становой были на другомъ концѣ площади, но, услыхавъ неистовый крикъ стряпчаго и увидя его въ такомъ критическомъ положеніи, бросились освободить его, причемъ сами чуть не подверглись той же участи: изъ толпы послышались крики, чтобы и ихъ привязать. Однако между крестьянами нашлись и благоразумные, которые разогнали бабъ, освободили стряпчаго и начали уговаривать толпу не дѣлать никому никакихъ насилій. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта исторія переселенія крестьянъ слободы Орлика, еслибы въ то время на площадь не прискакалъ на тройкѣ нарочный жандармъ отъ губернатора въ своемъ голубомъ мундирѣ съ пакетомъ къ исправнику. Его появленіе произвело на крестьянъ сильное впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда онъ сообщилъ, что за нимъ слѣдуютъ войска. Крестьяне присмирѣли, повезли навьюченные воза обратно къ своимъ дворамъ и перестали сбираться на вольницу, въ особенности, когда черезъ нѣсколько дней въ ихъ слободу пришли на постой солдаты въ видѣ экзекуціи.

Однако тепловатая бабья примочка хуже всякой пытки подѣйствовала на бѣднаго стряпчаго: онъ заболѣлъ горячкой и чуть было не умеръ и только, благодаря молодости и крѣпкому сложенію, пережилъ эту катастрофу. Но за претерпѣнное имъ истязаніе по службѣ онъ былъ впослѣдствіи награжденъ....

Пострадали и бабы, глумившіяся надъ нимъ: зачинщицъ по суду сослали въ Сибирь.

Всѣ эти попытки къ переселенію во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ были тогда возбуждаемы большею частью отставными солдатами. Прослужа 25 лѣтъ въ военной службѣ и возвратясь на родину, они часто не имѣли для себя ни пропитанія, ни пристанища, дѣлались для семей своихъ чуждыми, а зачастую и никого не находили

изъ родныхъ: которые померли, которые были переведены на жительство въ другія имѣнья, помѣщикъ же не былъ обязанъ давать жилище и продовольствіе отставнымъ солдатамъ. Вообще жизнь отставныхъ воиновъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ была тогда очень плачевная. Немудрено, что многимъ изъ нихъ приходила мысль о переселеніи на вольницу, гдѣ они надѣялись получить вмѣстѣ съ другими надѣлъ земли. Нѣкоторые изъ нихъ, собравши съ крестьянъ деньги, ходили на развѣдки въ Ставропольскую губернію, за рѣку Кубань, или въ Бердянскій уѣздъ, гдѣ въ то время дѣйствительно отводилась земля для поселенія, но не для помѣщичьихъ крестьянъ, а для Нѣмецкихъ колонистовъ-менонитовъ. Возвратясь оттуда, ходаки разсказывали чудеса о необыкновенномъ плодородіи земель, о совершенномъ довольствѣ и хорошей жизни тамошнихъ поселенцевъ. Крестьяне слушали разсказы возвратившихся солдатъ, увлекались мыслію о чудесномъ краѣ и стремились попасть туда, мечтая о благодатной сторонѣ, гдѣ протекаютъ *молочныя воды въ кисельныхъ берегахъ.*

Николай Рѣшетовъ.

22-го Октября
1885 года.

Приступая къ составленію біографіи генералъ-фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ, имѣвшимъ какія либо служебныя или частныя отношенія къ покойному, не оставить сообщеніемъ мнѣ всего (писемъ, записокъ, приказовъ и т. п.) что̀ можетъ способствовать къ всестороннему, полному очерку административной и военной дѣятельности славнаго покорителя Кавказа. Все присланное будетъ съ благодарностію возвращено. Адресъ мой: Петербургъ, Фурштатская, д. 27, Арнольду Львовичу Зиссерману.

А. Зиссерманъ.

цузовъ).—„Мѣдный Всадникъ“ **А. С. Пушкина** (Новые отрывки).—Ученикъ Вольтера. Графъ А. П. Шуваловъ. Біографическая статья **Д. Ѳ. Кобеко.**—Фонвизинъ, по Запискамъ **Клостермана** (извлечено изъ Нѣмецкой рукописи). — Воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. **Т.**—Любовныя записочки XVIII вѣка а) Къ графу З. Г. Чернышову.— б) Къ И. Н. Корсакову.—Изъ воспоминаній **К. Н. Леонтьева:** Разсказъ Смоленскаго дьякона о 1812 годѣ.—Ново-найденныя бумаги **графа Ѳ. В. Ростопчина:** Письма его къ Государю, А. Д. Балашеву и С. К. Вязмитинову. Письма къ нему **Н. О. Котлубицкаго** и **И. Наумова.** 1812 и 1813 годовъ.—Кому нужна и кому страшна конституція?—Разсказы о декабристѣ Г. С. Батенковѣ.—Письмо **М. П. Погодина** къ П. П. Семенову о статистикѣ.— „Колокола“, стихотвореніе по поводу рѣчи Ригера на Славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1867 года. **Х.**—Не очень давняя старина.— Какъ слѣдуетъ издать Пушкина. **Х.**—Докладъ **В. А. Жуковскаго** Государю Николаю Павловичу объ изданіи сочиненій Пушкина.— Новыя выдержки изъ рукописей **А. С. Пушкина** (Начало повѣсти; пропущенныя мѣста изъ „Арапа Петра Великаго“, изъ „Родословной Моего Героя“, изъ „Станціоннаго Смотрителя“ и пр. Новыя стихотворенія).—Графъ Б. А. Перовскій. Некрологъ.

Годовыя изданія РУССКАГО АРХИВА 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 годовъ со всѣми приложеніями получать можно по **6** рублей съ пересылкою. 1881 годъ, съ большимъ портретомъ Екатерины Великой и двумя книгами „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, продается по **8** рублей. Русскій Архивъ 1884 года по **9** рублей. Остальные года разошлись всѣ.

Книги изданныя при Русскомъ Архивѣ:

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. Полное изданіе безъ пропусковъ. М. 1867. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ **каждая.**

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1885 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять рублей.**

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1885

12.

Приложена книжка избранныхъ стихотвореній В. А. Жуковскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ СОЧИНЕНІЙ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Вышелъ изъ печати **пятый и послѣдній томъ словъ и рѣчей**

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА.

Цѣна V тома (*съ факсимиле автора*), какъ и IV, по 2 руб., вѣсов. за 3 ф. за каждый. I (*съ портретомъ автора*), II и III томы по 1 руб. 50 к., вѣсов. за 2 ф. за каждый томъ. Продаются *въ Москвѣ*—въ синодальной лавкѣ, въ складѣ Общ. Любителей Дух. Просвѣщ., на Петровкѣ, у Ѳерапонтова и др. книгопродавцевъ, также у издателей Адріановской ц. протоіерея П. Казанскаго и Успенской, въ Печатникахъ ц., священника К. Богоявленскаго.

За всѣ пять томовъ вмѣстѣ ЦѢНА 8 РУБ. съ обычною уступкой книгопродавцамъ. Выписывающіе прямо отъ издателей платятъ 7 руб., вѣсов. за 7 ф.; выписывающіе же *пять и болѣе экземпляровъ* изданія за пересылку не прилагаютъ.

Въ изданіе вошло много словъ и рѣчей, не помѣщенныхъ ни въ одномъ изъ прежде бывшихъ собраній. Большая часть словъ и рѣчей провѣрены по подлиннымъ рукописямъ автора.

У издателей, равно и во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, продаются также: *Письма митрополита Моск. Филарета къ роднымъ*—ц. 1 руб. 50 к., вѣсов. за 2 ф. и фотолитографическій его портретъ—ц. 30 к.

ВЪ 1886 ГОДУ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, СРЕДАМЪ И ПЯТНИЦАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки.			Съ доставкою и пересылкою.		
На годъ	7 р.	— к.	На годъ	8 р.	— к.
— полгода	4 „	— „	— полгода	5 „	— „
— 3 мѣсяца	2 „	— „	— 3 мѣсяца	2 „	50 „
— 1 мѣсяцъ	„	70 „	— 1 мѣсяцъ	1 „	— „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, при типографіи «Кронштадтскаго Вѣстника», на Соборной площади, въ домѣ Никитиныхъ.
Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К° и Н. Мартынова.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Со времени втораго выѣзда моего изъ Петербурга въ армію 1813 года до конца перемирія въ Шлезіи и до выступленія въ походъ въ Богемію того же года.

ВТОРАЯ КАМПАНІЯ.

Помнится мнѣ, что я выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ Марта мѣсяца. Погода была прекрасная, весна показывалась во всей красотѣ своей; но я удалялся отъ родныхъ, не видавъ отца и меньшаго брата, потому скучалъ.

Хотя у меня имѣлось нѣсколько денегъ, но я былъ бережливъ; ибо опытомъ дознал, что достатокъ немало способствуетъ къ достиженію успѣховъ по службѣ: обширнѣе связи и кругъ знакомства, лучше и теплѣе одѣтъ, отчего удобнѣе переносишь труды; наконецъ, верховыя лошади исправнѣе и въ большемъ количествѣ, слѣдственно болѣе средствъ дѣятельно исполнять свои обязанности. Начальство охотнѣе пользуется сими преимуществами офицера и при возложеніи на него порученія не входитъ въ разсмотрѣніе средствъ на то имѣющихся, отъ чего часто случается, что лучшими офицерами считаютъ тѣхъ, которые исправнѣе движутся. Скажу, что, съ сей точки зрѣнія, служба офицера квартирмейстерской части въ военное время становится одною изъ труднѣйшихъ, а часто и неблагодарною.

Во вновь предстоявшихъ трудахъ мнѣ слѣдовало заботиться о вознагражденіи потеряннаго по службѣ. Я сохранилъ тѣже чувства гордости и честолюбія, какъ при началѣ 1812 года, но опытомъ былъ наученъ, что рыцарскихъ добродѣтелей недостаточно тамъ, гдѣ нѣтъ рыцарей.

---

*) Первыя двѣ части см. въ 9—11 выпускахъ Р. Архива сего года. П. Б.

Около Дерпта встрѣчались мнѣ на дорогѣ волки. Первый, котораго я увидѣлъ, покойно сидѣлъ на большой дорогѣ впереди насъ. Остановивъ повозку, я пошелъ къ нему съ обнаженной саблей; онъ подпустилъ меня довольно близко, потомъ не торопясь всталъ и сѣлъ у опушки лѣса, скаля зубами на меня. Я осторожно подходилъ съ поднятою саблей къ волку, который не двигался; но когда я съ крикомъ бросился на него, то онъ убѣжалъ въ лѣсъ и черезъ нѣсколько секундъ очутился за повозкой. Я опять пошелъ за нимъ, но онъ медленно отступалъ и, какъ видно было, не боялся меня; когда же я замѣтилъ, что волкъ слишкомъ далеко заманилъ меня отъ повозки, то воротился и продолжалъ путь.

На другой станціи, огромнѣйшій волкъ, перебѣжавъ черезъ дорогу, спрятался въ кустахъ. Я опять остановилъ повозку и, вооружась саблей, пошелъ за нимъ въ лѣсъ, раздвигая густые орѣховые кусты, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собой волка не болѣе какъ въ трехъ шагахъ; голова его была огромная, и онъ, вытянувъ шею, показывалъ мнѣ зубы, какъ будто хотѣлъ броситься на меня. Я былъ одинъ, посмотрѣлъ на него, подумалъ и отступилъ, не оборачиваясь къ нему задомъ. Лишь только я въ повозку сѣлъ, какъ другой волкъ перебѣжалъ опять черезъ дорогу, но я оставилъ его въ покоѣ. Явно было, что хитрый звѣрь сей дѣлалъ засады для одинокихъ людей или неосторожныхъ прохожихъ.

Отъ Риги до Ковны замѣтны были слѣды непріятеля, но гораздо менѣе, чѣмъ тѣ, которые видѣлъ я по дорогѣ отъ Москвы до Вильны. Въ иныхъ мѣстахъ оставались еще видны ретраншаменты, построенные Пруссаками.

Изъ Ковны избралъ я себѣ путь черезъ Кенигсбергъ, чему причиною было желаніе мое скорѣе увидѣть Нѣмецкую землю, минуя разоренныя мѣста Варшавскаго герцогства, которое было немного чѣмъ въ лучшемъ положеніи Литвы, особливо на нашихъ границахъ. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось видѣться съ двоюроднымъ моимъ братомъ Александромъ Мордвиновымъ, который служилъ въ 5-й дружинѣ Петербургскаго ополченія, направившейся къ осадѣ кр. Данцига черезъ Кенигсбергъ. Наконецъ, меня всего болѣе побуждало къ избранію этого пути желаніе видѣть служившаго въ томъ же ополченіи С. Н. Корсакова и что-либо узнать отъ него о двоюродной сестрѣ его, меньшой дочери адмирала Мордвинова; но Корсакова видѣть мнѣ не удалось, а по пріѣздѣ въ армію получилъ я замѣчаніе отъ князя Волконскаго за то, что долго въ дорогѣ пробылъ.

Первый встрѣтившійся мнѣ на пути Прусскій городъ былъ Гумбиненъ. Поразили меня тщательно обработанныя земли, хорошій и чи-

стый городокъ. Дороги были обсажены деревьями, вездѣ замѣтны порядокъ, промышленность и благоустройство; обыватели образованные и гостепріимные, особливо къ Русскимъ, въ которыхъ признавали спасителей ихъ отечества. Съ уваженіемъ приняли меня въ ратушѣ, гдѣ бургмейстеръ тотчасъ подвинулъ для меня стулъ, набилъ мнѣ трубку, подалъ огромный стаканъ пива и началъ разсказывать прежніе свои подвиги, ссылаясь на стараго толстаго ландрата, коего плѣшь на головѣ сіяла какъ свѣтило и который подтверждалъ слова его протяжнымъ «Ja, Ja». Добрымъ Нѣмцамъ дай только случай потолковать: они все забудутъ и полюбятъ внимательнаго слушателя, особливо, если онъ хорошо знаетъ Нѣмецкій языкъ. По окончаніи разсказа о своихъ подвигахъ, бургмейстеръ началъ читать мнѣ стихи, сочиненные городовымъ учителемъ школы. Стихи сіи заключали жалобу Прусскихъ воловъ на Французовъ, которые ихъ крѣпко истребляли. Сочиненіе было довольно глупое, но вся ратуша хохотала отъ чистаго сердца, и я, глядя на карикатуры предо мной сидѣвшія, не могъ удержаться отъ смѣха. По прочтеніи стиховъ и по возстановленіи тишины, бургмейстеръ излилъ свой гнѣвъ на Французовъ, которые Пруссію порядочно ограбили.

Въ самое это время вошелъ въ горницу Французскій полковникъ, котораго вели въ плѣнъ. Онъ жаловался, что ему не даютъ мясной порціи, на что въ отвѣтъ бургмейстеръ началъ читать ему жалобу воловъ въ стихахъ. Французъ ничего не понималъ и только повторялъ: «Que, sacré Dieu, viennent-ils me lire, quand j'ai besoin de manger». Я служилъ имъ переводчикомъ; наконецъ, Француза отправили, сказавъ ему, что Наполеонова армія всѣхъ воловъ въ Гумбиненѣ поѣла, чѣмъ онъ остался весьма недоволенъ.

Бургмейстеръ меня такъ полюбилъ, что не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ отпустить и упрашивалъ, чтобы я ночевалъ въ городѣ. Ich werde Ihnen ein Quartier verschaffen mit bester Verpflegung», говорилъ онъ; но я не согласился, и мнѣ подвезли vierspännige Vorspann's-Fuhr, большую фуру, въ которую можно бы 15 человѣкъ помѣстить. Ее навалили полную сѣномъ, на которомъ я разлегся со своими людьми. Фура тронулась шагомъ и такъ медленно подвигалась, что, отъѣхавъ 1½ мили, я долженъ былъ остановиться на ночлегъ въ деревнѣ, гдѣ нашелъ тотъ же порядокъ, какъ и въ городѣ: таже ратуша, въ коей засѣдалъ шульцъ. Мнѣ отвели квартиру, и на другой день также снабдили фурой для дальнѣйшаго слѣдованія. Такими удобствами для проѣзжающихъ военныхъ обязаны мы были Французамъ, которые, при долговременномъ своемъ пребываніи въ Нѣмецкой землѣ, безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлали непомѣрныя требованія и обижали жи-

телей, если прихоти ихъ не въ точности выполнялись. Французскіе солдаты, стоя на квартирѣ у порядочныхъ людей, дѣлали тоже самое, и добрые Нѣмцы, наконецъ, увѣрились, что такъ должно быть; они были счастливы, когда видѣли со стороны нашихъ офицеровъ вѣжливость и благодарность.

Я пріѣхалъ въ Инстербургъ, гдѣ взялъ квартиру для ночлега и написалъ оттуда письма въ Россію. Въ городѣ собралось много фрейвиллиговъ или вольноопредѣляющихся, все конные. Въ числѣ ихъ находились и молодые люди высшихъ сословій, которые опредѣлялись рядовыми; они вооружались и одѣвались на свой собственный счетъ и составили въ арміи особый корпусъ подъ названіемъ das freiwillige Corps. Во всей Пруссіи вооружались, и отряды вольнослужащихъ были довольно многочисленны. Ратники сіи дрались храбро; но многіе изъ нихъ случайно попались къ Французамъ въ плѣнъ, въ началѣ послѣдовавшаго перемирія, когда не успѣли еще всѣмъ войскамъ разослать повелѣнія о временномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Было также много пѣшихъ вольнослужащихъ, и въ числѣ сихъ находились мальчишки 14 и 15 лѣтніе. Они вооружались короткими штуцерами, которые далеко били; самые же егеря стрѣляли весьма мѣтко и рѣдко выпускали напрасный выстрѣлъ. Ихъ сформировали въ баталіоны, и стрѣлки сіи замѣняли старыхъ солдатъ съ большимъ преимуществомъ. Тѣ конные вольнослужащіе, которыхъ я въ Инстербургѣ видѣлъ, были плохіе кавалеристы, хотя и одѣвались въ длинныя гусарскія венгерки. Ими командовалъ отставной старый гусарскій поручикъ, который нѣкогда служилъ въ отрядѣ славнаго маіора Шиля, въ 1808 или 1809 году. Онъ выводилъ своихъ охотниковъ въ поле и училъ ихъ по одиночкѣ наѣздничать, что̀ они довольно неловко дѣлали, но показывали большое уваженіе къ своему старому поручику, горѣли любовью къ отечеству и питали непримиримую вражду къ Французамъ. Всѣ они съ нетерпѣніемъ ожидали выступленія въ походъ, чтобы сразиться съ бывшими ихъ угнетателями.

Изъ Инстербурга ѣхалъ я чрезъ Тапіау, любуясь обработанностію мѣстности, и прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ находился въ должности военнаго губернатора съ нашей стороны бывшій шефъ Новороссійскаго драгунскаго полка г.-м. Сиверсъ. Этотъ Сиверсъ былъ большой хлопотунъ, но человѣкъ безтолковый, грубый и, говорили даже, пьяный. Въ спорныхъ случаяхъ съ обывателями онъ, въ угодность Прусакамъ, притѣснялъ Русскихъ; но ему, кажется, не удалось это: ибо слышно было, что, по выѣздѣ его въ Россію, отъ Прусскаго двора представленъ былъ Государю начетъ, сдѣланный на Си-

верса за время бытности его въ Кенигсбергѣ комендантомъ. Не знаю, чѣмъ это дѣло кончилось.

Пріѣхавъ въ Кенигсбергъ, я пошелъ въ канцелярію Сиверса, чтобы получить квартиру и позволеніе провести нѣсколько дней въ городѣ, всѣхъ между тѣмъ спрашивая о двоюродномъ братѣ моемъ Александрѣ Мордвиновѣ, какъ онъ неожиданно со мною встрѣтился, чему я очень обрадовался. Онъ по знакомству своему тотчасъ доставилъ мнѣ квартиру на большой улицѣ, недалеко отъ Armen-Brüder, у madame Collevino, доброй и толстой Нѣмки. Мужъ ея былъ тоже добрый Нѣмецъ, чѣмъ-то торговалъ, ходилъ напудренный, съ косой, и по утрамъ прибѣгалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о новомъ пораженіи Французской арміи, показывая письма, полученныя имъ изъ разныхъ мѣстъ «Noch eine Pataille!» были всегда его первыя слова. Вѣсти сіи завлекали его въ политическія сужденія, причемъ онъ не щадилъ всей Германіи *) въ пользу Пруссіи, дѣлилъ царства, и ничего болѣе въ отвѣтъ отъ меня не требовалъ какъ «Ja!» У него были двѣ хорошенькія взрослыя дочери и одинъ сынъ, недавно опредѣлившійся въ вольнослужащіе егеря.

С. Н. Корсаковъ находился съ Петербургскимъ ополченіемъ при осадѣ Данцига, почему я не надѣялся его увидѣть; самъ же Мордвиновъ былъ отпущенъ на короткое время въ Кенигсбергъ. Я съ нимъ однажды обѣдалъ у брата коменданта, піонернаго генерала Сиверса 2-го, съ которымъ былъ еще въ Петербургѣ знакомъ въ 1811-мъ году. Въ тотъ же вечеръ пошли мы въ театръ, гдѣ играли Сандрильону, Die Aschen-Brödel. Въ Кенигсбергѣ состоялъ въ то время одинъ жандармскій офицеръ Прусакъ, по имени Танкредъ von чего-то, который былъ знакомъ съ моей хозяйкой. Однажды, зазвавъ его къ себѣ, я просилъ его пригласить его товарищей и употчивалъ ихъ до такой степени, что они безъ проводниковъ не могли домой идти. Странно покажется, что я послалъ за незнакомыми офицерами, чтобы вмѣстѣ вечеръ провести, но такое обращеніе водилось между Прусаками и Русскими офицерами: встрѣчаясь съ незнакомымъ на улицѣ, Прусакъ жалъ Русскому руку и называлъ его mein bester Camrad, или Herr Camrad. Наши солдаты также дружно жили съ Прусскими. Наша гвардія во всю кампанію стояла поперемѣнно въ караулѣ у Государя съ королевской гвардіей и, по смѣнѣ, солдаты обѣихъ націй пожимали другъ другу руки. Прусскіе солдаты имѣли болѣе де-

---

*) Видно, что тогда уже вертѣлась въ головахъ Прусскаго народа мысль о совершающемся нынѣ объединеніи всей Германіи подъ державою ихъ короля. 1866.

негъ, чѣмъ наши и, называя нашихъ своими избавителями, водили ихъ въ трактиры и потчивали. Они дивились, какъ наши выпивали водку стаканами, и слушали со вниманіемъ разсказы нашихъ, хотя и не понимали ихъ. Пока напитокъ еще не начиналъ дѣйствовать, все происходило дружно и миролюбиво; когда же наши, употребляя безъ мѣры даровую водку, напивались до пьяна, то заводили ссору съ Пруссаками, драку и выгоняли ихъ съ побоями изъ трактира. Нѣмки вообще оказывали много склонности къ Русскимъ и часто поддавались соблазну. Женщины хороши собою въ Германіи, а особливо въ Саксоніи. Къ слабости присоединяютъ онѣ любезность, ловкость и, что̀ удивительно, хорошія правила, такъ что ихъ нельзя называть развратными, и онѣ не вызываютъ къ себѣ презрѣнія, а скорѣе внушаютъ участіе.

Въ Кенигсбергѣ я нашелъ нашего поручика Окунева, квартирмейстерской части, который былъ захваченъ въ плѣнъ Французами въ Бородинскомъ сраженіи и лежалъ больнымъ въ Кенигсбергскомъ госпиталѣ, когда казаки выгнали непріятеля изъ города. Комендантъ Сиверсъ прикомандировалъ къ себѣ Окунева и давалъ ему писать маршруты для проходящихъ командъ.

Послѣ пятидневнаго пребыванія въ Кенигсбергѣ я отправился далѣе къ Эльбингу, черезъ города Гейлигенбейль, Брандебергъ и Фрауенсбургъ. Я ночевалъ въ селеніи на берегу Фришгафа. Вечеръ былъ прекрасный. Я пошелъ на берегъ моря; садящееся солнце позлащало воды въ пространномъ заливѣ; все было тихо, слышенъ только былъ крикъ лебедей на морѣ; все клонило къ задумчивости, и я провелъ такимъ образомъ часа два въ созерцаніи, давая полную свободу воображенію. Ночь уже наступила, когда я возвратился на квартиру.

Переночевавъ въ Эльбингѣ, я поѣхалъ далѣе вверхъ по правому берегу Вислы, черезъ городъ Маріенвердеръ подлѣ плотины, построенной съ давнихъ временъ для удержанія разлитія рѣки. Я переправился черезъ Вислу на паромѣ на веслахъ противъ Нейбурга и пріѣхалъ вверхъ по лѣвому берегу рѣки въ городокъ, лежащій противъ Кульма или Хельмна, который былъ на другомъ берегу рѣки въ герцогствѣ Варшавскомъ. Слухъ носился, что главная квартира уже выступила изъ Калиша и подвигалась къ Дрездену. Я давно уже былъ въ дорогѣ, мнѣ надобно было торопиться; но между тѣмъ и лошадей купить, чтобы, по прибытіи въ армію, немедленно начать службу.

Мнѣ сказали, что въ Кульмѣ найду хорошихъ лошадей, и потому, переправившись черезъ Вислу, я купилъ у одного Поляка двухъ кобылъ, заплативъ за каждую изъ нихъ по 25 червонцевъ и затѣмъ переправился обратно черезъ рѣку съ лошадьми на паромѣ, въ силь-

ную бурю. Одну изъ кобылъ я избралъ себѣ подъ сѣдло и назвалъ ее *Сестрицей*, другую же назначилъ для вьюка, назвавъ ее *Агаѳьей Петровной*. Лошади эти были украинскія и весьма добрыя, но не привыкшія ни къ сѣдлу, ни къ повозкѣ, такъ что ихъ должно было дорогой объѣзжать. Я нашелъ Русскую телѣгу у маркитанта, наложилъ въ нее сѣна и овса и поѣхалъ такимъ образомъ далѣе, но все еще бралъ форшпаны. Послѣ этихъ покупокъ карманъ мой совсѣмъ почти опустѣлъ, и я опять затруднялся, какъ въ армію прибыть безъ денегъ. Всего болѣе опасался я пропустить военныя дѣйствія, о которыхъ слухъ носился, что они уже начались.

Слѣдуя далѣе, я пріѣхалъ изъ герцогства Варшавскаго въ г. Бромбергъ, гдѣ находился штабъ Барклая-де-Толли, который командовалъ тогда осаднымъ корпусомъ передъ кр. Торнъ (Торунь). Переночевавъ въ Бромбергѣ, я поѣхалъ далѣе черезъ мѣстечки Пиздры и Кобылино до города Милича, лежащаго на границѣ герцогства Варшавскаго и Прусской Шлезіи. Мѣста, черезъ которыя я проѣзжалъ, нельзя было сравнить съ тѣми, которыя я въ Пруссіи видѣлъ. Повсюду являлась бѣдность и разореніе, хотя край сей и былъ союзный Французамъ, и Наполеонъ его болѣе другихъ щадилъ. Причиной тому лѣность Поляковъ и помѣщики, которые сильно угнетаютъ крестьянъ. Я не нашелъ между Поляками того гостепріимства, которое видѣлъ въ Пруссіи. Жители въ Польшѣ терпѣть насъ не могли. Однажды только былъ я привѣтствованъ, не помню въ какомъ мѣстечкѣ, бургмейстеромъ, который былъ старый Французскій роялистъ; имя его было *De la Garde*; старикъ позвалъ меня къ себѣ на вечеръ, и я у него провелъ часа два весьма пріятнымъ образомъ.

Саксонія меня восхищала: къ красивому мѣстоположенію надобно присоединить жителей замѣчательной честности и гостепріимныхъ. Но король ихъ былъ приверженъ къ Наполеону, который много благоволилъ къ нему, но угнеталъ народъ. Народъ терпѣлъ и отъ нашихъ солдатъ, которые ради были случаю назвать Саксонію непріятельскимъ краемъ и, не взирая на ласки и гостепріимство жителей, часто обижали ихъ. Французы, зная расположеніе жителей къ намъ, съ своей стороны также грабили ихъ, называя ихъ измѣнниками и невѣрными подданными; но таково богатство сего края, что черезъ двѣ недѣли разоренное селеніе принимало опять прежній видъ свой; разбѣжавшіеся жители опять собирались и жили прежнимъ порядкомъ; ихъ снова обирали, но въ короткое время они опять поправлялись своимъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Но такое положеніе жителей можно преимущественно отнести ко времени нашего отступленія или къ третьей кампаніи, послѣ перемирія.

По пріѣздѣ въ Юнгъ-Бунцлау, я зашелъ въ ратушу для полученія квартиры и былъ свидѣтелемъ забавнаго приключенія. Бургмейстеръ ходилъ около стола задомъ, со шляпой на головѣ, защищаясь отъ Русскаго офицера, который его преслѣдовалъ и старался съ него шляпу сбить. Всѣ Нѣмцы тутъ же стояли и ужасно кричали, но не смѣли предпринять другаго дѣйствія, какъ отгораживать воюющихъ стульями, которые вслѣдъ же за симъ по горницѣ разлетались. Бургмейстеръ кричалъ: Herr Officier, sie werden dafür verantworten, а Русскій: «Какъ ты, с. с. Нѣмецъ, смѣешь меня Сибирью стращать, когда меня Александръ Павловичъ въ службѣ держитъ? Сними шляпу, а не то я тебя доѣду!» Маневры остановились, когда я вошелъ, и обѣ стороны выбрали меня судьей. Бургмейстеръ жаловался, что офицеръ безъ всякой причины на него напалъ, а офицеръ, что бургмейстеръ его Сибирью стращалъ. Мнѣ сіе странно показалось, ибо они другъ друга не могли понимать. «Слышите ли, онъ меня Сибирью и въ вашихъ глазахъ стращаетъ. Я тебя Нѣмца подъ караулъ возьму, какъ ты смѣешь?» кричалъ Русскій. Я понялъ дѣло и растолковалъ офицеру, что бургмейстеръ не думалъ его Сибирью стращать, а что онъ ему квартиру обѣщалъ, что *sie werden* понѣмецки не значитъ Сибирь, а значитъ *вы будете*. И такъ я примирилъ ихъ и получилъ за то въ благодарность отъ всей ратуши стаканъ пива, трубку табаку, славную квартиру и на другой день форшпанъ такой величины, что можно было въ немъ по крайней мѣрѣ тремъ семействамъ размѣститься.

Въ одно время со мною находился въ Юнгъ-Бунцлавѣ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, который оставался тамъ за болѣзнью. При немъ находился между прочими квартирмейстерской части капитанъ Брозинъ 1-й, къ которому я пошелъ. Брозинъ объявилъ мнѣ, что свѣтлѣйшаго здоровье весьма плохое, и что докторъ Вилье, который его лѣчитъ, не подавалъ никакой надежды къ его выздоровленію. И въ самомъ дѣлѣ, часа три послѣ сего, когда я уже былъ на квартирѣ, хозяйка моя прибѣжала въ слезахъ и объявила мнѣ о смерти князя. Всѣ жители были въ отчаяніи: такъ на него надѣялись и иноземцы.

Главная квартира и Государь уже были въ Дрезденѣ. На другой день меня обогналъ на дорогѣ Брозинъ, который везъ извѣстіе Государю о кончинѣ свѣтлѣйшаго. Говорили, что намѣреніе Кутузова было остановиться на Эльбѣ и не идти далѣе впередъ, но Государь былъ инаго мнѣнія и настоялъ на своемъ. Впрочемъ Кутузовъ вò-время умеръ, спасши отечество свое и получивши всевозможныя почести. Счастіе, часто содѣйствующее успѣхамъ на войнѣ, могло оставить его и помрачить пріобрѣтенную имъ славу.

Бишофсвердъ была последняя станція до Дрездена. Я радовался, что въ тотъ же день настигну мѣсто своего назначенія; мнѣ оставалось 6 Нѣмецкихъ миль, но какъ лошади въ моемъ форшпанѣ были плохія, то я большею частью шелъ пѣшкомъ.

Около полдня прибылъ я въ Дрезденъ, гдѣ надѣялся отдохнуть; но прежде всего мнѣ должно было явиться съ князю Волконскому. Я отпустилъ форшпанъ и, остановивъ повозку свою на лѣвомъ берегу Эльбы, у самаго моста, тутъ же одѣлся и пошелъ отыскивать князя. Перваго встрѣтилъ же на улицѣ Брозина, который въ торопяхъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ получено повелѣніе отъ Государя немедленно выступать впередъ; что непріятель, собравъ большія силы, идетъ къ Дрездену и что вскорѣ будетъ генеральное сраженіе. Извѣстіе это было не кстати, потому что мнѣ нужно было провести дни два въ Дрезденѣ, дабы приготовиться къ походу; но дѣлать было нечего. Я сыскалъ квартиру князя. Состоявшій при немъ Перовскій старшій былъ въ тотъ день дежурнымъ и сказалъ мнѣ, что князь недоволенъ на меня за то, что я такъ долго пробылъ въ дорогѣ. Князю доложили обо мнѣ; онъ вышелъ и строго замѣтилъ мнѣ, *что я такъ долго въ дорогѣ былъ*. Я не успѣлъ оправдаться, какъ онъ скрылся; но я дождался, какъ онъ опять вышелъ и спросилъ его, гдѣ мнѣ находиться прикажетъ. «Находись пока при мнѣ», отвѣчалъ онъ, «*войска въ походъ выступаютъ, и ты слѣдуй съ главною квартирою*». Въ этотъ день переходъ назначенъ былъ въ 7 миль, что̀ невозможно было совершить, и потому войска тянулись сіи 49 верстъ почти безъ остановки, день и ночь.

Главная квартира стала выбираться изъ Дрездена, и я возвратился къ своей повозкѣ, переодѣлся, пошелъ покупать конскую верховую сбрую и издержалъ послѣднія деньги свои: оставался у меня одинъ червонецъ. Затѣмъ пошелъ я въ ратушу для полученія форшпана. Комендантомъ въ Дрезденѣ съ Русской стороны былъ л.-гв. Измайловскаго полка полковникъ, кажется мнѣ, Гейдеке, который мнѣ объявилъ, что не получу форшпана безъ вида отъ князя Волконскаго; князя же въ городѣ уже не было. Троюродный братъ мой Муромцовъ, служившій адъютантомъ при Ермоловѣ, на счастье мое тутъ случился и упросилъ полковника, который обѣщался мнѣ дать форшпанъ, но не прежде какъ черезъ два часа. Мнѣ нельзя было такъ долго ждать, и я рѣшился отправиться пѣшкомъ, сложивъ всѣ вещи въ свою повозку.

Я отправилъ повозку впередъ въ городъ Вильсдруфъ, отстоящій отъ Дрездена въ 2-хъ миляхъ по дорогѣ къ Лейпцигу. Спустя съ полчаса, я пошелъ вслѣдъ за нею пѣшкомъ. День былъ весьма жаркій,

я шелъ скоро и, достигнувъ Вильсдруфа, былъ уже совсѣмъ утомленъ, ибо по утру еще много прошелъ пѣшкомъ до Дрездена. Въ Вильсдруфѣ я отдохнулъ съ часъ, пообѣдалъ и отправился передъ сумерками далѣе. Ночь меня застала на дорогѣ. Пошелъ проливной дождь, темнота была страшная, и я не видѣлъ самъ, куда я иду. Лошади едва везли въ нескончаемую гору; наконецъ, мы пріѣхали послѣ полуночи къ какой-то корчмѣ, гдѣ я совсѣмъ измученный уснулъ на соломѣ. На другой день до свѣта я отправился далѣе пѣшкомъ же; дождь не переставалъ лить. Мнѣ хотѣлось выкурить трубку, но по несчастью я потерялъ огниво. Ничтожное обстоятельство сіе было очень непріятно и напомнило мнѣ положеніе мое въ 1812-мъ году; я тащился пѣшкомъ по грязи, помышляя о томъ, что̀ со мною могло случиться. Начальникъ дурно принялъ, я безъ денегъ, могу пропустить предстоящее сраженіе; но я не унывалъ и вызывалъ силы свои и терпѣніе для достиженія цѣли. Я прибавилъ шагу и вдругъ увидѣлъ передъ собою что-то въ грязи и поднялъ прекрасное огниво со всѣмъ припасомъ, обрадовался и закурилъ трубку. Съ искрой, выбитой изъ кремня, прояснились мысли и надежда въ моемъ сердцѣ: я повеселѣлъ; мнѣ казалось, нечаянная находка огнива указывала какъ бы начало перевѣса обстоятельствъ въ мою пользу.

Я въѣхалъ въ какое-то большое селеніе, въ которомъ стоялъ великій князь Константинъ Павловичъ съ конной гвардіей, и пошелъ въ штабъ, чтобы найти кого-нибудь изъ знакомыхъ, но провелъ тамъ не болѣе четверти часа и видѣлъ только подпоручика Глазова, который занимался составленіемъ дислокацій для войскъ; но я встрѣтилъ новое лицо, именно квартирмейстерскаго полковника Кроссара, необыкновеннаго чудака, котораго прозвали царемъ-Фараономъ. Между тѣмъ я послалъ своего Николая отыскать князя Андрея Голицына, у котораго при выѣздѣ изъ Вильны въ Петербургъ я оставилъ свою верховую лошадь, купленную въ Борисовѣ и прозванную Французомъ. Николай нашелъ ее, но какъ Голицына не было дома, то ему велѣли въ другое время за ней придти.

Я продолжалъ далѣе свой путь пѣшкомъ и прибылъ въ небольшой городокъ, гдѣ было много Прусскихъ офицеровъ. Пока лошади мои отдыхали, я зашелъ въ трактиръ и познакомился за чашкою кофе съ какимъ-то Прусскимъ лекаремъ, который, кажется, также какъ и я, путешествовалъ пѣшкомъ. Онъ надѣялся, что у меня есть форшпанъ, а я надѣялся на него; но, вышедши вмѣстѣ, мы крайне удивились, найдя другъ друга пѣшими. Форшпановъ было много заготовлено на улицѣ, и въ ратушѣ происходилъ большой шумъ. Пойдемте, любезный товарищъ, сказалъ мнѣ Прусакъ, въ ратушѣ теперь крикъ

за форшпаны, бургмейстеръ совсѣмъ потерялся, нападемте на него вмѣстѣ и станемте кричать; можетъ быть, намъ въ суматохѣ и удастся вытребовать форшпанъ. Сказали, пошли и сдѣлали. Несчастнаго бургмейстера Прусаки рвали во всѣ стороны, и онъ не зналъ, кому отвѣчать. Мы стали еще больше шумѣть и схватили какого-то Нѣмца съ трубкою, который далъ намъ форшпанъ. Мы расположились въ немъ и отправились въ путь. Какъ я былъ въ эту минуту доволенъ! Сидя на сѣнѣ, я съ участіемъ смотрѣлъ на бѣдныхъ пѣшеходовъ, которые тащились по большой дорогѣ. Ноги мои, которыя начинали уже отказываться, отдыхали, и я болѣе не требовалъ отъ проводника, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ.

Передъ въѣздомъ въ городъ Герингсвальдау стояли драгуны Ингерманландскаго полка, которые останавливали всѣ собственныя повозки офицеровъ для составленія вагенбурга, потому что ожидали сраженія. У нихъ было только телѣгъ съ десять собрано, и моя 11-я. Мнѣ не позволили везти ее черезъ городъ, хотя я и говорилъ, что везу казенныя вещи. И такъ я принужденъ былъ бросить свою повозку съ сѣномъ, переложа изъ нея вещи въ форшпанъ, котораго еслибъ у меня не было, то я нашелся бы принужденнымъ остаться въ вагенбургѣ, ибо вьюки у меня еще не были устроены.

Продолжая путь, я пріѣхалъ на ночлегъ въ городъ Рохлицъ, гдѣ было заготовлено множество форшпановъ для вывоза раненыхъ, которыхъ ожидали послѣ предполагаемаго сраженія. Комендантомъ былъ какой-то пьяный армейскій поручикъ; въ пьяномъ восторгѣ своемъ онъ сталъ обнимать меня, увѣряя, что Нѣмцы созданы для услуженія намъ, и потому далъ мнѣ славную квартиру и обѣщался дать на другой день мнѣ такой же форшпанъ. Я переночевалъ съ Прусскимъ лекаремъ, который на другой день ушелъ, и я его нигдѣ болѣе не встрѣчалъ. Меня крайне озабочивало, какъ бы на другой день на вьюкахъ подняться, чтобы быть въ состояніи начать службу, ибо у меня денегъ не было. Для достиженія сей цѣли распродано было все, что оказалось лишнимъ въ моихъ чемоданахъ, и куплены нужныя къ тому времени вещи, такъ что, при усердіи слугъ моихъ, работавшихъ всю ночь, къ утру все было готово, и сокращенное имущество мое могло слѣдовать за мною на вьюкахъ.

Кромѣ сего оказалось у меня еще 19 талеровъ отъ продажи вещей (талеръ составляетъ 90 копѣекъ серебромъ). Люди, видя нужду мою въ деньгахъ, предложили мнѣ свои собственныя, такъ что у меня собралось до 30 рублей серебромъ. Форшпанъ достали, и я отправился далѣе. Въ тотъ же день нагналъ я главную квартиру на походѣ и прибылъ ночевать съ нею въ городъ Борну, гдѣ я опять явился

къ князю Волконскому, который меня принялъ ласковѣе прежняго. Я сдалъ ящикъ съ инструментами, и онъ мнѣ повторилъ приказаніе при немъ находиться. Я остановился на квартирѣ у Щербинина старшаго и послалъ въ конную гвардію за лошадью, которую мнѣ привели, такъ что я находился въ совершенной готовности начать службу.

Ввечеру проходила черезъ городъ Прусская армія, которую я тогда въ первый разъ видѣлъ. Офицеры и солдаты горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ. Прусская пѣхота вообще была хороша; не такъ конница, потому что лошади были плохія, да и сами всадники не умѣли обходиться съ ними.

Наша союзная армія была не такъ сильна, какъ предполагали; число полковъ Русскихъ было велико, но полки были слабы, такъ что едва ли армія наша составляла всего 50 т.; Прусаки не успѣли собрать болѣе 20 т. или 30 т. Наполеонъ былъ сильнѣе насъ. Онъ успѣлъ собрать болѣе 80 пѣхоты; но конницы у него почти вовсе не было, что̀ давало намъ большое преимущество надъ нимъ, ибо конницы у насъ было много и весьма хорошей. Люценское сраженіе происходило въ концѣ Апрѣля на равнинахъ, удобныхъ для дѣйствія конницею, но мы не умѣли этимъ воспользоваться. Витгенштейнъ несъ званіе главнокомандующаго соединенныхъ силъ нашихъ съ Прусаками. Въ день сраженія войска наши выступили до разсвѣта изъ Борны и двинулись впередъ черезъ городъ Пегау, прошли оный и стали выстраиваться на равнинахъ. Движенія сіи производились очень отчетливо и уподоблялись ученію: головы колоннъ равнялись, потомъ дѣлалась правильная деплояда, и вскорѣ пространное и ровное поле покрылось длинными линіями пѣхоты. Зрѣлище было великолѣпное. Прусаки занимали правый флангъ, конница оставалась сзади въ колоннахъ и держалась болѣе къ лѣвому флангу; гвардія стояла въ резервѣ, подкрѣпляя правый флангъ. Позади линій нашихъ возвышался бугоръ, на которомъ остановилась главная квартира и Государь. Корпусъ Милорадовича стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего лѣваго фланга и не участвовалъ въ сраженіи. Жители такъ мало ожидали тутъ сраженія, что передъ нашими линіями паслись стада, которыя разогнали пушечными выстрѣлами съ обѣихъ сторонъ.

Прежде нежели придти на мѣсто сраженія, мы проходили еще чрезъ мѣстечко Грегъ, гдѣ я взялъ осторожность купить овса, которымъ наполнилъ саквы, висѣвшія при сѣдлѣ. Во время выстраиванія войскъ, князь Волконскій, при коемъ я состоялъ, посылалъ меня, какъ адъютанта, съ приказаніями къ подвигавшимся колоннамъ. Онъ тогда былъ начальникомъ главнаго штаба у Государя.

Толь, бывшій генералъ-квартирмейстеромъ, поѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ открывать непріятеля; онъ подвинулся довольно далеко впередъ и былъ принятъ выстрѣлами нѣсколькихъ непріятельскихъ фланкёровъ, противъ которыхъ выслали нашихъ, и началась перестрѣлка. Непріятель сталъ показываться въ колоннахъ противъ нашего центра, но въ довольно большомъ разстояніи. Линіи наши подвинулись, чтобы атаковать его, и нѣсколько артиллерійскихъ ротъ поскакали впередъ, остановились и начали размѣниваться ядрами съ непріятелемъ, который однакоже не выставлялъ большихъ силъ. Обрадованный надеждами на легкую побѣду, Государь приказалъ войскамъ еще подвинуться; непріятель отступалъ, и завязался по всей линіи сильный огонь.

Между тѣмъ Дибичъ, генералъ-квартирмейстеръ Витгейштейна, послалъ меня съ 3-мя казаками на самый конецъ лѣваго фланга и велѣлъ, спустившись въ широкій оврагъ, слѣдовать онымъ по дорогѣ къ городу Вейсенфельсу, дабы узнать, занятъ ли онъ непріятелемъ. Найденные мною тамъ Прусскіе разъѣзды я присоединилъ къ себѣ и продолжалъ ѣхать рысью по оврагу. Подъѣзжая къ одному селенію, я увидѣлъ человѣкъ 15 Французовъ, которые бѣжали изъ селенія. Я поскакалъ, но уже никого не засталъ въ деревнѣ. Шульцъ, или старшина, называлъ меня избавителемъ, говоря, что Французы грабили ихъ, но, увидя насъ, бѣжали, бросивъ добычу свою.

Я поскакалъ за деревню преслѣдовать Французовъ и привезти *языкъ* къ Дибичу, но они успѣли присоединиться къ своему эскадрону, который, примѣтя насъ, выслалъ фланкёровъ. Прусаки мои бросились въ перестрѣлку съ ними. Подъ прикрытіемъ ихъ я разъѣзжалъ по полю и примѣтилъ вдали большія колонны непріятельской пѣхоты. Прусскій унтеръ-офицеръ, который храбро распоряжался своими фланкёрами, снабдилъ меня карандашемъ и бумагою, на которой я нанесъ то, чтò видно было непріятельскаго строя и позиціи. Мы не ожидали такихъ силъ противъ нашего лѣваго фланга и потому имѣли на ономъ мало войскъ. Милорадовичъ, стоявшій съ 12.000 корпусомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сего фланга, долженъ бы атаковать непріятеля, но не сдѣлалъ сего, какъ слышно было, будто по личнымъ неудовольствіямъ своимъ на Витгенштейна. Можетъ-быть, Милорадовичъ и не догадался; но онъ былъ извинителенъ тѣмъ, что не обладалъ достаточными для того способностями ума, а виноваты конечно тѣ, которые довѣрили ему начальство. Я немедленно поскакалъ къ Дибичу, чтобы донести ему о томъ чтò видѣлъ, но Дибича не нашелъ и потому донесъ о томъ князю Волконскому, который, кивнувъ головой, сказалъ «хорошо» и болѣе ничего. Волконскій, по неопытности своей

въ военномъ дѣлѣ, игралъ несчастную роль въ семъ сраженіи: онъ скакалъ далеко позади линій, суетился и ничѣмъ не распоряжался. Между тѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ завязалось сильное дѣло.

Передъ симъ флангомъ находилось нѣсколько селеній, изъ коихъ одно называлось Гросъ-Гиршау (отъ чего Люценское сраженіе получило у Прусаковъ названіе сраженія подъ Гросъ-Гиршау). Должно было занять сіи селенія,—подвигъ предстоявшій Прусакамъ. Селенія были густо наполнены Французскими стрѣлками; но Прусаки храбро ворвались въ оныя и завели ружейную перестрѣлку, какой я подъ Бородинымъ не слышалъ. Французы упорно защищались; нѣсколько разъ селенія были нами взяты и уступлены. Прусскіе вольнослужащіе егеря отличались храбростью и ловкостью. Мальчики эти слѣпо лѣзли впередъ и не выпускали выстрѣловъ даромъ; но тутъ и легло много Прусаковъ. Нашъ гренадерскій корпусъ пошелъ къ нимъ на подкрѣпленіе. Подъ вечеръ селенія остались въ нашихъ рукахъ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была весьма значительна. Храбрый генералъ нашъ Коновницынъ былъ раненъ; съ Прусской стороны былъ убитъ родственникъ короля Прусскаго принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Государь и главная квартира стояли на пригоркѣ позади линій нашихъ; все вниманіе было обращено на упорную перестрѣлку, которая почти цѣлый день продолжалась. Тянулись оттуда толпы раненыхъ, которые немедленно замѣнялись свѣжими войсками. Прусаки дрались съ такимъ остервененіемъ, что многіе раненые, перевязавшись, закуривали трубку и снова возвращались въ огонь. Солдатскія жены нѣкоторыхъ изъ нихъ, исправлявшія въ полкахъ должность маркитантовъ, ходили съ ними въ огонь и подкрѣпляли людей водкою. Жители окрестностей, выйдя въ поле съ припасами и бинтами, сами кормили и перевязывали раненыхъ. Я видѣлъ одного раненнаго Прусскаго офицера, возвращавшагося изъ Гроссъ-Гиршау. Онъ едва верхомъ держался; лошадь его вели подъ устцы, въ туловищѣ его сидѣло семь Французскихъ пуль. Разговаривая съ королемъ своимъ и товарищами окружившими его, онъ не показывалъ ни малѣйшаго упадка духа.

Въ перестрѣлкѣ сей находился тоже Тверской егерской баталіонъ великой княгини Екатерины Павловны; баталіонъ сей дрался храбро и потерялъ много людей и офицеровъ. Родственникъ мой Полторацкій, служившій въ семъ баталіонѣ, былъ прострѣленъ насквозь.

Подъ вечеръ казалось, что побѣда совершенно рѣшилась въ нашу пользу; мы подвигались, занимали новыя селенія. Радость выражалась на лицахъ Государя и Прусскаго короля. Александръ Павловичъ оставилъ бугоръ и поскакалъ на правый флангъ, гдѣ еще продолжался порядочный ружейный огонь. Я тогда въ первый разъ ви-

дѣлъ Царя нашего въ огнѣ. Какъ онъ былъ величественъ, хладнокровенъ и прекрасенъ! Пріятная улыбка на губахъ его, среди визга пуль, утѣшала всѣхъ окружавшихъ. Онъ недолго былъ въ огнѣ. Я имѣлъ случай удостовѣриться, что слава несущаяся о его храбрости не ложная *). Прусскій король также храбръ и хладнокровенъ, но, какъ говорятъ, не блеститъ дарованіями. Онъ молчаливъ, наружность имѣетъ строгаго человѣка, но въ обхожденіи привѣтливъ. Штабъ его немногочисленъ, но составленъ изъ дѣльныхъ людей. Прусскій король высокаго роста, нѣсколько худощавъ, носитъ усы, фуражку въ клеенкѣ, синій сертукъ и саблю повязанную поверхъ онаго. Онъ былъ любимъ войскомъ и подданными.

Мы торжествовали, отбили непріятеля, селенія были заняты нами, и мы подвигались; но при началѣ сумерокъ, когда огонь сталъ прерываться, вниманіе Государя было внезапно обращено къ правому флангу частыми залпами и сильною бѣглою пальбою. 25.000 свѣжаго войска пришло къ Французамъ изъ Лейпцига. Наполеонъ двинулъ новыя массы въ занятыя нами селенія. Государь приказалъ гвардіи подкрѣплять стрѣлковъ; гвардейскія колонны двинулись впередъ и остановились предъ селеніями, выславъ своихъ стрѣлковъ, но превосходство непріятеля было очевидно: густыя колонны его заняли обширное поле, открывая пушечную пальбу, и войска наши, не будучи въ состояніи удержать селеній, поспѣшно отступили изъ оныхъ и въ такомъ безпорядкѣ, что не было возможности ихъ остановить; уходили поодиночкѣ, оставляя раненыхъ въ рукахъ непріятеля, на тѣхъ мѣстахъ, которыя достались было намъ послѣ упорной битвы и гдѣ мы потеряли множество народа. Во время сего безпорядка князь Волконскій послалъ меня съ какимъ-то приказаніемъ на лѣвый флангъ, который стоялъ безъ дѣйствія.

Возвратившись по исполненіи даннаго мнѣ порученія, я не нашелъ болѣе ни князя, ни Государя: всѣ уѣхали, всѣ войска отступали, ночь настала темная, пошелъ дождь. Я ѣхалъ при стонѣ раненыхъ, среди бѣгущихъ по обширному полю сраженія. Видя, что тутъ уже никого изъ начальниковъ не осталось, я началъ искать князя назади и пріѣхалъ въ Пегау, куда съ трудомъ протѣснился, потому что улицы были биткомъ наполнены ранеными, умершими, ящиками, орудіями и пр. Я слѣзъ съ лошади у одного дома, въ которомъ было много раненыхъ офицеровъ, но никто изъ нихъ не могъ мнѣ ничего сказать о Государѣ и о князѣ Волконскомъ. Я выбрался изъ Пегау опять къ

*) Послѣ этого въ подлинной рукописи вырѣзано цѣлыхъ поллиста. П. Б.

полю сраженія и встрѣтилъ адъютанта князя, Дурново, который ѣхалъ назадъ. Онъ поворотилъ, и мы поѣхали вмѣстѣ отыскивать своего начальника; но кого можно было найти въ такой суматохѣ и въ темную ночь?

Я поѣхалъ опять назадъ въ Пегау, какъ вдругъ услышалъ ужасную пальбу на лѣвомъ нашемъ флангѣ; ружейный огонь блисталъ во мракѣ ночи, какъ безпрерывная молнія. Войска наши, разбитыя и на семъ флангѣ, принуждены были отступить, что̀ было однако сдѣлано въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ на правомъ флангѣ. Внезапное нападеніе сіе было учинено тѣми непріятельскими колоннами, которыя я еще поутру замѣтилъ, о которыхъ донесъ Волконскому и на которыя онъ тогда не обратилъ вниманія. Колонны сіи обошли нашъ флангъ по Вейсенфельской долинѣ, окружили его и атаковали. Финляндскій и егерскій гвардейскіе полки храбро защищались; но, понеся значительный уро̀нъ, они принуждены были отступить. Прусскіе гвардейскіе кирасиры атаковали непріятельскую пѣхоту, построившуюся въ кареи, врубились въ оныя, но были отчасти переколоты штыками и оставили много народа въ непріятельскихъ кареяхъ.

И такъ Французы одержали совершенную побѣду. Безпорядокъ въ нашемъ войскѣ былъ чрезвычайный; но и непріятель былъ разстроенъ. Мы имѣли еще много свѣжей конницы, а Французы ея вовсе почти не имѣли, и потому они насъ не преслѣдовали; иначе захватили бы у насъ много артилеріи. Въ сраженіи подъ Люценомъ былъ раненъ родственникъ мой Муромцовъ, который былъ адъютантомъ у А. П. Ермолова. Изъ офицеровъ квартирмейстерскихъ легко былъ раненъ князь Голицынъ старшій.

Одна изъ причинъ, по коимъ насъ подъ Люценомъ разбили, состояла въ томъ, что у насъ не было настоящаго главнокомандующаго. Государь приказывалъ; Витгенштейнъ приказывалъ, какъ нареченный главнокомандующій; князь Волконскій приказывалъ, какъ начальникъ главнаго штаба всѣхъ нашихъ армій; Дибичъ приказывалъ, какъ генералъ-квартирмейстеръ Витгенштейна; Толь приказывалъ по званію, имъ передъ тѣмъ при Кутузовѣ носимому; Прусскій король приказывалъ, какъ король; главнокомандующій его приказывалъ, какъ начальникъ надъ Прусскими войсками. Приказанія часто перечили одно другому; случалось, что и флигель-адъютанты приказывали. Видя безпорядокъ, корпусные командиры стали сами распоряжаться, такъ что всѣ приказывали, при совершенномъ отсутствіи общей диспозиціи, которой не было. Полковникъ Толь былъ всѣхъ дѣльнѣе. Его это такъ огорчило, что онъ занемогъ во время сраженія, легъ за курганомъ и былъ нѣсколько времени безъ чувствъ; его трясла

сильная лихорадка. Толь бѣшенъ, золъ, горячъ, но распорядителенъ, храбръ и опытенъ. Выкричавъ послѣднія свои силы, онъ поневолѣ замолчалъ.

Правый флангъ нашъ могъ бы въ порядкѣ отступить, а лѣвый могъ быть побѣдоноснымъ; но Милорадовичъ, стоявшій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ онаго, не пришелъ на помощь. Мы имѣли еще важное преимущество надъ непріятелемъ: у насъ была славная конница, а у Французовъ ея совсѣмъ не было. Ровное мѣстоположеніе способствовало для дѣйствія кавалеріею, но мы не воспользовались симъ преимуществомъ, и конница наша почти совсѣмъ въ дѣлѣ не была. Наша потеря, кажется, превышала 15 т. человѣкъ, а можетъ быть и 20 т. Непріятель не могъ менѣе нашего потерять; но у насъ много народа пропало въ отступленіи, которое совершалось въ несказанномъ безпорядкѣ. Русскіе еще лучше отступали, но у Прусаковъ иные полки тогда совершенно исчезли и собрались только уже около Дрездена. Орудія ихъ шли поодиночкѣ, тѣснясь среди бродящихъ всадниковъ и пѣхотинцевъ. Раненыхъ было очень большое количество; было заготовлено и много форшпановъ для отвоза ихъ; но, не взирая на сію помощь, во всѣхъ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ валялось по улицамъ множество мертвыхъ тѣлъ. Говорили, что Государь хотѣлъ на другой день возобновить сраженіе, но не сдѣлалъ сего по причинѣ недостатка въ артилерійскихъ снарядахъ, отъ того что парки наши отстали.

При ретирадѣ, князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, командовавшій кирасирскою дивизіею, по беззаботливости своей, уѣхалъ впередъ отъ своихъ войскъ и, по прибытіи въ Дрезденъ, не оказался у него Астраханскій кирасирскій полкъ, который послѣ отыскался и прибылъ: онъ шелъ другой дорогой.

Когда никого изъ товарищей моихъ болѣе не было на полѣ сраженія, откуда давно уже уѣхали Государь и князь Волконскій, я отправился назадъ, въѣхалъ въ городъ Пегау и нашелъ товарищей, дожидавшихся князя верхами на улицѣ, у подъѣзда какого-то большаго дома. Я сталъ также дожидаться его, но не дождался: ибо князь зашелъ въ домъ, сѣлъ на кресло и уснулъ.

Такъ какъ тутъ дѣлать было нечего, то я сталъ отыскивать своихъ людей, которыхъ вскорѣ нашелъ. Надобно было отдохнуть. На площади было мѣсто, но надобно было лечь среди раненыхъ и мертвыхъ; артилерія и обозы не переставали во всю ночь двигаться, при чемъ доставалось симъ несчастнымъ. Люди мои приготовили мнѣ мѣстечко на площади же, но при домѣ, въ небольшомъ палисадникѣ, гдѣ можно было лечь только одному человѣку. Кто-то оставилъ за

палисадникомъ нѣсколько вязанокъ сѣна, и я на нихъ расположился; но раненые во всю ночь не давали мнѣ уснуть. Я нѣсколько разъ вставалъ и справлялся, тутъ ли еще князь. Онъ не выѣзжалъ. Я пошелъ въ трактиръ, чтобы выпить чашку кофе, но не могъ ничего добиться, ибо несчастную хозяйку рвали во всѣ стороны; она металась какъ сумасшедшая. И на кухнѣ, и на билліардѣ, и подъ билліардомъ, словомъ, вездѣ лежали раненые. Возвратившись къ своему палисаднику, я уснулъ передъ зарей; когда же проснулся, то было уже свѣтло. Ужаснѣйшій безпорядокъ царствовалъ въ городѣ; послѣднія войска наши черезъ оный проходили и еслибъ я проспалъ еще нѣсколько, то вѣроятно попался бы Французамъ.

Князя уже не было въ городѣ, и я поскакалъ искать его по дорогѣ къ Дрездену. Я нашелъ главную квартиру въ городкѣ Пёнигѣ. Самъ не зная еще, къ чему и къ кому я прикомандированъ, я полагалъ, что состою въ главной квартирѣ, въ числѣ квартирмейстерскихъ офицеровъ подъ командою полковника Гартинга, но не засталъ его дома, когда пошелъ являться; послѣ же съ нимъ видѣлся и узналъ, что точно подъ его начальствомъ состою. И такъ я сыскалъ себѣ, наконецъ, начальника, котораго до сихъ поръ не зналъ; потому что я пріѣхалъ въ тревожную минуту, когда всѣ были заняты выступленіемъ войскъ изъ Дрездена и приготовленіями къ предстоявшему сраженію.

Въ Пёнигѣ главная квартира провела ночь, оттуда пошли мы къ Дрездену черезъ Рохлицъ и Вильсдруфъ. Недалеко отъ Рохлица встрѣтился я съ подпоручикомъ Хомутовымъ квартирмейстерской части. Онъ ѣздилъ за пріемкою жалованья для офицеровъ и отдалъ мнѣ мое и братьевъ, равно какъ порціонныя и фуражныя деньги, такъ что у меня вдругъ оказалось около 3-хъ т. рублей, какою суммою я еще никогда не обладалъ. Съ братомъ Александромъ я подѣлился сими деньгами, когда онъ въ армію прибылъ; но братъ Михайла своихъ никогда не получалъ, ибо они до его пріѣзда были издержаны, и хотя онъ самъ въ деньгахъ нуждался, но не требовалъ ихъ.

Въ Вильсдруфѣ остановились мы отдохнуть, и мнѣ досталась хорошая квартира по непредвидимому случаю. Какъ я шелъ по улицѣ, меня остановила женщина, которая звала меня къ себѣ въ домъ. Я удивился ея предложенію, но она сказала, что должна непремѣнно имѣть постой и что, не зная, какой ей попадется постоялецъ, она рѣшилась меня принять, потому что я ей нравился. Такая искренность съ ея стороны была мнѣ конечно пріятна. Я вошелъ къ ней и былъ весьма хорошо принятъ и угощенъ хозяйкою, послѣ чего она тотчасъ побѣжала въ ратушу и вытребовала себѣ квартирный билетъ на одного офицера. Такія встрѣчи не одинъ разъ случались. Когда въ

городъ вступали войска, то добродушные Нѣмцы выбѣгали имъ на встрѣчу и выбирали себѣ постояльцевъ. Въ Вильсдруфѣ купилъ я еще лошадь, которую назвалъ Кирасиромъ, по огромной стати ея и толщинѣ, заплативъ за нее 300 р. ассигнаціями.

Въ вечеру главная квартира пришла въ Дрезденъ; я остановился съ товарищемъ Лукашемъ на правомъ берегу Эльбы, а на другой день съ разсвѣтомъ мы выступили и стали подниматься въ гору. Главная квартира остановилась на поворотѣ въ рощѣ, такъ что весь Дрезденъ былъ видѣнъ съ окрестностями, какъ на ладони. Армія продолжала отступленіе къ Бишофсвердѣ; аріергардъ оставался въ городѣ подъ командою, помнится мнѣ, Милорадовича; мостъ былъ сломанъ. На правомъ берегу рѣки поставлены были наши орудія; по улицамъ, примыкающимъ къ рѣкѣ и въ домахъ, въ окошкахъ, выставлены были стрѣлки. Мы видѣли, какъ непріятель тянулся отъ Вильсдруфа длинною колонною, которая вступила въ городъ съ барабаннымъ боемъ и, придя къ мосту, была встрѣчена ядрами и картечью. Непріятель выставилъ свою батарею на лѣвомъ берегу рѣки, разсыпавъ своихъ стрѣлковъ, и завязался довольно сильный огонь съ одного берега на другой; но пока сіе происходило, Французы готовили переправу въ другомъ мѣстѣ и перешли Эльбу, однако, помнится мнѣ, только на другой день. Главная квартира ночевала въ Бишофсвердѣ; армія же стояла на позиціи въ готовности принять бой. Въ Бишофсвердѣ намѣревались дать сраженіе, но передумали и отступили на другой день къ Бауцену, гдѣ заняли сперва позицію, оставя городъ въ тылу, потомъ перешли за городъ и опять стали; но Толь, который располагалъ сими движеніями, нашелъ выгоднѣйшую позицію нѣсколько позади, и войска заняли оную.

Опишу здѣсь личность необыкновеннаго чудака, явившагося въ нашу армію. Полковникъ Кроссаръ (Crossard), родомъ Французъ, человѣкъ безъ свѣдѣній, безъ образованія и безъ воспитанія, до 45-ти или 50-ти лѣтъ отъ роду перебывавшій въ службѣ во всѣхъ Европейскихъ державахъ (Французской, Голландской, Англійской, Испанской и Австрійской), наконецъ, вступилъ въ нашу, гдѣ его приняли въ 1812 г. по квартирмейстерской части полковникомъ *). Онъ былъ замѣчательной храбрости, но не въ состояніи ничѣмъ управлять и былъ помѣшанъ на военномъ искусствѣ въ большихъ размѣ-

---

*) Этотъ Кроссаръ оставилъ шесть книгъ своихъ Записокъ: Mémoires militaires et historiques pour servir à l'histoire de la guerre depuis 1792 jusqu'en 1815, par m. le baron de Crossard. Paris 1829—1830. Въ нихъ много говорится о Россіи, и мы намѣрены въ будущемъ году познакомить съ ними читателей Русскаго Архива. П. Б.

рахъ (sur les grandes opérations militaires, какъ онъ самъ говорилъ). Онъ имѣлъ Австрійскій крестъ Маріи-Терезіи, который не легко достается, былъ весь израненъ, вѣкъ свой провелъ на войнѣ и для того переходилъ изъ одной службы въ другую. Когда военныя дѣйствія останавливались, то Кроссаръ становился печаленъ, угрюмъ. Онъ былъ такъ малообразованъ, что едва ли умѣлъ различить на картѣ селеніе отъ рѣки. Дѣятельность его была безпримѣрная, вѣчно верхомъ, никогда почти не спалъ, ѣздилъ на маленькихъ клячахъ, которыхъ офицеры, на переходахъ, забавляясь, изъ подтишка пріучали лягаться. Кроссаръ воображалъ себѣ, что командуетъ всею арміей, имѣлъ много знакомыхъ, шутилъ довольно остро, и былъ причуденъ въ рѣчахъ своихъ. Онъ себѣ приписывалъ всѣ выигранныя сраженія, а о проигранныхъ говорилъ: Je l'avais bien prédit; je le leur disais bien. Ils n'ont pas voulu suivre mes conseils, et bien les voilà punis! Во время сраженія онъ вездѣ совался и кричалъ; но никто его не слушалъ, и надъ нимъ только смѣялись. Когда подъ Бауценомъ Толь выбиралъ позицію, онъ вездѣ скакалъ и кричалъ во все горло: S'il n'y a pas de position, il faut en faire une. Онъ издерживалъ много денегъ, не жалѣя ихъ для подчиванія товарищей, а самъ жилъ свиньей. Наружность его была смѣшная: ростомъ малъ, волоса какъ смоль черные, нѣсколько толстъ, лысъ, зубы бѣлые какъ у собаки, глаза совсѣмъ красные. При смугломъ цвѣтѣ лица, онъ много походилъ на Цыгана, всегда въ треугольной шляпѣ, съ обвислыми при дождѣ полями, отъ чего она тогда принимала видъ шляпъ, употребляемыхъ на похоронахъ факельщиками: поля бились ему по глазамъ, но онъ отъ того не переставалъ всюду скакать и только бранился на поля, закрывавшія ему зрѣніе. Вся одежда его была въ такомъ же родѣ. Онъ состоялъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ, который его охотно держалъ при себѣ и часто за шута употреблялъ. При всемъ этомъ Кроссаръ получилъ за Лейпцигское сраженіе Георгіевскій крестъ, вскорѣ послѣ того Анну съ бриліантами, Владимира на шею. Но онъ всегда жаловался, что его по службѣ обижаютъ наградами. Наконецъ, по окончаніи войны, его сплавили во Французскую службу генералъ-майоромъ. Непріятно было видѣть преимущества, коими пришелецъ этотъ воспользовался въ нашей службѣ. Когда Толь выбралъ другую позицію подъ Бауценомъ, онъ послалъ меня провести артилерію черезъ городъ и поставить ее на новое мѣсто. Я велъ ее и уже былъ въ городѣ, какъ вдругъ Кроссаръ налетѣлъ на меня. Que faites-vous, monsieur? закричалъ онъ. Toute la ville est un défilé, et il ne faut jamais risquer de conduire de l'artillerie par un défilé. Я во второй разъ только видѣлъ рожу его, засмѣялся и сказалъ ему,

что исполняю данное мнѣ приказаніе отъ начальства. C'est moi, le colonel Crossard, qui vous ordonne maintenant de faire retourner les pièces et de chercher un autre passage que celui de la ville. Я видѣлъ, что онъ сумасшедшій и, показавъ, что ему не слѣдовало мѣшаться не въ свое дѣло, продолжалъ идти по улицамъ. Кроссару нечего было со мною дѣлать. Онъ сталъ орудія по одиночкѣ останавливать; но артилеристы, погоняя своихъ лошадей, поѣхали рысью, и онъ принужденъ былъ стоять и смотрѣть, какъ надъ нимъ смѣялись. Онъ опасался броситься поперекъ скачущихъ орудій и, дождавшись послѣдняго ящика, храбро кинулся передъ лошадьми и велѣлъ козакамъ своимъ держать ихъ. Ему удалось поворотить одинъ ящикъ и отбить его отъ роты; онъ вывелъ его за городъ и обвелъ окружной дорогой, ѣдучи самъ впереди побѣдоноснымъ образомъ, и приказалъ козакамъ своимъ наблюдать, чтобы ящикъ не ускакалъ; но какъ только артилеристъ завидѣлъ свою роту выступающую изъ города, онъ поскакалъ и нагналъ ее. Кроссаръ воображалъ себѣ, что вся наша артилерія за нимъ тянется; оглянулся и, увидѣвъ только своихъ двухъ козаковъ, которые смѣялись, пустился нагонять ящикъ. Но не тутъ-то было: лошаденка его, которой солдаты недавно хвостъ отрѣзали, взлягивала и впередъ не двигалась, и тѣмъ все дѣло кончилось. Можно безъ сомнѣнія полагать, что Кроссаръ съ убѣжденіемъ прокричалъ: J'ai sauvé toute l'artillerie russe, qui allait s'embarrasser dans un défilé par l'inadvertance d'un jeune officier inexpérimenté. Непріятель находился въ то время отъ насъ верстахъ въ 40. Въ 1812 году Кроссаръ явился къ намъ въ армію въ странной одеждѣ. Мундира онъ еще не имѣлъ; онъ былъ въ шубѣ, въ ямскихъ рукавицахъ и въ какой-то смѣшной шапкѣ. Въ семъ одѣяніи явился онъ на форпосты, гдѣ козаки сочли его за непріятеля, взяли въ плѣнъ, говорятъ, побили плетьми и представили обратно въ главную квартиру; по крайней мѣрѣ такъ разсказываютъ.

Въ первый день прибытія нашего подъ Бауценъ главная квартира ночевала въ городѣ. Моя квартира съ товарищами была недалеко отъ Герлицкой заставы. Я видѣлъ, какъ Прусская армія проходила черезъ городъ. Она нѣсколько собралась послѣ Люценскаго сраженія; но офицеры и солдаты, полагая насъ причиною неудачи подъ Люценомъ, хмурились и уже не тѣми глазами на насъ смотрѣли, однакоже съ увлеченіемъ желали снова сразиться съ непріятелемъ. На мою квартиру зашелъ Прусскій вольнослужащій стрѣлокъ, которому едва было пятнадцать лѣтъ. Бѣдный мальчикъ этотъ изнурился отъ большихъ переходовъ, просилъ поѣсть, и его накормили. Онъ вычистилъ свой штуцеръ и уснулъ въ углу крѣпкимъ сномъ. Мы на дру-

гой день узнали, что онъ былъ Курляндскій дворянинъ Фитингофъ, учился въ какомъ-то университетѣ въ Пруссіи, гдѣ повидимому былъ оставленъ безъ пособія небогатыми родителями, о которыхъ онъ давно извѣстій не имѣлъ. Видя, что товарищи его, студенты, опредѣлялись въ службу, онъ вступилъ въ сообщество ихъ стрѣлкомъ и былъ во все время сраженія подъ Люценомъ. Жалокъ былъ бѣдный мальчикъ, который нуждался въ деньгахъ, но не просилъ ихъ. Однакоже мы догадались и помогли ему, за что онъ много благодарилъ насъ и, подкрѣпивъ силы свои, побѣжалъ за городъ къ своему баталіону.

Главная квартира перешла въ селеніе Штейнбергъ, лежащее верстахъ въ четырехъ отъ города. Государь отдѣлился отъ оной и занялъ другое большое селеніе, нѣсколько въ сторонѣ. Въ Штейнбергѣ мы провели дни два безъ всякаго дѣла, живя на открытомъ воздухѣ. Для препровожденія скуки я прочелъ The vicar of Wakefield, книгу, которую въ Бауценѣ купилъ.

Бауценскіе ворота завалили и сдѣлали бойницы для стрѣлковъ; но Нѣмцы такъ привержены къ своимъ жилищамъ, что, видя сіи пріуготовленія къ упорному сраженію, они не оставили города, потерпѣли много, но за то спасли имущество свое.

6-го или 7 числа Мая, братъ Александръ прибылъ въ армію и былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ. Того же числа послѣдовало новое росписаніе нашимъ офицерамъ, и меня назначили дивизіоннымъ квартирмейстеромъ къ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, состоящей изъ полковъ лейбъ-гвардіи драгунскаго, л.-гв. уланскаго, гусарскаго и казачьяго; изъ нихъ казачій полкъ находился постоянно при Государѣ, въ главной квартирѣ.

Дивизіонный командиръ былъ г.-м. Антонъ Степановичъ Чаликовъ, человѣкъ немолодой, но веселый и чудакъ; онъ былъ довольно уменъ и имѣлъ нѣкоторое образованіе. Служа у Великаго Князя, онъ нашелъ выгоднымъ представлять изъ себя шута и, наконецъ, такъ привыкъ къ сему, что двухъ словъ не могъ сказать безъ рифмы, что всѣхъ смѣшило. Чаликовъ былъ командиромъ л.-гв. уланскаго полка; онъ числился болѣе 40 лѣтъ въ службѣ, былъ весь сѣдой и въ морщинахъ, но продолжалъ бодрствовать въ оправданіе пословицы *сѣдина на лбу, а чертъ въ ребрѣ*. Онъ былъ большой крикунъ и хлопотунъ, но безтолковъ. Лейбъ-драгунскаго полка командиромъ былъ г.-м. Чичеринъ; его прозвали le gentilhomme de la chambre, и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ болѣе похожъ на придворнаго человѣка, чѣмъ на военнаго. Лейбъ-гусарскій полкъ былъ въ откомандировкѣ; онъ послѣ присоединился къ своей дивизіи, отъ чего я мало былъ знакомъ съ офицерами сего полка.

Какъ я долгое время продолжалъ службу съ сею дивизіею, то я назову офицеровъ двухъ первыхъ полковъ, съ которыми я былъ знакомъ, чтобы дать понятіе о новомъ обществѣ, въ которое я вступилъ. Они были вообще люди храбрые, но вели жизнь распутную: пили, играли въ карты, буянили. Знаясь съ ними, мнѣ случалось выходить по вечерамъ изъ границъ умѣренности; но послѣ перемирія я перемѣнилъ сей родъ жизни. Игрокомъ я не былъ. Меня любили въ дивизіи, и еслибъ я тогда былъ постарѣе и опытнѣе, то могъ бы имѣть вліяніе между людьми, не получившими большаго воспитанія и лишенными обыкновеннаго образованія. Въ л.-уланскомъ полку первыми лицами въ обществѣ офицеровъ считались Марковъ, Жаке, Крещенскій, Черкасовъ, Іоселіянъ, Колчевской, Гофманъ, Шишкинъ, Воейковъ, двое Заборинскихъ, Глазенапъ, Альбединскій, Вейсъ и пр., всѣ отличавшіеся храбростью. *Иванъ Васильевичъ Марковъ* тогда былъ поручикомъ; я съ нимъ въ Петербургѣ былъ еще нѣсколько знакомъ; онъ ихъ всѣхъ честнѣе былъ, но горланъ, очень любилъ выпить или, какъ говорилось у нихъ, протащить; игралъ въ карты, любилъ буянить и всегда былъ въ венерической болѣзни. *Николай Николаевичъ Жакс*, полковой квартирмейстеръ. Никакое количество водки не могло его сбить съ ногъ; отъ венерическихъ болѣзней у него носъ былъ съ небольшимъ проваломъ, и голосъ всегда охриплый; ему было за 30 лѣтъ, въ дѣлѣ онъ вооружался пикою и отправлялся во фланкёры. Признавали его пьянымъ только тогда, когда онъ сипучимъ своимъ голосомъ повторялъ затверженныя имъ слова, единственныя, которыя онъ по-французски зналъ: C'est ne pas la naissance, c'est la seule vertu qui fait la différence. Его произвели въ полковники и дали какой-то уланскій полкъ; слышно, что онъ совсѣмъ спился и умеръ. *Крещенскій* былъ адъютантомъ у Чаликова, слабаго здоровья, хорошій малый, храбрый, пилъ поумѣреннѣе товарищей и зналъ свое дѣло. *Николай Львовичъ Черкасовъ*, полковой адъютантъ, человѣкъ непріятный, неуживчивый и, говорили, безчестный; его офицеры не терпѣли, потому что онъ былъ доносчикомъ на нихъ у генерала, большой хвастунъ, пилъ поменьше другихъ. *Іоселіянъ*, родомъ Имеретинъ, необыкновеннаго роста, силы и храбрости, бѣдный, простой и смирный; онъ имѣлъ пять или шесть ранъ. Въ полку разсказывали, какъ въ кампаніи 1812 года Іоселіянъ, увидя однажды, что человѣкъ 12-ть вооруженныхъ Французовъ забрались въ сарай, слѣзъ съ лошади, взялъ пику и въ сопровожденіи одного улана Молдованца, по имени *Каріовъ*, бросился въ сарай и переколол ихъ всѣхъ. *Полковникъ Колчевской* простой малый и горькая пьяница. *Гофманъ* былъ еще молодымъ офицеромъ въ то время и присланъ въ полкъ подъ покровительство Мар-

кова, съ которымъ онъ вмѣстѣ жилъ. Думать можно, что полковой дядюшка его Марковъ не упустилъ случая сдѣлать достойнаго себѣ племянничка. *Шишкинъ*, очень молодой человѣкъ, но бойкій и чахнулъ отъ пьянства и фрянокъ. *Воейковъ*, другъ и пріятель Маркова, имѣлъ болѣе другихъ образованія, но былъ задоренъ, дерзокъ и крикунъ. *Два брата Заборинскихъ* также любили выпить. *Альбединскій* былъ порядочнѣе многихъ въ полку; я съ нимъ позже познакомился; казалось, что его не любили товарищи. Въ обратное слѣдованіе наше черезъ городъ Шалонъ во Франціи, онъ вступилъ въ масонскую ложу и былъ ревностнымъ членомъ этого общества. *Вейсъ*, молодой человѣкъ порядочный и не вдавался въ пьянство. *Глазенапъ*,—изъ храбрѣйшихъ между офицерами.

Кромѣ сихъ были еще многіе, какъ-то: князь Эристовъ, Масловскій, Меликовъ, трое Болшвинговъ, Гундіусъ, принцъ Филипшталь-скій, маркизъ Босезонъ и пр. Они всѣ отличались храбростью; послѣдніе двое еще приличіемъ и образованіемъ.

Старшимъ полковникомъ въ полку тогда былъ Мезенцовъ, человѣкъ ограниченныхъ дарованій и, какъ говорили, не изъ бойкихъ офицеровъ; его не уважали. Офицеры также въ глаза смѣялись и надъ старикомъ Чаликовымъ, который называлъ ихъ головорѣзами и спускалъ имъ дерзости. Онъ самъ представлялъ изъ себя шута, вралъ, коверкался и потому не въ правѣ былъ требовать уваженія отъ своихъ офицеровъ. Чичеринъ былъ шефомъ л.-драгунскаго полка. Офицеры его вообще не любили, и въ полку постоянно происходили раздоръ и несогласія; трезвости же не болѣе какъ между уланскими офицерами. Назову тогдашнія знаменитости л.-драгунскаго полка. *Климовской*, горланъ и пьяница, но старый и храбрый кавалерійскій офицеръ; онъ теперь полковой командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка, гдѣ отличается мотовствомъ, пошлостію и пьянствомъ. *Пенхержевскій*, полковой квартирмейстеръ или адъютантъ. *Ивановъ*, генеральскій адъютантъ, замѣчательной глупости. *Яковлевъ*, прозванный *Куликомъ* по длинному его носу, глупый и пьяный, но хорошо знающій фронтовую службу. *Кардо-Сысоевъ*, простой малый, едва знающій грамотѣ. Еще *двое Яковлевыхъ*, совершенные невѣжды. *Катаржи* Грекъ, *Ропъ* Нѣмецъ, *Сиверсъ*, лишившійся голоса отъ венерическихъ болѣзней. *Пушкевичъ*, побочный сынъ какого-то Пушкина, добрый малый, но жестокая пьяница; онъ бывалъ представителемъ за свой полкъ, когда драгунскіе офицеры состязались съ уланскими, кто-кого перепьетъ. Драгуны были всегда обязаны Пушкевичу побѣдою. *Станкевичъ*, отличный пьяница и буянъ. *Черкесовъ*, побочный сынъ Петра Семеновича Мордвинова (брата адмирала Николая Семеновича), при-

личный молодой человѣкъ, съ которымъ я былъ въ короткомъ знакомствѣ и друженъ. *Богдановъ*, очень молодой, убитъ въ сраженіи подъ Феръ-Шампенуазомъ. *Двое Бурцовыхъ. Брежинскій* Полякъ. *Шембихъ*, человѣкъ пошлый и пьяница. *Бергманъ*, славный, умный малый, съ воспитаніемъ и просвѣщеніемъ. *Бибиковъ*, убитъ на поединкѣ. *Сапѣга. Клюпфель*, хорошій молодой человѣкъ, съ воспитаніемъ, сынъ управляющаго въ Петергофѣ.

Л.-драгунскій полкъ также отличался храбростью и часто находился въ передовыхъ войскахъ. *Кноррингъ*, порядочный человѣкъ, убитъ подъ Лейпцигомъ. *Полковникъ Квитницкій*, крайне глупый и пошлый человѣкъ.

Таково было новое общество, въ которое я попался и на искушенія коего случалось мнѣ нѣсколько разъ податься.

7-го числа Мая я былъ командированъ изъ главной квартиры въ легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію, которая расположена была въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ. Дождь шелъ проливной. Я явился къ Чаликову, который съ перваго пріема началъ врать. Уланскіе офицеры обступили меня и распрашивали о новостяхъ. Марковъ узналъ меня, позвалъ меня къ себѣ въ шалашъ и собралъ товарищей своихъ. Мы сѣли у огня, и въ мигъ я былъ знакóмъ съ цѣлымъ полкомъ; съ перваго раза всѣ меня стали тыкать. Я удивился такому обращенію; но, видя, что вольное сіе обхожденіе было у нихъ въ обычаѣ, я началъ съ ними также за просто говорить; къ вечеру все было пьяно.

Предъ центромъ главной позиціи нашей, нѣсколько влѣво, находился верстахъ въ двухъ или трехъ городъ Бауценъ. Линіи наши занимали возвышенія, примыкая своимъ лѣвымъ флангомъ къ высокимъ горамъ, отдѣляющимъ Саксонію отъ Богеміи. Горы сіи покрыты были лѣсомъ и удобны только для дѣйствованія пѣхотою. Отъ этихъ горъ до конца праваго фланга мѣстоположеніе было почти ровное и пересѣчено только нѣсколькими оврагами и селеніями. По всей линіи нашей были построены батареи, коихъ орудія должны были много вредить непріятелю. Сначала горы, на лѣвомъ флангѣ лежащія, были слабо заняты нашей пѣхотой, почему и можно полагать, что линіи наши начинались отъ подошвы сихъ горъ. Часть центра и праваго фланга занимали Прусаки, а на самомъ концѣ онаго стоялъ отдѣльно отъ главной арміи Барклай де-Толли съ корпусомъ. Онъ наканунѣ присоединился къ намъ, прибывъ отъ осады крѣпости Торуня; но корпусъ его состоялъ только изъ 8000 и по отдаленности былъ мало поддерживаемъ во время сраженія. Гвардія, кирасиры и резервная артиллерія стояли въ резервѣ за центромъ. Легкая гв. кавалерійская дивизія

стояла въ резервѣ за лѣвымъ флангомъ на равнинѣ, примыкая къ горамъ. Авангардъ стоялъ впереди лѣваго фланга, прикрывая нѣсколько горы. Л.-гв. гусарскій полкъ, считавшійся въ нашей дивизіи, былъ откомандированъ въ авангардъ. За нашими линіями находился довольно высокій бугоръ, безопасный отъ ядеръ непріятельскихъ. Тутъ расположились Государь и вся главная квартира. Витгенштейнъ былъ главнокомандующій; но ему также мѣшали дѣйствовать, какъ и въ сраженіи подъ Люценомъ, ибо распоряжались многіе. Барклай былъ старѣе Витгенштейна, но перваго подчинили второму, ввѣривъ ему только 8000 войскъ. Къ чести Барклая относится то самоотверженіе, съ коимъ онъ подчинился младшему, для сохраненія порядка, который нарушали. Онъ повиновался и храбро держался противъ превосходныхъ силъ непріятеля до крайней возможности. Казалось, что Наполеонъ могъ бы легче одержать побѣду, еслибы онъ атаковалъ нашъ лѣвый флангъ въ горахъ, потому что у него преимущественно была пѣхота; но его намѣреніе было отбросить насъ въ Верхнюю Шлезію, дабы прежде насъ придти на Одеръ, гдѣ крѣпости еще занимались Французскими гарнизонами. Симъ средствомъ могъ онъ отрѣзать насъ отъ вспомогательныхъ войскъ, обозовъ, снарядовъ и пр. По сей причинѣ онъ атаковалъ нашъ правый флангъ и воспользовался промежуткомъ, находившимся между корпусомъ Барклая и главной арміей. Французы были сильнѣе насъ съ самаго начала сраженія; они могли имѣть до 100 или болѣе тысячъ людей, тогда какъ у насъ едвали болѣе 70 т. было. Мы имѣли преимущество въ конницѣ, но не умѣли ею дѣйствовать, да и мѣстность не совсѣмъ къ тому способствовала; однако и у Французовъ была конница, хотя и не въ большомъ числѣ, но уже болѣе чѣмъ въ сраженіи подъ Люценомъ.

Мая 7-го дня (сегодня ровно 5 лѣтъ тому назадъ) ввечеру, Французы атаковали нашъ авангардъ. Дѣло было жаркое, часть войскъ главной арміи въ немъ участвовала, но оно кончилось безъ явнаго успѣха съ чьей либо стороны. Дѣло сіе происходило въ тотъ самый вечеръ, какъ я явился въ дивизію. Видно было, какъ масса Французскихъ стрѣлковъ тянулась по ближайшему хребту горъ, тѣсня нашу пѣхоту сильною перестрѣлкой. Непріятель такъ близко подвинулся, что уже равнялся почти съ нашимъ флангомъ; мы же стояли въ резервѣ. Чаликовъ сталъ безпокоиться, но главнокомандующій не обращалъ вниманія на сіе движеніе непріятеля и не подкрѣпилъ пѣхоту нашу въ горахъ. Французы были конечно слишкомъ слабы въ горахъ, чтобы вредить намъ въ тотъ день съ фланга; но послѣ сего поиска они узнали, что горы почти вовсе не были заняты нами и воспользо-

вались тѣмъ 8 и 9 числа. Къ ночи огонь утихъ, и нагорная колонна непріятельская отступила.

8-го числа ввечеру началось тоже самое дѣло. Авангардъ сильно дрался, нѣкоторыя войска главной арміи также участвовали въ бою, таже пѣхотная колонна явилась на той же горѣ и перестрѣливалась съ нашей пѣхотой. Чаликовъ со всѣми офицерами нашей гвардіи вышли нѣсколько впередъ и стали на бугорокъ, чтобы видѣть дѣло. Чаликовъ весьма безпокоился, видя непріятеля у себя почти въ тылу и вызвалъ охотниковъ, чтобы ѣхать въ горы, узнать силы непріятельскія и нѣтъ ли за горами другихъ скрытыхъ колоннъ. Вызвались уланскій Шишкинъ и я.

Шишкинъ поѣхалъ съ нѣсколькими уланами прямо къ горамъ, увидѣлъ вблизи то что̀ мы издали видѣли, но не узналъ ничего обстоятельно и скоро возвратился. Мнѣ дали трехъ уланъ. Желая показаться передъ дивизіей, я рѣшился заѣхать въ тылъ къ непріятелю и, если удастся, привести языка. Мнѣ надобно было объѣхать стрѣлковъ, и потому я сперва подался назадъ и переѣхалъ на высокій перевалъ, соединяющій всю цѣпь съ горой; на перевалѣ семъ я нашелъ взводъ Глуховскаго кирасирскаго полка при офицерѣ. Кирасиры стояли на пикетѣ съ заряженными пистолетами. Офицеръ, видя, что отступающая наша пѣхота уже къ нему приближается, встревожился и не зналъ что̀ ему предпринять въ горахъ съ тяжелой конницей. Передо мной была долина, покрытая кустами. Я примѣтилъ, что она поворачивала вправо и должна непремѣнно вести въ тылъ къ непріятелю, или по крайней мѣрѣ на флангъ его. Я спросилъ кирасирскаго офицера, не замѣтилъ ли онъ въ ней непріятельскихъ стрѣлковъ; но онъ ничего не могъ мнѣ сказать, а только совѣтовалъ не ѣздить туда. Однако, такъ какъ я уже рѣшился порядочно развѣдать о непріятелѣ, то и спустился въ долину. Изъ предосторожности, я велѣлъ двумъ уланамъ ѣхать поодаль, стороною, равняясь со мной; самъ же ѣхалъ серединою съ третьимъ уланомъ. Такимъ образомъ проѣхалъ я версты двѣ, среди высокихъ горъ, объѣзжая ту, на которой дрались и которая у меня все вправѣ оставалась; наконецъ, прибылъ я къ одному селенію, оставленному жителями. Гора была уже нѣсколько позади меня. Созвавъ улановъ, я сбирался въѣхать въ селеніе, какъ увидѣлъ четвертаго улана скачущаго ко мнѣ со стороны непріятельской; онъ былъ въ бѣлой шапкѣ, почему, принявъ его за Поляка, я готовился напасть на него, обнаживъ саблю. Онъ же, замѣтивъ насъ, остановился, потому что принималъ насъ за Французовъ. Но вскорѣ мы узнали въ немъ улана Литовскаго полка, который какъ-то отсталъ и заблудился въ горахъ. Онъ предупредилъ меня, что по селенію раз-

сыпаны непріятельскіе стрѣлки. Въѣзжая осторожно въ селеніе, я осматривалъ всѣ дворы, но никого не нашелъ и выѣхалъ на другую сторону деревни.

Огонь на горѣ умолкъ, непріятеля нигдѣ не было видно, и потому я вознамѣрился повернуть вправо и, объѣхавъ совершенно кругомъ гору, прибыть къ дивизіи своей съ другой стороны ея; но едва я сталъ подыматься на перевалъ, какъ увидѣлъ непріятельскихъ стрѣлковъ, отступающихъ кучкою. Увидя насъ, они остановились, и мы нѣсколько времени всматривались другъ въ друга. Французы вѣрно полагали, что въ селеніи кроется отрядъ нашихъ войскъ; но, видя, что никого не было, они продолжали отступать по перевалу, соединяющему гору, на которой они дрались, съ другою, и отдѣляющему меня отъ нашихъ линій, такъ что въ этомъ мѣстѣ дорога была пересѣчена. Я сталъ дожидаться, чтобы непріятель прошелъ и скрылся въ селеніи; но, замѣтивъ, что одинъ Французскій солдатъ отсталъ отъ колонны, я рѣшился схватить его и поскакалъ на него въ гору съ обнаженной саблей; но когда я къ нему приближался, то былъ встрѣченъ множествомъ выстрѣловъ изъ колонны, такъ что я принужденъ былъ отъѣхать и скрыться за селеніемъ въ ожиданіи удобнаго случая, чтобы проѣхать. Но солдатъ сей, который, какъ я послѣ узналъ, былъ раненый, полагалъ, что мы совсѣмъ уѣхали, и я видѣлъ, какъ онъ шелъ въ наше селеніе. Переждавъ нѣсколько, я опять въѣхалъ въ деревню съ своими уланами и, заглянувъ въ одинъ дворъ, увидѣлъ сего солдата, сидящаго на порогѣ дома; ружье его было прислонено къ стѣнѣ. Я поскакалъ на него и ударилъ его плашмя саблею. Онъ въ перепугѣ не успѣлъ схватиться за ружье. На требованіе мое rendez-vous! онъ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ pardon!. Я схватилъ его за ляшку и потащилъ. Онъ былъ легко раненъ въ руку и не могъ слѣдовать за мною, потому что я ѣхалъ рысью; но онъ собрался съ силами, когда уланы дали ему нѣсколько толчковъ въ спину оборотами пикъ. Я торопился, опасаясь, чтобы его не отбили и потому оставилъ намѣреніе свое кругомъ объѣхать гору, а пустился старою дорогой по долинѣ. Отъѣхавъ съ версту, я увидѣлъ, что казаки наши уже заняли гору, на которой дрались. Я остановился. Плѣнный былъ родомъ Савояръ. Видѣнная нами въ горахъ пѣхотная колонна состояла вся изъ его земляковъ горцевъ; такъ какъ колонна отступила, то намъ нечего было опасаться. Уланамъ очень хотѣлось обыскать плѣннаго, что̀ я имъ позволилъ сдѣлать, и въ мигъ онъ былъ избавленъ отъ излишней тягости; но ничего порядочнаго у него не нашли, денегъ у него не было, и въ ранцѣ нашли только нѣсколько бѣлья, которое уланы раздѣлили между собой.

Уже начало смеркаться, когда на перевалъ, гдѣ я въ первый разъ нашелъ Глуховскихъ кирасиръ, прискакалъ маленькій Паренсовъ, полковникъ свиты, состоявшій при Витгенштейнѣ.—«Что у васъ дѣлается?» спросилъ онъ торопливо. «Ничего» отвѣчалъ я, «непріятель отступилъ, и въ горахъ никого болѣе нѣтъ; но флангу нашему сначала угрожала непріятельская пѣхота, потому что намъ нечѣмъ было его отразить».—«Вотъ гренадеры пришли», сказалъ Паренсовъ и ускакалъ назадъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ привелъ нѣсколько полковъ гренадеровъ, но полки сіи опоздали, и непріятеля уже не было видно.

Я приволокъ своего плѣннаго къ Чаликову; офицеры всѣ обступили меня, восхваляя дѣйствія мои на рекогносцировкѣ. Чаликовъ также восхищался и отправилъ плѣннаго въ главную квартиру; меня же офицеры привели къ Маркову, гдѣ угостили. Ночь прошла въ разсказахъ и бивуачномъ препровожденіи времени у разведеннаго огня.

Настоящее Бауценское сраженіе происходило 9-го Мая, въ Николинъ день. Такъ какъ наша дивизія дѣйствовала въ горахъ, то могу только описать происходившее на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, потому что центръ и правый флангъ были скрыты отъ насъ горами, и объ отступленіи арміи могли мы знать только по гулу орудій, раздававшемуся въ ущельяхъ.

Мая 9-го числа, рано поутру, дивизія наша двинулась по три на лѣво, въ горы. Я велъ ее той же дорогой, которой наканунѣ ѣхалъ. Мѣста мнѣ были извѣстны. Приведя ее къ селенію, Чаликовъ остановился. Непріятель еще нигдѣ не показывался; мы были окружены со всѣхъ сторонъ высокими горами, такъ что конница въ семъ мѣстѣ была совсѣмъ лишняя. Почти вплоть къ дивизіи находилась некрутая и невысокая гора, коей вершина покрыта была лѣсомъ и скрывала отъ насъ непріятеля; смотря съ нашей стороны влѣво отъ сей горы, возвышался надъ нею бугоръ. Горы съ права и съ лѣва были всѣ выше находившагося противъ нихъ возвышенія, у подошвы котораго мы стояли. Никакія представленія съ моей стороны не могли Чаликова побудить передвинуться. Онъ совсѣмъ потерялся, когда узналъ, что непріятель передъ нами скрывается въ лѣсу; ничего не могъ онъ приказывать и скакалъ, какъ сумасшедшій, по фронту, спрятавъ свой бѣлый султанъ, для того, говорилъ онъ, чтобы не служить мишенью Французамъ.

Гораздо лѣвѣе насъ въ горахъ стоялъ Лисаневичъ съ пѣхотою, но она мало была намъ замѣтна по отдаленію и лѣсамъ ее скрывавшимъ. Генералъ-маіоръ Эмануель также находился въ горахъ съ драгунами. Рота Донской конной артилеріи стояла на особомъ возвышеніи въ резервѣ; на правомъ флангѣ нашемъ была также пѣхота въ горахъ;

недалеко отъ насъ находился Бѣлорусскій гусарскій полкъ. И такъ въ горахъ было у насъ много войскъ, но мѣстоположеніе не позволяло ихъ расположить иначе какъ отдѣльными частями. Конница казалась излишнею и во время дѣла напрасно теряла людей. Съ большею пользою могла бы она дѣйствовать на правомъ флангѣ, гдѣ мѣстоположеніе было удобнѣе.

Какъ скоро дивизія выстроилась во фронтъ, я поѣхалъ съ Крещенскимъ рекогносцировать непріятеля. Подъѣхавъ къ лѣсу, обогнули мы бугоръ и проѣхали довольно далеко, но никого не видали; однако непріятель находился близко отъ насъ въ лѣсу; ибо едва мы успѣли возвратиться, какъ въ опушкѣ лѣса показалось множество непріятельскихъ стрѣлковъ и такою густою цѣпью, что ихъ можно было скорѣе принять за головы колоннъ; почти вплоть за ними стояли и самыя колонны. Войско это было Баварское. Непріятелемъ командовалъ на семъ флангѣ маршалъ Удино; съ нашей стороны начальствовалъ, не знаю по какому-то случаю, графъ Орловъ-Денисовъ. Баварцы открыли сильную ружейную перестрѣлку; орудій у нихъ не было, потому что не было почти возможности ихъ перевезти въ горы, доступныя только для нашей Донской конной артилеріи. Пѣхота наша заняла косогоръ, простирающійся къ лѣсу и отвѣчала на огонь непріятеля, прикрывая нашу дивизію, которая не могла дѣйствовать, а стояла все время сраженія, почти цѣлый день, подъ пулями.

Чаликовъ велѣлъ людямъ слѣзть. Непріятельскія пули достигали людей нашихъ, которые стояли во фронтѣ пѣшкомъ, держа лошадей въ поводу. Насъ закрывалъ въ полроста небольшой косогоръ, на которомъ я легъ съ офицерами для отдыха. Пули, пролетая мимо нашихъ головъ, ударяли въ землю подлѣ насъ. Хотѣли выпить водки и встали. Едва Колчевской сталъ подносить бутылку ко рту, какъ прилетѣла къ намъ пуля, ударила бутылку въ дно и, разбивъ ее, упала Колчевскому на ногу; онъ не замѣшался, а только выбранился и выпилъ, потомъ поднялъ пулю и, показавъ ее, бросилъ. Въ слѣдъ за симъ прилетѣла другая пуля, которая ударила подлѣ насъ стоявшаго улана въ ногу пониже колѣна; сначала онъ точно поднялъ ногу и опять поставилъ ее, не подозрѣвая, что былъ раненъ; но вдругъ лицо его поблѣднѣло, онъ упалъ, й его унесли: пуля ему кость перебила, и ему отпилили ногу.

Недалеко отъ насъ упала тоже фланговая лошадь безъ дыханія: пуля ударила ее въ самый лобъ. Всадникъ былъ Малороссіянинъ; онъ разсѣдлалъ свою лошадь и съ досады за то, что долженъ на своихъ плечахъ нести сѣдло, уходя выругалъ своего коня и ударилъ его ногой въ животъ. Отъ этого толчка конь вдругъ вскочилъ, всхрапнулъ,

встрепенулся и казался бодрѣе чѣмъ когда-либо. Пуля только ошеломила его до обморока. Коня снова осѣдлали, и онъ прослужилъ все сраженіе подъ своимъ хозяиномъ. Мимо нашего фронта вели всѣхъ раненыхъ пѣхотинцевъ и плѣнныхъ Баварцевъ. Люди такъ бываютъ ожесточены во время сраженія, что хохотъ раздался, когда протащили одного несчастнаго, у котораго ниже живота было разбито пулей; онъ былъ почти безъ чувствъ. Смѣялись люди, ежеминутно того же ожидавшіе. Мы обступили одного Баварскаго офицера, котораго вели три гренадера; нельзя было не полюбоваться гордому виду его и поступи; онъ приводилъ на память древнихъ рыцарей. Роста онъ былъ высокаго, осанка благородная, и весь въ крови; на головѣ была у него каска съ краснымъ волосянымъ султаномъ; онъ молчалъ и гордо смотрѣлъ на насъ. Гренадеры приведшіе его говорили, что онъ высунулся впередъ изъ цѣпи своихъ стрѣлковъ и подстрѣленный упалъ на колѣни; наши бросились, чтобы его схватить, солдаты его бѣжали; но онъ, обнаживъ шпагу, защищался отъ трехъ нашихъ, ранилъ одного, и его схватили только тогда, когда одинъ изъ нашихъ ударилъ его штыкомъ въ грудь. Wo sind sie blessirt? спросилъ я его. Не отвѣчая мнѣ ни слова, онъ схватилъ обѣими руками мундиръ свой и рубаху и, разорвавъ ее, показалъ широкую грудь свою, всю въ крови; его перевязали и отправили далѣе.

Сильное дѣло завязалось на правомъ нашемъ флангѣ, гдѣ Наполеонъ велъ главную атаку; мы только слышали гулъ орудій, который въ горахъ раздавался. Противъ насъ непріятельскіе стрѣлки въ лѣсу усиливались. Для удержанія ихъ, графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ двинуться Донской конной артилеріи. Два орудія заняли бугоръ, передъ нами находившійся и отстоявшій не болѣе какъ на 60 саженъ отъ лѣсу. Донцы отважно выѣхали на бугоръ подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ, дѣйствовали своими орудіями часа три во флангъ непріятелю и нанесли ему большой уронъ, но и сами много потерпѣли: почти всѣ люди и лошади ихъ были у нихъ перебиты и нѣсколько разъ замѣнялись новыми. Баварцы покушались взять сіи орудія, но, при выступленіи изъ лѣса, увидѣли Бѣлорусскій гусарскій полкъ, тронувшійся въ атаку на нихъ, и отступили.

Для удержанія непріятеля привели къ намъ изъ-за горъ еще Прусскую артилерійскую роту, состоявшую изъ семи орудій трехъ-фунтовыхъ. Капитанъ Гертигъ, который ею командовалъ, явился къ Чаликову, и Чаликовъ приказалъ мнѣ показать ему мѣсто, откуда бы ему удобно можно было дѣйствовать. Другаго мѣста я не могъ найти кромѣ какъ нѣсколько поодаль отъ праваго фланга нашей дивизіи; онъ стоялъ ниже непріятеля и долженъ былъ въ гору стрѣлять, но

дѣлать было нечего, и пока Гертигъ заряжалъ орудія свои, у него уже нѣсколько человѣкъ было раненыхъ. Онъ осыпалъ непріятельскихъ стрѣлковъ картечью и нанесъ имъ большой уронъ. Но непріятель снова усилился и, не взирая на то, что его съ двухъ сторонъ картечью били, рѣшился взять Прусскія орудія и сталъ изъ лѣса выходить; пѣхота наша не могла устоять и бѣжала. Чаликовъ, видя опасность, вызвалъ охотниковъ изъ своего полка.

Выѣхали Жаке и я, а за нами человѣкъ пятнадцать уланъ. Жаке взялъ у одного изъ нихъ пику, обратился ко мнѣ и сказалъ весьма кстати, хотя и не понимая, что̀ говорилъ, обыкновенную свою поговорку: ce n'est pas la naissance, c'est la seule vertu qui fait la différence. Мы закричали ура и поскакали къ непріятелю; пѣхота наша быстро отступала и почти бѣжала. Баварцы приближались къ Прусскимъ орудіямъ. Дивизія наша уже давно сѣла на коней и готовилась къ бою; но что̀ могли мы сдѣлать съ уланами противъ толпы стрѣлковъ, спускающихся съ покатости на разстояніи 30 или 40 сажень отъ насъ? Нѣкоторые изъ нашихъ подбѣжали къ нимъ и стрѣляли по нимъ изъ пистолетовъ; но насъ осыпали такимъ множествомъ пуль, что въ мигъ уже около половины нашихъ охотниковъ не было. Видя, что мы улановъ всѣхъ потеряемъ и ничего не сдѣлаемъ, мы рѣшились съ Жаке поднять пѣхоту нашу и ввести въ дѣло тѣхъ изъ людей, которые прятались за каменьями и за кустами. Уланы стали ихъ выгонять оборотами пикъ, а я нагайкою, такъ что въ одно мгновеніе собралось много народа; къ этому времени пришли еще на помощь къ намъ весьма кстати Олонецкіе ополченные стрѣлки, люди всѣ храбрые и ловкіе. Олонцы немедленно расположили свою цѣпь при Прусскихъ орудіяхъ, завели перестрѣлку и стали понемногу впередъ въ гору подаваться. Между тѣмъ мы присоединили къ нимъ толпы пѣхотинцевъ. Увидя одного спрятавшагося за камнемъ, я ударилъ его плетью и, соскочивъ съ лошади, хотѣлъ вырвать у него ружье, чтобы идти впередъ для примѣра другимъ; но онъ мнѣ ружья не далъ, самъ закричалъ ура! и бросился одинъ на штыки впередъ. Стыдился ли онъ или опасался плети, того не рѣшу. Пѣхотныхъ офицеровъ ни одного тутъ не было. Толпа солдатъ присоединилась къ сему пѣхотинцу, заревѣла ура и побѣжали въ гору. Баварцы насъ не дождались и побѣжали, отстрѣливаясь въ лѣсъ, мы за ними и въ мигъ заняли опушку лѣса. Огонь вдругъ совершенно прекратился, и непріятель изчезъ. Я пустился съ сей толпой, ободряя солдатъ и уже былъ близко лѣса, какъ лошадь мою ранили пулею въ ляжку вскользь. Въ пылу дѣла я не примѣтилъ, какъ на мнѣ тоже прострѣлили бурку. Лошадь моя захромала, но рана была легкая: содрало только кожу,

и сіе не помѣшало мнѣ на ней ѣхать. Только въ ту минуту какъ она крѣпко захромала, полагая, что у нея нога перешиблена, я спѣшилъ, чтобы осмотрѣть рану и, давъ ей отдохнуть, опять сѣлъ верхомъ и донесъ Чаликову и Орлову объ очищеніи лѣса. Они были свидѣтелями всего и одобрили мои дѣйствія. Уланскіе офицеры окружили меня и превозносили мой подвигъ. Съ тѣхъ поръ они меня еще больше полюбили и называли фланкёромъ, достойнымъ ихъ дивизіи. Графъ Орловъ припомнилъ мнѣ сраженіе подъ Чириковымъ, о которомъ я упомянулъ въ запискахъ о походѣ 1812 года.—«Здѣсь не хуже», сказалъ онъ, «было того вечера, какъ мы подъ картечью съ нѣсколькими казаками прогнали Французскихъ фланкёровъ. Вы тогда со мной были; помните, какъ тамъ жарко было?»

По изгнаніи непріятеля изъ лѣса, все тронулось на рысяхъ впередъ; радость сіяла на всѣхъ лицахъ; конница подалась вправо на гору, и мы увидѣли передъ собой Бауценъ. Флангъ нашъ много впередъ подвинулся, но мы увидѣли въ дыму, что нашъ правый флангъ отступаетъ и что направленіе линій нашихъ совсѣмъ перемѣнилось. Мы стали догадываться, что правый флангъ нашъ долженъ быть разбитъ. Генералы наши не имѣли довольно смѣлости, чтобы атаковать непріятеля съ тыла многочисленными своими войсками и занять Бауценъ, отъ чего все сраженіе могло бы принять другой оборотъ. Мы не воспользовались своею побѣдой и остановились на высотахъ. Л.-гв. драгунскій полкъ былъ посланъ вправо, для разогнанія собравшагося тамъ непріятельскаго отряда. Адъютантъ Крещенскій, который былъ посланъ съ полкомъ симъ, вскорѣ воротился съ донесеніемъ; лошадь его была тяжело ранена.

Однакоже графъ Орловъ и Чаликовъ остановились на томъ бугрѣ, гдѣ Донская артилерія болѣе 3-хъ часовъ такъ славно дѣйствовала подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ. Лафеты сихъ орудій были испещрены пулями; два или три дерева, тутъ росшія, остались безъ листьевъ и съ поломанными сучками.

Я уже говорилъ, что людей и лошадей нѣсколько разъ перемѣнили свѣжими. На мѣсто убывающихъ, изъ послѣдней смѣны, едва оставалось 4 человѣка; при нихъ былъ храбрый офицеръ, бойкій мальчикъ лѣтъ 14-ти, который выдержалъ все сраженіе, командуя этими двумя орудіями. Графъ Орловъ приласкалъ его; назывался онъ Андреевъ. Надобно было смѣнить сію артилерію, но свести ее было некѣмъ; и такъ набрали пѣхотныхъ солдатъ и, прикомандировавъ ихъ къ орудіямъ, отправили ихъ назадъ; на смѣну же имъ велѣли придти на бугоръ Прусскому капитану Гертигу съ своей ротой.

Гертигъ пришелъ и хотѣлъ было явиться графу Орлову и разсказать ему свои подвиги; но онъ былъ такъ пьянъ, что упалъ у ногъ графа, въ мигъ уснулъ и захрапѣлъ: Гертигъ нализался, стоя еще подъ горой, съ радости, что орудія его были спасены. Онъ также имѣлъ много урона, и у него оставалась только половина людей при орудіяхъ. Наша потеря въ конницѣ не была значительна, но пѣхота много потерпѣла.

Лисаневичъ, командовавшій въ горахъ еще лѣвѣе насъ, опрокинулъ также сильную колонну непріятельскую, которая скрылась. Послѣ того на нашемъ флангѣ не было болѣе ни одного выстрѣла.

Я поѣхалъ изъ любопытства въ лѣсъ и нашелъ его устланнымъ убитыми Баварцами; потеря ихъ была очень значительна.

Чаликовъ тутъ же приказалъ Крещенскому написать реляцію при себѣ. Крещенскій, передъ отправленіемъ бумаги, показалъ ее мнѣ; въ ней заключалось описаніе дѣла и особыя похвалы на счетъ его Крещенскаго и меня, такъ что, казалось, нельзя было отказать намъ наградъ за отличіе; но неблаговоленіе ко мнѣ въ главной квартирѣ вѣроятно не дало ходу сему донесенію, ибо я за Бауценское сраженіе ничего не получилъ, не взирая даже на изустныя ходатайства Чаликова и на успѣхи нашего фланга. Напротивъ того, почти всѣ числившіеся въ главной квартирѣ свидѣтели пораженія нашего на правомъ флангѣ получили награды. Счастье еще не клонилось на мою сторону. Я съ удовольствіемъ надѣлъ бы знакъ отличія за сіе сраженіе, ибо чувствовалъ, что заслужилъ его, свидѣтельствуясь всѣми офицерами л.-гв. уланскаго полка.

Лошадь моя очень устала, почему я отпросился у Чаликова съѣздить въ прежній лагерь нашъ на первой позиціи, чтобы перемѣнить ее; при семъ онъ мнѣ поручилъ съѣздить въ главную квартиру Государя за приказаніемъ.

Какъ я переѣхалъ горы, то стало уже смеркаться; поднялся сильный вѣтеръ со стороны Бауцена. Вьюки наши уже спѣшили уходить, однако я успѣлъ перемѣнить лошадь и выѣхалъ на большую дорогу, гдѣ былъ свидѣтелемъ всеобщаго безпорядка. Артилерія скакала въ нѣсколько рядовъ назадъ по большой дорогѣ, пѣхотныя колонны на рысяхъ обгоняли одна другую, вьюки, обозы, повозки, все тѣснилось, мялось на дорогѣ, отъ чего пострадало много раненыхъ. Лейбъ-гусарскій полкъ прикрывалъ побѣгъ сей подъ непріятельскими ядрами, которыя попадали уже въ толпы бѣгущихъ. Государя давно уже не было на пригоркѣ, и онъ въ пору уѣхалъ; потому что Французскій лѣвый флангъ, разбившій насъ, такъ подался впередъ, что едва не предупредилъ нашего отступленія на большой дорогѣ. Никто не на-

чальствовалъ, и каждый старался пробраться назадъ какъ умѣлъ. Непріятель такъ приблизился, что обратный путь по большой дорогѣ для нашей легкой гвардейской кавалерійской дивизіи былъ уже отрѣзанъ. Я поскакалъ къ Чаликову съ извѣстіемъ о видѣнномъ, но онъ уже получилъ приказаніе отступать. Надлежало пробраться на городъ Лöбау горами, по неизвѣстнымъ проселочнымъ дорогамъ, и этотъ путь долженъ я былъ указать. Ночь уже наступала, когда мы назадъ двинулись. Я поскакалъ въ ближайшее селеніе и, взявъ проводника, вывелъ дивизію изъ горъ къ Гохкирхену, селенію знаменитому пораженіемъ Фридерика Великаго. Оно было все въ огнѣ, его зажгли наши. Тутъ мы уже вышли на большую дорогу; но темнота была такая, что въ двухъ шагахъ нельзя было человѣка различить. На этомъ мѣстѣ дивизію нашу остановили нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, полагая, что здѣсь будетъ ночлегъ. Мы послали людей за дровами и за водою. Всѣ до крайности устали, и мы, прилегши на землю, уснули крѣпкимъ сномъ; но не долго продолжался нашъ отдыхъ: приказано было далѣе идти. Въ жестокую ночь сію насъ нѣсколько разъ такимъ образомъ морочили. Къ разсвѣту мы прошли черезъ Лöбау и остановились за городомъ на часъ времени; тутъ сыскались наши вьюки; но вскорѣ мы опять тронулись въ походъ и, помнится мнѣ, въ тотъ же вечеръ пришли къ городу Гольдбергу.

Въ Бауценскомъ сраженіи мы конечно сдѣлали ошибки; но должно преимущественно приписать сіе превосходству силъ непріятеля. Витгенштейнъ также именовался главнокомандующимъ. Говорятъ, что распоряженія были также смѣшанныя, какъ во время Люценскаго сраженія. Наполеонъ направилъ всѣ свои силы на Барклая-де-Толли и отрѣзалъ его отъ главной арміи. Онъ и не могъ удержаться съ 8000 противъ всей непріятельской арміи; не менѣе того онъ долго держался и только къ вечеру принужденъ былъ отступить. Тогда Французскія линіи стали правымъ флангомъ подъ острымъ угломъ къ большой дорогѣ, обхватывая насъ своимъ лѣвымъ флангомъ, что̀ и заставило насъ поспѣшно отступить. Командованіе аріергарда было поручено А. П. Ермолову; у него нечаяннымъ образомъ оказалось до 60-ти орудій, которыя не успѣли уйти. Орудія сіи оставались безъ прикрытія, и они спаслись по особенному счастію. Причиною безпорядка въ нашемъ отступленіи было то, что всѣ главнокомандующіе и цари уѣхали, не сдѣлавъ никакой диспозиціи. Слышалъ я, что одинъ только Дибичъ оставался и далъ нѣкоторыя приказанія войскамъ, полагая навѣрное, что Ермоловъ пропадетъ съ орудіями, какъ онъ на другой день далъ о себѣ извѣстіе, что отступилъ благополучно и въ порядкѣ. Извѣстіе сіе всѣхъ обрадовало. Гдѣ тотъ случай, въ которомъ бы не нашелся

великій начальникъ мой, изъ котораго бы онъ не вышелъ со славою! Но не умѣютъ цѣнить или, вѣрнѣе сказать, не жалуютъ его. Онъ имѣетъ много завидующихъ ему, которые, забывая отечество, стараются запятнать сего великаго мужа въ мысляхъ легковѣрнаго Государя.

Потерей нашихъ не знаю навѣрное; но думаю, что мы лишились подъ Бауценомъ до 20 т. человѣкъ. Говорятъ, что мы орудій не потеряли. Мнѣ кажется, что еслибъ начальство, обративъ вниманіе на успѣхи нашего лѣваго фланга, приказало бы оному овладѣть Бауценомъ, который находился у непріятеля въ тылу, то сраженіе могло бы принять другой оборотъ. Въ горахъ было у насъ много войска, и Наполеонъ атаковалъ насъ съ сей стороны съ тѣмъ только, чтобы отвлечь вниманіе наше отъ праваго нашего фланга. Мы не воспользовались преимуществомъ своимъ на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Еслибъ мы сіе сраженіе выиграли, то соединились бы съ Австрійцами, которые, по всегдашней политикѣ своей, выжидали успѣховъ нашихъ, чтобы вступить съ нами въ союзъ. Говорили, что, недалеко отъ мѣста сраженія, находился въ Богеміи сильный корпусъ Цесарцевъ.

Послѣдствіями Бауценскаго сраженія было то, что Французы отрѣзали намъ дорогу на Бреслау и что мы должны были отступить по направленію въ Шлезію, къ Австрійской границѣ. Слухъ носился въ арміи, что мы должны соединиться тамъ съ Цесарцами. Во время отступленія, мы получили нѣкоторыя подкрѣпленія; аріергардъ нашъ ежедневно дрался, и въ одномъ изъ этихъ дѣлъ Украинскіе казачьи полки захватили 11 орудій у непріятеля, подъ мѣстечкомъ Рейхенбахомъ.

Въ сраженіи подъ Бауценомъ мы имѣли однакоже частные успѣхи, какъ напримѣръ, кромѣ удачныхъ дѣйствій въ горахъ, мы разбили на голову гвардейскій уланскій полкъ Наполеона, такъ что тѣ, которые не остались на мѣстѣ, взяты въ плѣнъ; ихъ вели среди войскъ нашихъ толпой, во все время отступленія. Люди сіи были замѣчательны по стройному ихъ росту, мужественному виду, а особливо по краснымъ мундирамъ и высокимъ шапкамъ. По симъ признакамъ они постоянно бросались всѣмъ въ глаза.

Изъ нашихъ офицеровъ квартирмейстерской части убитъ былъ поручикъ Гернгросъ, двумя пулями въ животъ, въ то время какъ онъ ѣхалъ съ приказаніями въ горы.

Въ Гольдбергѣ нашу дивизію расположили позади города, близъ кладбища. Такъ какъ мы не рано пришли, и всякій думалъ отдохнуть, то я не строилъ себѣ шалаша, а велѣлъ только накрыть хворостомъ и надерганнымъ въ полѣ хлѣбомъ старую могильную яму, въ которую провалилась или опустилась земля, покрывавшая покойника. Я былъ защищенъ отъ дождя и могъ хорошо въ ней лежать. Въ вечеру по-

шелъ я навѣстить нѣкоторыхъ знакомыхъ и, поздно возвратясь, удивился, найдя брата Александра спящимъ, крѣпкимъ сномъ въ моей ямѣ. Я не имѣлъ еще извѣстій о немъ со дня сраженія. Мы обрадовались, найдя другъ друга здоровыми, и долго толковали лежа; онъ у меня всю ночь провелъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ уклоняться отъ сообщества новыхъ уланскихъ товарищей моихъ и былъ, конечно, правъ; но я перемѣнилъ свои привычки только тогда, когда, съ переводомъ въ другое мѣсто служенія, удалился отъ круга людей неумѣренныхъ, наполнявшихъ полки легкой гвардейской кавалерійской дивизіи.

Отъ Гольдберга пришли мы въ Яуеръ, а оттуда къ Швейдницу и расположились на бивуакахъ за городомъ. Подъ Швейдницемъ сдѣлалось извѣстнымъ, что заключено перемиріе съ Наполеономъ, который успѣлъ уже занять Бреслау на Одерѣ и освободить гарнизонъ крѣпости Глогау. Надобно полагать, что и Французское войско было въ большомъ разстройствѣ: иначе Наполеонъ не согласился бы заключить перемиріе. Оно было въ особенности намъ выгодно, потому что мы могли собраться силами и соединиться съ Австрійцами, склоняя ихъ къ союзу съ нами, о чемъ впрочемъ заботился и Наполеонъ.

Изъ Швейдница пришли мы къ городу Стрѣленъ, гдѣ я получилъ росписаніе селеній, которыя намъ слѣдовало занять въ Шлезіи, въ округѣ Гротгау, верстахъ въ семи отъ сего города. Взявъ съ собою квартирьеровъ и фуражировъ, я поѣхалъ въ селеніе Герцогсвальдау, гдѣ назначенъ былъ штабъ нашей дивизіи и квартира Чаликова. Помѣщикъ въ семъ селеніи былъ баронъ Шефлеръ, человѣкъ недальній; у него была старая жена, клавикорды и большой каменный домъ, который отвели для Чаликова.

Я остановился въ корчмѣ, лежащей за селеніемъ, созвалъ старшинъ и приступилъ къ дислокаціи. Великій Князь, командовавшій гвардейской конницей, занялъ свою квартиру недалеко отъ Гротгау, въ сел. Оссигъ, гдѣ была большая мыза. Кирасиры стояли въ окрестностяхъ; князь Д. В. Голицынъ, командиръ ихъ, расположился въ Гротгау. Главная квартира въ Рейхенбахѣ, въ 7 или 8 миляхъ отъ насъ; тамъ находился и Государь.

Сдѣлавъ росписаніе селеній для трехъ полковъ нашихъ, я отправилъ квартирьеровъ занимать оныя и составилъ по распросамъ маленькую дислокаціонную карту, которую представилъ Чаликову, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

Полки наши вступили въ кантониръ-квартиры между 15 и 20-ми числами Мая. Пока я занимался размѣщеніемъ полковъ, я не заботился о себѣ; всѣ офицерскія квартиры были заняты, и я остался

безъ помѣщенія, и потому занялъ корчму и объявилъ себя хозяину его постояльцемъ. Но такъ какъ у него внизу не было жилой комнаты, то я расположился на чердакѣ. Жилье мое было неудобно, часто заливалъ меня дождь, подо мною цѣлый день крикъ и шумъ; по ночамъ мѣшки съ овсомъ, на которыхъ я лежалъ, были атакованы баталіонами крысъ, которыхъ я отгонялъ кегельными шарами, перекатывая ихъ со слугою моимъ Николаемъ: крысы боялись этого стука и на короткое время прятались. Видъ изъ моего окна былъ прелестный: богатыя золотыя поля разстилались во всѣ стороны, а надъ колосьями возвышались церкви селеній, окруженныхъ садами; дороги разсѣкали волнистыя поля, по коимъ всюду двигались фуры. Въ правой сторонѣ находилась роща, которая сохранялась для охоты короля; въ ней водились разныя птицы, и разноцвѣтные фазаны иногда пролетали мимо моего окна. Чудесная страна, населенная честными и добрыми людьми! Сидя у окна и любуясь природою, воображеніе мое парило въ прошедшемъ и въ будущемъ. При закатѣ солнца отвсюду слышались пѣсни и, наконецъ, заревая труба наша въ отдаленности возвѣщала покой могильнымъ голосомъ своимъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ. Я любовался, задумывался, садился у окна и писалъ свои мысли. Тогда написалъ я посланіе къ покойному другу моему Колошину. Мнѣ казалось, что онъ со мной и раздѣляетъ думы мои своей усладительной бесѣдой. Не уклоняйся отъ меня, священная память друга и утѣшай меня въ горестяхъ и страданіяхъ! Отъ тебя почерпну я твердость, въ тебѣ найду путь къ добру и истинѣ! Мнѣ надобно было съѣздить въ городъ Бригъ, лежащій въ 2-хъ или 3-хъ миляхъ. Чаликовъ отпустилъ меня, и я отправился. Сдѣлавъ въ Бригѣ нужныя покупки, я зашелъ отобѣдать въ трактиръ, какъ вошли три Прусскихъ офицера. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый капитанъ Гертигъ, который подъ Бауценомъ такъ хорошо дѣйствовалъ своими тремя фунтовыми пущенками и, наконецъ, напившись пьянъ, уснулъ у ногъ графа Орлова. Мы обнялись, какъ старые товарищи. Bester Camerad, Herr russischer Camerad и такъ далѣе были изрѣченія, повторенныя съ восклицаніями, особливо какъ мы всѣ подпили. Одного изъ Прусаковъ называли der Herr Lieutenant Lange. Гертигъ безъ всякихъ околичностей сказалъ мнѣ при немъ, что у него прекраснѣйшая жена, и что такъ какъ завтра день его рожденія, то онъ приглашаетъ меня къ нему на праздникъ въ гости. Рота ихъ стояла по дорогѣ въ Стрѣленъ, въ селеніи, отстоящемъ на 3 мили. Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе; они обѣщались прислать за мной на другой день форшпанъ, и мы въ тотъ же вечеръ разъ-

ѣхались изъ Брига. На другой день довольно рано явилась ко мнѣ фура, и фурманъ принесъ мнѣ пригласительное письмо отъ Гертига и товарищей его, и я отправился. Отъѣхавъ версты двѣ отъ Герцогсвальдау, я прибылъ въ селеніе, гдѣ начинались кантониръ-квартиры Прусской арміи. Тутъ стояли das Ost-Preussische Dragoner или Uhlaner-Regiment. Повозку мою остановилъ унтеръ-офицеръ, въ которомъ я узналъ молодца, храбро дѣйствовавшаго въ сраженіи подъ Бауценомъ; его называли Гурецки. Онъ просилъ меня представить о немъ начальству. Я ему велѣлъ на другой день ко мнѣ пріѣхать, что̀ онъ и сдѣлалъ. Ему очень хотѣлось получить Георгіевскій крестъ, но какъ я не имѣлъ надежды выхлопотать ему сего отличія, то ограничился тѣмъ, что далъ ему рекомендательное письмо къ его полковому командиру, чѣмъ онъ остался весьма довольнымъ. Я его болѣе не видалъ и не знаю, успѣлъ ли онъ что-нибудь сдѣлать съ этимъ письмомъ.

Далѣе продолжая свой путь, я прибылъ въ красивое селеніе, гдѣ Гертигъ и товарищи его приняли меня со всевозможною привѣтливостью. Лейтенантъ Ланге представилъ мнѣ свою жену, которая въ самомъ дѣлѣ была хороша собою и пріятная женщина. Мы отобѣдали въ прекрасномъ садикѣ, при звукахъ музыки, веселились и пили за здоровье другъ друга. Жена Ланге занимала всѣхъ своимъ разговоромъ. Самъ Ланге былъ человѣкъ весьма порядочный; Гертигъ былъ простой и болѣе подъ каплей *). Отобѣдавъ, я хотѣлъ отправляться домой; но меня не пустили Прусаки, объявивъ, что они приготовили балъ именно для меня. Мнѣ нельзя было отказаться, но я не понималъ, гдѣ они могли найти мѣсто и домъ для бала. Они объяснили, что приказали очистить деревенскую школу и привести туда самыхъ лучшихъ крестьянокъ (Нѣмки всѣ охотницы вальсировать), и вся деревня, нарядившись, ожидала моего появленія въ школу. Жена Ланге осталась дома, а мы пошли. Едва я вошелъ въ горницу, какъ музыка протяжно заиграла Ach du liebe Augustchen. Всѣ встали, перешептывались, и каждая изъ танцовщицъ съ нетерпѣніемъ ожидала, чтобы я ее взялъ вальсировать. Гертигъ схватилъ лучшую изъ нихъ, подвелъ ее ко мнѣ, и я открылъ балъ медленнымъ Нѣмецкимъ вальсомъ. Прусаки закурили трубки и начали вслѣдъ за мной кружиться. Я скоро пересталъ танцовать и началъ наблюдать вертѣвшіяся передо мной карикатуры. Учитель школы, подойдя ко мнѣ, высказалъ мнѣ предлинную рѣчь, въ которой я примѣтилъ только оконча-

---

*) Это выраженіе (о которомъ выражено нами недоумѣніе на стр. 33-й) значитъ быть на веселѣ. П. Б.

тельные глаголы; ихъ собралось до пяти къ концу: haben, sein, werden, geworden, bin. Я поблагодарилъ его протяжнымъ Ja! Нѣмцы единогласно сознались, что еще никогда не видали столь благовоспитаннаго человѣка какъ der Herr russischer Lieutenant. Между тѣмъ артилеристы все подносили пуншъ, отъ котораго Прусаки напились. Имъ тогда пришло въ голову угостить меня одною изъ плясуній и, развѣдавъ, которая изъ нихъ мнѣ болѣе нравилась, они отвели ее безъ большихъ затрудненій въ особую комнату. Она бы и согласилась, еслибъ дѣло не такъ круто повели; но отецъ ея вступился и раскричался, за что̀ его въ мигъ выпроводили съ дочерью и всѣмъ семействомъ. Другіе гости находили, что онъ человѣкъ вздорный и не умѣетъ себя вести въ благородномъ обществѣ. Когда мои Прусаки порядочно подпили, ординарцы проводили ихъ домой, а я сѣлъ въ свой форшпанъ и отправился въ Герцогсвальдау на свой чердакъ, куда прибылъ на разсвѣтѣ другаго дня.

Изъ главной квартиры послѣдовало новое росписаніе всѣмъ офицерамъ квартирмейстерской части. Мнѣ снова досталось служить при Его Высочествѣ; почему, простившись съ Чаликовымъ и уланами, которые меня полюбили, я отправился въ селеніе Оссигъ, которое не далѣе одной мили лежало отъ Герцогсвальдау въ округѣ Гротгау. При отъѣздѣ моемъ Чаликовъ обѣщался дать мнѣ свидѣтельство въ отличіи, оказанномъ мною подъ Бауценомъ въ присутствіи всего уланскаго полка; но въ ту самую минуту онъ не успѣлъ сдѣлать сего, и дѣло было отложено.

Я прежде сего не бывалъ въ Оссигѣ. Мнѣ показали большой каменный домъ, въ которомъ стоялъ Великій Князь. Я не зналъ расположенія комнатъ и вошелъ по парадному крыльцу въ большой корридоръ, въ которомъ было много дверей, ведущихъ въ покои Его Высочества, Куруты и другихъ лицъ, при немъ состоявшихъ. Мнѣ надобно было явиться къ Курутѣ. Едва подошелъ я къ часовому и спросилъ его, кто въ той комнатѣ живетъ, какъ дверь вдругъ съ трескомъ отворилась, и изъ нея выскочилъ самъ Константинъ Павловичъ въ бѣломъ халатѣ. Глаза его сверкали отъ ярости. Я имѣлъ несчастіе разбудить его. Самъ я былъ безъ шляпы, въ фуражкѣ, шпоры на ногахъ были у меня особенно гремучія; онѣ-то именно потревожили сонъ Великаго Князя. Въ запальчивости своей онъ не узналъ меня. *Кто ты таковъ?* вскрикнулъ онъ сипучимъ своимъ голосомъ, который раздался по всему корридору и взмутилъ всю мою внутренность. Едва я успѣлъ произнести свою фамилію, какъ, оглядѣвши меня съ головы до ногъ, онъ снова началъ кричать. *Ахъ! да онъ въ шапкѣ! Ахъ, да какія шпоры! Подъ арестъ его, подъ арестъ! Ступайте, сударь, явитесь сейчасъ къ*

Дмитрію Дмитріевичу Куруть; а тамъ я выучу васъ ходить въ такомъ нарядь! Довольно счастливо было то, что онъ меня при этомъ случаѣ не выбранилъ, какъ у него часто водилось. Просипѣвъ грозную проповѣдь свою, онъ скрылся также быстро, какъ явился; я же тутъ не сталъ медлить и пошелъ отыскивать Куруту, который жилъ въ сосѣдней комнатѣ. Я явился къ бывшему своему начальнику, доброму Курутѣ, который принялъ меня какъ стараго знакомаго. Я ему разсказалъ встрѣчу свою. «Хорошо», отвѣчалъ онъ, «я это дѣло поправлю, а вы ступайте теперь къ товарищу своему Даненбергу; отдохните, а завтра приходите сюда поранѣе; здѣсь есть для васъ работа». Я пошелъ по большому селенію отыскивать Даненберга, котораго нашелъ съ трудомъ; онъ принялъ меня къ себѣ на квартиру. На другой день я пришелъ въ назначенное время къ Курутѣ, который мнѣ тутъ же далъ занятіе. Великій Князь зашелъ въ комнату, былъ веселъ, шутилъ, разговаривалъ со мной, какъ бы забылъ прошедшее. Онъ называлъ нашу чертежную *Operations Kanzeley*.

Чаликовъ часто къ намъ ѣзжалъ и разсказалъ Курутѣ о моемъ отличіи подъ Бауценомъ, послѣ чего Курута приказалъ мнѣ съѣздить къ Чаликову въ Герцогсвальдау и вытребовать отъ него свидѣтельство съ намѣреніемъ представить меня къ наградѣ. Я съѣздилъ къ Чаликову, который обѣщался мнѣ дать свидѣтельство; но онъ о чемъ-то другомъ суетился и опять забылъ; я же не хотѣлъ его болѣе о томъ просить, и дѣло осталось безъ послѣдствій.

Однажды Великій Князь смотрѣлъ работу мою, облокотившись на столъ. Чаликовъ съ другой стороны стоялъ и сталъ выхвалять меня Его Высочеству, говоря, что я подъ Бауценомъ врѣзался съ тремя уланами въ непріятельскую колонну и вытащилъ оттуда нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ (что̀ конечно не было вѣрно разсказано). Великій Князь, выслушавъ все какъ бы со вниманіемъ, оборотился ко мнѣ и, показавъ мнѣ сложенные свои пальцы, чмокнулъ языкомъ и спросилъ, не хочу ли я этого. Непривычный къ такому обхожденію начальника, я покраснѣлъ; онъ же вскочилъ и сталъ во все горло хохотать и бѣгать по комнатѣ. Не понимаю, къ чему онъ такъ шутилъ. Вспомнилъ ли онъ, что я сонъ его потревожилъ; только все этимъ и кончилось, и за послѣднія два сраженія я и благодарности не получилъ.

Константинъ Павловичъ велъ странную жизнь. Поутру пріѣзжалъ къ нему на дворъ полуэскадронъ въ караулъ, и онъ, стоя на балконѣ, командовалъ и училъ его часа полтора. Послѣ сего заставлялъ ихъ по одиночкѣ нѣсколько разъ черезъ барьеръ прыгать, причемъ нерѣдко случалось, что люди съ лошадьми падали и ушибались,

а онъ хохоталъ. Послѣ смѣны, онъ приходилъ къ Курутѣ, иногда бесѣдовалъ съ нимъ порядочно, а чаще возился съ собакой своей, травилъ ею свою Фридерикшу, которую для того призывалъ, и при этихъ забавахъ онъ все вверхъ дномъ ставилъ у Куруты въ комнатѣ. Иногда Курута унималъ его какою-нибудь острой шуткой, и Константинъ Павловичъ сознавался, что. Дмитрій Дмитріевичъ скоро вынетъ изъ кармана пучекъ розогъ и высѣчетъ его, послѣ сего онъ цѣловалъ руку у Куруты и усмирялся. До обѣда онъ спалъ. Послѣ обѣда опять спать ложился, въ 6 часовъ вставалъ и выходилъ на балконъ. Ему приносили солдатское ружье, и онъ стрѣлялъ въ цѣль съ балкона по статуѣ, стоявшей среди двора его, которая была безъ рукъ и безъ головы отъ его пуль. Любопытно было видѣть, какъ онъ заряжалъ и стрѣлялъ, все по формѣ, какъ будто бы онъ во фронтѣ стоялъ. Курута за нимъ находился и похвалялъ удачные выстрѣлы. Послѣ стрѣльбы собирали по деревнѣ жеребцовъ и кобылъ.... и также приводили пѣтуховъ для драки. Къ вечеру онъ прогуливался и всячески дурачился. Приводили къ нему какую-нибудь Нѣмецкую музыку, состоявшую изъ цимбалъ или плохаго кларнета, и каждый день новую; онъ приказывалъ имъ играть у себя въ коридорѣ, за что̀ щедро платилъ музыкантамъ. По случаю перемирія Великій Князь привезъ Фридерикшу, съ которою къ удивленію моему пріѣхала, въ числѣ окружавшихъ ее, та самая панна стряпчина Лежакова, за которою братъ Михаилъ въ Видзахъ волочился; она очень подурнѣла. Окружавшіе Великаго Князя были тѣже что̀ и прежде въ то время, какъ мы стояли въ Видзахъ. Назову только новыя лица, проявившіяся при дворѣ Константина Павловича. Адъютантъ его л.-г. коннаго полка ротмистръ Алексѣй Орловъ, красивый мущина, умный и ловкій *), но нрава скрытнаго; впрочемъ я съ нимъ всегда въ ладахъ жилъ. Онъ теперь генералъ-маіоромъ. Квартирмейстерской части подпоручикъ Даненбергъ, Петръ Андреевичъ, тотъ самый, котораго я въ 1811 году принималъ въ колонновожатые, училъ математикѣ и экзаменовалъ въ офицеры; теперь онъ былъ уже чиномъ старше меня. Даненбергъ былъ уменъ, учился хорошо, прилеженъ и храбръ. По предкамъ Даненбергъ былъ изъ Шведовъ, но по мыслямъ Русскій. Нѣмцевъ онъ не любилъ и охотно шутилъ надъ ними. Съ нимъ жилъ нѣкто *Мёнье* (*Meunier*), урожденецъ Французскій, но съ дѣтства выѣхавшій изъ своего отечества и взросшій въ Вестфаліи, гдѣ онъ вступилъ въ службу, въ garde du corps короля

*) Будущій князь. П. Б.

Іеронима; въ 1812 году, онъ перешелъ во Французскую службу въ пѣхотный полкъ и былъ полковымъ квартирмейстеромъ. При обратномъ шествіи изъ Москвы въ Вильну онъ претерпѣлъ общую участь своихъ соотечественниковъ и ходилъ въ Вильнѣ, прося милостыни по улицамъ, былъ въ рубищѣ и почти полунагой. Ему вспомнилось, что когда онъ занималъ нѣкогда должность учителя Французскаго языка въ какомъ-то институтѣ въ Берлинѣ, Великій Князь, въ проѣздъ свой черезъ Берлинъ, спрашивалъ у него имя. Мёнье отыскалъ въ Вильнѣ квартиру Его Высочества и хотѣлъ войти къ нему, но былъ отбитъ прикладомъ часоваго. Не взирая на это, онъ не оставилъ своего намѣренія; нужда придала ему смѣлости, и онъ, оттолкнувъ часоваго, ворвался въ комнату Цесаревича и объяснилъ ему, кто онъ таковъ. Константинъ Павловичъ, вспомнивъ разсказанный имъ случай, велѣлъ принять его въ свой обозъ, одѣть и снабдить деньгами. Мёнье былъ порядочный человѣкъ. Константинъ Павловичъ полюбилъ его и ласкалъ. Онъ всюду путешествовалъ съ обозомъ, а по вечерамъ иногда призывали его разговаривать съ Цесаревичемъ. Мёнье не принадлежалъ къ числу тѣхъ дерзкихъ и наглыхъ Французовъ, которые въ короткое время становятся несносными. Ему было болѣе двадцати лѣтъ отъ роду; онъ былъ скроменъ и благовоспитанъ; мы съ нимъ хорошо уживались. Онъ вскорѣ перешелъ отъ насъ на другую квартиру, а въ послѣдствіи времени ему порученъ былъ въ управленіе весь обозъ Великаго Князя. Теперь онъ въ Варшавѣ и, кажется вступилъ въ нашу службу. Великій Князь, по добротѣ души, набралъ къ себѣ много несчастныхъ плѣнныхъ; иныхъ отправилъ онъ въ Петербургъ, гдѣ они жили въ Мраморномъ дворцѣ и прихотничали. Нѣсколько мальчиковъ, взятыхъ изъ числа Французскихъ флейтщиковъ, онъ опредѣлилъ въ кадетскій корпусъ, чего конечно не слѣдовало дѣлать. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, оправившись по полученіи денегъ и платья, бѣжали.

Въ то время какъ мы стояли въ Оссигѣ, находилось у Великаго Князя еще два иностранца такого рода. Одинъ былъ гренадеръ Наполеоновской старой гвардіи, его звали *Адамъ*. Онъ былъ портной, большой шутъ и каналья. Былъ еще одинъ Прусакъ, по имени *Хазе*, который служилъ капельмейстеромъ во Французскихъ войскахъ и сдѣлался совершеннымъ Французомъ, развратный и грубый человѣкъ и тоже шутъ, но зналъ порядочно музыку и обучалъ нашихъ музыкантовъ. Я видѣлъ его послѣ въ Стрѣльнѣ, гдѣ онъ вездѣ былъ принятъ и училъ Фридерикшу играть на фортепьяно. Я нашелъ еще въ Оссигѣ при Великомъ Князѣ Донскаго войска поручика Сердюкова, Алексѣя Михайловича, котораго я въ 1812 году еще зналъ; онъ былъ раненъ подъ Бауценомъ, но скоро выздоровѣлъ. Человѣкъ простой.

Я имѣлъ также случай познакомиться съ подполковникомъ Иваномъ Ивановичемъ Шицомъ, бывшимъ тогда оберъ-квартирмейстеромъ при князѣ Голицынѣ 5-мъ, командовавшемъ гвардейскою кавалеріею. Шицъ былъ порядочный чудакъ; чудна была и одежда его, напр. шляпа имѣла видъ похоронной съ подстегнутыми къ верху полями; султанъ, болѣе зеленый нежели черный, отливалъ въ ясную погоду всѣми радужными цвѣтами; шейный платокъ лежалъ у него на груди, мундиръ не въ пору, двубортный и съ большими плоскими пуговицами; рейтузы спущены, сапоги доходили ниже икоръ и надѣвались сверхъ рейтузъ; лошаденка скверная, чепракъ, Французскій гусарскій синій, всегда криво лежалъ на драгунскомъ сѣдлѣ; путлица и уздечка были перевязаны веревочками. Въ такой амуниціи онъ вездѣ ходилъ, и я удивляюсь, какъ при Великомъ Князѣ все сіе ему съ рукъ сходило. Шицъ не былъ еще старъ, онъ былъ храбръ и нѣсколько разъ раненъ, добрый и простой человѣкъ, совсѣмъ недальнихъ способностей и веселаго нрава; при этомъ крѣпко придерживался чарочки. Казалось, что онъ былъ нѣсколько помѣшанъ.

Въ Оссигѣ я тоже нашелъ Кроссара, который служилъ шутомъ у Константина Павловича. Онъ все спалъ, или кофе пилъ, или громогласно проповѣдывалъ les gra-a-ndes opérations militaires, или скакалъ по окрестнымъ мѣстечкамъ безъ памяти, полагая, что командуетъ всѣми войсками. Когда онъ бывалъ дома, то постоянно ходилъ въ одной рубашкѣ и брился по два раза въ день, намазавъ прежде все лицо мыломъ. Въ такомъ положеніи его разъ засталъ Ланской, адъютантъ князя Голицына и, подкравшись къ нему сзади, схватилъ его... и волочилъ по комнатѣ. Кроссаръ, почти голый, съ намыленной рожей и бритвою въ рукахъ, кричалъ и не зналъ что̀ съ нимъ дѣлается; наконецъ, Ланской, подведя Кроссара къ дверямъ и, бросивъ его, самъ бѣжалъ.

Когда я въ Оссигѣ обжился и познакомился, Великій Князь сталъ со мною ласковѣе, иногда разговаривалъ и шутилъ со мною. Я жилъ вмѣстѣ съ Даненбергомъ дружно. Утро мы занимались въ чертежной у Куруты или, какъ Константинъ Павловичъ говорилъ, въ *Operations-Kanzeley*. Обѣдъ намъ отпускали отъ стола Его Высочества; вечеръ мы проводили дома въ чтеніи или въ спорахъ, иногда перебирая всѣхъ окружающихъ Константина Павловича, между которыми не нашли ни одного плѣнившаго насъ; иногда ходили прогуливаться за деревню и любовались окрестностями.

Великій Князь занялъ меня разъ работой, довольно скучной: ему хотѣлось имѣть рисунки мундировъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ арміи; ихъ надобно было чертить въ видѣ паралелограмовъ, разби-

вать ихъ на треугольники и другія фигуры, коихъ цвѣты должны были означать воротникъ, выпушку, подкладку, мундиръ, пòлу, флюгеръ и проч. Но онъ самъ хотѣлъ предоставить себѣ ребяческое удовольствіе покрыть паралелограммы сіи яркими цвѣтами и потому приказалъ мнѣ принесть ихъ только начерченными. Онъ только что всталъ послѣ обѣда, послѣ крѣпкаго сна, былъ сердитъ, сѣлъ на балконъ, велѣлъ себѣ свои краски принесть и началъ мазать, все испортилъ, замаралъ и, увидя наконецъ, что тутъ требовалось терпѣніе, онъ велѣлъ просить меня, чтобы я все это поправилъ. Поправить нельзя было; я принужденъ былъ все сызнова передѣлать, чтò ему такъ понравилось, что онъ велѣлъ меня за то много благодарить и потребовалъ еще 3 экземпляра, одинъ для Уварова, другой для Ожаровскаго, третій уже не знаю для кого. Я принужденъ былъ заняться этой пустой работой. Константинъ Павловичъ раздарилъ новые экземпляры, а одинъ оставилъ себѣ и постоянно носилъ его въ карманѣ; это для того было ему нужно, что въ то время перемѣнились всѣ мундиры кавалерійскіе.

Мнѣ также поручено было съ Даненбергомъ снять поле, на которомъ Великій Князь училъ конницу, съ окрестностями онаго на большое разстояніе. Великій Князь занимался часто ученіями. Однажды, будучи не въ духѣ, онъ излилъ гнѣвъ свой на лейбъ-драгунъ, которыхъ училъ, наговорилъ офицерамъ много непріятностей и, подъѣхавъ къ капитану Воеводскому, сказалъ ему, что онъ глупѣе его потникà; потомъ, уѣзжая съ поля, послалъ адъютанта къ г.-м. Чичерину сказать ему, чтобы онъ этихъ ословъ училъ да мучилъ, пока они не выучатся. Чичеринъ приказалъ отвѣчать Цесаревичу, что у него не ослы въ командѣ, и, скомандовавъ справа по три, увелъ полкъ въ квартиры, а на другой день послалъ рапортъ къ Великому Князю о болѣзни. Сему примѣру послѣдовали многіе офицеры, и Великій Князь не могъ сдѣлать по желанію своему ученія, на которомъ хотѣлъ загладить вину свою. Онъ послалъ къ Чичерину любимца своего Олсуфьева, просить его, чтобы онъ выздоровѣлъ; но Чичеринъ не сдался и приказалъ отвѣчать, что выздоровленіе не въ его волѣ состоитъ. Онъ вынудилъ, наконецъ, Константина Павловича самого къ нему пріѣхать. Чичеринъ принялъ его въ халатѣ и по долгомъ объясненіи согласился вывести полкъ на ученіе. Великій Князь безпокоился объ обидахъ, нанесенныхъ имъ офицерамъ; но Чичеринъ за всѣхъ поручился, и на другой день было ученіе.

Драгуны учились весьма дурно, потому, что удача на ученьяхъ часто зависитъ отъ случая; но Великій Князь находилъ все отлично. Онъ подъѣхалъ къ капитану Воеводскому и въ присутствіи офицеровъ спросилъ у него, чтò онъ ему сказалъ на прошломъ ученіи.

«Такія слова», отвѣчалъ Воеводскій, «послѣ которыхъ я не могу болѣе служить».—«Да что̀ такое, скажите пожалуйста, право не помню».—«Ваше Высочество мнѣ то и то сказали».—«Неужели! Быть не можетъ! Если я это сказалъ, то право не помню, ибо сказалъ сіе въ горячкѣ и безъ намѣренія обидѣть васъ и потому прошу у васъ извиненія.» Константинъ Павловичъ пожалъ у Воеводскаго руку и, обратясь ко всѣмъ офицерамъ, сказалъ имъ: «Господа, если впередъ со мною подобное бы случилось, то предупреждаю васъ просьбою за то не сердиться на меня, потому что я иногда не помню что̀ говорю; сегодняшній примѣръ доказываетъ вамъ истину моихъ словъ».

Во время перемирія былъ великолѣпный смотръ кавалеріи, на которомъ присутствовалъ Государь, Прусскій король и много посѣтителей. Прусаки пріѣзжали изъ отдаленныхъ квартиръ, чтобы видѣть сіе зрѣлище. Мнѣ поручено было разставить войска. На смотру были 3 кирасирскія дивизіи, состоявшія изъ 12 полковъ, легкая гвардейская кавалерійская дивизія (три полка) и гвардейская конная артиллерія. Полки всѣ были укомплектованы недавно, приведенными частями по два эскадрона въ каждый полкъ. Послѣ церемоніальнаго марша, Государь началъ смотрѣть войска справа по одному въ карьеръ, но не имѣлъ терпѣнія пропустить поодиночкѣ даже людей кавалергардскаго полка и прекратилъ смотръ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ людей и лошадей падали и расшибались. Послѣ того было общее ученіе всѣмъ полкамъ вмѣстѣ. Полки кавалергардскій и л.-гв. конный дѣлали атаку цѣлою бригадою въ одну линію. Послѣ ученія Государь уѣхалъ обратно въ Рейхенбахъ, гдѣ находилась его главная квартира.

Изъ Оссига ѣздилъ я иногда навѣщать конногвардейскаго Синявина, съ которымъ прежде былъ знако̀мъ. Въ Оссигъ пріѣхалъ ко мнѣ братъ Михайла, выздоравливавшій отъ полученной имъ подъ Бородинымъ раны. Радостно для насъ было обнять другъ друга послѣ продолжительной разлуки. Отъ Михайлы узналъ я, что отецъ вступилъ въ службу полковникомъ, оставивъ при себѣ молодыхъ людей, которые у него учились. Батюшка былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба въ корпусъ графа П. А. Толстаго, начальствовавшаго 70.000 ратниковъ восточныхъ губерній, которые формировались въ Нижнемъ-Новгородѣ. Вступивъ въ службу, противъ желанія своего отчима князя Урусова, онъ поссорился съ нимъ, и князь хотѣлъ лишить его наслѣдства; но отецъ, не смотря на то, пошелъ въ службу. Такъ какъ у батюшки было мало состоянія, то онъ не могъ намъ денегъ присылать. Между тѣмъ, занявъ высокое мѣсто, сталъ жить не по своимъ средствамъ и надѣлалъ долговъ.

Проживъ у меня одни сутки, братъ Михайла уѣхалъ въ Рейхенбахъ, потому что князь Волконскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты.

Мы начали помышлять о продолженіи военныхъ дѣйствій, когда срокъ перемирія сталъ кончаться. Курута послалъ меня сперва въ Гротгау и потомъ въ Мюнстербергъ къ сторонѣ Богеміи, дабы доставить ему предварительныя свѣдѣнія о состояніи селеній, около сихъ городовъ лежащихъ. До Мюнстерберга былъ одинъ день ѣзды. Я ѣхалъ контониръ-квартирами Прусскихъ войскъ; Прусаки комплектовали полки свои, учились и готовились начать съ новымъ рвеніемъ предстоявшую кампанію. По пріѣздѣ въ Мюнстербергъ, мнѣ отвели квартиру у аптекаря, достаточнаго человѣка, который показалъ мнѣ вверху хорошую комнату. Пока я сидѣлъ одинъ, вошла ко мнѣ хозяйская дочь, стройная молодая дѣвушка лѣтъ 18. Она скромно поклонилась и спросила, гдѣ мнѣ угодно будетъ кушать, у себя въ комнатѣ или внизу. Я просилъ ее прислать кушанье ко мнѣ на верхъ, и чрезъ нѣсколько минутъ она опять пришла и накрыла сама на столъ. Я просилъ ее посидѣть со мною. Она спросила меня, не зналъ ли я двоюроднаго брата ея Баруеля, служащаго въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку. Я дѣйствительно зналъ Баруеля, который служилъ адъютантомъ или ординарцемъ при Васильчиковѣ и хотя ему было не болѣе 15 лѣтъ отъ роду, но онъ уже былъ поручикомъ. Знаете ли, продолжала она, зачѣмъ я васъ о немъ спрашиваю? Это потому, что вы на него очень похожи; вы сдѣлали въ моемъ сердцѣ впечатлѣніе, которое меня никогда не оставитъ. Молодая хозяйка моя не принадлежала къ числу развратныхъ женщинъ; напротивъ того, она была скромная. Странно мнѣ показалось, какъ я могъ ей вдругъ такъ понравиться и, сдѣлавъ признаніе въ моей страсти, бѣдная дѣвушка покраснѣла, потупила глаза и замолчала. Мнѣ ея было жаль, и въ утѣшеніе ея я обнялъ ее и обнялъ съ удовольствіемъ. Случившійся въ сосѣдней комнатѣ шумъ понудилъ насъ разстаться, но она просила меня провести вечеръ въ саду. Тамъ будутъ родители мои, сказала она, соберутся гости, будетъ пасторъ, и вы пріятно время проведете съ нами. Почему не такъ? подумалъ я, обѣщаясь придти. Въ сумерки я пошелъ въ садъ и нашелъ тамъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ она меня предупредила. За трубкою разговаривалъ я съ пасторомъ о богословіи, какъ прелестница сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы выдти прогуляться. Я вышелъ, она меня дожидалась, но не въ скрытномъ мѣстѣ, и изъяснялась въ любви своей въ полголоса, собирала ягоды и угощала меня; словомъ, совсѣмъ увлекалась страстью. Я отвѣчалъ ей невинными ласками, садъ былъ маленькій, и изъ бесѣдки, въ которой старики сидѣли, было во всѣ стороны видно. Такъ и кончился вечеръ, а на другой день я уѣхалъ обратно въ Оссигъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЗИМНІЙ ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ КАВКАЗСКІЯ ГОРЫ.

На старости я съизнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною.

Борисъ Годуновъ.

Много напрасныхъ увлеченій, много ошибокъ можетъ припомнить каждый изъ насъ въ своей молодости; и не смотря на это, она представляется старикамъ въ какомъ-то розовомъ свѣтѣ, и они такъ любятъ вспоминать и говорить объ ней. Эта же причина побудила и меня разсказать нѣсколько эпизодовъ изъ моей молодости; а будетъ ли занимателенъ разсказъ, объ этомъ старики какъ-то мало думаютъ.

Прочитавъ нѣсколько описаній зимняго перехода нашего войска черезъ Балканскія горы, я лучше многихъ могъ понять всю трудность похода по горамъ, въ морозъ, часто по глубокому снѣгу, въ мятель и вьюгу; лучше многихъ оцѣнилъ подвигъ нашего несравненнаго войска: я самъ перешелъ Кавказскій хребетъ въ Январѣ, пѣшкомъ, мѣстами по колѣна въ снѣгу, при десяти градусахъ мороза. И я помню всѣ мельчайшія подробности этого необыкновеннаго перехода такъ ясно, какъ будто совершилъ его назадъ тому два-три года, хотя съ того времени прошло слишкомъ тридцать лѣтъ. Правда, я переходилъ горы съ нѣкоторыми удобствами и не по такимъ высотамъ, какъ Гурко, Скобелевъ, Карцевъ и другіе, но для непривычнаго человѣка и этого было достаточно.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ за Кавказомъ по гражданской службѣ, я, въ началѣ Января 1849 года, собрался ѣхать въ отпускъ домой, въ коренную Россію, на свою родину. Я получилъ отпускъ на 4 мѣсяца и двойное жалованье впередъ за 2 или за 3 мѣсяца, чтὸ было возможно только въ правленіе князя М. С. Воронцова, извѣстнаго своею щедростью. При немъ офицеры и чиновники получали разныя пособія часто вовсе незаслуженныя (какъ я, напримѣръ); солдатамъ,

при всякомъ представлявшемся случаѣ, выдавалась лишняя мясная и винная порція; за каждый пустякъ, когда другой начальникъ далъ бы много рубль или 50 коп., князь давалъ червонецъ. Когда при немъ не случалось денегъ, онъ обращался къ кому-нибудь изъ своей свиты и занималъ деньги; я былъ разъ свидѣтелемъ, какъ онъ занялъ червонецъ, чтобы дать на водку простому солдату, караулившему какую-то казенную мельницу, за то только, что онъ отворилъ ему дверь. Другой за это, конечно, не далъ бы ничего. И съ меня потомъ полученныя деньги, жалованье и прогоны, не были взысканы, «въ уваженіе долговременной и безпорочной службы за Кавказомъ».

Я совсѣмъ собрался и укладывался въ дальнюю дорогу, но дня за два до выѣзда получилъ приглашеніе, въ числѣ другихъ чиновниковъ канцеляріи намѣстничества, на вечеръ къ княгинѣ Е. К. Воронцовой. Надобно было ѣхать и потому, что слѣдовало, какъ водится, «откланяться» и поблагодарить за любезность ея и ласки къ намъ, чиновникамъ.

Вечеръ былъ не въ большихъ парадныхъ комнатахъ дворца, но въ жилыхъ покояхъ, на половинѣ княгини. Намѣстникъ только что получилъ тогда портретъ Государя, на голубой лентѣ, осыпанный алмазами, какъ знакъ высокой милости и, говорили, былъ очень доволенъ, не такъ какъ по полученіи княжескаго титула, когда онъ сказалъ кому-то: «вотъ, я былъ старый графъ, а теперь сталъ молодой князь» *).

Когда я вошелъ въ залу, гдѣ было уже довольно публики, князь, снявъ съ груди портретъ, показывалъ его Французскому консулу (помнится мнѣ, виконту Кастильону). Французъ восхищался и рисункомъ, и лицомъ Царя, да и алмазами; «Comme il est beau! Quels beaux diamants!»... громко восклицалъ онъ, поворачивая въ рукахъ портретъ. Князь, по своей привычкѣ, ласково улыбался. И все это такъ памятно мнѣ, такъ живо передъ глазами до сего времени.

Волею и неволею протанцовавъ двѣ или три кадрили, безъ чего молодымъ людямъ тогдашняго времени нельзя было обойтись, я пошелъ откланяться княгинѣ (къ князю я являлся утромъ наканунѣ). Любезная, ласковая княгиня Елисавета Ксаверьевна довольно долго говорила со мною и, пожелавъ добраго пути и скораго возвращенія, протянула руку на прощанье: большая милость мелкому чиновнику! Я же, вмѣсто того чтобы поцѣловать руку, ограничился почтительнымъ прикосновеніемъ... Не догадался, и за это на меня сейчасъ же напалъ одинъ

*) На что, говорили, кто-то замѣтилъ ему: „Чтожъ, в. с—во, изъ стараго пріятно сдѣлаться молодымъ".

изъ начальниковъ канцеляріи. «Quel manque d'usage, de politesse, de galanterie!... По моему вамъ слѣдуетъ еще разъ явиться на вечеръ къ княгинѣ, отложивъ вашу поѣздку, и поцѣловать у княгини руку при прощаньи»... Однако я черезъ два дня уѣхалъ и больше не имѣлъ чести видѣть княгиню. Князю я представлялся въ Москвѣ, во время коронаціи покойнаго Государя и потомъ въ Петербургѣ, поздравляя съ саномъ фельдмаршала. Онъ по прежнему былъ ласковъ, съ своею постоянною улыбкою; казался веселымъ и въ добромъ здоровьѣ, но скоро Россія лишилась этого замѣчательнаго государственнаго человѣка.

Передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса я жилъ вмѣстѣ съ братомъ и съ пріятелемъ, *Е. И. К.*, который собрался проводить меня до первой или второй станціи, и отправиться тамъ на охоту за каменными курочками, фазанами или дикими козами. Купилъ онъ пять или шесть фунтовъ лучшаго пороху и вечеромъ, наканунѣ нашего отъѣзда, сталъ насыпать порохъ въ патроны, разсыпалъ весь порохъ на столѣ кучею, въ сосѣдней комнатѣ, при свѣтѣ одной свѣчи. Зная неосторожность *К.*, я заглянулъ къ нему и увидалъ, что онъ препокойно куритъ папироску надъ кучею пороха, не переставая насыпать патроны, и папироска у него въ зубахъ. Сколько мы съ братомъ ни уговаривали его бросить ее, онъ не слушался, говоря, что онъ не ребенокъ, что папироска крученаго табаку... Что̀ было дѣлать? Еслибы вспыхнуло шесть фунтовъ пороху, то, конечно оконной рамы не осталось бы въ комнатѣ, и что̀ было бы съ лицомъ, съ глазами К?... Съ нимъ случалось много головоломныхъ приключеній, изъ которыхъ онъ выходилъ цѣлъ и невредимъ, и можно было оставаться увѣрену, что и на этотъ разъ дѣло обойдется благополучно; но братъ мой не былъ фаталистомъ: подойдя сзади къ К., онъ быстро, но осторожно вынулъ папиросу изъ зубъ его, затѣмъ побѣжалъ къ ящику съ папиросами и спряталъ его, объявивъ, что не дастъ ни одной, пока не будутъ насыпаны и заряжены всѣ патроны. К. покорился, хотя и смѣялся надъ нашею «дамскою нервностью». Скоро явились знакомые, начались обычные проводы и продолжались далеко за полночь.

Утромъ выѣхали мы съ К. на двухъ перекладныхъ телѣгахъ. День былъ превосходный, солнце сіяло и грѣло такъ, какъ грѣетъ оно у насъ въ теплый и ясный Октябрскій день, дорога сухая и гладкая какъ шоссе. *К.* болталъ всю дорогу, хотя я и не слушалъ его: грустно было покидать городъ и край, въ которомъ провелъ лучшіе года жизни, къ которому привыкъ, l'homme est une bête d'habitude... Шильонскій узникъ даже «о тюрьмѣ своей вздохнулъ».

Съ Душета (второй станціи за Тифлисомъ) начиналась снѣжная дорога и чѣмъ дальше, тѣмъ снѣгу было больше, и онъ уже массами лежалъ на горахъ; въ Ананурѣ намъ подали сани. *К.* все провожалъ меня: не хотѣлось въ городъ на службу. Ближе къ Пассанауру снѣгъ былъ такъ глубокъ, что мы ѣхали большею частію шагомъ, и къ довершенію досады, тамъ объявили намъ, что дальше ѣхать нельзя,— на Гудъ-горѣ выпалъ снѣжный завалъ, Осетины посланы расчищать его и едва ли дня въ три кончатъ работу, и то если не будетъ новаго завала. Очень скучно было ждать на станціи, въ холодныхъ комнатахъ *) и при крайней бѣдности въ съѣстныхъ припасахъ; но еще скучнѣе было возвратиться на три дня въ Тифлисъ, за 80 верстъ. Я рѣшился ждать разчистки завала, къ чему уговаривалъ меня К., соблазняя охотою на оленей, которыхъ выпавшій на дняхъ глубокій снѣгъ согналъ съ высотъ въ долину. Такъ разсказывалъ намъ одинъ изъ ямщиковъ на станціи, обѣщая довести до цѣлаго стада, верстахъ въ трехъ отъ станціи.

Зарядивъ ружья лётками, рано утромъ отправились мы на заманчивую охоту. Бѣдные олени очень обманулись, разсчитывая на кормъ въ долинахъ: снѣгъ былъ и здѣсь такъ глубокъ, что мѣстами мы уходили въ него до колѣнъ, а олени проваливались по грудь. Черезъ часъ хода мы дѣйствительно увидали стадо головъ въ двѣнадцать. Замѣтивъ насъ, олени съ усиліемъ прыгали въ снѣгу, давили другъ друга, сталкивались, стараясь уйти къ горѣ. Не знаю, кто измучился больше, мы ли, преслѣдуя ихъ, или они, убѣгая отъ насъ. Рука не поднималась на беззащитныхъ; я застрѣлилъ дрозда и возвратился на станцію усталый и мокрый, а К. продолжалъ съ ямщикомъ преслѣдовать оленей. Отставъ отъ стада, одинъ изъ молодыхъ подпустилъ шаговъ на пятьдесятъ, и пуля въ сердце положила его на повалъ. К. возвратился часа въ два, съ «полемъ», какъ говорятъ охотники, неся убитаго оленя, съ помощію ямщика и какого-то солдата, оленье мясо явилось очень кстати, и мы питались имъ въ разныхъ видахъ, въ супѣ, въ котлетахъ и въ жареномъ. Половину его туши К. повезъ въ Тифлисъ для раздачи пріятелямъ. Къ вечеру явились новые пассажиры, офицеры *К. В.* и *Б. Н.*, отправлявшіеся въ зимнюю экспедицію, на рубку лѣса, помнится вблизи Владикавказа. Они въ Тифлисѣ узнали о выпавшемъ завалѣ, но понадѣялись, что къ завтрешнему дню онъ будетъ расчищенъ. Въ понятномъ нетерпѣніи добраться до мѣста скорѣе, они отправили своихъ людей, со всѣмъ багажемъ,

*) Дрова достаются тамъ съ большимъ трудомъ, на горахъ.

въ Квишетъ, деревню у подошвы Гудъ-горы, съ приказаніемъ прислать немедленно нарочнаго, когда завалъ будетъ проходимъ. Мы угостили ихъ ужиномъ изъ оленя. Однако утромъ на другой день посланнаго изъ Квишетъ не было, и офицеры рѣшили ѣхать въ объѣздъ. Помнится въ 20 верстахъ отъ Пассанаура, по теченію небольшой рѣчки, въ ущельи, отысканъ былъ переходъ черезъ горы, на которомъ не бываетъ большихъ заваловъ. При началѣ перехода, въ долинѣ, выстроено было помѣщеніе для рабочей команды, прокладывавшей дорогу по первой горѣ зигзагами, проходимыми пока только для вьючныхъ лошадей. Дорога эта, минуя Квишетъ, Гудъ-гору и станцію Коби, выходила къ станціи «Казбекъ». Этимъ путемъ мы и рѣшились воспользоваться. *К. В.* и *Б. Н.* уѣхали туда утромъ, я же остался съ милымъ К. еще на нѣсколько часовъ. Намъ обоимъ думалось: Увидимся ли когда нибудь? Каковъ онъ будетъ тогда, черезъ 5, 10 лѣтъ? Какъ подѣйствуетъ на него жизнь... да и увидимся ли когда нибудь?... Я ѣхалъ съ намѣреніемъ не возвратиться на Кавказъ и не возвратился. Мы простились, и часа въ два пополудни я выѣхалъ, поручивъ кланяться Тифлису...

Новая станція оказалась не только удобною, помѣстительною и теплою, но построенною роскошно, какъ все, что́ строятъ у насъ инженеры разныхъ вѣдомствъ. При ней была и казарма для рабочей команды, и конюшни, и сараи, и запасы разнаго продовольствія. Покойно и удобно выспавшись, утромъ собрались мы совершать переѣздъ черезъ горы. У казаковъ, которые тогда какъ-то повсюду встрѣчались на Кавказѣ, взяли мы верховыхъ лошадей; вещи же наши понесли рабочіе солдаты, человѣкъ пятнадцать. Отъѣхавъ отъ станціи не больше полуверсты, мы убѣдились, что продолжать путь верхомъ невозможно, лошади уходили мѣстами въ снѣгъ по грудь; пришлось слѣзть и отдать казакамъ. Нечего было дѣлать, пошли пѣшкомъ по протоптанной солдатами дорожкѣ, поднимавшейся на гору зигзагами. Человѣкъ восемь солдатъ пошли впередъ, за ними К. В., потомъ Б. Н. и я; за мною мой человѣкъ, старикъ Степанъ, а сзади еще человѣкъ восемь солдатъ съ нашими вещами. Конечно, еслибы не эти офицеры, мнѣ не пришлось бы переходить горы съ такими удобствами. Снявъ съ себя тяжелое теплое платье, мы пустились въ дорогу въ комнатныхъ костюмахъ и сапогахъ; Степанъ же не снялъ ни длиннаго тулупа, ни теплыхъ сапоговъ, надъ чѣмъ въ продолженіе пути не разъ посмѣивались молодые солдаты, такъ же какъ и мы, неопытные люди.

Солнце ярко свѣтило; морозу, какъ намъ сказали на станціи, было 10° по Реомюру, вѣтру не было. Скоро легкіе сапоги наши и шерстяные чулки промокли отъ рыхлаго снѣга, доходившаго мѣстами

до колѣнъ, не смотря на протоптанную тропинку; на ходьбѣ это было не важно, но при постоянномъ подъемѣ на гору приходилось часто останавливаться и отдыхать, стоя или садясь на снѣгъ; ноги быстро остывали, начинали ломить и, не смотря на усталость, мы по неволѣ вставали и шли до новаго отдыха; и опять ноги остывали, заставляя идти. Такъ шли мы цѣлый день, съ девяти часовъ утра до вечера. Скоро поняли мы, что Степанъ былъ правъ, не снявъ теплыхъ сапоговъ, которые нисколько не промокли; крѣпко сшитые солдатскіе сапоги, вымазанные бараньимъ жиромъ, тоже не промокали; солдаты и не уставали и не присаживались при нашихъ невольныхъ остановкахъ; на каждомъ изъ нихъ подъ шинелью былъ короткій полушубокъ, подъ папахами—наушники. Войска наши, при переходѣ черезъ Балканы, могли быть одѣты и обуты точно также, и не было бы ни отмороженныхъ членовъ, ни замерзшихъ людей, по крайней мѣрѣ много меньше....

По мѣрѣ нашего восхожденія на перевалъ, морозъ усиливался, солнце ярко свѣтило, и лучи его, отражаясь на снѣгу, сильно безпокоили глаза; въ такіе солнечные зимніе дни даже горные жители, Осетины, надѣваютъ подъ шапку, надъ глазами, сплетенные изъ соломы зонтики; наши солдаты однако пренебрегаютъ этимъ. На самой высотѣ открылся величественный, хотя и строгій видъ; безконечная перспектива горъ, близкихъ и далекихъ, сливающихся съ горизонтомъ, мѣнялась, можно сказать, на каждомъ шагу. На нѣкоторыхъ горахъ синѣли лѣса, черными рѣзкими пятнами на бѣломъ фонѣ снѣга виднѣлись обрывы и отвѣсныя ребра скалъ, темною лентою вилась внизу рѣчка; небо казалось темносинимъ при яркой бѣлизнѣ снѣга. Часа три станція была у насъ на виду, постепенно уменьшаясь въ размѣрахъ; но вотъ, на одномъ изъ поворотовъ, она исчезла, и явилось впечатлѣніе какого-то одиночества: не стало видно жилья человѣка, мы какъ будто остались одни во всемъ мірѣ, на лонѣ суровой природы.... Тишина невозмутимая,—точно въ могилѣ. Когда въ горахъ не бушуетъ вѣтеръ, то кажется будто нигдѣ не бываетъ такой тишины; слышно ясно, какъ съ сосѣдней горы оторвется клочекъ снѣга и шурша скатывается внизъ; орелъ пролетѣлъ надъ нами, и слышенъ былъ взмахъ его крыльевъ.

Часа черезъ три ходьбы поднялись мы на высшую точку перевала: дальше, по словамъ солдатъ, былъ не постоянный подъемъ, но легкіе подъемы и спуски. Холодъ, усталость сильно сказывались; подъ конецъ дороги Б. Н. усталъ до того, что два солдата повели его подъ руки, какъ раненаго. Завидно было смотрѣть и на солдатъ, и на старика Степана, спокойно шагавшаго въ длинномъ тулупѣ и огром-

ныхъ теплыхъ сапогахъ; для нихъ переходъ этотъ казался дѣломъ легкимъ, привычнымъ. Степанъ только не могъ смотрѣть внизъ, когда проходили тропинками по краямъ обрывовъ; онъ отворачивался и, миновавъ обрывъ, всякій разъ начиналъ бранить Кавказъ.—«Толи дѣло у насъ въ Россіи: гладко да ровно, а тутъ, правду говорятъ,—чортъ ногу сломитъ». Передніе солдаты, въ присутствіи офицеровъ, тихо перекидывались словами, задніе же постоянно разговаривали и часто трунили надъ Степаномъ; одинъ вызывался нести его тулупъ, другой сапоги, на что̀ онъ ничего не отвѣчалъ. «Эхъ-ма!.. въ Россію ѣдете»... слышу сзади голосъ одного изъ солдатъ, тащившихъ мой чемоданъ. «Дяденька, а—дяденька,—возьмите меня съ собою»... шутилъ солдатикъ.—«Мѣста, братъ нѣтъ», отвѣчалъ Степанъ.—«Да вы чемоданъ-то бросьте, онъ больно тяжелъ,—я легче».—«Не тебѣ ли оставить его?»—«Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ, вы только меня-то возьмите.»—«А что, аль нелюбо стало, тяжко?—«Тяжко—не тяжко, а домой бы надо».... «У него, вишь, жена дома осталась», послышался голосъ другаго,—«а тутъ что̀? Все Осетинки, бритыя».... Солдаты засмѣялись. Какъ же не позавидовать было такому расположенію духа и такимъ силамъ!—Курьезны были ихъ разсказы объ Осетинахъ и Грузинахъ и вообще о Кавказѣ; къ сожалѣнію, я не записалъ ихъ тогда же, а теперь многое забылъ.

Въ горахъ, во время заката солнца, картина природы не та, которую мы привыкли видѣть въ Россіи. Здѣсь въ низахъ и ущельяхъ давно темно, и зажглись огни въ селеньяхъ, а на вершинахъ горъ еще день, свѣтитъ солнце и долго не разстается съ горами, постепенно окрашивая ихъ то въ розовый, то въ голубой, то въ сѣроватый цвѣтъ. Стемнѣло и на горахъ, а мы прошли только половину пути и чѣмъ дальше, тѣмъ шли тише и отдыхали чаще. Задніе солдаты говорили, что они давно были бы въ Казбекѣ: они проходятъ это разстояніе *) въ пять и рѣдко въ шесть часовъ. Наступилъ вечеръ, ярко заблистали звѣзды; вдалекѣ показались и огоньки, то исчезавшіе, то являвшіеся снова въ разныхъ мѣстахъ; наконецъ—деревня!.. Но солдаты разочаровали насъ, сказавъ, что до деревни еще верстъ пять, а огоньки,—это волки, глаза которыхъ ночью блестятъ какъ дѣйствительные огоньки. Въ подтвержденіе ихъ словъ, невдалекѣ раздался протяжный вой одного волка, затѣмъ другаго и третьяго; за ними залились шакалы, то какъ будто смѣхомъ, то плачемъ, дикій, странный концертъ, но не лишенный гармоніи.—«Точно ребята въ

*) Около двадцати верстъ, по ихъ измѣренію.

нашей деревнѣ плачутъ», замѣтилъ одинъ изъ заднихъ солдатъ; плачъ шакаловъ напомнилъ ему далекую родину, свою деревню, можетъ быть, своихъ ребятъ.

Еще черезъ часъ ходьбы намъ сказали, что деревня близко, и пора было: Б. Н. едва передвигалъ ноги, ведомый подъ руку двумя солдатами. Показались огни, уже не въ волчьихъ глазахъ и, наконецъ, мы разсмотрѣли какія-то темныя кучи и два-три огня въ окнахъ безъ рамъ и стеколъ. Это и была обѣтованная деревня. Хорошо знали мы, каковы эти Осетинскія или Грузинскія горныя деревни, и чего можно было ожидать отъ нихъ; но усталость заставляла надѣяться, что въ саклѣ будетъ очень хорошо; по крайней мѣрѣ согрѣются ноги, обувь высохнетъ, можно будетъ сидѣть, лежать, отдыхать.... Спустились въ какую-то яму, при оглушительномъ лаѣ собакъ, потомъ выбрались изъ ямы, опять спустились и, наконецъ, передовой солдатъ постучалъ въ дверь ясно обрисовавшейся сакли съ плоскою крышей, изъ которой выходилъ дымъ и пахло кизякомъ. Дверь отворилась и, при свѣтѣ горѣвшаго на полу хвороста и кизяка, я увидалъ Осетина или Грузина, въ полушубкѣ и папахѣ. Пока онъ говорилъ съ солдатомъ по-грузински, я вошелъ въ саклю, величиною не больше двухъ саженъ въ длину и ширину; посрединѣ, на полу дымился небольшой костеръ изъ хвороста, бурьяна и кизяковъ.—«Не здѣсь, ваше благородіе», заговорилъ солдатъ, «господа прошли дальше, тамъ большая, хорошая сакля. А вотъ онъ говоритъ (указывая на хозяина сакли), что у него есть баранина; такъ не угодно ли, можно шашлыкъ изжарить? Онъ знакомый, принесетъ». И тотъ спрашиваетъ—неугодно ли?..—«Сдѣлай милость, давай, давай, вели нести, вели нести всего барана,—туда что ли, въ большую саклю; да сейчасъ же, скорѣе!»—Сакля оказалась дѣйствительно просторною, такъ что всѣ мы и Степанъ съ моими пожитками свободно расположились въ ней, конечно, на полу, около разложеннаго огня. Въ разбитомъ горшкѣ горѣлъ фитиль въ бараньемъ жирѣ, освѣщая, вмѣстѣ съ огнемъ костра, всю саклю; было свѣтло и тепло. Дымъ выходилъ на верхъ въ небольшое отверстіе въ крышѣ и наполнялъ верхъ сакли, такъ что намъ, непривычнымъ, можно было только сидѣть на полу, но Степанъ и прислуживавшіе ему два солдата мало безпокоились отъ дыма, или лучше сказать, вовсе не обращали на него вниманія. — «Садитесь скорѣе, дымно», услышалъ я голосъ К. В. и при свѣтѣ костра разсмотрѣлъ моихъ спутниковъ. Б. Н. лежалъ ничкомъ, безъ движенья, на разосланномъ богатомъ коврѣ, снятомъ съ саней; К. В. безъ обуви, которая сушилась у костра, сидѣлъ молодцомъ. «Онъ трупъ», шутилъ онъ, указывая на Б. Н., «а вы—ничего, не очень уста-

ли?»—«Бѣда только, что ѣсть нечего, провизія уѣхала въ Квишетъ.... И чаю бы выпилъ».—«Успокойтесь, все будетъ: и напою и накормлю васъ; у моего человѣка есть и чай, и провизія, и вино»—«Чѣмъ, чѣмъ накормите?».. послышался головъ Б. Н.—«Накормлю, вопервыхъ своею провизіею, вовторыхъ, сейчасъ принесутъ баранину и пока Степанъ будетъ жарить шашлыкъ, мы чаю напьемся. Степанъ и самоваръ складной везетъ съ собою; недаромъ столько солдатъ навьючилъ онъ пожитками».—«Благодѣтель, вамъ надо памятникъ поставить!» продолжалъ оживавшій Б. Н. «У васъ и провизія, и самоваръ, а мы какъ стрекоза, qui se trouva fort dépourvue».... «Но я не муравей и радъ буду накормить васъ».

Степанъ сталъ le héros du jour, или de la soirée. Онъ вынулъ изъ мѣшка самоваръ, поручилъ его солдатамъ, развернулъ рогожу и показалъ публикѣ бурдюкъ въ полтора ведра съ лучшимъ Кахетинскимъ, досталъ сплетеную бутылку съ водкой, разныя закуски, чай, сахаръ; и все пошло быстро, аккуратно и своевременно, съ помощію молодыхъ солдатъ. «Благодѣтель Степанъ!» говорили мои спутники, выпивъ водки и закусывая. Между тѣмъ солдаты достали все чтó требовалось, мангалъ *) въ одной саклѣ, угли—въ другой, поставили самоваръ, и скоро надъ углями, пока мы пили чай, зашипѣлъ шашлыкъ. «Степанъ, ты нашъ спаситель и утѣшитель», говорилъ развеселившійся Б. Н.

Помню, какъ будто тому годъ назадъ, ярко освѣщенную саклю, оживленныя лица моихъ случайныхъ спутниковъ, чай, шашлыкъ, запиваемый Кахетинскимъ, веселые разговоры, сосредоточенный видъ Степана, жарившаго шашлыкъ. А прошло слишкомъ тридцать лѣтъ! Многихъ изъ этихъ лицъ уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ; вспомнить отрадно, но становится грустно... И спутники мои, вѣроятно, долго помнили нашъ переходъ, и усталость, и отдыхъ, и угощеніе Степана. К. В. нѣсколько разъ принимался уговаривать меня ѣхать съ ними въ экспедицію на рубку лѣса въ Малой Чечнѣ, стоять вмѣстѣ, въ войлочной юртѣ, обѣщалъ даже выхлопотать мнѣ туда какую-нибудь командировку; все это было очень соблазнительно, потому что въ 1848 году я участвовалъ въ экспедиціи въ Чечнѣ, гражданскимъ чиновникомъ канцеляріи намѣстника, и это время оставило въ душѣ самыя пріятныя воспоминанія; но и хотѣлось, и нужно было ѣхать домой. Еслибы я согласился тогда на предложеніе К. В., вся жизнь впереди

*) Большая, плоская, глиняная чашка, куда накладываются горячіе угли.

была бы другая, лучше или хуже,—кто знаетъ?.. Отъ судьбы не уйдешь.

Спать расположились мы на полу, кто на коврѣ, кто на буркѣ; мебели въ саклѣ не было никакой. Солдаты постоянно подкладывали сухой хворостъ въ костеръ, Богъ знаетъ откуда добывая это дорогое въ горахъ топливо. Впрочемъ, чего не достанетъ нашъ солдатъ; а козакъ еще больше! Въ саклѣ было не только тепло, но даже жарко. Хозяинъ съ семьею вѣжливо куда-то удалился, оставивъ домъ свой въ полное наше владѣніе. Солдаты и жители деревни обращались другъ съ другомъ очень добродушно; видно было, что рабочіе солдаты часто посѣщали ихъ и не обижали. Спутники мои заснули скоро, я же долго не засыпалъ, невольно вслушиваясь въ разговоры шепотомъ Степана съ двумя солдатами, которыхъ онъ угощалъ водкой, чаемъ и шашлыкомъ; они втроемъ выпили, кажется, самовара три. Около меня, на разстояніи небольше полуаршина, за плетневою перегородкою, стояла корова и лежали овцы, безпрестанно кашлявшія. Наконецъ, разговоры шепотомъ, жеваніе коровы, кашель овецъ и грызеніе сахара пившихъ чай, все какъ-то слилось въ одинъ звукъ, и я заснулъ какъ мертвый; на часахъ было только девять.

Спутники мои еще спали, когда я проснулся; свѣтъ уже проникалъ въ оконце, заклеенное пузыремъ или просаленною бумагою; у Степана горѣла свѣча и закипалъ самоваръ, костеръ весело трещалъ; солдатъ не было, они ночевали въ другихъ сакляхъ, у кунаковъ. Одѣвшись, я вышелъ на воздухъ; сакля казалась теперь далеко не такою привлекательною какъ вчера вечеромъ, особенно вслѣдствіе разныхъ запаховъ,—дымомъ, овцами, коровами.... Восходившее солнце ярко освѣщало вершины горъ, день обѣщалъ быть такимъ же какъ вчера, тихимъ, яснымъ, морознымъ. Мелькомъ взглянулъ я на картину горъ, уже достаточно прискучившую, и сталъ разсматривать пріютившую насъ деревню. Десятокъ саклей, сложенныхъ изъ булыжника на глинѣ, замѣняющей известку, было разбросано въ безпорядкѣ на неравной плоскости, на вышинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ *) надъ поверхностію моря. На этой высотѣ, въ суровомъ климатѣ и въ плохомъ помѣщеніи, живутъ люди и вѣроятно не желаютъ и перемѣнить свое мѣстожительство; иначе никто бы не мѣшалъ имъ спуститься въ долины. Правда, что привычка—вторая натура.

*) Это можно было заключить изъ того, что отъ этой деревеньки до станціи *Казбекъ* дорога идетъ большею частію подъ гору, станція же Казбекъ только немного ниже станціи *Кобы*, которая по послѣднимъ тогда измѣреніямъ, находится *на шести тысячахъ футовъ* надъ моремъ.

Между саклей протоптаны дорожки; на улицѣ, если можно такъ назвать пространство между саклей, не было еще никого; изъ нѣкоторыхъ крышъ выходилъ дымъ, въ воздухѣ пахло чѣмъ-то жаренымъ: вѣрно наши солдаты жарили себѣ на завтракъ отданнаго имъ барана; кругомъ—снѣгъ и снѣгъ, и на горахъ, и въ долинахъ. Видъ печальный! И, не смотря на эту массу снѣга, крыши саклей были плоскія, и жители вѣроятно очень заботятся о снятіи его съ крышъ: на крышахъ его было очень немного. И это тоже вслѣдствіе привычки... Тишина была невозмутимая, доносилось только изрѣдка мычаніе коровъ, раздававшееся глухо изъ саклей, въ которыхъ скотъ помѣщался вмѣстѣ съ людьми. Строить для него теплыя помѣщенія не изъ чего; камней, правда, сколько угодно, но лѣсъ ростетъ по горамъ, трудно доступнымъ; онъ есть конечно и въ долинахъ, но, по словамъ мѣстныхъ жителей, вырубленъ съ незапамятныхъ временъ. Куда-то внизъ спускалась широкая протоптанная дорога; по ней пошли коровы и овцы; показалась изъ-за возвышенія Грузинская шапка, туда же побѣжалъ мальчишка съ собакой. Пройдя нѣсколько шаговъ, я увидалъ, внизу подъ горою, ручей, извивавшійся черною лентою *); оттуда носили жители воду. Высоко и круто; наши же крестьяне селятся у воды; все не по нашему, и на улицѣ никого нѣтъ, кромѣ собакъ; другая природа, и другой бытъ. Жителей деревни солдаты называли Грузинами, но судя по свѣтлымъ волосамъ и сѣрымъ глазамъ я принялъ ихъ за Осетинъ, хотя они говорили съ солдатами по-грузински и нѣсколько по-русски, дополняя разговоръ пантомимами. Съ солдатами они жили, повидимому, очень дружно; женщины не прятались и не закрывали не только лица, но и груди, совершенно décolletées, особенно старухи. Чаще туземцевъ стали появляться солдаты, перебѣгая изъ одной сакли въ другую, большею частію въ однѣхъ рубашкахъ, думая, можетъ быть, что десять градусовъ мороза Кавказскаго не то что́ десять градусовъ Русскаго.

Возвратясь въ саклю, я разбудилъ своихъ спутниковъ, совершенно отдохнувшихъ отъ похода. Такъ какъ отсюда къ станціи Казбезу дорога шла большею частію подъ гору, съ рѣдкими небольшими подъемами, то мы и не торопились, и съ комфортомъ напились чаю.

Весело пошли мы дальше, съ тѣми же солдатами, щедро вознаградивъ жителей за ночлегъ, за дрова и за барана. Усердными поклонами, съ довольными лицами провожали они насъ до перваго спуска съ ихъ горы, болтая съ солдатами что-то неразборчивое; даже нѣ-

---

*) Онъ не замерзъ отъ быстроты теченія, какъ многіе ручьи и рѣчки въ горахъ.

сколько молодыхъ женщинъ и ребятишекъ, въ стареньких полушубкахъ, вышли поглазѣть на рѣдкихъ гостей. Солдаты уже не смѣялись надъ тулупомъ Степана и его сапогами, а двое помогавшіе ему въ нашей саклѣ стали называть его даже по батюшкѣ. Дорога шла удобная, легкая, и мы шли почти безъ остановокъ, и ноги не ломили отъ холода, садиться для отдыха не приходилось. Около полудня пришли мы къ какому-то строенію, зухóну (харчевнѣ) или караулкѣ; отдохнули, закусили оставшеюся моею провизіею, высушили обувь и пошли дальше. Часу во второмъ открылись намъ долина Терека и станція Казбекъ, съ ея живописною часовнею, а за нею гора съ развалинами древняго монастыря, который такъ понравился Пушкину; дальше, за этою горою, величественная гора Казбекъ,

„Какъ грань алмаза
Снѣгами вѣчными сіялъ“.

Черезъ полчаса мы были на станціи, куда люди моихъ спутниковъ пріѣхали утромъ и приготовили намъ лошадей. Переходъ былъ конченъ; къ вечеру мы были въ Владикавказѣ, гдѣ я съ сожалѣніемъ простился съ моими спутниками.

А. В—въ.

ВЕНГЕРСКІЙ ПОХОДЪ 1849 ГОДА.

Воспоминанія армейскаго офицера.

Въ 1848 году Галицкій егерскій полкъ квартировалъ въ Царствѣ Польскомъ, въ г. Плоцкѣ. Простояли мы тамъ всю зиму, и раннею весною 1849 года, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, я получилъ приказаніе отправиться въ Варшаву для пріема палатокъ и устройства тамъ, на Бѣлянахъ, лагеря для полка. О предстоявшемъ же походѣ въ Венгрію мы въ Плоцкѣ ничего не слыхали, и никто о походѣ и не говорилъ.

Прибывъ въ Варшаву, я съ торопливостью занялся пріемомъ палатокъ и устройствомъ лагеря, и когда все было уже готово, то полкъ нашъ, вмѣсто лагеря, по новому распоряженію, не останавливаясь въ Варшавѣ, прослѣдовалъ на Краковское шоссе, а мнѣ было дано предписаніе обратно сдать палатки въ коммиссаріатъ, и по сдачѣ оныхъ присоединиться къ полку.

Въ Варшавѣ, съ двумя офицерами нашего полка, зашли мы въ кондитерскую выпить по чашкѣ шоколаду. Къ нашему столу присѣлъ какой-то немолодой панъ, и началъ съ нами разговоръ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что мы идемъ въ походъ противъ Венгерцевъ, что они въ Карпатскихъ горахъ устроятъ намъ ловушки и уничтожатъ нашу армію. Онъ разсказывалъ, что Венгерцы очень храбры, что въ ихъ войскахъ много Поляковъ, что у нихъ есть сформированный легіонъ пращниковъ, которые съ необыкновенною ловкостью поражаютъ изъ пращей, а въ артилеріи недостатокъ мѣдныхъ орудій замѣняютъ деревянными орудіями, и какъ такія орудія послѣ двухъ или трехъ выстрѣловъ разрываются, то они въ замѣнъ разорванныхъ рубятъ деревья, заготовляютъ новыя, и стрѣляютъ изъ нихъ; что все это дѣлаютъ они на походѣ, и у нихъ идетъ неумолкаемая пальба изъ орудій.

Капитанъ, бывшій съ нами, слушая болтовню пана, улыбался и сказалъ:

— Знаете, панъ, вѣдь вы разсказываете чудеса; меня удивляетъ только одно, что вы при вашемъ немолодомъ возрастѣ можете пороть такую несообразную съ здравымъ умомъ дичь.

Послѣ такихъ словъ капитана, Польскій панъ убѣжалъ отъ насъ.

Покончивъ со сдачею палатокъ, я нагналъ полкъ въ м. Ендржеевѣ. Тутъ было роздано офицерамъ не въ зачетъ третное жалованье, какъ подъемныя деньги. Офицеры занялись устройствомъ походныхъ вьюковъ. Ротные командиры каждый заготовлялъ для себя и лошадку, и вьюки, прочіе офицеры кто вдвоемъ заводились лошадью и вьюками, а были и такіе, которые, не будучи въ состояніи обзавестись и въ складчину вьюками, какъ кукушки кладутъ яйца въ чужія гнѣзда, свои вещицы раскладывали по вьюкамъ товарищей. Но нечего было дѣлать! Кто какъ могъ, такъ и устраивался.

Останавливались мы по разнымъ мѣстечкамъ, гдѣ на недѣлю, а гдѣ и подольше, какъ напр. въ Кошицахъ. Здѣсь пятая пѣхотная дивизія поступила подъ команду новаго начальника, храбраго Кавказскаго героя г.-л. Лабинцева, а нашъ бывшій дивизіонный начальникъ получилъ назначеніе сенаторомъ въ Москву. Объ немъ войска сожалѣли, и онъ оставилъ передъ войною дивизію какъ бы сконфуженный сенаторствомъ.

Наконецъ, приблизились мы къ Кракову, и здѣсь полкъ остановился на нѣсколько дней. Для офицеровъ роты, въ которой я числился, отвелъ квартиру помѣщикъ во флигелѣ своей усадьбы, и пригласилъ насъ на время квартированія къ своему панскому столу. Пани С., хозяйка дома, была очень милая дама и заботилась о томъ, чтобы намъ не было скучно въ ея домѣ. Она прекрасно играла на рояли, читала намъ Польскія сочиненія и восторгалась ими, какъ истая Полька. Мой капитанъ, по происхожденію Литвинъ, а по вѣрѣ католикъ, слушалъ ее, болѣе отмалчивался, а мы субалтернъ-офицеры Русскіе, но все же говорившіе по польски, не возражали ей, и пани была къ намъ любезна. Она намъ неоднократно говорила, что мы въ Карпатскихъ горахъ съ Венгерцами не справимся, и что пращники намъ причинятъ большой уронъ. Говорила и о томъ, что въ Венгерскихъ войскахъ много Поляковъ, и что въ Венгріи находятся Польскіе генералы. Она сочувствовала Венгерцамъ и своимъ землякамъ, принявшимъ участіе въ ихъ войнѣ. Но все же, когда мы получили приказъ выступить въ Краковъ, и когда при выступленіи прощались съ нашею доброю хозяйкою, то послѣднія ея слова обращенныя къ намъ были: «кого же теперь жалѣть?» и слезы блеснули въ ея глазахъ. То-есть, жалѣть-ли

насъ, что мы идемъ на вѣрную гибель, или же въ одно время жалѣть и тѣхъ, противъ кого мы идемъ?

Пришли мы въ Краковъ и расположились по окрестнымъ деревнямъ. Изъ любопытства пошелъ я съ товарищами посмотрѣть на городъ. Зашли мы въ костелъ Панны Маріи. Смотря на богатые и изящно отдѣланные разноцвѣтнымъ мраморомъ алтари, образа̀ прекрасной живописи, дорогіе монументы надъ гробами Польскихъ магнатовъ, мы были изумлены всѣмъ видѣннымъ. Костелъ представлялся намъ рѣдкостнымъ музеумомъ, въ которомъ все изящное было накоплено вѣками. Оттуда пошли мы на за̀мокъ, гдѣ зашли въ костелъ посмотрѣть гробницы Польскихъ королей, но въ королевскій склепъ не могли попасть: для этого нужно было имѣть особое разрѣшеніе; почему мы только и видѣли гробъ князя Іосифа Понятовскаго, погибшаго въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и положеннаго у входа въ склепъ.

Въ Краковѣ послѣдовало первое знакомство Русскихъ войскъ съ Австрійцами. Говорили тогда, что въ одной изъ полпивныхъ Русскіе унтеръ-офицеры сошлись съ Австрійскими унтеръ-офицерами и совершили дружескую выпивку, которая кончилась тѣмъ, что наши побили Австріяковъ.

Со вступленіемъ въ предѣлы Австріи, начало выражаться и нерасположеніе нашихъ войскъ къ Австрійцамъ. Между офицерами нерѣдко можно было слышать вопросы, за чѣмъ мы идемъ спасать фальшивыхъ Австрійцевъ? Они поблагодарятъ нашего Императора такъ, какъ поблагодарили когда-то Польскаго короля Яна Собѣскаго за спасеніе Вѣны отъ Турецкаго погрома. Въ Варшавѣ громко говорили о томъ, что императоръ Николай Павловичъ, послѣ Ольмюцкаго свиданія съ императомъ Австрійскимъ, проѣзжая изъ Лазенковскаго дворца съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ мимо монумента, воздвигнутаго Собѣскому, назвалъ себя товарищемъ Собѣскаго.

Мы двигались походомъ чрезъ Австрійскую западную Галицію. Край этотъ былъ въ полномъ раззореніи; всѣ деревни представлялись въ нищенскомъ видѣ. Мазуры, населяющіе край, народъ вполнѣ бѣдный, невѣжественный, грубый, развращенный и ненавидящій пановъ. Нищета въ краѣ такъ была сильна, что всѣ дороги усѣяны нищими. Панскія усадьбы были въ разореномъ видѣ; да и самыхъ пановъ рѣдко можно было встрѣчать, и край имѣлъ видъ пустыни, по которой прошелъ ураганъ. Польскіе паны, всегда стремящіеся къ возстановленію независимости Польши, а съ нею и самоуправныхъ своихъ вольностей, всегда вели свои агитаціи и въ 1846 году произвели въ Краковѣ революцію. Австрійцамъ надоѣли Польскія волненія, почему они, пользуясь нерасположеніемъ Мазуровъ къ панамъ, какъ говорятъ, доз-

волили арестанту Шелѣ бѣжать изъ тюрьмы. Шеля сформировалъ разбойничьи шайки и производилъ съ ними нападенія на панскіе дворы, рѣзалъ и тиранилъ пановъ и разорялъ панскія усадьбы. Погромъ былъ страшный, много погибло панскихъ семействъ подъ ножами убійцъ. Польша кровавыми слезами плакала. Заграничныя газеты съ ужасомъ разсказывали о Галиційскомъ погромѣ, а Метернихъ, выражаясь объ этомъ происшествіи, говорилъ: «Годъ слезъ Польскихъ будетъ столѣтіемъ спокойствія для Австріи». Разсказывали намъ тогда въ Галиціи, будто Австрійскіе чиновники находились въ разбойничьихъ шайкахъ переодѣтыми и руководили дѣломъ разбоя. Да, много тогда передавали намъ разныхъ разсказовъ о томъ смутномъ времени. По окончаніи разбоевъ Шеля удалился въ Буковину, гдѣ ему Австрія предоставила имѣніе. Подобный даръ заставилъ всѣхъ предполагать, что Шеля дѣйствовалъ не самъ собою, а по указаніямъ тѣхъ, кому это было нужно. Говорили намъ также въ Галиціи, что когда въ Краковѣ въ 1846 году вспыхнула революція, съ которою пошли и безчинія революціонеровъ надъ народомъ, и когда Русскій генералъ Реадъ явился въ Краковъ съ войсками для возстановленія порядка, то жители города встрѣтили его какъ ангела, и народъ хваталъ казаковъ за стремена и цѣловалъ имъ ноги, какъ своимъ защитникамъ.

Мазуры намъ говорили также и о томъ, что когда они съ Шелею рѣзали пановъ въ Галиціи, то чрезъ Вислу они кричали крестьянамъ Царства Польскаго, чтобы и они послѣдовали ихъ примѣру. Но тамъ нельзя было ничего подобнаго сдѣлать, потому что Русскія войска были выдвинуты на границу Австріи и оберегали спокойствіе въ краѣ.

Страннымъ явленіемъ въ 1846 году было то, что Русины, населяющіе восточную Галицію, не любимые Поляками, не принимали участія въ избіеніи пановъ и стояли въ сторонѣ. Такое безучастіе Русиновъ въ дѣлѣ Польскаго погрома плохо было оцѣнено Поляками. Они всѣ мѣры употребляютъ къ тому, чтобъ убить Русскую народность и вѣру народа; преслѣдуютъ Русиновъ и строятъ новые планы возстановленія Польши съ помощію Австріи. Смотря на Польскія продѣлки, предвидѣли, что, быть можетъ, вновь потребуется Шеля или новый Богданъ Хмѣльницкій, которые и покончатъ съ Польскими затѣями и съ Польскою неправдою.

Русскія войска въ Галиціи шли по мирному положенію и еще не испытывали бивачной жизни, а останавливались для ночлеговъ по деревнямъ, гдѣ изъ любопытства мы распрашивали Мазуровъ о 1846 годѣ. Они со всѣмъ цинизмомъ, какъ-бы хвастаясь доблестнымъ дѣломъ, преравнодушно разсказывали, какъ они уничтожали пановъ и

заставляли ихъ умирать въ мученіяхъ: кого распинали на доскахъ и вырывали внутренности, кого распиливали досками пополамъ. Страшныя были истязанія и страшная была смерть пановъ; не было пощады ни старымъ, ни малымъ; уцѣлѣли только тѣ изъ нихъ, кого они не захватили дома. Когда мы имъ говорили о томъ, что погибшіе паны были Поляки, и что не слѣдовало съ ними такъ поступать, потому что они и сами тоже Поляки, на это они намъ возражали, что они не Поляки, а Мазуры и Цесарцы. Мазуры, коренная отрасль Польскаго племени и говорятъ на Польскомъ нарѣчіи, но отрицаютъ свое Польское происхожденіе; а панская надъ ними неправда поставила ихъ въ такое тяжелое положеніе, что они въ настоящее время стремятся къ выселенію въ Америку и не хотятъ имѣть ничего общаго съ панами. Имъ чужда и мысль о возстановленіи Польши. Вообще Мазуры показались намъ народомъ нравственно убитымъ, а умственно неразвитымъ. Вотъ вамъ и образчикъ значенія такъ-называемой Польской культуры, о которой такъ громко кричатъ Поляки.

Наконецъ, мы вступили въ Карпатскія горы. Первый нашъ ночлегъ въ горахъ на бивуакахъ былъ подъ сильнымъ дождемъ съ громомъ и молніею. Громъ насъ поражалъ страшными раскатами въ горахъ. Горный походъ былъ утомителенъ; нужно было то подниматься, то опускаться и проходить въ бродъ быстрые горные потоки. Въ горахъ мы видѣли небольшія деревеньки, бѣдныя, но чистенькія; населеніе составляютъ Словаки. Плохое ихъ тамъ житье: хлѣбъ плохо родится, сѣютъ только овесъ и питаются овсянымъ хлѣбомъ. Дóма они не могутъ прокормиться, и большая часть мущинъ расходятся по чужимъ краямъ, для заработковъ. Промыселъ ихъ состоитъ въ приготовленіи проволочныхъ издѣлій, мышеловокъ, а также изъ жести для домашняго обихода разныхъ предметовъ. Въ Россіи мы много встрѣчаемъ такихъ промышленниковъ изъ Словаковъ; ихъ промыселъ вообще схожъ съ промысломъ Савояровъ. Савояры наводняютъ Францію, а Словаки Россію.

Когда войска приближались къ спуску съ горъ въ Венгрію, то былъ отслуженъ молебенъ. Къ молебну изъ уніятскихъ церквей мѣстное духовенство съ хоругвями и образами присоединилось къ нашему духовенству, послѣ чего мы двинулись въ походъ и 6 Іюня вступили въ Угорскую Русь. Здѣсь намъ попадались по дорогѣ слѣды бивуаковъ уходившаго передъ нами отряда Венгерскихъ войскъ, подъ командою стараго Русскаго знакомца, по Польской, революціи 1830 года, генерала Дембинскаго. Мы слѣдовали за нимъ по пятамъ и, не доходя Бардіева, когда наши войска остановились уже на отдыхъ, кавалерія наша наткнулась на аріергардъ Венгерскаго отряда, и за-

вязалась схватка, слышны были въ дали выстрѣлы изъ орудій. Уже приказано было двумъ нашимъ егерскимъ полкамъ, на легкѣ, безъ ранцевъ, быть готовыми двинуться противъ непріятеля, бригада стояла въ готовности; но послѣдовала отмѣна этого распоряженія: непріятель въ поспѣшномъ бѣгствѣ скрылся отъ преслѣдованія нашихъ войскъ.

Проходили мы чрезъ Бардіевъ, называемый Австрійцами Бардефельдомъ. Бардіевъ—это старинный небольшой Славянскій городъ; дома въ немъ каменные старинной архитектуры; въ нижнихъ этажахъ всѣ окна за рѣшетками, и каждый домъ представляетъ собою маленькую крѣпостцу или блокгаузъ. Когда войска проходили, въ окнахъ были спущены жалюзи, и никого изъ жителей на улицахъ мы не видали. Изъ одного дома выбѣжавшая дѣвочка подала мнѣ небольшой букетикъ цвѣтовъ; я ее поблагодарилъ, и она скрылась въ калитку. На видъ Бардіевъ напоминалъ собою что-то изъ среднихъ вѣковъ, когда люди, опасаясь непріятельскаго нападенія, жили за крѣпкими каменными стѣнами и въ случаѣ нападенія отсиживались за ними.

Послѣ Бардіева заняли мы Прошово (по-австрійски Эперіесъ), и оттуда двинулись въ Кошицы (Кашау). Движеніе наше шло полями, лѣсомъ; много перемяли мы прекраснаго хлѣба и, наконецъ, подъ сильнымъ дождемъ остановились на бивакахъ подъ Кошицами. Тутъ былъ открытъ Австрійцами для Русскихъ войскъ военно-временный госпиталь на 2,500 человѣкъ, и больныхъ солдатъ нашихъ сдали въ госпиталь.

14 Іюня мы направились къ Мишкольцу. Въ этомъ переходѣ отъ продолжавшихся дождей растворившаяся земля затрудняла движеніе солдатъ; ихъ утомляли грязь, недоброкачественная для питья вода и расползавшаяся на ногахъ обувь. По дорогѣ попадались виноградные сады съ фруктовыми деревьями; солдаты врывались въ сады, наѣдались тамъ незрѣлыми фруктами, приносили съ собою оттуда такіе же фрукты для лакомства своимъ товарищамъ, и послѣдствіемъ этого, нужно полагать, было появленіе въ войскахъ холеры.

На третьемъ переходѣ отъ Кашау командиръ полка приказалъ мнѣ отвезти холерныхъ больныхъ въ фургонахъ, посылаемыхъ въ Кашау за сухарями и крупою для полка, и сдать въ Кашаускій госпиталь. Больныхъ, кажется, было болѣе ста человѣкъ; ихъ уложили въ обозныя телѣги и каждому за обшлагъ шинели положили записки съ обозначеніемъ имени, чина и кто какого полка. Для медицинскаго пособія назначенъ фельдшеръ. Было дано семь козаковъ для конвоированія транспорта. Съ больными было и ихъ оружіе.

По пути слѣдованія моего съ транспортомъ, останавливался я на привалахъ для отдыха больнымъ и оказанія имъ возможнаго посо-

бія. Призывалъ я фельдшера, но спиртъ для больныхъ былъ у него на рукахъ, и онъ имъ пользовался не въ мѣру.

Въ повозкахъ оказывались умершіе; нужно было ихъ похоронить. Трудная задача! Мы съ офицеромъ обходили воза, и тѣмъ, которые выглядывали поздоровѣе, приказывали выходить изъ повозокъ, и съ помощію ихъ убирали умершихъ; козаки въ деревнѣ набирали людей съ заступами для рытья могилы, въ которую мы и опускали умершихъ во всей ихъ одеждѣ. При опусканіи въ могилу унтеръ-офицеръ вынималъ изъ-за обшлаговъ записки, по которымъ я отмѣчалъ умершихъ въ спискѣ. Во время недолгаго моего пути я въ двѣ могилы зарылъ около пятидесяти человѣкъ; а въ одной деревнѣ (изъ которой народъ, опасаясь холернаго транспорта, разбѣжался), я, не будучи въ состояніи похоронить умершихъ, свалилъ въ лютеранскую церковь болѣе двадцати труповъ, и попросилъ пастора предать ихъ землѣ.

Кто именно у меня изъ больныхъ умеръ въ дорогѣ, того я не зналъ; отмѣтки по списку оказались невѣрными; оказалось, что больные обмѣнивались шинелями съ умершими. На умершемъ была лучшая шинель, чѣмъ на живомъ; товарищи больнаго снимали ее съ умершаго и надѣвали на живаго, а шинель живаго шла на умершаго; дѣлалось тоже и съ обувью. Я бросилъ дѣлать отмѣтки. Сама по себѣ страшна холера, но она страшнѣе еще была полнымъ безсиліемъ людей оказать помощь больному. Я весь разстерялся; но мысль самому заразиться холерою отъ прикосновенія съ больными не приходила мнѣ въ голову; о смерти я не думалъ и съ полною апатіею относился къ жизни.

Послѣ недолгаго, но памятнаго странствованія, съ остаткомъ больныхъ я прибылъ въ Кашау и привезенныхъ людей сдалъ въ госпиталь, гдѣ не хватало ни мѣстъ, ни постелей; больныхъ укладывали на соломенную подстилку, а то и на голые полы. Я пошелъ въ контору госпиталя за квитанціею въ сдачѣ больныхъ. Главный докторъ спросилъ меня, сколько умерло человѣкъ въ дорогѣ и отмѣчены ли они по списку. Я объяснилъ ему, что это было невозможно сдѣлать; но докторъ настаивалъ, чтобы я шелъ непремѣнно въ госпиталь, повѣрилъ, кто остался въ живыхъ и отмѣтилъ ихъ по списку, и что онъ безъ этого не дастъ мнѣ квитанціи въ пріемѣ больныхъ.

Нечего было дѣлать. Я отправился въ тотъ домъ, гдѣ были помѣщены привезенные мною больные. Меня поразила страшная картина; роскошныя комнаты дома графа Форгача, занятаго подъ госпиталь, были завалены больными: они лежали на полахъ на соломѣ. Видъ ихъ былъ страшенъ; страданія исказили ихъ лица. Слышенъ только

былъ въ комнатахъ стонъ больныхъ, да давалъ себя чувствовать испорченный воздухъ, которымъ трудно было дышать. Между больными лежали уже и умершіе, которыхъ не успѣли еще убрать. Я подходилъ къ больнымъ, и нагнувшись спрашивалъ, кто какого полка и кто они. На мой вопросъ они отвѣчали стонами. Я опрашивалъ людей, которые уходили уже въ полки загробнаго міра. Мнѣ самому показался страннымъ мой опросъ, которымъ я обезпокоивалъ только послѣднія минуты умиравшихъ людей. Я выбѣжалъ изъ госпиталя и доложилъ доктору, что умирающіе люди ничего мнѣ не отвѣчаютъ, и просилъ его выдать мнѣ только квитанцію въ сданномъ мною оружіи.

Проливной дождь произвелъ дизенфекцію повозокъ, на которыхъ были привезены мною больные, и на другой день, принявъ сухари и крупу, я отправился въ путь на соединеніе съ главною арміею.

Прибывъ въ армію, я засталъ холеру въ такой степени, что главнокомандовавшій, пріѣхавшій въ Мишкольцъ 21 Іюня, пріостановилъ движеніе войскъ, чтобы дать имъ время немного отдохнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ произвести эвакуацію больныхъ въ Кашау. Въ Мишкольцѣ всѣ сараи были заняты больными. Для эвакуаціи было собрано громадное число обывательскихъ пароконныхъ подводъ, и вызвано изъ полковъ пять оберъ-офицеровъ, въ число которыхъ попалъ и я. Завѣдывать транспортомъ былъ назначенъ штабъ-офицеръ, изъ медицинскаго персонала врачъ и нѣсколько человѣкъ фельдшеровъ. Санитарами къ больнымъ назначены люди изъ числа здоровыхъ солдатъ; больныхъ было три тысячи человѣкъ. На подводы укладывали отъ 4—5 человѣкъ.

Съ утра 22 Іюня занялись мы укладкою больныхъ и при всей нашей торопливости едва окончили работу нашу въ десять часовъ вечера. Нужно было видѣть укладку больныхъ! Въ сараяхъ, гдѣ они лежали, находились медики и фельдшера, но они за неимѣніемъ средствъ были безсильны оказать помощь. Объ удобствахъ устройства транспорта и говорить нечего. Время было военное, въ войскахъ не было всего нужнаго для пособія больнымъ и для ихъ успокоенія. Солдаты таскали на воза своихъ заболѣвшихъ товарищей какъ умѣли и какъ могли, и со страхомъ, чтобы и самимъ не заболѣть. Были случаи, что и рабочіе тутъ же заболѣвали холерою и попадали въ транспортъ. Изъ офицеровъ заболѣвшихъ холерою не было, и никто изъ нихъ въ транспортъ не попалъ. Но офицерамъ давала себя чувствовать Венгерская лихорадка, которая, не поддаваясь лѣченію, изнуряла ихъ, и чтобы вылѣчиться отъ нея, нужно было возвращаться на родину.

Путь нашего слѣдованія мы означали общими и одиночными могилами. Данные намъ въ санитары солдаты многіе заболѣли холерою;

а иные, тяготясь своимъ назначеніемъ, снявъ съ себя амуницію, укладывались на возахъ съ больными, и при надобности въ нихъ приходилось осматривать воза, чтобы тѣмъ, которые выглядывали поздоровѣе, приказывать выходить изъ возовъ, для пособія въ уходѣ за больными и въ уборкѣ умершихъ.

Варили въ дорогѣ чай и пищу для больныхъ, но раздача приготовленнаго затруднялась недостаткомъ соотвѣтственной посуды. Нужно было и чай, и пищу развозить по возамъ, а при громадности транспорта такое дѣло было слишкомъ затруднительно, отнимало много времени и замедляло движеніе транспорта.

Наконецъ, мы прибыли въ Кашау съ большимъ недочетомъ въ больныхъ, и съ тѣми умершими, которыхъ не успѣли похоронить въ дорогѣ. Въ городѣ намъ представилась поражающая картина. Госпиталь былъ открытъ на 2.500 человѣкъ, а больныхъ оказалось до десяти тысячъ. Начальство растерялось отъ такого большаго прилива больныхъ, и мы уложили нашихъ больныхъ въ разныхъ домахъ, гдѣ на голые полы, а гдѣ была солома, то на солому.

Оригиналенъ былъ первый мой ночлегъ въ Кашау. Квартиру мнѣ отвели въ бель-этажѣ каменнаго дома, изъ трехъ комнатъ, убранныхъ хорошо; въ спальнѣ стояла кровать съ роскошною постелью, и мнѣ думалось, что я усну на славу. Я взглянулъ въ зеркало на себя и увидѣлъ на себѣ слои заскорузлой грязи. Унтеръ-офицеръ, бывшій со мною въ дорогѣ, пособляя мнѣ раздѣваться, говорилъ: «Ваше благородіе, оставьте мнѣ денжонокъ; пока вы встанете, я приведу вашу одёжу въ порядокъ, почищу ее, да сбѣгаю въ городъ и разживусь для васъ рубахою и сапогами, куплю мыльца, да приведу цирульника васъ постричь и побрить». Я далъ ему денегъ, а самъ долго не могъ уснуть на мягкомъ ложѣ... По утру, когда я проснулся, мой унтеръ-офицеръ, держа въ рукахъ сапоги, говорилъ:—Я купилъ для васъ сапоги; правда, они неказисты, коротенькіе, какъ носятъ Венгерскіе гонведы, но пока можно носить. Рубашки я не нашелъ купить, а какъ вамъ она необходима, то я выпросилъ въ госпиталѣ заимообразно новую рубашку, и посмотрите что̀ за штука!» Рубашка была изъ суроваго, довольно грубаго холста, коротенькая, поясная, какъ носитъ въ Венгріи простонародіе. Служанка-хозяйка принесла мнѣ кофею съ сухарями и, поставивъ приборъ на столъ, ушла изъ комнаты, а унтеръ-офицеръ отозвался: «Вѣдь что̀ за добрый народъ Венгерцы! Мы пришли къ нимъ врагами и разоряемъ ихъ богатую сторону, а они къ намъ добры, и какіе они сердечные!»

Мы замѣтили, что Австрійцы исчезли изъ города и какъ будто провалились куда-то; а въ войскахъ нашихъ, квартировавшихъ въ

городѣ, замѣчалось какое-то движеніе, суетня и бѣготня офицеровъ. Мы спросили у офицеровъ, что за тревога; они намъ передали, что наши войска отступаютъ, а Венгерская армія подъ командою Гёргея прорѣзалась въ тылъ нашей главной арміи, прервала сообщеніе съ нею и идетъ на Кашау.

Объ насъ какъ будто и забыли: никакихъ не было распоряженій, и никто намъ ничего не говорилъ. Поэтому мы сами отправились въ канцелярію спросить адъютанта, какое будетъ намъ назначеніе. Адъютантъ отвѣчалъ, что относительно насъ еще не сдѣлано генераломъ никакого распоряженія, и что намъ самимъ слѣдуетъ обратиться къ нему за приказаніемъ. Начальникомъ нашихъ войскъ въ Кашау былъ генералъ-маіоръ К....; онъ же былъ вмѣстѣ и Кашаускимъ военнымъ начальникомъ. Мы отправились къ нему и, войдя въ залу, застали его въ какихъ-то хлопотахъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ съ полныма руками разныхъ вещей. «Ваше назначеніе?» крикнулъ намъ въ попыхахъ генералъ: «оставайтесь и погибайте!» Сказавъ это, онъ скрылся отъ насъ. Получивъ такое рѣшительное приказаніе, мы передали оное адъютанту, и онъ намъ сказалъ, что генералъ, озабоченный распоряженіями объ отступленіи войскъ и сборомъ къ походу, въ попыхахъ тревоги такъ неловко передалъ намъ свое приказаніе. Мы здѣсь же узнали отъ адъютанта, что съ курьеромъ получено отъ главнокомандующаго извѣстіе о томъ, что Гёргей прорвался въ тылъ нашей арміи и отрѣзалъ сообщеніе съ оною, почему и приказано офицеровъ въ главную армію не посылать; войскамъ же, забравъ съ собою все оружіе, оставшееся отъ умершихъ и больныхъ въ госпиталѣ, по мѣрѣ возможности, убрать продовольственные наши магазины и отступить изъ Кашау, а больныхъ съ медиками и офицерами, оставленными на службѣ при госпиталѣ, предать великодушію Венгерскихъ войскъ и на попеченіе жителей города. Прокламаціею, наклеенною по домамъ, жители предварялись, что за всякое насиліе противу Русскихъ городъ будетъ отвѣчать.

И такъ намъ пришлось оставаться въ городѣ на службѣ при нашемъ госпиталѣ. Генералъ К.... отступилъ съ войсками изъ Кашау, и мы вслѣдъ за нимъ отправили на подводахъ оружіе, по дорогѣ къ Эперіесу.

Венгерцы на улицахъ города довольно сурово на насъ взглядывали, но все же были съ нами вѣжливы. Въ разговорахъ они выражали удивленіе, что мы въ нашемъ положеніи осмѣливались гулять по городу, и говорили, что будь Австрійцы на нашемъ мѣстѣ, они сидѣли бы запрятавшись по домамъ. Мы шутливо отвѣчали, что вѣруемъ въ рыцарство Венгерцевъ, да притомъ двумъ смертямъ не бы-

вать, и одной не миновать. Впрочемъ, если какой-либо шальной гонведъ, въ пылу патріотическаго энтузіазма, ворвавшись въ городъ, свернетъ кому нибудь голову, то ничего не подѣлаешь: будь ему тогда Богъ судья, на все воля Божія!

Съ выступленіемъ нашихъ войскъ, изъяты были изъ обращенія и Австрійскія деньги. Да что̀ это были и за деньги! Рваныя гульденовыя бумажки; стоимость гульдена на наши деньги равнялась шестидесяти копѣйкамъ; были въ ходу еще и серебрянные цванцигеры въ двадцать крейцеровъ и мѣдная монета. Крейцеръ по курсу наша копѣйка. Серебрянныя деньги считались за рѣдкость, да и мѣдныхъ было немного. Чтобы пособить такому неудобству, жители гулденовыя бумажки рвали на четыре части, и каждая часть была принимаема за пятнадцать крейцеровъ и называлась фалаткомъ. Разумѣется, такіе фалатки ходили только между народомъ и въ ущербъ народу; казначейство не принимало ихъ въ размѣнъ на другія деньги, и фалатки уничтожались въ рукахъ народа.

На мѣсто Австрійскихъ денегъ пошли въ ходъ въ городѣ революціонные бумажные гульдены, называемые Кошутовыми. Но отъ насъ при покупкѣ вещей въ магазинахъ, равно и при разсчетѣ въ трактирахъ за кушанья, принимали Австрійскія деньги безъ всякаго возраженія. Это была своего рода вѣжливость.

Съ фалатками происходили куріозныя продѣлки. Идетъ нашъ солдатъ въ лавку, покупаетъ что-нибудь за два или за три крейцера, и въ уплату подаетъ фалатокъ и требуетъ сдачи; лавочникъ ему отвѣчаетъ, что нѣтъ мелкихъ денегъ для сдачи; солдатъ, не теряясь, отрываетъ отъ фалатка незначительный кусочекъ съ уголка чистой бумаги и, подавая лавочнику, говоритъ: весь фалатокъ стоитъ пятнадцать крейцеровъ, то на два крейцера достаточно оторваннаго кусочка, какой онъ ему и даетъ. Изъ-за подобныхъ продѣлокъ происходили недоразумѣнія, которыя приходилось разбирать офицерамъ. Въ послѣдствіи Австрійское правительство напечатало на большихъ листахъ десяти и шести-крейцеровыя бумажки, которыя отрѣзывались отъ листовъ какъ купоны, и шли въ ходъ какъ размѣнная монета. Русскую золотую и серебряную монету Вергерцы принимали охотно, даже и Русскими кредитными бумажками не брезгали; такъ по крайней мѣрѣ практиковалось въ Кашау.

Обѣдать ходили мы въ рестораны. Собиравшаяся тамъ публика состояла изъ мѣстнаго рабочаго люда разныхъ профессій и призванія, грубая и шумливая. Всѣ сидѣли за столами въ шляпахъ и шапкахъ; одни закусывали, а иные пробавлялись печеными каштанами, запивая молодымъ кисленькимъ виномъ. Всѣ курили, кто дешевыя сигары,

а кто трубки, набитыя доморощеннымъ крѣпкимъ табакомъ; дымъ отъ такого курева былъ горькій, затруднявшій дыханіе. Къ особенности Венгерскаго разговора нужно еще отнести и то, что онъ сопровождается неприличнымъ ругательствомъ; почти ни одно слово не обходится безъ крѣпкаго словца.

Глядя на этихъ республиканцевъ, намъ тогда думалось, что республиканскій принципъ равенства, братства и свободы очень труденъ въ примѣненіи къ народу разнороднаго образованія и понятій; почему онъ можетъ выражаться злоупотребленіемъ одного надъ другимъ и произойдетъ господство ума или господство грубой силы; а счастье народа отъ равенства, братства и свободы дѣлалось только пустою фразою и краснорѣчивой болтовнею сторонниковъ одной или другой силы. Торопимся, бывало, закусить и поскорѣе уйти, во избѣжаніе какой выходки брата-гражданина. Молодаго народа въ трактирахъ не было видно и, какъ намъ Венгерцы передавали, всѣ молодые люди ушли на войну.

По уходѣ нашихъ войскъ изъ города, контора госпиталя раздѣлила занятые ею обывательскіе дома на отдѣленія, и завѣдывать отдѣленіями назначила насъ офицеровъ. Была издана для насъ инструкція. Занятій по госпиталю было много, но все же мы думали и объ ожидаемомъ нашествіи Венгерцевъ, и оно насъ безпокоило.

Я жилъ на квартирѣ у одного виноторговца, который любилъ выпить. Къ тому же онъ былъ и ревнивецъ, дѣлавшій сцены своей хорошенькой женѣ. Жили они въ домѣ врозь: онъ занималъ помѣщеніе внизу, а она въ первомъ этажѣ, и свиданія ихъ состоялись, когда онъ приходилъ къ ней обѣдать и для домашнихъ сценъ. Разъ вздумалъ было онъ побурлить; я его остановилъ, сказавъ, чтобы не поднималъ шума, а то призову полицію. Онъ извинился и ушелъ къ себѣ въ комнату. Это былъ пожилой и уродливый человѣкъ безъ всякаго образованія. Однажды я зашелъ къ хозяйкѣ; она была мнѣ рада, разговорилась и болтала со мною о всякой всячинѣ. Я любовался ею и говорилъ любезности, глаза у нея были прекрасны, собою миловидна и симпатична; я удивлялся, какъ она рѣшилась выйти замужъ за такого урода, который не умѣетъ ее цѣнить. Она слушала мои любезности, улыбаясь, и говорила:

— Знаете, чтó, г. оберъ-лейтенантъ: намъ говорили, что Русскіе варвары и страшный народъ; теперь же я убѣдилась, что разсказы о Русскомъ варварствѣ все неправда. Съ такими варварами можно жить, и не будетъ скучно. Скажите мнѣ теперь, ваши ушли, и вы не боитесь?

— Чего же бояться? Мы живемъ на милости вашей. На улицѣ если ворвутся гонведы, кто нибудь изъ нихъ легко можетъ намъ свернуть

головы, а дóма хозяева въ патріотическомъ увлеченіи могутъ съ нами покончить безъ затрудненія.

— Какъ вы могли подобное сказать! Развѣ это возможно? Вы нашъ гость, вы находитесь подъ нашею защитою, и могла ли бы я стать вашимъ убійцею? Слова ваши оскорбительны для меня.

Когда она это говорила, слезы у нея катились изъ глазъ; она зарыдала, и сдѣлался съ нею легкій обморокъ. Я торопливо бросился къ ней и началъ водою натирать ей виски.

— Мнѣ легче, благодарю васъ; мнѣ нужно отдохнуть, прощайте! и протянула мнѣ руку.

Венгерцы надѣлили меня чиномъ оберъ-лейтенанта, тогда какъ я былъ только подпоручикомъ Русской арміи. Въ Австрійскихъ войскахъ существуютъ три оберъ-офицерскихъ чина: подпоручикъ (лейтенантъ) съ одной звѣздочкой на воротникѣ, поручикъ (оберъ-лейтенантъ) съ двумя и капитанъ (гауптманъ) съ тремя звѣздочками. У меня было двѣ звѣздочки.

Венгерцы начали разсказывать съ недовольнымъ видомъ, что Гёргей съ тридцатитысячнымъ своимъ отрядомъ въ семи верстахъ прошелъ мимо Кашау и направилъ свое движеніе по другой дорогѣ. У насъ отлегнуло на душѣ. Вскорѣ появились исчезнувшіе Австрійцы, за ними возвратился и нашъ генералъ К.... съ отрядомъ нашихъ войскъ, и жизнь наша потекла обыкновеннымъ порядкомъ. Мы выдержали счастливо нашъ невольный плѣнъ, и кончилось наше томленіе, продолжавшееся болѣе недѣли.

Въ квартирѣ моей, состоявшей изъ одной комнаты, негдѣ было помѣстить находившагося при мнѣ вѣстоваго, почему я и перемѣстился въ домъ монастырскаго подворья, гдѣ расположился внизу, въ двухъ большихъ комнатахъ. Хозяиномъ подворья былъ настоятель католическаго монастыря, жившій въ городѣ въ самомъ монастырѣ. Прелатъ Рихтеръ былъ добрый ученый мужъ и докторъ богословія; онъ пользовался уваженіемъ, какъ у Венгерцевъ, такъ и у Австрійцевъ. Монастырскія имѣнія приносили годоваго дохода, какъ говорили, болѣе шестидесяти тысячъ рублей. При домѣ находился довольно большой садъ съ цвѣтниками и скамейками для гуляющихъ. Въ саду имѣлся небольшой прудъ съ черепахами. Садъ содержался въ порядкѣ, тѣни было въ немъ много, и сюда почти ежедневно приходилъ прелатъ послѣ обѣда для прогулки. Въ садъ приходили къ нему и посторонніе лица, его знакомые, и проводили съ нимъ время.

Какъ постоялецъ, я сдѣлалъ прелату визитъ. Прелатъ принялъ меня очень любезно, разговаривалъ со мною довольно долго и оставилъ у себя обѣдать. Помѣщеніе его состояло изъ прихожей, большой

пріемной залы, которая была и трапезной, въ которой могли обѣдать безъ затрудненія человѣкъ болѣе ста. Изъ залы входъ былъ въ небольшую комнату съ каминомъ; здѣсь былъ устроенъ цѣлый арсеналъ пенковыхъ трубокъ. У камина стояло кресло, въ которое послѣ обѣда усаживался прелатъ и выкуривалъ послѣобѣденную трубку. Изъ этой комнаты былъ еще входъ въ смежную комнату, которая, какъ видно, была его кабинетомъ и спальней. Все было скромно и удобно, но безъ роскоши. Гости были все изъ мѣстныхъ жителей и высшаго чиновнаго Австрійскаго люда; прелатъ меня съ ними знакомилъ. За столъ сѣло около пятнадцати человѣкъ; обѣдалъ также съ нами и монахъ и, судя по одѣянію схожему съ одѣяніемъ прелата, монахъ былъ подчиненное лицо и одного съ нимъ монашескаго ордена, какое-либо монастырское должностное лицо.

Обѣдъ былъ сытный и хорошій; за столомъ было и вино. Разговоръ шелъ на Словацкомъ, Венгерскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, какъ кому и съ кѣмъ было удобнѣе говорить. Послѣ обѣда началось куреніе трубокъ и сигаръ. Сигары курили революціонныя, то-есть свободныя отъ Австрійской монополіи; но все же Австрійскія сигары по добротѣ своей выше стояли Венгерскихъ. Послѣ недолгаго куренія, всѣ стали откланиваться прелату и расходились по домамъ. Когда я раскланивался, прелатъ любезно мнѣ предложилъ, что если понадобится что-нибудь для квартиры, то чтобы ему безъ стѣсненія о томъ сказать и все будетъ сдѣлано, причемъ объявилъ мнѣ также, что у него за столомъ всегда будетъ для меня готовый приборъ, что онъ обѣдаетъ въ два часа и чтобы я не обинуясь приходилъ къ нему ежедневно обѣдать. Прелатъ былъ средняго роста, выраженіе его лица было открытое, умное и симпатичное. Въ разговорахъ онъ всегда избѣгалъ политическихъ предметовъ. Домъ его былъ нейтральною землею, а не ареною политическихъ споровъ.

Во время пребыванія моего въ Кашау я былъ постояннымъ нахлѣбникомъ прелата. Встрѣчалъ я у него графа Дежефи, но онъ рѣдко обѣдалъ, а чаще бывалъ съ супругою въ саду. Постояннымъ посѣтителемъ былъ графъ Няри. Сего послѣдняго Венгерцы называли шварцъ-гельбомъ. Такимъ прозваніемъ они надѣляли всѣхъ тѣхъ, кто только сочувствовалъ Австрійскому дѣлу. Онъ не былъ сторонникомъ Кошутовскаго дѣла, постоянно ругалъ и порицалъ революціонеровъ. Конечно, никто ему изъ посѣтителей не возражалъ; порицанія его доходили до приторности и всѣмъ наскучили.

Однажды за обѣдомъ графъ Няри сидѣлъ напротивъ меня, и по своему обычаю сталъ поносить республиканцевъ и, ругая ихъ, уста-

вился глазами въ упоръ на меня. Мнѣ показалось это непріятнымъ, почему я и спросилъ его, какой онъ національности? Онъ съ удивленіемъ отвѣчалъ: А что? Я Венгерецъ.—Извините меня, графъ, за мой нескромный вопросъ; я всегда слышу ваше постоянное порицаніе вашихъ сородичей, почему я и думалъ, что вы по происхожденію какой-либо другой національности, а не Венгерецъ.—Надоѣли мнѣ мои сородичи, провалились бы они! сказалъ съ сердцемъ графъ, и на этомъ оборвалъ свой разговоръ и въ послѣдствіи о своихъ землякахъ говорилъ болѣе сдержанно.

Бывалъ на обѣдахъ у прелата и Австрійскій генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ Бордоло; онъ относился ко мнѣ любезно. Разъ за столомъ вздумалось ему спросить меня, почему Русскіе офицеры называютъ Австрійскихъ офицеровъ цванцигерами (серебрянная монета въ 20 крейцеровъ). Я замялся въ отвѣтѣ, и самъ генералъ дополнилъ, что это названіе вѣроятно дано отъ того, что цванцигеры бѣлаго цвѣта, а Австрійцы носятъ бѣлые мундиры.

На большихъ обѣдахъ и болѣе парадныхъ набиралось за столомъ сорокъ и болѣе человѣкъ. Было изобиліе и вина, провозглашались тосты со спичами, на Венгерскомъ языкѣ, и послѣ окончанія каждаго спича всѣ собесѣдники отвѣчали дружнымъ элліенъ (по нашему ура). Генералъ Бордоло, обращаясь ко мнѣ, провозгласилъ тостъ за здоровье Русской арміи; громкое элліенъ было отвѣтомъ на этотъ тостъ. Я всѣмъ кланялся, благодарилъ и сейчасъ же провозгласилъ тостъ за здоровье генерала Бордоло и Австрійской арміи. Элліенъ было отвѣтомъ, и генералъ всѣмъ дѣлалъ благодарственные поклоны.

За обѣдомъ на десертъ подавали фрукты, подавалась иногда и дыня. Многіе Венгерцы сію послѣднюю посыпали каенскимъ перцемъ; но къ удивлленію моему находились и такіе, которые посыпали и нюхательнымъ табакомъ, ѣли и говорили, что это очень вкусно. Венгерскій молотый табакъ по цвѣту похожъ на молотый Турецкій перецъ, называемый у нихъ паприкою. У прелата кухня была Французская, но въ народную Венгерскую кухню входитъ много паприки.

Городъ Кошицы расположенъ въ Угорской Руси. Жители говорятъ на Словацкомъ языкѣ. Намъ легко было говорить и другъ друга понимать. Въ разговорахъ съ прекраснымъ поломъ пословацки выходили иногда недоразумѣнія въ истолкованіи сказаннаго, что̀ при разъясненіи порождало часто смѣхъ. Съ кровными Венгерцами и Венгерками разговоръ шелъ чрезъ переводчиковъ, что́ было неудобно. Но съ молодыми женщинами, знавшими хотя и нетвердо Словацкій языкъ, легче было говорить: онѣ какъ-то лучше понимали смыслъ

имъ сказаннаго: часто онѣ умѣли читать въ глазахъ, и смыслъ разговора всегда былъ разгаданъ. Между Венгерцами распространено знаніе Латинскаго языка; они бойко на немъ говорили; знаніе этого языка было имъ необходимо, потому что въ судахъ дѣлопроизводство шло полатыни; но Венгерки этого языка не изучали.

Каждый день поутру я отправлялся въ госпиталь и обходилъ по домамъ всѣ палаты. Вотъ и подойдешь къ больному и спрашиваешь: голубчикъ, что̀ тебѣ нужно, аль нехорошо чувствуешь себя? Корчи въ ногахъ, говоритъ обыкновенно больной стонущимъ голосомъ. На эти слова нагнусь къ нему, начинаю тереть ему ноги, призываю служителя, котораго заставляю тоже самое дѣлать, и показываю ему, какъ это дѣлается. Больной отзывается, что ему легче, довольно тереть, и благодаритъ меня. Многихъ больныхъ приходилось ободрять. Многіе изъ нихъ говорили о своихъ домашнихъ дѣлахъ, о родителяхъ, женахъ и дѣтяхъ, и просили, чтобы имъ написать письма къ роднымъ. Вотъ и говорю имъ: выздоравливайте, братцы, и приходите ко мнѣ; всѣмъ вамъ буду писать письма. Дай Богъ вамъ здоровья; придемъ, какъ поправимся, говорили больные. Иногда приходилось по неотступной просьбѣ написать больному письмо и въ госпиталѣ, полное поклоновъ и испрошеній благословенія отъ родителей; да бывало и напоминаніе женамъ, чтобы не пошаливали, были покорны его родителямъ и ходили хорошенько за дѣтьми.

Въ одной палатѣ лежалъ больной казакъ; онъ уже выздоравливалъ, былъ молодчина собой, и я, здороваясь съ нимъ, называлъ его атаманомъ. При ежедневныхъ моихъ посѣщеніяхъ палаты, я сталъ замѣчать, что съ моимъ атаманомъ выходитъ дѣло неладное; лице какъ-то осунулось, и онъ выглядывалъ какимъ-то скучнымъ. Я спросилъ его: атаманъ, вижу, что ты въ лицѣ измѣнился не къ лучшему и глядишь какъ-то кисло, аль опять не здоровится?—Да, точно такъ, отвѣчалъ онъ, чувствую, что мнѣ нехорошо; да притомъ смекаю и то, что я самъ виноватъ. Что̀ такъ, спрашиваю его, аль покушалъ чего нибудь?

— Нѣтъ, ваше благородіе, меня попуталъ лукавый; нашъ фельдшеришка выпросилъ у меня деньжонки, да и наровитъ замошенничать мои деньги. Я боюсь, чтобы онъ меня не уморилъ; вѣдь фельдшера, это погань, наровятъ обобрать больнаго.

Сколько онъ взялъ у тебя денегъ?

— Да всего-то онъ взялъ у меня полуимперіалами двѣнадцать золотыхъ. Я требовалъ отъ него мои деньги, но онъ все проситъ обождать, и я замѣчаю, что съ того времени какъ я потребовалъ, мнѣ начало дѣлаться хуже. Ей Богу, проклятый уморитъ меня.— Ну,

атаманъ, не унывай; фельдшеръ этотъ не будетъ за тобою ходить, ты выздоровѣешь, возвратишься на родной Донъ и будешь миловать твою казачку.—Дай Богъ, в. б—діе, возвратиться на Донъ. Казакъ вздохнулъ и перекрестился.

Призвалъ я фельдшера; онъ сознался, что деньги взялъ у казака и промоталъ. Пригласилъ я и ординатора палаты и все ему передалъ, какъ было; онъ сейчасъ же фельдшера услалъ изъ палаты и, выслушавъ меня, сказалъ, что онъ удивлялся самъ, отчего казаку съ каждымъ днемъ дѣлалось хуже, и деликатно замѣтилъ, что онъ подозрѣваетъ теперь и самъ фельдшера, что онъ неправильно давалъ лекарства казаку.

О поступкѣ фельдшера я подалъ рапортъ въ контору госпиталя. Фельдшеръ исчезъ, а козакъ выздоровѣлъ, получилъ свои деньги изъ конторы, приходилъ ко мнѣ и благодарилъ за принятое въ немъ участіе. Послѣ этого происшествія съ казакомъ, я объявилъ больнымъ, чтобы они при себѣ денегъ не держали, а передали на храненіе въ контору госпиталя, откуда и получатъ оныя въ сохранности по выздоровленіи. Но солдаты не хотѣли съ своими деньгами разставаться и свои кожаные чрески носили подъ колѣнками. Они какъ будто не довѣряли конторѣ; многіе изъ нихъ просили меня принять къ себѣ на храненіе ихъ деньги, говоря, что они мнѣ вѣрятъ, но я рѣшительно отказался.

Были случаи, что ночью служители изъ числа артистовъ-воришекъ пускались въ палатахъ повѣрять сонныхъ больныхъ, ощупывая ихъ ноги съ чересками, и пробовали снимать оные; но такія операціи рѣдко когда имъ удавались. Бывало и то, что больной или самъ просыпался, чувствуя, что кто-то тревожитъ его ноги, или же мѣшали тому другіе больные солдаты. О подобныхъ ночныхъ артистахъ на другой день, при обходѣ палатъ, больные заявляли мнѣ, и я немедленно отсылалъ ихъ въ госпитальную контору, на распоряженіе. Относительно госпитальной прислуги, назначавшейся изъ выздоровившихъ нижнихъ чиновъ, встрѣчались большія неудобства. Солдаты тяготились этимъ назначеніемъ и къ занятію своему относились уклончиво; въ особенности не нравилось имъ содержаніе отхожихъ мѣстъ въ опрятномъ видѣ. Они знали, что въ полковыхъ лазаретахъ для такихъ грязныхъ работъ, по штатамъ, полагалось извѣстное число профосовъ, и на эти должности были назначаемы самые негодные солдаты, изъ штрафованныхъ. Всѣмъ выздоравливавшимъ хотѣлось поскорѣе убраться изъ госпиталя, а не возиться съ холерными. Приходилось имъ пособлять больнымъ, мертвыхъ убирать, и многіе изъ нихъ вновь заболѣвали.

Я уже говорилъ, что все продовольствіе для нашего госпиталя отпускалъ смотритель Австрійскаго госпиталя.

Однажды по утру шелъ я въ госпиталь, и по дорогѣ встрѣтилъ меня у.-офицеръ, за которымъ солдатъ несъ мѣшокъ картофеля. Онъ остановилъ меня и сказалъ, чтобы я взглянулъ, какой отпущенъ картофель на нашихъ больныхъ Австрійскимъ капитаномъ. Войдя въ коридоръ госпитальнаго дома и поставивши мѣшокъ на полу, онъ развернулъ и началъ разрѣзывать картофелины; каждая оказалась внутри съ черными пятнами; видимо, картофель былъ зараженный и негодный въ пищу. Да, говорю, этотъ картофель негоденъ въ ѣду. Что же, ты показывалъ капитану и говорилъ, что не годенъ?

— Какъ же, показывалъ; да онъ и слушать не хотѣлъ, прогналъ изъ магазина, говоря, чтобы быть довольнымъ тѣмъ что̀ отпускается. Меня взорвало. Я приказалъ нести за собою картофель. Магазинъ былъ недалече. Я вошелъ туда и засталъ тамъ много пріемщиковъ для нашего и для Австрійскаго госпиталя. Капитанъ былъ за прилавкомъ, на которомъ лежали разныя требованія, по которымъ онъ отпускалъ продукты. Увидѣвъ меня и унтеръ-офицера съ мѣшкомъ картофеля, онъ всталъ со стула; а я, ни слова не говоря, приказалъ унтеръ-офицеру поставить на прилавокъ мѣшокъ, раскрылъ оный, поданнымъ мнѣ ножемъ разрѣзывалъ картофелины, подносилъ ихъ къ глазамъ капитана и бросалъ за прилавокъ.

— Капитанъ, говорю, картофель съ пятнами, больной и никуда негодный; еслибы вы покушали такого, то и толщина наша сползла бы съ васъ. Капитанъ весь побѣлѣлъ, но молчалъ. Разрѣзавъ еще нѣсколько картофелинъ, я въ досадѣ столкнулъ мѣшокъ съ картофелемъ за прилавокъ и сказалъ: такой картофель годится только свиньямъ, а не для нашихъ больныхъ. На эти слова онъ отозвался: Мнѣ все равно!

— Какъ! крикнулъ я, тебѣ, недобрый человѣкъ, все равно, что̀ свиньи, что̀ наши солдаты! Слова капитана вывели меня изъ себя, я дошелъ до забывчивости и не стѣсняясь всячески его бранилъ. Васъ просили о замѣнѣ зловредныхъ продуктовъ здоровыми, вы отказались и выгнали унтеръ-офицера изъ магазина. Плюнувъ въ его сторону и выбѣгая изъ магазина, я крикнулъ ему, что пойду жаловаться на него Австрійскому генералу.

Выйдя на улицу, я опомнился и развязку этого дѣла полагалъ въ неминуемой дуэли. Съ такою мыслію я пошелъ въ госпиталь и обходилъ палаты. Не прошло и часу, какъ прибѣжалъ ко мнѣ унтеръофицеръ и доложилъ, что смотритель не только картофель, но и всѣ

другіе продукты перемѣнилъ и отпустилъ самые лучшіе, не только на нашъ госпиталь, но и на Австрійскій.

На другой день поутру я шелъ въ госпиталь, и на встрѣчу мнѣ попался капитанъ. Онъ обыкновеннымъ Австрійскимъ *gut Morgen* привѣтствовалъ меня и протянулъ мнѣ руку для рукопожатія, какъ это всегда дѣлалъ прежде. Я отвѣчалъ поклономъ, но руки ему не подалъ.

Такъ кончилось мое дѣло съ капитаномъ безъ поединка, и я съ нимъ уже болѣе ни слова не говорилъ. Въ скоромъ времени послѣ этого приключенія капитанъ получилъ другое назначеніе и уѣхалъ изъ Кашау. Австрійское начальство, узнавъ о случившемся, убрало его во избѣжаніе могущаго повториться съ нимъ скандала.

Ежедневное долгое пребываніе въ госпиталѣ стало меня утомлять. Я началъ ощущать какую-то тошноту, и мнѣ дѣлалось нехорошо; чтобы устранить это, я замѣнилъ утренній чай стаканомъ краснаго вина, грѣтаго съ сахаромъ, корицею и гвоздикою, и это возбуждало во мнѣ теплоту.

Меня удивляло, что бравшія въ стирку бѣлье женщины всегда пріѣзжали однѣ и тѣже. Я ихъ спрашивалъ, не заболѣлъ ли кто у нихъ холерою, и какъ онѣ поступаютъ съ привозимымъ бѣльемъ. Женщины отвѣчали, что онѣ бѣлье прежде стирки, не разбирая, гуртомъ сваливали въ котлы со щелокомъ и вываривали бѣлье, а послѣ выварки уже стирали. Никто у нихъ въ деревнѣ не заболѣлъ.

Когда холера поражала наши войска, и въ Кашау много домовъ было занято подъ холерныя помѣщенія, въ городѣ между жителями холеры не было. Жизнь шла въ обыкновенномъ порядкѣ. Нашихъ офицеровъ, состоявшихъ на службѣ при холерномъ госпиталѣ, никто не чуждался; принимали насъ вездѣ безъ опасенія. Въ городѣ, какъ и всегда, былъ соблюдаемъ порядокъ и чистота, воздухъ въ немъ былъ чистъ, вода здоровая и чистая, и испорченныхъ съѣстныхъ продуктовъ въ продажѣ не было. Городское управленіе строго слѣдило за порядкомъ города во всѣхъ отношеніяхъ. Еще удивительно было то, что и въ войскахъ Русскаго отряда, квартировавшаго въ городѣ, тоже нижніе чины не болѣли холерою. Весь контингентъ нашихъ больныхъ въ г. Кашау состоялъ изъ нижнихъ чиновъ, доставленныхъ изъ главной арміи, двигавшейся внутри Венгріи.

Хотя жители г. Кашау и не страдали холерою, но у нихъ было другое горе: они страдали томленіемъ ожиданія, чѣмъ разрѣшится нашествіе Русскихъ войскъ на Венгрію. Всѣ были невеселы.

Нашъ отрядный генералъ, желая доставить удовольствіе городскимъ жителямъ, выводилъ на скверъ, въ праздничные дни, въ послѣ-

обѣденное время, ряженныхъ по балаганному солдатиковъ съ раскрашенными лицами, въ бумажныхъ колпакахъ, въ бѣлыхъ и красныхъ рубахахъ; они пѣли пѣсни, плясали, кувыркались и представляли разныя смѣшныя интермедіи. Конечно, все это жителямъ не нравилось; зрителей и гуляющихъ слишкомъ было немного; они, привыкшіе видѣть лучшее, смѣялись надъ шутовскими солдатскими представленіями, доказывавшими грубость вкуса и понятія. Генералъ, хотя и замѣчалъ это, но былъ радъ за солдатъ, что подобная шуточная комедія доставляла имъ развлеченіе. Онъ много смѣялся, и въ нѣкоторомъ родѣ, судя по выходкамъ его, былъ, кажется, какъ бы участникомъ въ солдатскихъ арлекинадахъ. Въ такіе дни являлась на скверъ нѣкая баронесса, особа хотя и не первой молодости, но еще пригожая. Генералъ знакомствъ въ городѣ не имѣлъ, но къ появлявшейся баронессѣ относился неравнодушно. Баронесса не понимала Русскаго языка, а генералъ иностранныхъ; почему при немъ находился адъютантъ съ иностранною фамиліею, который и былъ посредникомъ въ ихъ разговорахъ. Вѣренъ ли былъ переводъ ими сказаннаго, они оба не знали того. Баронесса, слушая адъютанта, оказывала на своемъ лицѣ удовольствіе и улыбалась, взглядывая на генерала; а генералъ, слушая его, умильно взглядывалъ на баронессу. Такой разговоръ полонъ былъ комизма, и кажется, адъютантъ передъ баронессою велъ свое дѣло отлично. Онъ былъ молодъ и не дуренъ собою, а генералъ уже въ такомъ возрастѣ, когда женщины, отдающіяся подобнымъ героямъ, награждаютъ ихъ головными украшеніями. Наши офицеры смѣялись, что адъютантъ, служа переводчикомъ генералу, тянулъ воду на свое колесо, и оба съ баронессою остались довольными.

Наконецъ, послѣ долгой тишины, прилетѣла въ Кашау вѣсть, что Гёргей, подъ Виллагошей, положилъ оружіе и сдался въ плѣнъ Русскимъ. Вѣсть эта на Венгерцевъ подѣйствовала убійственно; грусть и отчаяніе выражались на ихъ лицахъ. Разно толковали о причинахъ. Одни говорили, что Гёргей измѣнилъ; другіе же объясняли, что онъ не могъ поладить съ Польскими генералами, которые часто уклонялись отъ исполненія его приказаній и интриговали противъ него, почему онъ разсудилъ, что при подобной обстановкѣ немыслимо выиграть дѣло, и рѣшился предать судьбу своего народа волѣ Русскаго императора. Венгерцы на первыхъ порахъ никакъ не полагали, что Русскіе передадутъ участь Венгріи въ руки Австріи.

Слушая нападенія Венгерцевъ на Поляковъ, я нѣкоторымъ говорилъ: Какъ вамъ нападать на нихъ? Вѣдь у Поляковъ есть пѣсня: «Венгржинъ, Полякъ—два братанки и до дзивки, и до шклянки»; они

ваши братья и друзья. На мои слова одинъ изъ нихъ крикнулъ съ сердцемъ:—Зная эту пѣснь, мы только можемъ-быть ихъ братанки и до дзивки и до шклянки, но болѣе этого ни къ какому дѣлу мы не товарищи. Поляки авантюристы и интриганы, съ которыми нельзя вести никакого дѣла: они всегда измѣнять.

Австрійцы ожили духомъ. Въ Кашау пришелъ Австрійскій пѣхотный полкъ. Надменность Австрійцевъ къ Венгерцамъ выражалась на всякомъ шагу. Австрійскіе офицеры, проходя по тротуарамъ и гремя саблями, никому изъ проходящихъ, будь это мущина или женщина, дороги не давали; и кто не умѣлъ заблаговременно посторониться, того безцеремонно съ тротуара сталкивали на улицу.

Чиновники, поставленные Австрійцами, всѣ почти были Чехи. Венгерцы считали ихъ самыми ядовитыми и злыми своими врагами; они свое нерасположеніе къ Венгерцамъ проявляли во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Послѣ вѣсти о положеніи Гёргеемъ оружія, однажды я узналъ отъ знакомыхъ, что Гёргея и плѣнныхъ Венгерскихъ офицеровъ привезли Австрійцы въ Кашау и что они обѣдаютъ въ гостиницѣ. Изъ любопытства я пошелъ туда, чтобы посмотрѣть на Венгерскаго героя. Когда я вошелъ въ гостиницу, то въ первой залѣ засталъ Гёргея съ повязанною слегка головою фуляровымъ платкомъ; говорили, что онъ былъ легко раненъ въ голову. Другой Венгерецъ былъ подполковникъ Гёргели. Конвоировалъ ихъ Австрійскій подполковникъ съ какимъ-то еще офицеромъ. Всѣ стояли при одномъ столѣ. Были тутъ и наши офицеры-артилеристы. Разговоръ шелъ о дѣлахъ Гёргея; много смѣялись, много пили шампанскаго, и офицеры много отпускали остротъ, не лестныхъ для Австрійцевъ.

Двѣ сосѣднія комнаты съ залою занимали Австрійскіе офицеры, собравшіеся туда для обѣда. Двери были открыты, и они оттуда смотрѣли на оказываемую оваціо Гёргею нашими офицерами и слушали ихъ разговоры.

Замѣтивъ, что наши офицеры, подъ вліяніемъ шампанскаго, много говорили неподходящаго, я ушелъ изъ гостиницы во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій.

Объ оваціяхъ, оказанныхъ нашими офицерами Гёргею, по окончаніи кампаніи, графомъ Зичи было заявлено въ Варшавѣ фельдмаршалу, и нашимъ офицерамъ за безтактный энтузіамъ въ отношеніи Гёргея, по этому заявленію, объявлена была, какъ говорили, непріятная благодарность отъ начальства. Въ Кашау разсказывали что Гёргея увезли Австрійцы на жительство въ кр. Клангенфуртъ, по-

тому что опасались, чтобы Венгерцы не убили его за измѣну и что ему опредѣлила Австрія пенсію бригаднаго генерала.

Вскорѣ пришелъ къ намъ въ Кашау Галицкій егерскій полкъ, въ которомъ я служилъ. Война пощадила его, но холера произвела въ рядахъ полка большое опустошеніе: умерло много солдатъ (и только одинъ офицеръ).

Съ полкомъ прибылъ и мой деньщикъ Максимка, вѣрный мой Личарда. Онъ доставилъ мнѣ всѣ мои вещи, остававшіяся въ полку, даже трубку и кисетъ съ небольшимъ въ немъ количествомъ табаку. Максимка самъ любилъ покуривать трубочку и могъ бы выкурить бывшій у него на рукахъ мой табакъ; но онъ берегъ барское добро...

Наши возвращавшіяся войска, проходя чрезъ Кашау, забирали каждый полкъ своихъ выздоровѣвшихъ. Кромѣ того холера уже не такъ сильно дѣйствовала, почему и послѣдовало сокращеніе госпиталя, и нѣкоторые дома, занятые подъ госпиталь, стали очищаться.

Завѣдывалъ всѣми госпиталями въ Венгріи генералъ-маіоръ Житковъ; жилъ онъ въ Галиціи, въ м. Дуклѣ. Всѣ выздоравливавшіе изъ госпиталей были направляемы въ Дуклю, а оттуда уже кто въ Краковъ, кто во Львовъ, смотря по квартирному расположенію войскъ, въ Польшѣ или Россіи.

До вступленія Русскихъ войскъ въ Венгрію, наше правительство озабочивалось заготовленіемъ провіанта и фуража для продовольствованія арміи. Всѣ эти большіе запасы, собранные съ предусмотрительностью, трудомъ и большими издержками, были доставлены на назначенные пункты въ Бардфельдѣ, Эперіесѣ и Кашау. Но мѣста для храненія всего доставленнаго продовольствія Австрійскимъ интендантствомъ не были устроены какъ слѣдуетъ. Многіе припасы были свалены зря, подъ открытыми навѣсами, почему и подвергались порчѣ. Войскамъ въ походѣ ежедневно были отпускаемы раціоны хлѣба и мяса. Печеный хлѣбъ отпускали Австрійцы, гдѣ представлялась возможность. Отпускался и офицерамъ, состоявшимъ на службѣ при госпиталѣ, положенный раціонъ хлѣба и мяса, шелъ онъ и на меня; но какъ я стола дома не держалъ, то моимъ раціономъ пользовался находившійся при мнѣ вѣстовой, и я видѣлъ, что онъ всегда приносилъ свѣжій хлѣбъ. Съ окончаніемъ войны, прибывшій мой деньщикъ сталъ получать раціоны на меня, и на себя. Получивъ вмѣсто хлѣба сухари, показалъ онъ мнѣ ихъ. Сухари были покрыты зеленою плесенью. Оказалось, что теперь всѣмъ нашимъ войскамъ т. е. офицерамъ и солдатамъ, Австрійскіе чиновники отпускаютъ сухари, и если кто не хочетъ брать такой гнили, они говорятъ: берите, кушайте, вѣдь это ваше добро, привезенное вами изъ Россіи.

Я пошелъ обѣдать къ моему прелату, засталъ тамъ много гостей, и за столомъ, въ удобную минуту, сталъ расхваливать Австрійскихъ интендантскихъ чиновниковъ за примѣрное ихъ радѣніе къ интересамъ своего государства и какъ они Русскимъ войскамъ вмѣсто свѣжаго хлѣба отпускаютъ гнилые сухари. Никто ничего не сказалъ. За столомъ былъ и Австрійскій генералъ, который послѣ обѣда замѣтилъ мнѣ, что Венгерцы будутъ злорадствовать, и зачѣмъ я ему о томъ раньше не сказалъ. Такъ угощали Австрійцы Русскихъ на прощаніи съ ними. Это была ихъ благодарность за оказанную нами услугу. Однако разсказъ мой не пропалъ даромъ: на другой день мой Максимка, ухмыляясь, доложилъ мнѣ, что вмѣсто сухарей отпустили хорошаго свѣжаго хлѣба.

Покончивъ съ Гёргеемъ, Австрійцы начали арестовывать плѣнныхъ офицеровъ изъ его отряда, захватывать другихъ лицъ, виновныхъ въ мятежѣ и присылать въ Кашау для привлеченія къ отвѣтственности и суду. Пріѣзжали въ городъ разныя лица, а въ особенности много женщинъ, связанныхъ родствомъ съ арестованными. Многія желали имѣть съ ними свиданіе, но ихъ не допускали.

Въ саду прелата я встрѣчалъ немало грустныхъ дамъ, и разъ одной изъ нихъ прелатъ представилъ меня. Моя новая знакомая усѣлась со мною на скамейкѣ и стала просить моего ходатайства у Австрійскаго генерала о свиданіи съ мужемъ.

— Я вполнѣ сочувствую вашему грустному положенію, отвѣчалъ я ей; правда, Австрійскаго генерала я знаю, но не настолько близокъ къ нему, чтобы осмѣливаться просить его въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Просьба моя можетъ показаться ему подозрительною: вы вѣроятно знаете, что Австрійцы подозрѣваютъ Русскихъ офицеровъ въ сочувствіи Венгерцамъ. Если я буду просить генерала за васъ, онъ къ этому дѣлу можетъ строго отнестись, и я могу лишь напортить.

Слезы бѣдной женщины меня тронули и, пока она бѣгала составлять записку о своей просьбѣ, я подошелъ къ прелату и разсказалъ ему, о чемъ просила эта дама.

— Генералъ вамъ не откажетъ, это вѣрно; вамъ скорѣе можно просить его, чѣмъ кому либо другому, сказалъ мнѣ прелатъ.

На другой день я отправился къ генералу. Онъ принялъ меня любезно и выслушалъ мой подробный разсказъ о просьбѣ свиданія съ мужемъ моей знакомки, которую я встрѣтилъ въ саду прелата.

— А прелатъ знаетъ о вашемъ ходатайствѣ?

— Какъ же, косвенно знаетъ.

— Да, можетъ быть онъ и научилъ эту даму просить васъ быть ходатаемъ у меня? Хорошо, я согласенъ и въ виду прямыхъ и косвен-

ныхъ ходатайствъ разрѣшаю ей имѣть два свиданія, но каждое не долѣе одного часу.

Присѣвъ къ столу, онъ написалъ разрѣшительную записку, и, передавая мнѣ ее, сказалъ: Но я васъ предупреждаю быть осторожнымъ въ вашихъ ходатайствахъ.

Отъ генерала я отправился въ садъ прелата, гдѣ уже давно ожидала меня моя просительница, и когда я ей передалъ записку на два свиданія, то радость ея была такъ велика, что она потупилась и не вѣрила своему счастью: слезы били въ ея глазахъ, она жала мнѣ руки и призывала на меня Божіе благословеніе. Она была, на сколько припоминаю, жена подполковника Гёргели, котораго въ послѣдствіи, какъ я слышалъ, любезный Австрійскій генералъ Гайнау приказалъ разстрѣлять.

Въ тотъ же день, придя обѣдать къ прелату, я засталъ его въ залѣ разговаривающимъ съ какимъ-то Австрійскимъ полковникомъ; былъ онъ высокаго роста, съ черными большими усами и немолодой. Я поклонился прелату, и онъ представилъ меня полковнику:—«Это нашъ оберъ-лейтенантъ, живетъ у насъ довольно долго, мы его полюбили, ухаживаетъ за нашими барышнями, и онѣ учатъ его по-венгерски». —«И вѣрно, первое чему выучился у нихъ г-нъ оберъ-лейтенантъ было: элліенъ Кошутъ» (да здравствуетъ Кошутъ), сказалъ полковникъ. На это, отступивъ шагъ назадъ и смотря ему прямо въ глаза, я сказалъ: «Полковникъ, передъ вами Русскій офицеръ. Русская армія исполнила безъ разсужденія ту задачу, которую было нашему Императору угодно возложить на нее: Австрія спасена, и да здравствуетъ Русскій Императоръ! Какимъ же другимъ лицамъ, кромѣ своего Императора, Русскій офицеръ сочтетъ нужнымъ и пріятнымъ сказать элліенъ, это дѣло его убѣжденія, не подлежащее руководству и контролю Австрійскаго полковника».—«Господинъ оберъ-лейтенантъ», отозвался полковникъ, —«я вижу, что вы слишкомъ серіозно отнеслись къ моимъ словамъ; вѣрьте, что съ моей стороны это была только шутка».—«Полковникъ, мы другъ друга не знаемъ, это первая наша встрѣча, слѣдовательно»...

Прелатъ сконфузился и старался замять дальнѣйшія объясненія.

Собрались гости, сѣли обѣдать. За столомъ я былъ не въ духѣ, и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе уйти домой. Встали отъ стола, закурили сигары, я сейчасъ же откланялся прелату, онъ пожалъ мнѣ руку, и я ушелъ. При выходѣ, почти у дверей, нагналъ меня Австрійскій полковникъ. Онъ опять просилъ извиненія за слова, сказанныя имъ будто въ видѣ шутки безъ предвзятой цѣли оскорбленія.

— Полковникъ, вы шутили, и я вамъ отвѣчалъ шуточнымъ отвѣтомъ; слѣдовательно, мы квиты, и надѣюсь, что между нами болѣе не-

умѣстныхъ шутокъ не послѣдуетъ. Я поклонился ему и ушелъ. Фамилія Австрійскаго полковника была Цымъ. Онъ состоялъ предсѣдателемъ военно-судной коммисіи въ Кашау, по дѣлу Венгерцевъ, участвовавшихъ въ бунтѣ.

Въ Кашау открылся Нѣмецкій театръ; абонировался и я военнымъ абонементомъ, на двадцать представленій. Привилегія военнаго абонемента была та, что входъ въ театръ обходился офицерамъ дешевлѣ, чѣмъ простымъ смертнымъ. Посѣтителей въ театрѣ было много. Шли Нѣмецкія пьесы довольно хорошо. Я хотя и не владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ, однакоже весь смыслъ понималъ, и бывалъ въ театрѣ съ удовольствіемъ. Дружескаго сближенія между Русскими и Австрійскими офицерами я не замѣчалъ: обѣ стороны держали себя странно, съ какимъ-то нерасположеніемъ и недовѣріемъ другъ къ другу.

Появлялись въ городѣ наши коммиссаріатскіе чиновники, развозившіе деньги въ счетъ жалованья офицерамъ, находившимся въ госпиталяхъ по болѣзни, и намъ, состоявшимъ на службѣ. Отпускъ денегъ производился золотомъ. По вечерамъ между нашими офицерами шла картежная игра. При нашемъ госпиталѣ находился въ прикомандированіи для исполненія христіанскихъ требъ одинъ изъ полковыхъ священниковъ, нѣкто отецъ Яковъ. Свободные вечера посвящалъ онъ посѣщенію нашихъ офицеровъ и предавался тамъ карточной игрѣ, иной разъ очень крупной. Счастье не везло нашему батюшкѣ. Отецъ Яковъ заболѣлъ холерою и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакихъ сбереженій. Собравшіеся изъ Угорской Руси Русскіе священники похоронили его съ подобающею честью.

Вокругъ г. Кашау имѣются виноградники; хотя и не родится тонкихъ сортовъ, какъ въ болѣе южныхъ комитатахъ, но все же они доставляютъ вино для домашняго употребленія. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, имѣвшій свой виноградникъ, просилъ меня пріѣхать и посмотрѣть на сборъ винограда. Я засталъ тамъ работу во всемъ ходу. Женщины занимались сборомъ винограда, а мужчины выдавливаніемъ вина, и всѣ были одѣты по праздничному. Во время работы шли пѣсни, и веселье было въ полномъ разгарѣ. Хозяинъ угощалъ закусками гостей и рабочихъ.

Вслѣдъ затѣмъ я пригласилъ хозяевъ виноградника къ себѣ на чай, и первою ихъ новостію было, что Австрійцы обобрали у Венгерцевъ революціонныя Кошутовскія деньги и сожгли ихъ публично на городскомъ скверѣ. Затѣмъ гости мои разсказывали, что аресты продолжаются, что главнымъ военнымъ судьею назначенъ генералъ Гайнау, человѣкъ извѣстный жестокостью своего характера, посему и предвидятся многіе смертные приговоры и заключенія въ крѣпости,

причемъ Австрійцы болѣе строго относятся къ тѣмъ изъ Венгерцевъ, которые положили оружіе передъ Русскими войсками, и ходатайство Русскихъ о смягченіи ихъ участи не принято во вниманіе. Пошли сѣтованія на Русскихъ. Венгерцы разсчитывали на Россію и полагали, что Россія въ видахъ своихъ на будущее при разрѣшеніи Восточнаго вопроса, занявъ Венгрію, не выйдетъ изъ нея и назначитъ туда кого-либо изъ своихъ великихъ князей. Гости мои говорили, что Гёргей не думалъ, что Россія предастъ Венгрію на жертву и на месть Австріи, что Гёргею надоѣли козни Польскихъ генераловъ, и онъ не хотѣлъ съ ними вести дѣла и положилъ оружіе; что Поляки, гдѣ только ни появляются, кромѣ раздора ничего съ собою не приносятъ; что между комитетомъ и Гёргеемъ шли тоже нелады и споры о порядкѣ веденія самой войны. Обвиняли Гёргея за то, что онъ, когда въ Русскихъ войскахъ свирѣпствовала холера, и имъ отрѣзано было сообщеніе отъ продовольственныхъ магазиновъ и мѣстъ, гдѣ хранилось много оружія и разныхъ военныхъ припасовъ, не воспользовался этимъ.

Нужно надѣяться, говорили мои гости, что и въ настоящее время Австрія съумѣетъ поблагодарить Россію за успокоеніе нашего края, и вашъ Императоръ будетъ сожалѣть объ оказанной ей помощи. Вы только подумайте: вѣдь Восточный вопросъ у Россіи, какъ говорится, на носу. Отдавъ Венгрію Австріи, Россія закрыла себѣ ворота на Востокъ. Австрія будетъ мѣшать успѣшному разрѣшенію этого вопроса. Венгрія не позабудетъ 1849 года и постарается отомстить Россіи за свое униженіе. Что́ вы на это скажете, г-нъ оберъ-лейтенантъ? спросилъ меня одинъ изъ гостей.

— «Извольте, буду говорить, замѣтилъ я гостямъ моимъ, но помните, что я не политикъ и не стратегъ, а просто армейскій офицеръ. Кошутъ и другіе заговорщики задумали отложиться отъ Австріи. Всесвѣтная революція поколебала троны Европейскихъ государствъ, кромѣ Россіи. Австрія подверглась той же участи и пошатнулась. Венгерцы воспользовались критическою минутою и подняли знамя бунта. Все показывало близкую гибель Австріи. Австрійскій императоръ обратился къ нашему Государю. Русскія войска заняли Галицію; былъ посланъ корпусъ въ Трансильванію, а три пѣхотные корпуса двинуты въ Венгрію. Если считать въ каждомъ пѣхотномъ корпусѣ, всѣхъ родовъ оружія, по 70.000 человѣкъ, то всѣхъ войскъ нашихъ, вступившихъ въ Венгрію и Трансильванію, было 280.000 человѣкъ. Русская армія сама собою была сильна; добавьте еще къ ней Австрійскія войска, которыхъ численности не знаю, но все же полагаю, что было около ста тысячъ, такъ что вся сила могла равняться безъ малаго 400.000 человѣкъ подъ ружьемъ. Что же Венгрія могла противупоставить та-

кой силѣ? Венгерцы, еще до вступленія Русскихъ войскъ, понесли значительныя потери въ людяхъ отъ сраженій съ Австрійцами; на занятіе крѣпостей нужно было отрядить часть войскъ въ гарнизоны. Затѣмъ оставшихся у Венгерцевъ войскъ было незначительное число; быть можетъ, менѣе ста тысячъ. Подъ начальствомъ Гёргея, какъ главнокомандующаго, была армія въ 30.000 ч.; были еще, кажется, два или три отряда, въ каждомъ по нѣскольку тысячъ. Да еще отрядъ войскъ въ Трансильваніи подъ командою Поляка Бема, плѣненнаго нашимъ генераломъ Лидерсомъ. Кромѣ того, еслибы и послѣдовала удача Венгерцамъ, то Австрійцы могли бы привесть изъ Италіи часть своихъ войскъ съ генераломъ Радецкимъ. Венгрія ни въ какомъ случаѣ не могла бы противостоять такимъ громаднымъ силамъ и должна была покориться. Кто же былъ союзникомъ Венгріи въ дѣлѣ? Поляки. Они сулили бунтъ Царства Польскаго противъ Россіи; но любезность эта съ ихъ стороны была только пустозвонствомъ: у нихъ не было ни оружія, ни войскъ, ни средствъ. Спрашивается, какую же они армію могли выставить? Въ западной Галиціи Мазуры доказали, какъ они любятъ Польское дѣло; въ восточной, населенной Русинами, Поляки у Русиновъ не могутъ встрѣтить сочувствія къ принятію участія въ бунтѣ. Случись въ Галиціи подготовка къ бунту, то навѣрно явится другой Шеля, который и покончитъ навсегда съ Польскими затѣями. Бунтъ въ Царствѣ Польскомъ былъ немыслимъ. Тамъ сельское населеніе неблагопріятствуетъ панамъ и относится къ нимъ враждебно. Затѣмъ остается только городская развращенная чернь и панская дворня для формированія Польскихъ войскъ; но все это такой народъ, который годенъ только для городскихъ безобразій, а не для войны. Относительно обвиненія Гёргея, что онъ не воспользовался деморализаціею Русской арміи при появившейся въ ней болѣзни, нечего много говорить. Количество больныхъ не было такъ велико, чтобы помѣшать Русской арміи въ ея движеніи противъ Венгерскихъ войскъ. Больные были сконцентрированы въ госпиталяхъ, да притомъ болѣзнь постепенно ослабѣвала. Оттѣсненіе главной Русской арміи отъ тыла ея сообщеній не могло принести никакой пользы. Первымъ городомъ на пути слѣдованія Гёргея былъ г. Кашау. Что же онъ могъ въ немъ найти? Въ городѣ былъ нашъ военный госпиталь съ нѣсколькими тысячъ человѣкъ больныхъ; это была такого рода добыча, которая кромѣ заботъ ничего другаго не могла принести. Все оружіе и военные припасы, какіе были въ городѣ, съ отступленіемъ нашего отряда, были увезены войсками. Продовольственные же наши магазины не могли служить приманкою, благодаря дурному устрой-

ству складовъ: сложенные въ нихъ продукты подверглись порчѣ, и потеря такихъ магазиновъ не могла причинить Русской арміи вреда, а Гёргею они не принесли бы никакой пользы.»

«Гнаться же Гёргею за нашимъ отрядомъ къ Карпатскимъ горамъ былъ не разсчетъ: за нимъ самимъ была главная Русская армія, и онъ могъ потерпѣть страшное пораженіе. У него при томъ не было и продовольствія; а прорваться чрезъ Карпаты въ обѣтованную Польшу было бы сумасшествіемъ: тамъ его встрѣтили бы голодъ, Русскія войска и позорное пораженіе. Вмѣшательства Европейскихъ державъ въ дѣла Венгріи нельзя было и ожидать: у нихъ самихъ было много своихъ домашнихъ дѣлъ. Они еще не опомнились послѣ смутъ 1848 года, почему и не могли отнестись серіозно къ Венгерскому дѣлу.»

«Гёргей, какъ нужно полагать, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, призналъ безполезнымъ дальнѣйшее сопротивленіе Русскимъ войскамъ, и чтобы не истощать въ матеріальномъ отношеніи своей родины, рѣшился покончить безцѣльную войну. Въ томъ что онъ положилъ оружіе нельзя видѣть измѣну, а только относительную его предусмотрительность и желаніе сохранить Венгрію для будущей ея дѣятельности, за что Венгерцы должны его благодарить, а не порицать.»

«Ваша угроза, господа, что Венгрія будетъ къ Россіи относиться со злобою въ сердцѣ, не удивитъ ея. Я только одно долженъ вамъ напомнить, что Венгрія сама по себѣ небольшое государство, и она какъ островъ окружена Славянами, почему Венгріи и слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, для своего же блага, жить съ ними въ ладу. Помните, что Кроаты уже показали Венгерцамъ свое нерасположеніе, прогнавъ васъ отъ Вѣны. Ненависть же ваша къ Россіи будетъ только смѣшнымъ шовинизмомъ. Неблагодарность Австріи никого не удивитъ. Она только и держится неблагодарностью и коварствомъ. Россія въ одно время играла любвеобильную роль въ отношеніи къ своимъ ближнимъ; такими ближними были чужестранцы, и она, въ ущербъ своимъ интересамъ и съ потерею капиталовъ, ломала за нихъ, какъ рыцарь, свои копья. Съ отреченіемъ отъ своихъ интересовъ на будущее и отъ своей безопасности, одному изъ нихъ отдала она морскія устья двухъ большихъ рѣкъ, другому лучшій морской заливъ въ открытомъ морѣ, а третьему Далмацію, изъ которой Русскія войска съ помощью Черногорцевъ изгнали Французовъ, причемъ интересы Черногоріи были забыты, и бѣдные Черногорцы, наши друзья, остались запертыми въ своихъ дикихъ и голыхъ скалахъ. Тогда уже было видно стремленіе Австріи на Востокъ, но Россія такого ея стремленія какъ будто и не замѣчала. Чему же теперь удивляться ожидаемой Австрійской неблагодарности, которою вы намъ угрожаете? Намъ Русскимъ только остается

въ подобномъ случаѣ повторять слова изъ молитвы Господней: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.* На Австрійскаго императора нужно смотрѣть какъ на человѣка живущаго въ полигаміи. Женъ у него много, и трудно ему со всѣми ладить; каждая чего-нибудь отъ него требуетъ; дастъ что̀ одной, другая сейчасъ же кричитъ ему: подавай и мнѣ да еще и получше. Одна только изъ его женъ нетребовательна, ей муженекъ самъ ничего не даетъ и какъ бы не догадывается, что и ей что нибудь да нужно. Она еще находится какъ будто въ полуснѣ, но уже просыпается и, вполнѣ проснувшись, потребуетъ отъ мужа и ласкъ, и подарковъ.»

— Правда! г-нъ оберъ-лейтенантъ. Разскажите еще характеристику женъ, ихъ прелести, да что нибудь и о разводныхъ.

— Ну господа, за это не берусь: трудная задача описывать прелести и недостатки чужихъ женъ. Сами нарисуйте ихъ портреты, а въ разводныхъ я толку не знаю. Теперь прошу васъ закусить чѣмъ Богъ послалъ. При закускѣ будемъ разговаривать о разныхъ житейскихъ дрязгахъ и выпьемъ здоровье Венгерскихъ дамъ.

Мои гости долго засидѣлись у меня и поздно разошлись по домамъ.

Уже былъ въ исходѣ Октябрь, нашъ госпиталь сократился, больныхъ оставалось немного. Выздоровѣвшихъ солдатъ и офицеровъ направляли въ Дуклю. Мнѣ хотя относительно и недурно было жить въ Кашау, но все же я скучалъ по своему полку, и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе уѣхать изъ Венгріи. Наконецъ, во второй половинѣ Ноября, мнѣ приказано было сдать госпитальныя вещи Австрійцамъ. Кончивъ сдачу, я получилъ предписаніе отправиться съ маршевою ротою въ Дуклю. Австрійское начальство любезно ко мнѣ относилось и выдало мнѣ, безъ моей просьбы, открытый листъ на взиманіе пароконной подводы по пути слѣдованія по Венгріи до Дукли. Въ Дуклѣ скука была смертная; въ Карпатахъ неумолкаемый гулъ, трескъ и грохотъ отъ раскатовъ по горамъ. Гудитъ, бывало, день и ночь, и къ такому постоянному гулу трудно было привыкнуть; неумолкаемое гудѣніе наводило на человѣка уныніе. На что мой Максимъ, довольно унылый и невзыскательный человѣкъ, но и онъ говорилъ: вотъ гудзецъ якъ въ котлѣ, за душу рвецъ!....

Въ Плоцкъ я пріѣхалъ 20 Января 1850 года.

А. Л. Верниковскій.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ЛѢТЪ *).

X.

Сенаторская ревизія въ Курской губерніи.

Въ 1849-мъ году прибывшіе на губернскіе выборы въ гор. Курскъ дворяне разсуждали, между прочимъ, о незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ бывшаго въ то время губернатора Андріана Прокофьевича Устимовича, направленныхъ противъ дворянъ. Между многими случаями указывали, какъ на поразительный примѣръ, что губернаторъ, вопреки дарованной грамотѣ Императрицею Екатериною II-ю «на права и вольности Россійскаго дворянства», безъ суда посадилъ въ острогъ помѣщика Анненкова, награжденнаго за постройку въ г. Кіевѣ церкви подъ названіемъ «Десятинной» орденомъ Св. Владимира *). Таковой поступокъ губернатора Устимовича возмутилъ Курскихъ дворянъ; они обратились къ губернскому предводителю, тайному совѣтнику П. А. Солнцеву (служившему передъ тѣмъ Орловскимъ губернаторомъ) за разъясненіемъ, не можетъ ли онъ сообщить имъ, на какомъ основаніи такъ незаконно, по ихъ мнѣнію, дѣйствуетъ губернаторъ, и почему онъ самъ, какъ губернскій предводитель, не принялъ никакихъ мѣръ по дѣлу Анненкова? Солнцевъ сначала давалъ уклончивые отвѣты, а затѣмъ объяснилъ, что онъ не счелъ возможнымъ заступиться за Анненкова въ виду неблаговидныхъ его поступковъ, недостойныхъ достоинства дворянина, приводя нѣкоторые изъ нихъ. Гг. дворяне остались недовольны объясненіями Солнцева и находили, что губернскій предводитель, какъ представитель всего дворянства, во всякомъ случаѣ обязанъ оберегать права дворянъ.

---

*) См. выше, стр. 443.

*) Съ Высочайшаго соизволенія императора Николая Павловича Курскому помѣщику Анненкову (носившему прозвище „Сиротка") разрѣшено было по его просьбѣ выстроить въ гор. Кіевѣ на свои собственныя средства, вмѣсто старой, пришедшей въ вѣтхость, новую „Десятинную" церковь, согласно составленныхъ плановъ и чертежей по старымъ образцамъ, что онъ и исполнилъ вполнѣ добросовѣстно. Постройка церкви обошлась ему до 400-ть тысячъ, черезъ что онъ разстроилъ свое значительное состояніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ въ Курской губерніи. По какимъ-то преданіямъ, дошедшимъ до „Сиротки Анненкова", онъ надѣялся на мѣстѣ древней „Десятинной" церкви отыскать богатый кладъ, который хотя и нашелся въ видѣ древнихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, но по цѣнности оказался незначительнымъ.

Вслѣдствіе такихъ недоразумѣній Солнцевъ отказался балотироваться въ губернскіе предводители, и нужно было выбрать вмѣсто него другаго «болѣе энергичнаго и дѣятельнаго», какъ разсуждали дворяне. Остановились на прибывшемъ въ первый разъ на выборы Аркадьѣ Аркадьевичѣ Нелидовѣ, имѣвшемъ тогда, какъ предполагалось, большія связи при дворѣ черезъ его сестру, фрейлину Варвару Аркадьевну Нелидову. Онъ былъ избранъ громаднымъ большинствомъ голосовъ. Нелидовъ, чтобы оправдать довѣріе дворянъ, поступивъ на должность губернскаго предводителя, сталъ въ другія отношенія къ губернатору Устимовичу, чѣмъ бывшій Солнцевъ. Въ то время почему-то считалось нужнымъ для достоинства губернскаго предводителя быть не въ ладу съ губернаторомъ, что̀ замѣчалось во многихъ губерніяхъ. Между тѣмъ вышло новое узаконеніе, по которому губернаторамъ предоставлялось право, по 3-му пункту, увольнять отъ службы полицейскихъ чиновниковъ, хотя бы служившихъ по выборамъ дворянства, безъ объясненія причинъ увольненія. Губернаторъ Устимовичъ пользовался этимъ правомъ по своему усмотрѣнію. При всякомъ такомъ случаѣ Нелидовъ старался отстаивать этихъ чиновниковъ, «считая», какъ онъ говорилъ, «нравственною своею обязанностью, какъ губернскій предводитель, заступаться за дворянъ», отчего часто между ними происходили несогласія и пререканія. Нелидовъ уѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ увѣдомилъ оттуда своихъ знакомыхъ въ Курскѣ, что по Высочайшему повелѣнію въ Курской губерніи назначается сенаторская ревизія. Это извѣстіе еще болѣе подняло Нелидова во мнѣніи дворянъ.

Осенью въ 1850-мъ году прибылъ на ривизію сенаторъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ, съ многочисленною свитою чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ, большею частью свѣтскихъ молодыхъ людей, между которыми отличался въ особенности по богатству и изяществу свѣтлѣйшій князь Павелъ Ивановичъ Ливенъ. Въ то время въ Курскѣ жилось очень весело. Къ сенатору посыпалось множество просьбъ и доносовъ; были между ними и на губернатора Устимовича.

Прошло мѣсяцевъ восемь по прибытіи сенатора Дурасова; черезъ г. Курскъ долженъ быть проѣзжать Государь Николай Павловичъ. За день до его пріѣзда, сенаторъ получилъ эстафету съ приказаніемъ выѣхать на встрѣчу Императору на маленькую почтовую станцію въ 17-ти верстахъ отъ Курска, гдѣ назначенъ былъ обѣдъ для Государя, вмѣсто предполагаемаго въ Курскѣ. Сенаторъ при своемъ представленіи Императору докладывалъ ему на станціи о результатахъ своей ревизіи и при этомъ, вѣроятно, далъ отзывы неудовле-

творительные о губернаторѣ Устимовичѣ, судя потому, что, когда Государь пріѣхалъ въ Курскъ и у подъѣзда дома, назначеннаго для его помѣщенія, встрѣтилъ его губернаторъ Устимовичъ съ почетнымъ рапортомъ въ рукахъ, то Государь рапорта не принялъ и грозно сказалъ ему, что онъ отрѣшается отъ должности губернатора и предается суду, должность же его передается вице-губернатору, впредъ до назначенія новаго губернатора. Затѣмъ, не выходя изъ коляски, Государь, сверхъ ожиданія, проѣхалъ Курскъ.

Въ то время я находился для пріема рекрутъ въ г. Обояни; черезъ этотъ городъ Императоръ проѣхалъ ночью, гдѣ еще никто не зналъ объ увольненіи губернатора. На другой день, возвращаясь изъ рекрутскаго присутствія мимо почтовой станціи, я увидѣлъ на крыльцѣ Устимовича; ему перепрягали лошадей. Когда я подошелъ къ нему, первое его слово было: «Вы видите передъ собой не Курскаго губернатора, а Полтавскаго помѣщика Андріана Прокофьевича Устимовича». Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ наканунѣ Императоръ, при проѣздѣ своемъ черезъ Курскъ, отрѣшилъ его отъ должности, «но при этомъ», какъ онъ выразился, «не лишилъ монаршей милости и приказалъ предать меня суду». «Суда я не боюсь», прибавилъ Устимовичъ, «ибо не чувствую за собой никакой вины; всѣ доносы на меня однѣ кляузы. Надѣюсь впослѣдствіи быть вполнѣ оправданнымъ».

Сенаторская ревизія продолжалась полтора года. Нѣсколькихъ *мелкихъ* чиновниковъ сенаторъ своею властью отрѣшилъ отъ должности за скромныя злоупотребленія, *крупныя* же, какія были, ускользнули; при тогдашнихъ порядкахъ отыскать ихъ было трудно: все было шито и крыто и дѣлалось на законномъ основаніи. Вслѣдствіе этого особенныхъ перемѣнъ въ составѣ высшей губернской администраціи не послѣдовало, за исключеніемъ отрѣшеннаго Государемъ губернатора Устимовича, противъ котораго главнымъ образомъ и была направлена сенаторская ревизія. Устимовичъ умеръ, не дождавшись окончанія суда.

Наступилъ новый срокъ дворянскихъ выборовъ въ 1852-мъ году. Нелидовъ опять былъ блистательно выбранъ губернскимъ предводителемъ; въ балотировочномъ ящикѣ изъ слишкомъ 300-тъ шаровъ одинъ только шаръ оказался черный. Послѣ выборовъ Нелидовъ, отличавшійся оригинальностью, нашелъ нужнымъ разослать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ циркулярныя письма, которыя начинались такъ: «Свершилось нравственное мое торжество; я избранъ вновь громаднымъ большинствомъ и, ежели былъ одинъ черный шаръ, надѣюсь, что при будущихъ выборахъ и онъ убѣлится».... Но не суждено было исполниться его ожиданіямъ. Въ то время губернаторомъ въ Курскѣ былъ К. У него съ Не-

лидовымъ также явились пререканія по разнымъ дѣламъ, касающимся дворянъ. Послѣ новаго избранія Нелидова, губернаторъ К. въ свою очередь отправился въ Петербургъ и, представляясь Государю Николаю Павловичу, доложилъ ему, что губернскій предводитель Нелидовъ своимъ вліяніемъ на служащихъ въ губерніи чиновниковъ часто противодѣйствуетъ ему въ его административныхъ распоряженіяхъ, подвергая ихъ превратнымъ толкованіямъ, и тѣмъ парализируетъ его дѣйствія, какъ губернатора. Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ представленъ Императору докладъ объ избранныхъ двухъ кандидатахъ на должность губернскаго предводителя въ Курской губерніи, то онъ утвердилъ не перваго кандидата Нелидова, а втораго, Кирѣевскаго, едва лишь избраннаго. Это неожиданное утвержденіе втораго кандидата, какъ небывалое никогда въ Курской губерніи, произвело между дворянами большую сенсацію. Каждый толковалъ по своему, но всѣ были твердо убѣждены, что Государь измѣнилъ свое мнѣніе о Нелидовѣ. Нельзя не вспомнить Нелидова по его оригинальностямъ, которыми онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Въ семи верстахъ отъ Курска у него было устроено прелестное имѣніе, дача «Маква» близъ рѣки Сейма. Всѣ барскія затѣи того времени были имъ приведены въ исполненіе, но во всемъ былъ видѣнъ отпечатокъ оригинальности хозяина. Всѣ постройки имѣли какую-то вычурную особенность; даже церковь, отстоявшая недалеко отъ дома, была выстроена такъ, что алтарь приходился не на Востокъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а въ противоположную сторону для того, чтобы изъ господскаго дома былъ видѣнъ ея лицевой фасадъ и тѣмъ не нарушилась бы общая гармонія, какъ говорилъ Нелидовъ. Живя съ дочерью въ Курскѣ, онъ часто давалъ балы и обѣды, всегда роскошные; но гости должны были соблюдать нѣкоторыя церемоніи, выдуманныя хозяиномъ въ своихъ программахъ, заранѣе заготовленныхъ. Курское общество иногда роптало на такія нововведенія, называло его Китайскимъ мандариномъ; но тѣмъ не менѣе всѣ ѣздили къ нему, такъ какъ Нелидовъ, нужно отдать ему справедливость, былъ со всѣми одинаковъ и никому не отдавалъ предпочтенія, а, главное, угощалъ на славу. Однажды, на послѣдній день масляницы, у Нелидова назначенъ былъ балъ и ужинъ. Въ разосланныхъ приглашеніяхъ значилось, что балъ откроется въ 8 часовъ, ужинъ въ 11-ть, а въ 12-ть великопостная молитва покаянія. Собрались гости; веселье было въ полномъ разгарѣ, въ особенности за роскошнымъ ужиномъ, сервированномъ на маленькихъ столикахъ, къ которымъ пришли попарно съ мазурки танцовавшіе. Бьетъ 12-ть часовъ; оркестръ мгновенно умолкаетъ; по приглашенію хозяина всѣ гости встаютъ изъ-за ужина и направляются въ

противоположную часть дома, въ домовую церковь, гдѣ передъ алтаремъ застають священника въ черной рясѣ. Это производитъ поразительный эффектъ на всѣхъ присутствующихъ; къ тому же священникъ унылымъ голосомъ произноситъ: «Господи, Владыко живота моего»... По окончаніи молитвы гости, по обычаю, просятъ другъ у друга прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Затѣмъ всѣ разъѣзжаются, а хозяинъ остается въ полномъ удовольствіи, что не нарушилась программа его церемоніала.

Когда умерла у Нелидова старшая дочь его Лиза, онъ былъ уже вдовцомъ. Похороны дочери онъ позаботился устроить со всей торжественностью и пышностью, приличествующими этому печальному случаю. Когда окончилось отпѣванье и священникъ вложилъ въ руки умершей утпускную молитву, то Нелидовъ приблизился для послѣдняго прощанья, поцѣловалъ усопшую и, вынувъ изъ кармана запечатанный конвертъ, произнесъ такую рѣчь: «Милая дочь моя Лиза! Ты отправляешься къ матери, передай ей отъ меня письмо; скажи ей, что я надѣюсь увидѣться съ ней и прошу ее, чтобы она молилась за меня и позаботилась приготовить мнѣ мѣсто злачное подлѣ себя». Затѣмъ онъ вложилъ письмо въ руки умершей. Чтò было въ немъ написано, осталось никому неизвѣстнымъ.

XI.

Винный откупъ.

Въ 1861-мъ году назначенъ былъ Курскимъ губернаторомъ генералъ-майоръ Владимиръ Ивановичъ Денъ. Онъ прибылъ въ Курскъ въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года ко времени объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Еще до прибытія его, многіе знали, что онъ, бывши флигель-адъютантомъ, командовалъ Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ и хотя считался строгимъ и взыскательнымъ командиромъ, но былъ честнымъ и справедливымъ человѣкомъ.

Пріѣхавъ въ Курскъ на новое поприще администратора, на первыхъ же порахъ В. И. Денъ встрѣтился со многими порядками, которые были ему не по душѣ и не могли не поражать его. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, новый губернаторъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что желающихъ пріѣзжать съ поздравленіями онъ будетъ принимать послѣ обѣдни.

Около 12-ти часовъ пріемъ кончился; всѣ разъѣхались, и губернаторъ, распорядившись болѣе не принимать, отправился отдохнуть послѣ безсонной ночи. Не прошло и получасу, какъ ему докладыва-

ютъ, что пріѣхалъ предсѣдатель Казенной Палаты Иванъ Яковлевичъ Тѣлешевъ, уже бывшій, въ числѣ другихъ, съ поздравленіемъ, и приказываетъ непремѣнно доложить о себѣ, такъ какъ ему необходимо нужно видѣть губернатора по особенно важному дѣлу.

Денъ сердится, но, нечего дѣлать, одѣвается, выходитъ къ Тѣлешеву и спрашиваетъ: «Чтò угодно вашему превосходительству?»

— «Ваше превосходительство», нѣжно отвѣчаетъ Телешевъ, «въ этотъ день есть обыкновеніе, или, такъ-сказать, существующій порядокъ, или, лучше сказать, обычай, по которому всѣ откупщики пересылаютъ черезъ меня губернатору писанки, съ каждаго уѣзда по одной, чтò составляетъ, по числу 15 уѣздовъ, 15 тысячъ, почему я и беру на себя смѣлость передать ихъ по назначенію», и подаетъ съ этими словами Дену объемистый свертокъ кредитныхъ билетовъ.

Денъ едва выслушалъ такое предисловіе. Это неожиданное предложеніе привело его въ сильное волненіе. «А», возвысивъ голосъ, сказалъ онъ, «такъ затѣмъ-то вы настойчиво требовали разбудить меня! Чтобы предложить мнѣ взятку!» Говоря это, Денъ выхватилъ пачку изъ рукъ оторопѣвшаго Тѣлешева, бросилъ ему ее чуть не въ физіономію и, отправивъ его къ черту, хлопнулъ дверью и ушелъ.

Тѣлешевъ былъ не такого горячаго темперамента: онъ тщательно подобралъ всѣ разсыпавшіяся кредитки и уѣхалъ домой.

Эта исторія очень скоро разгласилась по городу, хотя происходила съ глазу на глазъ. Кажется, самъ Денъ не старался скрывать ее. Тѣлешевъ же увѣрялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, что онъ никогда не могъ себѣ представить подобной странности въ новомъ губернаторѣ, и что бывшіе передъ нимъ шесть губернаторовъ не только за это не обижались, но, совершенно напротивъ, находились съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Губернаторъ Денъ началъ, между прочимъ, преслѣдовать разныя злоупотребленія, въ томъ числѣ и по существовавшимъ тогда виннымъ откупамъ: онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы водка продавалась не иначе, какъ надлежащаго качества, извѣстной мѣры и тому подобное. Но это ему не удавалось, такъ какъ всѣ полицейскіе чины получали отъ откупщиковъ содержаніе гораздо болѣе казеннаго жалованья; да сверхъ сего имъ ежемѣсячно отпускалась водка натурою, смотря по положенію, напримѣръ: исправникъ получалъ 100 рублей въ мѣсяцъ и отъ трехъ до четырехъ ведеръ хорошей водки; становой, смотря по величинѣ своего стана, отъ 25 до 50 рублей и отъ 2-хъ до 3-хъ ведеръ водки въ мѣсяцъ; всѣ чиновники, даже самые мелкіе, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ откупу, получали содержаніе, если не всѣ деньгами, то непремѣнно водкою. Это даже не называлось взятками;

говорилось объ этомъ вездѣ открыто и считалось такъ-называемымъ бѣзгрѣшнымъ доходомъ.

Очень понятно, что при такомъ положеніи дѣла губернаторъ ничего не могъ открыть черезъ полицію. Денъ рѣшился дѣйствовать иначе: онъ обратился къ сыщикамъ, которые и донесли ему, что въ самомъ городѣ Курскѣ выдѣлывается ромъ. По тогдашнимъ откупнымъ правиламъ ромъ, какъ заграничный напитокъ, должно было оплачивать акцизомъ, и для этого требовалась на бутылкѣ сверху пробки казенная печать, что̀ означало, что акцизъ уплаченъ.

Губернаторъ Денъ ночью, самъ лично, поѣхалъ въ указанное мѣсто выдѣлки рома. Дѣйствительно, онъ засталъ тамъ цѣлую фабрикацію: большое количество налитыхъ бутылокъ съ самодѣлковымъ ромомъ, къ которымъ повѣренные отъ откупщика прикладывали печати Курской Казенной Палаты. Губернаторъ, прежде всего, взялъ печать, велѣлъ заарестовать всѣ бутылки, какъ запечатанныя, такъ и налитыя, и арестовалъ всѣхъ присутствующихъ дѣлателей рома; но при этомъ, вѣроятно (какъ говорили впослѣдствіи) онъ не исполнилъ всѣхъ формальностей, соблюдаемыхъ при открытіи казеннаго ущерба, а просто распорядился самолично, какъ губернаторъ.

На другой день Денъ, не желая обращаться къ Тѣлешеву послѣ бывшей съ нимъ исторіи съ писанками, потребовалъ къ себѣ совѣтника Казенной Палаты по питейному отдѣленію Жукова, который, какъ оказалось, и выдалъ казенную печать въ распоряженіе откупщиковъ. Денъ такъ напугалъ его могущею быть отвѣтственностью, что тотъ, пріѣхавши домой, не нашелъ ничего лучшаго, какъ повѣситься на шнуркѣ отъ своего халата.

Послѣ того на губернатора Дена чиновники стали взирать со страхомъ, какъ на какое-то чудовище.

Вскорѣ послѣ этого происшествія проѣзжалъ черезъ Курскъ министръ финансовъ Княжевичъ и остановился въ домѣ предсѣдателя Казенной Палаты, того же Ивана Яковлевича Тѣлешева. Губернаторъ, по обязанности службы, счелъ нужнымъ явиться къ министру, который принялъ его весьма сухо и нелюбезно, и высказалъ, между прочимъ, свое неудовольствіе по поводу того, что онъ противодѣйствуетъ правительству, нападая на откупа, тогда какъ долженъ бы, какъ начальникъ губерніи, всѣми зависящими отъ него мѣрами содѣйствовать откупамъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, государство получаетъ главный доходъ и т. д. Дену ничего болѣе не оставалось, какъ раскланяться и уѣхать.

Дѣло же о поддѣлкѣ рома вскорѣ было прекращено за смертью главнаго виновника, совѣтника Казенной Палаты Жукова.

XII.

Жалоба девяти уѣздныхъ предводителей Курской губерніи императору Александру Николаевичу на губернатора Дена.

На основаніи Положенія объ освобожденіи крестьянъ 1861 года губернаторъ обязанъ былъ назначать посредниковъ изъ представленныхъ списковъ отъ уѣздныхъ предводителей, гдѣ значились всѣ дворяне, имѣющіе право быть посредниками. Должность посредника считалась тогда не только почетною, но и заманчивою при жалованьѣ въ 1.500 рублей, почему многіе стремились заполучить ее.

Курскій дубернаторъ Денъ, только что вступившій въ должность, мало кого зналъ изъ Курскихъ дворянъ, потому и обратился къ уѣзднымъ предводителямъ съ предложеніемъ, чтобы они ему указали на тѣ лица, которыя съ пользою для службы могли бы занять должности посредниковъ.

Предводители сдѣлали на спискахъ отмѣтки, указавши, кого они считаютъ болѣе способнымъ быть посредникомъ, въ полной увѣренносли, что губернаторъ именно этихъ лицъ и утвердитъ.

Но Денъ, между тѣмъ, собиралъ объ этихъ лицахъ еще частныя свѣдѣнія, и въ результатѣ оказалось, что въ 9-ти уѣздахъ были утверждены посредниками совсѣмъ не тѣ лица, которыхъ представляли предводители, и только въ остальныхъ 6-ти уѣздахъ тѣ самые. Такимъ образомъ девятеро предводителей остались недовольны губернаторомъ.

Осенью этого же года покойный императоръ Александръ Николаевичъ прибылъ въ Курскъ на смотръ войскамъ. Къ тому времени собраны были уѣздные предводители, изъ коихъ девятеро, недовольные губернаторомъ, вздумали на него принести жалобу черезъ шефа жандармовъ, князя Василія Андреевича Долгорукова. Жалоба ихъ состояла въ томъ, что губернаторъ Денъ не уважаетъ ихъ представленій, обходится съ ними не съ должнымъ уваженіемъ ихъ званію, съ прочими же чиновниками, служащими по выборамъ, обходится даже дерзко и презрительно.

Не смотря на то, что князь Василій Андреевичъ Долгорукій, при передачѣ ему прошенія отъ 9-ти предводителей, предупреждалъ ихъ, что Государю будетъ очень непріятна эта жалоба, совѣтывалъ оставить ее и предлагалъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ: эти предводители настоятельно просили доложить прошеніе ихъ Императору.

На другой день всѣ уѣздные предводители, съ губернскимъ во главѣ, явились для представленія. Государь вышелъ въ пріемную очень

серьёзный и обратился къ предводителямъ приблизительно съ такими словами: «Я ѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы благодарить васъ за успѣшное содѣйствіе и порядокъ при введеніи Положенія въ Курской губерніи; но, получивъ ваше прошеніе, я увидалъ, что вы занимаетесь сплетнями, недостойными вашего званія. Вы жалуетесь на губернатора, который есть представитель моей власти и котораго я лично знаю. Чтобы этого впередъ не было!» Государь хотѣлъ оставить залъ; но въ это время князь Долгорукій что-то тихо сказалъ ему, и Государь, остановившись и снова обратясь къ предводителямъ, прибавилъ: «Разумѣется, мое неудовольствіе относится только къ тѣмъ предводителямъ, которые принесли мнѣ жалобу, а остальныхъ я благодарю».

Еще до прибытія Государя въ Курскъ, тогда бывшій губернскій предводитель Н. Я. Скарятинъ ѣздилъ къ губернатору объяснять ему что девятеро предводителей недовольны имъ и считаютъ себя оскорбленными разными поступками противъ нихъ.

Денъ отвѣчалъ черезъ того же Скарятина, что, если предводители считаютъ себя обиженными за то, что онъ не утвердилъ посредниковъ, рекомендованныхъ ими, то въ этомъ случаѣ онъ руководствовался Положеніемъ, которое даетъ ему право утверждать или не утверждать посредниковъ по своему собственному усмотрѣнію; что̀ же касается другихъ какихъ-либо оскорбленій, то, говоря по совѣсти, онъ никогда не думалъ наносить ихъ гг. предводителямъ, но, во всякомъ случаѣ, если они считаютъ себя оскорбленными, то по отъѣздѣ Государя, онъ готовъ каждому изъ нихъ дать удовлетвореніе.

Однако ни одного вызова не послѣдовало.

Владиміръ Ивановичъ Денъ не долго оставался губернаторомъ Курской губерніи, но былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и позднѣе причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

Н. Рѣшетовъ.

ПОЛЯКИ О ПОЛЬШѢ.

Въ 1848 году въ „Газетѣ Польской“ (Gazeta Polska) выходилъ рядъ статей, подъ заглавіемъ *„Судьбы Польши“* (Losy Polski). Высказанное въ нихъ мнѣніе о Польшѣ заслуживаетъ сохраненія въ „Русскомъ Архивѣ“. Но нѣтъ надобности повторять всѣхъ статей, и достаточно будетъ привести въ переводѣ заключительную статью, помѣщенную въ № 178 отъ 8 Іюля 1848 года. Вотъ эта статья.

Громятъ завоевательную политику сосѣднихъ съ Польшею государствъ; но развѣ Польша, покуда имѣла еще какую-нибудь силу, не была государствомъ завоевательнымъ? По справедливости, Поляки не имѣютъ ни малѣйшаго основанія прославлять собственныя политическія добродѣтели и безкорыстіе, и въ тоже время порицать ихъ у своихъ противниковъ. Если кто изъ народовъ включилъ въ свои владѣнія много земель, то конечно Поляки: они захватили Червонную-Русь, Украину, Литву, Бѣлоруссію и пространства надъ Балтійскимъ моремъ. Русскіе только *взяли назадъ свое* *). Ссылаемся въ этомъ на исторію и особенно на свидѣтельство, которое нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Русскимъ, на атласъ *Лелевеля* (Лейпцигъ 1847 г.), въ которомъ на 3-й страницѣ (*«Польша во времена Болеслава-Великаго»*, 1025 г.), восточныя границы Польши совершенно соотвѣтствуютъ границамъ нынѣшней Россійской имперіи. Оба соперничествующія между собою государства имѣютъ взаимно противоположную исторію. Польша увеличилась быстро и упала медленно въ паденіи неудержимомъ; Россія упала подъ владычествомъ Монголовъ мгновенно, но, по пріобрѣтеніи независимости, увеличивалась медленно, и никогда не утратила ни одной пяди добытой земли, за исключеніемъ двухъ При-

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

каспійскихъ провинцій. Еслибы наши мечтатели хотѣли возстановить Польшу въ границахъ 1772 года, доказывая, что края, которые составляли тогда Рѣчь-Посполитую, должны быть всѣ вмѣстѣ возвращены этому новому, проектируемому государству, потому только, что Польша когда-то ими владѣла: то Русскіе тѣмъ болѣе могли бы подобнымъ образомъ доказывать на нихъ свои права. Россія можетъ сказать и говоритъ на самомъ дѣлѣ: «Почему вы исключительно обращаетесь къ 1772 году? Почему не требуете Силезіи, Лузаціи, Молдавіи, Смоленска, которые всѣ когда-то были соединены съ Польшею? Почему требуете только Литвы, Волыни и Подоліи?» Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ Греческая вѣра и Русскій языкъ всегда были наиболѣе распространены и даже господствовали. Собственно Литовцы составляютъ не болѣе какъ $1/6$ и даже $1/8$ часть тамошняго народонаселенія; Поляковъ же тамъ очень мало. Еще въ XVI столѣтіи, почти все высшее дворянство, какъ Чарторыжскіе, Четвертинскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Огинскіе, Островскіе, Потоцкіе, Сапѣги и др. принадлежали къ Православной церкви, такъ точно, какъ и нынѣшній простой народъ; во всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, въ общественныхъ дѣлахъ, во всѣхъ судебныхъ актахъ былъ употребляемъ языкъ Русскій. «Литовскій Статутъ» только въ XVII столѣтіи переведенъ на Польскій языкъ. Какое жъ послѣ этого основаніе считать Малороссію и Червонную-Русь Польскими краями? Онѣ Русскія по происхожденію. Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ и колыбель Русскаго могущества. Удѣльныя княжества Червонной-Руси, Волыни, Подоліи, Малороссіи, по народности своей, столько же имѣютъ мало Польскаго характера, какъ большинство въ самой Галиціи, и только часть горожанъ и прибывшей туда (послѣ захвата шляхты)—Поляки. Король Сигизмундъ III, въ 1589 году, повелѣлъ, чтобы въ судопроизводствѣ былъ употребляемъ Русскій языкъ, потому что тамошній народъ такъ же мало понималъ по-польски, какъ и теперь.

Политика Польская была истинно варварская. Польша въ свое время заставляла Греческихъ христіанъ, силою оружія, принимать Унію, и іезуиты употребляли вѣру орудіемъ своего господства.

Для расширенія границъ своихъ Польша воспользовалась тѣмъ временемъ, когда Россія стонала подъ игомъ Монголовъ. Могущество Польши не имѣло никакого внутренняго центра тяжести, не основывалось ни на доблести, ни на способности Поляковъ, но держалось лишь разстройствомъ и слабостію Россіи. Но какъ только окрѣпла сія послѣдняя, начался упадокъ первой; потому что тутъ господствовали анархія и происки, а тамъ сила и единодушіе. И какъ часто сама судьба предостерегала Поляковъ! Но они никогда не хотѣли

слушаться уроковъ; школа бѣдствій не образумила шляхты и не исправила. Никогда, ни одинъ край не былъ съ такою легкостью и удобствомъ порабощаемъ, какъ Польша, государство, которое, просуществовавъ тысячу лѣтъ, никогда не доходило даже до началъ гражданской добродѣтели. Существовали-ль когда-нибудь въ Польшѣ нравственная связь, правильныя, гражданскія учрежденія и любовь къ труду? Край, которому принадлежали самыя богатыя въ свѣтѣ соляныя копи, каждый годъ привозилъ соль изъ-за-моря и никогда не занимался промышленностью, которая одна въ состояніи вывести народъ изъ дикости. Польша существовала безъ торговли, безъ промышленности, безъ финансовъ, безъ всякаго внутренняго порядка, а слѣдовательно и безъ всякой силы.

А гдѣ только Поляки владычествовали—жестоко было владычество ихъ. Тиранство надъ казаками вынудило ихъ отдаться подъ покровительство Россіи. Самъ король Польскій *), которому казаки жаловались на жестокое угнетеніе, сказалъ имъ: «*возьмитесь за оружіе, я не въ состояніи защитить васъ; помогайте себѣ сами, взбунтуйтесь!*» Уже со временъ Петра Великаго, Польша была чѣмъ-то въ родѣ Русской провинціи. Съ горячимъ увлеченіемъ льнули къ царю Поляки, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что Россійскій кабинетъ, поддерживаемый по большей части самими же Поляками, долженъ былъ, въ видахъ собственной безопасности, воспользоваться безнравственностію, легкомысліемъ, вѣтренностію и тщеславіемъ Поляковъ. Они не хотѣли слушать никакихъ предостереженій, хотя король Янъ, еще въ 1661 году, предсказалъ имъ будущій раздѣлъ въ слѣдующемъ, ужасномъ своею страшною правдою, пророчествѣ: «*Дай Богъ, чтобъ я былъ лжепророкомъ*», воскликнулъ онъ на сеймѣ. «*Но, увы, нѣтъ сомнѣнія, что Польша, ежели не изберетъ себѣ короля при жизни предшественника его, сдѣлается добычею другихъ народовъ.*»

Во многихъ странахъ добиваются теперь для народовъ самобытности, основывая требованія на языкѣ и происхожденіи, какъ на главныхъ признакахъ народности. Но для требованій Поляковъ это основаніе не годится. Въ такъ-называемыхъ Русско-польскихъ провинціяхъ Поляки составляютъ самую малую часть народонаселенія, которое въ сущности есть Русское. Тамъ, какъ уже сказано выше, только шляхта и часть горожанъ говоритъ по-польски,—обстоятельство, которое тридцать лѣтъ назадъ уже дало поводъ географу Мальтбрюну (Malte-Brun) сказать, что раздѣлъ со стороны Россіи былъ

*) Владиславъ IV-й.

только возвратомъ прежде принадлежавшихъ ей владѣній. Оружіемъ они были взяты Поляками, оружіемъ и отняты назадъ отъ Поляковъ.

Изъ 7,260,000 жителей въ губерніяхъ Кіевской, Черниговсиой, Полтавской, Волынской и Подольской, которыя когда-то принадлежали Польшѣ, 5,898,000 человѣкъ исповѣдуютъ Греческую вѣру; изъ остальныхъ 1,360,000 есть много Греко-унитовъ, происхожденія не польскаго и Евреевъ. О *Польской народности* въ массахъ тамошняго народонаселенія также мало рѣчи, какъ надъ Рейномъ о *Валлонской*, или въ Саксоніи о *Вендской* расѣ. Живущіе тамъ Поляки, какъ сказано, составляютъ весьма малую часть народонаселенія. Двое изъ Поляковъ, *Плятеръ* и *Ходзько*, показываютъ числительность Поляковъ въ бывшей Рѣчи-Посполитой Польской (которая считала 18 милліоновъ душъ) только 6 милл., а прочихъ народностей Русскихъ 8 мил., Нѣмцевъ 1 милл., Литовцевъ 1 милл. и Евреевъ 2 милліона. Даже *Шафарикъ*, который любитъ увеличивать цифры Славянъ, заявляетъ число Поляковъ отъ 9 до 10 милл., включая въ то число Поляковъ въ Помераніи, въ Силезіи и т. д. Прежнее королевство, или Рѣчь-Посполитая Польская, занимало пространство около 13 тысячъ кв. геогр. миль, на которомъ и донынѣ, по разнымъ свѣдѣніямъ, обитаетъ не болѣе 7-ми и даже 6-ти милліоновъ Поляковъ, а въ такъ называемой Русской Польшѣ, занимающей пространство въ 7 тысячъ кв. миль, живетъ, самое большое, 700,000 Поляковъ; слѣдовательно, почти сто человѣкъ на милю. За исключеніемъ Царства-Польскаго и восточной части бывшаго великаго княжества Познанскаго, Поляки вездѣ составляютъ меньшинство, и въ особенности въ Галиціи, гдѣ другія народности превышаютъ Польскую по крайней мѣрѣ на 700,000 человѣкъ. Стало-быть, очевиденъ непріятный фактъ, что Поляки въ краю, называемомъ ими «Польскимъ», ими добытомъ и снова утраченномъ, составляютъ одну дробную часть всего населенія, и вмѣстѣ съ другими жителями, которые на землю эту имѣли равное съ ними право, подпали подъ власть трехъ разныхъ государствъ.

Поляки переносятъ теперь тяжелое наказаніе за собственныя свои вины. *Э. М. Арндтъ*, который описаніемъ Скандинавовъ, Испанцевъ и Англичанъ далъ доказательства, какъ правдиво умѣетъ онъ оцѣнять народы и ихъ исторію, справедливо могъ сказать: «Исторію Польши составляютъ легкомысліе, пустота, своеволіе, дикость и разладица отъ начала до конца. Полякъ остался на вѣчныя времена большимъ, дикимъ недорослемъ или вѣрнѣе—это мущина, полустарецъ, съ сѣдыми кудрями, юношескими шалостями и увы! съ юношескимъ же жаромъ разврата!... Полякъ легокъ, красивъ, ловокъ въ

танцовальной и фехтовальной залахъ, душа общества въ бесѣдѣ, но спросите его о дѣлѣ, о наукѣ.... О, лучше закройте книгу! Зàмки его въ развалинахъ, имѣнія въ залогѣ, мужики и подданные подъ гнетомъ заимодавцевъ-Жидовъ и ломбардовъ. Вотъ онъ велѣлъ осѣдлать послѣдняго коня, надѣлъ на него послѣдній золотой чапракъ, надѣлъ на себя послѣдній народный кунтушъ, взмахнулъ послѣдній разъ саблею: завтра приходятъ горе и арестъ. Онъ—нищій!»...

Арндтъ присовокупляетъ: «Полякъ промоталъ свой край, свое имѣніе и потерялъ ихъ не только по легкомыслію и вѣтренности, но благодаря гордости, несправедливости, невѣрности и непослушанію. Польша *должна была* [1]) погибнуть: Поляки были слишкомъ легки, и потому ихъ развѣялъ вѣтеръ, какъ мякину».

Польша не можетъ существовать на такомъ основаніи, какъ напр. Нѣмецкія государства и Франція. Польша никогда не можетъ быть государствомъ, составленнымъ изъ однородныхъ частей. Все надвислянское пространство не имѣетъ природныхъ границъ; ему недостаетъ постоянной физической окраины; земля тянется въ безпредѣльную даль и, кажется, что именно по этой причинѣ, а не вслѣдствіе какихъ-либо случайностей, границы Польши всегда такъ бывали неточны, сомнительны [2]). Оттого, въ этнографическомъ отношеніи, Польша съ давнихъ временъ походила на какую-то разно-узорчатую карту, а въ географическомъ не представляла ничего цѣлаго.

И кто же могъ бы изъ Польскаго *ничего* сотворить Польское *что-нибудь*? Сами Поляки, конечно, нѣтъ. Этотъ трупъ народа и государства не можетъ ни умереть, ни жить: онъ находится въ постоянныхъ конвульсивныхъ движеніяхъ; а когда разражаются Европейскія бури, онъ, облитый кровью и проливая кровь свою снова, встаетъ на мгновеніе, какъ тѣнь Банка, но только для того, чтобы опять исчезнуть, перепугавъ своихъ убійцъ и показавъ имъ свои раны, которыя носитъ по собственной винѣ [3]).

Теобальдъ.

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[2]) Не по этой ли причинѣ Болеславъ Храбрый желѣзными столбами обозначалъ границы Польши? *Примѣч. переводчика.*

[3]) Вспоминаются стихи Тютчева про послѣдній Польскій мятежъ:

Въ крови до пятъ, мы бьемся съ мертвецами.
Воскресшими для новыхъ похоронъ.

ЗАМѢТКИ НА ВОСПОМИНАНІЯ Л. Ѳ. ЛЬВОВА.

Въ Мартовской книжкѣ «Р. Архива» сего года помѣщена часть воспоминаній г. Львова, касающихся почти исключительно того времени, которое онъ провелъ въ Иркутскѣ по исполненію огромной массы возложенныхъ, по словамъ его, на него порученій. О порученіяхъ этихъ въ началѣ V-й главы (стр. 352) онъ говоритъ такъ: «Въ 1838 году графъ Киселевъ предложилъ мнѣ командировку въ Восточную Сибирь для обревизованія государственныхъ имуществъ и поселеній ссыльныхъ, обозрѣнія золотыхъ промысловъ, въ отношеніи отводимыхъ подъ пріиски участковъ и поселенія декабристовъ, освобожденныхъ тогда отъ каторжной работы».

Исчисленныя г. Львовымъ порученія такъ обширны, что на сколько нибудь сносное исполненіе ихъ, принимая въ разсчетъ разстоянія и пути сообщенія въ Сибири, потребовалось бы, не только одному г. Львову, но и цѣлой коммиссіи изъ нѣсколькихъ лицъ, нѣсколько лѣтъ; а между тѣмъ графъ Киселевъ, какъ видно изъ означенныхъ выше словъ, возложилъ ихъ на него одного.

Сибирякъ по рожденію и, можетъ быть въ настоящее время одинъ изъ немногихъ уже современниковъ тѣхъ лицъ, которыхъ г. Львовъ описываетъ, я долженъ сказать, что большая часть свѣдѣній имъ сообщаемыхъ невѣрна и, кромѣ того, набрасываетъ невыгодную тѣнь на такихъ людей, которые этого ничѣмъ не заслужили. Я говорю о декабристахъ и ихъ женахъ, радушно принимавшихъ автора, какъ видно изъ самыхъ его воспоминаній, въ своемъ кружкѣ, не имѣя въ томъ никакой надобности, а просто желая оказать гостепріимство молодому человѣку, заѣхавшему изъ столицы, въ незнакомый край—глубь Сибири.

Пребываніе декабристовъ въ Сибири, насколько я знаю, едва-ли оставило въ комъ либо изъ насъ Сибиряковъ дурныя о себѣ воспоминанія. Напротивъ, оно имѣло широкое образовательное вліяніе, за которое многіе изъ насъ, а въ томъ числѣ и я, хранимъ искреннюю къ нимъ благодарность. Не политическихъ дѣятелей видѣли мы въ нихъ, а людей, которые тридцать лѣтъ сряду несли на нашихъ глазахъ тяжелое наказаніе, несли его спокойно, съ достоинствомъ и вѣрою въ Промыселъ Божій. Вотъ, съ этой стороны я и хочу сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Изъ перечисленія г. Львовымъ данныхъ ему порученій я никакъ не могу понять что́ было поручено ему относительно декабристовъ. Было ли поручено ему поселять ихъ сообразно его усмотрѣнію, или же только обревизовать самыя ихъ поселенія?

Высылка декабристовъ изъ каторжной работы на поселеніе произошла неодновременно, а дѣлалась постепенно, по мѣрѣ окончанія каждымъ изъ нихъ срока каторги. Насколько я помню, ни одинъ изъ декабристовъ не пробылъ въ каторгѣ срока, опредѣленнаго ему приговоромъ верховной надъ ними коммиссіи. Сроки эти, по волѣ блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича, постоянно сокращались при радостныхъ въ Царственной Семьѣ событіяхъ. Высылка декабристовъ на поселеніе началась вскорѣ послѣ того какъ состоялся означенный приговоръ. Такъ 1828 году были уже на поселеніи, по теченію рѣки Лены, въ Якутскѣ—Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ; въ Олекмѣ—Н. А. Чижовъ и Андреевъ; въ Витимѣ—Заикинъ, Н. А. Загорѣцкій и М. А. Назимовъ; въ Киренскѣ—князь В. М. Голицынъ и А. В. Веденяпинъ и, наконецъ, въ Верхоленскѣ—Рѣпинъ. Въ Вилюйскѣ былъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ *). Изъ нихъ Бестужевъ, Чернышовъ (еще въ 1829 г.), Чижовъ, Загорѣцкій, Назимовъ и Голицынъ были переведены на Кавказъ въ рядовые. Заикинъ умеръ въ Витимѣ. Рѣпинъ вмѣстѣ съ Андреевымъ, когда этотъ, переведенный куда-то (тоже чуть ли не на Кавказъ) остановился у него, проѣздомъ, въ Верхоленскѣ, сгорѣли оба ночью при пожарѣ дома, въ которомъ спали. Изъ всѣхъ означенныхъ выше лицъ въ настоящее время живы только: Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ и Михаилъ Александровичъ Назимовъ (живущій въ Псковѣ). Съ того времени продолжалась постепенная высылка окончившихъ срокъ каторги декабристовъ на поселеніе, и еще задолго раньше пріѣзда г. Львова въ Сибирь, чуть ли не всѣ они были высланы изъ Петровскаго каземата, и такимъ образомъ г. Львову устраивать для нихъ новыя поселенія отнюдь не приходилось, точно также какъ не приходилось ревизовать и прежнихъ, потому что таковыхъ вовсе не было.

Всѣ декабристы были поселяемы отнюдь не отдѣльно, а въ крестьянскихъ селеніяхъ. Къ этому считаю нелишнимъ прибавить, что такъ какъ всѣ декабристы находились всегда исключительно подъ вѣдѣніемъ III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, быв-

*) Были въ Восточной Сибири, кромѣ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ и другіе; но такъ какъ я ихъ не зналъ, то и не говорю о нихъ.

шаго въ то время подъ начальствомъ графа Бенкендорфа, то едва ли графъ Киселевъ могъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и поручать г. Львову что либо касающееся до декабристовъ. Еще раньше пріѣзда его въ Восточную Сибирь, декабристы около Иркутска были разселены такъ: въ 18 верстахъ отъ Иркутска, по Ангарскому тракту, въ слободѣ Урикѣ — Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, братья Муравьевы, Никита и Александръ Михайловичи, Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ и докторъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Для того чтобы не разлучаться съ послѣднимъ и пользоваться его совѣтами, первые трое, какъ люди женатые и имѣвшіе дѣтей, исходатайствовали себѣ совмѣстное съ нимъ поселеніе; многіе же другіе, какъ будетъ видно дальше, въ сосѣднихъ деревняхъ и къ нему поближе. Такъ въ 8 верстахъ отъ Урика, въ слободѣ Усть-Кудѣ, при впаденіи рѣки Куды въ Ангару, жили П. А. Мухановъ и братья Поджіо, Осипъ и Александръ Викторовичи. Первый изъ нихъ ни въ Читѣ, ни въ Петровскомъ казематѣ не былъ, а привезенъ на поселеніе прямо изъ Шлюссельбургской крѣпости, гдѣ онъ пробылъ 8 лѣтъ. Александръ Викторовичъ [1]) пріѣхалъ прямо къ нему изъ Петровскаго каземата и до самой смерти съ нимъ не разлучался. По Якутскому тракту, въ слободѣ Хомутовой, жилъ Сутгофъ съ женою; въ слободѣ Оёкѣ (первая въ 5-ти, а вторая въ 25-ти верстахъ отъ Урика) Сергѣй Петровичъ Трубецкой, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій [2]) и, если не ошибаюсь, Андрей Андреевичъ Быстрицкій; а въ 30 верстахъ оттуда, въ слободѣ Тугутуѣ—Александръ Лукичъ Кучевскій [3]). По тракту отъ Иркутска къ Байкалу, въ 5-ти верстахъ отъ перваго, въ деревнѣ Малой Разводной жили А. З. Муравьевъ, А. И. Якубовичъ, братья Петръ и Андрей

[1]) Г. Львовъ, стр. 358, хотя и говоритъ, что Лунинъ и А. В. Поджіо жили въ Аёкѣ (Оёкѣ), но этого никогда не было: ни тотъ, ни другой тамъ вовсе не жили.

[2]) Вадковскій былъ прекрасный скрипачъ и имѣлъ очень дорогую скрипку, купленную ему, какъ говорили, за 6.000 франковъ кѣмъ-то изъ родныхъ въ Парижѣ. Умирая въ Оёкѣ отъ чахотки, онъ завѣщалъ скрипку эту такому же хорошему скрипачу, помѣщику Волынской губерніи Вольфгангу Фаустиновичу Щепковскому, который, по дѣлу эммисара Конарскаго, былъ сосланъ въ 1839 году въ Сибирь на каторгу, а потомъ выпущенъ на поселеніе. Щепковскій умеръ въ 1856 или 1857 году у ксендзовъ въ Иркутскѣ. Кому-то досталась послѣ него эта скрипка?

[3]) Кучевскій къ числу декабристовъ не принадлежалъ. Онъ былъ присланъ къ нимъ въ Петровскій казематъ за что-то изъ Астрахани; точно также былъ присланъ туда Ипполитъ Завалишинъ съ товарищами своими Таптыковымъ, Дружининымъ и Колесниковымъ, которыхъ онъ вовлекъ въ Оренбургскій свой заговоръ и на которыхъ потомъ, разсчитывая на награду за открытіе, самъ же донесъ. Сынъ же Кучевскаго Ѳедя былъ взятъ, чрезъ меня, на воспитаніе Трубецкими и воспитывался съ ихъ сыномъ, сначала въ семьѣ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ.

Ивановичи Борисовы и Алексѣй Петровичъ Юшневскій съ женою [1]; а далѣе въ 30 верстахъ, на такъ-называемой Лосевской Заимкѣ, Николай Алексѣевичъ Пановъ. Въ 8 верстахъ отъ Иркутска, по Круго-Байкальскому тракту, Владиміръ Александровичъ Бечасновъ, выстроившій тутъ небольшой заводъ для выдѣлки конопляннаго масла. Затѣмъ, въ болѣе отдаленномъ уже разстояніи отъ Иркутска, въ 120 верстахъ по рѣкѣ Бѣлой, въ слободѣ Бѣльскѣ, И. А. Анненковъ, П. Ѳ Громницкій и Колесниковъ; а въ такомъ же разстояніи, по тракту Ангарскому, въ слободѣ Каменкѣ П. Н. Свистуновъ и въ 60 верстахъ отъ него, внизъ по рѣкѣ Ангарѣ, въ селеніи Малышевкѣ—Дружининъ и Таптыковъ. Здѣсь я перечислилъ всѣхъ декабристовъ и другихъ, причисленныхъ къ ихъ кружку, поселенныхъ въ Иркутскомъ округѣ.

Сопоставивъ все это со словами г. Львова (стр. 356), что «послѣ совѣщанія съ генералъ-губернаторомъ и составленія программы занятій было рѣшено начать съ обозрѣнія и устройства поселеній декабристовъ, находившихся въ Петровскомъ заводѣ, Верхнеудинскаго округа», невольно рождается желаніе спросить г. Львова: какія именно обозрѣвалъ и устраивалъ онъ селенія декабристовъ и кого именно изъ нихъ гдѣ поселилъ? Здѣсь нелишнимъ считаю сказать, что тотъ Кюхельбекеръ, о которомъ г. Львовъ (стр. 358) говоритъ, что онъ жилъ на Китайской границѣ, былъ отнюдь не Карлъ, какъ онъ его называетъ, а Михаилъ Карловичъ [2]. Я познакомился съ нимъ у Трубецкихъ, когда онъ пріѣзжалъ изъ-за Байкала въ Иркутскъ.

О тѣхъ Декабристахъ, которые были поселены въ городахъ Енисейской губерніи и Западной Сибири [3], сказать ничего не могу, такъ какъ при нихъ тамъ не бывалъ. Когда же впослѣдствіи, спустя довольно продолжительное время послѣ возвращенія ихъ въ Россію, мнѣ случалось много разъ проѣзжать чрезъ нѣкоторые изъ тѣхъ городовъ, гдѣ они жили, то вездѣ я слышалъ о нихъ лишь самыя хорошія от-

---

[1]) Въ Оёкѣ, на отпѣваніи Вадковскаго, въ числѣ прочихъ товарищей, былъ и А. П. Юшневскій. Молясь за умершаго товарища, онъ наклонился къ землѣ, съ нимъ сдѣлался ударъ, и онъ упалъ мертвый. Жена его была Марья Казимировна, а не Марья Ивановна, какъ называетъ ее г. Львовъ на стр. 358.

[2]) Сосланы были два брата Кюхельбекеръ: Михаилъ Карловичъ, бывшій морякъ, и Вильгельмъ Карловичъ—поэтъ.

[3]) Хотя г. Львовъ на стр. 357 и говоритъ, что Декабристы, по выходѣ изъ Петровскаго завода (каземата?) должны были быть поселены на избранныхъ ими же самими мѣстностяхъ въ границахъ Восточной Сибири; но это не вѣрно: многіе изъ нихъ: Парышкинъ, Басаргинъ, Пущинъ, Янтальцовъ, Фонъ-Визинъ, баронъ Розенъ, князь Оболенскій и другіе были поселены въ Западной Сибири. Странно, что г. Львовъ, если было дано ему такое важное, относительно декабристовъ, порученіе, не зналъ тогда и не знаетъ теперь, какъ и гдѣ они были разселяемы.

зывы. Всѣ, знавшіе ихъ, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать, сообщали о нихъ только добрыя воспоминанія, а многіе отзывались съ благодарностію, кто за помощь, кто за совѣтъ, а кто за обученіе. Изъ числа этихъ Декабристовъ я былъ знакомъ съ Владиміромъ Ивановичемъ Штейнгелемъ, жившимъ сначала (до перевода въ Западную Сибирь) въ слободѣ Елани, Иркутскаго округа, куда я ѣзжалъ къ нему часто изъ Тельминской фабрики, гдѣ я тогда жилъ, и съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, который, по данному имъ обѣщанію—навѣщать чрезъ каждыя 10 лѣтъ товарищей, пріѣзжалъ, послѣ первой съ ними въ Петровскомъ казематѣ разлуки (не помню въ 1849 или 1850 годахъ) въ Восточную Сибирь и, вмѣстѣ съ С. Г. Волконскимъ провелъ у меня сутки, въ Александровскомъ заводѣ, которымъ я тогда управлялъ.

Хорошо знакомый съ большею частію тѣхъ, которые были (какъ перечислялъ я выше) поселены въ Иркутскомъ округѣ, я часто, проѣздомъ чрезъ селенія, въ которыхъ они жили, бывалъ у нихъ, какъ добрый знакомый. Иногда же случалось заѣзжать къ нѣкоторымъ по дѣламъ службы—выдавать назначенныя бѣднѣйшимъ изъ нихъ отъ правительства пособія. Доброе знакомство мое съ ними продолжалось и въ послѣдствіи, когда многіе изъ нихъ, переѣхавъ изъ селеній, жили уже въ Иркутскѣ. Не разъ случалось мнѣ пріѣзжать въ Урикѣ къ Волконскимъ и въ Оёкѣ къ Трубецкимъ, въ такое время, когда у нихъ бывали многіе изъ ихъ товарищей. Не разъ за бесѣдою, какъ это бываетъ и вездѣ, вслѣдствіе разности мнѣній, взглядовъ и знаній, происходили споры; но никогда не было замѣтно пикировки, насмѣшекъ другъ надъ другомъ и «непрекращавшихся ссоръ», какъ говоритъ г. Львовъ (стр. 359). Взаимныя отношенія ихъ отличались дружескимъ характеромъ. Товарищество и равноправность, если можно такъ выразиться, были полныя: тѣ имущіе, которые оказывали пособія болѣе бѣднымъ товарищамъ, не навязывали имъ своихъ мнѣній, а эти послѣдніе не поступались для нихъ своими.

Докторъ Вольфъ, о которомъ г. Львовъ (стр. 359) говоритъ, что онъ всегда умѣлъ всѣхъ перессорить и былъ заводчикомъ и участникомъ всѣхъ сплетень, едвали могъ и долженъ былъ заслужить подобный отзывъ. Воспитанникъ Виленскаго университета того времени, когда тотъ пользовался заслуженною извѣстностію, ученикъ знаменитаго Снядецкаго, онъ былъ замѣчательнымъ врачемъ и охотно подавалъ помощь каждому къ нему обращавшемуся, не требуя вознагражденія. За совѣтомъ къ нему ѣздили изъ разныхъ городовъ Восточной Сибири, иногда изъ весьма отдаленныхъ. Бывши поселенцемъ, онъ не имѣлъ права подписывать рецепты, и ихъ подписывалъ за него военный

докторъ Данило Даниловичъ Романовскій, съ которымъ онъ и ѣздилъ къ больнымъ въ Иркутскъ, когда его туда, изъ Урика, приглашали. Мнѣ самому случалось пользоваться его совѣтами. Выше я указалъ, что многіе изъ товарищей его сгруппировались около мѣста его поселенія, а этого не могло бы быть, еслибы Вольфъ былъ такимъ, какимъ описываетъ его г. Львовъ. Одинъ изъ товарищей Вольфа по каземату, Александръ Филиповичъ Фроловъ, умершій въ Москвѣ въ нынѣшнемъ Маѣ мѣсяцѣ, въ воспоминаніяхъ своихъ, напечататанныхъ въ Старинѣ 1882 г. описывая отношенія свои къ Вольфу, говоритъ такъ: «Дружбу его я высоко цѣнилъ, потому что, бывши многимъ его моложе, я пользовался добрыми совѣтами человѣка высокообразованнаго, пріобрѣтшаго общую любовь попеченіемъ своимъ о всѣхъ нуждавшихся въ его помощи». Фроловъ добавляетъ, что въ Тобольскѣ Вольфъ, по просьбѣ преосвященнаго, читалъ въ семинаріи лекціи о Гигіенѣ. Живши же въ казематѣ, какъ говоритъ А. Ф. Фроловъ, «читалъ товарищамъ Физику, Химію и Анатомію». Подобныя лекціи по разнымъ отраслямъ наукъ читались въ казематѣ многими изъ декабристовъ. Каждый читалъ по своей спеціальности. Результатомъ подобныхъ чтеній было то, что многіе изъ молодыхъ декабристовъ, поступивъ въ казематъ съ весьма ограниченными свѣдѣніями, вышли изъ него съ хорошими знаніями. Не отъ одного изъ декабристовъ мнѣ пришлось слышать о В. А. Бечасномъ, который прибылъ въ казематъ почти вовсе не зная Французскаго языка, выйдя изъ каземата, зналъ его научно какъ немногіе.

Считаю умѣстнымъ привести здѣсь изъ воспоминаній Фролова еще кое-что объ учрежденномъ въ Петровскомъ казематѣ по уставу, написанному И. И. Пущинымъ, Ѳ. Ѳ. Вадковскимъ и А. В. Поджіо, общежитіи или артели. Уставъ этотъ цѣликомъ помѣщенъ въ Запискахъ Басаргина («XIX Вѣкъ» стр. 149—161). А. Ф. Фроловъ говоритъ такъ: «Конечно не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мысль устроить артель и осуществленіе этой идеи, могли принадлежать только кому либо изъ богатыхъ, такъ какъ для этого требовалось дѣлать довольно значительные, ежегодные взносы, чтó возможно только имущимъ». Женатые, которые ничѣмъ отъ нея не пользовались, «посильно помогали этому учрежденію: такъ Муравьевы и Трубецкой жертвовали отъ 2000 до 3000 руб., Нарышкинъ, Ивановъ, Фонъ-Визинъ и Волконскій до 1000 р. ежегодно». Далѣе Фроловъ, съ полною благодарностію, вспоминаетъ братское, христіанское раздѣленіе богатыми товарищами своего имущества съ бѣдными, причемъ предлагалось все такъ простодушно, что отказаться,—значило оскорбить.

Можно ли послѣ этого придавать какое либо значеніе словамъ

г. Львова, (стр. 359), что декабристы «дружны между собою никогда не были и что ссоры между ними никогда не прекращались?»

Закончивъ съ замѣтками на сдѣланную г. Львовымъ оцѣнку декабристовъ вообще, я не считаю лишнимъ поговорить здѣсь нѣсколько и объ оцѣнкѣ имъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ частности.

Немудрено, что Никита Михайловичъ Муравьевъ, человѣкъ большаго ума и съ огромнымъ запасомъ основательныхъ знаній, могъ заслужить отъ г. Львова эпитетъ полусумасшедшаго, хотя не только товарищи, но и никто изъ знавшихъ его въ Сибири не имѣли не только основаній, но и малѣйшихъ поводовъ считать его такимъ: молчаливый, серьезный и необщительный, отдавшій себя послѣ смерти жены своей (сестры З. Г. Чернышова) всецѣло воспитанію дочери, онъ держался отъ г. Львова въ сторонѣ, не входя съ нимъ ни въ какія общенія, за что вѣроятно и заслужилъ эпитетъ полусумасшедшаго (стр. 359).

В. А. Бечасновъ, о которомъ я сказалъ выше, и А. А. Быстрицкій были люди образованные, умные и отнюдь не (какъ называетъ ихъ г. Львовъ) ни на что неспособные.

Александръ Ивановичъ Якубовичъ, человѣкъ могучаго склада, сильный и обстрѣленный въ стычкахъ съ горцами на Кавказѣ, гдѣ если не ошибаюсь, а не на дуэли съ Грибоѣдовымъ, какъ говоритъ г. Львовъ (стр. 359), получилъ страшную свою на лбу рану, такимъ фатомъ и трусомъ, чтобы ходить вездѣ и всюду съ винтовкою за спиною, никогда не былъ; да если бы даже, чего никакъ нельзя допустить, и вздумалъ когда либо, хоть разъ, пройтись съ нею гдѣ нибудь кромѣ охоты, то за это вѣроятно получилъ бы порядочный нагоняй отъ генерала Руперта, который, служивъ до опредѣленія въ Сибирь по жандармскому корпусу, держалъ себя слишкомъ осторожно и берегся всего, опасаясь отвѣтственности. Мнѣ приходитъ въ голову, не смѣшалъ ли г. Львовъ А. И. Якубовича съ Войнаровскимъ, вспомнивъ, какъ тотъ былъ описанъ К. Ѳ. Рылѣевымъ въ его поэмѣ *)... Далѣе объ Александрѣ Ивановичѣ г. Львовъ говоритъ: «онъ поступилъ въ Иркутскѣ въ прикащики къ винному откупщику Малевинскому». Такъ да не такъ. Золотопромышленная компанія, состоявшая изъ И. Ѳ. Базилевскаго, родственника его (женатаго на его племянницѣ) Н. И. Ма-

*) „Но кто украдкою изъ дому,
„Въ туманѣ раннею порой,
„Идетъ по берегу крутому,
„Съ винтовкой длинной за спиной?..“ и т. д

левинскаго и еще другихъ лицъ, открывъ, въ сѣверной части Енисейскаго округа, два богатые пріиска: Отрадный по р. Сиво-Гликону и Ольгинскій по р. Актомску, и устроивъ, для заготовленія для нихъ припасовъ, на р. Енисеѣ, Ермаковскую резиденцію, нуждалась, для управленія ея, въ честномъ и дѣльномъ человѣкѣ, которому бы могла вполнѣ вѣрить. Вотъ на эту-то должность и пригласили Александра Ивановича. Проживъ на резиденціи нѣсколько лѣтъ, онъ тамъ и умеръ.

М. С. Лунинымъ г. Львовъ (вѣроятно на основаніи данной ему по словамъ его власти устраивать декабристовъ на поселеніи) играетъ какъ пѣшкой: то онъ отправляетъ его на поселеніе съ А. В. Поджіо въ Оёкъ (стр. 358), гдѣ заставляетъ лечить больныхъ и помогать бѣднымъ (стр. 361) и куда однажды ѣдетъ съ нимъ изъ Иркутска, подпоивъ будто бы его за сытнымъ обѣдомъ, такъ что тотъ сначала распѣвалъ куплеты, а потомъ, по требнику «бормоталъ молитвы» (стр. 361). то переселяетъ его въ Урикъ (стр. 360) и, наконецъ, переводитъ опять въ Оёкъ (стр. 364), откуда уже провожаетъ въ Акатуй.

На самомъ же дѣлѣ, въ то время, когда г. Львовъ былъ въ Иркутскѣ, М. С. Лунинъ жилъ въ Урикѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, откуда, а не изъ Оёка, былъ взятъ и высланъ въ Акатуй. Домъ свой онъ оставилъ, какъ мнѣ помнится, крестьянину старику Васильичу, а не Антипычу, какъ называетъ его г. Львовъ (стр. 362, 364 и 365). Трудно понять, съ чего это вздумалось г. Львову разсказывать о посылкѣ почтодержателемъ Василіемъ Анкудиновичемъ Яковлевымъ съ ямщикомъ, везшимъ г. Львова, на дорогу М. С. Лунину пачки денегъ. Василій Анкудиновичъ хорошо зналъ, что М. С. Лунинъ, получая достаточно денегъ отъ родныхъ изъ Россіи, не могъ нуждаться въ чьемъ либо пособіи и поэтому не рѣшился бы никогда ему ихъ посылать; а еслибы и рѣшился, то не думаю, чтобы могъ показать такое явное недовѣріе г-ну Львову, передавая, въ глазахъ его, деньги для доставленія, не ему, а какому-то ямщику. Еще труднѣе понять, почему г. Львовъ говоритъ о немъ: «почтосодержателемъ тогда въ Иркутскѣ былъ клейменый, отбывшій уже каторгу, старикъ 75 лѣтъ Анкудинычъ, всѣми очень любимый (стр. 363)». Почтосодержатель этотъ, крестьянинъ Жилкинской волости, Иркутскаго округа, Василій Анкудиновичъ Яковлевъ, имѣвшій огромное хлѣбопашество и содержавшій часто по нѣскольку станцій почтовой и обывательской гоньбы, отнюдь не такой еще старикъ, какимъ описываетъ его г. Львовъ (ему было въ то время лѣтъ подъ 60), клейменымъ и въ каторгѣ никогда не былъ. Съ чего это г. Львову вздумалось приписать ему все это и называть его еще «варнакомъ?» Вѣроятно для картинности разсказа.

Мнѣ кажется страннымъ, зачѣмъ это г. Львову (стр. 364) понадобилось жандармскаго офицера Владимира Васильевича Полторанова перекрестить въ Гаврила Петровича. Неужели для того только, чтобы навязать Лунину собственнаго издѣлія остроту: Et celui-là, cette fois, c'est mon ange Gabriel (стр. 364).

Все высказанное мною выше показываетъ, мнѣ кажется, довольно ясно и опредѣленно, можно ли имѣть и какое именно довѣріе къ разсказу г. Львова о кружкѣ декабристовъ...

Не могу не сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ г. Львова.

Вездѣ, гдѣ только г. Львовъ говоритъ объ И. С. Персинѣ, онъ говоритъ такъ, что незнающему можно подумать, что тотъ былъ пріуроченъ именно къ нему для его поѣздки. Такъ на стр. 353 онъ говоритъ, что матушка его изъявила на поѣздку согласіе «съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ѣхалъ со мною докторъ Иванъ Сергѣевичъ Персинъ, которому и сдали меня на руки»; на стр. 355, что генералъ Рупертъ, удержавъ его (г. Львова) къ обѣду и узнавъ, что докторъ при немъ, тутъ же послалъ приглашать и его къ обѣду и (на стр. 361), разсказывая, что когда онъ подпоилъ, будто бы, за обѣдомъ у себя Лунина, то за это ему отъ доктора досталось.

И. С. Персинъ, сколько я помню, пріѣхалъ на службу въ Иркутскъ еще въ 1835 году. Потомъ много разъ ѣздилъ онъ оттуда, по своимъ и чужимъ дѣламъ, въ Россію, пока наконецъ въ 1869 г. не выѣхалъ на постоянное жительство въ Петербургъ, гдѣ и умеръ. На службѣ правительства онъ былъ въ Сибири недолго: сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Кяхтѣ, занимаясь довольно много частною практикою, а потомъ золотопромышленностію. Если онъ и пріѣхалъ съ г. Львовымъ въ Сибирь, то отнюдь не какъ состоящій при немъ докторъ, а какъ спутникъ. У насъ въ Сибири говорятъ: «попутчикъ».

Жена князя Сергѣя, не помню отечества, Трубецкаго (племянника декабриста Сергѣя Петровича Трубецкаго) Надежда Ивановна, въ 1850 или 1851 году, была за жестокое обращеніе съ крѣпостными, хотя и сама происходила изъ того же сословія, по приговору суда, по лишеніи всѣхъ правъ, прислана въ Александровскій заводъ *), которымъ я тогда управлялъ. Приговоромъ было постановлено держать ее

---

*) Александровскій винокуренный заводъ верстахъ въ 70 отъ Иркутска, по Амгарскому тракту. Заводъ давно уже закрытъ, и теперь тамъ центральная тюрьма.

въ заключеніи, не выпуская, что и исполнялось строго до 1852 года, когда она, съ уменьшеніемъ команды рабочихъ Александровскаго завода (по случаю отдачи его въ арендное содержаніе купцамъ Медовикову, Шведовымъ и Юдину) была, вмѣстѣ съ прочими излишними рабочими, выслана въ Иркутскій солеваренный заводъ. Она была весьма красивая женщина. Это объясняетъ нѣсколько женитьбу на ней барина, не смотря на полную ея необразованность и дурной характеръ. Когда она была прислана въ Александровскій заводъ, ей было не болѣе 35 лѣтъ. Въ дорогѣ изъ мѣста ссылки (не помню губерніи) до завода, она могла находиться, при тогдашнемъ способѣ пересылки, никакъ не болѣе $1\frac{1}{2}$—2 лѣтъ; слѣдовательно видѣть ее въ 1838 году, въ Тобольскѣ, да еще въ возрастѣ 32 лѣтъ (стр. 355) г. Львовъ не могъ уже никакъ. Вѣроятно о ссылкѣ ея онъ слышалъ гдѣ нибудь впослѣдствіи и помѣстилъ для пополненія своихъ *личныхъ* воспоминаній.....

Игравшій у генералъ-губернатора (стр. 356) во время данныхъ имъ г. Львову, въ первый же день его пріѣзда, обѣда и концерта, Полякъ, былъ не Крошецкій, а Кошевскій. Студентъ какого-то, чуть ли не Московскаго, университета, онъ, за юношескую шалость, былъ сосланъ въ Иркутскъ въ рядовые, пробылъ тутъ нѣсколько лѣтъ въ числѣ музыкантовъ и потомъ, по ходатайству генерала Руперта, получилъ, кажется, первый чинъ и былъ переведенъ куда-то въ Россію.

Перечисляя возложенныя на него порученія, г. Львовъ описываетъ все такъ, что человѣку, не знающему хода дѣлъ и всѣхъ обстоятельствъ, можно ясно подумать, что г. Львовъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ дѣятелемъ и что все поручено было ему единолично. Повѣрить этому можно тѣмъ болѣе, что г. Львовъ (стр. 356) говоритъ: «канцелярію мою составляли, кромѣ чиновника Успенскаго, дѣлопроизводитель, два землемѣра и три писца». Трудно допустить, чтобы Петръ Николаевичъ Успенскій, въ то время, если не статскій, то навѣрное колежскій уже совѣтникъ и чиновникъ особыхъ порученій генералъ - губернатора, могъ быть командированъ въ распоряженіе г. Львова, тогда почти юноши. Скорѣе всего, что г. Успенскій, хорошо знавшій край и имѣвшій возможность дать дѣльныя указанія, былъ прикомандированъ мѣстною властью, никакъ не къ г. Львову, а къ коммиссіи, которой однимъ изъ членовъ былъ и г. Львовъ. Коммиссія эта, какъ я хорошо помню, была послана въ Сибирь по распоряженію графа Киселева, по дѣламъ управляемаго имъ Министерства Госутарственныхъ Имуществъ. Членами ея кромѣ г. Львова были генералъ маіоръ (можетъ быть, и лейтенантъ, хорошо не помню) Николай Львовичъ Черкасовъ и нашъ Сибирякъ Николай Семеновичъ Щукинъ.

Первый изъ нихъ былъ ея предсѣдателемъ. Коммиссія эта поѣздила по разнымъ мѣстамъ Сибири года съ два, не очень вдаваясь какъ въ глубь мѣстности, такъ и дѣлъ, и потомъ была закрыта. Какой былъ результатъ ея поѣздки, не знаю. Современники говорили, что никакого.

Неизлишнимъ считаю сообщить, какимъ образомъ очутилась въ Иркутскѣ, въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, копія съ портрета Державина, о которой г. Львовъ говоритъ въ примѣчаніи на 356 страницѣ.

Домъ, въ которомъ живутъ теперь генералъ-губернаторы Восточной Сибири, принадлежалъ прежде Иркутскому купцу Ксенофонту Михайловичу Сибирякову. Послѣ смерти его домъ этотъ, казною или городомъ, не знаю, былъ купленъ для квартиры генералъ-губернаторовъ. Первымъ изъ нихъ вступилъ въ него генералъ Рупертъ. Прежніе (которыхъ я помню) генералъ-губернаторы А. С. Лавинскій, Н. С. Сулима и С. Б. Броневскій, жили въ томъ домѣ, въ которомъ впослѣдствіи помѣщался штабъ (на площади противъ гаубтвахты). Въ числѣ движимости, пріобрѣтенной съ домомъ Сибирякова, поступилъ и портретъ Г. Р. Державина. О происхожденіи его, отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, я слышалъ такъ. Ксенофонтъ Михайловичъ Сибиряковъ *), человѣкъ необразованный, но очень умный и служившій въ Иркутскѣ городскимъ головою, уважая Державина, послалъ, или можетъ-быть, бывая въ Россіи, привезъ лично въ подарокъ ему собольи шубу и шапку, въ которыхъ тотъ и изображенъ на портретѣ. Портретомъ этимъ Гавріилъ Романовичъ отдарилъ А. К. Сибирякова за шубу и шапку.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы сказать многое о женахъ Декабристовъ, но писать что-либо отъ себя лично въ ихъ защиту я считаю излишнимъ. Обѣлять бѣлое не нужно. Оставленіе родины, близкихъ сердцу родныхъ и друзей, принесеніе въ жертву долгу своего общественнаго положенія и матеріальныхъ средствъ, лишеніе не только всѣхъ удобствъ жизни, но и всѣхъ правъ, и взамѣнъ того поѣздка къ мужьямъ въ глубь Сибири, въ ссылку, на встрѣчу всевозможнымъ неудобствамъ и даже оскорбленіямъ, какъ это и было на самомъ дѣлѣ: все это говоритъ само за себя. Я приведу здѣсь только отзывы о женахъ декабристовъ, товарищей ихъ мужей, которые, раздѣляя съ ними продолжительное изгнаніе, должны считаться лучшими ихъ цѣнителями.

---

*) Дочь его Александра Ксенофонтовна Медвѣдникова живетъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, давно уже умершій на Кавказѣ, въ альбомѣ покойной княгини Марьи Николаевны Волконской, 25 Декабря 1829 года, о пріѣздѣ ея и другихъ подругъ ея къ мужьямъ своимъ, говоритъ между прочимъ такъ:

„Вдругъ Ангелы съ лазури низлетѣли
„Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
„Но прежде свой небесный духъ одѣли
„Въ прозрачныя земныя пелены“.

и за тѣмъ далѣе, что съ пріѣздомъ ихъ

........«лилисъ въ темницѣ дни, лѣта,
„Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
„И лишь они страшились одного,
„Чтобъ Ангелы на небо не вспорхнули.
„Не сбросили покрова своего“.

Бѣляевъ же, Александръ Петровичъ, одинъ изъ немногихъ остающихся теперь въ живыхъ декабристовъ (живетъ въ Москвѣ), черезъ полстолѣтіе слишкомъ послѣ того, что̀ сказано выше княземъ Одоевскимъ, въ Запискахъ своихъ о женахъ своихъ товарищей говоритъ такъ: «Кто, кромѣ Всемогущаго Мздовоздаятеля, можетъ достойно «воздать вамъ, чудныя, ангелоподобныя существа, слава и краса «вашего пола, славаы стран васъ произростившей, слава мужей, «удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности та«кихъ чудныхъ, идеальныхъ женъ! Вы стали, по истинѣ, образцомъ «самоотверженія, мужества, твердости, при вашей юности, нѣжности «и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши».

Женщины, о которыхъ съ такимъ увлеченіемъ говорятъ отдѣленные промежуткомъ времени болѣе полустолѣтія, поэтъ недостигшій тогда еще 30 лѣтняго возраста и скромный составитель записокъ о прожитомъ имъ времени, 80 лѣтній старецъ, должны пользоваться полнымъ уваженіемъ каждаго хорошаго человѣка и отнюдь не заслуживаютъ намековъ и отзывовъ, дѣлаемыхъ г. Львовымъ. Что же касается насъ, Сибиряковъ, то мы и черезъ полвѣка вспоминаемъ о нихъ какъ о живыхъ примѣрахъ всего добраго, чистаго и прекраснаго и хранимъ глубокую благодарную память къ этимъ добровольнымъ изгнанницамъ.

И. В. Ефимовъ.

(*Сообщено*).

ПОПРАВКА.

Въ „Русскомъ Архивѣ“, нынѣшняго года, въ 8-й книгѣ, 568-й стр. г. Зиссерманъ утверждаетъ, будто г. Романовскій ошибся, сказавъ, что „Николай Николаевичъ Муравьевъ просился объ увольненіи его съ Кавказа“. Г-нъ Зиссерманъ увѣряетъ, что генералъ Муравьевъ *и не думалъ просить объ увольненіи.* Въ доказательство онъ указываетъ на непрекращавшуюся распорядительно-административную дѣятельность Н. Н. Муравьева.

Н. Н. Муравьевъ дѣйствительно просилъ письмомъ непосредственно самого Государя Императора, уволить его отъ службы на Кавказѣ, о чемъ, одновременно съ отправкою письма, сообщилъ супругѣ своей, жившей тогда на водахъ въ Желѣзноводскѣ. Тѣ доводы, которые приводитъ г. Зиссерманъ, доказываютъ только давно извѣстныя всѣмъ близко знавшимъ Николая Николаевича его доблестныя добродѣтели, какъ государственнаго мужа и какъ высоко-нравственнаго человѣка. Уходилъ дѣятель государственный; но жизнь, движеніе административное не могли и не должны были останавливаться. Надѣюсь, что г. Зиссерманъ повѣритъ моему заявленію, вспомнивъ, что въ дни, о которыхъ идетъ рѣчь, я былъ на водахъ же, и принятый въ семьѣ Муравьева, какъ свой человѣкъ, зналъ положительно вѣрно ходъ дѣла. Получивъ просимое увольненіе, Николай Николаевичъ пріѣхалъ на воды и оставался въ Кисловодскѣ до окончанія курса лѣченія его старшей дочери, а потомъ, пробывъ нѣсколько дней въ Ставрополѣ, выѣхалъ съ Кавказа уже во второй половинѣ Августа. Страдая одышкой, онъ пилъ воды въ Кисловодскѣ.

И на отъѣздъ Михаила Николаевича Муравьева изъ Кисловодска взглядъ г-на Зиссермана ошибоченъ. Михаилъ Николаевичъ кончилъ въ Кисловодскѣ курсъ лѣченія и уѣхалъ, положительно зная въ какомъ порядкѣ состоялось увольненіе его брата, и затѣмъ, какъ кончившему лѣченіе, оставаться въ Пятигорскѣ ему не было никакой нужды.

Имѣвъ честь быть личнымъ адъютантомъ Николая Николаевича Муравьева, когда онъ былъ начальникомъ штаба 1-й арміи, а потомъ командиромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, бывъ очевидцемъ его гражданской доблести, какъ государственнаго дѣятеля, я вынесъ убѣжденіе, что совѣстливость его имѣла свой масштабъ, часто и многимъ казавшійся непримѣнимымъ къ служебной дѣятельности.

Петръ Брянчаниновъ

(бывшій Ставропольскій гражданскій губернаторъ).

12-го Ноября 1885.
Посадъ Большія Соли.

P. S. Александра Николаевна Соколова можетъ быть свидѣтельницею истинности моего повѣданія объ отношеніяхъ, въ коихъ я имѣлъ честь быть къ ея отцу Николаю Николаевичу и всему его семейству.

С. Ѳ. ПАНЮТИНЪ.

(Изъ «Голоса Черногорца»).

Заносимъ на страницы наши Русскій переводъ некролога по недавно почившемъ статсъ-секретарѣ С. Ѳ. Панютинѣ, напечатаннаго въ издающейся въ Цетиньѣ газетѣ „Голосъ Черногорца“ (отъ 20-го Октября 1885) въ доказательство того, *какихъ* своихъ сыновъ не щадила Россія для службы и пользы Западнаго Славянства. П. Б.

На дняхъ дошла до насъ изъ Петербурга печальная вѣсть, что 4-го Октября, послѣ тяжкой болѣзни, скончался статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ С. Ѳ. Панютинъ, бывшій уполномоченный Русскаго «Краснаго Креста въ Черногоріи». Не поддается описанію тяжелое впечатлѣніе, произведенное на душу и сердце этимъ печальнымъ извѣстіемъ, словно камень свалившимся на многихъ изъ насъ при живомъ воспоминаніи о неисчислимыхъ добрыхъ дѣлахъ, какія усопшій дѣлалъ въ Черногоріи за время своего полномочія, вслѣдствіе чего и остался навсегда незабвеннымъ въ памяти какъ личныхъ своихъ друзей, такъ и раненыхъ и больныхъ Черногорцевъ.

Всѣ Русскія газеты пишутъ о заслугахъ этого ревностнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля, и на насъ также лежитъ долгъ познакомить читателей съ тѣмъ, какъ много принесъ онъ пользы нашему милому отечеству во время послѣдней войны.

Покойный С. Ѳ. Панютинъ началъ свою службу въ 1843 г. при князѣ Варшавскомъ и, будучи молодымъ еще человѣкомъ, пріобрѣлъ такое довѣріе, что князь поручалъ ему денежныя суммы для раздачи бѣдному населенію, пострадавшему отъ разлитія рѣки Вислы и отъ тифа, свирѣпствовавшаго въ той мѣстности. Въ 1863 г. Панютинъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Вильнѣ, но въ 1868 г. оставилъ эту должность, какъ и ранѣе того Польскій городъ Варшаву, радѣя о государственныхъ пользахъ.

Въ 1875 г., когда вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ, Общество Краснаго Креста въ Петербургѣ рѣшило послать матеріальную помощь пострадавшимъ раненымъ и больнымъ воинамъ, которыхъ должны были дать война и ея бѣдствія. Это общество, обязанное своимъ возникновеніемъ чувствамъ патріотизма и милосердія, посылаетъ во благо войскъ такихъ лицъ, на которыхъ вполнѣ надѣется и которыя готовы положить свой животъ за доброе дѣло,—каковымъ и былъ нашъ всѣми любимый С. Ѳ. Панютинъ, прибывшій тогда изъ Петербурга въ Цетинье, чтобы помочь единоплеменнымъ своимъ братьямъ, Черногорцамъ.

Пріѣхавъ 15 Мая 1876 г., онъ тотчасъ же вступилъ въ управленіе своимъ санитарнымъ отрядомъ и съ тѣхъ поръ ежедневно обходилъ мѣстныя больницы, дѣлая распоряженія съ особенною энергіею и пополняя то, въ чемъ чувствовался недостатокъ. Не разъ ѣздилъ онъ и въ Нѣгуши, чтобы устроить тамошнюю больницу и снабдить ее всѣмъ необходимымъ. Все это было его дѣломъ, и дѣломъ по-исти нѣ весьма труднымъ, требовавшимъ много времени и ума. Горячее желаніе помочь Черногорцамъ дало силу преодолѣть всѣ трудности и въ совершенствѣ выполнять задачу. Санитарный персоналъ его, ухаживавшій за ранеными, былъ образцомъ человѣколюбія и самоотверженія: не только днемъ, но и ночью, во время общаго отдыха отъ трудовъ, видали мы не разъ людей этого отряда такъ заботливо ухаживавшихъ за ранеными, какъ добрая мать за умирающимъ ребенкомъ своимъ.

Когда въ Іюнѣ и Іюлѣ изъ побѣдоноснаго войска князя Николая нахлынула масса раненыхъ изъ Герциговины и съ Юга изъ Албаніи, и Цетинье обратилось словно въ цѣлый лагерь раненыхъ, заботы и дѣятельность С. Ѳ. Панютина и сестеръ милосердія возросли во сто кратъ.

Его Высочество Князь Николай, цѣня его многостараніе и ревностные труды, наградилъ его орденомъ князя Даніила 1-й степени, а Его Величество Царь Русскій Александръ II—орденомъ Св. Владиміра 2-й степени за особыя услуги, оказанныя имъ Черногорскимъ раненымъ.

Когда кончился срокъ полномочій С. Ѳ. Панютина, послѣ шестимѣсячныхъ неустанныхъ трудовъ, 19 Октября 1876 г., выѣхалъ онъ изъ Цетинье, и, доѣхавъ до границы княжества, сказалъ княжескимъ переникамъ *): «Прощай, милая Черногорія, больше не увижу тебя!» и, снявъ шапку, послалъ свой прощальный привѣтъ величественному Ловчену **).

Глубоко соболѣзнуя объ утратѣ нашего незабвеннаго благодѣтеля, посылаемъ на твою могилу, незабвенный Панютинъ, горячую слезу вѣчной памяти.

Да легка тебѣ будетъ черная земля!
Да дастъ тебѣ Богъ вѣчный покой!

Протодіаконъ Филипъ Радичевичъ.

Цетинье.
19-го Октября 1885 года.

---

*) Тѣлохранителямъ.

**) Самая высокая гора, на вершинѣ которой стоитъ часовня, а въ ней покоится прахъ Петра II-го который былъ и владѣтельнымъ владыкою Черногоріи, и извѣстнымъ Черногорскимъ поэтомъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

РУССКАГО АРХИВА

1885 года*).

*) Двѣнадцать выпусковъ Русскаго Архива 1885 года составляютъ три книги. Римскія цыфры указателя означаютъ книги. П. Б.

*

*

*

*

*

*

*

*

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1885 ГОДА.

(выпуски 9, 10, 11 и 12-й).

Къ третьей книгѣ Русскаго Архива 1885 г. приложены: **1) Картинка, изображающая засѣданіе Государственнаго Совѣта 19 Января 1833 г. Императоръ Николай Павловичъ награждаетъ Сперанскаго за Полное Собраніе и Сводъ Законовъ. 2) Портретъ М. А. Балугьянскаго 3) Книжка избранныхъ стихотвореній В. А. Жуковскаго.**

Павловича къ графу Ф. В. Сакену вслѣдъ за воцареніемъ.—Переписка **великаго князя Константина Павловича** съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ.—Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ. **А. П. Марковой-Виноградской** (Кернъ).—Стихи **С. А. Соболевскаго** про А. П. Кернъ.—Легенда (Везомый парой, а не паромъ). **Его же**.—Булгаринъ въ Ревелѣ (Письмо **П. В. Нащокина** къ С. Д. Полторацкому).—Разсказы и анекдоты про Петра Великаго.—Изъ Записокъ стараго Преображенца. (1854-й годъ. Крымская война.—Прощаніе Преображенцевъ съ Николаемъ Павловичемъ.—Графъ Э. Т. Барановъ.—Стоянка въ Бѣлостокѣ.—Севастопольскія вѣсти). **Князя Н. К. Имеретинскаго**.—Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ: Воспоминанія **А. Л. Зиссермана**.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1886 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

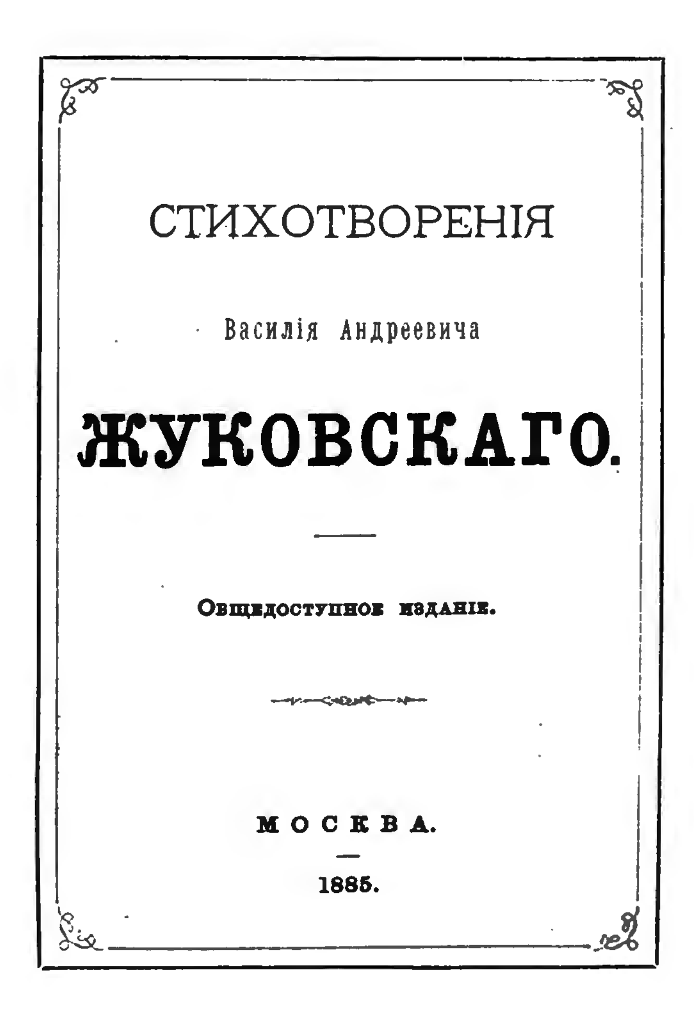
Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Въ Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ открыта на Невскомъ Проспектѣ, въ книжныхъ магазинахъ Мелье и „Новаго Времени“.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Василія Андреевича

ЖУКОВСКАГО.

Общедоступное изданіе.

МОСКВА.

1885.

ОГЛАВЛЕНІЕ*).

---

*) См. продолженіе оглавленія на 3-й стр.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Общедоступное изданіе.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

Дозволено цензурой. Москва, 1384 г., декабря 12 дня.

СВѢТЛАНА.

БАЛЛАДА.

А. А. Воейковой.

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
      Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
      Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
      Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
      Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
      Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
      Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана.
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко,
Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица:—Кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое.
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ“.

— „Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ,
Онъ ко мнѣ не пишетъ.
Ахъ, а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ!..
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?

Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель!“—

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
„Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой—
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою“.

Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится,
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится.
Темно въ зеркалѣ, кругомъ
Мертвое молчанье,

Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лiетъ сiянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ взглянуть,
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами,
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихiй, легкiй шопотъ:
„Я съ тобой моя краса!
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ“!

Оглянулась.... Милый къ ней
Простираетъ руки.

„Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ: попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками,
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ,
Храмъ блеститъ свѣчами“.
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ.
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы.
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли.... кони съ мѣста въ разъ,
Пышутъ дымъ ноздрями,
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ.... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ...
Робко дѣва говоритъ:
„Что̀ ты смолкнулъ, милый?“
Ни полслова ей въ отвѣтъ.
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій. ..
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ.
Тьма людей во храмѣ,
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ.
На срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
„Буди взятъ могилой!“
Пуще дѣвица дрожитъ...
Кони мимо, другъ молчитъ
Блѣденъ и унылой.

Вкругъ мятелица кругомъ,
Снѣгъ валитъ клоками,
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы.
Брезжетъ въ полѣ огонекъ,
Видѣнъ мирный уголокъ,

Хижинка подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися.... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ,
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ....
Видѣнъ ей въ избушкѣ свѣтъ.
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрипитъ....
Тихо растворилась.

Что жъ?.... въ избушкѣ гробъ, накрытъ
Бѣлою запоной,
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ,
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ, Свѣтлана, что̀ съ тобой?
Въ чью зашла обитель?

Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ,
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ.....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,

Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ, мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ.... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ...
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?.... Дрожитъ....
Гибель близко.... Но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась....
Глядь, Свѣтлана.... о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ,
Ахъ!.... и пробудилась.

Гдѣ жъ?.... У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы.
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
„Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину;
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Чтò сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?“

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана.
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій....
Чу!.... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій.
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,

Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ.
Статный гость къ крыльцу идетъ....
Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ,
Тѣжъ пріатны взоры;
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты;
Соберитесь, старъ и младъ,
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

—

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу я славы:

Слава (насъ учили) дымъ,
Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
„Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье.
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье“.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!....
Будь, Создатель, ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день.
Ахъ! да пронесется
Мимо бѣдствія рука,
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга.
Будь вся жизнь ея свѣтла,
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга.

ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ.

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовоннымъ Алѳея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ;
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа,
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взоромъ его тихоструйный Алѳей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался;
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость....

Все тѣжъ берега, и поля, и холмы,
И тоже прекрасное небо;

Но гдѣ жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алѳея.,

Близъ мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алѳей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ—
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ сплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море;
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

„Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
    На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!"
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
    Сказалъ, обнимая Эсхина.

И взглядъ на него любопытный вперилъ..
    Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотритъ Эсхинъ;
    Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
    Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
    Надежда—лукавый предатель.

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
    Не туже ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
    При мирныхъ домашнихъ пенатахъ?

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ....
    „Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь;
    Но съ нею печаль неразлучна.

„О нѣтъ! Не ропщу на Зевесовъ законъ:
    И жизнь, и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
    Я видѣлъ земное блаженство.

„Чтò можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

„Вотъ счастье, о другъ мой! Оно не мечта.
Эсхинъ, я любилъ и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала.

„При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли.

„Увы, я любилъ.... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? И прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

„О, нѣтъ, никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ!
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть таже любовь;
Надъ сердцемъ утрата безсильна.

„Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ.....

Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же, все ею онъ полонъ.

„По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

„Сей мыслью высокой украшена жизнь.
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько рэзсыпано благъ,
На полное славы творенье.

„Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни.
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ Авроры.

„Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна.
При мысли великой, что я—человѣкъ,
Всегда возвышаюсь душею.

„А этотъ безмолвный, таинственный гробъ.....
О другъ мой, онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее въ жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ.

„О другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился.

„Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ!
Дай руку; близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись.
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна.

„Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ,
Все въ жизни къ великому средство,
И горесть, и радость—все къ цѣли одной.
Хвала жизнодавцу-Зевесу“!

ЭОЛОВА АРФА.

Владыко Морвены,
Жилъ въ дѣдовскомъ замкѣ могучій Ордалъ.
Надъ озеромъ стѣны
Зубчатыя замокъ съ холма возвышалъ;
Прибрежны дубравы
Склонялись къ водамъ,
И стлался кудрявый
Кустарникъ по злачнымъ окрестнымъ холмамъ.

Спокойствіе сѣней
Дубравныхъ тамъ часто лай псовъ нарушалъ;
Рогатыхъ еленей
И вепрей и ланей могучій Ордалъ
Съ отважными псами
Гонялъ по холмамъ;
И долы съ холмами,
Шумя, отвѣчали зовущимъ рогамъ.

Въ жилище Ордала
Веселость изъ ближнихъ и дальнихъ краевъ
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пировъ
Еленей рогами;
И въ память отцамъ,
Висѣли рядами
Ихъ шлемы, кольчуги, щиты по стѣнамъ.

И въ дружныхъ бесѣдахъ
Любилъ за бокаломъ разсказы Ордалъ
О древнихъ побѣдахъ,
И взоры на брони отцовъ устремлялъ:
Чеканны ихъ латы
Въ глубокихъ рубцахъ,
Мечи ихъ зубчаты,
Щиты ихъ и шлемы избиты въ бояхъ.

Младая Минвана
Красой озаряла родительскій домъ.
Какъ зыби тумана,
Зарею златимы надъ свѣжимъ холмомъ,
Такъ кудри густыя
Съ главы молодой
На перси младыя,
Віяся, бѣжали струей золотой.

Пріятнѣй денницы
Задумчивый пламень во взорахъ сіялъ:
Сквозь темны рѣсницы
Онъ сладкое въ душу смятенье вливалъ.
Потока журчанье—
Пріятность рѣчей;
Какъ роза—дыханье,
Душа же прекраснѣй и прелестей въ ней.

Гремѣла красою
Минвана и въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ.
Въ Морвену толпою
Стекалися витязи, славны въ бояхъ.
И дщерью гордился
Предъ ними отецъ....
Но втайнѣ дѣлился
Душою съ Минваной Арминій-пѣвецъ.

Младой и прекрасный,
Какъ свѣжая роза, утѣха долинъ,
Пѣвецъ сладкогласный....
Но родомъ не знатный, не княжескій сынъ....
Минвана забыла
О санѣ своемъ,
И сердцемъ любила,
Невинная, сердце невинное въ немъ.

На темные своды
Багрянымъ щитомъ покатилась луна,
И озера воды
Струистымъ сіяньемъ покрыла она;
Отъ замка, отъ сѣней
Дубравъ по брегамъ,
Огромные тѣней
Легли великаны по гладкимъ водамъ.

На холмѣ, гдѣ чистымъ
Потокомъ источникъ бѣжалъ изъ кустовъ,
Подъ дубомъ вѣтвистымъ,
Свидѣтелемъ тайныхъ свиданья часовъ,
Минвана младая
Сидѣла одна,
Пѣвца ожидая,
И въ страхѣ таила дыханье она.

И съ арфою стройной
Ко древу къ Минванѣ приходитъ пѣвецъ.
Все было спокойно,
Какъ тихая радость ихъ юныхъ сердецъ:
Прохлада и нѣга,
Мерцанье луны,
И ропотъ у брега
Дробимыя съ легкимъ плесканьемъ волны.

И долго, безмолвны,
Пѣвецъ и Минвана съ унылой душой
Смотрѣли на волны,
Златимыя тихо блестящей луной.
„Какъ быстрыя воды
Потокъ свой ліютъ,
Такъ быстрые годы
Веселье младое съ любовью несутъ".

— Что жъ сердце уныло?
Пусть воды ліются, пусть годы бѣгутъ.
О вѣрный, о милой!
Съ любовію годы и жизнь унесутъ.
„Минвана, Минвана,
Я бѣдный пѣвецъ,
Ты жъ царскаго сана,
И предками славенъ твой гордый отецъ".

— Что̀ въ славѣ и санѣ?
Любовь мой высокій, мой царскій вѣнецъ.
О милый, Минванѣ
Всѣхъ витязей краше смиренный пѣвецъ.
Зачѣмъ же уныло
На радость глядѣть?
Все близко, что̀ мило;
Оставимъ годамъ за годами летѣть.

„Минутная сладость
Веселаго вмѣстѣ, помедли, постой;
Кто скажетъ, что радость
На вѣкъ не умчится съ грядущей зарей?
Проглянетъ денница—
Блаженству конецъ;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бѣдный пѣвецъ".

— Пускай возвратится
Веселое утро, сіяніе дня;
Зарей озарится
Тотъ свѣтъ, гдѣ мой милый живетъ для меня.
Лишь царскимъ уборомъ
Я буду съ толпой;
А мыслію, взоромъ
И сердцемъ, и жизнью, о милый—съ тобой!

„Прости, ужъ блѣднѣетъ
Разсвѣтомъ далекій, Минвана, востокъ;
Ужъ утренній вѣетъ
Съ вершины кудрявыхъ холмовъ вѣтерокъ".
— О нѣтъ! То зарница
Блеститъ въ облакахъ;
Нескоро денница,
И тихъ вѣтерокъ на кудрявыхъ холмахъ.

„Ужъ въ замкѣ проснулись;
Мнѣ слышался шорохъ и звукъ голосовъ".
— О нѣтъ! встрепенулись
Дремавшія пташки на вѣтвяхъ кустовъ.
„Заря ужъ багряна".
— О милый, постой.
„Минвана, Минвана,
Почто жъ замираетъ такъ сердце тоской?"

И арфу унылой
Пѣвецъ привязалъ подъ наклономъ вѣтвей:
„Будь, арфа, для милой
Залогомъ прекрасныхъ минувшаго дней!
И сладкіе звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вѣстникъ души неизмѣнныя будь.

„Когда же мой юный,
Убитый печалію цвѣтъ опадетъ,
О, вѣрныя струны,
Въ васъ съ прежней любовью душа перейдетъ!
Какъ прежде, взыграетъ
Веселіе въ васъ,
И другъ мой узнаетъ
Привычный, зовущій къ свиданію гласъ.

„И думай, ихъ пѣнью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тѣнью,
Все вѣрный, летаетъ твой другъ надъ тобой;
Что прежнія муки,
Превратности страхъ,
Томленье разлуки,
Всѣ съ трепетной жизнью онъ бросилъ во прахъ.

„Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не разсталась съ душой;
Что робко любившій
Безъ робости любитъ и болѣе твой.
А ты, дубъ вѣтвистый,
Ее осѣняй;
И, вѣтеръ душистый,
На грудь молодую дышать прилетай“.

Умолкъ, и съ прелестной
Задумчивыхъ долго очей не сводилъ....
Какъ бы неизвѣстный
Въ немъ голосъ: „на вѣки прости“! говорилъ.
Горячей рукою
Ей руку пожалъ,
И тихой стопою
Отъ ней удаляся, какъ призракъ, пропалъ...

Луна возсіяла....
Минвана у древа.... Но гдѣ же пѣвецъ?
Увы, предузнала
Душа, упывая, что счастью конецъ!
Молва о свиданьѣ
Достигла отца....
И мчитъ ужъ въ изгнанье
Ладья черезъ море младаго пѣвца.

И поздно, и рано
Подъ древомъ свиданья Минвана грустить.
Уныло съ Минваной
Одинъ лишь нагорный потокъ говоритъ.
Все пусто; день ясный
Взойдетъ и зайдетъ—
Пѣвецъ сладкогласный
Минваны подъ древомъ свиданья не ждетъ.

Прохладою дышетъ
Тамъ ветеръ вечерній, и въ листьяхъ шумитъ,
И вѣтви колышетъ,
И арфу лобзаетъ.... но арфа молчитъ.
Творенія радость,
Настала весна,
И въ свѣжую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И яркимъ сіяньемъ
Холмы осыпàлъ вечерѣющій день.
На землю съ молчаньемъ
Сходила ночная, росистая тѣнь.
Ужъ синіе своды
Блистали въ звѣздахъ;
Сравнялися воды,
И вѣтеръ улегся на спящихъ листахъ.

Сидѣла уныло
Минвана у древа.... душой вдалекѣ....
И тихо все было....
Вдругъ.... къ пламенной что-то коснулось щекѣ;
И что-то качнуло
Безъ вѣтра листы,
И что-то прильнуло
Къ струнамъ, невидимо слетѣвъ съ высоты....

И вдругъ.... изъ молчанья
Поднялся протяжно-задумчивый звонъ,
И тише дыханья
Играющей въ листьяхъ прохлады былъ онъ.
Въ ней сердце смутилось:
То друга привѣтъ!
Свершилось, свершилось!...
Земля опустѣла, и милаго нѣтъ!

От тяжкія муки
Минвана упала безъ чувства на прахъ,
И жалобнѣй звуки
Надъ ней застенали въ смятенныхъ струнахъ.
Когда жъ возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и надъ нею была тишина.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ
И, звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ,
Гдѣ жизнь безъ разлуки,
Гдѣ все не на часъ —
И мнились ей звуки,
Какъ будто летящій отъ родины гласъ.

„О милыя струны,
Играйте, играйте.... мой часъ не далекъ!
Ужъ клонится юный
Главой недоцвѣтшей ко праху цвѣтокъ.
И странникъ унылый
Заутра придетъ,
И спроситъ: гдѣ милый
Цвѣтокъ мой?... и болѣ цвѣтка не найдетъ.“

И нѣтъ ужъ Минваны....
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей —
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла....
О другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?...
Безъ страха вѣрь, обмана сердцу нѣтъ.
Сбылося все, я въ сторонѣ свиданья
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на землѣ великое не тщетно!
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ;
О милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою!
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ начатое вдвоемъ.

НОЧЬ.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурныя своды,
Прохладная стелется тѣнь.
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ!
Дай мира усталымъ сердцамъ!
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

ПѢСНЯ.

Розы разцвѣтаютъ—
Сердце, отдохни:
Скоро засіяютъ
Благодатны дни.
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.

Розы разцвѣтаютъ—
Сердце, уповай:
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ-то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая,
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что̀ такъ сладко, тихо вѣешь?
Что̀ играешь, что̀ свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?

Чѣмъ опять душа полна,
Что̀ опять въ ней пробудилось?
Что̀ съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сіяютъ,
И сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?

Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрыть?...

Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ, найдется ль, кто мнѣ скажетъ
Очарованное тамъ!

МЩЕНІЕ.

Измҍнной слуга паладина убилъ:
Убійцҍ завиденъ санъ рыцаря былъ.

Свершилось убійство ночною порой,
И трупъ поглощенъ былъ глубокой рҍкой.

И шпоры, и латы убійца надҍлъ,
И въ нихъ на коня паладинова сҍлъ.

И мостъ на конҍ проскакать онъ спҍшитъ,
Но конь поднялся на дыбы и храпитъ.

Онъ шпоры вонзаетъ въ крутые бока—
Конь бҍшеный сбросилъ въ рҍку сҍдока.

Онъ выплыть изъ всҍхъ напрягается силъ,
Но панцырь тяжелый его утопилъ.

ГАРАЛЬДЪ.

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена
И вѣютъ и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что̀ порхаетъ по кустамъ,
Что̀ зыблется въ листахъ,
Что̀ налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что̀ такъ ласкаетъ, такъ манитъ;
Что̀ нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

То феи.... Въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ: ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ:
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его;
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей.
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой,
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ.
Сѣдые кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

ПѢСНЯ.

Минувшихъ дней очарованье,
За чѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О милый гость, святое прежде,
За чѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать: живи, надеждѣ?
Скажу ль тому, что̀ было: будь?
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

За чѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ.
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачеть, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что̀ ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?—
Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой.
—О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.—

„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои“.

Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ.
—О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.—

„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять."

Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей.
—О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.—

„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой."
Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ.
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ....
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

ИЗЪ ОРЛЕАНСКОЙ ДѢВЫ.

I.

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать!
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно.

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой.....
Безъ пастыря бродить вы суждены:
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя воздвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
„Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!“

„Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать.
Страшись надеждъ, не знай любви земныя:
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя,
Цвѣтущаго младенца не ласкать....
Но въ битвахъ я главу твою прославлю;
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

„Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону
И Карла въ Реймсъ введешь принять корону.“

Мнѣ обѣщалъ небесный извѣщенье;
Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье;
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ.....
Се битвы кличъ! Полки съ полками стали!
Взвились коні и трубы зазвучали!

II.

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ;
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ,
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы,
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ,
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира:
Готовы тронъ, корона и порфира.

И все горитъ единымъ вдохновеньемъ,
И груди всѣмъ подъемлетъ мысль одна,

И счастіе волшебнымъ упоеньемъ
Сдружило все, что̀ рознила война.
Гордится Франкъ своимъ происхожденьемъ,
Какъ будто всѣмъ отчизна вновь дана;
И съ честію примирена корона;
Вся Франція въ собраніи у трона.

Лишь я одна, великаго свершитель,
Ему чужда безчувственной душой;
Ихъ счастія, ихъ славы хладный зритель,
Я прочь отъ нихъ лечу моей мечтой;
Британскій станъ—любви моей обитель,
Ищу враговъ желаньемъ и тоской;
Таюсь друзей, бѣгу въ уединенье
Сокрыть души преступное волненье.

Какъ, мнѣ любовію пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обѣщанную душу?
Мнѣ, усладительницѣ бѣдъ,
Вождю спасенья и побѣдъ,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о томъ сіянью дня?
И стыдъ не истребитъ меня!

Горе мнѣ! Какіе звуки!
Пламень душу всю проникъ:
Милый слышится мнѣ голосъ,
Милый видится мнѣ ликъ.

Возвратися, буря брани!
Загремите, стрѣлы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душѣ покой!

Тише, звуки! Замолчите,
Обольстители души!
Непонятнымъ упоеньемъ
Вы ее очаровали;
Слезы льются отъ печали.

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я мой посохъ отдала,
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была?
Мнѣ, Владычица, являла Ты
Свѣтъ небеснаго лица;
И вѣнецъ мнѣ обѣщала Ты...
Недостойна я вѣнца!

Зрѣла я небесъ сіяніе,
Зрѣла ангеловъ въ лучахъ....

Но души моей желаніе
Не живетъ на небесахъ.
Грозной силы повелѣніе
Мнѣ ль безсильной совершить?
Мнѣ ли дать ожесточеніе
Сердцу, жадному любить?

Нѣтъ, изъ чистыхъ небожителей
Избирай Твоихъ свершителей!
Съ неприступныхъ облаковъ
Призови Твоихъ духовъ,
Безмятежныхъ, не желающихъ,
Не скорбящихъ, не теряющихъ....
Дѣву съ нѣжною душой
Да минуетъ выборъ Твой.

Мнѣ ль свирѣпствовать въ сраженіи?
Мнѣ ль рѣшить судьбу царей?...
Я пасла въ уединеніи
Стадо родины моей....
Бурный путь мнѣ указала Ты,
Въ домъ царей меня ввела;
Но.... лишь гибель мнѣ послала Ты....
Я ль сама то избрала?

ЗАМОКЪ СМАЛЬГОЛЬМЪ.

До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ;
И безъ отдыха гналъ, межъ утесовъ и скалъ,
Онъ коня, торопясь въ Бротерстонъ.

Не съ могучимъ Боклю совокупно спѣшилъ.
На военное дѣло баронъ;
Не въ кровавомъ бою перевѣдаться мнилъ
За Шотландію съ Англіей онъ;

Но въ желѣзной бронѣ онъ сидитъ на конѣ;
Наточилъ онъ свой мечъ боевой;
И покрытъ онъ щитомъ; и топоръ за сѣдломъ
Укрѣпленъ двадцати-фунтовой.

Черезъ три дни домой возвратился баронъ,
Отуманенъ и блѣденъ лицомъ;
Черезъ силу и конь, опѣненъ, запыленъ,
Подъ тяжелымъ ступалъ сѣдокомъ.

Анкраморскія битвы баронъ не видалъ,
Гдѣ потоками кровь ихъ лилась,
Гдѣ на Эверса грозно Боклю напиралъ,
Гдѣ за родину бился Дугласъ;

Но желѣзный шеломъ былъ изсѣченъ на немъ,
Былъ изрубленъ и панцырь и щитъ,
Былъ недавнею кровью топоръ за сѣдломъ,
Но не Англійской кровью покрытъ.

Соскочивъ у часовни съ коня, за стѣной,
Притаяся въ кустахъ, онъ стоялъ;
И три раза онъ свистнулъ, и пажъ молодой,
На условленный свистъ прибѣжалъ.

— Подойди, мой малютка, мой пажъ молодой,
И присядь на колѣна мои:
Ты младенецъ, но ты откровененъ душой,
И слова непритворны твои.

Я въ отлучкѣ былъ три дни, мой пажъ молодой.
Мнѣ теперь ты всю правду скажи...
Что замѣтилъ? Что было съ твоей госпожой?
И кто былъ у твоей госпожи?

„Госпожа по ночамъ къ отдаленнымъ скаламъ,
Гдѣ маякъ, приходила тайкомъ

(Вѣдь огни по горамъ зажжены, чтобъ врагамъ
Не прокрасться во мракѣ ночномъ).

И на первую ночь непогода была,
И безъ умолку филинъ кричалъ;
И она въ нопогоду ночную пошла
На вершину пустынную скалъ.

Тихомолкомъ подкрался я къ ней въ темнотѣ;
И сидѣла одна—я узрѣлъ;
Не стоялъ часовой на пустой высотѣ;
Одиноко маякъ пламенѣлъ.

На другую же ночь—я за ней по слѣдамъ
На вершину опять побѣжалъ—
О Творецъ, у огня одикаго тамъ
Мнѣ невѣдомый рыцарь стоялъ!

Подпершися мечемъ, онъ стоялъ предъ огнемъ,
И бесѣдовалъ долго онъ съ ней;
Но подъ шумнымъ дождемъ, но при вѣтрѣ ночномъ,
Я разслушать не могъ ихъ рѣчей.

И послѣдняя ночь безопастна была,
И порывистый вѣтеръ молчалъ.

И къ маяку она на свиданье пошла;
У маяка ужъ рыцарь стоялъ.

И сказала (я слышалъ): „Въ полуночный часъ,
Передъ свѣтлымъ Ивановымъ днемъ,
Приходи ты; мой мужъ не опасенъ для насъ;
Онъ теперь на свиданьи иномъ.

„Онъ съ могучимъ Боклю ополчился теперь;
Онъ въ сраженьи забылъ про меня,
И тайкомъ отопру я для милаго дверь
Наканунѣ Иванова дня.“

— Я не властенъ придти, я не долженъ придти,
Я не смѣю придти (былъ отвѣтъ);
Предъ Ивановымъ днемъ одинокимъ путемъ
Я пойду... Мнѣ товарища нѣтъ.

„О, сомнѣніе прочь! Безмятежная ночь,
Предъ великимъ Ивановымъ днемъ,
И тиха и темна, и свиданьямъ она
Благосклонна въ молчаньи своемъ.

„Я собакъ привяжу, часовыхъ уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И въ пріютѣ моемъ, предъ Ивановымъ днемъ,
Безопасенъ ты будешь со мной.“

— Пусть собака молчитъ, часовой не трубитъ,
И трава не слышна подъ ногой;
Но священникъ есть тамъ; онъ не спитъ по ночамъ;
Онъ приходъ мой узнаетъ ночной.

„Онъ уйдетъ къ той порѣ: въ монастырь на горѣ
Панихиду онъ позванъ служить.
Кто-то былъ умерщвленъ; по душѣ его онъ
Будетъ три дни поминки творить.“

Она нахмурясь глядѣлъ, онъ какъ мертвый блѣднѣлъ,
Онъ ужасенъ стоялъ при огнѣ.
— Пусть о томъ, кто убитъ, онъ поминки творитъ:
То, быть можетъ, поминки по мнѣ!

Но полуночный часъ благосклоненъ для насъ:
Я приду подъ защитою мглы.—
Онъ сказалъ.... И она.... я смотрю.... ужъ одна
У маяка пустынной скалы.“

И Смальгольмскій баронъ, пораженъ, раздраженъ,
И кипѣлъ, и горѣлъ, и сверкалъ.
Но скажи, наконецъ, кто ночной сей пришлецъ?
Онъ, клянусь небесами, пропалъ!

„Показалося мнѣ, при блестящемъ огнѣ:
Былъ шеломъ съ соколинымъ перомъ,

И палашъ боевой на цѣпи золотой,
Три звѣзды на щитѣ голубомъ."

— Нѣтъ, мой пажъ молодой, ты обманутъ мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлецъ,
Былъ не властенъ придти: онъ убитъ на пути,
Онъ въ могилу зарытъ, онъ мертвецъ.

„Нѣтъ, не чудилось мнѣ; я стоялъ при огнѣ,
И увидѣлъ, услышалъ я самъ,
Какъ его обняла, какъ его назвала:
То былъ рыцарь Ричардъ Кольдингамъ."

И Смальгольмскій баронъ, изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ.
—Нѣтъ, въ могилѣ покой; онъ лежитъ подъ землей!
Ты неправду мнѣ, пажъ мой, сказалъ.

Гдѣ бѣжитъ и шумитъ межъ утесами Твидъ,
Гдѣ подъемлется мрачный Эльдонъ,
Ужъ три ночи какъ тамъ твой Ричардъ Кольдингамъ
Потаеннымъ врагомъ умерщвленъ.

Нѣтъ, сверканье огня ослѣпило твой взглядъ;
Оглушенъ былъ ты бурей ночной;
Ужъ три ночи, три дня, какъ поминки творятъ
Чернецы за его упокой.—

Онъ идетъ въ ворота, онъ уже на крыльцѣ,
Онъ взошелъ по крутымъ ступенямъ
На площадку, и видитъ: съ печалью въ лицѣ
Одиноко-унылая тамъ

Молодая жена, и тиха, и блѣдна,
И въ мечтаніи грустномъ глядитъ
На поля, небеса, па Мертонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Твидъ.

— Я съ тобою опять, молодая жена.
„Въ добрый часъ, благородный баронъ.
Что разскажешь ты мнѣ; рѣшена ли война?
Поразилъ ли Боклю, иль сраженъ?"

— Англичанинъ разбитъ, Англичанинъ бѣжитъ
Съ Анкраморскихъ кровавыхъ полей;
И Боклю наблюдать мнѣ маякъ мой велитъ,
И беречься недобрыхъ гостей.—

При отвѣтѣ такомъ измѣнилась лицомъ,
И ни слова.... Ни слова и онъ.
И пошла въ свой покой съ наклоненной главой,
И за нею суровый баронъ.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Онъ вздыхалъ, онъ съ собой говорилъ:

„Не пробудится онъ, не подымется онъ!
Мертвецы не встаютъ изъ могилъ.“

Ужъ заря занялась; былъ таинственный часъ
Межъ разсвѣтомъ и утренней тьмой:
И глубокимъ онъ сномъ предъ Ивановымъ днемъ
Вдругъ заснулъ близъ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей....
И бродящимъ, открытымъ очамъ,
При лампадномъ огнѣ, въ шишакѣ и бронѣ
Вдругъ явился Ричардъ Кольдингамъ.

-- Воротись, удалися! она говоритъ.
„Я къ свиданью тобой приглашенъ;
Мнѣ извѣстно, кто здѣсь, неожиданный, спитъ:
Не страшись, не услышитъ насъ онъ!

„Я во мракѣ ночномъ потаеннымъ врагомъ
На дорогѣ измѣной убитъ;
Ужъ три ночи, три дня, какъ монахи меня
Поминаютъ, и трупъ мой зарытъ.

„Онъ съ тобой, онъ съ тобой, сей убійца ночной!
И ужасный теперь ему сонъ!
И надолго во мглѣ на пустынной скалѣ,
Гдѣ маякъ, я бродить осужденъ;

„Гдѣ видалися мы подъ защитою тьмы,
Тамъ скитаюсь теперь мертвецомъ.
И сюда съ высоты не сошелъ бы.... Но ты
Заклинала Ивановымъ днемъ."

Содрогнулась она, и смятенья полна,
Вопросила: но что́ же съ тобой?
Дай одинъ мнѣ отвѣтъ—ты спасенъ или нѣтъ?...
Онъ печально потрясъ головой.

„Выкупается кровью пролитая кровь—
То убійцѣ скажи моему.
Беззаконную небо караетъ любовь—
Ты сама будь свидѣтель тому."

Онъ тяжелою шуйцей коснулся стола,
Ей десницею руку пожалъ.
И десница какъ острое пламя была,
И по членамъ огонь пробѣжалъ.

И печать роковая въ столѣ вожжена:
Отразилися пальцы на немъ.
На рукѣ жъ—но таинственно руку она
Закрывала съ тѣхъ поръ полотномъ.

Есть монахиня въ древнихъ Драйбургскихъ стѣнахъ:
И грустна, и на свѣтъ не глядитъ;
Есть въ Мельрозской обители мрачный монахъ:
И дичится людей, и молчитъ.

Сей монахъ молчаливый и мрачный—кто онъ?
Та монахиня—кто же она?
То убійца, суровый Смальгольмскій баронъ;
То его молодая жена.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

На небѣ тишина.
Таинствено луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой,
И въ безднѣ голубой
Безплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Привѣтствуютъ весну.

ВОСПОМИНАНІЕ.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были!

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней—
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой какъ туманъ.
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ.
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ.... покрывало подняла....
Трикраты имъ куда-то поманила.....
И скрылася.... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье....
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

ТАИНСТВЕННЫЙ

ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно,
Для чего отъ насъ пропалъ?
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что̀ съ тобой? Куда исчезъ?
И за чѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?....
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ.
Ахъ, тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Снятъ покровъ: любви не стало,
Жизнь пуста и счастье—сонъ.

Не волшебница ли дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь поэзія была?....
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли.
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что̀ вдали.

Иль предчувствіе сходило
    Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
    О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
    Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Приподыметъ покрывало,
    И въ далекое манитъ.

МОТЫЛЕКЪ И ЦВѢТЫ.

Поляны мирной украшеніе,
Благоуханные цвѣты,
Минутное изображеніе
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно разцвѣтаете,
Глядяся въ воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны съ востока яснаго,
Младой денницей пробужденъ,
Въ предѣлы бытія прекраснаго
Отъ высоты спустился онъ.
Исполненный воспоминаніемъ
Небесной, чистой красоты,
Онъ вашимъ радостнымъ сіяніемъ
Плѣнился, милые цвѣты.

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья и душа даны.
Но вы къ землѣ, цвѣты, прикованы;
Вамъ на землѣ и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія,
Вамъ непонятенъ чувства гласъ,
Стремишься къ вамъ безъ упованія,
Безъ горя забываешь васъ.
Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы минутный вѣтерокъ;
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ мотылекъ.

Но есть межъ вами два избранные,
Два не надменные цвѣтка:
Ихъ имена, имъ сердцемъ данныя,
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.
Они безъ пышнаго сіянія,
Едва примѣтны красотой.
Одинъ есть цвѣтъ воспоминанія,
Сердечной думы—цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца—упованіе
На лучшій, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ, и позабылъ.

ПѢСНЯ.

Отымаетъ наши радости
Безъ замѣны хладный свѣтъ;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснетъ съ чувствомъ жертвой лѣтъ;
Не одно ланитъ пыланіе
Тратимъ съ юностью живой—
Видимъ сердца увяданіе
Прежде юности самой.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ;
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ.
Стрѣлки нѣтъ путеводительной,
Иль вотще ея магнитъ
Въ бурю къ пристани спасительной
Челнъ безпарусный манитъ.

Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
Къ наслажденью охлажденная.
Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И на вѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или прежнее ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ—
То обманъ; то плющъ играющій
По развалинамъ сѣдымъ:
Сверху листъ благоухающій,
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старинѣ;
Иль оплакивать бывалое
Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ!
Сладко, сладко появленіе
Ручейка въ пустой глуши;
Такъ и слезы—освѣженіе
Запустѣвшія души.

Я музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе летало
Съ небесъ, незваное, ко мнѣ.
На все земное наводило
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно.

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ;
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.
Его желаннаго возврата
Дождаться ль мнѣ когда опять?
Или навѣкъ моя утрата,
И вѣчно арфѣ не звучать?

Но все, что̀ отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ мнѣ доступенъ былъ,

Все, что̀ отъ милыхъ, теплыхъ, ясныхъ,
Минувшихъ дней я сохранилъ—
Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты—
Кладу на твой алтарь священной,
О геній чистой красоты!

Не знаю, свѣтлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда;
Но ты знакомъ мнѣ, чистый геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье,
Былое сбудется опять.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

Палъ Пріамовъ градъ священный,
Грудой пепла сталъ Пергамъ,
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной:
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ;
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.

И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ больше не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ.
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей онъ воззвалъ,
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ.

Судъ оконченъ, споръ рѣшился,
Прекратилася борьба,
Все исполнила судьба:
Градъ великій сокрушился.

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:

Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны —
Ею самъ измѣнникъ палъ;
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ....
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.

Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.

Смертный! Царь-Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ....
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ, о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ),
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье,
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость, и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.

Пей, страдалица! Печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что изведала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ....

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій!

ВИДѢНІЕ.

Блескомъ утра озаренный,
Свѣтоносный, окрыленный,
Ангелъ встрѣтился со мной.
Взоръ его былъ грустно-ясенъ,
Ликъ задумчиво-прекрасенъ;
Надъ главою молодой
Кудри легкіе летали,
И короною сіяли
Розы бѣлыя на ней.
Снѣга чистаго бѣлѣй,
На плечахъ была одежда;
Онъ былъ свѣтелъ, какъ надежда;
Какъ покорность небу, тихъ.
И на крыліяхъ живыхъ—
Какъ съ привѣтственнаго брега
Голубь древняго ковчега
Съ вѣткой мира—онъ летѣлъ....
Съ чѣмъ летѣлъ, куда?.... Я знаю!
Добрый путь! Благословляю,
Божій ангелъ, твой удѣлъ.

Ждутъ тебя; твое явленье
Будетъ тамъ, какъ Провидѣнье,
Откровенное очамъ;
Сиротство увидишь тамъ,
Младость плачущую встрѣтишь
И скорбящую любовь,
И для нихъ надеждой вновь
Опустѣлый міръ освѣтишь....
Съ ними былъ твой чистый братъ;
Срокъ земной его свершился,
Онъ съ землей на вѣкъ простился,
Онъ опять на небо взятъ.
Ты имъ данъ за ихъ утрату;
Твой чередъ—благотворить,
И отозванному брату
На землѣ замѣной быть.

АЛОНЗО.

Изъ далекой Палестины
Возвратясь, пѣвецъ Алонзо
Къ за̀мку Бальби приближался,
Полонъ пѣсней вдохновенныхъ.

Тамъ красавица младая,
Струны звонкія подслушавъ,
Обомлѣетъ, затрепещетъ
И съ альтапа взоръ наклонитъ.

Онъ приходитъ въ за̀мокъ Бальби,
И подъ окнами поетъ онъ
Все, что̀ сердце молодое
Втайнѣ выдумать умѣло.

И цвѣты съ высокихъ оконъ,
Видитъ онъ, къ нему склонились;
Но царицы сладкихъ пѣсней
Межъ цвѣтами онъ не видитъ.

И ему тогда прохожій
Прошепталъ съ лицомъ печальнымъ:
„Не тревожь покоя мертвыхъ;
Спитъ во гробѣ Изолина.“

И на то пѣвецъ Алонзо
Не отвѣтствовалъ ни слова;
Но глаза его потухли,
И не бьется болѣ сердце.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ старинной церкви зáмка,
Гдѣ пылали ярко свѣчи,
Гдѣ во гробѣ Изолина,
Подъ душистыми цвѣтами,

Блѣдноликая лежала,
Всѣхъ проникъ внезапный трепетъ:
Оживленная, изъ гроба
Изолина поднялася....

Отъ безчувствія могилы
Возвратясь незапно къ жизни,

Въ гробовой она одеждѣ,
Какъ въ уборѣ брачномъ, встала;

И не зная, что̀ съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
„Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?...“

Такъ, пропѣлъ онъ, твой Алонзо!
Но ему не пѣть ужъ болѣ:
Пробудивъ тебя изъ гроба,
Самъ заснулъ онъ, и на вѣки.

Тамъ, въ странѣ преображенныхъ,
Ищетъ онъ свою земную,
До него съ земли на небо
Улетѣвшую подругу....

Небеса кругомъ сіяютъ,
Безмятежны и прекрасны....
И надеждой обольщенный,
Ихъ блаженства пролетая,

Кличетъ тамъ онъ: Изолина!
И спокойно раздается:
Изолина! Изолина!
Тамъ въ блаженствахъ безотвѣтныхъ.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Снова геній жизни вѣетъ,
Возвратилася весна,
Холмъ на солнцѣ зеленѣетъ,
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ.
Все цвѣтетъ. Лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ее искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи.
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;

А подземной тьмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ брега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ....
Тамъ она! Неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится,
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ.
Тьма дорогъ туда низводитъ,
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.

Сколь завидна мнѣ печальной
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной
Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,

Что̀ усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ....
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать.

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! Стонъ напрасный!
Все однимъ путемъ небесъ
Ходитъ Геліосъ прекрасный;
Все на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ.

Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,
Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?..
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губитъ нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ желтѣя,
И лѣса обнажены:

Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю
Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна,
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена;
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тьмы съ страною дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;

И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины.
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

О, привѣтствую васъ, чада
Разцвѣтающихъ полей!
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей.
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой.
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

СУДЪ БОЖІЙ

НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ;
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ:
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпою голодный и нищій
Въ двери епископа, требуя пищи.
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ;
Общей бѣдою не тронулся онъ.

Слушать и вопли ему надоѣло.
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.

„Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда;
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.“
Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости.
Старый, огромный сарай отворенъ:
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.

Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края...
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ.

Глядя епископъ на пепелъ пожарный,
Думаетъ: „Будутъ мнѣ всѣ благодарны!
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей.“

Въ зáмокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,

Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ,
Такъ что холстины и признака нѣтъ.

Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ..
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
„Наша округа мышами полна,
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна."

Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
„Богъ на тебя за вчерашнее дѣло!
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ."

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземной.
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ:
„Въ Реинской башнѣ спасусь!" говоритъ.

Башня изъ Реинскихъ водъ подымалась;
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.

Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ и мчится
Вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ.
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.

Стѣны изъ стали казалися слиты,
Были рѣшотками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный сводъ,
Дверью желѣзною запертый входъ.

Узникъ не знаетъ, куда пріютиться.
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.

Смотритъ онъ... кошка сидитъ и мяучитъ.
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ.
Мечется кошка; невесело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.

Палъ на колѣна епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;

Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что̀ тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?

Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили.
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ...
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

КУБОКЪ.

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой,
Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
Бросаю мой кубокъ туда золотой.
Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
Тому онъ и будетъ наградой побѣдной.“

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы,
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы,
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?“

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ.
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;

Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасной?"

И всѣ безотвѣтны... Вдругъ пажъ молодой
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
Ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?"

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину;
И волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ.
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло;
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева,
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!"
Все тише и тише на днѣ ея воетъ....
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

„Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что̀ скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

„Немало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...“
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ;
Волна за волною, и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...
И видятъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый, съ весельемъ, „онъ живъ!“ повторялъ.
„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной,
Спасъ душу живую красавецъ отважной.“

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой.
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда.
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись.
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

„Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда...
И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ:
Изъ трещины камня лилася вода.
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

„Но Богу молитву тогда я принесъ,
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ.
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ.
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

„И смутно все было внизу подо мной
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

„Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ:
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіена морская.

„И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далеко;
Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

„И я содрогался... Вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!..
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ.“

Чудесенъ разсказъ показался царю.
„Мой кубокъ возьми золотой.
Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
Въ которомъ алмазъ дорогой,
Когда ты на подвигъ отважишься снова
И тайны всѣ дна перескажешь морскова."

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова."

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты.
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
Когда съ нимъ воротишься ты;
И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
Заступница, будетъ твоею женою."

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ...
Онъ видитъ: краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ: въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно;
А юноши нѣтъ и не будетъ ужъ вѣчно.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ.

Онъ былъ весной своей
Въ Землѣ Обѣтованной,
И много славныхъ дней
Провелъ въ тревогѣ бранной.

Тамъ вѣтку отъ святой
Оливы оторвалъ онъ;
На щлемъ желѣзный свой
Ту вѣтку навязалъ онъ.

Съ невѣрнымъ онъ врагомъ,
Нося ту вѣтку, бился,
И съ нею въ отчій домъ
Прославленъ возвратился.

Ту вѣтку посадилъ
Самъ въ землю онъ родную,
И часто приносилъ
Ей воду ключевую.

Онъ сталъ старикъ сѣдой,
И сила мышцъ пропала;
Изъ вѣтки молодой
Олива древомъ стала.

Подъ нею часто онъ
Сидитъ уединенный.
Въ невыразимый сонъ
Душею погруженный.

Надъ нимъ какъ другъ стоитъ,
Обнявъ его сѣдины,
И вѣтвями шумитъ
Олива Палестины.

И, внемля ей, во снѣ
Вздыхаетъ онъ глубоко
О славной старинѣ
И о землѣ далекой.

БРАТОУБІЙЦА.

На скалѣ приморской, мшистой,
Тамъ, гдѣ берегъ грозно дикъ,
Богоматери Пречистой
Чудотворный зрится ликъ.
Съ той крутой скалы на воды
Матерь Божія глядитъ,
И пловца отъ непогоды
Угрожающей хранитъ.

Каждый вечеръ, лишь молебный
На скалѣ раздастся звонъ,
Гласъ отвѣтственный, хвалебный
Возстаетъ со всѣхъ сторонъ:
Пахарь пѣньемъ освящаетъ
Дня и всѣхъ трудовъ конецъ,
И на палубѣ читаетъ
„Ave Maria“ пловецъ.

Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ.
Солнце радостно и ярко,
Бездна водъ свѣтла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

Всѣ пути кипятъ толпами,
Все блеститъ вблизи, вдали;
Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И въ одинъ сліявшись крестной
Богомольно-шумный ходъ,
Вьется лѣстницей небесной
По святой скалѣ народъ.

Сзади въ грубыхъ власяницахъ,
Слезы тяжкія въ очахъ,
Блѣдный постъ на мрачныхъ лицахъ,
На главѣ зола и прахъ,
Идутъ грѣшные въ молчаньи.
Имъ съ другими не вступить
Въ храмъ святой; имъ въ покаяньи
Передъ храмомъ слезы лить.

И отъ всѣхъ другихъ далеко
Мертвецомъ бредетъ одинъ:
Щеки впалы, тускло око,
Полонъ мрачный лобъ морщинъ;
Изъ желѣза поясъ ржавый
Тѣло чахлое гнететъ,
И, къ ногѣ прильнувъ кровавой,
Злая цѣпь ее грызетъ.

Брата нѣкогда убилъ онъ.
Изломавъ проклятый мечъ,
Сталь убійства обратилъ онъ
Въ поясъ; латы скинулъ съ плечъ.
И въ оковахъ, какъ колодникъ,
Бродитъ онъ съ тѣхъ поръ и ждетъ,
Что какой-нибудь угодникъ
Чудомъ цѣпь съ него сорветъ.

Бродитъ онъ бездомный странникъ,
Бродитъ много, много лѣтъ;
Но прощенія посланникъ
Имъ не встрѣченъ: чуда нѣтъ.
Смутенъ день, безсонны ночи,
Скорбь съ людьми и безъ людей;
Видъ небесъ пугаетъ очи;
Жизнь страшна, конецъ страшнѣй.

Вотъ, какъ бы дорóгой терній,
Тяжко къ храму всходитъ онъ.
Въ храмѣ всѣ молчатъ, вечерній
Внемля благовѣста звóнъ.
Сталъ онъ въ страхѣ предъ дверями.
Дѣвы ликъ сквозь ѳиміамъ
Блещетъ, обданный лучами
Дня, сходящаго къ водамъ.

И окрестъ благоговѣнья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинствомъ Успенья
Вся земля еще полна.
И на облакѣ сіяетъ
Возлетѣвшей Дѣвы слѣдъ,
И Она благословляетъ,
Исчезая, здѣшній свѣтъ.

Всѣ пошли назадъ толпами.
Но преступникъ не спѣшитъ
Имъ во слѣдъ; передъ дверями
Блѣденъ ликомъ онъ стоитъ.
Цѣпи все еще вкругъ тѣла,
Ими сжатаго, лежатъ;
А душа ужъ улетѣла
Въ градъ свободы, въ Божій градъ.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ
И пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей,
Жестокія нравы смягчила,
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ Номадъ скитался
И поля опустошалъ;

Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ....
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ ихъ брегамъ!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать-Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины.
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ:
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ,
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ,
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

„Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ

Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенье
Узникъ брошенный, страдалъ?

„Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать, къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла!
Знать, одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла!

„Чтобъ изъ низости душею
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай какъ движетсяподъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.“

И мгновенно разступилась
Тьма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей.

Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражьихъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: „Богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ.
Чистымъ чистое угодно;
Даръ, достойнѣйшій небесъ:
Нивы колосъ первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ.“

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка.
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ злáтыя
Волны, зыблются поля.

Ихъ она благословляетъ,
И, колосья въ снопъ сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: „Прими даянье,
Царь-Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, не знающихъ тебя:
До поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя.“

Чистой жертвы не отринулъ
На Олимпѣ царь-Зевесъ.
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился,
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей.
Упали во прахъ передъ дивной Церерой;
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.

Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье;
И съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Пріемлютъ ея поученье

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ.
И Ѳемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставитъ грани юныхъ, жатвой,
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ.
Богъ, ремеслъ изобрѣтатель:
Онъ людей дружитъ съ огнемъ,
Учитъ ихъ владѣть клещами,
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ
И искусными руками
Первый плугъ имъ создаетъ.

И во слѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ,
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:

Чтобъ пріютно-безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ.
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ.
Цѣпью смѣрена равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвитъ,
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.

Мчатся нимфы-Ореады
(За Діаной по лѣсамъ,
Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ по холмамъ,
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ,
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаетъ
Богъ, осокою вѣнчанный,
И тяжелый строитъ плотъ;

И, сіяя, низлетаютъ
Оры легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Посидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земнаго онъ;
И въ рукѣ своей громаду,
Какъ песчинку, онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ;
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно-мѣрный звонъ.
И веселыя Камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поютъ,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творитъ рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ;
Держатъ петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ;

И чудесное творенье
Довершаетъ, въ честь богамъ,
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ—великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмѣ дѣву красоты;
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирляндою цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ боги за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ.
Въ храмѣ Зевсовомъ царица,
Мать Церера тамъ стоитъ,
Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

„Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
Правитъ всѣмъ свободно богъ.
Ихъ законъ—законъ природы.
Человѣкъ, пріявъ въ залогъ

Зоркій умъ—звѣно межъ ними—
Для гражданства сотворенъ:
Здѣсь лишь нравами одними
Можетъ быть свободенъ онъ".

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ,
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте,
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте.
Всю землю богинінъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ Русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей Италійскихъ,
Встаютъ съ Африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.

И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой.
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фрунту.
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею,
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками.

И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ;

И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ.
И Франція—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—Святая Елена.
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ императоръ усопшій.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ НИКОЛАЕВНЫ.

Съ полудороги прилетѣлъ ты
Обратно, чистый ангелъ, къ намъ.
Вблизи на небо поглядѣлъ ты,
Но не забылъ о насъ и тамъ.

Отъ насъ тебя такъ нѣжно звали
Небесныхъ братьевъ голоса;
Тебя принять ужъ отверзали
Свою святыню небеса.

И намъ смотрѣть такъ страшно было
На измѣнившійся твой видъ!
Намъ горе сердца говорило:
Онъ улетитъ! Онъ улетитъ!

И ужъ готовъ къ отлету былъ ты,
Ужъ на землѣ былъ не-земной;
Ужъ все житейское сложилъ ты,
И полонъ жизни былъ иной.

Ужъ ты летѣлъ, ужъ ты стремился,
Преображенный, къ небесамъ....
Скажи же, какъ къ намъ возвратился?
Какъ небомъ былъ уступленъ намъ?

Къ предѣламъ горнимъ подлетая,
Ты вспомнилъ о друзьяхъ земли,
И до тебя въ блаженства рая
Ихъ воздыханія дошли.

Любовь тебя остановила:
Сильнѣй блаженствъ была она;
И рай душа твоя забыла,
Страданьемъ нашихъ душъ полна.

И жизнь теперь межъ насъ иная
Начнется, ангелъ, для тебя;
Ты заглянулъ въ святыни рая,
Но землю избралъ самъ, любя.

И чище будетъ жизнь земная,
Съ тобой, нашъ другъ, намъ данный вновь:
Ты къ намъ принесъ съ собой изъ рая
Надежду, вѣру и любовь.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ УНДИНЫ.

1.

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.

Оно прошло то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ.

Но о мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

*

2.

Разсказъ Ундины.

Слушай. Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ Саламандры,
Чудныя, рѣзвыя, легкія; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые Гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонкохрустальными сводами: небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ, и небесныя звѣзды туда проницаютъ.
Тамъ, на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ, пурпуромъ яркимъ,

Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ. Многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебраныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую — когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ — повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину.....

Видомъ наружнымъ мы тоже, что люди, быть можетъ и лучше
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми: покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ. Изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше
Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ.
Веселы мы, и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все однако стремимся возвыситься. Такъ и отецъ мой,
Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую

Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею
и горе
(Всѣхъ одаренныхъ душею удѣлъ) меня не ми-
нуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ
только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, ми-
лый, отнынѣ
Я съ душею навѣки. Тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе. Что бу-
детъ
Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но
обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла. Теперь ты
Знаешь все, и если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на про-
тивный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ—онъ мой дядя.
Издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь,
какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ. Онъ си-
ленъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ.
Принесъ онъ

Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу пріявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.

3.

Струй.

Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую робкую всадницу, справа
Стараго патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ

Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ,
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ; лицо закрывалось какимъ-то
Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали. И онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни идти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: „Ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ.
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ

Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ"... — Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ. —„А ты кто, когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на распросы?" сказалъ незнакомецъ.
—Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пустыни.—„Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель.
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю, и все тутъ. Однако
Нужно мнѣ кое-что молвить этой красавицѣ". Съ этимъ
Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскорѣе

Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь. — „О! о! да какая жъ
Замужемъ стала она спѣсивая! Съ нами роднею
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла!“— Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ. Ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею. —
„Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ: иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ. И конечно
Былъ я въ лодкѣ; а въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ“. — Ундина и рыцарь при этомъ

Слов взглянули на патера: шелъ онъ, какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна; оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни!—Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула. Рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлестнулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался. Рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: Я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится; лѣсной водопадъ былъ такъ близко, и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ, и какъ будто
Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно

Вотъ что шепталъ водопадъ: „Ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои. Но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну“.... И волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ, и вышли въ поле они: тамъ имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

4.

О томъ какъ ѣздили въ Вѣну.

Наши путники весело плыли въ первые дни по Дунаю.
День ото дня рѣка становилася шире, и виды
Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ— и на самомъ
Чудно-прелестномъ мѣстѣ — открылъ свои нападенья
Бѣшеный Струй. То были сначала простыя помѣхи

(Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отвсюду, мѣняясь,
Дулъ и судно качалъ); но Ундина, одною угрозой,
Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и въ воды, смиряла
Силу врага. То было однако не надолго: снова
Онъ гомозился, и снова Ундина его унимала.
Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась вовсе.
Въ тоже время, гребцы, дивися тому, что̀ въ глазахъ ихъ
Дѣлалось, между собою часто шептались и скоро
Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и робкимъ
Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумавшись грустно,
Самъ про себя говорилъ: Таково-то бываетъ, какъ скоро
Здѣсь неровные сходятся; худо, если вступаетъ
Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой водяною.
Вотъ что однако себѣ въ утѣшенье твердилъ онъ: Вѣдь прежде
Самъ я не вѣдалъ, кто она; правда, тяжко порою

Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни; но мое
здѣсь
Горе, вина жъ не моя. Хотя иногда и вливалъ онъ
Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ раз-
сужденьемъ,
Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ
Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То
слишкомъ,
Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость
угрюмый
Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная стра-
хомъ,
Горемъ и тщетной борьбой съ необузданнымъ
Струемъ, присѣла
Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плы-
вущей
Лодки ее укачало: она погрузилась въ глубокій
Сонъ. Но едва на мгновенье одно успѣли за-
крыться
Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ каждымъ
изъ бывшихъ
Въ лодкѣ, въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ, по-
явилась,
Вынурнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ рас-
творенными зубастымъ

Ртомъ и кривлялась, выпучивъ страшно глаза.
Закричали
Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій
Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ
крикомъ:
Здѣсь! Сюда посмотри! И изъ каждой волны соз-
далася
Вдругъ голова съ ужаснымъ лицомъ, и поверх-
ность Дуная
Вся какъ будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла,
шипѣла,
Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и вмигъ при
воззрѣньи
Гнѣвномъ ея пропали страшилища всѣ. Но ры-
царь ужасно
Былъ раздраженъ. Съ умоляющимъ взглядомъ Ун-
дина сказала:
„Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты"!—
Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. „Другъ мой",
шепнула
Снова Ундина, „не лучше ль намъ далѣ не ѣздить?
Не лучше ль
Въ за̀мокъ Рингштетенъ обратно отправиться?
Въ за̀мкѣ

Будемъ спокойны“.—„И такъ“, проворчалъ нахмурившись рыцарь,
„Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я жить, какъ невольникъ!
Только до тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ, пока на колодцѣ
Будетъ камень! Чтобъ этой проклятой роднѣ....“ Но Ундина
Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчалъ онъ, вспомнивъ о данномъ
Имъ обѣщаньи Ундинѣ. Въ эту минуту Бертальда,
Въ мысляхъ о томъ, что̀ дѣлалось съ ними, сидѣла на краѣ
Лодки и въ воды глядѣла; сама того не примѣтивъ,
Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ
Рыцаря; имъ водила она по поверхности ровныхъ
Водъ, любуясь, какъ будто сквозь сонъ, сверканьемъ жемчужныхъ
Зёренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ орумяненной, влагѣ.
Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро пропалъ съ нимъ.

Вскрикнула громко Бертальда, и хохотъ пронзительный грянулъ
Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь
Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ въ изступленьи и въ рѣку
Началъ кричать, вызывая на битву съ собой всѣхъ подводныхъ
Демоновъ, Никсъ и Сиренъ; а Бертальда своимъ безутѣшнымъ
Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь, окунула
Руку въ прозрачныя волны, и что-то надъ ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопотъ, Гульбранду
Голосомъ нѣжнымъ твердя: „Возлюбленный, милый, подумай,
Гдѣ мы! Брани ихъ, какъ хочешь; со мной же ни слова; ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь!“ — И рыцарь,
Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ. Вдругъ Ундина
Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней ожерѣлье

Было изъ чудныхъ кораллов; своимъ очарованнымъ блескомъ
Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдѣ:
„Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки мнѣ прислали,
Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми же, и полно
Плакать“. — Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней, ожерелье
Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ: „Ты съ ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! Пропади ты
Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ своею роднею!
Сгинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ въ покоѣ!“.... Съ рукою
Все еще поднятой вверхъ, какъ держала она ожерелье,
Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина его слова роковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который

Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: „Ахъ, мой сладостный другъ! Ахъ, прости невозвратно!
Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ было мнѣ можно
Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ; отсюда
Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь.... О мой милый,
Что ты сдѣлалъ! Ахъ, что ты сдѣлалъ! о горе! о горе!“....
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку ускользнула.
Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася,
Въ лодкѣ никто не примѣтилъ; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Слѣда не оставивъ, въ Дунаѣ
Вся распустилась она. Но долго мелкія струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и въ слухъ доходили
Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣренъ! о горе!....

Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и обморокъ
сильный
Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелыя муки.

5.

О томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ.

Было время межъ утра и ночи, когда на постели
Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Уже забы-
ваться
Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ, невидимкой,
ужасное что-то
Стало; и онъ очнулся, какъ будто услышавъ ка-
кой-то
Голосъ, шепнувшій: къ тебѣ подошелъ посѣтитель
безплотный.
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе проснуться; но
вотъ онъ услышалъ
Снова, какъ будто надъ нимъ и подъ нимъ лебе-
диныя крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли. И онъ, утомлен-
ный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на по-
душку.
Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и
началъ

Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный шумъ лебединыхъ
Крыльевъ — крыльями сталъ, что будто его подхватили
Эти крылья и съ нимъ надъ землей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стенаніемъ. „Стонъ лебединый!
Звонъ лебединый! (себѣ непрестанно твердилъ поневолѣ
Сонный рыцарь) Вѣдь онъ предвѣщаетъ намъ смерть“. И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись, Средиземное море!
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину. Подъ свѣтлымъ, кристальнымъ
Сводомъ сидѣла она и плачала горько; и было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужъ Ундина

Это была, съ которою, вѣ прежнее время, такъ
счастливъ
Былъ онъ въ зàмкѣ Рингштетенѣ: очи, столь яс-
ныя прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болѣзненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, каза-
лось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней —
рыцарь увидѣлъ —
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что такъ
безутѣшно
Плакала: тутъ Ундина съ такимъ повелительнымъ
видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто сму-
тился. „Хотя я
Здѣсь подъ водами живу“, сказала она, „но съ со-
бою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько
Плачу, того тебѣ никогда не понять. Но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу“. Струй, покачавъ головою съ со-
мнѣньемъ,
Началъ о чемъ-то думать, потомъ сказалъ: „Ты,
какъ хочешь,
Чванься своею живою душею, но все ты подъ
властью

Нашихъ стихiйныхъ законовъ, и все ты обязана строгiй
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится снова". — „Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ", отвѣчала Ундина, „и грустнымъ
Сердцемъ любитъ меня". — „Вдовецъ, я не спорю", со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; „но онъ и женихъ, а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство, сама ты
Знаешь какое—смерть!"—„Но знаю и то, что не можно
Въ зàмокъ Рингштетенъ войти мнѣ", сказала съ улыбкой Ундина:
„Камень лежитъ на колодцѣ". — „А если онъ выйдетъ изъ зàмка?"
Струй возразилъ. „А если велитъ онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ". — „Для того-то",

Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, „и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго моря, и слышитъ
Сонный все то, что̀ мы съ тобой говоримъ; я нарочно
Это устроила такъ, чтобъ онъ остерегся“. Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыркнулся
Въ волны, и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,
Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ надъ водами,
Будто на за̀мокъ Рингштетенъ слетѣлъ, и будто проснулся.

6.

О томъ, какъ рыцарь праздновалъ свадьбу.

Рано гости оставили за̀мокъ, и каждый съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ къ себѣ. Молодая

Также къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ новобрачной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертальда велѣла подать дорогіе
Перстни, жемчужныя нитки и платья, рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренныя; стала примѣривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою.
Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертальда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала: „Ахъ, Боже! Какая досада!
Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а можно бъ
Тотчасъ согнать ихъ; стоило бъ только водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ, еслибъ мнѣ нынче жъ хоть кружку
Этой воды достали!“—„О чемъ же тутъ думать?“ сказала
Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ. — „Неужто успѣетъ
Эта проказница камень поднять!“ съ довольной усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро

Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами къ колодцу бѣжали
Люди.... Съ отверстія камень
Самъ собой подымался; безъ всякой помоги свободно
Сдвинулся онъ, и со стукомъ глухимъ откатясь, повалился.
Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключемъ показалось оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медлительно, шагомъ воздушнымъ
Прямо къ замку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали
Прочь отъ колодца....
Тою порою чудесная гостья приблизилась къ двери
Зåмка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла.... О, такою ль бывало
Здѣсь видали ее? Въ то время еще нераздѣтый

Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь.... такъ точно, бывало, стучалась Ундина.
„Все это призракъ! (сказалъ онъ). Пора мнѣ въ постелю“.—„Въ постели
Будешь ты скоро, но только въ холодной“, шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ. И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.
„Камень съ колодца сняли“, она промолвила тихо;
„Здѣсь я, и долженъ теперь умереть ты“. Холодъ по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала....
И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,

Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ будто
Выплакать душу хотѣла. И быстро, быстро ліяся,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ складкой
Болью къ нему заливалися въ грудь, пока напослѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье, и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
„Я до смерти его уплакала!“ встрѣченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ,
Воздушнымъ шагомъ по двору, мимо Бертальды, мимо стоявшихъ
Въ страхѣ работниковъ, прямо прошла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину и пропала.

7.

О томъ, какъ рыцарь былъ погребенъ.

....Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Всходила. Съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи,

Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупившій голову. Страхомъ проникнутъ былъ каждый
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,
Пятились, такъ что порядокъ хода разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незваннаго вывесть изъ ряду:
Но, отъ нихъ ускользнувши какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ напослѣдокъ онъ, мало по малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ
Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
Не былъ и сзади пошелъ смиренно-печальный.

....Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю началъ молитву свя-
щенникъ,
Стала вдова на колѣна, и стали всѣ на колѣна,
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь.
Когда же
Снова всѣ встали.... ужъ бѣлый образъ пропалъ,
а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣнахъ, сквозь травку со-
чился прозрачный
Ключъ; серебристо віясь, онъ впередъ пробирался,
покуда
Всей не обвилъ могилы: тогда ручейкомъ побѣ-
жалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней до-
лины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать;
долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ
Ундина.

ИЗЪ ПОЭМЫ: АГАСѲЕРЪ.

1.

....Передо мною все
Рождалося и въ часъ свой умирало:
День умиралъ въ зарѣ вечерней, ночь
Въ сіяньи дня. Сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало!
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ,
Когда съ деревьевъ падалъ листъ; все, въ чемъ
Я видѣлъ знаменіе смерти, было
Мнѣ горькой сладостью; одна лишь смерть —
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть —
Всему, что̀ жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть.

2.

Тогда былъ вѣкъ Траяна. Въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:

Бой гладіаторовъ и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву Ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ — и что моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ! Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили,
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь

Отверстый входъ амфитеатра старецъ
Игнатій и съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ,
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги.
Потомъ они, прижавъ ко груди руки:
Тебя [запѣли тихо] Бога хвалимъ,
„Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ!“...
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался...
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря.... Онъ уже кидался къ намъ
Прыжками быстрыми черезъ арену.
Но старецъ, кротко въ сторону меня
Рукою отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
„Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ

Поди въ свой путь, смирись, живи и жди..."
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
Передавая...

3.

Когда я вижу старика въ послѣдней
Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;
Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда разцвѣтшую невѣсту, дочь,
Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ мракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
Когда на полѣ боя, переставъ

Терзаться въ судорогахъ смертныхъ, трупы
Окостенѣлые лежать спокойно—
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую. Она меня,
Какъ устарѣлаго скитальца память
О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами, томитъ; и слезы лью
Изъ глазъ я и завидую счастливцамъ,
Сокровище неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ.
....Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ, свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба,
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ,
Глубокое молчанье лѣса, моря
Необозримость тихая иль голосъ
Невыразимый въ бурю; горъ, потопа
Свидѣтелей, громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣніе,
Блистанье, ревъ и грохотъ водопадовъ...
О, какъ могу изобразить творенья
Все обаяніе! Среди Господней
Природы я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія въ неизреченномъ

Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой—но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,
А смиреннымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья:
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ нему горящая стремится.
Такою предъ его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи. Поэзія, земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова.
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою, и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ посреди

Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ,
И все движенье жизни скоротечной.

Цѣна **пятьдесятъ** коп.

Складъ изданія

Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175.